

Древнейшие города Беларуси

ПОЛОЦК

Древнейшие города Беларуси

ПОЛОЦК

Полоцк и Полоцкое княжество (земля)
в IX–XIII вв.

Летопись древних слоев

Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв.

Ремесло, денежное обращение
и торговые связи Полоцка
в средневековье (по данным археологии,
нумизматики и письменных источников)

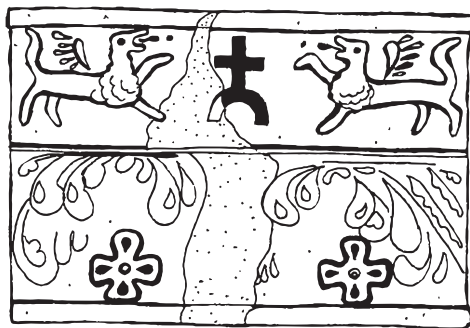
Культура и просвещение в средневековом
Полоцке

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

Древнейшие города Беларуси

ПОЛОЦК

Минск
«Беларуская навука»
2012

УДК 94(476.5-21Полоцк)
ББК 63.3(4Беи)
П52

Серия основана в 2010 году

Редакционная коллегия серии:

А. А. Коваленя (гл. редактор), О. Н. Левко (зам. гл. редактора),
Э. М. Загоруйский, П. Ф. Лысенко, О. А. Макушников,
И. А. Марзалюк, А. М. Медведев, Г. В. Штыхов

Авторы:

О. Н. Левко, Г. В. Штыхов, Т. В. Габрусь, Д. В. Дук, С. В. Тарасов, А. И. Груша,
Ш. И. Бектинеев, В. А. Воронин, А. А. Скепьян, А. В. Мацук, М. В. Климов,
А. В. Войтехович, О. А. Емельянчик, А. А. Соловьев,
И. В. Магалинский, В. В. Черевко

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор О. Н. Левко

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор И. А. Марзалюк,
доктор исторических наук В. Ф. Голубев

Выпуск издания осуществлен по заказу Министерства информации Республики Беларусь и при финансовой поддержке НАН Беларуси

Издание подготовлено в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» («История, культура, общество, государство») (научный руководитель программы – доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя). Подпрограмма № 1 «История, духовная и материальная культура белорусского народа» («История и культура») (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович). Раздел 1 – «Археология, антропология, источниковедение и история Беларуси с древнейших времен до эпохи раннего Нового времени» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор О. Н. Левко)

ISBN 978-985-08-1410-4

© Институт истории НАН Беларуси, 2012
© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>О. Н. Левко</i>).....	8
Принятые сокращения	11
Историография и источники (<i>Г. В. Штыхов, С. В. Тарасов, Д. В. Дук</i>)	13
I. Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв.	36
1. У истоков Белорусской государственности	36
1.1. Кривичи-полочане и их соседи в Белорусском Подвинье и Поднепровье. Образование Полоцкого княжества (<i>О. Н. Левко</i>).....	36
1.2. Культурный слой полоцкого городища в I тысячелетии н. э. (<i>Д. В. Дук, Г. В. Штыхов, О. Н. Левко</i>)	42
1.3. Полоцкие селища (<i>Д. В. Дук, Г. В. Штыхов, О. Н. Левко</i>).....	46
1.4. Курганные захоронения полоцкой округи IX–XI вв. (<i>А. В. Войтехович</i>)	54
2. Полоцк – центр земли в XI–XIII вв.....	59
2.1. Полоцк и объединительные процессы XI–XIII вв. (<i>О. Н. Левко</i>).....	59
2.2. Полоцк – политический, социально-экономический и сакральный центр земли в XI–XIII вв. (<i>Д. В. Дук, О. Н. Левко, Г. В. Штыхов</i>)	66
2.3. Материалы застройки Полоцка XI–XIII вв. (<i>Г. В. Штыхов, Д. В. Дук</i>).....	80
2.4. Сельская округа Полоцка в XI–XIII вв. (<i>М. В. Климов</i>).....	88
II. Летопись древних слоев	113
3. Стратиграфия и хронология объектов Полоцка XI–XVIII вв.: исследования 1928–2011 гг. (<i>Д. В. Дук</i>)	113
3.1. Древний рельеф. Общая характеристика городского культурного слоя	113
3.2. Выделение вещевых комплексов и хронология культурного слоя XIV–XVIII вв.	116
3.3. Верхний и Нижний замки (археологические исследования 1957–2008 гг.).....	119
3.4. Великий посад (археологические исследования 1959–2009 гг.)	122
3.5. Заполотский посад (археологические исследования 1928–2010 гг.)	128
3.6. Левобережные посады (археологические исследования 1959–2009 гг.) ..	130

4. Изучение культовых и погребальных объектов Полоцка и его округа.	133
4.1. Археологические следы средневековых храмов и кладбищ на территории Полоцка (<i>Д. В. Дук</i>)	133
4.2. Иезуитский коллегиум (<i>А. А. Соловьев</i>)	150
4.3. Антропологический анализ погребений XVII–XVIII вв. с территории Полоцка (<i>О. А. Емельяничук</i>)	165
4.4. Погребальные памятники полоцкой округи XIII–XVIII вв. (<i>М. В. Климов, В. В. Черевко</i>)	176
III. Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв.	219
5. Полоцк – центр земли, наместничества и воеводства в XIV–XVIII вв.	219
5.1. Полоцк в составе Великого Княжества Литовского (<i>В. А. Воронин</i>)	219
5.2. Полоцк в составе Речи Посполитой (<i>В. А. Воронин</i>)	232
5.3. Магдебургское право в Полоцке в 1498–1563 гг. (<i>В. А. Воронин</i>)	237
5.4. Выборы полоцкого воеводы в XVI–XVIII вв. (<i>А. В. Мацук</i>)	245
5.5. Полоцкие сеймики 1717–1763 гг. (<i>А. В. Мацук</i>)	259
6. Социально-топографическое, планировочное развитие Полоцка и его округа в XIV–XVIII вв. по письменным и археологическим источникам.	270
6.1. Социально-топографическое и планировочное развитие замковых частей Полоцка в XIV–XVIII вв. (<i>Д. В. Дук</i>)	270
6.2. Социально-топографическая и планировочная структура полоцких посадов (<i>Д. В. Дук</i>)	275
6.3. Реконструкция размещения городских и частных юридик XVI–XVIII вв. по письменным источникам (<i>Д. В. Дук</i>)	306
6.4. Исследование оборонительных сооружений. Материалы городской застройки (<i>Д. В. Дук</i>)	309
6.5. Округа Полоцка XIV–XVIII вв. по письменным и археологическим данным: местечки, сельские поселения (<i>М. В. Климов</i>)	325
IV. Ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников).	337
7. Ремесленная деятельность горожан в XI – начале XIX в.	337
7.1. Виды и организация ремесла в XI–XVIII вв. (<i>Д. В. Дук, И. В. Магалинский</i>)	337
7.2. Железообработка (<i>И. В. Магалинский</i>)	344
7.3. Ювелирное производство (<i>И. В. Магалинский</i>)	349
7.4. Кожевенно-обувное ремесло (<i>Д. В. Дук, Г. В. Штыхов</i>)	363
7.5. Гончарное дело: посуда и бытовые предметы (<i>Д. В. Дук</i>)	365
7.6. Изразцы XIV – начала XIX в. (<i>Д. В. Дук</i>)	370
8. Роль Полоцка в торговле Подвинья.	373
8.1. Торговые пути и связи Полоцкой земли IX–XIII вв. Клады (<i>Г. В. Штыхов, Ш. И. Бектинеев</i>)	373
8.2. Полоцко-витебская денежно-весовая система XIII–XIV вв. (<i>Ш. И. Бектинеев</i>)	379
8.3. Основные тенденции торговли Полоцка во второй половине XII – XVI в. (<i>В. А. Воронин</i>)	387

V. Культура и просвещение в средневековом Полоцке	420
9. Архитектура	420
9.1. Полоцкий Софийский собор и Полоцкая школа зодчества XII в. (<i>Т. В. Габ- русъ</i>)	420
9.2. Храмовое и монастырское строительство в XIII–XVI вв. (<i>В. А. Воронин</i>) ...	437
9.3. Архитектурные ансамбли Полоцка эпохи барокко (<i>Т. В. Габрусъ</i>)	444
10. Прикладное искусство, письменность и просвещение	456
10.1. Прикладное искусство, мелкая пластика, сфрагистика в XI–XVIII вв. (<i>Г. В. Штыхов, М. В. Климов, Д. В. Дук</i>)	456
10.2. Письменная культура конца X – первой трети XVI в. (<i>А. И. Груша</i>)	468
10.3. Деятели культуры и просвещения XII–XVII вв. (<i>А. А. Скепьян</i>)	488
Заключение (<i>О. Н. Левко</i>)	517
Приложение 1. Перечень научной документации по исследованиям г. Полоцка (Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории Нацио- нальной академии наук Беларуси») (составитель – <i>О. В. Медведева</i>)	529
Приложение 2. Сведения, извлеченные из отчетов по г. Полоцку за 1928–2010 гг. (составитель – <i>О. В. Медведева</i>)	535
Приложение 3. Материалы экспозиции и фондов Национального Полоцкого исто- рико-культурного музея-заповедника и Археологической научно-музейной экспозиции Института истории Национальной академии наук Беларуси (соста- витель – <i>О. Н. Левко</i>)	543
Приложение 4. Акты Книги полоцкого магистрата за 1656–1657 гг. (состави- тель – <i>М. Ю. Гордеев</i> , подготовка к печати – <i>А. Б. Довнар</i>)	545
Литература	701

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография «Полоцк» продолжает серию фундаментальных трудов по историко-археологическому изучению древнейших городов на территории Беларуси. Выход этой коллективной работы приурочен к важнейшему событию не только в истории Полоцка, но и в истории Беларуси в целом – 1150-летию этого древнейшего города Восточной Европы и началу белорусской государственности.

Ряд обобщающих трудов отражает достижения историков советского периода и новые подходы, появившиеся на постсоветском пространстве, в изучении проблемы формирования и развития государственных образований эпохи средневековья Восточной Европы. Рассмотренные в данных исследованиях проблемы показывают, что часть вопросов нуждается в дополнительных разработках. Некоторые темы мало изучены. К ним относится становление государственности Полоцкой земли (формирование института власти, ее территориально-административное развитие, общественно-политические и экономические отношения данного региона на протяжении IX–XIII вв.). Сегодня результатов, полученных в процессе изучения этих направлений, недостаточно. В первую очередь это связано с пробелами в ряду письменных источников. Еще одним недостатком большинства имеющихся разработок является традиционно жесткая привязка развития Полоцкой земли к контексту истории Киевской Руси. Таким образом, это государственное образование эпохи раннего средневековья на территории Восточной Европы лишается своей индивидуальности и основные процессы, происходящие в нем, остаются нераскрытыми.

В настоящее время на значительно увеличившейся источниковой основе за счет притока археологической информации активно исследуется самый ранний этап формирования государственности у восточных славян. Переосмысление ряда важнейших положений, связанных с развитием раннегосударственных структур IX–XI вв. на территории Восточной Европы неизбежно приведет и к новым выводам относительно сущности территориально-административных образований XII–XIII вв., их взаимосвязи, к новому взгляду на ряд вопросов, связанных с организацией власти, ролью вече в период так называемой феодальной раздробленности.

Остается актуальным изучение процесса возникновения городов и их развития в раннем средневековье, а также изучение тех округ, центрами которых они становились. Не найдя в достаточном количестве археологических источников, подтверждающих городской статус поселения как центра ремесла и торговли, историки ищут косвенные свидетельства зарождения города (например, наличие городских посадов со значительными площадями). Стали привлекаться и иные археологические признаки города: наличие дворов знати, церквей, следов административного управления. Сейчас, когда уже имеются весомые итоги в изучении отдельных исторически сложившихся регионов, необходимо охватить весь процесс формирования раннегосударственной структуры на территории Полоцкой земли и оценить его с точки зрения историко-сравнительного анализа племенного и государственного этапов развития. Такой подход позволит по-новому показать и роль центра данного образования в изучаемый период.

Полоцк относится к городам, история исследования которых уходит своими корнями в XIX в. За такой длительный период возникло много версий, как самого происхождения города, так и его роли и значения в истории белорусских земель, а также в ранней истории Восточной Европы. Интерес к городу с яркой историей не ослабевает, наоборот результаты научных исследований по разным направлениям: история, археология, архитектура, искусство, культура начинают систематизироваться и оформляться в научные концепции. Например, ранний период существования Полоцка в качестве центра княжества, а затем земли на сегодня представлен в виде двух возможных вариантов. Один из них сформировался на основе взглядов историков и археологов советского времени на происхождение древнейших городов и представлен в многочисленных трудах и учебных пособиях. Начало Полоцку как одному из политических центров Древнерусского государства положило древнее городище племенного объединения «полочан». Однако в XI в. политический центр Полоцкой земли перенесен на территорию Верхнего замка, где кроме светской власти (княжий двор), находится Софийский собор и епископское подворье. Горожане проживают на территории, окружающей детинец и, возможно, город имеет кончанскую структуру, аналогичную Новгороду. Политическая история города развивается в русле истории Древней Руси, при этом отмечается сепаратизм полоцких князей в отношении центральной киевской власти. После смерти Всеслава Чародея, Полоцкая земля поделена между его сыновьями и участь ее в удельный период такая же, как и у других княжеств Киевского государства.

К настоящему времени благодаря большому количеству накопленных археологических источников, исследованиям в области исторического прошлого Полоцка и Полоцкой земли сформировался новый взгляд на древнейший период в истории Полоцка. Не оспаривая происхождения этого раннегосударственного центра от племенного (полоцких кривичей), приводятся доказательства нахождения княжеской резиденции и в государственный период на территории древнего городища вплоть до начала XIV в., т. е. до вхождения Полоцкой волости в состав ВКЛ. На территории Верхнего

замка с постройкой Софийского собора обосновался сакральный и административно-церемониальный центр, а полоцкому Великому посаду предшествовали окольный город X–XI вв. и обширный (до 40 га) Заполотский посад. Границы Полоцкой земли, как самостоятельного государства в Восточной Европе были обозначены в XI в. (между двумя составляющими Киевской державы: Новгородской и Киевской землями). В течение XII в. в результате охватившего всю Восточную Европу процесса феодализации, внутри Полоцкой земли последовательно образуются княжества-уделы (Минский, Друцкий, Витебский), вступающие в отношения сюзеренитета-вассалитета с соседними княжествами Киевского государства. Общие тенденции в развитии земель приводят к необратимому процессу распада раннегосударственных образований и созданию Великого Княжества Литовского и Великого Княжества Московского.

Новые разработки в области исследования истории развития Полоцкой волости в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой также включены в данный фундаментальный труд.

Безусловно, богатая событиями, история Полоцка и Полоцкой земли еще не раз найдет свое достойное отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей. Для этого существует обширная источниковая база, представленная культурным слоем Полоцка и памятниками его земли, а также многочисленными архивными материалами.

Настоящее издание – первое обобщение всех основных научных разработок, которые сделаны отечественными археологами и историками, изучающими Полоцк.

Выражаем благодарность за участие в подготовке приложений, списка литературы и оформления иллюстративного материала коллективной монографии кандидату культурологии Т. А. Джумантаевой, кандидатам исторических наук А. Б. Довнару и О. В. Медведевой, младшим научным сотрудникам Р. А. Олехнович и П. М. Кенько, художнику Г. Д. Молотковой, лаборанту I категории А. В. Пашик.

*О. Н. Левко,
доктор исторических наук,
профессор*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЗР	– Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АіНБ	– Археалогія і нумізматыка Беларусі
АН БССР	– Академия наук БССР
АНМЭ ИИ	– Археологическая научно-музейная экспозиция Института истории Национальной академии наук Беларуси
АО	– Археологические открытия
Архив ИИ РАН	– Архив Института истории Российской академии наук в Санкт-Петербурге
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСД	– Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа
БА	– Беларускі архіў
БГА	– Беларускі гістарычны агляд
БГЧ	– Беларускі гістарычны часопіс
БЭФ	– Белоруссия в эпоху феодализма
Весці АН БССР	– Весці Акадэміі навук БССР
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ВКЛ	– Великое Княжество Литовское
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік
ГАППЗ	– Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі
ГИМ	– Государственный исторический музей
ИАПЗ	– История и археология Полоцка и Полоцкой земли
ИЮМ	– Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Сазонова
ІГ НАНБ	– Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
ИИ НАНБ	– Институт истории Национальной академии наук Беларуси
КСИА РАН	– Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАБ	– Матэрыялы па археалогіі Беларусі
МДУ	– Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НГМБ	– Нацыянальны гістарычны музей Беларусі
НИАБ	– Национальный исторический архив Беларуси
НПГКМЗ	– Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік
НПИКМЗ	– Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник

ОРБАН Литвы	– Отдел рукописей библиотеки Академии наук Литвы
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПГКБ	– Помнікі гісторыі і культуры Беларусі
ПГУ	– Полоцкий государственный университет
ПКВГ	– Памятная книжка Витебской губернии
ПС	– Погодинское собрание
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге
РИБ	– Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею
РЛА	– Русско-ливонские акты
РНБ	– Российская национальная библиотека в Петербурге
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
СИРИО	– Сборник императорского исторического общества
AaA	– Acta Archaeologica Albaruthenica
AGAD	– Archiwum Główne Akt Dawnych
AP	– Archiwum Państwowe
APP	– Archiwum Publiczne Potockich
APR	– Archiwum Potockich z Radzyna
AR	– Archiwum Radziwiłłów
AZS WKL	– Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego
BCz	– Biblioteka książąt Czartoryskich
Biblioteka PAN PAU	– Biblioteka Polskiej akademii nauk i Polskiej akademii Umiejętności
BN	– Biblioteka Narodowa
CPH	– Commentarii Polocenses Historici
KDKDW	– Kodeks Dyplomatyczny katedry i Diecezji Wileńskiej
LECUB	– Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten
LM	– Lietuvos Metrika
LMAB	– Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka
Lietuvos VVA	– Lietuvos Valsts Valstibės Archivs
LVIA	– Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas
LVVA	– Latvijas Valsts Vestures Archivs
MK	– Metryca Koronna
PSB	– Polski Słownik Biograficzny
ZMRP	– Zbiór materiałów różney prowincji

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

(Г. В. Штыхов, С. В. Тарасов, Д. В. Дук)

Полоцк в свете летописных данных. Полоцк (Полотеск, Полотьск, Полтеск) впервые упоминается в «Повести временных лет» под 862 годом в связи с раздачей Рюриком городов своим вассалам (дружинникам). В Лаврентьевской летописи сказано: «И приа власть Рюрикъ, и раздая мужемъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бело-озеро. И по темъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници... въ Полотьски кривичи...». По варианту этого рассказа в Ипатьевской летописи, Рюрик раздавал упомянутые «волости и города рубити». Здесь летописец не отделяет волостей от городов, строительство которых приписывает мужам Рюрика. Однако в обоих вариантах говорится, что первые поселенцы в Полоцке – это кривичи, а варяги – пришлые. Иными словами, основали город кривичи. Варяги хорошо знали Полоцк и неоднократно в нем были как «гости» (купцы). В скандинавских сагах о Полоцке говорится как о сильном владении, имевшем своего князя Паллтеса.

Город возник на р. Полота, отсюда и его название. С наименованием этой реки, притока Западной Двины, связывает древнерусский летописец также происхождение названия «полочане», обозначая население в Подвинье, образовавшее самостоятельное племенное «княженъе». В действительности же «полочане» – западная ветвь кривичей (полоцкие кривичи) и название это происходит от Полоцка, их главного племенного центра. Полоцкие кривичи сформировались в VIII–IX вв. в результате расселения славян на территории, занятой балтами [Очерки по археологии Белоруссии, 1972, ч. 2, с. 24–26].

К 865 г. относится отрывочное сообщение Никоновской летописи: «воеваша Аскольд и Диръ полочанъ и много зла сътвориша». Б. А. Рыбаков видит в этом отзвук сообщения утраченного первоначального летописного повествования Нестора о том, как киевский князь посылал войско наперерез варяжским отрядам в Полоцк и к кривичам [Рыбаков, 1963, с. 294]. В «Повести временных лет» Полоцк назван среди городов, где «седаху велиции князи под Олгом сущее», дружины которых участвовали в его походе на Царьград (907 г.). Эти «великие князья», вероятно, потомки местных

княжеских родов. Однако Б. Д. Греков выражает сомнение по поводу участия Полоцка в этом походе и считает, что «Полоцк был присоединен к владениям киевского князя, по-видимому, только при Владимире I, в 980 году» [Греков, 1953, с. 295–296].

По мнению А. А. Шахматова, это произошло в 970 г. [Шахматов, 1908, с. 249–251]. В Полоцке самостоятельно княжил Рогволод, который «пришел из заморья». Его выдающееся положение среди других князей летописец характеризовал так: «...держащую и владеющую и княжащую Полотьскую землю». Рогволод погиб в столкновении с Владимиром Святославичем (фото 1). Победитель взял себе в жены дочь Рогволода Рогнеду и поставил под контроль Полоцк, став киевским князем. Непокорная Рогнеда покушалась на жизнь Владимира, но неудачно. Киевский князь, посоветовавшись с боярами, решил «воздвигнуть отчину» Рогнеды, куда она была отправлена со своим сыном Изяславом Владимировичем, ставшим основателем новой династии полоцких князей. Умер Изяслав в 1001 г., годом позже Рогнеды.

В 1021 г. полоцкий князь Брячислав Изяславич совершил поход на Новгород, взял его и захватил там множество пленных и большую добычу. На обратном пути он был разбит киевским князем Ярославом. Последовавшие за этим события более поздние летописи (Тверская, Софийская первая, Новгородская четвертая, Никоновская) передают так: «призва к себе (Ярослав. – *Авт.*) Брячислава, и дасть ему два города Вьсвячь и Видбеск, и рече ему: «буди же с мною заодин». И оттоле Брячислав вьеваше с великим князем Ярославом вся дни живота своего; бе бо Ярославу братаничь» [ПСРЛ, 1863, т. 15, стб. 134]. Вероятно, Брячислав участвовал в походе Ярослава на ятвягов в 1038 г. и на Литву в 1040 г. [Насонов, 1951, с. 154].

После смерти Брячислава в 1044 г. полоцким князем стал его сын Всеслав, прозванный за находчивость и отвагу Чародеем [История СССР ... , 1966, т. 1, с. 540, 541, 598]. В его княжение события развивались особенно бурно. В 1065 г. он напал на Псков, но отступил от города «ничтоже успев». Через год пошел войной на Новгород, занял его, ограбил и сжег. В ответ на это сыновья киевского князя Ярослава Изяслав, Всеволод и Святослав разгромили Менск. 3 марта 1067 г. в ожесточенной битве на Немиге они одержали победу над Всеславом, а позже вероломно захватили его в плен и заточили в Киеве в темницу. В 1068 г. Всеслав был освобожден взбунтовавшимися жителями города и провозглашен великим князем киевским. Но вскоре он был вынужден возвратиться в Полоцк. Киевский князь Изяслав Ярославич двинулся в поход на Всеслава. На полоцкий престол был посажен Мстислав Изяславич, а затем его брат Святополк. Всеслав из племен води набрал войско и появился под стенами Новгорода в 1069 г., однако потерпел поражение.

В 1071 г., как сообщает «Повесть временных лет», Всеслав «выгна Святополка ис Полотьска» и вернул себе полоцкий престол при поддержке местного боярства и горожан. Тогда Изяслав направил против неукротимого Всеслава своего сына Ярополка, которому удалось разбить полочан у Голотическа. Примерно с 1077 г. в борьбу с Всеславом Полоцким активно

включился Владимир Мономах. В своем «Поучении» он говорит, что ходил «со отцем под Полтеск», но неудачно, так как через год Мономах совместно со Святополком совершил второй поход на город. В ответ Всеслав напал на Смоленск и сжег его. Тогда Владимир Мономах еще раз жестоко опустошил Полоцкое княжество, «пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожска, та на Дрютьскъ воюя...». Около 1084 г. Мономах взял и разрушил Минск [ПВЛ, 1950, ч. 2, с. 443].

Княжеские усобицы, в которых полоцкие князья играли далеко не последнюю роль, – типичное явление зарождающейся феодальной эпохи. Полоцкие князья настойчиво стремились расширять свои владения, в первую очередь за счет территорий, издавна заселенных кривичами. Поэтому междоусобицы приобретали окраску борьбы за главенство Полоцка над кривичскими землями. Постоянно растущая тенденция Полоцка к обособлению и периодическое стремление киевских князей поставить его в зависимость от Киева приводили к военным столкновениям. Длительность и упорность борьбы свидетельствует, что в ней полоцкие князья имели достаточно широкую экономическую и социальную базу.

После смерти Всеслава (1101 г.) Полоцкая земля стала распадаться на уделы, принадлежащие его сыновьям, которые затем стали наделять «волостями» своих детей. Однако престол в Полоцке считался главным, и этот город продолжал оставаться ведущим в политической структуре Полоцкой земли.

В 1102 г., как пишет В. Н. Татищев, «Борис Всеславич Полоцкий ходил на ятвяг, и победа их, возвратясь, поставил град Борисов в свое имя, и людьми населил». О Давиде Всеславиче известно, что в 1103 г. он вместе с киевскими князьями принимал участие в походе на половцев, а через год – в походе на Минск, против своего брата Глеба. В полоцкие дела вмешался сын Мономаха великий князь Мстислав Владимирович, который организовал в 1127 г. поход «на кривичи». Многочисленные дружины подчиненных Мстиславу князей ворвались «четырьмя путями» в Полоцкую землю, нацелившись на Изяславль (Заславль), Логойск, Борисов, Друцк и начали опустошать ее, продвигаясь к Полоцку. Тогда полочане, предчувствуя беду, выгнали из города княжившего там в это время Давида с сыновьями, «объявляя ему, что он неправо дал причины к войне неповинных людей разорять» [Татищев, 1963, т. 2, с. 140] и посадили с согласия Мстислава на полоцкий стол Бориса Всеславича. Вскоре, в 1128 г., князь Борис умер.

Полоцкие князья, как и прежде, не были намерены повиноваться Киеву. Они отказались принять участие в походе против половецкого хана Бонака. В. Н. Татищев приводит такой вариант ответа Всеславичей Мстиславу: «Ты с Бонаком Шолудяком, здравствуйте оба..., а мы имеем дома что делать» [Татищев, 1963, т. 2, с. 142]. В наказание за непослушание Мстислав в 1129 г. не без помощи местного боярства пленил пятерых полоцких князей, потомков Всеслава, вместе с женами и детьми и выслал их в Византию. Сам же Мстислав посадил на правление в Полоцке своего сына Изяслава, которого в 1132 г. сменил его брат Святополк Мстиславич. Однако в этом

же году Святополк был выпровожен горожанами из Полоцка. Изгнав названного им князя, полочане призвали на его место Василька (внука Всеслава). В 1139 г. из ссылки вернулись два других полоцких князя: Ростислав (сын Глеба) и Рогволод (сын Бориса).

Политическая жизнь Полоцкой земли во второй половине XII в. Была наполнена борьбой враждующих боярских группировок, сменой князей, выступлениями горожан. Представители боярских группировок стремились использовать в своих корыстных интересах вече, в котором принимали участие ремесленники и купцы. Как сообщает Ипатьевская летопись под 1151 г., полочане «яша» (взяли) правившего там в это время князя Рогволода Борисовича, сослали его в Минск и держали «в великой нужде». На полоцкий стол вместо него был посажен минский князь Ростислав Глебович. В 1159 г. Рогволод Борисович снова стал претендовать на полоцкий стол при поддержке черниговских князей. Управление Полоцком вышло из-под контроля боярской верхушки города. «И мятеж бысть велик в городе в Полчанех», – так охарактеризовал обстановку летописец. Ростислав Глебович едва не ставший жертвой заговора сторонников Рогволода Борисовича, бежал в Минск, сжигая и грабя по пути Полоцкую волость. А Рогволод Борисович вновь был приглашен на полоцкий стол в 1159 г. и занимал его до 1162 г.

События 50–60-х годов XII в. в Полоцке – типичная борьба боярских группировок в условиях чрезвычайного ослабления княжеской власти. Круговращение князей (Рогволод–Ростислав–Рогволод) являлось внешним выражением внутренней борьбы среди полоцких бояр. В 1162 г. они поспешили посадить на полоцкий стол Всеслава Васильковича (князя витебского). В 1167 г. после столкновения с Володаром Глебовичем под Витебском, куда бежал от него из Полоцка, Всеслав при поддержке со стороны Смоленска вновь утвердился в Полоцке.

В 1178 г. новгородский князь Мстислав Ростиславич задумал поход против Всеслава полоцкого, но потом согласился на мир при посредничестве смоленских князей. В последний раз о полоцком князе Всеславе Васильковиче летописи упоминают в 1180 г., а около 1186 г. Генрих Латвийский впервые сообщает о полоцком князе Владимире. Вскоре ухудшились отношения Полоцка со Смоленском, и между ними произошло вооруженное столкновение, которое закончилось в 1197 г. поражением смоленского войска под Витебском. Млоцк временно очутился в зависимости от черниговских Ольговичей. Упоминая о событиях последней четверти XII – начала XIII в.; древнерусские летописи почти не называют имен полоцких князей. М. Стрыйковский и его последователи пытались заполнить этот пробел, используя сообщение белорусско-литовских летописей [ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 232, 245, 300] об утверждении в Полоцке литовского князя Мингайло и его сына Гинвила-Бориса [Strykowski, 1846, т. 1, s. 241–242], что не соответствует действительности.

С начала XIII в. Полоцк совместно с ливами и латгалами вел упорную борьбу против вторгшихся в Прибалтику немецких крестоносцев. Несмотря

на стойкое сопротивление ливов, крестоносцы продвигались вверх по р. Западная Двина. В 1206 г. в Полоцк прибыли послы от ливов просить князя Владимира помочь изгнать из их земель ненавистных тевтонов. Войско полочан осаждало Гольм, но взять крепости не смогло и вернулось в Полоцк. В 1207 г. крестоносцы захватили Кукейнос, а в 1209 г. подчинили себе Герсике, являвшиеся оплотом полочан на западных рубежах. Полоцкий князь оказался не в силах удержать свои позиции в Восточной Прибалтике. Полоцк находился под постоянной угрозой нападения литовских князей. Кроме того, претензии смоленских князей на Полоцк отвлекали Владимира от борьбы с немецкой агрессией. В 1216 г. полоцкий князь Владимир намеревался возглавить совместный поход полочан и литвы против меченосцев, но неожиданно умер. Собранное войско «все рассеялось и вернулось в свою землю» [Генрих Латвийский, 1938, с. 61, 90, 95, 114, 167].

В 30-е годы XIII в. летописи упоминают о полоцком князе Брючиславе, которого историки считают последним представителем родословной линии полоцких Изяславичей. Брючислав выдал свою дочь замуж за князя Александра Ярославича (Невского). Свадьба происходила в Торонце в 1239 г. Политический характер этого брака очевиден. Не случайно в разгроме шведских захватчиков на Неве (1240 г.) принимали участие полочане. О полочанине Якове в источнике сказано, что он «наехав на полк с мечем и мужествовав, и похвали его князь» [ПСРЛ, 1915, т. 4, с. 224].

В 1262–1263 гг. в Полоцке княжил Товтивил, который происходил из династии литовских князей. Он принял православие, стремясь укрепиться в среде полочан. На его сестре был женат галицко-волынский князь Даниил Романович. Товтивил участвовал в походах войска Александра Ярославича против немцев. В Новгороде Товтивила называли «добрый князь Полотьской». В 1263 г. он погиб в междоусобной борьбе литовских князей [Новгородская первая летопись ... , 1950, с. 83–84]. После этого полоцким князем, видимо, был Константин, которого сменил Изяслав, о чем можно судить по торговым договорам Полоцка и Витебска с Ригой. Они княжили в Полоцке очень недолго [РЛА, 1868, с. 13].

Полоцк некоторое время находился в зависимости от великого князя литовского Войшелка. В третьей четверти XIII в. Полоцк был подчинен верховной власти рижского архиепископа, чем поспешили воспользоваться немцы. Они появились в полоцкой волости. На рубеже XIII–XIV вв. в связи с приходом к власти в Великом Княжестве Литовском новой династии ее представитель Витень окончательно подчинил Полоцк великокняжеской власти. Полочане обратились к нему с просьбой помочь им очистить свою землю от начавших внедряться на нее немцев. Полочане и литовцы уничтожили часть немцев, остальная часть спаслась бегством [Данилевич, 1896, с. 152–154]. Полоцк вошел в состав Великого Княжества Литовского как один из крупнейших его городов [Полоцк: ист. очерк, 1962, с. 16–30]. Польский хронист Ян из Чарнкова называет в 1382 г. Полоцк замком (крепостью) Белой Руси.

Картографические и изобразительные источники. К историко-картографическим документам мы относим все планы и карты Полоцка, сохранившиеся от древних времен до наших дней. Интерес представляют не только планы-схемы конца XVI в., но и конца XIX – начала XX в., и современные, потому что несут информацию по топографии городской территории, которая постоянно менялась. Особенно значительные перепланировки города происходили в наше время в связи с интенсивным промышленным и гражданским строительством, которое не всегда учитывает исторические особенности планировочно-топографической структуры города.

Древними планами Полоцка, которые дошли до нас, можно считать те, которые составил личный секретарь Стефана Батория С. Похоловицкий. Они точно датируются 1579 г. Кроме них была составлена и карта Полоцкой земли. Оба плана посвящены захвату города войсками Речи Посполитой. Это не просто планы (рисунки) города, но и размещение вокруг него королевских войск – осада Полоцка.

Изучая оба плана, следует отметить последовательность их создания. Исходя из записок Р. Гейденштейна, известно, что осада города началась после того, как был сожжен Заполотский посад [Гейденштейн, 1889, с. 58]. На плане-1 С. Похоловицкого, где город показан с северной стороны, видны все основные районы Полоцка, в том числе и Заполотье (рис. 1). Сама осада

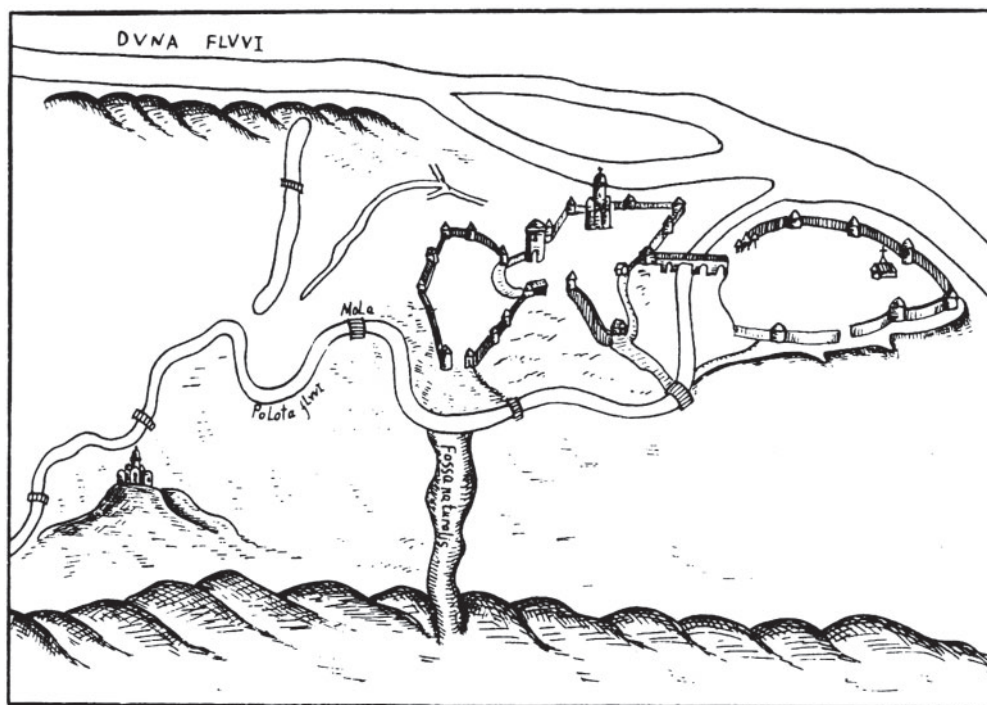

Рис. 1. Прорисовка из плана С. Похоловицкого «Осада Полоцка королем Стефаном Баторием в 1579 г.» (план-1)

на плане-1 не указана, а только определяется дислокация армии в движении походным строем. На плане-2, где панорама разворачивается с восточной стороны, на месте Заполотья видны стреляющие пушки и надпись: «Measto te spalono», что означает: этот город сожжен. Надпись соответствует описанию похода Р. Гейденштейном (рис. 2). Таким образом, надо думать, что план-1 был составлен ранее, чем план-2, во время прибытия королевского войска и его первоначальной дислокации вокруг города. В то же время план-2 был составлен незадолго до падения города 29 апреля 1579 г.

Первый план интересен, прежде всего, тем, что охватывает большую территорию вокруг города. Он известен в некоторых гравированных вариантах. Один из них приписывается Яну Баптисту, который сделал его по рисунку С. Похоловицкого. По мнению Ю. Якимовича, на одном из вариан-

Рис. 2. Прорисовка части плана «Взятие Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г.» (план-2)

тов показан Полоцк начала XVII в. [Якимович, 1991, с. 269–272]. Допуская такую возможность, все же отметим, что первоначальный рисунок отражает непосредственно осаду Полоцка 1579 г., поэтому сомневаться в объективности отражения общей топографической ситуации не приходится. Со временем в разных вариантах плана могли появиться новые детали, которые касаются прежде всего монументальных сооружений. На это обратили внимание С. Александрович, М. Ткачев, а вслед за ними и Ю. Якимович.

С географо-топографической точки зрения обращает на себя внимание точная ориентация плана по сторонам света (зритель видит его с севера) и точность в соблюдении пропорций. В то же время, если по линии север–юг изображение соответствует современному географическому расположению города, то по линии восток–запад он растянут и смещен в сторону востока, в результате чего именно в этой части плана нарушена масштабная динамика размещения топографических точек окрестностей города.

Кроме масштабного искажения изменена также и пространственная ориентация восточной части плана. Русло р. Полота, протекающей в этом месте, ориентировано почти строго на юг, в то время как на плане-1 у него юго-западное направление. В результате такого «сжатия» восточной части плана искажение коснулось и показа территории, которая присоединяется к городу с севера, где на плане-2 видно расположение литовского обоза.

Северная часть плана-1 уже не раз привлекала внимание исследователей. Здесь наиболее четко показаны холмы неясного происхождения. Было сделано предположение, что это городской курганный некрополь, относящийся ко времени существования Полоцкой земли, который не сохранился до наших дней [Штыхаў, 1963, с. 69]. Данное предположение может рассматриваться в качестве рабочей гипотезы. В северной части плана курганы показаны на опушке леса. Сейчас в этом месте лесов нет, площадь вспахана. Возможно, были вспаханы в свое время и курганы. Наиболее вероятно допустить существование указанного на плане северного городского некрополя на месте современного аэродрома в непосредственной близости к Заполотью (северо-западный угол плана-1). Помимо указанных насыпей на наличие древнего кладбища может указывать существование на этом месте почти до начала XX в. церкви св. Михаила. Аэродром же был построен в 1937 г. Возможно, тогда и были уничтожены курганы, если они, конечно, существовали. С тех пор территория только нивелировалась, строительные работы и археологические исследования здесь не проводились.

Насыпи, подобные обозначенным в северной части города, видны на плане-1 так же и с юго-восточной стороны. Правда, здесь они немногочисленны. Предположительно они расположены на расстоянии до 1 км от территории Верхнего замка, где в настоящее время проходит ул. Ленина. Именно на ней в 1959 г. был найден меч X в., что позволило уже тогда предположить существование курганного некрополя того же времени [Поболь, 1960, № 1, с. 150]. Таким образом, план-1 скорее всего отражает именно курганы, а не природные холмы.

Интерес представляет еще одна географическая деталь плана. От русла р. Полота напротив стрелки Нижнего замка на север тянется «овраг», кото-

рый подходит к руслу реки. Размеры этого «оврага» на плане довольно велики, что, видимо, и заставило С. Похоловицкого его зафиксировать. Надпись на латыни «*Fossa naturalis*» означает: «*fossa*» – в переводе «ров», «яма», «канавка», «водоотводный канал», а во втором значении – «русло» [Дворецкий, 1976, с. 438]; «*naturalis*» – «природные», «натуральные». Возможно, на карте указано прежнее русло р. Полота, которое было изменено в XVI в.

Значительный интерес вызывают обозначенные на плане-1 замки и посады в Заполотье. Укрепления Верхнего замка насчитывают 8 башен (остальные, возможно, были на плане, но со временем исчезли, а потому их не видно). На гравюре Я. Батисты хорошо видно 15 башен, Софийский собор, элементы внутризамковой застройки. Укрепления Нижнего замка насчитывают 11 башен, Заполотья – 8. Выбор автором точки для нанесения на план полочских замков диктовался тем, что именно с этой стороны объединенное королевское войско подошло к городу. План – это как бы первый взгляд на город, первое общее впечатление от Полоцка, такое, каким он открылся С. Похоловицкому с правого берега р. Полота около Заполотского посада. Внутренняя организация топографической застройки на плане очень схематична и имеет ряд значительных неточностей. Именно этим и можно объяснить, почему на плане-1, например, не указаны башни-донжоны в центре Верхнего и Нижнего замков, в то время как на более позднем плане-2 они занимают одно из центральных мест. Построить их за несколько дней было невозможно.

Заполотский посад, напротив, изображен в деталях: ров, стены и башни, церковь (или монастырь), большая площадь посреди посада, тенденция к линейности застройки по линии запад–восток вдоль течения р. Двина. Дома и оборонительные укрепления нанесены более тщательно, чем на Верхнем или Нижнем замке. Открытость Заполотья артиллерийскому огню являлась одной из причин того, что посад был оставлен защитниками и сожжен в самом начале военного наступления. На плане-1 имеются изображения мостов через р. Полота, мельницы на реке, мост, связывающий Верхний замок с Заполотьем, а также место переправы королевского войска через р. Двина. Этот план является не только важным историческим источником по топографии Полоцка середины XVI в., но и дает возможность ретроспективного изучения города. Особенно возрастает его ценность при проведении сравнительного анализа с планом-2. Изучение обоих планов, составленных почти одновременно с минимальной разбежкой во времени, представляет большой интерес.

План-2 – «Взятие Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г.» – выполнен в технике рисунка тушью и раскрашен акварелью. В данный момент план-2 находится в архиве г. Дрезден (Германия) [Якимович, 1991, с. 4]. По сравнению с планом-1 он имеет гораздо меньше деталей общегеографического характера и охватывает более компактную территорию (рис. 2). В то же время он самый богатый по зарисовке деталей самого Полоцка, дислокации армии и хода военных событий. В окрестностях города на данном плане указана

церковь на р. Полота. В районе Спасо-Ефросиниевского монастыря изображена церковь (возможно, Богородицы), которая раньше не встречалась. Хорошо просматриваются мосты на р. Полота, мельница на реке, в том числе и мельница у подножия Верхнего замка, события вокруг которого так подробно описал Р. Гейденштейн, переправа через р. Двина. Пропорции и масштабность плана-2 гораздо более искажены, чем у плана-1. Ситуация вокруг города очень условная и схематичная. План отображает именно боевые действия, а потому центральное и главное место на нем занимают сам Полоцк и его штурм с северо-восточной стороны.

На этом плане город виден с западной стороны. Полоцк представлен только Верхним и Нижним замками. Заполоть, с территории которого велся основной обстрел Верхнего замка пушками, уже не существовало, о чем свидетельствует надпись на самом плане. Укрепления Верхнего замка состоят из 14 башен (в том числе тех, которые стоят на границе Верхнего и Нижнего замков), башни-донжона. Почти одинаковые по своей архитектуре 12 башен близки к круговым. Две башни прямоугольные (башня с перекидным мостом в Заполоть и проездная на границе с Нижним замком). Башня-донжон в плане восьмигранная. Среди остальных башен три выделяются своими размерами. Одна из них находится на углу Верхнего замка напротив Софийского собора, вторая – въездная в восточную часть замка и третья – башня с мостом в Заполоть. Башни связываются деревянными стенами – городнями. При рассмотрении внутренней планировки и застройки Верхнего замка можно заметить, что особо выделены четыре культовые постройки (с крестами). Они расположены вокруг Софийского собора и, возможно, еще одна, ближе к Нижнему замку. Форма креста соответствует изображению крестов на двух из пяти куполов Софийского собора. Не вызывает сомнения само место нахождения культовых построек вокруг главного храма. Площадка вокруг Софийского собора застроена меньше, чем в других частях города. Собор представляет собой пятиглавый храм, характерный для оборонительной архитектуры [Тихомиров, 1956, с. 22].

Нижний замок на плане-2 насчитывает 7 башен. Одна из них проезжая и соединяет его с Верхним замком. Рядом с этой башней изображено культовое строение. В центре планировочной (радиальной) системы Нижнего замка находится башня-донжон. На рисунке внутри обоих замков схематично отображены не отдельные постройки, а целые кварталы. На примере Нижнего замка отчетливо видно разделение кварталов и то, что пустоты между ними (улицы) ведут во всех случаях к башням. Такая строгая композиция, ее продуманность логично объясняется, если учесть, что Нижний замок как фортификационное сооружение существовал всего 16 лет. Он строился Иваном Грозным исключительно в военных целях. Нижний замок, с территории которого было выселено все гражданское население Полоцка, не имел каких-либо традиционных архитектурных построек. Единственное, что сохранилось в неизменном виде почти до XX в. и могло существенно повлиять на планировку Нижнего замка, – так называемое попово болотце в южной его части. На плане-2 эта часть замка свободна от застройки.

Иначе складывалась архитектурно-планировочная структура Верхнего замка. На плане-2 четко просматриваются два центра: Софийский собор и башня-донжон, – расположенные довольно близко друг от друга. Большинство приведенных строений двухэтажные.

С. Похоловицким составлена и карта 1579 г., на которой Полоцк показан очень схематично с уже известными по планам городскими укреплениями Верхнего и Нижнего замков, а также Заполотьем. Однако на карте ров, соединяющий р. Полота с р. Двина вокруг Заполотья, имеет наиболее точное изображение.

Другие планы Полоцка более поздние. Это, прежде всего, план 1707 г., составленный шведами после захвата города в 1706 г. во время Северной войны 1700–1721 гг. (рис. 3, фото 8) [Ткачоў, 1972, с. 19]. Он в отличие от планов XVI в. ориентирован по линии юг–север. Главное место на плане занимает укрепленный центр Полоцка, куда входят не только Верхний и Нижний замки, но и территория Великого посада вверх по р. Двина – основное направление развития Полоцка вплоть до начала XX в. Значительные изменения происходят в оборонительных сооружениях города, которые сейчас имеют бастионы в соответствии с новым этапом в развитии оружейного дела и военного искусства.

На плане 1707 г. отчетливо видно, что городище в виде острова со всех сторон омывается водой. Русло р. Полота разделяется у подножия городи-

Рис. 3. План Полоцка 1707 г.: 1 – Верхний замок; 2 – Нижний замок; 3 – Великий посад; 4 – рыночная площадь; 5 – иезуитский коллегиум; 6 – доминиканский монастырь (?); 7 – Заполотский посад; 8 – Софийский собор; 9 – Красная (Королевская) башня; 10 – Богоявленский монастырь

ща и Нижнего замка на два рукава, которые потом снова соединяются. По ним течет вода. По форме древнее городище напоминает почти правильную трапецию, основа которой приблизительно такая, как край Нижнего замка. Хорошо просматриваются вал и ров, которые спускаются к р. Полота. Четко отмечена форма рва, огибающего Заполотье и соединяющего пойму р. Полота с руслом р. Двина. В Заполотье, как и на валу Ивана Грозного, никаких оборонительных сооружений нет. В начале XVIII в. они потеряли свое значение. Верхний замок не только имеет типичную бастионную систему, но и «взвоз» от р. Двина к Софийскому собору, который традиционно сохранялся вплоть до настоящего времени. Сейчас на его месте сооружена лестница. На плане схематически отражена застройка Задвинских посадов и Заполотья, присутствуют несколько культовых и гражданских построек. Среди них: Софийский собор, Иезуитский коллегиум, Бернардинский монастырь, еврейская школа, городская площадь и еще несколько культовых сооружений, среди которых, возможно, Богоявленская церковь, постройки Бельчицкого монастыря. Интересна и еще одна мелкая топографическая деталь: за пределами укрепленного города с восточной стороны на самом краю плана в заболоченном месте, ограниченном с трех сторон лесом и полем, изображены три небольших холма, которые резко выделяются на довольно ровной местности. Рисунок холма есть и в районе Экимани.

Известен еще один план Полоцка XVIII в., снятый в 1778 г. (рис. 4). Этот план охватывает только центральную правобережную часть города: Верхний и Нижний замки, Великий посад, частично Заполотье. На этом плане

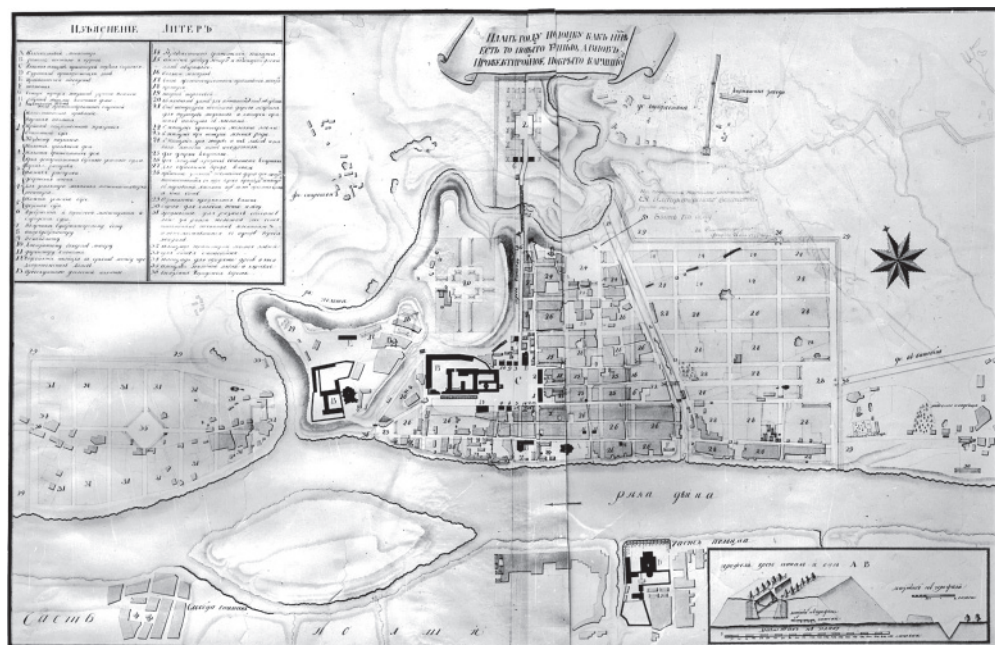

Рис. 4. План Полоцка 1778 г.

интерес представляют валы, окружающие Верхний и Нижний замки. Вал Верхнего замка разорван в трех местах: два разрыва – со стороны Нижнего замка, где на плане XVI в. показаны большая башня и малая, соединяющие оба замка, один разрыв – напротив Софийского собора со стороны р. Двина. На Нижнем замке четко просматриваются следы вала Ивана Грозного и вала на стрелке Нижнего замка. Интересно и расположение некоторых культовых построек, например: «ветхий (деревянный ?) иезуитский костел Святых апостолов Петра и Павла» на Верхнем замке, «Базилианская Ветхая церковь» в Заполотье, некоторые другие постройки. Хорошо видны небольшие ручьи в пределах исторической части города. Среди них так называемый Черный ручей у подножия Верхнего замка со стороны Великого посада.

Остальные планы Полоцка XVIII – начала XX в. представляют интерес при ретроспективном рассмотрении социотопографической структуры Полоцка XVI–XVIII вв. Определенный интерес вызывает план Полоцка, составленный между 1779 и 1786 г. На нем хорошо просматриваются рвы вокруг Великого и Заполотского посадов, древнее городище отсутствует. Зато оно хорошо видно на плане города 1786 г. По конфигурации городище на данном плане очень похоже на современное топографическое изображение этой местности, старое русло р. Полота представлено в виде старицы. На плане можно заметить и остатки оборонительных укреплений Верхнего и Нижнего замков, Великого посада. Второй план, относящийся к тому же году, более подробный и охватывает большую площадь. На нем отчетливо видны бастионные укрепления на Верхнем замке и Острове, заполотский оборонительный ров и ров вокруг Великого посада. В районе первоначального городища отмечена старица р. Полота, но без определения остатков старого русла. На плане Полоцка 1793 г. отмечена территория Бельчицкого монастыря с обозначением двух храмов (судя по расположению, это большой собор и Пятницкая церковь) и оборонительного вала вокруг него. На север от Заполотья, обнесенного рвом, показана Михайловская церковь с примыкающим к ней кладбищем.

Более поздние планы также представляют интерес. Так, план Полоцка 1844 г. сохраняет изображение древнего городища в виде трапеции, состоящей из двух частей. Верхняя площадка – «Городище» и нижняя площадка (подножие) – «Подгородище». На верхней площадке расположено кладбище. Интересно, что старица, которая окружает городище с севера, называется Полотищем – озером, что указывает на явную связь с самой р. Полота и происхождение от нее не только названия, но и самой старицы.

План Полоцка 1910 г. (рис. 5) был составлен для путеводителя по городу. Тем не менее он очень интересен с точки зрения городской микротопонимики. Так, например, улица, которая проходит по трассе бывших укреплений Великого посада, называется «Крепостной», что еще раз подтверждает существование укреплений именно в этом месте. На плане представлены городское кладбище, монументальные постройки.

Большой интерес представляет немецкий военный план 1918 г., который хранится в фондах Национального Полоцкого историко-культурного заповедника (план Полоцка 1918 г., д. 11231/17). Этот двусторонний план

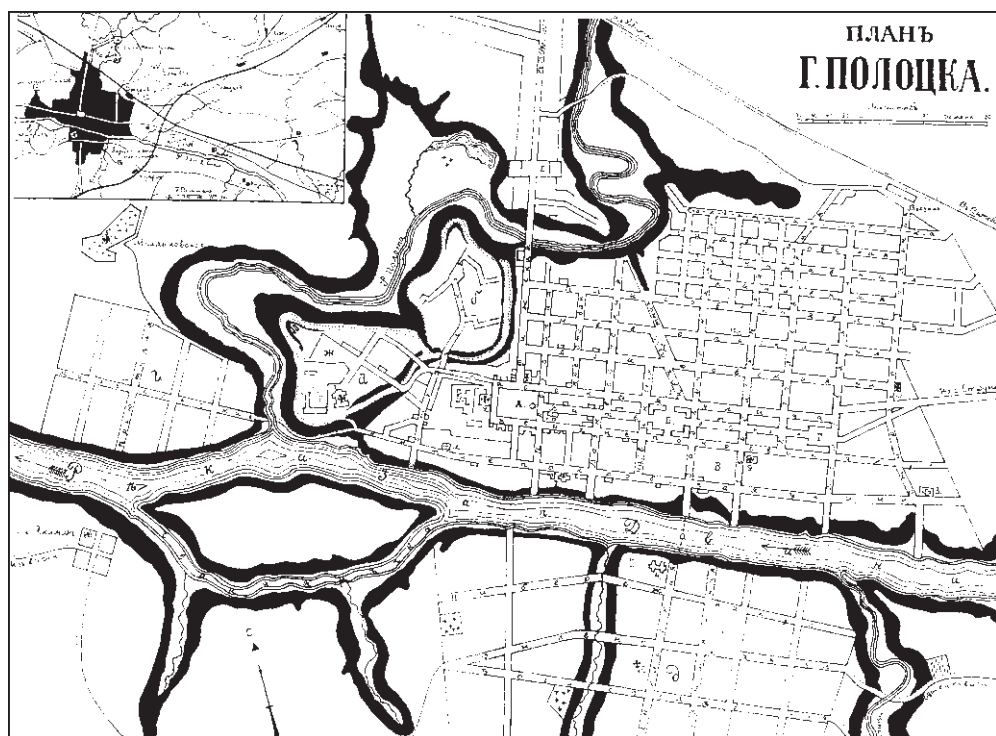

Рис. 5. План Полоцка 1910 г.

очень высокой точности показывает Полоцк со всеми его территориями, в том числе его историческую часть. Очертания древнего городища почти в точности повторяют шведский план 1707 г. Это единственный план, на котором одновременно отражены Валовое озеро, комплекс построек Бельчицкого и Спасского монастырей.

Виды Полоцка встречаются также и в наборе открыток конца XIX – начала XX в., на рисунках Фабер де Фера, посвященных 1812 г., гравюрах церквей Бельчицкого монастыря, в нижней части иконы преп. Евфросинии Полоцкой, которая хранится в церкви Спасского монастыря. На иконе показан вид Полоцка, но видно, что изображение имеет обобщенный характер и его нельзя привязать к действительности. Большинство из этих материалов находится в работах А. Сапунова.

Из новых изобразительных источников следует отметить открытые в последние годы изображения фресковой росписи Спасо-Преображенской церкви XII в. (фото 10, 13–15) в Полоцке [Сарабьянов, 2007] и фреску предположительно с изображением Полоцка середины XVI в. в Виленском храме святых Франциска и Бернардина (фото 9) [Глінік, 2004]. В живописи Спасо-Преображенской церкви византийский канон передается греческими и местными художниками. Детали одежды, вид зданий, находящихся на отдельных фресках, были характерны для местного зажиточного населения и монументального зодчества того времени. Сюжет фрески из храма

святых Франциска и Бернардина посвящен битве св. Георгия с драконом на фоне средневекового города (Полоцка ?) середины XVI в. На фреске, возможно, условно изображены бернардинский костел, соборная церковь св. Софии, укрепления Верхнего замка и оборонительных башен Заполотья. Топографическое размещение объектов предполагает знакомство художника с Полоцком. Важным изобразительным источником, который дает представление о внешнем виде барочной застройки Полоцка, является икона св. Николая из фондов НПКМЗ. Икона датирована серединой XVIII в. [Ярошевич, 2009, с. 19], и есть основания полагать, что она выполнена полоцким мастером.

Письменные источники по истории Полоцка. Письменные источники по истории древнейшего города Беларуси Полоцка немногочисленны. Особенно это относится к раннему периоду существования города. Единственными письменными источниками, которые в некоторой степени освещают вопросы древнейшей полоцкой топографии XIII–XV вв., являются полоцкие грамоты, изданные А. Л. Хорошкевич [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1; 1978, вып. 2; 1980, вып. 3; 1982, вып. 4]. В этих публикациях есть ряд документов, которые являются очень интересными для изучения исторической топографии города в целом и микротопографии его отдельных районов. Так, в одной из самых древних грамот 1309 г. есть упоминание о том, что двор полоцкого епископа находился на Верхнем замке около Софийского собора [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 37]. Место это, по-видимому, являлось традиционным, что подтверждают и более поздние документы. Серединой XIV в. датирован документ, в котором есть упоминание монастыря Иоанна Предтечи «на Острове» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 42], началом XV в. – документ о строительстве в Полоцке церкви рижскими купцами [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 98], церковь Богородицы упоминается под 1497 г. [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 147–148], причем в связи с продажей двора «Безумовского», который находился как раз около церкви недалеко «двора игумен(ъ)ина». В грамотах названы и другие церкви и монастыри. Интересным является и упоминание владений в непосредственной близости от города и в городе: «сельцо на Просмужи» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 86], «сельцо на Двине выше города на Болдавицах, повыше Шеша» [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 139], «дворище в месте Полоцком против церкви святое Пятницы межи Тишкова двора и Федосовского» [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 16] и др. В грамотах названы городская «важница», «капница», «лазня посполитая», корчма. Строительство в Полоцке городской ратуши, согласно этим грамотам, можно довольно точно датировать временем после получения городом магдебургского права в 1498 г. вып. 3 [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 156]. Грамоты дают основание предполагать, что горожане, занимаясь сельским хозяйством, имели большие земельные наделы не только вблизи города и в более отдаленных местностях, но и непосредственно в его границах. Так, в документе, который датирован 1501 г., приводится «огород подле замку» [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 186]. Однако основные земельные угодья горожан – огороды, луга размещались за р. Полота и вдоль нее.

Грамоты, опубликованные А. Л. Хорошкевич, содержат интересный материал по микротопографии городской структуры. Однако, точнее, чем «в городе», «в замке», около какой-нибудь церкви или двора, локализовать объекты в исторической части Полоцка пока не представляется возможным. Некоторые грамоты дают представление о характере и видах городских укреплений XV–XVI вв. (грамоты № 155, 235).

В текстах привилеев великих князей Александра и Сигизмунда I Полоцку на магдебургское право 1498 г. [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 153–157], 1529 г. [Акты Литовско-Русского государства, 1897, т. 2, вып. 1, с. 217], и в привилее Александра монахам-бернардинцам на основание монастыря в 1498 г. [Kodeks dyplomaty czny ... , 1948, s. 538–539] обозначены некоторые категории недвижимых объектов городской инфраструктуры, указаны общественные обязанности основных социальных групп.

Более разнообразную информацию дают источники XVI в., например «Дела Полоцкого градского суда 1533–1539 гг.». Здесь под разными годами упоминается целый ряд монастырей: Иоанна Предтечи, Николая на Лучно, Спасский, Мошоночный, Св. Вознесения; церквей: Спаса в Сельце, Св. Троицы, Св. Николая на Полупяте, а также гражданские постройки: ратуша, мельница, «мост перед воротами в замке», «свирень Богородицкий», некоторые «дворища» в замке, «капница местская», «важница». Есть сведения и географического характера: Гремучий ручей, Черные Грязи. Упоминаются оборонительные сооружения: «сыпанные горы замковые», «башни». К сожалению, все эти сведения даются без соответствующей привязки к городской топографии. Определение «город» для этого времени более сложное, чем «замок», так как это может быть как территория Великого посада, так и Заполотья.

Ценным источником по топографии средневекового Полоцка является «Полоцкая ревизия 1552 г.» [1905]. Она сохранилась в Литовской метрике среди писцовых книг, составленных московскими писцами в XVI в. В ревизии мы имеем довольно подробное описание полоцкого замка и «места». В данном случае под «местом» подразумеваются все торгово-ремесленные посады города: Великий, Заполотский, Остров, Экиманский и Слободской. В ревизии подробно описываются и все девять замковых «башен», а также замковые стены-городни. Можно определить, в каком месте упомянутые «башни» были размещены, и даже представить их некоторые конструктивные особенности («рублена в три стены»). Не менее интересно описаны в ревизии мосты и «взвозы», городские ворота. В списке полоцкой шляхты имеется перечисление шляхетских владений в замке или «месте». Как правило, это целые дворы-усадьбы. Заканчивается ревизия перечнем монастырей, церквей и их владений. Всего упоминается 9 монастырей и 13 церквей. Из них 2 монастыря и 5 церквей в замке, 2 монастыря и 5 церквей в «месте». Остальные расположены недалеко от города.

Ревизия полоцкого уезда 1563 г., которая хранится в составе фонда «Литовская метрика» Российского государственного архива древних актов, содержит описания топографии Полоцка времен Ливонской войны [РГАДА,

ф. 389, оп. 1, д. 573, л. 382–383об.]. Очень важен источник по исторической топографии Полоцка второй половины XVI в. – «Записки о Московской войне» Р. Гейденштейна [1889], который был свидетелем захвата Полоцка королем Стефаном Баторием в 1579 г., а потому подробно описал все события. Р. Гейденштейн вспоминает, что «город» когда-то, стоял на месте Стрелецкой крепости и был перенесен Иваном Грозным в другое место – за р. Полота. Упоминаются также башни-донжоны, которые присутствуют на рисунках-планах С. Похоловицкого. В «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию» – под 1581 г. упоминается о том, что иезуиты имели в Полоцке небольшой костел в замке, «где только одна церковь». И перед замком «там, где начинается город, строят уже деревянный костел прекрасной архитектуры, который, говорят, в этом году будет окончен» [Дневник последнего похода ... , 1882, с. 40].

Среди письменных источников, имеющих отношение к исторической топографии Полоцка, выделяется также находящееся в приложении к Никоновской летописи описание взятия города Иваном Грозным в 1563 г. [ПСРЛ, 1906, т. 13]. В нем упоминаются «острог» и «градъ», городские «слободы», Борисоглебский монастырь, дороги Черсвятская, Себежская, городские ворота и прочее. Интересно, что в этом документе под «острогом» подразумевается территория Великого посада. «Острог крепок, а рублен острог и всякими крепостьми делан по тому же как и городская стена рублена, да и ров вкругу от Полоты и до Двины-реки делан крепок и глубок. И из-за Двины-реки повеле стреляти в острог и по Острожским воротам, понеже бо от Двины-реки острожные стены не было» [ПСРЛ, 1906, т. 13, с. 356]. Описание «ostroга» соответствует топографии Великого посада и подтверждается археологическими материалами. Известно о приказе И. Грозного укрепить город, строительстве новой стены на горелых и «пробитых» местах: «...город укрепиша и устроиша по государьскому приказу, до коих мест государь в Полотцку стоял» [ПСРЛ, 1906, т. 13, с. 363]. Не меньший интерес представляют документы, представленные в сборнике «Русско-белорусские связи» [1963].

В «Археографическом сборнике документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», издаваемый при управлении Виленского учебного округа, также содержится ряд интересных документов. Это упоминание «Двора владычного въ замку вышнем Полоцка при церкви Святое Софии» (1588). Архиепископ Феофан имел также «пляцы свои тут у месте Полоцком на посаде Великом у Плигавкахъ». В этом же документе есть данные и об устройстве двора владыки: «В нем будованья: светлицы две на подклетах напотивко себе, одна с коморою, межи ними сень, светлица поземная, изба напотивко, межи ними сень, светлица на подызбицы, напотивко клеть на подклете, межи ними сень, спижарня на пивницы, стайня, бровар старый, лазня, клеточка старая» [АСД, 1867, т. 1, с. 167–171]. Инвентарь дает представление не только о расположении построек в усадьбе архиепископа, но и в некоторой степени характеризует их архитектуру. В источнике, датированном 1588 г., перечисляются также некоторые полоцкие храмы.

Среди них единственное известное упоминание о церкви Спаса «в месте Полоцком на посаде Великом». На Великом посаде называются также церкви Рождества Христова, Св. Козьмы-Демьяна «въ месте Полоцком на посаде за Полотою».

Инвентарь 1601 г. снова упоминает двор епископа «в замку вышнем Полоцком». Он более подробный, чем описание 1588 г., и дает гораздо большее представление о месте, где находились двор и его постройки. Интересными являются «Постановление полоцких мещан о постройке городского тына» (1638) и донесение полоцкого возного (1646), в котором перечисляется расположение ворот в замке: «...у Браны въездное Полоцкое, под замком вышним у Полоцку стояче от Двины реки... до ворот великих въездных при костеле их милостей отцов езуитов колеюшь Полоцкого на цментарь... до ворот ратушу Полоцкого великих уездных до ворот Браны въездное Полоцкое, названное Ложное, от Двины реки» [АСД, 1867, т. 1, с. 368].

Отписки, челобитные, письма и другие документы дают определенные сведения по исторической топографии Полоцка в период с 1570 по 1667 г. Среди них заслуживают внимания такие микротопонимы, как Пословская улица в «Якимове початку» (1570), ратуша (1654), Богоявленский монастырь (1656), Кадашевская слобода (1659), «съезжая изба» (1660), сообщение о нахождении в Заполотье царских дозорных «обозом» (1661). В книге Полоцкого магистрата упоминается «вежа на рогу от Полоты на замку низшем», а также, что летом 1663 г. русским войском было сожжено «все место Полоцкое и Заполотье ... так же и замок вышний» [Русско-белорусские связи, 1963, с. 115–116]. В этом документе мы видим четкое разделение таких районов города, как Верхний и Нижний замки, Заполотье. Под «местом», возможно, имелась в виду территория Великого посада (от Верхнего замка вверх по р. Двина) или же Задвинье.

Материалы текущего делопроизводства из полоцких магистратских книг XVI–XVIII вв., опубликованные А. П. Сапуновым [Витебская старина, 1885, т. IV; 1888, т. V, ч. 1] и помещенные в сборниках «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Сазонова» [ИЮМ, 1871, вып. 2; 1873, вып. 4; 1874, вып. 5; 1875, вып. 6; 1892, вып. 23; 1895, вып. 26; 1901, вып. 29]; «Актовая книга полацкаго магистрата 1650 г.» [2006], «Описание документов и бумаг, которые хранятся в Московском архиве Министерства юстиции» [б. г., кн. 21], дают представление о расположении городских площадей, улиц, объектов недвижимости, отдельных дворов, социальной организации населения и т. д. Наибольший интерес представляют материалы двух актовых книг за 1533 и 1650 г. Из этих источников можно узнать об интерьерах жилых помещений, особенностях пользования отдельными вещами, городской топографии, социальной организации посадского населения. Информация о движимом и недвижимом имуществе зажиточных полочан содержится в завещании полоцкого лавника Д. Панкова за 1559 г. [Варонін, 2003], а также в инвентаре усадьбы Людвики Каролины Радзивилл на Запо-

лотском посаде за 1685 г. [Дзярновіч, 2009]. Ценнейшим нарративным источником является «Истинный и обстоятельный рассказ о русах, их брачных и похоронных обрядах, быте, одежде и т. д., а также о вере и обычаях татар» Пауля Одеборна [Сагановіч, 2005, т. 12, сш. 1–2 (22–23)], созданный на основе событий, происходивших в Полоцко-Дисненском Подвинье до 1581 г. В нем представлены сведения о быте, материальной культуре и нравах местного городского и сельского населения во время освобождения Полотчины в 1579 г.

Среди архивных письменных источников важное место занимают материалы текущего делопроизводства, находящиеся в составе актовых книг полоцкого магистрата 1650–1772 гг. (НИАБ, ф. 1823 «Полоцкий магистрат»). Сохранилось 5 актовых книг за вторую половину XVII в. и 45 актовых книг XVIII в. [Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г., 2006, с. 10]. Кроме того, в ф. 2424 «Полоцкий городской магистрат» хранятся 3 актовые книги за 1779, 1781 и 1782 г. Магистратские книги содержат ценные данные по топографии полоцких посадов, расположению объектов недвижимости, названиям улиц. Знакомство с ними позволяет определить внешний вид и интерьер жилищ полочан, социальный состав и организацию населения, имущественное состояние различных социальных групп XVII–XVIII вв.

Анализ документов указанных актовых книг полоцкого магистрата позволил проследить изменения в городской топографии за 1650–1782 гг. Топографические сведения об объектах недвижимости большей части актовой книги за 1650 г. были опубликованы М. Ю. Гордеевым [Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г., 2006, с. 239–244]. Были также проанализированы топографические данные актовых книг за 1656–1657 гг., 1704, 1721, 1779, 1781, 1782 г. [Дук, 2010, с. 154–179]. Наиболее информативной в плане определения объектов недвижимости является книга за 1779 г. Однако сведения об элементах городской топографии и объектах недвижимости сохраняются практически в каждой из перечисленных актовых книг [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 17, л. 51–51 об.; оп. 2, д. 3, л. 29 об.]. Информацию об элементах городской инфраструктуры можно встретить и среди прочих архивных материалов полоцкого воеводства («Декрет о деле господ Буйницких с Корсаками», 01.08.1733 г.) [НИАБ, ф. 1878, оп. 1, д. 2].

Важным источником для характеристики социально-экономического и топографического развития Экиманского посада Полоцка второй половины XVIII в. является «Люстратор Полоцкого иезуитского имущества, в архиве ясновельможного князя, его милости Радзивилла, предводителя генеральной конфедерации Великого княжества Литовского» [Lustrator Połocki ... , 1774]. Люстрация была составлена к марту 1774 г. и находилась в архиве Михаила Иеронима Радзивилла. Документ представляет собой описание иезуитских фольварков, расположенных на левом берегу р. Двина, с целью определения их доходности (в это время имущество иезуитов перешло в распоряжение Образовательной комиссии) [Сяргеевка, 2003, с. 51]. В нем дается описание имущества иезуитов в фольварке Экимань вместе с Островом.

Фонд Меницких, который хранится в Литовском государственном историческом архиве, содержит многочисленные документы (оригиналы и копии) XV – начала XX в., которые, прежде всего, касаются истории Полотчины и прилегающих к ней территорий (Ушаччины, Лепельщины и др.). Наибольшую ценность для раскрытия предмета исследования представляют копии инвентарных документов, выписок из актовых книг, сделанные Викентием Меницким, касающиеся топографии, социально-экономического развития Полоцка XVI–XIX вв. и содержащие описания недвижимых объектов, в том числе оборонительных укреплений, храмов и церквей [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3].

История археологического изучения средневекового Полоцка. Социотопографическая структура Полоцка IX–XVIII стст. – явление изменчивое, и в сменяющие друг друга исторические эпохи она имела различные характеристики. Исторические части Полоцка представлены древним городищем, поселением-предградьем, поселениями за р. Полота, Нижним и Верхним замками, бывшими Великим, Заполотским и Кривцовым посадами со слободами, Островом, Экиманью, а также Бельчицким Борисоглебским и Спасо-Евфросиньевским монастырями (рис. 15: а; 57).

Формирование современных представлений о динамике развития археологических памятников Полоцка происходило на протяжении значительного промежутка времени.

История археологического изучения Полоцка начинается с 1928 г., когда в городе начала работать экспедиция Инбелкульта под руководством А. Н. Левданского. На то время представление о Полоцке как о городе с многовековой историей никак не было подкреплено археологическими источниками. Что собой представлял Полоцк во времена Рогволода и Всеслава Брачиславича? Каким стал Полоцк в годы сражения за него Ивана IV и короля Стефана Батория? Ответ на эти вопросы впервые был дан талантливым белорусским археологом А. Н. Левданским, который впервые определил месторасположение древнего детинца на полоцком городище и провел археологическую разведку на территории Заполотского посада («старого города»). На территории Заполотья была найдена керамика, датированная XI–XII вв. Сделан вывод о том, что Заполотье вместе с Верхним замком являлось поселением с XI в., а возможно и с X в. Древние поселения были определены на юг от городища в низовьях р. Полота, а также на Нижнем замке. А. Н. Левданский высказал гипотезу, что вал Нижнего замка насыпан не ранее XV в. [Ляўданскі, 1930, т. 2, кн. 11, с. 169, 172].

Первая комплексная реконструкция топографической структуры полоцких посадов и социального состава населения Полоцка в IX–XIII вв. по данным письменных и археологических источников была представлена в монографических работах Л. В. Алексеева [Алексеев, 1966, рис. 22; 2006, кн. 1–2]. Ученый сделал основательный анализ письменных источников, однако результаты археологических исследований на момент подготовки работы к печати были еще очень ограниченными. Так, например, археологические источники о развитии Заполотского посада практически отсутство-

вали, это же касалось и Великого посада. По этой причине многие положения определялись гипотетически, например, окольный город ошибочно был отождествлен с Нижним замком, Заполотский посад считался малозаселенным в XI–XIII вв. [Алексеев, 1966, с. 136–137].

В результате дальнейших археологических исследований М. К. Каргера, В. Р. Тарасенко, А. Г. Митрофанова, Л. Д. Побоя и Г. В. Штыхова были получены первые данные о развитии топографической структуры Полоцка, уровне развития ремесел посадского населения. Масштабы археологических раскопок тех лет были очень значительными (всего к 1968 г. было изучено более чем 964 м² площади).

Систематизация собранного в 1920–60-е годы археологического материала представлена Г. В. Штыховым в первой фундаментальной работе по истории Полоцка [Штыхов, 1975]. Было определено, что древним центром Полоцка является городище IX в. На правом берегу р. Полота, возле городища находилось поселение-предградие площадью 0,25 га. Верхний замок начал заселяться в конце X в. [Штыхов, д. № 315, с. 9, 54]. Основным материалом для такой датировки стали раннекрюговая керамика из раскопов II–IV, византийская монета и куфический дирхем, бусы-лимонки, односторонние костяные гребни. В то же время началось становление посадов Полоцка (Заполотского и Великого). В первой половине XI в. Верхний замок стал административным центром города. Г. В. Штыховым был проведен анализ развития ремесла и торговых связей населения древнего Полоцка [Штыхов, 1975, с. 76].

Относительно топографического развития посадов Полоцка Г. В. Штыховым было отмечено, что «посад был по меньшей мере в трех местах, причем главная его часть (Великий посад) занимала пространство между Полотой и Западной Двиной, включая Нижний замок» [Штыхов, 1975, с. 76]. Г. В. Штыхов высказал мнение о кончанской структуре Полоцка XI–XIII вв., общие размеры городской территории, по мнению исследователя, составляли не менее 80 га, население – около 8 тыс. человек [Штыхов, 1978, с. 123].

В 1970-е годы внимание археологов (Вал. А. Булкина, П. А. Раппопорта, М. К. Каргера) было сосредоточено в основном на изучении памятников полоцкой школы зодчества на Верхнем и Нижнем замках и на территории Бельчицкого и Спасо-Евфросиниевского монастырей [Раппопорт, 1980].

В 1986 г. в Полоцке начали работать археологические экспедиции Института истории АН БССР под руководством С. В. Тарасова. На протяжении 1986–1993 гг. раскопки проводились ежегодно. Основной целью археологических экспедиций являлась реконструкция топографии Полоцка IX–XVII вв., определение зоны распространения культурного слоя исторического центра, характер основных оборонительных сооружений городских посадов и Верхнего замка.

В результате проведенных исследований С. В. Тарасова 1980-х – первой половины 1990-х годов были сделаны выводы относительно развития топографии Полоцка IX–XVII вв., определены зоны распространения культурного слоя исторического центра, характер основных оборонительных построек

городских посадов. Установлены четыре основных этапа территориального расширения города. Историко-археологические исследования обобщены в статьях и научной монографии, где представлена значительная часть материалов отчетов о раскопках [Тарасов, 1987; 1987а; 1989; Тарасаў, 1988, № 4; 1992; 1992а; 1992б; 1993; 1993а; 1993б; 1993в; 1998; 1998а].

В 1990-е годы архитектурно-археологические исследования в Полоцке проводили Н. И. Зданович, Г. Н. Саганович, П. А. Русов.

В 1995 г. М. В. Климовым и С. В. Тарасовым были проведены раскопки на Верхнем замке [Клімаў, Тарасаў, спр. № 1599] и начато археологическое изучение Полоцка на базе Полоцкого государственного университета.

С 2000 г. на базе Полоцкого государственного университета стали проводиться ежегодные раскопки (руководитель – Д. В. Дук), их основной целью является уточнение этапов существования посадской и замковых территорий, определение характера и занятий их населения. Всего было археологически исследовано 1020 м², из них 44 м² – на полоцком городище [Дук, спр. № 2513; спр. № 2511; спр. № 2078; спр. № 2284; спр. № 2537; спр. № 2537а; спр. № 2046–2047; спр. № 2368; спр. № 2079а; спр. № 2079б; спр. № 1880; спр. № 1921; спр. № 2167]. Начиная с 2000 г. во время археологического наблюдения за строительными работами на посадской и замковых территориях Полоцка был определен характер культурного слоя на площади около 3000 м² [Дук, спр. № 2543; спр. № 2600; спр. № 2601; спр. № 2647; спр. № 2654; спр. № 2735; спр. № 2736].

С 2008 г. в Полоцке проводятся исследования комплексной археологической экспедиции Института истории НАН Беларуси, Полоцкого государственного университета и Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (руководитель – О. Н. Левко). В археологическом изучении Полоцка принимают активное участие сотрудники Института истории М. В. Климов (2008 г. – раскопки в Заполотье, 2009 г. – на Великом посаде и на городище) [Клімаў, спр. № 2596] и С. Д. Дернович (археологическое наблюдение на ул. Нижнепокровской).

Наиболее значительные археологические открытия начала XXI в., сделанные Д. В. Дуком в контексте изучения Полоцка: исследование южной части оборонительной стены окольного города XI в.; определение площади Заполотского посада XI – начала XIII в. и поселений за р. Полота; обоснование этапов существования и характеристики занятий населения древних городища и селища; открытие ряда ремесленных мастерских XII–XVIII вв.; определение этапов существования и площади левобережных посадов Полоцка [Дук, 2010].

Общая площадь культурных наслоений, стационарно исследованных археологами на территории полоцких посадов, составила 6360 м². Кроме того, археологическим наблюдением на территории всех посадов Полоцка охвачена площадь около 20 000 м². Наиболее исследованной является территория Великого посада (вскрыто 5044 м² площади), на территории Заполотского посада раскопана площадь 772 м², на территории Островского и Экиманского посадов – свыше 80 м², поселение около Красного моста рас-

копано на площади 440 м². Кривцов посад археологически исследовался непосредственно на территории Борисоглебского монастыря (зафиксирована стратиграфия двух сквозных строительных траншей) и в 2009 г. (вскрыта площадь 24 м²). Во время прокладки инженерных сетей была осуществлена фиксация культурных наслоений этого памятника, определены границы монастыря.

Обобщение накопленных археологами данных позволяет получить достаточно полное представление о формировании и развитии Полоцка (застройке и планировке города, развитии городских ремесел, динамике распространения культурного слоя и интенсивности жизни, определении социального статуса населения отдельных территорий, разных аспектах социально-экономического развития города). Диспропорцию, возникшую при археологическом изучении левобережных и правобережных посадов Полоцка в значительной степени компенсируют данные письменных источников, существовавших в XVI–XVIII вв.

I

ПОЛОЦК И ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО (ЗЕМЛЯ) В IX–XIII вв.

1. У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1.1. Кривичи-полочане и их соседи в Белорусском Подвинье и Поднепровье. Образование Полоцкого княжества (О. Н. Левко)

Проблема расселения кривичей, а также соотношения племенной и раннегосударственной структур Полоцкого княжества все еще остаются актуальными. Развитие общества лесной зоны Восточной Европы в VI–VII вв. н. э. достигло качественно нового уровня. Погребальные памятники отражают начало имущественной дифференциации, которая, в свою очередь, стала причиной родовой дифференциации. На первое место выходят более могущественные и влиятельные роды, из которых выделяются «малые князья», которые стоят во главе племен. На протяжении VI–VII вв. н. э. возводятся укрепления родовых центров на бывших городищах раннего железного века. Некоторые из них становятся племенными и сакральными центрами, объединяющими вокруг себя густо заселенные территории субрегионов. Археологически такие центры представлены совокупностью открытых селищ, могильников и городищ. На территории Белорусского Подвинья скопления подобных памятников прослеживаются в ареале распространения Банцеровской археологической культуры (V–VIII вв. н. э.). На связь данных групп памятников с кривичами указывают внешние ориентиры – наличие длинных и удлинённых курганов в могильниках.

На первом этапе расселения кривичей наиболее ранние кривичские могильники середины I тысячелетия н. э. выявлены в Россонском районе. Отсюда, как видно по материалам исследованных могильников [Штыхаў, 1992], кривичи на протяжении VI–VII вв. н. э. продвинулись в Полоцкое Подвинье по р. Дрисса, р. Полота в сторону Ушачского поозерья. Второе направление расселения кривичей на территории северной Беларуси в данный период – Витебское Подвинье и верховья Оршанского Поднепровья (рис. 6). Южный рубеж первого этапа расселения кривичей в северной Беларуси фиксируется распространением удлинённых курганов на водоразделе р. Западная Двина и р. Днепр: бассейн р. Оболянка в Сенненском районе, оз. Ореховское в Оршанском районе, р. Верхита в Дубровенском районе [Левко, 1996, с. 37]. На данном этапе расселение кривичей носило очаговый характер. Они оседали в наиболее благоприятной природно-экономической среде, стремились занять ключевые позиции на водных магистралях. Скопления курганов VI–VII/VIII вв. в междуречье р. Ушача и р. Улла, Го-

родокском поозерье, округе Витебска и оз. Ореховского маркируют зоны формирования территориальной основы племенных структур IX–X вв., впоследствии вошедших в состав Полоцкой земли.

Кривичи-полочане. Территория современного Ушачского района на севере граничит с Полоцким районом, на юге – с Лепельским. По ней протекает р. Ушача, впадающая в р. Западная Двина. Она делит район на две части (западную и восточную). В восточной части Ушачского района сконцентрировано значительное количество крупных и мелких озер. С северо-востока от них протекает р. Улла, которая берет начало в Лепельском районе, пересекает Чашникский и Бешенковичский районы и, также как и р. Ушача, впадает в р. Западная Двина. В южной части Полоцкого района на границе с Ушачским районом на берегу оз. Яново находится каменный комплекс, который, как считают исследователи, связан с астрономическими наблюдениями и древним календарем. Вместе с более мелкими водоемами оз. Яново образует озерный край на востоке Ушачины. Основной массив курганов и в IX–X вв. был сконцентрирован южнее Полоцка, по берегам р. Ушача и озер. Исследователь курганных древностей Полотчины Г. В. Штыхов отмечает, что вдоль р. Полота, общая протяженность которой составляет 60–70 км, вообще мало встречается археологических памятников. Погребальные объекты в округе д. Малое Ситно и д. Захарничы датируются не ранее XI в. Позднее освоение населением данной территории можно объяснить неурожайными почвами, болотами, которые чередуются с песками [Штыхаў, 1992, с. 100]. Поэтому именно зона междуречья рек Западная Двина, Ушача и Улла вначале становится ядром формирования территории княжения полочан-кривичей, а затем Полоцкой волости.

Чтобы закрепить свою власть над местным населением, кривичи должны были иметь определенную социальную организацию. Вероятно, *княжение полочан* и стало такой организацией, а Полоцк – центром управления подвластной территорией [Заяц, 1994, ч. 1, с. 27]. Одни исследователи [Пьянков, 1980, с. 164] относят выделение полочан из кривичского союза племен к VII или VIII в. Другие [Штыхаў, 1992, с. 100] считают, что это произошло в VIII–IX вв., когда Полоцк стал укрепленным «градом». Археологическими исследованиями установлено, что появлению напластований, связанных с первым этапом освоения кривичами Полоцкого Подвинья, на древнем городище Полоцка предшествовали слои днепродвинской культуры (рис. 10: 10, 11, 13, 14). Как считает Г. В. Штыхов, первоначальные укрепления на городище были возведены не позднее VIII в., на площадке выявлена также керамика VI–VIII вв. [Штыхов, 1975, с. 25]. Это позволяет соотнести первые укрепления городища на р. Полота с периодом образования общинных центров. Раскопками также установлено, что в VIII–IX вв. возле полоцкого городища располагались селища [Тарасов, д. № 953, с. 18], переросшие в X в. в раннегородской посад.

Вероятно, что именно тогда, когда Полоцк занял главное место среди других родовых центров кривичей, освоивших междуречье р. Ушача и р. Ула, появилось название «полочане». В недатированной части «Повести вре-

менных лет» говорится о княжениях восточных славян: «И по сихъ братьи *держати почаша родъ ихъ княженье* в поляхъ, а в деревлях свое, а дрегови-чи свое, а словени свое в Новгороде, а другое *на Полоте, иже Полочане*. От нихъ же кривичи, иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленск» [ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 13, 18]. Выражение «держати почаша род ихъ княженье» подтверждает, что здесь уже была местная княжеская династия, так как восточным славянам был свойственен родовой принцип организации княжеской власти. Нет сомнений и в том, что «полочане» относятся к славянам, потому что у них «словенск язык». В летописи также дается пояснение происхождения названия «полочане»: «Нарекошася полочане, речки ради, яже втечетъ в Двину, имянем Полота». В другом месте летописи указывается, что первыми насельниками в Полоцке были кривичи. Таким образом, полочане являются жителями особой территории с центром в Полоцке. По своему происхождению основатели этого центра – представители одного из славянских племен – кривичей. Рубежи владений полочан на севере и востоке проходили по заболоченной местности, которая отделяла их от остальной территории кривичей (псковских и смоленских) течением рек Дрисса и Оболя. На западе владения полочан могли включать территорию современного Глубокского района, где их опорным пунктом в IX в. представляется городище Свило-1, позднее уступившее свои функции Городцу на р. Мнюта (современный Шарковщинский район) [Левко, 1996]. На юге территория полоцких кривичей была отделена р. Улла от Лукомльского скопления поселений (рис. 7).

Кривичи-смоляне. Кривичи, проникшие на рубеже VII/VIII и в VIII вв. из Ловатско-Двинского междуречья на территорию Смоленщины, оседали в бассейне р. Двина по ее притокам: Меже и Каспле, продвинувшись к IX в. в Верхнее Поднепровье, где сформировался их центр – «град Смоленск». Помимо племенных структур Смоленщины он объединил вокруг себя также малые племенные образования Витебского Подвинья и Оршанского Поднепровья, связанные водными путями и обслуживавшие волоковые участки. Населенные пункты с названиями «Межа», «Межеево», «Полочане», «Смоляне», «Смолянцы» на водоразделе рек Днепр и Западная Двина в современных Лепельском, Чашникском, Сенненском, Оршанском районах территории Беларуси свидетельствуют о пограничье, установившемся между полочанами и смоленскими кривичами в IX–X вв.

Друцкое и Лукомльское племенные княжения. В верховьях р. Друть и ее притоков на территории современных Толочинского и Круглянского районов в VIII–IX вв. сложилась *племенная территория с центром в Друцке* [Левко, 2001, с. 5]. Как показывают материалы курганных могильников IX–X вв. из округа Друцка и зоны друцких волоков [Левко, 2011, с. 159; 2011а, с. 162], население данной территории представлено южнорусским компонентом Луки-Райковецкой культуры. Формирование нового состава населения, судя по исследованным городищам, селищам и могильникам Толочинского и Оршанского районов, в данном регионе особенно интенсивно протекало в VII – первой половине X в. [Левко, 2001а, с. 16–19].

Формирование племени «лукомян» с центром в Лукомле, судя по составу археологического материала на городище, также относится к VIII–IX вв. В нижней части культурного слоя городища присутствует керамика, характерная для населения родственных днепро-двинской и штрихованной керамики культур и сменивших его носителей культуры типа Обидни из Поднепровья [Штыхов, 1978, с. 43]. Более поздние напластования содержат материалы раннеславянских культур южного происхождения. Оборонительные укрепления городища отнесены Г. В. Штыховым к IX в. Наличие следов пожара X в. и усиление имеющихся оборонительных сооружений на городище [Еремеев, 2007, вып. 1, с. 111] может свидетельствовать о времени включения данного населенного пункта в состав Полоцкого княжества.

Влияние пути «из варягов в греки» на развитие кривичских территорий. В конце VIII – начале IX в. на Балтике смыкаются восточная и западная ветви трансевропейской системы торговых связей. В это время формируется речной военно-торговый путь «из варягов в греки», проходящий через кривичские земли. Водная магистраль Днепр–Ловать–Волхов, у выходов которой находились Киев и Новгород, связала юг с севером. Пунктом на «переломе» двух водных систем стал племенной центр смоленских кривичей Гнездово [Левко, 1997, с. 164]. С конца IX в. Полоцк ориентирован на тесную связь с Ладогой, Новгородом, контакты с Балтийским регионом, контролирует движение товаров по р. Западная Двина, уже на данной стадии своего развития сознавая важность закрепления в низовьях этой реки. Исчезновение в конце IX в. балтских импортов в восточной части кривичского региона (Смоленщина) можно объяснить тем, что Полоцк перекрыл их свободное поступление в эту зону по р. Западная Двина. Наличие порожистых участков на этой реке при переходе в р. Каспля и на р. Днепр на его изгибе в сторону первоначального Смоленка (Гнездово) способствовало ослаблению связи локальных племен витебских и оршанских кривичей с их центром в Гнездове [Левко, 2004, с. 38]. А после того, как князь Олег в 882 г. обложил Смоленск (Гнездово ?) данью в пользу Киева и установил через этот центр официальный путь из Киева в Новгород, началась борьба между Полоцком и Киевом за территорию Витебского Подвинья и Оршанского Поднепровья. Население этих регионов активно использовало местные волоки из бассейна р. Днепр в бассейн р. Западная Двина и далее к р. Ловать. Ранние клады IX–X в., зафиксированные на переходе из р. Днепр по волокам к р. Лучеса и в районе Витебска, свидетельствуют об этом. Видимо не случайно киевская княгиня Ольга в 947 г., предприняв поход на север с целью установления пунктов сбора дани, избрала для своего продвижения «медвежьи тропы» в Витебском Подвинье. Топонимы «Ольгово», сохранившиеся у Витебска и оз. Межа в Городокском районе, показывают живой интерес киевской власти к этим участкам водного пути [Левко, 2011, с. 154].

Включение кривичских территорий в сферу влияний севера и юга хорошо прослеживается по керамическому материалу VIII–X вв. К общим тенденциям развития лепных сосудов этого времени относятся: максимальное

расширение тулова в верхней части, наличие округлого плечика и шейки с прямым или отогнутым венчиком. Эта керамика часто встречается вместе с раннекруговой как в культурном слое поселений [Дук, 2009, с. 9–30; Бубенько, 2003, с. 71–95], так и в погребениях кривичского региона [Штыхаў, 1992]. Различия между керамическими наборами Белорусского Подвинья и Поднепровья VIII–X вв. состоят в следующем. Для Подвинья кроме распространенных, как и в Поднепровьи, лепных и круговых сосудов типа Лука-Райковецкой и роменской культур, характерно также присутствие керамики «ладожского типа» со слегка заметным или выраженным ребром в месте наибольшего расширения тулова. Этот тип считается основным в VIII–X вв. на территории Новгородчины и связывается с культурой сопкок, принадлежащей приильменским словенам [Седов, 1982, с. 64–66]. Помимо Полоцка и его окрестностей такая керамика наряду с сопкообразными насыпями погребальных памятников встречена на отрезке «пути из варяг в греки» из Витебского Подвинья и Оршанское Поднепровье (Старое Село, Лужесно, Ореховск). Она же появляется и на раннесредневековых памятниках Скандинавии в результате налаженных торговых отношений между Верхней Русью, Биркой и другими пунктами морского пути [Плохов, 2002, с. 153].

Полоцкое княжество. В конце IX – X в. наступает *второй этап* в развитии Полоцкого княжения с центром в Полоцке. Расширяется его территория, сама политическая структура преобразуется в раннегосударственную (*княжество*). В этот период сосуществовали два типа социально-политических структур: территориально-племенные образования, сложившиеся в процессе расселения славянских племен в Восточной Европе и раннегосударственные структуры (княжества, волости и погосты), создававшиеся зарождавшейся государственной властью на основе локальных племенных образований на протяжении IX – начала XI в. К 980-м годам относится известие о «*княжестве Рогволода*»: «..бе бо Рогволодъ пришел из-заморья, имяше власть свою в Полотеске...» [ПВЛ, ч. 1, с. 54]. Топонимы «межа», «межник» на север от Полоцка позволяют предполагать, что северный рубеж Полоцкого княжества проходил по южному краю территории современной Псковской области Российской Федерации. Западной периферией княжества являлось междуречье р. Дисна и р. Западная Двина, на востоке его территория, как и прежде, доходила до р. Оболь (между р. Оболь и р. Полота было значительное заболоченное пространство). На юго-западе в середине X в. власть Полоцка распространилась на верховья р. Свислочь, где, как показали исследования Ю. А. Заяца, на месте современного Заславля в зоне расселения дреговичей находилась застава (поселение) полоцких дружинников [Заяц, 1993, № 4, с. 11]. Юго-восточную часть Полоцкого княжества составляла присоединенная территория «племени лукомян» с центром в Лукомле (рис. 7). Следы пожара в нижней части культурного слоя Окольного города Друцка и наличие кривичских украшений в погребениях с ингумацией начала XI в. в его окрестностях, позволяют предположить,

что эта племенная структура также попала под контроль кривичей. Однако были это «полочане» или «смоляне», пока не ясно. О быстром экономическом развитии Полоцкого княжества свидетельствует нахождение на его территории 38 кладов с серебряными арабскими и западноевропейскими монетами. Следует также отметить, что на протяжении раннего средневековья ядро Полоцкого княжества (между р. Улла и р. Ушача) имело постоянное важное значение в его экономическом развитии. Административно данная территория входила в ближайшую округу Полоцка (Полоцкую волость) и представляла наиболее престижные земельные владения. По мнению исследователей [Ловмянский, 1978, с. 95] боярство, вышедшее из состава племенной знати, могло иметь собственные земельные наделы раньше, чем их получили князья, которые возглавили государство. Как показали дальнейшие события, полоцкие князья свой домен формировали постепенно, как и киевские князья. Земельные наделы, которыми пользовалась княжеская семья, находились за пределами изначального ядра полоцких кривичей (вне территории современной Ушаччины). Следовательно, эти земли были заняты племенной знатью, а позднее боярством, вышедшим из ее среды. Ядро Полоцкого княжества оставалось в составе Полоцкой волости, которой еще и в XIII в. какое-то время управляли 30 «мужей» из состава бояр. К наиболее известному боярскому роду на Полотчине относятся Корсаки, представители которых упоминаются в полоцких грамотах под 1385 г. Даже в первой половине XVI в. род Корсаков входил в первую десятку наиболее богатейших родов ВКЛ [Насевич, 1992, с. 46]. Возможно, наличие в современном Ушачском районе д. Корсаково косвенно свидетельствует о принадлежности какой-то части земель этого района в древние времена известному боярскому роду.

Таким образом, установление направлений расселения кривичей (Полоцкое и Витебское Подвинье, Смоленское и Оршанское Поднепровье) в VI–VIII вв. позволило выделить ядро формирования территориально-племенной структуры – *княжения кривичей-полочан* на рубеже VIII–IX вв.

Ареал распространения (от Киевской Руси до Скандинавии) ведущих форм лепной и раннекруговой керамики VIII–X вв. и определенные зоны оседания монетных кладов IX–X вв. в Полоцком и Витебском Подвинье не только указывают основные направления южных и северных контактов региона кривичей на пути «из варяг в греки» в рассматриваемый период, но и характеризуют степень влияния этих контактов на преобразование племенного княжения в раннегосударственную структуру – *Полоцкое княжество (волость)* X в. Как показывают археологический материал и письменные источники, территориально-племенные зоны кривичей в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье, а также племенные образования с центрами в Лукомле и Друцке (рубеж VIII–IX вв. – X в.), сложившиеся одновременно с княжением полочан, попадают в состав Полоцкого княжества, а позднее земель, в конце X – начале XI в.

1.2. Культурный слой полоцкого городища в I тысячелетии н. э.

(Д. В. Дук, Г. В. Штыхов, О. Н. Левко)

Полоцкое городище расположено на удалении 0,8 км от устья р. Полота. Высота холма мысового типа, на котором был основан древний «град» Полоцка, составляет от 13,5 до 13,8 м и первоначально он имел площадь более 1 га. Общие размеры городища – 73×75 м. Верхняя площадка меньше (75×40 м) и по форме напоминает прямоугольник с выступом в восточной части. Начиная с 1947 г., городище активно застраивается, сегодня на нем расположено 11 домов с приусадебными участками.

История археологического изучения. Археологическое изучение древнего городища Полоцка начато экспедицией Инбенкульта под руководством А. Н. Левданского. В 1928 г. на его площадке были заложены три траншеи и шурф общей площадью $20,5 \text{ м}^2$ (рис. 10, а) [Ляўданскі, 1930, т. 2, кн. 11]. Выделены два слоя, в *нижнем* из которых обнаружена лепная керамика, в *верхнем* – изготовленная на гончарном круге. Вместе с гончарной керамикой были найдены обломки стеклянных браслетов и другие предметы XI–XIII вв. [Ляўданскі, 1930, т. 2, кн. 11, с. 171–172]. А. Н. Левданский высказал предположение, что полоцкое городище имело функции детинца с IX до конца XII в., после чего детинец был перенесен на Верхний замок.

В 1959 г. Л. Д. Поболь заложил на полоцком городище четыре шурфа и траншею и обнаружил только круговую керамику [Поболь, д. № 112, с. 3–5]. В 1960–1962 гг., когда плотность застройки полоцкого городища значительно возросла, исследования на нем проводил Г. В. Штыхов. В 1960 г. в северной части городища на одном из уступов площадки он заложил траншею 2×12 м, а в 1962 г. поперечной траншеей прорезал вала. Общая толщина слоя, из которого состояла сохранившаяся насыпь вала, равна 4,2 м. Первоначальный вал был насыпан из светло-серого песка и со стороны обрыва покрывался глиной. С внутренней стороны вала почти на глубине 4 м ниже прослойки пожарища был найден почти целый горшок культуры длинных курганов второй традиции по классификации Г. В. Штыхова (рис. 10, б: 1; 11). Такие же горшки были выявлены при раскопках курганов из округи Полоцка (рис. 21: 9, 10). Получены убедительные доказательства существования на городище дерево-земляных укреплений. Под валом находился слой с материалами днепро-двинской культуры (рис. 11: 10). Исследователем сделан также вывод о том, что вал городища неоднократно подсыпался и был основательно укреплен, по-видимому, уже в XI в., после того, как городище было сожжено Владимиром Святославичем, штурмовавшим Рогволода [Штыхаў, 2007, с. 353].

В 1977 г. Вас. А. Булкиным во время археологического надзора за рытьем погреба на подворье усадьбы, возле которой были проложены траншеи Г. В. Штыхова, обнаружен обломок куфического дирхема, который принадлежал аббасидской эмиссии и датируется между 814–815 г. – концом IX в. [Булкин, д. № 594, с. 17–18]. Позже в публикации В. Н. Рябцевича происхождение этого артефакта ошибочно связывалось с Верхним замком

[Рябцевич, 1965а, с. 73]. М. В. Климовым в 2009 г. в южной части полоцкого городища на площади 8 м² в слое пожарища также найдены куфические дирхемы арабского халифата, подтверждающие заселение городища в первой половине IX в. [Клімаў, 2010, с. 23]. Из-за плотной современной застройки городища до 2007 г. вскрытая археологами площадь с культурным слоем составляла всего около 80 м².

В 1987 г. на западной окраине городища во время земляных работ местным жителем Е. И. Лещиком были найдены бронзовый браслет со змеевидными головками (рис. 13: 2), витой двухпроволочный перстень (рис. 13: 1), а также 35 раковин каури (рис. 13: 3) и 2 стеклянные зонные бусины. Комплекс находок обнаружен вместе с костями скелета, но без черепа. Это послужило основанием для того, чтобы интерпретировать выявленные предметы как комплекс погребения при храме или на раннем некрополе [Тарасов, д. № 1014, с. 24; Тарасаў, 1993б, с. 507]. Однако прямых свидетельств о принадлежности находок к погребению нет. В 2000-х годах на городище Д. В. Дуком были выявлены и изучены погребения, относящиеся к XVII–XVIII вв., поэтому указанный выше комплекс вещей вряд ли был связан с ранним некрополем. Данный вывод подтверждают и сами находки – браслет не был закончен, и его обнаружение лишь указывает на возможность ювелирного производства на городище.

В 2007 г. Д. В. Дуком был исследован культурный слой огорода возле дома № 20 по 2-му переулку Фрунзе мощностью более 3 м на площади в 44 м² (раскоп располагался в 7 м от места исследований Г. В. Штыхова). В раскопе зафиксирован культурный слой днепродвинской культуры, собрана коллекция лепной керамической посуды, связываемая с банцеровско-тушемлинской культурой V–VIII вв., керамика славянского поселения (летописного «града» IX–X вв.) и по составу находок, а также насыщенности ими слоя, установлено наличие княжеской резиденции XI – начала XIV в. К этому времени относятся следы ювелирной и оружейной мастерских, каменного храма. Часть предметов коллекции являются высокохудожественными произведениями ювелирного искусства.

Стратиграфические данные. Культурный слой зафиксирован не только на площадке городища, но и на его склонах до самого подножия, однако в южной части у подножия городища до уреза береговой линии р. Полота он отсутствует. Здесь под дерном зафиксирован слой красной материковой глины. Предположительно, в 1563 г. в результате земляных работ южная часть городища была скрыта вместе с культурным слоем (рис. 16). Земляные работы на городище активно продолжались и в XIX в., о чем в 1822 г. писал З. Доленго-Ходаковский: «Полоцк на Двине, главное место древних полочан, имеет кроме замков особое Городище меж старого и нового течения речки Полоты – оно видно при въезде в Полоцк на левой стороне и употреблено для кладбища. Несмотря на то что тут часто роются, однако еще приметен насыпной чернозем» [Далэнга-Хадакоўскі, 2007, с. 111]. В сообщении этого автора прямо упоминается о существовании старого русла р. Полота, а также культурного слоя («насыпного чернозема») у подножия городища,

по которому был проложен взвоз с восточной стороны, находящийся там же и в настоящее время. С западной и северной сторон городища прослеживаются остатки древнего взвоза, который располагался вдоль этих склонов от подножия до верхней площадки, поэтому данная часть памятника сохранила первоначальные топографические особенности.

Мощность культурного слоя на городище в среднем составляет 1,8 м, в северной части она максимальна и достигает 4 м. На месте **раскопа 2007 г.** мощность культурного слоя равнялась 2,8–3,0 м. Культурный слой городища, представленный в раскопе 2007 г., состоит из трех стратиграфических горизонтов. Рассматриваемый период, когда городище являлось центром территориально-племенного образования кривичей (полочан), зафиксирован в нижнем стратиграфическом горизонте вместе с материалами предшествующего заселения племенами днепро-двинской культуры (рис. 12), а также в нижнем уровне среднего стратиграфического горизонта и частично в среднем уровне этого горизонта. Вышележащие слои среднего стратиграфического горизонта и верхний стратиграфический горизонт относятся к периоду формирования раннегосударственного образования и могут быть связаны с функционированием городища в качестве детинца Полоцка (X – начало XIV в.) [Дук, 2010]. Поэтому в данном параграфе представлена характеристика лишь слоев, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э.

Нижний стратиграфический горизонт – пласт светло-серой с коричневым оттенком органики, очень мягкой, сухой и однородной по структуре мощностью от 0,2 м (восточная часть раскопа) до 0,5 м (западная часть раскопа). В нем отсутствуют камни, уголь зафиксирован лишь в кв. 1 и 7, находки представлены редкими фрагментами стенок лепных горшков, а также костями животных преимущественно в кв. 6, причем на границе со средним стратиграфическим горизонтом. Индивидуальная находка одна – полусгнивший роговый наконечник копья.

Средний стратиграфический горизонт – с очень неоднородной структурой слоя имеет мощность около 1,4 м. Этот горизонт фиксируется с глубины около 0,8–1,2 м, наибольшая мощность слоя в юго-западной части (1,6 м), наименьшая – в северо-восточной (1,2 м). Данный горизонт состоит из трех хронологических уровней. *Нижний уровень* перекрывает нижний стратиграфический горизонт. Слой нижнего уровня среднего горизонта имеет толщину около 0,3–0,4 м. Он представлен чередованием прослоек белого зернистого песка, комков извести около 0,01–0,03 м в угольных прослойках мощностью до 0,1 м, которые перекрывают прослойки темно-серой земли с углем мощностью 0,2–0,3 м (северная часть раскопа, кв. 4). По границе кв. 4 и 5 в нижнем уровне среднего стратиграфического горизонта выявлена *яма 3*, уходящая в материк на 0,3 м. В ней были найдены две кости животных, 30 стенок лепных горшков, днище лепного горшка, кусок обожженной плахи. Венчики лепной посуды характерны для культуры смоленско-полоцких длинных курганов VIII–X вв. (рис. 14). Радиоуглеродная дата куса дерева из ямы 3: 600–780 гг. н. э., что соответствует верхней дате выявленного в яме керамического материала.

Лепная керамика. Основное количество лепной керамики было найдено на нижнем уровне среднего стратиграфического горизонта. Преобладают венчики горшков культуры смоленско-полоцких курганов VIII–X вв. (рис. 14: 6–12). Такая посуда характерна для территории Белорусского Подвинья и встречается в наслоениях конца VIII – X в. Лукомля, Витебска и других городов [Бубенько, 2003, № 8, рис. 13; Левко, 1996, рис. 2–5]. Кроме нее в данном уровне также выявлены венчики горшков третьей четверти I тысячелетия н. э., типичные для банцеровско-тушемлинской культуры и стенка посуды с «расчесами» середины I тысячелетия н. э., фрагменты горшков днепро-двинской культуры [Харитонович, 2009, с. 102].

В нижнем уровне среднего стратиграфического горизонта были найдены немногочисленные индивидуальные находки (14 шт.). Среди них: бронзовое навершие хоругви (фото 4: 10), бронзовая подковообразная фибула с трехгранным сечением дуги, железный наконечник копья, сердоликовая многогранная бусина, цилиндрическая пронизка зеленого цвета, зонная бусина желтого цвета, каменный шлифованный топор днепро-двинской культуры.

Средний уровень обозначенного стратиграфического горизонта представлен слоем однородной комковатой земли темно-серого цвета мощностью 0,4–0,8 м. В нем были найдены фрагменты керамической посуды, преимущественно горшков, датированных XI–XII вв. Зафиксированы единичные фрагменты лепной посуды последней четверти I тысячелетия н. э. Индивидуальные находки данного уровня представлены 63 предметами. Среди них выделяется орнаментированный бронзовый наконечник кожного ремня, свинцовый браслет, верхняя часть трехгранного железного наконечника стрелы, дуга навесного замка, железная стамеска, железный рыболовный крючок, кусочек смальты зеленого цвета, кусочки металлических пластинок от доспеха (рис. 67: 5–11). Особый интерес представляет биконическое пряслице из темного шиферного сланца с прочерченной надписью (руны ?) (фото 4: 5). Возможно, оно имеет отношение к скандинавским контактам на пути «из варяг в греки».

Хронология нижнего и среднего горизонтов культурного слоя городища. Исходя из рассмотрения стратиграфии и вещевого материала раскопа 2007 г. Д. В. Дука и тех материалов, которые были получены в результате других исследований на городище, можно сделать следующие выводы.

Нижний стратиграфический горизонт городища связан с первыми поселениями днепро-двинской культуры. Нижний уровень среднего стратиграфического горизонта городища представлен керамикой середины–третьей четверти I тысячелетия н. э., которую можно соотнести со временем проникновения кривичей в междуречье р. Ушача и р. Улла и освоением ими вместе с аборигенами (банцеровско-тушемлинские древности) городищ в данной зоне, в том числе полоцкого городища. Наличие в слое данного уровня преобладающего количества керамики VIII–IX вв., как и прослойки пожара, указывают на освоение городища новым населением, составившим племя «полочан». К этому времени относится сооружение укреплений

городища, выявленных Г. В. Штыховым. С этим временем следует связывать и нумизматический материал, обнаруженный в разных частях городища. Это найденные в 1977 г. Вас. А. Булкиным дирхем аббасидской эмиссии 814–815 г. – конца IX в. и в 2009 г. М. В. Климовым фрагменты монет ранне-аббасидского периода, из которых три имеют следующие датировки. Одна монета датируется 810-ми годами и отнесена ко времени халифа ал-Мамуна, вторая изготовлена во время правления халифа ар-Рашида и датируется временем между 795 и 830 г. Чеканка третьей монеты выполнена между 811–818 гг. и попасть на Полоцкое городище она могла уже в 840-е годы [Клімаў, 2010, с. 6].

Находки нижнего уровня среднего стратиграфического слоя, как и часть находок среднего уровня этого слоя показывают дальнейшее развитие городища на р. Полота в качестве центра полоцкого княжения (известен по летописи 862 г.) и княжества Рогволода (известно под 980 г.).

1.3. Полоцкие селища

(Д. В. Дук, Г. В. Штыхов, О. Н. Левко)

Полоцкое городище в IX–X вв. было окружено несколькими поселениями, которые вместе с ним составляли основу летописного Полоцка.

Селище на р. Полота. Культурный слой селища (предградья по Г. В. Штыхову) площадью 0,24–0,3 га (55 × 60 м) значительно меньшего по размерам, чем полоцкое городище, был выявлен данным исследователем в 1962 г. на правом берегу р. Полота на небольшом мысе возле бывшего Красного моста [Штыхов, 1975, с. 26].

История археологического изучения. Были найдены фрагменты стенок лепной керамики и раннегончарные венчики горшков. В течение 1967, 1979–1980 гг. Г. В. Штыховым было вскрыто 444 м² культурного слоя и установлено, что в древности, как и в настоящее время, селище представляло собой поселение летописного Полоцка IX–X вв. (рис. 15, а: 1).

Стратиграфические данные. Культурный слой селища имеет мощность от 0,4 до 1,3 м. Он сильно поврежден разновременными перекопами и фундаментами построек. Раннесредневековый слой сохранился на отдельных участках раскопов. Напластования с лепной керамикой, как правило, фиксируются в пределах материковых ям и имеют структуру, аналогичную выявленной позднее на Нижнем замке. Характерной чертой культурного слоя является то, что почти на материке залегал слой пожарища, в котором была выявлена гладкостенная керамика со слегка отогнутым или вертикально поставленным венчиком, аналогичная полоцкому городищу. Следов оборонительных сооружений обнаружено не было [Штыхов, 1975, с. 26]. Слой залегал под каменными вымостками из пережженных камней «древнерусской поры», прослойками глины и строительных материалов поздних построек. Материк – желтый влажный песок.

Лепная керамика селища на р. Полота и вещевого комплекс. Лепная керамика селища на р. Полота у Красного моста в целом укладывается в хро-

нологические рамки VIII–X вв. [Плавінскі, 2006, № 21] и согласуется с керамикой с городища, относящейся к этому времени. На данном поселении не встречено более ранних материалов, которые можно было бы соотнести с культурой Банцеровщины–Тушемли (третья четверть I тысячелетия н. э.).

Ранний вещевой комплекс, обнаруженный на селище у р. Полота, более разнообразен по сравнению с находками с полоцкого городища. К нему относятся ромбовидный наконечник стрелы IX–XI вв. (рис. 15, б: 1), ланцетовидный наконечник X – первой половины XI в. (рис. 15, б: 2), пирамидальный наконечник стрелы X – первой половины XI в. (рис. 15, б: 3), фрагмент бронзового проволочного тонкоконечного круглого в сечении браслета (рис. 15, б: 4), фрагменты цилиндрических тиглей с округлым дном для плавки цветных металлов (14 экз.) (рис. 15, б: 5, 6), биконическое глиняное пряслице (рис. 15, б: 7) [Штыхов, 1975, с. 26; Плавінскі, 2006, № 21, с. 69]. Упомянутые находки достаточно четко свидетельствуют о существовании селища в X в., некоторые из них (ромбовидный наконечник стрелы, биконическое глиняное пряслице, плавильные тигли) относятся к IX в.

Комплекс материковой *ямы 3* раскопа 1979 г. датируется второй половиной X в. Яма овальной формы, размером $3,4 \times 1,5$ м являлась остатками производственной постройки со следами печи. Она перерезала нижний слой, возможно, с лепной керамикой, и была углублена в материк на 0,6 м. В яме найдено около 20 кг металлургических шлаков, 7 фрагментов цилиндрических тиглей с округлым дном, льячка, обрубков слитка цветного металла, обрезок дирхема (Саманиды, Наср ибн Ахмад, 933–941 гг.) и раннекруговая керамика [Штыхов, д. № 635, с. 6].

Г. В. Штыховым сделан вывод, что селище у Красного моста на р. Полота было основано носителями культуры смоленско-полоцких длинных курганов, в последней четверти I тысячелетия н. э., когда было сформировано княжение полочан.

Селище на территории Нижнего замка. Древнейшее селище, которое располагалось у подножия городища с южной стороны и занимало площадь около 6 га, долгое время оставалось неизученным. Это отчасти объясняется сложной стратиграфической ситуацией на этом интереснейшем памятнике археологии древнего Полоцка. На различной глубине всей площади данного поселения залегает прослойка плотной глины, которая перекрывает культурные отложения древнее XV в., и ее легко принять за материк. Над уровнем глины на месте древнего селища располагался Нижний, или Стрелецкий замок, построенный в 1563 г. Селище было открыто и изучено в 1986 г. и этому предшествовали долгие годы археологического поиска.

История археологического изучения. Первые сведения о раскопках на месте древнейшего селища связаны с исследованиями Л. Д. Поболя. В 1959 г. на Нижнем замке Полоцка в районе ул. Стрелецкой он заложил пять шурфов на расстоянии 50 м от Верхнего замка (рис. 17, а). Был зафиксирован культурный слой толщиной 1,5 м, датируемый по керамике не ранее чем XV в. Однако в *шурфе 3* обнаружен кусок серебряного перстня XI–XII вв., который позволил Л. Д. Поболю высказать предположение о перво-

начальном размещении на территории Нижнего замка посада древнего Полоцка [Поболь, д. № 112, с. 6–9]. В 1962 г. Г. В. Штыховым на так называемой стрелке Нижнего замка в 30 м от р. Полота была обнаружена керамика X–XIII вв. вместе с развалом плинфы со следами раствора [Штыхов, д. № 129, с. 9].

В 1964 г. Г. В. Штыховым были заложены шурфы в центральной части Нижнего замка. Толщина слоя составила 1,5 м. Нижняя его часть с глубины 1 м содержала керамику и бусины «домонгольского периода», датированные XIII в. [Штыхов, д. № 243, с. 18–19]. Среди найденных венчиков горшков встречались формы, характерные для раннекруговой керамики X–XI вв. Таким образом, появился дополнительный аргумент в пользу предположения Л. Д. Поболя о размещении на Нижнем замке древнего посада. После раскопок Г. В. Штыхова археологическое изучение поселения на Нижнем замке было приостановлено более чем на 20 лет¹.

В 1986 г. С. В. Тарасовым начато планомерное изучение древнего селища на территории стадиона «Спартак». В раскопе III (60 м²) был обнаружен пласт с лепной керамикой, который, по мнению С. В. Тарасова, принадлежал «поселению-посаду» древнего Полоцка VIII–IX вв. [Тарасов, д. № 953, с. 18]. В результате шурфовки с целью определения площади открытого поселения исследователем была выдвинута версия о соотношении площадей древних городища и селища: 1 : 6. В 1987 г. С. В. Тарасовым в шурфе на внешней стороне от вала Ивана Грозного в нижней части культурного слоя была найдена раннегончарная посуда XI в. и две стенки лепного горшка [Тарасов, д. № 1014, с. 19]. В 1991 г. в шурфе около западной части вала, рядом с современным проездом на Нижний замок, в предматериковом слое найдены куски лепной посуды, заглаженные на гончарном круге, и каменный отщеп [Тарасаў, спр. № 1371, с. 13].

В результате проведенных С. В. Тарасовым в 1989–1990 гг. раскопок на территории Нижнего замка (раскопы площадью 400 м² и 8,7 м²) были получены доказательства, что территория Нижнего замка в VIII–X вв. являлась основой будущего городского посада [Тарасаў, спр. № 1165, с. 12; спр. № 1205, с. 3]. При этом каких-либо следов оборонительных укреплений на так называемой стрелке Нижнего замка (в районе дома № 23 по ул. Горького, ныне это ул. Стрелецкая) найдено не было. В 2008 г. Д. В. Дуком на месте бывшей усадьбы по ул. Стрелецкой, 23 в раскопе площадью 40 м² зафиксирован предматериковый слой с материалами банцеровско-тушемлинской культуры и смоленско-полоцких длинных курганов (рис. 17).

Стратиграфические данные и данные геофизического исследования. Слой с лепной керамикой был обнаружен в северной части Нижнего замка. Лучше всего он сохранился в районе так называемой стрелки Нижнего замка (раскопки 2008 г.) на глубине 1,8 м. Его мощность составляет в среднем около 0,3 м. Древнейший слой полоцкого селища образован плот-

¹ Исключение составляют археологические исследования П. А. Раппопорта, проведенные в 1976–1977 гг. на стрелке Нижнего замка. Цель исследования – обнаружить и исследовать фундамент храма XII в., поэтому описание культурного слоя во время шурфовки в отчетах представлено схематично [Раппопорт, д. № 527; д. № 574].

ной супесью с углем, из-за чего он имеет серый оттенок. Фрагментов деревянных конструкций практически не сохранилось, кроме наполовину истлевших кусков дерева.

Находки из этого стратиграфического слоя представлены преимущественно фрагментами лепной керамической посуды, глиняными пряслицами и немногочисленными изделиями из железа и кости. Особенностью данного слоя является полное отсутствие бус – они были найдены в размещенном выше слое с раннегончарной посудой. Аналогичное наблюдение сделано и на других раскопах на территории Нижнего замка, например, в раскопе 1989 г. в предматериковом *пласте 6* найдено 16 бус, а в вышележащем *пласте 5* – 133 [Тарасаў, спр. № 1165, с. 9]. Для сравнения в древнем Витебске хронологический диапазон «выпадения» бус также приходится на время не ранее X в. [Еремеев, 2007а, с. 6].

Данные радиоуглеродного датирования фрагментов дерева из материковых ям 1, 2, 8 дают дополнительные возможности для хронологии отдельных групп лепной керамики, поскольку это основной вещевой материал, найденный в заполнении ям. Так, из *ямы 1* получена калибровочная радиоуглеродная дата IGSB-1373 390–50 гг. до н. э. В материковой яме 1 собрано 39 фрагментов лепной керамики, из которых – 4 венчика (от миски и 3 от горшков, 32 стенки, 3 фрагмента керамической обмазки печи; также найден кусок шлака). Из *ямы 2* получена радиоуглеродная дата IGSB-1376 340–660 гг. н. э. Лепная керамика из материковой ямы 2 представлена 36 фрагментами, из них 3 венчика, 27 стенок, днище, орнаментированный фрагмент крышки, 4 глиняных бесформенных слепка. Из материковой *ямы 8* получены радиоуглеродные даты IGSB-1377 660–900 и 910–950 гг. н. э. Лепная керамика из материковой *ямы 8* предоставлена 12 фрагментами, из них 2 венчика, 10 стенок. Эта керамика типична для культуры смоленско-полоцких длинных курганов VIII–X вв. Наиболее достоверный хронологический диапазон существования данной керамики – 910–950 гг. н. э.

Радиоуглеродная дата IGSB-1374, полученная из *ямы 3* – 240–600 гг. н. э. Находки в яме отсутствовали. Проба IGSB-1375 кусочка дерева, который был найден в нижнем стратиграфическом пласте, представляет калибровочную дату 420–670 гг. н. э. Рядом с ямой найдены 2 венчика баночного сосуда банцеровско-тушемлинской культуры и 2 венчика керамики, похожей на волынцевский тип.

В раскопах С. В. Тарасова слой с лепной керамикой залегал сразу под прослойками красно-коричневой глины, перемешанной с бело-желтой глиной. В раскопе III (1986 г.) слой имел вкрапления углей и содержал следы построек каркасного типа с глинобитной печью на деревянном опечке (материковая *яма 2*), остатки ограды, лепную керамику, среди которой найдены венчики баночной формы [Тарасов, д. № 953, с. 14–15].

Таким образом, *нижний стратиграфический слой селища на территории Нижнего замка* относится к середине–второй половине I тысячелетия н. э. Этот слой содержит керамику банцеровско-тушемлинской культуры, куль-

туры смоленско-полоцких длинных курганов. Основная часть вещей с нижнего слоя селища датируется последней четвертью I тысячелетия н. э. Очевидно, что активная хозяйственная деятельность в X в. привела к уничтожению напластований третьей четверти I тысячелетия н. э. Культурный слой этого времени фиксируется лишь в отдельных материковых ямах. По совокупности данных радиоуглеродного датирования и обнаруженных артефактов возможно определить время существования селища летописного Полоцка. Первый этап его существования связан с периодом VI – конца VIII в., когда возле городища образовалось поселение банцеровско-тушемлинской культуры. В последней четверти VIII – X в. население культуры смоленско-полоцких длинных курганов осваивает селище, которое в конце X – XI в. перерастает в *окольный город*. Отсутствие стерильных прослоек в структуре слоя, а также значительного количества угля, дает основание для заключения о непрерывном характере существования селища в VI–X вв. Проба IGSB-1375 куска дерева, который был найден в кв. 3 пл. 9 раскопа I (2008 г.), представляет калибровочную дату 420–670 гг. н. э. Именно в этом пласте найдены 2 венчика баночных сосудов банцеровско-тушемлинской культуры и 2 венчика горшков, похожих на волынцевский тип (рис. 19: 2, 3).

Данные геофизического исследования, которое включало в себя измерение высоты городища и селища на Нижнем замке, свидетельствуют в пользу того, что эти два памятника когда-то были одним целым: уровень площадки Нижнего замка – 128,8 м, городища – 129,63 м. Профиль-разрез по линии, которая соединяет верхнюю площадку городища и стрелку Нижнего замка, определяет объем земли, равный 240 м³. Примерно столько земли потребовалось в 1563 г. для сооружения вала Нижнего замка [Тарасаў, 1998а, с. 49].

Ряд исследователей древнего Полоцка, в первую очередь Л. В. Алексеев и Г. В. Штыхов, считают, что при строительстве Нижнего замка в Полоцке никаких кардинальных изменений топографии городища и древнего поселения не производилось. Выяснение особенностей возведения вала Нижнего замка может способствовать разрешению дискуссии о взаимном расположении и соотношении изначальных площадей детинца и селища Полоцка.

В феврале 1563 г. Полоцк был захвачен московским войском. Царь Иван IV приказал князю Петру Зайцеву и дьяку Борису Щекину сделать «город» «наспех, не мешкая, полое место да и во всем городе изсматривати, да которые места будет пригож поделати» [Книга полоцкого похода ..., 2004, с. 70]. Для строительства Нижнего замка понадобилось около 240 тыс. м³ земли. Вал Нижнего замка состоит из однородной красной глины и песка. Такое колоссальное количество строительного материала требовало разработки карьера, поскольку иначе насыпать вал было бы невозможно. Глина и песок, видимо, были взяты во время рытья нового русла р. Полота, что кардинально изменило внешний вид древнего городища (рис. 16).

В пользу данной гипотезы можно привести стратиграфические данные раскопа 2008 г. на стрелке Нижнего замка. В нем была зафиксирована про-

слойка красной однородной глины мощностью от 0,2 до 0,5 м. Выше нее располагался слой с артефактами XVII–XVIII вв., ниже – наслоения с артефактами древнее XVI в. Раскопки в других частях Нижнего замка также выявили эту особенность стратиграфии [Тарасаў, 1998а, с. 26, 49]. Очевидно, что данная прослойка искусственного происхождения. Наибольшая мощность прослойки глины зафиксирована только в северной части Нижнего замка, максимально приближенной к городищу. Представляется, что наиболее правильным будет следующее объяснение такой особенности стратиграфии: после разработки котлована, который и стал новым руслом р. Полота, глину поднимали на площадку бывшего окольного города, которая примыкала к городищу с юга. Отсюда ее развозили для «тамования» вала Нижнего замка. Утрамбованные остатки глины остались на месте подъема после возведения вала, сделанного по приказу Ивана IV «наспех, не мешкая», очевидно, силами полоцких мещан и крестьян из окрестностей.

Есть и письменные свидетельства, согласующиеся с данным предположением. Согласно Р. Гейденштейну, город некогда стоял «при подошве холма, который москвитяне впоследствии заняли Стрелецкою крепостью» [Гейденштейн, 1889, с. 54]. В деле о продаже двух дворов от протопопа Богдана Яцковича воеводе Альбрехту Гаштольде упоминаются два двора с землей, расположенные на «старом городище в новом паркане» [Описание документов и бумаг ... , б. г., кн. 21, с. 432]. В данном сообщении речь идет о новом паркане Великого посада, который ограждал городище вместе с прилегающими территориями и был построен в 1516 г. Это является еще одним прямым доказательством в пользу того, что русло р. Полота в начале XVI в. проходило по северной стороне городища, а последнее вместе с территорией будущего Нижнего замка являлось одним целым и не было разделено ни природным, ни искусственным рвом. В противном случае потребности в укреплении городища парканом не было бы. Документ интересен еще и тем, что напрямую свидетельствует о расположении на городище городских усадеб в начале XVI в. Согласно археологическим данным, княжеская резиденция была заброшена в начале XIV в., а в XVII–XVIII вв. на городище располагалось городское кладбище, следовательно, еще в начале XVI в. до размещения кладбища, городище использовалось горожанами под застройку.

Наконец, обратим внимание на тот факт, что в районе городища р. Полота имеет два русла. Старое русло (озерко и протоки под названием «Полотище») окружает городище с севера и запада, с востока оно засыпано землей, по которой проложена дорога – въезд на городище. По свидетельству старожилов, эта дорога была обустроена после 1948 г., когда началась активная застройка площадки городища (первая усадьба на нем была возведена в 1947 г.).

Лепная керамика селища на Нижнем замке. Типология лепной керамики проведенная по материалам раскопок в 2008 г. (раскоп I), основывалась на 227 фрагментах лепной посуды (среди них 75 венчиков, 10 днищ, крышка и др.) и соответствует типологии посуды с селища-предградья [Дук, 2009].

Выделены четыре группы керамики, в *первой* из них собраны слабопрофилированные венчики, имеющие аналогии на памятниках пражской культуры VI–VIII вв., в материалах банцеровской культуры и встречаемые в погребальных памятниках культуры смоленско-полоцких длинных курганов, а также в Витебске. *Вторая группа* представлена посудой с S-образным профилем верхней трети сосуда, у нее выделяется плечико, венчик отогнутый и как правило прямой. Аналогичная посуда встречается на памятниках культуры Луки Райковецкой, культуры смоленско-полоцких длинных курганов, на северо-западе России, в Витебске, Лукомле и на Гнездовском селище [Плавинский, 2006, № 21, с. 66]. К *третьей группе* относятся сильно профилированные сосуды с хорошо выделенным плечиком. Хронологически это наиболее поздняя группа лепной керамики, вероятно, синхронная по времени появлению гончарного круга. В *четвертую группу* объединены венчики баночной формы с ровным или немного отогнутым наружу венчиком без плечика. На селище у Красного моста керамика данной группы отсутствует, однако она встречается на полоцком городище, а также в Витебске и Лукомле [Бубенько, 2003, № 8, с. 72–73, рис. 9; Еремеев, 2007, с. 112; 2007а, с. 6].

Кроме выделенных групп найдены 13 венчиков индивидуальных форм, 7 венчиков лепных мисок (сковородок?), кусочек лепного сосуда неопределенного назначения, 2 кусочка лепных крышек, 10 днищ горшков или мисок. В раскопах С. В. Тарасова на Нижнем замке были найдены фрагменты керамической посуды банцеровско-тушемлинской культуры [Тарасаў, 1998а, рис. 47: 2] и культуры смоленско-полоцких длинных курганов [Тарасаў, 1998а, рис. 47: 1, 3, 4, 5], которые идентичны материалам из раскопа I 2008 г.

Вещевой комплекс селища на Нижнем замке. Среди вещевого инвентаря из нижнего стратиграфического слоя раскопа I (2008 г.) внимания заслуживают железная заклепка от ладьи (рис. 17: 7), двушипный железный сильно коррозированный наконечник стрелы (рис. 17: 8), а также односторонний наборный костяной гребень (рис. 17: 1–3). Последний имеет общеевропейское распространение и датируется в пределах IX–XI вв., но наиболее часто представлен в слоях X в. [Кондратьева, 1997, т. 1, с. 300–308; Старая Ладога, 2003, с. 88]. Ладейные заклепки найдены на территории северной Руси в слоях VIII–X вв. Двушипные втулочные наконечники стрел являются типичной находкой в городах Беларуси, где зафиксированы напластования последней трети I тысячелетия н. э. [Еремеев, 2007а, рис. 15: 1–3]. В нижнем стратиграфическом слое раскопа I найдено 6 глиняных пряслиц (рис. 17: 4–6), с ребром по краю, диаметром от 2,5 до 3,5 см и большим отверстием, что характерно для культуры типа Банцеровщины–Тушемли [Перхавко, 1979, № 4, с. 45]. В раскопах 1986 и 1989 г. в нижнем слое селища были обнаружены тигли с округлым дном, свидетельствующие о развитии ювелирного дела, а также костяное пряслице и костяная проколка [Тарасаў, спр. № 1165, с. 15–16].

Реконструкция исторической топографии Полоцка IX–X вв по данным археологических раскопок. Культурный слой летописного Полоцка

племенной поры сохранился в материковых ямах на полоцком городище, селищах, окружавших его с юго-востока, наиболее хорошо – на поселении, предшествовавшем Нижнему замку. Наиболее ранняя керамика банцеровско-тушемлинской культуры найдена как на городище, так и на селище на территории Нижнего замка. Суммарная площадь первоначального центра кривичей-полочан была не менее 8 га. Наиболее значительное по площади поселение (селище или предградье) размещалось на юг от городища – на территории будущего Нижнего замка и занимало площадь около 6 га. В XI в. это поселение было расширено, окружено крепостной стеной и стало *окольным городом*.

В историографии вопрос о существовании окольного города Полоцка практически не затрагивался исследователями. Исключением являются работы Л. В. Алексеева и П. А. Раппопорта, которые высказывали мнения не только о возможности его существования, но и о размещении на территории между р. Полота и р. Западная Двина. По мнению Л. В. Алексеева, окольный город размещался на месте Нижнего замка до ул. Пробойная, окольный город он отождествлял с западной частью Великого посада или Нижним замком [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 108–109]. П. А. Раппопорт локализовал окольный город на расстоянии до 1200 м на восток от Верхнего замка [Раппопорт, 1967, вып. 140, с. 94].

Меньшее по площади «предградье» (0,25 га) было выявлено Г. В. Штыховым на правом берегу р. Полота. По всей вероятности, аналогичные небольшие по площади «предградья» могли существовать и на северо-западе от городища на правом берегу данной реки. В пользу этого предположения имеются археологические свидетельства, в частности обнаруженные во время археологических надзоров несколько фрагментов лепной керамики на ул. Октябрьской – на правом берегу старицы р. Полота на север от городища. Также представляют интерес выявленные во время археологических раскопок в Заполотье фрагменты лепной керамики. Это подтверждает концентрацию поселений в округе полоцкого городища еще на стадии его становления как племенного центра.

Лепная керамика из Заполотья представлена двумя венчиками горшков, верхняя часть которых имеет следы заглаживания на гончарном круге (рис. 19: 4, 5). Эта керамика была обнаружена во время раскопок в 2010 г. на посадской территории, которая примыкает к Верхнему замку. Полные аналогии этим горшкам есть в Витебске [Левко, 2010, рис. 3: 9], встречаются они и с лепной керамикой на памятниках лесостепной зоны Восточной Европы X в. Лепные горшки обнаружены в перемешанном стратиграфическом горизонте, который образовался в результате строительства и деятельности Бернардинского монастыря конца XV – первой половины XVI в. В раскопе был открыт и исследован стратиграфический слой XI в., из которого, видимо, происходят и фрагменты лепной керамики. Заглаженные на гончарном круге лепные горшки из Заполотья позволяют определить время первоначального заселения территории посада на рубеже X–XI вв.

Подводя итог исследованию поселений, окружавших полоцкое городище на стадии его формирования как центра полочан, можно сделать следующие выводы. Одновременно с городищем в третьей четверти I тысячелетия н. э. заселяется южная часть участка у его подошвы (территория будущего Нижнего замка). По мере укрепления Полоцка в качестве политического центра племени полочан (княжение), расширяется и территория «предградий» у городища до 8 га. Перерастание Полоцка в раннегосударственный центр княжества сопровождается развитием на поселениях ремесел (в особенности ювелирного), созданием окольного города на основе предградий. В пределах Заполотского посада развивается изначальное поселение, которое в силу его удаленности от городища и предградий, можно отнести к разряду сельских (лепная, подправленная на круге керамика), с X в. оно начинает превращаться в один из посадов раннего города.

1.4. Курганные захоронения полоцкой округи IX–XI вв.

(А. В. Войтехович)

Курганный некрополь жителей Полоцка как племенной, так и городской поры не сохранился, однако курганные могильники сельского населения его ближайшей округи хорошо известны и изучены археологически. Это, Рудня, Банонь (Экимань), Глинице, Бельчицы, Плусы (левобережье Западной Двины), а также Борки, Захарничи, Дмитровщина (правобережье). Эти объекты отражают развитие погребального обряда в период перехода от племенной эпохи к раннегосударственной.

Ко второй половине VIII – IX в. относится могильник у д. Борки, расположенный на берегу р. Дрисса в 20 км на север от Полоцка. В могильнике насчитывается 18 насыпей, девять из которых исследовал Г. В. Штыхов [Штыхаў, 1992, с. 115–117]. Одна насыпь (№ 9) имела размеры 25 × 9 м и относилась к так называемым длинным курганам. Остальные насыпи были удлиненной или округлой формы, и их длина не превышала 10 м. В пяти курганах погребения были помещены в подкурганные ямки диаметром от 0,4 до 0,8 м, и глубиной 0,3–0,4 м. Еще в двух случаях, кроме погребения в ямке, под насыпью присутствовало второе погребение в виде скопления пережатых костей, на погребальной площадке. Только в одном кургане (№ 1) погребение размещалось у самой вершины насыпи кургана, и, возможно, было впускным. Непосредственно над ямками или рядом с ними находились лепные горшки, некоторые из них были перевернуты вверх дном. Кроме того, в самих погребениях находились женские украшения. Это миниатюрные костяные подвески в виде уточек (рис. 20: 1), фрагменты изделий из цветных металлов (шейная гривна с серповидными концами (рис. 20: 4), небольшие орнаментированные трапециевидные подвески (рис. 20: 2), спиральки (рис. 20: 3) и накладка головного венчика (рис. 20: 5)), оплавленные бесцветные и голубые бусы. К инвентарю мужских погребений относятся железные поясные пряжки с вогнутыми боками (рис. 20: 6, 7). В одном из погребений кроме костей человека присутствовали кости коня

и домашнего быка. Видимо, эти животные были сожжены вместе с умершим в качестве жертвоприношения.

Население, которому принадлежал могильник Борки, соотносится с культурой смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК), и этнически с кривичами. Памятники этой культуры появляются во второй половине VIII – IX в. на территории Белорусского Подвинья и на Смоленщине. Для них характерны курганные могильники с небольшим количеством длинных, удлинённых или округлых в плане насыпей. Погребальный обряд – трупосожжение с последующим размещением останков кремации в материковых ямках, сверху или рядом с которыми ставился горшок, часто перевернутый вверх дном.

Размещение погребения в материковых ямках было зафиксировано на могильнике Рудня, который расположен на берегу р. Ушача в 15 км к юго-западу от Полоцка. В могильнике сохранилось 96 курганов. В разное время здесь было исследовано 23 кургана: 14 из них А. Н. Левданским и С. А. Дубинским [Ляўданскі, 1930, т. 2, кн. 11, с. 179–196], 4 – А. Г. Митрофановым и 5 – Г. В. Штыховым [Штыхаў, 1992, с. 121–122]. Насыпи имели округлую или удлинённую форму, их длина составляла от 4,5 до 13 м.

Под курганом № 1 могильника Рудня было выявлено две ямки глубиной до 30 см, заполненные пережжёнными костями. Кости, общий вес которых достигал 7,25 кг, находились и рядом с ямками на уровне горизонта. Погребальный инвентарь представлен лепным горшком, помещённым в ямку, и фрагментами украшений, элементов поясной гарнитуры и пуговицами. Вероятно, погребение относится к концу IX – началу X в. В это время на территории Белорусского Подвинья на смену погребальному обряду, согласно которому останки сожжённых людей помещали в подкурганные ямки, приходит обряд размещения погребения на древнем горизонте, часто на остатках кострища.

В кургане № 9 могильника Рудня в таком погребении найден фрагмент шейной гривны с костьюобразными концами. Подобные украшения наиболее характерны для погребений IX – начала X в. [Енуков, 1990, с. 74]. Остальные курганы могильника Рудня с размещением погребения на уровне горизонта, согласно хронологии инвентаря, могут быть отнесены к X в.

В том же могильнике фиксируются погребения, размещённые на специально сделанной подсыпке (курганы № 4, 7, 10, 15). Высота подсыпок составляла 0,4–0,5 м. Инвентарь состоял из лепных горшков (рис. 21: 8–10), которые находились среди костей или накрывали их, фрагментов женских украшений из цветного металла (височных колец с заходящими серповидными концами (рис. 21: 1), бубенчиков (рис. 21: 2), цепочек (рис. 21: 3), крупных трапециевидных подвесок (рис. 21: 4) и т. д.), оплавленных стеклянных бус. В погребениях мужчин отмечены находки фрагментов подковообразных фибул (рис. 21: 6) и элементов поясной гарнитуры из цветного металла (рис. 21: 5, 7), а также изделия из железа: ножи, наконечник стрелы, элементы конской упряжи.

В кургане № 15 прослежен необычный для региона Белорусского Подвинья ритуал. На подсыпке находилось 6 лепных горшков, в одном из них

было погребение, несколько бусин и головка коня, вырезанная из кости. Наличие подсыпок под погребениями наиболее характерно для южных регионов Беларуси, связанных с бассейном р. Днепр. Курганы, где 5–7 гончарных горшков-урн находятся внутри деревянного ящика, присущи погребальным традициям славян южных территорий [Вайцяховіч, 2011, с. 180]. Вероятно носители этих традиций, оказавшиеся в чужой среде, сохранили основные черты погребального обряда, однако были вынуждены пользоваться лепной посудой местного изготовления. Проникновение населения с юга в Полоцкое Подвинье могло осуществляться по р. Березина Днепровская через р. Ушача.

Во второй половине X в. возникают могильники Банонь (Экимань) и Бельчицы, расположенные за чертой Полоцка. В могильнике Банонь, который находится в 5 км западнее Полоцка, на левом берегу р. Западная Двина, насчитывается 30 округлых в плане насыпей диаметром от 4 до 12 м. Г. В. Штыховым исследовано 7 курганов [Штыхаў, 1992, с. 119–121]. Погребения располагались на уровне горизонта на остатках кострищ.

Выделяется погребение в самом большом кургане № 7, кремация которого была проведена на месте захоронения. Сопровождающий инвентарь представлен железными удилами (рис. 22: 1), деталями шумящего хлыста (рис. 22: 2–4), пряжкой от конской упряжи (рис. 22: 7), кольцами кольчуги (рис. 22: 6), наконечником стрелы (рис. 22: 5), круговыми горшками (рис. 22: 8, 9). Судя по набору вещей, это погребение дружинника. Именно во второй половине X в. начинается расселение дружины в сельской местности [Алешковский, 1960, № 1, с. 86]. Обряд сожжения умершего на месте захоронения также вначале был характерен для знати, а затем распространился и на остальные слои населения [Моця, 1987, с. 46]. Еще в одном кургане могильника Банонь найдены железная подковообразная фибула, ключ, нож и гончарный горшок.

В могильнике Бельчицы насчитывалось 33 округлых кургана, 9 из которых исследовано А. Н. Левданским и С. А. Дубинским [Ляўданскі, 1930, с. 157–161], и один Г. В. Штыховым [Штыхаў, 1992, с. 145]. Здесь выявлены только 2 ранних кургана с трупосожжением. В обоих случаях это женские погребения. В кургане № 1 кремация, возможно, была проведена на месте. В состав инвентаря входили браслеты из цветного металла, стеклянные бусы и гончарные горшки.

Со второй половины X в. функционирует могильник Глинище, который расположен в 7 км южнее Полоцка. В нем насчитывается 53 кургана округлой формы. Г. В. Штыховым было исследовано 20 насыпей диаметром 4–10 м, и высотой 0,7–1,5 м [Штыхаў, 1992, т. 2, кн. 11, с. 122–126]. Все погребения размещались на уровне горизонта на зольных прослойках. Некоторые трупосожжения, возможно, совершались на месте захоронения. В погребениях встречаются лепные, подправленные на гончарном круге и круговые горшки (рис. 23: 7, 8). Из женского инвентаря имеются фрагменты украшений из цветного металла (височные кольца с серповидными заходящими концами (рис. 23: 1) и браслетообразные кольца, перстни (рис. 23: 2)),

оплавленные стеклянные бусы, глиняное пряслице (рис. 23: 3). В погребениях мужчин найдены ножи (рис. 23: 5), железная подковообразная фибула (рис. 23: 4), фрагменты удила. В кургане № 16 присутствовал фрагмент обгорелой бересты от короба. Такие короба, в которых могли приносить кости с места сожжения известны на Смоленщине [Шмидт, 1968, с. 226]. В курганах неоднократно отмечены впускные погребения.

На могильниках, наиболее близких к Полоцку во второй половине X в., отмечаются находки вещей древнерусского облика (браслетообразные височные кольца с завязанными концами, калачевидные кресала, грушевидные бубенчики с крестообразными прорезями), распространяется гончарная посуда, появляются сожжения, совершенные на месте захоронения. Эти перемены, возможно, связаны с распространением в округе Полоцка древнерусской культуры.

В конце X – начале XI в. в округе Полоцка, как и на всей территории Полоцкой земли, начинают распространяться погребения, совершенные по обряду ингумации. Вскоре кремация полностью исчезает. Хронологически смена форм обряда совпадает с процессом формирования государственной территории Полоцкого княжества и с распространением христианства.

Самые ранние погребения ингумации, как и кремации, размещались на уровне горизонта, на кострище. В последующем появляются погребения в подкурганных ямах. И те, и другие были ориентированы головой на запад, часто с отклонением на север или юг, что зависело от времени года. Подобная ориентировка свойственна всем славянским погребениям, в том числе и погребениям Полоцких кривичей.

На могильниках Рудня (№ 13) и Глинище (№ 11) отмечены единичные погребения по обряду ингумации. Инвентарь женского погребения в Рудне был представлен лепным горшком, шейной гривной с серповидными концами, браслетообразным височным кольцом, стеклянными бусами. В Глинище в мужском погребении найдено бронзовое поясное кольцо. В начале XI в. могильники Рудня и Глинище прекратили функционировать.

Ряд могильников, которые возникли в середине X в., являются местом захоронения и в XI в. К ним относится могильник у д. Плусы, который расположен в 20 км южнее Полоцка, на берегу озера Суя. Здесь сохранилось 38 округлых в плане курганов. Г. В. Штыховым было исследовано 14 насыпей диаметром 4–10 м [Штыхаў, 1992, с. 145–147]. В трех курганах на уровне горизонта были найдены погребения по обряду кремации, инвентарь которых состоял из лепного и гончарного горшков, ножа и стеклянной бусины. В насыпь одного такого кургана (№ 1) было впущено труположение мужчины. Инвентарь данного погребения представлен гончарным горшком, ножом, железной подковообразной фибулой и бронзовым поясным кольцом. Остальные погребения находились в могильных ямах под курганными насыпями. Могильные ямы неглубокие, около 0,3 м, их размеры не намного превышают рост человека. Вокруг костей наблюдались следы от гробов в виде древесного тлена и гвоздей. Судя по погребальному инвентарю, который состоял из гончарных горшков (рис. 24: 7), женских украшений из

цветного металла (височных перстнеобразных колец, грушевидного бубенчика (рис. 24: 1), перстней (рис. 24: 2, 3), звероголового (рис. 24: 4) и плетенного (рис. 24: 5) браслетов), ножа, стеклянных бус, все погребения в могильных ямах относятся к XI в. На могильнике Бельчицы одно погребение женщины по обряду ингумации расположено на уровне горизонта, еще два – в могильных ямах. Ямы достигали размеров $2,6 \times 1,3$ м, и имели глубину до 0,5 м. Вероятно, эти погребения также относятся к XI в.

На правобережье р. Западная Двина исследованы два могильника: Захарничи и Дмитровщина. Они связаны с водной системой р. Полота. Могильник Захарничи расположен в 7 км северо-восточнее Полоцка. Здесь насчитывается 14 полусферических насыпей, 5 из них диаметром 6–7 м исследовал Г. В. Штыхов [1992, с. 153–154]. Все погребения размещались в могильных ямах, которые размерами напоминали ямы из Бельчиц, однако глубина их достигала 0,7 м. У погребений фиксировались следы гробов. В отличие от других могильников, где у погребенных одна рука или обе были вытянуты вдоль туловища, в Захарничах руки у них были сложены в области тазовых костей или у подбородка. Погребальный инвентарь представлен изделиями из цветных металлов (поясными пряжками, подковообразной фибулой, перстнями), ножом, стеклянными бусами. Погребения могут быть датированы XI в.

Могильник Дмитровщина находится в 15 км севернее Полоцка. Часть памятника уничтожена карьером, однако сохранилось 64 кургана округлой формы. С. В. Тарасовым [Тарасаў, 1995, № 6] и М. В. Климовым [1997, № 12] исследовано 8 насыпей диаметром 6–10 м. В трех курганах выявлены погребения, расположенные на уровне горизонта на зольных прослойках. Погребальный инвентарь представлен женскими украшениями из цветного металла (бронзалетообразными и перстнеобразными височными кольцами, витым и пластинчатым браслетами), стеклянными и каменными бусами, гончарным горшком. Еще в двух курганах погребения размещались в неглубоких (0,2–0,4 м) могильных ямах. По характеру инвентаря они не отличались от вышеописанных погребений. Однако следует упомянуть находку в кургане № 3 – подвеску в виде крестика с расширяющимися концами с тремя полукруглыми выступами (рис. 24: 6).

Появление погребений, размещенных в могильных ямах в Полоцком Подвинье, относится к первой половине XI в., однако широкое распространение они получают со второй половины XI в. Все погребенные ориентированы головой на запад, отмечаются случаи перекрещенного положения рук. Инвентарь представлен женскими украшениями и в единичных случаях – гончарными горшками. Эти признаки могут свидетельствовать о начале христианизации местного населения, чему способствовала близость с Полоцком, который являлся центром христианизации всей Полоцкой земли. В округе Полоцка не зафиксированы курганы, где погребения можно было бы датировать XII в., хотя в других регионах Подвинья они имеются. Вероятнее всего, в XII в. жители округа города, как и сами полочане, уже хоронили умерших не в курганах, а на христианских кладбищах.

2. ПОЛОЦК – ЦЕНТР ЗЕМЛИ В XI–XIII вв.

2.1. Полоцк и объединительные процессы XI–XIII вв.

(О. Н. Левко)

Территории государственного образования, известного под названием «*Полоцкая земля*» соответствует два этапа ее развития, один из которых связан с формированием, а второй с распадом этой социально-политической структуры Восточной Европы. Третий этап является переходным, когда военно-политическая нестабильность на пространстве северной части Восточной Европы способствует вхождению полоцких владений в состав формирующегося Великого Княжества Литовского.

Первый этап (конец X – XI в.). В конце X в., после подчинения Полоцка киевским князем Владимиром Святославичем, для его сына Изяслава (предполагаемого наместника в Полоцком княжестве) на месте пограничного дружинного поселения полочан был построен Изяславль – центр волости. Однако Изяслав занял престол в Полоцке в качестве наследника линии его деда Рогволода, тем самым положив начало новой династии полоцких князей, состоявших также в родстве с киевским княжеским домом [Ляўко, 1999, с. 18–19].

Данные обстоятельства повлияли на дальнейшее политическое и территориально-административное развитие края в целом. Начинает формироваться государственная *территория Полоцкой земли* по тем же принципам, что и территория Киевской державы. Печать полоцкого князя Изяслава (найдена в Новгороде) подтверждает, что он являлся верховным распорядителем государственной земли, и, следовательно, полноправным главой Полоцкого государства. События первых десятилетий XI в. показывают дальнейшее развитие отношений партнерства между Киевом и Полоцком. В Киеве построен двор следующего полоцкого правителя – Брячислава. А самому Брячиславу уже Ярослав Мудрый предлагает: «Буди же с мною един» [Патриаршья, или Никоновская летопись, 1965, т. 9, с. 77]. Этот договор скреплен передачей в 1021 г. Полоцкому княжеству двух волостей на отрезке пути «из варяг в греки» в Витебском Подвиньи: Витебской и Усвятской. При вхождении в состав Полоцкого государства, их внешние границы были обозначены порубежными крепостями, а также появились пункты, отделяющие данные волости от других территориальных структур внутри государства.

В XI в. восточный рубеж Витебской волости, вошедшей в состав Полоцкой земли, со Смоленским княжеством проходил по нижнему течению р. Усвяча, затем р. Каспля, р. Рутавечь до озера Рутавечь, где располагался волок на р. Березина. Здесь возникают укрепленные поселения возле деревень Кошевичи, Ковали, Микулино. Южная граница Витебской волости, отделяющая ее от Оршанского Поднепровья, обозначена р. Рубежница, подходящей к озеру Рутавечь [Ляўко, 1997, № 12, с. 175]. Юго-восточная граница Полоцкой земли в первой половине XI в. не доходила до р. Днепр. В Оршан-

ском Поднепровье она граничила с погостом Черкасово, расположенном в междуречье Оршицы и Адрова, дань с которого взымали киевские князья. В церковно-археологическом музее Витебской епархии Белорусской Православной Церкви находится каменный крест с изображением древнего герба Полоцка, выявленный в д. Межево, расположенной на р. Скунья Оршанского района. Это подтверждает местоположение юго-восточной границы Полоцкой земли в XI в.

Около 1024 г. к Полоцкой земле присоединены по соглашению с Ярославом Мудрым Менская волость и, видимо, Друцкая волость, которые составили южную периферию формирующегося государства. Подтверждением перехода данных волостей из подчинения киевскому князю в состав Полоцкой земли служат намек «Саги об Эймунде» о том, что владений у Брячислава становится «наполовину больше, чем было у него до сих пор», а также находки в культурном слое X – начала XI в. данных поселений днищ горшков с княжеским знаком Рюриковичей в виде трезубца раннего варианта, принадлежащего Владимиру Святославичу [Левко, 2008, с. 43]. Принадлежность *Друцка* к Полоцкой земле в XI в. подтверждается его упоминанием во время похода Мономаха в 1078 г., а также в связи с мором 1092 г.

Орша и *Копысь*, впоследствии став центрами Верхнеднепровских полоцкой и смоленской волостей, в XI в. могли выполнять лишь функцию открытых поселений для постоя военных и торговых караванов по пути «из варяг в греки». Подтверждением этому являются раскопки, проведенные на городищах обоих поселений. Под первоначальными насыпями валов здесь выявлен культурный слой начала XII в. Ю. И. Драгун датировал «град» Оршу XI в., исходя из упоминания о пленении южнорусскими князьями Всеслава полоцкого с сыновьями «на Рши», а Э. М. Загорульский полагал, что в Копыси вал был насыпан на рубеже XI–XII вв. Однако ни на одном из этих поселений не обнаружено слоев и укреплений XI в. Имеются лишь отдельные находки, которые могут подтверждать использование площадок будущих «градов» для остановок во время движения по водному пути. С установлением в Смоленске во второй половине XI в. власти киевских наместников, левобережье Верхнего Поднепровья переходит под контроль Смоленска [Ляўко, 1997, № 12, с. 173–175] и здесь формируются волости, составившие западную периферию территории этого княжества. Так, в XII в. образовалась волость с центром в Копыси, принадлежащая клану Мономаховичей. Расположенная на левом берегу р. Днепр, Копысь противостояла укрепленной Орше – форпосту Полоцкой земли на правом берегу этой реки.

Второй этап (XII–XIII вв.) в развитии территории Полоцкой земли, приведший к распаду этого государственного образования, начинается с XII в. С рубежа XI–XII вв. на территории Восточной Европы начался процесс создания удельных княжеств и земель-уделов, завершившийся полным распадом существующих государственных структур к концу XII в. Политический раскол в среде наследников Всеслава после его смерти (1101 г.) и появление *уделов-вотчин на феодальном праве* характеризуют наступление нового исторического периода.

В Полоцкой земле формируются особые ветви полоцкого княжеского дома – наследники вотчин. *Полоцкая волость* в узком смысле, как и *Русская земля* в Киевской державе, была основой государственной территории Полоцкой земли и уже по этой причине не могла стать наследуемой вотчиной ни одного из князей, занимавших полоцкий стол, хотя в литературе встречаются обратные утверждения [Алексеев, 1966]. Она лишь давала возможность получения дополнительных доходов во время пребывания во главе Полоцкой земли и поэтому полоцкий стол оставался притягательным для удельных князей XII в. Что же касается других волостей, из которых складывалась территория Полоцкой земли, то они служили для создания их вотчинных владений.

В последней четверти XI в. Всеслав полоцкий выделил в удел *на родовом праве* Менскую волость своему сыну Глебу. На основе волости X – начала XI в. в Полоцкой земле существовал также *родовой* Изяславский удел с центром в Изяславле. Как показывают источники, этим уделом (волостью), начиная с XI в., обычно управляли сыновья князя, занимавшего Полоцкий стол. И лишь Василько Святославич закрепил его за своим сыном Брячиславом в качестве отчины (на феодальном праве). Письменные источники в совокупности с данными археологии позволяют не только уточнить время образования других уделов, выделившихся из состава Полоцкой земли в течение XII в., но и проследить характер изменения их территории в процессе развития.

На каком-то этапе прослеживается сосуществование уделов, выделенных на родовом праве с уделами, созданными на феодальном праве. Однако в дальнейшем при развитии феодальных отношений они становятся равнозначными [Назаренко, 1985, с. 155]. Князь Борис создал волость-вотчину, занимая стол в Полоцке и находясь во главе Полоцкой земли. По сообщению В. Н. Татищева «в 1102 г. Борис Всеславич полоцкий ходил на ятвяг и, победя их, возвратясь, поставил *град* Борисов в свое имя и людьми населил» [Татищев, 1963, т. 2, с. 123]. Белорусско-литовские летописи также подтверждают, что город Борисов на р. Березина «вчинил» полоцкий князь Борис. Сам город был заложен на левом берегу р. Березина, а его волость располагалась вдоль обоих берегов реки в верхнем ее течении. В это время менский князь Глеб начинает предпринимать активные меры к расширению территории удела, полученного им в управление от отца на родовом праве. Весь комплекс военно-политических событий, связанных с борьбой между Глебом менским и его могущественными противниками – кланом Мономаховичей из Киевской державы, позволяет рассматривать их как стремление феодальных собственников расширить и упрочить личные владения. Глеб менский распространяет власть на значительную часть территории Оршанского Поднепровья, где еще стабильных границ не существовало. Крепости-«грады» Друцк, Орша, Копысь были включены в состав его удела в первые два десятилетия XII в. Не случайно во время опустошительного похода Мономаховичей на Минск в 1116 г., эти города ими были взяты и разорены. Однако победившие Глеба менского Мономаховичи по-

сле его смерти в 1119 г. завладели не всем Менским уделом, а лишь первоначальной территорией Менской волости (в 1024 г. отданной по соглашению Ярославом Мудрым Брячиславу полоцкому), которая была возвращена наследникам Глеба после 1140 г.

Анализ письменных источников, касающихся сложившейся политической ситуации, позволяет сделать следующие выводы. В первой четверти XII в. интересы мономаховичей, чьим уделом в составе Киевской державы к этому времени становится Смоленское княжество, сталкиваются с интересами удельного князя Полоцкой земли Глеба менского, расширившего свое влияние на Друцкую волость и сопредельные с ней территории правобережья Оршанского Поднепровья. Западная граница Смоленского княжества уже доходит до р. Днепр, где возводятся укрепления на поселении в Копыси (подтверждается археологически). Если строительство крепости Копысь на левом берегу р. Днепр связывать с Мономахом, ставшим смоленским князем в 1101 г., то возведение крепости Орша на противоположном правом берегу р. Днепр Глеб менский мог осуществить между 1104 и 1116 г. с целью противостояния дальнейшему расширению Смоленских владений на запад. Видимо, до 1116 г. он захватил и Копысь с волостью, что могло вызвать поход мономаховичей и утрату Полоцкой землей территории Менской волости, а для самого князя Глеба этот поход закончился пленом и смертью в заточении в Киеве.

В 30-е годы XII в. окончательно сформировался рубеж со Смоленским княжеством вдоль правого берега р. Днепр, что подтверждается возникновением в Оршанском Поднепровье ряда крепостей-деревень Стражево, Германы, Гончарово, Приволье [Ляўко, 1997, № 12, с. 180, мал. 3]. Видимо, в это же время в Полоцкой земле создана волость с центром в Орше (ранее центром волочан оршанского Поднепровья был погост в Черкасово). На севере Оршанская волость граничит с Витебской волостью, на востоке – со Смоленским княжеством. Западный рубеж этой волости проходит по р. Адров, так как в ее состав включен и погост Черкасово, граничивший с Друцкой волостью. Здесь у д. Дятлово выявлен межевой «Рогволодов камень», установленный, судя по надписи на нем, в 1171 г. друцким князем при определении границ Друцкого княжества-удела [Ляўко, 1997, № 12, с. 176].

Образование волостей на северо-востоке современной Беларуси и их развитие в составе Полоцкой земли и Смоленского княжества сопровождалось военными конфликтами и установлением временных территориально-политических союзов. Эти события нашли отражение в письменных источниках и позволяют в совокупности с материалами археологии проследить процесс распада территории государственного образования «Полоцкая земля» и сложения новых территориально-административных структур, развитие их центров в XII–XIII вв.

Сообщение В. Н. Татищева о том, что в 1121 г. «Владимир, князь великий, был с детьми своими в Смоленске для рассмотрения несогласий и усмирения Полоцких князей» [Татищев, 1963, т. 2, с. 134] может быть связано с установлением границы по р. Днепр между Полоцкой землей и Смоленским княжеством, отмеченной рядом крепостей, как указывалось выше. Это было

компенсацией за утрату Полоцкой землей Менской волости в ходе военной операции сыновей Мономаха в 1116 г. Поскольку в Уставной грамоте 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича среди городов, выплачивающих десятину Смоленской епископии, названа Копысь, то, видимо, она по условиям перемирия была возвращена Смоленску, а Орша – Полоцку.

Осуществленный в 1127 г. новый поход коалиции южнорусских князей в Полоцкую землю показывает степень значимости каждого из четырех пограничных пунктов (Изяславль, Борисов, Логожеск, Друцк), на которые были нацелены определенные военные силы. Наибольшее число войск приходится на Изяславль, вторым по значимости является Борисов, в ранге обычных крепостей выступают Друцк и Логожеск. Следовательно, лишь в первых двух пунктах ожидалось сопротивление князей с их дружинами. В Изяславле это был сын полоцкого князя Давыда Брючислав, а в Борисове – бывший полоцкий князь Борис. В Друцке и Логожске в то время удельных князей не было. Культурные напластования друцкого детинца [Алексеев, 1966, с. 152–153], как отметил Л. В. Алексеев, не оставляют сомнений в том, что «вплоть до 30-х годов XII в. жизнь в Друцке не была интенсивной».

Начало *Друцкому уделу* было положено князем Борисом при его втором вокняжении в Полоцке (1127 г.). Заняв повторно полоцкий стол, князь Борис присоединил к своей вотчине – Борисовской волости – граничившую с ней Друцкую волость. В это время не было других претендентов из полоцкого княжеского дома на данную территорию, так как Глеб менский умер, а Менская волость находилась в руках мономаховичей. Пограничье Лукомльской, Друцкой и Борисовской волостей отмечено Борисовым камнем, выявленным у современной деревни Высокий Городец Толочинского района. Вскоре Борис полоцкий умер, и закреплять восточную границу Друцкого удела уже пришлось его сыну Рогволоду (Василию) после возвращения в 1140 г. из византийской ссылки («Рогволодов камень» 1171 г. у д. Дятлово Оршанского района). Наследники Глеба, получившие в свое распоряжение после 1140 г. Менскую волость, временно одержали перевес над Борисовичами и захватили Друцкий удел. В 1150-х годах они возвратили Рогволоду Борисовичу вотчину, однако лишь с левобережной частью Борисовской волости, непосредственно примыкающей к территории его Друцких владений. Борисовская волость и в начале XVI в. занимала левобережье р. Березина. Правобережная часть Борисовской волости вошла в состав Менских владений. Территория Менского повета XVI в. почти полностью соответствовала Менскому уделу, выделившемуся окончательно из состава Полоцкой земли после 1185 г. [Заяц, 1993, № 4, с. 14].

Ставший в 1132 г. полоцким князем Василько Святославич, сын Святослава Всеславича, в числе других сосланного в Византию, правил Полоцкой землей до 1146 г. [Алексеев, 1966, с. 267]. Летописи второй половины XII в. связывают наследников Василька Святославича с Витебском. Это позволяет предположить, что именно в правление князя Василько в Полоцке и был создан *Витебский удел*. По археологическим данным значительные перемены в развитии Витебска наблюдаются с 40-х годов XII в. В это же время возводятся мощные деревоземляные укрепления вокруг детинца и Окольного

города [Калядзінскі, 1997, с. 57]. Первоначально территория Витебского удела, видимо, состояла из присоединенных в 1021 г. к Полоцкой земле Витебской и Усвятской волостей.

Внутренние и внешнеполитические обстоятельства, общий ход развития феодальных отношений во второй половине XII в. влияют на характер взаимоотношений удельных князей Полоцкой земли. Наследники Глеба, Бориса, Василька ведут борьбу за верховную власть в Полоцке, усиливая уже существующие противоречия, подталкивая Полоцкую землю к окончательному распаду. С 1146 по 1151 г. полоцкий стол занимает Рогволод Борисович друцкий. Однако с помощью политических интриг власть переходит к Ростиславу Глебовичу менскому, правившему Полоцкой землей до 1158 г. Глебовичи закрепляются на всех ключевых позициях. В Менске сидит брат Ростислава Глебовича Володарь, в Изяславле второй его брат – Всеволод. Друцкий удел занимает сын полоцкого князя Глеб Ростиславич. После возвращения Рогволода Борисовича на княжение в Полоцк (1158–1162 гг.), он восстановил свои права на Друцкий удел, хотя, как уже отмечалось, и потерял часть отцовской вотчины – Борисовской волости.

Витебский удел с 1165 г. вступает в отношения сюзеренитета-вассалитета со Смоленском, который уже являлся центром земли, включающей два удела: Смоленский и Торопецкий. Примкнув к Новгородской земле, Торопецкий удел примерно в те же 1160-е годы выходит из состава смоленских владений. Допустимо, что союз Смоленской земли с Витебским уделом был вызван двумя причинами. Во-первых, занявший с 1162 г. полоцкий стол Всеслав Василькович витебский нуждался в сильной поддержке извне в своей борьбе за верховную власть с внутренними противниками (менскими и друцкими князьями). Во-вторых, Смоленская земля, утратив Торопецкий удел, могла рассчитывать на прирост территории за счет ближайшего соседа. Именно такими мотивами можно объяснить временное управление Витебским уделом одного из смоленских князей Давыда Ростиславича. В этот период, видимо, была расширена территория Витебского удела за счет включения в него Оршанской волости, подчинявшейся Полоцку, где правил витебский князь. Таким образом, закладывается основа территории будущей Витебской земли. Не случайно именно в 1171 г. друцкий князь Рогволод устанавливает межевой камень на границе своих владений с Оршанской волостью, опасаясь, возможно, расширения витебских владений на запад. Смерть смоленского князя Романа Ростиславича (1180 г.) вынуждает Давыда Ростиславича возвратиться на княжение в Смоленск. К этому времени все ключевые позиции на территории Полоцкой земли уже прочно заняты витебскими Васильковичами. В самом Полоцке правит Всеслав Василькович. Его брат Брячислав княжит в Витебске, сын Брячислава – Василько сидит в Изяславле. Однако после распада союза с Витебском, Смоленск стремится установить подобные связи уже с Друцким уделом, чему противятся полоцкие князья. Этими причинами можно объяснить последний объединенный поход всех полоцких сил в 1180 г. на Друцк в защиту целостности территории Полоцкой земли.

В конце XII в. *княжества-уделы*, выделившиеся из состава Полоцкой земли, развиваются полностью самостоятельно. Как отмечает М. К. Любавский, политические группировки городов и волостей, сложившихся в удельное время, были устойчивыми и к началу XVI в. [Любавский, 1892, с. 60–61]. С выходом из состава Полоцкой земли увеличивается территория Друцкого удела за счет расширения в юго-восточном направлении. Достоверно определить южную границу Друцкого удела конца XII в. не представляется возможным. Предположительно порубежной крепостью Друцкого удела в XII в. мог стать Могилев. На присутствие на территории его городища княжеской администрации указывают находки днищ сосудов с «трезубцами», аналогичными княжескому знаку на шиферном пряслице, обнаруженном в Друцке. Наличие воинов-профессионалов на могилевском городище подтверждается находками вооружения и миниатюрного тополика-амулета [Марзалюк, 1998, с. 183–184].

Третий этап (XIII в.). Кардинальные перемены в политической истории Полоцкой земли и значении ее как территориально-административной единицы произошли в XIII в. К этому времени *Полоцкое княжество* состояло из собственно Полоцкой волости и домениальных владений (Лукомльская и Браславская волости). Оно известно по хронике Генриха Латвийского как «*королевство*», которому были подвластны княжества Герцике и Кукенойс. Полоцкому княжеству, ослабленному уменьшением государственной территории, политической нестабильностью, чрезвычайно трудно было удерживать под своим влиянием Герцике и Кукенойс. Положение ухудшилось ввиду активизации деятельности Тевтонского Ордена в Прибалтике и постройки в 1201 г. в устье р. Западная Двина г. Рига. Однако с конца XII в. и вплоть до 1225 г. Полоцкое княжество в новом своем качестве оставалось достаточно сильным государством [Ляўко, 2000, № 15, с. 121].

К концу 30-х годов XIII в. социальные и политические процессы у литовских племен достигли уровня становления государственности. На первых порах литовское княжество представляло собой сложный конгломерат из населения собственно литовских племен и тех соседних территорий, которые уже прошли достаточно длительный путь в становлении и развитии государственности в Восточной Европе. Прежде всего, это была территория Полоцкой земли. Миндовг, принявший вместе с дружиной православие, использовал сложную политическую ситуацию в Полоцке в целях консолидации своих владений. Полоцкие земли, расположенные на стыке юго-западной и южной границы Новгородской земли, северо-западной и западной границы Тверского княжества и северной границы Смоленского княжества, в 20-е годы XIII в. служили мишенью для литовских ударов [Алексеев, 1975, с. 230], а уже в 40–50-е годы этого века были плацдармом для глубоких тыловых рейдов литовцев в русские земли. С конца первой четверти XIII в. независимая от Литвы политически Торопецкая земля была объектом первоочередного нападения, так как через нее литовские отряды прорывались в новгородские волости (Руссу, Торжок, Бежецкий Верх) [Янин, 1994, с. 48]. Полоцкий плацдарм использовался Литвой и во время успешно-

го похода на Псковщину в 1247 г. Поэтому в 1258 г. перед рейдом к Торжку, литовцы активно поддержали полочан в их походе к Смоленску, где была «взята на щит» Воинщина. В это же время закончились компромиссные отношения Миндовга с Орденом, фактически захватившим Жмудь. Новгородцы воспользовались данной ситуацией и привлекли на свою сторону бывшего противника. В 1262 г. пошли новгородцы с князем Дмитрием Александровичем «с свои мужи, и Полоцкий князь Товтивил, а с ним Полочан и Литвы 500...» [Новгородская первая летопись ..., 1950, с. 83] под Юрьев и совместными усилиями взяли один из сильнейших орденских городов. Следующий, 1263 г. снова во многом стал переломным в истории древнерусских княжеств и земель. 14 ноября на пути из Орды умер Александр Ярославич, великий князь владимирский, князь новгородский. Незадолго до этого события, 5 августа 1263 г., в результате заговора князей-родственников был убит великий князь литовский Миндовг. Их смерть повлекла смену лидеров и политических ориентиров, что сыграло огромную роль в истории широкого региона от Прибалтики до Северо-Восточной Руси. В последующие 10 лет определились новые взаимоотношения таких государственных образований, как Новгородская земля, Тверское княжество, Великое Княжество Литовское. После смерти Александра великокняжеский стол перешел к его брату Ярославу Тверскому, жившему то в Новгороде, то во Владимире, то в Твери. Его сын Святослав Ярославич был посажен в Пскове.

Литовские заговорщики после убийства Миндовга расправились и с полоцким князем Товтивилом, а его сын со своей дружиной получил убежище в Новгороде. Пришедший к власти в ВКЛ сын Миндовга Войшелк начал расправу с кровными врагами. Это побудило часть литовских князей с дружинами бежать в Псков. С заговором против Миндовга историографическая традиция связывает получившего псковский стол в 1266 г. литовского князя Довмонта. Возможно поэтому, закрепившись в Пскове, Довмонт в том же 1266 г. предпринял два похода в Полоцк, захватил жену князя Герденя (полоцкого наместника Войшелка), а самого Герденя убил [ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 180–181]. Действия Довмонта импонировали псковичам, а в последующих 1267 и 1268 г. уже и новгородцы поддержали Довмонта в его походах на полоцкую территорию, стремясь ослабить своего потенциального противника. Переход в 1270-х годах Полоцка под власть Рижского епископа на четверть века вывел город из-под контроля Литвы и отодвинул напряженность в пограничных полоцко-новгородско-тверских землях до XIV в. [Хохлов, 1995, с. 251–252].

2.2. Полоцк – политический, социально-экономический и сакральный центр земли в XI–XIII вв.

(Д. В. Дук, О. Н. Левко, Г. В. Штыхов)

Полоцк являлся политическим, социально-экономическим и сакральным центром Полоцкой земли, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и многочисленные материалы археологии.

Черты общественно-политического строя. Начальная политическая история Полоцка отражена в древнерусских летописях и скандинавских сагах. В «Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись) сказано: «И приа власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своим грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по тем городам суть находници варязи, а перьвии насельници... въ Полотьски кривичи...» [ПСРЛ, 1962, т. 1, ст. 20]. То, что Полоцк как территориально-племенной центр был основан кривичами, подтверждают материалы археологии. Не вызывает сомнения и преимущественно славянское население Полоцка и его округа в IX–X вв. при рассмотрении материалов нижних напластований полоцкого городища, прилегающих к нему одновременных селищ, а также сельских курганных могильников. Интерес исследователей всегда вызывал тот факт, что, находясь на пересечении важнейших водных путей, Полоцк не содержал в своем культурном слое материалов, свидетельствующих о сколько-нибудь серьезном вмешательстве варягов в создание этого политического центра в государственной системе Восточной Европы. Тем не менее скандинавы были хорошо знакомы с Полоцком. Ранние скандинавские саги называют Полоцк *Palltesjuborg*, где слово «borg» употребляется в значении укрепленного пункта (крепости). В более поздних сагах Полоцк называется *Pallteskja*. Д. И. Довгялло считал, что в подобных изменениях названия отражено возникновение рядом с «городом» посадских поселений [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 212]. Сага об Эймунде повествует о политических событиях, связанных с правлением полоцкого князя Брячислава. Критический разбор данной саги показывает, что многие из приведенных в ней данных, не соответствуют действительности, а события, имевшие место, переплетены с вымыслом [Заяц, 1993а, с. 5–11]. Не получила подтверждения и гипотеза С. В. Белецкого и Ю. М. Лесмана о развитии первоначального периода в истории Полоцка в качестве варяжского [Белецкий, 1979, № 1, с. 311]. В настоящее время, когда в Полоцке проведены исследования разных участков раннегородской структуры, на них не выявлено каких бы то ни было следов деятельности варягов, за исключением единичных находок вещей, принадлежащих к кругу скандинавских древностей. Однако эти находки лишь подтверждают обширные внешние связи Полоцка уже на ранней стадии его развития как важного центра в Восточной Европе.

Жители городов Полоцкой земли иногда в источниках названы «горожанами». Однако, чаще всего, на них переносилось название города, так же как и на все население волости, которая тяготела к данному населенному пункту («полочане», «дрючане», «меняне»). Под 1176 г. имеется летописное сообщение, в котором города разделены на «старшие» и «младшие», или «пригороды». Полоцк, несомненно, относился к числу старших городов, так как возник значительно раньше других центров на территории Полоцкой земли [Штыхов, 1982, с. 59].

Становление государственных учреждений на территории Восточной Европы было тесно связано с появлением и усилением княжеской власти, опирающейся на военную силу дружин, в том числе отрядов наемников, состоявших из варягов, народное ополчение. Наиболее влиятельные дружин-

ники вместе с представителями выходцев из племенной знати составляли группу «мужей» – княжеский совет. «Мужи» командовали войском, выполняли финансово-административные функции. На протяжении XI в. княжеский стол в Полоцке, а, следовательно, и государственная власть в Полоцком княжестве, переходили в соответствии с родовым правом наследования к старшим сыновьям князя-правителя (Изяслав–Брячислав–Всеслав). Князь имел свою печать, как главный распорядитель земельных владений (рис. 25: 1).

Социальный состав населения Полоцка раскрывает надпись на кресте Евфросиньи Полоцкой (1161 г.): «властелинъ или князь или пискоупъ или игоуменья или инъ который любо человекъ» (фото 18). Данный список дополняет «Житие» Евфросиньи: «князи и силнии мужи, черноризци, и простие люди».

Во времена родоплеменного строя своими корнями уходило и *городское вече* – собрания горожан для решения особо важных вопросов политического и военного характера. Городская община включала ремесленников, купцов, регламентируя их деятельность (наличие «братчины»), действовал копный суд и другие элементы самоуправления. Социально-политическая организация Полоцка имела много общих черт с Киевом и Новгородом. Лаврентьевская летопись сообщает: «Новгородци бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вся власти яко на дому (думу) на вече сходятся, на что же старейшии сдумаютъ, на том же пригороди стануть» [ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 377–378]. Однако такая ситуация, при которой младшие города подчинялись решению старших, сохранялась в Полоцкой земле до выделения внутри нее княжеств-уделов, зависимость которых от Полоцка стала номинальной. С конца первой трети XII в. вече стало играть особо важную роль в политической жизни Полоцкой земли, о чем свидетельствуют летописные сообщения. Оно решало вопросы войны и мира, при необходимости определяло себе сюзерена из стороннего княжества. Так, пригласив в 1151 г. на полоцкий стол минского князя Ростислава, полоцкое вече заключило договор с черниговским князем Святославом Ольговичем, «чтобы иметь его отцом себе и ходить в послушании его, и на том целовали крест». Однако, ограничивая княжескую власть, вече не уничтожало ее. Даже в периоды наибольшей активности вече князь возглавлял военные силы, имел преданную ему дружину, осуществлял суд и внутреннее управление, раздавал волости, вел переговоры о военных и торговых делах с иностранными послами, от его имени заключались договора и скреплялись печатью. Несмотря на то что в Полоцке помимо княжеской власти имели место и другие политические силы, например, упомянуты 30 мужей, какое-то время осуществлявшие управление Полоцком [БЭФ, 1960, т. 2, с. 440], они не были противопоставлены князю. В Полоцке наличие князя было обязательным и традиционным условием государственного устройства. Институт княжеской власти сохранялся в Полоцке до конца XIV в.

Особенностью социального устройства в Полоцке в древнерусский период являлось то, что боярство не представляло собой корпоративной груп-

пировки, как это было в Новгороде. В то же время бояре играли главную роль в общинных собраниях, пользовались значительным влиянием на «простых людей», в известной степени «велиции мужи» являлись проводниками соблюдения «обычного родового права». Именно это лежало в основе призвания Изяслава Владимировича на полоцкий стол в качестве наследника его деда Рогволода. От имени полочан договор с князем заключали местные бояре. В период феодальной раздробленности ситуация изменилась по двум причинам. Во-первых, ослабела родственная связь между внуками Всеслава, обособившимися в своих отчинах – удельных княжествах – и ставшими конкурентами на полоцкий стол в условиях развития феодального права. Во-вторых, боярство Полоцкой земли, вышедшее из племенной знати, всегда имело значительные земельные наделы и также стало пользоваться феодальным правом собственности. Поэтому, используя рычаг исполнительной власти, данной им городской общиной, и активно участвуя в замене одного правящего князя на другого, бояре, прежде всего, соблюдали свой личный интерес. Полоцкое боярство как отдельная социальная группа было юридически обособлено от других групп посадского населения только в 80–90-е годы XV в. В это время обозначилось преимущество бояр над мещанами в социально-экономической и политической жизни Полотчины [Макараў, 2008, с. 66]. В это же время в Полоцке исчезают вечевые собрания как своеобразный тип гражданской власти, где определенную роль в XIII–XIV вв. могли играть также и безземельные мещане, но уже под властью князя или великокняжеского наместника [Rohdewald, 2001, s. 17]. В «Декрете» Казимира Ягеллончика 1486 г. введение в Полоцке десятников рассматривается как нарушение давней местной традиции [Макараў, 2008, с. 45].

Отсюда возникает и вторая особенность социальной организации посадского населения: сотенная структура сложилась в Полоцке только в XVI в. и связана уже с магдебургским городом.

По данным Н. М. Тихомирова, П. П. Толочко, Г. В. Штыхова и др., о существовании городской самоуправляемой общины свидетельствуют наличие торговой площади, возникновение усадебной застройки, которая подчинялась законам градостроительства, разветвленной городской инфраструктуры. Свободное население городских посадов являлось главным владельцем посадской земли, с одной стороны, и социальной организацией, которая отстаивала интересы свободного посадского населения, с другой [Бубенько, 2004, с. 151–152; Штыхов, 1988, т. 25, с. 172].

Корпоративность свободного посадского ремесла заложена в основе существования посадов [Толочко, 1989, с. 147]. Признаки корпоративной организации полоцких ремесленников в X–XIII вв. можно проследить по наличию в центральной части Великого посада ювелирных мастерских в XII в. На этом же месте ювелиры работали и в XVII в. Следы ювелирного производства были открыты в ходе исследования территорий X–XIII вв.: городища, окольного города, Заполотья, Великого посада. В Полоцке процветали и другие ремесла, археологически изучены косторезные, кожевенные, кузнечные, золотарские и другие мастерские XII–XVIII вв.

Детинец, окольный город и посады – структурные составляющие Полоцка в XI–XIII вв. В источнике конца XIV в. сказано: «Полтеск на Двине и на Полоте древян. А святаа Софиа каменна о седми версех» [Исторические записки, 1952, № 40, с. 224]. Из данного сообщения следует, что город имел деревянные укрепления и занимал достаточно обширную территорию вдоль двух рек: Западной Двины и Полоты. В другом источнике XIV в. говорится о «старом городе», из чего можно сделать вывод, что к этому времени уже имелся «новый город» Полоцк.

Для определения территории, которую занимал Полоцк в XI–XIII вв. и выделения мест расположения его посадов, с 1962 г. проводились систематические обследования вдоль берегов обеих рек. Необходимо было также установить последовательность возникновения и период существования той или иной структурной составляющей городской территории, ее функциональное назначение.

Детинец. О событиях, связанных с захватом Владимиром Святославичем Полоцка в летописи сказано: «Рогволод же вбеже в *городъ* и приступивъше к городу и взяша городъ и самого князя Рогволода яша и жену его и дочь его» [ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 300]. Из данного отрывка видно, что семья полоцкого князя располагалась в «городе», т. е. укрепленной части Полоцка, иными словами «днешнем» городе или *детинце*. Как показали археологические исследования, наиболее ранние укрепления выявлены на древнем полоцком городище (рис. 26). А. Н. Левданский полагал, что полоцкое городище оставалось центральным поселением (детинцем) в структуре Полоцка до XII в. А уже в XII в. детинец был перемещен на территорию будущего Верхнего замка, где неукрепленное поселение развивалось с X в. [Ляўданскі, 1930, т. 2, кн. 11, с. 171–172]. Следуя суждению А. Н. Левданского, именно к городищу можно применить название «старый город». В отличие от А. Н. Левданского размещение детинца Полоцка на территории Верхнего замка М. Н. Тихомиров признавал с момента возведения здесь кафедрального Софийского собора, т. е. примерно с середины XI в. [Тихомиров, 1956, с. 26]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи [Штыхов, 1975, с. 33; Тарасаў, 1998а, с. 37]. Вывод А. Н. Левданского о первоначальном расположении детинца Полоцка на городище был категорически отвергнут А. Г. Митрофановым, который считал Верхний замок местом первоначального и единственного детинца города [Митрофанов, д. № 111, с. 15].

Описание в летописи событий 1159 г., когда предупрежденный о заговоре полочан князь Ростислав Глебович, находившийся в Бельчицком Борисоглебском монастыре, бежит оттуда в Минск, как бы дает возможность предположительно локализовать княжескую резиденцию XII в. за пределами города. Однако факт пребывания князя в Бельчицах во время его противостояния с полочанами, не является доказательством постоянного размещения в монастыре княжеской резиденции. Напротив, подмечено, что во времена противостояния с народом князь старались находиться не на территории детинца, а за пределами города [Куза, 1985, с. 65–66]. Распо-

ложение Бельчицкого монастыря на пути в Менск (вотчину менских князей) было удобным для Ростислава Глебовича, а факт его пребывания с дружиной на территории данного монастыря в момент смуты лишь подчеркивает значимость фортификационных функций Бельчицкого Борисоглебского монастыря. Археологические исследования, проведенные в Бельчицком монастыре в 2007 г., также не подтверждают размещения княжеской резиденции на его территории. Выявленные артефакты XII–XIII вв. были представлены исключительно фрагментами керамической посуды, что не противоречит статусу монастырской территории, где интенсивность жизни и плотность застройки была не высокой.

Как показывают новейшие исследования [Дук, 2010], древнейшее полоцкое городище, видимо, сохраняло за собой функцию *детинца* в XI – начале XIV в. Именно здесь, судя по археологическим находкам, располагалась резиденция правящих полоцком князей Изяславичей. Вместе с князем на городище проживали ремесленники (оружейники, ювелиры), которые обслуживали потребности княжеского двора. Радиоуглеродная дата – 1310 г. – с комплексом находок начала XIV в. определяет время прекращения существования княжеской резиденции на городище. Это, вероятно, обусловлено вхождением Полоцка в состав ВКЛ и переменой в политическом значении города. Тогда же, скорее всего, и был осуществлен перенос *детинца* на территорию Верхнего замка. Построен новый деревянный «город», внутри которого располагалась каменная семикупольная София.

Материалы, полученные в результате раскопок 2007 г. Д. В. Дука на городище, свидетельствуют об исключительной плотности застройки и высокой интенсивности жизнедеятельности данного объекта в XI–XIII вв. К этому периоду относятся верхний уровень среднего стратиграфического горизонта и верхний стратиграфический горизонт древнего городища.

В *верхнем уровне среднего стратиграфического горизонта* на площади в 40 м² найдено основное количество индивидуальных находок всего раскопа (315 из 496 шт.). Выделяются: железные пластинки наборного доспеха и их заготовки (рис. 67), железные корпуса навесных замков и ключи к ним, овальные железные кресала, железные наконечники стрел типа «срезень», каменные точильные бруски, в том числе из шиферного сланца, шиферные пряслица, большое количество фрагментов стеклянных браслетов, часть из которых оплавлена в мощном пожаре, костяные изделия, в том числе орнаментированные ручки ножей и шахматная фигура (фото 4: 4). Следует особо отметить бронзовую накладку на деревянную чашу с изображением грифона (фото 2), бронзовые миску, деталь кисти, фибулы (фото 4: 8), подвеску с растительным орнаментом (фото 4: 2), детали хороса с двухсторонним плетеным орнаментом (фото 4: 3) и кадила (фото 5: 1, 7). Найдено много изделий из черных (ножи, сверла и др.) и цветных (кистени, накладки на одежду и др.) металлов, а также железный топор редкой формы и фрагмент каменного топора или молота с просверленным отверстием. В этом слое найдено 6 кусочков охры красного цвета (5 шт.) и кусочек желтого цвета. Большая часть венчиков горшков представлена формами, характерными

для XII – начала XIV в., хорошо известными по раскопкам других исторических частей Полоцка, хотя в данном слое присутствует и керамика X–XI вв. Найдены несколько фрагментов венчиков мискового изразца. Таким образом, большинство вещей укладываются в хронологические рамки XII – начала XIV в.

Верхний стратиграфический горизонт – грунт светло-серого цвета с коричневым оттенком, комковатый, сухой. В границах этого горизонта присутствовали бронзовые и медные вещи: створка медного креста-энколпиона (фото 19: 1), бронзовые части киотного креста с изображением Богородицы и апостола Иоанна (фото 19: 5), инструмент ювелира – бронзовый молоточек (фото 4: 9), свинцовый кистень, донышко бронзовой лампадки (фото 4: 6) и другие, а также железные изделия (инструменты производства, оружие, бытовые вещи), стеклянные изделия (преимущественно фрагменты браслетов), фрагменты горшков XI – начала XIV в. и амфор. Всего в верхнем стратиграфическом горизонте были найдены 104 индивидуальные находки.

Таким образом, представительная коллекция археологических материалов XI – начала XIV в., среди которых много высокохудожественных изделий, показывает, что жизнь на городище в данный период не только не прекратилась, но была достаточно интенсивной. Выявленные в верхней части среднего стратиграфического горизонта обломки тиглей и изделия из цветных металлов, инструменты производства, заготовки и готовые пластинки доспехов позволяют предполагать, что в пределах исследуемой территории городища находились ювелирная и оружейная мастерские. Найденные в одном горизонте с бронзовой деталью кисти куски охры можно рассматривать как комплекс орудий труда и материалов художника. Отдельные предметы (детали церковной утвари, смальта) и многочисленные фрагменты плинфы, обнаруженные в раскопе (некоторые со следами раствора), свидетельствуют о нахождении на городище вблизи раскопа 2007 г. каменного храма. Все эти компоненты могут указывать на расположение на городище княжеской резиденции в течение XI – начала XIV в.

Структура древних городов Восточной Европы предусматривала наличие укреплений детинца и «предградья» или окольного города [Тихомиров, 1956, с. 242; Толочко, 1989, с. 152], где проживали ремесленники, купцы, объединенные в самоуправляемую общину. Посады древнейших городов, к которым относится и Полоцк, начали складываться на основе селищ, окружавших городище, и окончательно сформировались с приобретением поселением функции *социально-экономического центра* округа, а именно города [Тихомиров, 1956, с. 47].

Окольный город Полоцка сформировался уже в X в. Он охватывал участок, занятый ранее селищами, примыкавшими к городищу с южной (территория современного стадиона «Спартак» и Нижнего замка) и восточной (селище у Красного моста) сторон, выходил за границы территории будущего Нижнего замка в восточном направлении, где был ограничен стеной с деревянными городнями. Примерная площадь окольного города составляла 12,5 га. На территории Окольного города выявлены следы ювелирного

и кузнечного ремесел (рис. 63), что свидетельствует о появлении здесь важнейших для раннесредневекового города профессиональных мастерских.

В XI в. начали складываться основные посады Полоцка – Великий и Заполотский. По мнению П. П. Толочко, название «Великий посад» свидетельствует о том, что имел место и «малый посад» [Толочко, 1989, с. 157], которым в данном случае мог быть укрепленный *окольный город* начального Полоцка. Таким образом, является допустимым применение названия «малый посад» к территории окольного города, но это название могло возникнуть не ранее второй половины XI в., в период, когда за крепостной стеной окольного города стали формироваться новые посадские поселения.

Формирование Великого посада. Название «Великий посад» впервые фиксируется в Привилее Сигизмунда I Полоцку, датированном 1529 г. [Акты Литовско-Русского государства, 1897, т. 2, вып. 1, с. 217], но нет сомнений в его более раннем происхождении.

Процесс замены окольного города новыми посадскими территориями хорошо прослеживается по археологическим материалам. Примыкающий с юга к древнему окольному городу участок в районе современной площади Свободы был исследован в 2009 г. Раскопками Д. В. Дука установлено, что в первой половине XI в. этот участок использовался под огороды, т. е. находился за пределами окольного города. На материке зафиксирован ров, заполненный перегнившей органикой, который определял границу (межу) между двумя огородами. Кроме рва, границы огорода маркируют следы плетня (зафиксированы на материке), выполненного из лозы и деревянных кольев. Направление пограничья огородов совпадает с трассировкой улицы XVII в. Таким образом, первоначально где-то в начале XI в. данная территория использовалась под огороды, во второй половине XI и в XII в. в итоге развития посадской застройки на данном участке образовывается культурный слой. Такая ситуация созвучна новгородской, когда древнейшие наслоения торгово-ремесленного посада Новгорода перекрывают предметные слои с ярко выраженными следами пахотных полей и сельских дорог [Колчин, 1982, с. 112].

Уже в XII–XIII вв. ремесленный статус населения расширившегося за счет огородов посада подтверждают археологические находки (изделия из кости, заготовки и инструменты производства, ювелирные изделия XII–XIII вв., фрагменты тиглей). Здесь концентрируется достаточно богатое население (найжены два креста-энколпиона XII в.), костяное писало (фото 22), изделия из кости (орнаментированные игольник и накладка) и дерева (самшитовый гребень).

Во второй половине XI в. площадь Великого посада за пределами окольного города составляла около 50 га. Застройка посада начиналась с запада от стены окольного города (в XII в. стена окольного города уже не существовала), с севера была ограничена руслом р. Полота, с юга – р. Западная Двина. Естественной границей посадской территории с востока являлся глубокий природный ров, который был расположен на восток от перекрестка ул. Сакко и Ванцетти с ул. Ф. Скорины (ров зафиксирован на планах

конца XVIII в.) (рис. 4, фото 8). Таким образом, в XI–XII вв. территория Великого посада стабилизируется в границах будущего парка XVI–XVIII вв. Восточная граница посада оставалась практически неизменной с древнерусского времени до конца позднего средневековья. Однако внутренняя планировка существенно менялась.

Формирование Заполотского посада. В начале XI в. на правом берегу р. Полота начинает формироваться Заполотский посад. Происхождение топонима «Заполоть» определяет территорию за р. Полота. В середине XI в. площадь Заполотского посада была не менее 40 га, что более чем в 3 раза превышает площадь окольного города («малого посада» XI в.). Заполотский посад был укрепленным, имел выраженный торгово-ремесленный характер и активно застраивался вдоль р. Западная Двина в западном направлении, что подтверждается археологическими исследованиями 2004 и 2006 г. (рис. 59).

Культурный слой представлен тремя стратиграфическими горизонтами, из которых наиболее насыщенным находками был средний стратиграфический горизонт толщиной от 0,2 до 0,6 м. Он содержал линзы угля, куски извести, линзы красной пережженной глины и пережженные камни. В слое исследованы остатки кострищ и развалы печей-каменок. В нижнем стратиграфическом горизонте толщиной от 0,15 до 0,30 м были зафиксированы следы деревянных оборонительных укреплений. Вещевой материал среднего и нижнего стратиграфических горизонтов образует одну хронологическую группу, что позволяет более точно определить время заселения и продолжительность существования западной части посада. Наиболее ранние материалы X–XI вв. представлены железными калачевидными креслами с язычком, ключом к навесному замку типа А по новгородской классификации [Колчин, 1982, рис. 3], половинкой литого бронзового браслета с концами в виде стилизованных змеиных голов (имеет аналогии в балтских древностях X–XIII вв.) [Археологія Беларусі, 2000, т. 3, с. 26; Семянчук, 2002, № 17, с. 192]. Из материковых ям происходят железная булавка с кольцом и шарообразной головкой, прозрачная светло-желтого цвета боченкообразная пронизка. Максимальное количество таких бус в Полоцке приходится на XI – начало XII в. [Тарасаў, 1998а, с. 33].

К редким изделиям относятся выявленный случайно бронзовый топорик-подвеска, датируемый X–XII вв. [Колчин, 1982, с. 164] (фото 6: 1) и замочек-подвеска, сделанный из железа и меди (фото 6: 2). Ранними изделиями являются два ножа, аналоги которым второй половины IX – X в. выявлены в Витебске вместе с лепной керамикой в материковых ямах и на материке [Бубенько, 2004, с. 65], бронзовая подвеска в виде равноконечного креста, имеющая аналогию в Оршанском Поднепровье [Левко, 2004, рис. 25: 4].

К изделиям XII в. относятся бронзовые перстни, один из них рубчатый (фото 6: 3), свинцовые печати и пломбы (фото 3: 2–5). Этим же временем можно датировать подъемный материал из Заполотья: бронзовые орнаментированные ключики (фото 6: 4). Часть вещей из цветных металлов, вероятно, была сделана на месте, о чем свидетельствуют два фрагмента керами-

ческих тиглей для плавки металлов, а также слиток бронзы овальной формы с двумя насечками, которые могут обозначать вес. К остаткам ювелирного производства можно отнести также бронзовые пластинки-обрезки и проволоку, слиток олова пулеобразной формы, а также редкую находку – бронзовый ювелирный пинцет. Аналогичный по форме пинцет X–XI вв. выявлен С. В. Тарасовым на полоцком селище [Тарасаў, 1998а, мал. 48].

Большая часть керамики из Заполотья по профилю венчика похожа на керамику типа IV с полоцкого Верхнего замка [Штыхов, 1975, с. 81]. Найдены 9 фрагментов амфор (в том числе один фрагмент плечика с ручкой), свидетельствующие о южном импорте. Такие же фрагменты амфор XI в. – 20–30-х годов XIII в. в количестве более 130 штук были найдены во время раскопок Верхнего замка Полоцка [Штыхов, 1975, с. 87]. Как отмечено С. В. Тарасовым, максимум их бытования приходится на XII в. [Тарасаў, 1998а, мал. 44]. По составу имеющихся вещественных материалов можно сделать вывод, что на Заполотском посаде селились преимущественно ремесленники и торговцы.

С определенной долей вероятности можно отнести начало заселения данной территории к рубежу X–XI вв. Верхнюю хронологическую границу среднего стратиграфического горизонта можно обозначить рубежом XII–XIII вв. Во-первых, среди находок отсутствуют стеклянные браслеты (найден только один фрагмент в переотложенном слое *шурфа 4*), их широкое бытование в Полоцке приходится на 1220–50-е годы [Штыхов, 1975, с. 95]. Во-вторых, среди керамики не выделены переходные формы к позднесредневековым типам второй половины XIII – XIV в. В-третьих, значительная часть вещей имеет верхнюю хронологическую границу существования XII в. Наконец, средний стратиграфический горизонт относительно небольшой мощности и однородный по структуре. В начале XIII в. Заполотский посад вдвое сократился в размерах и достиг площади около 20 га. В XIV в. на заброшенной части Заполотского посада располагались огороды [Полоцкие грамоты ..., 1977, вып. 1, с. 85]. Причины, способствовавшие сокращению территории посада в XIII в., видимо, прежде всего, связаны с усилением влияния крестоносцев в Прибалтике, нестабильностью положения Полоцкого княжества.

Следы поселений вдоль р. Полота. В XI–XIII вв. на мысах вдоль р. Полота к северу от Великого и Заполотского посадов располагались отдельные усадьбы полочан. Следы их обнаружены на удалении около 0,8–1,0 км от устья р. Полота в районе современного Красного моста, ул. Октябрьской и ул. Ф. Мироновой. Расположение усадеб полочан свидетельствует о важной роли реки в жизни населения того времени.

Площадь поселений за р. Полота была весьма значительной (40 га), она делилась на две части природным рвом, который начинался от северного изгиба старого русла р. Полота. Одно из обнаруженных поселений расположено к востоку от упомянутого рва в треугольнике между р. Полота, современной ул. Октябрьской и рвом, второе – от р. Полота на запад по трассе ул. Мироновой. Культурный слой датирован XI–XII вв., отдельные арте-

факты (лепные горшки и бисер) свидетельствуют о возможности заселения данной территории уже в конце X в. Артефакты XI в. определяют торгово-ремесленные занятия здешнего населения. Очевидно, что поселения за р. Полота были заселены синхронно с западной частью Заполотского посада. По сути, эти два поселения к северу от Заполотья образовывали отдельный посад, название которого в письменных источниках не сохранилось. Культурный слой и артефакты XIII–XVI вв. не зафиксированы.

Освоение территории Верхнего замка. Сакральный центр. Заселение территории Верхнего замка можно разделить на два периода. Первый из них характеризуется временем, когда окольный город достиг подножия Замковой горы с ее восточной стороны. Поселение стало разрастаться и заняло восточную часть Верхнего замка. К этому периоду в так называемых восточных раскопах 1959–1960 гг. (раскоп II) и 1961–1962 гг. (раскоп III) на Верхнем замке относятся находки единичных фрагментов лепной посуды, византийской монеты Романа I (919–944 гг.), куфического дирхема, стеклянных бус-лимонок, односторонних костяных гребней. Культурный слой этого времени самостоятельно не выделяется, упомянутые артефакты найдены в слое XI в. Следует обратить внимание на выявленные в процессе раскопок 1957 и 1959 г. остатки оборонительных укреплений. В 1957 г. на глубине 3,2–3,3 м М. К. Каргером была вскрыта внутривальная конструкция из 2–3 рядов бревен и нескольких тесанных плах, положенных друг на друга, пространство между которыми было заполнено глиной. Исследователь обозначил это сооружение как *строительный ярус I* и интерпретировал как «внутривальную конструкцию» [Каргер, д. № 25, с. 4]. Конструкция заканчивалась на глубине 3,7–3,8 м от дневной поверхности. Между ней и материком, который был расположен на глубине 5,88 м, зафиксированы строительные ярусы II и III с элементами застройки (рис. 31, 32). Выявленный в раскопе материал датирован XI–XIII вв. (рис. 33). В раскопе 1959 г. на глубине 5,0 м в предпоследнем строительном горизонте А. Г. Митрофановым также были обнаружены бревна внутривальной конструкции, трассировка которой совпадает с найденными в 1957 г. М. К. Каргером остатками дубовых ворот [Тарасаў, 2002, с. 35]. Следует отметить, что Замковая (Черная) гора, на которой впоследствии был размещен Верхний замок, с юга, запада и севера имела крутые высокие склоны, являющиеся естественными преградами. В то же время с восточной стороны, где она соприкасалась с участком, занятым окольным городом, таких преград не было и культурный слой со стороны окольного города распространялся достаточно интенсивно на восточный участок Замковой горы. Поэтому есть основания полагать, что выявленные в восточных раскопах укрепления либо относятся к окольному городу XI в., либо к посаду XII–XIII вв. [Дук, 2010, с. 40].

Южный участок территории Верхнего замка, на котором было начато строительство Софийского собора, как установлено раскопками А. Г. Митрофанова в 1958 г. (рис. 34), прежде не был заселен. Выброс земли из котлована, сооруженного под фундамент храма, перекрывал лишь очень тонкий гумусированный слой погребенной почвы [Штыхов, 1975, с. 36]. Таким об-

разом, второй период освоения территории Верхнего замка связан со строительством Софийского собора и последующих культовых сооружений вокруг него.

Сакральная топография Полоцка дохристианского времени насчитывала две культовые (священные) зоны: Воловье озеро – место почитания Велеса (рис. 26) и возвышенность у слияния р. Западная Двина и р. Полота (Черная, или Замковая гора). После постройки Софийского собора на горе, это место стало превращаться в сакральный христианский центр. Топонимы «Черная гора» и «Черный ручей» сохранились до XVI в. как маркеры существования дохристианских представлений и капища полочан [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 104, 106–107; Лобач, 2009, с. 118]. В 1563 г., после постройки Нижнего замка, за Черной горой при устье р. Полота закрепилось название «Верхний замок».

Оборонительных укреплений Верхнего замка, датируемых ранее XIV в., не выявлено. Следы этих укреплений в западной, и, возможно, южной части Верхнего замка зафиксированы археологически [Булкин, д. № 594, с. 9–11; Тарасаў, 1998а, с. 41]. Следовательно, их возведение было осуществлено в период вхождения Полоцка в состав ВКЛ, когда местная княжеская династия уже не существовала. В XI в. на южном, свободном от застройки участке Черной горы построен Софийский собор, который должен был навсегда изменить в памяти язычников представления об истинных божествах. Христианская религия была поставлена на службу княжеской власти и вместе с ней укореняла в сознании населения новую идеологию. О том, что Замковая гора используется княжеской властью как мощный государственный идеологический центр, свидетельствует характер застройки участка вокруг Софийского собора.

Из-за скудости источников трудно определить, когда была учреждена Полоцкая епископия. Есть предположение, что это произошло около 1000 г. [Витебская старина, 1883, т. I, с. 597], когда Владимир Святославич, покрестив Киевскую Русь, стал внедрять христианство во всех восточноевропейских землях, связанных с ней. Первые погребения по христианскому обряду на территории Полоцкой земли зафиксированы в начале XI в. Однако соблюдение христианского канона в них еще перемежается с языческими элементами и полностью он отражен лишь в захоронениях XII в. при храмах в Полоцке, Минске [Вайцяховіч, 2011, № 26]. Впервые достоверное известие о полоцком епископе приводится в Ипатьевской летописи под 1105 г., когда митрополит Никифор I «постави Мину Полотьске» (рис. 25: 6). В. Н. Татищев сообщает, что митрополит Никифор I, посвящавший Мину, сам происходил из полоцких епископов [Татищев, 1963, т. 2, с. 109]. На протяжении всего XII в., судя по сообщениям Ипатьевской летописи под 1143 и 1183 г., епископ в Полоцк назначался киевским митрополитом. Предлагаемую им кандидатуру, видимо, одобряло полоцкое вече, и она согласовывалась с князем. Епископ принимал участие в вечевых собраниях, суде. Он же выступал в качестве представителя княжества в договорах с Ригой [Штыхов, 1982, с. 72]. В конце XII – XIII в. городские соборы и епископы осущест-

вляли надзор за мерами и весами [Щапов, 1972, с. 85]. В полоцком Софийском соборе размещалась также городская казна и библиотека. В конце XIII в. «Оу святое Софье» находилась резиденция полоцких епископов. Здесь было и помещение для всего состава духовных лиц при епископской кафедре.

Среди выявленных на территории Верхнего замка построек, окружавших Софийский собор, нет сооружений, свидетельствующих о наличии здесь княжеской резиденции. В 50 м северо-восточнее собора были вскрыты остатки храма XII в. (рис. 27, а: 2; 48, а), конструкция которого послужила прообразом смоленского храма Михаила Архангела. Кроме него на территории Верхнего замка никаких других древних храмов не обнаружено. Сделанные некоторыми исследователями предположения о возможности наличия в древнерусское время храмов в юго-восточной и западной частях Верхнего замка [Тарасаў, 1998а, с. 63], ничем не подтверждаются.

Заслуживает внимания и светская постройка, выявленная П. А. Раппопортом в 1976–1977 гг. на территории Верхнего замка: так называемый терем (рис. 27, а: 3). Долгое время этой постройке присваивалось значение княжеских хоромов XII в. Однако анализ материалов исследований П. А. Раппопорта (в том числе строительного материала – кирпича, приближенного к брусковому, а не к плинфе), показал, что и каменный терем размерами 4,7 × 4,2 м и деревянная пристройка к нему, были построены в XIV в. Датировка самой ранней из пяти печей деревянной пристройки – 1304 г. [Заяц, 1997, № 12, с. 92–102] – установлена на основе дендрохронологического анализа плах основы срубной конструкции [Раппопорт, 1981, с. 91–99]. Допуская, что в XIV–XVI вв. данная постройка входила в комплекс княжеского двора, размещенного на территории Верхнего замка, нельзя отбросить и возможность ее принадлежности в это время епископу или воеводе. Однако к строениям XII в. причислять «терем» не приходится.

Таким образом, нет оснований полагать, что княжеская резиденция имела место на территории Верхнего замка не только в XI в., но и в XII в. Территория вблизи кафедрального Софийского собора, как и сам собор, использовались для торжественных церемоний, в которых живое участие принимал духовный клир.

В свете вышеизложенного факт использования городища как жилой резиденции полоцких князей в IX–XIII вв. трудно оспорить, тем более что для нужд княжеской семьи на самом городище также имелся храм, о чем убедительно свидетельствуют археологические материалы, выявленные в 2007 г.

В начале XII в. в ближайшей полоцкой округе возводятся Бельчицкий Борисоглебский и Спасо-Евфросиньевский монастыри. В середине XII в. преподобной Евфросиньей был основан мужской Богородицкий монастырь. Его точное местонахождение неизвестно, возможно он находился неподалеку от Спасо-Евфросиньевского монастыря на территории Ксаверьевского кладбища XVIII–XXI вв.

Что же стало причиной лидирующего положения Полоцка в северной части территории Беларуси, способствовало его выдвижению в качестве

центра Полоцкой земли? Очевидно, что географический фактор не мог быть главным, поскольку Полоцк хотя и располагался на важном ответвлении пути «из варяг в греки» по р. Западная Двина (рис. 84), тем не менее не имел преимуществ перед другими раннегородскими центрами региона. В торговом отношении он уступал тому же Витебску, из которого по волокам и малым рекам можно было попасть в Ловать и Днепр кратчайшим путем (рис. 84). В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Э. М. Загоруйского о том, что основным фактором, который бы выделял Полоцк из числа синхронных поселений, является ведущая политическая, а, как следствие, и социально-экономическая роль города [Загоруйский, 1983, с. 28]. Как показывают источники, Полоцк имел политический вес в восточноевропейском регионе на всех этапах становления ранней государственности. Полоцкие «велиции князья» упомянуты в летописи под 907 г. при заключении мирного договора с Византией и выплате контрибуции на «русские города» [Сахаров, 1980, с. 114, 119]. Для Владимира Святославича (980 г.) Полоцк был важной вехой на пути к завоеванию Киева. В XI в. полоцкие князья рассматривали Новгород как конкурента во внешнеэкономической торговле на пути «из варяг в греки». С этим мотивом, а также конкуренцией на политической арене Восточной Европы связаны походы полоцких князей Брячислава Изяславича (1021 г.) и Всеслава Брячиславича (1066 г.) на Новгород.

Присутствия варягов (скандинавов) на полоцком городище и поселениях, составивших территорию древнего города, по вещевому комплексу практически не прослеживается. Это является той особенностью, которая отличает Полоцк от Новгорода и Старой Ладogi, где на Рюриковом городище и так называемом Земляном городище был найден богатый ассортимент скандинавского оружия и украшений [Волковицкий, 2003, с. 135; Носов, 2007, № 6, с. 26–27; Янин, 1997, т. 2, с. 10–11]. Комплекс предметов IX–XI вв. с полоцкого городища и синхронных ему поселений типичен для исторической округи Полоцка и славянского населения восточноевропейского региона в целом. А это, в свою очередь подтверждает, что зарождение и становление ранне-средневекового центра Полоцкой земли носит местный характер без участия варяжского компонента. Полиэтнический состав населения полоцкой земли-волости в X–XI вв. обусловил специфику становления государственности кривичей-полочан [Дук, 2003а, № 6, с. 40–46]. Посадская структура Полоцка формировалась синхронно времени существования городища и имела прямое отношение к летописному «граду» IX в. Отсутствие на полоцком городище следов размещения варяжской дружины свидетельствует и о значимости местных боярских родов в IX–X вв., сумевших возродить династию Рогволодовичей посредством заключения договора (ряда) с Изяславом Владимировичем на княжение в Полоцке после того, как он вместе с матерью прибыл в ее «отчину».

Очевидно, что топографическое развитие Полоцка на начальном этапе имеет отличительные черты наличия радиальной поселенческой структуры. Центром города являлось полоцкое городище, а в сторону р. Двина вдоль

левого берега р. Полота протянулось большое поселение – окольный город первой половины XI в. – ядро будущего Великого посада. Небольшие поселения находились и на мысах р. Полота. Во второй половине XI в., во время становления собственно города в социально-экономическом плане и феодализации общества, в Полоцке происходят изменения топографической структуры – разрастаются посады и площадь города увеличивается более чем в 20 раз.

В результате многолетних археологических исследований установлено, что площадь Полоцка в XI–XIII вв. состояла из основных территориальных единиц – Великого (около 60 га) и Заполотского (максимальный размер – 40 га) посадов, территорий будущего Верхнего замка (9,44 га) и будущего Нижнего замка (около 7 га), городища – около 2 га, поселений за р. Полота – до 50 га, Острова – около 8 га, Старой Слободы – около 5 га. В XI в. общая площадь города была не менее 180 га, в XII–XIII вв. происходит постепенное ее сокращение за счет уменьшения поселений за р. Полота и части Заполотского посада в целом на 70 га. Данные о количестве населения Полоцка в это время представлены в работах Г. В. Штыхова [1975, с. 33] и С. В. Тарасова [Тарасаў, 1998а, с. 88–91]. Согласно Г. В. Штыхову, площадь Полоцка в XI в. составляла не менее 80 га, а население – около 8 тыс. человек. С. В. Тарасов рассчитал площадь города с учетом новых данных по Великому посаду и Заполотью и определил ее равной приблизительно 120 га. Количество населения Полоцка, согласно С. В. Тарасову составляло около 15 тыс. человек.

Следует отметить, что методика подсчетов базируется на данных археологических источников при полном отсутствии письменных, и поэтому является очень приблизительной. Определенное исследователями количество населения варьирует от 8 до 15 тыс. человек в зависимости от установленной раскопками площади посадской территории. Заметим только, что при максимальном территориальном увеличении Полоцка в XVIII в. (около 250 га) исследователи на основании комплекса исторических источников фиксируют количество городского населения равным приблизительно 4–10 тыс. человек.

2.3. Материалы застройки Полоцка XI–XIII вв.

(Г. В. Штыхов, Д. В. Дук)

Впервые упоминание о полоцких постройках фиксируется в «Повести временных лет» под 1092 г. Здесь приводятся названия домов – «хоромины» [ПСРЛ, 1997, т. 1, с. 214–215]. Летописное сообщение не определяет названия улиц, поэтому в пределах рассматриваемого периода приоритетными являются данные археологических источников. В частности, обнаруженные археологами во время раскопок на площади Свободы фрагменты улиц были построены в XII в., но сохранили свое направление и расположение до середины XVII в. Термин «хоромины» собирательный. Под ним упоминаются жилые дома полочан вообще, в том числе представителей княжеского дома, епископов и боярства.

Строительные горизонты «восточных раскопов» с территории Верхнего замка. Застройка Полоцка конца X – XIII в. наиболее полно изучена по материалам «восточных» раскопов, располагавшихся на территории Верхнего замка. Она имела усадебный характер и относилась к посадской. Общий восточный раскоп, образуемый раскопами II и III, пришелся на один из густонаселенных в древности участков Верхнего замка. Мощностность культурного слоя на участке колебалась в пределах 4,3–5,5 м. Его можно разделить на три основные зоны. *Верхняя зона* толщиной от 0,9 до 1,5 м не включала остатков деревянных конструкций, *средняя зона* (1,5–2,5 м) содержала их в большом количестве. Она насыщена влагой и имеет множество щепы и навоза (рис. 37, 38). По остаткам деревянных конструкций средняя зона расчленяется на строительные горизонты – комплексы синхронных деревянных сооружений, которые в условиях восточной части Верхнего замка, чередуясь, залегали почти горизонтально. Толщина культурного напластования, соответствующая строительному горизонту, составляет от 0,1 до 0,5 м. В *нижней зоне* культурного слоя толщиной 1,5 м дерево сохраняется плохо. Встречаются отдельные вкопанные столбы, а также остатки частоколов. Здесь прослеживаются прослойки пожарищ и чистого желтого песка. Материк состоит из очень влажного мелкозернистого песка. Небольших углублений и ям в нем немного. В раскопе II зафиксировано 14 строительных горизонтов. В раскопе III три верхних горизонта не сохранились. Начиная с горизонта IV, культурный слой в обоих раскопах расчленяется одинаково. Наибольший интерес представляют постройки горизонтов VI–XIV, которые датируются (сверху вниз) от 60–70-х годами XIII в. до конца X – начала XI в.

Горизонт VI. Все постройки погибли в сильном пожаре. Его планировка имеет много общего с застройкой как более поздних горизонтов, так и более ранних (VII, VIII, IX). Основу планировки составляла улица или переулок.

В раскопе III обнаружено семь ярусов мостовых, представленных в основном продольными лагами. Раскопан дренаж в виде желоба, сделанного из косо поставленных досок. Он врублен в поперечные бревна, на которые уложены продольные лаги мостовой. Расстояние между досками, образующими дренаж – 35–40 см. Сверху дренажная канава перекрывалась накатом мостовой, который не сохранился. Дренажное сооружение имело уклон в западном направлении. С этим желобом соединялся желоб 6Р аналогичной конструкции. Он проходил перпендикулярно к описанному дренажу. Вскрытый участок мостовой в западном своем конце резко расширялся, уходя в стенку раскопа. Порубочная дата бревен мостовой – 1268 г. Ориентируясь вдоль улицы, располагались жилые и хозяйственные постройки. Они отделялись от мостовой прочными частоколами. В застройке территории южнее уличной мостовой по частоколам определяются контуры двора, составлявшего в ширину вдоль улицы 12 м. На запад и восток находятся постройки соседних, граничащих с ним дворов. Двор вытянут вглубь от улицы. Порубочная дата бревен постройки 6И – 1264 г. От хозяйственной постройки 6Д (3,2 × 4,2 м) сохранился почти целиком пол, уложенный на

переводины. За западным частokoлом двора находились остатки построек другого комплекса. Постройка 6К, видимо, жилая (4×4 м), выходила северным фасадом на улицу. Нижний дубовый венец сруба лежал на коротких чурбанах. В постройке найдены две каменные отливочные формы. С южной стороны к ней примыкал накат 6Л из круглых бревен, положенных на лаги, по обеим сторонам обгоревшего наката были остатки массивных столбов. Постройка 6М была рублена «в обло» и имела пол. В ней найден слиток свинца. Возможно, в данном случае мы имеем дело с взаимосвязанными постройками (изба–сени–клеть), расположенными по оси север–юг. У западной стены жилища 6К обнаружены остатки ворот. На их местоположение указывают массивные столбы-верей. Ворота устроены на некотором расстоянии от мостовой. Ширина их проезжей части – 1,7 м. Порубочная дата одного из столбов – 1276 г. Вдоль восточного края раскопа II вновь зафиксированы взаимосвязанные постройки 6А, 6Б, 6В.

Горизонт VII (рис. 39). Хлев 7Н сооружен на нижних венцах сруба 8Н из бревен толщиной 22–24 см. Внутри хлева – настил из круглых бревен. В слое навоза на настиле найдено 12 обломков стеклянных браслетов, 2 бронзовых широкосрединных перстня и ключ от навесного замка. Вскрыта часть постройки 7Л, где была печь. Переводины для пола не были врублены в стены. Они лежали на земле. Пол из тесин сжимался клиньями, которые загонялись между бревнами венцов и крайними досками.

Горизонт VIII (рис. 40). По-видимому, здесь была небольшая мощеная площадь или перекресток двух улиц. Постройка 8П, несмотря на свои малые размеры ($2,5 \times 2,8$ м), жилая, рублена «в обло с остатком», толщина бревен 22 см. В северо-западном углу остатки опечка. Пол наслан из ровных тесин шириной 30 см и толщиной 8 см). Их концы входят между вторым и третьим венцами. Два нижних венца рублены из неокоренной березы. Вообще в Полоцке в строительстве часто применялась неочищенная от коры береза. С западной стороны постройка 8П имела крыльцо или преддверие. Находок в ней не было. К ней примыкал сруб 8Н из сосновых бревен толщиной 20 см. Это хозяйственная постройка ($2,8 \times 4,4$ м). Параллельно ее длинным стенам положены переводины со сквозной врубкой, концы которых выступали наружу на 40 см. Помещение не имело печи. Вещей не найдено. Время рубки бревен – 1246 г.

Вызывает интерес сооружение 8К. Оно квадратное, длина сторон – 1 м, состояло из двух венцов (бревна толщиной 18 см), срубленных «в обло». В углу сооружения и около него обнаружена большая куча шерсти, перемешанная с известью. Местами известь встречена в слежавшихся кусках. Вероятно, сооружение 8К было ящиком для зolения кож. Постройка 7А имела размеры $3,1 \times 3,1$ м. Толщина бревен – 17–18 см. В северо-западном ее углу остатки столбового опечка ($1,2 \times 1,2$ м). Он возвышался над полом на 25 см. Южная и восточная его стенки устроены из столбов, в пазы которых вложены доски. Опечек заполнен глиной. Частично сохранился пол из тесин на лагах. В постройке найдены деревянная солонка, точеная на токарном станке, кошелек с двумя кусочками белого металла внутри, керамика, среди которой

днище с клеймом, большой нож, сапожная колодка-правило. Постройка 7А была жилищем-мастерской полоцкого кожевника-сапожника. Присутствие массы шерсти, перемешанной с известью, вблизи постройки подкрепляет это предположение.

Горизонт IX. Жилая постройка 7М – одна из наиболее благоустроенных, которые обнаружены в Полоцке (рис. 28). Ее размеры – $4,7 \times 4,7$ м. От избы уцелело шесть нижних венцов (высота около 1 м). Она имела своеобразное основание. На землю были положены крест-накрест два бревна. Они несколько длиннее стен жилища, их концы заходили под все четыре бревна нижнего венца. Кроме того, под стены положены подкладки-чурки. Стены рублены из прямых цилиндрических бревен ели «в обло с остатком». Паз и чаша, как и во всех постройках, в верхней части нижнего бревна. Пазы хорошо проконопачены мхом. Толщина бревен – 20–22 см. Углы более или менее ровные. Их выступы – 17–18 см. Пол не сохранился. Он настился на переводины, имевшие «глухую врубку» между вторым и третьим венцами. В Новгороде способ такой врубки встречен только 2 раза на срубках XIII в. Возле восточной стены избы поперек подпольных лаг лежали два толстых бревна. Их концы ограничены опечком и северной стеной сруба. Очевидно, бревна имели отношение к нарам, наличие которых можно предполагать в этом месте избы. Печь размещалась в юго-восточном углу жилища. От нее сохранилась нижняя часть – опечек ($1,6 \times 1,8$ м) с шестью столбами. Пара внешних столбов стояла рядом с внутренними столбами. Между двумя парами столбов заложен второй ряд досок. В результате была устроена двойная стенка толщиной 20 см, служившая шестком («припеком») перед устьем печи. Устройство шестка выясняется со всей полнотой. В стоящих на ребро досках сверху врублены три поперечных планки, имеющие с одного конца выступы, обращенные кверху. Назначение выступов – плотнее удерживать горизонтальную доску, уложенную на планки, не давая ей сползать с шестка. Между досками шестка найдено шило, лесной орех и небольшая деревянная колотушка. Дно опечка вымощено двумя рядами жердей. Нижний ряд лежал на небольших лагах. Высота опечка над врубленными в стены переводинами – 30 см. Внутреннее пространство опечка заполнено до уровня пятого бревна избы сырой серо-зеленой глиной. Верхняя часть печи не сохранилась. Напротив северных столбов опечка у северной стены жилища остатки двух других столбов. По всей вероятности, это часть нар, располагавшихся между печью и северо-восточным углом избы.

Жилая постройка 7М имела завалинку, устроенную из бревен, снаружи поддерживаемых колями. С внутренней стороны бревна опирались на выступы углов сруба. Бревна завалинки толщиной 14–15 см лежали в три ряда одно на другом. На их концах имелись неглубокие чаши для лучшего прилегания бревен на углах. Углы завалинки были аккуратно заделаны. Дверной проем в постройке не прослежен. Значит, он был выше пятого венца и, видимо, находился в западной стене сруба, где к нему примыкала квадратная вымостка из круглых бревен ($4,7 \times 4,7$ м) и дважды перестилавшаяся. У юго-западного угла постройки сохранились остатки кола с врубленной

в него сверху короткой планкой, которая своим вторым концом упиралась в сруб. Быть может, это остатки порожка, ведущего к двери. Постройка 7М погибла в пожаре, следы которого видны на верхнем венце. В жилище найдены ножи (3 экз.), ножницы (1 экз.), шиферные пряслица (22 экз.), обломки стеклянных браслетов (23 экз.), металлические браслеты (2 экз.), костяные гребни (3 экз.), самшитовые гребни (2 экз.), масса обрывков кожаной обуви и обломков керамики. Кроме того, здесь были найдены два целых тигля со следами их употребления при плавке цветных металлов, куски бронзовой проволоки, заготовка из латуни в виде узкой длинной полосы, две сапожные колодки-правила, деревянная ложка, незаконченная обработкой (баклуша). С западной стороны избы встречено напластование шерсти с вкраплениями извести. Дендрохронологическим исследованием пяти выпилов из различных бревен постройки 7М установлены их порубочные даты – 1243–1245 гг. Постройки горизонта VI (6С, 6И) с деревом, рубленным в 1265 г., перекрывали остатки постройки 7М. Из сопоставления этих данных время существования избы 7М – 20 лет. Таким образом, за два десятилетия образовался культурный слой 0,9 м. Он состоит почти исключительно из щепы, навоза и отходов ремесла и свидетельствует об интенсивной хозяйственной деятельности населения, скученного на этом участке и занимавшегося не только ремеслом, но и животноводством. Весь облик жилища 7М и состав находок свидетельствуют, что в нем проживала семья полоцкого ремесленника.

Вызывает интерес постройка 9Г, площадью не менее 24 м². Она рублена из бревен толщиной 22–24 см. Внутри сруба расчищены остатки вымостки из тонких неочищенных от коры березовых бревен. Сверху их покрывал слой шерсти, содержавший остатки известкового раствора. Под бревнами первой вымостки обнаружены остатки другого совершенно аналогичного настила, тоже покрытого слоем шерсти с известью. Не может вызывать сомнения определение назначения помещения как мастерской по выделке кож. Порубочная дата бревна постройки 9Г – 1244 г. Южнее постройки 7М расчищены два одинаковых по размерам почти квадратных сруба, с длиной стороны более 3 м. Жилая постройка 9Д рублена из бревен толщиной 18–20 см. Пазы проконопачены мхом. Сохранились переводины пола из неокоренной березы. В юго-западном углу постройки была печь. Одна сторона опечка (1,35 × 1,25 м) устроена из вертикально поставленных кольев, причем сохранились остатки двух рядов кольев. Восточная стенка основы печи сделана из двух досок общей шириной 0,35 м, вложенных между столбами. Опечек заполнен глиной. Постройка имела завалинку из круглых бревен толщиной 15–16 см, которая прослежена у западной стены сруба. Снаружи бревна завалинки поддерживались колышками.

В центральной части раскопа II на уровне горизонта IX остатки срубов не выявлены. Лежащие в беспорядке бревна, возможно, использовали для вымостки двора (рис. 41).

Горизонт XIII. В раскопе II обнаружены частоколы 13Б, дренажная канава 13А (рис. 42) и развал плинф 13В без связующего раствора. Дренажная канава проходила через весь раскоп II (в сторону р. Западная Двина). Ее

первоначальная глубина достигала 1 м. Стенки канавы были облицованы бревнами, уложенными горизонтально в два ряда. Сохранилось до шести бревен в каждом ряду. Изнутри бревна поддерживались дубовыми кольями. В одном случае между внутренними противоположными кольями сохранилась поперечная перекладина. Она концами плотно упиралась в колья, препятствуя сужению расстояния между ними. Верхнее перекрытие дренажа не сохранилось. Устройство дренажной системы на Верхнем замке вызывалось необходимостью борьбы с грунтовыми и внешними водами для осушения почвы. Вдоль канавы проходил частокол. Другая изгородь из вкопанных в землю бревен устроена перпендикулярно к дренажу. Нижние концы бревен частокола очень хорошо сохранились. На них имеются зарубки. Вероятно, они делались для крепления бревен при их сплаве по реке. На уровне горизонта XIII и ниже его в кв. 10, 13, 22, 52 встречено большое количество крупных костей домашних животных и целые черепа лошадей и крупного рогатого скота.

Горизонт XIV. Представлен фрагментами отдельных сооружений и датируется XI в. Остатки наиболее древней постройки 14А, сохранившейся в виде слежавшейся трухи, выявлены в раскопе III. Уровень ее залегания на 20 см выше материка. Постройка ориентирована углами по линии север – юг. Сохранился ее южный угол. Он рублен «в обло», выступ угла – 30 см. Толщина бревен составляет предположительно 20 см. Постройка размером 3,5 × 4,0 м являлась жилищем. Прослеживаются подпольные переводины с остатками тесин пола. Под древесной трухой нижнего венца жилища найден обломок плитки, в постройке их обнаружено три экземпляра. Встречена также поливная плитка. Примерно на уровне залегания описанной постройки в раскопе II открыты остатки печи-каменки. Развал печища занимал площадь 4 м². Следов постройки не сохранилось. В печище упирались нижние торцы бревен частокола горизонта XIII.

В двух пластах, лежащих ниже уровня горизонта XIV, на материке и в заполняющих его неровностях, сохранность дерева особенно плохая. Выделить строительные горизонты здесь не представляется возможным.

Итак, в восточном раскопе вскрыто более 70 построек. Среди них представлены: жилища, постройки хозяйственного назначения, производственные постройки, а также постройки, назначение которых не выяснено. Основным типом рядового жилища в Полоцке была бревенчатая изба, в плане близкая к квадрату со сторонами от 3 до 5 м.

В Полоцке возводились двухэтажные дома «на подклетах». Изображение такой усложненной постройки мы находим на миниатюре Радзивилловской летописи, посвященной «предивному чуду в Полоцке», по-видимому эпидемии, свирепствовавшей в Полоцке и Друцке (по «Повести временных лет» – 1092 г.). Дома квадратные, окна клеток имеют решетки, крыши четырехскатные. Люди у окон изображены на втором жилом этаже. Они высматривают «ис хоромины». О домах «на подклетах» неоднократно говорится в «Полоцкой ревизии 1552 г.».

При сооружении стен всех жилых построек применялся способ строительной техники, называемый рубка «в обло с остатком» (по-белорусски

«у чашку»). Чаша и продольный паз делались в верхней части нижнего бревна, длина остатка составляла 20–30 см. Торцы каждого бревна аккуратно обрублены топором, который являлся главным инструментом при возведении деревянных построек. Стены делались только из цельных бревен, которые, судя по этнографическим данным, в лесу отрубали сразу по мерке. Постройки рубились, как правило, на месте, о чем свидетельствует изобилие щепы возле построек и отсутствие меток на бревнах. В строительстве чаще всего применялась сосна, реже – ель. Сруб покоился на деревянных подкладках (чурбанах) и иногда имел завалинку. Обязательной принадлежностью жилого помещения являлась печь, устраиваемая на столбовом опечке. Отапливались жилые постройки по-черному. Пол делали из тесин на лагах. Судя по находкам «куриц», служивших для укрепления желоба, в который упирались нижние концы драниц, можно заключить, что жилища имели двускатную тесовую крышу. Двери в жилых постройках делались высоко. При раскопках в слоях середины XIII в. трижды встречены дверные доски. Одна доска имеет длину 91 см, ширину 48 см, толщину 5 см. На ее поверхности выбраны на «ласточкин хвост» пазы. Вторая дверная доска имеет длину 85 см. В ней сохранился один из пяточных шипов, с помощью которых навешивалась дверь. В третью дверную доску вбит кованый гвоздь, которым, вероятно, крепились накладка.

В восточном раскопе вскрыты остатки хлевов. Последние имели сравнительно большие размеры, иногда превосходили по площади жилища, рубились из бревен в 18–20 см или более тонких в отличие от жилых помещений, близких в плане к квадрату. Хлева представляют собой вытянутые прямоугольники. Они имели жердевой пол и в заполнении – сплошной слой навоза.

Для определения входа прежде всего следует учитывать взаимное положение избы и двора, улицы, оград и т. д. В постройке 7А, а также, вероятно, в 6А, 6К, 7М доски пола лежали на уровне третьего венца поперек ко входу, который обозначался лежавшей извне плахой, служившей порогом. Жилые избы, изученные в древнем Полоцке, в большинстве случаев практически однокамерные. Материалы из восточного раскопа недостаточны, чтобы говорить о принципах внутриусадебной планировки. Можно лишь полагать, что вскрытые раскопками постройки входили в состав хозяйственных комплексов – дворов, обнесенных частоколами. Территория дворов, по-видимому, вытягивалась вглубь от улицы. Соответствующим образом располагались и постройки. Застройка дворов производилась как бы тесными рядами помещений с узкими пространствами между ними. Это элементы так называемого погонного двора, являющегося особенностью белорусской застройки [Беларускае народнае жыллё, 1973, с. 26–27]. Сочетание находок в некоторых случаях позволяет установить род занятий хозяина того или иного жилища. Здесь жили ремесленники, главным образом ювелиры и кожевники-сапожники.

Застройка территории Нижнего замка и Великого посада. Генезис полоцкого домостроительства прослеживается по материалам застройки X – начала XI в. селища на Нижнем замке. Следы каркасно-столбовой постройки длиной 4,2 м были открыты в 1986 г. [Тарасов, д. № 953, с. 16]. В раскопе 1989 г. непосредственно на материке была зафиксирована наземная каркас-

но-столбовая постройка, длина одной из стен которой составляла 2,8 м, диаметр столбовых ям – 0,1 м. Постройка была уничтожена при пожаре [Тарасаў, спр. № 1165, с. 8]. Во внутреннем пространстве первой постройки располагался развал печи-каменки и хозяйственной ямы, возможно, для хранения дров. Похожие постройки обогревались печами-каменками, выложенными из камней диаметром 0,1 м на глиняной основе. От некоторых печей сохранилась глинобитная основа. Круглое основание одной из исследованных печей достигало 1,1 м. Вторая исследованная постройка была сложена из бревен диаметром 0,1 м, имела размеры 3 × 4 м. Печь-каменка располагалась в юго-восточном углу. Она датирована серединой X – началом XI в. Возле постройки было найдено большое количество бусинок, ювелирные орудия и тигли для плавки цветных металлов. Эти находки свидетельствуют о расположении в данном месте ювелирной мастерской X в. [Тарасаў, спр. № 1165, с. 10]. Около жилых построек располагались хозяйственные сооружения. В раскопе 1989 г. вскрыты части конюшни X ст., на полу которой был зафиксирован развал камней диаметром 0,8 м.

Дворы раскопанных усадеб были ограждены забором из углубленного в материк деревянного частокола [Тарасов, д. № 953, с. 16]. Зафиксированы и следы ограды – плетня. В строительном горизонте III раскопов 1987–1988 гг. на пл. Свободы были зафиксированы части деревянного настила хозяйственных сооружений, конструкция деревянных ворот [Тарасов, д. № 1014, с. 13–14; д. № 1084, с. 5].

Части построек строительного горизонта III зафиксированы по наличию глинобитных опечков размерами 1,1 × 0,9 м [Тарасов, д. № 1084, с. 5]. Опечек в постройке 8 представлял собой конструкцию, стенки которой были сделаны из досок. Доски толщиной 3 см установлены в продольные пазы вертикально вкопанных четырех бревен. Пространство внутри досок заполняли шлаками, пережженными камнями и углем. Опечек сохранился в высоту на 0,6 м.

Выявлена материковая яма, которая имела площадь 62 м². В этой яме вместе с немногочисленными артефактами найдены конские черепа, яма заполнена навозом с деревянной щепой, что позволяет определить ее как конюшню, огражденную вертикально поставленными жердями [Тарасов, д. № 1084, с. 9]. Ранние усадебные комплексы были площадью около 90–100 м².

Во время археологического исследования поселений за р. Полота по трассе ул. Ф. Мироновой была отмечена следующая закономерность: все постройки, возведенные на материковом песке, имели неглубокие ямы под полом, которые использовали как погреба. Это свидетельствует о том, что доски пола стационарно не закреплялись к лагам и легко снимались. Отдельные постройки были углублены в материк на 0,1–0,3 м. Почти в каждой яме зафиксированы прослойки угля и пепла, в заполнении ям найдены керамика, кости животных и пережженные камни. Россыпи камней без следов обожженной глины свидетельствуют об использовании населением печей-каменок и очагов разных конструкций. Замечено, что основание печи располагалось не на дне материковой ямы, а на культурном слое, который обычно не содержит находок.

В материке из плотной глины красного цвета ям под постройками XI–XII вв. не найдено. Здесь культурный слой очень сырой, артефакты XI–XII вв. сконцентрированы в нем. Границы построек обнаружить не удалось. Скорее всего, здесь имели место наземные срубные постройки.

Наличие следов ювелирного и кузнечного производства свидетельствует о ремесленной деятельности населения окольного города X–XI вв. Полочане в X – начале XI в. селились в домах каркасно-столбовой конструкции с печами-каменками. Подворья вымачивали деревом, в состав усадьбы кроме жилых строений входили сооружения хозяйственного типа. Усадьбы имели забор в виде частокола или плетни. Подобная застройка характерна и для других городов Белорусского Подвинья, в частности Витебска начала XI ст. [Бубенько, 2004, с. 44–45]. Ее особенностью в конце X – начале XI в. является наличие наземных срубных жилищ с печами-каменками (рис. 32), в XI–XII вв. печи стали делать глинобитными. В XIII в. происходило уплотнение застройки, что привело к интенсивному росту культурных напластований.

Усадебный комплекс зажиточного ремесленника-ювелира был исследован на территории современной пл. Свободы. Жилые здания усадьбы вместе с производственными комплексами были вытянуты вдоль улицы, мощенной деревом. В глубине двора находился огород, сад, содержался домашний скот и птица [Тарасаў, 2003, с. 272]. В состав усадьбы входило 7 строений, размеры жилой части усадьбы составляли около 340 м², всего приусадебного комплекса – более 1500 м².

Отдельные усадьбы полоцких ремесленников на посадах не уступали боярским в Новгороде [Тарасаў, 2003, с. 270]. Обращение к новгородским материалам не случайно, поскольку боярских усадеб XI–XIV вв. в Полоцке археологически не обнаружено. Следы усадеб бояр-шляхты археологически зафиксированы на территории Верхнего замка, Великого и Заполотского посадов только в конце XVI – XVII в. [Дук, 2007г, с. 68]. Эти усадьбы были расположены чересполосно с усадьбами ремесленников и выделяются по наличию печей с «гербовыми» изразцами и вещевому инвентарю. Возможно, продолжение археологического изучения посадов большой площадью позволит выявить боярские усадьбы более раннего времени, чем XVI в. Однако не исключено и другое: боярских усадеб на территории посадов в XI–XIV вв. не существовало. И связано это с особенностью социальной организации посадского населения (отсутствие кончанской структуры и доминирование свободного торгово-ремесленного населения) [Дук, 2010, с. 49–51].

2.4. Сельская округа Полоцка в XI–XIII вв.

(М. В. Климов)

Понятие «округа города» имеет много значений, и в белорусской историографии его анализу уделялось не достаточно внимания. Поэтому и округа Полоцка ранее изучалась путем исследования отдельных памятников, среди которых важное значение принадлежало курганным могильникам,

опубликованным в отдельных научных работах [Штыхаў, 1992; Тарасаў, 1995, № 6]. Что касается самой округи Полоцка, как целостного понятия, то следует отметить, что вопрос об определении отдельных аспектов жизнедеятельности округи Полоцка был поставлен во второй половине 90-х годов XX в. и отразился в нескольких публикациях [Клімаў, 1996; 1996а; 1998]. В результате было определено, что округа Полоцка (равно как и любого другого центра) выступает в качестве территории, которая объективно находилась вокруг города и была непосредственно связана с его жизнедеятельностью. При этом необходимо учитывать то, что Полоцк имел ближнюю и дальнюю территории округи, размеры которых с X по XVIII в. не являлись постоянной величиной, а изменялись.

Территория ближней округи непосредственно находилась вокруг города и была связана с удовлетворением нужд подавляющего большинства горожан и в период X–XIII вв. включала княжескую резиденцию, загородные княжеские и боярские села, загородные монастыри, приусадебные земли горожан, выпасы для скота, сенокосы, а также лес, который использовался горожанами для заготовки дров и строительства.

Территория дальней округи города определялась как территория, управление которой город осуществлял в качестве территориально-административного и социально-экономического центра волости, княжества, воеводства, повета, границы которых на различных исторических этапах соотносились с границами дальней территории округи. Поэтому для X–XIII вв. дальнюю территорию округи Полоцка можно связывать с понятием волости Полоцка. С X в. дальняя территория округи Полоцка – это «*княжество Рогволода*», территория которого может соотноситься с территорией непосредственно *Полоцкой волости* удельного времени. Передача города от одного князя к другому в этот период означала и передачу с городом всей городской округи, без которой существование города не представлялось возможным [Юшков, 1939, с. 136]. С XII в. понятие Полоцкой волости (княжества, впоследствии называемого даже «королевством») – коллективного владения всего рода Всеславичей (Рогволодовичей) соотносится с понятием «*городовой волости*», называемой некоторыми исследователями «*городом-государством*» [Фроянов, 1990, с. 237]. В XII–XIV вв. волость Полоцка и г. Полоцк выступали в источниках как единое целое [Новгородская первая летопись ..., вып. 1, 1950, с. 220; Псковские летописи, 1941, вып. 1, с. 22]. В документах XIV в. «Полоцкая земля» и «Полоцкое княжество» являются идентичными понятиями и включают в себя город и округу, что «тянет» к городу [Полоцкие грамоты ..., 1977, вып. 1, с. 53–57]. Жителей Полоцкой волости называли «все волостные люди...» [АЗР, 1846, т. 1, с. 171]. Таким образом, дальняя территория округи Полоцка, Полоцкое княжество, городская волость Полоцка выступают как близкие по значению понятия.

В радиусе 4–5 км от Полоцка были определены так называемые поселения-спутники, которые располагались наиболее близко к городу [Тарасаў, 1993в, с. 512]. Уверенно говорить об их частновладельческом характере сложно. Вместе с тем город оказывал на эти поселения непосредственное

влияние, которое проявлялось по-разному. В одном случае данные поселения поглощались городом в результате роста территории его посадов. Подобный пример характерен для Заполотского посада Полоцка, который в XI–XII вв. значительно вырастает в размерах в западном и северо-восточном направлении, что показали последние исследования ряда авторов [Дук, 2007, № 3, с. 35–36; Клімаў, 2010а, с. 39–45]. Совокупная площадь Заполотского посада превышала в этот период 80 га. И если в западной и восточной частях посада отмечено преобладание торгово-ремесленного населения города, то на периферии (его северо-восточная часть) отмечается бедное по материальной культуре поселение, что возможно объяснить присоединением к существующему посаду одного из сельских поселений-спутников. В этот период возникают поселения на Острове, Батарее, в Бельчицах, которые непосредственно находятся на левом берегу р. Западная Двина, где отсутствуют посады Полоцка.

В связи с территориальным ростом Полоцка в XI–XII вв. стал необходимым и прирост земель для выпаса домашних животных и сенокосов. Раскопки С. В. Тарасова 1987–1988а, гг. на Великом посаде показали, что уже для XII в. характерно использование значительной части усадеб ремесленников под огороды и подворье для животных. Исследователь определяет число усадеб в XII–XIII вв. до 2400 [Тарасаў, 1998а, с. 71, 90]. В культурном слое Полоцка наблюдается значительное присутствие навоза и больших по размерам хлебов, что указывает на занятие жителей Полоцка животноводством [Штыхов, 1975, с. 38, 41, 46, 49]. Как показали исследования остеологического материала, в слое первой половины XIII в. увеличивается количество домашних животных и резко уменьшается количество охотничьих копытных животных до 12–13% с выходом мяса от 15 до 50% [Щеглова, 1993, с. 78]. Трудно говорить об общем количестве домашних животных во владении полочан в указанный период, но согласно грамоте на Магдебургское право 1498 г. горожанам оставались выпасы до р. Ушача, «как это было и ранее» [АЗР, 1846, т. 1, с. 181]. Можно предположить, что границы самого Полоцка до второй половины XV в. близки границам XIII в. Расстояние от Полоцка до р. Ушача составляет 14 км. При развитии основной территориальной структуры города вдоль правого берега р. Западная Двина выпасы для домашних животных были вытянуты вдоль левого берега р. Западная Двина до р. Ушача. Иными словами, левый берег р. Западная Двина активно использовался горожанами в сельскохозяйственных целях.

В XII–XIII вв. структура ближней округи Полоцка усложняется за счет возникновения четырех загородных монастырей, не примыкающих к посадкам города: Спасо-Преображенского, Борисоглебского, Иоана Предтечи на Острове и Николы на Лучно. Спасо-Преображенский (Спасо-Евфросиньевский) и Борисоглебский (Бельчицкий) монастыри, расположенные в 2 км от Верхнего замка, выступали в качестве оплотов духовной и светской власти, на что было обращено внимание С. В. Тарасовым [Тарасаў, 1998а, с. 79]. С этими двумя монастырями, местоположение которых хорошо известно, связаны сельские поселения, находившиеся вблизи них и, видимо, населенные феодально-зависимым населением. Точная идентификация местопо-

ложения третьего из указанных монастырей отсутствует. Хотя больших сомнений в том, что монастырь Иоана Предтечи находился на Острове, нет [Тарасаў, 1998а, с. 74]. Исследования, проведенные М. В. Климовым на Острове, показали присутствие остатков слоя XI в. с фрагментами плинфы, что не исключает и более раннего времени возникновения данного монастыря, чем XII в. [Клімаў, 2009, вып. 5, с. 46–53]. На Острове зафиксированы остатки культурного слоя мощностью до 1,0 м вдоль левого берега р. Западная Двина, что указывает на существование поселения, синхронного данному монастырю. Характер этого поселения слабо определяется, так как культурный слой на большей части Острова был уничтожен в XX в. Загородный Лучанский монастырь Святого Николы возник в XIII в. [Полоцкие грамоты ... , 1982, вып. 4, с. 127]. Его точное местоположение вызывает дискуссию, поэтому говорить о поселении рядом с монастырем не приходится.

Безусловно, город оказывал влияние на процессы феодализации в границах ближней округи города. Как уже было указано выше, одной из черт ближней территории округи Полоцка является наличие загородных княжеских и боярских сел. Социальная идентификация загородных княжеских и боярских сел в период X–XIII вв. затруднительна, так как требует значительных археологических работ. К сожалению, невозможно определить княжеские села в округе Полоцка по письменным и археологическим данным, но они, несомненно, существовали. К примеру, в ближайшей округе Киева ряд княжеских сел зафиксирован уже в X–XI вв. и находился в пятикилометровой зоне от центра города [Мовчан, 1993, с. 26, 39, 44]. В этой связи интерес представляет анализ топонимических и микротопонимических данных, известных вблизи Полоцка. К сожалению, в округе, прилегающей к городу не фиксируются микротопонимы и топонимы с основой – *князь*-, *-княжий*- или с патронимической основой, которую возможно было бы атрибутировать как принадлежность к Полоцкому княжескому дому: *Рогволодово–Изяславово–Брячиславово–Всеславово–Борисово* и т. д. Ближайший микротопоним, связанный с Рогволодом и Рогнедой, фиксируется возле д. Перевоз Россонского района, в 62 км от Полоцка и скорее всего не связан с домениальными владениями полоцких князей. Ближайший населенный пункт с основой *-князь*- также находится на значительном удалении от Полоцка – в 40 км. Исследования возле д. Княжицы Верхнедвинского района фиксируют поселение XI–XIII вв., но установить его социальный статус не представляется возможным.

Вместе с тем в ближней округе Полоцка имеются свидетельства присутствия представителей феодальной верхушки в сельской местности. В конце X – начале XI в. начался так называемый процесс оседания дружины по селам [Алешковский, 1960, № 1, с. 82, 84]. В курганном могильнике Банонь, расположенном в 5 км от Верхнего замка Полоцка, выявлен набор вещей дружинника [Штыхаў, 1992, с. 119–120]. Показателен в этом плане и пример многокомплексного памятника Лучно 1. На данном археологическом памятнике, расположенном в 15 км от исторического центра Полоцка, зафик-

сированы следы феодальной усадьбы и примыкающего к ней поселения XI–XIII вв. [Клімаў, 2003, с. 150–159]. Феодал, проживавший в этой усадьбе, принадлежал не к рядовым дружинникам, а являлся выходцем из боярской среды, о чем свидетельствовал высокий уровень материальной культуры поселения. Кроме вооружения были найдены фрагменты амфор, большое количество мелкой церковной пластики, в том числе крест-энколпион. Одним из источников феодализации населения являлось «расселение пленников», о чем свидетельствуют выявленные на поселении дешевые украшения, принадлежавшие инокультурной среде [Клімаў, 2006а, с. 170–172]. Применительно к Лучно 1 этот процесс иллюстрируется на примере большого количества «звериноголовых браслетов», характерных для балтов, которые были захвачены в плен во время подчинения полоцкими князьями Нижнего Подвинья, а их браслеты раздавались дружинникам в качестве трофея. Таким образом, рядом с Полоцком возникали новые поселения с феодально-зависимыми крестьянами.

Кроме процесса феодализации город оказывал влияние и на производственную специализацию ряда поселений, расположенных в пределах ближней его округи. Речь в данном случае идет о поселениях, которые имели следы плавки (варки) кричного железа. Эти поселения располагались на небольших реках, и, возможно, при выборе места поселения учитывалось наличие болотных и луговых руд. В ближней округе Полоцка фиксируется много микротопонимов с названием «Рудня», «Рудокопище». Последний из микротопонимов часто встречается в округе Полоцка. До начала XX в. в округе Полоцка существовала даже деревня с названием *Рудокопище*. Следы производства кричного железа встречены на ряде поселений округи Полоцка, расположенных возле деревень Дмитровщина, Сковородино, Гендики, Чернополица. Так комплекс выплавки кричного железа возле д. Дмитровщина свидетельствует о значительных размерах этого производства. Площадка комплекса, где оставались шлаки и фрагменты сопел, имела размеры не менее 25 × 50 м и была заполнена ими на глубину до 0,5 м. Металлургические домницы в округе Полоцка пока не исследовались, но на территории Украины похожие производственные комплексы хорошо изучены [Паньков, 2003, с. 95–99; Петрашенко, 2004, с. 119–122]. Сделанные из глины и камня, они имели сопла для нагнетания воздуха. Фрагменты сопел, вместе со шлаками часто встречаются на поселениях округи. На месте производственного комплекса возле д. Чернополица были найдены остатки домницы, вместе со шлаками зафиксировали камни и фрагменты глиняной обмазки, скреплявшей камни. Этот комплекс был вынесен на безопасное расстояние от синхронных поселений XI–XIII вв. и имел характерное микротопонимическое название «мазаная печка». Нижняя шлаковая часть, отколотая от крицы после процесса выплавки металла, была найдена на поселении Лучно 1. Эта часть позволяет составить представление о размере нижней части домницы, использовавшейся в рассматриваемый период. Представленный шлаковый элемент имел цилиндрическую форму диаметром 16,5 см и высотой 6–7 см.

Необходимо подчеркнуть, что поселения, подобные Дмитровщине, по своему узкохозяйственному назначению приближались к так называемым

служебным поселениям на территории Польши, которые появились здесь в XI в. [Ślupecki, 1992, т. XL, N 2, s. 165]. Служебные поселения концентрировались не далее 30 км от резиденции князя, что определялось днем пути крестьянина и засвидетельствовано в документах [Modzelewski, 1975, s. 22, 28–29]. В данном случае поселения, на которых была развита выплавка железа, концентрировались вблизи Полоцка: Дмитровщина размещалась на расстоянии 16 км, Сквородино – 13, Чернополица – 8, Гендики – 10 км. Таким образом, можно утверждать, что поселения, которые специализировались на плавке (варке) железа, были сконцентрированы вокруг Полоцка, который и выступал в качестве основного потребителя данной продукции. Несмотря на то что в самом Полоцке находят большое количество шлаков и фрагментов сопел, эти находки скорее связаны с кузнечным ремеслом, а не с выплавкой кричного железа, технология производства которого являлась огнеопасной и оставляла большее количество шлаков, чем то, которое фиксируется в культурном слое города. Кроме сельскохозяйственной продукции именно крицы выступали в качестве эквивалента обмена между данными поселениями и Полоцком.

Что же собой представляли сельские поселения округа Полоцка в своей основной массе? Для XI–XIII вв. в округе Полоцка расположение почти всех поселений было привязано к берегам водоемов. Этому объективно содействовало два фактора. Во-первых, вокруг Полоцка, было сконцентрировано большое количество рек и озер. Во-вторых, в условиях значительной лесистости и заболоченности земель, при низком их бонитете, наиболее удобные и плодородные земли находились именно вблизи водоемов. Озера характеризуются наличием высокого бонитета почв в их прибрежной части, до 76 баллов по 100-бальной шкале [Клімаў, 2004, № 3, 61]. Для сравнения, в месте образования Полоцка основной бонитет почв близок к 21–25 баллам. Озера и реки выступали также в качестве дополнительного источника поступления пищи (рыбы), повышая ресурсную зону поселений, и являлись не только удобными источниками воды, но и путями коммуникации, особенно в зимний период. В качестве удобных для проживания в округе Полоцка выступали большие озера. На поселениях возле оз. Вороницы, Двор Гомель, Навлица, Бикульничи, Гендики фиксируются материалы широкого хронологического диапазона – X–XVII вв. и более позднего времени.

Именно водоемы в сельской округе Полоцка в этот период формировали оси поселенческой сети. Эта тенденция имеет универсальный характер и прослеживается и в других регионах, богатых водоемами. Проследим, каковы были размеры сельских поселений округа Полоцка и что собой представляла их планировка.

Для округа Полоцка характерна тенденция, при которой топография поселений определяла их планировочную структуру. Особенно это касается поселений, расположенных по берегам водоемов. Преобладающее количество селищ, размещенных непосредственно возле водоемов, имели прямолинейный тип планировки и были вытянуты вдоль береговой линии. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается у приозерных поселений.

Так, поселение Двор Гомель 1 было вытянуто вдоль береговой линии на 400 м. Прямолинейная планировка определяла и прибрежно-рядовую застройку поселений, которая является наиболее вероятной и для прибрежных поселений в других регионах [Риер, 1982, с. 115; Шекун, 1988, с. 104]. Прямолинейная планировка оказалась наиболее устойчивой во времени. При сравнении планов поселений X–XVI вв. округа Полоцка с планировкой современных деревень, расположенных по берегам рек и озер, выясняется, что и современные деревни максимально вытянуты вдоль берегов водоемов. Удобный доступ к воде для каждого двора обеспечивала именно прямолинейная, прибрежная планировка. Поэтому для всех хронологических периодов этот тип застройки являлся самым распространенным. Данная тенденция характерна и для сельских поселений округа Полоцка в XX в. Ширина поселений при прямолинейной планировке составляла обычно 40–60 м, это позволяет утверждать, что дома в поселении размещались в два ряда. Реже в округе Полоцка встречались перпендикулярный и «Г»-образный варианты планировки поселений. При анализе размеров сельских поселений округа Полоцка выясняется еще одна характерная для них особенность: небольшие размеры и малодворный характер. Для периода X–XIII вв. две трети поселений имели небольшую площадь – от 1 до 4 тыс. м². Для сравнения, средний показатель площади поселений Верхнего Поднепровья в этот период также равен 2,5–4,0 тыс. м² [Риер, 1982а, с. 139].

Количественное превосходство небольших малодворных поселений над большими по площади поселениями и устойчивость данной тенденции во времени свидетельствуют в пользу того, что поселения с небольшой площадью являлись наиболее характерными для системы расселения в округе Полоцка. Эти поселения были наиболее приспособленными к сложным природным условиям, которые ограничивали ресурсную зону поселений радиусом в 1–5 км. Она обеспечивала их всем необходимым для жизнедеятельности. При наличии малопригодных для пашенного земледелия земель, как это наблюдается в округе Полоцка, небольшие поселения увеличивали свою ресурсную зону путем комбинации 2–3-польной системы земледелия с подсечно-огневой системой или системой лесного перелога в условиях больших массивов лесов, низкого бонитета почв и больших заболоченных пространств. К этому времени в округе Полоцка относится большое количество микротопонимов, указывающих на архаические формы земледелия, среди них: *Лядо*, *Секеровщина*, *Пожег*, *Выгары*, *Погары* и др. Даже до настоящего времени «ляда» в округе Полоцка употребляется в таких значениях как «*хутор среди леса*», «*беспорядок*», отражая пережиточный характер существовавшей системы земледелия. Указанные системы земледелия не заменяли более прогрессивные формы, а дополняли их. Свидетельством существования 2–3-полюя в XII–XIII вв. является находка фрагментов сошников от двузубой сохи, которые происходят со слоя Лучно 1. Таким образом, большое влияние на существование и хозяйственное развитие сельских поселений в округе Полоцка оказывал природный фактор, но и он не являлся единственным в процессе развития округи.

В XI в. в округе Полоцка наблюдается демографический взрыв, который прослеживается по специфической керамике, имевшей венчики, завернутые внутрь [Клімаў, 2007, ч. I, с. 33–35]. Закреплению этого явления содействовал ряд факторов, в том числе потепление в условиях климатического оптимума XII в. [Борисенков, 1988, с. 177]. В округе Полоцка активно начинают осваиваться небольшие реки и озера, а также увеличивается количество поселений в удобных для проживания местах. Одним из примеров такого освоения выступает один из участков правого берега р. Оболь, где на протяжении 1 км зафиксированы три одновременно существовавшие поселения, возникшие во второй половине XI в. Вторым примером является активное освоение противоположных берегов озер. В связи с этим показательно заселение противоположных берегов оз. Навлица, Гомель, Яново. По берегам этих больших озер в XII–XIII вв. существовало по два одновременных поселения. Однако уже в XIII в. наблюдается уменьшение темпов развития системы расселения в округе Полоцка, количество поселений начинает сокращаться. Исчезновение поселений в освоенных зонах в этот период было характерно не только для Полотчины, но и для заселенных зон восточной и центральной частей Беларуси. По мнению некоторых исследователей, основной причиной уменьшения количества поселений в уже освоенных зонах является процесс внутренней колонизации и освоения междуречных возвышенностей, водоразделов [Риер, 2000, с. 25]. На рубеже XIII–XIV вв. в Европе ухудшается климат, наблюдается похолодание и происходит переход к малому ледниковому периоду с понижением средних температур [Бучинский, 1957, с. 67]. Безусловно, эти процессы коснулись и рассматриваемой территории. Не следует однако исключать, что причиной исчезновения ряда поселений в пределах ближней округи Полоцка являлись военные действия.

Самое негативное влияние на существование поселений в этот период оказали междоусобицы XII – первой половины XIII в., которые стали причиной разорения части сельских поселений, о чем встречаются сообщения на страницах летописей. Не известна степень разорения округи Полоцка войсками Мстислава Владимировича, стоявшего под Полоцком в 1129 г. Однако, как сообщает летопись, в 1158 г. Ростислав Глебович, оставляя Полоцк «много зла створи волости Полотьскои воюя и скоты и челядью» [ПСРЛ, 1962, т. 1, с. 495]. Военные действия под Полоцком разворачивались и в 1166 г. между князьями Володаром Глебовичем и Всеславом Васильковичем [Беларускія летапісы і хронікі ..., 1997, с. 35]. Смоленские князья в 1222 г. осуществили поход на Полоцк, в результате чего город был захвачен [Штыхаў, 2000, т. 1, с. 183]. Даже территории посадов Полоцка сокращались в результате военных действий, особенно это касалось Заполотского посада, который пострадал как от южнорусских князей, так и от крестоносцев – угрозы, которая появилась для округи Полоцка в первой половине XIII в. [Дук, 2010, с. 67; Клімаў, 2010а, с. 47]. Существовала прямая связь между захватом города и разорением его округи. Прямых указаний на захват Полоцка со стороны крестоносцев в первой половине XIII в. нет [Генрих Лат-

вийский ... , 1938, с. 73, 90, 103, 156]. Однако, несмотря на ряд договоров, заключенных между городами Подвинья с Ригой (1229 г.), Инфлянтским орденом (1264 г.), р. Западная Двина оставалась небезопасной в любом случае, ибо при военном конфликте движение войск происходило по ее берегам. Поэтому возникновение новых поселений в XIII в. не фиксируется в ближней округе Полоцка по берегам р. Западная Двина.

В отличие от природного, социально-экономического и военного факторов вероятность воздействия эпидемий на жизнедеятельность поселений в округе Полоцка в рассматриваемый период была не велика. Об эпидемиях имеются только фрагментарные данные. Под 1092 г. в летописях засвидетельствовано событие, согласно которому в Полоцке «мертвецы бьют полочан», т. е. город пострадал от эпидемии [Клімаў, 2000, т. 1, с. 165]. Маловероятно распространение эпидемии на большое количество поселений округа, которые находились на расстоянии 1–3 км друг от друга. И хотя известен в округе Полоцка случай нахождения в одном из курганов около д. Захарничи скелета со следами заболевания, последние антропологические исследования на территории Полоцкого Подвинья не выявили устойчивого влияния болезней на изменения основных показателей антропологических серий [Емяльянчык, 2009, с. 281–283; 2009а, с. 31–33].

Таким образом, исследование материалов по развитию сельской округи Полоцка свидетельствует о том, что ближняя округа Полоцка в XI–XIII вв. имела минимальную степень заселенности. На это в значительной степени повлияли природные условия, содействовавшие распространению небольших малодворных поселений. Часть поселений вошла в состав городских посадов, кроме того, горожане имели земли, необходимые для их сельскохозяйственной деятельности. Жизнедеятельность города поддерживалась обеспечением его сельскохозяйственной продукцией и, частично, кричным железом со стороны сельской округи.

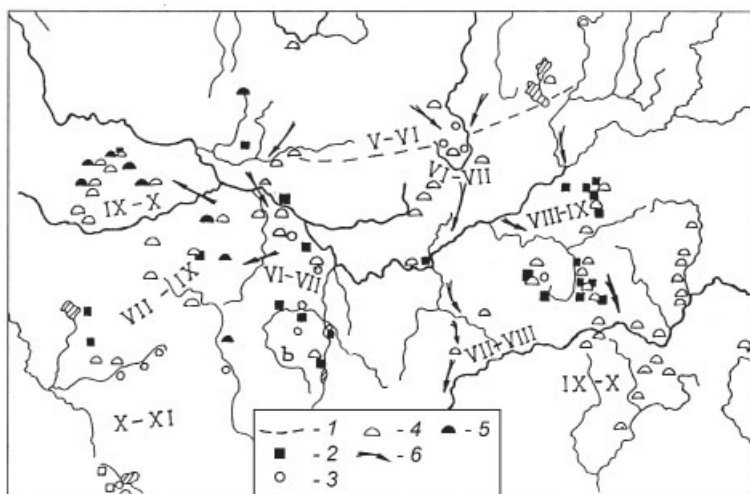

Рис. 6. Расселение кривичей в Днепро-Двинском междуречье (VI–XI вв.): 1 – южная граница псковских кривичей в V–VI вв.; 2, 3 – поселения (селища и городища) банцеровской, тушемлинской культур и последней четверти I тысячелетия н. э.; 4 – могильники культуры длинных курганов; 5 – курганы с трупоположениями X–XI вв. и лепной керамикой; 6 – направления движения кривичей (по В. В. Енукову, О. Н. Левко)

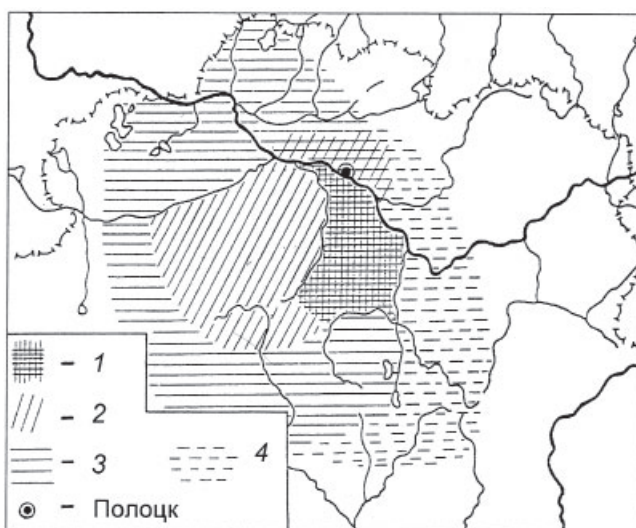

Рис. 7. Зона формирования Полоцкого княжества: 1 – ядро территории полоцких кривичей в VI–VIII вв.; 2 – зона княжения полочан в VIII–IX вв.; 3, 4 – княжество Рогволода в X в. (по О. Н. Левко)

Рис. 8. Полоцкое городище (вид с северо-запада). 1959 г.

Рис. 9. Заполотье (вид с востока). 1959 г.

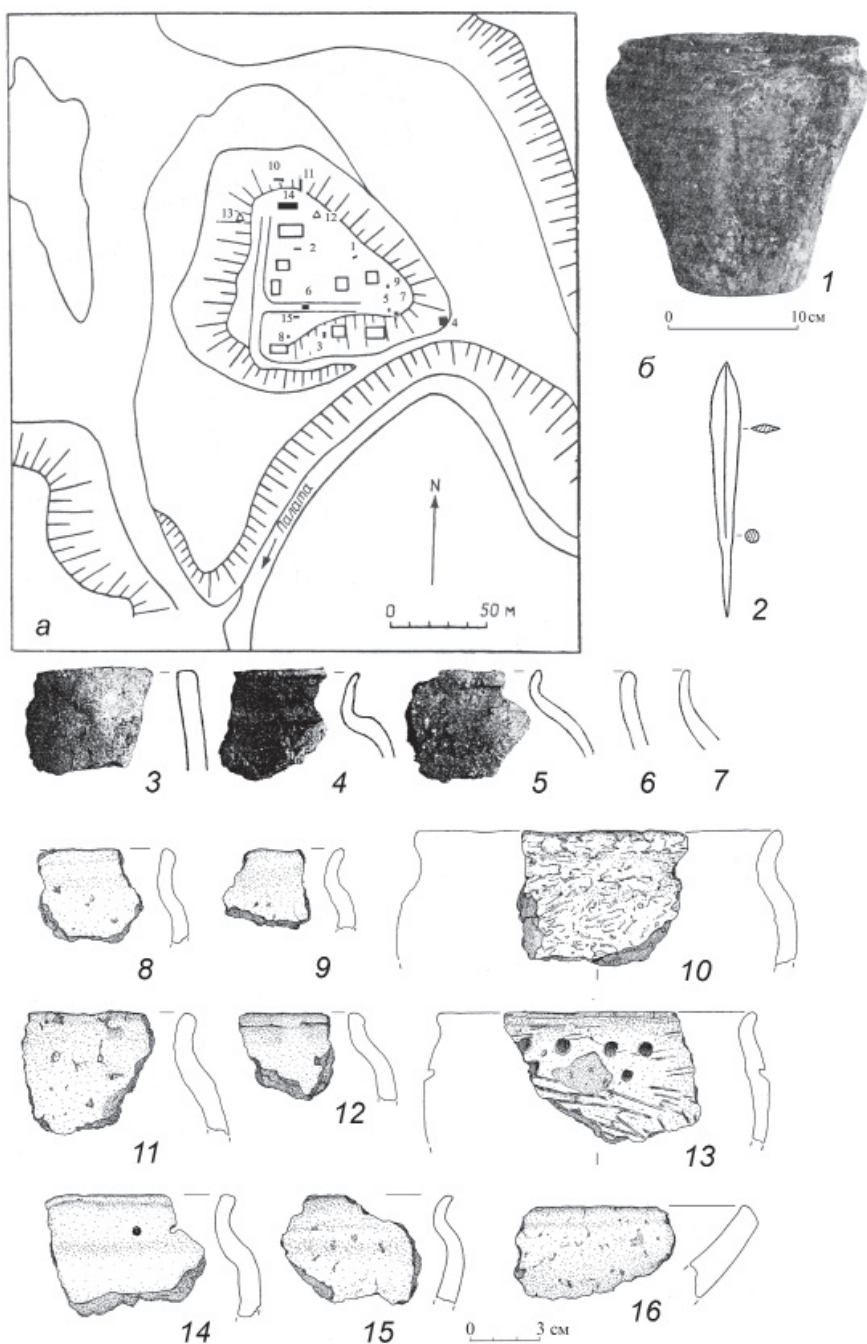

Рис. 10. Городище в Полоцке: *а* – схема размещения раскопов, шурфов и траншей: 1–4 – 1928 г.; 5–9 – 1959; 10 – 1960; 11 – 1962; 12 – 1977; 13 – 1987; 14 – 2007; 15 – 2009 г.; *б* – вещевой материал (по Г. В. Штыхову): 1 – горшок VIII–IX вв. из насыпи вала; 2 – ланцетовидный наконечник стрелы; 3–16 – лепная керамика из культурного слоя

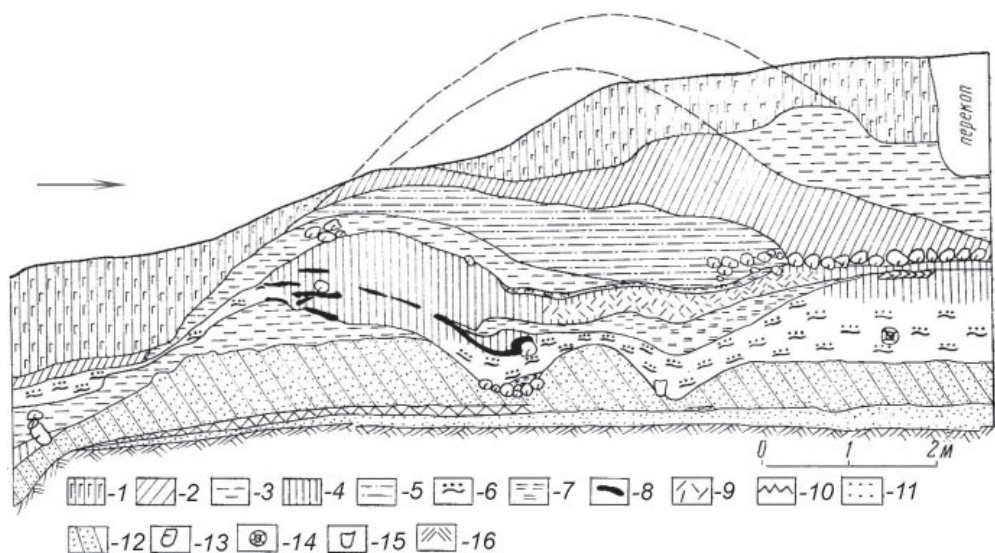

Рис. 11. Прорезка вала: 1 – балласт; 2 – серый слой; 3 – светлая глина; 4 – черный слой; 5 – суглинок; 6 – слой пожара с углями; 7 – красная глина; 8 – обугленное дерево; 9 – древесная труха; 10 – нижний культурный слой; 11 – предматерик; 12 – песок из насыпи вала; 13 – камни; 14 – бревна; 15 – горшок VIII–IX вв. из насыпи вала; 16 – материк.
Полоцкое городище. По Г. В. Штыхову

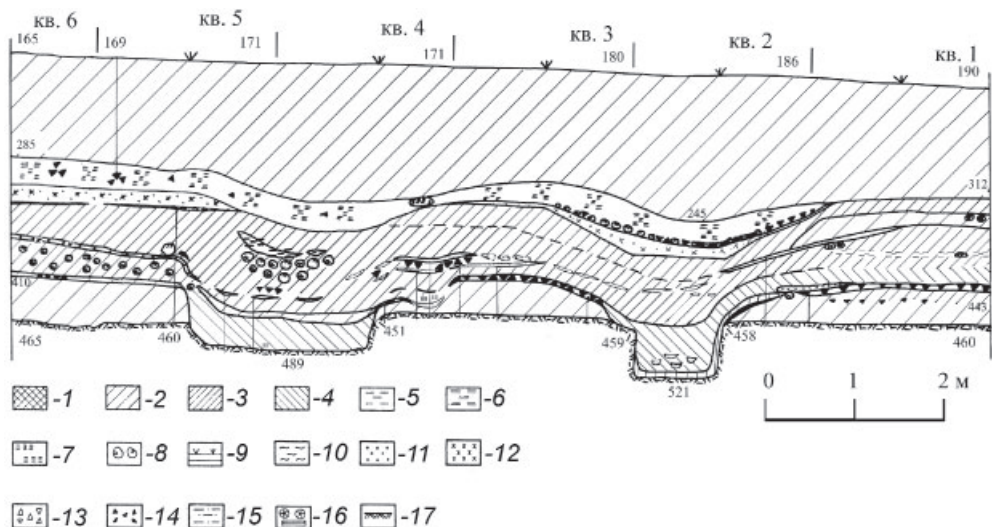

Рис. 12. Северный профиль раскопа: 1 – балласт; 2 – светло-серый слой; 3 – темно-серый слой; 4 – черный слой; 5 – глина светлая; 6 – обожженная глина; 7 – труха; 8 – камни; 9 – дерн; 10 – зола; 11 – песок; 12 – известь; 13 – строительный мусор; 14 – угли; 15 – суглинок; 16 – дерево; 17 – материк. Полоцкое городище. Раскопки Д. В. Дука. 2007 г.

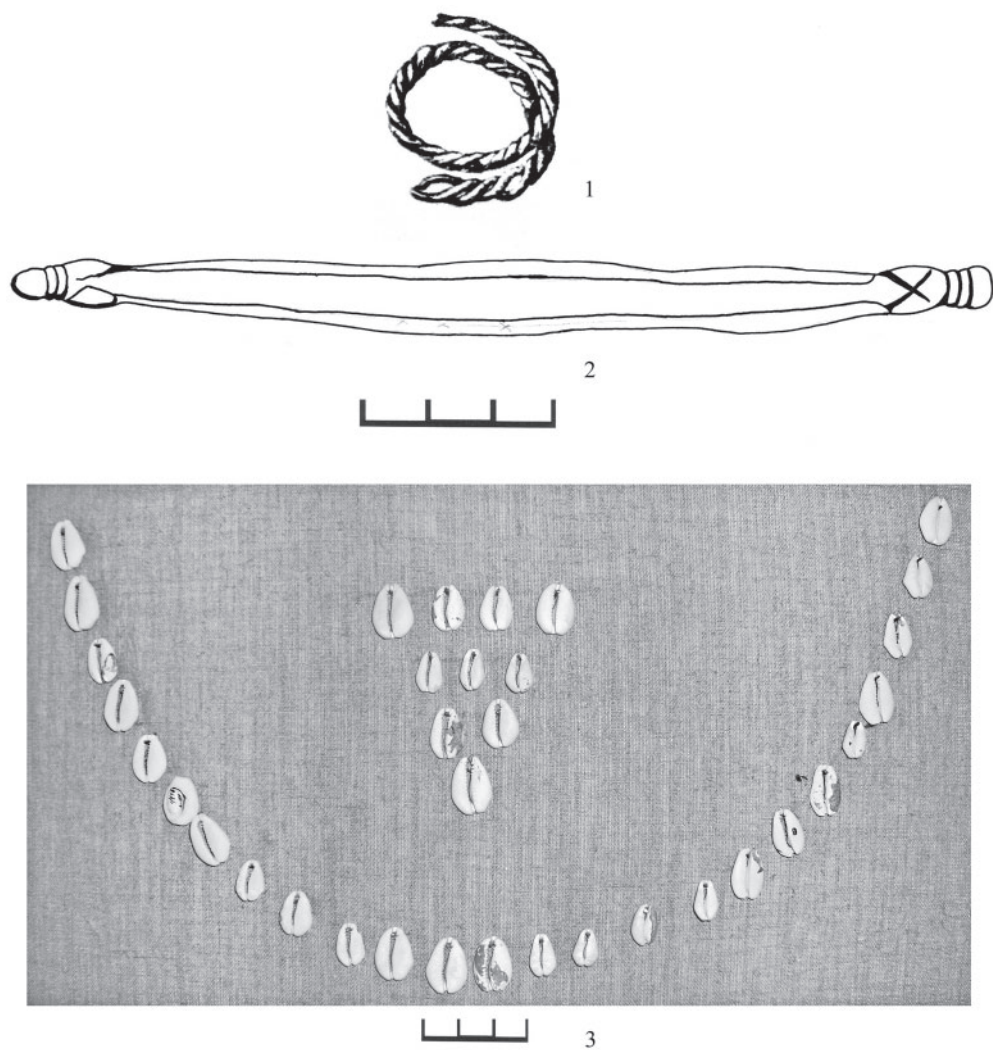

Рис. 13. Находки из бронзы: 1 – перстень; 2 – браслет; 3 – раковины каури. Полоцкое городище. 1987 г.

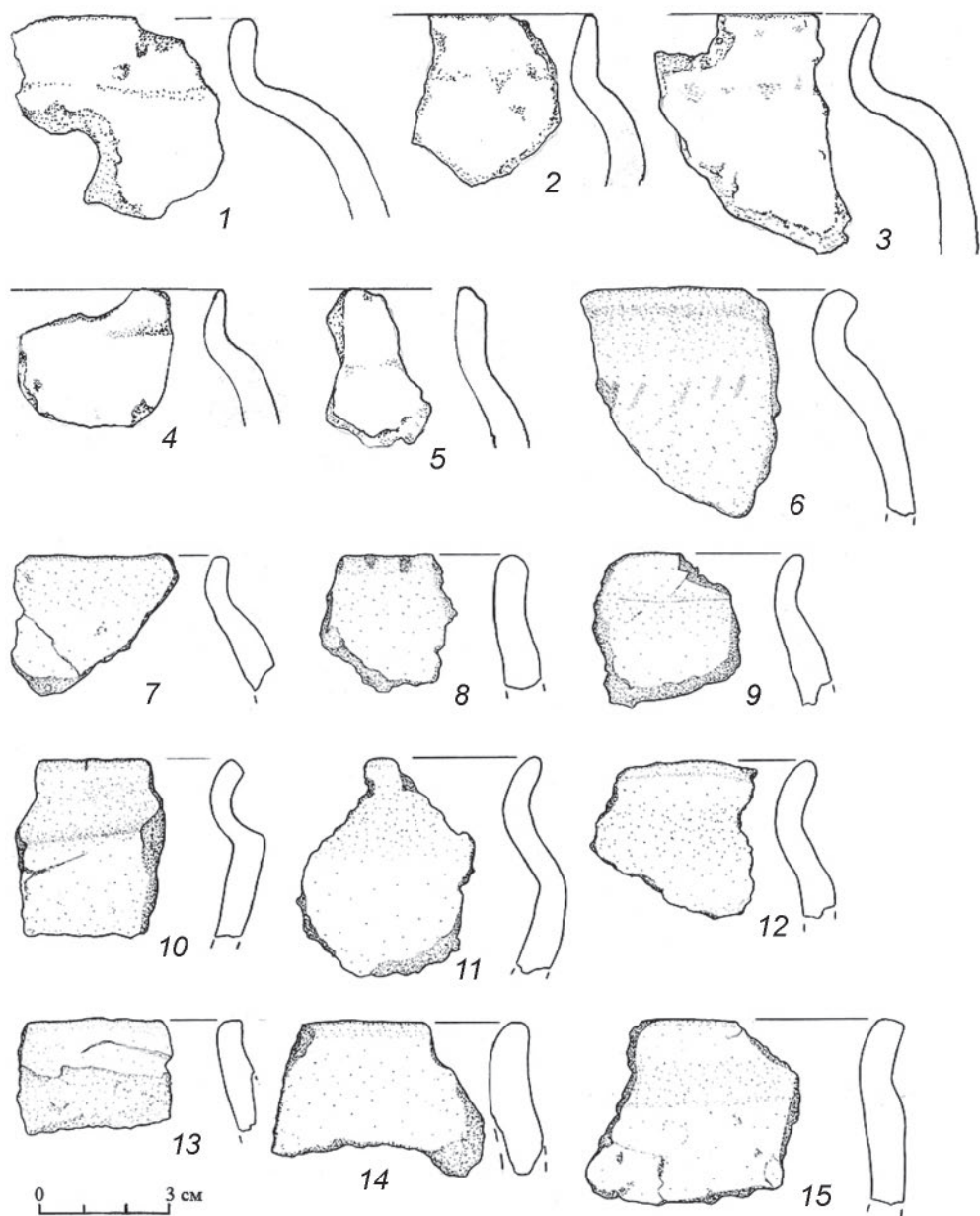

Рис. 14. Лепная керамика: 1–5 – яма 3; 6–12 – культура полоцко-смоленских длинных курганов; 13–15 – банцеровско-тушемлинская культура. Полоцкое городище. 2007 г.

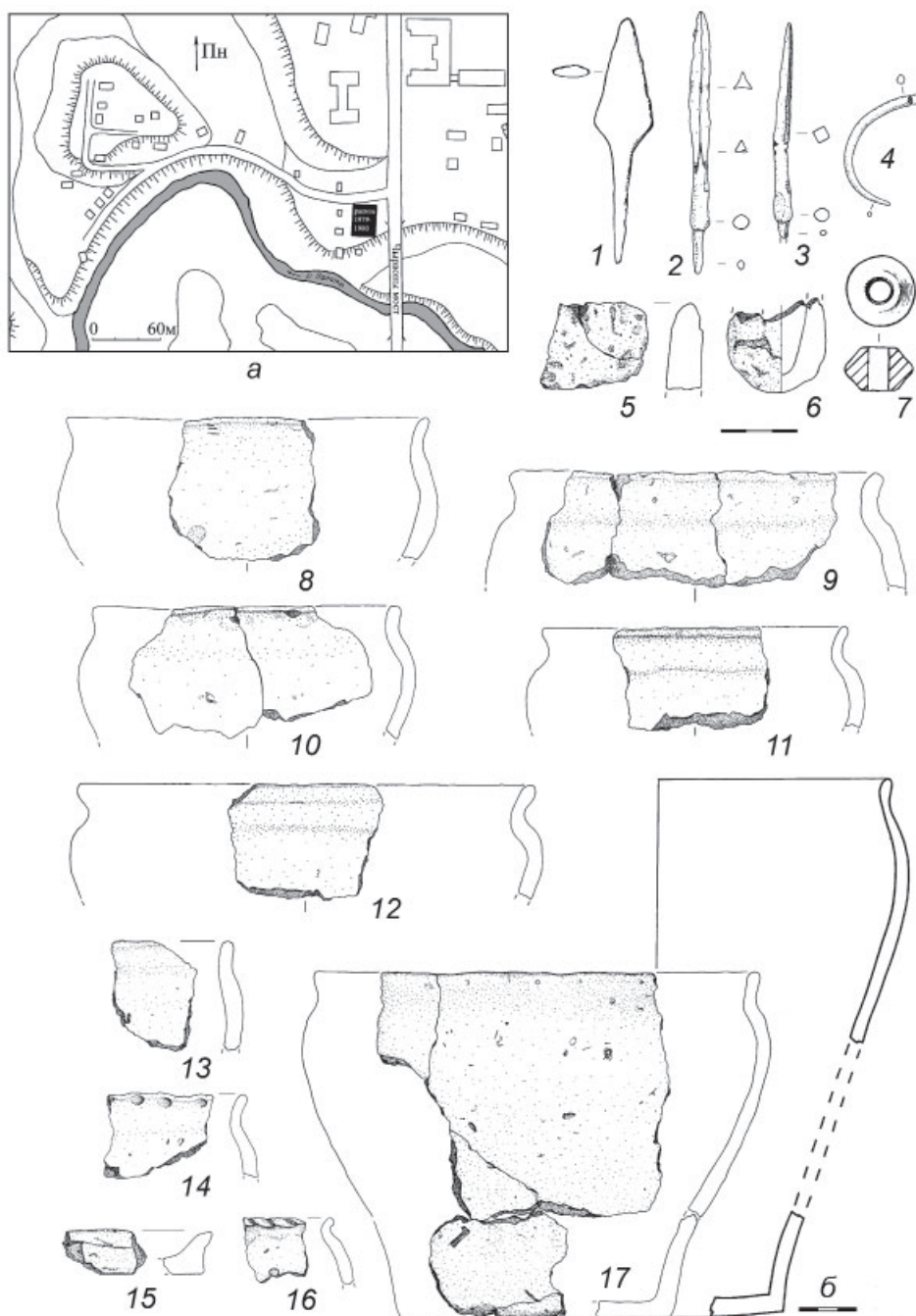

Рис. 15. Размещение раскопов Г. В. Штыхова на селище у Красного моста (а) и вещевой материал (б): 1–3 – наконечники стрел; 4 – бронзовый браслет (фрагмент); 5, 6 – тигли (фрагменты); 7 – глиняное пряслице; 8–17 – лепная керамика

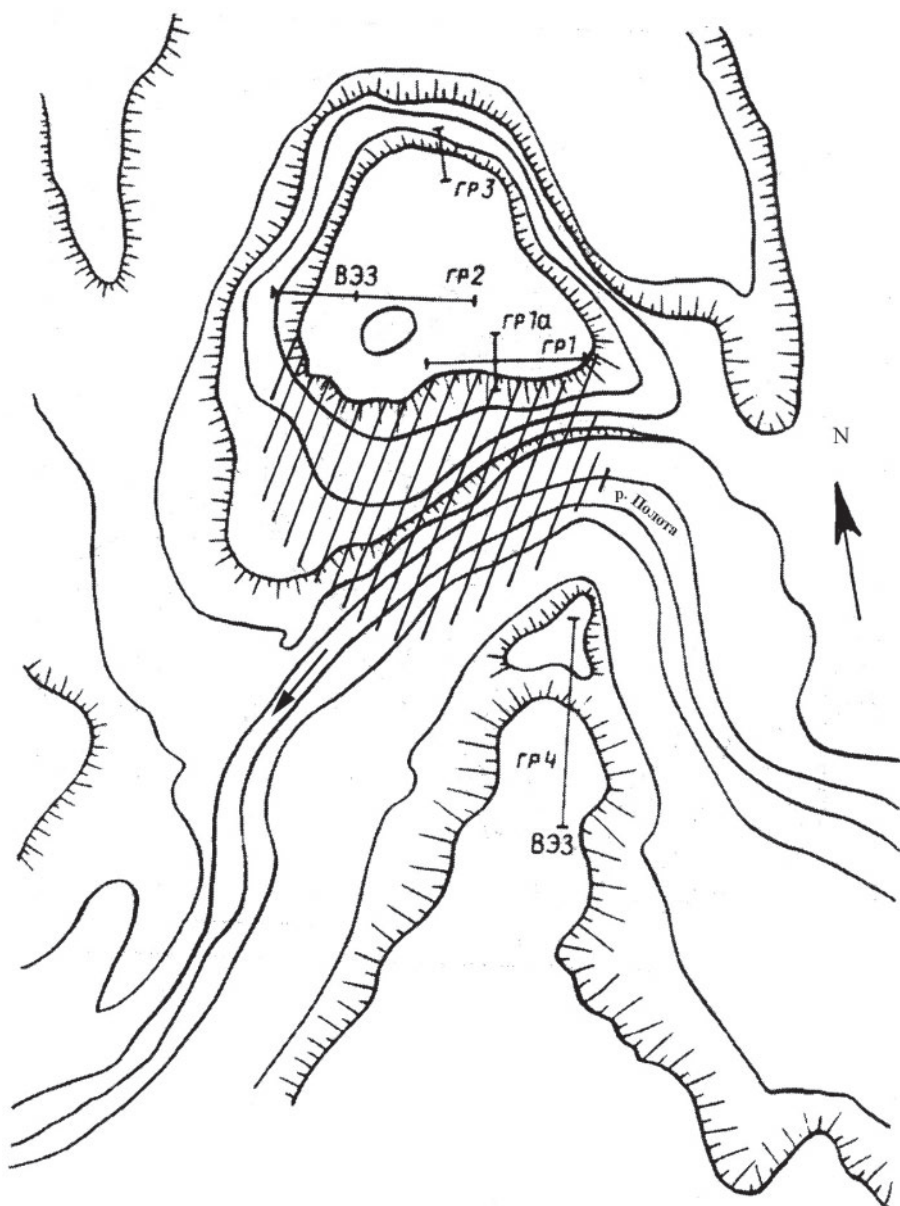

Рис. 16. Соотношение высот полоцкого городища и селища на стрелке Нижнего замка (по С. В. Тарасову). Наклонными линиями (штрихами) показана часть городища и селища, предположительно уничтоженная в 1563 г. (по Д. В. Дуку)

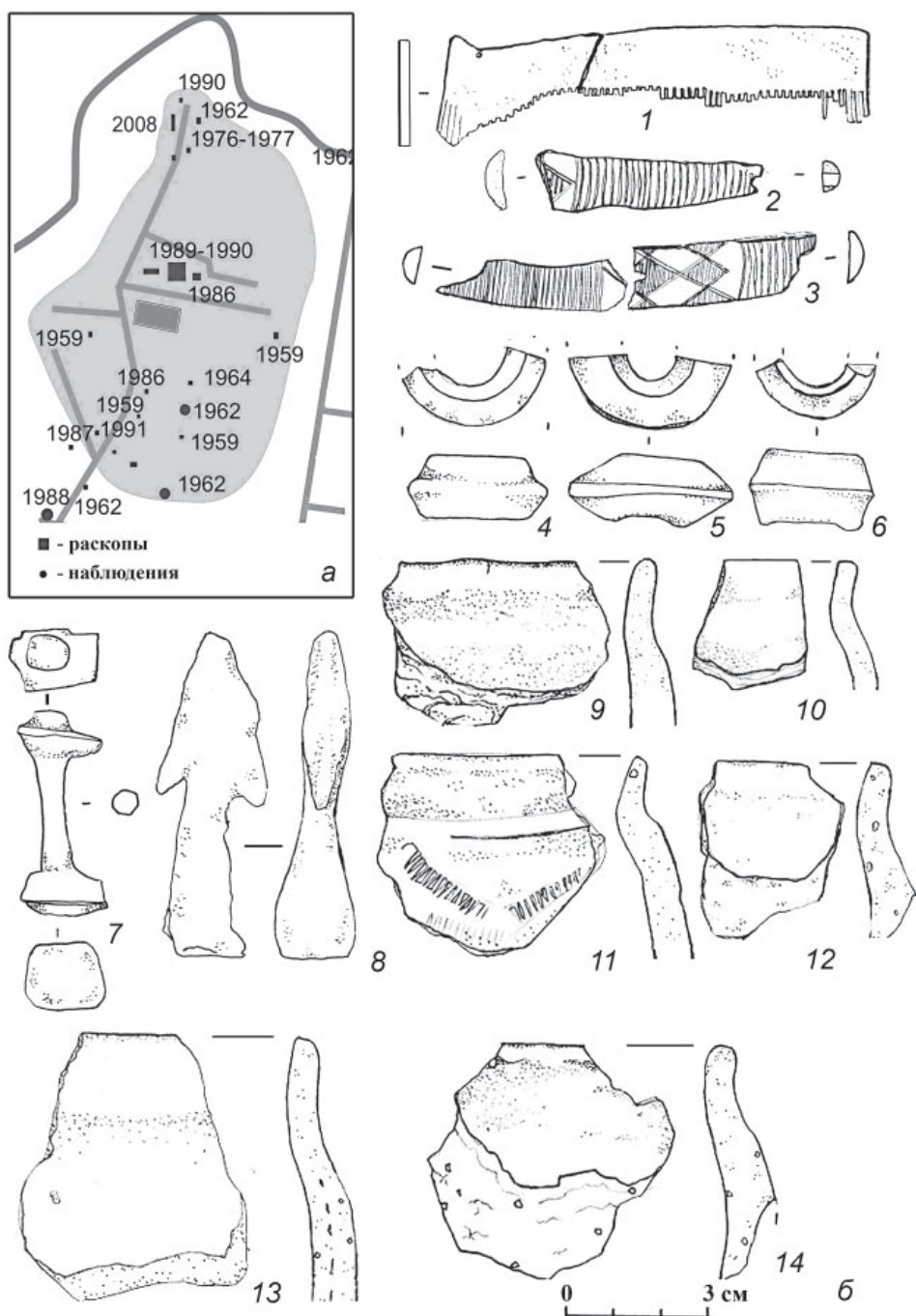

Рис. 17. Раскопы, шурфы и наблюдения на территории Нижнего замка (а); вещевой материал из нижнего слоя раскопа 2008 г. на стрелке Нижнего замка (по Д. В. Дуку) (б): 1-3 – наборный костяной гребень (фрагменты); 4-6 – глиняные пряслица; 7 – заклепка от лады; 8 – наконечник стрелы; 9-14 – венчики лепных горшков группы 1

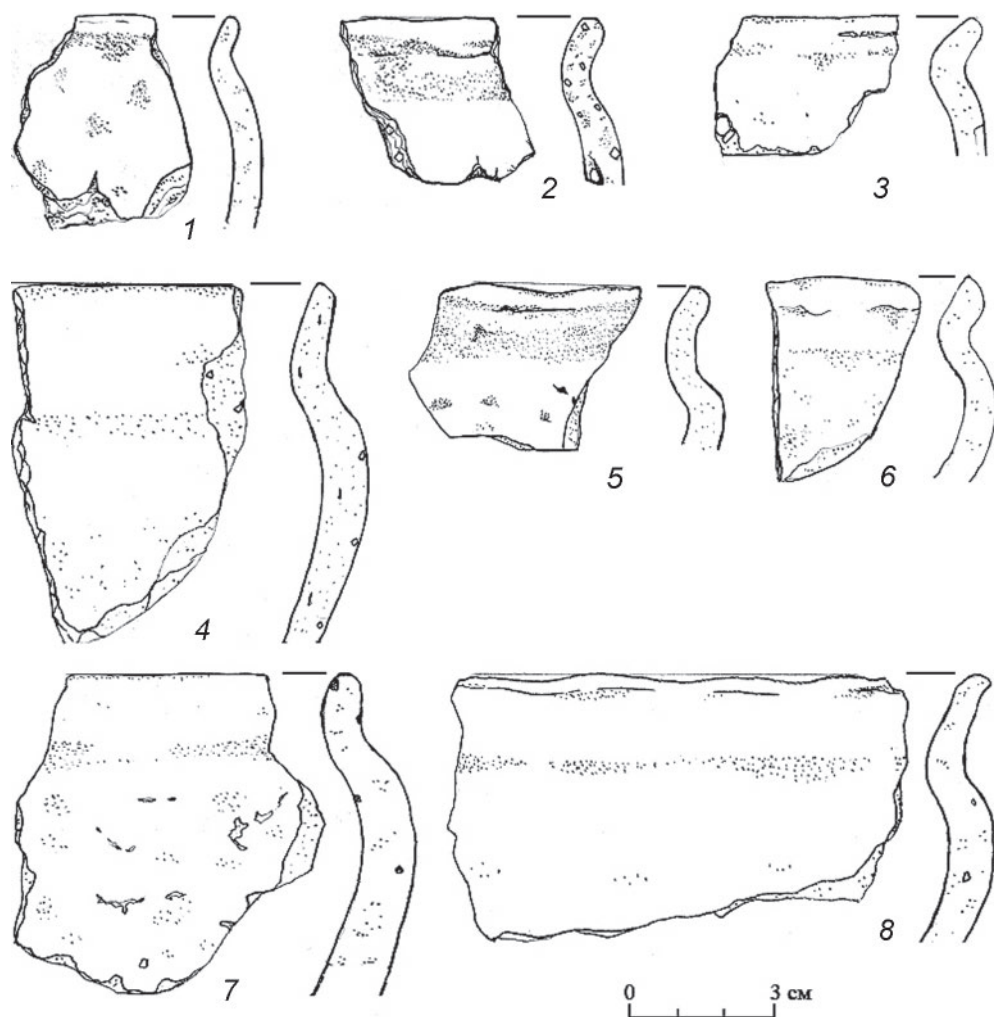

Рис. 18. Лепная керамика: 1–4 – группа 2; 5–8 – группа 3. Стрелка Нижнего замка.
Раскопки Д. В. Дука. 2008 г.

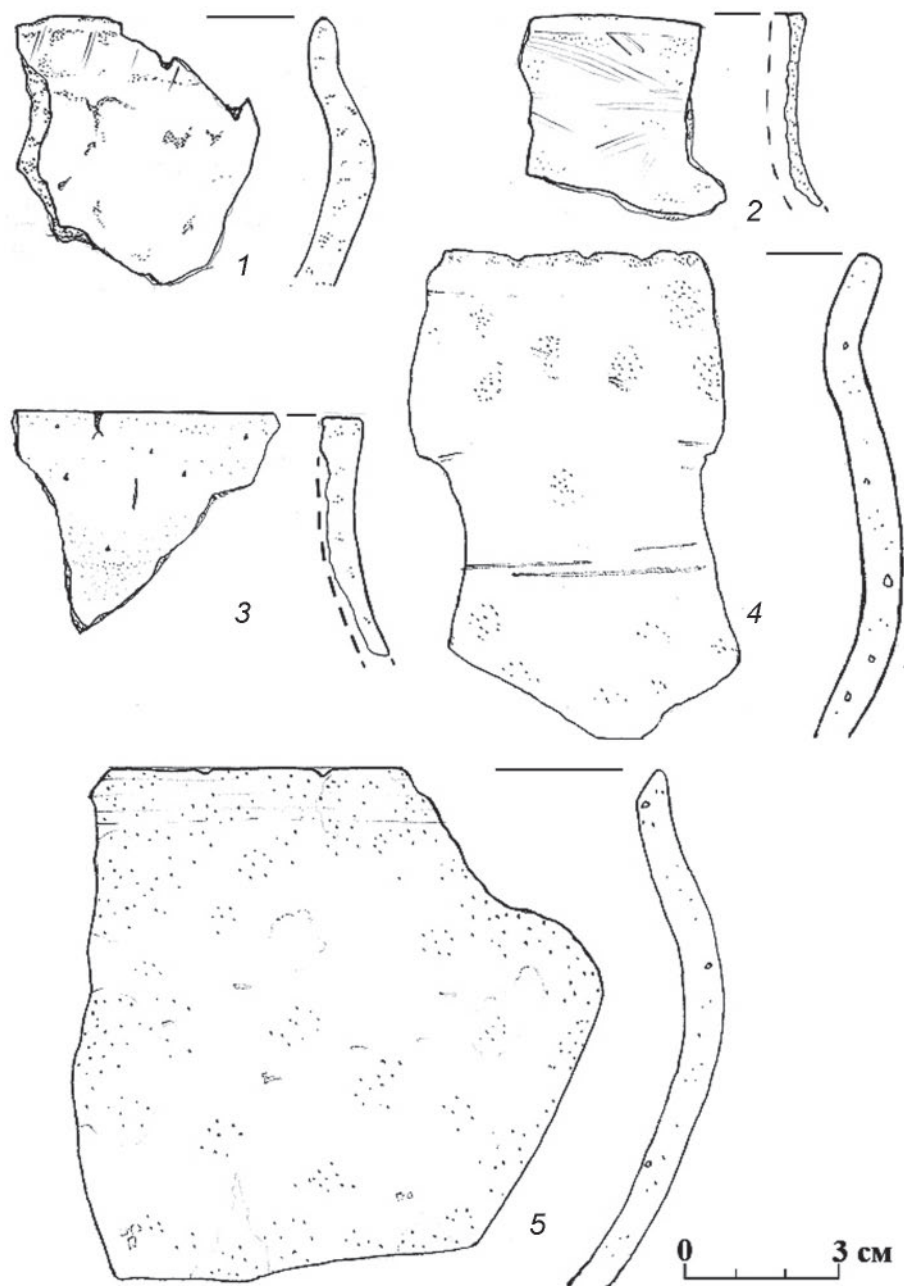

Рис. 19. Лепная керамика: 1–3 – группа 4, стрелка Нижнего замка, 2008 г.; 4–5 – Заполотье. Раскопки Д. В. Дука. 2010 г.

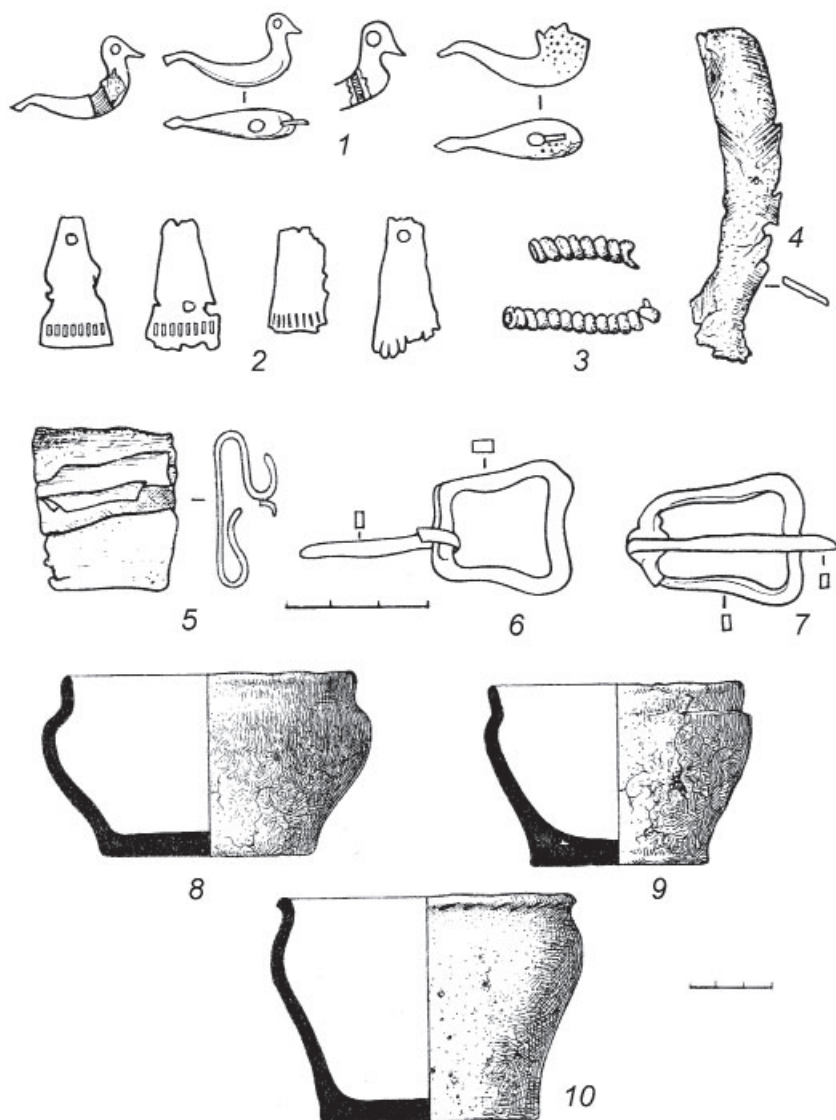

Рис. 20. Инвентарь погребений по обряду кремации второй половины VIII – IX в.: 1 – костяные уточки-подвески; 2 – бронзовые подвески; 3 – бронзовые спиральки; 4 – шейная гривна (фрагмент); 5 – накладка головного венчика (фрагмент); 6, 7 – пряжки; 8–10 – лепные горшки. Могильник Борки. Раскопки Г. В. Штыхова

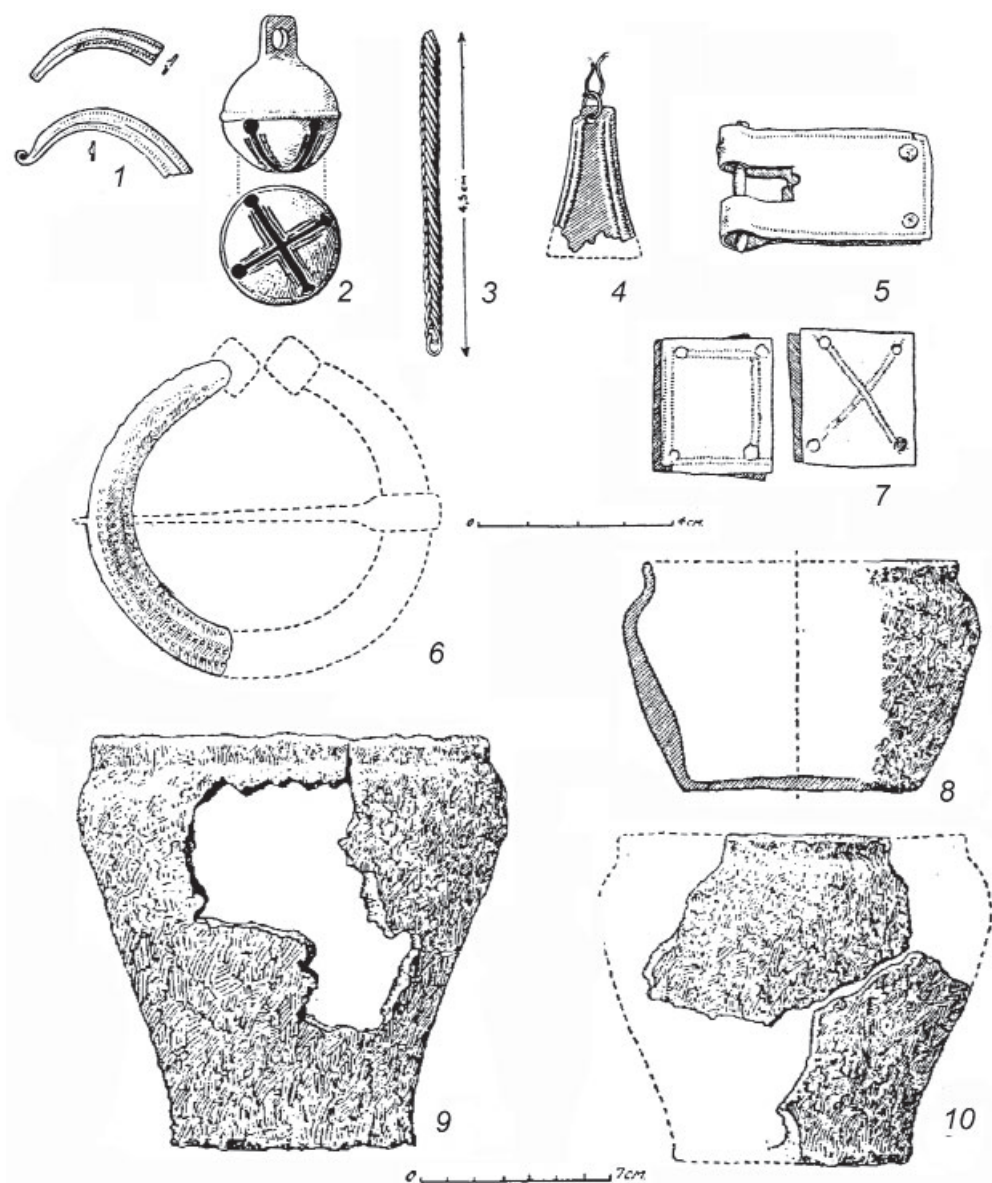

Рис. 21. Инвентарь погребений по обряду кремации X в.: 1 – серповидные кольца (фрагменты); 2 – бубенчик с прорезью; 3 – цепочка; 4 – подвеска; 5, 7 – накладки на пояс; 6 – фибула; 8–10 – лепные горшки. Могильник Рудня. Раскопки А. Н. Левданского

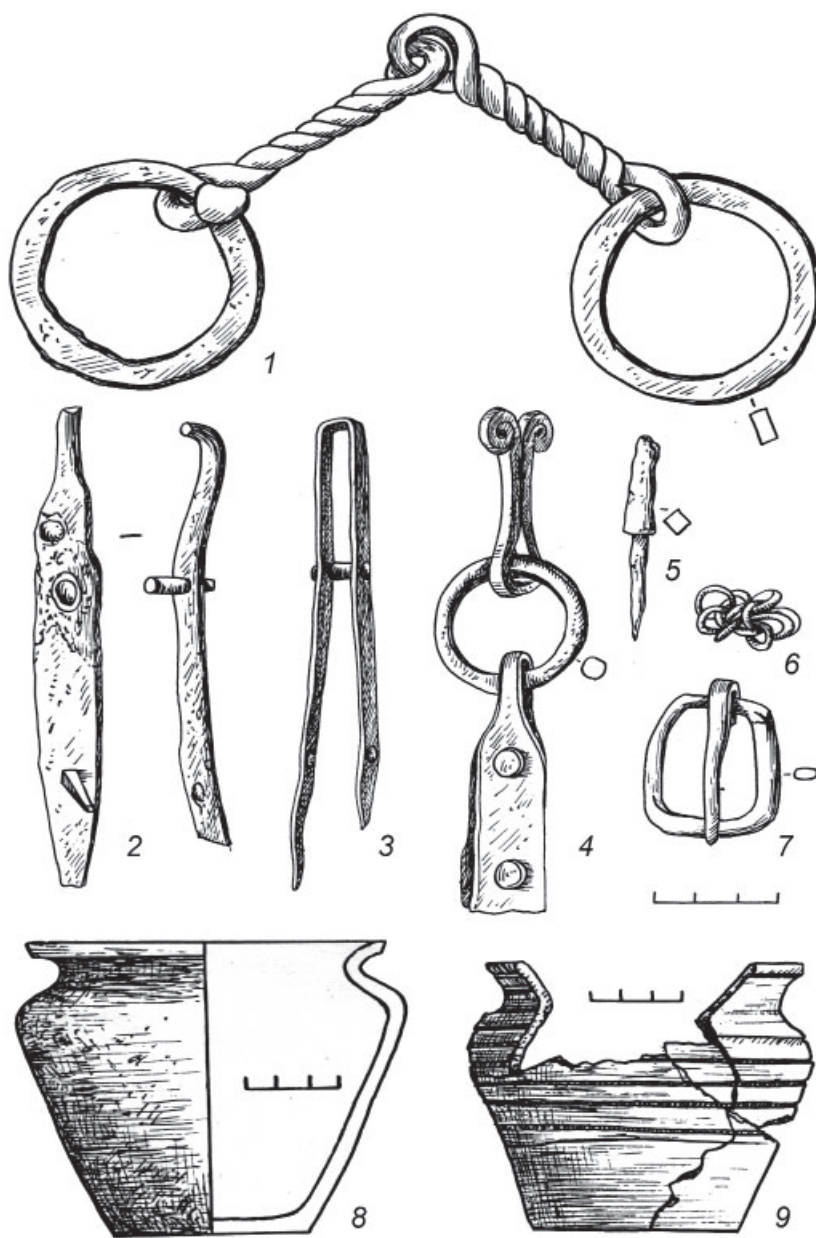

Рис. 22. Инвентарь погребения по обряду кремации второй половины X в.: 1 – удила; 2–4 – шумящий хлыст (детали); 5 – наконечник стрелы (фрагмент); 6 – железные кольца кольчуги; 7 – пряжка от конской упряжки; 8, 9 – круговые горшки. Курган № 7. Могильник Банонь (Экимань). Раскопки Г. В. Штыхова

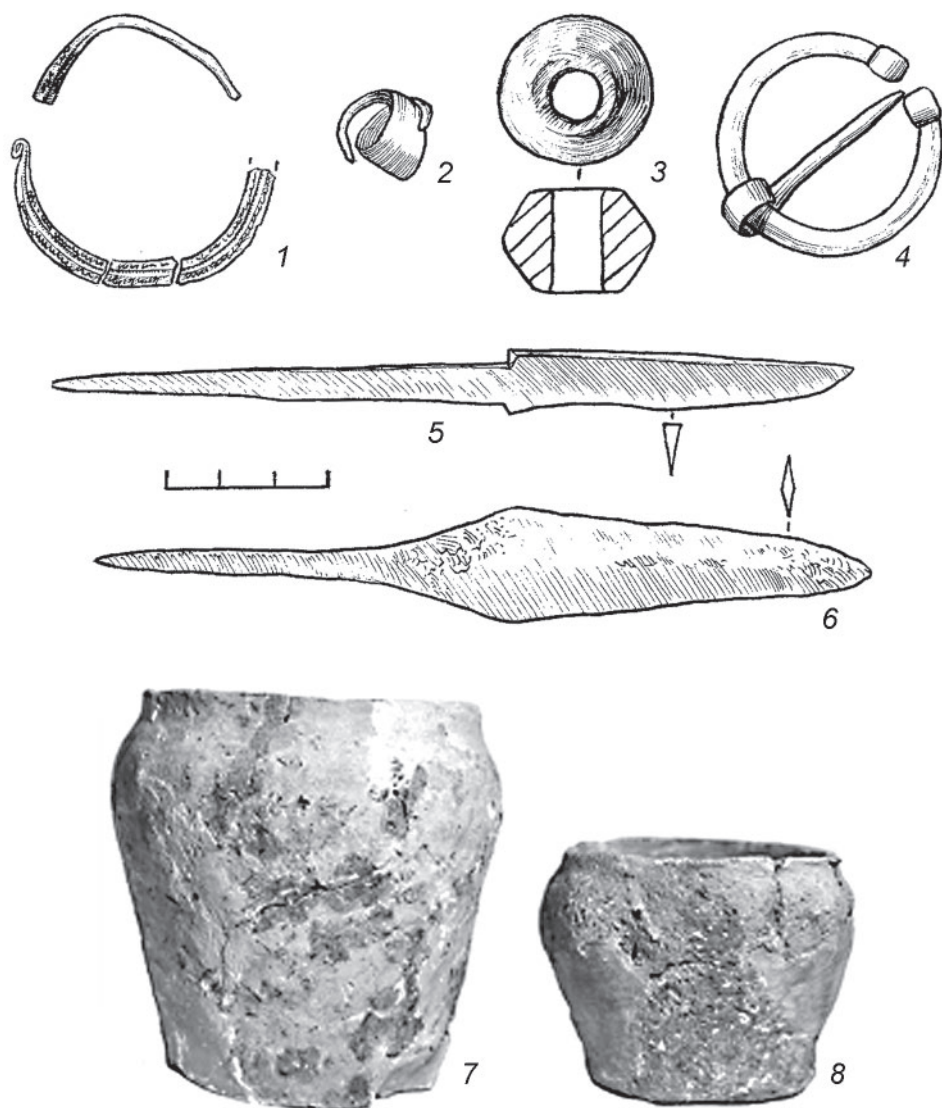

Рис. 23. Инвентарь погребений по обряду кремации второй половины X в.: 1 – серповидное височное кольцо; 2 – перстень; 3 – пряслице; 4 – фибула; 5 – нож; 6 – наконечник стрелы; 7, 8 – лепные горшки. Могильник Глинище. Раскопки Г. В. Штыхова

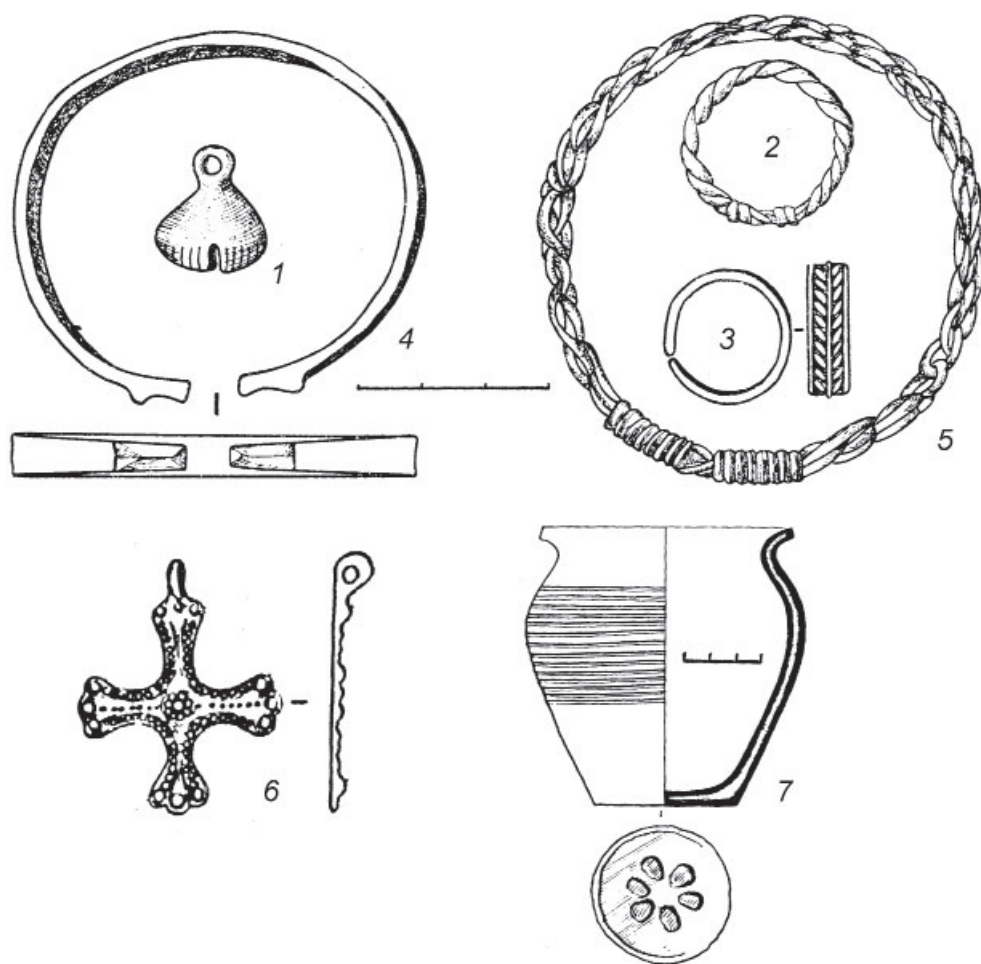

Рис. 24. Инвентарь из погребений по обряду ингумации X–XI вв. из раскопок могильников Плусы (1–5, 7) по Г. В. Штыхову и Дмитровщина (6) по С. В. Тарасову: 1 – бубенчик; 2, 3 – перстни; 4, 5 – браслеты; 6 – подвеска; 7 – круговой горшок

II

ЛЕТОПИСЬ ДРЕВНИХ СЛОЕВ

3. СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ОБЪЕКТОВ ПОЛОЦКА XI–XVIII вв.:

ИССЛЕДОВАНИЯ 1928–2011 гг.

(Д. В. Дук)

3.1. Древний рельеф. Общая характеристика городского культурного слоя

Полоцк был основан на р. Полота при ее впадении в р. Западная Двина. Непосредственно в устье р. Полота на левом ее берегу в древности располагалась **Черная (Замковая гора)** – холм с плоской вершиной, высотой до 10 м, площадью 9,44 га и со всех сторон, кроме восточной, к р. Полота и р. Западная Двина были обращены его крутые склоны. На этой возвышенности (впоследствии территории **Верхнего замка**) в XI в. был возведен **Софийский собор**. На том же левом берегу р. Полота в 0,8 км от ее устья находилось древнее **городище**, первоначально освоенное населением днепро-двинской культуры. Высота горы, занятой этим поселением, составляла от 13,5 до 13,8 м. Площадь городища на сегодня равна 0,7 га, однако его первоначальная площадь до 1563 г., когда построили **Нижний замок**, могла быть значительно больше. Данные объекты были защищены самой природой и представляли несомненный интерес для основателей города.

Между городищем и Замковой горой находилась еще одна возвышенность, крутые склоны которой с запада были повернуты к р. Полота, а с северо-востока ее ограждал овраг. Вероятно, этот овраг разделял древнее городище, на территории которого уже в IX–X вв. сформировался первоначальный детинец, и территорию будущего **Окольного города** (Нижнего замка). На территории Замковой горы в IX–X вв., вероятно, располагалось языческое капище, а в XI–XII вв. здесь были возведены монументальные культовые сооружения, главным из которых являлся Софийский собор. На запад от Замковой горы за р. Полота простиралась равнина, ограниченная оврагами на удалении 0,8 км от этой реки. На восток от Замковой горы аналогичное пространство было ограничено оврагами на расстоянии не менее 0,6 км. Оба эти участка стали заселяться с рубежа X–XI вв. и впоследствии здесь сформировались **Заполотский** и **Великий посады**.

Ближе к левому берегу р. Западная Двина напротив устья р. Полота располагался **Остров** площадью около 8 га. Его территория начала осваиваться в начале XI в. Во второй половине XX в. северный рукав полоцкого течения р. Западная Двина был частично засыпан и ныне остров фактически не существует.

Левосторонний приток р. Западная Двина – р. Бельчица впадает в нее выше по течению от устья р. Полота. На правом берегу р. Бельчица, на расстоянии около 600 м от ее устья и на расстоянии около 150 м от русла реки располагался древнейший и крупнейший в Полоцке Бельчицкий Борисоглебский монастырь. В излучине р. Полота на расстоянии 1,2 км от ее устья находился Спасо-Евфросиньевский женский монастырь, основанный, возможно, в XI в. [Алексеев, 2006, кн. 2] и преобразованный стараниями игумении Евфросинии в XII в. в крупнейшую православную обитель.

Левобережная часть Полоцка от устья р. Бельчица до Острова перерезана тремя ручьями, которые и определили топографические границы посадок XVI–XVIII вв.

Таким образом, древний природный рельеф местности предопределил веерно-радиальное развитие планировочной структуры Полоцка. Первоначальным ядром города являлось полоцкое городище, дальнейшее развитие города в основном тяготело по направлению к р. Западная Двина, при этом своеобразной меридиональной осью выступала р. Полота.

Самыми древними слоями на территории современного Полоцка являются отложения днепро-двинской культуры на городище. *Нижний стратиграфический слой городища* представлен светло-серой с коричневым оттенком органикой, очень мягкой, сухой и однородной по структуре. Этот слой имеет мощность от 0,2 м до 0,5 м. Зафиксирован на глубине 2,5 м в северной части городища (рис. 12). В этом органическом веществе, которое сильно напоминает торф, отсутствуют уголь и камни, артефакты представлены редкими фрагментами стенок лепных горшков, а также костями животных.

Культурный слой с лепной керамикой, занимавший площадь около 6 га, был выявлен в северной части Нижнего замка. Наилучшим образом он сохранился возле так называемой стрелки Нижнего замка (раскопки 2008 г.). Слой залегает на глубине 1,8 м. Его мощность составляет в среднем около 0,2 м. Находки представлены преимущественно фрагментами лепной посуды, глиняными пряслицами и немногочисленными изделиями из железа и кости (рис. 17). Данный слой образован плотной супесью с углем, из-за чего он имеет серый оттенок. В слое местами, особенно над материковыми ямами, сохранились волокна сгнивших кусков дерева. В этом слое найдено основное количество лепной посуды третьей и четвертой четвертей I тысячелетия н. э., глиняные пряслица, типичные для культуры Банцеровщины–Тушемли. Согласно радиоуглеродному анализу кусочка дерева, которое было найдено в данном слое, получена дата 420–670 AD (проба IGSB-1375)¹. Особенностью этого слоя является полное отсутствие стеклянных бус. Они были найдены в вышерасположенном слое вместе с гончарной посудой.

Слой с лепной керамикой выявлен также на территории селища-предградья (у современного Красного моста) на площади 0,24 га. Это поселение отделено от городища руслом р. Полота. Здесь слой последней четверти

¹ Радиоуглеродное датирование сделано в лаборатории геохимии изотопов ГНУ «Институт геохимии и геофизики НАН Беларуси» под руководством кандидата технических наук Н. Д. Михайлова.

I тысячелетия н. э. сохранился только в пределах материковых ям и имеет аналогичную структуру с раннесредневековым слоем с территории Нижнего замка.

Лепная керамика, выявленная на восток от паркана (ограждения) Великого посада, происходит из курганных погребений (волотовок), которые существовали здесь в IX–XVIII вв. [Дук, 2010, с. 106–109]. Сами же культурные напластования IX–X вв. на данном участке отсутствуют.

Культурный слой XI–XIII вв. изучен на территории Верхнего замка, Великого и Заполотского посадов, в Старой Слободе на левом берегу р. Западная Двина, локально – на Острове. При этом стратиграфические горизонты XII–XIII вв. выделяются наибольшей мощностью (до 2 м в восточной части Верхнего замка, в среднем около 1 м на Великом посаде и в центральной части Заполотского посада). Культурный слой на данных объектах имеет темно-серый цвет, содержит много различных прослоек (известь, навоз, древесную щепу, песок, уголь, дерево и др.). На территории Великого посада слой XI–XIII вв. очень влажный, расположен на уровне залегания грунтовых вод. В западной части Заполотского посада и на север от Заполотья и городища зафиксирован культурный слой XI–XII вв. Здесь он имеет очень своеобразную структуру. На этих объектах культурный слой представлен супесью серого цвета с углем и вышеуказанными органическими и неорганическими прослойками. Из-за особенностей рельефа он очень сухой, как правило, сильно утрамбованный.

Культурный слой XIV–XV вв. в Полоцке выделяется слабо. Единственными местами, где возможно определить напластования XV в., являются территория бывшего Бельчицкого Борисоглебского монастыря и восточная часть Верхнего замка (в границах бывшей посадской территории). Слой XIV–XV вв. представлен красным, сильно утрамбованным суглинком, в котором найдены венчики горшков и горшковые изразцы соответствующего периода. Этот слой начинается от материка и перекрывается *стратиграфическим горизонтом XVII–XVIII вв.* Застройка данного времени в месте расположения «восточных» раскопов Верхнего замка определена между строительными горизонтами III и V (рис. 61, 62) [Штыхов, 1975, с. 38].

Культурный слой зафиксирован также локально в пределах отдельных закрытых комплексов. К ним возможно отнести исследованные комплексы косторезных мастерских на Нижнем замке [Дук, спр. № 2600] и на Великом посаде [Дук, 2007б, № 1], остатки изразцовой печи в Заполотье [Дук, 2006а]. Культурный слой этого времени имеет наибольшие вариации цветовой гаммы – от светло-серого до черного, в последнем случае имеет следы развитой хозяйственной и ремесленной деятельности. На большинстве объектов выделяется плохо, испорчен поздними перекопами. Мощность слоя не превышает 0,4 м. Распространение культурных напластований XVI–XVIII вв. не было однородным. Они прослежены на территории Великого посада, Кривцова посада, Старой Слободы и локально – в Заполотье, на Верхнем и Нижнем замках. Тут их мощность в среднем равна 1,0–1,5 м, местами (в материковых ямах) – 3,0 м. Слой XVI–XVIII вв. довольно рыхлый, преи-

мущественно темно-серого цвета, реже светло-серый. Имеет многочисленные прослойки и вкрапления, аналогично слою XI–XIII вв. Насыщен органикой (деревянной щепой, костями домашних животных и навозом). Очень различается его структура – от влажного, комковатого, плотно утрамбованного до зернистого и сухого. Характерной чертой этого слоя является присутствие в нем линз кирпичного боя красного цвета, чаще в виде небольших вкраплений, что придает слою коричневый оттенок [Тарасаў, 1998а, с. 31].

Отсутствует слой XVI–XVIII вв. в западной части Заполотского посада, локально зафиксирован на посадской территории XI–XII вв., которая расположена на север от Заполотья и городища. Артефакты раннего Нового времени, достаточно ограниченные по ассортименту, присутствуют в сильно перемешанных и очень поврежденных слоях XVI–XIX вв. на Нижнем замке. Основной категорией находок этого времени является бытовая керамика. На древнем полоцком городище в XVII–XVIII вв. располагалось городское кладбище. Культурный слой этого времени здесь отсутствует, одиночные изделия, в том числе керамика XVI–XVIII вв., найдены в заполнениях погребальных ям. Проведенные археологические разведки отдельных исторических памятников, в частности Острова, показали, что культурный слой позднефеодальной поры и раннего Нового времени на нем сnivelирован или уничтожен, и его выделение не представляется возможным.

3.2. Выделение вещевых комплексов и хронология культурного слоя XIV–XVIII вв.

Характерной чертой присутствия «слабо уловимых» слоев XIV–XV вв. являются находки горшковых изразцов (рис. 80: 4) и керамики, сделанной на ручном гончарном круге, определенных типов черенковых железных ножей с костяными рукоятями, железных кресал.

Железные изделия представлены массовыми категориями предметов: ножами, обувными подковками, лошадиными подковами определенных типов. Ножи XVI–XVIII вв. с прямой спинкой и широким лезвием, выкованным из одной заготовки, имели костяные, реже деревянные, накладки, которые крепились к ручке при помощи заклепок [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 256]. Такие хозяйственно-универсальные ножи с XVI в. вытесняют традиционные черенковые. При этом крепежные шипы изготавливаются в основном из железа (в XVI в. – нередко из меди) [Дук, 2007г, с. 148].

Керамика – самая массовая категория находок, представлена изделиями, изготовленными на ручном гончарном круге в технике так называемого спирального налепа. Сосуды имеют приземистые пропорции, они, как правило, выполнены более грубо по сравнению с керамической посудой предыдущих столетий, в тесте присутствует значительное количество дресвы. Посуда, как правило, имеет низкую шейку, ребро по плечу, на изломе видна темная полоса от некачественного обжига. Посуда изготовлена из местных глин, встречается и белоглиняная керамика. Днища таких горш-

ков имеют с наружной стороны следы подсыпки средне- и крупнозернистого речного песка. Поверхность заглажена во время формирования, однако она довольно неровная: визуально прослеживаются следы соединения отдельных жгутов глины.

Местная белоглиняная керамика – яркая черта материальной культуры Полоцка конца XV – первой половины XVI в. Найдена в закрытых комплексах, поэтому имеет достаточно узкую датировку [Дук, 2003]. Большинство горшков имели окислительный обжиг, меньшая часть – восстановительный. Поверхность белоглиняной посуды обработана в технике пятнистого обваривания в хлебном растворе [Бобринский, 1978, с. 239]. Пятна обвара на белой керамической поверхности имеют светло-коричневый или кремовый цвет и фиксируются с обеих сторон стенок горшков.

В слоях XVII–XVIII вв. преобладают так называемые стенные коробчатые изразцы, разнообразная керамическая утварь, изготовленная на ножном гончарном круге, покрытая монохромными и полихромными глазуриями.

Благодаря конструктивным особенностям стенные изразцы являются надежным хронологическим индикатором. Так, для первой половины XVI в. характерны изразцы, на которых изображение было передано высоким рельефом (гарельефом). Изразцы были терракотовыми, иногда покрывались глазуриями преимущественно коричневого и зеленого цветов. В сюжетных изображениях преобладает религиозная тематика. В конце XVI в. высота рельефа изображения уменьшается, сами сюжеты становятся более разнообразными: от геральдических до абстрактных. Благодаря дешифровке аббревиатуры геральдических изразцов и исследованию их конструктивных особенностей, стало возможным установить микрохронологию бытования отдельных типов рамочных изразцов. В начале XVII в. (до 1630-х годов) они имели широкую рамку, как правило, с двумя углубляющимися уступами. Преобладающими становятся глазури зеленого цвета. Появляются и полихромные изразцы. Ближе к середине XVII в. рамка на лицевой пластине стенных изразцов становится одинаковой по высоте с рельефом всего изображения, а на отдельных видах (так называемых ковровых изразцах) и вообще исчезает. В конце XVII в. преобладают изразцы с изображением геральдического щита (рис. 82: 1, 2, 5), при этом рамка остается, но постепенно исчезает вовсе. Для второй половины XVIII в. характерны изразцы с плоской лицевой пластиной, на которую может быть нанесено изображение щита. Изразцы покрыты глазуриями, глухими непрозрачными эмалями. Встречаются так называемые голландские расписные изразцы [Дук, 2007г, с. 50–83].

Стеклянные изделия различного назначения являются особенностью культурных отложений XVII–XVIII вв. Оконное стекло зафиксировано в закрытых комплексах первой половины XVI в. [Дук, 2003]. Для остекления окон до конца XVIII в. использовали стекла небольших размеров (рис. 74: 1), которые вставлялись в оловянные или свинцовые переплеты и соединялись в большие по площади листы. Они имеют зеленый или зеленоватый с коричневым оттенком цвет, покрыты патиной, в стекле видны пузырьки

воздуха. Оконные стекла и свинцовые оправы в Полоцке найдены во время исследования жилых построек XVI–XVII вв. [Дук, 2007г, с. 180]. В застройке конца XVI в. выявлены фрагменты оконных стекол прямоугольной и треугольной форм [Здановіч, 1998, с. 130]. В XVII в. оконные стекла были разнообразными по форме, они имели прямоугольную и круглую, а также сложную конфигурацию [Дук, 2007г, с. 181]. В большом количестве оконные стекла найдены во время реставрационных работ в зданиях иезуитского коллегиума XVIII в. В слоях XVII–XVIII вв. массовыми находками становятся фрагменты и целые стеклянные кварталы, бутылки, бутыли (рис. 74: 4, 7, 10, 11). Стеклянные стаканы с накладными фигурными поясками на стопе (рис. 74: 8) получили самое широкое распространение в XVII в. [Дук, 2007г, с. 186]. Также в слоях XVII–XVIII вв. широко представлены скляницы и аптечные бутылочки (рис. 74: 2, 3, 5, 6, 9). Стеклянные бусы в слоях XVI–XVIII вв. являются довольно редкой находкой в отличие от напластований XI – первой половины XIII в.

Слой XVI в. во многих раскопах соотносится с отдельным строительным горизонтом (преимущественно в центральной части Великого посада, в восточной части Заполотья, а также на территории Бельчицкого Борисоглебского монастыря). Он имеет красный оттенок, прослойки глины, кирпичного боя и угля. В среднем его мощность составляет 0,2–0,4 м.

Культурный слой XVI–XVIII вв. в сильно поврежденном виде сохранился на Верхнем замке. В большинстве раскопов он отдельно не выделяется из-за значительного повреждения и небольшой мощности. Исключением является стратиграфия раскопа 1959 г. (раскопки А. Г. Митрофанова) в юго-восточной части Замковой горы. К периоду XVI–XVIII вв. принадлежали *строительные горизонты I–IV*. В *строительных горизонтах II и III* выявлены постройки с подворьями; горизонт IV, возможно, относился к XVI в. и сохранил характерную для предшествующего ему времени систему планировки и застройки [Митрофанов, д. № 203, с. 6–38].

К сожалению, отсутствие детального описания культурного слоя в пределах строительных горизонтов сильно ограничивает источниковую базу результатов раскопов. Тем не менее *строительный горизонт I* датирован концом XVII в.; *строительный горизонт II* – серединой XVII в.; в *строительном горизонте III* зафиксирован культурный слой, время существования которого не было продолжительным, а по наличию в слое характерных изделий этот горизонт можно датировать первой половиной XVII в.

На территории северо-западной части Великого посада (раскоп С. В. Тарасова, 1987 г.) выделен строительный горизонт, который датирован XVII–XVIII вв. [Тарасов, д. № 1014, с. 5]. К этому горизонту принадлежат следы уличной застройки конца XVI – XVII в. и одна срубная постройка.

Культурный слой XVI–XVIII вв. в Полоцке наилучшим образом сохранился на левобережных посадах (Экимань, Кривцов), а также на большей части Великого и Заполотского посадов. В Экимани и на Кривцове посаде он сохранился *in situ* и представляет несомненный интерес для археологических изысканий.

3.3. Верхний и Нижний замки (археологические исследования 1957–2008 гг.)

Верхний замок. Начало археологическому изучению Полоцка в послевоенное время положило масштабное строительство, начатое городскими властями в 1957 г. в восточной части территории Верхнего замка, которое вызвало широкий общественный резонанс. Как следствие, в зоне строительства начались спасательные раскопки (рис. 31, 32). В 1957 г. М. К. Каргер проводит археологические исследования в строительном котловане одного из корпусов городской больницы на Верхнем замке. Котлован имел площадь около 900 м² и в нем разбит раскоп 112 м², культурные напластования которого после выемки верхних слоев техникой соответствовали в основном древнерусскому периоду [Каргер, д. № 25]. Этот раскоп фактически фиксировал застройку и стратиграфию культурного слоя посада, впоследствии вошедшего в пределы расширившейся территории Верхнего замка [Тарасаў, 1998а, с. 64; Тарасаў, спр. № 1371, с. 36]. Археологические исследования на территории Верхнего замка были продолжены ленинградскими учеными в 1958 г. и в последующие годы (рис. 34). Главной их задачей являлось архитектурно-археологическое изучение памятников монументального зодчества [Каргер, д. № 25]. В 1976–1977 гг. П. А. Рапопортом был исследован комплекс княжеского терема на Верхнем замке. Установлено, что терем был построен после того, как образовался культурный слой мощностью более чем 1 м, содержащий материалы XII–XIII вв. [Рапопорт, д. № 527; д. № 574].

В июне–июле 1959 г. в Полоцке начала работать экспедиция АН БССР под руководством А. Г. Митрофанова. Ее целью было изучение топографии древнего Полоцка, этапов его застройки, а также характеристика занятий и торговых связей населения города.

В 1959 г. на территории Верхнего замка и Великого посада было заложено 17 шурфов с целью определения стратиграфии обоих объектов [Шламков, д. № 92]. Территория исследования охватывала всю площадку Верхнего замка, в том числе его восточную часть, которая в последующие 1959–1963 гг. стала местом основных археологических раскопок.

Активное строительство корпусов городской больницы вынуждало проводить спасательные археологические раскопки на Верхнем замке. Здесь в 1959 г. А. Г. Митрофановым было заложено 8 шурфов. В большинстве из них мощность культурного слоя составляла 1,6 м, материк зафиксирован на уровне «восьмого штыка». Только в восточной части Верхнего замка культурный слой достигал 2,4 м (шурфы 5, 6). Здесь в нем были выявлены прослойки дерева и деревянные конструкции.

Раскоп I площадью 400 м² [Штыхов, 1975] был разбит на западном участке Верхнего замка, который не включал слой древнерусского посада [Тарасаў, 1992а, № 1, с. 16]. **Раскоп II** площадью 320 м² А. Г. Митрофанов заложил в юго-восточной части Верхнего замка. Выбор места этого раскопа был обусловлен тем, что культурный слой здесь имел значительную толщину

[Митрофанов, д. № 89]. Данный раскоп разрабатывался в 1959–1960 гг. Его продолжением являлся **раскоп III**, площадь которого также составляла 320 м². Он исследовался в 1961–1962 гг. под руководством В. Р. Тарасенко. Оба раскопа получили название «восточный раскоп» (рис. 27, б: 3, 4).

Г. В. Штыховым впервые сделано введение в научный оборот результатов полевых исследований 1959–1960 гг. [Штыхов, 1975, с. 37–55]. Основное количество археологических материалов получено во время раскопок восточной части Верхнего замка.

С 1961 по 1964 г. и в 1967–1968 гг. археологические исследования в Полоцке проводились под руководством Г. В. Штыхова [д. № 129, с. 2–9; д. № 216, с. 1–4; д. № 243, с. 18–19; д. № 315, с. 18–29].

На Верхнем замке Г. В. Штыховым было сделано несколько шурфов. В районе Мошны (северо-западный выступ к р. Полота) зафиксирован культурный слой мощностью 0,8 м. Найдена керамика «домонгольского периода». На расстоянии около 60 м на северо-восток от апсиды Софийского собора культурный слой имел толщину 1,6 м. В нем найдена керамика древнерусского времени и костяная шахматная фигура [Штыхов, д. № 216, с. 3]. В результате шурфовки было подтверждено отсутствие большой мощности культурного слоя на территории Верхнего замка за границами его восточной части. В 1967 г. на расстоянии около 80 м на север от «восточного раскопа» Г. В. Штыховым был разбит раскоп площадью 162 м². Мощность культурного слоя во всех раскопах восточного участка Верхнего замка колебалась от 4,3 до 5,5 м.

В 1995 г. в западной части Верхнего замка на расстоянии 1 м от внешнего края площадки был заложен раскоп площадью 112 м² [Клімаў, спр. № 1599, с. 2]. Слой очень поврежден поздними перекопами (XVI–XIX вв.), нередко – до материка [Клімаў, спр. № 1599, с. 14]. Следов оборонительных укреплений найдено не было. Самые ранние материалы (керамика – стенка амфоры, гончарные горшки) датированы XI в.

В 2001 г. Д. В. Дуком была исследована стратиграфия культурных наслоений северо-западной части Верхнего замка во время археологического наблюдения [Дук, спр. № 2511]. Стратиграфия и мощность культурного слоя аналогичны «восточным» раскопам. Самые ранние предматериковые слои датированы XI в. В результате прорезки строительной траншеей северо-западного склона Верхнего замка следов оборонительных укреплений ранее XVI в. выявлено не было.

Нижний замок. На территории Нижнего замка Полоцка в районе современной ул. Стрелецкой на расстоянии 50 м от Верхнего замка Л. Д. Поболем было заложено 5 шурфов. Зафиксирован культурный слой мощностью до 1,5 м. В шурфе 3 обнаружен фрагмент серебряного перстня XI–XII вв., на основании чего Л. Д. Поболем было высказано предположение о том, что на территории, занимаемой Нижним замком, ранее находился посад древнего Полоцка. В остальных шурфах зафиксирована керамика, относящаяся к периоду не ранее XV в.

Важное открытие было сделано в восточной части так называемого вала Ивана Грозного (оборонительный вал Нижнего замка). Прорезка подножия

вала шурфом 2×3 м позволила определить, что под двухметровым слоем глины, из которой состоит насыпь вала, находился культурный слой толщиной 1 м, содержащий деревянные конструкции. В слое глины из насыпи вала найдено шиферное пряслице, железное кресало и другие предметы, а в слое под валом обнаружен венчик горшка, относящийся ко времени ранее XV в. [Поболь, д. № 112, с. 8]. Таким образом, Л. Д. Поболем было подтверждено предположение А. Н. Левданского о том, что вал Нижнего замка насыпан не ранее XV в.

В 1962 г. Г. В. Штыховым было проведено археологическое наблюдение при рытье траншей под закладку сада на территории центральной и южной частей Нижнего замка [Штыхов, д. № 129, с. 2]. Зафиксирована мощность культурного слоя до 1 м. Слой не содержал керамики, датированной ранее XVI в. Однако керамика X–XIII вв. была обнаружена на так называемой Стрелке Нижнего замка в 30 м от р. Полота вместе с развалом плинфы со следами раствора [Штыхов, д. № 129, с. 9].

В 1964 г. были заложены шурфы в центральной части Нижнего замка. Толщина слоя составила 1,5 м. Нижняя его часть с глубины 1 м содержала керамику и бусины «домонгольского периода», датированные XIII в. [Штыхов, д. № 243, с. 18–19]. Среди найденных венчиков горшков есть формы, характерные для раннекруговой керамики X–XI вв. Таким образом, появился дополнительный аргумент в пользу мнения Л. Д. Поболя о размещении на территории Нижнего замка древнего посада.

С 1987 г. исследования на территории замков в Полоцке проводились С. В. Тарасовым. Важные данные по топографии древнего Полоцка получены им в результате шурфовки, проведенной в районе вала Ивана Грозного. В 1987 г. между валом и ул. Стрелецкой (южная часть Нижнего замка) в шурфе площадью 4 м² зафиксирован культурный слой мощностью 3,8 м. В нижней его части найдена раннегончарная посуда XI в. и две стенки лепного горшка [Тарасов, д. № 1014, с. 19]. При этом был четко выделен горизонт залегания подножия вала, который размещался выше стратиграфических слоев XIII в. Нижний слой шурфа напоминал речные отложения (чередования прослоек песка и земли). По мнению С. В. Тарасова, в древности здесь протекал ручей, который начинался от так называемого Попова болота на Верхнем замке и являлся естественным природным маркером южной границы первоначального поселения.

Аналогичные результаты были получены и в 1991 г. в шурфе около западной части вала, рядом с современным проездом на территорию Нижнего замка [Тарасаў, спр. № 1371, с. 13]. Мощность культурного слоя составляла здесь около 3,4 м. В предматериковом слое найдены куски лепной посуды, заглаженные на гончарном круге и каменный отщеп. Вышележащие напластования датированы XI–XVI вв., что подтверждает заселение участка до возведения насыпи вала в 1563 г.

В 1989–1990 гг. С. В. Тарасовым были проведены раскопки на территории Нижнего замка (раскопы площадью 400 м² и 8,7 м²). В результате были получены доказательства, что территория Нижнего замка в VIII–X вв. яв-

ляется предтечей городского посада [Тарасаў, спр. № 1205, с. 3; спр. № 1165, с. 12]. При этом каких-либо следов оборонительных укреплений на так называемой стрелке Нижнего замка в районе дома № 23 по ул. Горького (сегодня – ул. Стрелецкая) найдено не было. В результате раскопок были открыты следы деятельности ремесленников, в первую очередь ювелиров, определен характер раннепосадской застройки, прослежена стратиграфия культурного слоя.

В 1993 г. была проведена шурфовка на Нижнем замке по ул. Стрелецкой в районе домов № 14, 15 (рядом с раскопом 1989–1990 гг.) [Тарасаў, спр. № 1496, с. 14]. Раскоп возле дома № 8 по ул. Стрелецкой был расположен по берегу Черного ручья, напротив Верхнего замка. Первоначальная площадь раскопа составила 180 м², однако выход на материк был сделан лишь в нескольких шурфах на месте раскопа. Обнаружен культурный слой XIX–XX вв., который фактически представлял собой развал строительных конструкций некогда существовавшего дома. Работы были остановлены.

На месте бывшей усадьбы по ул. Стрелецкой, 23 на так называемой стрелке Нижнего замка в 2008 г. Д. В. Дуком были проведены археологические раскопки на площади 40 м². Мощность слоя составляла 2 м. Открыта косторезная мастерская XV – начала XVI в.

3.4. Великий посад (археологические исследования 1959–2009 гг.)

Еще в послевоенное время археологические данные о развитии посадской структуры Полоцка практически отсутствовали. Первым к решению проблемы формирования посадской территории Полоцка обратился Л. Д. Поболь. На восток от Черного ручья и Верхнего замка в зоне расположения средней школы № 8 (сейчас – второй Замковый переулок) Л. Д. Поболем в 1959 г. проведена шурфовка с целью определения времени заселения данной территории. Предметов, датированных ранее XVII в., найдено не было (рис. 58).

На расстоянии около 450 м на северо-восток от домов бывшего кадетского корпуса (иезуитского коллегиума) городскими властями в том же 1959 г. было начато строительство общежития. По ул. Советской был вырыт котлован размером 38 × 18 м (в настоящее время здесь размещено здание общежития по пр. Ф. Скорины, 3). На месте строительства были заложены шурфы, после чего проведено исследование траншей под фундамент. Информация о раскопках содержится в полевом дневнике В. Е. Шламкова, который хранится в архиве Института истории НАН Беларуси (отчет Л. Д. Поболя содержит краткие сведения о результатах изучения территории). Мощность культурного слоя в зоне строительства составляла около 3,6 м [Шламков, д. № 92, с. 19–57]. На глубине около 3,0 м было зафиксировано большое количество деревянных конструкций, прослойки навоза. Материк состоял из влажного мелкозернистого песка серого цвета. Были обнаружены две срубные постройки, размером 1,6 × 1,6 м, сделанные из бре-

вен диаметром 0,15–0,20 м. Один сруб имел пол из досок. Плотность застройки была, вероятно, значительной, поскольку в дневнике указано на наличие в траншеи «аналогичных построек». Наблюдение продолжалось с 29 июня по 1 июля 1959 г., после чего было остановлено А. Г. Митрофановым, который считал, что «эти работы дают очень мало пользы, так как находки все поздние» [Шламков, д. № 92, с. 19–57]. Большинство описанных в дневнике предметов датированы XVII–XIX вв., среди них глазурованные изразцы, фарфоровая посуда, глазурованная и неглазурованная керамика, фрагменты трубок, немногочисленные железные изделия. Классификация керамики сделана по категориям «глазурованная / неглазурованная», поэтому определить количество венчиков более ранних форм невозможно. Особо подчеркивался тот факт, что материалов «домонгольского периода» в наблюдении за строительным котлованом в 1959 г. по ул. Советской найдено не было.

В 1962 г. Г. В. Штыховым был исследован котлован на месте строительства детского сада (расположен по ул. Ф. Скорины). Этот котлован находился в северной части Великого посада на расстоянии около 500 м от древнего полоцкого городища [Штыхов, д. № 129, с. 7]. На месте котлована толщина культурных напластований составляла 2,8 м. На глубине 1,9 м залегал слой с материалами «домонгольского периода». Были найдены венчики керамических горшков XI–XII вв., орнаментированный костяной гребень, пряслица из розового сланца. Согласно Г. В. Штыхову, вдоль обоих берегов р. Полота на протяжении X–XIII вв. развивались поселения шириной 200–250 м [Штыхов, д. № 129, с. 8].

В 1962 г. Г. В. Штыхов исследовал также культурный слой под кирпичной гробницей (рис. 27: 15) неподалеку от так называемого храма на рву (в XVII в. – церкви Рождества Христова). Этот слой содержал керамику «домонгольского периода» [Штыхов, 1975, рис. 16: 20]. Собранный подъемный материал на левом берегу р. Западная Двина в районе «Батарей» в основном представлен керамикой, датируемой временем не ранее XVI в.

В 1963 г. проводилось археологическое наблюдение за прокладыванием двух строительных траншей. Одна из них открывала культурный слой вдоль правого берега р. Западная Двина от Верхнего замка на восток до моста через р. Западная Двина, вторая прокладывалась от бывшего кадетского корпуса до пр. Ф. Скорины (бывший пр. К. Маркса). Наслоения древнерусского времени в первой траншее были зафиксированы только на расстоянии около 500 м от Верхнего замка. Дальше отмечена только подсыпка берега р. Западная Двина кирпичным боем и строительным мусором [Штыхов, д. № 216, с. 1]. Толщина культурного слоя во второй траншее составляла 1,5 м около здания бывшего кадетского корпуса и увеличивалась в сторону пл. Ленина (теперь пл. Свободы) до 2–3 м [Штыхов, д. № 216, с. 2]. Напротив восточной стены Николаевского собора (взорван в 1964 г.) на расстоянии 50–70 м был зафиксирован культурный слой толщиной 3,5 м. Найдены фрагменты изразцов, глазурованная посуда, датированная временем ранее XVII в.

В 1964 г. Г. В. Штыховым проведено археологическое наблюдение при прокладке строительной траншеи по ул. Коммунистической (300 м на юг от

водонапорной башни). В районе здания по ул. Коммунистической, 11 был зафиксирован культурный слой толщиной 2,85 м. Найдена керамика, датированная XI–XIII вв. Сделан вывод о существовании посада XI–XIII вв. на данном участке городской территории. В том же году продолжены раскопки на правом берегу р. Полота в районе Красного моста [Штыхов, д. № 315, с. 18]. Здесь, рядом с шурфами 1962 г., был разбит раскоп, в котором открыты культурные напластования XI–XIII вв. Были получены доказательства, что данный участок входил в границы древней посадской территории (рис. 15: а).

В 1968 г. проводилось археологическое наблюдение при прокладке траншеи теплотрассы в районе ул. Энгельса (центральная часть Великого посада). Культурный слой достигал мощности 2 м. В нижнем черном предматериковом слое найдена керамика, которая датирована XI–XII вв. [Штыхов, д. № 315, с. 29].

В результате археологических наблюдений за строительными работами на территории Великого посада в 1986 г. С. В. Тарасовым был обнаружен культурный слой с керамикой XI–XIII вв. в районе пересечения ул. Ленина (современной ул. Нижнепокровской) с ул. Свердлова [Тарасов, д. № 953, с. 20].

В 1987 г. С. В. Тарасовым были начаты масштабные раскопки по изучению культурного слоя на территории пл. Свободы (рис. 58). Раскопки носили спасательный характер и проходили в зоне, отведенной под строительство многоэтажного жилого дома. Данные исследования продолжены в 1988 г. Общая площадь раскопов составила 1100 м². В результате были получены данные о характере застройки этой части посада на протяжении XI–XVIII вв., открыты остатки древней посадской стены, усадьба ювелира XII в. Собрана большая коллекция вещевое материала [Тарасов, д. № 1014; д. № 1084].

Археологическое наблюдение проводилось в районе пересечения ул. Сакко и Ванцети с ул. Энгельса, на север от гостиницы «Двина» (пр. Ф. Скорины, 13) при прокладке строительной траншеи [Тарасов, д. № 1014, с. 15]. Здесь был обнаружен значительный по мощности – до 3,5 м – культурный слой с предметами, датированными XII–XVIII вв.

Севернее гостиницы «Двина» (пр. Ф. Скорины, 13) в строительной траншее культурный слой имел мощность 2,2 м. Зафиксированы в основном предметы XVI–XVII вв. [Тарасов, д. № 1014, с. 16]. В предматериковом слое найден венчик горшка, характерный для XII–XIII вв. Сделан вывод, что начало заселения восточной части Великого посада соответствует указанному времени.

Археологическим наблюдением при прокладке траншеи в районе пл. Ф. Скорины (от пр. Ф. Скорины ниже по склону до р. Западная Двина) установлено отсутствие культурного слоя, датированного временем ранее XVIII в. Таким образом, впервые археологически была определена восточная граница Великого посада, которая проходила в районе современной пл. Ф. Скорины.

На правом берегу р. Полота на северо-восток от Красного моста в строительных траншеях был зафиксирован культурный слой мощностью 1,8–1,9 м.

В нем найдена керамика XI–XII вв., получены сведения о размещении в древности усадеб полочан на периферийной территории, значительно отдаленной от городища и разграниченной с ним рекой [Тарасов, д. № 1014, с. 18].

Исследование строительной траншеи на перекрестке ул. Замковой и Горького (теперь – Второй Замковый переулок) в 1988 г. позволило С. В. Тарасову обнаружить большие (четырёхметровые по мощности) культурные наслоения [Тарасов, д. № 1014, с. 19]. В предматериковом слое найдена раннекруговая посуда и посуда, заглаженная на гончарном круге. Траншея прокладывалась от перекрестка названных улиц и дальше на восток вдоль ул. Замковой. Нижний слой имел толщину 0,2 м. В нем обнаружены стенки лепной и заглаженной на гончарном круге керамики X–XI вв. Слой XI–XIII вв. имел толщину около 0,5 м. Показательно, что общая мощность культурного слоя уменьшалась только в районе бывшего Николаевского собора, здесь она составляла около 2,5 м.

Наблюдения за прокладкой инженерной траншеи в районе дома № 3 по ул. Ф. Скорины позволили выявить керамику XII в. Общая толщина культурного слоя в этой (центральной) части Великого посада составила около 2,5 м.

В 1990 г. раскоп площадью 80 м² был заложен возле восточного склона холма до так называемого Черного ручья, недалеко от храма Рождества Христова XII в. Целью раскопок была верификация гипотезы о расположении в данной части Великого посада древней торговой площади [Тарасаў, спр. № 1205, с. 5–6]. Как считает автор раскопок, был открыт стратиграфически однородный культурный слой толщиной 1,6 м, который образовался не ранее XVI–XVII вв. В то же время в этом слое найдены отдельные фрагменты керамики XII в. Автор раскопок не делает определенных выводов относительно размещения торговой площади. Однако присутствие на берегу Черного ручья культурного слоя, датированного временем позднее XVI в., свидетельствует о возможном ее существовании именно здесь. В районе площади, представлявшей собой незастроенное место для общественных собраний, интенсивность строительной деятельности, а, следовательно, и образования культурных наслоений, не могла быть большой.

В 1991 г. были проведены исследования на участке строительства напротив домов № 4, 6 по ул. Коммунистической (бывший Великий посад) [Тарасаў, спр. № 1371, с. 6]. Заложены два шурфа размером 2 × 2 м. Общая толщина культурных наслоений составила около 2,2 м. Нижний слой толщиной 0,3 м содержал керамику XI–XIII вв. Слои, которые залегали выше него, образовались в XVI–XIX вв.

В том же году были начаты работы по исследованию северной части оборонительного рва Великого посада XVI–XVII вв. Возле водонапорной башни (ул. Ф. Скорины) был заложен шурф 2 × 2 м, общая толщина слоя составила 1,2 м. В нижней части слоя были найдены кусочки посуды XI–XII вв. Зафиксирована хозяйственная яма с развалом печи-каменки. Раскопки были продолжены в 1992 г. на площади 80 м² [Тарасаў, спр. № 1422, с. 3–16]. Толщина культурного слоя составила от 1,0 до 2,0 м. Предматериковый слой образовался в XI в., но был сильно испорчен во время возведе-

ния оборонительных укреплений в XVII в. В раскоп попала часть оборонительной стены посада вместе с фрагментом Угловой (Наугольной) башни, что впервые позволило в общих чертах определить характер оборонительной стены Великого посада XVII в.

В 1986 г., 1989–1992 и 1996–1997 гг. архитектурно-археологические исследования на территории Великого посада в г. Полоцке проводили Н. И. Зданович [Здановіч, спр. № 1148а; спр. № 1148б; спр. № 1213а; спр. № 1213в; спр. № 1373; спр. № 1374; спр. № 1376; спр. № 1450; спр. № 1447], П. А. Русов [Русаў, спр. № 103; спр. № 1692], Г. Н. Саганович [Сагановіч, спр. № 975]. Данные исследователи ставили целью определение степени сохранности памятников архитектуры, которые попадали в зону новостроек. Общая исследуемая площадь составляла 1364 м² [Дук, 2007г, табл. 1]. В результате этих работ стало возможным определение стратификации отдельных частей посадской территории и уточнение этапов ее расширения.

В 1989 г. проводились раскопки по ул. Фрунзе (в настоящее время ул. Евфросиньи Полоцкой) между домами № 1–3. Выявлен культурный слой мощностью около 1,85 м с керамикой XI–XVIII вв. [Здановіч, спр. № 14, с. 9–10]. В 1989–1991 гг. проводились раскопки в месте расположения так называемого экономического дома Богоявленского монастыря XVIII–XIX вв. Первые архитектурно-археологические исследования на месте бывшего экономического дома были проведены еще в 1986 г. под руководством Г. Н. Сагановича [Сагановіч, спр. № 975]. Кроме фундаментов строения изучался и культурный слой. Было установлено, что заселение данной части Великого посада началось не раньше конца XI – XII в. [Здановіч, спр. № 1373, с. 13, 19; спр. № 1148б, с. 8].

Н. И. Зданович на месте будущей картинной галереи художественной школы (пр. Ф. Скорины), в 100 м восточнее площади Свободы, в 1990 г. был заложен раскоп площадью 550 м² [Здановіч, спр. № 1213а, с. 3]. В раскопе были исследованы остатки двух разновременных кирпичных домов. Первый был построен не позже середины XVII в. и имел пол из керамических плиток, богато украшенную изразцовую печь и стены, сложенные из кирпича-пальчатки. Позже на его месте был построен другой дом, который повторял очертания первого. Площадь обоих домов была не меньше 48 м².

Во время археологического наблюдения С. В. Тарасова и Д. В. Дука в 2000 г. за прокладкой инженерных коммуникаций к дому по ул. Фрунзе, 1 (в настоящее время это ул. Евфросиньи Полоцкой) были открыты культурные напластования толщиной 3,5 м с остатками деревянных строений XVI–XVII вв. Археологическое наблюдение осуществлялось С. В. Тарасовым, Д. В. Дуком и А. А. Соловьевым в 2000 и 2002 г. и на территории, которая с северо-восточной стороны примыкала к оборонительным укреплениям Великого посада XVII в. [Дук, 2004]. Во время прокладки инженерных коммуникаций был выявлен культурный слой XVII–XIX вв. на участке между ул. Гоголя и Ф. Скорины, Свердлова и пр. Ф. Скорины. Среди выявленных находок отмечено много изделий из кожи, а также инструменты ремесленника. Сделан вывод о локализации на данном участке кожевенных мастерских в XVII–XVIII вв.

В 2000–2003 гг. археологические раскопки были проведены Д. В. Дуком в южном дворе бывшего иезуитского коллегиума (академии). В раскопах I–IV исследовано 276 м² площади при средней мощности культурного слоя около 2 м. Определено, что заселение посадской территории на месте раскопов началось с XI в. В 2002 г. открыта часть оборонительной стены окольного города, которая является продолжением фортификационной системы, открытой С. В. Тарасовым в раскопе на пл. Свободы. Открыты следы двух косторезных мастерских: XIII в. и XV–XVI вв. Во время прокладки дюкера по дну р. Западная Двина и рытья траншеи на левом ее берегу в районе Богоявленской церкви были зафиксированы деревянные конструкции XVII–XVIII вв. бывшего перевоза.

В 2005 г. проводились спасательные раскопки на месте строительства офисного здания по ул. Коммунистической, 4. Раскоп площадью 168 м² разбит на расстоянии около 10 м от раскопов 1987–1988 гг. на пл. Свободы. Культурный слой имел мощность 4–5 м. Были найдены следы ювелирной мастерской XVII в. Нижний культурный слой содержал артефакты XI–XII вв. В том же году было проведено археологическое наблюдение при строительстве жилого дома по ул. Ленина, 29 (в настоящее время это ул. Нижнепокровская). Строительный котлован имел площадь 625 м². Культурный слой сильно поврежден в XIX–XX вв. В траншеях инженерных коммуникаций по ул. Нижнепокровской были обнаружены следы деревянных построек XVI в. непосредственно на месте современной улицы напротив Богоявленского собора.

В 2000 и 2007 г. было проведено археологическое наблюдение при прокладке инженерных сетей в районе площади Ф. Скорины и по ул. Коммунистической, 15. Уточнена восточная граница Великого посада, на данной территории культурных наслоений ранее конца XVII в. не обнаружено. В 2009 г. археологический надзор на прилегающий к Великому посаду территории по ул. Нижнепокровская проводил С. Д. Дернович.

В 2008 г. Д. В. Дуком было проведено археологическое наблюдение и раскопки на месте строительства офисного здания в районе ул. Нижнепокровской, 26. Площадь котлована составила 506 м², мощность культурного слоя – 1,8–3,4 м. Котлован был вырыт в непосредственной близости от бывшего экономического дома Богоявленского монастыря. Слой значительно поврежден фундаментами строений и керамическим дренажем XIX в. Неповрежденный культурный слой сохранился фрагментарно, его изучение показало наличие керамики XI–XII в., что подтверждает высказанное Н. И. Зданович предположение о заселении рассматриваемой части посада в это время.

В 2009 г. проведены спасательные раскопки на пл. Свободы (100 м²). Раскопки подтвердили торгово-ремесленный статус данной территории на начальном этапе ее освоения в XI в.

В 2009 г. М. В. Климов проводил спасательные раскопки на объекте строительства офисного здания по ул. Ф. Скорины, 10. На площади в 1045 м² было исследовано 180 м². Получены данные о развитии данной части посада с XI в. Зафиксированы следы металлургии железа в культурном слое XI–XII вв.

В 2004 г. А. А. Соловьевым проведены архитектурно-археологические исследования в подвальном помещении дома № 15 по ул. Толстого. Здание размещено на периферии северной части Великого посада, на вершине склона к ул. Евфросиньи Полоцкой. Зафиксирована мощность слоя 1,4 м. Самые ранние материалы свидетельствуют о начале заселения данной территории в XII в. В слое этого времени выявлены следы смолокурения [Соловьев, 2004].

В 2007 г. проведено археологическое наблюдение при ремонте теплотрассы по ул. Войкова, 1–5 в северо-западной части Великого посада [Соловьев, д. № 2510]. Мощность культурного слоя 1,25–2,00 м. Ранние материалы датированы XI–XII вв. Выявлено большое количество плинфы, которая не имела следов раствора, и глазурированная плитка пола. Среди плинфы преобладают деформированные в огне изделия толщиной 2,7–3,5 см, шириной 15–20 см. Сделан вывод о размещении на исследуемом участке печей для обжига плинфы и архитектурно-декоративной керамики XII в.

3.5. Заполотский посад (археологические исследования 1928–2010 гг.)

В 1928 г. А. Н. Левданский провел археологическую разведку на территории Заполотского посада («старого города»), в результате которой была найдена керамика XI–XII вв. [Ляўданскі, 1930, с. 169]. Ученый пришел к выводу, что Заполотье вместе с Верхним замком являлось поселением с XI в., а, возможно, и с X в.

В 1959 г. Л. Д. Поболем были проведены археологические разведки в Заполотье. На одном из участков, который назывался «Погирищина» и размещался вдоль правого берега р. Полота на север от Заполотского посада, находились пахотные поля. Здесь в качестве подъемного материала собраны остатки горшков XV–XVI вв., а также фрагменты амфоры XI в. [Поболь, д. № 112, с. 2].

Первые раскопки в Заполотье проведены Г. В. Штыховым (рис. 59). В 1961 г. недалеко от устья р. Полота было раскопано 36 м² культурного слоя при его толщине 1,8 м. Слой нарушен поздними захоронениями, зафиксировано пожарище XVI в. Обнаружены куски круговой керамики X–XIII вв. [Штыхаў, 2009, с. 355–356]. В 1962 г. Г. В. Штыховым во время земляных работ на расстоянии около 600 м от Верхнего замка был найден железный топор X–XI вв. [Штыхов, 1975, рис. 9: 3] и две бронзовые привески этого же времени [Штыхов, д. № 216, с. 2]. В 1980 г. Г. В. Штыховым были проведены раскопки на перекрестке ул. Краснова и Михайловского переулка. Вскрыто 148 м², установлено наличие современных перекопов на всю глубину раскопа. На перекрестке ул. Краснова и ул. Я. Коласа (раскоп II, 104 м²) мощность культурного слоя составляла около 0,8 м. Процентное распределение выявленной в раскопе керамики выглядит следующим образом: керамика X в. – 3%, XI в. – 4, XII–XIII вв. – 30, XIV–XVI вв. – 58% (5% керамики не определено) [Штыхов, д. № 691, с. 4]. Получено подтверждение тому, что Заполотский посад начал заселяться с конца X в.

На северо-западной окраине Заполотья, на границе современной застройки и пахотных земель, сохранились следы древних оборонительных укреплений. Здесь еще до Великой Отечественной войны проходил глубокий ров, который, по словам местных жителей, имел размер «в рост коня». Этот ров был почти полностью засыпан во время обустройства территории в послевоенное время [Тарасов, д. № 953, с. 4]. В 1986 г. С. В. Тарасовым было произведено два раскопа: один возле раскопа Г. В. Штыхова 1980 г. (раскоп I, 60 м²), второй фактически являлся прорезкой древнего рва Заполотья (раскоп II, 170 м²). Сделан вывод о трех этапах в развитии оборонительных сооружений: XI–XII вв., XIII – начало XIV в., XIV–XVI вв. [Тарасаў, 1998а, с. 60].

В 1986 г. была проведена шурфовка в той же северо-западной части Заполотья с целью определения границы древнего поселения. Было установлено, что в XII–XIII вв. поселения полочан не только не ограничивались укреплениями, но и размещались за ними. Остатки культурного слоя древнерусского времени были обнаружены на расстоянии 500 м на запад от границы современной застройки в так называемом урочище «Копанки». С. В. Тарасовым высказана мысль о наличии здесь сельскохозяйственных поселений – предместий Полоцка. На мысах правого берега р. Полота напротив городища и Верхнего замка был обнаружен культурный слой мощностью 1,1 м с керамикой XI–XIII вв. Аналогичный культурный слой был зафиксирован на запад от бывшего устья р. Полота (современное название старицы – «Полотище»). Здесь выявлен подъемный материал – керамика и железные предметы XII–XIII вв. [Тарасов, д. № 953, с. 13, 18, 21]. В этом же 1986 г. С. В. Тарасовым проведено исследование культурного слоя под водопровод по ул. Я. Коласа на расстоянии около 100 м от ул. Краснова. Материк зафиксирован на глубине около 0,55–1,15 м, местами – сразу под дерном [Тарасов, д. № 953, с. 19]. Найдена керамика XII–XVII вв.

В 2004 и 2006 г. Д. В. Дуком проводились раскопки на территории западной части Заполотского посада (раскопы I, II на площади 322 м²). Здесь был обнаружен и исследован культурный слой XI – начала XIII в. мощностью 0,8–1,6 м, который начинается от современной границы Заполотья и территориально охватывает район так называемый Копанок (500–600 м на запад вдоль р. Западная Двина).

В 2006 г. А. А. Соловьевым проведено археологическое наблюдение в современном микрорайоне Заполотье, получены данные о размещении усадьбы XVII в. [Дук, 2007г]. В 2006–2007 гг. А. А. Соловьевым проводилось археологическое наблюдение за прокладкой инженерных сетей на территории сектора частной застройки по ул. Ф. Мироновой и ул. Октябрьской, в районе пересечения с ул. Евфросиньи Полоцкой. Был выявлен культурный слой с материалами XI–XII вв. и XVIII в. Зафиксированы следы хозяйственных материковых ям и строений, жилых и производственных комплексов.

В 2008 г. М. В. Климовым на территории Заполотского посада изучено 72 м² (рис. 59). Средняя глубина культурных наслоений составила 1,2 м, преобладающее большинство артефактов датированы XI–XIII вв. Матери-

алы XVI–XVIII вв. найдены в верхнем перемешанном культурном слое [Клімаў, спр. № 2596].

В 2010 г. на территории Заполотского посада по ул. Краснова, 7 Д. В. Дуком был заложен раскоп 70 м². Во время раскопок вскрыты фундаменты деревянного строения бернардинского монастыря первой половины XVI в. Исследованы древние культурные наслоения XI–XII вв.

3.6. Левобережные посады (археологические исследования 1959–2009 гг.)

Первым исследователем левобережных посадов Полоцка является Л. Д. Поболь. В 1959 г. им проведены археологические разведки в окрестностях Полоцка, результаты которых имеют очень важное значение сегодня, когда многие территории уже застроены. Археологические разведки были проведены Л. Д. Поболем на Острове (левом берегу р. Западная Двина напротив Верхнего замка) и на местности, которая у старожилов имела название «Французская батарея», или просто «Батарея». Было заложено пять шурфов с целью исследования остатков монастыря Иоанна Предтечи, который упоминается в письменных источниках XV–XVI вв. Шурфы размещались в восточной части Острова, которая не затапливается во время весенних паводков (рис. 60). Зафиксирован культурный слой толщиной 1,5 м. В нижней предматериковой его части раскопаны скелетные останки людей, которые были ориентированы головой на запад.

На расстоянии 450 м на запад от места шурфовки была исследована местность под названием «Французская батарея» («Батарея»). Эта местность расположена на левом берегу старого русла р. Западная Двина, которое образовывало Остров. «Батарея» находилась на правом высоком берегу ручья Свинец. По словам старожилов, возле «Батареи» в довоенное время были курганы, которые до 1959 г. были полностью распаханы [Поболь, д. № 112, с. 12]. В отчете исследователя содержится описание этого памятника. «Батарея» представляла собой площадку 50 × 60 м (вытянута по оси восток–запад), которая с южной и западной стороны была окружена дугообразным валом, с востока омывалась безымянной речкой, с северной стороны – р. Западная Двина. Раскопки на памятнике не проводились.

На территории бывшего Бельчицкого Борисоглебского монастыря Л. Д. Поболем была сделана попытка найти следы поселений, обнаруженных А. Н. Левданским. На огородах в районе расположения бельчицких храмов XII в. был собран немногочисленный подъемный материал, в том числе монета XVI в.

Одним из ключевых вопросов истории средневекового Полоцка является определение времени основания монастыря Иоанна Предтечи на Острове. В 1962 г. Г. В. Штыховым с целью изучения культурного слоя и поиска остатков фундамента храмов древнего монастыря (согласно скандинавским сагам монастырь Иоанна Предтечи был основан миссионером Торвальдом Путешественником в конце X в.) в восточной части Острова на берегу р. Двина был заложен шурф. Толщина культурного слоя («серой земли») составляла 1,4 м. В слое найдена керамика XIV–XV вв. [Штыхов, д. № 216,

с. 4]. В результате шурфовки в 1987 г. С. В. Тарасовым в восточной части Острова (рис. 60) была найдена керамика XI в., которая позволяет судить о времени заселения этого участка.

Активный поиск новых памятников полоцкой школы зодчества XII в. на левобережных посадах был продолжен во время археологической разведки П. А. Рапопорта. В Экимани в 1976 г. найдены фрагменты кирпича, которые исследователь определил как слабообожженную плинфу и на основании этого высказал мнение об размещении в Экимани печей для обжига плинфы [Рапопорт, д. № 527, с. 24–25].

В 1987 г. С. В. Тарасовым проводилось археологическое наблюдение в котловане при строительстве автомобильного моста через р. Западная Двина в районе Экимани. Найдены куски керамики, которые датированы временем не позднее XII в., но основная часть керамики относится к XV–XVIII вв. Керамика XI–XIII вв. в большом количестве была найдена как подъемный материал на пахотных полях между Экиманью и Островом, на юг от кургана Бессмертия. Однако определить толщину и характер культурного слоя Экиманского посада в то время не удалось [Тарасов, д. № 1014, с. 21].

Большой интерес представляют результаты раскопок на «Батарее» на левом берегу р. Двина, проведенных в 1992 г. [Тарасаў, спр. № 1422, с. 19–20]. К тому времени большая часть памятника была занята могилами. С западной и южной стороны сохранился вал высотой 1,5 м. Была сделана прорезка вала траншеей длиной 7,5 м. Материк зафиксирован на глубине 1,3 м от поверхности вала. Была раскопана глинобитная основа печи XVII в. с богатым набором изразцов. Сделан вывод о времени возведения оборонительных укреплений «Батарей» – не ранее XVI–XVII вв.

В 1996 г. М. В. Климов провел археологические раскопки в восточной части Острова на предположительном месте расположения монастыря Иоанна Предтечи и в Экимани [Клімаў, 2009; спр. № 1622]. Площадь раскопа на Острове составила 24 м². В разных частях Острова были сделаны четыре шурфа. Из наиболее ранних материалов на Острове найдено два шиферных пряслица, керамика XI–XII вв. В южной части Острова культурный слой отсутствовал (уничтожен во время строительства зоны отдыха в 1960-х годах), только в западной части Острова были зафиксированы остатки слоя мощностью 0,25 м. В Экимани сделан шурф площадью 2 м² на расстоянии 300 м на запад от моста через р. Западная Двина на первой надпойменной террасе. Мощность культурного слоя достигала 2 м. Найдена керамика XIV–XV вв. [Клімаў, спр. № 1622, с. 9].

В результате археологического наблюдения при прокладке траншеи теплотрассы в 2000 г. через д. Экимань Д. В. Дуком были открыты каменный фундамент церкви и кладбище возле нее.

В 2003 и 2007 г. этим исследователем было проведено наблюдение за прокладкой траншеи на территории бывшего Бельчицкого Борисоглебского монастыря XII–XIX вв. и так называемой Старой Слободы. В результате исследования удалось определить характер культурных напластований Бельчицкого монастыря и установить его площадь. Открыт культурный слой

мощностью около 1 м, который образовался в XIV–XIX вв. В этом слое были размещены единичные фрагменты керамики и плинфа XII в.

В 2005 г. по заданию НПИКМЗ А. А. Соловьевым проведено археологическое наблюдение при прокладке траншеи водопровода в д. Экимань. Зафиксированы остатки деревянной мостовой и культурный слой XVII–XVIII вв. Информация зафиксирована в полевом дневнике.

Археологические исследования Д. В. Дука на левобережной части Полоцка в 2009 г. имели целью установление времени образования культурного слоя, зоны его распространения и его существенных характеристик на территории левобережных посадов Полоцка: Кривцова и Экимани. Для этого в разных частях данных посадов были заложены шурфы общей площадью 42 м² (Экимань) и 24 м² (Кривцов). Эти раскопки были обусловлены тем, что надежных археологических данных о площади бывшего посада Экимань, ни тем более о стратиграфии и времени образования культурного слоя практически не было.

На территории современной д. Экимань Полоцкого района было сделано семь шурфов и зачищена стенка межевой траншеи под водоотвод. Выявлены артефакты XV–XVIII вв., в том числе раскопан фрагмент фундамента одной из церквей XVI в., выполненного из широкоформатного кирпича на известковом растворе. На территории Кривцова посада исследован культурный слой, синхронный по времени и аналогичный по характеристикам экиманскому. Исключением является территория правобережной части Слободы при устье р. Бельчица. Здесь культурный слой образовывался в течение XI–XVIII вв., однако нигде он не превышал мощности 1,0–1,5 м.

Подводя итог, можно отметить, что археологическое изучение Полоцка насчитывает несколько основных этапов. В результате исследований в 1928 г. А. Н. Левданского были впервые определены основные элементы урбанистической структуры древнего Полоцка (детинец, посад, предместья), установлено их размещение и история развития. Второй этап археологического изучения Полоцка относится к послевоенному времени (1957 – первой половине 1980-х годов, исследователи Вас. А. Булкин, М. К. Каргер, А. Г. Митрофанов, В. Р. Тарасенко, Л. Д. Поболь, Г. В. Штыхов, П. А. Раппопорт, Вал. А. Булкин). В итоге исследований этого периода были получены археологические данные о развитии топографической структуры Полоцка, уровне развития городских ремесел и торговых связей посадского населения. Наиболее полно развитие поселенческой структуры Полоцка IX–XIII вв. было систематизировано и научно обосновано Г. В. Штыховым. Третий этап археологического изучения Полоцка – середина 1980-х – середина 1990-х годов (С. В. Тарасов, Н. И. Зданович, Г. Н. Саганович). Приоритетным направлением являлось исследование топографического развития Полоцка в IX–XVIII вв. (С. В. Тарасов). На четвертом этапе (с середины 1990-х годов) археологические исследования на территории полоцких посадов проводили С. В. Тарасов, П. А. Русов, М. В. Климов, Д. В. Дук, А. А. Соловьев, С. Д. Дернович. С 2008 г. в Полоцке начала действовать комплексная архео-

логическая экспедиция Института истории НАН Беларуси, Полоцкого государственного университета и Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (руководитель – О. Н. Левко). Работа экспедиции положила начало скоординированной деятельности ведущих республиканских научных, образовательных и культурных организаций в археологическом изучении Полоцка.

4. ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТОВЫХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПОЛОЦКА И ЕГО ОКРУГИ

4.1. Археологические следы средневековых храмов и кладбищ на территории Полоцка

(Д. В. Дук)

Полоцкие храмы. Под 1001 и 1007 г. в Полоцке упоминается церковь св. Богородицы в связи с переносом мощей полоцких князей Изяслава Владимировича и его сына Всеслава [ПСРЛ, 1863, т. 15, стб. 121].

Средневековое церковное строительство Полоцка развивалось в русле зарождения, становления и развития полоцкой школы зодчества XII в.

Попытки археологов Л. Д. Поболя, С. В. Тарасова, М. В. Климова обнаружить остатки монументальных построек монастыря Иоанна Предтечи (XII–XIII ?) на Острове остались безрезультатными. Основными причинами этому послужили повреждение культурного слоя во время промышленной деятельности в XIX–XX вв., а также застройка наиболее перспективной для поисков монастыря восточной части Острова.

Полоцкий Софийский собор. Самым древним из изучаемых археологами полоцких храмов, безусловно, является Софийский собор. К эпохе Всеслава Брячиславича относится упоминание собора в «Слове о полку Игореве» в описании русских городов «дальних и ближних»: «Полотескъ на Двине и на Полоте, древянь, святая София камена о семи врьсехъ» [ПСРЛ, 1856, т. 7, стб. 240], а также в актовых документах XV–XVIII вв., чертежах и иконографии XVI–XVIII вв. [Штыхов, 1975, с. 117; Селицкий, 1992, с. 18–21].

Собор являлся объектом изучения ученых XIX–XX вв. (А. М. Павлинова, П. П. Покрышкина, К. В. Шероцкого, А. И. Некрасова, И. М. Хозерова, Н. Н. Щекотихина, Е. А. Ощепкова, М. К. Каргера), однако наиболее полное археологическое изучение Софийского собора было произведено в 1975–1980 гг. Вал. А. Булкиным.

В результате исследования Вал. А. Булкина было выяснено, что древнюю кладку стен при возведении собора в XVIII в. активно использовали лишь в тех частях, которые оказались по трассе стен нового храма [Булкин, 2000, № 15 с. 135]. Нигде древняя кладка не была разобрана до основания,

что подтверждает бережное отношение к первоначальному собору новых зодчих. Сравнение технологии разработки глубины фундаментных рвов несущих стен и прочих ленточных фундаментов дало возможность определить, что полоцкий собор ближе всего по этому показателю к киевским постройкам первой половины – середины XI в. [Булкин, 2000, № 15, с. 135]. Таким образом, предположение И. М. Хозерова о возможности возведения собора до середины XI в., ранее хрестоматийной даты 1044–1066 гг. [Хозеров, 1994, с. 29] становится более вероятным.

В. А. Булкиным было сделано важное наблюдение, которое проливает свет на историю собора. Речь идет об этапах перестройки и внесения новых конструктивных элементов в первоначальный план собора. Так, исследователь отмечает, что в XII в. реализуется второй этап первоначального замысла зодчего – возведение пристроек, в частности западной галереи [Булкин, 2000, № 15, с. 137]. Открытие этой галереи снимает вопрос о первоначальном количестве куполов на соборе: в XI в. их могло быть пять, а после возведения галереи – семь.

Крупные строительные работы по перепланировке первоначального собора производились задолго до проекта Иоганна Криштофа Глаубица и его патрона Флориана Гребницкого [Булкин, 2000, № 15, с. 137]. Эти работы могли быть осуществлены при Иосафате Кунцевиче², а зодчие XVIII в. использовали некоторые готовые идеи своих предшественников.

На вопрос о том, насколько обжитой была территория Верхнего замка к моменту возведения храма, Вал. А. Булкин отвечает следующим образом: «капитальные работы XVII–XVIII вв., многочисленные захоронения в склепах, перестилка пола в начале XX в. и расчистка подполья перед реставрационными работами в начале 1970-х гг. привели к ликвидации всех культурных напластований внутри собора. По всей площади после срезки дневную поверхность составляет песок вперемежку со строительным мусором. Уровень современной поверхности везде ниже уровня дневного пола. Верхний слой принадлежит, надо полагать, или подсыпке под пол, или выбросу из многочисленных захоронений внутри храма. Верх фундаментов перекрывается именно этим слоем. Ниже начинается чистый мелкозернистый песок – материк, в который впущены фундаменты храма... Лишь в юго-западной части собора сохранился небольшой фрагмент ненарушенного слоя, свидетельствующий о том, что каменное строительство велось на уже обжитом месте. Это сравнительно тонкий слой черного цвета с очевидными признаками пожарища. В нем встречается керамика начала – первой половины XI в. Слой соответствует верху фундаментов, которые были опущены именно с этого уровня. Слой пожарища дает основание считать, что каменному храму предшествовала погибшая в пожаре деревянная постройка» [Булкин, 2000, № 15, с. 136].

² О возможности неких перестроек свидетельствуют также и письменные источники XVIII в. [Селицкий, 1992, с. 19].

Храмы Бельчицкого Борисоглебского монастыря. Бельчицкий Борисоглебский монастырь прекратил существование после Первой мировой войны. В конце 20-х годов XX в. руины двух церквей – Пятницкой и Борисоглебской, активно изучал И. М. Хозеров. Чуть позже храмы были разобраны под кирпич местными жителями. Начиная с 1950-х годов территория бывшего Бельчицкого монастыря активно застраивалась жилыми и хозяйственными постройками.

К настоящему времени из четырех известных храмов Бельчицкого Борисоглебского монастыря местонахождение только одного храма (Большого безымянного собора) локализовано на местности О. А. Трусовым в 1990 г. [Трусаў, спр. № 1251а; спр. № 1251б].

Археологические исследования *Большого собора* (рис. 50: а) были начаты в 1920-е годы. В 1928 г. раскопки собора проводил И. М. Хозеров, в 1965 г. – М. К. Каргер, в 1977 г. – П. А. Раппопорт, в 1990 г. – О. А. Трусов. Храм имел три притвора и внушительные размеры – 23,5 × 16,5 м (без притворов). Согласно письменным источникам, в 1511 г. один из монастырских храмов назывался в честь Пречистой Богоматери, в 1618 г. эта же церковь упоминается как вновь отстроенная и деревянная [Дук, 2010, с. 98]. Не исключено, что упомянутая в источниках церковь имеет прямое отношение к Большому собору.

О *храме-триконхе* (рис. 50: в) известно исключительно из сведений «Записки», составленной неизвестным автором примерно в 1790 г. Археологами храм не изучался, его местонахождение не известно. Однако как явствует из текста «записки», в конце XVIII в. храм находился на территории подворья церкви Бориса и Глеба [Селицкий, 1992, с. 69].

Что касается Пятницкой и Борисоглебской церквей, то их точное месторасположение и степень сохранности фундамента уже после разрушения стен в 1920–30-х годах было неизвестно. Последняя попытка локализации Пятницкой церкви была осуществлена П. А. Раппопортом в 1976 г. путем проведения шурфовки [Раппопорт, д. № 527].

В 2003 г. во время надзора за земляными работами на территории бывшего Бельчицкого Борисоглебского монастыря были локализованы *Пятницкая* и *Борисоглебская церкви*.

Восточная часть *Борисоглебской церкви* прямоугольная в плане, сохранился фундамент из бутового камня и брускового кирпича на известковом растворе. Вскрыта часть северной и восточной стен (рис. 50, д).

Восточная стена сохранилась на ширину 5,2 м (известно, что общая ширина церкви составляет 8,3 м, длина – около 14,5 м). Юго-восточный угол церкви выходил за границы траншеи под керамические дренажи 1960-х годов и далее – под фундамент пятиэтажного жилого дома № 17 по ул. Юбилейной. Последнее обстоятельство, к сожалению, указывает на его полное или частичное разрушение.

При сопоставлении известных размеров храма с сохранившейся восточной частью и привязкой к дому № 17 стало очевидным, что значительная его часть (около четверти) была уничтожена. Со слов местных жителей,

во время рытья котлована под домом были найдены «многочисленные церковные богатства и погребения мужчин и женщин в гробах очень хорошей сохранности». При всей гиперболизации подобных сведений, вероятно, для них все же были определенные основания.

Исследование остатков фундаментов и рвов привели к следующим заключениям. Сохранность фундамента очень плохая по причине нивелировки поверхности во время строительства пятиэтажного дома и тротуара. Фактически сохранилась только часть северной стены с тремя рядами крупноформатного кирпича. Кирпич плохой сохранности из-за недоброкачественного обжига. Некачественный и известковый раствор, который имеет зернистую структуру и розовый цвет из-за примеси шамота и песка, рассыпается в руках аналогично кирпичу. Кирпичная стена располагается на бутовых камнях, кирпич положен на известковом растворе, кладка сохранилась в три ряда. Размеры кирпича $6,5 \times 15,5 \times ?$ см, $7 \times ? \times 29$ см, $6 \times 14 \times ?$ см, $6 \times 14,5 \times ?$ см. Найдены фрагменты плинфы толщиной 3,2 см.

Фундамент церкви располагается на сухом мелкозернистом материковом песке желтого цвета. Восточная стена не сохранилась – были исследованы только фундаментные рвы, заполненные кусочками битого кирпича, плинфы и влажным комковатым грунтом серого цвета. В заполнении рвов были обнаружены мелкие кусочки штукатурки зеленого цвета, а также кусочек фрески зеленого цвета толщиной 1 см, фрагмент клейма от бутылки с надписью «LONDON», три венчика глазурованных горшков конца XVII – XVIII в.

Следы перестройки восточной части церкви были зафиксированы на всей площади вскрытого участка. Кирпич у подошвы фундамента северной стены и возле материкового рва восточной был положен бессистемно и образовывал своего рода мощеную основу. Кирпич этого уровня, среди которого встречается пальчатка, был более прочный, размеры его аналогичны вышеприведенным.

Предварительно можно заключить, что восточная часть древней Борисоглебской церкви была значительно перестроена не ранее второй половины XVII – XVIII в., на что указывают размеры и качество кирпича, а также артефакты, найденные в заполнении фундамента (фрагменты керамической и стеклянной посуды).

Известно, что Борисоглебская церковь возвышалась до основания сводов еще в 1929 г. Восточная стена к этому времени полностью отсутствовала. Н. Н. Воронин и И. М. Хозеров полагали, что здание имело одну выступающую полукруглую апсиду [Селицкий, 1992, с. 59; Хозеров, 1994, с. 76]. Г. В. Штыхов обратил внимание на свидетельства И. И. Долгова о наличии в Борисоглебской церкви трех апсид [Штыхов, 1975, с. 120]. Восточная часть храма, которая была вскрыта во время строительных работ в 2003 г., является ничем иным, как прямоугольной апсидой. Следов более древней полукруглой апсиды не выявлено, что может означать ее полную перестройку на определенном этапе. Аналогичным образом в XVIII в. была перестроена апсида Пятницкой церкви [Селицкий, 1992, с. 38], оба храма находились

в непосредственной близости один от другого, поэтому их ремонт мог вестись одновременно и по одной схеме.

Древнее основание *Пятницкой церкви* ($5,7 \times 5,1$ м) находилось вне зоны расположения траншеи. Однако севернее Борисоглебской церкви, на 26 м от нее по трассе траншеи, были зафиксированы небольшие кирпичные фундаменты шириной 0,60–0,65 м существовавшей некогда постройки (рис. 88). Фундаменты ленточного типа на известковом растворе углублены в материковый песок на 0,8 м, расстояние между фундаментами по внешней стороне составляет 8 м. Размер кирпичей ($29 \times 6 \times 15$ см, $31 \times 6 \times 15$ см, $? \times 3 \times 15$ см) и использование в кладке белого, прочного известкового раствора указывает на время их сооружения не ранее конца XVIII – XIX в. Вероятно, данные фундаменты принадлежали постройке из кирпича и дерева, которая отображена на гравюре и фотографии XIX в. к западу от церкви³. Сама же церковь находилась неподалеку – на восток от указанной постройки. Возможно, именно эти фундаменты, от которых местами могли остаться только рвы, П. А. Раппопорт относил к Пятницкой церкви [Раппопорт, д. № 527, с. 23].

Возле Борисоглебской церкви в датированном культурном слое был найден уникальный артефакт – стенка керамической чернильницы полного профиля с изображением князей Бориса и Глеба (рис. 50, з). Аналогичные приемы стилизации образов наиболее характерны для белорусской декоративной пластики конца XVI – первой половины XVII в. [Дук, 2005б, с. 186–189].

Таким образом, во время проведенного археологического исследования в 2003 г. впервые определен характер культурных напластований Бельчицкого Борисоглебского монастыря. На местности локализована Борисоглебская церковь с учетом современной топографической ситуации. Сделана привязка восточной части Борисоглебской церкви к пятиэтажному дому № 17 по ул. Юбилейной.

Храмы Спасо-Евфросиньевского монастыря представлены *храмом-усыпальницей полоцких епископов* и *Спасо-Преображенской церковью*.

Храм-усыпальница (рис. 49) в 1957, 1961, 1962, 1964 г. была исследована М. К. Каргером, а в 1975–1976 гг. – П. А. Раппопортом. Храм имел значительные размеры – $14,85 \times 16,3$ м (длина без апсиды) и три нефа [Раппопорт, 1980, № 3, с. 145–148]. Особенностью храма являлось наличие галерей. В большом количестве найдены глазурованные плитки и смальта четырех цветов от мозаики пола (всего собрано более 43 кг смальты). Обнаружены мужские захоронения в криптах. Храм являлся *монастырской* усыпальницей полоцких епископов, упомянутой в Житии преподобной Евфросины.

Спасо-Преображенская церковь – единственный из полностью сохранившихся храмов XII в. не только в Полоцке, но и на территории Беларуси (рис. 87, в; фото 12). Данный храм монастырского типа имеет размеры 8×12 м, насчитывает 6 массивных столбов [Штыхов, 1975, с. 125]. В 2005 г. Д. В. Дуком

³ Ширина вскрытых фундаментов превышает размеры храма – $5,7 \times 5,1$ м против 8 м.

были проведены раскопки в подвалах церкви. Археологически исследован культурный слой и особенности кладки стен 8 могильных склепов. Все склепы изначально были замурованы, но все, за исключением одного, были вскрыты кладочискателями и разорены. Всего в разных склепах было выявлено более 30 погребений разного времени и степени сохранности, из них только одно было нетронутым. Останки 6 мужчин были обернуты дорогой тканью с серебряной нитью и помещены в деревянный гроб. Гроб закопан в материковую глину на небольшую глубину. Согласно итогам антропологической экспертизы, проведенной О. А. Емельянчик, погребенные не имеют сходства с коренным населением Беларуси XVI–XVIII вв. Погребения принадлежали генералам ордена иезуитов и были совершены в середине XVIII в. [Дэйніс, 2007, с. 131]. Для обустройства погребений были построены склепы.

Храм на рву и храм на стрелке Нижнего замка. Храм на рву, названный так по местонахождению возле Черного ручья, отделявшего Верхний замок и территорию Великого посада (рис. 27, а: 5), в XVII в. именовался церковью Рождества Христова [Дук, 2007г, с. 44]. Первые сведения о наличии на территории возле Черного ручья храма были получены во время археологической разведки М. К. Каргера в 1962 и 1967 г. [Раппопорт, 1980, с. 155]. Во время археологических раскопок П. А. Раппопорта в 1976 г. храм был обнаружен путем прорезки сквозной траншеей площадки возле здания бывшего реального училища (в 1976–1977 гг. – средней школы № 8). Было выяснено, что в начале XX в., во время строительства здания, храм был практически полностью уничтожен, от него сохранилась только апсида длиной около 7,5 м и шириной 7,1 м. Следы ее были изучены по заполнению фундаментных траншей булыжным камнем без всякого раствора [Раппопорт, 1980, с. 155]. Необычайно вытянутая апсида выделяет данный храм из всех памятников полоцкой школы зодчества XII в.

В 1967 г. М. К. Каргер обнаружил недалеко от фундаментов храма две кирпичные гробницы, соотношение этих гробниц с храмом не выяснено. В 2011 г. Д. В. Дуком были проведены спасательные раскопки на строительной площадке, которая примыкала к храму с юга и находилась на удалении 50–70 м от фундамента храма. Площадь раскопа составляла 200 м². Было замечено, что культурный слой старше XVI в. здесь отсутствует, из находок XI–XII вв. найдены только единичные венчики горшков, а также шиферное пряслице. Аналогичную стратиграфическую картину наблюдал и П. А. Раппопорт во время поисков фундаментов храма в 1976–1977 гг. [Раппопорт, д. № 527, с. 9]. Во время поисков фундаментов в большинстве шурфов, заложенных на расстоянии нескольких метров к югу от храма, культурный слой отсутствовал или был представлен поздними отложениями. Исследователь полагал, что была проведена нивелировка культурного слоя во время строительства трехэтажного кирпичного здания реального училища, тогда же была уничтожена и большая часть фундаментов храма. В результате раскопок 2011 г. было установлено, что территория возле храма в первой половине XVII в. отведена под кладбище, а после войны 1654–1667 гг. на ней

были возведены деревянные дома на подклетах. По письменным источникам удалось установить, что храм просуществовал до 1660–70-х годов, при этом со второй половины XVI в. он был деревянным [Дук, 2010, с. 80]. Сегодня место обнаружения восточной апсиды храма входит в пределы городской усадьбы, построенной в начале 1990-х годов.

Отсутствие культурного слоя древнее XVI в. на территории возле храма подкрепляет предположение о размещении здесь вечевой площади XI–XV вв.

Храм на стрелке Нижнего замка был обнаружен во время археологических раскопок П. А. Раппопорта в 1976–1977 гг. (рис. 27, а: 4) на одном из дворов по ул. Горького (теперь – ул. Стрелецкая) [Раппопорт, 1980, с. 155]. Сведения о предполагаемом месторасположении храма были получены от Г. В. Штыхова и М. К. Каргера, которые отмечали наличие развала древних строительных материалов.

Фундамент храма был частично поврежден траншеей под водопровод. Храм имел боковые галереи с расширением у западных углов. Церковь четырехстолпная, длиной 14,5 (без апсиды), шириной 14,1 м. Восточная часть храма оползла вместе с частью культурного слоя вниз по склону Нижнего замка, раскопки были сильно затруднены наличием фруктового сада, хозяйственных построек, заасфальтированной дороги [Раппопорт, 1980, с. 151–152]. По этой причине предложенная П. А. Раппопортом реконструкция храма не дает четкого представления о восточной части церкви.

Княжеский храм на Верхнем замке был открыт во время строительства здания морга Полоцкой городской больницы в 1966 г. (рис. 48: 1) В 1967 г. на месте строительства были произведены раскопки М. К. Каргера [Каргер, 1972, с. 202]. Длина храма – 21 м (северная стена). Храм имел три притвора, боковые притворы – полукруглые апсиды. По мнению С. В. Тарасова полоцкий храм не только имел сходство с храмом Архангела Михаила в Смоленске, но и одинаковое название [Тарасаў, 1998а, с. 75].

Хронология полоцкой школы зодчества XII в. разработана в трудах М. К. Каргера, П. А. Раппопорта и Л. В. Алексеева. Самыми ранними по времени считаются усыпальница полоцких епископов в Спасо-Евфросиньевском монастыре и церковь на Нижнем замке (первая четверть XII в.). Затем к середине XII в. были возведены остальные церкви, за исключением церкви Архангела Михаила на Верхнем замке (время строительства обосновано в пределах 80-х годов XII в.).

Вместе с очевидными успехами в археологическом изучении храмов полоцкой школы зодчества XII в. обратим внимание на проблему выбора дальнейших приоритетов в их изучении. Так, полевые археологи уделяли недостаточное внимание изучению культурного слоя непосредственно возле монументальных памятников, что нередко приводило, и, безусловно, приводит исследователей к ошибочным выводам в их хронологической атрибуции. К настоящему времени становится особенно актуальным возобновление археологического изучения памятников монументального зодчества, особенно это касается храмов Бельчицкого Борисоглебского монастыря. Здесь современная гражданская застройка для проведения раскопок препятствует в меньшей степени.

Хронология полоцкой школы зодчества построена преимущественно на данных письменных источников. В этой связи наиболее яркий пример представляет решение вопроса о начале строительства Софийского собора. Выявленный Вал. В. Булкиным культурный слой со следами пожара, предшествующий времени возведения храма, как будто свидетельствует о существовании деревянной церкви на месте собора. Но не более того. Что же касается времени возведения монументального собора, то он датируется широко в пределах начального периода княжения Всеслава Брючиславича – 1044–1066 гг. Принимая эти даты как безусловные, мы не получаем ответа на вопрос: каким образом молодой правитель мог осуществить грандиозное по строительным масштабам, геополитическим амбициям и экономическим затратам сооружение собора? Обоснование более узкой, собственно археологической хронологии затруднено отсутствием детального изучения ранних культурных напластований возле Софийского собора, отсутствием точных обмерных планов, сделанных с помощью современных технологий, а также исследования особенностей формовки плинфы первоначального собора. В этой связи особенно актуально мнение И. М. Хозерова о *возможности* начала строительства собора в период княжения Брючислава Изяславича, а значит, в будущем возможен пересмотр хрестоматийных дат строительства полоцкой Софии.

Из других, более поздних храмов Полоцка, во время археологического изучения в 2009 г. Д. В. Дуком были открыты фундаменты *церкви Иоакима и Анны* XVI в. в Экимани и А. А. Соловьевым – фундаменты *костела св. Казимира* XVII в. на территории иезуитского коллегиума. Итоги исследования имеют предварительный характер. В частности, локализованная церковь Иоакима и Анны, вероятно, в XVII в. была переименована в церковь св. Николая [Дук, 2010, с. 96]. Найденные во время разведок в Экимани фрагменты кирпича этой церкви П. А. Раппопорт принимал за плинфу. Кирпич по толщине действительно напоминает древний строительный материал, но полные его размеры (31 × 15 × 4,5 см) полностью соответствуют формату XV–XVI вв. Предварительно удалось установить, что фундамент храма сделан из бутового камня на известковом растворе, а сам храм был ориентирован по сторонам света.

В 2009 г. А. А. Соловьевым во время реставрационных работ под полом корпуса «З» иезуитского коллегиума найден кирпичный фундамент. Костел имел фахверковую конструкцию. В кирпичном фундаменте было обнаружено гнездо от вертикальной угловой опоры в виде круглого цилиндрического отверстия диаметром около 0,65 м на глубину до 0,9 м. При его расчистке найдены вертикально расположенные куски смолистого соснового столба. Вокруг фундамента найдены плитки пола толщиной 3 см и с квадратом 20–21 см. Сверху и возле фундамента найдены обломки «ковровых» и «иезуитских» изразцов и стекла. Вероятно, костел был возведен между 1643 и 1654 г.

Средневековые кладбища Полоцка. Некрополь издревле был важным элементом социотопографической структуры средневекового европейского

города. Очевидно, что раннесредневековый Полоцк должен был иметь свой курганный некрополь. Однако, в отличие от других ранних городских центров Руси, в Полоцке до начала его археологического изучения не осталось ни одного кургана.

И все же исследователи культурного слоя Полоцка полагают, что курганы были уничтожены в результате активного развития города и увеличения его территории. Вопрос о месторасположении раннесредневекового полоцкого курганного некрополя поднимался неоднократно [Дук, 2006, № 22].

Основным изобразительным источником для локализации полоцких курганных некрополей является план С. Похоловицкого 1579 г. Исходя из него, можно предположить существование двух курганных могильников – на север от города (далее – «северный курганный могильник») и на восток от него (далее – «восточный курганный могильник»).

«Северный курганный могильник» в соответствии с изображением на плане С. Похоловицкого имел протяженность с северо-востока вдоль правого берега р. Полота от Спасо-Ефросиньевского монастыря на юго-запад и приближался к изгибу старого русла р. Полота, от которого начинается природный овраг, обозначенный на рисунке С. Похоловицкого как «Fossa naturalis». Южная граница могильника могла размещаться приблизительно на расстоянии 1 км от р. Западная Двина (рис. 46).

С. В. Тарасовым сделано предположение о размещении на территории бывшего курганного могильника на правом берегу р. Полота около Заполотья церкви св. Михаила. Исследователь отмечает, что хотя впервые Михайловский монастырь на Городке упоминается в 1511 г., тем не менее археологического подтверждения времени его основания нет [Тарасаў, 1998а, с. 79, 82].

Проследим, насколько близко располагался могильник к р. Полота. Сложный характер рельефа, наличие поймы и многочисленных оврагов по правому берегу р. Полота позволяют считать, что расстояние до этой реки на отдельных участках могло быть в пределах 100–300 м. Максимальное его удаление от р. Полота – около 500 м можно предположить на участке напротив городища и заселенной с XI в. территории на запад от р. Полота. Таким образом, «северный курганный некрополь» мог размещаться на территории современных полоцких новостроек, которая имеет название «Аэродром». Эта часть города находится на север от Заполотья и на северо-запад от первоначального городища.

В связи с этим заслуживают внимания сведения И. П. Дэйниса, согласно которым аэродром в месте расположения нынешних новых построек существовал с 1916 г. по 1970-е годы. Начало его строительства связано с событиями Первой мировой войны. Сначала аэродром был размещен около Михайловского и военного кладбищ. Поверхность земли во время строительства аэродрома в 1916 г. была выровнена, все кочки срезаны, рвы засыпаны. После Великой Отечественной войны площадь аэродрома была расширена, для этого было ликвидировано Михайловское кладбище [Дэйнис, 1978, ч. II, с. 234]. Таким образом, окончательное уничтожение остатков «северного

курганного могильника» могло произойти на начальном этапе строительства аэродрома в 1916 г. Вероятно, именно поэтому А. Н. Левданский уже не зафиксировал его следов в 1928 г. Однако началось уничтожение «северного некрополя», видимо, значительно раньше, поскольку исследователи второй половины XIX в. его уже не находили или не замечали (где находился курган, зарисованный Д. Струковым, неизвестно).

Г. В. Штыхов считал, что именно «северный курганный могильник» был основным городским некрополем [Штыхов, 1978, с. 31]. Действительно, этот могильник мог занимать значительную площадь – до 50 га. К сожалению, никаких других сведений о существовании «северного курганного некрополя», кроме плана С. Похоловицкого, нет. Перспектива выявления остатков могильника археологически маловероятна, поскольку территория бывшего аэродрома сильно повреждена промышленной деятельностью преимущественно 80–90-х годов XX в. Территория на северо-восток от аэродрома вдоль р. Полота до Спасо-Евфросиньевского монастыря была плотно застроена еще в довоенное время, сейчас здесь размещаются преимущественно одноэтажные дома с подворьями и огородами.

«*Восточный курганный могильник*» предположительно размещался вдоль правого берега р. Западная Двина. Кроме упомянутого плана С. Похоловицкого, сведения о наличии «*курганов*» на месте «восточного курганного могильника» приводятся в Лебедевской летописи, в ревизии полоцкого уезда 1563 г. и магистратских книгах XVII–XVIII вв. В записях магистратских книг название части курганов «восточного курганного могильника» обозначается как «горы Болгарейские» [Дук, 2010, с. 87].

Существование «восточного курганного могильника» косвенно подтверждается и выявленными материалами. До недавнего времени к их числу можно было отнести только меч типа V по Петерсену, который датирован X в. (рис. 46: 1–3). Меч был найден на глубине 3,5 м, что может свидетельствовать о большом, не менее 2 м, слое строительного мусора на месте находки [Поболь, 1960, № 1, с. 150–151]. Меч был обнаружен в 1956 г. на расстоянии 100–200 м от правого берега р. Западная Двина и на расстоянии 1500 м на восток от Верхнего замка при строительстве швейной фабрики. В 1959 г. Л. Д. Поболь исследовал место находки, но не нашел ни следов курганов, ни культурного слоя. Однако он высказал мысль, что меч происходит из разрушенного дружинного кургана. Место находки было определено Поболем как место размещения курганного могильника полоцких дружинников IX–XII вв.

В 2004 г. во время наблюдения за строительными работами на ул. Нижнепокровской, 44 А. А. Соловьевым было собрано множество фрагментов разновременных керамических изделий. Среди материалов выделяются развалы двух лепных горшков X в., типичных для «погребальной» керамики. Данные горшки найдены на расстоянии приблизительно 250 м от восточной фортификационной линии Великого посада середины XVII в.

Насколько далеко на восток и запад простирался «восточный курганный могильник», можно определить достаточно точно. Восточной границей мо-

гильника является «село Просмужки», расположенное на восток от современной ул. Юбилейной. Северная его граница в XVI–XVIII вв. проходила в районе современной ул. Коммунистической. За этой улицей зафиксирован культурный слой XVI–XVIII вв. с остатками ремесленных мастерских. Южнее ул. Коммунистической культурный слой отсутствует, что подтверждает расположение здесь курганов. Согласно сведениям письменных источников, границы курганного некрополя («волотовок») XVI–XVII вв. оставались неизменными, первые записи о разрушении курганов относятся не ранее чем к 1739 г. [Дук, 2010, с. 87].

Таким образом, насыпи «восточного курганного могильника» размещались полосой вдоль правого берега р. Западная Двина. Они начинались в районе парка Великого посада XVI в. и их протяженность составила не более 1500 м на восток от Верхнего замка. На современной карте Полоцка это соответствует территории между ул. Свердлова, Нижнепокровской, Коммунистической и Юбилейной.

Возможно, в конце X–XI вв. определенная часть «восточного курганного могильника» попала под застройку Великого посада, на месте старых курганов появилось христианское кладбище или отдельные христианские захоронения по обряду ингумации. В XVII–XVIII вв. часть могильника по трассе современной ул. Нижнепокровской была застроена.

Выявление развалов лепных горшков, датированных X в., и захоронений, совершенных до XVI в., свидетельствует о вероятности в перспективе археологического изучения «восточного могильника». Территорией для таких исследований представляется район, прилегающий к ул. Нижнепокровской от Богоявленского монастыря на западе до конца этой улицы на востоке. При этом наибольший интерес представляет условная полоса на север от ул. Нижнепокровской шириной около 100 м. Это участок надпойменной террасы р. Западная Двина, где мощность культурного слоя по результатам многолетних наблюдений, в границах и за пределами посадского парка не превышает 1,5 м.

Таким образом, несмотря на то что курганы полоцкого могильника были уничтожены уже в начале XX в., а известия о местонахождении христианских могильников времен Полоцкого княжества до недавнего времени вообще отсутствовали, составить некоторое представление о топографии древнейших городских некрополей все же возможно.

Сложным является вопрос о датировке «восточного» и «северного» курганных могильников. Выявленные и связываемые с ними археологические находки (меч и лепная керамика) могут быть отнесены к X в. С ростом города в XI в. погребения предыдущего столетия могли войти в границы городской застройки. С этого времени создаются условия для появления новых городских кладбищ, размещенных более компактно на территории Великого посада и городских окол. После отказа от захоронения усопших на территории древних «восточного» и «северного» могильников, процесс постепенного разрушения курганов X в. стал неизбежным. Однако первые свидетельства о разрушении курганов относятся только к 1739 г.

Упоминание «волоотовок» в актовой книге 1779 г. позволяет определить один из маркеров северной границы древнего курганного могильника в районе современной ул. Коммунистической. Южной границей могильника в 1656–1657 гг. является ул. Ильинская (сегодня это южная часть пр. Ф. Скорины).

Стремительное распространение христианства в XII–XIII вв. обусловило появление нового типа погребального комплекса, связанного с культовыми постройками и прилегающей к нему территории церковного двора. Новый погребальный обряд формировался под византийским влиянием и целиком соответствовал христианским некрологическим канонам [Вайцяховіч, 2008, № 7, с. 20]. Внутри церквей хоронили знатных или зажиточных людей, высший церковный клир, а простых жителей – на городских кладбищах. Захоронения XII в. внутри церквей в кирпичных саркофагах обнаружены в пристройках к Софийскому собору, храме-усыпальнице полоцких епископов в Спасо-Ефросиньевском монастыре, около церкви на стрелке Нижнего замка и возле церкви на рву (церкви Рождества Христова). Бояре могли быть похоронены около «старой» церкви Богородицы, упоминающейся под 1159 г. [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 140]. Однако ее местоположение и возможная связь с известными памятниками полоцкой школы зодчества пока что не установлены.

Если раньше курганная насыпь являлась единой формой погребального сооружения как для зажиточных людей, так и для простых, то захоронения внутри храмов в саркофагах и аркосолиях являются исключительно княжескими или церковными (высший клир). Людей с низшим социальным статусом могли хоронить на кладбищах рядом с храмами в деревянных гробах или даже без них [Вайцяховіч, 2008, № 7, с. 23–24].

При рассмотрении полоцких кладбищ XI–XIII вв. нельзя не обратить внимание на выявление кирпичных крипт в непосредственной близости от церкви на рву (церкви Рождества Христова). В 1967 г. на территории, прилегающей к храму, М. К. Каргер открыл две могилы, сложенные из плинфы. Как отмечает П. А. Раппопорт, соотношение этих могил с церковью не выяснено [Раппопорт, 1980, № 3, с. 156]. Наличие княжеских знаков на плинфе позволяет отнести их к периоду расцвета Полоцкого государства.

Интересные сведения о городских могильниках, которые могли существовать до XIII в., приводит известный полоцкий краевед И. П. Дэйнис. Он указывает на существование городских некрополей на север от бывшей торговой площади (район размещения иезуитского коллегиума / кадетского корпуса) до р. Полота. Восточная граница могильника – ров на месте современной ул. Толстого [Дэйнис, 1978, ч. II, с. 90]. Согласно И. П. Дэйнису, в XIII–XIV вв. могильник был перенесен в район улицы Нижнепокровской до современной ул. Толстого. С развитием посада могильник прекратил существование и был вынесен за границу города. Однако И. П. Дэйнис не приводит доказательств в поддержку высказанного мнения, источниковая база указанных автором сведений не указана.

Информации о захоронениях XIV–XV вв. в письменных документах не сохранилось. Единственным источником по их изучению являются данные

археологии. Наиболее ранними в рассматриваемый период являются захоронения, выявленные на Острове. Они, возможно, синхронны по времени Иоанно-Предтеченскому монастырю (рис. 47: 5).

Монастырь Иоанна Предтечи прекратил существование в середине XVI в. При нем размещалось кладбище, которое было частично вскрыто во время раскопок 1959 г. Так, в восточной части Острова на месте вероятного размещения монастыря, в обрыве береговой линии были зафиксированы многочисленные остатки человеческих костей [Поболь, д. № 112, с. 10]. В *шурфе 1* на глубине 1,5 м были выявлены переотложенные человеческие кости и три черепа. В *шурфе 2* на глубине 1 м был выявлен скелет, положенный на спину головой на запад. Левая рука была вытянута вдоль тела, а правая согнута в локте и размещалась на тазовой кости. Остатки погребального инвентаря и гроба не были найдены, однако на захоронение в гробу указывает наличие кованого гвоздя над погребенным. В *шурфе 3* на глубине 1,2–1,5 м найдено 8 захоронений разного времени и разной степени сохранности. Все скелеты были положены головой на запад. В *шурфе 4* под культурным пластом на материке на глубине 1,5 м были найдены человеческие кости [Поболь, д. № 112, с. 10–11]. Размещение шурфов относительно друг друга позволяет определить примерное расположение и границы захоронений.

В начале XII в. на стрелке Нижнего замка строится церковь, которая, по мнению П. А. Рапоппорта, являлась княжеской усыпальницей [Рапоппорт, 1980, № 3, с. 154]. Исследователь приводит данные о наличии захоронений в гробах с внешней стороны фундамента церкви, которые, по его мнению, относились ко времени функционирования храма – XII–XVI вв. [Рапоппорт, 1980, № 3, с. 154]. Наличие мужских и женских захоронений свидетельствует, что церковь не была монастырской.

Ранее данную церковь привязывали к кладбищу, зафиксированному на территории городища [Тарасаў, 1998а, с. 77]. В настоящее время очевидным является тот факт, что погребения при церкви не имели никакого отношения к кладбищу на городище, обустроенному не ранее XVII в.

В раскопе, заложенном в 2008 г. непосредственно возле церкви, было открыто захоронение мужчины 20–25 лет (определение О. А. Емельянчик), которое стратиграфически датировано XV – первой половиной XVI в. [Дук, спр. № 2600]. Примечательно, что кости были переотложены во время строительства деревянного жилого дома с печью. Дом датирован первой половиной XVI в. Нижняя часть дома была углублена до материка. Кости человека, найденные при возведении дома, были разделены на части и закопаны под стены постройки, при этом череп положен в глиняный опечек. Вследствие активной эксплуатации печи череп кальцинировался. Данное захоронение подтверждает существование архаической традиции закладной жертвы при строительстве домов в первой половине XVI в. Отметим, что в ряде случаев в качестве закладной жертвы была использована собака, скелет которой был раскопан под стеной погреба жилого дома первой половины XVI в. на Великом посаде в 2002 г.

Городские кладбища XVI–XVIII вв. зафиксированы в отдельных частях Полоцка. Наличие в это время разных конфессий соответствует разнообра-

зию кладбищ, на которых похоронены православные, католики и униаты. К наиболее исследованным относятся погребения на месте древнего городища. Тот факт, что территория городища в XVIII–XX вв. была занята кладбищем, отмечал А. Н. Левданский [Ляўданскі, 1930, т. 2, кн. 11, с. 161–163]. И. П. Дейнис также приводит упоминания о существовании *древних православных* захоронений на городище. Он отмечает, что непосредственно до 1917 г. городище использовалось как место захоронения домашних животных, в 1920-е годы на нем хоронили самоубийц [Дэйніс, 1978, ч. II, с. 14].

Во время раскопок 2007 г. на городище были вскрыты останки 36 человек: 13 детей и 23 взрослых [Емельянчик, 2009, № 1, с. 9]. Захоронения сделаны в деревянных гробах и размещены на глубине от 0,8 до 1,4 м. Визуально контуры погребальных ям не наблюдались. Однако непосредственно над захоронениями были найдены немногочисленные артефакты, преимущественно остатки керамики с зеленой глазурью XVII–XVIII вв. и неглазурованных горшков XVI–XVII вв., кованые гвозди.

Немногочисленный погребальный инвентарь свидетельствует о принадлежности умерших к католической конфессии. В 16 наиболее сохранившихся и в большинстве нетронутых захоронений найдены два оловянных нательных креста, один из которых сильно поврежден коррозией, нательная иконка-медальон, четыре стеклянные пуговицы, три бронзовые застёжки.

Эти вещи были найдены на телах пяти умерших (захоронения № 10, 17, 22, 25, 27). Остатки деревянных гробов сохранились только у двух захоронений (№ 11, 27), зато железные гвозди были найдены возле большинства скелетов в количестве от 1 до 4 штук, что свидетельствует о наличии гробов. Большинство погребенных ориентированы головой на запад (№ 2, 3, 36, 4, 5, 7, 11, 13, 14, 16, 18, 20, 26, 27), меньшая часть – на северо-запад (6, 12, 15, 21, 22, 25). Некоторые захоронения осуществлены на месте старых: костяки перекрывают друг друга (№ 2, 3, 15–21 соответственно). Отдельные захоронения размещены упорядоченно друг возле друга: один ряд захоронений № 14, 15, 16 перекрывает захоронения № 17, 21. Зафиксировано и парное захоронение № 20, 27. Выразительно прослеживается тенденция в размещении рук умерших: женщин хоронили со сложенными на груди возле самого подбородка руками, кистями вниз (захоронения № 17, 20), одной левой рукой на груди, другой – на животе (захоронение № 7), двумя руками на животе (захоронение № 27). Мужчин хоронили со сложенными на животе руками (захоронения № 14, 15, 16, 20), на груди (захоронения № 2, 11), либо вытянутым вдоль тела (захоронение № 18).

Погребальный инвентарь очень беден, в большинстве случаев он представлен оловянным крестиком на груди умершего. Большинство крестиков не сохранилось по причине коррозии. Об одежде умерших данных практически нет. На костяках трех женщин и мужчин найдены бронзовые застёжки и стеклянные пуговицы в верхней части скелета. Вероятно, некоторых умерших одевали в легкую рубашку на застёжках и пуговицах, большинство умерших – в рубашку без застёжек. Погребальной обуви не выявлено. На кладбище похоронены представители католической конфессии, вероятно,

полоцкая шляхта. На костях некоторых умерших (мужчин из погребений № 13, 14) отчетливо видны повреждения, нанесенные оружием. Редкая встречаемость среди исследованных групп патологии, известной как *cribra orbitalia*, также косвенно свидетельствует об относительно хороших условиях жизни людей [Емельянчик, 2009, № 1, с. 12–13].

Кладбища выявлены и на территории Заполотского посада (рис. 47: 10). В восточной части современного Заполотья по словам местных жителей во время работ на огородах часто находят человеческие кости (черепы и остатки скелетов). Захоронения были вскрыты и во время шурфовки в 2003 и 2010 г. в Заполотье. Костные останки в большинстве случаев сильно повреждены перекопами, датированы XV–XVII вв.

Как правило, на территории монастырей также присутствовали захоронения. Инвентарь женского монастыря св. Софии от 6 июня 1637 г., составленный во время передачи его базилианам, засвидетельствовал наличие цвинтаря возле церкви. Этот монастырь был размещен «от фортки замковой (*Верхнего замка*) за рекой Двиной, от первого до второго угла, который прилегает к постройкам двора владыки, 29 сажней, от второго до третьего угла, который к стенам церкви Святой Софии стоит, 18 сажней, от того угла идет стена около стен церкви Святой Софии, в стене форточка, по которой монахини из монастыря к церкви Святой Софии через *цвинтарь* ходят; а от той форточки недалеко в стене ворота, которые до того монастыря ведут, шириной в два воза, с форточкой 26 сажней и с воротами; от тех ворот та стена ведет, соединяясь со строениями нескольких домов, в которых убогие и церковная прислуга живут, аж до переулка; по этому переулку под самым парканом до ворот Больших замковых ездят, той стены начав от четвертого угла, что с форточкой и с воротами, до пятого угла на том переулке стоящим, стены 35 сажней, а от того угла до угла, что на замке стоит, угол до паркана шестой: той стены 40 сажней, от того шестого угла снова до того угла, что от форточки замковой до Двины стоит, от которой началось измерение – той стены 50 сажней» [ИЮМ, 1901, вып. 29, с. 18–19].

На территории бывшего доминиканского монастыря в районе нынешней пл. Свободы было зафиксировано десять выдолбленных гробов-колод. Они были сделаны из цельного куска дерева и состояли из крышки и нижней части. Колоды были сужены в ногах и имели выдолбленную выемку. Средний размер колод – $1,9 \times 0,4$ м. Во всех гробах найдены скелеты, при этом каких-либо предметов не выявлено, за исключением деталей одежды, от которой остались только фрагменты кожаной обуви – поршней или мягких туфель. Еще три захоронения были расположены в гробах прямоугольной формы, сделанных из массивных досок [Тарасов, д. № 1014, с. 5]. Время захоронений определяется в границах XVIII в.

Согласно привилею Владислава IV православному Богоявленскому монастырю от 6 июня 1633 г., монахам разрешалось строить на «Большой улице, граничащей с одной стороны Большою улицею, с другой стороны отъ Двины, полплатемъ земли Екатерины Прилуцкой, по мужу Островской, с третьей стороны полплатемъ мещанки Ходыки, а с четвертой стороны

четвертью плаца Павла Невзора, где стоялъ его дворъ отдалъ на вечныя времена въ пользу монастыря греческого исповеданья неунитовъ» [ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 352]. Для монастырских потребностей также позволялось выкупать другие площадки «на кладбище» для захоронения умерших [ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 353]. Согласно грамоте Алексея Михайловича Богоявленскому православному монастырю от 23 сентября 1656 г., «три дворныя места пустыя жидовския, Якоба да Герца, да Римлянина Каспара Пневского, владеть, и те места очистить для пространства подь колокольню, и для погребения телесь умершихъ православныхъ христьянскихъ» [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 63].

Монастырь, таким образом, становится единственным местом Полоцка, где православное население в XVII–XVIII вв. имело право на захоронение.

Остатки монастырских захоронений были вскрыты во время археологического надзора за прокладкой строительной траншеи в 2005 г. Покойник был положен в гроб-колоду, углубленную в материк на 0,3 м. Захоронение – мужское, безинвентарное. Скелет ориентирован головой на север. Возраст умершего – 40–50 лет. Согласно стратиграфическим данным, захоронение было совершено не позднее XV – первой половины XVI в. Таким образом, археологические данные подтверждают сведения письменных источников о том, что захоронения существовали в районе Богоявленского монастыря ранее XVII в., возможно, они были сделаны при церкви Богоявления, упомянутой в Полоцкой ревизии в 1552 г. Наличие погребений стало веской причиной размещения именно в данном месте православного Богоявленского монастыря.

В 2003 и 2010 г. безинвентарные захоронения в гробах-колодах были открыты во дворе бывшего иезуитского коллегиума, вероятно, на бывшем цвинтаре церкви Рождества Христова. Захоронения датированы XVI в. Ориентация скелетов – головой на восток (два случая), головой на север (один случай).

Во время ремонтно-реставрационных работ в западных корпусах бывшего езуитского коллегиума в 2010 г. были открыты четыре захоронения, которые стратиграфически датированы XVII в. Погребенные, двое из которых были в возрасте 30–40 и 50–60 лет, ориентированы головой на запад или северо-запад. Переотложенные кости, найденные в культурном слое, принадлежат 43 индивидам разного возраста и пола, в том числе детям. В результате раскопок было выяснено, что кладбище действовало непродолжительное время, вероятно, во время войны 1654–1667 гг. Уже в конце XVII в. кладбище было застроено деревянными домами на подклетах.

Рядом с выявленным кладбищем были обнаружены захоронения, расположенные рядом с фрагментами фахверкового строения XVII в., которое, возможно, является костелом св. Казимира. Было выяснено, что фундамент обнаруженного строения перекрывал часть захоронений, которые, соответственно, датированы временем ранее XVII в. и могли принадлежать цвинтарю церкви Рождества Христова, расположенной в непосредственной близости напротив костела. В 1621 г. православные мещане заявляли свои права на захоронение умерших около этой церкви согласно греческому (право-

славному) обряду, апеллируя, что «кгрунтъ... и цмынтаръ Божый и королевский, а мы дей церковь будовали, намъ вольно тела умерлыхъ тамъ ховати» [Витебская старина, 1888, т. 5, ч I, с. 120]. В 2011 г. южная часть цвинтаря церкви Рождества Христова была изучена археологически.

Представители городского патрициата «русской» веры по давней традиции продолжали хоронить умерших в храмах. Так, согласно testamentу от 3 сентября 1656 г. Арины Лукашевичовой, жены полоцкого бурмистра, ее тело должно было быть положено «способом и звычаем хрыстьянским русским в земли пры муже моем Лукъяне в церкви Богоявления светого у Полоцку, през сына моего Даниеля Лаптевича и през зятя моего» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 54]. Testament Анастасии Пауковой от 1 декабря 1656 г. обязывал мужа и сына, тело ее «хрестиянскимъ способом поховали в прытворе в церкви Богоявления» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 98]. Таким образом, testamentы полоцких мещан свидетельствуют, что Богоявленская церковь является храмом-усыпальницей православного населения Полоцка, в первую очередь зажиточных мещан.

Захоронения в склепах Спасо-Евфросиньевской церкви были изучены во время раскопок 2005 г. Всего было исследовано 8 склепов. Выяснено, что все склепы построены в одно время в пределах второй половины XVIII в. В трех склепах были зафиксированы человеческие кости. Представляет интерес непотребоженное коллективное захоронение в гробу из крипты № 3. Это захоронение представлено почти целыми скелетами шести мужчин старше 50 лет [Емяльянчук, 2009а, с. 34]. Фактически это было перезахоронение, поскольку кости были обернуты в дорожную ткань с серебряной нитью. Согласно антропологическим данным, люди, захороненные в подвалах церкви, не имеют сходства с местным населением Белорусского Подвинья. В подвалах церкви были захоронены представители ордена иезуитов.

Наиболее древнее еврейское кладбище было расположено на восток от Покровской церкви, построенной в 1781 г. и являвшейся кладбищенской. На запад от нее на плане 1778 г. располагались «благочестивые», это значит православные захоронения [Пасадская, 1998, с. 208]. Время образования еврейского кладбища определить сложно. Еще одно еврейское кладбище существовало в Задвинье (бывший Кривцов посад) на месте так называемой Слободы. Третье и самое большое кладбище (6,72 га) располагалось на ул. Ленинградской [Пасадская, 1998, с. 209], оно было ликвидировано в 1950-е годы, попав в зону новостроек.

Около церкви св. Николая в д. Экимань в раскопах 2000 и 2009 г. был также открыт цвинтарь. Непосредственно около фундаментов церкви св. Николая были выявлены захоронения, устроенные аналогично захоронениям на полоцком городище. Они принадлежали католическому (или униатскому?) населению (ориентировка скелетов головой на северо-запад, наличие разновременных захоронений в границах одной могилы). Одно из захоронений на цвинтаре принадлежало девочке в возрасте шести месяцев. Собранные скелетные останки. Голова младенца соприкасалась с тканью, в которую была вплетена нить из цветного металла (бронзы). Около виска было

кольцо диаметром 2,3 см, шириной 0,5 см, сделанное из бересты. Гроба не зафиксировано, но о его наличии свидетельствует гвоздь длиной 3 см с остатками дерева. И. П. Дейнис приводит сведения о существовании на экиманском цвинтаре «низких каменных крестов», от которых сегодня сохранился только рисунок [Дэйніс, 2007, с. 116].

Согласно плану Полоцка 1707 г. на территории Кривцова посада на юг от более позднего кладбища «Фатиновка» существовало большое кладбище с часовней. Возможно, эта часовня является церковью Параскевы Пятницы. В XVI–XVIII вв. кладбища продолжали существовать и около всех крупных монастырей – Спасо-Ефросиньевского, Борисоглебского, Богоявленского [Пасадская, 1998, с. 209].

Захоронения располагались и около упомянутого в полоцкой ревизии монастыря Михаила на Городке («Городце»). Кладбище существовало как православное. Католическое кладбище «Ксаверие» было заложено иезуитами в конце XVI в. На его месте, как предполагается, в XII в. был размещен мужской Георгиевский монастырь. Кладбище «Фотиновка» было обустроено не ранее середины XVIII в. Также городскими захоронениями являлись старообрядческие около деревень Громы и Громенки (середина XVIII в.) и захоронения Красные (конец XVIII в.) [Пасадская, 1998, с. 210].

Таким образом, с распространением христианства в XII–XIII вв. появился новый тип погребального комплекса, связанный с культовыми постройками и прилегающей к ним территорией – церковным двором. Вероятно, что первые христианские кладбища, кроме храмовых, появились на периферии Великого посада около рва (современная ул. Толстого). В XIV–XV вв. могильники существовали возле церквей (Иоанно-Предтеченское кладбище на Острове и около церкви на стрелке Нижнего замка).

К наиболее исследованным археологически относятся городские кладбища XVI–XVIII вв. на полоцком городище, на территории иезуитского коллегиума и экиманские. На них захоронения совершались в деревянных гробах из досок или выдолбленных из цельного куска дерева, опущенных в ямы на глубину 1,0–1,5 м. Инвентарь отсутствовал. Кладбища, как правило, действовали на протяжении нескольких веков, о чем свидетельствуют перекрывающие друг друга могилы. Кладбища при церквях XVI–XVIII вв. почти не исследованы, за исключением перезахоронений в кирпичных склепах Спасо-Преображенской церкви.

4.2. Иезуитский коллегиум

(А. А. Соловьев)

Иезуитский коллегиум в г. Полоцке был основан в 1581 г. по приказу Стефана Батория. Он обеспечил иезуитам помощь и защиту и для создания материальной базы передал им почти все имения городских православных церквей и монастырей. Также им было предоставлено право взимания пошлин за переправу через р. Западная Двина и мельница на р. Полота. Сначала коллегиум собирались строить на территории монастыря св. Пе-

тра и Павла. Потом в 1589 г. решили его строить «между городом и замком», где уже иезуиты имели костел. Территория, на которой начали строительство коллегиума до 1563 г. была занята торговой площадью и не имела значительной и плотной застройки. Только у самого Черного ручья стоял каменный храм Рождества Христова («храм на рву»). После взятия 1563 г. на посаде оставили только шесть домов, прилегающих к кладбищу, где разрешили жить священникам, служившим в храме [Квітніцкая, 1998, с. 101].

Здания коллегиума до 1643 г. Первоначальные деревянные постройки коллегиума – это наземные деревянные срубы на подкладках или сваях, без погребов. Расположение иезуитской усадьбы на стыке двух замков на улице, ведущей к воротам Верхнего замка, превращало ее в важное звено обороны подступов к ним. Поэтому он указан на планах Полоцка 1707 и 1720 г. и уже в конце XVI в., мог иметь свою фортификацию [Белы, 1998, № 4, с. 12–16].

Во второй четверти XVII в. у полоцких иезуитов был серьезный покровитель – каштелян Кристоф Михайлович Друцкий-Соколинский. Он занимал эту должность с 1625 по 1639 г. [Дук, 2007г, с. 61]. На это же время приходится и упоминание о строительстве костела «на каменных криптах» [Глинник, 2004, с. 4]. Он был построен в 1636 г. В. Будаком (1593–1643 гг.) и, возможно, назван в честь св. Казимира. Сгорел костел при пожаре 1643 г.

О росте влияния и популярности ордена иезуитов в Полоцке свидетельствовало изготовление и распространение изразцов с символикой ордена («иезуитские»). Первые изразцы появились не ранее 30-х годов XVII в. и датированы в границах XVII в. [Дук, 2007г, с. 90]. Основная масса найденных фрагментов «иезуитских» изразцов были терракотовыми или зелено-полированными, но встречен и фрагмент полихромной пластины.

Появление капитального сооружения и «иезуитских» изразцов свидетельствовало об укреплении позиций иезуитов в городе.

Костел и постройки коллегиума после пожара в 1643 г. до 1654 г. – начала русско-польской войны. Самые ранние кирпичные конструкции коллегиума найдены в составе современного корпуса «В» (рис. 51). Это стена в технике «двухпанцирной» (лусковой) кладки. Из кирпича были выложены только ее «щеки», а между ними – заполнение камнями, кирпичным и изразцовым боем. В ее забутовке были обломки «ковровых» и «иезуитских» изразцов. Подобный способ кладки использовался до середины XVII в. Кирпич ее кладки ярко-красного обжига, с четырьмя продольными штампованными бороздами, размером 6 × 15 × 30 см. Наличие в забутовке стены «ковровых» изразцов, появившихся в середине XVII в., свидетельствовало, что данные конструкции появились уже позднее 1643 г. На развале подобной стены возведена часть северного фасада корпуса «В» [Салаўёў, 2009, с. 74].

Найден фрагмент подвала с цилиндрическим сводом. Его кладка – тычковая. Размер кирпича – 4,5–5,5 × 13,5–14,0 × 29,0–30,0 см. В смешанной кладке торцевой стены найден кирпич толщиной 6 см. Все изделия – с четырьмя продольными штампованными бороздами, обжиг – от темно-красного до фиолетового цвета. Кладочный раствор аналогичен раствору стены.

Это позволяет датировать его серединой XVII в., после 1643 г. [Салаўёў, 2009, с. 73]. Так же выявлено помещение с крестовым сводом. Северную и южную его стены заменяли широкие арки. Опорой свода были Г-образные угловые простенки. Кладка их бессистемная из кирпича с четырьмя продольными бороздами. Формат кирпича был 4,5–6,0 × 12,0–13,0 × 27,0–29,0 см. Восточная и западная стена имели глубокие ниши. Незначительная толщина стен и компактность сооружения позволяет считать, что это фундамент деревянной постройки (башни ?) [Салаўёў, 2009, с. 72]. В 2009 г. под полом корпуса «З» найден кирпичный фундамент. Он мог принадлежать восстановленному после пожара 1643 г. костелу св. Казимира (?), он тоже мог быть на «каменных крипах» и стоял на территории восточной части бывшего православного кладбища начала XVII в., на углу ул. Батечковой и ул. Безымянной. Костел имел необычное устройство угла для деревянного здания. В месте соединения северной и западной стены костела кладка угла была сильно разрушена. Уцелевшая ее часть имела ряды кирпича, уложенные относительно стен под угол в 45°, там же было обнаружено гнездо от вертикальной угловой опоры, в виде круглого цилиндрического отверстия диаметром около 0,65 м. Оно прослежено на глубину до 0,9 м от верха сохранившейся кладки стены. При его расчистке найдены вертикально расположенные куски смолистого соснового столба. Полностью обследовать ни один угол не удалось, поскольку их перекрывали фундаменты существующего здания корпуса «З». Вокруг костела найдены половые плитки толщиной 3 см и со стороной квадрата 20–21 см. Обнаруженная южная стена костела сохранилась хуже остальных. Сверху и возле стен найдены обломки «ковровых» и «иезуитских» изразцов и стекла. Кирпичи раствор аналогичны образцам из конструкций в составе корпуса «В». Таким образом, наиболее вероятное время появления данного фундамента между 1643 и 1654 г.

На основе изученных фрагментов фундамента здания можно полагать, что костел мог быть центрально-купольным. Прообразом для него мог стать деревянный православный храм св. Петра и Павла. Е. Пашенда указывает, что он был деревянным, с пятью башенками с крестами и одним алтарем (апсидой ?) [Paszenda, 1996, s. 525]. Вероятно, его сохранившийся план, стал прообразом иезуитского костела в Слуцке, по предположению И. Пашенды, построенном в начале XVIII в. полоцким архитектором – иезуитом Г. Ангелом (1698–1699 гг.) [Габрусь, 1998а, с. 131–133]. Возможно, обнаруженный костел был разрушен по свидетельству С. Ростовского горожанами в 1656 г. после взятия Полоцка русскими войсками в 1655 г. В конце XVI – XVII в. зданиях коллегиума появились изразцы с религиозными сюжетами «Поклонение волхвов» (рис. 56: 3) и «Моление о Чаше» (рис. 56: 5). Угловые изразцы украшали барельефные изображения мужчин в ренессансных одеждах. Они могли быть своеобразным портретом С. Батория (рис. 56: 8, 9) [Салаўёў, 2009, с. 76].

Восстановление коллегиума после русско-польской войны 1654–1667 гг.
После взятия Полоцка в 1654 г. русскими войсками коллегиум был полно-

стью уничтожен, костел, отстроенный после пожара 1643 г., был окончательно разрушен. Место коллегиума было частично занято дворами мящан. Ситуация с выявлением костела аналогична находке под соляными складами в Витебске Сретенской церкви, возведенной до русско-польской войны 1654–1667 гг. Наблюдения показали, что формат кирпича с церкви в Витебске и с фундаментов под корпусами «В» и «З» коллегиума в Полоцке сходен. Также их объединяет и использование в качестве наполнителя для раствора обломков изразцов [Цішкін, 2002, с. 394]. После войны территория коллегиума была расширена за счет кварталов между ул. Батечкова и ул. Ильинской (теперь – ул. Мостовой) и восточной части уже заброшенного кладбища, «память места» расположения костела после русско-польской войны 1654–1667 гг. была полностью утрачена. Вновь отстроенный после 1667 г. коллегиум иезуиты называли «скромным» [Салаўёў, 2010, № 1, с. 42]. При строительстве были максимально использованы все пригодные материалы, собранные в развалах зданий, и уцелевшие кирпичные конструкции (рис. 52). Большинство построек коллегиума, были деревянными, но теперь появился и каменный корпус, построенный после пожара в 1682 г., и в нем была устроена библиотека. Е. Пашендой она названа «*murowana część biblioteczna*» [Paszenda, 1996, s. 526].

В 2003 г. Д. В. Дуком были обнаружены развалы печей, стоявших в деревянных зданиях коллегиума XVII – начала XVIII в. Одна из них была сложена из «ковровых» и «иезуитских» изразцов. Остатков самих построек не найдено [Дук, д. № 1921, с. 6–7]. Сруб от деревянной постройки обнаружен и частично исследован Д. В. Дуком в 2003 и 2010 г. Он располагался на ул. Батечковой. Это была однокамерная постройка с сенями (?). Бревна ее были соединены в «чистый угол» [Дук, спр. 2079а, с. 28]. При строительстве каменного корпуса «скромного коллегиума» его подвал из-за встроенной в его состав части свода середины XVII в., имел Г-образную форму. По конструкции постройки были аналогичны (рис. 52). Посередине подвала был вход изнутри здания в виде низкого сводчатого тоннеля. Кирпич имеет толщину 6,0–7,5 см, обжиг – ярко-красный, углы между лицевой стороной – с четырьмя продольными штампованными бороздами. Боковые грани многих изделий были вогнутыми [Салаўёў, 2009, с. 73]. Позднее корпус перестраивался. В результате этого он получил П-образную форму. Новое помещение встроили в контур старых фундаментов (рис. 52). Свод его цилиндрический, кладка – тычковая. Кирпич имеет размеры 7,5–9,0 × 13,0 × 14,5 × 29,0–30,0 см с тремя-пятью продольными полосками, прочерченными гребенкой или пальцами. По найденному в засыпке свода изразцовому материалу его можно датировать концом XVII – началом XVIII в. [Салаўёў, 2009, с. 73]. Имеющееся окно в помещении, вероятно, прорублено позднее.

В конце XVII в. прекращается выпуск «иезуитских» изразцов. Поэтому уникальной находкой стал изразец, который можно датировать концом XVII – началом XVIII в. На нем монограмма ордена была заключена в круглый венок, а по сторонам были латинские буквы: «S», «I», «K» (?), «P». Возможно, это была польская аббревиатура полоцкого иезуитского коллегиума:

«Szkola Jezuitów Kolegium Połocki» («Школа иезуитов полоцкого коллегиума»). Он найден в подполье одного из помещений корпуса «Ж» (бурсы, построенной в конце XVIII в.). Возможно, вблизи или непосредственно на месте корпуса «Ж» могла стоять одна из деревянных построек «скромного коллегиума». Коллегиум, будучи важным звеном обороны подступов к Верхнему и Нижнему замкам, потому и был изображен на планах 1707 и 1720 г. Значительные различия его рисунков указывают на большие перестройки главных зданий [Белы, 1998, № 4, с. 12–16]. Каменный корпус был перестроен и расширен, если на плане 1707 г. он имеет два небольших окна под кровлей и арочный вход, то на плане 1720 г. – четыре высоких окна на этаже. Входы, вероятно, располагались в западной, северной и восточной стене. Крыша его была черепичная, двухскатная, фронтоны увенчаны крестами. Черепица XVII – начала XVIII в. плоская с круглым торцом и шипом для навешивания на обрешетку, швы между пластинами промазывались раствором. На рубеже столетий появляется и получает распространение волнистая (или голландская) черепица [Салафеев, 2009, с. 78]. Каменное здание имело черты оборонительного сооружения. Южная стена была наиболее мощной и на уровне подвала достигала толщины около 1,5 м. Массивные своды подвала и первого этажа даже во внутренних помещениях были толщиной в кирпич и выполнены тычковой кладкой, чтобы быть менее уязвимыми для мортир. Для этих же целей вход в подвал был устроен в середине здания в виде сводчатого тоннеля. Этот корпус закрывал высокую башню (вероятно, колокольню или смотровую вышку). Ее основанием было помещение с крестовым сводом. Башня была деревянной 2–3-ярусной с полусферическим куполом, со шпилем, возможно, оштукатуренной.

Конец XVII – первая половина XVIII в. – время дальнейшего строительства. В 2010 г. под корпусом «З» найдена сильно поврежденная смешанная кладка. Кирпич размерами 7,0–8,0 × 15,0–15,7 × 30 см с четырьмя-пятью продольными бороздами. В составе кладки есть крупные обломки плоской черепицы с полукруглым торцом. Формат и выделка кирпича и раствора близки к кирпичу «впущенного» помещения подвала «скромного коллегиума». Таким образом, они близки по времени возведения. Длина излученной кладки составляет около 4 м, толщина стены – 0,6–0,8 м. Возможно, это фундамент одной из деревянных построек, возведенных Е. Шиллом в 1726–1745 гг. [Глинник, 2004, с. 9], и она видна на плане 1720 г. Вероятно, в это же время появились и плитки пола нового формата [НПГКМЗ, КП-19 24350, 24351; КДФ-5 4606, 4607]. В целом же иезуитский коллегиум конца XVII – первой половины XVIII в. состоял из нескольких кварталов. На южной ее части (вероятно, по обеим сторонам ул. Мостовой) был разбит огромный сад, в котором стояли отдельные жилые и учебные здания. Большая часть застройки была на ул. Батечковой. Там же строили и костелы.

После 1667 г. костел перенесли на место, где позднее построили костел св. Стефана. На плане Полоцка, датированном А. Белым 1720 г., он изображен в виде центрического здания с главкой. В 1733 (1734) г. он был уничтожен русскими войсками и в тот же год, по свидетельству Е. Пашенды, началось

строительство нового костела – будущего Николаевского собора. Руководителем строительства первые два года был К. Мателяковский. Началом строительства считается также дата – 1735 г. [Архітэктура Беларусі ... , 2006, т. 2, с. 258–259]. Новый костел возвели на юг от ул. Батечковой, юго-восточнее кирпичного здания коллегиума. Размеры и высота костела делали его господствующей доминантой над всей территорией Великого посада и позволяли полностью контролировать подступы к Верхнему замку. Подтопление котлована стало причиной создания дренажной системы. Возможно, что в это время были проложены первые подземные ходы. У подошвы толщина фундаментов достигала 4–5 м (рис. 52). По плану 1828 г. подвал имел изолированные (?) отсеки с входами, расположенными за алтарями. Одной из деталей интерьера костела были П-образные хоры, в центре их стоял орган и выход на балкон, по бокам – музыканты. Вовнутрь костела боковые хоры открывались широкими, но низкими проемами их помещения имели перекрытие в виде сводов в четверть круга. Полы их были выложены массивной квадратной керамической плиткой [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 59, 60]. Двухъярусное расположение окон барабана вызвано подъемом конька кровли, так как для укладки черепицы нужен уклон стропил около 45°. Распор от сводов центрального нефа частично гасился за счет толщины стен и столбов (около 1,5 м) и железных связей. Своеобразными контрфорсами для центрального нефа являлись наклонные арки и своды над боковыми хорами [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 59, 60]. Возведением стен и фундаментов костела руководил каменщик монах ордена Б. Мезмер (Мезер) и в 1738 г. был окончен в «w stanie surowym». В 1745 г. костел был освящен, в тот же год его сменил Г. Ленкиевич, который строил купол (и своды ?), в 1745 г. Под его руководством А. Лазурович достраивает башни и крышу (?) двери и окна. К середине XVIII в. в костеле велись отделочные работы [Архітэктура Беларусі ... , 2006, т. 2, с. 258].

После русско-польской войны 1654–1667 гг. территория коллегиума заняла три смежных квартала. Многие постройки были с каменными фундаментами и подвалами, появилась каменная библиотека. На ул. Батечковой возвели ворота с кирпичными столбами, контролируемые с прилегающих построек. Строительство нового костела, выдвинутого на передний план, положило начало формированию нового облика площади и стало отправной точкой при создании нового ансамбля коллегиума. Начало строительства ускорили пожар (или пожары ?) середины XVIII в. и упадок Верхнего замка из-за переноса городского центра и переселение городской элиты на Великий посад.

Коллегиум в середине XVIII в. Ансамбль нового коллегиума середины XVIII в. строили совершенно по иным принципам. Теперь это была не городская усадьба с отдельными деревянными и кирпичными небольшими постройками, а комплекс мощных кирпичных корпусов, где дерево в целях пожарной безопасности использовали минимально. Со стороны р. Двина они образовывали развернутую панораму сплошных фасадов, соединенных монументальными оградами [Архітэктура Беларусі ... , 2006, т. 2, с. 259; Габрусь, 2001, с. 163; Квітніцкая, 1998, с. 103]. Причиной нового строитель-

ства полоцких иезуитов стали пожары (?) середины XVIII в., которые уничтожили коллегиум конца XVII – первой половины XVIII в. Разночтения в датах начала строительства 1747 и 1750 г., указывают на их частоту. Огонь выжег каменный корпус библиотеки «скромного коллегиума» изнутри. Плитки полов были сильно закопчены [Салаўёў, 2010, № 1, с. 42, 48; Paszenda, 1996, s. 525]. Остатки сгоревшей башни и библиотеки решено было сохранить и включить в возводимый на их месте одноэтажный корпус для пекарни, келий музыкантов, пекарей, их складов. При приспособлении сгоревшего здания к новому ансамблю его пришлось спрямить, разобрав внешние стены до подошвы фундамента. Поэтому северный фасад корпуса «В» имеет ломаную линию, скрытую с помощью рустованных пилястр. Менялась внутренняя планировка старого здания. Под сводом подвала возвели каменную стену, и сняли его нагрузку с разбираемой части здания [Салаўёў, 2010, № 1, с. 51, мал. 10, а]. При строительстве нового здания остатки старых построек были накрыты новым корпусом только на $\frac{3}{4}$ и юго-восточная часть бывшей библиотеки оказалась за пределами здания. В память о прежних зданиях корпус «В» с первых дней своего существования назывался иезуитами «старым коллегиумом» [Салаўёў, 2010, № 1, с. 42] (рис. 53). Наблюдения за кладкой в местах соединения корпуса «В» указали на синхронность его возведения с трехэтажными корпусами. Наиболее вероятная дата начала строительства – 1750 г. На это же может указывать и монета, найденная в составе фундамента одной из печей корпуса «Г» – «ДЕНГА» (1750 г.) [Салаўёў, 2007а, с. 35]. Также пострадал и костел: сгорела крыша. Чтобы защитить его от пожаров, полоцкие иезуиты-архитекторы создали оригинальные стропильные фермы из кирпича. В 1750 г. в Вильне на костеле св. Казимира были впервые созданы такие кирпичные фермы (*łuki ceglany*) – полуциркульные арки, опирающиеся на продольные стены между нефами храма. Снаружи их арки с помощью кирпичных прикладок образовывали равнобедренный треугольник с углами основания в 45°. В 1753 г. подобные конструкции установили на центральных нефх полоцкого костела [Paszenda, 2000, s. 491]. Главный фасад коллегиума был расположен вдоль ул. Мостовой. В саду был устроен и главный вход в здание. Ул. Батечкова, ведущая к Красной (Королевской) башне, также потеряла главенствующее значение на участке между площадью и замком. Это позволило иезуитам в ходе строительства перегородить ее корпусами трехэтажного Е-образного главного здания (корпуса «А», «Б», «Г» и восточное разрушенное ныне крыло). Корпус «В» вместе с трехэтажными зданиями коллегиума образовывал замкнутый обширный двор с глубоким колодцем в его западной части. Колодец, по описанию В. П. Викентьева, «опускался каменной трубой... в 13 сажень» [Викентьев, 1910, с. 20] (глубина около 27–28 м). Поэтому дно колодца было примерно на одном уровне с дном р. Западная Двина, что позволяло обеспечивать коллегиум водой даже в засушливое время при понижении уровня грунтовых вод. Стены подвала корпуса «В» имели смешанную кладку – 3–4 ряда кирпича чередовались с рядами валунов среднего размера. Подошвы фундаментов были каменными. С восточной

стороны подвала был тайник, изолированный от всех его помещений. Вход в тайник находится с восточной стороны. В шурфах 2006 и 2008 г. были найдены остатки его кирпичной лестницы с подпорными стенками [Салаўёў, 2010, № 1, с. 44]. В оставшихся частях здания подвала не было, основную нагрузку несли продольные стены. Большинство поперечных стен и фундаменты лестниц заменяли мощные разгрузочные арки шириной 3–4 м и толщиной 1,5–2 кирпича. В северо-западной части здания было обширное подполье высотой около 1,2 м. Там же возле западной стены подвала был проложен сводчатый тоннель высотой 1,0–1,2 м, он проходил поперек всего корпуса и отводил отходы из пекарни и квасной. Лаз в него был под южным фасадом корпуса, со стороны северного фасада тоннель также завершала арка, далее начинались лотки (рис 53) [Салаўёў, 2010, № 1, с. 44–45; 48–49]. «Старый коллегіум», как называли корпус «В» иезуиты, был одноэтажным. Изломы и углы фасадов украшали рустованные пилястры. Стены имели карниз из лекального кирпича. Во внутренний двор коллегіума выходили две мансарды. Фасад западной мансарды имел три окна, сдвоенные пилястры, массивные обрамления окон с замками и венчающим карнизом. Фасад восточной мансарды был скромней – два окна и три ниши с массивными обрамлениями.

Главный фасад трехэтажного коллегіума (современные корпуса «А», «Б», «Г») расположили в отдалении от «красной линии» ул. Мостовой и отделили от нее частью сада [Габрусь, 2001, с. 20; Квітніцкая, 1998, с. 103].

Фундамент нового здания был глубоко врезан в материковую глину. Подтопление котлована грунтовыми водами вызвало необходимость устройства дренажей. Она была создана при участии архитектора – иезуита Г. Ленкиевича и столяра и каменщика А. Лазуровича [Архітэктура Беларусі ..., 2006, т. 2, с. 258, 259], была деревянная и заглублялась в глиняное дно котлована. Ее главные магистрали были проложены под булыжными полами коридоров и отсеков подвалов корпусов «А» и «Г». В местах их поворотов и ответвлений магистральных труб располагались колодцы – неглубокие квадратные срубы или бочки. Трубы дренажа – долбленые полукруглые лотки с плоскими крышками. Их перекрывал пол из мелкого булыжника на утрамбованной песчаной подушке.

Дренаж подобной конструкции обнаружен археологом П. А. Русовым возле корпуса «В» [Русаў, 1998, с. 259–260]. За счет песка происходила фильтрация воды, и булыжная поверхность пола подвала была практически сухой (рис. 53). Для этого в подошве фундаментов стен были сделаны небольшие арочные оконца. Они располагались в основном в южной наружной стене корпуса «А», что позволяет судить об ориентации основных стоков дренажей на р. Западная Двина. Архитекторами и строителями в качестве аварийного стока для воды была предусмотрена линия дренажа в сторону Черного ручья. По плану 1828 г. там мог быть сводчатый тоннель, выводивший сырость в русло Черного ручья, протекавшего у подножия Верхнего замка. Он мог иметь лаз и из подвала аптеки. Размер тоннеля позволял человеку пролезть в него и тайно проникнуть в коллегіум [Салаўёў, 2009, с. 22, 23]. Часть подвала под кухней могла служить в качестве ледника.

Она была изолирована от остальных помещений, имела отдельный лаз с деревянной винтовой лестницей и отдельный дренаж для слива талой воды, соединенный с главным каналом через оконца в продольной стене. Во внутренний двор из подвала кухни выходили три небольших окна. Подвалы были не оштукатурены и использовались как склады. Окна служили своеобразными воздуховодами и имели только железные решетки из толстых прутьев и ставни. Движение воздуха не допускало распространения сырости в здании.

Так же были изолированы и помещения подвала под туалетами всех трех этажей здания. Помещение под туалетами корпуса «Г» имело отдельный вход с улицы и свой сточный канализационный тоннель, проложенный позднее. Это позволяло использовать его как тайный ход. В изолированной комнате скапливались нечистоты с туалетов всех трех этажей. Часть из них удалялась по желобу, позднее – тоннелю, часть выгребалась лопатами вручную [Салаўёў, 2009, с. 23]. Одноэтажная кухня состояла из двух сводчатых помещений. Большее из них имело два столба с перегородкой и «большую печь», известную по Инвентарю 1807 г. Дымоход находился в толще наружной стены за пилястрой [Салаўёў, 2009в, с. 317].

Первый и третий этажи были преимущественно жилыми, второй этаж – преимущественно административно-учебным. Там же, возле главной лестницы, после 1763 г., согласно предписанию генерала ордена Рикки, было устроено несколько рабочих комнат для посетителей библиотеки [Блинова, 1996, № 8, с. 24–25].

Большинство жилых келий располагалось в корпусе «А» и на первом этаже корпуса «Г», там же было два продовольственных складских помещения, три лестницы. Подобные помещения были и во взорванном восточном крыле корпуса. Оконные рамы были деревянными, некрашенными. Пластины «холявного» стекла собирались в листы с помощью свинцовых двутавровых переплетов и вставлялись в деревянные рамы. Кроме прямоугольных стеклянных пластин найдены и вырезанные по лекалу изделия, вероятно, для заполнения полукруглых фрамуг. Возможно, что участие в изготовлении оконной и дверной столярки, принимал участие А. Лазурович. Реконструкция оконных рам коллегиума сделана на основе уникальной находки рамы середины XVIII в. из костела св. Станислава в Могилеве, изученной В. В. Глинником во время его реставрации. Она имела заполнение из подобных стеклышек и сохранила все металлические и деревянные детали [Гліннік, 1993, № 2, с. 32]. В каждой келье находилась кафельная печь, топившаяся с коридора. Для этого возле двери каждой кельи был устроен печной проем, из которого в толще стены в трубу выводил дымовой канал (ныне подобный проем расчищен на третьем этаже корпуса «А» возле конференц-зала). В каждой трубе было по три канала от печи кельи каждого этажа. На некоторых топочных проемах уцелели крюки от петель литых металлических дверок и задвижек [Салаўёў, 2007, с. 58, 60, 61; 2007а, с. 34].

Так же в учебных или административных помещениях имелись каминны. Найденный камин строили вместе со стенами кельи в виде граненой

ниши в толще стены. Он имел узорное обрамление арки, выполненное по лекалу известковым раствором. Внутри он периодически белился. Под подом камина был карман, чтобы в помещение поступал жар от нагретого кирпича [Салаўёў, 2007, с. 57]. Возможно, что здесь после 1763 г. находилась часть рабочих комнат Главной библиотеки [Блинова, 1996, № 8, с. 24, 25].

По Инвентарю 1807 г известно, что в «двойных комнатах» были «теплые полы» [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 6]. В помещениях коллегиума первоначальных калориферов обнаружить не удалось. На месте восточного взорванного крыла здания при строительных работах были найдены обломки лекальных эмалевых плиток трех цветов: голубого, коричневого (почти черного) и белого [НПИКМЗ, КДФ-5 4613, 4616, 4617, 4618]. Этими плитками выкладывался узор над каналами «теплых полов». Первоначально полы келий всех этажей и кухни были выложены квадратными и прямоугольными массивными плитками. В Инвентаре 1807 г. они названы кирпичами и тоже имели косые полоски от пальцев. Сохранившиеся фрагменты полов келий и кухни показали, что ряды плиток укладывались на известковый раствор и были ориентированы по продольной оси помещений [Салаўёў, 2008, с. 318, 319].

Трапезная представляла собой обширный зал с 11 окнами. Сначала стены и свод были побелены, позднее ее покрасили синей краской. Справа от входа на втором простенке между окнами был устроен амвон – навесной балкон в технике стука [Кукуня, 2001, с. 7]. Выход на него был устроен в виде лестницы в толще простенка, вход – со стороны откоса окна. Трапезная имела «теплые полы». Каналы занимали центральную часть зала и разветвлялись у северной стены и огибали его по периметру, выходя в дымоходы кухни и южной стены. Первоначальное перекрытие каналов было толщиной около 10 см. Нижний его слой образовывали плитки пола и плоская черепица, снятые при разборке сгоревшего коллегиума. По Инвентарю 1807 г. пол в зале трапезной посередине был кафельный, а возле стен – деревянный. Под кафелем составитель Инвентаря имел в виду поливные плитки пола [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 7; Салаўёў, 2008, с. 83]. Реконструкция найденных фрагментов показала, что в набор плиток пола трапезной входили белые и синие плитки треугольной и ромбовидной формы. Из них был выложен геометрический узор на полу зала.

На втором этаже была устроена библиотека. Под пятами свода были глубокие ниши, оформленные со стороны зала в виде шкафов. Первоначально в ней планировалось сделать 11 окон и полностью их расписать. Однако в ходе работ в проект были внесены изменения: окон было оставлено только 6, а остальные были заложены и превращены в глубокие ниши, вероятно, для высоких изразцовых печей-каминов. Росписи в технике «*secco fresco*» имели откосы и обрамления шести окон. Тона росписей в основном теплые: красный, оттенки коричневого, желтый, а из холодных – зеленый и сиреневый. Найденные фрагменты позволяют полагать, что росписи представляли собой зеркальные панно с растительным орнаментом. Центральные части (на арках окон) росписей украшали круглые медальоны, но изображение на них разобрать не удалось, возможно, там были портреты лю-

дей. Вероятно, что росписи могли быть выполнены художником Я. Салахманом, который расписывал костел в 1764–1765 гг.

Печи, вероятно, стояли в нишах на месте окон восточной и западной стены. В засыпке свода были найдены обломки лампад (?) из зеленого стекла и много изразцов. Большинство их относится к середине XVIII в. Это терракотовые и зелено-поливные пластины с медальонами в прямоугольной рамке с вогнутыми углами. Угловые изразцы имели витые балясины. К этому набору относятся и витые изразцы перемычки, покрытые белой эмалью.

Пол в библиотеке тоже первоначально был плиточным. Обломки квадратных массивных плиток были частой находкой на своде. Крыша и чердак трехэтажных корпусов «А», «Б», «Г» коллегиума образовали еще один этаж. Они не знали серьезных ремонтов до 1831 г. С торцов здания возвышались высокие фигурные фронтоны. При перестройке зданий под кадетский корпус они были понижены. Края фронтона, как и углы башен костела, украшали вазы [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 86]. У трехэтажных зданий коллегиума была уникальная стропильная система. Подобной стропильной системы не было ни в одном коллегиуме на территории ВКЛ, кроме Вильни. Она была впервые разработана и применена виленскими иезуитами, а потом повторена полоцкими иезуитами сначала при ремонте костела св. Стефана, потом – на зданиях коллегиума. Ее создание было вызвано необходимостью защиты зданий от частых пожаров. Традиционные деревянные фермы заменили системой арок. Они были поставлены на продольные и поперечные стены коллегиума и образовывали мансарду. С внешними продольными стенами здания и между собой они так же соединялись арками. Единственным деревянным элементом были доски обрешетки под черепицу [Салаўёў, 2008, с. 84–86]. Кирпичные стропильные фермы были и на чердаке одноэтажной иезуитской кухни. Ее крыша имела незначительный уклон и, вероятно, закрывала нижнюю часть оконных проемов коридора второго этажа.

С середины XVIII в. стали происходить изменения рельефа территории коллегиума. Самые возвышенные участки были во внутреннем дворе, который частично замостили. Перепад уровней поверхности у стен главных корпусов и возле ул. Замковой и ул. Стрелецкой достиг 1,5 м, западная часть корпуса «В» и северная часть корпуса «Г» находились на возвышении. Вход в подвал корпуса «Г» был на одном уровне с дневной поверхностью середины XVIII в. Дорога, ведущая к проездной арке корпуса «В», была выложена огромными плоскими камнями и имела подъем. Сначала для отведения сточных и грунтовых вод была создана сеть деревянных дренажей, аналогичных тем, что были в подвале. Дренажи из-под южной стены корпуса «А» выводили в магистральный дренаж ул. Ильинской (теперь – ул. Мостовой). Сеть дренажей во внутреннем дворе коллегиума осушала подвал корпуса «В».

Позднее от туалетов в торцах восточного (взорванного) и западного (корпус «Г») крыльев главного корпуса были проложены первые канализационные тоннели шириной около 0,7–0,8 м и высотой 0,7 м. В середине

XVIII в. они находились на небольшой глубине, и для обеспечения прочности их свод был выложен толщиной в кирпич. Размеры тоннелей позволяли проползти человеку и прочистить их. Все тоннели вели в русло Черного ручья и могли использоваться для тайных выходов из коллегиума (рис. 53).

В это же время, вероятно, были проложены ходы из-под костела. Они вели из-под колокольни и алтаря южного крыла и далее выходили на берег р. Двина, поэтому иезуиты на ул. Великой строили дома с выходами из подzemелий [Дэйніс, 2007, с. 78]. Они были замаскированы под дренажи или канализацию. Ближе к перекрестку ул. Замковой и ул. Стрелецкой, вероятно, была стекольная гута. На глубине около 2,5 м от современной дневной поверхности найдена прослойка, в составе которой были обломки пластин «холявного» оконного зеленого стекла. Изучение его обломков выявило следы надрезов и ровные грани. Это были обрезки от оконных пластин. Их вырезали в мастерской стеклорезом или гвоздем. Толщина обрезков от 1 до 3 мм. Там же найдены крупные обломки хорошо проваренного зеленого и бесцветного прозрачного стекла, обломки стеклянных «банок» – застывших пузырей для выдувания сосудов, фрагмент донца с плохо обрезанным следом от понтии. Среди готовых изделий найдено горло сосуда (кувшина ?) из плохо проваренного стекла и обломки кварт, стаканов, сосудов из прозрачного бесцветного стекла.

Западнее торца корпуса «А» иезуитами была построена полуторазтажная аптечная лаборатория [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 6]. В ее полуподвале был колодец с питьевой водой. Через деревянные трубы он снабжал водой построенные позднее мастерские производственного комплекса, но при археологическом изучении территории примет этих коммуникаций не найдено. В помещениях полуподвала мог быть лаз или сливная труба в аварийный дренаж (тоннель ?), ведущие из подвала в корпус «А» [Глинник, 2004, с. 5; Салаўёў, 2009а, сер. F, № 6, с. 23]. С главным корпусом аптеку связывала мощная кирпичная ограда. Ее карниз был ниже уровня карниза аптеки. Центральная часть ограды более высокая, со сдвоенными пилястрами. По Инвентарю 1807 г. там была высокая въездная арка во двор коллегиума с деревянными воротами со стороны ул. Мостовой (Ильинской) [Глинник, 2004, с. 5]. По фотографии начала XX в. сделана реконструкция ее вероятных первоначальных фасадов.

В третьей четверти XVIII в. все здания коллегиума образовали непрерывную линию фасадов. Со стороны улицы их нижнюю часть скрывали деревья сада. На основе имевшихся материалов была проведена реконструкция возможного облика фасадов корпусов «А», «Б», «Г» и вид панорамы всего коллегиума с запада и юга.

Формирование и перестройка ансамбля между 1773 и 1820 г. После запрета иезуитского ордена в 1773 г. в Европе в Полоцкий коллегиум потянулись верные своим обетам иезуиты. Это стало причиной модернизации и расширения комплекса по последнему слову архитектурной мысли конца XVIII в. У иезуитов начался новый строительный период. К концу XVIII в. в восточной части Верхнего замка иезуитами был устроен ботанический сад. Для соединения его с коллегиумом, вероятно, был отремонтирован (или

заменен) мост, ведущий к воротам в бывшей Красной (Королевской) башне. Полоцкий коллегиум на долгое время стал столицей иезуитов всего мира и к концу XVIII в. был настоящим «городом в городе», оборудованном по новейшим технологиям того времени. Барокко и рококо сменил классицизм с его простотой и лаконичностью форм и линий в архитектуре и убранстве помещений коллегиума, и начавшаяся модернизация корпусов коллегиума производилась под его влиянием. В проектировании и руководстве строительством участвовал Г. Ленкиевич, профессор архитектуры Ф. Карю (Каров, или Карев). Позднее в модернизации коллегиума принимал участие Г. Грубер [Шалькевич, 2002, с. 212]. Каналы «теплого пола» трапезной были почищены, перекрыты пластинами изразцов середины XVIII в., румпы которых предварительно были обломаны. Тогда же появились изделия, которые повторяли форму плиток пола, но имели низкую румпу.

В некоторых кельях трехэтажного корпуса тоже устраивали «теплые полы». Мощный калорифер был создан на первом этаже корпуса «Г», он проходил под всеми помещениями первого этажа и позволял получать дополнительную порцию тепла от каждой печи.

На протяжении последней четверти XVIII в. перестройки коснулись и корпуса «В». Тайник, устроенный под восточными дверями коридора был ликвидирован. Также в связи с притоком новых жителей было решено надстроить второй этаж [Салафёв, 2007, с. 60–65, 72]. Перестроены были и входы в подвал, они указаны на плане (рис. 54).

Западная и восточная мансарды, через которые проходили трубы первого этажа, были превращены в обширные залы. Позднее над северной стороной центральной части корпуса «В» были надстроены дополнительные помещения. Они представляли собой комнаты, разделенные стенами толщиной в кирпич [Салафёв, 2009б, с. 61–65, 72]. Перекрытия второго этажа были деревянным, «застланными на польский манер», это усложняло устройство кирпичных арочных стропильных ферм [Салафёв, 2009б, с. 60–65, 72]. Позднее, вероятно при участии Г. Грубера, Г. Ленкевича и Ф. Карю, на втором этаже были устроены «теплые полы». Для этого на первом этаже были перестроены некоторые печи [Салафёв, 2009б, с. 66–69, 72–73; 2010, № 1, с. 48, 49].

Первоначальная крыша корпуса «В» также была перестроена. Коньки боковых крыш частично перекрывали фальшивые окна третьего этажа. Центральная часть крыши была выше, четырехскатной, при ее создании были использованы кирпичные арки [Кукуня, 2001, с. 86].

К 1778 г. на другой стороне ул. Ильинской было построено здание театра и училища (позднее – типографии). С учетом того, что оно располагалось на склоне террасы, занятой коллегиумом, его фундамент был заложен на большую глубину. Подвала под зданием не было, и фундамент представлял собой не сплошные стены, а мощные столбы, соединенные арками и сводами [Дэйнис, 2007, с. 86]. Из типографии (?) шла кирпичная сводчатая труба для слива производственных отходов, которая вела в проложенный от костела ход. Здание (по плану первого этажа 1828 г.) имело коридор и 4 сводчатые

залы. Они представляли собой глубокие ниши, печи располагались по две в углах смежных залов. В коридор, вероятно, выходили их печные проемы (?). В конце коридора были лестницы. Второй этаж занимали коридор и обширное сводчатое помещение, разделенное тремя парами мощных квадратных столбов, заменявших несущие внутренние стены. Театр, был на третьем этаже и имел деревянные перекрытия и галерею (ложи ?) [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 5, 9]. Фасады здания имели черты барокко и классицизма. С восточной стороны театра и училища к нему примыкал двухэтажный флигель, который по плану 1828 г. имел тонкие стены и деревянные перекрытия и был сломан при перестройке коллегиума под кадетский корпус [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 18].

Тогда же было построено Г-образное жилье для ксендзов. Новый корпус примыкал к костелу и восточному крылу Е-образного главного корпуса, образуя замкнутый внутренний двор. Подвалов у него не было, возможно, он имел подполье, и часть фундаментов его поперечных стен была заменена арками. Планировка здания односторонняя, коридорная, его стены тонкие, но все помещения были сводчатые. В северной части здания находилась проездная арка. Главный вход был с площади. Убранство фасадов также имело черты барокко и классицизма.

К приезду Екатерины II по периметру территории коллегиума, вдоль западной и северной границы, к 1780 г. был возведен грандиозный производственный комплекс [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 9, 10]. Он имел несколько отсеков, разделенных капитальными стенами, в них располагались производственные мастерские, жилье мастеров, склады, конюшни, амбары, комнаты кучеров и смотрителей (рис. 54). Все помещения были сводчатыми и по плану 1828 г. большинство мастерских соединял сводчатый тоннель, выводивший производственные стоки в русло Черного ручья. Со стороны улицы фасад здания имел одинаковые пилястры и прясла стен. Дворовый фасад каждой мастерской имел (судя по фотографиям начала XX в.) свой рисунок, сочетавший черты барокко и классицизма.

С приходом Г. Грубера началось новое масштабное строительство и произошли коренные изменения в планировке коллегиума [Шалькевич, 2002, с. 212]. При нем было проведено полное объединение кварталов, занимаемых коллегиумом, который перегородил часть ул. Ильинской ее новым корпусом [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 9]. Подвалов под зданием не было. На его первом этаже находились лаборатория, экзаменационный зал и минералогический кабинет. Возможно, под ними были каналы дренажей и канализации, имевшей сток из лаборатории. Второй и третий этаж занимали музей, галерея, архитектурный кабинет. Данный корпус имел коридорную планировку и по три зала на каждом этаже. Помещения первого и второго этажа корпуса были сводчатыми. Залы могли иметь не только печи, но и «теплые полы». Крыша корпуса черепичная, с деревянными стропилами. Стены некоторых залов были расписаны фресками, вероятно, в той же технике, что и росписи в корпусе «Б». Убранство его фасадов повторяло здание театра. Со стороны площади у него был отдельный вход. Окна залов первого этажа были готическими с массивными прямоугольными наличниками.

Перестройки коснулись и старых корпусов. Главный вход в коллегиум был перенесен на восточный торец корпуса «А». Для него были сложены каменные ступени и устроен навес [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 6, 19]. Новый вход был устроен и в корпус «Г» – на месте центрального окна коридора. Небольшой арочный дверной проем был украшен классическим ордером. Наличие в кладке его пилястр малоформатного кирпича свидетельствует о его возведении в самом начале XIX в. или поздних ремонтах.

Реконструкция коснулась и двухэтажного флигеля производственного комплекса, на западной стороне коллегиума. Через амбар был пробит проезд на мост к ботаническому саду [Викентьев, 1910, с. 23]. Тоннель проезда был образован путем строительства кирпичной стены. Ее поставили на арки между фундаментами колонн и стен. После строительства производственного комплекса мастерских (официн) произошла очередная подсыпка ул. Стрелецкой. Над поверхностью земли выступала первая ступень фундамента (цоколь) западного фасада флигеля и конюшен. Разная высота проемов ворот была связана с подсыпкой ул. Стрелецкой строительным мусором при реконструкции коллегиума под кадетский корпус в 1831 г. В 1797 г. на восточном конце производственного комплекса были построены суконная фабрика и новая аптека, которая тоже имела тонкие стены и деревянные перекрытия.

Также велась реконструкция дренажей канализации корпусов. Новые тоннели имели вертикальные стенки высотой 0,7–0,8 м и лучковый свод. На присыпанном песком дне были уложены деревянные лотки (рис. 54). Подобный тоннель соединял все мастерские и выводил их стоки в русло Черного ручья [Глинник, 2004, с. 17, рис. 6].

Позднее, в 1789 г. (?), были построены бурса для семинаристов и богадельня на западной стороне территории коллегиума. На время составления Инвентаря (в 1807 г.) строительство второго этажа богадельни не было закончено [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 6]. Первоначально это были одинаковые по оформлению фасадов и планировке постройки. Они стали последними постройками, сложенными из большемерного кирпича. Сохранившаяся сегодня бурса первоначально имела вход с востока и по шесть комнат на этажах, первый этаж – со сводами. Со стороны улицы углы фасадов зданий были оформлены рустом.

Последнее сооружение иезуитов – подпорная стена коллегиума. Малоформатный кирпич, из которого она сложена, позволяет датировать ее началом XIX в. Деревянный дренаж выходил в бойницы подпорной стены и имел лотки – водометы. Возможно, что у подножия стены также была канава или подземная галерея, собиравшая сточную воду и отводившая ее к р. Двина. Впервые на существование подземной галереи указал И. П. Дейнис [Дэйніс, 2007, с. 78]. Вероятно, именно с ее наличием можно связать увеличение толщины стены на уровне бойниц до 1,6 м, а уровне каменного цоколя – 1,8 м. Высота кирпичной кладки западной части подпорной стены составляет около 5 м. Из-за подъема рельефа местности за бывшим особняком Ласковичей (теперь – офис «Отделочник 28», ул. Нижне-Покровская, 17) высота стены от каменного цоколя до верха – около 3,5 м. Толщина стены на данном участке – около 1,4 м. В проломе за кладкой XIX в. была обнару-

жена более ранняя тычковая кладка. Она выполнена на известковом растворе из кирпича пальчатки размерами 7,0–7,5 × 14,5–16,0 × 28,0–2,90 см. Толщина старой стены была около 0,6 м, а стены XIX в., без учета контрфорсов, – 0,76–0,77 м. Указанное возвышение местности – выступ террасы, на которой стоял коллегиум. Замечено, что дренажные оконца расположены в стороне от здания офиса «Отделочник–28», по бокам его торцов. Таким образом, в начале XIX в. эта постройка уже существовала и стена возводилась с таким расчетом, чтобы дренажные стоки не затапливали ее подвал.

К началу XIX в. территория коллегиума имела близкий к современному рельеф. Двор вновь замостили на участке между корпусами «В», «Г» и «З», а большую его часть нет. Был реконструирован сад между главными корпусами и подпорной стенкой. Сады разбили в восточной части внутреннего двора и перед бурсой с богадельней. Там же стоял деревянный ледник с черепичной кровлей, известный по Инвентарю 1807 г., вероятно, это единственное деревянное сооружение коллегиума [Кукуня, 1994, т. 2, кн. 5, с. 6]. После изгнания иезуитов в 1820 г. начался упадок ансамбля.

4.3. Антропологический анализ погребений XVII–XVIII вв. с территории Полоцка (О. А. Емельянчик)

Комплексные антропологические исследования материалов погребений XVII–XVIII вв., выявленных на территории полоцкого городища, а также Великого, Заполотского и Экиманского посадов, позволяют расширить наши представления об антропологических особенностях населения Полоцка XVII–XVIII вв., его происхождении и генетических связях, а также об уровне смертности и общем состоянии здоровья жителей города.

Остеологический материал представлен останками не менее 121 человека, среди которых 92 взрослых и 29 детей. Половозрастной состав исследованных остеологических серий представлен в таблице 1.

*Таблица 1. Половозрастной состав исследованных
остеологических серий*

Серия	Мужчины	Женщины	Взрослые неустановленного пола	Дети	Итого
Полоцкое городище	14	10	5	19	48
Коллегиум иезуитов	20	3	18	3	44
Доминиканский монастырь	6	–	2	–	8
Богоявленский собор	3	1	3	2	9
Экимань	–	–	1	5	6
Заполотье	3	1	2	–	6
<i>Всего:</i>	46	15	31	29	121

Полоцкое городище. Часть остеологической коллекции, представленной материалами кладбища XVII–XVIII вв. с территории полоцкого городища, была получена в 2007 г. в ходе археологических раскопок под руководством Д. В. Дука. Датировка погребений, а также принадлежность умерших к католической конфессии были установлены Д. В. Дуком на основании анализа погребального инвентаря. Размещение кладбища в центре города, а также принадлежность верующих к римско-католической церкви, позволили Д. В. Дуку сделать заключение о том, что на кладбище хоронили представителей полоцкой шляхты [Дук, спр. № 2537а]. Предварительные результаты антропологического исследования скелетных останков из погребений нашли отражение в ряде публикаций [Емельянчик, 2009, № 1, с. 9–15; Емельянчик, 2009а, с. 30–37; Дук, спр. № 2535]. В 2009 г. археологические раскопки на полоцком городище продолжил М. В. Климов, в результате чего остеологическая коллекция пополнилась новыми материалами. Суммарно скелетный материал с территории городища представлен останками не менее 48 человек, среди которых 29 взрослых и 19 детей (табл. 1). В целом остеологический материал характеризуется хорошим состоянием сохранности. Фрагментарность отдельных скелетов объясняется длительным использованием кладбища, в результате чего некоторые могилы были повреждены более поздними захоронениями.

Серия черепов с территории полоцкого городища. Пригодными для изучения по краниометрической программе оказались 14 мужских и 6 женских черепов. Суммарная серия мужских черепов характеризуется мезокранией (черепной указатель 79,1), средними величинами продольного и поперечного диаметров черепа, в сочетании с малой высотой черепной коробки. Лицо среднее, как по верхнелицевому указателю, так и по абсолютным размерам. Указатель выступания лица характеризует серию как ортогнатную. Орбиты среднеширокие, низкие, как по абсолютной величине, так и по орбитному указателю, нос средний, как по абсолютным размерам, так и по носовому указателю (табл. 2). Мужская серия черепов выявляет полиморфизм по верхней высоте лица и верхнелицевому указателю. Сравнение серии мужских черепов из погребений на полоцком городище с хронологически близкими мужскими сериями выявило значительное сходство с суммарной серией сельского населения Беларуси XVIII–XIX вв., что указывает на генетические связи полоцкой шляхты с коренным населением Беларуси [Емельянчик, 2009, № 1, 2009].

Таблица 2. Средние размеры и указатели мужских черепов

№ по Мартину	Признак	Полоцкое городище			Коллегиум иезуитов			Доминиканский монастырь			Богоявленский собор (индивидуальные размеры)	Заполотье (индивидуальные размеры)
		N	M	S	N	M	S	N	M	S		
1	Продольный диаметр	14	181,2	4,6	17	183,5	5,6	4	183,0	6,1	181	181
8	Поперечный диаметр	14	143,2	4,9	18	145,2	5,4	4	146,8	2,2	153	133
8:1	Черепной указатель	14	79,1	3,0	17	79,3	4,6	4	80,3	3,6	84,5	73,5

№ по Мар-тину	Признак	Полоцкое городище			Коллегиум иезуитов			Доминиканский монастырь			Богоявленский собор (индивидуальные размеры)	Заполотье (индивидуальные размеры)
		N	M	S	N	M	S	N	M	S		
45	Скуловой диаметр	11	129,9	3,8	11	134,9	7,1	4	133,3	2,5	—	—
17	Высотный диаметр	12	131,2	4,6	10	137,3	6,5	4	135,3	4,6	141	132
5	Длина основания черепа	12	100,2	4,0	11	101,0	3,3	4	103,0	2,4	102	94
40	Длина основания лица	10	97,9	5,3	7	95,4	3,5	3	97,0	2,6	104	96
40 : 5	Указатель выступления лица	10	97,9	4,7	7	95,4	3,5	3	93,3	1,1	102,0	102,1
48	Верхняя высота лица	11	69,7	6,2	6	71,3	4,0	4	68,0	1,8	67	73
48 : 45	Верхнелицевой указатель	9	53,4	5,0	6	51,9	4,5	4	51,0	0,5	—	—
9	Наименьшая ширина лба	14	98,2	5,3	18	99,4	5,1	4	97,8	2,2	101	97
43	Верхняя ширина лица	13	103,8	4,6	15	106,1	4,6	4	105,0	3,4	111	100
46	Средняя ширина лица	12	93,8	3,6	9	96,0	6,4	4	89,5	2,6	—	93
51	Ширина орбиты	12	42,3	1,6	8	43,3	2,0	4	42,5	1,3	44	40
52	Высота орбиты	12	32,0	2,4	9	32,8	1,7	4	32,8	1,7	33	32
52 : 51	Орбитный указатель	12	75,7	4,8	8	75,3	5,5	4	77,1	5,5	75,0	80,0
54	Ширина носа	12	25,5	1,6	6	25,6	2,5	4	23,8	1,5	—	24
55	Высота носа	12	51,3	3,6	7	50,1	3,3	4	51,8	3,5	52	52
54 : 55	Носовой указатель	12	49,9	4,1	6	50,9	6,4	4	46,2	5,7	—	46,2

Суммарная женская серия черепов характеризуется брахикранией (черепной указатель 81,4), при малых размерах продольного диаметра и средних размерах поперечного и высотного диаметров черепной коробки. Лицо среднее (по верхнелицевому указателю), низкое, мезогнатное. Орбиты широкие, низкие, по орбитному указателю – средние (мезоконхные). Нос среднеширокий, как по абсолютным размерам, так и по носовому указателю (табл. 3).

Таблица 3. Средние размеры и указатели женских черепов

№ по Мар-тину	Признак	Полоцкое городище			Коллегиум			Доминиканский монастырь (индивидуальные размеры)	Богоявленский собор (индивидуальные размеры)
		N	M	S	N	M	S		
1	Продольный диаметр	6	169,0	4,9	3	164,3	2,5	166	171
8	Поперечный диаметр	6	137,5	5,2	3	141,7	7,8	141	137
8 : 1	Черепной указатель	6	81,4	4,3	3	86,2	3,6	84,9	80,1
10	Наибольшая ширина лба	6	114,3	3,4	3	113,7	1,2	121	117
45	Скуловой диаметр	4	122,0	4,6	2	125,5	3,5	127	119
17	Высотный диаметр	5	127,4	4,6	3	126,7	5,8	127	125
5	Длина основания черепа	5	95,6	3,2	3	92,7	3,2	92	96

№ по Мартину	Признак	Полоцкое городище			Коллегиум			Доминиканский монастырь (индивидуальные размеры)	Богоявленский собор (индивидуальные размеры)
		N	M	S	N	M	S		
40	Длина основания лица	4	95,0	2,6	2	92,0	5,7	82	98
40 : 5	Указатель выступления лица	4	100,8	3,8	2	100,5	2,3	89,1	102,1
48	Верхняя высота лица	4	62,3	3,8	2	65,5	4,9	69	67
48 : 45	Верхнелицевой указатель	4	51,0	3,0	2	52,3	5,4	54,3	56,3
9	Наименьшая ширина лба	6	92,2	2,8	2	95,0	1,4	91	95
43	Верхняя ширина лица	5	99,2	1,5	2	102,0	5,7	98	100
46	Средняя ширина лица	4	88,5	3,1	2	89,5	2,1	88	86
51	Ширина орбиты	4	41,3	3,1	2	41,5	2,1	41	40
52	Высота орбиты	4	32,0	1,4	2	29,5	0,7	36	35
52 : 51	Орбитный указатель	4	77,8	3,9	2	71,1	1,9	87,8	87,5
54	Ширина носа	4	23,8	1,0	2	25,0	1,4	23	24
55	Высота носа	4	46,3	4,8	2	45,0	4,2	53	47
54 : 55	Носовой указатель	4	51,6	4,2	2	56,0	8,4	43,4	51,1

Коллегиум иезуитов. В 2009–2010 гг. на территории бывшего коллегиума иезуитов в Полоцке велись строительные работы по возведению спортивных корпусов Полоцкого государственного университета. Археологический надзор за земляными работами осуществлялся под руководством Д. В. Дука. В культурном слое были выявлены многочисленные останки человеческих скелетов, соответствующие стратиграфическому слою XVII в. [Дук, спр. № 2735]. По заключению Д. В. Дука, кладбище существовало непродолжительное время, о чем свидетельствуют размещение захоронений на большом расстоянии, отсутствие нескольких захоронений в пределах одной ямы, а также наличие синхронных с захоронениями по времени построек. Возможно, кладбище функционировало во времена войны 1654–1667 гг. [Дук, спр. № 2735]. В этот период иезуиты были изгнаны из Полоцка. По всей видимости, образовавшаяся в ходе военных разрушений и пожаров свободная от жилых построек территория со временем стала использоваться как кладбище при церкви. После своего возвращения иезуиты начали активный этап застройки коллегиума, постепенно заняв часть территории кладбища, прекратившего к этому времени свое существование. Состояние сохранности скелетных останков из погребений плохое, большинство костей повреждено посмертно в результате различных механических воздействий. Исследованный остеологический материал представлен останками не менее 44 человек, среди которых 41 взрослый и 3 детей (табл. 1).

Серия черепов с территории бывшего иезуитского коллегиума. Пригодными для измерения по краниометрической программе оказались 18 мужских и 3 женских черепа. Усредненный краниотип мужской выборки черепов характеризуется мезокрацией (черепной указатель 79,3), средними размерами продольного диаметра черепа и большими размерами поперечного

и высотного диаметров. Лицо ортогнатное, по абсолютным размерам и верхнелицевому указателю – среднее. Орбиты широкие, низкие, как по абсолютной величине, так и по орбитному указателю, нос средний. Серия характеризуется повышенным полиморфизмом по высоте черепной коробки, а также по размерам лицевой части черепа – наибольшей ширине лба, скуловому диаметру, средней ширине лица и верхнелицевому указателю, а также носовому указателю (табл. 2).

По своим абсолютным размерам серия черепов с территории коллегиума отличается от серии, представленной погребениями на полоцком городище, большими абсолютными размерами черепной коробки, а также более широким лицом и орбитами. При этом основные пропорции мозгового и лицевого отделов черепа (мезокранная черепная коробка, ортогнатное лицо средних размеров с низкими орбитами) остаются весьма сходными. Сравнение двух исследованных выборок мужских черепов с применением *t*-критерия Стьюдента позволило установить неслучайные межвыборочные различия только для высотного диаметра черепа.

Суммарная серия женских черепов с территории коллегиума характеризуется выраженной брахикранией (черепной указатель 86,2) при небольших абсолютных размерах продольного диаметра и больших размерах поперечного диаметра, средней высоте черепной коробки (табл. 3). Лицо среднее, как по скуловой ширине, так и по верхнелицевому указателю, средневысокое, мезогнатное. Как мужская серия черепов, суммарная женская серия характеризуется широкими низкими орбитами и средним носом, как по абсолютной величине, так и по носовому указателю.

Доминиканский монастырь (площадь Свободы). В 2009 г. на территории пл. Свободы в Полоцке проводились земляные работы, связанные с проведением теплотрассы. Археологический надзор за работами осуществлял М. В. Климов. Во время работ были обнаружены человеческие останки, датированные XVII–XVIII вв. Наиболее вероятно, что погребения изначально располагались на территории бывшего Доминиканского монастыря. Остеологический материал из траншеи представлен черепами и их фрагментами не менее 8 человек (из которых 6 мужских, пол 2 черепов не был определен), а также отдельными костями посткраниального скелета.

Серия черепов с территории бывшего доминиканского монастыря. Пригодными для измерения по краниометрической программе оказались 4 мужских черепа. Усредненный краниотип мужской выборки черепов характеризуется брахикранией (черепной указатель 80,3), средними размерами продольного и высотного диаметров черепа, и большими – поперечного. Лицо ортогнатное, по скуловой ширине и верхнелицевому указателю – среднее, при небольшой средней ширине лица. Орбиты среднеширокие, низкие, по орбитному указателю – средние, нос по абсолютным размерам и носовому указателю узкий. Узконосость отличает эту серию от остальных, однако сравнение мужской серии черепов с территории доминиканского монастыря с серией с территории городища с применением *t*-критерия Стьюдента не позволило установить достоверных различий средних величин, что указывает на близкое антропологическое сходство указанных серий.

Богоявленский собор. В 2009 г. во время ремонтных работ Богоявленского собора в Полоцке были обнаружены фрагменты человеческих скелетов. Наиболее вероятно, это были захоронения при храме. Разрешение на исследование скелетных останков было получено с благословения Архиепископа Полоцкого и Глубокского Феодосия. Скелетные останки представлены семью черепами взрослых разной степени сохранности, а также отдельными костями посткраниального скелета (среди которых плечевые кости двух детей в возрасте 2,0 и 1,5 лет). После завершения антропологической экспертизы останки были перезахоронены.

Серия черепов с территории Богоявленского собора. Пригодными для измерения по краниометрической программе оказались только два черепа – мужской и женский. Мужской череп характеризуется брахикранной черепной коробкой (черепной указатель 84,5), при средних размерах продольного диаметра черепа и больших размеров поперечного и высотного диаметров. Лицо мезогнатное, по верхней ширине лица – широкое. Орбиты широкие и низкие, по орбитному указателю – низкие, нос по носовому указателю средний (табл. 2).

Женский череп из погребений при Богоявленском соборе также характеризуется брахикранией, при средних размерах продольного и поперечного диаметров и низкой высоте свода. Лицо мезогнатное, узкое по верхнелицевому указателю, по абсолютным размерам – среднее. Орбиты средние по абсолютным размерам, по орбитному указателю – высокие, нос средний (табл. 3).

Экиманский посад. Археологические раскопки на территории Экиманского посада проводились под руководством Д. В. Дука в 2009 г. В ходе археологических раскопок были обнаружены три погребения. В одном погребении находились фрагменты скелетов одного взрослого в возрасте старше 40 лет, а также четырех детей (одного младенца и трех детей в возрасте 1,5, 2,5, 8,0 лет). Другое погребение было представлено почти полным скелетом ребенка в возрасте шести месяцев. В третьем погребении находились фрагменты двух бедренных костей взрослого человека, остальные кости остались в стенке раскопа. Кроме отдельного детского погребения, состояние сохранности остальных скелетов плохое, исключающее возможность проведения измерений.

Заполотье. Археологические раскопки на территории Заполотского посада проводились Д. В. Дуком [спр. № 2736] в 2010 г. Скелетные останки, выявленные в ходе археологических раскопок, представлены отдельными фрагментами скелетов шести взрослых человек (трех мужчин и женщины, пол двух взрослых индивидов определить было невозможно из-за плохой сохранности материала).

Серия черепов с территории Заполотского посада. Пригодным для измерения по краниометрической программе оказался только один мужской череп. Черепная коробка долихокранная (черепной указатель 73,5) со средними размерами продольного диаметра и малыми размерами поперечного диаметра, средней высотой свода. Лицо мезогнатное, средневысокое и узкое, орбиты низкие и узкие, по орбитному указателю – средние, нос узкий и короткий, по носовому указателю – узкий (табл. 2).

Включение данных об индивидуальных размерах черепов из погребений при Богоявленском соборе и в Заполотье в дискриминантный анализ четырех представительных по численности серий мужских черепов XVII–XIX вв. с территории Беларуси (Полоцк, Минск, Горы Великие, сельское население) позволило отнести их к группе населения Полоцка.

Все скелетные останки были исследованы по комплексной программе, включающей измерение черепов и длинных костей, палеодемографический анализ, оценку патологий и индикаторов стресса. Пол определялся на основании комплексного метода, основанного на оценке характерных для мужчин и женщин структурных особенностей черепа, в случае наличия полных скелетов – также по особенностям строения тазовых костей. При определении биологического возраста взрослых учитывалась степень заращения черепных швов в сочетании со степенью стертости зубов [Ubelaker, 1989]. Возраст детских скелетов определялся на основании оценки степени развития зубной системы по схеме Д. Убелакера [Ubelaker, 1989, p. 64], степени окостенения разных отделов скелета, а также на основании морфологического критерия, учитывающего размеры длинных трубчатых костей [Piontek, 1996, s. 143].

Палеодемографический анализ был осуществлен для двух репрезентативных по численности выборок, представленных материалами погребений с территории полоцкого городища и коллегиума. По результатам половозрастного распределения индивиды были сгруппированы в возрастные когорты, на основании которых были рассчитаны стандартные таблицы дожития [Piontek, 1996].

Измерение черепов с последующим вычислением углов и указателей проводилась в соответствии с традиционной методикой [Алексеев, 1964]. Для оценки полученных показателей использовались таблицы краниометрических констант [Алексеев, 1964]. Межгрупповой анализ серий черепов проводился с использованием канонического дискриминантного анализа, в случае попарного сравнения – с применением *t*-критерия Стьюдента [Дерябин, 2004].

Оценивалась также частота встречаемости и степень проявления скелетного индикатора стресса *cribra orbitalia* – гиперостозные изменения кости в верхней внутренней области орбит, развивающиеся в раннем детстве в результате заболевания анемией. Поскольку приобретенная анемия чаще всего обусловлена неполноценным питанием и повышенной патогенной нагрузкой, частота встречаемости *cribra orbitalia* является своеобразным обобщающим показателем состояния здоровья и общего уровня жизни древнего населения.

Учитывая установленный факт отсутствия выраженных антропологических различий между локальными сериями мужских черепов из Полоцка, они были объединены в общую полоцкую серию. С целью выявления места полоцкой серии среди хронологически близких краниологических серий городского и сельского населения Беларуси было проведено межгрупповое сравнение с использованием канонического дискриминантного анализа.

Поскольку проведение этого анализа требует наличия индивидуальных измерений, в анализ, помимо суммарной серии мужских черепов из Полоцка, были включены данные о группах населения, исследованных нами ранее: 1) сельское население Беларуси XVIII–XIX вв., 2) население города-замка Горы Великие XVII–XVIII вв. Сравнительные данные о размерах и указателях мужских серий черепов представлены в таблице 4.

Таблица 4. Сравнительные данные о размерах и указателях мужских серий черепов XVII–XIX вв.

№ по Мартину	Размер	Полоцк XVII–XVIII вв.			Горы Великие XVII – XVIII вв.			Сельские кладбища XVIII–XIX вв.		
		<i>N</i>	<i>M</i>	<i>S</i>	<i>N</i>	<i>M</i>	<i>S</i>	<i>N</i>	<i>M</i>	<i>S</i>
1	Продольный диаметр	37	182,5	5,1	25	176,6	4,8	52	176,4	5,5
8	Поперечный диаметр	39	144,6	5,4	26	145,9	4,8	51	143,1	4,5
8 : 1	Черепной указатель	37	79,3	4,0	25	82,5	3,6	50	81,3	3,9
10	Наибольшая ширина лба	39	122,2	6,0	27	123,0	5,3	52	121,9	4,2
45	Скуловой диаметр	27	131,4	8,2	14	132,4	3,6	22	129,9	4,9
17	Высотный диаметр	29	134,5	5,9	24	137,4	5,8	44	132,1	4,7
5	Длина основания черепа	28	100,7	3,7	24	101,4	3,8	43	98,9	3,9
40	Длина основания лица	22	97,3	4,8	20	95,6	3,9	32	93,0	4,9
40 : 5	Указатель выступания лица	22	96,8	4,3	20	64,8	3,0	31	94,1	4,3
48	Верхняя высота лица	23	69,9	4,8	22	69,0	3,1	38	67,6	4,3
48 : 45	Верхний лицевой указатель	19	52,4	4,2	14	53,1	1,9	20	52,2	3,0
9	Наименьшая ширина лба	39	98,8	4,7	28	97,2	4,0	52	96,7	4,4
43	Верхняя ширина лица	34	105,1	4,5	25	104,5	3,2	52	103,5	4,7
46	Средняя ширина лица	26	93,8	5,0	19	95,1	4,8	41	93,3	5,3
51	Ширина орбиты	26	42,6	1,7	24	41,5	1,7	45	41,4	2,2
52	Высота орбиты	27	32,4	2,0	24	32,1	1,9	45	32,1	2,4
52 : 51	Орбитный указатель	26	75,9	4,8	24	77,4	5,3	45	77,6	6,1
54	Ширина носа	24	25,3	1,9	20	24,9	2,1	40	24,7	1,9
55	Высота носа	25	51,1	3,3	21	49,6	2,5	40	50,4	3,2
54 : 55	Носовой указатель	24	49,5	5,0	20	50,4	4,4	39	49,2	4,4

Суммарная серия полоцких мужских черепов характеризуется мезокранией при средних абсолютных размерах диаметров мозгового отдела черепа. Основные параметры лицевого отдела черепа также характеризуются средними величинами, за исключением средней ширины лица, которая имеет небольшие размеры. Орбиты низкие (хамекохные), нос средний. По сравнению с двумя другими сериями полоцкая серия выделяется повышенной изменчивостью поперечного диаметра черепа и наибольшей шириной лба, а также скулового диаметра, верхней высоты лица и верхнелицевого указателя.

В результате пошагового отбора в систему было включено 9 наиболее информативных признаков. Вероятность ошибки первого рода для *F*-крите-

рия Фишера составила $p = 0,0000$, т. е. $< 0,05$, что позволило сделать вывод о неслучайности межгрупповой вариации по данному набору признаков.

В связи с тем, что рассматривалось три выборки, для описания межгрупповой изменчивости достаточно двух дискриминаторов. Для обеих канонических переменных уровень вероятности ошибки первого рода составил $p < 0,05$, что указывает на неслучайный характер соответствующей закономерности межгрупповой вариации признаков. На долю первого канонического вектора приходится 73% всей изменчивости, на долю второго – 27%. В таблице 5 представлены нагрузки исходных признаков на канонические переменные.

Таблица 5. Нагрузки исходных признаков на канонические переменные в мужских группах

№ по Мартину	Признак	Канонические переменные	
		первая	вторая
1	Продольный диаметр	–0,674	0,053
17	Высотный диаметр	–0,050	0,774
40 : 5	Указатель выступания лица	–0,281	0,097
11	Ширина основания черепа	–0,211	0,322
46	Средняя ширина лица	0,005	0,246
51	Ширина орбиты	–0,277	0,020
61	Ширина альвеолярной дуги	–0,169	0,025
48	Верхняя высота лица	–0,189	0,252
55	Высота носа	–0,156	–0,189

Первая каноническая переменная наилучшим образом отделяет полоцкую серию от серий Горского замка и сельского населения Беларуси XVIII–XIX вв. Сельское население характеризуется уменьшением абсолютных размеров черепной коробки (продольного диаметра и ширины основания черепа), а также уменьшение размеров лица (снижается ширина орбиты, уменьшается верхняя высота лица и высота носа). Полоцкая серия отличается от двух других серий большими абсолютными размерами мозгового и лицевого отделов черепа при сохранении их основных пропорций. Отсутствие различий между исследованными группами по комплексу расово-диагностических признаков (пропорции лица) подтверждает их генетическую общность. Увеличение абсолютных размеров полоцких мужских черепов может быть связано с увеличением общих размеров тела горожан по сравнению с сельским населением, обусловленное факторами урбанизации, такими, как акселерация, вызванная расширением круга брачных связей, различия образа жизни и качества питания и т. д.

Вторая каноническая переменная разделяет серии сельского населения и Гор Великих. Горская серия отличается от сельского населения большей высотой черепа, более широким лицом. Полоцкая серия по этим параметрам занимает промежуточное положение.

Пригодными для палеодемографического анализа оказались две серии, представленные погребениями с территории полоцкого городища и бывшего иезуитского коллегиума. Половозрастной состав серии с территории полоцкого городища: примерно равное соотношение умерших по полу, а также наличие значительного количества детей, – указывает на то, что данная остеологическая серия может рассматриваться как модель реально существовавшей популяции. Детские погребения составляют 39,6% от общего числа умерших, что отражает нормальный для того времени уровень детской смертности. Большинство детей в исследованной группе умерло в возрасте до шести лет.

Средняя ожидаемая длительность жизни с учетом детской смертности (E_0) в исследованной группе составила 25,5 лет (табл. 6). Такая низкая средняя продолжительность жизни также была обычной для того времени. Средняя ожидаемая длительность жизни, полученная нами для синхронной группы населения города-замка Горы Великие (XVII–XVIII вв.), была еще ниже и составляла 20,6 лет [Емельянчик, 2010, вып. 5, с. 251–266].

Таблица 6. Таблица дожития населения, оставившего погребения на территории полоцкого городища

Возраст, лет	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	E_x
0–6	13,00	27,1	100,0	0,271	518,8	2551,0	25,5
7–14	3,00	6,3	72,9	0,086	558,3	2032,3	27,9
15–9	3,00	6,3	66,7	0,094	317,7	1474,0	22,1
20–29	7,75	16,1	60,4	0,267	523,4	1156,3	19,1
30–39	7,75	16,1	44,3	0,365	362,0	632,8	14,3
40–49	7,25	15,1	28,1	0,537	205,7	270,8	9,6
50 и старше	6,25	13,0	13,0	1,000	65,1	65,1	5,0
<i>Всего:</i>	48,00	100,0	–	–	–	–	–

В связи с проблемой недоучета детских останков в палеодемографии для сравнительных исследований применяется такой показатель, как средняя ожидаемая длительность жизни без учета детской смертности (E_{20}). В группе с территории полоцкого городища этот показатель составил 19,1 года. Близкие показатели были зарегистрированы нами для населения Гор Великих (21 год) [Емельянчик, 2010, вып. 5, с. 251–266].

Отличительной особенностью остеологической серии с территории иезуитского коллегиума являются деформация половозрастной структуры по сравнению с обычными кладбищами: небольшое количество детских и женских захоронений, преобладание среди умерших мужчин зрелого возраста. Однако, учитывая плохое состояние сохранности костей (так, в 43,9% случаев половую принадлежность индивидов определить было невозможно из-за фрагментарности черепов), а также возможность преимущественного разрушения в земле детских и женских скелетов, можно предположить, что подобная деформация может быть результатом так называемого

«посмертного отбора». Вместе с тем подобная деформация не позволяет трактовать исследованную выборку как палеопопуляцию. В этой связи полученные параметры таблицы дожития можно рассматривать только условно.

Обращает на себя внимание высокий показатель доживающих до финальной возрастной когорты (d_{50+}) в исследованной группе, составившее 48,8% (табл. 7), что является довольно нетипичным явлением для городского населения того времени. Так, среди населения, оставившего погребения на территории полоцкого городища, до финальной возрастной когорты доживало только 13% от всего числа умерших, среди населения Гор Великих – только 11,1%. Средняя ожидаемая продолжительность жизни без учета детской смертности (E_{20}) в группе населения, оставившего погребения на территории коллегиума, составила 25,4 года, что более чем на 6 лет превышает аналогичный показатель, зарегистрированный на полоцком городище.

Таблица 7. Таблица дожития населения, оставившего погребения на территории бывшего коллегиума иезуитов

Возраст, лет	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	E_x
0–6	2,5	5,8	100,0	0,058	582,6	4093,0	40,9
7–14	0,5	1,2	94,2	0,012	748,8	3510,5	37,3
15–19	1,0	2,3	93,0	0,025	459,3	2761,6	29,7
20–29	8,0	18,6	90,7	0,205	814,0	2302,3	25,4
30–39	3,5	8,1	72,1	0,113	680,2	1488,4	20,6
40–49	6,5	15,1	64,0	0,236	564,0	808,1	12,6
50 и старше	21,0	48,8	48,8	1,000	244,2	244,2	5,0
<i>Всего:</i>	43,0	100,0	–	–	–	–	–

В двух репрезентативных по численности группах, представленных материалами погребений с территории коллегиума и городища, был зарегистрирован умеренный уровень встречаемости индикатора анемии *cribra orbitalia*. В группе, оставившей погребения на территории полоцкого городища, общая встречаемость *cribra orbitalia* среди взрослых составила 13,0%, среди детей – 35,7%. Встречаемость *cribra orbitalia* среди взрослых в группе с территории коллегиума составила 14,8%. Различия встречаемости на территории в двух исследованных выборках не выявляют статистической достоверности, что косвенно указывает на сходные параметры жизнеобеспечения в исследованных группах (качество питания, санитарно-гигиенические условия и т. д.).

Таким образом, антропологическое исследование материалов погребений XVII–XVIII вв. в Полоцке позволило сделать следующие выводы.

Отсутствие выраженных антропологических различий между локальными сериями мужских черепов XVII–XVIII вв. из Полоцка позволило объединить их в общую полоцкую серию.

Сравнение полоцкой серии мужских черепов с хронологически близкими сериями с территории Беларуси (население Гор Великих XVII–XVIII вв., сельское население Беларуси XVIII–XIX вв.) позволило констатировать отсутствие различий между исследованными группами по комплексу расово-диагностических признаков (пропорции лица), что подтверждает их генетическую общность.

Увеличение абсолютных размеров мозгового и лицевого отделов черепа полоцких мужских черепов может быть связано с увеличением общих размеров тела горожан по сравнению с сельским населением, обусловленное изменением условий социальной среды в связи с урбанизацией.

В группе населения, оставившего погребения на территории полоцкого городища, был зарегистрирован высокий уровень смертности. Погребения на территории бывшего иезуитского коллегиума характеризуются деформацией половозрастной структуры по сравнению с обычными кладбищами – небольшим количеством детских и женских захоронений, преобладанием среди умерших мужчин зрелого возраста.

Для населения Полоцка XVII–XVIII вв. были характерны умеренные частоты встречаемости индикатора анемии *cribra orbitalia*. Отсутствие статистически достоверных различий во встречаемости признака в группах населения, оставившего погребения на территории полоцкого городища и бывшего коллегиума иезуитов, косвенно указывает на сходные параметры жизнеобеспечения в исследованных группах (качество питания, санитарно-гигиенические условия и т. д.).

4.4. Погребальные памятники полоцкой округи XIII–XVIII вв.

(М. В. Климов, В. В. Черевко)

К концу XVIII в. относятся сведения о первых любительских раскопках погребальных памятников на территории Белорусского Подвинья. Помещик Роберт Бжестовский в своем имении Мосар случайно раскопал древнее захоронение и переслал некоторые находки Станиславу Августу Понятовскому [Алексеев, 1996, с. 16].

В XIX–XX вв. приоритет отдавался исследованию памятников более ранних, чем те, которые относятся к XIV в. и тем более к XVIII в. И если курганные насыпи к началу XX в. были раскопаны и частично описаны, то грунтовые могильники в округе Полоцка только начинали фиксировать. До 1917 г. Е. Р. Романовым было зафиксировано 27 грунтовых могильников на территории Дрисенского, Себежского, Полоцкого, Невельского, Городокского, Витебского и Велижского поветов, которые он называл «могильниками без внешних признаков», «обычными погребениями» [Романов, 1898, с. 31; 1911, с. 18]. После 1917 г. это направление исследований не осуществлялось. Так как грунтовые могильники не имели обычно внешних признаков без опроса местного населения подобные объекты обнаружить очень сложно. В округе Полоцка они обозначались микротопонимами «Старые могилки» и «цыганские могилки» [Клімаў, 2005, с. 52–53].

Только в 1990-е годы первые грунтовые могильники XI–XIII вв. на территории Подвинья были исследованы Г. Н. Семенчуком возле д. Козловцы Морского района и д. Пашевичи Браславского района [Семянчук, 1993, № 2; 2002, № 17, с. 191–195]. Антропологическое изучение погребенных в этих могильниках позволило говорить о сложных этнических процессах на территории Полоцкого Подвинья [Емяльянчук, 2009, с. 280–281]. Не везде могильники этого времени позволяют провести антропологический анализ.

Во время исследования памятника Лучно 1 в 2010 г. был обнаружен грунтовый могильник, который возможно датировать концом XII – первой половиной XIII в. Грунтовый могильник ранее не был известен и почти не имел внешних признаков, только над несколькими погребениями сохранились отдельные камни. Границы грунтовых ям на уровне материкового песка почти не просматривались. Всего было обнаружено 29 погребальных ям. Размеры погребальных ям варьировали: при длине от 1,4 до 1,9 м их ширина составляла 0,6–0,8 м. Ямы были заглублены в материк на 0,4–0,5 м. В результате продолжительного использования могильника некоторые ямы накладывались одна на другую, соединяясь между собой. Ориентация ям была близка к оси восток–запад, с отклонениями, которые возникали при ориентации погребенных относительно солнца. Провести антропологическую экспертизу костных останков было не возможно, так как кости погребенных почти полностью истлели, не оставив следов тлена ткани или гробов. Только над частью могил сохранились надмогильные камни, не затронутые при строительстве в XV в. на данном участке феодальной усадьбы. Кроме этого в одном случае камни были использованы для обкладки могилы с внутренней стороны. Судя по совмещению могил между собой, могильник существовал более 50 лет. Инвентарь погребенных был минимальным. В одном случае были обнаружены нож и поясное кольцо, в двух случаях – тонкие накладки для женского головного венчика, выполненные из белого металла. Похожие накладки ранее фиксировались на ряде могильников с каменными обкладками (Волча, Вензовщина и др.), известны они и в могильниках Литвы, датированных XII – первой половиной XIII в. [Квятковская, 1998, с. 68–71].

Изучение погребальных памятников XIV–XVIII вв. в округе Полоцка происходило эпизодически, потому что они не являлись предметом специального исследования. Так в начале 1930-х годов, во время изучения поселений и курганов, А. Н. Левданский раскопал грунтовое захоронение возле д. Путилкивичи Ушачского района. Надмогильная конструкция представляла собой каменную обкладку, насыпь отсутствовала. Был выявлен женский костяк, ориентированный головой на запад. Могильная яма определена как «неглубокая». Погребение датировано XII–XIV вв. [Ляўданскі, 1932, т. 3, с. 234].

При рассмотрении погребальных памятников округа Полоцка следует иметь в виду, что археологическими раскопками и наблюдением, а также археологическими разведками со вскрытием культурного слоя было охвачено 18 объектов XIV–XVIII вв. Из них 11 относятся к сельским, 8 – к городским погребальным памятникам (расположены в городской черте Полоцка).

К погребальным памятникам Полоцкой округи XIV–XVIII вв. могут быть отнесены и объекты, которые имеют внешние признаки погребений данного периода, соответствующие форме и конструктивным особенностям каменного надмогильного сооружения. Например, каменная обкладка размерами 2,80–3,00 × 1,00–1,40 × 0,20–0,35 м без больших камней у головы и ног погребения может быть датирована временем не позднее начала XIII в. Надгробия с камнем высотой до 1 м у головы, с выбитым на камне крестом или крестообразным знаком датированы серединой XVI – XVII в. и более поздним временем [Квятковская, 1998, с. 161]. В качестве маркеров погребений XIV–XVIII вв. выделяются валунные кладки-вымостки, каменные обкладки надгробной насыпи по периметру, большие валунные камни у головы, либо у головы и ног погребенного, каменные кресты [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 126, 136].

Принимая во внимание, что на территории Белорусского Подвинья фиксируется длительный период использования могильников, и в границах одного объекта часто встречаются курганы, жальники и грунтовые могилы с каменными вымостками, такое сочетание можно считать веским доводом в пользу присутствия на нем погребений XIV–XVIII вв. Однако лишь при археологических работах возможно полное подтверждение хронологии того или другого объекта, поскольку могилы с каменными крестами и обкладками могут относиться и к XIX в. Не исключено и «повторное использование» каменных крестов.

Картографирование погребальных памятников XIV–XVIII вв. и объектов, имеющих внешние признаки погребений рассматриваемого периода, позволило выявить особенности их размещения. Практически все они расположены на левобережье р. Западная Двина. Наибольшая концентрация погребальных комплексов с каменными надмогильными конструкциями наблюдается в Глубокском, на юго-западе Полоцкого и в Лепельском районах. Сосредоточение погребений с каменными крестами имеет место в Глубокском, на юго-западе Полоцкого, а также в Бешенковичском районах. Если рассматривать каменные кресты как маркер более поздних (в рамках XIV–XVIII вв.) погребальных памятников, то совпадение ареалов распространения погребений с валунными надмогильными конструкциями и с каменными крестами можно считать признаком преемственности традиций сооружения надгробий.

В погребальных комплексах Полоцкой округи XIV–XVIII вв. выделяются курганы и грунтовые могилы без надгробий, либо с каменными надгробиями различной конструкции [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 124–126]. Курганные погребения, относящиеся к XIV–XVIII вв., на территории Беларуси встречаются редко. На территории Полоцкой округи выявлено лишь три таких кургана на двух могильниках. В 1938 г. археологи Е. и В. Голубовичи раскопали курган возле деревни Нарушево Глубокского района. В кургане находилось три погребения. Находка фрагментов керамики позволила датировать их XIII–XIV вв. [Штыхов, 1971, с. 44; Дучиц, 1998, с. 77–78].

Два кургана были расположены на кладбище возле имения Заболотье Пышнянской волости Лепельского уезда, недалеко от оз. Долгое, и исследованы в 1879 г. М. Ф. Кусцинским. Данные курганные погребения располагались на окраине заброшенного кладбища и датированы на основании находки полугроша Жигимонта Августа 1562 г. (заметки М. Ф. Кусцинского). Монета размещалась на лобной кости черепа мужского погребения. В другом кургане была похоронена женщина [Кусцинский, 1903, № 7]. Сведений о наличии следов гроба, положении рук, ориентации костяков, размещении их на горизонте или в подкурганной яме, и других подробностей М. Ф. Кусцинский не приводит.

В литературе упоминаются еще два курганных погребения с монетой, выявленные и исследованные М. Ф. Кусцинским на территории Лепельского уезда [Археологія Беларусі, 2001, т. 4, с. 125]. Однако совпадение местности, вида надмогильного сооружения, особенностей курганной группы и ее размещения, количества исследованных курганов, пола погребенных, факт наличия монеты на лобной кости и других находок, приводят к выводу, что речь идет об одних и тех же курганах.

В 1991 г. А. В. Квятковской во время раскопок на могильнике около д. Перевоз Глубокского района были выявлены конструкции, которые представляли собой каменные вымостки (в один слой) прямоугольной или овальной формы с крупными валунами у головы и ног погребений. В одной надмогильной конструкции зафиксированы промежуточные между надмогильем кургана и грунтового могильника черты. Круглая насыпь высотой 0,65 м была выполнена из песка, с западной ее стороны находилось два камня. Женский скелет был ориентирован головой на запад и находился в подкурганной яме глубиной 0,8 м. Погребение датировано XIII–XIV вв. [Квятковская, 1992, с. 31–32].

В 2006 г. Д. В. Дук производил раскопки на могильнике возле д. Туржец 2 Полоцкого района. Было исследовано три погребения. Надмогильные конструкции представляют собой каменные обкладки могил по периметру с крупными камнями у головы и ног погребений, в том числе с высеченным крестом. Глубина залегания костяков составила 0,7–0,8 м, ориентировка на запад, в том числе с небольшим отклонением на север, и северо-запад. Руки сложены на груди либо на животе, в одном случае положение проследить не удалось из-за плохой сохранности костяка. Выявлены следы гробов. Антропологическая экспертиза, проведенная О. А. Емельянчик, позволила установить пол и возраст погребенных (женщина старше 60 лет, девочка 4–5 лет и мужчина 40–50 лет) [Дук, 2008, вып. 15].

Четыре грунтовых погребения с каменными надмогильными конструкциями возле д. Ивесь Глубокского района были исследованы в 2010 г. В. В. Черевко. Надмогильные конструкции во всех случаях представляли собой каменные обкладки могил по периметру и крупные камни у головы и ног погребенных. В одном случае на валунном камне у головы погребенного был высечен крест. Под слоем дерна и надмогильными конструкциями были обнаружены фрагменты керамики XIV–XV вв. Костяки были ориен-

тированы головой на запад, в одном случае с незначительным отклонением на юг. Глубина захоронения составляла 0,79–0,80 м. По данным антропологической экспертизы, проведенной О. А. Емельянчик, один костяк принадлежал ребенку 3–4 лет. В этом погребении выявлены следы древесины и гвозди от гроба. Три погребения принадлежали мужчинам в возрасте 18–20, 30–40 и 40–50 лет. Руки умерших в двух мужских погребениях были сложены на животе, в остальных случаях положение рук проследить не удалось из-за плохой сохранности скелета.

Два грунтовых погребения с каменными надмогильными конструкциями возле д. Долгое Глубокского района были исследованы в 2010 г. В. В. Черевко. Одно погребение было промаркировано крупным валунным камнем с восточной и камнем меньшего размера с западной стороны. Между ними в один слой лежали камни меньшего размера, образующие сплошную вымостку. В центре размещались более крупные, по краям – более мелкие камни. Второе погребение было обозначено каменным крестом с восточной стороны. Основание креста было обложено камнями с целью укрепления. На кресте был высечен знак – крест с полусферой. Помимо этого, конструкция включала обкладку могилы по периметру. Под камнями, которые окружали крест, был найден развал горшка XV–XVI вв. Погребения были ориентированы головой на запад. Глубина залегания составила 0,95–1,02 м. В одном случае был прослежен древесный тлен от гроба. По результатам антропологической экспертизы, проведенной О. А. Емельянчик, первое погребение принадлежало женщине в возрасте 20–30 лет. Плохая сохранность костяка второго погребения позволила определить лишь прижизненный возраст, который составлял 20–40 лет. Положение рук также не удалось определить из-за плохой сохранности костяков.

Сложнее зафиксировать и исследовать грунтовые могильники, которые не имеют внешних признаков: насыпей (курганы) или каменных конструкций. Такие могильники также частично изучались в округе Полоцка. Во время раскопок памятника Лучно 1 М. В. Климовым с 1999-го по 2010 г. впервые в округе Полоцка был полностью исследован грунтовый могильник (I), датированный XVI – первой половиной XVII в. Могильник возник на месте феодальной усадьбы Лучно 1, после прекращения ее существования в первой половине XVI в. Поэтому часть могильных ям наложилась на хозяйственные ямы бывшего поселения. Такая же ситуация с наложением могильника на более ранний план материковых ям поселения известна и на других памятниках. На данном могильнике было исследовано 17 погребений. Ни в одном из них не зафиксировано вещей бытового характера и металлических крестиков. На бедность погребенных указывает и отсутствие у 7 из 17 погребений гробов или следов гробов. В тех случаях, когда следы гробов были обнаружены, фиксировались гвозди. У одного из погребенных под головой был положен кирпич, 16 погребений имели традиционную ориентировку головой на запад с небольшими отклонениями. Лишь одно погребение было ориентировано головой на север. Глубина погребальных ям колебалась от 0,4 до 0,5 м от уровня дневной поверхности. В могильнике были зафиксированы скелеты, относящиеся к различным половозрастным

категориям: мужчины в возрасте 40–50 лет и более; некоторые мужчины в возрасте менее 40 лет; женщины в возрасте от 20–30 до 50–60 лет и дети. Черты погребений этого могильника характерны и для могильников данного периода в других регионах.

Грунтовые погребения без следов надмогильных сооружений были выявлены и исследованы З. А. Харитонович в 2008 г. на кладбище возле деревни Старый Лепель Лепельского района [Харитонович, 2011, с. 300]. Было вскрыто 7 погребений, в том числе 6 целых и одно нарушенное. Глубина залегания скелетов составляла 0,3–0,4 м. Костяки имели западную ориентировку с отклонениями в двух случаях на север и в одном – на юг. Около двух погребений были найдены гвозди и скобы от гроба. У ног одного костяка зафиксирована монета солид 1499–1506 гг. По данным антропологической экспертизы О. А. Емельянчик два костяка принадлежали мужчинам (20–30 и 50–60 лет), два костяка – женщинам (около 20 и 30–40 лет), три – детям (7–8 лет).

При рассмотрении вопроса об инвентаре погребальных памятников Полоцкой округи XIV–XVIII вв. следует учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, это недостаточная изученность погребальных памятников. Во-вторых, существует диспропорция в изученности городских и сельских погребальных памятников. Городские могильники изучены сравнительно лучше, между тем, как количество деревень, так и количество сельского населения (значит, и сельских погребений) в рамках рассматриваемого периода значительно превышало количество городов и городского населения. Кроме того, погребения XIV–XVIII вв. зачастую являются безинвентарными.

Артефакты, найденные в ходе археологического изучения погребальных памятников Полоцкой округи XIV–XVIII вв. и относящиеся к погребальному инвентарю, целесообразно разделить на две группы. К первой относились детали одежды в широком смысле (включая собственно одежду, обувь, головные уборы, детали костюма), а также ювелирные изделия и предметы – маркеры религиозной принадлежности. Наличие в погребениях подобных предметов не противоречит нормам христианской религии. Вторую группу образуют монеты, личные вещи, посуда. Наличие артефактов этой группы указывает на то, что захоронение проводилось не в строгом соответствии христианским канонам.

Наличие головного убора фиксируется на погребальных памятниках возле деревень Путилковичи Ушачского, Перевоз Глубокского и Старый Лепель Лепельского районов [Ляўданскі, 1932, т. 3, с. 234]. Венчик из шелковой ткани с позолоченными бляшками был найден А. Н. Левданским в женском погребении возле д. Путилковичи и датирован XII–XIV вв. Остатки головного убора с серебряными позолоченными бляшками выявлены А. В. Квятковской в погребении около д. Перевоз и датированы XIII–XIV вв. Тесьма из золоченой нити найдена З. А. Харитонович в женском погребении около д. Старый Лепель [Харытановіч, 2011, вып. 20, с. 300]. Единственным погребальным памятником, где был выявлен пояс, является женское курганный погребение около имения Заболотье. Кожаные пояса хорошо

известны по раскопкам городов и являлись обязательным элементом мужского костюма. Только в данном случае пояс был найден в сельской местности и в женском погребении. Пояс был украшен медными накладками [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 365; Сементовский, 1890, вып. 1, с. 27–28]. Украшения представлены двумя перстнями, выявленными в женском погребении. К предметам, имеющим косвенное отношение к христианскому культу, относятся бусы от четок. Бисерные бусы в количестве 116 штук, а также 4 темно-синие, 1 белая и 1 черная бусины были выявлены в детском погребении на могильнике Туржец 2 [Дук, 2008, вып. 15, с. 264]. Монеты – «оболы мертвых» – также встречаются в погребениях рассматриваемого периода. Солид XVI в. был найден в ходе раскопок на могильнике возле д. Старый Лепель. Серебряный полугрош Жигимонта Августа 1562 г. происходил из курганного погребения возле имения Заболотье. Личные вещи среди находок встречаются редко. К ним относится кресало и фрагменты кремня для высекания огня из позднесредневекового кургана возле имения Заболотье. Что касается выявленной керамики, то посуда могла выступать как в роли погребального, так и в роли поминального инвентаря. Решающей, вероятно, следует считать глубину, на которой были найдены фрагменты керамики. Наличие керамики сразу под слоем дерна в погребениях на могильнике около д. Долгое указывает на принадлежность керамики к поминальному инвентарю.

Среди особых находок следует упомянуть артефакт, найденный в детском погребении на могильнике возле д. Ивесь Глубокского района. Он представляет собой миниатюрный, напоминающий маленький меч предмет из металла желтого цвета (меди или бронзы) длиной 4 см и шириной 0,2–0,4 см. Предмет состоял из двух фрагментов, вбитых в дерево гроба. Похожий предмет был выявлен Я. Г. Зверуго при раскопках кладбища возле Борисоглебской церкви в Гродно [Звяруга, 2006, вып. 21, с. 137–147]. Возможно, данный предмет выполнял сакральную функцию.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что в погребальных памятниках XIII–XVIII вв. инвентарь был не значительным, что характерно для объектов данной категории и на других территориях. В сельской округе Полоцка при осуществлении погребального обряда часто использовались камни и каменные кресты. Некоторые из погребений не имели внешних обозначений, что и затрудняет их фиксацию.

Рис. 25. Актовые печати: 1 – князь Изяслав Полоцкий, конец X в. (Новгород); 2 – Евфросинья Полоцкая, XII в. (Новгород, 1968 г.); 3 – Симеон, епископ полоцкий, тверской, умерший в 1289 г.; 4 – епископ Дионисий, умерший в 1183 г. (Новгород, 1954 г.); 5 – княгиня София Полоцкая, XII в. (Новгород, до 1906 г.; Кокнесе, 1962 г.); 6 – епископ Мина, начало XII в. (с. Янчин Львовской обл., 1909 г.)

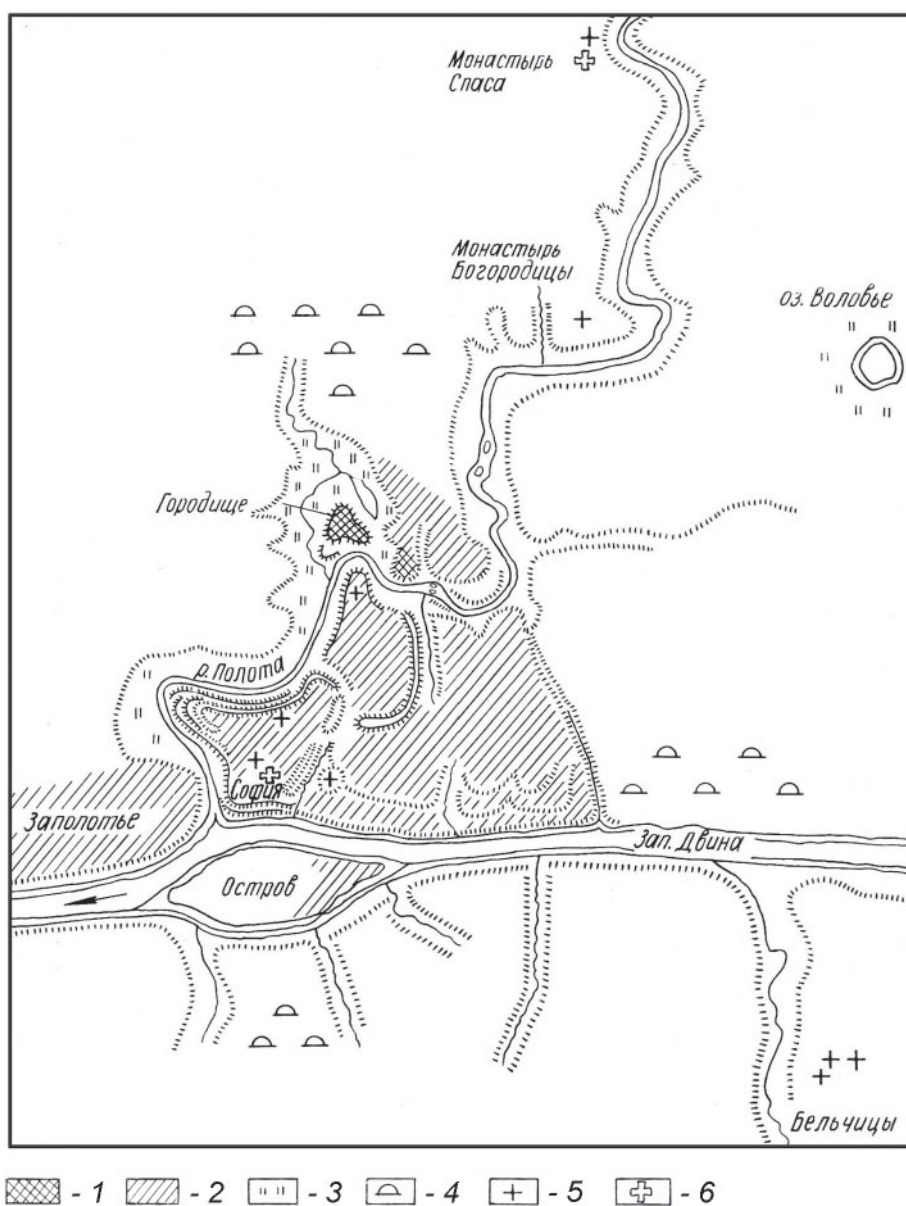

Рис. 26. Территория древнего Полоцка: 1 – древнейшие поселения IX – начала X в.; 2 – город в XI–XIII вв.; 3 – луг; 4 – предполагаемое местоположение курганных могильников; 5 – местонахождение фундаментов церквей или завалов древних строительных материалов; 6 – существующие церкви XI–XII вв. Реконструкция Г. В. Штыхова

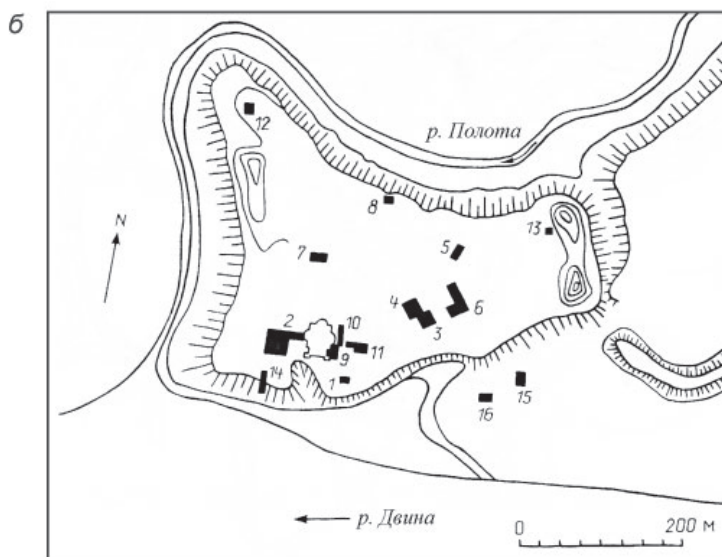
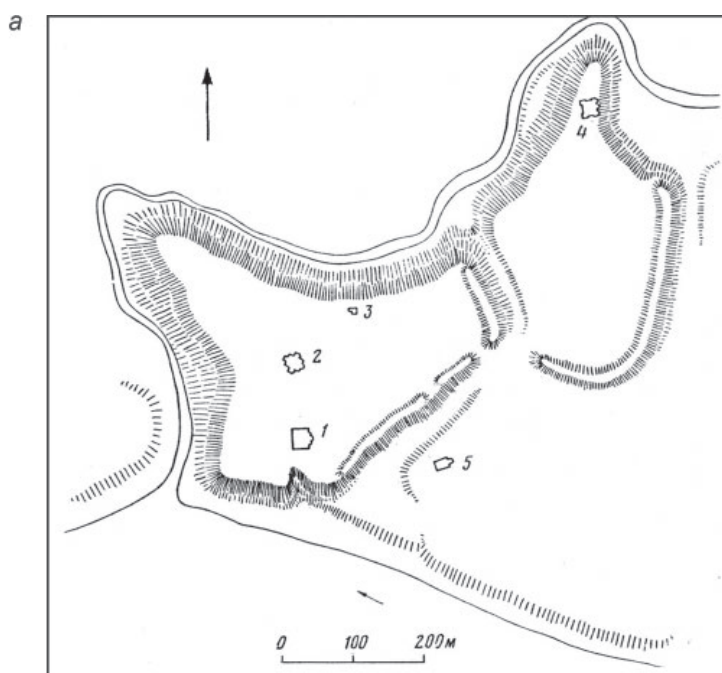

Рис. 27. Расположение в центральной части Полоцка: *а* – памятников монументального зодчества: 1 – Софийского кафедрального собора; 2 – церкви на Верхнем замке; 3 – терема; 4 – церкви на Нижнем замке; 5 – церкви на рву (по П. А. Раппопорту); *б* – раскопов: 1 – 1928 г.; 2 – 1958; 3 – 1959–1960; 4 – 1961–1962; 5–7 – 1967; 8 – 1977–1978; 9 – 1978–1979; 10 – 1977 – 1979; 11 – 1980; 12 – 1979; 13, 14 – 1989; 15 – 1961–1977; 16 – 1990 г. (по С. В. Тарасову)

Рис. 28. Жилище (сруб 7М) ремесленника 40-х годов XIII в. Исследования Г. В. Штыхова

Рис. 29. Верхний замок Полоцка (вид с юго-востока). Восточный раскоп III. Строительный горизонт 7. Исследования Г. В. Штыхова. 1961 г.

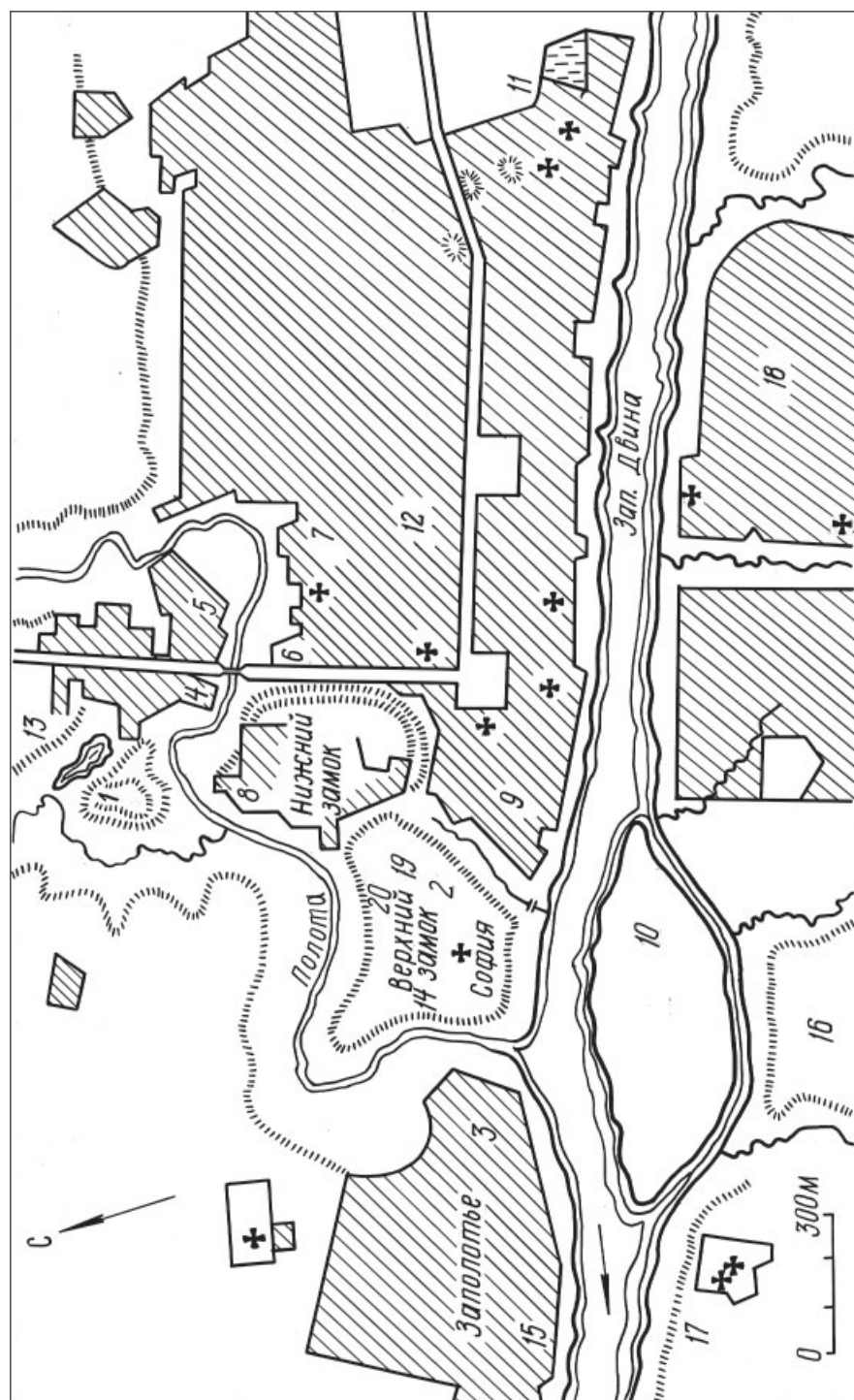

Рис. 30. Схема (в черте г. Полоцка первой половины XIX в.) расположения мест археологических исследований в 1959–1968 гг. [Штыхов, 1975]

Рис. 31. Постройки. Верхний замок. Раскоп I. Строительный ярус II. Исследования М. К. Каргера. 1957 г.

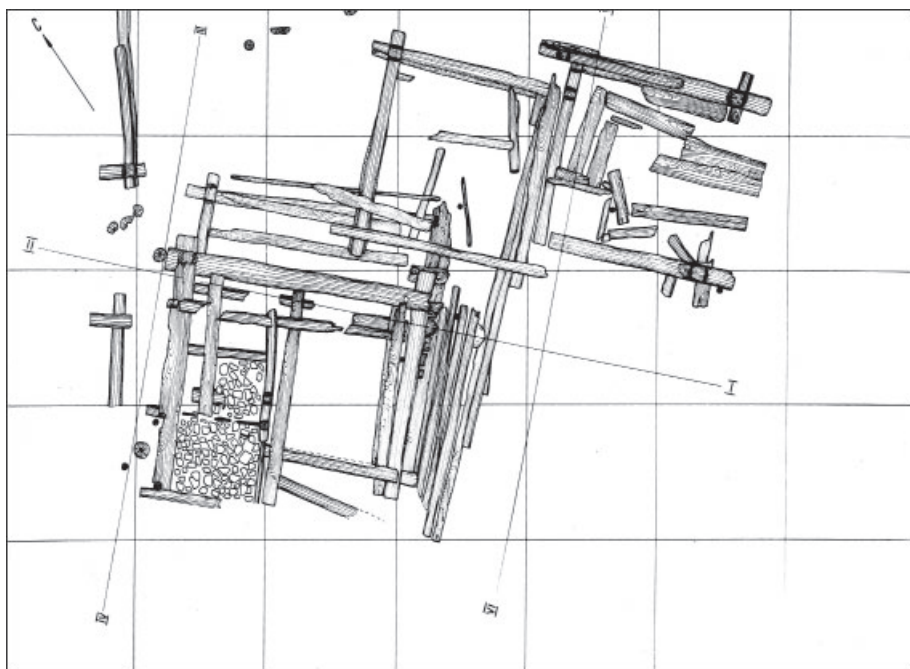

Рис. 32. План строений. Верхний замок. Раскоп I. Строительный ярус III. Исследования М. К. Каргера. 1957 г.

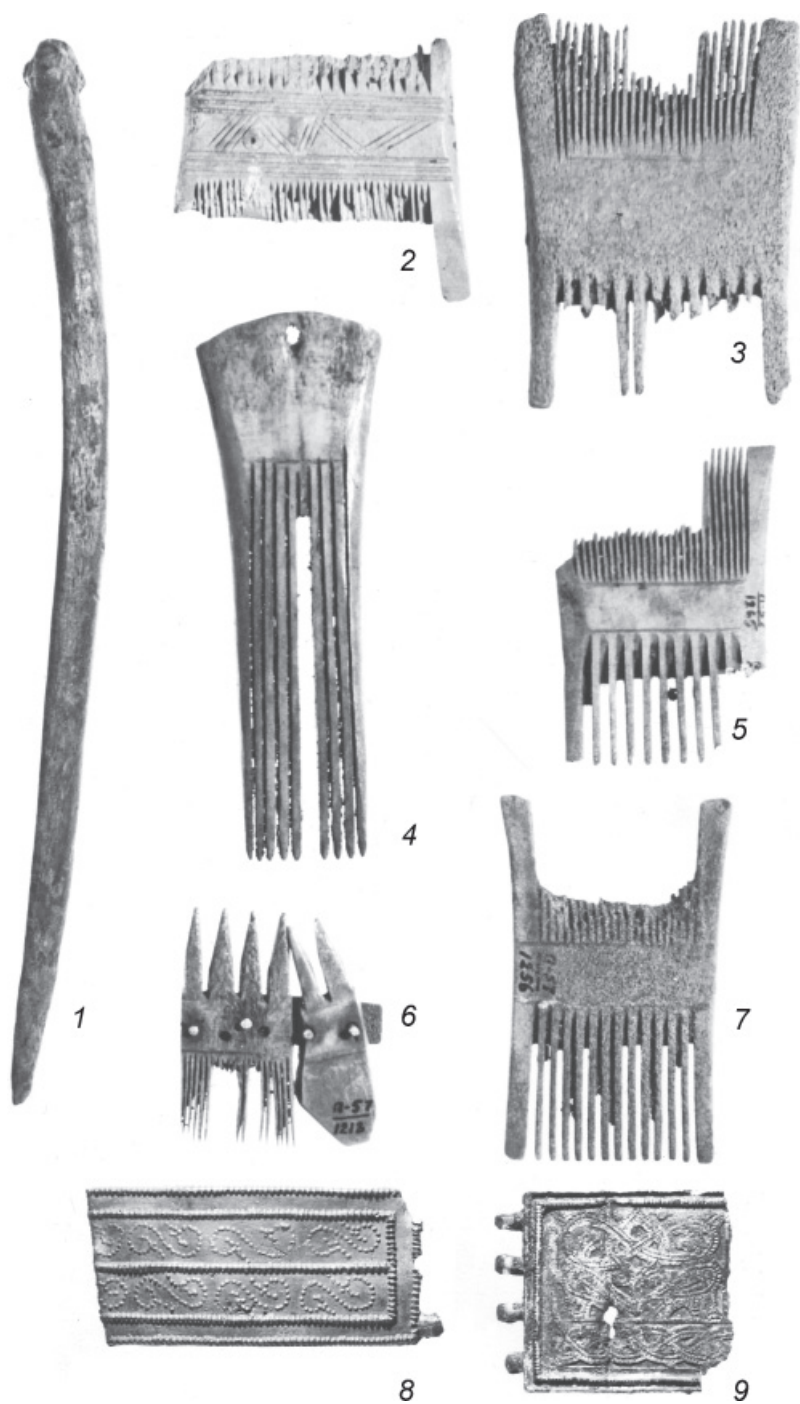

Рис. 33. Изделия из кости (1–7), серебряные составные браслеты – наручни (8, 9).
Верхний замок. Раскоп I. Исследования М. К. Каргера. 1957 г.

Рис. 34. Раскоп возле Софийского собора. Верхний замок. Раскопки А. Г. Митрофанова. 1958 г.

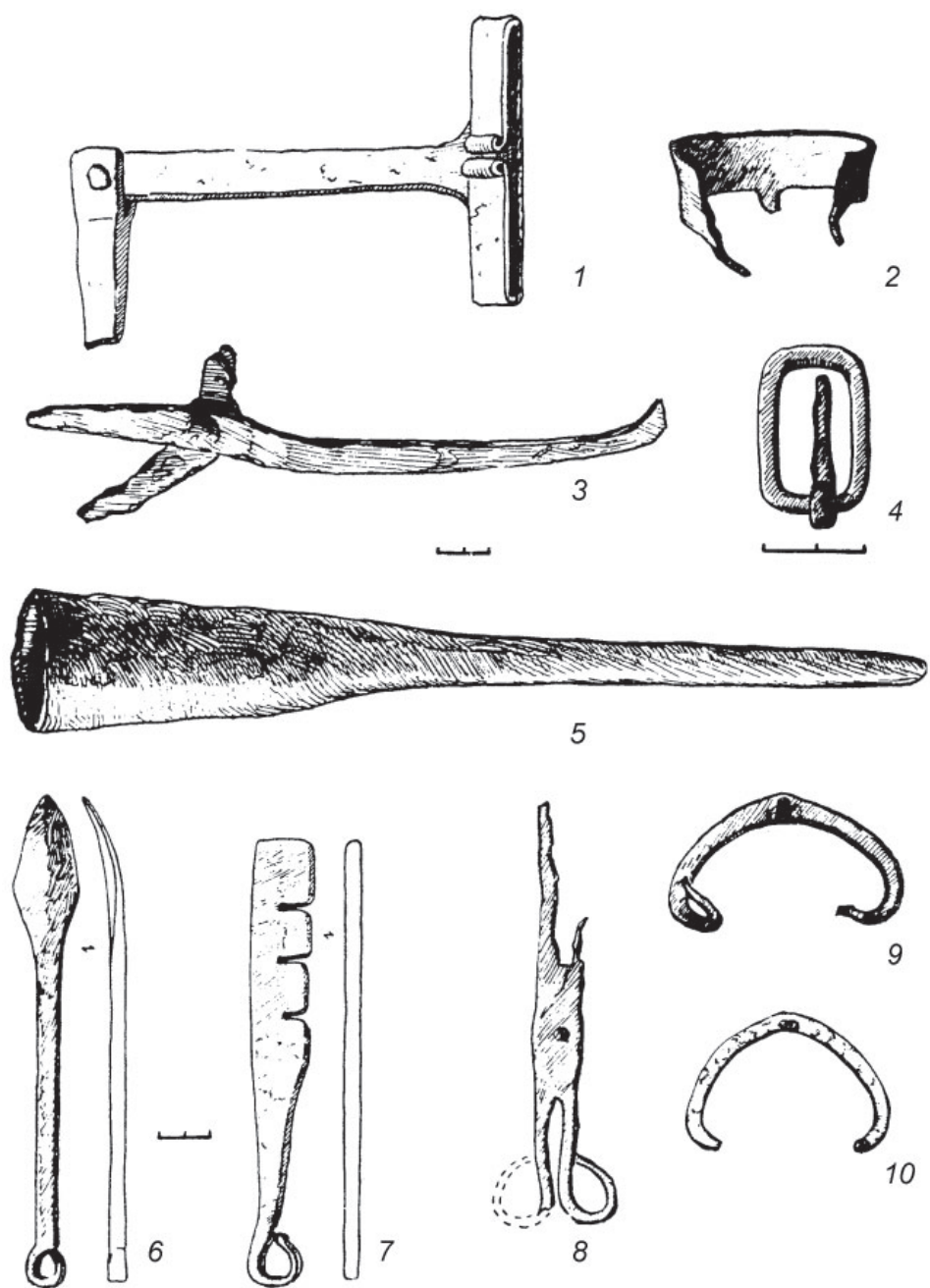

Рис. 35. Изделия из железа XVI-XVIII вв.: 1 – светец; 2, 9, 10 – обувные подковки; 3, 8 – ножницы; 5 – вток копья; 4 – пряжка; 6 – резец; 7 – слесарный инструмент для заточки пилы. Верхний замок. Раскопки А. Г. Митрофанова

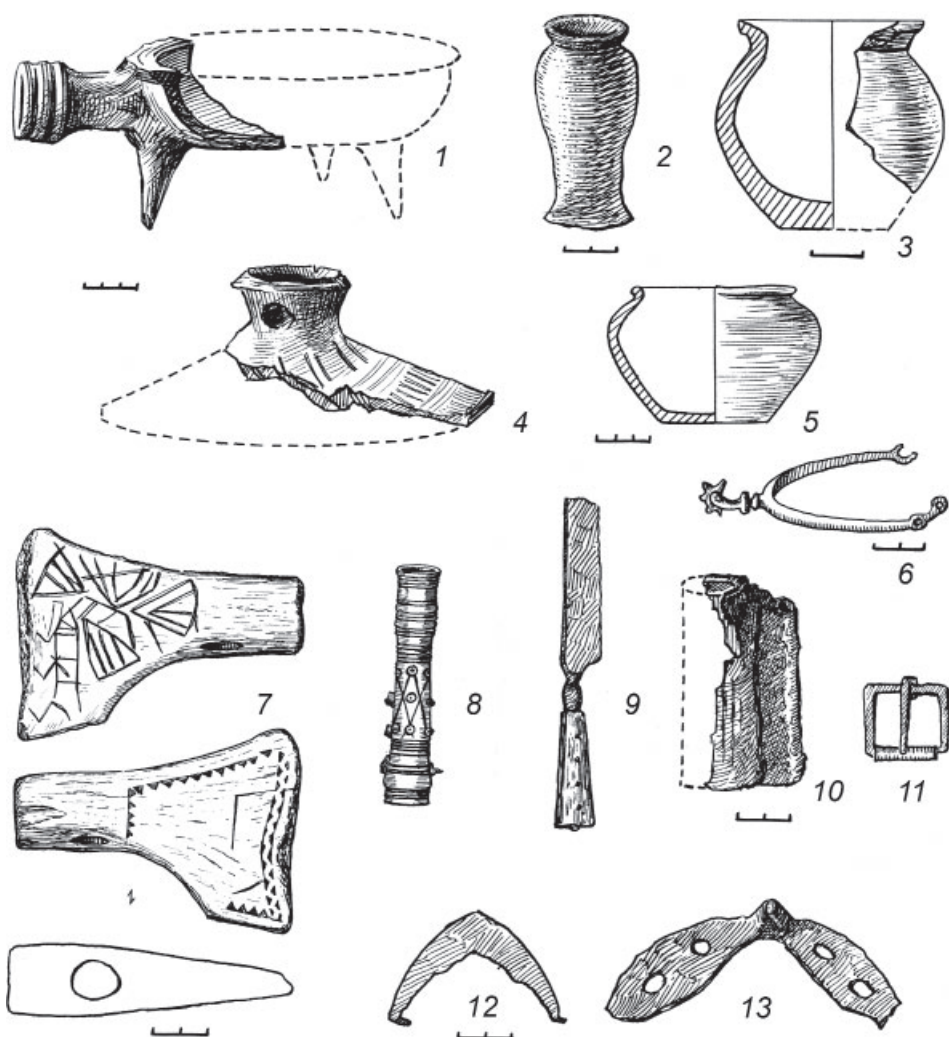

Рис. 36. Предметы XII–XVIII вв.: 1 – банка; 2 – сосудик для парфюма; 3 – горшочек для специй; 4 – крышка; 5 – горшок; 6 – шпора; 7 – ритуальный топор; 8 – игольница; 9 – нож; 10 – замок; 11 – пряжка; 12 – подковка на каблук; 13 – подкова для быка; 1–5 глина; 6, 9–13 – металл; 7, 8 – кость. Верхний замок. Раскопки А. Г. Митрофанова

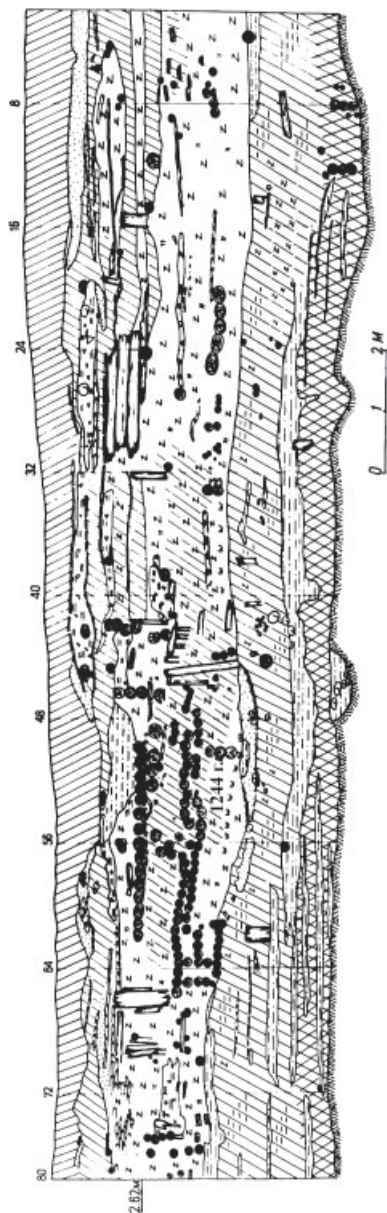

Рис. 37. Восточный профиль раскопа II: 1 – верхний слой балласта и серой земли; 2 – черный слой; 3 – щепа и навоз (слой дерева XIII в.); 4 – дерево; 5 – обожженная глина; 6 – глина; 7 – деревянная труха; 8 – песок; 9 – нижний темный слой; 10 – камни; 11 – материк. Верхний замок. Исследования Г. В. Штыхова. 1960 г.

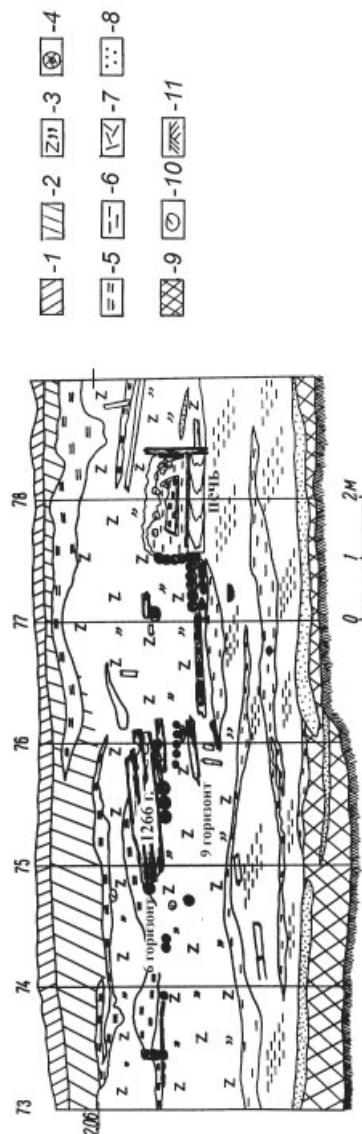

Рис. 38. Северный профиль раскопа I: 1 – верхний слой балласта и серой земли; 2 – черный слой; 3 – щепа и навоз (слой дерева XIII в.); 4 – дерево; 5 – обожженная глина; 6 – глина; 7 – деревянная труха; 8 – песок; 9 – нижний темный слой; 10 – камни; 11 – материк. Верхний замок. Исследования Г. В. Штыхова. 1960 г.

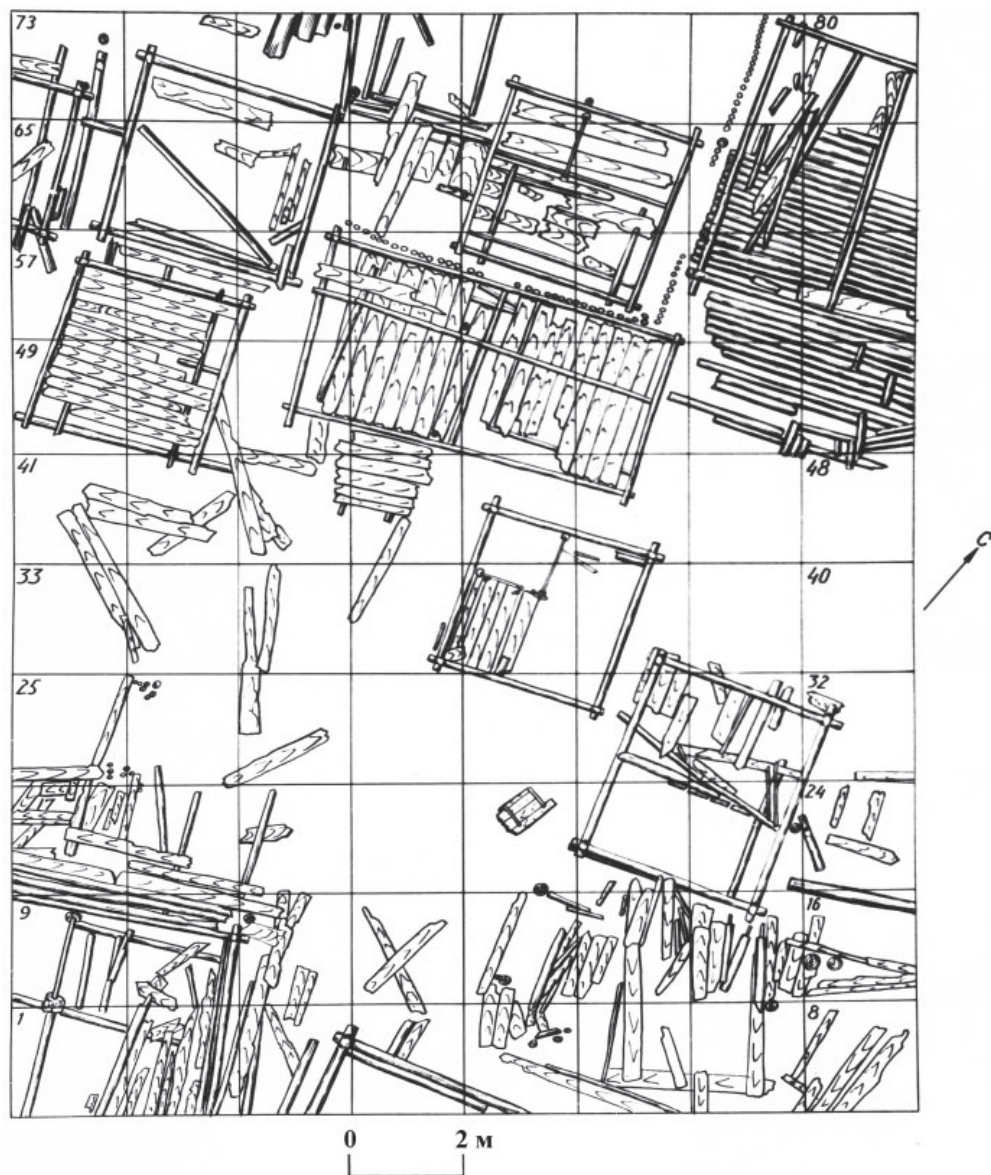

Рис. 39. План строительного горизонта VII. Раскоп II. Верхний замок. Исследования Г. В. Штыхова. 1960 г.

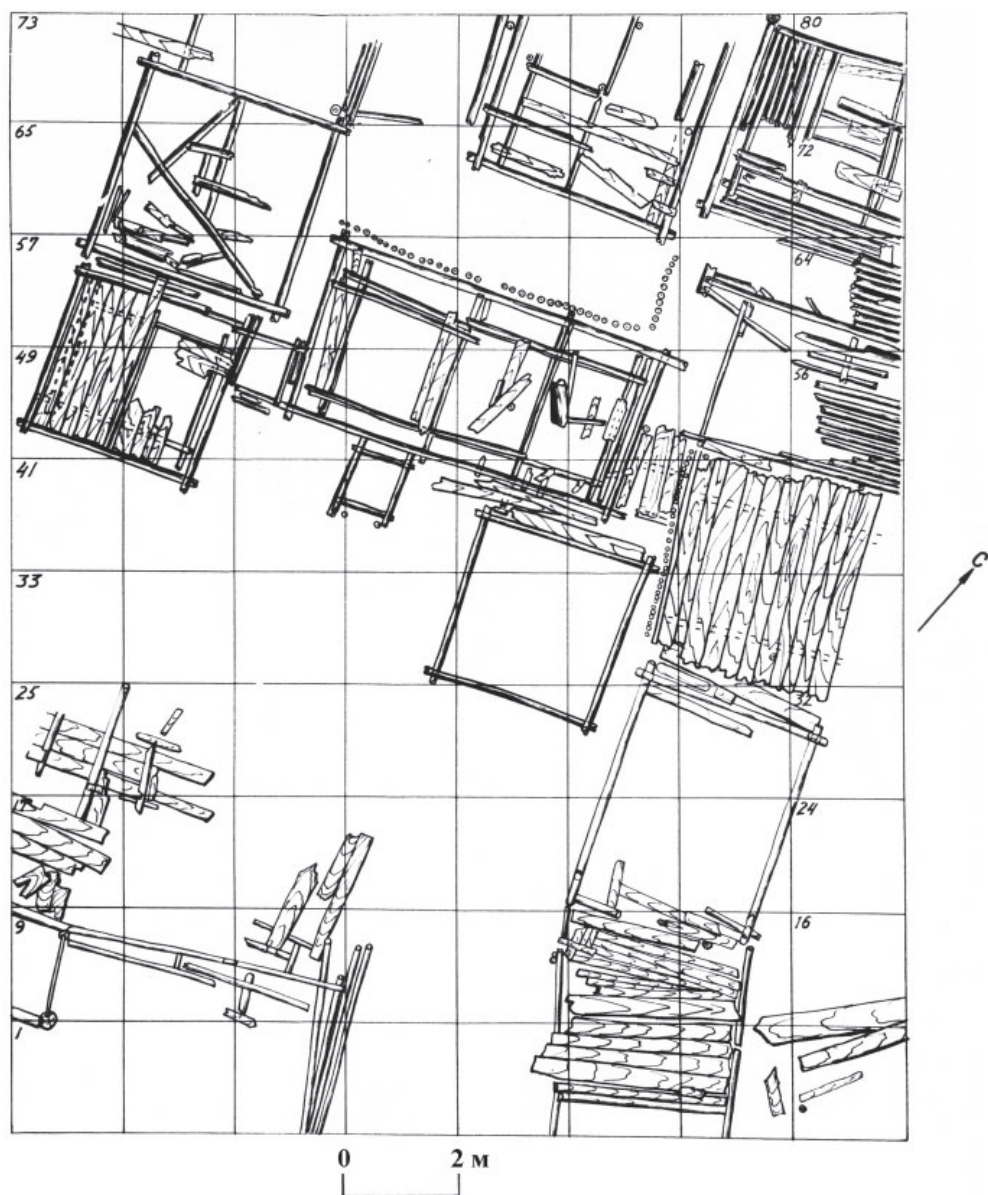

Рис. 40. План строительного горизонта VIII. Раскоп II. Верхний замок. Исследования Г. В. Штыхова, 1960 г.

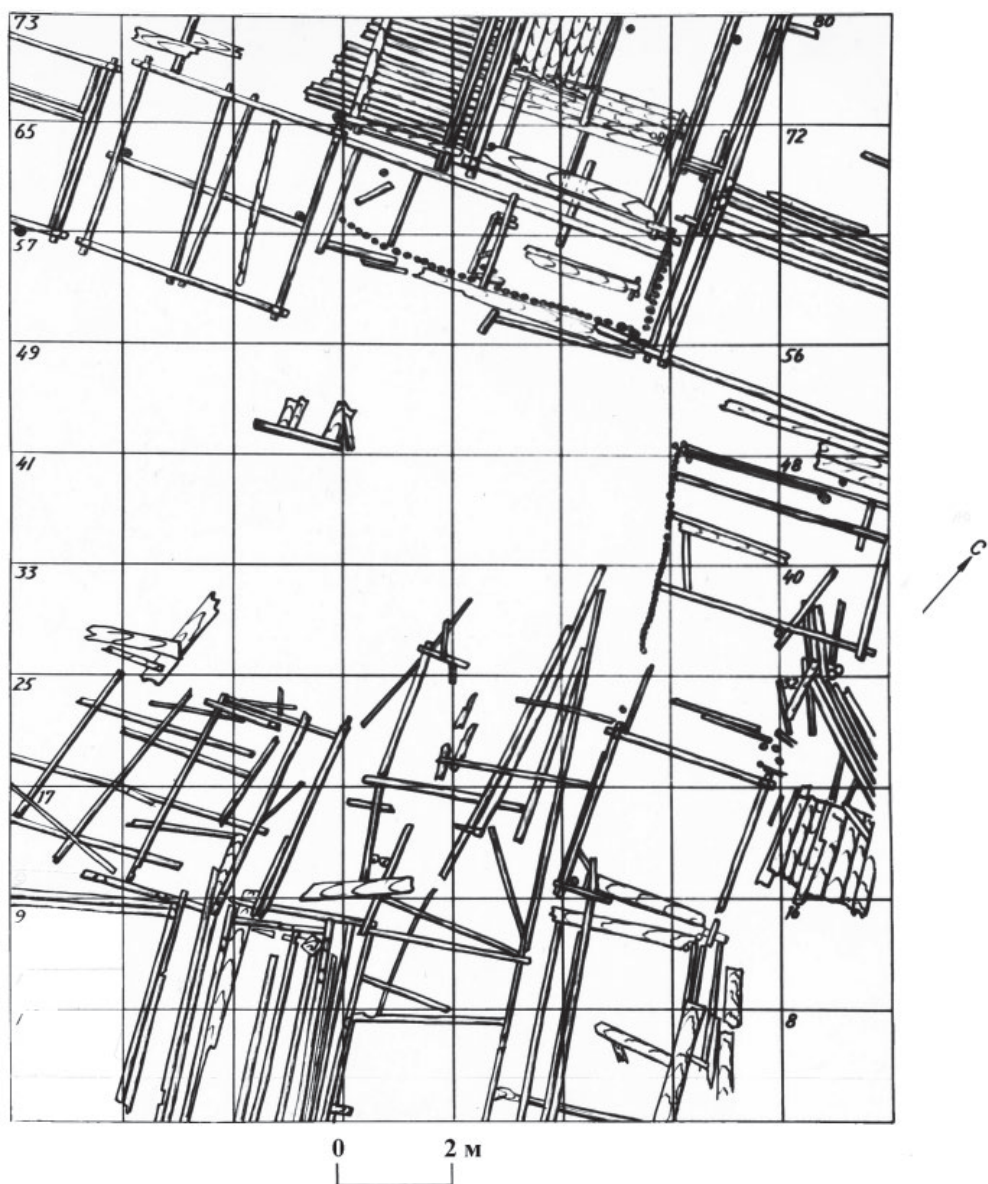

Рис. 41. План строительного горизонта IX. Раскоп II. Верхний замок. Исследования Г. В. Штыхова. 1960 г.

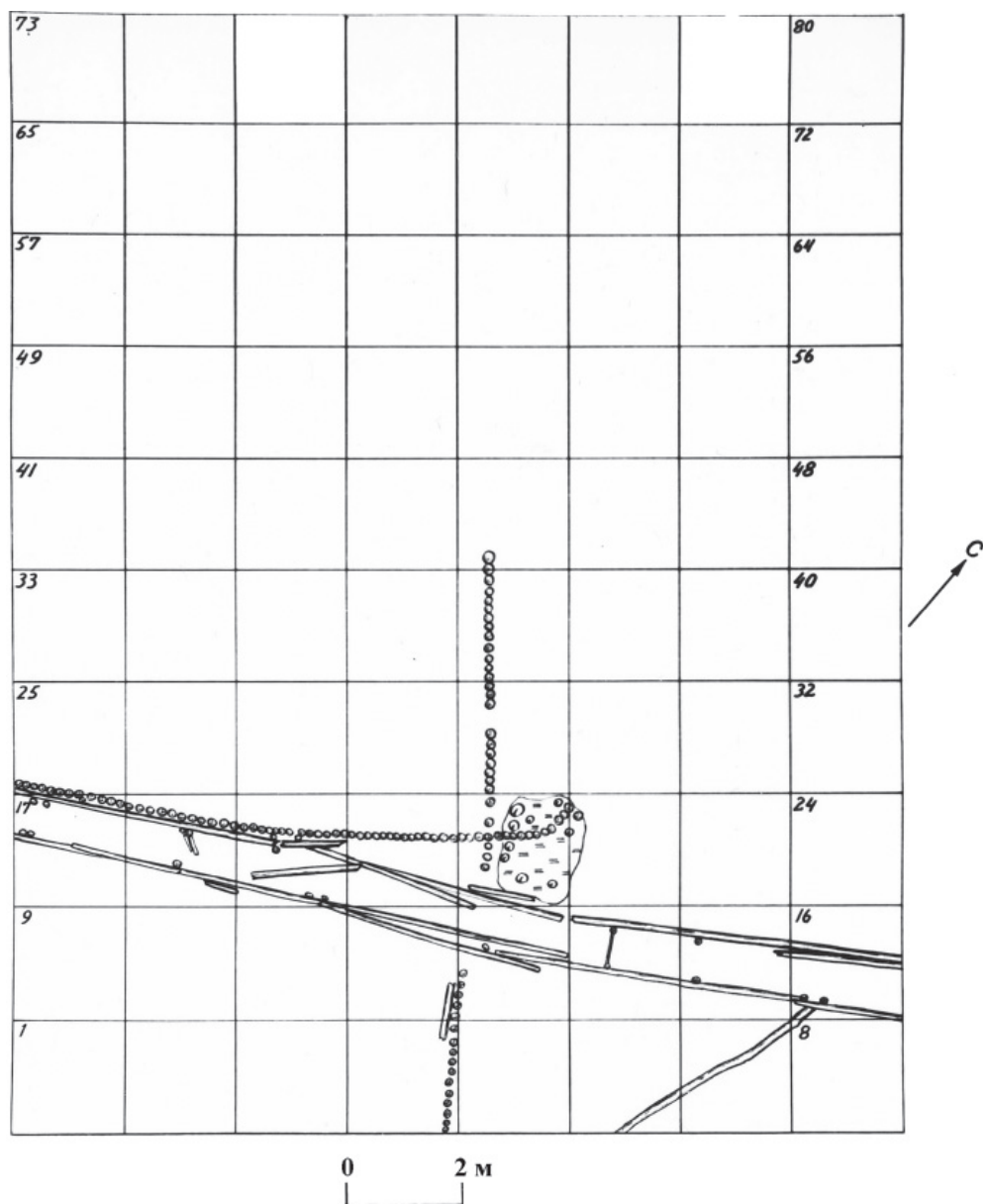

Рис. 42. План строительного горизонта XIII. Раскоп II. Верхний замок. Исследования Г. В. Штыхова, 1960 г.

Рис. 43. Съемки раскопа. Верхний замок. Раскопки Г. В. Штыхова. 1962 г.

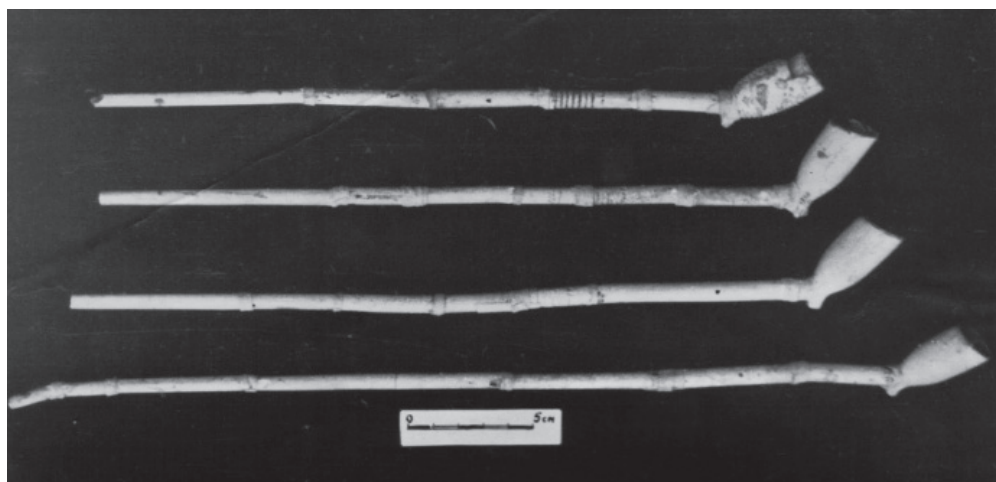

Рис. 44. Глиняные голландские курительные трубки XVI – начала XVII в. Раскопки А. Г. Митрофанова. 1958 г.

Рис. 45. Изделия из цветных металлов (1–6) и железа (7–16). Раскоп III. Верхний замок.
Исследования Г. В. Штыхова. 1962 г.

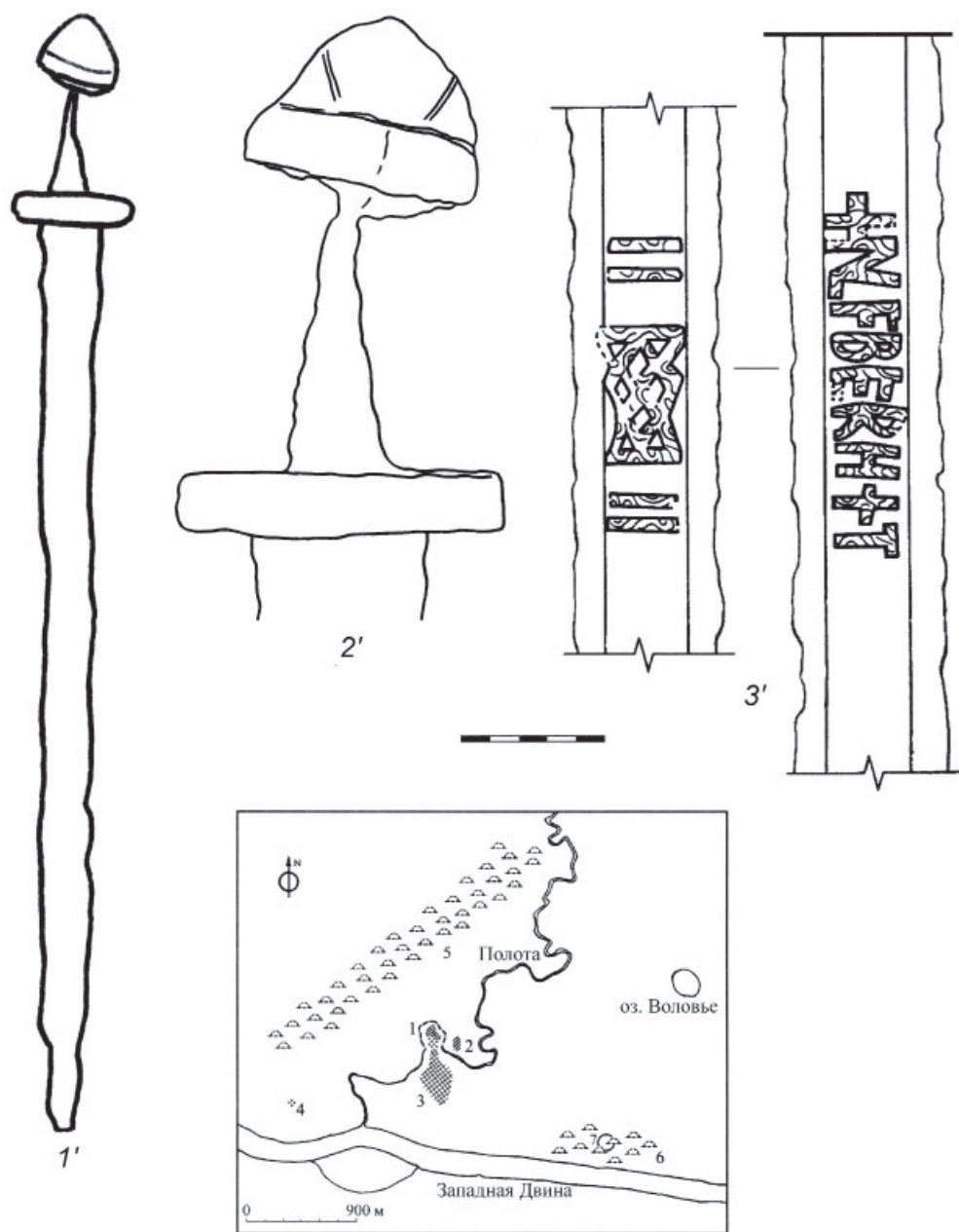
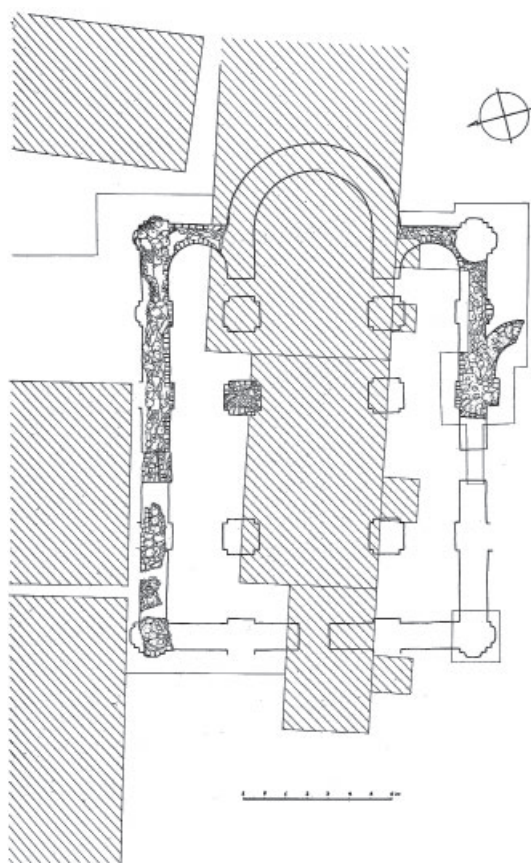

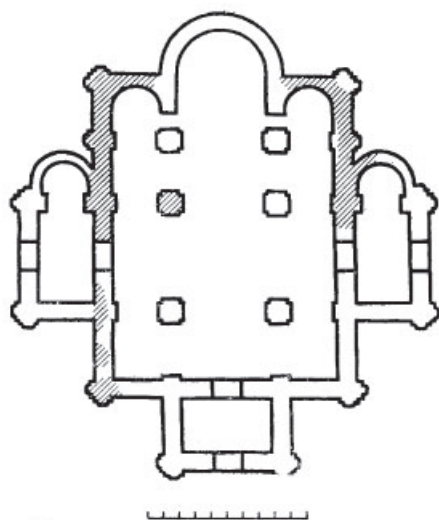
Рис. 46. План размещения древнейших поселений и могильников (по Н. А. Плавинскому): 1 – городище; 2 – селище у Красного моста; 3 – селище на Нижнем замке; 4 – Заполотье; 5 – северный курганный могильник; 6 – восточный курганный могильник; 7 – место находки каролингского меча середины X в. (1'–3' – детали меча)

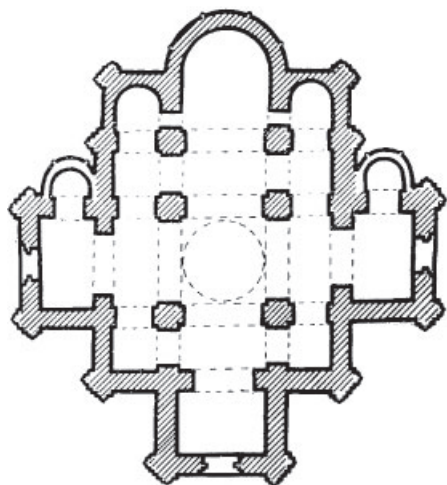
Рис. 47. Размещение на плане Полоцка языческих курганов \blacktriangle и христианских кладбищ \oplus (по Д. В. Дуку): 1 – кладбище XVII–XVIII вв. на городище; 2 – кладбище XVI в. на Нижнем замке; 3 – погребения в Софийском соборе и около него; 4 – погребения у церкви Рождества Христова; 5 – кладбище на Острове; 6 – кладбище возле Иезуитского коллегиума; 7 – кладбище Богоявленского монастыря; 8 – погребения Доминиканского монастыря; 9, 10 – погребения в Заполотье; 11, 14, 17 – еврейские кладбища; 12 – Михайловский могильник; 13 – кладбище у Свято-Покровской церкви; 15 – Ксаверьевское кладбище; 16 – погребения в Свято-Евфросиньевском монастыре; 18 – кладбище Кривцова посада; 19 – кладбище Батарей; 20 – кладбище у церкви св. Николая; 21 – кладбище у церкви св. Георгия; 22 – погребения в храмах Борисоглебского монастыря

a

б

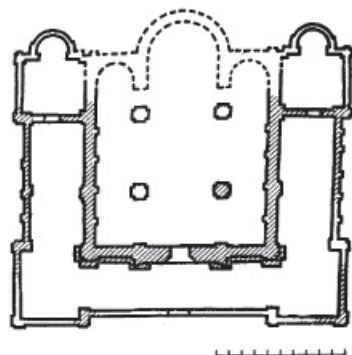
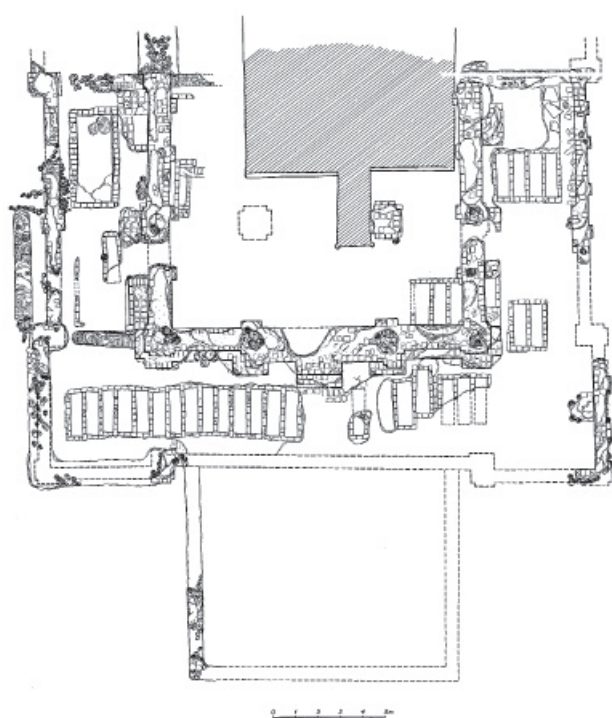

в

Рис. 48. Раскопки княжеской церкви на Верхнем замке Полоцка, вторая половина XII в. (по М. К. Каргеру) (*a*); реконструкция храма (*б*); план церкви Архангела Михаила в Смоленске, конец XII в. (*в*)

a

б

б

Рис. 49. Храм-усыпальница полоцких епископов: *a* – фото; *б* – план раскопанной части; *в* – реконструкция. Первая половина XII в. Сельцо. Раскопки М. К. Каргера

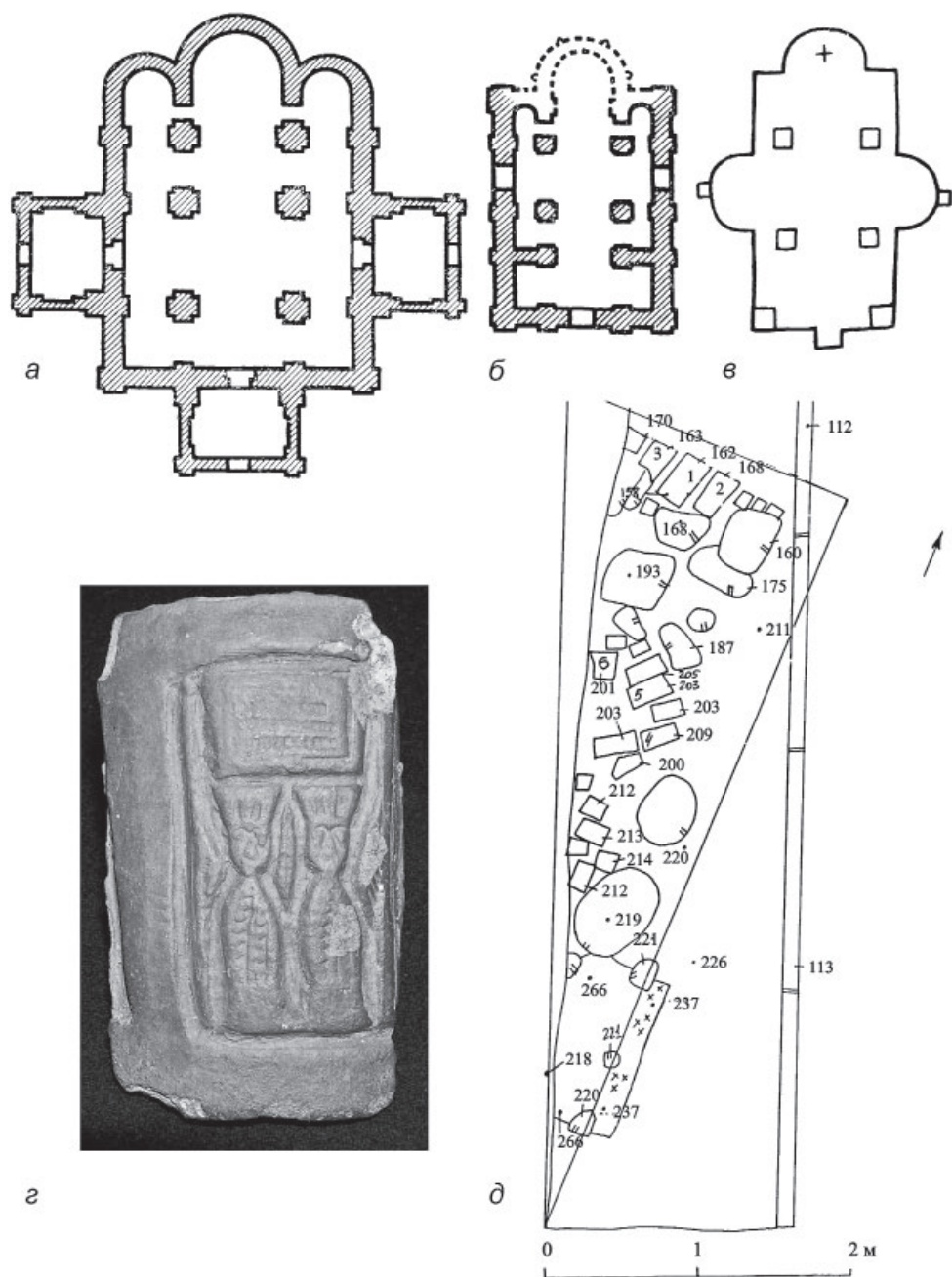

Рис. 50. Бельчицкий Борисоглебский монастырь: *а* – Большой собор Бельчицкого монастыря (план), 1120-е годы; *б* – Борисоглебская церковь (план), вторая четверть XII в.; *в* – храм-триконх Бельчицкого монастыря (план), XII–XIII вв.; *г* – чернильница с изображением св. Бориса и Глеба с территории Бельчицкого Борисоглебского монастыря; *д* – фрагмент стены Борисоглебской церкви Бельчицкого монастыря в строительной траншее, 2003 г.

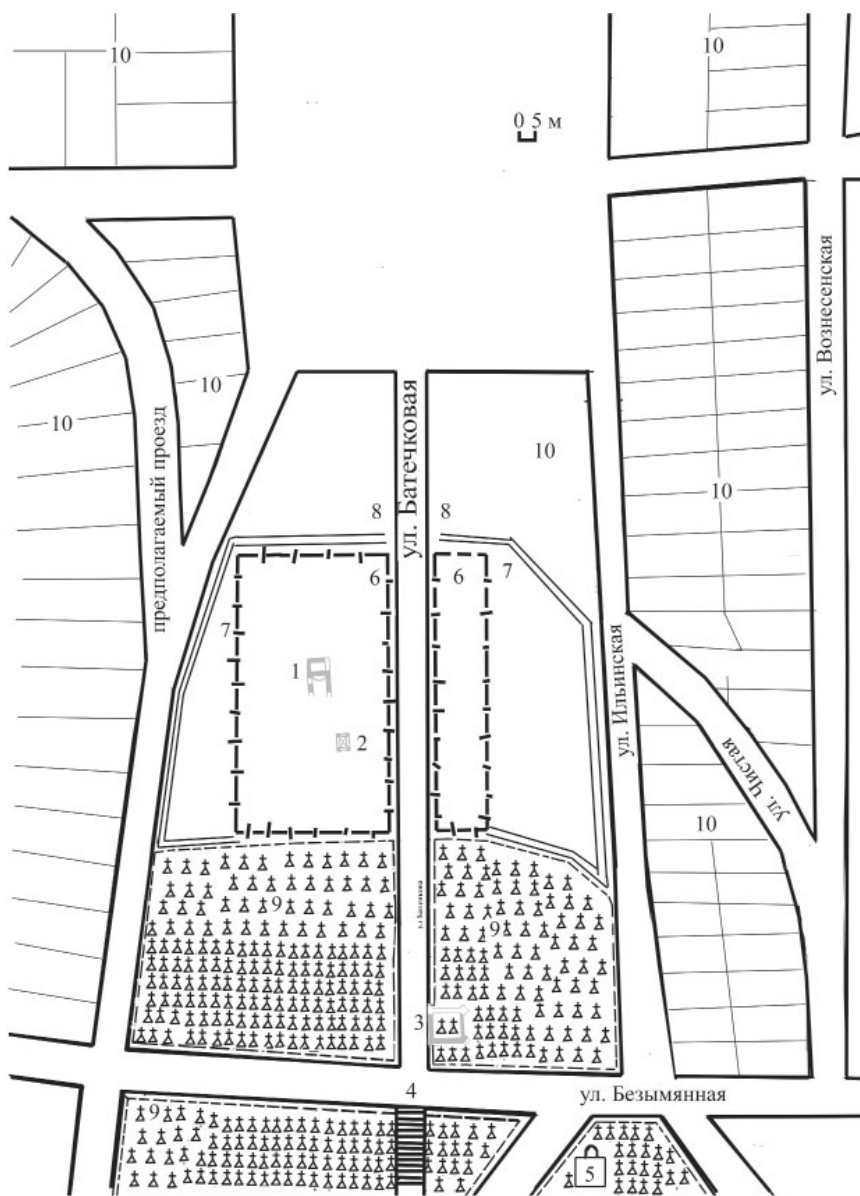

Рис. 51. Реконструкция территории коллегіума на период между 1581–1654 гг., проведенная на основе археологических наблюдений 2003–2010 гг.: 1 – кирпичные конструкции (стены и часть свода), построенные между 1643–1654 гг.; 2 – помещение с крестовым сводом, построенное между 1643–1654 гг.; 3 – фундамент костела св. Казимира (?), построенный между 1643–1654 гг.; 4 – мост к воротам Королевской башни Верхнего замка; 5 – «храм на рву» (известный как церковь Рождества Христова); 6 – предполагаемая первоначальная территория, занятая застройкой коллегіума; 7 – предполагаемая первоначальная территория коллегіума; 8 – территория рынка, позднее присоединенная иезуитами к коллегіуму; 9 – примерные очертания территории Никольского (?) кладбища на середину XVII в.; 10 – жилые кварталы

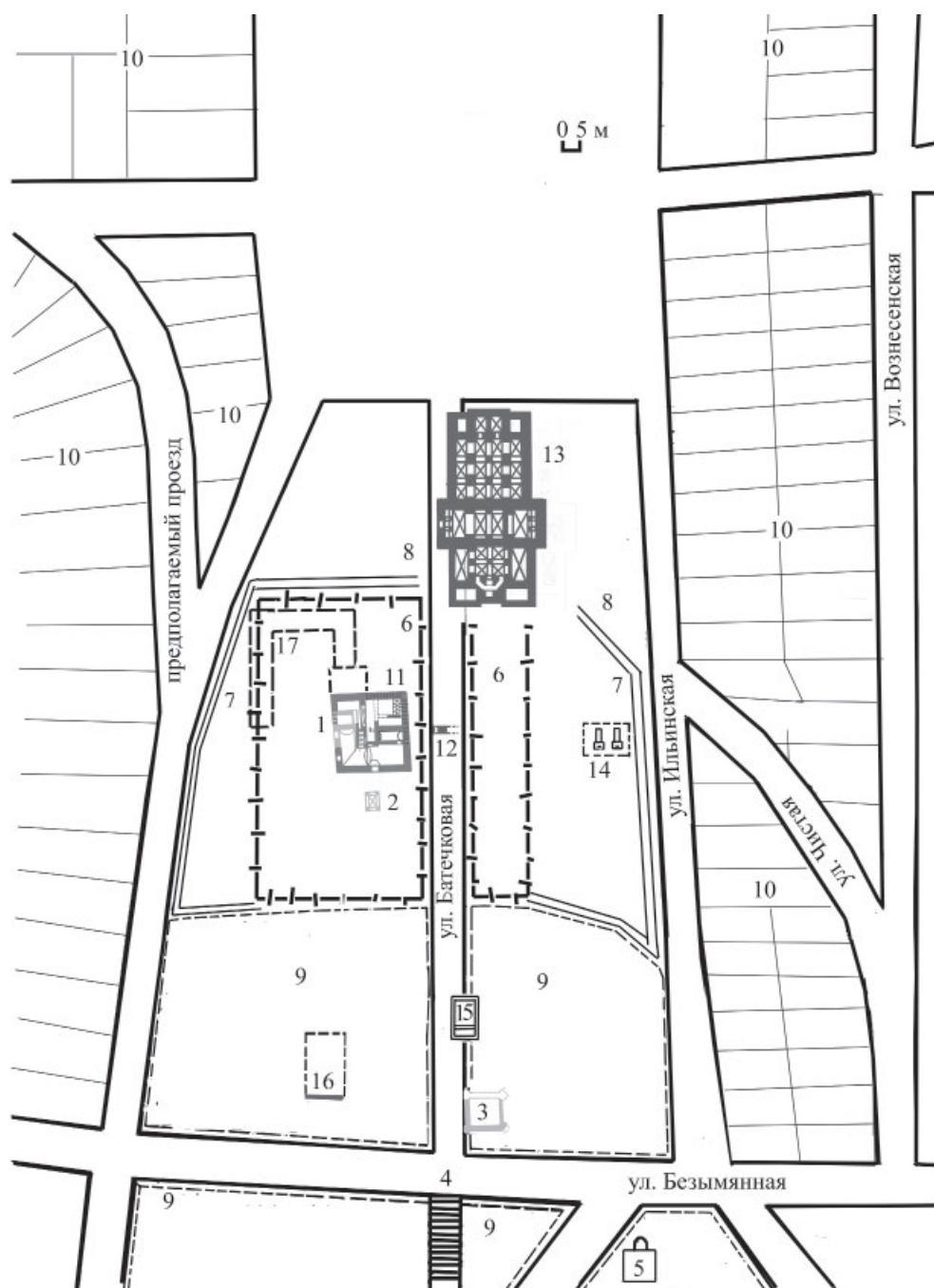

Рис. 52. Реконструкция территории коллегиума на период 1667–1750 гг. на основе археологических наблюдений: 1 – ранние кирпичные конструкции (стены и часть свода), включенные в состав зданий «скромного коллегиума»; 2 – подвал с крестовым сводом (использован для строительства башни); 3 – остатки костела; 4 – мост к воротам Королевской башни Верхнего замка; 5 – остатки «храма на рву»; 6 – территория, где было расположено большинство построек «скромного коллегиума»; 7 – территория, занятая коллегиумом; 8 – территория рынка, позднее присоединенная иезуитами к коллегиуму; 9 – территория кладбища, теперь частично заброшенного; 10 – жилые кварталы; 11 – каменное здание коллегиума, возведенного после 1682 г., а позднее перестроенного между 1720 и 1750 г.; 12 – фундамент столба от ворот (?); 13 – костел св. Стефана, построенный в 1734–1745 гг.; 14 – развалы печей, оставшиеся от деревянной постройки (раскопки Д. В. Дука); 15 – сруб постройки (надзор 2003 и 2010 г. Д. В. Дука); 16 – кирпичный фундамент деревянной постройки конца XVII – начала XVIII в.; 17 – контуры построек, известные по плану Полоцка 1720 г.

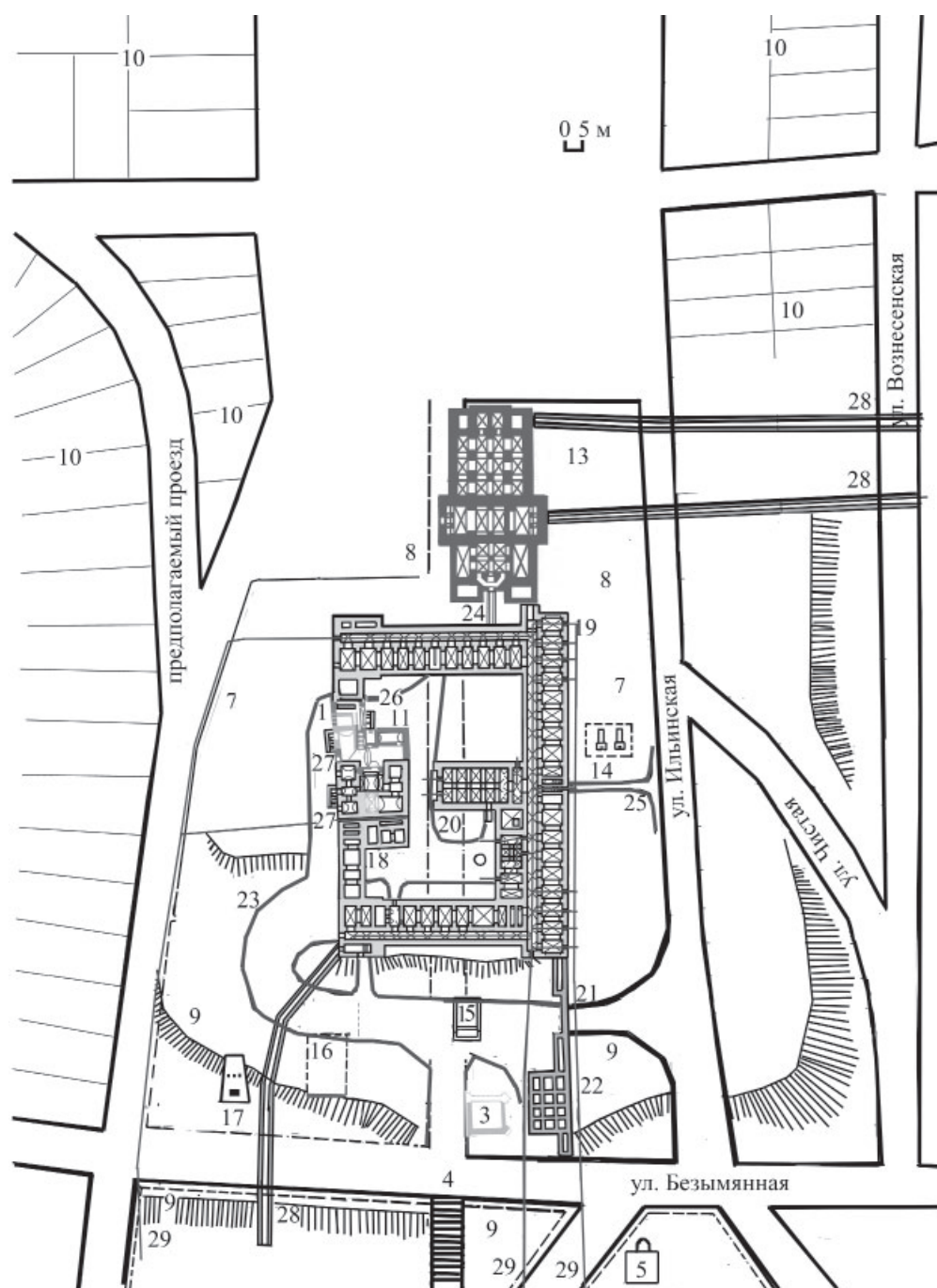

Рис. 53. Реконструкция территории коллегіума на 1750–1773 гг. (по археологическим наблюдениям): 1 – кирпичные конструкции (стены и часть свода), позднее включенные в состав «скромного коллегіума»; 2 – подвал с крестовым сводом, позднее использованный для строительства башни; 3 – остатки костела; 4 – мост к воротам Королевской башни Верхнего замка; 5 – остатки «храма на рву»; 6 – предполагаемая территория, занятая послевоенной застройкой коллегіума; 7 – предполагаемая первоначальная территория коллегіума; 8 – территория рынка, позднее присоединенная иезуитами; 9 – территория бывшего кладбища; 10 – жилые кварталы; 11 – каменное здание «скромного коллегіума», возведенное между 1682 и 1720 г.; 12 – фундамент столба от ворот (?); 13 – костел св. Стефана, построенный в 1734–1745 гг., 14 – развалы печей от деревянной постройки (раскопки Д. В. Дука); 15 – сруб постройки (надзоры Д. В. Дука 2003 и 2010 г.); 16 – фундамент сруба конца XVII – начала XVIII в.; 17 – остатки стекольной гуты (?); 18 – «старый коллегіум» (корпус «В»), построенный в 1750 г.; 19 – главный учебно-жилой корпус, возведенный в 1750 г.; 20 – библиотека и трапезная, возведенные в 1750 г.; 21 – ограда с воротами, возведенная между 1750–1773 гг.; 22 – аптека, возведенная между 1750–1773 гг.; 23 – приблизительные очертания замощенной территории двора; 24 – подземный ход между костелом и корпусом; 25 – главный вход коллегіума; 26 – лестница к тайнику, возведенная в 1750–1773 гг.; 27 – входы в подвал, возведенные в 1750 г.; 28 – канализационные тоннели; 29 – приблизительное расположение труб деревянного дренажа

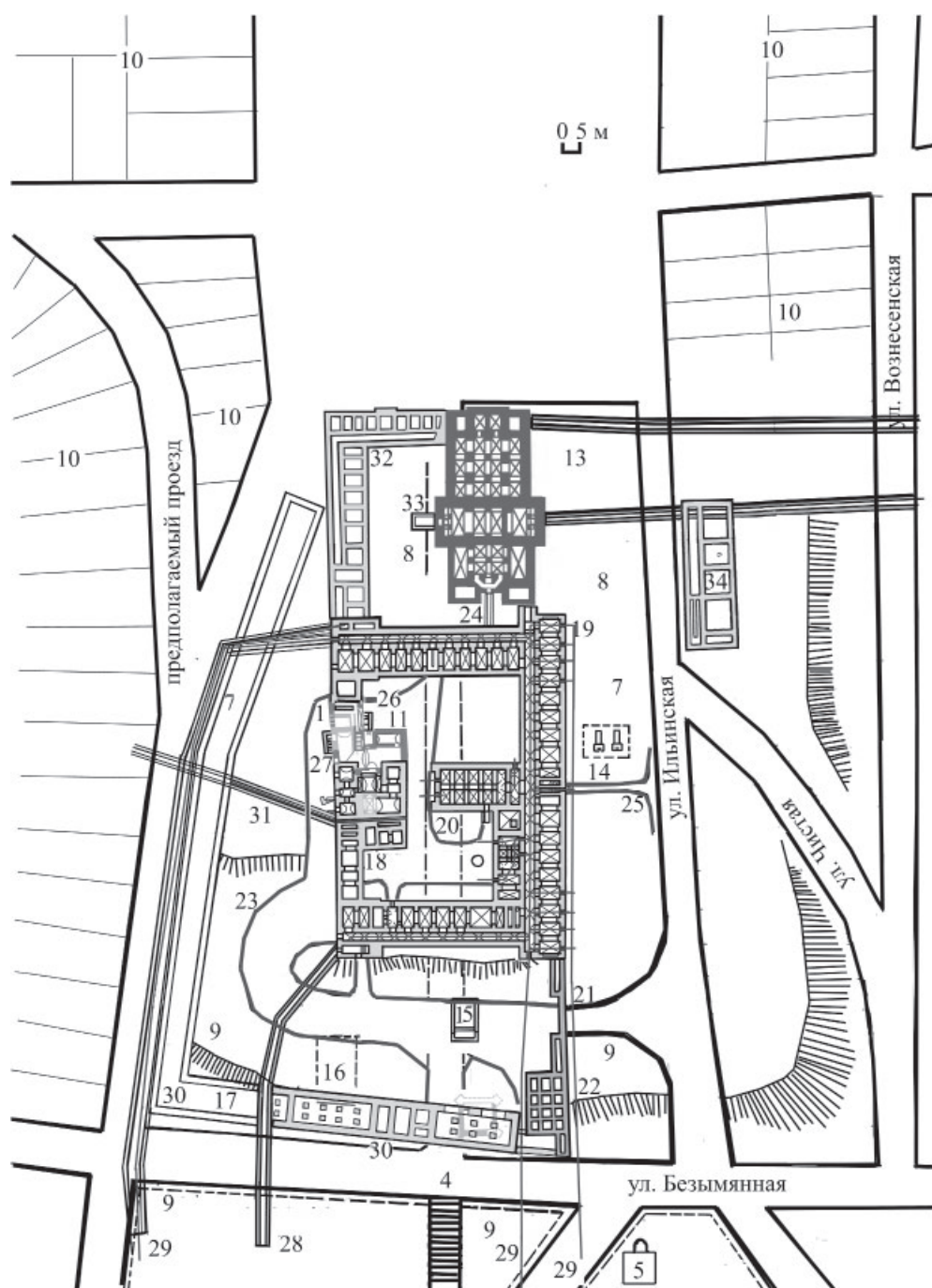

Рис. 54. Реконструкция территории коллегіума на 1773–1780 гг. (по археологическим наблюдениям): 1 – кирпичные конструкции (стены и часть свода) в составе «скромного коллегіума», позднее встроенного в корпус; 2 – подвал с крестовым сводом, использованный для строительства башни, позднее встроенный в корпус; 3 – место костела; 4 – мост к воротам Королевской башни Верхнего замка; 5 – место «храма на рву»; 6 – место, занятое послевоенной застройкой коллегіума; 7 – предполагаемая первоначальная территория коллегіума; 8 – территория рынка, присоединенная иезуитами к коллегіуму; 9 – территория бывшего кладбища; 10 – жилые кварталы; 11 – каменное здание «скромного коллегіума», построенное между 1682 и 1720 г.; 12 – фундамент столба от ворот (?); 13 – костел св. Стефана, построенный в 1734–1745 гг.; 14 – развалы печей деревянной постройки (раскопки Д. В. Дука); 15 – сруб (надзор 2003 и 2010 г. Д. В. Дука); 16 – кирпичный фундамент постройки, конец XVII – начало XVIII в.; 17 – место стекольной гуты; 18 – «старый коллегіум», построенный в 1750 г. (ныне корпус «В»); 19 – главный учебно-жилой корпус, построенный в 1750 г. (корпуса «А», «Г»); 20 – главная библиотека и трапезная, построенные в 1750 г. (корпус «Б»); 21 – ограда с воротами, построенная между 1750–1773 гг.; 22 – аптека, построенная между 1750–1773 гг.; 23 – приблизительные очертания замощенной камнем территории; 24 – подземный ход между костелом и корпусом; 25 – главный вход в коллегіум; 26 – лестница к тайнику, построенная в 1750–1773 гг.; 27 – входы в подвал, сделанные в 1750 г.; 28 – канализационные тоннели и ходы; 29 – приблизительное расположение деревянных труб дренажа; 30 – производственный комплекс, построенный к 1780 г.; 31 – канализационный тоннель пекарни, построенный после 1773 г.; 32 – пансионат, построенный к 1780 г.; 33 – тайник под костелом; 34 – корпус театра

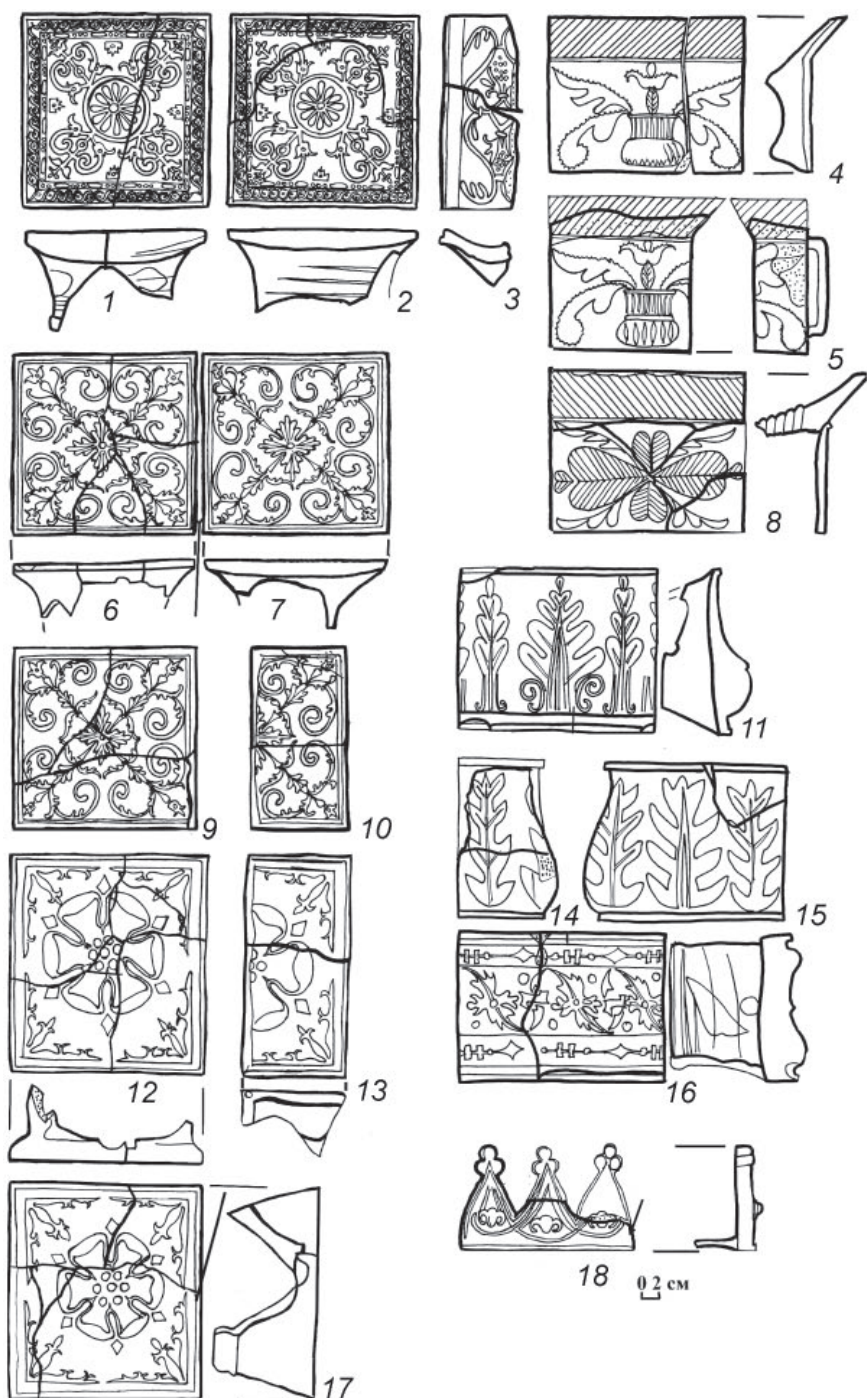

Рис. 55. Изразцы начала–середины XVII в., вторично использованные при сооружении печей «скромного коллегиума» (1–18)

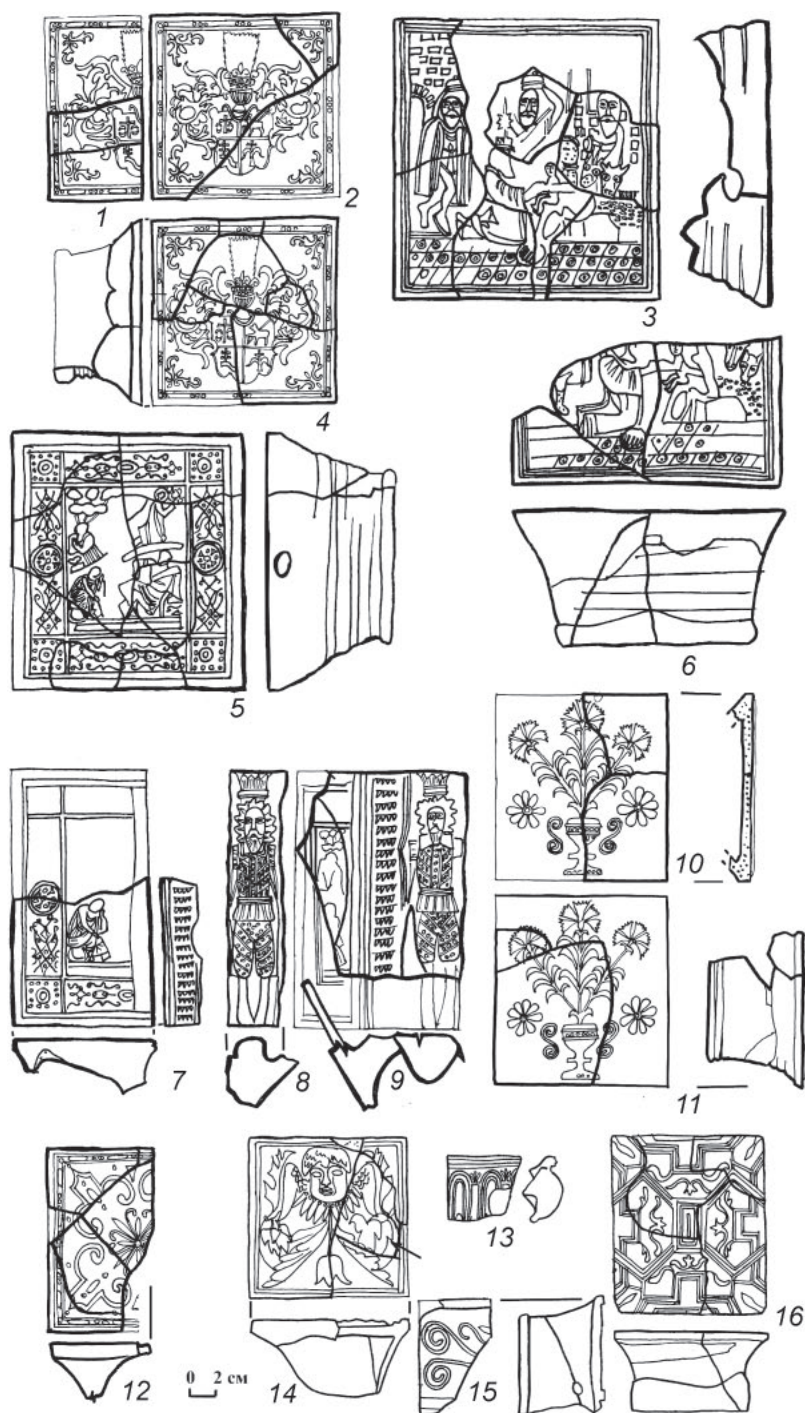
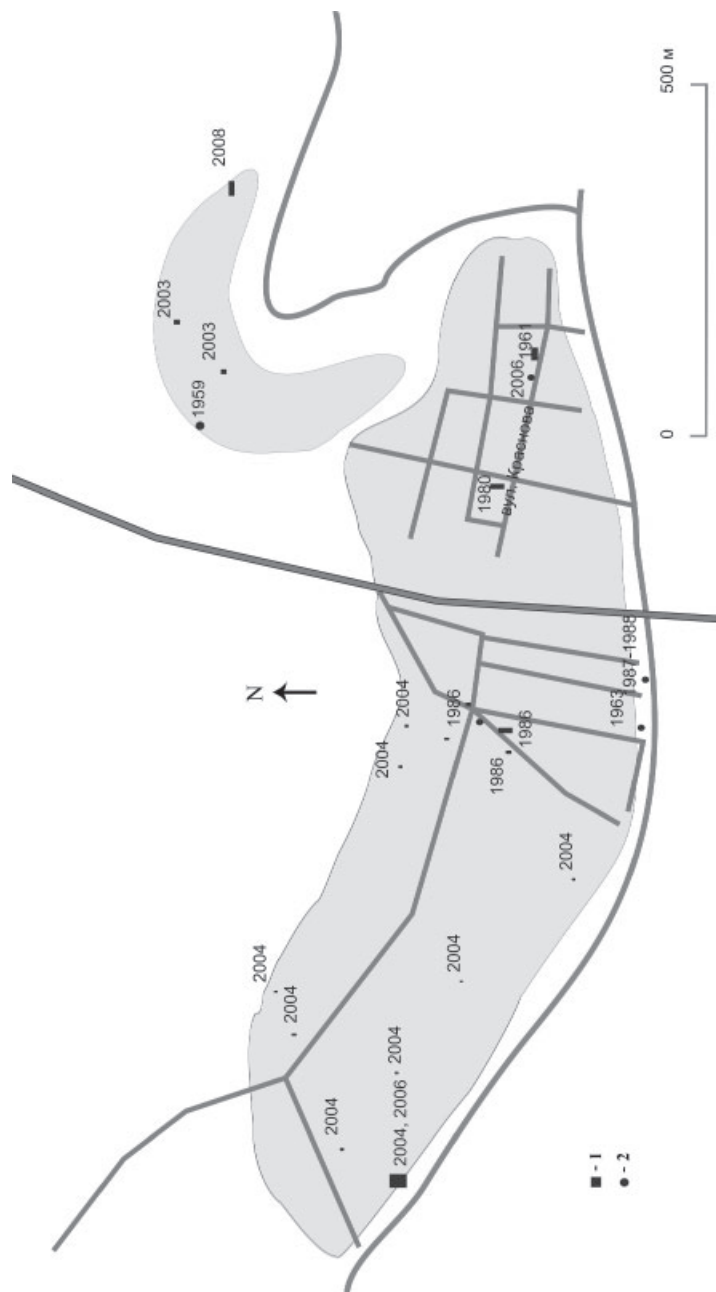

Рис. 56. Изразцы начала–середины XVII в., вторично использованные при сооружении печей «скромного коллегиума» (1–16)

Рис. 57. Историческая часть Полоцка XVI–XVIII вв.: 1 – кладбище XVII–XVIII вв.; 2 – Нижний замок; 3 – Верхний замок; 4 – Великий посад; 5 – Заполотье; 6 – Остров; 7 – Экимань; 8 – Кривцов посад; 8а – Старая Слобода; 9 – Бельчицкий Борисоглебский монастырь; 10 – Спасо-Евфросиньевский монастырь; 11 – фольварки за р. Полота; 12 – поселения за парканом Великого посада. Исследования Д. В. Дука

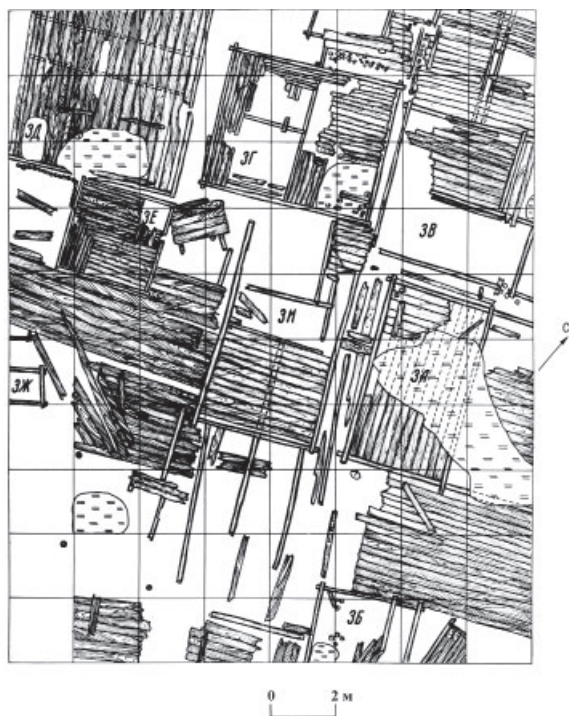

Рис. 61. План строительного горизонта III. Раскоп II. Верхний замок. 1959 г. По Г. В. Штыхову

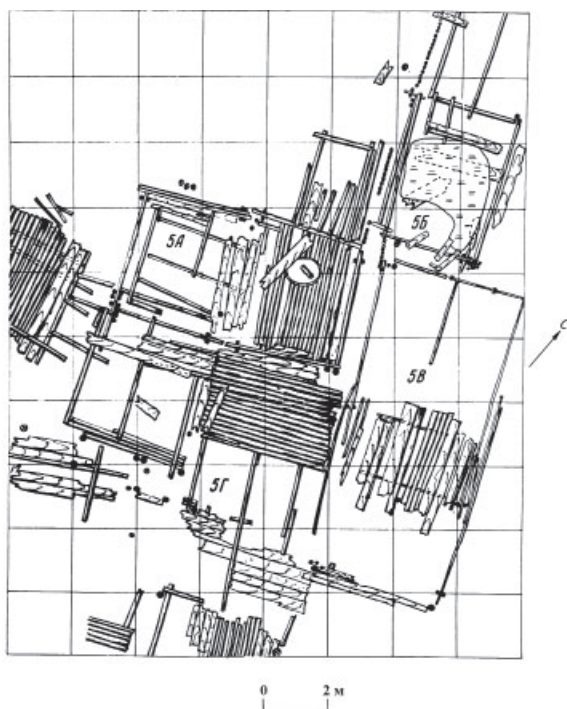

Рис. 62. План строительного горизонта V. Раскоп II. Верхний замок. 1959 г. По Г. В. Штыхову

III

ПОЛОЦК И ЕГО ОКРУГА В XIV–XVIII ВВ.

5. ПОЛОЦК – ЦЕНТР ЗЕМЛИ, НАМЕСТНИЧЕСТВА И ВОЕВОДСТВА В XIV–XVIII ВВ.

5.1. Полоцк в составе Великого Княжества Литовского (В. А. Воронин)

С появлением в середине XIII в. в Полоцке первого литовского князя в истории города начался новый этап. Содержанием этого этапа стала постепенная интеграция региона в состав нового государственного образования – Великого Княжества Литовского. В XIII–XIV вв. ВКЛ переживало период быстрого территориального роста и военно-политического усиления, и очень значительную роль в этих процессах сыграли город Полоцк и Полоцкая земля. На долгое время Полоцк стал важным форпостом на севере государства, при помощи которого великие князья литовские распространяли свое влияние на соседние русские земли, а также вели борьбу с Ливонским орденом.

Еще в течение около полутора столетий после вхождения в состав ВКЛ Полоцк являлся центром крупного удельного княжества, что позволило ему в значительной степени сохранить прежние традиции социальной, культурной и церковной жизни. В какой-то мере это относится и к традициям государственности, поскольку в ВКЛ полоцкий удел сохранил значительную автономию. Во многом данный факт был обусловлен тем, что во главе Полоцкого княжества в течение практически всего этого периода стояли близкие родственники великих князей литовских: их братья, сыновья, племянники. Как правило, они были последовательными проводниками политики центральной власти, однако это совсем не исключало конфликтов, которые периодически возникали между удельными полоцкими князьями и великими князьями литовскими. Тем не менее с течением времени Полоцк все более и более тесно интегрировался в государственную систему ВКЛ.

В борьбе за власть в ВКЛ после убийства Миндовга (1263 г.) попытался включиться уже Товтивил, его племянник и полоцкий князь. Однако в ходе этой борьбы он был убит, причем решающую роль в убийстве Товтивила сыграл его приближенный, полоцкий боярин Прокопий, который выдал намерения своего князя. Тем не менее Товтивил оставил о себе в Полоцке хорошую память, много сделав для защиты интересов княжества. В частности, в союзе с новгородцами и псковичами он проводил наступательную политику в отношении ливонских немцев. Особенно удачным был поход

союзников на Юрьев в 1262 г. В последней трети XIII в., когда ВКЛ вступило на путь дезинтеграции и некоторого ослабления, власть в Полоцке, судя по всему, часто менялась. Однако, несмотря на политическую нестабильность, в XIII в. Полоцк успешно развивался в экономическом отношении. Город достиг внушительных размеров и численность его населения также являлась значительной. Полоцк был хорошо известен и на западе, и на востоке. Например, город был показан на карте мира, которая была составлена в конце XIII в. в немецком монастыре Эбшторф.

Приблизительно на рубеже XIII–XIV вв. вокруг Полоцка развернулись события, связанные с продвижением в этот регион ливонских немцев. По всей видимости, они смогли на какое-то время утвердиться в Полоцке, однако, в конце концов, под давлением полочан и литовцев были вынуждены оставить город. Источники западноевропейского происхождения сообщают о том, что ливонские рыцари смогли проникнуть в Полоцк благодаря завещанию местного князя, крещенного в католичество. Этот князь, не имея законных наследников, якобы отписал Полоцк в пользу рижского архиепископства «на поминание души». Действительный ход и характер этих событий, которые историография традиционно (и ошибочно) до последнего времени относил к 1307 г., не совсем ясны. Все их реконструкции основываются на материалах, которые носят тенденциозный и односторонний характер. Эти документы представляют точку зрения либо рижского архиепископа, либо руководства Ливонского ордена, которые в то время враждовали между собой. Тем не менее в начале XIV в. княжеская власть в Полоцке действительно в значительной мере утратила свой авторитет, что могло быть результатом неосмотрительных действий упомянутого выше князя. В итоге, в начале XIV в. на первое место в политической жизни Полоцка вышла фигура местного владыки. Грамота епископа Якова, датированная приблизительно 1309 г., указывает на то, что в этот период Полоцк представлял собой феодально-теократическую республику, во главе которой стоял православный епископ. Однако уже к 1320-м годам власть князя в Полоцке была восстановлена. Тем не менее авторитет епископа в Полоцке и в дальнейшем был высоким, распространяясь, в том числе, на политическую сферу. Так, в 1338 г. великий князь литовский Гедимин заключил договор о перемирии с властями Ливонии с согласия не только полоцкого и витебского князей, но также с согласия полоцкого епископа (Григория).

Вообще же, как видно, полоцкие владыки в этот период являлись очень заметными фигурами на Руси, они были известны и в соседних странах. Одним из таких епископов был Семион (умер в 1289 г.), который известен также как церковный писатель. Он прославился своей острой полемикой с князьями и вельможами, призывая их не злоупотреблять властью и защищать бедняков, сирот, вдов. По некоторым данным (правда, очень поздней датировки), Семион происходил из полоцкого княжеского рода. В начале 1270-х годов по невыясненным причинам он покинул Полоцк и направился в Тверь, где стал первым местным епископом (рис. 25: 3). Стоит заметить, что вторым тверским владыкой был Андрей – сын литовского князя Герденя, который в свое время также был связан с Полоцком.

Великие князья литовские Гедимин (1316–1341) и Ольгерд (1345–1377) проводили активную наступательную политику, которая была направлена в первую очередь на Русь. Одновременно они вынуждены были вести упорные оборонительные войны против рыцарей-крестоносцев Тевтонского ордена, которые нападали на земли ВКЛ как со стороны Пруссии, так и со стороны Ливонии. Это требовало колоссального напряжения сил всего государства. Данная ситуация в полной мере отразилась на положении Полоцка и всей Полоцкой земли, где в это время последовательно княжили брат Гедимины Воинь, сын Гедимины Наримонт (Глеб) и сын Ольгерда Андрей. Период с 30-х по 80-е годы XIV в. был для Полоцка эпохой частых войн с соседями. После смерти Ольгерда город был втянут в борьбу за власть в самом ВКЛ, на которую претендовал, в частности, Андрей Полоцкий. Вообще же, по оценке В. Е. Данилевича, положение Полоцкой земли во второй половине XIV в. было далеко не блестящим [Данилевич, 1896, с. 159].

В 1333, 1334, 1366, 1381 г. ливонское орденское войско пыталось взять Полоцк – однако безрезультатно. Имея лишь деревянные укрепления, город тем не менее выстоял. В 1348 г. полоцкие дружины в составе армии ВКЛ приняли участие в битве с крестоносцами на р. Стрева. Поскольку для ВКЛ битва окончилась поражением, можно предположить, что большие потери понесли и полочане. Несмотря на это, полоцкий князь Андрей Ольгердович продолжал вести наступательную политику и уже в 1350 г. совершил поход на псковские земли – Вороноч и его волость. Этот поход был спланирован вместе с Ольгердом, политики которого всю жизнь последовательно придерживался Андрей. Однако псковичи не остались в долгу и ответили своим походом. Вообще же 50-е годы XIV в. прошли для Полоцка под знаком обострения отношений с его северным соседом. Стоит отметить, что на протяжении долгого предшествующего периода каких-то особых конфликтов между Полоцком и Псковом не наблюдалось.

В эти же годы практически по всей Европе прокатилась эпидемия «черной смерти» – чумы. Не обошла она и страны восточной части континента. Так, псковские летописи отмечают две волны пандемии: в 1352 и 1360 г. Возможно, нечто подобное было и в Полоцке, поскольку географическое положение и торгово-экономические контакты обоих этих городов были сходными. Во всяком случае, по более поздним материалам известно, что мор приходил в Полоцк, как правило, из Риги, с которой город вел активную торговлю. Тесные торговые отношения с Ливонией поддерживал и Псков. И именно оттуда пришла на Псковщину чума. В 1352 г. болезнь зафиксирована практически по всем русским землям, по всей видимости, она тогда не обошла и Полоцк. Чума подорвала людской и экономический потенциал многих городов и стран, стала причиной смерти ряда выдающихся людей того времени. Практика временного закрытия границ со страной, где наблюдалась эпидемия, не всегда помогала, так что главным лекарством от эпидемий становилось время. Очень часто, чтобы переждать мор, народ переселялся из городов в отдаленные деревни, где было больше шансов уцелеть. Более религиозные люди постригались в монахи, менее религиозные –

отписывали собственность храмам и монастырям, раздавали сбережения в качестве милостыни нищим. В целом во время пандемии «черной смерти» военные конфликты в регионе несколько ослабели и носили не столь масштабный характер.

В 50-х годах XIV в. Ольгерд включился в борьбу за Смоленск, к которой он привлек и своего сына, полоцкого князя Андрея. Зимой 1359–1360 гг. по приказу отца Андрей совершил далекий поход и захватил г. Ржева в верховьях Волги. Андрей Полоцкий участвовал также в знаменитых походах Ольгерда 1368 и 1372 г., во время которых действовал на тверских и московских землях. В 1370-е годы полоцкое войско во главе с Андреем вело пограничную войну с ливонскими немцами, то защищая свои земли, то совершая походы на территорию противника. Так, в 1373 и 1374 г. полоцкие дружины доходили до важнейшего на территории Восточной Латвии орденового замка Дунабург (современного латвийского Даугавпилса).

Активная военная деятельность Ольгерда требовала, среди прочего, прокладки дорог. Однако дороги были нужны, разумеется, не только для военных целей. Строительство дорог было напрямую связано с управлением государством, резко повышая его эффективность. Очевидно, Ольгерд хорошо это понимал. Во всяком случае, тот факт, что новые дороги прошли через крупнейшие города страны, указывает именно на это. Дорога, которая связала Полоцк со столицей – Вильно, – тоже была построена, судя по всему, во времена Ольгерда. Во всяком случае, кроме своего основного наименования – «великая дорога виленская», она имела и еще одно название – Ольгердова дорога [Говорский, 1853, т. 5, с. 88–90, 92; Strykowski, 1846, т. 2, с. 11].

Смерть Ольгерда в 1377 г. кардинальным образом изменила положение дел в ВКЛ. Андрей Полоцкий, старший сын Ольгерда от первого брака с витебской княжной, оказался отодвинутым от власти, на которую, очевидно, всерьез рассчитывал. Новым великим князем литовским стал Ягайло, сын Ольгерда от второй жены Ульяны Тверской. Амбициозные планы Андрея в это время нашли свое выражение, в частности, в том, что он начал титуловать себя великим князем полоцким. Правда, нельзя исключить того, что он принял этот титул еще до смерти своего отца, великого князя литовского Ольгерда. Однако, в любом случае Андрей сделал попытку повысить свой статус с помощью нового титула. Соответственно, Полоцкое княжество стало называться Великим. Специфика ситуации состояла в том, что это событие произошло на заключительном этапе его исторического существования. Нужно сказать, что титулом великого князя полоцкого пользовался не только Андрей, но и некоторые его преемники на полоцком престоле. Так, например, великокняжеский титул носил Михаил, сын Андрея. В источниках упоминается также великий князь полоцкий Семен. Это был либо еще один сын Андрея Ольгердовича, либо его брат Лугвений, который в православном крещении получил имя Семен. Во всяком случае, к договору Ягайло и Кейстута с Орденом 1379 г. была привешена печать Лугвения, который выступал в качестве свидетеля, с легендой: «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО СЕМИОНА ПОЛОЦКОГО». По всей видимости, Лугвений и при-

нял православное крещение с тем, чтобы стать полоцким князем. А такая возможность открылась после того, как зимой 1377–1378 гг. войско нового великого князя литовского Ягайло подошло к Полоцку и вынудило Андрея бежать во Псков.

Период с 1377 по 1387 г. был особенно тяжелым для Полоцка. В это время город снова и снова становился объектом борьбы между самыми разными военно-политическими силами: и внутренними, и внешними. Полоцку пришлось выдержать три осады, две из которых окончились сдачей города. Иногда полочане принимали ставленников великого князя Ягайло, а иногда изгоняли их, управляя городом самостоятельно. К таким моментам относится, в частности, начало 1380 г., когда ливонский магистр заключил краткосрочное перемирие с великим князем Ягайло. Однако вместе с Ягайло этот договор с немцами заключили также полочане – «illi de Ploczek» [LECUB, 1857, bd. 3, p. 361–362]. Очевидно, Полоцк в это время признавал верховную власть Ягайло, однако по-прежнему сохранял за собой внутреннее самоуправление и даже возможность участвовать в заключении международных договоров в качестве самостоятельного или, по крайней мере, автономного субъекта. Фигурирует в договоре и отдельная «Полоцкая земля».

Возвращение Андрея Ольгердовича в Полоцк около 1382 г. снова на некоторое время вывело город из-под власти Ягайло. Однако все попытки Андрея противостоять своему более удачливому и более изворотливому брату не имели успеха. В 1387 г. войско ВКЛ, во главе которого стоял Скиргайло, смогло подчинить Полоцк. Судя по всему, это было сделано благодаря пленению Андрея Ольгердовича, который возглавил оборону города. Согласно псковским летописям, Скиргайло захватил Андрея в плен «перелестию», то есть хитростью либо обманом. В результате Полоцкая земля была передана тому же Скиргайло. Тем не менее Скиргайло нельзя считать собственно полоцким князем. Полоцкая земля была всего лишь одной из многочисленных территорий, которыми управлял этот князь, – в то время фактический наместник Ягайло в ВКЛ.

Таким образом, события 1387 г. положили конец существованию Полоцкого княжества. Однако эпоха уделов отходила в прошлое и в масштабах всего ВКЛ. Особенно решительно взялся за ликвидацию удельных княжеств Витовт, который пришел к власти в 1392 г. Кстати, в своем соперничестве с Ягайло и Скиргайло Витовт получил решительную поддержку со стороны полочан, которые около 1390 г. добровольно перешли на его сторону. Наместники, которых Витовт назначал в бывшие княжества, пользовались гораздо меньшими полномочиями и гораздо меньшей властью, нежели удельные князья. Это касалось, в частности, отношений с соседними государствами, с которыми наместник уже не мог заключать договора. Наместник в любой момент мог быть отозван великим князем. Однако плавный переход от княжеского к наместническому правлению в Полоцке был обеспечен целым рядом мер, предпринятых центральной властью. Так, первыми полоцкими наместниками были лица, носившие княжеский титул

и очень высоко стоявшие в иерархии знати ВКЛ. Среди них были, в частности, князья Семен (Лугвений) Ольгердович и Иван Семенович Друцкий.

Полоцкая земля, как и некоторые другие регионы государства, получила от Витовта уставную грамоту (областной привилей). Этот важнейший документ гарантировал автономные права и привилегии Полотчины. Именно таким образом на продолжительное время были урегулированы отношения между центральной властью и Полоцкой землей, которая и в дальнейшем продолжала играть существенную роль в ВКЛ.

Витовт неоднократно бывал в Полоцке, а его военно-политическая деятельность нередко напрямую затрагивала интересы этого города. Витовт посетил Полоцк весной 1399 г., когда готовил большой поход в татарские степи. По всей видимости, именно отсюда он вызвал из Пскова своего двоюродного брата Андрея Ольгердовича, рассчитывая на его полководческие способности и опыт борьбы с татарами, который Андрей получил еще в 1380 г. на Куликовом поле. Правда, битва на Ворскле закончилась для Витовта поражением, там сложил свою голову и последний полоцкий князь. По всей видимости, на Ворскле бились в войске Витовта и полочане. По крайней мере жители Полоцка были обязаны ему военной службой. Так, в упомянутом областном привилее Витовта полочанам читаем: «А с нами имъ быти готовымъ на воину». В начале XV в., когда началась война между Витовтом и Ягайло, с одной стороны, и Тевтонским орденом, с другой, в зону военных действий попала и Полоцкая земля. В марте 1403 г. ливонские немцы неожиданно, «на хрестном целовании», вторглись в ее пределы. Местным жителям был нанесен большой ущерб, а на озере Нещерде были ограблены псковские купцы. Витовт выждал некоторое время, но лишь затем, чтобы дать очень эффектный ответ: в феврале или марте следующего года он взял орденский замок Дунабург (Невгинь). Местные жители были ограблены, «а самих иссекоша, а инии, полонив, поведоша» [Псковская 3-я летопись, 1955, вып. 2, с. 110]. Тем не менее не стоит идеализировать ту политику, которую Витовт проводил в отношении Полоцка. В случае необходимости он мог действовать весьма жестко. Так, существует упоминание документа Витовта, в соответствии с которым он обещал полоцкому мещанину Селивестру не выселять его из города [LM, 1997, кн. 224, р. 379]. Данный факт косвенно свидетельствует о том, что Витовт выгонял людей из городов. Этот знаменитый великий князь литовский требовал от своих подданных полной лояльности и полного повиновения, только в таком случае они могли рассчитывать на его благосклонность и поддержку. При других же обстоятельствах Витовт мог проявить и иные свои качества.

Особенно важным для ВКЛ было торговое значение Полоцка. Благодаря ряду обстоятельств, в том числе решительной поддержке Витовта и его преемников, в XV в. Полоцк превратился фактически в главный торговый город всей северной части ВКЛ. Неслучайно именно к этому времени относится особенное усиление полоцких местичей, которые на равных соперничали с боярами. В то время в руках мещан находилась очень значительная часть земельного фонда Полоцкой земли, а некоторые из них владели це-

лыми селами. Городские жители представляли собой также серьезную военную силу. Главным их преимуществом была способность к быстрой мобилизации. Бояре-шляхта, которые проживали в основном в своих селлах, не могли так быстро явиться в войско. Вот почему во время гражданской войны 30-х годов XV в. в ВКЛ полоцкие мещане сыграли значимую роль.

С самого начала войны Полоцк поддерживал великого князя Свидригайло. По всей видимости, совсем не случайно после государственного переворота 1 сентября 1432 г. Свидригайло бежал именно в Полоцк, который был одним из крупнейших «русских» городов страны. Великий князь, лишенный власти в Литве, очень быстро получил поддержку у полочан, витеблян и смолян. В связи с поражением, которое Свидригайло потерпел под Ошмянами 8 декабря 1432 г., псковский летописец особо отметил: «оу Свидригайла падоша полочани». Однако и в дальнейшем Полоцк оказывал решительную поддержку Свидригайло. Полоцк и Витебск стали последними крупными городами северной части государства, которые подчинились Сигизмунду Кейстутовичу. Это произошло в 1436 г., после тяжелых осад, которые пришлось выдержать местным жителям. Но, «не чуя собе помочи ниотколя», они в результате были вынуждены сдаться. Даже расположенный далее к востоку Смоленск не проявил такой стойкости. Смоленяне покорились Сигизмунду уже осенью 1435 г., в скором времени после решающей битвы под Вилькомиром. Причем они даже не допустили подхода вражеского войска к границам Смоленской земли, а направили своих представителей навстречу противнику, армия которого в тот момент стояла в Орше. И здесь «подалися смольняне князю великому Жикгимонту и сыну его, князю Михаилу». Источники сообщают о жестоком обращении Сигизмунда Кейстутовича с полоцкими представителями, которые пытались выпросить у него прощение. Тем не менее после нескольких лет тяжелой войны в Подвиньи наконец наступил мир.

Середина–вторая половина XV в. стали эпохой расцвета Полоцка. Это был, пожалуй, самый благоприятный и успешный период в развитии города за все время его пребывания в составе ВКЛ. Отсутствие войн, стабильная власть, выгодная внешнеторговая конъюнктура создали основу для преуспевания Полоцка. Опираясь на поддержку великокняжеской власти, полочане очень уверенно чувствовали себя в отношениях с другими торговыми городами Европы. Деловая переписка полочан с рижанами убедительно показывает, что их взаимоотношения строились на равноправной основе. Исполненный собственного достоинства полоцкий наместник Олехно Судимонтович имел все основания, чтобы в 1464 году написать в Ригу: «А Полтескъ теж есть, хвалячи Бога, место словутное, как и которое, а не есть нижшее во чти и во всем ни Вилни, ани Мариборка, ани Кданьска...» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 220].

В середине–второй половине XV в. город сильно разросся, при этом не затрачивая средств на строительство посадских укреплений, в которых попросту не было необходимости. Правда, как оказалось, лишь на время. Вместе с тем строительство в Полоцке в этот период было, судя по всему, очень

интенсивным. Материалом для строительства по-прежнему в основном оставалось дерево.

Общественная жизнь Полоцка в XV в. проходила под знаком быстрой социальной дифференциации. Крупнейшими социальными группами стали черные люди, мещане, городские дворяне, поспольство, бояре. Между ними периодически возникали конфликты, однако в то время они еще не достигли неразрешимой остроты и регулировались мирным путем. Так, в 1486 г. спор между представителями разных социальных слоев города Полоцка разбирал король и великий князь Казимир Ягеллончик. Среди королевских решений были, в частности, такие: «Приказуем, абы бояре и мещане и дворане городские и все поспольство в згоде межи собою были» и «А без бояр мещаном и двораном городским и черни соимов не надобе чинить» [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 111]. Как видно, власть сделала ставку на мирное и компромиссное разрешение социальных противоречий. Великие князья литовские имели возможность лично ознакомиться с положением дел в Полоцке. В этот период они несколько раз посещали город: в 1449 и 1470 г. такие поездки совершил Казимир Ягеллончик, а в 1497 и 1500 г. – Александр. Одним из важнейших мероприятий великокняжеской власти в отношении Полоцка стало пожалование городу магдебургского права в 1498 г. (рис. 98).

Практически все города восточной части Европы были деревянными. И страшным бедствием для них были пожары, которые случались достаточно часто. В этом смысле не был исключением и Полоцк. Мы знаем о двух крупных пожарах, которые произошли здесь в XV в. Один случился в 1440 г., второй – между 1487 и 1492 г., но это, по всей видимости, далеко не полный их перечень. Последствия пожаров могли быть поистине катастрофическими. Так, о пожаре 1440 г. в летописях сказано: «погоре Полтескъ весь» [Новгородская первая летопись, 1950, с. 420].

Первая половина–середина XVI в. стали в истории Полоцка резким контрастом по сравнению с предыдущим периодом. ВКЛ вступило в череду войн со своим восточным соседом Великим Княжеством Московским. Москва со времен «государя всея Руси» Ивана III стала претендовать на часть государственной территории ВКЛ, а именно на его «русские» земли, к которым относился и Полоцк. Соответственно, этот город стал одной из главных целей походов русских воевод. Некоторые из этих походов сопровождались осадами Полоцка и были крайне опасными. Городу пришлось выдержать осады московских войск в 1501 (1502?) г., зимой 1512–1513 гг., в 1513, 1514, 1518 г. 27 июля 1518 г. под Полоцком произошла большая битва, в ходе которой отряды ВКЛ во взаимодействии с полочанами разбили крупную группировку русских войск и сняли осаду города.

Вообще же в первой половине XVI в. военно-стратегическое положение Полоцка коренным образом изменилось. В XV в. Полоцк можно было считать пограничным городом лишь с большой долей условности. Его соседями с севера были фактически независимые псковская и новгородская республики, которые не были заинтересованы в конфликтах с ВКЛ и никогда

не шли на обострение отношений со своим сильным южным соседом. На западе лежали земли Ливонского ордена, с которым у ВКЛ после 1435 г. также установился прочный мир. Однако после покорения Москвой Великого Новгорода в 1478 г. и особенно Пскова в 1510 г. положение Полоцка резко изменилось, причем в худшую сторону. Северная граница Полоцкой земли стала граничить с могущественным Великим Княжеством Московским и требовала постоянного внимания. Там часто было неспокойно даже во время перемирия.

Таким образом, военно-стратегическое значение Полоцка для ВКЛ резко возросло. В эпоху пяти войн, которые Москва и Вильно вели в конце XV – первой половине XVI в., полоцкий замок регулярно перестраивали и ремонтировали. Во время войны 1500–1503 гг. были построены также укрепления вокруг полоцких посадов. В результате площадь города существенно уменьшилась, а население сильно сократилось [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 216–218]. Это были необходимые, но вместе с тем крайне болезненные для населения города меры. Некоторые из жителей считали необходимым покинуть Полоцк. На других были возложены достаточно тяжелые обязанности и наложены существенные ограничения, которые касались в первую очередь военной и пожарной безопасности города. Так, преобладающая часть населения Полоцка была обязана выполнять повинности по ремонту и строительству городских укреплений. Были ужесточены правила пожарной безопасности. В частности, Станислав Довойно, полоцкий воевода в 1542–1563 гг., запретил горожанам строить в своих усадьбах бани, предписав пользоваться общественными. Он также попытался освободить территорию замка от жилых домов. Эти и другие действия С. Довойно вызвали среди полочан взрыв возмущения, который вылился в масштабный конфликт. В 1558 г. жалобы полоцких горожан на своего воеводу рассматривали великий князь и паны-рада [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 249, л. 125об.–137об.]. По жалобам, а их насчитывалось 47, были приняты разные решения, однако практически все действия С. Довойно, направленные на обеспечение пожарной безопасности и укрепление города Полоцка, были признаны обоснованными. Позиция господаря в области обеспечения безопасности государственных замков, и особенно таких крупных, как Полоцк, была однозначной и жесткой. С другой стороны, при всей жесткости деклараций, практические действия как центральной, так и местной власти в этой сфере не всегда были согласованными и достаточными. В этом Вильно и Полоцку пришлось убедиться уже очень скоро.

В середине XVI в., несмотря на частые войны, Полоцк по-прежнему представлял собой крупный экономически развитый город, который поддерживал разносторонние связи со многими городами и регионами Восточной и Центральной Европы. Город к этому времени состоял из замка и пяти посадов: Великого, Заполоцкого, Островского, Екиманского и Слободского, которые со всех сторон окружали место впадения р. Полота в р. Двина. Судя по данным ревизии 1552 г., население Полоцка в это время насчитывало 12–13 тысяч человек, что делало его одним из крупнейших городов

ВКЛ. Экономика города основывалась прежде всего на торговле: внешней и внутренней. Ремесло обслуживало в основном региональный рынок и имело меньшее значение. Тем не менее уже в это время в городе существовали простейшие объединения ремесленников, во главе которых стояли старосты. Большим влиянием в Полоцке пользовались корпорации мясников и хлебников. Только они вносили фиксированные денежные взносы в счет общей суммы, которую Полоцк ежегодно отдавал государственной казне за возможность пользоваться магдебургским правом. Ярким свидетельством влияния и связей староства полоцких мясников является тот факт, что в 1557 г. их жалобу на воеводу С. Довойно рассматривал сам король и великий князь Сигизмунд II Август [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 251, л. 61–63об.].

В течение первой половины XVI в. в Полоцке продолжалось достаточно активное строительство, совершенствовалась инфраструктура города. Источники этого времени сообщают о существовании в Полоцке двух мостов. Один из них вел с Великого посада на замок, а второй – с замка через р. Полота на Заполоцкий посад. Правда, не исключено, что эти мосты были построены намного раньше. Во всяком случае, «широкий мост» через р. Полота упоминается уже в документе 1504 г. Несмотря на войны, достаточно активным было культовое строительство. К середине XVI в. в городе насчитывалось приблизительно 30 храмов и около 10 монастырей. Все они были православными. Лишь в 1498 г. в Заполотье был основан монастырь католического ордена бернардинцев (миноритов).

В результате пожалования Полоцку магдебургского права представители разных групп населения города, которые попали под юрисдикцию магистрата, приобрели равные права и равный социальный статус. На основании доселе разных социальных групп началось формирование единого и равноправного, по крайней мере юридически, городского сословия – мещан. Конечно, это произошло не сразу. И после 1498 г. в городском социуме сохранялась определенная иерархия, которая была обусловлена как традицией, так и имущественным положением. Однако в целом формирование мещанского сословия шло достаточно быстрыми темпами. И уже в первой половине XVI в. полоцкие мещане выступали как единая сила, защищая свои законные права от посягательств со стороны местных воевод и бояр-шляхты. На этой почве несколько раз возникали серьезные конфликты, которые приходилось разбирать и местной, и центральной власти. Так, великие князья литовские Александр и Сигизмунд I Старый рассматривали жалобы полоцких мещан на воеводу, которого поддерживали бояре-шляхта, в 1502 и 1527 г. соответственно. И тогда были приняты решения в пользу мещан. Однако в упомянутом конфликте 1558 г. центральная власть заняла иную позицию и уже стала на сторону воеводы.

Начало Ливонской войны 1558–1583 гг. существенно осложнило положение Полоцка. Уже в 1559 и 1560 г. боевые действия развернулись недалеко от полоцких границ – на территории Латвии. Кроме того, в 1562 г. истек срок очередного перемирия между ВКЛ и Российским государством,

и не было никакой уверенности в том, что Москва захочет его продлевать. И действительно, уже в том же 1562 г. русские войска вторглись в северо-восточные земли Беларуси, а на севере сожгли пограничные полоцкие села. Объектом нападения стал соседний с Полоцком Витебск, посады которого также были сожжены.

Целью зимнего похода 1563 г., который возглавил лично царь Иван IV Грозный, стал Полоцк. В ту эпоху военные действия зимой велись достаточно редко. Тем не менее царь выбрал именно такой вариант – и, как оказалось, удачно. Фактор неожиданности сыграл свою роль, к тому же ВКЛ в целом не было готово к войне. Россия же, наоборот, смогла сконцентрировать свои лучшие силы, собрав огромную армию и обеспечив ее всем необходимым. Согласно оценкам современных исследователей, она насчитывала не менее 60 тысяч человек [Янушкевич, 2007, с. 60]. Двухнедельная осада Полоцка окончилась сдачей города 15 февраля 1563 года. Оценивая это крупнейшее событие в ходе Ливонской войны, нужно признать, что у Полоцка, по всей видимости, попросту не было шансов. Иван Грозный был готов продолжать осаду месяцами, решимости и ресурсов у него для этого хватало. Что же касается ВКЛ, то оно едва смогло прикрыть дорогу на Вильно. Дело довершили серьезные ошибки, которые допустили руководители обороны города – полоцкий воевода Станислав Довойно и виленский воеводич Ян Глебович. Крупнейшей из этих ошибок был приказ С. Довойно сжечь самый большой полоцкий посад – Великий, который располагался в междуречье р. Двина и р. Полота. В результате переполненный людьми полоцкий замок оказался перед войском противника как на ладони. Если бы защитники не сдались, он наверняка был бы взят штурмом или измором.

Судьба сдавшихся полочан была незавидной. Многих горожан и шляхтичей вместе с семьями отвели в Москву и держали там в заключении, рассчитывая на выкуп. Некоторым действительно удалось выкупиться и вернуться на родину. Однако таких, судя по всему, было немного. Часть жителей и солдат местного гарнизона расселили по отдаленным городам Российского государства. Так, писцовые книги по городу Казани за 1565–1568 гг. сообщают о том, что здесь «в новом остроге живут посадские люди и дряби полоцкие, которые люди присланы с Москвы, а написаны в государеву службу в пушкари и в стрельцы». Здесь же перечислено 23 двора этих драбов – солдат-пехотинцев, которые служили в полоцком гарнизоне [Писцовые книги, 1932, вып. 2, с. 22, 33–34, 35].

Утрата Полоцка – событие, казавшееся невероятным, – произвело в ВКЛ эффект разорвавшейся бомбы. Оно имело целый ряд серьезнейших последствий в области как внутренней, так и внешней политики государства. Очень скоро Сигизмунд II Август был вынужден заключить краткосрочное перемирие с Иваном Грозным, по условиям которого Полоцк, разумеется, остался за Москвой. Обе стороны постарались как можно более эффективно использовать это время. Новые российские власти энергично взялись укреплять захваченный город и построили рядом со старым замком новый, который получил название Стрелецкого или Нижнего. Этот замок и стал

средоточием новой власти в Полоцке. Что же касается ВКЛ, то оно начало укреплять границу замками, среди которых первыми были построены Дисна и Лепель. Дисна явно задумывалась как замена Полоцку – разумеется, замена временная. В дальнейшем эти два города претендовали на роль административного центра незанятой части Полоцкого воеводства. В мае 1563 г. в Вильно собрался вальный сейм, одним из главных вопросов которого был военный. Во время работы сейма, 6 июня¹ 1563 г. Сигизмунд II Август издал привилей, согласно которому православная шляхта ВКЛ уравнивалась во всех правах со шляхтой католической. Этот шаг был сделан государственной властью, так как она была крайне обеспокоена утратой Полоцка.

На протяжении 1560-х годов войска ВКЛ не раз пытались вернуть Полоцк, однако безуспешно.

Люблинская уния 1569 г. создала предпосылки к исправлению тяжелого военного положения ВКЛ. Теснейший союз с Польшей был вынужденной мерой, однако сулил выгоды на фронтах войны в будущем. Пока же руководители объединенного государства посчитали возможным заключить перемирие с Москвой. Перемирие 1570 г. явилось прямым следствием образования Речи Посполитой. Для Полоцка это означало закрепление сложившейся в ходе войны границы, которая поделила территорию воеводства на две неравные части: большая половина с городом Полоцком была закреплена за Москвой, а меньшая осталась за ВКЛ, которое к тому времени уже стало частью Речи Посполитой.

Общее представление о демографических потерях, которые понесла Полоцкая земля в этот период Ливонской войны, могут дать материалы, относящиеся к микрорегиону имения Куриловичи, которое расположено примерно в 40 километрах к западу от Полоцка. 19 сентября 1570 г. здесь был составлен документ, озаглавленный «Списане селищъ именей куриловъскихъ». В этом реестре приведено количество дворов «перед збуренемъ полоцкимъ», т. е. накануне войны, и на момент составления документа. Из этих данных выясняется, что в селах Конюшки, Куриловичи, Олисеевичи, Ист, Ложки, Павловичи, Угольники, Цветино и Кринки до войны насчитывалось 250 «селищъ», т. е. дворов. По состоянию на 1570 г. этих дворов было уже только 64, а 186 остальных «пустых лежит». Таким образом, с 1563 по 1570 г. в девяти перечисленных селах население сократилось на три четверти и составило всего 25,6% от довоенной численности жителей [AGAD, AR, dz. X, nr. 322].

Ливонская война возобновилась в 1577 г., а уже через два года в результате тяжелейшего похода и не менее трудной осады Полоцк был взят вой-

¹ Данный привилей фигурирует в литературе под несколькими датами, в том числе 7 и 19 июня 1563 г. При ознакомлении с оригиналом документа, который хранится в Национальной библиотеке Литвы им. М. Мажвидаса [ОРБАН Литвы, ф. 101, ед. хр. 31] выяснилось, что на самом деле дата его издания иная. Приведем ее здесь по оригиналу: «Писан у Вилни под леты Божего нароженя тысяча пятсот шестдесят третего м(е)с(е)ца июня шостого дня».

сками короля Стефана Батория. В 1579 г. в истории города начался новый этап, когда Полоцк, как и весь его регион, воссоединился с белорусскими землями в границах одной страны. Правда, это была уже другая страна, и это был уже другой город.

Что касается исторической памяти полочан в эпоху ВКЛ, то многое здесь могла бы прояснить местная летописная традиция, однако вопрос о существовании полоцкого летописания и сегодня остается открытым. До нашего времени дошел лишь небольшой комплекс погодных записей о событиях, которые происходили в Полоцке в 60–70-е годы XVI в. [ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 292–294]. Его автором мог быть либо один из местных жителей, либо представитель московской администрации города.

Некоторые сведения можно почерпнуть также из легендарной части второго свода белорусско-литовского летописания, который был составлен в 20–30-е годы XVI в. В составе этого документа сохранилась так называемая «Повесть о Полоцке», которая также носит легендарный характер. Если верить этому источнику, главной или, по крайней мере, одной из главных фигур в истории своего города полочане считали князя Бориса. Согласно белорусско-литовским летописям, он был сыном литовского князя Мингайло и до православного крещения носил имя Гинвил. Ему приписывали множество самых разных заслуг. Так, этот Борис якобы построил город Борисов на р. Березина. В Полоцке он возвел Софийский собор, а также основал Спасский и Борисоглебский монастыри. Он пожаловал своим подданным «волность вечем ся судити, и в звон звонити, и по тому ся справовати, як у Великом Новегороде и Пьскове». Наконец, дочь Бориса Прасковья якобы приняла монашеский постриг в Спасском монастыре, совершила паломничество в Рим, где крестилась в католичество под именем Пракседа, а после смерти за многие труды на благо церкви была причислена к лику святых. Конечно, все эти сведения крайне сбивчивы и по своему характеру эклектичны, однако какие-то глухие воспоминания о князе Борисе действительно могли бытовать на Полотчине. Носителями исторической памяти о нем, вероятнее всего, были Борисовы камни, которые лежали в р. Двина. Нетрудно понять, что прототипом легендарного Бориса Мингайловича был реально существовавший полоцкий князь первой трети XII в. Борис Всеславич.

Однако в последнее время в литературе было высказано, как нам кажется, вполне вероятное предположение о том, что пересказанная выше летописная «Повесть о Полоцке» возникла в той же среде, что и весь свод. Это значит, что полочане не имели отношения к возникновению упомянутых легенд. Скорее всего, создание «Повести о Полоцке» было связано с деятельностью виленского воеводы, канцлера ВКЛ Альбрехта Гаштольда [Філіпович, 2011, с. 9]. Действительно, Гаштольд имел все возможности хорошо узнать Полоцк, поскольку в 1513–1519 гг. занимал должность местного воеводы. Можно назвать и еще один возможный источник происхождения этих легенд – или, по крайней мере, одной из них. Очень может быть, что личность святой Пракседы была придумана в среде полоцких монахов-бернардинцев,

которые нуждались в местных католических святых. Это предположение нисколько не противоречит версии о том, что Повесть о Полоцке была создана кем-то из интеллектуалов, близких к Альбрехту Гаштольд. Скорее, наоборот. Связь Гаштольда с орденом бернардинцев – это факт, который нашел свое отражение в целом ряде авторитетных исторических источников того времени.

5.2. Полоцк в составе Речи Посполитой *(В. А. Воронин)*

Место Полоцка в Речи Посполитой, конечно же, существенно отличалось от того положения, которое он занимал в системе городов и земель ВКЛ долюблинского периода. Масштаб нового государственного образования уже не позволял Полоцку играть ту роль, которую он имел ранее. Имело значение и то обстоятельство, что во второй половине XVI в. существенно изменилось направление важнейших торговых путей в Восточной Европе. Так, двинский путь во многом утратил свою роль торговой дороги, которая связывала три крупных государства: Великое Княжество Московское (позднее Россию), Великое Княжество Литовское (Речь Посполитую) и Ливонию. В регионе произошли большие геополитические изменения. В 60–70-е годы XVI в. позиции ВКЛ в среднем течении р. Двина были подорваны утратой Полоцка. Наоборот, Россия в этом регионе усилилась, однако, усилилась не абсолютно: в руках Речи Посполитой по-прежнему оставался Витебск. На рубеже 1570–80-х годов ситуация кардинально изменилась: Речь Посполитая смогла вернуть себе Полоцк, а в скором времени подчинила Ригу (1581 г.). В 1621 г. Рига была завоевана шведами, которые на сто лет смогли утвердиться в Ливонии. Наконец, по результатам Ништадтского мира (1721 г.) эта часть Ливонии отошла к России. Все эти события самым серьезным образом повлияли на военно-стратегическое и экономическое положение Полоцка в регионе. После утраты Полоцка в 1563 г. купцы из ВКЛ изменили маршрут своих поездок в Москву. Вместо Полоцка, который оказался за границей и в силу военных действий перестал быть безопасным местом, роль их перевалочной базы стал играть Могилев. С этого времени и начинается расцвет города на р. Днепр. После Ливонской войны ситуация стабилизировалась, но произошедшие к этому времени изменения снова были неблагоприятными для Полоцка. Рига, которая оказалась в составе Речи Посполитой, перестала быть для Полоцка заграничным городом – как и для всех прочих городов Речи Посполитой. Полоцк начал утрачивать свои монопольные позиции в торговле с Ригой. Полоцкие купцы отныне вынуждены были торговать с рижанами на равных правах со всеми другими купцами своего государства. Несмотря на все это, Полоцк еще достаточно долгое время оставался очень значительным городом подвинского региона. К тому же в результате событий 1621 г. Полоцк снова приобрел статус торгового пограничного города. Он в очередной раз соединил транспортные пути и торговлю трех держав: на этот раз Речи Посполи-

той, России и Швеции. Начиная с 1721 г., значение торговых связей с Российской империей для Полоцка еще более возрастает: торговые пути на запад, север и восток вели уже только в Россию.

Оценивая ситуацию, которая сложилась после Ливонской войны, следует отметить, что ее окончание и наступивший затем достаточно продолжительный 50-летний мирный период имели для Полоцка двоякое значение. С одной стороны, они, несомненно, способствовали восстановлению и дальнейшему развитию города. Вместе с тем в новых условиях несколько снизилось экономическое и военно-стратегическое значение Полоцка. Документы первой трети XVII в. представляют не слишком утешительную картину состояния городских укреплений. Действительно, в условиях мира потребность в них была небольшой.

Голод и эпидемии 1600–1602 гг., которые охватили многие регионы Восточной Европы, затронули и Полотчину. По некоторым сведениям, в эти годы в самом Полоцке умерло около 15 тысяч человек. Это были, очевидно, и сами полочане, и жители окрестных сел и деревень, которые искали здесь пропитания [Без-Корнилович, 1855, с. 86]. По сообщению Баркулабовской летописи, в это же самое время выходцы из-под Полоцка, среди многих прочих, шли «на Низ» – в южные районы Поднепровья.

События внутренней общественной и церковно-религиозной жизни Полоцка в конце XVI – первой трети XVII в. во многом были обусловлены конфессиональной борьбой, которая развернулась между православными и униатами. К этому следует добавить появление и рост влияния иезуитов, которых поселил в Полоцке и щедро наделил собственностью король Стефан Баторий. Из центра крупной и важной православной архиепархии с однородным в конфессиональном отношении населением Полоцк превратился в город, за преобладание в котором вели борьбу сразу три крупных церковно-религиозных силы. Обстановка сложилась таким образом, что с самого начала эти силы были неравными и в количественном, и в правовом отношении. Численность православных по-прежнему преобладала над численностью представителей других конфессий, но не пользовались поддержкой властей. К тому же, сразу после 1596 г. православная церковь в Речи Посполитой на какое-то время фактически оказалась вне закона. Власть на разных уровнях содействовала католикам и униатам, однако они еще долгое время оставались в меньшинстве. Все эти тенденции быстро отражались на настроениях в обществе. Конфликты, о которых мы знаем, вспыхивали в основном на религиозной почве. В одном случае конфликтная ситуация была вызвана введением нового григорианского календаря, а в других – неосмотрительными действиями и непопулярностью некоторых церковных иерархов. Так, 12 октября 1633 г. произошел крайне неприятный инцидент, в ходе которого из толпы полочан был обстрелян местный униатский архиепископ Антоний Селява – будущий митрополит, представитель известного полоцкого шляхетского рода [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 141–145]. Селява уцелел и подал на своих обидчиков в суд. Из соответствующих документов можно заключить, что обстановка в Полоцке в то время была

тревожной. Вероятно, она напомнила многим о трагических событиях, которые произошли десятилетиями ранее в Витебске. Ситуация осложнялась тем, что в 1632 г. началась так называемая Смоленская война Речи Посполитой с Россией, в ходе которой Полотчина вновь оказалась в зоне активных боевых действий. С 12 на 13 июня 1633 г. российские войска неожиданно напали на Полоцк и сожгли его посады. Такой исход битвы оказался неожиданным и для самих россиян, поскольку силами, судя по всему, небольшого отряда они сумели нанести очень чувствительный удар противнику.

В 1642 г. в Полоцке произошел большой пожар, в результате которого сгорел весь Верхний замок. Однако к 1647 г. последний был отстроен.

Тем не менее история Полоцка первой половины XVII в., конечно же, не была историей одних лишь конфликтов, войн и стихийных бедствий. В целом город успешно развивался и по-прежнему являлся крупным ремесленным и торговым центром страны. К середине столетия население Полоцка достигло того же уровня, что и накануне Ливонской войны.

Во второй трети XVII в. Речь Посполитая оказалась втянутой в череду кровопролитных восстаний и войн, тяжелейшей из которых была война с Российским государством 1654–1667 гг. Полоцк принадлежал к числу городов, которые особенно сильно пострадали в этот период. Не имея каменных укреплений и достаточного количества военных, город после непродолжительной осады сдался 17 июня 1654 г. войскам царского боярина и воеводы В. П. Шереметева. Источники сохранили свидетельства того, что по крайней мере часть посадского населения города тем или иным образом помогало русским войскам [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 35]. В результате торговый люд Полоцка на некоторое время получил от царя Алексея Михайловича право беспошлинной торговли и освобождение от податей на три года. Однако дальнейшие события показали, что власть русского царя в Полоцке и Полоцкой земле была не слишком прочной. Настроения местного населения менялись под воздействием разных факторов, но особенно сильно они зависели от военной ситуации.

К концу 1650-х годов Речь Посполитая смогла оправиться от неудач первых лет войны и перешла к более активным действиям. Зимой 1658–1659 гг. практически на всей территории ВКЛ, занятой российскими войсками, вспыхнуло крупное шляхетское восстание. Оно имело определенный успех. Так, под власть Речи Посполитой перешла часть Центральной Беларуси с Минском. Повстанцы активно действовали и на Полотчине. Несмотря на то что восстание в итоге было подавлено, обстановка в регионе еще долгое время оставалась беспокойной. Особую тревогу царской администрации в Полоцке вызвало городское восстание в Дисне, которое вспыхнуло в 1661 г. и закончилось возвращением города под власть Речи Посполитой.

Экономическое положение Полоцка в эпоху войны было достаточно сложным, годы успешного развития чередовались с годами упадка. В 1662 г. «бедные и разоренные полоцкие бурмистры, и райцы, и лавники, и все мещане» слезно жаловались царю Алексею Михайловичу на свое положение.

Они, в частности, писали в Москву: «мы, сироты твое, в Полоцку седим в асаде другой год без всяких промыслов...» [БЭФ, 1960, т. 2, с. 338–339]. По документам предыдущих лет известно, что полоцкие купцы, несмотря на войну, продолжали поддерживать самые тесные торговые связи с Ригой. Так, они поставляли на рижский рынок в больших объемах пеньку [БЭФ, 1960, т. 2, с. 329–333]. Из приведенной цитаты также видно, что в годы российской власти система управления городом во многом сохранила свои старые черты. Во всяком случае, по-прежнему существовали должности членов магистрата. По всей видимости, продолжительные блокады Полоцка войсками Речи Посполитой и вызванные военными действиями экономические трудности сыграли решающую роль в оттоке населения из города. К числу других причин нужно отнести тот факт, что русские воеводы переселяли полоцких горожан в Россию. Об этом говорят уже источники, датированные 1654 г. [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 36].

Документы 1665 г. свидетельствуют о том, что к этому времени Полоцк сильно обезлюдел. Российский гарнизон города в это время оказался в очень сложном полуосадном положении. Он не контролировал даже ближайшие окрестности Полоцка и полностью зависел от подвоза продовольствия извне. Примерно так же обстояли дела и в Витебске. В сентябре 1665 г. по приказу из Москвы в Полоцк и Витебск были посланы вино, уксус и сбитень для больных цингой ратных людей [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 246–247]. Передача Полоцка Речи Посполитой, которая состоялась в соответствии с условиями Андрусовского перемирия 1667 г., завершила этот едва ли не самый тяжелый период в истории города. Достаточно сказать, что население Полоцка за годы войны сократилось более чем на 90% и в 1667 г. не превышало 700 человек. Городское население было разорено в связи с чем король Речи Посполитой Ян Казимир освободил жителей Полоцка от налогов и повинностей на четыре года.

Последняя треть XVII в. была эпохой очередного восстановления города после военного лихолетья. Одновременно в религиозной и общественной жизни Полоцка происходит решительное усиление позиций католического костела и униатской церкви. Наряду с уже существовавшими ранее иезуитским и францисканским монастырями в 1672 и 1697 г. были основаны также доминиканский и бернардинский (новый) монастыри. При Софийском соборе начал действовать одноименный униатский монастырь. В 1692 г. в Полоцке прошел собор униатской церкви [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 272]. Несмотря на усиление других христианских конфессий, позиции православной церкви в Полоцке в этот период были все еще довольно прочными. После того, как была ликвидирована полоцкая православная епархия, центром православия в городе на долгое время стал братский Богоявленский монастырь.

В последней трети XVII в. полоцкий магистрат вел свое делопроизводство уже почти исключительно по-польски. Если магистратские книги за 1667 и 1668 г. еще содержали акты на «русском» (старобелорусском) языке, то начиная с 1669 г. и сами книги, и документы в этих книгах оформлялись

уже по-польски [Актавая кніга полацкага магістрата ... , 2006, с. 237]. Перевод делопроизводства на польский язык отражал те общие процессы полонизации, которые проходили в то время на белорусских землях. Вместе с тем на основании одних лишь документов магистрата и других официальных учреждений не стоит делать глобальные выводы относительно языковой ситуации в Полоцке. Белорусский язык продолжал жить, в том числе и в городской среде.

Северная война 1700–1721 гг. не слишком сильно затронула территорию Полоцкого воеводства. В 1705 г. в окрестностях Полоцка была расквартирована российская армия, в расположение которой летом того же года прибыл царь Петр I. Он опасался, что шведы могут начать наступление на Россию в этом направлении. Возможно, именно концентрация российских войск в районе Полоцка стала причиной того, что во время похода 1706 г. на земли Беларуси и Литвы шведский король Карл XII действовал южнее. В 1708 г. по южной окраине Полоцкого воеводства в направлении Толочина и Могилева прошел шведский экспедиционный корпус генерала Адама Людвиг Левенгаупта. По пути шведы собирали «контрибуцию» [Котлярчук, 2001, с. 121]. Однако это мероприятие разве что только по форме отличалось от банального грабежа местного населения.

Дальнейшее развитие Полоцка в целом укладывается в те общие закономерности, которые характерны для развития других белорусских городов Речи Посполитой. В частности, можно констатировать быстрый рост еврейского населения. Вообще же в XVIII в. Полоцк уже заметно отставал от тех городов, которые еще XVI–XVII вв. уступали или имели приблизительно равную ему численность населения. Так, в 1786 г. в Полоцке проживало 5326 человек (из них 2277 были евреями), в Витебске – 10 289 (в том числе 2411 евреев), в Могилеве – 9360 (из них 6747 евреи) [Гісторыя Беларусі, 2007, т. 3, с. 191–192]. Правда, следует иметь в виду, что эти цифры по Полоцку неполные, поскольку не учитывают задвинской части города, которая на тот момент еще находилась в составе Речи Посполитой. Однако это были относительно небольшие районы, число жителей которых не может изменить сложившегося представления об общих тенденциях демографического развития Полоцка в последнее столетие существования Речи Посполитой.

По точному наблюдению М. О. Без-Корниловича, в XVIII в. «Полоцк не преставал быть главным городом в Белоруссии по числу находившегося в нем православного, униатского и католического духовенства» [Без-Корнилович, 1855, с. 93]. Монастыри и храмы разных конфессий были, пожалуй, главными центрами духовной и культурной жизни города. Здесь был написан целый ряд оригинальных произведений религиозного, художественного и исторического содержания. К сожалению, мы не располагаем городской хроникой Полоцка вроде тех, которые были составлены в XVIII в. в Витебске и Могилеве. Однако существует очень ценный, практически неизученный и опубликованный лишь фрагментарно дневник приора полоцкого униатского Софийского монастыря Марцелия Варжацкого. Этот днев-

ник в крайне любопытной форме излагает события 1745–1774 гг., которые происходили в Полоцке и его регионе. Стоит отметить, что автор дневника не замыкается в узких географических границах. Он подает факты локальной истории, вписывая их в более широкий контекст исторических событий и процессов, которые происходили в то время в Речи Посполитой, Российской империи и Европе в целом [АСД, 1874, т. 10, с. 340–378].

По первому разделу Речи Посполитой (1772 г.) к Российской империи отошла большая, правобережная часть города Полоцка, а по второму разделу (1793 г.) – левобережная его часть. Полоцк, как и вся Беларусь, вступил в новый этап своего исторического развития.

5.3. Магдебургское право в Полоцке в 1498–1563 гг.

(В. А. Воронин)

Одним из крупнейших событий в истории Полоцка стало пожалование ему магдебургского права великим князем литовским Александром 4 октября 1498 г. Города ВКЛ начали получать магдебургское право еще с 1387 г., когда оно было пожаловано столице государства – Вильно. Однако систематическую, целенаправленную политику пожалований начал проводить именно Александр. В его правление магдебургское право кроме Полоцка получил также ряд других городов ВКЛ. С этим «немецким правом» полочане были знакомы уже давно, поскольку долгое время поддерживали тесные партнерские отношения с Ригой и с собственно немецкими городами. В частности, в своих посланиях XV в. в Ригу полочане обнаруживали хорошее знакомство с перечнем должностных лиц тамошней магдебургии. Несмотря на это, они не проявляли особого стремления перенимать систему городского самоуправления по рижскому образцу. «Право литовское и русское», которое сложилось и долгое время функционировало в городах ВКЛ, судя по всему, устраивало полочан. Во всяком случае, нет никаких фактических оснований говорить о том, что Полоцк проявлял желание поменять систему городского управления. Инициатива введения магдебургского права в Полоцке, бесспорно, принадлежала великокняжеской власти. Одним из ее побудительных мотивов стал фискальный интерес. Согласно магдебургскому привилею Александра, за новое городское право полочане были обязаны ежегодно вносить в общегосударственную казну 400 коп грошей. И хотя позднее сумма была сокращена вдвое, все равно это были немалые деньги.

Становление магдебургской системы управления в Полоцке происходило непросто. Документы говорят о том, что многие мещане находились «в сомнении» относительно перспектив этого нововведения, а некоторые и вовсе покинули город. Дело дошло до того, что великий князь и король Сигизмунд I Старый в 1510 г. посчитал нужным подтвердить жалованную грамоту своего брата и предшественника Александра, скорректировав ряд ее положений. Так, в частности, было уточнено, кто именно из городских жителей подлежит юрисдикции магистрата. Вообще вопрос подсудности

тех или иных групп мещан был одним из самых острых и постоянно фигурировал во взаимоотношениях полоцких воевод с магистратом. В течение 1498–1563 гг. центральная власть неоднократно рассматривала эту проблему, вынося решения в пользу то одной стороны, то другой, однако окончательно этот вопрос так и не был урегулирован. Другой конфликтной темой были доходы воеводы. С переходом мещан под юрисдикцию магистрата полоцкий воевода утратил право суда над ними. Соответственно, он потерял и значительную часть своих доходов, которые поступали в его пользу в виде судебных пошлин. Однако, несмотря на все трудности, новое городское право прижилось в Полоцке. Конечно, система городского управления не была неизменной все это время. Изменялся как порядок назначения должностных лиц и распределение полномочий между ними, так и количественный состав магистрата.

Магдебургский привилей Александра 1498 г. предписывал производить комплектование магистрата следующим образом. Войт, назначенный великим князем, должен был назначать 20 радцев (рядских), половину из которых составляли католики, а половину – православные. Затем войт и радцы выбирали из своей среды двух годовых бурмистров: также одного католика и одного православного. Войт и бурмистры фактически руководили городом: «которых же руками... поспольство маеть быти ряжоно...». Однако решающее слово в деле управления оставалось все-таки за войтом. Если войт мог отдавать распоряжения единолично, то бурмистры и радцы – нет, только с участием войта. В 1510 г. эта система была существенно изменена. Сигизмунд I Старый приказал войту и бурмистрам избирать 24 радцев, которые также должны были представлять две христианские конфессии на паритетных началах. После этого радцы вместе с войтом, как и прежде, выбирали на каждый год двух бурмистров. Однако и эта система не оставалась неизменной: уже к 1530-м годам бурмистров было не два, а четыре. В привилее 1510 г. нашли отражение и тревожные явления, которые, судя по всему, были отмечены в жизни магистрата. Так, говоря о выборах бурмистров и радцев, господарь посчитал важным подчеркнуть: «А мают(ь) на тот врьд обирати людей годных – набожьных, смысльныхъ, бес каждых даров под сумненьемъ».

Среди прочего, стоит отметить стремление центральной власти сохранить конфессиональный баланс в составе членов магистрата. Однако при этом нужно иметь в виду тот факт, что в Полоцке в то время абсолютно преобладало православное население. Вообще же существуют некоторые сомнения в том, что этот конфессиональный паритет строго выдерживался на практике. Численное преобладание православных в городе могло сказаться и на составе магистрата.

Должность главы городского управления – войта – была введена в Полоцке в соответствии с магдебургским привилеем Александра. Великий князь литовский назначал войтом особо доверенное лицо. Иногда войтом становился один из господарских дворян – шляхтичей, которые служили при монаршем дворе. Так, господарским дворянином был первый полоцкий

войт – Родион Боров. Однако с течением времени, в результате обострения отношений между горожанами и войтом, с одной стороны, и воеводами, с другой, такая система потребовала изменения.

Серьезная корректировка в системе управления магдебургским Полоцком произошла уже в 1510-е годы. Судя по всему, она стала результатом острого конфликта между горожанами и Альбрехтом Гаштольдом, который занимал должность полоцкого воеводы в 1513–1519 гг. Горожане во главе с войтом отказались подчиниться приказу воеводы. Дело рассматривал суд панов-рады во главе с канцлером Николаем Радзивиллом, и решение было принято в пользу Гаштольда [РИБ, 1903, т. 20, стб. 1065–1066]. В результате великий князь и король Сигизмунд I Старый передал должность полоцкого войта, которым на тот момент являлся местный боярин Митко Петрович, воеводе. Митко Петрович был переведен на должность заместителя войта – лентвойта. Формально с этого времени он должен был назначаться войтом-воеводой и подчиняться ему, однако в действительности Митко Петрович, уже лентвойт, остался самостоятельной фигурой и продолжал представлять интересы полоцких горожан. Сложилась странная ситуация, при которой лентвойт, с одной стороны, назначался войтом и должен был ему подчиняться, а с другой, – он должен был защищать интересы мещан, в том числе и перед тем же войтом-воеводой. Поэтому около 1525 г. Сигизмунд I Старый уже сам назначил полочанам лентвойта, которым стал господарский дворянин Станислав Лодя. В дальнейшем этот порядок закрепился. Полоцкие войты одновременно являлись местными воеводами, а интересы мещан, по крайней мере некоторое время, реально представляли лентвойты. И войтов-воевод, и лентвойтов назначал великий князь. Только много позднее воевода-войт С. Довойно вернул себе право назначать лентвойта. Тем не менее приблизительно с середины 1510-х годов именно лентвойт стал представлять полоцких горожан на самых разных уровнях власти и во взаимоотношениях с разными силами. Лентвойты иногда подписывались и под посланиями полочан в Ригу [LVVA, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, пр. 97]. Однако уже в 1540–50-х годах власть в магистрате твердо держали в своих руках бурмистры и радцы. Многочисленные послания полочан в Ригу, которые датируются этим временем, заканчиваются однотипной подписью: «Бурмистры и рядцы места Полоцкого».

Оценивая ситуацию в целом, отметим, что расчет центральной власти на то, чтобы исключить конфликты между воеводой и мещанами с помощью передачи должности главы магдебургии – войта – тому же воеводе, не оправдался. Трения между воеводами и мещанами в Полоцке продолжались, и очередной конфликт с их участием произошел уже в 1527 г. Указанное королевское решение не сняло, да и не могло снять, противоречий между воеводой и горожанами, интересы которых представляли магдебургские власти Полоцка. Одной из главных ролей воеводы была роль арбитра (и, желательнее, объективного арбитра) при урегулировании конфликтов между разными социальными группами Полоцкой земли. В силу этого он не мог защищать интересы одних лишь горожан, и особенно в связи с тем, что го-

рожане все более серьезно конфликтовали с привилегированным сословием – боярами-шляхтой, с которыми воеводы были тесно связаны. В конце концов сами воеводы принадлежали к тому же шляхетскому сословию.

Нужно сказать, что, несмотря на стабилизацию системы управления городом, она не вполне устраивала горожан Полоцка. Их конфликты с воеводой-войтом продолжались. Как результат во время рассмотрения великим князем и королем Сигизмундом II Августом острейшего конфликта, который разразился в 1558 г. между полоцкими горожанами и воеводой-войтом С. Довойной, полочане обратились к монарху с просьбой, чтобы тот «рачыл даць войта, который бы ихъ подлугъ права майдеборского судиль и справоваль и отъ воеводы борониль». Король ответил таким образом, что система совмещения должностей полоцкого воеводы и войта сложилась не при нем, а при его предшественниках, и на то были серьезные причины. Поэтому он, «беручы то на розмышленье свое господарьское», откладывает окончательное решение полоцких проблем до своего возвращения из Польши и особенно «до прыеханья... до того замьку и места его милости Полоцкого» [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 249, л. 137об.]. Однако Сигизмунд Август так никогда и не приехал в Полоцк.

Членами полоцкого магистрата были лица в основном местного происхождения. Персональный состав магистрата свидетельствует о том, что среди бурмистров, радцев и лавников преобладали зажиточные мещане-землевладельцы, которые несли со своих имений военную службу. Иногда встречались здесь и купцы. А вот ремесленники занимали в полоцком магистрате, по всей видимости, весьма скромные позиции. Изредка среди членов магистрата встречались шляхтичи – как, например, Мартин Щит. Правда, это было, скорее, исключение. В дальнейшем, когда Щитам пришлось доказывать свое шляхетское происхождение, они объяснили, что Мартин подался в полоцкий магистрат лишь по причине бедности (табл. 5. 1).

Таблица 5.1. Городские власти (персональный состав)

Год	Имя	Источник
<i>Войты</i>		
1499	Радивон Боров, господарский дворянин	Полоцкие грамоты ..., 1978, вып. 2, с. 161, 165; 1980, вып. 3, с. 20
Между 1499 и 1506	Творовский	Полоцкие грамоты ..., 1978, вып. 2, с. 182; БА, 1928, т. 2, с. 247
1514	Митко Петрович, полоцкий боярин	LM, 2002, кн. 9, р. 227
<i>Между 1514–1519 г. должность полоцкого войта была передана местным воеводам</i>		
Не позднее 1519	Ольбрахт Мартинович Гаштовт (Альбрехт Гаштольд)	–
1519–1532	Станислав Петрович Кишка	–
1532–1542	Ян Юрьевич Глебович	–
1542–1563	Станислав Станиславович Довойно	–

Год	Имя	Источник
<i>Лентвойты</i>		
Между 1498 и 1505	Кезмарк	LM, 2008, кн. 14, р. 103
1505	Якуб Кезмаркович	Полоцкие грамоты ..., 1978, вып. 2, с. 207
1507	Сидко	Lietuvos VVA, ф. 599, оп. 1, д. 313, л. 18; LVVA, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, пр. 97
Ранее 1519, 1522	Митко Петрович	РИБ, 1903, т. 20, стб. 1065–1066
1524	Митко Петрович	LM, 2001, кн. 12, р. 335
1525, 1526, 1527	Станислав Лодя, господарский дворянин	LM, 2001, кн. 12, р. 84, 97, 103, 296
1532	Семен Савич, сын Савы Бернищева, брат Якова Савича	БА, 1928, т. 2, с. 171, 178
1533, июнь – август	Яков Савич, сын Савы Бернищева, брат Семена Савича	БА, 1928, т. 2, с. 163, 164, 169, 194
1533, декабрь – 1534, июль	Давыд Панков	БА, 1928, т. 2, с. 227, 246, 251
1558, 1559	Якуб Лавский	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 249, л. 126–126об., 128; НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 41, л. 56об.
<i>Бурмистры</i>		
1507	Якуб	Lietuvos VVA, ф. 599, оп. 1, д. 313, л. 18
1524	Якуб	LM, 2001, кн. 12, р. 338
1527	Сава Бернищев	LM, 2008, кн. 14, р. 370, 371
1532	Гаврыло Щука	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 61об.
Конец 1532 или начало 1533	Давыд Панков	БА, 1928, т. 2, с. 115
1536	Давыд Панков Иван Становский	НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 21, л. 46об.
1538	Давыд Панков Тишко Антушкович Селивестровича Гаврыло Щука	БА, 1928, т. 2, с. 274 РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 61об. РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 62
1539	Олхромей Андреевич	LVVA, ф. 8, оп. 4, № 24; Полоцкие грамоты ..., 1980, вып. 3, с. 41 (с ошибочной датой – 1509)
1551	Тишко Антушкович Селивестровича Мартин Щыт	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 60, 62об. НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 242, л. 207об.

Год	Имя	Источник
1552	Иван Петрашкович Мартин Щыт Давыд Панков Тишко Антушкович [Селивестровича]	Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 15, 31–33
1553	Иван Петрашкович	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 128
1554	Левон [Оникъевич] Волк	Русско-еврейский архив, 1882, т. 2, с. 41
1558	Петр Становский Петр Федорович Тишко Антушкович [Селивестровича]	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 249, л. 133об. РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 249, л. 133об. РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 251, л. 187
1559	Давыд Панков (Панкович) Левон Оникъевич Волк	НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 41, л. 256об. НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 41, л. 257об.
1561	Максим Давыдович Панков	НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 41, л. 254об., 255об., 256об.
<i>Радцы</i>		
1507	Керстан	Lietuvos VVA, ф. 599, оп. 1, д. 313, л. 18
1533	Давыд Панков Мартин Щыт Иван Становский	БА, 1928, т. 2, с. 222
1538	Федор Панков	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 62
1553	Еско Скорина Гаврило Олексеевич	РЛА, 1868, с. 381
1558	Федор Апанка	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 249, л. 133об.
1559	Прокоп Медведица (Медведичин) Григорей Михайлович	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 253, л. 27об. НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 41, л. 258
<i>Лавники</i>		
1532	Мартын (Мартин) Щыт Федька Гвозд Осташко Мелешкович	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 61об.
1538	Стефан Овсяников (Овсяник)	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 62
1558	Иван Полуян Иван Мигун	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 249, л. 133–133об.
1559	Иван [Олександрович] Кухта Иван Порядня (Порадня) Спирид Савич	НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 41, л. 256об.
<i>Городские дьяки и писари</i>		
1507	Иван Солокович, «дьяк местский»	Lietuvos VVA, ф. 599, оп. 1, д. 313, л. 18

Год	Имя	Источник
1510	Федор Захаревич (Федко Захаринич), «дьяк местский»	Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 64, 71
Между 1513 и 1519	Василей, «дьяк на ратуши» от воеводы	БА, 1928, т. 2, с. 225
1520	Артем Остафьевич, «дьяк местский»	НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 39, л. 267
1532	Ламан, «писар места Полоцкого»	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 61об.
1536	Кузьма, «писар местский»	БА, 1928, т. 2, с. 270
1538	Борыс Олиферович, дьяк местский	РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 35, л. 62
1559	Радивон Черевушка, «писар местский а слуга местский»	НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 41, л. 256об.
1561 (?)	Богдан Лаганович, «писар местский»	НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 41, л. 258

Введение магдебургской системы управления городом вовсе не исключало сохранения по крайней мере некоторых форм управления и самоуправления, которые существовали в Полоцке в предшествующий период. Так, продолжала свое существование уличанская организация городского населения. Во главе ее стояли старшие [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 9]. Многие улицы одновременно составляли церковные приходы. Именно поэтому улицы нередко носили названия церквей – а именно тех, которые стояли на этих улицах. В Полоцке в первой половине XVI в. зафиксирована также посадская организация. Так, в 1540 г. упоминают староста Островского посада Родион Ключнев [Гранстрем, 1953, с. 43]. Очень возможно, что посадская организация существовала в городе издавна. Гипотеза же о функционировании в Полоцке кончанской системы по образцу новгородской пока не находит фактического подтверждения. На посадах зафиксирована и более дробная организация, которая была представлена десятками и сотнями и при этом восходила еще к древнерусским временам. Так, в ревизии Полоцкого воеводства 1552 г. упоминаются сотник Екиманского посада и десятник посада Островского [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 2, 6]. По всей видимости, десятки и сотни (дворов) играли роль рабочих единиц при ремонте полоцкого замка. Однако не исключено, что их функции были более широкими и распространялись также на другие сферы – в частности на податную.

Образование новой административно-территориальной единицы, какой стала магдебургия, предполагало новую организацию городского пространства. Наряду с традиционным, историческим центром города, которым был замок, в магдебургских городах обычно формировался и второй центр. Этот второй центр должен был самым достойным образом представлять торгово-ремесленную часть города, которая по-старобелорусски называлась местом и была заселена торгово-ремесленным людом – мещанами. Между этими двумя центрами часто возникала скрытая конкуренция, которая выражалась в размахе строительства, красоте и богатстве зданий, уровне благоустройства городских кварталов и во многом другом. Вообще следует сказать, что пожалование Полоцку магдебургского права придало импульс общественному строительству в городе.

Центром и символом магдебургии служила ратуша. Обычно ратушу строили на рыночной площади рядом с другими значимыми объектами вроде разного рода общественных зданий, гостиных домов и т. д. Рыночная площадь (Великий Торг) в Полоцке располагалась, судя по всему, на Великом посаде. Там же должна была находиться и ратуша.

Ратушу полочанам предписал построить уже в 1498 г. Александр. Его привилей на магдебургское право специально отмечал, что ратуша должна располагаться «на местцы годном». Предполагалось, что рядом с ратушей будут размещаться и другие здания, в основном торгового назначения. Магдебургский привилей Александра обязывал полочан построить также общественную баню. Это строительство преследовало двоякую цель: с одной стороны, баня должна была пополнять доходы магдебургии, а с другой – уменьшить вероятность пожаров, источником которых часто становились бани в частных усадьбах. В подтвердительной грамоте 1510 г. Сигизмунд I Старый позволил мещанам построить на р. Полота мельницу, половина доходов от которой должна была идти на замок, а половина – на ратушу. Тот же документ дал полочанам право основать четыре гостиных дома для постоя купцов. И снова половину доходов предписывалось передавать в государственную казну, а половину – на ратушу. В довершение господарь отдал полоцким горожанам участок земли (сеножать Бор), на котором они должны были построить предприятие по производству кирпича: «мають плитницу справити на будованье ратуша и места Полоцкого». Великокняжеская власть заботилась о том, чтобы «господарское место» Полоцк выглядело достойным образом. Одной из черт нового облика Полоцка – отныне уже «магдебургского места» – и должно было стать интенсивное каменное строительство. Примечательно, что ратушу нужно было отстроить непременно из камня.

Следует отметить, что полочане не спешили выполнять королевские предписания. Многие из объектов, которые приказал построить Сигизмунд, так и не были построены. В результате в 1517 г. король позволил полоцкому воеводе А. Гаштольду построить на его частной земле собственный гостиный дом «и гостей, купцовъ и мещанъ, чужуземцовъ и с панствъ наших становити и с того себе пожитокъ мети по тому, какъ и по иным домом гостиным ест обычаи у панствех нашихъ» [LM, 2002, kn. 9, p. 361].

Сигизмунд I вынужден был вернуться к проблемам полоцкой магдебургии в феврале (?)² 1529 г. Как выяснилось, к этому времени горожане еще не построили ни мельницу, ни гостиные дома, не было еще и плитницы. По всей видимости, главными проблемами являлись организационная и денежная. Вероятно, более важной была именно первая проблема, поскольку полочане в свое время (по всей видимости, еще в 1510 г.) пообещали королю построить все это на собственные средства. Раздраженный господарь в категоричной форме потребовал от полочан построить эти объекты к Рождеству текущего года. В случае невыполнения король пригрозил построить гостиные дома и мельницу за государственный счет, а все доходы

²Соответствующее королевское решение датировано загадочным днем – 30 февраля.

от них забирать в государственную казну [LM, 1997, кн. 224, р. 302]. К сожалению, нам не известно, какой результат имели все эти королевские распоряжения и решения.

Магдебургское право оказало очень заметное влияние на развитие Полоцка в конце XV – середине XVI в. Это влияние отразилось и на внешнем облике города, и на глубинных внутренних процессах: социальных, экономических, общественно-политических. Формирование относительно единого городского сословия (мещанства) было обусловлено в первую очередь магдебургским правом, благодаря которому городской социум приобрел новый, особый статус. В то же время не стоит преувеличивать значение пожалования Полоцку магдебургского права для его экономической жизни. Большинство экономических привилегий, которые были зафиксированы в магдебургской жалованной грамоте Александра, полочане получили задолго до этого. В грамоте же 1498 г. они были только еще раз повторены и подтверждены. В исторических исследованиях нередко можно встретить строгую привязку создания цехов в городах к пожалованию этим городам магдебургского права. В действительности привилегии на магдебургское право городам ВКЛ примерно до середины XVI в., как правило, даже не содержат упоминаний о цехах. Это в полной мере относится и к Полоцку, где ремесленные объединения возникали, судя по всему, независимо от магдебургских процессов. По крайней мере, в привилегиях 1498 и 1510 г. о цехах ничего не сказано. Мало там говорится и вообще о ремесле, зато много и детально – о торговле. Тем не менее в Полоцке ремесло, бесспорно, находилось на высоком уровне. Послание 1538 г. полоцких городских властей в Ригу содержит информацию о том, что молодые рижане приезжали в Полоцк «на новуку». И учились они, согласно данным, содержащимся в документе, именно ремеслу [LVVA, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, лр 110].

5.4. Выборы полоцкого воеводы в XVI–XVIII вв.

(А. В. Мацук)

В Речи Посполитой Полоцкое, Витебское воеводства и Жмудское княжество имели право сначала избирать своих воевод (в Жмуди – генерального старосту), а потом уже этот выбор утверждался королем. На практике, однако, было по-разному. Именно поэтому до сих пор в историографии продолжается дискуссия о том, реализовывалось ли полоцкой шляхтой право свободного избрания полоцкого воеводы в Речи Посполитой.

Еще в полоцком земском привилегии 1511 г. Сигизмунд I среди прочих положений обещал: «давати нам воеводу нашого полочаном по их воли. А которые будут воевода наш нелюб, и нам им воеводу нашого дати по их воли» [Любавский, 1915, с. 89–90]. Очень сомнительно, что это право было реализовано в последующие ближайшие годы. В привилегиях на полоцкое воеводство Яна Глебовича (1532 г.), Станислава Довойно и Николая Дорогостайского (1576 г.) не упоминалось об их избрании. В привилегии Глебовича вообще утверждалось, что должность дана за его службу и по просьбе королевы

Боны Сфорцы [Варонін, 1998, т. 5, сш. 1 (8), с. 29–30; Лаппо, 1901, т. 1, с. 582–583].

С 1563 г. Полоцк был захвачен московскими войсками Ивана Грозного. За время нахождения Полоцка в руках московских войск полоцкий земский привилей, где утверждалось о вольном избрании воеводы, вместе с иными земскими привилеями земель ВКЛ, не был включен во Второй Статут ВКЛ 1566 г. В результате Люблинской унии 1569 г. была образована Речь Посполитая. Первый привилей на полоцкое воеводство во время Речи Посполитой был выдан Сигизмундом Августом Николаю Николаевичу Дорогостайскому 7 июля 1576 г.: «дали есмо и сим листом нашим даем его милости воеводство Полоцкое з всякою владою того достоенства и што кольвек здавна ку нему прислухаеть». Как известно, часть полоцкого воеводства в то время была занята московскими войсками, и в привилее особо подчеркивалось, что после освобождения воеводства «тогда то все по давному обычаю маеть пан Миколай Дорогостайский, воевода полоцкий, держати зо всякими на воеводство тое пожытками и з доходами, яким кольвек именем названными, здавна прислухаючыми, ни в чом их не змнейшываючы, одно яко и первшыне воеводове Полоцкие держали» [Wolff, 1885, s. 318; Лаппо, 1901, т. 1, с. 594]. Николай Дорогостайский занимал должность (уряд) полоцкого воеводы до смерти 28 января 1597 г. [Biblioteka Ossolińskich, sygn. 185, k. 112v.]. Еще в его правление полоцкая шляхта выступала с многочисленными требованиями избрания полоцкого воеводы, а потом уже утверждением этого избрания королем. На виленском съезде 1580 г. послы из Полоцкого воеводства Оникей Корсак и полоцкий земский писарь Юрий Котовицкий просили короля Стефана Батория подтвердить «листы, привилея и твердости, на права и вольности, всей земъли Полоцкой належачые». 7 мая 1580 г. Стефан Баторий в ответ на обращение полоцкой шляхты подтверждает полоцкий земский привилей [Галубовіч, 2007, № 11, с. 39]. Полоцкая шляхта и в дальнейшем выступала за сохранение в неизменном виде своих прав, изложенных в полоцком земском привилее. Такое требование находится среди постулатов, принятых на Генеральном (Главном) сеймике ВКЛ в Слониме [AZS WKŁ, 2009, т. 2, s. 88].

Активность полоцкой шляхты по защите своих прав вынудила Сигизмунда III 25 июня 1593 г. подтвердить полоцкий земский привилей. На Главном сеймике ВКЛ в Слониме 12–17 марта 1596 г. среди пунктов выработанной инструкции снова появляется постулат о выборе полоцкого воеводы с требованием утвердить его на сейме Речи Посполитой. Уже на следующем Главном сеймике ВКЛ в Слониме 30 января 1597 г. во всех своих выступлениях полоцкий посол Якуб Семашко и слонимский посол Петр Стабровский потребовали, чтобы на сейме Речи Посполитой были приняты постановления о свободном выборе полоцкого воеводы [AZS WKŁ, 2009, т. 2, s. 121, 131]. На самом сейме полоцкий посол Семашко снова выступил с просьбой свободного выбора полоцкого воеводы [Dyaryusze sejmowe roku 1597, 1907, s. 422]. В результате в 15 пункте петиции посольской избы к Сигизмунду III была изложена просьба, чтобы Полоцкое воеводство само избирало своего воеводу [Падалінскі, 2011, с. 180].

Очередным полоцким воеводой стал Андрей Сапега. В историографии принято считать, что его назначение на должность воеводы происходило без более раннего избрания полоцкой шляхтой. Однако, как свидетельствуют источники, назначение Андрея Сапег все же произошло после того, как он был избран полоцкой шляхтой на элекционном (избирательном) сеймике. Выборы на сеймике прошли 6 июля 1597 г. Привилей на полоцкое воеводство был выдан Сапеге 23 июля 1597 г. [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 83, л. 246об.–247об.; Wolff, 1885, s. 46]. На следующий день было издано три документа, которые появились в результате избрания полоцкого воеводы: «Лист до мешан полоцких о послушенство», «Лист Андрею Сапеге о воеводство полоцкое до подскарбия» и «Лист до дворанина урожного Флериана Пеляса о увезанье пана Андрея Сапегу у воеводство полоцкое» [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 286, л. 122 об.–124об.]. Особый интерес представляет последний из этих документов: «ижъ згоднымъ зезволень[м] обыватели воеводства полоцкого водлуг правъ и вольностей своих от продков наших имъ наданных на воеводство полоцкое по смерти пана Миколая Монвида Дорогостайского вакующее велможного Андрея Сапегу каштеляна менского обравшы до нас господара подали и просили абы есмо его милости на то воеводство привилеем нашим преложили». Как видно, в этом документе особо подчеркивается, что Андрей Сапега сначала был избран полоцким воеводой, а уже потом на основании своего избрания получил королевский привилей. В то же время в привилее Андрея Сапег нет никакой информации о более раннем его избрании. Таким образом, только на основании привилея нельзя предполагать, что на элекционном сеймике не было выборов полоцкого воеводы. В письме Сигизмунда III к мешанам утверждалось, что «залецаете нам каштеляна менского Андрея Сапегу – про то ради на то позволяем и воеводство Полоцкое за вашим залецаньем и просьбою ему даем» [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 286, л. 120–121]³.

Сапега с самого начала своего правления конфликтовал с православными и протестантами Полоцкого воеводства. Эти проблемы вынудили Андрея Сапегу уже с 1600 г. стремиться продать или поменять должность полоцкого воеводы. Сначала он хотел продать ее своему родичу Николаю Сапеге, но они не договорились об условиях сделки. В 1613 г. решил продать должность полоцкого воеводы Корсаку (полоцкому каштеляну Иосифу Корсаку ?) за 12 тысяч злотых. Кандидатура Корсака, однако, не устроила короля Сигизмунда III, и договор о продаже был сорван, так как Корсак был согласен заплатить деньги только после выдачи ему королевского универсала на элекционный сеймик [Kognowicki, 1754].

В 1613 г. Андрей Сапега наконец-то продал должность полоцкого воеводы при посредничестве канцлера ВКЛ Льва Сапегу за 12 тысяч злотых князю Михаилу Друцкому Соколинскому [Галубовіч, 2007, № 11, с. 40]. Неизвестно, происходили при этом выборы полоцкого воеводы или нет. В этом случае можно говорить о передаче (цессии) должности полоцкого воеводы

³ Выражаю искреннюю благодарность Андрею Родману за предоставленную информацию.

Михайлу Друцкому Соколинскому от Андрея Сапеги. Может поэтому и отсутствует привилей на должность полоцкого воеводы для Друцкого Соколинского. Возможно, что цессия стала единственным способом для Друцкого Соколинского обойти кандидатуру популярного в Полоцким воеводстве каштеляна Иосифа Корсака.

Михаил Друцкий Соколинский был полоцким воеводой до своего перехода 2 октября 1621 г. на должность смоленского воеводы. Полоцким воеводой после него 11 октября 1621 г. стал его зять Януш Кишка. В этом случае также отсутствуют документальные свидетельства о выборе на элекционном сеймике полоцким воеводой Януша Кишки. Возможно, мы снова имеем дело с цессией должности полоцкого воеводы. Подобным образом, например, Друцкий Соколинский передал полоцкое войтовство тому же Янушу Кишке, который занимал должность полоцкого воеводы до смерти 13 января 1754 г. При жизни Кишки произошло важное событие: закрепилось право на избрание на должность полоцкого воеводы. В 1647 г. полоцкой шляхте наконец-то удалось добиться признания сеймом Речи Посполитой права на свободное избрание полоцкого воеводы.

После смерти Кишки снова возник вопрос о выборах нового воеводы полоцкого. Обещание должности полоцкого воеводы еще при жизни Кишки имел конюший ВКЛ Богуслав Радзивилл [Бабятыньскі, 2006, t. 3, s. 22].

Активно устремлялся к Полоцкому воеводству и витебский воевода Павел Сапега [Sawicki, 2010, s. 130]. Однако выбор короля Яна Казимира был иным, и 3 марта 1654 г. привилей на полоцкое воеводство был выдан маршалку ВКЛ Александру Людвигу Радзивиллу, который в это время находился в Италии [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 129, л. 127–130; Wolff, 1885, s. 47].

Привилей на Полоцкое воеводство Александр Людвик получил без избрания на элекционном сеймике. Это вызвало бурные протесты полоцкой шляхты. На сейме Речи Посполитой 1654 г. полоцкий посол выступил против того, что Александру Людвигу Радзивиллу была дана должность полоцкого воеводы «без элекции» [Radziwiłł, 1980, t. 3, s. 413]. Неизвестно, как бы дальше полоцкая шляхта защищала свои права, но 30 марта 1654 г.⁴ Александр Людвик Радзивилл умер в Италии. Информация о его смерти достигла Варшавы 11 апреля 1654 г. Мгновенно, уже 12 апреля 1654 г., при помощи Альбрехта Станислава Радзивилла и королевы Людвики Марии должность (уряд) полоцкого воеводы пожелал получить конюший ВКЛ Богуслав Радзивилл, и Ян Казимир «отдал ему *ego*» [Radziwiłł, 1980, t. 3, s. 417]. Возможно, что так расплывчато описывается выдача привилея или же только универсала. Из диариуша самого Богуслава Радзивилла известно, что по дороге на сейм ему уже была прислана «элекция» об его избрании полоцкой шляхтой «электром» на Полоцкое воеводство и просьба к королю подписать соответствующий привилей конюшему ВКЛ. Ян Казимир прислушался к пожеланиям полоцкой шляхты и подписал привилей на должность полоцкого воеводы для Богуслава Радзивилла и передал поставить

⁴ Ошибочная дата – 23 марта 1654 г. [Галубовіч, 2007, № 11, с. 40].

печать канцлеру ВКЛ Альбрехту Станиславу Радзивиллу. Именно в это время в Варшаву пришло известие, что Полоцк взят московскими войсками и необходимость в привилее для Богуслава отпала и он не посылал своих слуг забрать его [AGAD, AR, dz. V, sygn. 7277, k. 38–39; Radziwiłł, 1979, s. 134]. Скорее всего, Богуслав, описывая эти события, путает их очередность: время получения «элекции» у него приходится на период до сейма.

Известно, что Ян Казимир выдал универсал на элекционный сеймик для избрания полоцкого воеводы только 6 июля 1654 г. Уже тогда Полоцк был занят московскими войсками, но в Варшаве об этом еще не знали [Бабятыньскі, 2006, т. 3, s. 22].

Дата универсала, видимо, была связана с тем, что в тот день на аудиенции у короля был полоцкий посол и трокский хоружий Девялтовский, который просил короля, чтобы «вольно было согласно с правом избирать воеводу и так его (универсал) по времени подписал» [Radziwiłł, 1980, t. 3, s. 425]. Несмотря на то что Полоцк был занят московскими войсками, полоцкая шляхта все же решила провести элекционный сеймик [Бабятыньскі, 2006, т. 3, s. 22]. 28 августа 1654 г. полоцкая шляхта проинформировала короля Яна Казимира о том, что избрала в Нароче на элекционном сеймике полоцким воеводой Богуслава Радзивилла [AGAD, AR, dz. II, sygn. 1290]. Свои подписи под постановлением об избрании Богуслава поставил 31 шляхтич во главе с полоцкими урядниками: хоружим Казимиром Корсаком, земским судьей Михаилом Тышкевичем, подсудком Яном Подбиентой, подстолием Стефаном Рыпиньским, мечником Абрамом Рыпиньским, будовничим Александром Рыпиньским [AGAD, AR, dz. II, sygn. 1289, k. 1–2]. Одновременно полоцкая шляхта обратилась к Богуславу Радзивиллу с просьбой принять должность полоцкого воеводы [AGAD, AR, dz. II, sygn. 1288], которую тот не исполнил.

Новый полоцкий воевода был избран только в 1658 г. Уже 2 марта этого же года привилей на должность полоцкого воеводы был выдан Яну Каролю Коптю [ML, ks. 131, 2001, k. 98, 186; Wolff, 1885, s. 47].

Согласно привилею сначала был проведен элекционный сеймик, на котором Копоть был избран полоцким воеводой. Неизвестно, где именно проходил этот сеймик. В условиях московской оккупации Полоцка полоцкая шляхта собиралась на сеймики с 1658 по 1661 г. в Кобрине, а ранее, с 1654 г., – «где себе место выберет» [Rachuba, 2002, s. 82]. В 1669 г. полоцкая шляхта решила лишить Коптя должности полоцкого воеводы и избрать нового воеводу. Основанием этому послужил тот факт, что Копоть «не въехал» на воеводство и уже 3 года не был в Полоцком воеводстве. Полоцкий каштелян Ян Корсак предложил Богуславу Радзивиллу, чтобы на основании ранее выданного королем привилея конюший ВКЛ занял должность полоцкого воеводы. В том случае, если Богуслав Радзивилл не согласится на это, полоцкая шляхта готова была организовать элекционный сеймик для избрания нового воеводы [AGAD, AR, dz. V, sygn. 7277, k. 38–39]. В 1670 г. уже сам Копоть решил отказаться от должности полоцкого воеводы для перехода на должность трокского каштеляна.

Новым полоцким воеводой на элекционном сеймике 3 июня 1670 г. был избран Казимир Ян Сапега. Известно, что во время элекционного сеймика (наверное для обоснования права на свободное избрание воеводы) был вынесен полоцкий земский привилей Стефана Батория [Архив ИИ РАН, оп. 1, пг. 312 (III–2), л. 1v]⁵.

Интересно, что на должность полоцкого воеводы Сапега был избран раньше, в мае 1670 г. [Rachuba, 1993, t. XXXV/1, z. 144, s. 38]. Казимир Ян Сапега был полоцким воеводой до 1680 г., когда получил должность жмудского генерального старосты. Еще до этого уже с 1677 г. он старался продать должность полоцкого воеводы. В 1679 г. предлагал ее Доминику Николаю Радзивиллу [Rachuba, 1993, t. XXXV/1, z. 144, s. 39].

Причем Радзивиллу для получения должности воеводы нужно было поочередно получить: отказ от должности Сапеги, королевский привилей и быстро провести «элекцию», а это могло стоить даже 100 тысяч злотых [AGAD, AR, dz. V, sygn. 16717, k. 173].

После перехода на жмудское староство Казимира Яна Сапеги в августе 1681 г. стало известно, что полоцким воеводой хочет стать речицкий городский староста Доминик Михаил Слушка. Еще одним конкурентом на Полоцкое воеводство стал мстиславский воевода Ян Яцек Огинский. Это вызвало между конкурентами острый конфликт, который удалось урегулировать только при посредничестве великого гетмана ВКЛ и виленского воеводы Михаила Казимира Паца [LMAV, f. 139, b. 4684, k. 1]. Наверное, Слушка уступил, так как 3 октября 1681 г. на Святомихальских рочках полоцкая шляхта избрала Яна Пакоша послом к королю с целью получить у того универсал на элекционный сеймик. Инструкцию Пакошу подписали наивысшие местные урядники: каштелян Ян Корсак, подкоморий Януш Зенович, хоружий Владислав Ян Корсак и земский судья Михаил Невельский [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 581, л. 686–687]. Элекционный сеймик прошел 5 марта 1682 г. Полоцким воеводой был избран мстиславский воевода Ян Яцек Огинский. Информировать короля о решении полоцкой шляхты должен был избранный послом на сеймике Ян Пакош [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 581, л. 678a–679av.–679b]. Инструкцию послу из местных урядников подписали только бывший председателем (директором) сеймика каштелян Ян Корсак и земский судья Михаил Невельский [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 581, л. 676–676a]. Причины такого незначительного представительства местных урядников объясняются тем, что избрание воеводой Яна Яцка Огинского встретило сильное противодействие части местной шляхты во главе с полоцким подкоморием Янушем Зеновичем, полоцким хоружим Владиславом Яном Корсаком, полоцким подвоеводой и оршанским войским Яном Владиславом Галимским. Несогласная с избранием воеводой Огинского шляхта выслала к королю Яну III Собесскому послов – полоцкого городского судью Мартина Корсака и полоцкого чашника Иеронима Жабу. Послы должны были просить короля признать элекционный сеймик сорванным, так как Ян

⁵ Выражаю искреннюю благодарность Андрею Родоману за предоставленную информацию.

Яцек Огинский при помощи трокского воеводы Мартина Огинского и «на-
нятых рыцерских людей, особенно из соседних воеводств и поветов» во
время самого сеймика, не обращая внимания на протесты «в нарушение
прав и свобод наших» сформировали элекционный сеймик. Поэтому послы
должны были просить о выдаче нового универсала на новый элекционный
сеймик для выбора полоцкого воеводы [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 581, л. 673–
674]. Из другого документа становится понятно, что причиной этих протес-
тов были письма бывшего полоцкого воеводы жмудского старосты Казим-
мира Яна Сапеги к своим сторонникам. В результате один из них – полоц-
кий подкоморий Януш Зенович – боролся с полоцким каштеляном Яном
Корсаком за избрание на должность председателя сеймика. Сторонники
Сапег хотели, чтобы сначала выслушали прибывшего от короля посла Па-
коша, а уже потом выбирали председателя сеймика. Настоящей целью ор-
ганизованных выступлений стал срыв элекционного сеймика, чтобы потом
на новом элекционном сеймике избрать полоцким воеводой надворного
подскарбия ВКЛ Базылия Сапегу. Большинство шляхты, однако, решило
проводить сеймик и дальше, не обращая внимания на протесты сторонни-
ков Сапег [AGAD, AR, dz. II, supl., sygn. 653, k. 1–4]. Ян III Собесский также
не обратил внимания на протесты значительной части полоцкой шляхты
и 6 июня 1682 г. и подписал привилей на Полоцкое воеводство Яну Яцеку
Огинскому [AGAD, AR, dz. XXIII, teka 18, plik 1, s. 65].

Ян Яцек Огинский был полоцким воеводой короткое время до смерти
24 февраля 1684 г. Новый универсал на элекционный сеймик был дан коро-
лем Яном III Собесским 26 мая 1685 г. [Галубовіч, 2007, № 11, с. 41]. В ре-
зультате на элекционном сеймике под дирекцией великого гетмана ВКЛ
Казимира Яна Сапеги полоцким воеводой был избран борисовский старо-
ста Доминик Михаил Слушка. На этом же сеймике к королю с информацией
об избрании воеводой Слушки были избраны послами Константин Щитт
и Ян Пакош. Под инструкцией свои подписи поставили самые значитель-
ные местные урядники: каштелян Ян Казимир Корсак, подкоморий Януш
Зенович, хоружий Владислав Ян Корсак, земский судья Троян Пакош [AGAD,
APP, nr. 133, s. 155–158.]. Уже 1 марта 1686 г. Ян III Собесский дал приви-
лей на должность полоцкого воеводы Доминику Михаилу Слушке [Wolff,
1885, s. 48].

В конце XVII в. в ВКЛ разгорелся конфликт между Сапегами и «республиканцами». Раздел на сторонников Сапег и республиканцев не миновал
и Полоцкое воеводство. В 1698 г. часть шляхты пробовала лишить должно-
сти полоцкого воеводы Доминика Михаила Слушку и даже избрала, как на
свободную должность воеводы, полоцкого гродского суррогатора [AGAD,
APP, nr. 163a, t. 26, s. 371–374]. Однако новый король Август II не видел ни-
каких правовых оснований лишать Слушку должности. Возможно, что ак-
тивность полоцкой шляхты стала причиной подтверждения сеймом 1699 г.
пункта о вольном избрании полоцкого воеводы [Volumina Legum, 1860, т. 6,
s. 42]. Слушка занимал должность полоцкого воеводы до смерти 29 января
1713 г. (согласно иным источникам, 16 февраля 1713 г.) [AGAD, ZMRP, sygn. 303,

нг. 154]. Полоцкая шляхта могла опасаться, что король, не обращая внимания на право свободного избрания воеводы, выдаст привилей новому воеводе без проведения «элекции». Именно поэтому уже 16 февраля 1713 г. у короля было получено «подтверждение привилея вольной элекции полоцкого воеводства» [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 155, л. 621–622]. В свою очередь, должность полоцкого воеводы некоторое время оставалась вакантной. Возможно, причиной этого послужил внутривоеводский конфликт в Речи Посполитой 1714–1717 гг.

Только на громничном сеймике полоцкого воеводства 1719 г. послом к королю с просьбой выдать универсал на элекционный сеймик был избран шнитовский староста Франтишек Зенович [РГАДА, ф. 589, оп. 1, д. 581, л. 842]. Возможным кандидатом на избрание воеводой в это время был один из лидеров антикоролевской оппозиции, польный гетман ВКЛ Станислав Денгоф. Август II обещал полоцкое воеводство Денгофу с целью вывести его из антикоролевской оппозиции. Если бы Денгоф стал полоцким воеводой, то уже был бы сенатором и не мог избираться послом на сейм. Но тот факт что именно он в он на последних сеймах руководил в посольской избе действиями антикоролевски настроенных сеймовых послов позволяет считать, что полоцким воеводой он так и не стал [Kosińska, 2003, s. 238, 258]. 27 января 1720 г. по переданной через посла Франтишка Зеновича просьбе полоцкой шляхты королем был выдан универсал на элекционный сеймик для выбора полоцкого воеводы. В универсале особо обращалось внимание, что выдан он на вольные выборы воеводы согласно привилею Стефана Батория, который был подтвержден сеймовыми конституциями 1647 и 1699 гг. [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 159, л. 433–433об.]. Причем королевский двор выдал не только универсал на элекционный сеймик, но пообещал Денгофу дать и привилей на должность полоцкого воеводы [BCz, sygn. 5790, s. 1033].

Однако элекционный сеймик не был созван. Причиной этого видится то, что Денгоф не принял предложение короля и остался в рядах антикоролевской оппозиции. Королевский двор не оставлял попыток с помощью должности полоцкого воеводы вывести Денгофа из антикоролевской оппозиции. В результате был выдан второй универсал на элекционный сеймик. В его копии в Метрике ВКЛ нет точной даты проведения сеймика, а только указан 1721 г. [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 160, л. 614–615].

В результате 25 августа 1721 г. на элекционном сеймике под дирекцией полоцкого гродского суррогатора и полоцкого полковника Антония Зеновича полоцким воеводой был избран Станислав Денгоф [BCz, sygn. 5790, s. 394, 397]. Известно, что на самом сеймике, как и в 1670 г., был презентован полоцкий земский привилей Стефана Батория. На сеймике были избраны и послы к королю (речицкий стольник Троян Лосовский и полоцкий ловчий Юзеф Корсак) с информацией об избрании Денгофа и просьбой выдать ему привилей на должность полоцкого воеводы [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 16, л. 8–8об.]. Полоцкие послы предоставили информацию об избрании полоцким воеводой Денгофа королю на сейме 1722 г. В своем ответе 17 октября 1722 г. Август II сообщал, что, согласно вольному выбору полоцкой шляхты

и учитывая заслуги Денгофа перед Речью Посполитой, дает ему должность полоцкого воеводы [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 160, л. 832–833]. В привилее Денгофу особенно подчеркивалось, что ранее прошли его выборы полоцким воеводой «на основании прав сеймовых конституций и особого нашего универсала» [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 161, л. 144]. Станислав Денгоф занимал должность полоцкого воеводы до смерти 2 августа 1728 г.

Следующим на полоцкое воеводство стал претендовать стольник ВКЛ Юрий Сапега. Уже в апреле-мае 1730 г. Сапега получил обещание у короля дать универсал на элекционный сеймик для выбора полоцким воеводой или должность трокского воеводы [LMAV, f. 139, b. 4002, l. 65, 123]. Дата проведения сеймика, на котором Юрий Сапега был избран полоцким воеводой, неизвестна. Сохранилась копия королевского универсала на проведение элекционного сеймика. Универсал был выдан во Вسخове, однако на нем не указана как дата выдачи, так и дата, сообщающая о том, когда должен был пройти элекционный сеймик [Biblioteka PAN PAU w Krakowie, sygn. 328, k. 1–17v.]. Уже 20 октября 1730 г. Август II выдал привилей на полоцкое воеводство Юрию Сапеге. В привилее особенно подчеркивалось, что ранее Сапега был избран воеводой на элекционном сеймике полоцкой шляхты [Biblioteka PAN PAU w Krakowie, sygn. 328, k. 14–14v.]. Однако в результате Юрий Сапега отказался от должности полоцкого воеводы и не принял привилей на нее [Rachuba, 1993, t. XXXV/1, z. 144, s. 22].

Полоцкая шляхта постаралась оперативно организовать новый элекционный сеймик и провести выборы нового воеводы. Уже на полоцком громничном сеймике 1732 г. полоцкая шляхта пробовала выбрать послов к королю за универсалом для выборов полоцкого воеводы. Кандидатов на такое посольство было много: полоцкий городничий Франтишек Гласко, стародубский гродский писарь Базылий Корсак, ладоснянский староста Ян Щитт и полоцкий подкоморич Франтишек Зенович. Их кандидатуры вызвали протесты со стороны полоцкого гродского писаря Стефана Корсака, который и сорвал сеймик [РНБ, ф. 957, F pol. IV, 258, б. н.]. На следующем полоцком господарском сеймике (10 февраля 1733 г.) под председательством (директорством) полоцкого хоружего Александра Константина Корсака Бобыницкого были избраны послы к королю за универсалом на элекционный сеймик: полоцкий подкоморич Франтишек Зенович и стародубский гродский писарь Базылий Корсак Бобыницкий [Biblioteka uniwersytetu Warszawskiego, акс. 418, b. p.]. Однако Август II умер 1 февраля 1733 г., но эта новость еще не достигла Полоцка. Наступивший период бескорольевья (1733–1736 гг.) отодвинул проблему избрания полоцкого воеводы на более позднее время. Только на полоцком господарском сеймике (4 февраля 1738 г.) послами к королю за универсалом на элекционный сеймик были избраны полоцкий стражник Элияш Гласко и крашущий старостич Юзеф Корсак [Kuryer Polski 1738, nr. LX, [5 III]]. Возможно, что против выбора этих послов были поданы резкие протесты, так как уже в 1738 г. на полоцком посольском сеймике под председательством войпунского старосты Михаила Селицкого послами к королю за универсалом на элекционный сеймик избрали полоц-

кого городничего Базылия Корсака Бобыницкого и полоцкого обозного Яна Войну [LVIA, Древние акты 95, k. 236, l. 2362–2363]. Выбор послов на сейм и послов к королю опротестован. Часть местной шляхты во главе с полоцким земским судьей Трояном Гласко утверждала, что полоцкий войсковый Ян Корсак Удельский, Петр Корсак Удельский, чашник ВКЛ Юзеф Щитт и войпунский староста Михаил Селицкий вместе со своими сторонниками не дали начать заседание сеймика высшему из присутствующих урядников земскому судье Трояну Гласко и не разрешили ему же представить отчет о работе Провинциальной комиссии ВКЛ об увеличении войска. После, угрожая оружием и не обращая внимания на протесты, выбрали председателем сеймика Селицкого, послами на сейм Яна Буйницкого и Иеронима Корсака Удельского, а также послов к королю за универсалом на элекционный сеймик Базылия Корсака Бобыницкого и Яна Войну [LVIA, Древние акты 95, k. 759–760v., l. 2360–2361]. Наличие протеста не помешало Августу III 29 августа 1739 г. выдать универсал на элекционный сеймик для выборов полоцкого воеводы. В самом универсале не упомянута дата, на которую был назначен элекционный сеймик [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 171, л. 1039–1039об.]. Ничего неизвестно об элекционных сеймиках по выборам полоцкого воеводы в 1739 и 1740 г. Если эти сеймики и проводили, то они были сорваны, так как должность полоцкого воеводы оставалась незаполненной.

Значительно больше сведений содержится о следующей попытке организовать выборы полоцкого воеводы. В конце декабря 1741 г. в Полоцком воеводстве ходили слухи, что на господарском сеймике 1742 г. часть шляхты хочет выбрать послов к королю с просьбой выдать универсал на элекционный сеймик для выбора полоцкого воеводы. Кандидатом на избрание воеводой в это время был обозный ВКЛ Игнатий Огинский, который проявлял старание быть избранным депутатом на громничном сеймике 1742 г. [LMAV, f. 139, b. 443, p. 4v.; AGAD, AR, dz. LII, nr. 42, k. 4–5]. Сохранился документ о планах Игнатия Огинского быть избранным полоцким воеводой. Документ состоит из двух частей. В первой оговариваются действия, которые нужно предпринять, чтобы провести избрание полоцким воеводой Игнатия Огинского. Во второй части указываются причины, по которым может быть не избран полоцким воеводой Игнатий Огинский [Biblioteka PAU PAN w Krakowie, sygn. 5999, k. 25]. Неизвестно какое решение принял Игнатий Огинский на основании этого документа, так как был вынужден отложить свои планы избрания полоцким воеводой из-за того, что в 1742 г. был направлен послом в Россию.

Следующий известный универсал на элекционный сеймик для выбора полоцкого воеводы был выдан королем Августом III 22 ноября 1744 г. Проведение сеймика было определено на 22 февраля 1745 г. Универсал был выдан по просьбе полоцкой шляхты донесенной через ее послов [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 172, л. 1411–1412]. Можно предполагать, что эти послы были избраны, скорее всего, на полоцком посольском сеймике 1744 г.

Элекционный сеймик по выбору полоцкого воеводы 21 февраля 1745 г. был сорван. Сохранился протест против этого сеймика с подписью пять шляхтичей во главе с Тадеушем Снарским и полоцким ротмистром Людвиком Корсаком [Львівська національна наукова бібліотека ... , ф. 103, оп. 1, д. 6780, л. 1].

Возможной причиной срыва сеймика видится то, что было значительное число кандидатов на избрание полоцким воеводой. Во-первых, это польный писарь ВКЛ Кароль Сапега. Во-вторых, любошанский староста Юрий Радзивилл, который при определенных условиях был готов уступить «с гордостью нашего имени» [AGAD, AR, dz. IV, sygn. 217, k. 48–49]. Третьим кандидатом был полоцкий каштелян Валерьян Жаба [РНБ, ф. 957, Q pol. IV, 101, л. 63]. Заранее было известно, что против выборов нового воеводы существуют препятствия и 6 февраля 1745 г. Юрий Радзивилл заявил великому гетману ВКЛ Михаилу Казимиру Радзивиллу, что не поедет в Полоцк на элекционный сеймик, так как он будет сорван [AGAD, AR, dz. IV, sygn. 218, k. 3]. Возможно, что Радзивилл и сам позаботился о его срыве, так как Людвик Корсак и Тадеуш Снарский известны как сторонники Радзивиллов.

Уже в 1748 г. появились новые планы выборов полоцкого воеводы. Кандидатом на должность полоцкого воеводы стал подляшский воевода Михаил Антоний Сапега [BN, BOZ, sygn. 941, s. 485–486, 488–489]. Уже 27 июля 1748 г. Михаил Антоний Сапега получил обещание короля выдать универсал на элекционный сеймик для выбора полоцкого воеводы [LMAV, f. 139, b. 4063, p. 228]. Михаил Антоний Сапега хотел оперативно организовать элекционный сеймик, поэтому уже 15 июля просил брата виленского кадьютора Юзефа Станислава Сапегу приехать к нему в Слоним 1 сентября 1748 г. для обсуждения необходимых действий по избранию полоцким воеводой. К 1 октября этого же года Михаил Антоний Сапега планировал выехать в Полоцк на элекционный сеймик [LMAV, f. 139, b. 4063, p. 236]. Он рассчитывал сохранить в тайне свое желание быть избранным на должность полоцкого воеводы, поэтому сомневался в необходимости информировать об этом руководителя группировки Радзивиллов великого гетмана ВКЛ Михаила Казимира [LMAV, f. 139, b. 4063, p. 236–237]. На сейме 1750 г. посол полоцкий ловчий Ян Храповицкий просил короля выдать универсал на элекционный сеймик для выборов полоцкого воеводы [AGAD, AR, dz. IV, ks. 46, k. 233]. Королевское согласие на выдачу такого универсала передал канцлер ВКЛ Ян Фридерик Сапега [AGAD, AR, dz. IV, ks. 46, k. 234]. В результате Август III 18 сентября 1750 г. выдал универсал на элекционный сеймик для выборов полоцкого воеводы [НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 171, л. 713–714].

Михаил Антоний Сапега направил свое письмо к шляхте Полоцкого воеводства с просьбой об избрании его полоцким воеводой. Это письмо было прочитано на господарском сеймике 1751 г. [AGAD, AR, dz. IV, ks. 46, k. 338–339].

5 июля 1751 г. умер канцлер ВКЛ Ян Фридерик Сапега. После него канцлером ВКЛ, как было давно оговорено, должен был стать подканцлер ВКЛ Михаил Чарторыйский. Кандидатом на пост подканцлера ВКЛ стал Миха-

ил Антоний Сапега. Это означало, что он не станет стремиться стать полоцким воеводой. Именно поэтому Михаил Чарторыйский 16 августа 1751 г. попросил Михаила Антония Сапегу вернуть универсал на элекционный сеймик [BN, sygn. 3285, cz. 1, s. 147].

Однако Сапеге отказались от планов выбрать представителя своего рода полоцким воеводой. Таким кандидатом был выбран надворный подскарбий ВКЛ Александр Сапега. Август III по просьбе Сапег и Чарторыйских выдал новый универсал на элекционный сеймик для выбора полоцкого воеводы [LMAV, f. 139, b. 1263, р. 64–64v.]. Организовать выборы Александра Сапеге полоцким воеводой должен был инстигатор ВКЛ Николай Тадеуш Лопатинский, который, прибыв в Полоцкое воеводство, начал агитировать униатского митрополита Флориана Гребницкого, Корсаков, Сwoлынских, часть рода Гласков, Рыпиньских, Буйницких, Зеновичей, Пакошей и иных [LVIA, f. 1135, op. 14, b. 32, р. 135v.]. Лопатинский агитировал на левом берегу р. Западная Двина, а на правом это делали митрополит Гребницкий и крашущий староста Буйницкий [LVIA, f. 1135, op. 14, b. 32, р. 137].

Саму поездку Александра Сапеге на элекционный сеймик удалось реконструировать на основании писем сторонников Сапег братьев Яна Доминика и Николая Тадеуша Лопатинских. Согласно им, Александр Сапега и Ян Доминик Лопатинский выехали из Леонполя и по дороге к Полоцку заглянули к марковскому старосте Яну Щитту, где встретили Храповицких, Сwoлынских и других представителей полоцкой шляхты. Вместе с ними поехали к Полоцку. Съехали дорогой к Махирово, чтобы помолиться перед иконой св. Девы Марии. За милю от Полоцка встретил их инстигатор ВКЛ Николай Тадеуш Лопатинский. Вечером в пятницу (5 января 1753 г.) все прибыли в Полоцк, где сразу к надворному подскарбию ВКЛ съехалось множество шляхты, и был организован праздничный ужин, после которого прошли переговоры. В субботу (6 января 1753 г.) после новых переговоров удалось прийти к соглашению. Однако появились новые претензии со стороны войпунского старосты Михаила Селицкого, маршалка двора гетмана ВКЛ Корсака, которые были сторонниками Радзивиллов. Именно для искоренения этих претензий Александр Сапега в субботу вечером объехал с визитом наиболее влиятельных шляхтичей. Этим же вечером удалось разрешить главное противоречие среди полоцкой шляхты между Трояном Корсаком Бобыницким и Флорианом Гребницким. Оставалась только решить следующую проблему: кто должен начать заседание сеймика и кто должен быть избран его председателем. Большинство шляхты хотело избрать председателем инстигатора ВКЛ Николая Тадеуша Лопатинского, но сторонники Сапеге были против. Причиной этого было стремление избежать обвинений, что Александр Сапега «привез с собой готового директора». В результате было договорено, что председателем будет избран Евстахий Храповицкий [LMAV, f. 139, b. 2554, р. 184–185].

Все противоречия удалось ликвидировать благодаря шпионам Сапеге. Именно они узнали, что Радзивиллы и Огинские решили сорвать элекционный сеймик, чтобы не допустить выбора полоцким воеводой Александра

Сапеги. Великий гетман ВКЛ Михаил Казимир Радзивилл с этой целью послал маршалка своего двора Корсака. Великий маршалок ВКЛ Игнат Огинский выслал шляхтича с заданием сорвать сеймик. Николаю Тадеушу Лопатинскому удалось перетянуть сторонников Радзивиллов и Огинских на сторону Сапег. В результате сторонники Сапег даже имели возможность увидеть письма с просьбой сорвать элекционный сеймик от Михаила Казимира Радзивилла и новгородского воеводы Юрия Радзивилла. Кроме того, не ориентируясь в приверженности некоторых шляхтичей Сапегам, Игнатий Огинский выслал им на срыв сеймика 300 червонных золотых. Это тоже стало известно Сапегам, и они с помощью своих финансовых вливаний избежали срыва сеймика [LMAВ, f. 139, b. 2554, p. 183].

Ход элекционного сеймика по выборам на должность полоцкого воеводы можно реконструировать на основании письма Яна Доминика Лопатинского к виленскому коадьютору Юзефу Станиславу Сапеге, приложенного к нему секретного диариуша, а также напечатанного диариуша. Полоцкая шляхта собралась в 9 часов утра на имшу в костеле доминиканцев. Там снова начался спор о том, кто должен начать сеймик, а кто должен быть избран председателем сеймика. Снова удалось добиться согласия сторон. Сам сеймик начался между 10 и 11 часами утра и длился не более чем полчаса. Участвовало в сеймике огромное количество шляхтичей. Согласно подсчетам Лопатинского, на него съехались представители шляхты в количестве 4 тысячи человек, а, согласно печатному диариушу, – вообще 5 тысяч шляхтичей. Значительное количество шляхты вынудило перенести заседание из «шопы» на «замковую площадь». Заседание сеймика начал не высший (согласно закону) присутствующий урядник, а полоцкий будовничий Франтишек Рыпиньский. Потом выслушали послов к королю полоцкий ловчий Ян Храповицкий и ситнианский староста Юзеф Тадеуш Рыпиньский с информацией о согласии короля на проведение элекционного сеймика по выборам полоцкого воеводы. Затем председателем сеймика был избран шунелинский староста и писарь русской каденции Трибунала ВКЛ Евстахий Храповицкий. Далее были выслушаны предложения шляхты о кандидатуре будущего воеводы. Была предложена только одна кандидатура – Александр Сапега. Против него никто не заявил протеста. В результате шляхта своими криками поддержала выбор полоцким воеводой Сапеги. Поздравления ему сначала высказал войпунский староста Михаил Селицкий, а потом и другие шляхтичи. Последним поздравления высказал председатель сеймика и закрыл собрание. После этого все участники сеймика отправились на службу в костел иезуитов [Biblioteka PAU PAN, sygn. 361, k. 302–303; LMAВ, f. 139, b. 2554, p. 182–183, 184–185].

Александр Сапега долгое время был полоцким воеводой. Только в 1775 г. когда он стал канцлером ВКЛ, то отказался от этой должности. Она была свободна до 1781 г., когда на полоцкое воеводство был избран Юзеф Сосновский. На 7 января 1781 г. был созван элекционный сеймик для избрания полоцкого воеводы. Именно на нем полоцким воеводой был избран Юзеф Сосновский. Привилей Сосновскому был дан 11 марта 1781 г. [НИАБ,

ф. КМФ-18, оп. 1, д. 542, л. 285–286]. Из приложенной копии протеста к письму полоцкого каштеляна Тадеуша Жабы к королю Станиславу Августу Понятовскому становится понятно, что значительная часть полоцкой шляхты имела альтернативную кандидатуру для выборов полоцким воеводой вместо Сосновского. Протестовавшая шляхта ссылалась на свое право вольного выбора полоцкого воеводы и подтверждение этого права сеймом Речи Посполитой 1647 г. Однако Тадеуш Жаба согласно королевскому желанию не обратил внимания на протест и объявил о избрании воеводой Сосновского [BCz, sygn. 695, s. 31]. Сам Жаба просил короля не обращать внимания на протест и выдать привилей Сосновскому на полоцкое воеводство, так как протестовавшая шляхта требовала единогласного избрания, ссылаясь на право о «вольном выборе полоцкого воеводы», но согласно изменениям в законах избираемые урядники избирались не единогласно, а большинством голосов [BCz, sygn. 695, s. 29]. Неизвестно по какой причине, возможно потому, что большинство голосов было за Сосновского, но Станислав Август Понятовский не обратил внимания на протест и дал привилей на полоцкое воеводство Юзефу Сосновскому. После смерти Сосновского в 1783 г. вскоре (уже в 1784 г.) были организованы новые выборы полоцкого воеводы. Универсал на элекционный сеймик был выдан Станиславом Августом Понятовским 29 мая 1784 г., назначив его на 14 августа 1784 г. в Ушачах, где проходили полоцкие сеймики после того, как большая часть Полоцка после первого раздела Речи Посполитой отошла к России. Вновь избранным полоцким воеводой стал Тадеуш Жаба [НИАБ, ф. 1778, оп. 1, д. 33, л. 191–191v.; ф. КМФ-18, оп. 1, д. 551, л. 952–954]. Под креденсом Тадеушу Жабе на выборы полоцкого воеводы свои подписи оставили ведущие местные урядники: подкоморий Антоний Зенович, хоружий Ян Норницкий, земский судья Петр Буйницкий, регент ВКЛ Юзеф Селицкий, гродский суррогатор Казимир Спинек, земский судья Игнат Есман, земский судья Антоний Подвинский, земский судья Винцент Корсак Бобыницкий, стольник Петр Селява, подстолий Станислав Буйницкий, земский писарь Ян Пакош, городничий Адам Гребницкий. Вообще креденс подписало более 400 шляхтичей [НИАБ, ф. 1778, оп. 1, д. 33, л. 297–299v.]. Привилей Тадеушу Жабе был дан 17 ноября 1784 г. [НИАБ, ф. 1778, оп. 1, д. 33, л. 507–507v.]. Письма в поддержку Жабы на сеймик прислали король Станислав Август и виленский воевода Кароль Станислав Радзивилл. За утверждение Жабы на должность полоцкого воеводы проголосовали единогласно [AGAD, AR, dz. V, sygn. 7279, k. 12–13; sygn. 7293, k. 46].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Согласно закону должность полоцкого воеводы закреплялась за кандидатом после его предшествующего избрания на элекционном сеймике. И только потом происходило подтверждение его избрания королевским привилеем. Основным документом права избрания полоцкого воеводы был земский привилей Полоцкой земли 1511 г., выданный Сигизмундом I Старым. Во времена Речи Посполитой в основном ссылались на подтверждение этого привилея королем Стефаном Баторием в 1580 г. Известно, что этот привилей предостав-

лялся на элекционных сеймиках по выбору полоцкого воеводы. Шляхта долго добивалась признания ее права на свободное избрание полоцкого воеводы сеймом Речи Посполитой. Удалось это только в 1647 г. Возможно, что такая активность шляхты по подтверждению права о свободном избрании полоцкого воеводы была вызвана практикой цессии (передачи) этого поста в 1613 и 1621 г. В 1654 г. после смерти полоцкого воеводы Януша Кишки король Ян Казимир предпринял попытку дать Александру Людвигу Радзивиллу должность полоцкого воеводы без предшествующего его избрания. Это вызвало сильные протесты полоцкой шляхты. Согласно праву о свободном избрании полоцкого воеводы сначала давался привилей на элекционный сеймик, а уже после его избрания издавался привилей на полоцкое воеводство. Однако практика со второй половины XVII в. показывает, что король мог выдавать одновременно как универсал на полоцкое воеводство, так и привилей на эту должность. В таком случае элекционный сеймик был простой формальностью. Ситуация изменилась в XVIII в., когда только избрание на элекционном сеймике давало возможность получить привилей у короля. Отказ Юрия Сапеги в 1730 г. и срыв нескольких элекционных сеймиков привел к тому, что с 1728 по 1753 г. пост полоцкого воеводы был вакантен. О выборах полоцкого воеводы в 1753 г. сохранилось наибольшее количество информации, которая дает возможность в определенной мере реконструировать порядок проведения элекционного сеймика. После начала сеймика выступали послы, направлявшиеся к королю, которые подтверждали его согласие на выбор нового воеводы. Затем избирался председатель сеймика (обратная очередность существовала в 1682 г.) и после этого проходили выборы самого воеводы (предлагались кандидаты, а потом, если не было протестов, выбор утверждался единогласным окриком шляхты). На следующем сеймике избирали послов к королю с информацией о выборе полоцкого воеводы и с просьбой выдать привилей на эту должность.

5.5. Полоцкие сеймики 1717–1763 гг.

(А. В. Мацук)

Хронологические рамки данных сеймиков обусловлены следующими причинами. «Немой сейм» 1717 г. стал определенным рубежом в истории Речи Посполитой. Принятые на нем постановления сформировали определенные правовые основы, согласно которым функционировала Речь Посполитая. Эти правовые основы просуществовали до разделов Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией в 1772, 1793 и 1795 г. Среди прочего были приняты постановления, которые ограничивали компетенцию поветовых сеймиков, лишая их права определения новых налогов. «Немой сейм» 1717 г. определил постоянное время начала сейма Речи Посполитой на первый понедельник после дня Святого Михаила (29 сентября) в четные годы. Посольские сеймики должны были созываться королевскими универсалами не позднее чем за 6 недель до сейма. Это определяло время проведения посольских сеймиков не позднее второй половины августа.

В 1717–1763 г. в Полоцке проходили следующие виды сеймиков: посольские (предсеймовые), реляционные, депутатские (громничные), господарские, элекционные.

На посольском (предсеймовом) сеймике происходили выборы послов на сейм Речи Посполитой. В рассматриваемый период прошло 25 сеймиков. Однако, сеймики 1719–1720 гг. и 1726 г. были «лимитированными сеймиками» (лимитирование сеймика – перерыв в его заседаниях для согласования спорных вопросов, заседания сеймика переносились на более позднее время) и состав их участников был тот же, что и сеймиков 1718 и 1724 г. Фактически прошло только 23 посольских сеймика.

Депутатский («громничный» сеймик собирался в первый понедельник после праздника Матери Божей Громничной – 2 февраля). На громничных сеймиках проходили выборы депутатов Главного Трибунала ВКЛ. В рассматриваемый период состоялось 46 поветовых сеймиков. Правда, в ситуации внутривоеводского конфликта очень сомнительно, что в 1734 г. состоялся полоцкий громничный сеймик. Еще один сеймик, господарский, собирался на следующий день после громничного. Иногда это разграничение между сеймиками отсутствует и оба сеймика выступают под общим названием («громничный»). В Полоцком воеводстве, как и во всем ВКЛ, эти сеймики проходили каждый год. Однако не обо всех прошедших громничных сеймиках имеются сведения в документах.

Избрание некоторых земских поветовых урядников проходило на элекционных сеймиках. На них в ВКЛ избирали подкомория, хоружего, земских судью, подсудка и писаря. Особенностью Полоцкого воеводства было то, что тут на элекционном сеймике проходили выборы местного воеводы. Право созыва элекционного сеймика принадлежало воеводе, кроме случая созыва сеймика для выбора самого воеводы, когда сеймик созывался королем. Кроме того, были случаи, когда в отсутствие воеводы элекционный сеймик созывал каштелян [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 14, л. 1]. В рассматриваемый период прошли выборы всех вышеперечисленных урядников. Причем выборы полоцкого воеводы проходили 5 раз.

Первым в рассматриваемый период состоялся полоцкий громничный сеймик 1718 г., на котором депутатами были избраны бельский староста Валерьян Антоний Жаба и полоцкий хоружий Антоний Ян Корсак Залеский. В том же 1718 г. прошел и посольский сеймик. На нем под председательством Иеронима Жабы послами были избраны полоцкий земский судья Самуэль Пжисецкий и полоцкий гродский суррогат Антоний Зенович [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 15, л. 14; Kosińska, 2003, s. 274].

Сейм 1718 г. был лимитирован, и эти послы были на сеймах 1719–1720 гг. Депутатами на громничном сеймике 1719 г. были избраны полоцкий войский Сымон Корсак Удельский и полоцкий будовничий Франтишек Рыпиньский. На этом же громничном сеймике послом к королю с просьбой о проведении выборов нового воеводы был избран шнитовский староста Франтишек Зенович [РГАДА, ф. 589, оп. 1, д. 581, л. 842]. На следующем полоцком громничном сеймике 1720 г. депутатами были избраны смоленский

подстолий Фелициан Гребницкий и браславский стражникович Франтишек Гласко. Полоцкий посольский сеймик этого года был сорван.

Громничный сеймик 1721 г. также был сорван. Причиной стал конфликт части шляхты во главе с полоцким подчашим и полоцким ротмистром Яном Рагожей, полоцким городничим Трояном и инфлянцем скарбником Томашем Гласками с местными урядниками: обозным Иосафатом Антонием Селявой, войским Симоном Корсаком Удзельским, писарем гродским Стефаном Михалом Корсаком, полоцким стражником Александром Корсаком и смоленским подстолием Иеронимом Корсаком. Во время сеймика шляхта обвинила Селяву в том, что он «поджигатель». В результате шляхта протестовала против урядников и разошлась с сеймика. На следующий день Рагожа, Гласко и Корейвы «против закона собираться начали» на депутатский сеймик. Против этого выступили 56 шляхтичей во главе с полоцким войским Сымоном Корсаком Удельским, полоцким будовничим Константином Есманом, полоцким ловчим Яном Болеславом Коссажецким, смоленским подстолием Иеронимом Корсаком, полоцким гродским писарем Стефаном Михаилом Корсаком Удельским, полоцким обозным Иосафатом Антонием Селявой и полоцким будовничим Михаилом Корсаком [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 16, л. 93–94].

На громничном сеймике 1722 г. депутатами были избраны полоцкий обозный Иосафат Антоний Селява и линовский староста Юзеф Подбипен-та. Неизвестно, чем закончились полоцкий посольский сеймик 1722 г. и полоцкий громничный сеймик 1723 г. Скорее всего, они были сорваны.

Против всех постановлений полоцкого громничного сеймика 1724 г. был подан протест [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 17, л. 248об.]. Возможно, что именно он и послужил основанием для срыва заседаний сеймика, поэтому ничего не известно об избранных депутатах. На полоцком посольском сеймике 1724 г. послами были избраны шнитовский староста Франтишек Зенович и полоцкий подчаший Антоний Буйницкий. В дальнейшем широкую известность в Речи Посполитой получил конфликт между полоцкими послами на сейме. Тогда Буйницкий заявил, что Зенович и он избраны послами незаконно, так как были поданы протесты [AP, teki LVIII, sygn. 518, s. 283–285]. Дальнейшие события и решение самого сейма показывают, что Буйницкий сознательно врал, чтобы лишить Зеновича статуса посла. Полоцкий громничный сеймик 1725 г. был сорван. Уже 23 мая 1725 г. в Полоцке прошел элекционный сеймик по выбору полоцкого земского писаря [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 17, л. 273]. Наверное, в это время прошли и элекционные сеймики по выбору подкомория, хоружего, земского судьи и подсудка, так как уже 6 июня 1626 г. на все вышеперечисленные избираемые должности были выданы королевские привилеи [НИАБ, ф. КМФ-18, nr. 165, s. 396–404; LVIA, Древние акты 81, l. 1580–1583v., 1602–1603v.].

На полоцком громничном сеймике 1726 г. под дирекцией полоцкого подвоеводы Валерьяна Жабы были избраны депутатами смоленский стольник и полоцкий гродский судья Александр Рыпиньский, полоцкий земский судья Юзеф Антоний Пжисецкий [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 18, л. 20–21об.].

Кроме того, на сеймике были избраны послы к полоцкому воеводе Станиславу Денгофу: полоцкий стражник Винцент Рыпиньский и шунелиский староста Доминик Храповицкий, с просьбой распределить освободившиеся вакансии согласно более ранним обещаниям воеводы [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 18, л. 12–14].

На следующий день после громничного сеймика, 4 февраля 1726 г., в Полоцке прошел реляционный сеймик. На нем под председательством полоцкого хоружего Александра Константина Корсака Бобыницкого было принято постановление о выделении «посольщины» (компенсации затрат за два сейма: в 1724 г. – Варшава и в 1726 г. – Гродно) бывшим полоцким послам: шнитовскому старосте Франтишку Зеновичу и полоцкому подचाшию Антонию Буйницкому. «Посельщина» была определена «с дыму каждого по шостаку битому». Буйницкому по более ранним долгам за посольство шляхта выделила еще по одному шостаку битому с дыма [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 19, л. 14–16об.].

Депутатами на полоцком громничном сеймике 1727 г. были избраны полоцкий войский Симон Корсак Удельский и полоцкий подвоевода Валерьян Жаба. Полоцкий громничный сеймик в 1728 г., скорее всего, был сорван, так как об избранных на нем депутатах ничего не известно.

На полоцком посольском сеймике 23 августа 1728 г. послами на сейм под председательством кушлицкого старосты Даниэля Антония Шпаковского в Полоцке были избраны бельский староста Валерьян Антоний Жаба и полоцкий ловчий Юзеф Корсак Бобыницкий [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 20, л. 1–7об.].

Информация об избрании депутатов на полоцком громничном сеймике 1729 г. отсутствует, значит, скорее всего, он был сорван. На следующем громничном сеймике 1730 г. депутатами были избраны шунелиский староста Доминик Храповицкий и полоцкий ловчий, инфлянтский ротмистр Юрий Кублицкий. Против полоцкого посольского сеймика был подан протест [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 21, л. 1–1об.], который, возможно, и послужил основанием для его срыва.

Сорван был и полоцкий громничный сеймик 1731 г. В этом не было ничего удивительного, учитывая борьбу между Радзивиллами и Сапегами за «нейбургские владения». Эта борьба продолжалась и в следующем году, что среди прочего снова привело к срыву громничного сеймика 1732 г. в Полоцке. Возможно, что на господарском сеймике 1732 г. в деле Полоцкой экономики удалось избрать послов к подскарбию ВКЛ Яну Сологубу полоцкого подстолия Антония Яна Корсака Залесского и полоцкого гродского суррогатора Антония Буйницкого [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 23, л. 19]. Похоже, что был сорван и посольский соймик, который должен был избрать послов на сейм 1732 г.

15 декабря 1732 г. в полоцком замке под дирекцией полоцкого войского Симона Корсака Удельского послами на сейм 1733 г. были избраны полоцкий земский судья Троян Гласко и речицкий стольник Троян Лосовский, которым была выделена «посольщина» в один тынф с дыма [НИАБ, ф. 1734,

оп. 1, д. 23, л. 3–Зоб., 14–15об.]. Информация о полоцком депутатском сеймике отсутствует. Несмотря на смерть Августа II 1 февраля 1733 г., сеймик прошел, так как на следующий день на громничном сеймике полоцкая шляхта еще ничего не знала о смерти короля и даже избрала послов к нему за универсалом для проведения элекционного сеймика по выборам полоцкого воеводы [Biblioteka uniwersytetu Warszawskiego, акс. 418, b. p.].

1733–1735 гг. можно выделить в отдельный период, так как большинство сеймиков и съездов шляхты, которые прошли в это время, были организованы при помощи вооруженных сил сторонников Станислава I Лещинского или Августа III и помогавших ему российских войск.

Уже 11 января 1734 г. в Полоцке была образована конфедерация сторонников Станислава I Лещинского в пользу избрания его королем [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 24, л. 27об.]. Было принято постановление о «посполитом рушении» Полоцкого воеводства в защиту Станислава I. Был определен налог на вооруженные силы Полоцкого воеводства с «каждого третьего дыма» [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 24, л. 27об.]. Для согласования своих действий с конфедерацией Оршанского повета были выбраны и посланы к ней послы Владимир Слома и Андрей Корсак [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 24, л. 1об.]. Эта конфедерация просуществовала довольно долго. Только в начале марта 1734 г. против нее выступили базировавшиеся в Витебске российские войска Василия Репнина [СИРИО, 1900, т. 108, с. 63]. При их приближении конфедерация Полоцкого воеводства в Туровле капитулировала и обещала признать королем Августа III [РГАДА, 1734, ф. 177, оп. 1, д. 18, л. 29–30]. Правда, полоцкая шляхта не провела сеймик, на котором бы принесла присягу на верность Августу III, но выслала за подписью конфедератского маршалка и полоцкого стольника Юзефа Пакоша мемориал к российской царице Анне Иоанновне с просьбой защиты от злоупотреблений от российских войск. Кроме того, шляхта обещала признать королем Августа III, но просила не принуждать ее силой к присяге [РГАДА, 1734, ф. 177, д. 18, л. 59]. Возвращение в Витебск войск Репнина привело к тому, что вопрос принесения присяги Августу III был отложен до их следующего прихода в Полоцкое воеводство в середине октября 1734 г. [РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 54, ч. 1, л. 17].

В результате 2 декабря 1734 г. на основании универсала маршалка Варшавской конфедерации Антония Понинского прошел сеймик Полоцкого воеводства, на котором местная шляхта принесла присягу Августу III. Этот универсал был передан Репниным полоцкому хоружему Александру Константину Корсаку Бобыницкому, который и созвал данный сеймик. Его председателем также стал Александр Константин Корсак Бобыницкий. На сеймике были избраны послы к российской царице Анне Иоанновне: инфлянтский войский Людвик Шантыр и инфлянтский скарбник Ян Гизберт. Постановления сеймика из местных урядников подписали: хоружий Александр Константин Корсак Бобыницкий, подсудок Иосафат Антоний Селява, земский писарь Базылий Рыпиньский, скарбник Казимир Буйницкий, крайчий Роман Ленкевич, ловчий Ян Война и будовничий Франтишек Рыпиньский. Кроме них постановления полоцкого сеймика подписали 112

шляхтичей [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 24, л. 13–16об., 22–23]. Этот сеймик показал полное превосходство сторонников Августа III при помощи российских войск.

В дальнейшем ситуация не изменилась. 27 июня 1735 г. на новом сеймике под дирекцией полоцкого хоружего Александра Константина Корсака Бобыницкого полоцкая шляхта выбрала «консиляжами» в Генеральный Совет Варшавской конфедерации инфлянтского войскового Людвика Шантыра и инфлянтского скарбника Яна Гизберта [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 25, л. 3–3об., 5–5об.]. Уже 19 августа 1735 г. под дирекцией кушлицкого старосты Даниеля Шпаковского на новом сеймике были избраны послами на пацификационный (примирительный) сейм полоцкий будовничий Франтишек Рыпиньский и стародубский гродский писарь Базылий Корсак Бобыницкий [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 25, л. 22–22об., 24]. Срыв этого сейма не помешал установлению власти Августа III в Речи Посполитой и началу обычного функционирования парламентских структур.

На полоцком громничном сеймике 1736 г. депутатами были избраны полоцкий гродский судья Юзеф Подбипента и войпунский староста Михаил Селицкий. На посольском сеймике в 1736 г. под дирекцией полоцкого подсудка Иосафата Антония Селявы послами были избраны чашник ВКЛ Юзеф Щитт и стародубский подстароста Петр Корсак Удельский [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 29, л. 11–12; Palkij, 2000, s. 218]. В 1736 г. или в начале 1737 г. на реляционном сеймике в Полоцке были избраны комиссарами на Провинциальную комиссию ВКЛ по увеличению войска полоцкий земский судья Троян Граско и марковский староста Ян Щитт [Palkij, 1999, z. L, s. 43]. На полоцком громничном сеймике 1737 г. депутатами были избраны полоцкий городничий Адам Щитт и дудский староста Буйницкий, однако поданные против их избрания протесты помешали упомянутым лицам стать трибунальскими судьями [AGAD, AR, dz. V, nr. 15669, k. 7–8].

Был сорван и полоцкий громничный сеймик 1738 г., наверное, из-за деятельности местных урядников, несмотря на протесты местной шляхты [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 21, л. 373–374]. В том же 1738 г. на посольском сеймике в Полоцке послами под дирекцией войпунского старосты Михаила Селицкого были избраны дудский староста Ян Буйницкий и Иероним Корсак Удельский [LVIA, Древние акты 95, k. 236, l. 2362–2363; Palkij, 2000, s. 224]. Их избрание было опротестовано частью местной шляхты во главе с земским судьей Трояном Гласко. Протестовавшая шляхта утверждала, что полоцкий войский Ян Корсак Удельский, Петр Корсак Удельский, чашник ВКЛ Юзеф Щитт и войпунский староста Михаил Селицкий со своими сторонниками не давали начать заседания согласно закону высшему земскому судье Трояну Гласко. Кроме того, Трояну Гласко не давали сделать реляцию о работе на Провинциальной комиссии ВКЛ по увеличению войска. Однако, угрожая оружием и не обращая внимания на протесты, избрали председателем Селицкого и послами на сейм Яна Буйницкого и Иеронима Корсака Удельского, а потом и послов к королю за универсалом на элекционный сеймик для выборов полоцкого воеводы. Протест подписали 73 шлях-

тича во главе с инфлянтским войским Александром Гласко, Фелицианом Корсаком, полоцким земским судьей Трояном Гласко и крашущим старостичем Юзефом Корсаком [LVIA, Древние акты 95, к. 759–760v., л. 2360–2361].

Полоцкий громничий сеймик 1739 г. был сорван. Господарский сеймик был сорван сразу после выбора председателем сеймика полоцкого земского судьи Трояна Гласки. Инициатором срыва была часть местной шляхты: Корсаки, крашущий староста Ян Буйницкий и войпунский староста Михаил Селицкий [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 27, л. 594–595об.].

Депутатами на сеймике 1740 г. были избраны Константин Юзеф Сwoлынский и крашущий староста Ян Буйницкий. Полоцкий посольский сеймик 1740 г. был сорван. Возможной причиной срыва был конфликт, который произошел во время сеймика между полоцким стольником Юзефом Пакошем с Селицкими и их сторонниками [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 28, л. 367–368об.].

В 1741 г. депутатами в Полоцке были избраны Антоний Норницкий и Игнат Подвинский [AGAD, AR, dz. LII, nr. 7, k. 4–5]. Председателем сеймика был речицкий стольник и полоцкий ротмистр Троян Лосовский [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 29, л. 1–2об.]. Недовольные избранными депутатами шляхтичи Гласки и их сторонники во главе с земским судьей Трояном Глаской сфабриковали протест против сеймика [AGAD, AR, dz. LII, nr. 7, k. 4–5].

Полоцкий громничный сеймик 1742 г. прошел на замке и был сорван еще до избрания председателя [LMAV, f. 139, b. 4061, l. 612–612v.; AGAD, AR, dz. IV, nr. 638, k. 132]. В 1743 г. депутатами в Полоцке были избраны полоцкий ротмистр Фабиан Корсак Бобыницкий и ситнянский староста Юзеф Тадеуш Рыпиньский. Председателем сеймика был избран Людвик Корсак [LMAV, f. 139, b. 2203, k. 5; AGAD, AR, dz. VI, nr. 80a, k. 1243].

На следующем полоцком громничном сеймике 1744 г. депутатами были избраны стародубский городничий Ян Франтишек Гласко и ладоснянский староста Иероним Корсак Удельский. Сеймик прошел «на обычном месте заседаний в замке», а председателем этого сеймика был полоцкий ротмистр Фабиан Корсак Бобыницкий [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 32, л. 71–71об.]. В том же 1744 г. на посольском сеймике в Полоцке под председательством полоцкого войского Симона Корсака Удельского послами были избраны полоцкий земский судья Троян Гласко и марковский староста Ян Щитт. В соответствии с инструкцией послам сеймик прошел «на обычном месте заседаний в замке» [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 32, л. 841, 848об.].

Полоцкий громничный сеймик 1745 г. был сорван. В 1746 г. в Полоцке на громничном сеймике под дирекцией бецкого старосты Игната Жука депутатами были избраны инфлянтский подचाший Андрей Соколовский и инфлянтский скарбник Ян Сwoлынский [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 34, л. 94–95об.; AGAD, AR, dz. VI, nr. 80a, k. 1424]. Против сеймика в оршанские гродские книги был подан протест с подписью 30 шляхтичей [НИАБ, ф. 1731, оп. 1, д. 30, л. 128–128об.]. Среди них не было ни одного местного урядника. Этот протест не помешал полоцким депутатам войти в число трибунальских судей на реасумпции Трибунала ВКЛ.

Послами на полоцком посольском сеймике 1746 г. были избраны полоцкий подстолий и полоцкий суррогатор Антоний Ян Корсак Залесский и полоцкий будовничий Франтишек Николай Рыпиньский. Во время сеймика произошел конфликт между Фабианом Корсаком Бобыницким и Симоном Корсаком Удельским, в результате чего Фабиан Корсак Бобыницкий начал судебный процесс против Симона Корсака Удельского в связи с тем, что на посольском сеймике 1746 г. тот не только не допустил Фабиана Корсака Бобыницкого присягнуть на должность войского и занять это место на сеймике, но и сам незаконно занял место полоцкого войского и титуловался им. На полоцком громничном сеймике 1747 г. депутатами с протестами были избраны Снарский и Байковский. Во время сеймика произошел конфликт шляхтичей Реутов и Меницкого с полоцкими хоружичами Корсаками (Фабианом и Трояном Корсаками Бобыницкими). Произошла потасовка, в которой Реут был ранен [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 36, л. 154–155об., 233–234об., 798–799об.].

В результате на реасумпции Трибунала ВКЛ из-за поданных протестов сеймик был признан сорванным [AGAD, AR, dz. VI, nr. 80a, k. 1499]. Так же сорваны были полоцкий громничный и посольский сеймики 1748 г. [AGAD, AR, dz. IV. ks. 8, k. 122; dz VI, nr. 80a, k. 1578]. На полоцком громничном сеймике 1749 г. депутатами были избраны Габриель Медунецкий и Антоний Тадеуш Снарский [AGAD, AR, dz. VI, nr. 80a, k. 1652].

В 1750 г. на громничном сеймике в Полоцке депутатами были избраны полоцкий гродский суррогатор и полоцкий ротмистр Троян Корсак Бобыницкий и полоцкий стольникович Антоний Винцент Пакош [AGAD, AR, dz. VI, nr. 80a, k. 1711]. Против сеймика был подан протест за подписью 25 шляхтичей, которые утверждали о срыве сеймика в первый день. На второй день не в положенном месте (замке), а в костеле францисканцев был проведен незаконный повторный сеймик, на котором и избрали депутатов [НИАБ, ф. 1709, оп. 1, д. 18, л. 63–64]. Протест был внесен по инициативе рода Снарских [AGAD, AR, dz. V, nr. 17702, cz. 2, k. 95], что не помешало полоцким депутатом войти в число трибунальских судей во время реасумпции Трибунала ВКЛ [AGAD, AR, dz. IV, ks. 9, k. 321]. На полоцком посольском сеймике 1750 г. «на обычном месте» под дирекцией полоцкого мечника Онуфрия Буйницкого послами были избраны полковник Юзеф Сосновский и полоцкий стражник Элияш Михаил Гласко [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 39, л. 516–521об., 526–529об.].

Полоцкий громничный сеймик 1751 г. был сорван из-за большого числа желающих быть избранными на должность депутатов. Сорваны были полоцкий громничный сеймик и полоцкий посольский сеймик 1752 г. [LVIA, f. 1135, op. 14, b. 3, l. 142–143; Konopczyński, 1912, s. 107; *Diariusze sejmowe z wieku XVIII*, 1937, t. 3. s. 134]. Полоцкий громничный сеймик 1753 г. был сорван из-за конкуренции на избрание депутатами сразу трех кандидатов Сипайлы, Пжисецкого и Людвика Корсака, которые не уступили друг другу эту должность [LMAV, f. 139, b. 2559, k. 147; AGAD, AR, dz. V, sygn. 10, k. 152; LVIA, f. 1135, op. 14, b. 3].

В 1754 г. на полоцком громничном сеймике ситуация повторилась. Полоцкая шляхта единогласно согласилась на избрание депутатом Константина Юзефа Сwoлынского, а два других кандидата – Пжисецкий и Людвик Корсак – не пришли к соглашению, кто из них должен уступить [LMAВ, f. 139, b. 2561, k. 61v., 86–86v.; LVIA, f. 1135, op. 14, b. 3, l. 272]. Полоцкий посольский сеймик 1754 г. также был сорван. На громничном сеймике в Полоцке в 1755 г. депутатами были избраны полоцкий скарбник Людвик Корсак и Тадеуш Пжисецкий [BCz, sygn. 594, k. 75; LMAВ, f. 139, b. 2559, k. 25v.; b. 443, k. 25v.; b. 2206, k. 1].

Полоцкий громничный сеймик 1756 г. был сорван из-за большого количества желающих быть избранными на должность депутата. Имеется противоречивая информация о полоцком посольском сеймике 1756 г. Согласно одним документам, сеймик окончился выбором послов, которыми стали Корсак и стольникович Рыпинский. Другие документы свидетельствуют, что сеймик был сорван [AGAD, AR, dz. VI, nr. 80a, k. 2047; Biblioteka Jagiellońska, sygn. 24/61, 6640, b. p.; Kuryer Polski 1756, nr. CLXV]. Установить, как это происходило в действительности, невозможно. Сейм 1756 г. был отменен из-за начавшейся Семилетней войны (1756–1763 гг.). Был сорван и полоцкий громничный сеймик 1757 г., на который собрались, чтобы избрать депутатов. Он проходил в «обычном месте на замке». Ранее удалось избрать председателем сеймика полоцкого подстолия Константина Юзефа Сwoлынского [AGAD, AR, dz. V, nr. 11914, k. 28; НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 46, л. 286–287об.].

Следующий полоцкий громничный сеймик 1758 г. был сорван еще до избрания председателя. На полоцком посольском сеймике 1758 г. «в замке, на обычном месте заседаний» под председательством полоцкого земского суррогатора Антония Винцента Пакоша были избраны послами полоцкий ловчий Игнат Корсак и полоцкий стольник Ян Буйницкий [Мацук, 2010, с. 479; НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 47, л. 715–720об.].

В 1759 г. на громничном сеймике шляхта согласилась на избрание депутатом полоцкого ротмистра Игната Есмана. Однако из-за большого числа других кандидатов на избрание депутатами сеймик был сорван. На полоцком громничном сеймике 1760 г. с протестами были избраны депутаты Ленкевич и Есман. Есть информация, что сеймик был сорван, а креденс Ленкевичу и Есману был подписан на следующий день. Это событие было опротестовано представителями полоцкой шляхты [AGAD, AR, dz. V, sygn. 17702, cz. 4, k. 162; LVIA, Древние акты 127, l. 790–791v.; НИАБ, ф. 1709, оп. 1, д. 23, л. 29–30об.]. Часть шляхты во главе с полоцким ротмистром Яном и полоцким крайчицем Тадеушем Рыпинскими, Антонием и Юзефом Зеновичами, Бенедиктом Кублицким была готова отказаться от протеста и признать избрание председателем балдычевского старосты Флориана Рыпинского, если на сеймике разрешат занять место полоцкого войского Франтишку Зеновичу. После полоцкий ротмистр Ян Рыпинский от себя и от других протестовавших вообще отказался от протеста [НИАБ, ф. 1734, оп. 1, д. 49, л. 296–297]. Только это не помогло, и на реасумпции Трибунала ВКЛ по-

лоцкие депутаты из-за поданных протестов не были допущены в число трибунальских судей.

В 1760 г. в Полоцке «в замке» на посольском сеймике под дирекцией полоцкого гродского судьи Симона Тадеуша Пжисецкого послами были избраны ретовский староста Криштоф Тышкевич и балдычевский староста Флориан Рыпиньский [LVIA, f. 1135, ор. 14, б. 14, л. 96; Мацук, 2010, с. 538].

Полоцкий громничный сеймик 1761 г. был сорван из-за конкуренции недопущенных в 1760 г. депутатов Есмана и Ленкевича. Полоцкий посольский сеймик 1761 г. был сорван шляхтичами Зеновичами при попытке наивысшего урядника начать заседание. Возможно, что причиной срыва сеймика стало нежелание Корсаков допустить на место полоцкого войскового на сеймике действующим полоцким войским Франтишкой Зеновичем. Эта проблема оставалась актуальной и перед следующим посольским сеймиком 1762 г. [AGAD, AR, dz. V, nr. 2150, k. 8; Koporczyński, 1911, t. 2, s. 207; Мацук, 2010, с. 558]. На повторном сеймике послами были избраны мстиславский гродский староста Николай Тадеуш Лопатинский и регент канцелярии ВКЛ Михаил Селицкий. Полоцкий громничный сеймик 1762 г. был сорван. На громничном сеймике 1763 г. в Полоцке депутатами были избраны Гилярий Корсак и Симон Тадеуш Обронпальский [Czeppe, 1998, s. 213].

Полоцкие сеймики 1717–1763 гг., как и ранее, проходили в замке. Только в протесте против громничного сеймика 1750 г. утверждается, что сеймик прошел в костеле францисканцев. С 1717 по 1763 г. прошло 23 посольских и 46 громничных сеймика.

Из 23 посольских сеймиков выборами послов окончились 13 сеймиков, что составляет чуть более половины из прошедших посольских сеймиков. Подряд три сеймика (1752, 1754 и, возможно, 1756 г.) были сорваны. Анализ списка полоцких послов показывает, что только один раз в 1736 г. послом был избран центральный урядник ВКЛ – чашник ВКЛ Юзеф Щитт. Да и то Щитт скорее представлял местную элиту Полоцкого воеводства. Еще один раз послом в Полоцке (1762 г.) был избран регент канцелярии ВКЛ Михаил Селицкий, который также принадлежал к местной элите. Обращает на себя внимание то, что в это время на полоцком посольском сеймике ни разу не был избран послом кто-либо из молодых магнатов Радзивиллов, Сапег, Огинских, Массальских и т. д. Это в то же время достаточно часто происходило на других сеймиках (виленском, слонимском, ошмянском, гродненском, волковысском и т. д.). Получается, что на посольских сеймиках в Полоцке были избраны послами только представители местной элиты. По три раза избирались послами представители родов Гласков, Буйницких, Корсаков Бобыницких и Рыпиньских; по два раза – представители родов Щиттов, Корсаков Удельских, Зеновичей; по одному разу – представители родов Жабов, Пжисецких, Лосовских, Сосновских, Лопатинских, Тышкевичей, Селицких, Корсаков Залесских.

Только три шляхтича дважды за это время были избраны послами на полоцком сеймике: Троян Гласко (в 1732 и 1744 г.), Франтишек Рыпиньский (в 1735 и 1746 г.), Ян Буйницкий (в 1738 и 1758 г.). Получается, что в Полоцком

воеводстве не было ни одного рода, который в период с 1717 по 1763 г. мог провести избрание представителей своего рода более чем три раза. Тринадцать раз послами избирались местные урядники (земский судья – 3 раза, гродский сурагатор – 2, ловчий – 2 раза, стольник, подстолий, городничий, подчаший, стражник, будовничий (оба раза Франтишек Рыпиньский). Четырежды (1718, 1735, 1746 и 1758 г.) послами избирались только полоцкие урядники. Трижды послами избирались урядники иных поветов и воеводств (речицкий – в 1732 г., стародубский – в 1736 г., мстиславский – в 1762 г.). Семь шляхтичей вообще не имели никакой должности (один из них был военным). В 1760 г. оба полоцких посла были шляхтичами без должности. Среди известных шляхтичей в ВКЛ, которые часто избирались послами на сейм, полоцкими являлись только Антоний Зенович (1718 г.), Валерьян Жаба (1728 г.), Юзеф Сосновский (1750 г.) и Николай Тадеуш Лопатинский (1762 г.).

Из 46 полоцких громничных сеймиков избранием депутатов окончилось 19, но 2 раза из них в 1747 и 1760 гг. на реасумпции Трибунала ВКЛ избрание депутатов было признано незаконным. С 1723 по 1725 г., с 1737 по 1739 г., с 1751 по 1754 г. и с 1756 по 1762 г. все полоцкие громничные сеймики были сорваны.

Среди депутатов были избираемы только представители местной элиты. Чаще всего (4 раза) депутатами избирались представители рода Корсаков Бобыницких. Три раза депутатом избирался представитель рода Корсаков Удельских (причем полоцкий войский Симон Корсак Удельский дважды: в 1719 и 1727 г.) и Рыпиньских. Два раза депутатами избирались представители родов Сволынских, Жабов (оба раза Валерьян Жаба – 1718 и 1727 г.), Подбиентов (оба раза Юзеф Подбиента – 1722 и 1736 г.), Гласко и Пжисецких. Ни один из шляхтичей в период с 1717 по 1763 г. не был избран депутатом трижды. По одному разу избирались депутатами представители следующих родов: Корсаков Залесских, Храповицких, Кублицких, Селявов, Гребницких, Обронпальских, Буйницких, Медунецких, Норницких, Подвинских, Пакошей, Соколовских, Снарских, Селицких. Двенадцать избранных депутатов были местными урядниками: полоцкий гродский судья (2 раза), войский (2 раза Симон Корсак Удельский), полоцкий гродский сурагатор, полоцкий скарбник (2 раза), обозный, подвоеводы, ловчий, будовничий, полоцкий ротмистр. Трижды депутатами в Полоцке были избраны урядники других поветов и воеводств (смоленский – 1720 г., стародубский – 1744 г., инфлянтский – 1736 г.). Анализ списка послов и депутатов позволяет сделать вывод, что всего лишь пять шляхтичей в Полоцком воеводстве с 1717 по 1763 г. были избраны как послами, так и депутатами: Валерьян Жаба (депутат – 1718 и 1727 г., посол – 1728 г.), Антоний Корсак Залесский (депутат – 1718 г. и посол – 1746 г.), Ян Буйницкий (депутат – 1740 г. и посол – 1738 и 1758 г.), Михаил Селицкий (депутат – 1736 г. и посол – 1762 г.), Иероним Корсак Удельский (депутат – 1744 г. и посол – 1738 г.). Таким образом, депутатами и послами на полоцких сеймиках в 1717–1763 гг. были избраны практически исключительно представители местной элиты.

6. СОЦИАЛЬНО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ, ПЛАНИРОВОЧНОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛОЦКА И ЕГО ОКРУГИ В XIV–XVIII вв. ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

6.1. Социально-топографическое и планировочное развитие замковых частей Полоцка в XIV–XVIII вв.

(Д. В. Дук)

Полоцк в XVI–XVIII вв. пережил разные этапы политического и социально-экономического развития. За это время из крупнейшего города ВКЛ, центра наместничества (1392–1504 гг.) и воеводства (1504–1772 гг.), он в результате административно-территориальных реформ конца XVIII в., превратился в уездный город в составе Российской Империи. В 1772 г. Полоцк становится административным центром провинции в составе Псковской губернии, с 1776 г. – губернским городом, с 1778 по 1796 г. Полоцк являлся центром наместничества, после чего превратился в уездный город сначала Белорусской, а после 1802 г. Витебской губернии [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 77].

В исторической литературе площадь Полоцка в это время обозначена равной: в XVII в. – 200 га, в XVIII в. – 112 га (с учетом только территории правобережного Полоцка) [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 79; Тарасаў, 1998а, с. 95–96]. Первый расчет сделан исходя из наличия культурного слоя за пределами парка, второй – основан на картографических документах, которые фиксируют застройку за пределами парка в конце XVIII в. Причем к востоку от Великого посада площадь этой застройки была равна собственно площади посада (рис. 4). Сегодня можно утверждать, что определенная застройка существовала и «на венце» р. Двина, как это указано в письменных источниках. Также культурный слой XVII–XVIII вв. обнаружен за пределами парка в северо-восточной части Великого посада и на неширокой (до 150 м) полосе вдоль р. Двины, на месте древних поселений за р. Полота. Однако присутствие застройки и этого времени ее характер за редким исключением не определены. Таким образом, в XVII–XVIII вв. площадь Полоцка составляла около 250 га.

Основную часть городской территории образовывали посады, суммарная площадь Верхнего и Нижнего замков не превышала 13 га (рис. 57: 2, 3). Определенные колебания в сторону сокращения площади Полоцка происходили в XVI в. за счет территорий Заполотского и Великого посадов. Численность населения города в это время также изменялась довольно существенно. По подсчетам историков В. А. Воронина, З. Ю. Копысского, С. В. Тарасова в Полоцке в первой половине XVI в. жило от 11 до 50 тыс. человек [Варонін, 2000, с. 30], более 10 тыс. человек составляло население города в первой половине XVII в. [Шайкоў, 1996, с. 147]; 700 человек осталось во

время военного лихолетия 1654 г. [Сагановіч, 1995, с. 130]; в 30–40-е годы XVIII в. в Полоцке проживало примерно 3–4 тыс. человек [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 60]; по данным 1792 г. в городе проживало 2195 человек (из них купцов было 168 христиан и 135 евреев, мещан – 1130 христиан и 1065 евреев) [Вуглік, 2010, № 7, с. 195]. В 1805 г. численность городского населения составляла 2991 человек [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 4, отд. 1, с. 1238]. Данные по населению города, вероятно, не учитывали лиц женского пола, поэтому в соответствии с ревизиями 1786 и 1796 г. А. М. Лютый приводит соответствующие цифры в 5326 и 5622 человека [Лютый, 1987, с. 31].

При подсчетах количества населения в XVIII в. не был учтен тот факт, что в городе на строительстве многочисленных монументальных объектов было задействовано большое количество людей. Некоторое время они, независимо от происхождения из той или иной местности, безусловно, проживали в Полоцке. К тому же надо учесть торговцев и крестьян полоцкой округи, которые постоянно посещали город в течение разного времени. Таким образом, реальное количество людей, которые временно и постоянно проживали в Полоцке в XVIII в., было значительно больше и могло достигать 8–10 тыс. человек.

Источником пополнения городского населения являлась в первую очередь сельская округа. Так было издавна, по крайней мере, ассортимент вещей, найденных в Полоцке в слоях X–XIII вв., в основной массе типичен и для сельской округи. Первые косвенные сведения о происхождении городского населения из ближайшей полоцкой округи можно найти в письменных источниках второй половины XV – XVI в. Так, фамилии некоторых полочан тождественны названиям населенных пунктов уезда и воеводства (Заскорки, Кублицкие, Полупяты, Росицы, Селявы и пр.). Местное происхождение погребенных на полоцких кладбищах в XVII–XVIII вв. людей подтверждают и данные антропологической экспертизы.

В XVI–XVIII вв. в Полоцке проживали евреи, татары, «московиты» (выходцы из московского государства), немцы, венгры, поляки и другие из числа военных и ремесленников, которые на определенное время попадали в Полоцк. Так, в 1599 г. Лев Сапега сообщал Кристофу Радзивиллу, что среди жителей Полоцка была значительная часть «московитов», которые остались в Полоцке после 1579 г. [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 46].

Наиболее многочисленной была еврейская община. Достоверных данных о ее количественном составе в XVI–XVII вв. нет, однако можно согласиться с мнением о двухпроцентном составе еврейского населения в Полоцке и других городах Белорусского Подвинья применительно ко всем горожанам [Марзалюк, 2007, с. 46]. В течение XVIII в. количество евреев в городах Беларуси возросло, однако не превышало 25% общего числа горожан, в основном это касалось западного региона Беларуси. После присоединения Полоцка к Российской империи и введения границы оседлости количество евреев в Полоцке резко возросло. На 1 сентября 1801 г. в Полоцке проживало 1859 мещан-христиан и 1978 мещан-евреев, среди купцов хри-

стиан и евреев 349 и 44 соответственно [Марзалюк, 2007, с. 47, 60]. По данным 1805 г., количество евреев составляло 1151 человек из общего числа 2991 жителя Полоцка [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 4, отд. 1, с. 1238].

В 1522 г. татары-«казаки» получили земельные наделы в Полоцке [Любавский, 1892, с. 532]. Однако татарское население не фиксируется в известных инвентарях и ревизиях XVI–XVIII вв., потому, достоверно, его количество было незначительным и существенно не повлияло на демографическую и этноконфессиональную структуру Полоцка.

Сотенная структура организации посадского населения отражена в письменных источниках XVI–XVII вв. Так, Полоцкая ревизия 1552 г. упоминает мещанские десятки и сотни (и должностных лиц – десятников и сотников соответственно) [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 1, 2, 6, 10]. Согласно постановлению от 1638 г., строительство нового городского парка должны были «пилновати сотники, поручники и десятники» [АСД, 1867, т. 1, с. 309]. При этом отдельно оговаривалось, что каждому владельцу городского «пляца» или его части точно определялось место и размер участка строящейся стены. Сотники и десятники упоминаются и в источниках середины XVII в. вместе с городскими шафарами и сборщиками, какие все «одноколвекъ приходъ и расходъ мескихъ денегъ въ рукахъ своихъ мели» [ИЮМ, 1874, вып. 5, с. 253].

В XV в. по отношению к белорусским городам закрепляется название «место», отсюда происходит и название жителей городов – «мещане». Термин «город» изредка фиксируется в письменных источниках и означает только укрепленную часть города – детинец (замок). Термины «место» и «мещане» подчеркивают ведущую роль торгово-ремесленного населения в социально-экономическом развитии белорусских городов.

Верхний замок. В XIV в. в Полоцке происходит существенное изменение планировочной структуры, что было связано с вхождением города в состав ВКЛ (после 1307 г.) [Варонін, 2009, с. 30–40]. Древний сакральный и административно-церемониальный центр на Черной (Замковой) горе приобретает функции детинца. После возведения в 1563 г. московскими стрельцами Нижнего замка Черная (Замковая) гора начинает именоваться Верхним замком. К этому времени административный центр магдебургского города (полоцкая ратуша) был обустроен на Великом посаде.

Согласно А. Н. Левданскому и Н. М. Тихомирову, после переноса детинца на Верхний замок на полоцком городище продолжало существовать поселение, которое определяется как «особый княжеский двор» [Тихомиров, 1956, с. 26]. Что касается Верхнего замка Полоцка, то следы деятельности княжеской администрации фиксируются по наличию неподалеку от Софийского собора храма (Архангела Михаила ?) и терема. Эти памятники монументального зодчества обнаружены археологически, сведения о них в письменных источниках отсутствуют. По мнению П. А. Раппопорта, церковь и терем построены во второй половине XII в. [Раппопорт, 1980, № 3].

Однако, способ обустройства фундамента терема определяет время его строительства XIV в. – после того, как образовался «мощный культурный слой XII–XIII вв.». Размер кирпича приближен к брусковому, хорошо известному в Полоцке по находкам в Экимани и Заполотье. Таким образом, терем из кирпича и деревянную пристройку возле него можно датировать не ранее XIV в.

Можно согласиться с мнением о принадлежности терема в XIV–XVI вв. к комплексу княжеского двора. Однако не исключено и другое. Терема на Руси обнаружены в Переяславле, Чернигове, Смоленске, Гродно, но они не всегда принадлежали князю, нередко – епископу [Трусаў, 1993, с. 19; Руско, 2001, с. 89].

Деятельность епископа на Верхнем замке прослеживается в первую очередь по письменным (локализация в XIV–XVII вв. епископского двора⁶) и археологическим (открытие в 1980 г. жилого деревянного дома XIV–XV вв. непосредственно около Софийского собора) источникам [Тарасаў, 1998а, с. 68–70].

Процесс переноса детинца на Верхний замок можно реконструировать следующим образом. После «смутного» для Полоцка периода теократической власти, где-то после 1326 г., когда был посажен на княжение брат Гедимина Воин [Варонін, 2009, с. 30–40], детинец на городище прекратил свое существование, через несколько веков городище было окончательно заброшено и превратилось в городское кладбище.

Таким образом, Верхний замок, древний сакральный и административно-церемониальный центр, являлся полоцким детинцем в XIV – начале XVI в. Верхний замок после 1326 г. мог быть местом проживания князя. Позже, с 1392 г., на Верхнем замке располагался двор княжеского наместника, с 1504 г. – воеводы. На протяжении XIV–XVIII вв. на Верхнем замке проживали владыка, бояре (шляхта) и мещане, в Замке размещался ряд монастырей и Софийский собор.

Основную часть Замковой горы занимали монастыри. Троицкий монастырь упоминается в Полоцких грамотах [1982, вып. 4, с. 165] и в Полоцкой ревизии 1552 г. [1905, с. 174], возможно, монастырь «вырос» из каменной пристройки Софийского собора [Тарасаў, 1998а, с. 81]. В западной части Верхнего замка существовал Воскресенский Мошоночный монастырь (неоднократно упоминаемый в XVI в.) [Витебская старина, 1888, т. V, с. 40, 73; Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 173]. На Верхнем замке находился также монастырь Петра и Павла, основанный в конце XV в. и разрушенный во время Ливонской войны [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 173; Полоцкие грамоты ..., 1978, вып. 1, с. 186]. На его месте в северо-восточной части Верхнего замка иезуиты в XVIII в. возвели костел с одноименным названием [Тарасаў, 1998а, с. 83].

Административный центр города после присвоения Полоцку магдебургского права (1498 г.) и постройки городской ратуши (после 1509 г.) был

⁶ Самая ранняя дата – 1309 г.

перенесен на городскую площадь. Примерно со второй трети XVI в. до 1654 г. Верхний замок стал целью многочисленных походов на Полоцк московских войск. На его территории размещались дворы воеводы и социальных элит, сохранялась городская казна и библиотека. Замок, как и раньше, оставался сакральным и административно-церемониальным центром и самой значительной полоцкой крепостью. На его укрепление выделялись основные средства, захват этой фортеции войсками Ивана IV в 1563 г. означал капитуляцию Полоцка.

В середине XVII в. Верхний замок упоминается под названием «великий город» [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 273]. Кроме упомянутых выше дворов и культовых построек имеются сведения о расположении на Верхнем замке административных зданий, в которых проводились заседания городского суда [Галубовіч, 2007, № 11, с. 12]. Последние, возможно, имели отношение к комплексу воеводского двора.

В XVII в. Верхний замок имел надежную охрану. Гайдуки (сторожа) Верхнего замка проживали, как правило, тут же в своих домах вместе с женами и детьми [Дук, 2007г, с. 229].

Нижний замок. В середине XVI в. город претерпел большие топографические изменения, причиной этому стали военные события и захват Полоцка московским войском Ивана IV в 1563–1579 гг. Эти изменения существенным образом повлияли на развитие социотопографической структуры Полоцка в дальнейшем времени. Кроме археологических, сохранился большой комплекс письменных источников, которые всесторонне характеризуют этот процесс как со стороны московских летописцев, так и из администрации Стефана Батория. Подробные сведения о целях и реализации процесса обустройства Полоцка записаны в «Книге полоцкого похода 1563 г.» [2004]. Изменения в топографической структуре города в это время выглядят следующим образом.

В 1563 г. московскими стрельцами был построен Нижний замок. Великий посад в 1563–1579 гг. представлял собой незаселенное пожарище, так как его фортификационная функция в 1563 г. себя не оправдала, и Иван IV не считал нужным возобновлять его [Гейденштейн, 1889, с. 56].

Кроме того, было приказано восстановить Заполотский посад и переселить туда всех мещан. Заполотье было окружено деревянной стеной с валом. Местному населению, как и прибывшему из других городов ВКЛ, было запрещено селиться на территории обоих замков. Доступ для посещения Софийского собора был разрешен «литовским и земским людям, бурмистрам» только в большие праздники и по небольшому количеству человек. Стрельцам было приказано делать постоянные рейды по посадской территории: «Воеводам Захарье и князю Давыду в остроге быти и дела царя и великого князя беречи и по острогу еженочей голов от себя посылати и самим того еженочей назирати» [Книга полоцкого похода 1563 г., 2004, с. 72].

В 1579 г., во время осады Полоцка войсками Стефана Батория, московские войска расположились в Верхнем замке, а «город» (Заполотский посад) выгорел [Гейденштейн, 1889, с. 58].

Таким образом, Великий посад представлял собой незаселенное пожарище с 1563 по 1579 г. Заполотский посад после взятия Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г., по свидетельству Р. Гейденштейна, был опасной территорией, поскольку, кроме пожарища, здесь располагались кладбища, «клоаки и другие грязные места», к тому же венгры из состава королевского войска возвели на бывшем посаде шанцы (оборонительные укрепления полевого лагеря) [Гейденштейн, 1889, с. 58].

Восстановление обоих посадов заняло не один год, поскольку инвентарь имущества полоцкого архиепископа за 1580 г. засвидетельствовал на Великом посаде только одну ул. Плиговскую, около которой располагалось одиннадцать незаселенных пляцев [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 180]. Более чем через полвека (в 1633 г.) упоминаются только крепостные укрепления Заполотского посада, что само по себе говорит о приоритетах в застройке того времени [АСД, 1867, т. 1, с. 271–272].

Таким образом, основное предназначение Нижнего замка – защита гарнизона стрельцов – себя не оправдало уже в 1579 г. Как известно, штурм Полоцка в 1579 г. произошел с противоположной стороны, и под удар попал Верхний замок. После его захвата удержание Нижнего замка становилось бесперспективным [Гейденштейн, 1889].

Фортификационная функция Нижнего замка была значительно слабее Верхнего замка. Окончательно оборонительную функцию Нижний замок потерял в начале XVIII в. и с того времени стал местом жительства маргинальной части населения Полоцка [Дук, 2007д, № 11, с. 31].

6.2. Социально-топографическая и планировочная структура полоцких посадов (Д. В. Дук)

Посады – место основного поселения торгово-ремесленного населения – в рассматриваемый период стали играть доминирующую роль в развитии хозяйственной и социокультурной жизни Полоцка. Важное значение «торга», или «места», неоднократно подчеркивалось историками в определении социотопографической структуры древних городов [Тимощук, 1995, с. 107]. Торговую площадь на посаде и всю территорию города называли «местом». На территории возле торговой площади полочане возвели ратушу – административный центр магдебургского города. В XV в. «мещанами» называли жителей города, которые занимались торговлей [Макараў, 2008, с. 64]. «Мещане», или «местичи», в Полоцке впервые упомянуты в интитуляции городских обращений под 1435, 1458 и 1459 г. [Полоцкие грамоты ..., 1982, вып. 4, с. 150, 179; LVIA, f. 599, ap. 1, b. 43, l. 14at.; Rohdewald, 2005, p. 103].

Главная площадь Полоцка была расположена возле Верхнего замка, вблизи Черного ручья. Она же с XII в. являлась местом вечевых собраний. На этой территории в первой половине XVI в. существовал городской рынок – «Великий торг». Рядом с площадью располагался храм на рву (церковь

Рождества Христова XVI–XVII вв.). После начала строительства иезуитского коллегиума в 1581 г. торговая площадь была перенесена на восток, в район современной пл. Свободы.

В 1498 г. Полоцк получил Магдебургское право. Для социальной топографии города это означало изменения в строительстве и планировке городской территории (возведение ратуши и зданий общественного назначения, перенос городской площади, регламентацию гражданской частнособственнической застройки).

Мещане отвечали за поддержание в порядке городских оборонительных укреплений, дорог, зданий гражданского назначения, мостов). Последняя категория недвижимых артефактов археологически не изучена по причине сложности организации подводных археологических исследований. Это направление в будущем может стать очень перспективным, поскольку р. Двина в пределах городской территории очень статичная, в ее русле попадают многочисленные артефакты, которые по количеству далеко превосходят возможности традиционной «наземной» археологии. Кроме этого, вода отлично консервирует металлы и дерево, что позволяет надеяться на открытие остатков подводных деревянных конструкций причалов, мостов и даже средств передвижения.

Согласно привилею на подтверждение своих прав и вольностей от 11 марта 1633 г., Полоцк оставался основным торговым центром региона, поскольку заниматься торговлей можно было только в самом «великом городе Полоцке», а в предместьях «рынков, торгов, магазинов, мер весов как публичных, так и частных никто не мог иметь» [Доўнар, 2004, т. 1, с. 46–47]. В привилеях 1580, 1591, 1633 г. говорится о двухнедельной ярмарке, которая начиналась от католического праздника Трех королей и продолжалась до дня апостолов Петра и Павла [Доўнар, 2004, т. 1, с. 47].

Как и в других крупных городах, торговля в Полоцке была организована по рядам, возможно, каждый ряд имел своего старосту [Варонін, 2003, с. 35]. В актовых книгах размещены интересные сведения о местоположении городского рынка. Так, в XVII–XVIII вв. с рынка возможно было попасть на ул. Ильинскую, Боровую, Невельскую, безымянную около подножия Верхнего замка. Ул. Батечковая и ул. Ильинская проходили через рынок. Рынок в 1704 г. имел «большой магазинный ряд» и «большие ворота», которые были расположены со стороны иезуитского коллегиума, вероятно, по трассе ул. Батечковой.

Упоминание ул. Невельской в книге городского магистрата 1779 г., которая расположена «по направлению от рынка», противоречит планам 1778 и 1793 г., на которых территория рынка с севера ограничена доминиканским монастырем [Страчаная спадчына, 1998, рис. 243–244], а такое межевание по письменным источникам известно с конца XVII в. [ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 245]. К тому же начало ул. Азаровой в магистратских книгах определяется от Нижнего замка. Вероятно, в актовых книгах начало обозначенных улиц от Нижнего замка означало тоже, что и от рынка, это значит, попасть на их с запада, обойдя рынок, было невозможно.

В начале XIV в. в состав Великого посада входит старое городище. В деле о продаже двух дворов от протопопа Богдана Яцковича воеводе Альбрехту Гаштольду, речь идет про новый паркан Великого посада, который огораживал городище вместе с прилегающими территориями и был построен в 1516 г.

В Полоцком земском привилее 1547 г. упоминаются церкви св. Софии, св. Спаса и другие «церковные дома». По данным археологии, на Полоцких посадах в XII–XV вв. существовали две каменные церкви – это так называемые «церковь на рву», известная из письменных источников XVII в. под названием Рождества Христова, и церковь на так называемой стрелке Нижнего замка [Дук, 2007г, с. 44; Раппопорт, 1980, № 3, с. 155]. Согласно инвентарю 1618 г., на Верхнем замке располагалась «деревянная старая церковь Благовещения Пречистой Богородицы» [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 308at.]. Также в рассматриваемый период на посадской территории размещалась церковь св. Иоанна Предтечи на Острове, а также Рижская (упоминается в 1406 г.), построенная где-то на территории Великого посада [Тарасаў, 1998а, с. 85].

По итогам археологического наблюдения за прокладыванием инженерных сетей в 2000 и 2007 г. на территории пл. Ф. Скорины и ул. Гоголя было определено, что культурный слой по трассе и районам, прилегающим к ул. Гоголя, отсутствует, а на юг от пл. Ф. Скорины, это значит на склоне второй надпойменной террасы, зафиксированы небольшие по мощности (до 1 м) культурные отложения с артефактами преимущественно XVIII–XIX вв. [Дук, д. № 2513; Дук, д. № 1880]. Таким образом, топографические границы Великого посада оставались очень устойчивыми в течение XIII–XVIII вв.

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г., на левом берегу р. Двины существовали четыре посада: Островский, Экиманский, Кривцов и Слободской. Островский расположен напротив Верхнего замка в рукаве русла р. Двины, Экиманский – к западу от Острова, Кривцов – между устьем р. Бельчица и Островом, Слободской – при устье р. Бельчица, на правом ее берегу.

Начало становления левобережных посадов – Кривцова и Слободского – приходится на вторую половину XV в. Поселение (так называемая «слободка») на месте будущего Слободского посада существовала с XI в. Островской и Слободской посады упомянуты только в Полоцкой ревизии 1552 г., в письменных источниках следующих двух столетий они больше не упоминаются.

В первой трети XVII в. на левом берегу р. Двина существовал один посад, который имел название Кривцов. На этом посаде располагалось «местечко», в смысле «местность», Бельчицы-Кабак, или Бельчицкая слобода [Дук, 2007г, с. 33–38].

Наиболее удаленным от исторического центра Полоцка был Экиманский посад. Заселение Экимани началось во второй половине XV в. В отношении Экимани в середине XVI в. применяются одновременно названия «посад» и «предместье», в XVII в. используются названия «местечко» и «фактория». Это далеко не случайно. Экимань была передана Стефаном Баторием

иезуитскому коллегиуму, являлась вместе с Островом его крупнейшей юридикой и, по сведениям земских книг, с конца XVI в. имела статус полоцкого предместья, однако жители Экимани в XVII в. по-прежнему считались мещанами [Дук, 2007г, с. 33–38].

В 1622–1623 гг. мещане Кривцова посада вместе со слободскими стали подчиненными полоцкому магистрату.

Для маркировки локальной принадлежности населения Полоцка в середине XVII в. пользовались определениями «заполочане» (жители Заполотского посада), «заречане» (жители левобережной части Полоцка вообще), «кабачане» (жители местности Кабак). Кабачане по-прежнему выделялись отдельно из общего количества задвинского населения [Дук, 2007г, с. 33–38].

Таким образом, в Полоцке до начала XVI в. существовали два основных градосоздающих посада – Великий и Заполотский. Эти посады располагались на правом берегу р. Двина, Заполотский – к западу от устья р. Полота, Великий – к востоку от Верхнего замка. Оба посада были укреплены. Площадь Великого посада оставалась практически неизменной на протяжении XII–XVII вв. и составляла около 50–60 га, границы Заполотского посада существенно изменялись в сторону сокращения, что было вызвано частыми войнами с Московским княжеством. Однако вряд ли даже в самые неблагоприятные времена площадь Заполотского посада была менее 17 га. Именно на этом посаде в 1498 г. был основан первый в Полоцке католический монастырь бернардинцев. Суммарная площадь левобережных посадов в XVI в. достигала 40 га.

Топографическая структура левобережных посадов – Кривцова и Экиманского – была сформирована в начале XVI в. Упомянутые в Полоцкой ревизии 1552 г. Слободской и Островский посады в XVII в. юридически были отнесены к Кривцову посаду, став именоваться отдельными местностями. Эти территориальные единицы до образования левобережных посадов считались слободами, с течением времени они стали поселениями при монастырях Бориса и Глеба и Иоанна Предтечи.

Количество населения в городе росло за счет притока в него жителей после эпидемий и войн: город представлял широкие возможности для социальной мобильности отдельных граждан, купеческих или ремесленных корпораций [Котлярчук, 2001, с. 46].

Найденный в Полоцке сельскохозяйственный инвентарь (косы, оковки от лопат, мотыги) свидетельствует о характере занятий горожан в XVI–XVIII вв. В первой половине XVI в. известны случаи, когда крестьяне покупали зерно в Полоцке [Варонін, 2000, с. 50].

Для жителей белорусского города сельскохозяйственное производство являлось значительным дополнительным промыслом. Документы свидетельствуют, что полочане занимались сельским хозяйством и имели большие земельные наделы не только в отдаленных районах за р. Полота и вдоль нее, но и непосредственно возле городских укреплений. Например, в грамоте, которая датирована 1501 г., упоминается «огород подле замка» [Тарасаў, 1998а,

с. 6]. В приведенном сообщении речь идет об огороде за пределами Верхнего замка. Но и на территории самого замка тоже существовал монастырский огород при церкви св. Софии [ИЮМ, 1901, вып. 29, с. 18]. В источниках середины XVII в. упомянут огород Григория Рылковича, который находился «на улицы названной Невелской за парканом меским полоцким лежачий, з одное стороны подъле огорода Ярмошы кавалья а зъ другое стороны подъле огорода Гавърылы Рослого зятя» [Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г., 2006, с. 119] или «дом... за рекою Двиною стоячий, з огородом и с пашънею на полпляца лежачий подле церькви Светог(о) Миколы» [Гардзееў, 2004, т. 1, с. 52]. Актовая книга полоцкого магистрата за 1650 г. содержит ряд дел о продаже полочанами огородов, в том числе находившихся за р. Полота, видимо, на месте заброшенных к тому времени посадских застроек: «ку венцу межы огородовъ, то есть з обудвух сторон подле огородовъ пана Матыяша Кгедройца а с третее стороны подле огорода Подсвинковое а зъ четвертое стороны подле огорода моего ж, мене, Петра Исаковича...» [Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г., 2006, с. 175].

Таким образом, за пределами городских укреплений Великого и Заполотского посадов, а также Верхнего замка существовали сельскохозяйственные угодия полочан, разделенные на отдельные участки-огороды. Огороды были обнесены забором из жердей или частоколом, и сами по себе являлись ценностью и даже объектом краж.

Существуют многочисленные прямые упоминания источников XVII в. о наличии приусадебных огородов и садов в границах городских укреплений как на Верхнем замке («погнался за женщинами *по огородамъ* при семь доме» [ИЮМ, 1874, вып. 5, с. 270], так и на полоцких посадах («стала стучать въ заднее окно, *съ огорода*» [ИЮМ, 1874, вып. 5, с. 278], «з одъное стороны подле огорода пана Спирыда Куръбатовича, а зъ другое стороны заулочокъ малый на рогу противо огорода пана Матъфея Гавърыловича, на улицы назъванной Великой», «ижъ огород свои власный... за парканом меским полоцким на улицы названной Батечковой на чверти пляца лежачий, з одное стороны подъле огорода ихъ же, Ганских, а зъ другое стороны подъле огорода пани Евъдокии Мелешъковны Дорофеевое Ахрамеевичовое, бурмистровое полоцкое, а в тыле подле саду славетного пана Ивана Михновича, бурмистра полоцког(о) ...» [Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г., 2006, с. 89, 127].

Мещанское землевладение простиралось и далеко за границами городской территории, например, во второй половине XVIII в. полочанам принадлежало чуть больше тысячи десятин земли [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 64].

В письменных источниках 1667 г. упоминается городской сад, расположенный под самым городом за р. Полота [ИЮМ, 1895, вып. 26, с. 166–167]. За городом, вдоль р. Полота, размещались также и фольварки. На копии плана 1707 г. (рис. 3) отчетливо виден городской сад на север от Верхнего замка и напротив Нижнего замка, на правом берегу р. Полота. Чуть выше, на север от него, на правом берегу р. Полота размещались фольварки. Сегодня здесь расположен микрорайон города «Аэродром» и ул. Ф. Мироновой.

Согласно указу реляционного суда, бельчицкие жители из Кривцова посада, прозванного «Кабак», «люди простые» и «огородники», «которые купечеством и ремеслом никаким не занимаются, никаких вольностей и торгов городских не используют, одно только землю пашут ... не должны выполнять городских повинностей, кроме обороны, которая всем одинаково надлежит» [Доўнар, 2004, т. 1, с. 46]. В постановлении великокняжеского суда прямо указано на огородничество как на занятие, ограничивающее обязанности занимающихся им горожан. Постановление интересно еще и тем, что в нем фигурируют названия топографических объектов: Бельчицы, Кривцов посад, Кабак. Кроме того, очевидно, что значительное количество населения Кривцова посада составляли землепашцы.

Великий посад в XVI–XVIII вв. являлся самой значимой единицей в социотопографической структуре Полоцка.

Большинство жителей Великого посада XVI–XVII вв. по-прежнему селилось в небольших деревянных строениях. Это можно объяснить высокой плотностью застройки. Согласно подсчетам В. А. Воронина, в 1552 г. на Великом посаде находилось 769 дворов [Варонін, 2000, с. 29]. Вместе с дворами шляхты, духовенства, еврейской общины и городской бедноты, которые не учитывались ревизорами, количество дворов могло быть значительно большим (по сведениям Лебедевской летописи на Великом посаде в 1563 г. сгорело 3 тыс. дворов) [Варонін, 2000, с. 29]. При этом часть посада была занята нежилыми помещениями (лавками, банями, важницами и т. д.).

Яркий пример описания усадеб с вещевым инвентарем Великого посада XVII в. содержат мещанские «протестации о кражах».

Так, Данила Лалыка жаловался 8 октября 1656 г. на Яраша Кожемяку, что тот, «живя в одном доме сполне с ним, Лалыкою, а подгледевшы у клети, где жона его, Лалыки, грошы свое ховала, таемным способом улезшы в тую клеть през верхъ тые грошы вси побрал» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 50].

В доме «аптекарки» Раины Рыдлицкой «кгды она, пани Рыдлицкая, варыво поставила в доме зятя своего пана Андрея Боровского, в склепе то ест капуста солоной, кружаную и сеченую ботвине, огурки, морков, репу и постернак, в том же склепе напиток ромного меду бочок две, в бочце одной кгарцов осмъдесят, в другой бочце было кгарнцов пятьдесят осмъ, продавано кгарнец меду по дванадцат польских, пива бочку в кгарцов шестдесят на потребу свою робленою з солоду пшонного, водки поземковой, барылка из других водок розных аптекарских, горелки простой кварть пятсотъ и кварту купуючы по дванадцат польских. Аквавитовой горелки кварт две-сте анышковой, кварту купуючы по золотому, тогды он [...] Наумович [...] копачом своим студню копал, в которой студне нашли рыну на шкоду ее, пани Рыдлицкой пересечы казал, тым копачом за которым пересеченемъ той рыны в скълеп воды немало нашло и тое варыво ромное од мала до велика пооборочывали и ратовати не могли» (запись от 8 октября 1656 г.) [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 53].

Ян Яскевич 13 апреля 1657 г. жаловался на вора, который пытался влезть в его дом на ул. Великой, «влезшы через забор с тыла от венца р. Двины

в тот дом и добыв через тыльное окно коморы немало разных вещей и денег в шкафу, которые в той коморе хранились» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 345].

Мартин Счастный 29 апреля 1657 г. жаловался на кражу из его клетки: «не ведома хто тое ночи прышодшы до того дому их и взлезшы на клетъ з улицы Батечковой верхъ у той клетки продрал, а продравшы вси животы их и маетност убогую, што одноколевек было в той клетке з оного выбрал звыкрал, а напрод взято и украдено саяны тры, одинъ червонный фалендышовый, у которого уложили справуючы копь дванадцат, а два саяны зеленые люндышовые, стояли обадва копь десети, полчамарокъ полчамлетовый лязуровый епасаманами лязуровыми новокупленный з адвалевки и з пят копеек, други полчамарок полчапглетовый поношный блекстиный куплены за полкопы грошей, две трубы полотна беленого кужелного тонкого, полотна ровного кужелного тры трубы, сорочокъ пятнадцат женских неношных, хуст ровных белых музъкихъ и женских. Кубел целый, выбран, полотна тонкого взято купленного за золотых сорок шест, фляш цыновых две, одна у кварту, а другая у две, шапка одна листся новая, верху синий, а другая кунья, такожь верхъ синий, ложки две сталевые рызкие, кубки два цыновые, сребра зытокъ шмать великий, пры томъ справы дворовые и обликгъ на Ивана Хаврату на копь дванадцать» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 374–374об.].

Андрей Иванов, сын прапорщика Кранева, жаловался 1 мая 1657 г. на лавника Ивана Зимницкого «што дей стоял он, прапоршчык, у него, пана Зимницкого на дворе, и прыежджали к нему п[ану] Зимницкому на тот двор его торговые люди, да у него дей прапоршчыка от амбара печат оторвали и потравили воз сена, цена возу талер битый и чотыры алтыны, да к нему ж де Ивану Зимницкому прыежджали мужыки деревенские, и у него прапоршчыка вкрали двои рукавицы, одним цена гривна, а другой пят алтын, да его ж Ивана Зимницкого молодцы сверху покрали полторы четверти сухарей, да рыбы на две гривны, да зъ сумокъ вынали горемого серебра, где было на чотыры талеры битых, да с тех же сумокъ взяли рукавицы палчастые козлинные [...], цена им полполтины [...], о pistol, што дей внуки его (Зимницкого. – *Авт.*) на лавки играли и его pistol на землю сранили и ложу тое pistol переломили, да его ж де внука унесла зеркало его [...], а цена тому зеркалу гривна» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 380].

Одежда которая была у жены мещанина Степана Цитовича (15 мая 1657 г.), хранилась в «скрынъце» «где напервей видели полчамарок турецкого мухаиру, саян фалендышу вишневого кшталт аксамитный, доломан фалендышовый лазуровый, фартухъ селезневой китайки, шапъка аксаматна червона женская о кгонками собольими обложона, корунки серебряные, престирадло зъ лиштвами сетковыми, поес гарусу зеленого, нажранги синие люндышовые, шапъ катабинку черного, соболцом опушена, кштал черный адамашковый, пры том розные хусты, белье, чого не личыли» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 404 об.].

Важнейшим элементом городской застройки являлись сооружения культового назначения. В первой половине XVI в. еще сохранилась большая

часть монументальных православных церквей – памятников полоцкой школы зодчества XII в. (около 10). По данным Полоцкой ревизии 1552 г., в городе находились не менее чем 21 православная церковь, представляя в большинстве своем деревянные постройки [Варонін, 2000б, с. 253]. Отдельно подчеркнем, что в ревизии не отмечены церкви, которые размещались в двух старейших полоцких монастырях – Бельчицком Борисоглебском и Спасо-Евфросиньевском, а это по меньшей мере 5 каменных храмов.

В соответствии с Полоцкой ревизией 1522 г. на Великом посаде Полоцка находились церкви Афанасьевская, Богословская, Богоявленская, Благовещенская, Ильинская, Михайловская, Пятницкая, Рождества Христова, Вознесения Христова и Юрьевская (св. Георгия). Локализация церкви св. Василия и Пречистенской (Богородицкой ?), а также св. Троицы и св. Спаса «на рынке» в Великом посаде очень вероятна [Варонін, 2000а, с. 253; 2009а, с. 165, 167].

Возможно, Пятницкая церковь с 1552 по 1559 г. была преобразована в одноименный монастырь [Варонін, 2003, с. 36]. Церковь Рождества Христова локализована согласно археологическим и письменным данным [Дук, 2007г, с. 44]. Видимо, до 1563 г. церковь была кирпичной, во второй половине XVI в. она упоминается как деревянная [Варонін, 2000, с. 166]. При ней в XVII в. находился цвинтарь. Церковь существовала до третьей четверти XVII в., время ее разрушения приходится приблизительно на 1660–1670 гг. Так, в грамоте Яна III об утверждении привилея кожевенному и кушнерскому цеху Полоцка от 26 марта 1683 г. цеховая братия должна была давать по 3 фунта воску в церковь св. Софии вместо «разоренной церкви Рождества» [ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 296–310].

Одна из церквей – Благовещенская, упоминается на территории Нижнего замка в 1622 г. [Витебская старина, 1883, т. I, с. 227]. Возможно, в этом сообщении речь идет об одном из храмов XII в. – церкви на стрелке Нижнего замка.

После 1579 г. (возврата Полоцка в состав ВКЛ) большинство каменных православных храмов находилось в руинах. С этого времени вместе с ослаблением позиций православной церкви, обусловленным передачей иезуитам абсолютного большинства имущества православных монастырей и церквей, распространением униатства с 1596 г., а также кризисом самой православной церкви, шло развитие деревянного, преимущественно католического, культового зодчества.

Согласно Паулю Одеборну, в Полоцке 1581 г. существовало три каменных церкви. Одеборн отмечает, что «третий храм, украшенный на итальянский манер, даже сейчас обращает на себя внимание. Остальные разрушил великий князь московский Иван Васильевич, когда восемнадцать лет тому назад, захватив Полоцк, получил его в свои владения» [Сагановіч, 2005, т. 12, сш. 1–2 (22–23), с. 182]. Возможно, что каменный храм, украшенный на итальянский манер, это Церковь св. Софии. Ее величие удивляло многих иностранцев, например, Р. Гейденштейн заметил, что «храм в замке величественный, на красивой местности и прекрасно построенный из камня». Что

касается остальных двух храмов, то это могли быть церкви, расположенные в самом городе, поскольку в это время достоверно известно о существовании, кроме церкви св. Софии, Пятницкой и Борисоглебской церквей в Бельчицком монастыре, Спаса-Преображенской церкви в Спасо-Евфросиньевском монастыре (все вместе – уже четыре храма). Поэтому, возможно, Одерборн имел в виду церкви, расположенные непосредственно в городе, однако какие? Ранее уже было упомянуто о существовании церкви Рождества Христова, которая, возможно, на момент описания Одерборна была каменной (или частично каменной) [Дук, 2007г, с. 210]. На верхнем замке в это время сохранился только один каменный храм. Значит, третья каменная церковь находилась либо на Великом, либо на Заполотском посаде. Точно определить ее местоположение не возможно.

В соответствии с Дарственной Грамотой Стефана Батория на основание в Полоцке иезуитского коллегиума от 20 января 1582 г., *в городе* располагались церкви Вознесения Христова, Благовещения, Пятницкая. Основная часть вышеуказанных в грамоте монастырей и церквей располагалась либо на Верхнем замке (монастырь св. Петра, Вознесения Христова (Мошоночный), церкви св. Николая, св. Дмитрия), либо на Острове (монастырь св. Иоанна Предтечи), либо за границами посадской территории (монастыри св. Спаса, св. Михаила Городецкого, св. Козьмы и св. Демьяна, св. Николая на Полупятае, церковь св. Николая на Лучно). Неопределенной остается локализация церкви св. Очищения или Сретенской [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 73]. Также в 1588 г. упоминается церковь св. Спаса «у месте Полоцкомъ на посаде Великом» [Тарасаў, 1998а, с. 173]. Все Полоцкие церкви и монастыри были переданы иезуитам и стали униатскими.

Выписка из инвентаря полоцких церквей 1618 г. свидетельствует о существовании в городе 15 церквей, из них три находились в пределах монастырей:

- 1) св. Софии в замке, «старая каменная»;
- 2) Благовещения Пречистой Богородицы, деревянная, старая;
- 3) Рождества Христова «в месте под Замком стоячая»;
- 4) св. Троицы;
- 5) св. Спаса «в рынку»;
- 6) св. Пророка Ильи «на улице на посаде»;
- 7) Вознесения Христова «на улице на посаде»;
- 8) св. Козьмы и св. Демьяна;
- 9) Св. Духа за р. Полота;
- 10) св. Петра на предместье Невельском;
- 11) св. Юрья «в поле» (св. Георгия ?);
- 12) св. Иоанна Предтечи за р. Двина «на посаде», монастырь «в поле вверх по р. Двина над рекой Бельчицой»;
- 13) св. Бориса и Глеба, каменная;
- 14) св. Пятницы, каменная, там же в монастыре;
- 15) Пречистенская, новопостроенная, деревянная, там же [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 308at.].

Таким образом, в 1618 г. из всех церквей, упомянутых в Полоцкой ревизии 1552 г., на Великом посаде сохранились церкви Рождества Христова, св. Пророка Ильи, Вознесения Христова и, возможно, св. Юрья. Последняя локализована «в поле», что значит либо за пределами Великого посада, либо указывает на сокращение площади посада.

В XVII в. на посаде была локализована указанная выше каменная церковь Рождества Христова и «брусаяная, рубленая в двадцать стен» Богоявленская вместе с одноименным монастырем (основан в 1633 г.) [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 278; ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 352]. Богоявленская церковь на долгое время стала единственным православным храмом в Полоцке.

Согласно записям актовой книги за 1656–1657 гг. на посаде существовал цвинтарь и костел св. Христа, который был размещен «идя по улице Пробойной с рынка в Плиговках», местности напротив острога – Верхнего Замка.

В 1646 г. на рынке продолжала существовать уже униатская церковь св. Спаса (впервые упомянутая в 1618 г.), которая позже сгорела во время пожара. Митрополит Антоний Селява назначил настоятелем этой церкви и церкви св. Георгия за городом Василия Никифоровича [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 208–209].

Согласно плану Полоцка 1707 г., на Великом посаде были расположены Богоявленская церковь и церковь, находящаяся рядом с ул. Пробойной; на север от площади находился доминиканский собор, на запад – иезуитский коллегийум (фото 8). В 1733–1745 гг. был построен иезуитский костел Рождества Святейшей Девы Марии (освященный в 1833 г. во имя Николая Мирликийского), в котором как и в Софийском соборе проводились сеймики шляхты [Гліннік, 2001, с. 202].

На копии того же плана с дополнениями (рис. 3) на юг от доминиканского монастыря изображена постройка с двускатной крышей и башней-колокольней с западной стороны.

По мнению А. А. Барановского, эта постройка является францисканским монастырем. Условность размещения обозначенных топографических объектов на обоих планах, как уже было отмечено, на копии плана 1707 г. встречается ошибка даже при определении здания под № 6 (бернардинский монастырь вместо доминиканского) [Дук, 2007г, с. 40–41]. Точно определить принадлежность этой постройки в настоящее время невозможно.

В 1785 г. в Полоцке появился второй после Богоявленского православный приходской храм. В него была преобразована деревянная кладбищенская церковь Покрова Богородицы, построенная на «форштате» в 1781 г. В конце XVIII в. в Полоцке было уже три православных храма – Богоявленская и Екатериненская (с 1785 г.) церкви Богоявленского монастыря и приходская Покровская церковь. С 1780 по 1804 г. каменная Богоявленская церковь фактически совмещала функции монастырского и городского собора [Гліннік, 2001, с. 201].

Заметим также, что либо в восточной части современной пл. Свободы, либо в районе западного участка современного пр. Ф. Скорины с середины

XVI до середины XVII в. размещался кальвинистский сбор. Он находился непосредственно на рынке, на противоположной стороне от иезуитского коллегиума, что и обусловило дальнейшую «латинизацию» рыночной площади и образование новой урбанистической структуры Полоцка, в дальнейшем активно развитой иезуитами [Baranowski, 1994, t. 39, z. 1, с. 28, 32]. Храм существовал до середины XVII в.: был сожжен в 1660 г. Согласно описанию под 1635 г., он имел большие ворота, новый дом с двумя комнатами (одна из них столовая), сени, кладовую, хозяйственные постройки. В комнатах были лавки, поставленные по периметру, две белые печи с зелеными изразцами и одна черная для выпекания хлеба [Иванова, 1992, с. 26].

После войны России с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) иезуиты вернулись в Полоцк. На месте коллегиума они увидели дома мещан, построенные за время пребывания в городе русского войска. Иезуиты начали отстраивать на месте прежнего костела «скромный коллегиум» и фарный костел, а напротив, через рынок, на месте бывшего кальвинистского сбора, – второй костел Франциска Ксаверия. Последний, по свидетельствам письменных источников, сгорел во время пожара в 1754 г. [Baranowski, 1994, t. 39, z. 1, с. 30, 32].

Во второй половине XVIII – начале XIX в. город переживает настоящий строительный бум, в это время возводится комплекс каменных католических монастырей, зданий гражданского назначения, формируется архитектурный ансамбль центральной рыночной площади в барочно-классическом стиле. В это время в Полоцке появились каменные ансамбли францисканского, доминиканского, базилианского и бернардинского монастырей вместе с костелами. В стиле Виленского барокко на месте взорванного в 1710 г. храма возводится Софийский собор (1738–1750 гг.), в середине–второй половине XVIII в. появляются каменные здания иезуитского коллегиума вместе с костелом св. Стефана, возводятся жилые корпуса Братской школы вместе с православной Богоявленской церковью, строится дом генерал-губернатора и ряд других общественных построек. Абсолютное большинство перечисленных строений было возведено в то время, когда Полоцк входил в состав Речи Посполитой. По масштабам каменного строительства XVIII в. это время можно сравнить с эпохой расцвета полоцкой школы зодчества, изменилась только идеологическая окраска: раньше исключительно православное, теперь это было уже преимущественно католическое зодчество. Тем не менее Полоцк в конце XVIII в. стал городом с развитой европейской системой застройки центральной части города, что свидетельствует не только о высоком уровне развития культуры, но и о соответствующем экономическом фундаменте таких широкомасштабных проектов.

Отдельно следует сосредоточить внимание на существовании в Полоцке костелов, построенных иезуитами. С 1580 по 1600 г. иезуиты проводили богослужения в старом деревянном костеле св. апостолов Петра и Павла на Верхнем замке. Этот костел неоднократно отстраивался в 1676–1677 гг. и в 1728 г. В 1597–1600 гг. иезуитами был построен деревянный костел на территории коллегиума, который с разными перестройками просущество-

вал до 1733 г. В 1733–1738 гг. костел был возведен из кирпича и освящен в честь Рождества Святейшей Девы Марии [Paszenda, 1996, с. 525].

Кроме названных костелов при полоцком рынке существовал деревянный костел св. Франциска Ксаверия. Первоначально этот костел размещался где-то в переулках территории Великого посада, в 1679 г. был возведен при рынке, а в 1754 г. был частично разрушен.

Упомянутый костел св. Креста возведен на посадской территории над р. Полота на участке, который принадлежал иезуитам. В 1655 г. во время войны перенесен московскими властями на новое место и вновь отстроен в 1687 г., реставрирован в 1736 и 1757 г. В 1674 г. возведен костел св. Казимира над р. Двина, в 1702 г. он был перестроен и переосвящен в честь св. Иоанна Крестителя.

Кроме упомянутых костелов в фольварке Спас и на фольварковых землях иезуитами было возведено два костела. Один из них, под названием Гроба Господнего (Grobu Panskiego), был из кирпича, имел цвинтарь и размещался в районе современного кладбища Ксаверия. Древняя Спасо-Евфросиньевская церковь была перестроена в костел Преображения [Глінік, 2003, с. 66; Paszenda, 1996, s. 525].

Вектор культового строительства начал меняться после присоединения Полоцка к Российской империи (с 1772 г. правобережная часть города, с 1793 г. – весь город). В 1761–1779 гг. была возведена каменная православная Богоявленская церковь, а в 1781 г. за границами паркана – деревянная Покровская церковь. Таким образом, широкого распространения каменное православное зодчество в Полоцке XVIII – начала XIX в. так и не получило [Глінік, 2001, с. 199–200].

Кроме упомянутых храмов, на Нижнем замке в конце XVIII в. размещались три деревянных униатских церкви и православный монастырь [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 4, отд. 1, с. 1238].

Согласно М. О. Без-Корниловичу, Полоцк во второй половине XVIII в. являлся крупнейшим городом на территории Белорусских губерний по количеству униатского, католического и православного духовенства, по масштабам разветвленной торговли, по количеству монументальных памятников культового зодчества [Без-Корнилович, 1855, с. 93]. Заметим, что уровень экономического и духовного потенциала Полоцка в конце XVIII в. хорошо иллюстрирует тот факт, что в 1776 г. Полоцк стал губернским городом, а с 1778 по 1796 гг. являлся центром наместничества.

Великий посад имел обычную для средневекового города погонную застройку. На посаде селились мещане, шляхта и духовенство. С конца XVI в. и в XVII в. на территории Великого посада возможно локализовать усадьбы отдельных шляхетских родов Дорогостайских, Друцких-Соколинских, Щитов, Зеновичей, Селяв (рис. 83) [Дук, 2007г, с. 68].

К середине XVII в. сохранилось мало сведений о названиях полоцких улиц. Первое отраженное в письменных источниках название улицы датировано концом XIV в. Речь идет про ул. Богородицкую, которая размещалась где-то вблизи церкви св. Богоявления [Тарасаў, 1998а, с. 179]. Названия

отдельных полоцких улиц упомянуты в Полоцкой ревизии 1552 г. На Великом посаде обозначены ул. Великая, Подольная, Вознесенская и Вознесенский переулок (около церкви Вознесения Христова), Ильинская, а также «мещанский» Андронов переулок (рядом с ул. Великой и восьмой башней). В неопределенной части города упоминается ул. Пятницкая, возможно, размещенная около одноименной церкви на Великом посаде [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 8–9, 178]. Из этих улиц локализация только одной – Великой – точно выяснена: она была размещена на месте западного участка современной ул. Нижнепокровской. В 1570 г. упоминается ул. Пословская «в Якимове початку».

На плане Полоцка 1910 г. обозначены названия улиц, которые упоминаются в актовых книгах середины XVII – XVIII в., среди которых Пробойная, Вознесенская, Невельская, Азаровская (Азаровая), Спасская. Есть все основания полагать, что эти улицы в XVII – начале XX в. были размещены на одних и тех же местах под одинаковым названием. Исключением является ул. Вознесенская.

Так, ул. Пробойная пролегалa с севера на юг внутри городских укреплений. Естественными границами начала и конца этой улицы являлись с юга – р. Двина, с севера – р. Полота.

Изображение этой улицы есть на планах начала XVIII в. (рис. 3). Улица проходила вдоль рва и вала Нижнего замка, вела в сторону Спасо-Евфросиньевского монастыря. Она прекратила свое существование в конце XVIII в., когда произошла перепланировка города.

Ул. Вознесенская, которая на плане 1910 г. (рис. 5) пересекала ул. Нижнепокровскую, в XVII–XVIII вв. размещалась параллельно ул. Великой. Она получила название от церкви Вознесения Христова, которая упоминается в Полоцкой ревизии 1552 г. «в месте» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 9, 21, 176]. На современной карте Полоцка это соответствует территории между пр. Ф. Скорины и ул. Нижнепокровской.

Согласно записям в актовой книге полоцкого магистрата 1656–1657 гг., ул. Вознесенская имела выход на ул. Пробойную, размещалась «*в тыле ратуши и гостиного дома*», рядом с «*пляцами сборовыми*» и рынком. В магистратской книге упоминается дом «на улицы Возънесенской, на кгрунте меском до ратуша полоцького належачом стоячий, толко самый будынокъ на полчверти пляца збудованый, з одного боку подле дому Войтеха Закревского, а з другого огорода и кгрунту тежъ меского в тыле самого ратуша и дому гостинного будучого» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 348].

Многочисленные дела в актовой книге 1656–1657 гг. фиксируют наличие огородов и усадеб полочан между ул. Великой и Вознесенской. Одна из таких усадеб исследована археологически. Ул. Вознесенская пролегалa около «площадей сборовых» (бывший кальвинистский сбор), также около ратуши и гостиного дома. Это является прямым подтверждением размещения полоцкой ратуши в южной части современной пл. Свободы на месте дома генерал-губернатора. Именно это здание было возведено в конце XVIII в. на месте трех отдельных каменных построек и было расположено около

ул. Пробойной напротив упомянутого в магистратской книге 1656–1657 гг. пляца на ул. Вознесенской. Таким образом, ул. Вознесенская проходила с южной стороны от ратуши, здание которой фасадом было повернуто на север, в сторону рынка.

Важным изобразительным источником, который дает представление о внешнем виде этого важнейшего элемента городской инфраструктуры магдебургского Полоцка, является икона св. Николая из фондов НПИКМЗ. Икона датирована серединой XVIII в. [Ярошевич, 2009, с. 19] и, вероятно, происходит из Экиманской церкви св. Георгия, в которой упоминается икона св. Николая «в больших размерах, с серебрянными шатами, древнего рисования» [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 114]. Связь многих икон коллекции НПИКМЗ из униатской Георгиевской церкви в Экимани уже была определена искусствоведами [Ярошевич, 2009, с. 19].

Изображение святого размещено на фоне города с выразительной барочной застройкой. Обозначенные здания могут быть соотнесены с Софийским собором, иезуитским коллегиумом и полоцкой ратушей. О том, что на иконе отражено именно здание ратуши, свидетельствуют, во-первых, его архитектурные особенности, во-вторых, расположение здания за стеной рынка.

Для ул. Невельской и ул. Спасской, которые были размещены параллельно р. Двина (направление восток–запад), естественной границей с запада являлся природный ров возле основания Нижнего замка, который выразительно прослеживается на планах XVIII в. [Тарасаў, 1998а, с. 57]. То же можно отметить и для ул. Азаровой. С востока развитию этих улиц мешал посадский паркан, однако ул. Невельская и ул. Спасская пересекали посадские укрепления и за границами паркана превращались в тракт.

Ул. Невельская расположена напротив Невельских проездных ворот (запись в актовых книгах 1650 г. и 1656–1657 гг.). Эта улица выходила за границы крепостной стены, где вокруг нее в XVII в. располагались огороды полочан. Эти огороды тянулись на север до самой р. Полота. Невельские ворота были расположены на перекрестке ул. Невельской (современная ул. Войкова) и ул. Крепостной, которая существовала в XIX – начале XX в. [Тарасаў, 1998а, с. 56].

Согласно актовым книгам 1650 г. и 1656–1657 гг., ул. Азаровая заканчивалась около Нижнего замка. В актовой книге 1721 г. отмечено, что ул. Азаровая пересекает *бывший* городской паркан. На ней были расположены *Андреева мельница* и «*цагельня*» (мастерская по изготовлению кирпича). Цагельня занимала четверть городской площади между огородами. Книга полоцкого городского магистрата 1779 г. дает очень ценные сведения о расположении топографических объектов на этой улице. Согласно записи в книге 1779 г., ул. Азаровая тянулась от Нижнего замка до *волотовок* параллельно ул. Боровой. Тот факт, что волотовки так называемого восточного курганного некрополя IX–X вв. сохранились до конца XVIII в., до недавнего времени казался практически невероятным. Упоминание «волотовок» позволяет определить один из маркеров северной границы древнего курганного некрополя в районе современной ул. Коммунистической (бывшей ул. Азаровой), что, кстати, отражено на плане 1707 г. (рис. 3).

Часть ул. Азаровой была вскрыта во время раскопок 1987–1988 гг. Эта улица в XII в. проходила по одной трассе с более поздними улицами XVII–XVIII вв. Из этого следует, что планировка Великого посада и его застройка были очень консервативными на протяжении многих веков [Тарасаў, 1998а, с. 66].

Ул. Спасская выходила за границы паркана и была расположена параллельно р. Двина (запись в актовых книгах 1650 г. и 1656–1657 гг.) аналогично направлению начала XX в. Эта улица также упоминается в актовой книге 1779 г.

Расположение ряда улиц Великого посада также можно реконструировать, взяв за основу план Полоцка 1910 г. (рис. 5) и более ранние. Так, очевидно, что направления основных улиц, которые находились в пределах крепостной стены, в XVIII–XIX вв. остались неизменными. На планах конца XVIII в. между ул. Нижнепокровской и Верхнепокровской обозначена улица, которая отсутствует на плане 1910 г. Также, согласно планам конца XVIII в., ряд улиц был размещен к северу от ул. Невельской.

В Полоцкой ревизии 1552 г. и актовых книгах XVII в. на Великом посаде упоминается ул. Ильинская, которая выходила за пределы оборонительных укреплений. Среди крепостных башен упоминается Ильинская, которая на плане 1910 г. находилась на перекрестке ул. Крепостной и ул. Витебской [Тарасаў, 1998а, с. 56]. Очевидно, что башня и улица, которая к ней примыкала, имели одинаковое название. Название улицы, вероятно, происходит от названия Ильинской церкви, упомянутой под 1552 г. [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 21].

Согласно записи в книгах 1656–1651 гг. и 1782 г., ул. Ильинская была расположена параллельно ул. Вознесенской. Запись в книге городского магистрата 1779 г. детализирует расположение улицы «на *рынке*», по направлению из «*крамного ряда*». В 1755 г. улица проходила через мост бывшего рва паркана и вела к волотовкам, справа от нее на «рогу» располагались городские пляцы [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 34, л. 271об.].

На ул. Ильинской к 1780 г. (приезд в Полоцк Екатерины II) был построен большой трехэтажный корпус иезуитского коллегиума, расположенный напротив южного фасада костела св. Стефана. На западном конце ул. Ильинской были построены два корпуса, один напротив другого, по разные стороны улицы [Викентьев, 1910, с. 22–24]. Улица оставалась проезжей недолго: после 1780 г. она была перекрыта трехэтажным зданием иезуитского коллегиума (корпус разрушен в 1964 г.).

В результате археологических раскопок 2000–2003 гг. в южном дворике бывшего иезуитского коллегиума были открыты следы усадебной застройки. Один из домов первой половины XVI в. имел подклет с деревянным дренажем. Этот дренаж соединялся с уличным. Сегодня можно определить расположение этого дома по ул. Ильинской. Улица в XVI в. имела деревянный водосток.

В актовой книге от 1732 г. упоминаются волотовки и «церковища» св. апостолов Петра и Павла: «*idąc ulicą Illińską w pole do Przesmuszek za wołotówkami*

alias gurami Bałhoreyskiemi, po prawey stronie teyże ulicy Illinskiey, przeciw cerkowiszcza Świętych apostołow Piotra i Pawła» («идя улицей Ильинской в поле до Просьмушек за волотовками или горами Балгорейскими, на правой стороне той же улицы Ильинской, напротив церкви св. апостолов Петра и Павла») [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 17, л. 51–51об.]. В книге 1739 г. копаная волотовка упоминается «na ulicy Illinskiey, za miastem, przeciwko rytey wołotowki, do tej gury Bałhoreyskiey leżący» («на улице Ильинской, за местом, напротив копаной волотовки, к той горе Балгорейской лежащей») [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 34, л. 27об.]. В данных сведениях отождествляются части волотовок и «гор Балгорейских».

Таким образом, древние и современные названия упомянутых улиц соответственно: Пробойная–Толстого (сейчас сохранилась только северная часть ул. Пробойной в границах ул. Толстого), Невельская–Войкова, Азаровая–Коммунистическая, Спасская–Замковый проезд, Батечковая–северная часть пр. Ф. Скорины, Великая–Нижепокровская.

В границах парка, согласно актовым книгам 1650 г. и 1656–1657 гг., также находились улицы Боровая, Батечковая, Степанова (имели гостинцы), Возничная, Собакина, Савина, Сборовая, Дмитровая.

Ул. Спасская вела к повороту на ул. Боровую, что свидетельствует об их параллельном размещении. В актовой книге 1779 г. упоминается ее аналогичное размещение относительно ул. Азаровой. Таким образом, между ул. Азаровой и ул. Спасской проходила ул. Боровая, которая в 1779 г. выходила за границы стены. На этой улице в 1654 г. находилась Скарбовая башня (раньше эту башню ошибочно располагали на улице Азаровой [Тарасаў, 1998а, с. 56, рис. 71]). Улица Спасская проходила от рынка до волотовок (запись 1758 г.) [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 36, л. 41].

Ул. Батечковая, согласно тому же источнику, находилась рядом с ул. Ильинской, «при рынке». Эта же улица проходила параллельно ул. Спасской, вместе с которой выходила за пределы стены. В актовой книге 1656–1657 гг. упоминается пляц между ул. Батечковой и ул. Спасской вдоль стены. Определенно, что ул. Батечковая была расположена между ул. Ильинской и ул. Спасской в границах современного пр. Ф. Скорины. По ул. Батечковой в 1738 г. был заложен каменный костел св. Стефана [Викентьев, 1910, с. 20]. С запада улица была перегорожена двухэтажным флигелем иезуитского коллегиума. Во время археологического наблюдения А. А. Соловьева в 2009 г. за реконструкцией бывшего флигеля были открыты остатки ворот, от которых начинался деревянный мост через Черный ручей на Верхний замок [Викентьев, 1910, с. 24]. Эти ворота были расположены на ул. Батечковой и вели через Красную (Королевскую) башню.

В границах стен Великого посада в книге 1566–1567 гг. присутствует название местности «Шевердин рог», который находился в начале ул. Великой около Верхнего замка и безымянной улицы, которая ведет с рынка около церкви Рождества Христова («храм на рву»). Эта безымянная улица начиналась у р. Двина, тянулась вдоль Верхнего замка и церкви Рождества Христова и вела на рынок. Топографически с ней связана ул. Чистая, которая

проходила «с левой стороны от улицы около церкви Рождества Христова по направлению к реке Двине». Ул. Чистая проходила на юг от корпусов иезуитского коллегіума.

В тяжбе архиепископа Антония Селявы с полоцкими мещанами за 1638 г. упоминается ул. Рождественская, которая находилась где-то на Великом посаде. На этой улице размещались дворы Арона Танхилевича и Мовшы Мардохеевича [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 179]. Возможно, эта улица находилась около церкви Рождества Христова около Верхнего замка, но в актовых книгах 1656–1657 гг. и позднейших она по каким-то причинам упоминается без названия.

За городской стеной находилась ул. Малая, которая была проложена вдоль крепостного рва. С восточной стороны от ул. Малой начинались огороды, за которыми располагались волотовки. Ул. Малая начиналась от Невельской проездной башни, на север от этой башни до самой р. Полота были огороды.

Пахотные земли на восток от паркана Великого посада упоминаются в ревизии полоцкого повета 1563 г.: «пашенные земли и перелогу ... по Полоте меж дорог и которое здесь къ Спасскому монастырю и Полоты реки до Еуфрасинского монастыря что противъ Стрелецкого города до Полоты реки ...» [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 573, л. 382]. Тут же приведено упоминание и про курганный могильник: «да на гореломъ посаде в на дол от техъ курганов пашенные земли ... подле дорогъ к кгурганъ да на горелом посаде в на дол отъ, а за курганы ... меж Двины реки и дороги, которое на Туровлю» [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 573, л. 383].

Таким образом, про так называемый восточный курганный могильник IX–X вв. существует несколько упоминаний в письменных источниках XVI–XVIII вв. Соответственно, ул. Ильинская (современная южная часть пр. Ф. Скорины) и ул. Выгонная, название которой говорит о ее функциональном назначении, могли быть своеобразным маркером распространения курганного некрополя с юга⁷. С севера, как было сказано выше, таким маркером является современная ул. Коммунистическая.

Ул. Великая и ул. Степановая за границей паркана в XVII в. были окружены огородами. Определенной привязки на местности ул. Степановой в письменных источниках не зафиксировано, но она часто фигурирует в актах купли–продажи недвижимости полочан. Соответственно, ул. Степановая должна была находиться в центральной части Великого посада. Возможно, эта улица проходила между ул. Невельской и ул. Азаровой.

Парные названия ул. Выгонной и ул. Батечковой, ул. Батечковой и ул. Спасской свидетельствует об их параллельном размещении за пределами крепостной стены на юг от ул. Спасской. Между улицами располагались огороды.

⁷ Маловероятно, чтобы эта улица проходила по курганному некрополю. Таким образом, выпас скота происходил между ул. Великой и ул. Выгонной, естественно, за пределами паркана.

Следует обратить особое внимание на ул. Великую, которая впервые упоминается в Полоцкой ревизии 1552 г. В 1733 г. эта улица упоминается как «Великая мостовая» [НИАБ, ф. 1878, оп. 1, д. 2, л. 283]. К тому же ул. Великая являлось местом проживания зажиточной части населения (мещан и шляхты), про что ярко свидетельствуют археологические материалы и данные письменных источников. Неслучайно, на этой же улице шляхтич Иван Стабровский в 1621 г. отдал свой братский дом на размещение в нем временной православной церкви. В доме мещанина Игнатия Вишни на этой же улице имело место «большое сборище мещанъ обоего пола, въ числе несколькихъ сотъ человекъ» [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 121–122]. Во время посещения Полоцка в 1780 г. императрица Екатерина II жила в подготовленном для нее деревянном дворце над р. Двина, где раньше жил полоцкий губернатор Иван Михайлович Ребиндер [Без-Корнилович, 1855, с. 96]. На этой же улице в XVII в. были возведены первые каменницы.

На плане А. К. Мареля, который отражает реконструкцию топографии Полоцка в XVI–XVII вв., ул. Великая заканчивается в районе размещения францисканского монастыря (упомянут в актовой книге 1533 г.) и Богоявленской церкви [Иезуиты в Полоцке ... , 2005, ч. 1, вып. 2, с. 8; БА, 1928, т. 2, с. 222]. Это подтверждают данные археологического исследования. На территории ул. Нижнепокровской напротив Богоявленской церкви под современной проезжей частью были открыты остатки деревянной застройки с керамикой XIV – середины XVII в. [Дук, д. № 2284]. Ул. Великая была продолжена в восточном направлении только во второй половине XVII в., тогда же она вышла за пределы парка.

В конце XVIII в. сразу за бывшим парканом перпендикулярно ул. Великой проходил Бараний взвоз. Эта местность находилась за «перекопом» (бывший ров парка по ул. Ильинской). От этого «перекопа» в сторону Бараньего взвоза располагалась «копаная» волотовка (запись 1759 г.) [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 37, л. 185]. Не раз в книгах XVII–XVIII вв. упоминается местность «Плиговки», которая размещалась на ул. Пробойной, под Верхним замком, напротив перевоза от р. Двина. В инвентаре имущества полоцкого архиепископа от 16 июня 1580 г. зафиксирована ул. Плиговская, которая находилась на Великом посаде и от которой вели два переулка [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 180].

На Великом посаде в письменных источниках упоминаются три перевоза, один из которых изображен на плане 1707 г. напротив Верхнего замка. Четвертый перевоз находился напротив улицы, которая в 1910 г. называлась Вознесенская (современная ул. Сакко и Винчетти), этот перевоз изображен на плане 1707 г. напротив Богоявленской церкви. Тут во время археологического надзора в 2003 г. были открыты следы срубных построек XVII в. прямо около береговой линии Двины.

С включением Полоцка в состав Российской империи застройка города проводилась по проекту регулярной перепланировки 1778 г. В 1793 г. был разработан проект И. Зигфридена, согласно которому бывшая рыночная площадь стала основным звеном трехчастной структуры центра, который

включал две торговые площади (вторая находилась в районе современной пл. Ф. Скорины) [Чантурия, 2005, с. 274–275]. Изменилась и функция площади: в конце XVIII в. ее роль административного центра города усилилась, а торговая была ликвидирована.

В связи с этим особый интерес представляет план регенерации Полоцка 1778 г. (рис. 4), на котором обозначены существующие топографические объекты Полоцка и элементы планируемой застройки. На этом плане видно, что старую нерегулярную застройку должна была заменить новая. В первые десятилетия XIX в. так и случилось: городские кварталы увеличились, улицы стали более прямыми и широкими. В частности, ул. Вознесенская попала под застройку городскими кварталами (одна из каменниц конца XVII в. – так называемый домик Петра I – северным фасадом выходил именно на нее). Остатки стены Великого посада в виде рва были сnivelированы, городская застройка шагнула на восток, и на месте курганов (волотовок) расположились городские кварталы.

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г., на *Заполотском посаде* Полоцка размещался 191 двор и существовали церкви Св. Духа и Покровская [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 24, 25]. Также на Заполотском посаде был построен бернардинский монастырь. Привилеем 1498 г. великого князя Александра бернадинцам разрешалось жить в Полоцке на определенном участке города. Привилей регламентировал место строительства и характер застройки: «erigenda ac pro monasterio, domibus, certis residenciis, habitationibus, ortis, officinis, ceteris commoditatibus construendis et constituendis aream, locum atque sittum, qui est sub castro nostro in Poloczko secus fluvium Polotha, incipiendo a fluvio Polotha circa latus pontis et tenendo circumferencialiter iuxta viam sive stratam, que ducit de castro versus ecclesiam S. Spiritus» («возвести соответственно монастырь, с заселенными административными и жилыми домами, мастерскими со всем необходимым, построенными и устроенными в соответствии с местностью, которая размещена под замком нашим в Полоцке, на берегу р. Полота, начиная с берега от моста и дальше по окружности в сторону гостинца или мощеной улицы, что ведет от замка к церкви Св. Духа») [Kodeks dyplomatyczny katedry ... , 1948, s. 538]. В тексте обозначен четырехугольник: устье р. Полота, около которого находился мост, – дорога к церкви Св. Духа – снова р. Полота – луг. В 1563 г. во время захвата Полоцка войсками Ивана IV бернардинский монастырь на Заполотском посаде (фото 9) прекратил свое существование.

Второе упоминание середины XVII в. про церковь Св. Духа в Заполотье определяет координаты ул. Заречной: «за Полотою в заульку под улицы Заречное, ку церкви Светог(о) Д(у)ха идучой, стоячий» [Гардзееў, 2004, т. 1, с. 58].

В письменных источниках XVI в. упомянута еще одна церковь в Заполотье – св. Козьмы и св. Демьяна, которая принадлежала одноименному монастырю. При этом более-менее точная привязка к местности отсутствует, кроме упоминания: «въ месте Полоцком на посаде за Полотою» [Тарасаў, 1998а, с. 87]. Именно церковь св. Козьмы и св. Демьяна С. В. Тарасов отожд-

дествляет с церковью, отраженной на гравюре Я. Баптисты 1580 г. в западной части Заполотья. Хорошо видно, что храм ориентирован по направлению восток–запад и имеет двускатную крышу с шатровым покрытием и крестом. К противоположному концу примыкал двухъярусный объем, который мог быть звонницей [Якимович, 1991, с. 271]. Этот комплекс не мог быть бернадинским монастырем, поскольку последний в 1563 г. был сожжен по приказу Ивана IV (бернадинцы возвратились в Полоцк только в конце XVII в. и возвели сначала деревянные, а потом и каменные постройки монастыря уже в Задвинье) [Ярашэвіч, 1999, т. 5, с. 536]. Наиболее вероятно, что на плане отражена церковь Св. Духа поскольку упомянутая «дорога или гостинец», которая ведет от «широкого моста» с Верхнего замка к церкви Св. Духа, должна быть главной на посаде. На гравюре Я. Баптисты как раз и отражена широкая улица, которая ведет через весь посад от моста к церкви.

Обозначенная в привилее 1498 г. территория, которая принадлежала бернадинцам, находилась в восточной части Заполотского посада в районе современных ул. Краснова и ул. Михайловской. Кстати, заливной луг и сейчас находится в северо-восточной части Заполотья напротив западного мыса Верхнего замка (район Мошны). Церковь Св. Духа могла размещаться на запад от обозначенной территории, возможно, в районе современного моста через р. Двина.

Имеющиеся археологические данные подтверждают, что бернадинский монастырь находился в восточной части Заполотья. Во-первых, не вызывает сомнений расположение архитектурных и топографических объектов Полоцка 1563 г., изображенных на фреске бернадинского костела в Вильно [Гліннік, 2004].

Во-вторых, в 2003 г. в северо-восточной части Заполотского посада обнаружены следы богатой усадьбы XV в. Не исключено, что открытый археологически комплекс является частью двора, который принадлежал ганзейским купцам и с конца XV в. мог принадлежать бернадинскому монастырю.

В-третьих, в 2006 г. во время археологического наблюдения за земляными работами в Заполотье по ул. Краснова, 12 был найден печной набор изразцов первой половины XVI в. На одной из пластин отображена монограмма Божьей Матери, которая свидетельствует о католическом вероисповедании владельца печи. Изображение монограммы Божьей Матери на изразце из выявленного печного набора пока что является самым ранним примером использования «гербовых» изразцов в Полоцке [Дук, 2007в, № 4].

В-четвертых, во время археологических раскопок в 2010–2011 гг. по ул. Краснова возле домов № 7 и № 12 были выявлены следы большой деревянной постройки с изразцовой печью, в состав которой входили горшковые и ранние стенные изразцы с позднеготическими изображениями Девы Марии и Иисуса. Данная постройка имела подвал, в заполнении которого найдена посуда и вещи первой половины XVI в. Постройка сгорела в пожаре, и, вероятно, являлась одним из жилых корпусов бернадинского монастыря.

В любом случае, территория для размещения монастыря была выбрана не случайно. На протяжении веков расположение культовых построек в Полоцке всегда соответствовало нуждам полочан. Католический храм мог быть возведен в месте проживания максимального количества верующих этой конфессии.

Примером городской усадьбы в пределах Заполотского посада является инвентарь недвижимого имущества Людвики Каролины Радзивилл за 1658 г. Усадьба располагалась на ул. Великой и имела ограду. Усадебные ворота находились со стороны переулка, который спускался к р. Двина. Въезд был с большими воротами и маленькой «фортой» (калиткой). Дом был деревянный, имел «белую палату» (комнату) с коморой (кладовкой) при ней. Печь в комнате была «поливанной» (глазурованной), дымоход требовал ремонта. Из мебели были стол столярной работы, две большие лавы и две поменьше, шкаф. В коморе располагалась большая лава, хозяйская черная печь, но с выведенным дымоходом. Окна в доме были «стеклянные, в дереве сделанные». Окно коморы выходило на улицу и имело две ставни на завесах. Двери в палате имели защелку, двери в обоих коморах были оснащены внутренними замками, а двери коморки сеней имели дополнительно еще и защелку. Комора в сенях была покрыта девятью обработанными досками, остальная часть – простыми досками [Дзярновіч, 2009, с. 71–72].

За сенями с коморой находился амбар с засеками. Двери амбара имели внутренний замок. В амбар можно было попасть прямо из коморы сеней, двери между ними были на завесах. Под амбаром находился погреб (пивница), в который вели двери на завесах. За амбаром размещалась «паветь», крытая старыми «драницами», за «паветью» – старая баня. Для хранения дров имелась специальная постройка – «сенцы». Двое дверей в них были на бегунках. При усадьбе имелся огород, который со стороны улицы был обнесен частоколом, или «острогом». На подворье находилась еще одна жилая постройка – «добрая палата» с черной печью. Вход в эту постройку был через двери на завесах. Между этой постройкой и воротами размещался «хлевок» без дверей. За хлевом были конюшня и «поветь» (навес для сена). Весь комплекс был покрыт «драницами», отдельные постройки имели общие крыши. В целом усадьба напоминала фольваок и сильно отличалась от сельского веночного двора [Дзярновіч, 2009, с. 72].

Из текста жалобы полоцкого лавника Ивана Алексеевича на мещанина «места заполоцкого» Алексея Сотника от 10 ноября 1656 г. можно проследить обустройство огорода в границах городского посада: «маючы огород свой власный вечыстый на Заполотю, на улицы Еглявинской стоячий, чверти пляца [...], огорожаный вколо заметом и ворота уставлены были, в котором огороде было засеено розные ярыны огородные, тоест борщъ, чеснок, шалвея, олий, гвоздики, огурки, палвей, а всобливе сад яблонный, было яблоней садовых трыдцат, на которых то яблонех завше рок од року овощи он, жалуючы, мел и пожытковал. А онъ, Алексей Сотник, невядоме Zufалства и своволенства своего в том огороде розобравшы праслы, дыры почынившы, тые праслы на пожыток свой от усега огорода вырил и извозил.

А в осталну на тот огород вжо через него розобраный насадяко и на тые за-
севки ярынные свини, кони, коровы, козы напустил, через которое кгвал-
товное розебрание невядоме огорода и напущене коней, быдла, коз, свиней,
тые яблонь садовые овощовые в нивех обернули и тот сад увес усушыли,
якож борщъ и розные золка с кореня повыкопано и в нивех обернено и згола
доценту розорыл. И тот будынок около огорода прасел трытцат пят разо-
брал и внивех обернул, через которое розебрание огорода он, жалуючы, шка-
дует 30 талеров» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 74об.].

Из текста следует, что огород находился за деревянным «замѣтом» в трид-
цать прясел, имел ворота. Огород занимал относительно небольшую пло-
щадь – четверть пляца, однако на нем кроме овощей еще выращивалось
тридцать (!) садовых яблонь, которые и представляли основную ценность.
Даже если предположить, что пляц имел максимальный размер около 300 м²,
его четверть будет равна 75 м². В таком случае садовые деревья в количе-
стве 30 штук должны были быть низкорослые, что, кстати, и объясняет их
быстрое «искоренение и иссушение» домашним скотом.

Представляет интерес и перечисление видов домашнего скота, который
полочане держали в городе (свиньи, лошади, коровы, козы), а также и тот
факт, что активно практиковался вывоз недвижимого имущества, в данном
случае «будынку» ограждения.

В XVII в. на Заполотском посаде, кроме церкви Св. Духа, находились цер-
ковь св. Козьмы и св. Демьяна (упоминается под 1606, 1618, 1708 г.). В XIX в.
церковь располагалась на месте огорода, который принадлежит собору
св. Софии, в то время она была целиком разрушена [Сементовский, 1890,
вып. 1, с. 131].

В делах, помещенных в актовой книге 1656–1657 гг., встречаются назва-
ния ул. Великой, Еглевинской, Заречной, Выгонной, Ермолова переулка.
Эти улицы были размещены в границах Заполотского паркана. За парка-
ном размещались местности Селевщица и Глушица. Из всех улиц возможно
определить месторасположение ул. Великой (современная ул. Краснова).
Она являлась своего рода продолжением одноименной ул. Великого поса-
да, пересекала границы паркана и переходила в гостинец. На этой улице
в XVII в. располагались усадьбы зажиточного населения, он был вымощен
деревом [Дзярновіч, 2009; Kodeks dyplomatyczny katedry ..., 1948, s. 538].

В актовой книге 1704 г. упоминается Бастионный переулок, в книге 1779 г. –
переулок Цикуновыи. Оба переулка располагались между ул. Великой
и р. Двина.

Застройка Заполотского посада, согласно плану 1707 г., не отображает
церквей, хотя церковь св. Козьмы и св. Демьяна упоминается в письменных
источниках под 1708 г. Из всех улиц на плане обозначены две основные:
одна – ул. Великая – расположена параллельно р. Двина, название второй,
которая переходит в дорогу, определить сложно.

В любом случае, на обоих планах начала XVIII в. на территории Запо-
лотского посада плотная застройка не отмечается. Под 1704 г. посад упоми-
нается как «предместье места Полоцкого Запалотье» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1,

д. 2, л. Зоб.]. При этом наличие оборонительного рва прежнего паркана присутствует только на плане 1720-х годов.

Археологические раскопки на территории *Экиманского посада* были проведены в 2009 г. и ставили целью определить его сущностные характеристики, зоны распространения и время образования культурного слоя. Фактически это были первые системные раскопки в Экимани. Вместе с итогами археологического наблюдения в предыдущие годы был получен значительный фактологический материал, который позволяет определить роль и место Экимани в социотопографической структуре Полоцка.

По итогам археологических исследований 2009 г. было определено время образования культурного слоя на территории бывшего Экиманского посада (вторая половина XV – XIX в.) и площадь его распространения (7 га). Артефактов, ранее XV в. археологически не выявлено, за исключением креста-энколпиона XII в. (фото 23: 3), найденного Н. С. Боровик на огороде рядом с местом расположения бывшей Георгиевской церкви (хранится в НПИКМЗ). Фрагменты так называемой слабообожженной плинфы, найденной в 1976 г. П. А. Рапоппортом во время поиска фундамента церкви св. Георгия, на самом деле оказались кирпичом XVI в.

Полученные во время раскопок данные стало возможно сопоставить с письменными источниками по истории Экиманского посада.

Название «Экимань» происходит от названия храма Иоакима и Анны. Аналогичная картина с происхождением названия Якиманской (Экиманской, Акиманской) улицы Пскова от названия монастырского храма [Колосова, 2004, с. 51]. Экиманская церковь упоминается в Полоцкой ревизии 1552 г. [1905, с. 22, 26].

В Полоцкой ревизии 1552 г. Экимань упоминается как поселение с развитой топографической структурой, собственно посад. На территории посада было размещено 269 дворов, и Экимань являлась вторым по значимости поселением в топографической структуре города, уступая только Великому посаду (769 дворов). Таким образом, с момента основания поселения (данные археологии об этом уверенно свидетельствуют) до середины XVI в. прошло не более 50–80 лет. Это означает, что заселение данной территории могло произойти не иначе, как централизованно, и, по-видимому, процесс переселения был хорошо организован.

Что заставило людей переселиться в Экимань? Ответ находим в письменных источниках. В мае и августе 1518 г. московская армия в очередной раз сожгла Великий и Заполоцкий посады и паркан [БА, 1928, т. 2, с. 192–196]. После этих событий население посада, которое находилось под властью бояр и духовенства, вынуждено было оставить свои дворы в городе и разойтись. Места, куда они пошли, в источниках не упоминаются, однако есть все основания утверждать, что это было левобережье р. Двина, а граница расселения охватывала Экиманский и Кривцов посады (за границами поселений Слобода и Остров). Юридическая зависимость этих людей от боярства отражена в топонимах Экимани – Боярщизна, ул. Боярская. Позднее, с конца XVI в., население Экимани находилось под юрисдикцией иезуит-

ского коллегиума. Удобное размещение Экиманского посада на левом берегу р. Двина на значительном удалении от Верхнего замка (основной цели военных походов на Полоцк в XVI–XVII вв.) делало посад очень привлекательным местом для проиживания.

Время начала переселения этих людей в Экимань можно определить достаточно уверенно. В привилее Полоцку на магдебургское право 7 октября 1498 г. Александра Ягеллончика определены категории боярских, мещанских и «поповских» людей, которые «живут(ь) за Двиною, так и тые, *которые з другое стороны реки Двины и на острове мешкают(ь)*». В тексте второго привилея на магдебургское право Сигизмунда Старого 27 августа 1509 г. (датировано согласно А. Л. Хорошкевич) называются «все мещане, и черные люди, и всякие закладни, так тые, которые мешкають в замьку, и около замьку, *так теж и тые за Двиною* и на всяких местьцох в мести нашом Полоцком, за вл(а)д(ы)кою, и за игуменью, и за кн(я)зи и за бояры, и за игумены и за попы, на всех местьцох ц(е)рк(о)в(н)ых и кн(я)зьских и боярьских» [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 57]. Таким образом, в 1498 и 1509 г. упоминаются люди, которые были подчинены боярам и духовенству и проживали на территории левобережной части Полоцка. Многие из этих людей как на Экиманском, так и на Кривцове посадах занимались огородничеством. Аналогичная ситуация с массовым переселением жителей города в пригородные фольварки известна многим белорусским городам в результате войн XVI–XVII в. Например, королевские ревизоры отмечали катастрофическое состояние Гродно в итоге переселения людей в фольварки в 1680 г. [Гардзееў, 2008, с. 253–254].

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г., на собственных землях в Экимани жили только два мещанина, на мещанской земле – один, на шляхетских – четырнадцать, остальные селились на церковных землях [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 26].

В 1650-е годы посад имел разветвленную уличную сеть. Здесь располагались ул. Боярская, Виленская, Езеньская, а также местность Боярщизна с ул. Великой. К тому же Экиманский посад имел собственный рынок. Название ул. Виленской свидетельствует о наличии одноименной дороги вне границ посада. Об аналогичной дороге сообщается в описании похода Ивана IV на Полоцк 1563 г.: «за Двиною же рекою на Виленской дороге ... против Якиманские слободы» [ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 306].

В 1774 г. на иезуитском фольварке Экимани вместе с Островом размещались 121 дом с населением 726 человек, предместье было расположено вдоль р. Двина на две мили, а вширь на одну милю «а местами больше или меньше», и «лежит то местечко от слободы Бельчицкой в $\frac{1}{4}$ мили». В Экимани были четыре трактира: Пятничный, Хоцевичский и Полюдовичский [Lustrator Połocki..., 1774, s. 2–3, 24–25], а четвертый трактир был частный, либо свободный [Сяргеевка, 2003, с. 55].

Из данных «Люстрации 1774 г.» Экимань являлась полоцким предместьем (такой же статус имел и Остров), но рассматривалась вместе с девятью фольварками полоцких иезуитов [Lustrator Połocki ... , 1774, s. 2–3, s. 2]. Экиманские мещане были приписаны к иезуитскому коллегиуму.

Согласно данным письменных источников XVII–XVIII вв. известно, что на территории Экиманского посада были размещены костел и церковь. Так, в 1646 г. митрополит Антоний Селява назначил настоятелем церкви св. Георгия за городом Василия Никифоровича [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 208–209]. На территории Экиманского посада размещался «деревянный костел без резиденции для ксендза», была и приходская церковь с большим заезжим домом. Этот дом имел «покой» и каменные склепы, около дома располагались «опустошенные» столы для содержания в них российского лазарета. Отмечается, что Экимань «при образцовом российского солдата обхождении пришла целиком к мизерному положению» и по сравнению с другими фольварками была не самой густонаселенной и прибыльной [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 55; *Lustrator Połocki ...*, 1774, с. 3].

В письменных источниках не указаны названия костела и церкви XVII–XVIII в. Современное население д. Экимань не помнит название церкви, которая была разрушена во время боевых действий 1944 г. В «Справке отдела охраны памятников архитектуры управления по делам архитектуры при СНК БССР о разрушении и грабеже гитлеровскими оккупантами исторических памятников архитектуры на территории Беларуси в 1941–44 гг.» Экиманский храм упоминается как «выстроенный в 1737 г. и являющийся древнейшим деревянным сооружением города» [Памяць ... , 2002, с. 488]. П. А. Раппопорт в отчете об археологических исследованиях упоминает Георгиевскую церковь, около которой он и проводил исследования [Раппопорт, д. № 527, с. 24].

Из текста копии инвентаря Экиманской православной церкви, сделанной Викентием Меницким в начале XX в., следует, что церковь в предмете Экимань имела название в честь св. Георгия. В 1853 г. эта церковь была перестроена из католического костела, возведенного в 1736 г. [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 114]. Этот костел, по-видимому, был построен на месте одноименной униатской церкви, упомянутой в документе 1646 г. и, возможно, разрушенной во время войны 1654–1667 гг.

Церковь представляла собой крестово-купольный деревянный храм на каменном фундаменте с одним куполом и колоколом. Построена в византийском стиле, крыша крыта гонтом [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 114]. В церкви над царскими воротами находилась икона Казанской Божьей Матери, которую местные жители почитали как чудодейственную. Икона содержала надпись «Образъ Казанскія Божія Матери, 1637 года, октября 29 дня». В церкви на правой стене размещались икона св. Георгия, на левой – св. Николая, обе сделаны «в большом размере, с серебрянными шатами, древнего письма» [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 114]. К сожалению, выяснить время создания данного инвентаря тяжело. Согласно второму инвентарю за 1854 г., над царскими воротами Георгиевской церкви в третьем ряду иконостаса располагались иконы Благовещения, справа от нее – икона Сретения, слева – икона Благовещения [Ярошевич, 2009а, с. 234]. Две иконы с этой церкви – Сретение и Вознесение – сегодня хранятся в фондах НПИКМЗ.

В копии инвентаря, сделанного Викентием Меницким, упоминается также древняя униатская церковь св. Николая, которая находилась неподалеку

от церкви св. Георгия и была разрушена в середине XIX в. Церковь имела четыре колокола, два больших отлиты в 1776 и 1881 г., два маленькие не датированы и были без надписей. Колокол, отлитый в 1776 г., содержал две надписи: «Me fecit Johann August hetzel anno 1766 in Riga» и «Roku 1766 ten dzwon odlowan z bractwa do cerkwi Ekimanskiej Swientego Mikolaia» [LVIA, f. 599, ар. 1, б. 3, л. 114]. Этот колокол, очевидно, происходил с бывшей униатской церкви св. Николая и был отлит за средства экиманского николаевского братства.

К парафии Николаевской церкви принадлежали многочисленные приходы, часть которых в 1778 г. была отдана полоцкой Борисоглебской (в тексте инвентаря ошибочно определена «Богоявленской») церкви на Кобаке [LVIA, f. 599, ар. 1, б. 3, л. 114, 114at.].

Согласно плану Полоцка 1707 г., Экиманский посад имел уличную сеть, аналогичную современной трассировке улиц. Ул. Виленская проходила параллельно ручью и вела на юг около церкви св. Николая. На месте Георгиевской церкви на плане располагался большой длинный дом, упомянутый в люстрации 1774 г. Самой Георгиевской церкви на плане нет, поскольку она в то время была разрушена, а отстроена в 1736 г. как костел. На плане хорошо видна переправа (по р. Двина), которая вела вдоль Острова к Верхнему замку.

Во время археологических исследований в 2000 и 2009 г. были выявлены фундамент и погост церкви. Фундамент состоял из кирпича на известковом растворе, размер кирпича приближен к размеру плинфы и составляет 31,0 × 15,0 × 4,5 см. Фундамент и погост принадлежали деревянной униатской церкви св. Николая, которая была разрушена в середине XIX в. Время ее возведения остается неизвестным, однако можно полагать, что оно происходило после Ливонской войны, возможно, на фундаменте церкви св. Иоакима и св. Анны. Церковь св. Георгия, упомянутая в письменных источниках середины XVII в., в 1736 г. была перестроена в костел, а в 1863 г. – в православную церковь, которая просуществовала до 1944 г.

Изразец с изображением монограммы полоцкого архиепископа и униатского митрополита Антония Селявы найден около бывшей церкви св. Георгия в единственном экземпляре представляет большой интерес. Монограмма (латинские буквы «А» и «S») помещена сверху венка. Рамка зеленоглазированного изразца с одним выступом, что свидетельствует о времени ее изготовления в границах второй четверти–середины XVII в. (известно, что Антоний Селява умер в 1655 г.). Резиденция полоцкого архиепископа находилась на Верхнем замке, поэтому изразец с изображением монограммы принадлежал назначенному Селявой в 1646 г. настоятелю храма св. Георгия Василию Никифоровичу.

Таким образом, Экиманский посад образовался в начале XVI в. за счет переселенцев с Великого и Заполотского посадов. Это подтверждают археологические данные и сведения письменных источников. С конца XVI в. Экимань является крупнейшей юридикой иезуитов, упомянутой в люстрации 1774 г. как фольварок. Экиманский посад имел разветвленную уличную

сеть, собственный рынок, элементы городской застройки и играл важную роль в социально-экономическом развитии Полоцка в XVI–XVIII вв. В годы подчинения Полоцка царю Алексею Михайловичу магистрат заботился о надлежащем состоянии Экиманского посада наравне с другими, о чем свидетельствуют соответствующие записи: «абы пляцы и кгрунты порожные впусе не лежали и штобы тот посад Екиманский ... в будынок розшыралсе» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 77].

Кривцов посад формировался в течение второй половины XV – XVII в. В 1552 г. крупнейшими территориальными единицами на левобережье р. Двина являлись «посады» Островский, Слободской и Кривцов. Суммарное количество дворов трех левобережных посадов составляло 284 (на Слободском посаде располагалось 103 двора, на Кривцове посаде – 30, на Островском посаде – 151 двор). Слабая заселенность Кривцова посада в середине XVI в. свидетельствует об отсутствии на нем разветвленной уличной сети. Люди селились на берегу р. Двина, на возвышенности надпойменной террасы, согласно записям в актовых книгах «на венце р. Двины». История Кривцова посада в середине XVI в. насчитывала чуть более 50 лет, в то время когда Слобода и Остров согласно археологическим данным были заселены с XI в. Кривцов посад в XVI в. был расположен между Островским и Слободским посадами.

Население Слободского посада согласно Полоцкой ревизии 1552 г. составляло 103 мещанина. Из них на землях монастыря Бориса и Глеба проживал 51 мещанин, на землях княгини Иллиной-Островской – 30, на землях полоцкого землянина Семена Ульского – 22 мещанина [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 27].

Культурный слой на территории Кривцова посада размещен вдоль р. Двина в виде полосы шириной около 150 м. Площадь Кривцова посада вместе со Старой Слободой и Островом составляет 22 га.

Слобода и Остров в XVII–XVIII вв. являлись частями Кривцова посада. На Острове в 1582 г. по-прежнему располагался монастырь св. Иоанна Предтечи [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 73]. Упоминание про Храм Иоанна Предтечи засвидетельствовано в ревизии 1618 г., после этого времени сведения про храм отсутствуют.

В XVII в. в состав Кривцова посада входила местность Остров, Кабак, Старая и Новая Слободы. С административно-правовой точки зрения они являлись территориальными единицами в составе Кривцова посада и в 1622–1623 гг. были переданы под юрисдикцию полоцкого магистрата.

Застройка Кривцова посада в XVI–XVII вв. в общих чертах не отличается от застройки на Великом и Заполотском посадах. В соответствии с общими тенденциями развития гражданского строительства, застройка монастыря Бориса и Глеба в слободе Кривцова посада в 1563 г. была деревянной. На территории монастыря были размещены кельи, которые были сожжены до подхода московских войск, от всей деревянной застройки осталась одна «братская пеколня». Эта «пеколня» имела сени, в ней размещался на ночлег Иван IV [ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 308].

Вероятно, ко времени подхода московских войск площадь застройки Островского посада была значительно уменьшена аналогично тенденциям развития Великого посада. Об этом свидетельствует сообщение Лебедевской летописи, согласно которой царь приказал «стрелцы стати и закопаться у Двины реки в березех и на острове» [ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 308]. Упомянутые «березы» могли размещаться на восток от Острова напротив Великого посада. В ревизии полоцкого уезда 1563 г. и на самом Острове упоминаются пахотные земли: «Архиепископу Антонию отмерено и старую пашню, что на Острове ... [РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 573, л. 383].

Согласно плану С. Похоловицкого 1579 г., застройка на Острове отсутствует, на плане Полоцка 1707 г. она немногочисленна, а на планах конца XVIII в. застройки на Острове снова нет.

Протест Кузьмы Пестуна о краже из его дома от 20 марта 1657 г. иллюстрирует интерьер мещанского дома на Острове: «нетъ ведома кто злодейским способом в нocy зъ суботы на неделю вшодшы в дом его на острове стоячый и одбившы защесть ку до истобке и през верхъ добывшысе в сени взял и украл напервей коробки две в которых было разных хустъ белых немало, а меновите сорочек белокглавских осмъ мужских две, обрусy два, наметки кужельные три, к чужих речей през Матюша Михайловича положонных взяли опончу новую, козлинь выпранных три, ту вапню, до того в сенях взяли сермягу его Пестуна власную белую» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 279об.; д. 454].

Согласно жалобе мещанина Афанаса Ивановича Болоты от 18 сентября 1656 г. в «дворе» на Кривцове посаде находились «стол в ызбе и розное начыне деревеное до мешканья [...] начыне домовое той стол светличный коштывал золотых тры, кади бочки, а пры том и тое право на стол» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 23; д. 40].

Наиболее информативной для получения сведения о реконструкции особенностей городской топографии Кривцова посада Полоцка является актовая книга 1656–1657 гг. При этом проанализированные актовые книги XVIII в. не фиксируют сделок о купле-продаже домов или огородов на левобережном посаде, а также не представляют других сведений про недвижимость этой части Полоцка. Возможно, это является прямым свидетельством маргинализации левобережных посадов Полоцка, поскольку в актовых книгах помещаются имущественные дела преимущественно зажиточной части мещанства, владельцев недвижимости.

Так, согласно книгам за 1650 г. и 1656–1657 гг., Остров имел ул. Проезжую, тут же была размещена переправа от р. Двина. На местности Кабак размещалась ул. Пробойная (по направлению от церкви Бориса и Глеба к переправе от р. Двина). Соответственно, местность Кабак размещалась на левом берегу р. Бельчицы от церкви Бориса и Глеба к переправе со стороны р. Двина. За этой частью во второй половине XVII в. закрепилось название «Новая Слобода», размещенная «за рекой Бельчанкой на берегу реки Двины и дальше вдоль улицы на юг в гору к церкви Бориса и Глеба». Прямая преемственность этих названий – Кабак/Новая Слобода – обозначена в по-

лоцкой люстрации 1774 г. [Lustrator Połocki ... , 1774]. Новая Слобода (Кобак) локализована при устье левого берега р. Бельчицы, на «венце» и отражена на плане 1707 г. вместе с переправой. Старая Слобода (Бельчицкая) размещена по ул. Великой, которая ведет от Кабака к церкви Бориса и Глеба. Таким образом, Старая Слобода – это местность, которая размещена на правом берегу р. Бельчицы.

Очень важным для понимания развития Борисоглебского монастыря в 1660-е годы является тот факт, что в письменных источниках нигде не фигурируют названия монастырских церквей, помимо церкви Бориса и Глеба. Возможно, под названием «церковь Бориса и Глеба» понимался весь монастырь, поскольку в актовом книге зафиксировано название «Борисоглеб». Однако в грамоте от 25 июня 1511 г. Бельчицкий монастырь дважды назывался одновременно Богородицким и Борисоглебским: «записал тую землю со всим к монастырю на Бельчицы Пречистое Богоматеры и святым мучеником Борысу и Глебу» [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 77]. Вероятно, в данной записи речь идет про так называемый Большой (безымянный) собор XII в. под названием Пречистой Богоматери. Этот собор размещался на территории монастыря и был частично археологически исследован в XIX–XX вв. [Селицкий, 1992, с. 34]. В грамоте от 20 декабря 1497 г. упоминается двор с огородом около церкви Пречистой Богоматери, размещенной поблизости двора игумена [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 148]. Однако в ревизии 1618 г. упоминается «новоотстроенная» деревянная Пречистенская церковь. Она находилась рядом с каменными, наполовину разрушенными (без крыш) церквями Борисоглебской и Пятницкой [ИЮМ, 1871, вып. 2, с. 321–323]. Что понимать под термином «новоотстроенная» – ремонт храма или его возведение – можно выяснить только после детальных археологических раскопок. Учитывая социально-экономические реалии того времени, предварительно возможно определить все же ремонт уже существующей церкви. К тому же церквей, возведенных в XVII в., на территории монастыря, согласно археологическим данным, не было.

На основной части Кривцова посада, «над ручьем», на запад от Слобод к Острову, размещались Чертов переулоч «на горе», около него пролегал ул. Чертовая, последняя – напротив церкви св. Николая (впервые упомянута под 1552 г. в «месте» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 9, 22, 25]). Эта церковь была размещена на горе (надпойменной террасе), через ряд застройки от р. Двина.

Размещение церкви св. Николая около ул. Чертовой выглядит далеко не случайным, если учесть факт соотнесения культа св. Николая и Велеса, который в народных воображениях имеет разные ипостаси, в том числе «нечистого», «черта» [Успенский, 1982, с. 87].

На плане 1707 г. на территории Кривцова посада отражено изображение церкви на венце р. Двина (рис. 3). Деревянный бернардинский монастырь, возведенный в 1696 г., размещался на правом берегу Кривцова ручья, и его изображение отсутствует на этом плане. Однако бернардинский монастырь нанесен на копию плана 1707 г. (неправильное определение его в поясни-

тельной записи оговаривалась выше). Таким образом, на оригинальном плане 1707 г. отражено изображение церкви св. Николая

На правом берегу р. Бельчицы, согласно плану 1707 г., застройка отсутствует за исключением церкви св. Бориса и Глеба одноименного монастыря. Тем не менее застройка данной правобережной части р. Бельчицы под названием Старая Слобода в это время существовала, о чем ярко свидетельствуют итоги археологических раскопок.

Так, в 2009 г. наиболее ранняя по хронологии группа артефактов выявлена во время раскопок в Старой Слободе на правом берегу р. Бельчицы (рис. 57: 8а). Стратиграфия памятника чрезвычайно однородна, фактически слой представлен светло-серой супесью, в которой зафиксированы прослойки угля от разрушенного в начале XVIII в. жилого дома. В раскопе I найден венчик лепного, заглаженного на гончарном круге горшка, который датируется X – началом XI в. Аналогичная керамика хорошо известна в Полоцке, она найдена на полоцком городище и окольном городе.

В том же раскопе в передматерике найдена черная стеклянная бусинка с четырнадцатигранными срезанными углами, которая, согласно курганным захоронениям, датирована X–XI вв. [Фехнер, 1959, вып. 3, с. 168, рис. 5]. Похожие бусинки были характерны в основном для сельского населения Древней Руси. Эти два артефакта свидетельствуют о возможном времени заселения Старой Слободы в конце X в. (сельское поселение?).

Остальная керамика – это гончарная посуда XI–XIII вв. и XIV–XVIII вв. Керамика XI–XIII вв. представлена преимущественно выразительными S-подобными по профилю венчиками горшков, широко известными в Полоцке в это время. Керамика XIV–XV вв. немногочисленна, среди керамики XVI–XVIII вв. выделяются фрагменты мисок, венчики горшков.

На территории Кривцова посада за границами Старой Слободы найдена керамика, типичная для XVI–XVIII вв., в том числе изразцы.

Таким образом, наиболее ранние хронологические группы находок X–XIV вв. были выявлены на территории Старой Слободы. В результате стало возможным определить происхождение топонима «Слобода» от термина «слободка» – сельскохозяйственное предместье Полоцка. Старая Слобода размещена в удобном месте при впадении р. Бельчицы в р. Двина, через нее проходил путь на Минск и Киев. Около этой слободки в XII в. был основан Бельчицкий Борисоглебский монастырь. Определенная автономия данной территории засвидетельствована в Полоцкой ревизии 1552 г., которая определяет это поселение уже как полоцкий посад. В XVII–XVIII вв. топонимы «Старая Слобода» и «Новая Слобода» определяют уже только территориальные части Кривцова посада.

На Кривцове посаде (на запад от устья Бельчицы к Острову) находки представлены керамикой и вещами XV–XVIII вв. Однако, согласно сведениям письменных источников, заселение данной части земли произошло не ранее чем на рубеже XV–XVI вв. Это свидетельствует о синхронности заселения территории Кривцова посада и Экимани и об одинаковых причинах, которые привели к такому масштабному явлению.

Среди этих причин назовем две основные: сокращение посадской территории, упадок в развитии Полоцка в результате частых военных действий первой половины XVI в. и смена юридического статуса посадского населения в связи с распространением магдебургского права (после 1498 г.). В результате часть населения, которая сидела на землях бояр и духовенства, была вынуждена переселиться на левый берег р. Двина. Этот тезис хорошо иллюстрирует Полоцкая ревизия 1552 г., согласно которой на Кривцове посаде было размещено 30 дворов, которые принадлежали Василию Кортеню, которые «з местом тягнуть, а ему позма с них две копе и сорок осмь гршей прыходить» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1552, с. 148].

В заключение нельзя не обратить внимание на существование **сельскохозяйственных районов** Полоцка, известных по письменным источникам XIV–XVIII вв. Основные из их – это «сельцо» Просмужки с пахотными землями и сенокосами на восток от Великого посада за волотовками (упоминаются в XIV–XVIII вв. [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 17, л. 51–51об.; Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 86; 225, с. 143]), монастырь св. Николая на Лучно на месте современной д. Ропно на 5 км вниз по р. Двина, около которого, вероятно, существовала слобода (монастырь упоминается в акте о продаже земли полоцкому архиепископу Ионе под 1487 г. и в Полоцкой ревизии 1552 г. как размещенный *в Полоцке* [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 178; Mienicki, 1931, t. VII, z. 3–4, s. 9]), фольварки XVII–XVIII вв. находились на территории современного микрорайона Полоцка «Аэродром» (на северо-восток от Заполотского посада) [Дук, 2007г, с. 31].

Подводя итог, выделим общие моменты в развитии социотопографической структуры всех полоцких посадов. Так, улицы с названием «Великая» в XVII–XVIII вв. размещались на Великом, Заполотском, Кривцове и Экиманском посадах. Аналогичное «двойное» название – «улица Пробойная» – зафиксировано на Великом и Кривцове посадах.

Городской нобилитет селился преимущественно в границах центральной части Великого посада (от ул. Великой до ул. Азаровой), в Заполотье – на ул. Великой. Название местности «Боярщизна» и наличие ул. Боярской свидетельствует о проживании на Экиманском посаде представителей социальной элиты.

Усадьбы евреев в XVII в. обозначены исключительно на ул. Великой одноименного посада, на отрезке между Богоявленской церковью и парканом. В XVIII в. евреи имели собственные участки на ул. Невельской, Батечковой, вне границ бывшего паркана на ул. Великой.

Таким образом, Великий и Заполотский посады Полоцка в XVI–XVIII вв. были поделены улицами, которые размещались одна от другой примерно на одинаковом расстоянии. Наиболее плотная уличная трассировка Великого посада зафиксирована по направлению запад–восток (от Верхнего и Нижнего замков в сторону паркана). Пространство между этими улицами было равно двум городским пляцам. Археологически определено, что один городской пляц в восточной части Верхнего замка в XVI–XVIII вв. занимал территорию около 100–160 м² [Дук, 2007г, с. 242]. Такая же площадь пляцев

тут существовала с XII в., когда эта территория еще была посадской. В XVI в. площадь некоторых пляцев на ул. Великой могла достигать 300 м². Это достаточно большие размеры, если учесть, что площадь пляцев магдебургского Гродно составляла в среднем от 23,7–35,5 м² до 47,4–59,25 м² [Гардзееў, 2008, с. 106]. На посадской территории Полоцка в 1553 г. упоминаются небольшие участки в один прут (прут или прент равный 4,87 м) с огородом при нем в два прута [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 276]. Суммарная площадь такого участка составляет 58,44 м².

Улицы могли быть размещены на расстоянии около 20–50 м друг от друга. Эта более плотная по сравнению с современной трассировка улиц исторического центра Полоцка соответствовала нуждам городской застройки, которая в основном была одноэтажной и деревянной. Топографические описания объектов недвижимости свидетельствуют о том, что большинство пляцев размещалось рядами вдоль улиц или на «венцах» р. Двина, Полота, Бельчица. Как правило, тыльной стороной пляцы граничили с соседним рядом застройки второй улицы.

В конце XVIII – начале XIX в. произошла значительная перепланировка города. В результате этой перепланировки часть улиц была ликвидирована. Например, название ул. Вознесенской было перенесено на другую улицу. На плане 1910 г. эта улица была размещена в меридиальном направлении. Появилась ул. Рижская, которая стала исполнять функции бывшей ул. Пробойной: связывать мост через р. Полота и ров центральной части города с его северными окраинами.

Таким образом, согласно данным письменных и археологических источников можно уверенно утверждать, что в XVII в. в Полоцке существовала разветвленная система уличной планировки, основные черты которой можно проследить с XII в. Названия основных улиц полоцких посадов являются очень устойчивыми в течение XVII–XVIII вв. (ретроспективно по названиям ул. Великой и ул. Ильинской то же можно отметить и для XVI в.). Значительная перепланировка уличной сети произошла не ранее чем в начале XIX в., что соответствовало нуждам массового каменного гражданского строительства и новым историческим реалиям развития Полоцка.

6.3. Реконструкция размещения городских и частных юридических XVI–XVIII вв. по письменным источникам

(Д. В. Дук)

Привилей Полоцку на магдебургское право 1498 г. перевел под власть магистрата всех жителей Полоцка, кроме бояр и духовенства. При этом духовным и светским феодалам было категорически запрещено иметь поданных в Полоцке. Решительные действия первого полоцкого войта Родиона по конфискации боярского и архиепископского недвижимого имущества неподалеку от полоцкого замка вызвали острый конфликт [Макараў, 2008, с. 71–72]. Потому, согласно «Вырока» 12 июля 1499 г., городским властям было запрещено распоряжаться вотчинными дворами и землями бояр

в городе и замке. Подданные бояр платили государственные налоги вместе с мещанами, но они не были подвластны магистрату. Александр Ягелончик разрешил светским феодалам держать подданных на своих собственных землях в Полоцке, боярам были возвращены грунты, конфискованные войском Родиноном.

В декабре 1500 г. Александр выдал «Уставу», согласно которой юрисдикция жителей города возвращалась к декларируемой в привилее 1498 г. Соппротивление полоцкого наместника Станислава Глебовича привело к появлению нового «Выроку» от 30 декабря 1502 г., согласно которому наместнику было решительно запрещено судить полоцких мещан, а духовным и светским феодалам было приказано всех подданных уравнивать в правах с другими мещанами. Непоследовательная политика Александра Ягелончика привела к необходимости издания второго привилея на магдебургское право 1509 г. Сигизмундом Старым. Этот привилей в вопросе юрисдикции практически повторял содержание первого, но не распространялся на путных слуг и немногочисленную группу подданных шляхты [Макараў, 2008, с. 73–74]. Подданные духовенства и шляхты должны были платить оброк («позем») хозяевам земли, на которой они жили, согласно личному договору с владельцами земли. В качестве исключения великий князь разрешил светским феодалам оставить при своих городских дворах по одному «подворнику» и «огороднику». В 1529 г. был выдан очередной «Вырок», согласно которому люди, которые жили на землях феодалов, могли самостоятельно принять решение о своей правовой принадлежности, однако, независимо от их выбора, они были обязаны платить оброк хозяевам земли. Таким образом, духовенство и бояре практически без ограничений могли увеличивать количество подданных на собственных городских землях [Макараў, 2008, с. 77].

Полоцкая ревизия 1552 г. зафиксировала присутствие в Полоцке еще одной категории мещан – тех, которые подлежали «замковому праву», т. е. подчинялись непосредственно воеводе. Эти мещане владели 44 дворами и жили на территории Верхнего замка [Макараў, 2008, с. 77].

Вопрос о юридическом статусе отдельных территорий стал одним из главных в борьбе магистрата с феодалами в течение XVI–XVIII вв. В период с 1500 по 1597 г. великие князья литовские в восьми грамотах подтверждали магдебургское право Полоцка (рис. 98). К середине XVI в. постепенно утвердился принцип налогообложения мещан, которые занимались ремеслом и торговлей, но жили на землях феодалов наравне со всеми мещанами магистратской юрисдикции. Однако этот принцип все же нарушали. В течение XVIII в. магистрат добивался выплаты купеческого налога мещанами иезуитского коллегиума, проживавшими в крупнейших его юридиках – Экимани и Острове [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 52–54, 65–66].

В соответствии с подтвердительным привилеем Полоцку 1633 г. короля и великого князя Владислава, полоцкие мещане, которые жили как в самом городе, так и в предместьях, должны были подчиняться городским властям и магдебургскому праву. Владислав разрешил мещанам строить дома на

территории Верхнего замка – традиционном месте проживания городского нобилитета [Доўнар, 2004, т. 1, с. 46]. Эти мещане были выведены из-под замковой юрисдикции и подчинены городской ратуше на основе «давнего права», что в особенности подчеркивалось. Это было сделано для повышения безопасности полочан во время вражеских нападений. Отдельно отмечалось, что в городе и предместьях не должно быть никаких юридик. А если шляхта и духовенство имеют или будут иметь дом в Полоцке, то человека, который будет жить в этом доме и заниматься купечеством, ремеслом и шинком, надо считать мещанином, и он попадает под городскую юрисдикцию. А своему пану такой мещанин должен будет платить только ежегодный оброк. Таким образом, шляхтич оставался собственником земли и дома на территории города, но не человека. Данное правило не распространялось на зависимых от шляхтича людей, которые жили в шляхетских домах в городе, но не занимались торговлей и ремеслом [Доўнар, 2004, т. 1, с. 46].

Привилей 1633 г. указывает на возможность создания частных юридик в городе. Так, в начале XVII в. магистрат вел спор с земянином хозяйским полоцкого уезда Яном Исаевичем Боханьским. 20 апреля 1622 г. вынесено постановление королевского суда по вопросу о подчинении предместья Бельчицкого посада, «вновь названного Кабаком», суду и повинностям полоцкого магистрата [ИЮМ, 1901, вып. 29, с. 114–120]. Согласно решению, все «владычьи, княжеские, поповские, панские и боярские» мещане Бельчицкого Кривцова посада, которые занимались «торговлей, купечеством, ремеслами, шинком», были переданы под юрисдикцию полоцкого магистрата. Остальные, «люди простые и огородники», остались под властью и послушанием Боханьского, а из всех повинностей горожан на них возлагалась только защита города. 5 июня 1623 г. была заключена сделка между земянином Иваном Ивановичем Боханьским и его женой Раиной Александровной, с одной стороны, и представителями полоцкого магистрата, с другой стороны, относительно местечка Бельчицы-Кабак [ИЮМ, 1901, вып. 29, с. 120–126]. Согласно сделке, Иван Иванович Боханьский передавал своих мещан предместья Бельчицы-Кабак, расположенного под Полоцком, около Кривцова посада за р. Двина, во владение полоцкого магистрата. 16 июня 1623 г. возный Иван Скимонт передал от землевладельцев Боханьских под юрисдикцию полоцкого магистрата заселенные и пустые пляцы на Кривцове посаде в предместье Бельчица-Кабак и вокруг предместья Кабака, около ручья, с мещанами и повинностями [ИЮМ, 1892, вып. 23, с. 362–364].

Иван Скимонт 16 июля 1623 г. передал мещан Кривцова посада предместья Бельчицы-Кабак из ведомства Борисоглебского монастыря под юрисдикцию полоцкого магистрата [ИЮМ, 1892, вып. 23, с. 360–361]. Ранее двор в Бельчицах принадлежал Боханьским и был продан господарским земянам Степану и Абраму Рыпинским [ИЮМ, 1901, вып. 29, с. 122]. Рыпинские продали предместье Бельчицы-Кабак полоцкому архиепископу Иосифу Кунцевичу и борисоглебскому игумену Геннадию Хмельницкому, а уже те отдали это предместье с мещанами и повинностями городу, оставив себе сбор оброка по злотому за пляц в год [ИЮМ, 1892, вып. 23, с. 358–361].

Таким образом, к первой трети XVII в. полоцкий магистрат наконец добился окончательного перехода под магистратскую юрисдикцию основного предместья Полоцка – Кривцова посада, оставив землевладельцам только «людей простых и огородников». В 1622–1623 гг. торгово-ремесленное население Кривцова посада было подчинено полоцкому магистрату. Городской ратуше были подчинены не только изначальные городские земли и собственные земли мещан, но и земли, купленные городским магистратом у шляхты [Доўнар, 2004, т. 1, с. 47].

Применительно к Экимани в середине XVI в. употребляли одновременно названия «посад» и «предмestье», в XVII в. использовали также названия «местечко» и «фактория». Экимань была передана Стефаном Баторием иезуитскому коллегиуму и являлась вместе с Островом его самой крупной юридикой [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 66]. Согласно земским книгам, с конца XVI в. Экимань имела статус полоцкого предместья [ИЮМ, 1894, вып. 25, с. 133], ее жители в XVII в. по-прежнему являлись мещанами и были приписаны к иезуитскому коллегиуму [Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г., 2006, с. 86]. Из данных «Люстрации 1774 г.» Экимань являлась одним из девяти фольварков полоцких иезуитов [Lustrator Połocki ... , 1774, s. 2].

6.4. Исследование оборонительных сооружений.

Материалы городской застройки

(Д. В. Дук)

Оборонительные сооружения. В результате прорезок поперечными траншеями склонов Замчища, предпринятыми Вал. А. Булкиным в 1978 г. в южной части Замка, С. В. Тарасовым в 1985 и 1989 г. в южной и западной частях, Д. В. Дуком в 2001 г. в северо-западной части и А. А. Соловьевым в 2008 г. в восточной части Замчища были обнаружены остатки деревянных укреплений и валов XIV–XVII вв. [Булкин, д. № 594, с. 9–11; Тарасаў, 1998а, с. 40–41].

Наиболее полные сведения о конструкции оборонительных укреплений Верхнего замка приводит С. В. Тарасов, которым в 1987 г. была осуществлена прорезка склона Верхнего замка в 50 м западнее Софийского собора. По мнению С. В. Тарасова, обнаруженные им остатки крепостных укреплений можно датировать в пределах диапазона XIV–XVII вв. [Тарасаў, 1998а, с. 41].

Таким образом, в XIV в. территория Верхнего замка по периметру с наружной стороны была обнесена деревянными укреплениями. Они представлены рустовой конструкцией из бревен, глины и камней.

Согласно Полоцкой ревизии 1552 г. Верхний Замок имел мощные оборонительные укрепления в виде городен с девятью деревянными башнями: Устейской, Второй, Освейской, Четвертой, Михайловской, Богородицкой, Седьмой, Восьмой, Софийской. Локализация Устейской башни не вызывает сомнений – она находилась на западной окраине Верхнего замка рядом с устьем р. Полота. Также согласно ревизии четко локализована Освейская башня (северо-западный край Верхнего замка). Из всех указанных башен

особое значение отводилось Восьмой башне, которая являлась воротами к «месту» (Великому посаду) [Тарасаў, 1998а, с. 42].

С. В. Тарасовым была предложена реконструкция расположения оборонительных башен и городен. Городни располагались на расстоянии 5–6 м друг от друга. Шесть башен были расположены парами и отделены тремя-четырьмя городнями: Устейская–Вторая, Михайловская–Богородицкая, Седьмая–Восьмая. В одной из башен каждой пары имелись ворота. Такое расположение башен решало фортификационную задачу – фланкирующим огнем прикрывать ворота или «фортки» как наиболее уязвимые во время атаки неприятеля [Тарасаў, 1998а, с. 44].

В 1579 г. башни, как и раньше, оставались деревянными, сделанными из дуба, каменной могла быть только одна башня (реконструкция проведена С. В. Тарасовым на основании описания Р. Гейденштейна и плана С. Похоловицкого 1579 г.) [Тарасаў, 1998а, с. 45]. Она была расположена в центре площадки Верхнего замка и названа С. В. Тарасовым башней-донжоном. Однако правильнее определить ее как бургфрид (башня, которая выполняла функцию последнего узла обороны), поскольку донжон – это башня, предназначенная в том числе и для жилья.

В 1638, 1647, 1652 г. проблеме укреплений Верхнего замка уделялось внимание и со стороны государства. Данный вопрос был предметом рассмотрения на сеймах Речи Посполитой. В 1654 г. московским воеводой В. Шереметьевым было составлено описание полоцкой фортификации. На Верхнем Замке упомянуты десять башен: Красная (раньше Королевская), Проездная, Гуська, Рождества Христова (Рождественская новая), Бык (ранее – башня-фортка), Новая (Усть-Полоты), Бык (старая Воеводническая), Мошна (новая), Бык (на месте Брусяной), Боярская (старая), а также двое ворот – проездные и «фортка» [Тарасаў, 1998а, с. 46–47].

На протяжении XVIII в. на Замке существовала бастионная система укреплений, которая, изменив внешний вид, осталась прежней по своему назначению [Тарасаў, 1998а, с. 48].

Первоначальные укрепления Нижнего замка (1563–1579 гг.) состояли из семи башен, одна из которых была общей с башней Верхнего замка, а также башни-бургфрида и «фортки». В 1654–1655 гг. на вершине вала был установлен «штaketник-острог» [Тарасаў, 1998а, с. 50–51].

Накопление новых археологических данных и анализ письменных источников позволяют по-новому рассмотреть этапы существования и конструктивные особенности посадских фортеций.

Первые данные о наличии оборонительных укреплений посадов получены во время археологических раскопок 1987–1988 гг. на пл. Свободы [Тарасаў, 1998а, с. 53]. Выявлен фрагмент стены длиной около 24 м. В 2002 г. Д. В. Дуком было открыто продолжение этой же стены в южном дворике бывшего иезуитского коллегиума. Конструкция данной стены подробно описана в специальной работе [Дук, 2005, № 20]. Всего было вскрыто два участка стены. Один – с восточной стороны (район современной пл. Свободы). Здесь стена была выполнена в перекладной (рустовой) технике с ис-

пользованием массивных камней около подножья и деревянных конструкций-городен. Второй – с южной стороны, где зафиксированы исключительно деревянные городни. Было высказано мнение, что эта стена является и самым ранним примером фортификации Великого посада середины XI в., так как огораживала участок окольного города к югу от городища и на восток от р. Полота [Дук, 2005, № 20].

О наличии в Полоцке XI в. системы мощных оборонительных укреплений сказано в двух скандинавских сагах: «Деяния датчан» (рубеж XII–XIII вв.) и «Сага о Тидрике Бернском» (около 1250 г.). Последняя содержит описание конструкции крепостных стен: «этот город так укреплен, что они вряд ли теперь знают как взять этот город. Там мощная каменная стена и высокие башни. Рвы широкие и глубокие, и в городе было большое войско чтобы защитить этот город» [Джаксон, 2001, с. 133]. Приведенная цитата не является исторически точным описанием, однако сам факт, что Полоцк – единственный город из двенадцати известных скандинавам городов Древней Руси, в котором упоминаются крепостные укрепления, кажется значительным [Джаксон, 2001, с. 133]. И можно предположить, что описанные конструкции крепостных стен имеют прямое отношение к окольному городу.

С. В. Тарасовым в 1986 г. были исследованы оборонительные укрепления Заполотского посада XI в. в северо-западной его части, а Д. В. Дуком – в юго-западной его части [Дук, 2007г; Тарасаў, 1998а, с. 59–60].

Конструкция оборонительных стен в юго-западной части Заполотского посада состояла из частокола в один ряд бревен диаметром 0,15–0,20 м. С внешней стороны от стены на удалении 0,4 м были положены лаги диаметром 0,2 м. Лаги, вероятно, использовались как внутривальная конструкция. Оборонительная стена проходила вдоль р. Двина на расстоянии 23 м от обрыва береговой линии. Данных о характере укреплений посада в северо-западной части немного, отмечается только «существование наземных построек (скорее всего жилых)» [Тарасаў, 1998а, с. 60]. Согласно С. В. Тарасову, на втором этапе (XIII – начало XIV вв.) был возведен двойной тын, выкопан ров. В XIV–XVI вв. около подножия стен появилась каменная мостовая.

В начале XVI в. в Полоцке сложилась конфликтная ситуация между мещанами, боярством и духовенством на предмет замковой повинности. Суть конфликта заключалась в том, что полоцкий владыка и бояре считали работы по подсыпке замковой горы и возведение ее деревянных стен обязанностью только тех зависимых от них людей, которые сидели на землях боярских в «месте». Мещане, которые подчинялись городскому магистрату, требовали, чтобы работы по укреплению замка возлагались на боярских и церковных людей из фольварков «за четверть мили и дальше от Полоцка» [БА, 1928, т. 2, с. 192–194]. Этот порядок сохранился, по крайней мере, со времен Казимира (1440–1492) и действовал до введения в Полоцке магдебургского права. После 1498 г. строительство и репарацию замка должны были делать все землевладельцы полоцкого воеводства. Они высылали крестьян с инструментом и лошадьми. Полоцкие мещане исполняли земля-

ные работы по подсыпке земляных укреплений замка и несли замковую службу. Из Указа великого князя Александра от 1502 г. следует, что «город и острог мають мещане стеречы поспол с путники сел(ь)скими; а на границы и по дорогам сторожу от непрятелей в нинешнии часы валечный мають вси посполите, как пан Станислав, так и владыка, и бояре, и игуменья, и мещане» [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 197–199].

В начале XVI ст. в Полоцке был построен «паркан» – укрепления Великого посада. Это произошло около 1501 г., когда в Полоцке расположился отряд солдат под руководством чеха Чернина. «Служилые» люди Чернина строили паркан, а мещане поставляли дерево [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 215–219; БА, 1928, т. 2, с. 192]. В 1508 г. паркан был сожжен татарами, после чего заново отстроен. В 1513 г. паркан был сожжен московским войском во главе с князем Василием Шуйским. Очередной паркан был возведен около 1516 г. поближе к Верхнему замку на расстоянии в «несколько полетов стрелы» от бывшего паркана. Этот паркан упоминается в деле о продаже огородов на «старом городище в новом заборе» 20 апреля 1517 г. [Описание документов и бумаг ... , б. г., кн. 21, с. 432].

В мае и августе 1518 г. московские войска опять сожгли паркан [БА, 1928, т. 2, с. 192–196]. После этих событий население посадов, которое было под властью бояр и духовенства, вынуждено было оставить свои «дворищи» в городе и разойтись. Территорию этих «дворищей» заняли мещане, которые находились под управлением городского магистрата. В 1533 г. в «Ухвалении насыпания горы замковой Полоцка и острогов» зафиксировано катастрофическое сокращение территории Заполотского посада. Когда в начале XVI в. усадьбы полочан были размещены не только в границах посадских укреплений, но и далеко за ними, то в 1533 г. «одно огороды и пашни и гумна на тыхъ местехъ мещаньские суть» [БА, 1928, т. 2, с. 194–195].

Вместе с новым парканом в 1516 г. были отстроены и укрепления Верхнего замка. Такие сведения приводятся в деле о продаже Богданом Тишкovichем половины двора в «Новом замке» [Описание документов и бумаг ... , б. г., кн. 21, с. 432]. Документ не датирован, однако скорее всего сделка произошла в 1517 г. «Новый замок» – это, очевидно, новые укрепления Верхнего замка, поскольку Нижнего замка в начале XVI ст. быть не могло. Возможно, к этому времени была расширена территория Верхнего замка за счет включения части бывшей посадской территории (на месте так называемых восточных раскопов 1959–1962 гг.).

О конструкции паркана начала XVI в. можно судить только примерно. Археологические данные об этом времени отсутствуют, однако есть свидетельства «Ухваления» 1533 г., что боярскими мещанами «ижъ ни одного кола у в остроге с тыхъ дворищъ не роблено». Таким образом, стена забора представляла собой частокол, который был поставлен на внутренней части рва – «перекопе».

Следующий этап строительства паркана связан с воеводством Станислава Довойно (1542–1563). Сведения о паркане есть в Полоцкой ревизии 1552 г.: «Острогъ около того места былъ робленъ з дерева дубового за двема

посады, за Великим и Заполотским, который вжо велми упаль, нижли пан воевода острог знову заложыль и далей его в поле помкнуль, который повинни робити по делницам своим вси мещане места Полоцкого и люди князские, панские и землянские, которые в месте мешкають и тежь люди, которые на церковныхъ земляхъ живутъ.

Мещане вси места Полоцкого чергами своими у брамъ устроговых сторожу завжды чынити и въ замьку кожъдое нocy по улицахъ ходечы огню стеречы повинни» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 30–31].

По мнению Д. Довгяло, упомянутый паркан был построен не раньше 1542 г. [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 225]. На выездных путях паркан имел ворота и охранялся городским караулом. Ревизия засвидетельствовала плохое состояние городских посадских укреплений и их непригодность к организации обороны. Однако во время осады Полоцка войском Ивана IV в 1563 г. паркан был уже хорошо укреплен.

Так, оборонительные укрепления Великого посада определены московскими стрельцами как «очень мощные», паркан был срублен «и всякими крепостьми делан» аналогично стене Верхнего замка, ров вокруг острога (посада) был «крепокъ и глубоокъ» [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 104–106; ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 310]. Со стороны р. Двина крепостная стена отсутствовала, однако были упомянуты некие башни над рекой, что свидетельствует о наличии определенных укреплений и со стороны р. Двина.

Таким образом, после 1552 г. оборонительные укрепления Великого посада были приведены в надлежащее состояние. Вместо частокола были установлены срубные городни. Оборонительная стена Заполотского посада, по-видимому, еще существовала, но уже не функционировала, так как яртуолский и сторожевой полки Ивана IV разместились на берегу р. Полота непосредственно около Верхнего замка.

Сегодня известны названия только двух башен Великого посада. Сохранилась копия выписки из актовоей книги за 1553 г., согласно которой в Полоцке размещался дом с огородом на улице, «которая вела от Виленской башни к Смоленской» [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 276]. Упомянутые башни могли принадлежать оборонительной стене Великого посада, учитывая плохое состояние заполотских укреплений. В письменных источниках середины XVII в. уже отсутствует упоминание об этих башнях. На Верхнем замке, согласно Полоцкой ревизии 1552 г., названы Устейская, Вторая, Освейская, Четвертая, Михайловская, Богородицкая, Седьмая, Восьмая, Софийская башни [Тарасаў, 1998а, с. 42]. Фортификационная деятельность московских стрельцов касалась строительства крепостных стен Верхнего и нововозведенного Нижнего замков. Однако в 1563 г. был возведен также и паркан Заполотского посада, который представлял собой деревянную стену, поставленную на земляной вал [Гейденштейн, 1889, с. 58]. Крепостная стена Заполотья предусматривала и наличие рва: «Да и в остроге за Полотою бояром и воеводам изъездити и изсмотрити, которые места выгорело и то место велети заделати Петру (Зайцеву. – *Авт.*) и Борису (Щекину. – *Авт.*) накрепко, стены в три или в четыре как будет пригоже, и землю на-

сыпати, и подошевные бои и башни поделати для стенного бою, и рвы старые около стен поделати. А будет в котором месте пригож, рвы и новые покопати» [Книга полоцкого похода 1563 г., 2004, с. 70–71].

Сведений об оборонительных укреплениях посадов сразу после освобождения Полоцка войском Стефана Батория в 1579 г. нет. После Ливонской войны, во время которой в 1563–1579 гг. Великий посад представлял собой «пепелище», они, очевидно, не были воссозданы.

В 1633 г. произошло восстание горожан против подвоеводы Яна Лисовского и городской рады. Суть конфликта состояла в том, что подвоевода требовал от полочан срочно возвести башню Нижнего замка либо подвезти дерево на ее ремонт. Одновременно он требовал, чтобы все жители Заполотья переселились в Верхний замок. Полочане не подчинились требованиям, и наконец московское войско в ночь с 12 на 13 июня «все место Полоцкое и Заполотье сплюндровало и попалило ... также и замок вышний ледво се одержал» [АСД, 1867, т. 1, с. 271–272]. После упомянутых событий многие полочане не желали возвращаться на пепелище, и король Владислав IV выдал грамоту о запрете полочанам оставлять город и селиться на территории, занятой русскими войсками [АСД, 1867, т. 1, с. 276]. В описании дальнейших событий Великий посад нигде не упоминается, фигурирует только Заполотье. Возможно, со времен Ливонской войны до 1630-х годов приоритетной для заселения являлась территория Заполотского посада. Оборонительные укрепления Полоцка в это время окружали только Верхний и Нижний замки 1517 г. [Описание документов и бумаг ... , б. г., кн. 21, с. 432].

В 1638 г. мещане начали возводить новый паркан Великого посада. Городской паркан был измерен и соотнесен с подсчитанным в городе количеством «пляцев», владельцу каждого из которых был дан отрезок стены для восстановления: «и где которому будет назначено мейсце, тамъ, а негде индей маеть свой парканъ ставить, а клетки мають быти не клинястые, але vzdлужъ, абы клетками руму много не займовати, а въ клеткахъ мають стояки ставить ...» [АСД, 1867, т. 1, с. 309]. Новый паркан, видимо, был сделан из деревянных клетей.

Постановление магистрата 1638 г. было принято при участии представителей горожан. Однако уже через два года шляхта запретила мещанам, которые жили на шляхетских юридиках, заниматься укреплением паркана [Ткачев, 1987, с. 65].

С сентября 1654 г. до осени 1655 г. по приказу царя Алексея Михайловича полоцкие мещане провели значительную работу по укреплению Великого посада. Около Заполотского посада между р. Двина и р. Полота со стороны поля был вырыт новый ров, и в него с обеих сторон вставлены «на иглах» плотно прилегающие друг к другу бревна. За рвом были поставлены мощные брусья-«надолбы», которые сверху были «проушены», и в эти «уши» продеты клинья, отчего их было тяжело вытянуть из земли и сбросить со столба. Кроме того, Заполотье имело свой старый «острог» – паркан с воротами и «рукавами». Вместе с замковыми укреплениями общая длина

крепостных стен Полоцка превышала в это время 5 км. В итоге Полоцк был преобразован в мощную крепость [Бабятынскі, 2009, с. 307; Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 235–236].

Сообщения Сметных книг Полоцка 1654 г. и Книг приходно-расходных Алексея Михайловича 1654–1655 гг. подробно проанализированы С. В. Тарасовым [Тарасаў, 1998а, с. 54–58]. Крепостная стена Великого посада состояла из восьми башен (Варвары, Мироновской, Ложной, Ильинской, Скарбной, Невельской, Наугольной, Кобыльчиной) и двух форток. Эти башни локализованы на современном плане Полоцка [Тарасаў, 1998а, рис. 71]. О конструкции сооружений можно судить по итогам археологических раскопок на месте расположения Наугольной башни. Нижние венцы башни были заглублены в материк на 0,2 м. К ней примыкали столбы-сваи конструкции клетей. Развал глины, возможно, свидетельствует о наличии в башне печей [Тарасаў, д. № 1422, с. 8].

План Полоцка 1707 г. отображает наличие укреплений (крепостной стены) Великого посада и Верхнего замка (рис. 3: 1, 3). В Заполотье остался только ров, на Нижнем замке – вал. Последнее упоминание Заполотского паркана датировано 1685 г. [Дзярновіч, 2009, с. 70]. Во время Северной войны укрепления посадов (Кривцова, Острова, Заполотского) соответствовали так называемой бастионной системе, наиболее совершенно представленной все же на Верхнем замке. Зимой подходы к городу защищали специально сделанные полыньи в р. Двина, которые регулярно прочищались [Ткачев, 1987, с. 67]. Планы Полоцка конца XVIII в. фиксируют уже только остатки рва с восточной стороны Великого посада [Тарасаў, 1998а, мал. 3–8].

В актовых книгах полоцкого магистрата XVIII в. сохранились сведения о посадских укреплениях. Так, книга за 1721 г. содержит сообщение о существовании заброшенного паркана, который пересекает ул. Азаровая [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 10, л. 24]. В городской книге 1779 г. встречаются сообщения о городском паркане, который являлся уже не более чем топографической единицей [НИАБ, ф. 2424, оп. 1, д. 1, л. 31об.]. Из этих сообщений можно узнать, что за парканом по трассе ул. Азаровой (современная ул. Коммунистическая) по-прежнему размещались волотовки (курганы) [НИАБ, ф. 2424, оп. 1, д. 1, л. 31об., 45об., 52об., 88–88об.]. Согласно А. Щекатову, который в начале XIX в. оставил записку о городских укреплениях Замка, «вал, окружавший весь город, также весьма унизился» [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 4, отд. 1, с. 1237–1238]. Последняя попытка укрепления городских стен произошла накануне войны 1812 г., когда место полоцкое было лучше приспособлено для обороны», а территория посада была ограждена двойным острогом и рвом [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 238].

Таким образом, сведения из письменных источников о наличии оборонительных укреплений Великого и Заполотского посадов ранее начала XVI в. отсутствуют. Обязанность «Полтеск рубливать», определенная великим князем Казимиром в 1460 г., касалась Верхнего замка [Даўгяла, 1928, т. 2, кн. 3, с. 214]. Открытые и археологически исследованные С. В. Тарасо-

вым укрепления Заполотского посада «второго этапа XIII – начала XIV вв.», вероятно, были возведены все же в начале XVI в. и через некоторое время подправлены (в письменных источниках упоминается обмазка из глины и вымостка из камней). Именно тогда был вырыт ров («перекоп») и поставлен частокол, следы которого в виде двух материковых траншей были зафиксированы в раскопе 1986 г. В 1654 г. был вырыт ров, усиленный поставленными плотно друг к другу бревнами, часть этого рва была исследована археологически.

Около 1501 г. был возведен паркан Великого и Заполотского посадов, который неоднократно переделялся в первой половине XVI в. и выжигался во время осад московской армией. Паркан первой половины XVI в. представлял собой частокол из бревен, с напольной стороны был вырыт ров. Между 1552–1563 гг. вместо частокола вокруг Великого посада были построены срубные городни. После Ливонской войны новый паркан Великого посада был отстроен только в 1638 г. Паркан представлял собой деревянные клетки. Аналогичная конструкция крепостных стен по археологическим и письменным источниками была и в 1654–1655 гг. В начале XVIII в. сохранился только ров бывшей крепостной стены Великого посада, с того времени посадские укрепления до 1812 г. больше не обновлялись.

Материалы застройки. Гражданская застройка посадов XIV–XVIII вв. достаточно полно охарактеризована в исторической литературе [Дук, 2007г, с. 203–228; 102; Здановіч, 2003; Тарасаў, 1998а, с. 65–66; Тарасаў, 2003]. Основными чертами данной застройки являются использование исключительно дерева в качестве строительного материала до XVII в., в XVII–XVIII вв. – преимущественно дерева (при наличии каменных сооружений). Наблюдается устойчивость занимаемой площади и расположения границ городских усадеб, погонного характера застройки в течение всего изучаемого периода.

В XVI – первой трети XVIII в. в Полоцке преобладали деревянные гражданские и культовые постройки, позже возник и был развит ансамбль каменных храмов и домов.

Согласно ревизии 1552 г., в Полоцке насчитывалось 1515 (или 1513 с учетом уточненных сведений В. А. Воронина) дворов [Варонін, 2000, с. 29], в июле 1654 г. – 839 «жилых дворов», в том числе 782 посадских, 34 пушкарских и 23 дворов знати. Пустых посадских дворов было свыше 900 [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 59].

Сведения о мостах через р. Полота и р. Двина неоднократно упоминаются в письменных источниках XVI–XVII вв.: «Полоцкие мещане... они де мосты мостили, и струги и канаты на живой мост давали, и паромы строили и всякия поделки делали. И въ прошломъ де 165... году, они же мещане, сделали у города рва сто шестесят сажень мерныхъ» (запись 1664 г.) [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 270]. Через р. Полота строили стационарные мосты на сваях [Без-Корнилович, 1855, с. 83], тогда как через р. Двина, по свидетельству Гейденштейна, мосты были «построены по известной системе на понтонах» [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 206]. В качестве понтонов использовались корабли-струги, а места, где работали паромы, назывались перевозом.

О существовании моста через р. Двина (стационарного или понтонного) свидетельствует жалованная грамота Стефана Батория на основание в Полоцке иезуитского коллегиума: «для сообщения острова с городом, ...мы даем той коллегии полное право взимать с переправляющихся по мосту, на восстановление его, известную плату, по нашему указу» [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 75]. Этот мост, вероятно, находился напротив Великого посада в районе перекрестка современных ул. Нижнепокровской и Замкового переулка, где проходила дорога на Вильно, как это указано на плане Полоцка 1707 г. (рис. 3) и плане-реконструкции Полоцка XVI–XVII вв. А. К. Мореля [Иезуиты в Полоцке ..., 2005, ч. 1, вып. 2, с. 8; Чантурия, 2005, рис. 187].

Постановлением магистрата от 8 августа 1635 г. определялась полная регламентация торговли в Полоцке. Торговля осуществлялась в лавках на рынке, при этом места под магазины измерялись на рынке комиссией, которая состояла из представителей магистрата и выборных депутатов из мещан, а сведения о пляцах под лавки записывались в полоцкие магистратские книги. Полоцкий магистрат в данном случае заботился о надлежащем обустройстве города и городского рынка. Показательно, что с целью упорядочения застройки была израсходована крупная сумма денег из городской казны [Доўнар, 2004, т. 1, с. 47].

Место расположения лавок было огорожено и имело ворота. Сами лавки строго размещались по порядку в соответствии со специализацией торговли. Также размещались городские и частные лавки и в другом месте города. Полочанам запрещалось иметь кладовки возле лавок или возле больших рыночных ворот, не разрешалось выпрашивать у магистрата «магазинные фортки», а магистрат не должен был давать разрешений на их открытие. Места для лавок выделял магистрат. Если места в лавочном ряду не хватало, то магистрат должен был дать желающему другое место, но только на территории рынка, хотя бывали и исключения [Доўнар, 2004, т. 1, с. 47].

Об ассортименте продаваемых товаров свидетельствует жалоба мещанки Оксаны Васильевой о грабеже ее лавки «в темном ряду» в ночь с 17 на 18 сентября 1656 г.: «въ той краме было найпервей взято грошми готовыми, тоес копейками было золотых дванадцат, шапку подшытую, стояла копъ трохъ чырвоную, соболцова, мухаярушъ тачьки две, одна барцовой масти, другой десяток панчошок бялокгъловских, а великих панчох муских суконных пар пят, фартухъ саевый новый чорный, прытом поесов сетковых вишневых десятокъ, ладовница аксамиту чорного кгузиков белых крутофаловых тузинов шест, пасков ременных шабелных петнадцат, поесов тежъ ременных полтора десятка, балжы чырвоной листра целаю табаки [...] и иных немало розных речей дробяком» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 32].

Единицей землевладения в Полоцке, как и в других белорусских городах, являлся «пляц» – участок земли с возведенными на нем жилой и хозяйственной постройками. Ряд пляцев составлял улицу. Обычная усадьба полочанина – это комплекс жилых и хозяйственных построек, куда входили так же двор, забор, колодец и, как правило, огород. Дворы чаще всего были вымощены деревом.

Застройка XIV–XV вв. на месте «восточных» роскопов Верхнего замка определена Г. В. Штыховым между строительными горизонтами III и V. В строительных горизонтах III и IV раскопа II были исследованы жилые и хозяйственные постройки, настилы и дворовые остоколы [Штыхов, 1975, с. 38]. Плотность их распространения соответствовала усадьбам более раннего времени. Однако на месте улицы XIII в. в строительном горизонте XIV в. уже располагалась усадьба. Все это свидетельствует об определенной перепланировке территории Верхнего замка в XIV в. (рис. 61, 62).

Данных о застройке Полоцка в XIV–XV вв. немного по причине отсутствия на большей части посадской территории строительных горизонтов этого времени. Используя метод ретроспекции, можно определить, что в основных чертах застройка Полоцка мало чем отличалась от застройки XI–XIII вв. Открыты комплексы построек XIV–XV вв. на Верхнем замке в пределах строительных горизонтов IV и V [Митрофанов, д. № 203, с. 6–38], постройки ремесленника-костореза XV – первой половины XVI в. на Великом посаде [Дук, 2007а, вып. 2].

Во время археологических исследований на территории Заполотского посада были найдены остатки усадебной постройки XV в.: в шурфе 1 (2003 г.) на глубине 1,0–1,2 м была обнаружена основа печи в виде прямоугольника размерами 1,1 × 0,8 м. Стенки печи имели толщину 0,2 м, высоту 0,3 м и были сделаны из красной глины, извести, камней разных размеров, кирпича и кирпичного щебня. Печь была ориентирована по направлению северо-восток–юго-запад. Устье печи выходило на юго-запад. Рабочая (внутренняя) часть печи занимала пространство размерами 0,45 × 0,75 м. Устье печи имело ширину около 0,2 м. Внутри печи, около устья, сделано основание из четырех камней размерами 10 × 15 см, положенных в один ряд, и двух кирпичей во втором ряду. Был найден фрагмент свода, обрамляющего устье печи. Дуга представляла собой изогнутый оплавленный кирпич, покрытый коричневой стекломассой. Можно определить только толщину дуги – 4 см, предполагаемая длина – 20–25, диаметр внешнего изгиба – около 40 см.

Для строительства печи использовался подручный материал: кирпич вторичного употребления, камни размерами до 0,2 м, при этом какой-нибудь определенной системы в технике строительства не наблюдается. Так, юго-восточная стена была сделана с кирпичей следующих размеров: № 1 – 22 (ширина) × ? × ? см, № 2 – 12 × ? × ? см, № 3 – 10 × ? × ? см, № 4 – 10 × ? × ? см. Кирпич низкого качества, хрупкий, поэтому определить его толщину трудно, часто фиксируется только красное пятно строительного материала в месте залегания кирпича вследствие некачественного его обжига. Заметим, что плохо обожженный кирпич был найден во время исследований фрагментов изразцовых печей XIV–XV вв. в полоцком княжеском тереме [Заяц, 1997, № 12, с. 94]. О размере кирпича печи в Заполотье можно судить по его фрагментам. Во время раскопок культурного слоя около печи был найден кирпич размерами 9,7 × ? × 4,5 см, 8,0 × ? × 4,0–4,5 см и отдельные фрагменты толщиной 3,0 см, 3,5 см и 4,0 см, а также 3,7 см (№ 5). Керамическое тесто, из которого сделан кирпич, однородного красного цвета с примесью круп-

ного (до 0,8 см) песка с камнями. Можно сделать предположение, что для строительства печи вместе с камнями и кирпичом брали плинфу шириной 22 см.

При строительстве печи использовались горшковые изразцы (рис. 79: 1). Непосредственно около стен и внутри печи собраны немногочисленные фрагменты в количестве 9 единиц, из них 3 венчика, 2 донышка, 4 стенки. Венчики горшковых изразцов круглые, их диаметр составляет 14 см, диаметр донышек – 8 см. Изразцы изготовлялись на ручном гончарном круге при постепенной подсыпке зернистого песка и дресвы, по краю донышка был сделан бортик высотой 0,5 см. Толщина стенок – 0,7–1,0 см. Керамическое тесто изразцов хорошо вымешано, с примесью мелкой дресвы и песка, черепок светло-розовый, один фрагмент стенки темно-серого цвета. Отсутствие в печи целых изразцов и наличие немногочисленных фрагментов говорит о том, что на определенном этапе печь была старательно разобрана до основания, при этом были собраны даже мелкие кусочки изразцов. Тем не менее на основе найденных фрагментов можно провести реконструкцию внешнего вида горшковых изразцов из печи. За основу реконструкции необходимо взять толщину стенок печи, которая должна быть равна высоте изразцов – 20 см, диаметр венчика и донышка – 14 и 8 см соответственно.

Основа печи была сделана из темно-серого с красным оттенком суглинка, который образовал своего рода пол. В красную глину добавляли речной песок и известь.

В заполотской печи использовался определенный тип горшковых изразцов, который найден в Полоцке в закрытом комплексе первой половины XIV в. (рис. 79: 2–4) [Заяц, 1997, № 12, с. 93]. В обоих случаях наблюдается совпадение параметров и приемов формовки изразцов. Тем не менее отличие изразцов из Заполотья от изразцов из княжеского терема хоть и не существенное, но все-таки имеется: это цвет обжига (в заполотских изразцах он светло-розовый, а не коричневый). На памятнике Лучно 1 очень близкие по пропорциям и цвету изразцы использовались в печи конца XV – начала XVI в. [Клімаў, 2003а, № 7, с. 148].

Датирование заполотской печи определяется артефактами как непосредственно из нее самой (изразцы, кирпич), так и из культурного слоя около печи (керамическая посуда и бронзовая пус ейпи). Керамическая посуда, собранная непосредственно около печи и в прослойках под ней, датирует печь XV в. Согласно полоцким материалам из закрытых комплексов, такая посуда имеет датировку в рамках XV в. Однако изразцы, найденные в заполотской печи, использовались в Полоцке с начала XIV в. Трудно представить существование печи на протяжении целого столетия. Скорее всего, в XV в. в Полоцке продолжали изготавливать горшковые изразцы, также как во всем северном регионе и в целом по Беларуси [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 322–323].

Находка печи свидетельствует о том, что исследуемая территория северной части современного Заполотья в XV в. являлась местом жительства состоятельных горожан. Предварительно можно определить, что в северной

части Заполотского посада была расположена феодальная усадьба, следы которой (развал изразцовой печи) были зафиксированы во время шурфовки. Подобный тип усадьбы в XV в. по-прежнему назывался «хоромы» [Mienicki, 1931, t. VII, z. 3–4, s. 10].

Согласно письменным источникам, на рынке размещались не только ряды лавок, но и жилые дома [Гардзееў, 2004, т. 1, с. 51; ИЮМ, 1892, вып. 23, с. 357]. При этом у рынка селились наиболее влиятельные горожане, как, например, полоцкий бурмистр Криштоф Старимович, дом которого стоял в самом рынке на ряду ул. Батечковой (запись 1667 г.) [ИЮМ, 1895, вып. 26, с. 196]. Возможно, дома были двухэтажные, а первый этаж предназначался для магазина. В тестamente полоцкого бурмистра Давыда Панкова 1559 г. упоминается о принадлежащих ему лавках по двум сторонам в «местницком ряду» на собственной земле: «А которые лавки мои новопостановъленные по обема сторонамъ у местницкомъ ряду на моеи властной земли кромъ тыхъ лавокъ, которые на Великии Торгъ стоять...» [Варонін, 2003, с. 39].

Лавка (магазин) представляла собой тип торгового сооружения, прямоугольного в плане, с навесом перед входом. Обычно в одном комплексе с лавкой находились жилые, складские и торговые помещения [Якимович, 1991, с. 359].

Часть одной из улиц была вскрыта в раскопе 2009 г. на пл. Свободы. Характер культурного слоя позволяет определить, что торговый ряд принадлежал представителям мясницкой корпорации XVII в. В раскоп попала только часть одной из лавок – погреб, который был углублен в материковую глину. Присутствие погребов в лавках полочан подтверждается письменными источниками XVII в.

Мостовая, которая была найдена во время раскопок, размещена по направлению северо-запад–юго-восток, что не характерно для меридиальной застройки улиц Полоцка. Рынок имел собственную систему направлений улиц, которые вели от основного въезда со стороны иезуитского коллегияума (современный Замковый проезд) и окружали площадь возле ратуши.

Усадьба представителей высшего сословия в XVI в. называлась «двор», «дворище», «оселость», «маетность». Согласно выпискам из актовых книг за 1552 г., дворища полочан плотно размещались и на территории Верхнего замка непосредственно напротив собора св. Софии [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 221at.].

Использование в письменных источниках XVI – начала XVII в. при описании домов полоцкого нобилитета терминов «светелка въпокоевая», «упокоец», «изба белая» отражает процесс перехода к новому типу жилых помещений с камерной печью и стеклянными окнами от бытовавших ранее – с глинобитной печью и волоковыми окнами. Термин «светлица» в отношении к полоцкой застройке впервые фиксируется в письменных источниках в первой половине XVI в.: «В Замку ... Мостыку знашоль у светълицы королевъскои у великои, а онъ собе на кривомъ столе прилегъ спати по обеде» [Дук, 2007г, с. 200; Судебная книга витебского воеводы ... , 2008, с. 240]. Светлицы являлись местом проживания городского нобилитета, в частно-

сти в светлице проживал царь Иван IV во время похода на Полоцк в 1563 г. [ПСРЛ, 1965, т. 29, с. 313].

В начале XVII в. появляется термин «покой» (комната) в связи с заменой старых воловых окон на стеклянные [Молчанова, 1981, с. 30]. Светлица, комната («упокоец») – это обогретое помещение, в котором жили хозяева, прислуга селилась в «светлицах служных». Из всех частей построек в обозначенное время обогревались только кухни и светлицы [Topolska, 2002, s. 225]. В домах зажиточных горожан двери были из досок (тесаные), столярной работы, нередко «футрованные» (оббитые досками в разных направлениях для декоративной отделки) [Молчанова, 1981, с. 31]. Такие двери обязательно укреплялись железными завесами с защепками, крючками и были оснащены висячими и внутренними замками.

Жилым постройкам противопоставляется «клеть» – постройка хозяйственного назначения, которая выполняла функцию летнего жилья и обозначала тоже, что и «чулан». Термин «подклеть», или «подклет», обозначал кладовку или хлев для домашнего скота, в отдельных случаях – нижний ярус хоромов. Например, на ул. Спасской в клети Филипа Моисеевича (запись 18 марта 1657 г.) размещались, кроме одежды и других вещей, «на доле в бочке горелки простой кварть двесте девет [...], овса ву коробе осмины две [...], в засенах пшеницы солодавой бочки две [...], жыта бочок дванадцат [...], соли полсолонки» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 272–273об.].

Из других хозяйственных построек в Полоцке упоминаются «схованье для сена», «шопа для возов», «стайня», «свирен на подклете», «пекарня», «спижаренка простая, то есть лазня», «бровар», «пивница». Полочане обладали собственными складами для хранения разных товаров [Дук, 2007г, с. 207–208].

Известно, что в Полоцке, как и во многих белорусских городах, существовала «баня посполитая». Кроме построенной в 1498 г. «посполитой бани» на некоторых усадьбах полочан строились частные бани, которые представляли для города определенную опасность из-за возможности их внезапного возгорания. О том, какую конструкцию имели бани, можно предполагать, принимая во внимание только косвенные данные. Согласно привилею Полоцка на магдебургское право, полочане «мають убудувати ку вжитку местскому лазню посполитую, где местце оберуть подобное» [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 156]. Ее подробного реестра не сохранилось, однако по аналогии с могилевской городской баней можно определить, что она была деревянной, двухкамерной, состояла из горницы (моечной) и кладовки (парилки). В каждом помещении находилось по печке, при этом печь в парилке была сделана из камня, кирпича и железа, сверху лежали камни, а сама печь была установлена на деревянном опечке [Марзалюк, 1998а, с. 40]. Вероятно, баня имела стеклянные окна и оштукатуренную извесью трубу-дымоход, в моечной находились бочки с холодной водой, большой котел для кипятка, шайки, веники и мыло. В бане можно было побриться и выпить пива.

Воевода Станислав Довойно приказал штрафовать мещан за то, что они имеют пивоварни и бани в своих дворах. Он же приказал разбирать и выносить из замка мещанские дома [Варонін, 2000, с. 86–87]. Такие жестокие меры объяснялись тем, что пожары были настоящим бедствием для полочан и часто приносили больший вред, чем неприятельские войска. Известно, например, что во время пожара 1643 г. выгорел весь Полоцк, а во время пожара 1683 г. погибло много жителей города [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 257].

Полочане владели собственными складами для хранения разных товаров, по крайней мере, один из них упомянут в 1650 г. Склад полоцкого райцы Яна Сергеевича, находился на Великом посаде «в самом паркане», напротив дома хозяина. В 1650 г. полоцкому мещанину Михаилу Гапоновичу разрешалось иметь колодец и пивоварню за городскими укреплениями, над р. Двина, там, где размещался его овин [Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г., 2006, с. 199, 212].

Еще одна категория недвижимости упоминается в письменных источниках XIV–XVII вв. – это полоцкие мельницы. Как минимум две мельницы находились на р. Полота, одна – напротив западного мыса Верхнего замка (Мошны) [Тарасаў, 1998а, с. 72]. Насыпи на его месте визуальнo фиксируются даже сегодня. Мельница упоминается в привелее Сигизмунда I 1510 г. (1509 ?) [БА, 1928, т. 2, с. 196]. Еще одна мельница принадлежала Борисоглебскому монастырю и располагалась на р. Бельчица (подложная грамота Ярослава Изяславовича 1396 г.), эта же мельница на р. Бельчица упоминается во вводном листе 16 июля 1623 г. [Витебская старина, 1888, т. V, ч. 1, с. 10; ИЮМ, 1892, вып. 23, с. 358–361]. Археологические данные об их конструкции отсутствуют.

Согласно привилею 1510 г. (1509 ?) , Сигизмунд I разрешил полочанам построить четыре гостиных двора. Количество построенных гостиных домов неизвестно, поскольку Полоцкая ревизия 1552 г. упоминает только один гостинный двор [Варонін, 2000, с. 44]. В грамоте Алексея Михайловича полоцким мещанам 1657 г. помечается, что «гостинь де дворъ въ Полотеске тесень, приезжимъ торговымъ людемъ изместиться негде» [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 78], для построения гостинного двора было отдано «пустое ратушное место по малую улицу». Гостиные дворы археологически не выявлены.

К постройкам общественного назначения XVI в. относились также амбары в Мошне и Богородицкие, а также «важница» и «капница для воска», упомянутые в привилее Полоцку на магдебургское право 1498 г. [Тарасаў, 1998а, с. 71]. Они размещались где-то в непосредственной близости к полоцкому рынку на Великом посаде.

По аналогии с другими белорусскими городами крыши полоцких деревянных строений крыли гонтом и дранкой. Согласно Паулю Одеборну, крыши деревянных церквей на Полотчине в 1580-е годы крылись гонтом [Сагановіч, 2005, т. 12, сш. 1–2 (22–23), с. 169]. Кирпичные строения в XVIII в. имели крыши, покрытые керамической черепицей. Отдельные деревянные строения, например корпус иезуитского коллегиума в XVII в. неоднократно

горели [Габрусь, 2001, с. 163], в результате чего в культурный слой могли попасть фрагменты черепицы.

Форма крыш большинства строений была двускатная, о чем свидетельствуют иконографические материалы. Самые ранние из их – это планы С. Похоловицкого 1579 г. На рисунке «Осада Полоцка королем Стефаном Баторием» показаны Верхний и Нижний замки [Тарасаў, 1998а, с. 10–14]. Кроме оборонительных башен и городен, на плане довольно детально изображены дома горожан и культовые постройки (рис. 2). Понимая, что полностью доверять реалистичности изображений С. Похоловицкого нельзя, выделим общие черты внешнего вида строений, которые, безусловно, присутствуют. Большинство строений на планах двухэтажные [Тарасаў, 1998а, с. 14]. Это могли быть двухъярусные светлицы на подклетах. Дома имеют двускатные крыши, а оборонительные башни – шатровую форму крыш, и только отдельные – двускатную.

Согласно рисунку С. Похоловицкого, территория Верхнего замка была плотно застроена, что, кстати, подтверждается археологическим материалом – даже в непосредственной близости от Софийского собора исследованы остатки строений XVI в. Однако вряд ли большинство домов на Великом посаде в XVI–XVIII вв. были двухэтажными, это допустимо только для Верхнего замка – традиционного места проживания городского нобилитета.

Массовая посадская застройка Полоцка XVI–XVIII вв. являлась объектом специального исследования [Дук, 2007г, с. 222–227]. Основные ее черты следующие: 1) строительный материал – дерево; 2) относительно небольшая площадь жилых построек (от 17,5 до 35 м²) и всего предусадебного комплекса (от 100–160 до 300 м²); 3) непродолжительное время существования строений (от нескольких лет до двух-трех десятилетий).

Воспроизводство массовой гражданской застройки в XVI–XVIII вв. оставалось довольно консервативным: на месте старых строений возводились новые, которые нередко повторяли очертания предыдущих построек. На протяжении XVI – первой половины XVIII в. размеры и размещение строений, планировка улиц существенно не менялись. Только во второй половине XVIII в. наблюдается увеличение площади зданий и распространение фундаментов на каменной основе.

Первые сведения о существовании каменниц (каменного жилья) относятся не ранее чем XVII в. Документ от 10 февраля 1676 г. содержит письмо «Przyznanie listu zapisu przez sławetnego pana Stanisława Cychanowicza burmistrza połockiego danego zięciowi jego Panu Łukaszowi Sitnianowiczowi Raycy miasta Połockiego y małzonce jego Paniey Łucyi Cyhanowiczownie» от 23 января 1676 г. В письме упоминается каменница на ул. Великой: «...pewną summę pieniędzy, to jest złotych pięcseth polskich, na kamienicy tu, w mieście Połockim, na ulicy Wielkiej stojącej, którą trzymam w niemałym długu mnie winnym od nieboszczyka pana Piotra Rozczewskiego, burmistrza połockiego...» («определенная сумма пенезей, это значит пятьсот польских золотых, на каменницу тут, в месте полоцком, на улице Великой стоящей, которую держим в немалом долгу мне виновной от покойника пана Петра Разчевского, бурмистра полоцкого») [НИАБ, ф. 1823, оп. 2, д. 3, л. 29об.].

Археологами были вскрыты фрагменты двух кирпичных домов разного времени, которые являлись каменицами [Здановіч, д. № 1213а]. Первый был построен не позднее середины XVII в. и имел пол из керамических плиток, богато оформленную изразцовую печь и стены, сложенные из кирпича-пальчатки. Через некоторое время на его месте был построен другой дом, который повторял очертания первого. Площадь обоих домов была не менее 48 м². Не исключено, что дома были двухэтажными, а раскопанный первый ярус являлся магазином.

Дом XVIII ст. на мощном кирпичном фундаменте с подвалом найден Д. В. Дуком во время наблюдения за строительными работами на ул. Нижнепокровской, 7 (подножие восточной части Верхнего замка).

Последние археологические исследования, проведенные на месте расположения так называемого домика Петра I, убедительно подтвердили закладку этой «каменицы» раньше официально признанной даты его возведения (1692 г.) [Слюнченко, 1988, с. 26]. Было установлено, что в XVII в. дом располагался на угловом пляце возле пересечения двух улиц (одна из них – ул. Вознесенская), фасадом дом был ориентирован на запад.

Согласно актовой книге за 1702 г. на ул. Великой находился дом хорунжего и витебского подвоеводы, который состоял из кладовки, белой избы, к дому вели большие ворота [LVIA, f. 599, ap. 1, b. 3, l. 261].

После войны 1654–1667 гг. были возведены первые кирпичные корпуса «старого иезуитского коллегиума» Эти корпуса, сложенные из кирпича, вместе с каменицей на современной ул. Нижнепокровской, 7, имели большую толщину стен, возможно, выполняли и фортификационную функцию, образуя второй ярус обороны Верхнего и Нижнего замков [Салаўёў, 2009б, с. 71, 78].

Тем не менее единичность археологических открытий и сведений письменных источников не позволяют отметить массовый характер каменной застройки в XVII в. Эта ситуация не изменилась, даже ухудшилась к концу XVIII в., поскольку, согласно письменным источникам, в 1780 г. в Полоцке было 360 деревянных домов и ни одного каменного [Шайкоў, 1996, с. 148]. Однако уже в середине 1780-х годов в Полоцке насчитывалось около 750 домов, в том числе 16 больших каменных построек. Быстрые темпы строительства объясняются изменением статуса города, ставшего центром наместничества (1778–1796) [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 77–78].

Большие деревянные дома в XVII–XVIII вв., как правило, были двухсрубными, где один сруб имел значительно большую длину, чем другой, приставленный к нему перпендикулярно. Эти строения имели крыльцо, изразцовые печи с трубой-дымоходом, освещенные комнаты, окна больших размеров и пристройки возле задней стены [Красьянскі, 1928, с. 54].

На рубеже XVIII–XIX вв., по данным Российского географического словаря, дома в Полоцке были «простые деревянные», каменных мещанских домов было 19, регулярная каменная застройка только начиналась [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 1, отд. 1, с. 1238].

6.5. Округа Полоцка XIV–XVIII вв. по письменным и археологическим данным: местечки, сельские поселения (М. В. Климов)

В XIV–XVIII вв. происходило дальнейшее развитие поселений в округе Полоцка. В этот период структура посадской территории самого Полоцка претерпела изменения. Во второй половине XV в. по левому берегу р. Западная Двина возникли Слободской и Кривцов посады [Дук, 2010, с. 47]. Таким образом, к середине XVI в. вместе с Островским и Экиманским посадами городская территория по левому берегу значительно возросла, что увеличивало земли, необходимые для сельскохозяйственных угодий горожан. В конце XV в. грамотой на магдебургское право окончательно юридически сформировались границы ближней территории округа Полоцка. Кроме указанных выше мест для выпаса домашнего скота, которые сохранялись за мещанами до р. Ушача, мещане получали право брать дерево для строительства и дрова в трехмильной зоне вокруг города [АЗР, 1846, т. 1, с. 181]. Миля в ВКЛ состояла из 5 верст и равнялась 7773 м [Скурат, 1974, с. 30]. В результате три мили составляли 23 319 м. Эта норма закрепились за позднейшими ближайшими границами административных единиц, относящихся к Полоцку. Так, при сопоставлении границ радиусом 23 319 м вокруг Полоцка с границами Полоцкого повета XIX–XX вв. было выяснено, что отдаленность западной и южной границы данного повета от Полоцка близка к отметке 23 319 м. Кроме обеспечения мест для выпаса домашнего скота и заготовки дерева мещане нуждались также в наделах, необходимых для ведения земледелия. Эти земли условно возможно разделить на две категории. Первую категорию составляли земли, которые находились рядом с городом, и состояли в основном из огородов, сенокосов. Во вторую категорию земель входили те, которые мещане получили во владение. Эти земли находились на значительном удалении от города, обычно в пределах дальней округи Полоцка. Сведений о землях первой категории очень мало. В пользу того, что эти земли были, свидетельствуют несколько фактов. Во-первых, в слое Полоцка XIV–XVIII вв. в небольшом количестве находят орудия труда, связанные с сельским хозяйством [Дук, 2007г, мал. 57: 2, 4, 5]. Во-вторых, картографирование феодальных дворов, известных по данным Полоцкой ревизии 1552 г., размещенных вокруг Полоцка свидетельствует о территории, свободной от боярских владений, и, возможно, использовавшейся мещанами. В южном направлении эта территория была отдалена от Полоцка на 15 км, в восточном – на 6; в северо-восточном – на 10; в северо-западном – на 18; в западном направлении – на 6 км. Сохранение за горожанами земель в ближней округе Полоцка отражает и документ, который датирован 1533 г. и указывает на необходимость сохранения вокруг города свободной земли, которая по ширине была равна $\frac{1}{4}$ мили, или 1943 м [БА, 1928, т. 2, с. 193–195]. Вопрос о наделах мещан, находящихся в ближней округе Полоцка остается открытым. Например, известно, что в Браславе в 1554 г. 27,1% мещан, владевших землей, имели участки размером более $\frac{1}{4}$ волоки [Копыс-

ский, 1966, с. 17]. Однако переносить эту норму на полоцких мещан будет не совсем корректным. Земли второй категории были расположены и в пределах ближней и дальней территории округа Полоцка, поэтому на этом вопросе мы остановимся ниже.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно прийти к заключению о том, что в результате принятия ряда юридических актов ближняя территория округа Полоцка стала близкой по значению к «заветной миле» или городской марке в городах Западной Европы, которая охватывала местность, что окружала город, который этой милей и распоряжался [Стоклицкая-Терешкович, 1960, с. 285].

Рассматривая вопрос о дальней территории округа Полоцка отметим, что в XVI в. Полоцкое воеводство, Полоцкий повет, Полоцкая волость, Полоцкая земля могут быть соотнесены с данной территорией. Об этом свидетельствует вся система экономических, социальных и военно-политических связей Полоцка и дальней округи. Все основные земельные загородные владения горожан находились в данных границах, как свидетельствуют документы [Варонін, 1998, т. 5, сш. 1 (8); 1998а; Метрыка ... , 2001, с. 143–156]. Мещане Полоцка имели и другие экономические права, которые значительно выходили за границы ближней округи. Например, на оз. Лисно, Белое и р. Белейка (территория современного Верхнедвинского района, за 45–50 км от Полоцка) они имели право ловить рыбу [Русская историческая библиотека ... , 1910, т. 27, с. 390]. Все церковные владения были сконцентрированы в границах Полоцкого воеводства. Военно-политическая связь между основными землевладельцами дальней территории округа Полоцка проявилась в совместном строительстве городов Верхнего замка. Существование этой нормы засвидетельствовано в Уставной грамоте короля Казимира Ягайловича жителям Полоцка 1460 г. [АЗР, 1846, т. 1, с. 79]. Эта же норма постоянно повторяется в ряде документов и отражена в Полоцкой ревизии 1552 г. Кроме этого, землевладельцы Полоцкого воеводства, которые имели дворы в Полоцком воеводстве, обычно имели и дворы в городе, которым подчинялись и некоторые мещанские дворы (юридики) о чем свидетельствуют документы [Копысский, 1975, с. 34, 52]. Так «Уставная подтвердительная грамота жителям Полоцкой волости» (воеводства) от 1511 г. свидетельствует о следующем: «Тако жъ бояре Полоцкие, тымъ же обычаем, который съ нихъ отчизные свои дома и местца внутри города мають, або на месте Полоцком, и теж естли будетъ ещё за отца нашего Казимира и за брата нашего Александра, королей их милости, отцы их и они сами слухным а врядовам обычаем которые дворища покупили, або з данины их милости мають и тым и теперь мы дозволяем на тыхъ дворищах слуг и людей за собою садити и их судити потому жъ...» [АЗР, 1848, т. 2, с. 80]. Связь между Полоцком и округой проявлялась и в «обратном направлении». Например, к Ульскому двору в определенный период юридически относились мещане Кривцова посада [ИЮМ, 1891, вып. 22, с. 471].

Рассмотрим общие условия развития поселений в округе Полоцка в период XIV–XVIII вв. В XIV–XV вв. возникает небольшое количество посе-

лений. Эти сельские поселения сложно фиксируются, потому что среди всех поселений значительно вырастает доля водораздельных поселений, которые были не привязаны к берегам озер и рек. Для региона Понемонья так же в XIV–XV вв. количество новых поселений не значительно [Шаблюк, 1996, с. 10]. Однако уже в XV в. в округе Полоцка создаются условия, которые объективно содействовали росту новых поселений. Одним из таких условий являлось формирование свободного земельного фонда в результате исчезновения лесных массивов во время активной хозяйственной деятельности. В XV в. в Полоцком Подвинье разворачивается интенсивный процесс вырубki леса, который преобрел рыночное значение в связи с поставкой на внешние рынки корабельного леса и поташа [Хорошкевич, 1975, с. 19–20]. Процесс уменьшения лесных массивов в Полоцком Подвинье соответствовал общей тенденции, характерной для процессов внутренней колонизации в этот период на территории Западной и Центральной Европы [Риер, 2000, с. 32; Ruszkowska, 2004, s. 187]. Об освобождении территории от лесных массивов свидетельствовали «лесные» топонимы, которые находились внутри современных освоенных пространств [Риер, 1987, с. 53]. Такие топонимы (с основой на *-лес-*, *-бор-*) известны в округе Полоцка внутри освоенных ареалов. Рядом с некоторыми из них фиксировались поселения, датированные XV в. [Клімаў, 2006, № 21, с. 132, мал. 3]. Кроме уменьшения лесных массивов с XV в. внутренней колонизации способствовало закрепление использования колодезно-водоемной ресурсной системы. Активно используя колодцы, население сельской округи Полоцка стремилось заселить ранее не очень удобные, высокие берега рек и озер. В результате появились поселения по высоким берегам р. Западная Двина и на высоких берегах озер. Тенденция, согласно которой последние благоприятные для проживания места были освоены в XVI в., проявилась и в сходной по сложным природным условиям Новгородской земле [Селин, 2003, с. 56].

Колодезная система стимулировала и возникновение поселений на высоких плато, отдаленных от берегов рек и озер, которые оставались популярными для проживания и в XIV–XVIII вв. С каждым столетием количество поселений, расположенных на водоразделах, увеличивалось, и, как свидетельствуют статистические данные, уже к началу XX в. в Полоцком Подвинье их количество составляло более 50% от числа всех сельских поселений [Список ... , 1906, с. 291–328]. В результате процесса внутренней колонизации, по степени освоенности микрорегионов, наиболее благоприятных для жизнедеятельности, система сельского расселения в середине XVI в. на территории округи Полоцка приблизилась к современной системе сельского расселения. Об этом свидетельствует тот факт, что почти все селища, датированные XIV–XVI вв., находились на территории современных сельских населенных пунктов или отстояли от них за 0,5 км. Это подтверждает то обстоятельство, что часть современных деревень берет свое начало от селищ XIV–XVI вв., когда и происходило формирование современного аграрного пейзажа [Риер, 2000, с. 26]. Безусловно, что основанные в XV–XVI вв. поселения не могли существовать непрерывно до XVIII или XIX в.

Временное прекращение их функционирования имело индивидуальный характер и могло быть вызвано воздействием ряда факторов. Не следует так же думать, что в результате внутренней колонизации в округе Полоцка в XV–XVI вв. были освоены все земли. Сохранялась «гнездовая» тенденция освоения, т. е. большое количество поселений было зафиксировано в удобных местах округа Полоцка и минимальное, или их отсутствие, – в заболоченных, низинных микрорегионах. Несмотря на процесс уменьшения лесных массивов, именно леса и заболоченные пространства «консервировали» традиционность системы расселения. В начале XVI в. для территории между Вильней и Полоцком основными чертами ландшафта, по-прежнему, назывались озера, многочисленные болота и обширные леса [Герберштейн, 1988, с. 235]. Поэтому и не удивительно, что несмотря на все усилия по сельскохозяйственному освоению округа Полоцка, согласно статистическим данным 1808 г., на территории Полоцкого повета из 371 262 десятин земель только 158 535 десятин, или 43%, было занято поселениями, пастбищами, сенокосами [Сапунов, 1893, с. 435]. Данная «консервация» системы расселения привела к тому, что большинство поселений, которые зафиксированы в XVI в., имели материалы более раннего периода – X–XIII вв.

Кроме природного и экономического фактора отдельное влияние на поселения XIV–XVIII вв. сельской округи Полоцка оказали эпидемии и военные действия, которые разворачивались вокруг Полоцка. В отличие от периода X–XIII вв. в период XV–XVIII вв. эпидемии становятся более частыми. Уже в XV в. эпидемии в Полоцке фиксируются в 1465, 1470, 1475 г. [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 223–226; Хорошкевич, 1978, вып. 2, с. 47, 53]. По нашему мнению, при значительной рассеянности поселений округи Полоцка, отделенных между собой массивами болот и лесов, влияние эпидемий на демографическую ситуацию округи представляется минимальным. Конечно, более точные данные могут быть получены при изучении грунтовых могильников сельского населения, которое только началось, что позволит получить репрезентативную выборку антропологических данных. На данном этапе изучения, в результате сделанных определений костных останков сельского населения, зафиксированы единичные случаи влияния болезней, но связаны они с эпидемией или нет, остается не известным. Вместе с тем в густонаселенном регионе Понеманья, по мнению В. В. Шаблюка, эпидемии оказали влияние на сельскую поселенческую структуру [Шаблюк, 1996, с. 10].

Влияние военных катаклизмов в XIV–XVIII вв. на развитие округи Полоцка в XIV–XVIII вв. выглядит более реальным, особенно это касается поселений, расположенных возле Полоцка и по берегам р. Западная Двина. В период с XIV до XVIII в. подобных событий было достаточно много, отметим некоторые из них: междусобную борьбу в ВКЛ в 80-е годы XIV в.; феодальную войну 30-х годов XV в.; пограничные войны между ВКЛ и Московским государством в первой половине XVI в.; Инфлянцкую войну второй половины XVI в.; войну России с Речью Посполитой в 1654–1667 гг.;

II Северную войну в первой половине XVIII в. Уже в 1381 и 1387 г. Полоцк осаждался со стороны войск Скиргайлы [Беларускія летапісы і хронікі ... , 1997, с. 51, 100]. В 1435 г. под Полоцком велись военные действия войсками Жигимонта Кейстутовича [Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, 2001, т. 6, кн. 1, с. 260]. Наиболее разрушительные походы в начале XVI в. осуществляло русское войско в 1515 г., 1518–1519 гг. [Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, 1994, т. 2, с. 187; Карамзин, 1990, т. VII–IX, кн. 3, с. 77–78]. В результате всех этих осад Полоцка в первую очередь страдала округа. Так, зимой 1516 г. под Полоцком в р. Западная Двина при переправе через реку потонуло около 600 «москвитов». Как отмечают источники, «москвиты» шли за р. Двина на «добыток» [Псковские летописи ... , 1941, вып. 1, с. 226]. В результате подобного грабежа округа, который сопровождался при каждом походе на Полоцк, по нашему мнению, и была уничтожена феодальная усадьба Лучно 1, о чем свидетельствовали следы пожара, в котором находилось оружие и даже скелет погибшего человека. Только доказать подобные факты возможно только при проведении значительных археологических работ [Клімаў, 1998, с. 149]. Письменные же источники фиксируют степень разорения округа в результате военных действий без детальной конкретизации. Так, после Инфлянцкой (Ливонской) войны ревизия 1580 г. относительно многих сел и земель округа Полоцка дает краткую характеристику, без уточнения спален ли был сам населенный пункт или просто оставлен: «тая земля, тое село в пусте», «ни чловека на них нет», люди «разышлись проч» [Описание полоцких, владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 г., 1907, с. 1–12]. Сокращение населения Полоцкого повета более чем в 2 раза произошло и в результате войны 1654–1667 гг. При этом многие из полочан были уведены в плен.

Обратимся к характеристике отдельных видов поселений в округе Полоцка. Основным сельским поселением в округе Полоцка, как и ранее, в XIV–XVIII вв. оставалось село, которое состояло, в основном из 4–12 дымов, хозяйств, как об этом свидетельствуют материалы Полоцкой ревизии 1552 г. К некоторым из вышеназванных сел, как следует, из данного документа, применялось название *стан*. В селах с таким статусом меняли коней при осуществлении коммуникативной функции. Согласно Полоцкой ревизии 1552 г., известно 11 населенных пунктов, к которым применялись данное название и функции, среди них: Куриловичи, Солоневичи, Кубличи, Лужки, Далецкие, Угольники, Ловжа, Мотырино, Суя, Кушлики, Бардиловичи. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все села с подобной функцией были сконцентрированы в левобережной части Подвинья.

Иногда села назывались в документах сельцами, что, возможно, свидетельствовало об их размерах – менее чем 4 дыма. Такая тенденция так же следует из материалов источника, указанного выше.

Безусловно, что в сложных природных условиях и в период XIV–XVIII вв. в округе Полоцка преобладали небольшие по размерам, малодворные поселения. Именно фиксация похожих поселений в «Писцовых книгах» во

время Инфлянцкой войны позволила Н. Н. Оглоблину выделить большое количество поселений второй половины XVI в. в Полоцком повете, которые состояли из одного, реже – из 2–3 дворов [Оглоблин, 1880, кн. III, отд. II, с. 19]. Возможно, что часть малодворных поселений была связана с существованием и обработкой «пустошей», которые зафиксированы в большом количестве в округе Полоцка. Количество «пустошей» было значительным. По подсчетам того же Н. Н. Оглоблина в Полоцком повете во второй половине XVI в. из 2442 названий пунктов 587 принадлежали к названиям пустошей [Оглоблин, 1880, кн. III, отд. II, с. 23, 27]. Некоторые из исследователей рассматривали пустоши в качестве участков для «лядного» земледелия [Любавский, 1909, с. 93; Шаблюк, 1996, с. 23]. Безусловно, что большинство этих земель использовалось для получения урожая на небольших участках, в сложных природных условиях. Вместе с тем не следует исключать и возможности возникновения на некоторых из этих пустошей небольших, малодворных поселений. Некоторые из так называемых пустовщин, сохраняли названия, под которыми позднее упоминаются современные населенные пункты. Например, возле д. Домники, которая расположена в 22 км на восток от Полоцка, в середине XVI в. упоминается пустовская земля Токаревщина [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 13]. Сегодня возле д. Домники находится д. Токарево. Название «пустошь» сохранилось и для нескольких современных деревень в Полоцком и Шумилинском районах. Малодворные поселения оставляли минимальное количество свидетельств своего существования, поэтому их поиск и фиксация очень затруднены. Существовавшие ранее пустоши так же не могут быть идентифицированы, поэтому связь между большим количеством малодворных поселений и большим количеством пустошей в округе Полоцка по документам носит вероятностный характер. Реформа 1557 г. во второй половине XVI в. не оказала существенного влияния на структуру поселений округа Полоцка. В XVII–XVIII вв. это влияние усиливалось. Безусловно, начали появляться фольварки, но их фиксация и идентификация в пределах округа Полоцка до настоящего времени не проводилась. Некоторые из этих пунктов сохранили идентичные названия. Например, за 6 км от исторического центра Полоцка, на левом берегу р. Западная Двина до сих пор существует деревня с названием Фольварок.

Структуру поселений в XIV–XVI вв., как и ранее, дополняло существование феодальных усадеб. В документах феодальные усадьбы неукрепленного типа назывались *дворами* или *дворцами*. В Полоцкой ревизии 1552 г. в 72-х случаях для обозначения этих усадеб употреблено название «двор», в 41-м случае – «дворец». Наиболее полно изучена феодальная усадьба Лучно 1, расположенная за 12 км от Полоцка. Планировка усадьбы в XV–XVI вв. имела замкнутый план. В ее застройке превалировали комплексы строений с печати отопительными (изразцовыми) и печами хозяйственного назначения. Другими словами, по своим основным характеристикам планировка и застройка усадьбы Лучно 1 в период XV – начала XVI в. была

близка к застройке городских усадеб. Материальная культура феодальной усадьбы Лучно 1 минимально отличалась от городской, особенно это касалось таких предметов, как: изразцы, фрагменты оконных переплетов и стекла, посуда с глазурью, импортные изделия. К примеру, на усадьбе была найдена представительная коллекция фрагментов редкой и дорогой привозной посуды, которую называли «немецкий каменный товар» [Климов, 2006, с. 295–303]. Владелец усадьбы активно участвовал во внешней торговле, которая осуществлялась через р. Западная Двина. Об этом свидетельствует и пристань, часть которой была найдена рядом с усадьбой.

Давая характеристику развитию поселенческой структуры в этот период следует указать на то, что в первой половине XVI в. в округе Полоцка появился новый вид поселений – местечки. По размерам они были больше сел, являлись местными локальными центрами ремесла и торговли. Таким образом, они выступали в качестве связующего звена в хозяйственной жизни между городом и простым сельским поселением (селом, сельцом). Их юридический статус иногда определялся предоставлением им Магдебургского права.

Изучение местечек в округе Полоцка только начинается, но уже можно говорить о некоторых особенностях этого вида поселений в данном регионе. В процессе основания местечек в округе Полоцка возможно выделить несколько путей. Наиболее распространенным путем возникновения местечек являлось основание их местными феодалами в удобном месте, расположенном на торговом пути. Обычно, местечки основывали крупные феодалы с целью активизации товарно-денежных отношений в своих владениях. В пределах округа Полоцка местечки активно создавали представители рода Корсаков. Так, местечко Галубичы в 1551–1552 гг. основал Глеб Корсак, местечко Плиса – Дмитрий Богданович Корсак, Заборье – Остафий Корсак, Залесье-Островно в 1540 г. – Ян Глебович Корсак [Полоцкая ревизия 1522 г., 1905; Alexandrowicz, 1970, № 7, s. 95]. Часть местечек, возникновение которых было связано с крупными землевладельцами, основывалась не в местах пересечения торговых путей, а возле замков. Привилей на строительство замка, местечка, торгового корчмы в Низголове в 1526 г. получил К. Острожский [Alexandrowicz, 1970, № 7, s. 94]. Нередко основатели местечек давали им свои фамилии. Так одно из местечек возле Чашников получило название Казановка от фамилии его основателей Казановских [ИЮМ, 1900, вып. 28, с. 302–304].

Вторым важным путем возникновения местечек следует признать инициирование основания местечек государством возле государственных крепостей, замков. Этот путь возникновения местечек Полоцкого Подвинья активизировался в результате Инфлянцкой (Ливонской) войны и захвата войсками Ивана IV Грозного в феврале 1563 г. Полоцка. В результате привилеев, выданных со стороны государства, одновременно с замками должны были быть основаны местечки в Дисне, Вороничах, Ушачах [Alexandrowicz, 1970, № 7, s. 100].

По сравнению с другими регионами ВКЛ количество местечек на территории Полоцкого Подвинья оставалось незначительным. В Полоцкой ревизии 1552 г. упоминается только 6 местечек, среди них: Березвечье, Плиса, Голубичи, Заборье, Друя, Усая [Полоцкая ревизия 1522 г., 1905, с. 73, 74, 87, 102, 105, 117]. При сравнении количества городов и местечек, например, на территории Подвинья и Понеманья в период XVI–XVII вв. выясняется преимущество западного региона, имевшего 11 городов, 109 местечек против 6 городов 55 местечек в Подвинье [Копынский, 1966, табл. 1]. Существовало несколько причин более слабого развития местечек в Подвинье. Во-первых, постоянные военные действия с Московским государством разоряли и уничтожали населенные пункты округа Полоцка. Даже при содействии государства в процессе основания местечек возле замков этот процесс не являлся решающим. Например, в 1566 г. был издан привилей на основание местечка около замка Воронеч/и/, за 18 км от Полоцка, а в 1567 г. возле Вороничей велись военные действия [Любавский, 1900, с. 758]. Война между Россией и Речью Посполитой 1654–1667 гг. привела к значительному разорению местечек Полоцкого Подвинья. Так в Чашниках из 90 дымов уцелело только 23, в Коптевичах из 96 дымов – 12, в Экимани из 136 дымов – 14 [Сагановіч, 1995, с. 139, табл. 1].

Вторую причину слабой развитости местечек в округе Полоцка следует искать в экономических отношениях, которые существовали в Полоцком Подвинье, где и в XVI в. Полоцк оставался ключевым звеном в связях между городом и селом и как единственный большой город региона активно вел торговлю с Ригой по р. Западная Двина, по-существу выступая в качестве главного торгового форпоста в этом процессе. В результате основной осью экономической жизни региона являлась р. Западная Двина и Полоцк, связанный с торговлей хлебом. Если учесть, что большинство феодалов Полотчины имели дворы, как в своих владениях, так и в городе, поставка зерна через Полоцк долгое время оставалась привлекательной.

В конце XVI – в начале XVII в. количество местечек на территории Полоцкого Подвинья возрастает. Если по данным Полоцкой ревизии 1552 г. их было только 6, то по подсчетам С. Александровича на территории Полоцкого Подвинья в XVI – первой половине XVII в. зафиксированы 44 местечка [Alexandrowicz, 1970, № 7, s. 47–108, mapa]. При этом подавляющее большинство местечек (37 из 44) было расположено в левобережной части Полоцкого Подвинья, что было вызвано как активными военными действиями со стороны Русского государства на правобережье р. Западная Двина, так и западным вектором внешнеэкономических связей данной территории. Безусловно, что данные, приведенные С. Александровичем, требуют уточнения, особенно это относится к пунктам, которые связаны с крепостями, построенными Иваном Грозным в округе Полоцка во время Инфлянцкой войны – Сокол, Ситно, Туровля, Суша, Казьян. Исследователь, отнеся эти населенные пункты к местечкам, вероятнее всего, проводил прямую связь между основанием крепости, замка и местечка, что являлось обычной прак-

тикой в Речи Посполитой. Эти пункты нанесены на «Радзивилловскую карту» 1613 г. Однако археологические работы автора показали, что не во всех из вышеуказанных пунктов возможно говорить о существовании местечек. Другими словами, деревянная крепость (замок) «повышала статус» простого села, находящегося рядом, но только на карте, а не в реальности. Так, рядом с бывшими крепостями Сокол и Туровля нельзя вести речь о существовании местечек. В Малом Ситне рядом с крепостью поселение было сожжено.

Остановимся на краткой характеристике местечек Полоцкого Подвинья на основе имеющихся данных. Местечки данного региона не имели каких-то определенных средних размеров. Так, в середине XVI в., если в местечке Друя было 102 дыма (хозяйства), в Плисе – 54, в Березвечье – 40, то в Новоселье (Заборье) только 13 дымов [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 73, 74, 102, 105]. В первой половине XVII в. в одном из развитых местечек Полоцкого Подвинья – Чашниках – зафиксировано только 102 двора [Якимович, 1991, с. 345].

По характеру размещения местечки, обычно, разделяются на два основных типа: основанные на берегах водоемов (рек, озер, болотовин); основанные на водоразделах [Бохан, 2001, т. 4, с. 54]. Особенностью Полоцкого Подвинья следует признать то, что почти все местечки размещались по берегам водоемов. Последние же, в свою очередь, оказывали влияние на планировочную структуру местечек, и основная улица местечка примыкала к берегу водоема. По планировке среди местечек Полоцкого Подвинья преобладают два основных варианта: прямолинейная и разветвленная (радиальная). При прямолинейной планировке выделяется самая долгая, центральная улица, к которой примыкают небольшие второстепенные улицы. Этот тип планировки характерен для местечек Полоцкого Подвинья, которые были основаны по берегам рек. Классическим примером данного вида планировки является местечко Волынцы Верхнедвинского района, которое имело центральную улицу, тянувшуюся вдоль первой надпойменной террасы правого берега р. Дрисса. Длинный берег озера и одна главная улица также содействовали возникновению прямолинейной планировки. Так, вдоль берега оз. Освея была вытянута и центральная улица одноименного местечка. То же возможно сказать и в отношении Россон.

Разветвленный (радиальный) тип планировки более характерен для местечек, местоположение которых связано с берегами озера или озер. В этом случае улицы примыкали к торговой площади, размещенной на одном из берегов, и располагались не только по берегам озера, но и вдали от него. Среди местечек данной планировки наиболее характерным является формирование местечка Глубокое, где выделяется несколько больших улиц, которые примыкают к центральной площади, расположенной на берегу озера. Более сложную разветвленную планировку имело и местечко Бобыничи, формирование которого происходило между двух озер. В результате в плане поселения преобладают две пересекающиеся улицы, которые оги-

бали берега озер. Между озером и р. Ушача возникло и местечко Вороничи. В планировочную структуру всех без исключения местечек обязательно входили торговая площадь, клетки крамные (магазины), склады, церковь или костел, синагога, школа, корчма. Мещане в местечках имели во владении так называемые пляцы, размеры которых не были одинаковыми. Кроме того, планировка местечек усложнялась возникновением слобод, которые появлялись в результате стремления увеличить количество населения местечка через предоставление определенных льгот. Так, к примеру, в местечке Чашники новая слобода за р. Ула освобождалась от налогов на 6 лет [Акты ... , 1908, т. 33, с. 259].

Местечки выступали в качестве небольших центров экономической жизни в сельской округе Полоцка. По своей материальной культуре местечки приближались к городам, прежде всего это проявлялось в наличии таких элементов материальной культуры, как изразцы, кирпичи, керамическая посуда с глазурью, оконное стекло, большое количество изделий из цветных металлов, большое количество монет. Важной стороной жизнедеятельности местечек являлась торговля и ремесленные занятия. Ремесленники местечек обычно обслуживали местные локальные рынки, поэтому в местечках основными ремесленниками являлись: кравцы, кузнецы, гончары, мельники, мясники, пекари, шевцы. В некоторых местечках развитие ремесла достигло больших размеров. Так, в Ушачах в 1758 г. привилей отмечает наличие цехмийстров, а, значит, существовала и цеховая организация [Грицкевич, 1975, с. 93]. Кроме ремесленных мастерских в местечках зафиксированы и более крупные производственные комплексы. В местечке Лужки упоминается мукомольная мельница и сукновальня, в местечке Плиса – мукомольная мельница [Сапунов, 1896, с. 135, 151]. Важной сферой деятельности местечек являлась торговля, которая осуществлялась на торговой площади, где находились лавки, магазины местных мещан, которые обычно назывались «клетки крамные». В каждом местечке указано разное количество этих сооружений. Например, в местечке Слобода-Нача в 1633 г. их насчитывалось 13, в Чашниках, в то же время было 16 «клеток» [Акты ... , 1908, т. 33, с. 259–274].

Торговля в местечке осуществлялась только теми товарами, которые были необходимы в первую очередь крестьянам. Кроме этого, купцы ряда местечек округа Полоцка включались и в транзитную торговлю, чему содействовали не только водные, но и сухопутные пути. Например, путь, который соединял Полоцк и Вильню, содействовал росту таких местечек, как Глубокое, Кубличи, Ветрино [Копысский, 1966, с. 153]. Транзитная торговля по рекам содействовала постройке в местечках деревянных пристаней, портов. Портовая речная деятельность была наиболее характерна для местечек Полоцкого Подвинья, которые имели через небольшие реки выход к течению р. Западная Двина для торговли з Ригой. Анализ, проведенный польским историком С. Александровичем относительно деятельности Полоцкой таможенной конторы за 1616 г., свидетельствует о значительной ши-

роте распространения данного вида торговли. В ряде местечек отмечалось большое количество купцов и стругов, направленных в Ригу. Так Местечко Бешенковичи имело 3 купца и направляло 10 стругов в Ригу, Чашники – 6 купцов и 7 стругов, Черея – 4 купца и 11 стругов, Лепель – 6 купцов и 12 стругов соответственно [Alexandrowicz, 1961, s. 113]. Для сохранения большого количества товаров купцы содержали в местечках склады – амбары. Иногда их количество было значительным. Например, в местечке Вяжище, согласно инвентарю 1623 г., находилось 53 амбара для товаров и мещане ежегодно должны были строить по 4 амбара (сарая) [ИЮМ, 1894, вып. 25, с. 212–213]. Ряд подобных складов принадлежал не местным купцам, что подчеркивало развитие транзитной торговли данного местечка.

Безусловно, кроме торговли жители местечек содержали домашних животных, обрабатывали землю, несли ряд повинностей в пользу владельца местечка. Например, во владении мещан местечка Коптевичи в начале XVII в. находилось 18 волок земли. Мещане содержали коней, коров, овец, коз, свиней, кур, гусей, пчел. Кроме этого они должны были нести ряд феодальных повинностей: 14 дней барщины с волоки летом, доставлять письма, выплачивать с волок 40 коп грошей, а с пляцев 11 коп грошей [ИЮМ, 1894, вып. 25, с. 209–210].

Таким образом, материалы относительно местечек округа Полоцка свидетельствуют об их важной роли в активизации экономической жизни внутри региона и о включении и данных населенных пунктов во внешнеторговую деятельность Полоцкого Подвинья.

Кроме местечек в системе расселения в округе Полоцка появились такие новые единицы поселенческой структуры, как корчмы. Если корчмы строились в селах, местечках или городах они являлись одним из элементов планировки поселений, но часто в округе Полоцка корчмы находились за границами поселений, возле дорог, в них постоянно жил арендатор корчмы вместе со своей семьей. Обычно известно о существовании двух видов корчм: заездных, типа гостиниц, и шинковых, типа харчевни [Рогач, 2006, т. 2, с. 63–64]. Заездные корчмы и располагались в первую очередь за пределами населенных пунктов. Относительно возникновения одной из подобных корчем возле Ореховно документ свидетельствует следующее: «...Там же, на великой дорозе за дозволением пана Станислава Довойны, воеводы Полоцкого збудовал стодолу, в которой и корчму маеть...» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 147]. Безусловно, что все корчмы находились в государственной или частной (шляхецкой) собственности и часто сдавались в аренду.

По характеру материальной культуры корчмы, которые размещались за пределами населенных пунктов, также выделялись среди сел и были близки к городской материальной культуре. Так, археологические раскопки, проведенные на месте бывшей корчмы возле д. Княжицы Верхнедвинского района кроме монет, различных фрагментов посуды с глазурью позволили автору исследовать остатки печи с гербовыми изразцами. Печи, идентичные той, которая была найдена в Княжицах, относились к категории ото-

питательных, которые в документах назывались «*кафляная*», «*груба*», а для приготовления еды сооружалась отдельная печь – «*кухонная, хлебная*» [Якимович, 1991, с. 73; Сергачев, 1992, с. 165]. Изучение корчем в округе Полоцка также только начинается, и будут получены новые сведения о данных памятниках археологии. В данном разделе также не описаны застенки как небольшие населенные пункты, в которых проживали в основном представители шляхты, так как эта тема требует более тщательного рассмотрения.

Таким образом, изученные материалы позволяют говорить о том, что в период XIV–XVIII вв. округа Полоцка претерпевала некоторые изменения, связанные с тем, что в системе расселения появились новые единицы поселенческой структуры, такие, как местечко, фольварок, корчма (вне поселений). Несмотря на появление новых единиц поселенческой структуры, ее основа сохраняла консервативный характер и базировалась на неукрепленных феодальных усадьбах (дворах, дворцах) и селах (сельцах). Местечки и новые города (Дисна, Сапежин-Друя) содействовали укреплению связей сельских поселений с рынком, который формировался под воздействием фольварочной системы и внешней торговли по р. Западная Двина.

IV

РЕМЕСЛО, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ПОЛОЦКА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ, НУМИЗМАТИКИ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

7. РЕМЕСЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОЖАН В XI – начале XIX в.

7.1. Виды и организация ремесла в XI–XVIII вв. (Д. В. Дук, И. В. Магалинский)

Ремесло в XI–XV вв. Полоцк издревле является значительным торгово-ремесленным центром региона. Археологические исследования подтверждают присутствие разветвленной ремесленной деятельности в пределах городской территории в XII–XVIII вв. Существенным образом эти данные дополняют сведения письменных источников XVI–XVIII вв., отмечающие что мещанином (так называемым полноправным горожанином) мог считаться тот человек, который занимается ремеслом или торговлей.

На племенном и переходном к раннегородскому этапу IX–X вв. ремесло, вероятно, имело общинный характер. Из-за нехватки имеющихся археологических данных более достоверное определение характера ремесла на поселениях Белорусского Подвинья сегодня проблематично.

На территории окольного города в 1989 г. были вскрыты остатки ювелирной мастерской X – начала XI в. в пределах одной усадьбы (рис. 63). О наличии мастерской свидетельствует большое количество стеклянных бусинок, среди которых были бракованные, ювелирные пинцеты, наковаленка, гири-разновесы, фрагмент бронзового перстня [Тарасаў, 1998б, мал. 48–50, 52; Тарасаў, спр. № 1165, с. 12].

Остатки второй мастерской были открыты в шурфе по ул. Стрелецкой, 23. Здесь обнаружен развал печи, в которой находились фрагменты тиглей и литейной формы для имитации арабской монеты [Тарасаў, 2003, с. 267]. Таким образом, ювелирное ремесло является единственным, следы которого достоверно зафиксированы в раннегородских слоях окольного города.

Возможно, сырьевым запасом ювелирных мастерских окольного города является и клад золотых вещей, случайно найденных в 1984 г. на Нижнем замке. Клад состоит из шести золотых (проба 958*) вещей: браслета из круглой толстой проволоки с завязанными концами, браслета из круглой проволоки, браслета (либо части гривны), скрученного из четырех проволок, браслета, скрученного из двух проволок, фрагмента гривны, сплетенного из четырех проволок, с частью ее замка (прил. 3, фото 16). Клад был спрятан во второй половине X в. [Мілюцін, 1993, с. 511].

Кроме ювелирного ремесла для раннего периода можно выделить и кузнечное производство. Следы кузнечного ремесла определяются по нахождению шлаков в слое последней четверти I тысячелетия н. э. на городище и околном городе. Развитию кузнечного ремесла в то время, безусловно, способствовало близкое расположение р. Полота с практически неограниченными запасами воды, необходимой для этого производства.

Расцвет ремесел приходится на XI–XIII вв. Это во многом обусловило становление Полоцка как города в социально-экономическом понимании. Г. В. Штыхов выделяет в Полоцке XI–XIII вв. следующие виды ремесел: кузнечное, ювелирное, кожевенное и скорняжное, деревообрабатывающее, косторезное, камнетесное и гончарное [Штыхов, 1975, с. 56–103]. Описание технологии ремесел и их продукции надежно подтверждено археологическими находками, некоторые из них можно охарактеризовать как комплексы производственных мастерских (наличие специализированных ремесленных инструментов, полуфабрикатов и готовых изделий, остатков жилых и производственных построек, сырья, отходов производства). Все вместе эти признаки специализированной мастерской присутствуют редко, однако их определенные сочетания позволяют определить направленность тех или иных производственных комплексов. При этом набор отдельных признаков (например, нахождение ремесленного брака или орудий труда и др.) обозначает только возможность существования ремесленного производства на той или иной территории.

К комплексу, выявленному во время раскопок 1950–1960-х годов и характеризующему ремесленные мастерские, можно отнести набор движимых и недвижимых артефактов, связанных с кузнечным, ювелирным и кожевенным производством. Картография расположения выявленных археологических комплексов разновременных ремесленных мастерских представлена на рис. 63. При этом следует подчеркнуть, что следы ремесленной деятельности (отдельные орудия труда, отходы производства или полуфабрикаты) той или иной отрасли встречаются практически в каждом раскопе и в карте-схеме не учитывались.

Кузнечное ремесло представлено набором орудий труда (рис. 64: 6–11) и остатками построек хозяйственного назначения (хозяйственная постройка 6Ж, которая определяется как кузница, и постройка 4М) [Штыхов, 1975, с. 56]. *Кожевенное дело* представлено полуфабрикатами, отходами производства и готовыми изделиями из кожи (рис. 70). Причем все группы артефактов XI–XIII вв. (обувь, ремни, кошельки, шерсть, перемешанная с известью и др.) в большом количестве найдены только на месте так называемых восточных раскопов, что позволяет определить эту территорию как основную для расположения кожевенного производства того времени.

Наиболее выраженным (изделия, заготовки, орудия производства), является развитие в Полоцке *ювелирного дела*. На Верхнем замке в 1910 г. во время рытья водосточной канавы был найден клад серебряных вещей общим весом 9,43 кг. Клад спрятан в 60-е годы XI в. и, предположительно, яв-

ляется сырьевым запасом ювелира [Штыхов, 1975, с. 107]. Возможность существования в Полоцке мастерской, специализирующейся на производстве украшений с эмалью, косвенно подтверждается раскопками 1962 г. В. Р. Тарасенко и Г. В. Штыхова. На *Верхнем замке* были найдены фрагменты изделий с перегородчатой эмалью XII в. Кроме этого, в раскопе был найден и инструментарий ювелира – бронзовый пинцет, тигли, в том числе тигли с натеками красной стеклообразной массы и расплавленного металла (рис. 69). Во время раскопок Г. В. Штыхова 1963–1968 гг. на *Верхнем замке* было найдено многочисленные литейные формочки для отливки бусинок, привесок, крестиков, пуговиц, колец, браслетов и т. д. (рис. 68). Также были найдены незавершенные формы и литейные тигли (более 50 шт.), которые свидетельствуют о местном производстве ювелирных украшений в XII–XIII вв. К остаткам мастерской ювелира можно отнести разрушенную при пожаре постройку 7М (рис. 28), датированную 1234–1245 гг. (дендрохронологическое определение) [Штыхов, 1975, с. 46]. Т. И. Макарова отмечала, что «есть города, где эмальерные мастерские могли работать короткое время, в зависимости от конкретного княжеского заказа или от прихода мастера. Так, в Полоцке могла какое-то время функционировать мастерская, где талантливый мастер Лазарь Богша делал свой крест» [Макарова, 1997а, с. 59].

Вторая ювелирная мастерская XII в. существовала на расстоянии более 400 м на восток от отмеченной и имеет все необходимые признаки специализированного производственного комплекса:

- 1) наличие семи построек, при этом жилая часть усадьбы составляет около 340 м², а всего приусадебного комплекса – более 1500 м²;
- 2) богатый набор ювелирных изделий и орудий труда ювелира (изделия из цветных металлов, янтаря, стекла);
- 3) наличие изделий и заготовок из бронзы (более 40 экз.).

Ремесленники одновременно работали с металлом, стеклом, янтарем и костью. Изделия из металла в большинстве изготавливались на заказ, а янтарь и стекло были продуктами массового спроса. На примере полоцкой усадьбы представлено первое подтверждение ювелирного товарного производства на территории Беларуси [Тарасаў, 2003, с. 271–272]. Исследование ювелирных мастерских на территории Великого посада в районе современной пл. Свободы (рис. 63) также показало, что ремесленники-ювелиры традиционно селились в этом месте с XII по XVII в.

На территории данного ремесленного комплекса осуществлялось *изготовление стеклянных изделий*. Помимо самих изделий найден оплавленный стеклошлак, оплавленные стеклянные заготовки в виде браслета и бракованные бусинки, в которых отсутствовали канальные отверстия [Тарасаў, 2003, с. 271]. В 2010 г. на территории *Заполотского посада* в слое XI–XII вв. был найден венчик горшка, покрытый желтой глазурью и относящийся по классификации Г. В. Штыхова к местному типу IV. *Производство глазури* и покрытие ею плиток пола многочисленных памятников зодчества и бытовой керамики в Полоцке существовало в XII – первой половине XIII в., аналогично гончарному производству Друцка, Мстиславля, Чернигова, Вы-

шгорода, Киева и других ремесленных центров Древней Руси [Макарова, 1997, с. 28–30].

Мастер и члены его семьи были образованными людьми, знали письменность. Об этом свидетельствуют надписи на пряслицах («потатная»), отдельные буквы на керамической посуде и костях [Тарасаў, 2003, с. 272].

Следы *производства железа* в границах посадской территории (остатки печей-домниц, наличие скопления шлаков) археологически зафиксированы практически повсеместно: в раскопах на Нижнем замке, северной и западной части Великого посада, на территориях, прилегающих к р. Полота или р. Западная Двина, но на удалении не более 150 м от них. Все это свидетельствует о производстве железа и последующей его кузнечной обработке на месте (рис. 63).

Возведение значительного числа храмов в XII в. требовало большого количества строительных материалов. В 2007 г. в строительной траншее (район современной ул. Войкова) были получены убедительные доказательства существования на северной окраине Великого посада в XII в. *производства плинфы* (рис. 63). Зафиксирован развал плинфы без следов раствора и плитка пола с поврежденной глазурью. Собрано множество кусков обожженной и оплавленной плинфы. Часть фрагментов плинфы (19 шт.) имели метки на торцах в виде квадратов, треугольников и ломаных линий. Плинфа залегала в пласте влажной, обожженной красной глины с примесями угля и пепла. В предматериковом слое прослежена прослойка плотной красной глины с примесями колотой плинфы – основы печи для ее обжига [Соловьев, 2009, № 17, с. 261]. Выявленная печь превышала размерами ширину траншеи, выходя за ее пределы. Это характерно для печей такого типа, диаметр основы которых был около 4,5 м [Раппопорт, 1985, с. 166]. Печь размещалась вблизи рва, который вел к р. Полота и был засыпан в XIX в. Учитывая высокую пожарную опасность кирпичного (плинфового) производства, можно предположить, что этот ров в древности был заполнен водой.

Выявленные на территории поселения за р. Полота четыре полуфабриката и пряслице из шиферного сланца свидетельствуют об обработке в XI в. привозного сырья (камня) на посадской территории [Дук, 2010, с. 151].

Следы *косторезного ремесла* XII–XIII вв. зафиксированы в раскопе II на *Великом посаде* (2002 г.). А на расстоянии 10–15 м от него в раскопе IV (2003 г.) обнаружены следы *косторезной мастерской* в слое XIV–XVI вв. (рис. 63), что может свидетельствовать о преемственности отдельных видов ремесла в разные исторические эпохи на одних и тех же участках города. Сохранились фрагменты деревянных строений усадьбы ремесленника-костереза, а также изделия из кости, заготовки и обрезки костей [Дук, 2007в]. Инструменты работы ремесленника-костереза представлены железным резцом, резцом-коловоротом, шилом, четырьмя ножами. Шило с плоским концом использовали для плетения. Аналогичные шилья с выемками на плоских стержнях встречаются в средневековых городах Беларуси [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 264, рис. 164: 11]. Отличительной чертой данного комплекса является большое количество разнообразных материалов, ха-

рактизирующих все ступени производства: от остатков обработанных рогов, костей и ремесленного брака до заготовок и готовых изделий. Всего найдено 25 оснований массивных рогов, 86 костяных заготовок вместе с остатками обработанных рогов и костей, ремесленный брак в виде трех костяных накладок с отверстиями. К заготовкам принадлежат куски отростков рога со следами подрубки, ломки, пиления, резания и глянцева-ния. Готовые изделия представлены шахматной фигурой (ферзь) из рога оленя (самка *cervus elaphus*, возраст более 4 лет, перед производством сырье было вымочено), игральным кубиком с циркульным орнаментом на гранях и костяным колечком (рис. 73: 3, 7, 8).

Остатки еще одной косторезной мастерской, датированной XIII–XIV вв., были исследованы на территории *Нижнего замка*. Основная часть артефактов из косторезной мастерской представлена изделиями из кости и рога, среди которых преобладают двухсторонние гребни. Найдены также костяные муфта и стенка изделия, проколка. Широко представлено сырье из рога, а именно отходы производства – спиленные розетки, куски отпиленных роговых пластинок.

Организация ремесленной деятельности в XVI–XVIII вв. Ремесленное производство XVI–XVIII вв. становится очень разнообразным по ассортименту и видам продукции. В XVI в. происходит объединение ремесленников в крупные корпорации (братства) – основу будущих цехов. Под 1500 г. в Полоцких грамотах упоминаются «пекари, мясники, пивовары, каменщики и иные ремесленники», а в 1502 г. эти же документы называют «золотарей, римарей, седляров и ковалей, и сыромятников, и шевцов, и гончаров, и пивоваров, и плотников, и иных ремесленников» [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 197].

Среди ремесленников в первой половине XVI в. наиболее значительной и влиятельной корпорацией была мясницкая. Начиная с XVII в., полоцкие ремесленники объединяются в цеховые организации. Первые цеха в Полоцке были созданы в начале XVII в. К 1601 г. относятся два цеха. Один из них объединял ковалей, котельников, слесарей, медников и ювелиров, второй – портных [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 49]. В 1619 г. шапочники и кушнеры также образовали свой цех. К нему присоединились кожевники и портные. С середины и до конца XVII в. в Полоцке образовалось шесть новых цехов: цирюльников (1642 г.); гончаров, печников, каменщиков и кирпичников (1643 г.); кожевников и кушнеров (1683 г.). С 1640 г. стал известен самостоятельный цех чеботарей. Кроме того, актовые книги полоцкого магистрата за 1656–1657 гг. свидетельствуют о существовании цеха слесарей, ковалей, котляров и мечников [Гардзееў, 2003, с. 179–180].

Ювелиры (золотари) занимали высокое социальное положение, жили в достатке, слыли зажиточными, выделяясь как среди ремесленников, так и в мещанском окружении [Варонін, 2000, с. 38]. Полоцкие ювелиры были известны далеко за пределами государства: в 1660 г. в Оружейную палату были вывезены 68 полоцких и витебских ремесленников, среди которых первыми упоминаются мастера «серебряного» дела [Игнатенко, 1963, с. 13].

Наиболее ярким археологическим комплексом, который подтверждает высокие традиции развития ювелирного дела в Полоцке в эпоху Раннего Нового времени, является комплекс вещей из ювелирной мастерской XVII в. [Дук, 2007г, с. 171–175]. Из этого комплекса следует выделить: сырье, полуфабрикаты и готовые изделия, инструменты производства, а также собственно остатки деревянных построек усадебного двора.

В 1677 г. отдельно выделяются кузнечный и слесарный цеха [Дук, 2010, с. 125]. Таким образом, наблюдается постепенное усиление специализации железообрабатывающего ремесла, которое проявилось в расширении числа ремесленных специальностей и объединении их для защиты прав ремесленников в отдельные корпорации (цеха).

Социальный статус кузнецов и металлургов был обусловлен характером и значимостью их профессии для социально-экономической жизни Полоцка. Полоцкие ремесленники владели самыми совершенными для своего времени приемами добычи и обработки сырья и изготовления наиболее распространенных видов кузнечной продукции. Без кузнечной продукции не мог обойтись ни один житель города или деревни. Ни один ремесленник не смог бы изготовить свою продукцию, если бы у него не было инструментов, сделанных кузнецом.

Кроме того, отношение к ремесленникам, занимавшимся металлообработкой, было в значительной степени сакральным. Работа с раскаленным металлом рассматривалась как таинство, доступное только избранным. Подобное отношение к кузнецам в среде сельского населения зафиксировано этнографическими материалами [Гурин, 1987, с. 109].

Гончары в 1643 г. образовали свой цех, устав которого предусматривал экзамен по специальности на изготовление следующих предметов: гарнца шириной в три пяди или в ладонь; кувшина такого же размера; доенки в карец величиной и миски в четверть шириной [АСД, 1867, т. 1, с. 333]. В 1654 г. в Полоцке были известны три гончара из числа около 750 ремесленников иных специальностей [Игнатенко, 1963, с. 11]. К концу XVIII в. в связи с массовым производством стеклянной посуды количество гончаров значительно сократилось и заняло только шестое место (2,3%) по сравнению с ремесленниками иных профессий [Лютый, 1987, с. 125]. По свидетельству письменных источников, самые распространенные гончарные изделия – горшки – в XVI в. поставлялись в Полоцк из дворов ближайшей и отдаленной округи, например, Друи, Островна и т. д. [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 105, 145]. То же можно сказать и о производстве железа. Сырье (болотная руда) поступало в Полоцк из сельской местности. Определенная часть железа, видимо, поступала оттуда же, хотя в Полоцке и были открыты следы производства железа на собственно посадской территории. В 2003 г. в раскопе на Великом посаде была найдена нижняя часть сыродутной печи XVI в. для выплавки черного металла, также производство железа подтверждают многочисленные куски шлака в культурных слоях X–XVII вв.

В первой половине XVI в. широкое развитие получило *кожевенно-обувное ремесло*. В Полоцке работали седляры, рымари, сыромятники, коже-

мяки, хомутники, рукавичники [Варонін, 2000, с. 38–39]. В 1726 г. из состава цеха кушнеров, шапочников и чеботарей снова вышли чеботари и создали новый цех [Игнатенко, 1963, с. 32]. В конце XVIII в. в Полоцке зарождается мануфактурное производство (кожевня Марка Лукашевича), в 1786 г. действует 12 мастерских мануфактурного типа по выделке шкур [Лютый, 1987, с. 124, 134; Игнатенко, 1963, с. 11, 16]. Это объясняется потребностью в обуви как простых горожан, так и высших сословий. Большая часть обуви из кожи имеет следы длительного ношения, что связано с высокой стоимостью кожаных изделий, которые и после износа неоднократно ремонтировались, и на пошив обуви использовались даже мелкие фрагменты.

Следы кожевенно-обувных мастерских в XVII–XVIII вв. были обнаружены на восток от границ парка Великого посада. Они представляют собой группу готовых изделий (кожаная обувь, футляры, игрушки и др.), заготовки и инструменты производства, ремесленный брак. Размещение вблизи воды (р. Полота и ров) содействовало развитию производства [Дук, 2004, № 19, с. 241–250].

Стеклоделие не получило широкого развития. Сведений о цеховой организации стеклоделов не сохранилось, известно, что в 1654 г. в Полоцке был только один стекольщик («шкляр»), в 1786 г. их было четверо [Игнатенко, 1963, с. 11, 16]. Найденное в закрытых археологических комплексах первой половины XVI в. оконное стекло, а также стеклянная посуда (рис. 74), возможно, были привезены из Вильни, Гродно, Минска или из городов Польши, где с середины XVI в. уже существовали стекольные гуты [Археологія Беларусі, 2001, т. 4, с. 349]. Однако, в середине XVII в. уже из Полоцка стеклянные изделия вывозились в Московию, о чем есть упоминания под 1634, 1649 и 1675 г. [Игнатенко, 1963, с. 16].

Согласно письменным источникам, в первой половине XVI в. в Полоцке известны специальности столяров (скрынников), которые занимались производством деревянных вещей [Полоцкие грамоты, 1980, вып. 3, с. 57]. Согласно инвентарям, в жилых постройках имелась в наличии деревянная мебель, в частности лавы, шкаф, заслон и стол [Молчанова, 1981, с. 31]. В XVIII в. появляются кровати и кресла. Ремесленные специальности XVII в., связанные с деревообработкой, насчитывают профессии бондарей, ведерников, корзинщиков, ковшовников, токарей, скрынников, столешников и др. [Копыский, 1966, с. 54]. Бондари и скрынники изготавливали также деревянную посуду, которой пользовались в быту представители всех городских сословий [Молчанова, 1981, с. 54]. В Полоцке существовали профессии, связанные с обслуживанием кораблей (бочары и пильники) [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 49].

Активное монументальное строительство католических костелов, монастырей и коллегіума в Полоцке в середине XVIII – начале XIX в. требовало значительного количества рабочих и стройматериалов, в частности извести и кирпича. В 1786 г. в Полоцке был основан кирпичный завод, который выпускал до 50 тысяч кирпичей в год [Игнатенко, 1963, с. 22]. Однако очевидно, что производство кирпича должно было осуществляться в Полоцке раньше этого времени. В первой половине XVI в., возможно, была по-

строена первая «плитница» по производству кирпича для строительства ратуши. В 1721 г. имеется упоминание о существовании «цагельни» (производства по изготовлению кирпича) за пределами Великого посада. По темпам и масштабам монументального строительства можно судить о степени организации этого вида ремесла в Полоцке уже с конца XVII в., так как было сложно обойтись одними местными ресурсами. Полоцкий иезуитский коллегиум, вероятно, стал центром организации строительной деятельности, поскольку масштабное монументальное строительство началось именно с возведения ансамбля «скромного» коллегиума с последующей его модернизацией и укрупнением. Следует отметить, что именно коллегиум, в котором работали и учились ремесленники многих профессий [Kadulska, 2009, s. 247–249], располагал значительным интеллектуальным потенциалом для архитектурно-планировочной реорганизации городского пространства.

Орудия труда полоцких мастеров использовались для удовлетворения потребностей самых широких слоев населения города.

7.2. Железообработка (И. В. Магалинский)

Обработка железа занимала одно из главных мест среди ремесленных занятий горожан. Изделия из черных металлов обслуживали практически все сферы жизнедеятельности населения Полоцка, что обусловило высокую частоту их обнаружения в культурных напластованиях города. Данная категория предметов широко использовалась для изготовления ремесленной продукции, производства продуктов питания и защиты от врагов.

Сырье. Основным сырьем для железообрабатывающего ремесла являлась железная руда, месторождения которой были широко известны на всей территории Полоцкого княжества [Гурин, 1987, с. 17]. Эта руда, в зависимости от способа образования, встречается в трех основных видах ископаемых: буром железняке, болотной и озерной руды [Колчин, 1953, вып. 32, с. 36].

Сырьем для изготовления изделий из железа и стали в Полоцке была болотная руда [Гурин, 1987, с. 17]. Болотные руды представляют собой вторичные образования конкреционного происхождения. Они встречаются в низменных заболоченных или очень влажных местах, в долинах рек и озер [Колчин, 1953, вып. 32, с. 36].

Подобные руды доступны и легко разрабатываемы, однако содержат меньше железа, чем бурый железняк. Это обстоятельство требовало значительного количества болотной руды для выплавки нужного объема металла. Наиболее вероятно, что добытую и обработанную руду, как и часть криц, в Полоцк поставляли из сельской округи [Дук, 2010, с. 126].

Металлургия в Полоцке сосуществовала с кузнечным делом в пределах посадской территории. В культурных напластованиях XII–XVIII вв. встречаются многочисленные свидетельства местной железообработки [Дук, 2007г, с. 122]. В слоях XI–XIII вв. найдена крица (диаметр 15 см, вес 2,5 кг), обломки глиняного сопла [Штыхов, 1975, с. 56]. В материалах археологических

исследований на территории Великого посада встречено большое количество металлургических шлаков весом 4–5 кг [Дук, 2007г, с. 147].

Данные находки свидетельствуют о существовании местного полоцкого железоделательного ремесла, которое на протяжении длительного времени сосуществовало с кузнечным. В период наивысшего расцвета ремесла (XII в.) кузнечное дело в городах, возможно, было отделено от металлургии железа и стали. Большинство исследователей полагают, что окончательная специализация городских ремесленников исключительно на обработке черных металлов и изготовлении орудий приходится на XVI в. [Гурин, 1987, с. 16]. Данное предположение подтверждается и полоцкими материалами.

Из данных, содержащихся в письменных источниках, известно, что в XIII–XIV вв. на территорию города импортировалось металлическое сырье и готовая кузнечная продукция. Документы XIII в. свидетельствуют о тесных контактах, существовавших между Полоцком, Ригой, Любеком и Готландом. Между тем, в текстах торговых соглашений отсутствуют конкретные указания на то, какие железные и стальные изделия в результате торговли поступали в Полоцк, какой вид импортной кузнечной продукции пользовался повышенным спросом, завозились ли только готовые изделия или также и полуфабрикаты [Гурин, 1987, с. 100; Штыхов, 1975, с. 108].

Кузнечная продукция поступала на территорию города и в последующие периоды. Так, известно, что в XVI в. от зарубежных купцов со сковород, топоров, лемехов получали значительный доход в городскую казну. По объему импорта в этот период ввоз металлических изделий можно сравнить только с ввозом тканей [Варонін, 2000, с. 48].

Таким образом, полоцкие металлурги и кузнецы в своей деятельности применяли местное и привозное сырье. В быту широко использовались не только изделия местных мастеров, но и импортные вещи из железа и стали.

Мастерские. В результате археологических исследований на территории Полоцка были обнаружены многочисленные свидетельства существования местного кузнечного и железообрабатывающего ремесла. Его следы определяются по нахождению шлаков уже в слое последней четверти I тысячелетия н. э. на городище и окольном городе. Развитию кузнечного ремесла в то время, безусловно, способствовало близкое расположение р. Полота с практически неограниченными запасами воды [Дук, 2010, с. 117].

Эти же причины обусловили развитие местного железообрабатывающего ремесла и в последующие эпохи. Одиночные следы производства (отдельные фрагменты орудий труда, отходы производства или полуфабрикаты) изделий из черных металлов встречаются практически в каждом раскопе. Между тем, на территории города представляется возможным точно локализовать только две мастерские, найденные во время исследований на Верхнем замке (раскопки Г. В. Штыхова) и Великом посаде (раскопки Д. В. Дука).

Во время раскопок Г. В. Штыхова на Верхнем замке в строительном горизонте VI была обнаружена и частично расчищена постройка 6Ж, которая датирована второй половиной XIII в. Длина сторон этой конструкции – не менее 3,5 м. Пол сделан из наката бревен вторичного использования, имеет

продольные пазы. Большая его часть была занята развалом глинобитной печи с остатками пода из сильно прокаленной глины, кусков плинф и камней. В развале печи обнаружены крупные и мелкие куски железного шлака, залежавшего на поду [Штыхов, 1975, с. 40]. Несмотря на частичное вскрытие постройки и отсутствие специального кузнечного инструментария в ее заполнении, данную конструкцию с определенной долей вероятности можно считать мастерской, специализировавшейся на обработке черных металлов.

Во время исследований Д. В. Дука на Великом посаде, во дворе бывшего иезуитского коллегиума, были обнаружены следы существования еще одного ремесленного комплекса, ориентированного на производство железа. Об этом свидетельствуют находки нижней части печи-домницы, которая представляет собой шлак правильной цилиндрической формы диаметром 22 см с плоской нижней частью, ровными вертикальными стенками высотой 10 см и неровным бугристым верхом. Данный артефакт был обнаружен в материковой яме № 17 (1,6 × 2,8 м), которая размещалась в центральной части кв. 4–5, вплотную к бровке раскопа. Материковая яма датирована XIV–XVI вв. [Дук, 2003, с. 17].

В ходе раскопок на территории городища в 2007 г. были обнаружены следы существования мастерской, которая, вероятно, специализировалась на производстве защитного вооружения (рис. 63). Остатков самой постройки, учитывая небольшую площадь раскопа, установить не удалось, однако выявленные артефакты (рис. 67) убедительно свидетельствуют в пользу ее существования [Дук, 2010, с. 122]. Так, в раскопе были найдены 44 единицы железных пластинок наборного доспеха и их заготовок, два кольца кольчуги. Пластины доспеха обнаружены в стратиграфическом слое XII–XIII вв. Из их числа выделяется широкая пластина-заготовка с расклепанными, но не завальцованными отверстиями для крепления (размеры 2,5 × 6,5 см), 13 узких пластинок и их фрагментов, которые имеют один удлиненный зубчатый край и два или три отверстия для крепления: одно посередине и две по краям (размеры этих пластинок в среднем 1,0 × 6,5 см). Большинство пластинок (30 целых, остальные – фрагменты) выполнено в форме слегка выгнутых железных полосок, с двумя-тремя отверстиями для крепления [Дук, спр. № 2537, с. 22].

Таким образом, получение и обработка черных металлов являлось важной составляющей хозяйственной жизни Полоцка на протяжении всей его истории. Наличие источников сырья и больших запасов воды делали возможным процесс получения железа в условия города, что подтверждается находками следов выплавки металла на посадской территории. С железообрабатывающими ремеслом тесно связано кузнечное, которое специализировалось на изготовлении орудий труда, оружия и других изделий.

Техника и технология металлообработки. Техника древнего металлургического производства состояла в прямом восстановлении железной руды в металлическое железо, а также в насыщении его углеродом при дальнейшей обработке. В литературе этот способ производства железа и стали получил название сыродутного [Колчин, 1953, № 32, с. 23].

На территории Полоцка зафиксированы достаточно многочисленные следы производства железа на посадской территории сыродутным способом (остатки печей-домниц, наличие скоплений шлаков). Металлургический шлак часто встречается в культурных слоях XI–XVI вв. практически повсеместно на посадской территории. Большое скопление шлаков зафиксировано в раскопках на Нижнем замке, северной и западной части Великого посада, на территориях, прилегающих к р. Полота или р. Двина, но на расстоянии до 150 м от них. Все это свидетельствует о производстве железа на месте.

Продукция полоцких мастеров изготовлена на высоком технологическом уровне. На основании изучения данных металлографических анализов ряда предметов из раскопок Полоцка и полоцкой земли М. Ф. Гурин выделяет два этапа в развитии обработки железа и стали в IX–XIII вв.: ранний (IX–XI вв.) и поздний (XII–XIII вв.) [Гурин, 1987, с. 111].

На раннем этапе значительное количество изделий производилось из мягкого железа с незначительным содержанием и неравномерным распределением углерода в металле, без использования сложных технологических операций. Основными приемами обработки металлов являются паке-тирование и цементирование.

С увеличением объемов кузнечной продукции в XII–XIII вв. снижается количество цельножелезных изделий при усилении роли стальных орудий. Основными технологическими операциями кузнецов были пакетирование, цементация, варка, пайка, закалка, а также покрытие железных предметов цветными и драгоценными металлами, украшение их инкрустацией.

Металлографические исследования кузнечной продукции XIV–XVIII вв. свидетельствуют о преемственности технологических традиций. Ремесленники использовали такие приемы, как сварка, цементация, термообработка, горновая пайка [Гурин, 1981, № 5, с. 97–104; 2001, т. 4, с. 256–260].

Ассортимент изделий. Кузнечная продукция Полоцка X–XVIII вв. очень разнообразна и представлена значительным количеством предметов самого различного назначения. Весь массив изделий из черных металлов, найденных на территории города, можно разделить на несколько категорий в зависимости от их функционального назначения и морфологических характеристик: 1) предметы быта; 2) орудия труда и ремесленные инструменты; 3) предметы вооружения и снаряжения всадника.

Наиболее распространенными предметами быта являются ножи, ключи и замки.

В конце X – XI вв. бытовали, как правило, миниатюрные ножи, общей длиной до 8 см, чаще всего – 5–6 см. Полоцкие ножи XI–XIII вв. имеют клиновидное в поперечном сечении, узкое лезвие с широкой спинкой и черенковую рукоять. Длина клинка варьирует от 45 до 170 мм [Штыхов, 1975, с. 58]. Подобная форма ножей была широко распространена на всей древнерусской территории [Колчин, 1959, № 65, с. 50–51; Звяруга, 2000, т. 3, с. 370–423] (рис. 65: 1–9).

В XIV–XV вв. постепенно изменяется форма ножей. Чаще всего их делали с прямой спинкой и широким лезвием, которое вместе с плоской ручкой выковывалось из одной заготовки. К ручке при помощи заклепок крепи-

лись накладные рукояти (рис. 65: 10–14). Ножи с подобной конструкцией рукояти постепенно вытесняют из употребления традиционные черенковые инструменты [Дук, 2007г, с. 148; Сагановіч, 2001г, т. 4, с. 260–277].

Основной формой замков на территории Полоцка в X–XIII вв. были навесные цилиндрические. Это подтверждается находками подобных артефактов в культурном слое города, а также ключей к ним [Штыхов, 1975, с. 57]. В начале XV в. меняется форма традиционного навесного замка, который сохранил принцип пружинного механизма, но приобрел разнообразную форму корпуса (сничную) [Сагановіч, 2001, т. 4, с. 260–277] (рис. 66: 4, 5). Такие замки имели треугольный корпус и бытовали в XV–XVI вв. С XVI в. форма большинства замков с откидной дужкой становится аналогичной современным изделиям [Дук, 2007г, с. 153].

Ярким признаком напластований XVI–XVIII вв. являются обувные подковки, которые использовались для защиты каблуков обуви от стирания. Наиболее ранние формы обувных подковок появляются на Беларуси в XIV в., однако широкое распространение они получили с конца XV в. На территории Полоцка в XVI–XVIII вв. были распространены врезные, набивные и комбинированные подковки [Магалінскі, 2009].

К предметам освещения принадлежат лучники самых разнообразных форм и размеров. Скобяные изделия представлены завесами, дверными скобами, язычками, гвоздями и др. К предметам быта относятся также металлические зажимы, скобы, дужки от ведер, распределители, кресала (рис. 66: 1–3, 6–12).

К категории орудий труда и ремесленных инструментов принадлежат зубила, напильники, стамески, резцы, ножницы, в том числе для резки металлов, долота, сверла, шилья, тупики, наковальни и др. [Дук, 2007г, с. 159, рис. 63].

Универсальными рабочими инструментами являются топоры. Гораздо реже для обработки древесины использовались пилы (найлены фрагменты полотна пилы в слое XVI–XVII вв.) [Дук, 2007г, с. 162].

Во время археологических исследований на территории Полоцка были обнаружены также и традиционные сельскохозяйственные инструменты: косы, оковки от лопат, мотыги, а также рыболовные приспособления – крючки, блесны, поводки, остроги и др.

В большом количестве найдены предметы конской упряжи: подпружные пряжки, гвозди-«подковьяки», подковы, шпоры, стремяна и др.

Предметы вооружения представлены мечом, боевыми топорами, накопечниками копий и стрел, фрагментами кольчуги и пластинчатых доспехов, шпагой, боевым ножом, ядрами, втулками копий и другими предметами.

Достаточно полные сведения об ассортименте предметов вооружения, имевшихся в распоряжении полочан в XVII в., сохранились в письменных источниках. Инвентарь Верхнего замка за 1664 г. содержит несколько страниц описи преимущественно оружия. Так, среди прочего, упоминаются «стволы карабинные, шпаги, мушкеты, бердыши, карабины, пистолы, пищали, топорки, чеканы, сабли, палаши, ядра» и др. [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 203–204].

7.3. Ювелирное производство (И. В. Магалинский)

На территории Полоцка были обнаружены многочисленные следы существования местного ювелирного производства. Высокая концентрация артефактов и специальных мастерских, связанных с обработкой цветных металлов, позволяет считать город одним из наиболее крупных центров ювелирного ремесла белорусских земель эпохи Средневековья.

Сырье. Сырьем для ювелирного производства являлись драгоценные и другие цветные металлы. В культурном слое Полоцка достаточно часто встречаются заготовки, полуфабрикаты и другие следы ювелирного производства. В контексте изучения техники и технологии древнего ремесла, а также путей поступления сырья на территорию города большое значение имеет анализ химического состава сырьевого металла, который использовался полоцкими мастерами.

В результате исследования 24 предметов из раскопок в Полоцке¹, было установлено, что местные ювелиры применяли в своей практике несколько видов сплавов, основой для которых служили медь и свинец. Ремесленники использовали «чистую» медь (Cu), латунь (CuZn и CuZnPb), многокомпонентные сплавы (CuSnPbZn и CuZnPbSn).

В выборке количественно преобладают латуни (двухкомпонентные и свинцовые). Двухкомпонентные латуни наиболее полно представлены в материалах, полученных в результате изучения остатков ювелирной мастерской XVII в. Свинцовые латуни преобладают в материалах XI–XIII вв. Медно-цинковые сплавы получили широкое распространение на всей территории северо-западной Руси, где их объем составляет более 70% от общего числа исследованных образцов [Ениосова, 2000, вып. 14, с. 99–111].

Количество предметов из легкоплавких сплавов (PbSnCu и PbSnZn) в выборке не значительно. Это обстоятельство объясняется не столько ограниченным распространением данного сырья в древности, сколько плохой сохранностью его в культурном слое.

Пути поступления сырья. На территории Беларуси отсутствуют месторождения цветных металлов. В связи с этим все сырье, которое использовалось полоцкими ювелирами, было привозным [Ганецкая, 2003, с. 50–58].

Важнейшим источником для изучения импорта металлического сырья на территорию Полотчины являются клады. В Полоцке и Полоцком районе были найдены три клада цветных металлов, два из которых, вероятно, представляют собой запас сырья для ювелирного производства.

Крупнейший в Восточной Европе клад куфических дирхамов, обнаруженный в 1973 г. в деревне Козьянки близ Полоцка (около 8 тысяч монет общим весом около 20 кг), отражает масштабы поступления монетного серебра на территорию Полотчины [Рябцевич, 2003, с. 207–212].

¹ Изучение химического состава металла проводилось методом лазерного спектрального анализа в Институте физики НАН Беларуси под руководством доктора физико-математических наук С. Н. Райкова.

Большой интерес представляет также клад, найденный в 1910 г. на Верхнем замке во время проведения земляных работ. Чеканное серебро из этого клада было представлено несколькими обломками куфических дирхамов, а также 142 целыми и 13 обломанными западноевропейскими монетами. В его составе находилось также пять палочкообразных серебряных слитков, восемь трапециевидных оловянных пластин, а также большое количество разрубленных небольших слитков округлой формы в виде лепешек. Клад датирован 60-ми годами XI в. [Штыхов, 1975, с. 107].

Уникальный клад золотых изделий был обнаружен в 1984 г. на территории Нижнего замка в Полоцке. Он состоит из шести золотых предметов, которые можно рассматривать в качестве сырьевого запаса ювелира. Клад датирован второй половиной X в. [Дук, 2010, с. 117].

Для решения вопроса о путях поступления сырьевого металла все чаще привлекаются данные о химическом составе продукции древних ювелиров.

Такой подход позволил установить, что на территории северо-западной Руси преобладали двойные и свинцовые латуни. Данный факт свидетельствует об использовании местными ремесленниками «свежих», не смешанных с бронзовым ломом металлов. Наиболее вероятными посредниками, через которых осуществлялись поставки медно-цинковых сплавов, были готландские и прибалтийские купцы. Возможно, что подобные сплавы поступали в Скандинавию и Прибалтику, а затем на Русь из месторождений в Бельгии и Германии, где латуни начали выплавлять в конце X в. [Цветные и драгоценные металлы ..., 2008, с. 155].

В XII в. основным поставщиком меди на рынки Балтийского региона и северо-западной Руси являлась Швеция, где в провинции Даларна начинается разработка Фалунского рудника [Цветные и драгоценные металлы ..., 2008, с. 156].

С XIII в. главную роль в балтийской торговле играет Любек. Именно сюда привозили медь из Швеции и Германии. Начиная с XIV в., ведущая роль в торговле металлами переходит в руки Ганзейского торгового союза [Рыбина, 2009, с. 181].

Латуни могли поступать в Полоцк и из других регионов. Не исключено, что часть их происходила с территории Византии и арабского Востока [Енисова, 2000, вып. 14, с. 99–111].

Наиболее вероятным центром поступления оловянной бронзы являлась Волжская Булгария [Зайцева, 2007]. Кроме того, олово могло поступать на северо-запад Руси с Британских островов, где уже с раннего средневековья разрабатывались месторождения этого металла. В Центральной Европе сведения о разработке оловянных руд в Саксонии появляются только в XV в. [Цветные и драгоценные металлы ..., 2008, с. 169].

Главным центром поступления в Полоцк свинца, вероятно, являлась территория Польши. Именно тут свинцовые руды разрабатывались в Силезко-Краковском регионе уже в XII в. Известно, что крыши древних полоцких храмов покрывали листовым свинцом. Интенсивное культовое строительство в Полоцке в XII в. требовало увеличения объемов поступления

этого металла на территорию города, что находит подтверждение в археологическом материале. Так, в 1962 г. во время исследования храма-усыпальницы Спаса-Преображенского монастыря была обнаружена крипта, заполненная свинцом, который стек в нее с крыши во время пожара [Ганецкая, 2003, с. 50–58].

Основным источником поступления серебра являлись монеты. Это не только арабские дирхамы, но также западноевропейские динарии. Определенное количество этого металла могло поступать из Византии и Венгрии. С наступлением безмонетного периода, серебро на территорию Полоцка продолжало поступать, но уже в виде слитков. Центром поступления металла являлась Западная Европа – Англия и Германия [Рыбина, 2009, с. 180].

Одним из важнейших экономических партнеров Полоцка в XIII–XVII вв. являлась Рига, которая играла главную роль в посреднической торговле цветными металлами. На территории города существовала фактория Ганзы – союза городов, членом которой являлась Рига [Дук, 2010, с. 119]. Это обстоятельство способствовало активизации торгово-экономических связей и давало возможность полоцким ювелирам получать сырье из западноевропейских месторождений.

В документах XIII–XVII вв., касающихся Полоцка, неоднократно встречаются сообщения о торговых отношениях между городами. Так, в тексте полоцко-ливонского торгового соглашения XIV в. присутствуют сведения о поступлении определенной группы металлов из Риги: «А в Ризе русскому купцу от веса дати ему от берковьска половаря, от воска, от меди, от олова, от хмелю... от гривны серебра любецкийи...» [Полоцкие грамоты, 1977, вып. 1, с. 39–40]. Данная запись свидетельствует о том, что полоцкие купцы покупали в Риге наиболее распространенные в ювелирном деле металлы: медь, олово и серебро.

Таким образом, полоцкие мастера-ювелиры использовали привозное сырье, которое в основном поступало из месторождений в западной и центральной Европе.

Инструменты и приспособления. Среди инструментов ювелиров в коллекции археологических материалов с территории Полоцка наиболее полно представлены приспособления для литейного дела – литейные формы и тигли.

Формы для отливки ювелирных украшений являются очень важным приспособлением литейщиков. Их делали из камня, дерева, глины, бронзы или рога. Данная категория находок отличается сложной конструкцией и содержит информацию о литейной технике, приемах обработки металлов и профессиональном уровне мастеров [Дайга, 1960, № 3, с. 78–92; Ениосова, 1998, с. 67–81; Кізіюкевіч, 2010, с. 92–99].

Согласно подсчетам, на территории Полоцка за время археологических исследований было найдено не менее 28 литейных форм. Среди них не только целые экземпляры, но и фрагменты, заготовки, бракованные изделия. В настоящий момент в белорусских музеях хранится 21 литейная форма из Полоцка [Магалінскі, 2011а, № 21, с. 184–193].

Литейные формы отличаются от прочих изделий из камня особым устройством. Для заливки металла в форме вырезался канал-литник, который

обычно имел воронкообразную форму. Большинство форм разъемные, состоящие из двух или более створок. Для более плотного соединения створок часто использовались свинцовые штифты [Рындина, 1959, с. 218].

В полоцкой коллекции встречен ряд форм, использовавшихся для литья «навыплеск». Это так называемые имитационные формы. Подобные изделия отличаются от прочих наличием двух каналов-литников, которые служили для того чтобы расплавленный металл, заливаемый в один литник, быстро вытекал через другой, оставляя на стенках тонкий слой. Использование данной техники позволяло получать тонкостенные полые изделия, имитирующие на своей поверхности трудоемкие ювелирные техники – зернь и скань [Штыхов, 1975, с. 64]. На территории Новгорода подобные предметы появились в XII в., а в Полоцке только в 20-е годы XIII в. [Рындина, 1959, № 65, с. 218; Митрофанов, Штыхов, Тарасенко, д. № 124, с. 139].

Исследования Г. В. Штыхова показали, что полоцкие мастера-ювелиры использовали литейные формы, изготовленные преимущественно из доломитизированных известняков [Митрофанов, Штыхов, Тарасенко, д. № 124, с. 130]. Выбор этой породы камня был обусловлен ее физическими свойствами: мягкостью и пригодностью для тонкой обработки. Из подобного материала сделано абсолютное большинство сохранившихся литейных форм – 19 из 21. Кроме того, в Полоцке были найдены формы, сделанные из глины и рога.

Не вызывает сомнения и тот факт, что литейные формы на месте делали сами мастера-ювелиры. На это указывают находки заготовок, а также бракованных изделий. Кроме того, только ювелиры владели знаниями о физических характеристиках цветных металлов и их сплавов, а также об их поведении под воздействием высоких температур, что позволяло рассчитать размеры литника, а также объем металла, необходимый для отливки украшений. Таким образом, ювелир был обязан не только владеть специальными приемами обработки сырья, но также обладать навыками работы с камнем, глиной, рогом и иными материалами.

Важным приспособлением древних литейщиков являлись *тигли* – керамические сосуды для плавки цветных металлов и разлива его в формы. Тигли представляют особенный интерес для исследования ювелирного производства не только потому, что являются ее индикатором. Форма и размеры этих керамических сосудов, состав и свойства глиняного теста зависят от условий плавки определенных металлов и сплавов, конструкции печи, от способностей литейщиков контролировать металлургические процессы, которые происходят в тиглях [Ениосова, 2011, с. 243–254].

Согласно нашим подсчетам на территории Полоцка во время археологических исследований было найдено более 200 тиглей.

Специальное исследование полоцких тиглей проводилось Г. В. Штыховым и Д. В. Наумовым. Последний провел химический анализ тигля из раскопок 1960–1961 гг. на территории Верхнего замка. В результате было установлено, что предмет сделан из материала, который соответствует полукислым огнеупорам, на изломе имеет серовато-молочный цвет и микрозер-

нистую структуру. Анализ натеков металла на внутренней поверхности емкости показал, что в тигле плавилась бронза [Наумов, 1968, с. 298–306].

Согласно исследованиям Г. В. Штыхова, полоцкие тигли изготавливались из светлой тугоплавкой глины с примесями крупнозернистого песка. Все найденные во время раскопок 1959–1961 гг. предметы данной категории ученый отнес к «круглодонным, пирамидальной формы». Исследователь отметил, что все сосуды имели носик-слив, который позволял разливать расплавленный металл непосредственно в форму [Митрофанов, Штыхов, Тарасенко, д. № 124, с. 135–136].

Настоящий параграф выполнен на основе изучения достаточно представительной коллекции полоцких тиглей из собрания НПИКМЗ. Пригодным для классификационного анализа является 61 тигель из 107. Данная группа предметов полностью либо частично сохранила свой первоначальный вид.

Выделяются три типа сосудов: 1) цилиндрические (26 экземпляров); 2) конусовидные (35 экземпляров); 3) тигли-купели (1 экземпляр). Конусовидные тигли, в свою очередь, делятся на два подтипа: 1) с округлым дном; 2) с плоским дном.

Цилиндрические тигли сделаны из светлой, однослойной, хорошо вымученной глины, которая не содержит в своей структуре включений крупных камней. Как правило, внешняя поверхность таких тиглей сильно ошлакована, что указывает на многократное использование емкостей для плавки цветных металлов. Преобладают шлаки красного и черного цвета.

Внешнее ошлаковывание является результатом химической реакции между кремнеземом, который содержится в формовочной массе, деревянным пеплом в печи и металлом, во время его утечки из сосуда. Красные пятна на стекловидной поверхности – это силикат меди, черные – силикат железа [Ениосова, 1999, вып. 111, с. 54–63].

Цилиндрические тигли имеют разные размеры. Можно выделить большие (высота 7–9 см) и маленькие сосуды (высота 3–4 см). Средняя толщина стенок таких тиглей – 0,7–0,8 см, а диаметр устья колеблется от 2,6 до 3,9 см.

Объем больших тиглей, согласно Н. В. Рындиной, составлял 25–30 см. В них могло поместиться 200–210 г бронзы или 250–270 г серебра. Объем маленьких цилиндрических тиглей колеблется от 2 до 8 см, что соответствует 20–70 г бронзы или 20–80 г серебра [Ениосова, 1999, вып. 111, с. 54–63].

Подобные изделия получили достаточно широкое распространение на большой территории, что не дает возможности связывать их происхождение и распространение с определенным регионом или этносом.

В Полоцке находки цилиндрических тиглей в основном сконцентрированы в двух пунктах: на Великом посаде (раскопки С. В. Тарасова, 1987–1988 гг.) и на Нижнем замке (раскопки С. В. Тарасова, 1989 г.). Во время исследований на данных объектах были выявлены остатки производственных ювелирных комплексов, к деятельности которых, вероятно, имели отношение найденные там тигли. Мастерская на Нижнем замке датирована X–XI вв., на Великом посаде – XII–XIII вв. [Тарасаў, 2011, т. 2, с. 205–206].

Кроме того, цилиндрические тигли были найдены также во время исследований на полоцком селище (раскопки Г. В. Штыхова, 1979 г.) и Великом посаде (ул. Нижне-Покровская, д. 35; пл. Свободы) (раскопки Н. И. Зданович, 1991–1992 гг. и Д. В. Дука, 2009 г.) [Дук, спр. № 2647, с. 10; Здановіч, спр. № 1450, с. 10; Штыхов, д. № 635, с. 6]

Группа конусовидных тиглей самая многочисленная и количественно преобладает среди полоцких артефактов. Данный тип емкостей для плавки цветных металлов отличается характеристиками формовочной массы, размерами и иными параметрами.

Круглодонные конусовидные тигли широко представлены в полоцкой коллекции (31 экземпляр). Подобная форма в наибольшей степени целесообразна для тиглей: узкие, невысокие емкости с нешироким устьем к минимуму ограничивали доступ воздуха к расплавленному металлу и не позволяли ему окислиться [Рындина, 1959, № 65, с. 214].

Четко выделяются две рецептуры, в соответствии с которыми была приготовлена формовочная масса таких тиглей: 1) светлая, однослойная глина с примесями крупной дресвы (средние размеры включений – $0,3 \times 0,3$ см); 2) светлая, однослойная, хорошо вымученная глина практически без включений. Структура формовочной массы, очевидно, влияла на огнеупорные свойства тиглей, а также на срок их использования для плавки цветных металлов.

Как правило, внешняя поверхность круглодонных конусовидных тиглей слабо ошлакована. Преобладают шлаки красного и черного цвета. Слабая ошлакованность указывает на тот факт, что подобные сосуды использовались литейщиками не более 1–2 раз.

Исходя из размеров, тигли этого типа делятся на большие (средняя длина 7,2–7,8 см, при толщине стенок 0,6–0,8 см) и малые (средняя длина 3,5–4,5 см, при толщине стенок 3,5–4,5 см). Средние размеры устья больших сосудов – $6,0 \times 7,0$ см, а малых – $4,5 \times 4,0$ см.

Как можно судить по известным артефактам, все конусовидные тигли имели специальный носик-слив, который использовался для разлива расплавленного металла в литейные формы.

Определенный интерес представляют также и плоскодонные конусовидные тигли, которых в полоцкой коллекции насчитывается четыре экземпляра. К сожалению, все они являются случайными находками, что не позволяет с уверенностью датировать эти предметы.

Согласно наблюдениям Г. В. Штыхова, объем конусовидных тиглей колеблется от 30 до 75 см. В сосуде такого объема можно было расплавлять 100–300 г олова [Митрофанов, Штыхов, Тарасенко, д. № 124, с. 136].

Конусовидные тигли достаточно часто встречаются в материалах археологических исследований древнего Полоцка, однако наибольшее их количество фиксируется на Верхнем замке (раскопки А. Г. Митрофанова, В. Р. Тарасенко и Г. В. Штыхова, 1959–1965 гг.) и на Великом посаде (раскопки Д. В. Дука, 2005 г.). Во время раскопок в этой части города было обнаружено

не менее трех производственных ювелирных комплексов [Дук, 2007г; Штыхов, 1975, с. 41, 46, 64].

Конусовидные тигли были найдены также в Экимани (случайные находки А. А. Соловьева, 2001 г.), на Великом посаде (случайные находки А. А. Соловьева, 2006 г.) и др.

Еще один артефакт, обнаруженный на территории Полоцка, может быть отнесен к типу тиглей-тарелочек (или тиглей-купелей). Подобные сосуды использовали в процессе купеляции (отделения драгоценных металлов от примесей), а также при определении чистоты серебра или золота [Енисова, 2011, с. 243–254]. Это был достаточно сложный процесс, который требовал определенных технических навыков и математических знаний, что указывает на высокий профессиональный уровень местных ювелиров.

Предмет был найден в 2005 г. во время археологических исследований на территории Великого посада среди остатков ювелирной мастерской XVII в. (автор раскопок – Д. В. Дук).

Таким образом, тигли, которые использовали полоцкие литейщики, являются ярким отображением высокого уровня развития ювелирного ремесла на территории города на протяжении X–XVII вв. В их конструкции воплотились глубокие знания полоцких мастеров относительно физических и химических свойств цветных металлов и их сплавов.

Полоцкие литейщики пользовались тремя типами сосудов: 1) цилиндрическими; 2) конусовидными; 3) тиглями-купелями. Цилиндрические тигли получили широкое распространение в X–XIII вв. и могут быть отождествлены с двумя производственными ювелирными комплексами, которые функционировали на территории Нижнего замка (X–XI вв.) и Великого посада (XII–XIII вв.). Формовочная масса этих тиглей выполнена по одному рецепту. Подобные сосуды использовали несколько раз, на что указывает значительная степень ошлакованности поверхности.

Конусовидные тигли количественно преобладают. В приготовлении формовочной массы для их изготовления четко выделяются две рецептуры. Конусовидные тигли со значительными примесями крупной дресвы локализованы на Верхнем замке, где было выявлено не менее двух ювелирных мастерских середины–второй половины XIII в.

Сосуды из хорошо вымученного глиняного теста сконцентрированы в границах выявленной в 2005 г. на территории Великого посада ювелирной мастерской первой половины XVII в. Единственный экземпляр тигля-купели также относится к этому ремесленному комплексу.

У полоцких мастеров-литейщиков большую популярность получил тип круглодонных конусовидных тиглей, которые использовали местные ремесленники с XIII по XVII в. В то же время цилиндрические тигли, популярные в X–XIII вв., не получили широкого распространения в дальнейшем. Подобный выбор следует связывать с конструктивными особенностями конусовидных сосудов, форма которых являлась наиболее приспособленной для плавильных емкостей с функциональной точки зрения.

Важным компонентом ювелирного производства являлась механическая обработка цветных металлов – чеканка, ковка, тиснение и др. Именно с комплексом этих действий и связывается большая часть находок *металлических ювелирных инструментов*.

Особенности технологических операций, связанных с обработкой цветных металлов, обусловили необходимость существования значительного количества инструментов, форма которых была бы в наибольшей степени приспособлена для данных целей [Ениосова, 2006а, № 2, с. 64–80]. К таким инструментам следует отнести наковальни, молотки, чеканы, клещи, напильники и др.

Кроме специализированных инструментов нельзя исключать возможности использования ювелирами в своей практике и таких приспособлений, которые носили универсальный характер и могли применяться как в иных отраслях ремесленного производства, так и в быту. К таким изделиям, прежде всего, следует отнести пробойники, ножи, ножницы, шилья и др.

Важным инструментом, связанным с механической обработкой металлов, является наковальня. Наковальни употреблялись во время свободнойковки или чеканки и исполняли функцию опоры, на которую клали обрабатываемое изделие во время нанесения по нему ударов [Сингх, 2009а, с. 72–79; 2009б, с. 7].

Ювелирные наковальни отличались формой и размерами от наковален кузнечных, которые были предназначены для грубых работ по обработке черных металлов. Задачи ювелирного ремесла обусловили выработку специфической формы для подобных орудий. Обычно выделяют два вида ювелирных наковален: 1) простые; 2) фигурные [Рындина, 1959, № 65, с. 221].

Изготавливали данные приспособления из разных материалов. Среди артефактов, полученных во время раскопок древнего Новгорода, были обнаружены железные, деревянные и глиняные наковальни [Сингх, 2009а, с. 72–79].

В полоцкой коллекции ювелирных инструментов хранятся два экземпляра ювелирных наковален (рис. 64: 3, 4). Они относятся к типу простых и представляют собой небольшие цилиндры с круглой или овальной рабочей площадкой, которые имеют четырехгранную или округлую ножку. Изготовлены данные инструменты из прочного медного сплава.

Первая наковальня сохранилась практически полностью. Она была найдена в 1987 г. во время раскопок С. В. Тарасова на территории Великого посада и имеет отношение к ювелирной мастерской XII–XIII вв. [Тарасов, д. № 1014, с. 11–12]. Второй инструмент обнаружен в результате исследований 1989 г. на Нижнем замке и может быть отождествлен с производственным ювелирным комплексом X–XI вв., выявленном на месте раскопа [Тарасаў, спр. № 1165, с. 4].

Подобные приспособления использовались для мелких работ по механической обработке цветных металлов. Они вставлялись в деревянные опоры или в специальные отверстия в больших по размеру наковальнях. Аналогии полоцким материалам встречаются в Новгороде, где были найдены два экземпляра близких по форме наковален в слоях второй половины XIII – начала XV в. [Сингх, 2008, с. 385–389].

Целый ряд технологических операций по механической обработке цветных металлов связан с таким ремесленным инструментом как молоток. Молоток – это приспособление для механической деформации предметов. Ювелирные молоточки отличаются своими небольшими размерами, предназначенными для выполнения мелких операций [Рындина, 1959, № 65, с. 224].

На территории Полоцка было выявлено не менее двух предметов данного вида. Наиболее ранний молоточек был найден Г. В. Штыховым во время археологических исследований на территории Верхнего замка. Предмет датирован XI в. Молоток имеет прямоугольный боек и зад-остряк, напоминающий лезвие долота. Втулка овальная, продолговатая по длине. Вес предмета – 64 г [Штыхов, 1975, с. 57]. Близкие по форме молотки были найдены в Новгороде и Старой Ладогe, где датированы XI–XII вв. [Звяруга, 2000, т. 3, с. 370–423].

Еще один молоточек был обнаружен во время исследований Д. В. Дука в 2005 г. на территории Великого посада (рис. 64: 5). Он изготовлен из железа и представляет собой цельнометаллическое изделие с четырехгранной в сечении ручкой и перпендикулярно ей расположенной рабочей частью с плоским бойком на одном конце и раздвоенным носком для вытягивания гвоздей на другом. Молоток датирован XVII в. Он может быть соотнесен с комплексом ювелирной мастерской, обнаруженной на месте раскопа [Дук, 2007г].

К группе изделий, использовавшихся для механической деформации предметов, следует отнести молоточек-киянку, обнаруженный на территории городища в 2007 г. Молоток изготовлен из бронзы и представляет собой трапециевидный в вертикальном сечении брусок с округлой втулкой для крепления рукояти. Прямых аналогий данному предмету в древнерусских материалах нами не выявлено. Обушная часть изделия скошена, боек сильно сработан, по всей поверхности прослеживаются следы работы с секущими и режущими инструментами. Предмет был выявлен в слое XI–XIII вв. [Дук, спр. № 2537, с. 19].

Особую группу металлических инструментов ювелира составляют пинцеты – приспособления для зажима и удержания ювелирных изделий во время их обработки. Данная группа изделий представлена несколькими типами: 1) пинцеты-тиски; 2) пинцеты-щипцы.

Единственный зажимной пинцет был обнаружен в 1989 г. во время исследований С. В. Тарасова на территории Нижнего замка в слое XI–XII вв. [Тарасаў, спр. № 1205, с. 3]. Предмет представляет собой согнутую пополам бронзовую пластинку. Изогнутые под прямым углом концы пластины образуют Г-образные губы. На ножки пинцета насажено фиксирующее кольцо, которое предназначалось для неподвижного зажима предметов (рис. 64: 1). Подобные приспособления использовались для удержания заготовки во время проведения таких операций как чеканка, ковка и др. Аналогичные пинцеты широко известны в древнерусском материале [Рындина, 1959, № 65, с. 224].

Наиболее распространенными формами пинцетов являлись пинцеты-щипцы. Они предназначались для захвата камней и разных мелких пред-

метов, для изгибания проволоки во время филигранных или эмальерных работ [Рындина, 1969, № 65, с. 224]. На территории Полоцка обнаружено несколько подобных предметов. Один из них найден в 2006 г. на территории Заполоцкого посада (рис. 64: 2). Он представляет собой согнутую пополам пластину с загнутыми внутрь концами. Пинцет датирован XI–XIII вв. По мнению автора раскопок Д. В. Дука, найденные во время исследований предметы из цветных металлов, а также характерный набор инструментов свидетельствуют о существовании на данном месте ювелирного производства [Дук, 2009а, с. 19–45].

Еще один подобный пинцет обнаружен С. В. Тарасовым в 1988 г. на территории Великого посада. Предмет датирован XII–XIII вв. и относится к деятельности производственного ювелирного комплекса [Тарасов, д. № 1084, с. 11, 12].

Особенный интерес представляет находка пинцета на территории Нижнего замка в 1989 г. (раскопки С. В. Тарасова). Предмет фрагментирован и состоит из трех частей. Изделие представляет собой согнутую пополам бронзовую пластинку с расширяющимися концами, на конце которых размещены Г-образные губы.

Форма пинцетов с расширенными концами достаточно архаичная и на территории Беларуси фиксируется уже в материалах V–VIII вв. Так, похожее изделие было обнаружено на селище возле д. Лужесно Витебской области с характерной банцеровской керамикой V–VIII вв. Предмет найден вместе с комплексом предметов, свидетельствующих о существовании на данном месте производства по обработке цветных металлов [Штыхаў, 1992, с. 33]. Подобные пинцеты были выявлены в Гродно, а также на селище Микольцы, материалы с которого датированы VI–IX вв. [Кізіюкевіч, 2010, № 19, с. 92–99; Зверуго, 2003, с. 85–110].

Полоцкий пинцет отличается меньшей шириной концов, а также более четко обозначенными Г-образными губами. Стратиграфически предмет датирован XI–XII вв. [Тарасаў, спр. № 1165, с. 3]. Между тем архаичность формы изделия позволяет отнести его к более раннему времени и отождествить с открытой на месте раскопа ювелирной мастерской, которая наиболее активно действовала в X в. [Тарасаў, спр. № 1165, с. 9].

Как уже было отмечено, в ювелирном ремесле могли использоваться и универсальные инструменты, связанные с другими видами ремесленной деятельности. Это зубила (рис. 64: 8), пробойники (или бородки), напильники и др. Видимо, единственным признаком, который позволил бы отнести подобные инструменты к числу орудий ювелиров, является их размер. Как правило, ювелирный инструментарий, предназначенный для тонкой обработки цветных металлов, имел значительно меньшие размеры, чем орудия кузнецов и слесарей [Рындина, 1959, № 65, с. 224].

Определенный интерес представляют также находки клещей, которые могли использоваться в литейном деле. Два подобных изделия были обнаружены во время раскопок на Верхнем замке (раскопки А. Г. Митрофанова и Г. В. Штыхова). Предметы [Штыхов, 1975, рис. 29: 5, 11; Сингх, 2009б] на-

ходят аналогии в материалах археологических исследований Новгорода и датированы XII–XIII вв.

С ювелирным производством могут быть связаны также находки равноплечных весов и гирек-разновесов, которые служили для взвешивания металлического лома или для приготовления различных сплавов.

Таким образом, представленные в полоцкой коллекции инструменты и приспособления ювелиров, имеют отношение к различным технологическим этапам обработки цветных металлов, что подтверждает местный характер ювелирного производства.

Характеристика ювелирных производственных комплексов. В контексте изучения истории древнего ювелирного ремесла особое значение имеет анализ производственных ювелирных комплексов, которые были найдены в границах города и отражают основные закономерности развития данного направления ремесленной деятельности. За период археологического изучения Полоцка на его территории было найдено не менее пяти таких комплексов. Материалы, полученные во время их исследования, позволяют реконструировать основные этапы производства изделий из цветных металлов, выделить отличительные черты древнего полоцкого ремесла, проследить динамику изменения ассортимента ювелирных изделий.

Под термином «производственный комплекс» мы понимаем совокупность одновременных хронологических и территориально близко размещенных построек, а также окружающее их пространство, характер находок на котором указывает на существование на данном участке производственной деятельности [Зайцева, 1998, т. 2, с. 110–113]. В этом смысле объем понятия «производственный комплекс» – равен объему термина «мастерская». Таким образом, эти два понятия далее будем использовать в качестве синонимов.

Основными критериями выделения ювелирных производственных комплексов в археологическом материале является наличие в постройках характерных артефактов: 1) сырье (в виде слитков, проволоки и др.); 2) набор инструментов и приспособлений; 3) готовые изделия, заготовки и отходы производства [Ениосова, 1998, с. 67–81; 2006б, с. 64–80; Сингх, 2011, с. 233–242].

Очевидно, что наличие всего набора характерных признаков в границах одного комплекса построек фиксируется достаточно редко. В связи с этим на существование ювелирной мастерской может указывать комбинация только некоторых наиболее значимых признаков.

Среди материалов, полученных в результате археологических исследований Полоцка, достаточно часто встречаются следы производства изделий из цветных металлов (тигли, литейные формы, металлический ремесленный инструментарий, отходы производства и др.). Между тем локализация отдельных мастерских на основании нескольких находок, не связанных с конкретными конструкциями, не совсем оправдано. В связи с этим далее дается характеристика только таких комплексов построек, в границах которых выявлен необходимый набор артефактов, указывающий на существование на данном участке деятельности по изготовлению предметов из цветных металлов [Магалінскі, 2011, № 21, с. 115–121].

Данные археологических исследований на территории города дают основания для выделения не менее пяти (рис. 63) ювелирных производственных комплексов (Верхний замок – 1, Нижний замок – 2, Великий посад – 2).

В 1961–1962 гг. в Полоцке на Верхнем замке проводились археологические исследования под руководством В. Р. Тарасенко и Г. В. Штыхова. Раскоп III (привязанный к раскопу А. Г. Митрофанова 1959–1960 гг.) общей площадью 320 м², размещался в восточной части Верхнего замка [Штыхов, 1975, с. 37].

В контексте изучения ювелирного ремесла особое значение имеют постройки строительных горизонтов VI и IX, в границах которых представляется возможным выделить отдельные производственные комплексы.

Постройки строительного горизонта VI погибли в сильном пожаре. Основу планировки горизонта составляла улица или перекресток дорог. Особый интерес представляют постройки 6К (№ 6 согласно полевой документации) и сопутствующие ей конструкции 6Л и 6М. Порубочная дата одного из столбов постройки 6К – 1276 г. [Штыхов, 1975, с. 41].

Совокупность материалов, найденных во время расчистки данных конструкций, дает основание для атрибуции комплекса в качестве ювелирной мастерской. Так, были обнаружены две литейные формы, слиток свинца, а также два свинцовых оплавка, тигли для плавки цветных металлов, медное изделие и фрагмент перстня [Тарасенко, Штыхов, д. № 114, с. 9]. Мастер-ювелир, работавший в данной мастерской, специализировался на отливке изделий из цветных металлов в каменных литейных формах.

Большое значение для анализа ювелирного производства имеет обнаружение на территории «восточного раскопа» еще одной мастерской, с которой можно отождествить постройку 7М (№ 14 согласно полевой документации), которая начала функционировать в строительном горизонте IX, а погибла в пожаре на уровне строительного горизонта VII. В результате дендрохронологического исследования пяти спилов из разных бревен конструкции были установлены их порубочные даты – 1243–1245 гг. [Тарасенко, Штыхов, д. № 114, с. 18].

В соответствии с наблюдениями Г. В. Штыхова, сооружение существовало около 20 лет, что подтверждается данными дендрохронологической датировки построек 6С и 6И строительного горизонта VI, которые перекрывали постройку 7М. В данной постройке и рядом с ней был обнаружен характерный набор предметов, который позволяет утверждать, что в данной конструкции осуществлялась обработка цветных металлов (тигли для плавки цветных металлов, фрагмент литейной формы, заготовки и отходы производства, готовые изделия) [Штыхов, 1975, с. 45].

В 4 м на запад от данной конструкции в кв. 105 и 113 был обнаружен развал углей и литейных шлаков с натеками синего и коричневого цвета. Вместе со шлаками обнаружен фрагмент тигля [Тарасенко, Штыхов, д. № 114, с. 21]. Вероятно, на этом месте происходил процесс выплавки изделий в открытых тиглях. В целях пожарной безопасности печь размещали на некотором расстоянии от дома.

Интересный производственный комплекс, существовавший в XII–XIII вв., был найден на Великом посаде во время археологических исследований под руководством С. В. Тарасова в 1987–1988 гг.

На исследованной территории в границах строительного горизонта II был обнаружен усадебный комплекс, который состоял из семи построек, размещенных на площади 1500 м². Его общая характеристика была дана С. В. Тарасовым в специальном исследовании [Тарасаў, 2003, с. 267–272].

Во время раскопок было найдено значительное количество артефактов, которые указывают на существование ювелирного производства. Среди них можно отметить равноплечные весы, гирьки-разновесы, ювелирный пинцет, тигли для плавки цветных металлов, литейные формы, заготовки и готовые изделия. Кроме свидетельств существования производства по обработке цветных металлов, в границах комплекса были обнаружены следы обработки янтаря (в 13 пласте найдено 640 кусочков янтаря). По мнению С. В. Тарасова, в данной мастерской могло также осуществляться изготовление стеклянных украшений [Тарасаў, 2003, с. 267–272].

Вероятно, к данному комплексу имел отношение развал плинфы вторичного использования, который был обнаружен вместе со значительным количеством фрагментов тиглей, металлургических шлаков и сопел горна. Этот развал может быть атрибутирован как остатки горна для плавки цветных металлов, который в древности был разрушен и перенесен в данное место.

Еще один производственный ювелирный комплекс был выявлен на Нижнем замке во время археологических исследований С. В. Тарасова в 1989–1990 гг. В раскопе были обнаружены следы существования ювелирной мастерской, которая датирована автором раскопок X–XI вв. [Тарасаў, спр. № 1165, с. 4].

Характерный набор артефактов был зафиксирован среди остатков наземной каркасно-столбовой конструкции и в связанных с ней материковых ямах. На месте раскопа было найдено около 80 тиглей (целых и фрагментов), два ювелирных пинцета, ювелирная наковальня, фрагмент равноплечных весов и гирька-разновес, сырье и готовые изделия [Тарасаў, 2003, с. 267–272].

Кроме данной мастерской, на территории Нижнего замка были обнаружены и другие свидетельства существования ювелирного производства. Так, во время шурфовки на «стрелке» Нижнего замка (исследования С. В. Тарасова), на материке была обнаружена литейная форма для отливки монетовидных привесок, имитирующих арабские дирхамы. Вероятно, данная находка могла относиться к деятельности еще одной мастерской, следы которой сохранились в виде материковых ям [Тарасаў, спр. № 1165, с. 14].

Во время спасательных раскопок на территории Великого посада в 2005 г. были найдены остатки еще одного производственного ювелирного комплекса. Характер деревянных конструкций, выявленных в раскопе, позволяет отнести их к одной усадьбе, а найденные здесь артефакты дают основания для атрибуции постройки в качестве производственного ювелирного комплекса, существовавшего в первой половине XVII в. [Дук, 2007г].

Особый интерес представляет ассортимент предметов, найденных в мастерской. Среди инструментов ювелира следует отметить находку молоточка и 50 фрагментов тиглей. Также большое значение имеет обнаружение значительного количества готовых предметов и заготовок из латуни. Всего найдено 96 артефактов. Среди них 32 целых «пус йеппи», 20 заготовок, 5 крючков от кафтана, 10 иголок, 2 миниатюрные иголки и др. (рис. 94) [Дук, 2007г, с. 173].

Мастер-ювелир, работавший в этой мастерской, специализировался на изготовлении функционально ориентированных предметов – деталей одежды (булавок «пус йеппи», крючков для кафтана), а также бытовых инструментов (иголок, наперстков).

Таким образом, ремесленные мастерские, найденные на территории Полоцка, относятся к трем хронологическим группам, отражающим закономерности не только в развитии данного направления в ремесленном производстве, но также основные особенности строительной техники и организации жизненного пространства древнего города: 1) X–XI вв.; 2) XII–XIII вв.; 3) XVII в.

Мастерская X–XI вв. представляет собой пример усадебно-дворовой застройки, которая включала как жилые, так и производственно-хозяйственные постройки общей площадью 100 м². Основными инструментами ювелиров в это время являлись плавильные тигли, пинцеты, равноплечные весы. К сожалению, фрагментарная сохранность конструкций мастерской, а также перемешанный характер культурного слоя не позволяют высказать однозначного мнения относительно ее специализации.

В XII–XIII вв. увеличиваются масштабы ювелирного производства, на что указывает обнаружение на территории города трех производственных комплексов, относящихся к данному хронологическому отрезку. Мастерские этого времени были ориентированы в основном относительно улиц и состояли из нескольких построек. При этом ювелирные мастерские на Верхнем замке значительно отличались размерами от мастерской на Великом посаде. Это обстоятельство можно объяснить не только статусом ремесленников, но также и ограниченностью территории Верхнего замка.

В данный период появляются новые ремесленные приемы, расширяется ассортимент изделий. Во всех трех комплексах были найдены литейные формы, предназначенные для отливки различных предметов. Появление каменных форм (в том числе и «имитационных») следует объяснять потребностью изготовления значительного количества серийных предметов, что, безусловно, является отражением постепенного повышения товарности ювелирного производства и ориентации его на рынок. В мастерских XII–XIII вв. обнаружены свидетельства занятий их обитателей и другими ремеслами – обработкой кожи, стекла, янтаря.

Характерным набором инструментов и специфическим ассортиментом изделий отличается ювелирный производственный комплекс первой половины XVII в. Мастерская представляет собой пример узкоспециализированного производства, ориентированного на изготовление ограниченного

набора предметов, носивших утилитарный характер, что делает ее ярким примером эволюции ювелирного производства по пути специализации и ориентации на изготовление функциональных предметов, рассчитанных на широкие слои населения.

Таким образом, значительное количество производственных ювелирных комплексов и специального ремесленного инструментария, найденных в Полоцке, свидетельствует о широком распространении и значительном уровне развития данного вида ремесленной деятельности на территории города.

7.4. Кожевенно-обувное ремесло

(Д. В. Дук, Г. В. Штыхов)

Кожевенно-обувное ремесло с давних времен занимало важное место в иерархии ремесленных профессий Полоцка. Основное количество ранних изделий из кожи найдено в восточном раскопе на Верхнем замке между горизонтами V и X. Здесь найдены орудия кожевенного и сапожного ремесел, готовая обувь и другие изделия из кожи. Сырьем для кож служили шкуры крупного и реже мелкого рогатого скота. Визуальному осмотру были подвержены тысячи образцов. Почти все они имели естественный рисунок (мерею) на лицевой поверхности. Лишь в единичных случаях обнаружена нарезка искусственной мереи в виде чешуек рыбы, а в 1957 г. М. К. Каргером найден украшенный тисненым орнаментом кошелек. Часто кожа с лицевой стороны окрашена в черный, а иногда в красный цвет.

Хорошо сохранившиеся кожи древнего Полоцка изучены с применением современных методов исследования кожевенных материалов в Лаборатории химико-аналитических испытаний кожи и материалов кожевенного производства ЦНИИ кожевенно-обувной промышленности (Москва) [Штыхов, 1975, с. 72].

Данные анализов свидетельствуют о том, что во всех случаях дубление кожи было чисто растительным, некоторые образцы соответствуют нормам, установленным для современной юфти. Аналогично можно определить и высокую стойкость на разрыв по сравнению с современными изделиями.

Дубление кож осуществлялось растительными дубителями (ивовой корой и др.) Некоторые полоцкие кожемяки знали наиболее рациональные нормы дубителей, обеспечивающие хороший уровень дубления кожи, и протравное крашение с применением железных солей. Необходимость в большом количестве воды (на один экземпляр кожи необходимо израсходовать 30–50 ведер) была основной причиной расположения мастерских кожемяк возле рек.

На Верхнем замке обнаружены остатки мастерской 7А. Она определена по наличию большого количества шерсти с известью и обрезков кожи возле нее. Мастерской являлась изба площадью до 10 м². В теплое время года ремесленник во дворе выделывал кожи, а зимой шил из них обувь. Поблизости от его избы найдено сооружение 8В из бревен размером 1 × 1 м, которое являлось зольником. Вторая мастерская 9Г площадью 24 м² предназначалась исключительно для выделки кож. Работы в ней могли проводить круглый год.

В Полоцке на месте расположения восточного раскопа найдены детали нескольких сотен экземпляров обуви XII–XIII вв. Попытки обнаружить массовое скопление ранних кожаных изделий в других местах Полоцка были безрезультатными.

Кроме готовых изделий здесь были обнаружены инструменты сапожников: 10 колодок-правил, шилья, ножи, иглы [Штыхов, 1975, с. 76]. Детали обуви скреплялись навощенными льняными нитками, швы двухниточные – выворотные, тачные, изредка потайные. Вся шитая обувь мягкая, выворотная.

Полоцкая обувь делится на три основных типа: башмаки, поршни, сапоги. *Башмаки* – древняя и самая распространенная обувь в Полоцке. Они имели воротнички (берцы), закрывающие щиколотку ноги. В слоях XI–XII вв. встречен только этот тип обуви (12 экз.). В XIII в. башмаки ниже щиколотки стягивались ремешком, которые завязывали сзади. Женские башмаки часто украшались шитьем.

Поршни – несложная низкая обувь, похожая на лапти. Их не шили, а сгибали из одного куска мягкой кожи. По периметру лоскута кожи делали сквозные прорезы для продевания в них ремешков.

Сапоги – вид обуви с голенищами. Сапоги изготавливали выворотным способом и сшивали из двух половинок, так, что одна из них в своей нижней части, являясь передом, переходила выше в голенище. Главным образом в горизонте XIII в. найдено 415 подошв. Они, как правило, симметричные, почти овальные, без выемки в срединной части, но есть подошвы и с выемкой. В слоях XIII в. найдены также кожаные ножны (15 шт.), кошельки и футляры (9 шт.), рукавицы (4 пар), остатки ремешков для ношения на поясе.

Кожаные изделия в культурном слое Полоцка XVI–XVIII вв. встречаются редко, что объясняется физической характеристикой этого пласта: он плохо сохраняет органику.

В рассматриваемый период происходят коренные изменения в производстве обуви – усиление подошвы и изобретение каблука. В Полоцке обувь с каблуком появляется не ранее второй половины XVI в., но наиболее широкое распространение она получила в конце XVI – XVII вв. [Тарасов, 1989, с. 171].

Самая представительная коллекция кожаных изделий XVI–XVIII вв. собрана на Великом посаде (раскопки С. В. Тарасова 1987–1988 гг. на пл. Свободы). Тут найдены детали обуви, фрагменты костюма и другие вещи. Детали обуви представлены подошвами, каблуками, задниками, голенищами (халявами) и головками ботинок. Обувь XVII–XVIII вв. в большом количестве найдена на территории, прилегающей с востока к паркану Великого посада. Именно здесь на значительной площади были открыты следы коженно-сапожных мастерских XVII–XVIII вв. [Дук, 2004].

Вся обувь делится на два типа: мягкая (до середины XVI в.) и твердая (со второй половины XVI в. до XVIII в.).

Твердые подошвы с конца XVI в. в Полоцке становятся повсеместно распространенными, они найдены вместе с обувными подковками, которые использовали исключительно в мужских каблуках [Тарасов, 1989, с. 171]. Наборный каблук укрепляли гвоздями, деревянными штырьками, но чаще

всего – металлическими подковками [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 363]. Последние являются массовыми находками в пластах XVI–XVII вв.

Подошвы XVI–XVIII вв. имеют выразительные выемки в голеностопе, они изготавливались из кожи толщиной 0,3–0,4 см.

Женские туфельки и ботинки имеют более деликатный деревянный каблук высотой 2,5–4,0 см. Найдены подошвы от женской обуви с зауженной пяткой. Преимущественное количество туфелек имели округлый носик, что было типично для XVI–XVIII вв. [Левко, 1984, рис. 31: 3].

Мужские туфли делали из 4–5 деталей [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 360–361]. Туфли могли иметь многослойную подошву, позже появился и многослойный каблук. Увеличение деталей привело к появлению стелек, полустелек. Стельки и полустельки из бересты найдены и в Полоцке.

Задники ботинок твердого типа имели трапециевидную форму и были выложены берестой [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 363]. Голенища (халявы) встречаются редко из-за высокой цены кожи. После завершения времени эксплуатации нижней части ботинок халявы использовались в качестве ремонтных заплат, из них изготавливали поршни, ботинки и др. Халявы имели высоту от 19,5 до 24,0 см. Перед у ботинок и туфель имел язычок или мысик на внутреннем контуре, все они изготовлены из грубой кожи толщиной 0,4 см.

Кроме обуви в культурном пласте Полоцка XVI–XVIII вв. найдены другие изделия из кожи. Это цельнокроенные ножны, футляры, кошельки. Представительной является коллекция кожаных ремней, часть из которых – поясные, одно изделие, по всей видимости, является плетью.

7.5. Гончарное дело: посуда и бытовые предметы

(Д. В. Дук)

Керамическая посуда с момента ее изобретения становится самым распространенным археологическим материалом. Основным видом посуды в IX–XV вв. были горшки. В последующий период их удельный вес по отношению к другим видам керамической посуды уменьшается, но они по-прежнему остаются доминирующим видом керамики. Это дает основание предполагать, что в качестве столовой посуды в быту полочан в IX–XVIII вв. широко использовалась деревянная утварь.

В эпоху раннего Нового времени широко применяли разнообразные технологии декорирования керамической посуды. Поэтому некоторые ее виды, становясь произведениями искусства, теряли свою утилитарную функцию и превращались в предметы украшения интерьера жилищ горожан.

В первой половине–середине XVI в. постепенно происходил переход к новой технологии изготовления горшков, которая обусловлена использованием ножного гончарного круга с подвижной осью. Полоцкие материалы XVI в. убедительно свидетельствуют о постепенном развитии технологических приемов, характерных для гончарства Центральной и Западной Европы.

Среди всей керамической посуды из закрытых комплексов первой половины XVI в. глазурованная посуда составляла всего лишь 2% от общего числа изделий, в конце XVI в. ее количество возросло до 15,2%. По статистической выборке посуды из отдельных раскопов можно констатировать, что глазурованная посуда количественно могла превышать неглазурованную и достигать 63,6% от общего числа посуды в стратиграфическом пласте XVII–XVIII вв. [Дук, 2007г, с. 100]. Однако обычно доля глазурованной посуды не превышала 1/10 часть всего состава изделий. Глазурованная посуда была более дорогостоящей, поэтому в некоторых раскопах ее относительное количество могло быть меньшим в зависимости от социальной стратификации населения, проживавшего на данной территории.

Гончарная посуда XVI–XVIII вв. разнообразна по форме и назначению и делится на кухонную, столовую, тарную, гигиеническую и декоративную [Здановіч, 1993, с. 24].

Основное количество керамики было местного производства и изготовлялось в Полоцке и полоцкой округе преимущественно из красных глин. Однако полоцкие мастера изготавливали горшки и из белых глин [Дук, 2007г, с. 100].

Кухонная посуда имела функцию приготовления и хранения еды. *Горшки* являются самым распространенным видом кухонной посуды. Наиболее ранние экземпляры в коллекции лепной керамики Полоцка племенной поры представлены горшками банцеровско-тушемлинской культуры и горшками культуры смоленско-полоцких длинных курганов (основная часть находок). Керамика культуры смоленско-полоцких длинных курганов бытовала в Полоцке с 780-х годов до конца X в. С середины X в. большая часть лепной посуды уже была подправлена на ручном гончарном круге.

Типологию горшков XI–XVI вв. по материалам «восточных раскопов» на Верхнем замке разработал Г. В. Штыхов. Исследователь выделил 6 типов горшков. Самым ранний (тип I) бытовал преимущественно в пластах X–XI вв. [Штыхов, 1975, с. 81]. При этом выделяется специфический полоцкий тип IV, который характеризуется слегка вогнутым краем высокого венчика, вдоль которого проходит ровик под крышечку. Типология Г. В. Штыхова может быть существенно дополнена по материалам из раскопок полоцкого городища в 2007 г. [Дук, 2011, мал. 2]. Всего было выделено 9 типов горшков из общего количества – 1116 фрагментов.

Самыми архаичными являются раннегончарные горшки XI в. (тип I по Г. В. Штыхову и типы Г и К (вариант К2)). В отличие от горшков типа I Верхнего замка, форма которых широко представлена в культурных слоях конца X – XI в. других древнерусских городов, горшки типа К полоцкого городища выявлены только в Пскове.

Распространение использования гончарного круга приходится на вторую половину X в. В XI в. доминирует гончарная посуда. Это ярко прослеживается на примере керамики западной части Заполотского посада, заселение которой происходит на рубеже X–XI вв. Тут лепная керамика отсутствует. Радиоуглеродные даты на селище и городище подтверждают датировку куль-

турного слоя с лепными, подправленными на ручном круге горшками не ранее второй половины X в.

Массовое распространение изготовления керамики на ножном гончарном круге наблюдается в Полоцке в первой трети XVII в., хотя его применение начинается с конца XVI в. С этого времени широко распространяется и глазурованная керамика.

Горшки первой половины XVI в. продолжают изготавливаться в традиционной для предыдущих столетий технике спирального налепа на ручном гончарном круге. Днища такой керамики всегда имеют следы подсыпки песка. В Полоцке большинство неглазурованных горшков даже в конце XVI в. были изготовлены на ручном гончарном круге.

Все горшки XIV–XVIII вв. подразделяются на две группы, согласно технологии формирования на ручном и ножном гончарном круге [Дук, 2007а, с. 102–113]. Горшки группы I – исключительно неглазурованные – бытовали на протяжении XIV – первой половины XVI в. Среди горшков группы II выделяются как глазурованные, так и неглазурованные изделия, эта посуда бытовала в конце XVI – XVIII в.

Некоторые типы полоцких горшков конца XV – XVI в. имеют ряд прямых аналогий в изделиях из других регионов Беларуси, а также северо-западного региона России, в первую очередь Пскова. Производство полоцких горшков XVI в. в целом продолжало развиваться на восточнославянской основе. Появление в середине XVI в. небольшого количества глазурованной посуды свидетельствует о начале проникновения в Полоцк западноевропейских технологий.

Группа II – неглазурованные и глазурованные горшки конца XVI – XVIII в. Горшки этого периода выделяются составом формовочной массы – она более пластичная и содержит меньшее количество примесей. По своим пропорциям горшки остались приземистыми, но их изготавливали уже на ножном гончарном круге. Абсолютное большинство неглазурованных изделий XVII в. имеет утолщенный, обычно валикообразный отогнутый наружу венчик, невысокую шейку и ребро в области плечика. Горшки группы II изготавливались в рамках развития западно- и центральноевропейских ремесленных традиций XVII–XVIII вв. (применение ножного круга, состав формовочной массы, способ формирования).

Рынки – это высокие горшкообразные овальные изделия на трех ножках с втулкой для деревянной ручки [Здановіч, 1993, с. 25]. Рынки использовали для жарки мяса. Длинной стороной рынку ставили к огню с целью сбора стекающего жира [Rębkowski, 1995, s. 70]. Глазурь наносили на их внутреннюю сторону, поэтому ее эстетическая функция играла минимальную роль. Рынки в Полоцке известны с XVI в. [Дук, 2007г, с. 117–118]. В XVIII в. глиняные изделия этого вида посуды уже не изготавливались. Вероятно, их вытеснила металлическая посуда. В слоях XVIII в. найдены только керамические сковороды.

Макотры – это разновидность глубоких глиняных посудин с круглым дном и превышающим его по размерам широким устьем [Здановіч, 1993,

с. 24]. Макотра могла быть использована в качестве столовой посуды. Макотры XVI в. из Полоцка имеют большой диаметр венчика: 24–25 см, у ранних их форм рифленая поверхность. В XVII в. рифление уже не использовали. Самыми надежными признаками определения хронологии макотр являются технологические показатели – наличие глазури, ее цвет: зеленый (XVII в.) или коричневый (XVIII в.); грубые и среднезернистые примеси в составе керамического теста (XVI–XVII вв.).

Сковороды – это широкие плоские посудины с невысокими бортиками, которые предназначались для жарки. Их функции часто сочетались с функциями латок и рынок. Наиболее распространенный вид сковород – без ручки, диаметр изделий по верху от 15 до 24 см при диаметре днища от 14 до 20 см, высота – от 4 до 5,5 см. Иногда встречаются сковороды с ручкой.

Латки употреблялись для тушения пищи. Эта посуда напоминает миски, но венчики у латок загнуты внутрь (рис. 75: 2). Обычно латки имели большой диаметр днища, который был практически равен высоте посудины [Дук, 2007г, с. 123]. Отметим популярность в Полоцке пиалоподобных мисок (рис. 75: 9, 20). С древнейших времен форма керамических крышек практически не менялась.

Крышки XVI–XVIII вв. имеют конусообразную форму, их диаметр от 18 до 23 см, стенки наклонены под углом в 30–45°. Отличает их от более древних форма ручки (до XVI в. она была круглой или петлеобразной с маленьким сквозным отверстием) (рис. 36: 4), позднее замененная выступом для удерживания в центральной высокой части конуса. У крышек большое количество крупной дресвы в керамическом тесте. Многие крышки после XVI в. полностью или частично покрывали глазурью. У крышек XVII в. край имеет сложный профиль, происходит уменьшение их размеров. Появляются крышечки с прямоугольными очертаниями. В XVIII в. основная расцветка глазури включает различные оттенки коричневого цвета.

Дуришлаг представлены фрагментами днищ, найденными преимущественно в слоях конца XVII – XVIII в. [Дук, 2007г, с. 124]. Изнутри днище покрыто зеленой или коричневой глазурью.

Столовая посуда представлена *керамическими мисками и тарелками* для еды, они известны с начала XVII в. (рис. 75). Большинство столовых мисок XVIII в. имеют вертикально поставленный край венчика в виде широкой манжеты. Прозрачная зеленая глазурь наносилась только с внутренней стороны. Миски и тарелки XVI–XVIII вв. глазурированные. Как правило, с внутренней стороны покрыты прозрачными глазурями зеленого (конец XVI – XVII в.), коричневого или желтого цвета (XVIII в.).

Посуда для питья в археологических коллекциях представлена кружками, кубками и мисками-пиалами. *Кружки* – это высокие (до 12,5 см) сосуды с закругленными, или прямоугольными, ручками. В основе формы кружек лежит цилиндр (рис. 76: 3). *Кубки* по форме напоминают небольшие глазурированные горшочки с ручкой, диаметр венчиков не превышает 7–8 см. Они являются самой распространенной категорией посуды для питья (рис. 76: 1–13) и составляют около 70% всей полоцкой питьевой посуды

[Дук, 2007г, с. 126–128]. *Миски-пиалы* XVII–XVIII вв. могли быть предназначены для подачи жидких блюд или питья. В XVIII в. кубки в Полоцке уже не использовали. Вероятно, из массового употребления их вытеснили кружки, которые стали основным видом керамической посуды для питья. Уменьшению ассортимента керамической посуды для питья в XVIII в. содействовал и фактор резкого увеличения стеклянной посуды.

Тарная и гигиеническая посуда представлена *кувшинами* – это керамическая посуда для хранения и переноски воды и жидких блюд.

Кувшины имели манжету около венчика и ручку с ровиком посередине. Наличие манжеты – яркая примета западноевропейского влияния [Левко, 1992, с. 39].

Гляжи – это глиняные посудины шароподобной формы с узким горлом и плоским дном [Здановіч, 1993, с. 27].

Фляги – посудины для транспортировки жидкости в дороге. Два фрагмента керамических фляг датированы первой половиной XVI в.

В Полоцке также были найдены фрагменты *рукомойников*.

Декоративная посуда XVI–XVIII вв. из Полоцка разнообразна, имеет местное происхождение и представлена импортной майоликой (рис. 77: 1–3, 5).

Декоративные тарелки представлены более широко. По способу нанесения декора подразделяются на четыре группы [Дук, 2007г, с. 131–135]. Днища всех полоцких тарелок сохранили следы срезания нитью с гончарного круга. На некоторых имеются следы копоты с оборотной стороны, что может свидетельствовать об их утилитарном использовании (для разогрева пищи). Тем не менее основная функция декоративных тарелок – украшение жилища. В домах керамические декоративные тарелки выставляли на полках или подвешивали на стену (у ряда изделий имеется круглое отверстие для крепления к плоскости стены).

Майоликовые кувшинчики (рис. 77: 5) – привозная турецкая посуда. О наличии торговых связей с Турцией свидетельствуют письменные источники. В 1561 г. полоцкий воевода Станислав Довойно получил право бестаможенного пропуска через всю территорию ВКЛ четырех возов товаров из Полоцка в Турцию и обратно [Варонін, 2000].

Мелкие керамические группы. Керамическая продукция XVI–XVIII вв. включала в себя также мелкие керамические группы разного назначения. Это *солонки, баночки для специй, копилки, чернильницы, игрушки*. Одна из чернильниц имела рельефное изображение князей Бориса и Глеба, выполненное в традициях белорусского декоративного искусства XVI–XVII вв. (рис. 77: 8). Помимо чернильниц и кувшинчиков к мелким группам относятся *баночки для парфюма*.

Также в культурном слое XVII в. обнаружены керамические *подсвечники* (рис. 77: 6) и *светильники (лампадки)*, керамические *грузила* от сетей. Распространенной категорией изделий являются детские *игрушки* XVII–XVIII вв. *Детская посуда* использовалась в игровых целях и как емкость для специй. Игрушки выполнены в виде свистулек и погремушек (рис. 78).

Импортные изделия. Изделия из «каменной массы» хронологически делятся на ранние (XV–XVII вв.) – немецкого происхождения и поздние

(XVIII – начала XIX в.) – рижского изготовления [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 312–313]. *Мурмельшпили* (от нем. *turmelspiel*) – керамические шарики для игры в камушки (XVII–XVIII вв.), как и *курительные трубки* – яркие артефакты городских слоев. Большинство курительных трубок является продукцией местных мастеров, но есть также «голландские» белоглиняные трубки (рис. 44), а в начале XVIII в. широкую популярность приобрели лощеные красноглиняные изделия турецкого происхождения.

Проанализировав ассортимент керамической посуды и мелких керамических групп XVI–XVIII вв. можно прийти к выводу, что у полоцчан сложилась традиция производства утилитарных и декоративных изделий. Отдельные категории товаров свидетельствуют о прочных торговых связях с другими регионами ВКЛ, Ближним Востоком, а также со странами Центральной Европы. В производстве самой массовой категории посуды – керамических горшков – до 20–30-х годов XVII в. преобладали средневековые традиции восточного региона ВКЛ (Белорусское Подвинье и Поднепровье). Распространение ножного гончарного круга, глазуровка посуды существенно дополнили и развили средневековые традиции полоцкого гончарного производства.

7.6. Изразцы XIV – начала XIX в.

(Д. В. Дук)

По конструкции все полоцкие изразцы делятся на три группы: *горшковые, прорезные и коробчатые* (пластинчатые). Наиболее архаичный тип – горшковые изразцы, на их долю приходится до 13% находок всех типов полоцких изразцов XIV–XIX вв. В Полоцке горшковые изразцы представлены четырьмя вариантами [Дук, 2001, с. 167–168].

В XV в. на территории ВКЛ происходит переход к позднеготическим коробчатым изразцам. Печь стала иметь более сложную архитектурную форму. Благодаря многоярусности она стала походить на башню [Dąbrowska, 1987, s. 274, 331]. Такие печи имели прямоточную систему отопления. Двухъярусные печи с цилиндрической надстройкой известны и в Полоцке [Дук, 2001, с. 168]. Диаметр надстройки такой печи составлял около 63 см, а карниз был изготовлен из 11 однотипных изразцов. Существование печей с цилиндрической надстройкой по европейским материалам приходится на конец XV – середину XVI в. [Dąbrowska, 1987, s. 161, гус. 13, 14, 18, 33].

Постепенно горшковые изразцы были заменены мисковыми. Днище мисковых изразцов украшается насечками в виде солярного круга, а с 20-х годов XVI в. в Полоцке, как и в других городах Беларуси, используется глазурь [Паничева, 1980, с. 12]. Самые древние коробчатые изразцы – терракотовые с высоким рельефом. Их характерной чертой является крупнофигурность изображений. В Полоцке ранние коробчатые изразцы представлены самой немногочисленной группой – 2% всех находок изразцов XIV–XIX вв. Сюжеты изразцов в основном охватывают религиозную тематику (прил. 3, фото 19) [Дук, 2007г, с. 53].

Полоцкие изразцы XIV – середины XVI в. выделяются среди архитектурно-декоративной керамики других городов ВКЛ разнообразием приемов исполнения и жанровой тематикой (особенно это касается коробчатых изразцов). В тематике изображений переплетены восточные и западноевропейские мотивы. В XVI в. изразцы в Полоцке изготавливали гончары, которые упоминаются среди 17 ремесленных специальностей под 1510 г. (или 1509 г.) [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 57]. В XVII–XVIII вв. производством изразцов по-прежнему занимались гончары, которые с 1643 г. образовали свой цех [Археографический сборник ... , 1867, т. 1, с. 333]. При изготовлении полоцких изразцов деревянные матрицы не использовались [Дук, 2007г, с. 80]. Найденные в Полоцке матрицы сделаны из глины. Данные петрографического анализа подтвердили местное производство изразцов XVI–XVIII в. [Дук, 2007а, с. 81].

Изразцы конца XVI – XVII в. – самые многочисленные в количественном отношении. На их долю приходится до 66% всех находок полоцких изразцов. Богатство декора и разнообразие мотивов позволяют разделить их на три основные группы: 1) геральдические изразцы; 2) сюжетные изразцы; 3) изразцы с растительным и геометрическим орнаментом.

В Полоцке *геральдические изразцы* изготавливались с конца XVI в. до начала XVIII в. Все гербы делятся на государственные и личные светских и духовных феодалов. К первой группе принадлежат изразцы с изображением герба «Погоня» и геральдических зверей, орлов (рис. 80: 1, 2, 5) [Здановіч, 1997, с. 106–107]. Наиболее многочисленная и разнообразная группа изразцов изготавливалась в Полоцке по заказу частных лиц. На изразцах располагались гербы средней и зажиточной шляхты, а также представителей крупных княжеских родов (рис. 82: 5), таких, как Дорогостайские, Друцкие-Соколинские, Зеновичи, Кишки [Дук, 2007г, с. 57–68]. Герб Я. С. Кишки составлен по принципу: сверху родовой герб и герб матери, внизу – гербы бабушек по отцовской и материнской линиям. Такой порядок расположения гербов в поле щита был характерен для геральдических изразцов Полоцка. Отдельную группу представляют изразцы с латинскими надписями. Это, как правило, глазурованные пластины с монограммой Иисуса Христа в центре (IHS) и символом монашеского ордена иезуитов (пылающее сердце) (рис. 82: 3). Картография находок полоцких геральдических изразцов дает представление о расположении дворов владельцев гербов в Полоцке (рис. 83).

Сюжетные изразцы в Полоцке представлены рыцарской тематикой, анималистическими изображениями и сценами охоты (рис. 81) [Дук, 2001; Здановіч, 1997, с. 107]. Ренессансные портретные изразцы найдены в Полоцке в слоях середины XVI в. Изображение фантастических животных – излюбленный барочный сюжет.

Самые представительные и богатые по декору изразцы – с *геометрическим и растительным орнаментом*. Среди них выделяется мотив геометрической плетенки со звездочками внутри, со звездочками и крестами, а также выполненный линиями в виде волн и квадратов. На изразцах ис-

пользована глазурь зеленого, темно-зеленого и коричневого цветов. Отличительный геометрический орнамент – «мотивов» – стал доминировать в эпоху классицизма. На полоцких изразцах данный мотив широко употреблялся вместе с маскаронами. Во второй половине XVII в. приобретает популярность мотив витых колонок (балясин) [Дук, 2001а, с. 42]. Рисунок нередко помещен в рамку с отступом от края пластины (традиция доминирует в XVIII в., тогда же растительный декор постепенно заменяется композицией геральдического щита). Углы печей XVII в. нередко имеют трехчастное деление за счет использования соответствующего типа изразцов. Карнизные изразцы представлены несколькими типами орнамента в пяти вариантах. Варианты 1–4 датированы широко в пределах XVII в., вариант 5 и 6 – началом XVII в. [Дук, 2007г, с. 76–77].

Одним из основных элементов декора печи являлось *навешние*. Навешные делятся на срединные (коронки, городки) и наружные (угловые) (рис. 80: 3, 6–8).

Изразцы XVIII в. представляют вторую по величине группу (14% от всех изразцов XIV–XIX вв.), однако по богатству декора они уже не такие разнообразные. В XVIII в. происходит унификация орнаментальных мотивов украшения изразцов. Абсолютное большинство изразцов этого периода можно условно разделить на две большие группы – это пластины с изображением венка (группа I) и пластины с геральдическим щитом (группа II).

Изразцы с изображением венка имеют прототип в иезуитских пластинах XVII в. Использование изразцов в декоре полоцких печей XVIII в. – явление исключительно редкое. На одном терракотовом безрамочном изразце в центре круглого лаврового венка расположена монограмма из букв «KIA». Новое направление в декоративном искусстве (классицизм) появившись в середине XVIII в., стало определяющим до середины XIX в. В первой половине XIX в. изразцы украшались декором в стиле модерн, ими выкладывали поверхность печей в помещениях гражданских учреждений и в домах богатых мещан.

Изразцовые печи по конструктивным особенностям могли быть выполнены в различных вариантах, но по функциональным признакам делились на печи с прямоточной или камерной системой отопления. Развалы печей с прямоточной системой отопления XIV–XV вв. в Полоцке были выявлены при исследовании постройки княжеского терема в 1976–1977 гг. [Заяц, 1997, с. 92–95]. В 2003 г. на территории Заполотья Д. В. Дуком была исследована печь с основанием 1,1 × 0,8 м, украшенная в XV в. горшковыми изразцами (рис. 79: 1). Наиболее интенсивно печи с горшковыми изразцами возводили в Полоцке в течение XV – первой половине XVI в., однако они продолжали использоваться для отопления и приготовления пищи в домах рядовых полочан до конца XVII в.

В XVII в. широкое распространение получили камерные печи, украшенные стенными изразцами. Следы этих печей археологически зафиксированы в домах богатых мещан и шляхты. Возведением печей занимались муляры, которые в 1643 г. образовали свой цех [Игнатенко, 1963, с. 32].

В постройке конца XVI в. (раскопки Н. И. Зданович, 1991 г.) сохранилась основа камерной печи на четырех деревянных столбах (размер основания 180 × 110 см) [Зданович, 1998, мал. 3]. Полоцкие камерные печи обычно возводили на фундаменте из бутового камня, пространство возле топки нередко выкладывали керамическими плитками. Под (основание) одной из печей был сложен из камней, а стенки сохранившиеся на высоту 30 см, – из кирпича на глиняном растворе. Размер основания – 111 × 92 см. Известно, что устье камерных печей нередко выходило в соседнее хозяйственное помещение. В редких случаях удалось проследить расположение печей в доме. В отдельных постройках XVII в. печи зафиксированы на значительном удалении от стен дома, а значит топились они непосредственно из жилого, а не из хозяйственного помещения. Печные дуги имеют размеры 8 × 5 см при внутреннем диаметре 40 см. В XVII–XVIII вв. заслонки печей были керамические. Они украшались отпечатками монет, штампами с изображением солярного знака, но чаще – решетки. Высота заслонок составляла от 35 до 40 см [Дук, 2007г, с. 92–93].

8. РОЛЬ ПОЛОЦКА В ТОРГОВЛЕ ПОДВИНЬЯ

8.1. Торговые пути и связи Полоцкой земли IX–XIII вв.

Клады (Г. В. Штыхов, Ш. И. Бектинеев)

Западная Двина, на которой находятся города Полоцк и Витебск, служила ответвлением крупнейшей водной коммуникации Киевской Руси – «пути из варяг в греки». Полоцкая земля имела густую сеть рек и, кроме того, занимала географический район (Белорусское Поозерье), насыщенный системами озер, удобными для использования в качестве водных торговых путей (рис. 84).

Верховья р. Западная Двина находятся недалеко от верховьев р. Волга и р. Ока. Волжский путь – важное торговое направление, по которому на территорию Руси поступало восточное серебро. В начале IX в. Балтийско-Каспийский путь проходил по Неве–Волхову–Волге. Во второй трети IX в. использовался путь по Западной Двине–Волге, что подтверждают нумизматические данные [Свердлов, 1969, т. 101, вып. 6, с. 540–545].

Торговые связи в IX–XIII вв. развивались в условиях господства натурального хозяйства и ограниченной потребности в привозных товарах. В экономической жизни Руси внутренняя торговля имела большее значение, чем внешняя. Город был постоянно связан с волостью. Изделия, изготовленные в городе, находили сбыт среди населения волости. Городские ремесленники изготавливали изделия на заказ и на продажу. Обнаруженный при раскопках в слое последней четверти XIII в. пакет железных игл (свыше 50 шт.) явно предназначался для продажи. Из деревни доставлялись сельскохозяйственные продукты и сырье для ремесла. Однако есть сведения и о ввозе продуктов питания. Так, в грамоте полоцкого епископа Якова (конец XIII в.)

содержится настоятельная просьба о пропуске хлеба из Риги в Полоцк, что служит косвенным указанием на ввоз хлеба из-за границы.

В Полоцке гончары изготавливали посуду разного объема и разного назначения – кухонную и столовую. Они в середине XIII в. имели определенный круг заказчиков, с которыми были установлены более или менее постоянные связи. Вероятнее всего, между ремесленниками различных специальностей также существовал товарообмен.

Несмотря на частые войны и феодальные междоусобицы, постоянные торговые связи осуществлялись между Полоцком и другими городами и землями Руси. Об этом свидетельствуют многочисленные разноэтничные украшения, оружие (рис. 85) и хозяйственные предметы, найденные на территории Полоцка. При раскопках в Полоцке найдено большое количество шиферных пряслиц. Розовый шифер (сланец) на Руси добывали в районе Овруча. Там же располагались мастерские по изготовлению пряслиц [Рыбаков, 1948а, с. 189–190], из которых они распространялись на огромные территории. В Полоцк импортировали также тонкостенную стеклянную посуду. Из Киева в первые четыре десятилетия XIII в. привозились стеклянные браслеты. Во второй половине XIII в. потребности внутреннего рынка на эти украшения удовлетворяло их местное производство. Привозными в Полоцке были стеклянные и каменные бусы (сердоликовые, хрустальные). С юга вплоть до конца 30-х годов XIII в. доставляли красноглиняные амфоры с вином или оливковым маслом. В небольшом количестве в Полоцк попадала поливная керамика южного происхождения. На протяжении всего XIII в. в Полоцк поступал самшит. Он рос в лесах северной части Кавказа и на его черноморском побережье. В древнерусские города самшит поступал в X–XI и XIII–XV вв. волжским путем. В XII в. этот путь перекрыли половцы, и поступление самшита на Русь было прервано. Тем же путем, вероятно, попали в Полоцк раковины каури (рис. 13: 3) – морского моллюска, родиной которого является район Мальдивских островов в Индийском океане. Полоцкие раковины употребляли для украшения ожерелий (датированы 60–70-ми годами XIII в.). К предметам южного происхождения относится древесина грецкого ореха, из которой изготовлена рукоять ножа 20-х годов XIII в. Встречена и скорлупа грецких орехов.

Письменные источники показывают существование связей Полоцка с Новгородом в XII – первой половине XIII в. Полочанин Яков, отличившийся в Невской битве, был «ловчим» у Александра Невского. В 1973 г. в Новгороде при раскопках найдена берестяная грамота, в которой упоминается «Гавъко Полочанин». Это новый источник, дополняющий сведения о взаимоотношениях между Новгородом и Полоцком [Штыхов, 1975, с. 105].

Вещественным доказательством торговых связей Полоцка с южной Прибалтикой являются находки светло-желтого янтаря (фото 5: 3). Не исключено, что янтарь привозили и из других мест. Прибалтийский импорт представлен также некоторыми видами ювелирных украшений. В свою очередь, ремесленную продукцию из Полоцка вывозили в другие города. Выгодное географическое положение Полоцка благоприятствовало его

участию в оживленной международной торговле. Город находился на древнейшем водном торговом пути из Прибалтики к Балканам. Он был связан почти непрерывным водным путем с Киевом (рис. 84). Не меньшее значение имел водный путь на восток от Полоцка к Витебску и далее к Смоленску. С верховьев р. Западная Двина легко было попасть на волжский путь, соединявший Балтийское и Каспийское моря. Вдоль правого берега р. Западная Двина (Даугава) шел сухопутный путь, использовавшийся как летом, так и зимой. Он круглый год связывал Полоцк с важными центрами Подвинья [Мугуревич, 1965, с. 20, 26].

Полоцкая земля не располагала ископаемыми цветными и благородными металлами. До XII в. запасы серебра на территории Киевской Руси пополняли в основном путем ввоза серебряных монет. В начале XII в. он был прекращен. Наступил так называемый безмонетный период, продолжавшийся более двух веков. Это не означает полное отсутствие поступления серебра, но оно доставлялось уже в слитках. Восточные и западные монеты VIII–XI вв. служили сырьем для их литья. Рубленное серебро могло поступать в Полоцк при обмене товарами.

Ввиду развития монументального строительства в XII–XIII вв. в Полоцке значительно возросла потребность в цветных металлах, необходимых для изготовления церковной утвари. Огромное количество свинца шло на покрытие храмов. Сведения об импорте металлов в Полоцк содержат письменные источники XIII–XIV вв. Из текста договора 1229 г. становится очевидным тот факт, что в Смоленске, Полоцке, Витебске, также как и повсюду, серебро было особого рода товаром. Оно наряду с золотом являлось эквивалентом, к которому приравнивались все другие товары. Серебро выполняло роль эквивалента других товаров как в виде слитков, так и в виде утвари (серебряных сосудов). Таким образом, в статьях договора 1229 г. речь идет о благородных металлах как об эквиваленте [Памятники русского права ... , 1953, вып. 2, с. 66]. Из договора Полоцка с Ригой 1330 г. следует, что одним из товаров, импортируемых в Полоцк в XIII–XIV вв., продолжало оставаться металлическое сырье. За взвешивание меди и олова пошлина взималась «от берковца». Берковец – мера веса, соответствующая 10 пудам. Применение ее при взвешивании свидетельствует о значительном количестве цветных металлов, ввозимых в Полоцк. В договоре особо отмечено, что в случае обнаружения «нечистого товара» отправлять купца назад, «а свой князь тамо казнить его» [Русско-ливонские акты, 1868, с. 54–55]. Данный пункт обязывал не только русских купцов продавать чистый воск, но и немецких торговцев поставлять материалы для литья без добавления примесей.

Полоцк играл роль одного из главных центров транзитной торговли металлическим сырьем между Восточной и Западной Европой, как в период Киевской Руси, так и находясь в составе ВКЛ. Являясь крупнейшим центром ремесла, Полоцк потреблял значительное количество литейных материалов. Основными видами товаров, вывозимых из города, были воск и меха.

Клады. Важнейшим источником для изучения торговых связей и импорта металлического сырья являются клады. В общих работах, где систе-

материализуются клады Древней Руси, обычно отводится место кладам Полоцкой земли. В публикации А. К. Маркова имеются сведения о кладах восточных монет, выявленных до 1910 г. [Марков, 1910, с. 1–3, 23–26, 136–139]. Количество кладов, обнаруженных позднее этого времени, увеличилось на территории Полоцкой земли в 3 раза. По наблюдениям Г. Ф. Корзухиной, клады, зарытые в Полоцкой и Новгородской землях во второй половине XI в., составляют половину кладов всех земель Руси того времени. Исследователь объясняет это явление военной деятельностью полоцкого князя Всеслава против Новгорода и борьбой с ним Владимира Мономаха [Корзухина, 1954, с. 38].

Л. В. Алексеев упоминает об 11 кладах [Алексеев, 1966, с. 102, 104]. Т. В. Равдина составила каталог монет, найденных в погребениях X–XI вв., где помещены сведения о находках из курганных могильников Полоцкой земли (Багриново, Богдановское озеро, Ведец, Заславль, Игуменский уезд, Новоселки, Поречье, Путилково, Слободка, Черневичи, Шо) [Равдина, 1988]. Эти монеты использовались в качестве женских украшений. В. Н. Рябцевич собрал воедино нумизматический материал из Беларуси и тем самым положил начало систематизации всех кладов и отдельных монет [Рябцевич, 1968, с. 18–24].

Г. В. Штыховым собраны сведения о 41 кладе Полоцкой земли, из которых 38 относятся к IX–XI вв. Следует отметить, что только часть из них попала в руки исследователей целиком. Сведения о половине кладов не отличаются полнотой. Рассматриваемые клады обнаружены в основном в бассейнах р. Западная Двина и верхнего течения р. Днепр (рис. 86). Особо следует отметить концентрацию кладов в Витебске и возле него по течению р. Лучеса. Как показали исследования, здесь проходил отрезок пути «из варягов в греки», соединяющий р. Ловать с р. Днепр через р. Лучеса и волоки [Левко, 2011а, с. 155, рис. 12]. Закономерно появление кладов в верховьях р. Птичь, где в X–XI вв. размещался большой населенный пункт городского типа на р. Менка, вероятно, Меньск, известный по летописи [Штыхов, 1978, с. 63–72]. Города Лукомль и Друцк также основаны в водоразделах р. Западная Двина и р. Днепр, и здесь обнаружены клады. Обращает на себя внимание концентрация кладов в 100 км западнее Полоцка на правом берегу р. Дисна. Здесь выявлено городище Городец на р. Мнюта, которое свидетельствует о существовании крупного административного и торгового центра в западных районах Полоцкой земли [Штыхаў, 1985, с. 170, 172]. Топография кладов на территории Полоцкой земли подтверждает, что большинство из них обнаружено в бассейнах судоходных рек, где располагались города и происходил товарообмен.

При наличии дальней транзитной торговли в IX–X вв. по крупным речным магистралям Восточной Европы нельзя все же интерпретировать все клады как ценности, случайно зарытые воинами или купцами, провозившими чеканное серебро через ее территорию. На Руси существовала своя потребность в куфических монетах. Клады, по-видимому, отражают особенности местного денежного обращения. В 27 кладах (четыре из них – в Добрине, Поречье, Погорельщине, Суходрове – монетно-вещевые) из Полоцкой зем-

ли монеты представлены только дирхемами. Эти клады имеют обычный состав, характерный для монетного обращения Восточной Европы IX–X вв.

Выделенные четыре периода обращения дирхемов в Восточной Европе [Фасмер, 1933, с. 473–484] уточнены для территории Беларуси В. Н. Рябцевичем, в связи с чем эта периодизация кладов куфических монет выглядит следующим образом: 1) начало IX в. – 833 г.; 2) 833 – 900 г.; 3) 900 – 938 гг.; 4) 936 г. – вторая половина 980-х годов [Рябцевич, 1968, с. 56–57].

Чеканка серебряной монеты в странах арабского Востока была значительно сокращена в начале XI в. Мелкотоварное производство требовало нового серебра, и в Киевской Руси был отмечен его импорт из Западной Европы. Согласно наблюдениям В. М. Потина, в XI в. наибольшее количество западноевропейских денариев поступало в Новгородскую землю, где обнаружено 45 кладов и 83 отдельные находки, затем следует Полоцкая земля – 7 кладов и 5 отдельных находок. К ним В. М. Потин добавляет находки с территории княжеств Кукенойс и Герсике, находившихся в вассальной зависимости от Полоцка, – 6 кладов и 3 отдельные находки [Потин, 1968, с. 47].

Значительное количество находок денариев Новгородской и Полоцкой землях объясняется тем, что занимаемая ими территория находилась на пути передвижения серебра от мест его добычи в Западной Европе к местам потребления в Древней Руси. Клады с денариями составляли вторую группу находок из Полоцкой земли. На территории последней их зарегистрировано десять (1047 денариев). В девяти кладах были восточные монеты и лишь в одном, обнаруженном в Сенненском районе на Витебщине в 1957 г., возможно, не было дирхемов, но об этом трудно судить, поскольку из клада сохранилось только 5 западноевропейских денариев.

Среди восточных монет этих кладов преобладают дирхемы Саманидов, Бувейхидов и Зияридов. В кладах начала XI в. большую часть составляют дирхемы (Прусиничи, Горовляны II), но уже к середине XI в. западноевропейские монеты в количественном отношении значительно превосходят дирхемы (Поречье, Стражевичи I, II). Из западноевропейских монет количественно преобладают германские (более 658), обнаруженные во всех кладах, за исключением Горовляны II. За ними следуют английские монеты – свыше 153. Известно примерно 25 датских монет. В кладе, обнаруженном у д. Новый Двор в верховьях р. Птичь было 8 французских монет. Единичные экземпляры чешских монет найдены в кладах из Горовлян I, II, Нового Двора и Полоцка. Вендки (3 экз.) выявлены в кладах д. Новый Двор и д. Стражевичи I, две венгерские монеты – в Полоцком кладе. Византийские монеты (3 экз.) зафиксированы в кладах, обнаруженных в д. Новый Двор и д. Поречье. Из последнего клада известен обломок сребреника Владимира Святославича. Необходимо отметить, что шесть из десяти кладов были монетно-вещевыми (Горовляны I, II, Поречье, Стражевичи I, II, Полоцк), при этом в четырех из них находились серебряные слитки.

В 1973 г. близ Полоцка у д. Козьянки найден один из крупнейших кладов в Восточной Европе (не менее 7600 дирхемов). Это сокровище 40-х годов X в., по определению В. Н. Рябцевича, принадлежит к числу наиболее зна-

чительных кладов восточных монет, когда-либо открытых на территории Восточной Европы. Общий вес клада составил около 20 кг.

Во второй половине XI–XIII в. в безмонетный период в обращении на территории Беларуси в качестве средства крупных платежей употребляли денежные слитки. Второй клад весом 9,43 кг обнаружен на Верхнем замке в 1910 г. при рытье водосточной канавы [Корзухина, 1954, с. 97]. Состав сохранившейся до нашего времени одной трети клада опубликован в 1963 г. Согласно архивным материалам, чеканное серебро в кладе было представлено несколькими обломками куфических дирхемов, 142 целыми и 13 обломанными западноевропейскими монетами. Из них 12 целых и 3 обломанных чеканены в Англии Этельредом II (978–1016 гг.) и Эдуардом Исповедником (1042–1066 гг.); 2 экземпляра венгерских монет чеканены при Стефане I (1000–1038 гг.) и короле Андрее (1046–1061 гг.); 12 целых монет и 2 обломка датской чеканки Свена Эстридсена (1047–1075 гг.); одна чешская монета Бржетислава I (1034–1055 гг.); 114 целых монет и 8 обломанных чеканены в различных городах Германии: Кельне при Оттоне I (936–973 гг.), Утрехте при епископе Вильгельме (1054–1076 гг.), Шпейере при епископе Конраде (1056–1060 гг.). В составе клада находилось пять палочкообразных слитков (вес в граммах 190,65; 93,85; 24,43; 19,4; длина в миллиметрах 150, 98, 65, 50 соответственно). Конец пятого слитка весом 173,75 г был отрублен. Слитки и рубленое серебро имеют на себе зарубки, которые, вероятно, являлись следами проверки серебра острым режущим орудием. На выпуклой стороне треугольного слитка (93,85 г), кроме того, сделаны четыре нарезки, которые часто встречаются на новгородских слитках (обозначение для фиксации угара серебра). Почти все разрубленные предметы клада определимы. Они как в предполагаемом целом виде, так и в разрубленном состоянии находят аналогии в кладах Северной, Центральной и Восточной Европы, включая Прибалтику. Восемь трапециевидных пластин полоцкого клада оказались оловянными (общий вес 133 г). Основной состав полоцкого клада представляет собой огромное количество разрубленных небольших слитков округлой формы в виде лепешек, изготовленных способом литья на неограниченную плоскую песчаную поверхность. В центре некоторых из них хорошо заметна небольшая ямка. Другая сторона шероховатая. Почти все лепешки разрублены, искрошены. Их вес составляет от 1,07 до 17,7 г. По-видимому, клад являлся запасом металлического сырья ювелира. Время зарытия клада – 60-е годы XI в. [Numismatische Zeitschrift, 1929, № 62, s. 92].

Крупный клад, вероятно, XIII в., содержащий 24 целых и 7 обломанных платежных слитков, обнаружен в 1902 г. близ д. Слободка между Минском и Логойском. В кладе были «литовские» (вес 100–105 г) и «новгородские» (200 г) слитки [Ильин, 1921, с. 15]. На одном слитке сделана надпись «петрова».

На территории Восточной Европы Г. Ф. Федоров картографировал 56 кладов, содержащих, по его мнению, «литовские слитки», к которым он относит и слитки Полоцкого клада 1910 г. [Федоров, 1949, т. 39, с. 64]. М. П. Сотникова справедливо оспаривает отнесение к «литовским» всех разнородных слитков в указанных кладах [Сотникова, 1961, т. 4, вып. 2, с. 44–91].

Название «слитки западнорусского или литовского типа» предложено Н. П. Бауэром для серебряных палочек весом около 100 г, длиной 10–17 см. В. М. Неклюдов приводил доводы в пользу наименования их «изроями». Монеты с таким названием упоминаются в грамоте рижских ратманов витебскому князю Михаилу Константиновичу в конце XIII в. [Неклюдов, 1945, т. 1, с. 139], что и свидетельствует об особенностях денежного обращения в Полоцкой земле. Слитками-изроями платили за товар, закупаемый в большом количестве. В крупных городах Полоцкой земли наблюдаются основные принципы городской оптовой торговли [Штыхов, 1978, с. 117].

Клады Полоцкой земли, насчитывающие многие тысячи монет, представляют собой значительный потенциал для науки, который еще предстоит реализовать.

В Беларуси найдено более 90 гирек в восьми населенных пунктах и несколько фрагментов весов (коромысел и чашечек) в четырех населенных пунктах, в том числе и в Полоцке (рис. 85: 3). Гирьки и весы обнаружены как при раскопках городов и городищ, так и в погребениях. Представляет интерес обнаружение в кургане X–XI вв. возле д. Дроздово Толочинского района) набора из шести весовых гирек и чашечки от весов [Левко, 1988, с. 79]. Сопоставление веса гирек с весом дирхемов и денариев позволяет предположить, что на территории северо-восточной Беларуси существовали свои денежные единицы, «переходные» от новгородской системы к так называемой литовской [Бектинеев, 1987, № 1, с. 235]. Возможно, что в XIII–XIV вв. здесь происходило формирование собственной денежно-весовой системы. Таков неожиданный и многообещающий итог исследования гирек – одной из категорий археологических находок из Беларуси.

8.2. Полоцко-витебская денежно-весовая система XIII–XIV вв. (Ш. И. Бектинеев)

В XIII–XIV вв. в отдельных регионах ВКЛ функционировали различные варианты древнерусской денежно-весовой системы – новгородская, смоленская (20–80-е годы XIII в.) [Смоленские грамоты, 1963, с. 20–25, 39–45]. Иногда, особенно в международной торговле, могли использоваться скандинавская, ливонская и низовская (на территории Московского, Тверского, Рязанского и других княжеств и земель) денежные системы.

В XIII–XIV вв. в ВКЛ наиболее значительными *региональными денежными системами* являлись полоцко-витебская (середина XIII в. – 1386–1392 гг.) [Бектинеев, 1999, с. 153–163], киевская (1364–1394 гг.) [Kozubowski, 1994, s. 121–140] и литовско-татарская (1398–1425 гг.) [Бектинеев, 2004, с. 107–109].

Удельная чеканка монет второй половины XIV – начала XV в. в ВКЛ представлена эмиссиями вышеупомянутого Киевского княжества (1364–1394 гг.), Новгород-Северского княжества (1386–1392 гг.) [Козубовский, 1992, с. 16–19; рис. 1–5] и Стародубовского княжества (1389–1394 гг.) [Рябцевич, 2007, с. 138–164; рис. 6; табл. 5], Каменец-Подольского княжества

(1390–1393 гг.) [Погорелец, 2008, с. 114–120], Смоленского княжества (1401 г.) [Борейша, 2008], возможно, Волынского княжества (?) [Барэйша, 2007, с. 59–61, мал. 6] и Мстиславского княжества (около 1482 г.) [Барэйша, 2010; Борейша, 2009, № 10 (447), с. 66–70, рис. 4].

Полоцко-Витебская денежно-весовая система функционировала в Полоцко-Витебском Подвинье со второй половины XIII в. до 1386–1392 гг. Ее возникновение было обусловлено высоким экономическим развитием и политическим суверенитетом Витебского княжества (земли), расположенного на стыке торговых путей восточно-русских земель с Прибалтикой и Германией на Западе и Новгорода и Пскова — с южнорусскими землями и Юго-Восточной Европой. Через Полоцко-Витебское Подвинье наряду с Новгородом и Псковом на Русь, покоренную татаро-монголами и обложенную данью, поступали серебро, золото и различные товары. Торгово-экономические контакты с новгородскими, смоленскими, киевскими, немецкими, ливонскими и скандинавскими купцами познакомили витебчан и полочан с денежными системами и знаками, которые необходимо было приспособлять к своим нуждам.

Региональные системы Подвинья, как правило, являлись своего рода синтезом древнерусских денежных систем со скандинавскими, немецкими (ганзейскими, в первую очередь любекской) и ливонской структурами, что со временем обусловило их некоторую архаичность. Не имея своей чеканной монеты, эти системы использовали привозные денежные знаки: новгородскую гривну и с начала XIV в. рубль в виде слитков, пражский грош, любекский пфенниг (денарий, любский, лбец), скандинавские эре и готы и т. д.

Региональная полоцко-витебская денежная система имела в качестве образца Смоленскую денежно-весовую систему (20–80-е годы XIII в.) [Смоленские грамоты, 1963, с. 18–52], которая в 20–60-х годах XIII в. распространялась на левобережье р. Днепр (территория современной Беларуси) от Орши на севере до границ с Киевским княжеством на юге, а также на Полоцк и Витебск, бывшие в это время в отношениях вассалитета-сюзеренитета со смоленскими князьями. По-видимому, приобретение Витебском полной независимости от Смоленска способствовало формированию денежно-весовой системы в Полоцко-Витебском Подвинье во второй половине XIII в. Смоленская денежная система способствовала и переходу некоторых денежных единиц в полоцко-витебскую структуру. В «Списке Е» Смоленской правды впервые упомянут термин «пенязь» [Смоленские грамоты ..., 1963, с. 39–44], т. е. искаженное германское «пфенниг».

Отказ от использования в Витебском княжестве Смоленской денежно-весовой системы, возможно, был обусловлен тем, что к смоленским границам подошли монгольские войска. В средние века, как никогда, денежная система и чеканная монета являлись одним из символов независимости государства. Так как монголы могли вынудить Смоленск платить дань, то другие государства, в свою очередь, могли считать, что Витебск, где функционировала смоленская система, также должен выплачивать дань, что негативно сказалось бы на внешней торговле [Бектинеев, 1999, с. 153–154].

Название полоцко-витебской денежно-весовой системы, как и большинства других предшествующих и одновременных с ней систем, кроме Смоленской, не упоминается в письменных источниках, где приводятся ее единицы и примерная структура. Оно введено в научный оборот в соответствии с названием регионов, где данная система функционировала (в Витебско-Друцком – с середины XIII в. и Полоцком – с 1320 г.).

В отличие от других современных ей денежно-весовых систем, бытовавших в середине XIII в. на территории Восточной Европы, наличие Полоцко-витебской денежной системы подтверждают 5 письменных источников и 5 вещественных (в том числе эпиграфический), что позволило выявить основные периоды ее развития [Бектинеев, 1998а, с. 56–57; 2007а, с. 78–79, прил.].

К *вещественным источникам* относятся гирьки-разновесы: витебская (1982 г.) весом в 36,02 г и две друцкие (1959 г. и 1962 г.) весом 94,6 и 10,8 г соответственно и слитки литовского типа второй половины XIII – первой половины XIV в. [Бектинеев, 2007а, с. 78–79, прил. № 1–3].

1-я и 3-я гирьки соотносятся с весом пражского гроша в 3,6–3,61 г, чеканенного в Чехии в 1325/1327–1346 гг. [Бектинеев, 1998а, с. 56–57], т. е. 10 : 1 (36,02 г : 3,6 г) 3 : 1 (10,8 г : 3,6 г); 2-я гирька весом 94,6 г равнялась 1/2 массы полоцко-витебского рубля в 189,0 г. Источники позволили выявить денежные единицы и их соотношение в виде системы трех вариантов, соответствовавших трем периодам функционирования и определить периодизацию с точностью до 1–2 лет, что, как правило, затруднительно для большинства денежных систем этой эпохи в Восточной Европе [Бектинеев, 1999, с. 153–163].

В I-м периоде (витебско-друцкий; 1260-е годы – 1298–1300 гг.) система распространялась на Витебское и Друцкое княжества. Она была установлена по двум друцким (10,8 и 94,6 г) и одной витебской (36,02 г) гирькам-разновесам и минскому серебряному слитку литовского типа весом 36,69 г (= 1/3 литовской гривны), а также по сведениям из витебско-рижского договора 1298 г. [Витебская старина, 1883, т. 1, с. 22–25, № 7], где упоминается платежная единица «изрой». По последнему источнику можно предположить, что в Витебском княжестве кроме «изроя» теоретическим весом 108,0 г появилась еще какая-то новая крупная денежная единица. Поскольку в новгородских письменных источниках этого времени упоминается «рубль», то, вероятно, и на Витебщине появилась денежная единица, которая также со временем получила название «рубль».

Основными денежными единицами этого периода являлись «изрой» или литовская (западнорусская) гривна весом 108,0 г, ногата (1,8 г) и со второй половины 1290-х годов витебский рубль (= 189,0 г), на основе которых в 1300–1305 гг. в «белорусские» земли начал проникать пражский грош.

В 1298 г. система имела следующий вид: изрой = 60 ногат = 108,0 г; рубль = 105 ногат = 189,0 г (1,8 г × 105). Изрой и рубль соотносились посредством ногаты весом в 1,8 г [Бектинеев, 1999, с. 154–156].

II-й период (витебский; 1300/1305–1325/1327 гг.) начался с проникновения в ВКЛ пражских грошей Вацлава II (1278–1305) практическим весом 3,78 г 938 пробы, что было зафиксировано в письменных источниках, вклю-

ченных в разные варианты Устава Ярослава: 1) Архивный извод — список Пространной редакции Устава Ярослава; первое десятилетие XIV в.; 2) «Устав Ярославль...» [Бектинеев, 2007а, с. 80, прил. 2: № 2а, 2б].

Во вставке в архивный извод пространной редакции «Устава князя Ярослава Владимировича» упомянуты гривна и рубль: «Аще ижстит боярин жену свою, за срам 5 гривен злат, стлю тож, а мньших 1 гривна злат, а стлю тажъ, а нарочитых людии по 2 рубли, а стлю тажъ, а просью 12 гривен, а стлю таж, а князь казнит, а гривна по пятидесять грошъ». В ней сообщается, что гривна содержит 50 грошей. Я. Н. Щапов датирует этот отрывок второй половиной XIV — началом XV в. [Щапов, 1972, с. 208]. Однако время появления и метрология пражских грошей позволяют датировать его первой четвертью XIV в. [Бекцінеєў, 1989, № 2, с. 64]. В «Свитке Ярослава» (западнорусская редакция Устава Ярослава) уже прямо говорится о «рублях грошей широких» [Памятники русского права ... , 1952, вып. 1, с. 275–276].

В первом сообщении упоминаются гривна и рубль, но приводится только достоинство первой единицы. Возникает вопрос: «Почему говорится, в основном, о гривне, а не о рубле?» На этот вопрос ответила М. П. Сотникова. Исследовав письменные источники, в том числе и эпиграфику слитков, она выявила, что в начале XIV в. термины «гривна серебра» и «рубль» были идентичны. Она полагает, что «гривна серебра» означала денежно-весовую единицу, а «рубль» — счетный эквивалент слитка [Сотникова, 1981, т. XII, с. 219–234]. Таким образом, гривна и рубль — это тождество денежных знака (материального) и единицы (счетной или письменной).

Письменные источники этого периода указывают на массовое обращение в Витебско-Друцком регионе пражских (широких) грошей. В. Н. Рябцевич первое сообщение о «добрых широких грошах чешской монеты» датирует 1392 г. [Рябцевич, 1968, с. 93–94]. Здесь, по-видимому, имеются в виду гроши Вацлава IV (1378–1419), которые по размеру и весу (2,6–2,9 г) были меньше монет Вацлава II (1278–1305). Этот термин («гроши широкие») датирует документ концом XIV — началом XV в., но рассматриваемое событие относится к началу XIV в. На массовое обращение ранних грошей в регионе указывают суммы штрафов — «двох тысячей рублей грошей широких, тысящу рублей грошей широких, пятисот рублей грошей широких» [Памятники русского права ... , 1952, вып. 1, с. 275–276].

В Чехии пражские гроши по образцу турнуазов или турецких грошей (Франция) начали выпускать с 1300 г. Предполагалось чеканить из пражской тяжелой марки (253,14 г) 64 монеты с теоретическим весом 3,955 г (чистого серебра — 3,8 г), но реально они весили 3,78 г. Кроме этой марки в обращении находились еще три гривны-марки: королевская или легкая (на 56 грошей), гривна-копа (60 грошей) и горная (48 грошей) [Бектинеев, 1988, с. 130; Hlinka, 1975, s. 148–149; Kiersnowski, 1969, cz. 1, s. 190–195]. Исследователи считают, что при преемниках Вацлава II до 1310 г. монеты не чеканились [Сиверс, 1922, вып. 2, с. 2]. Но предполагается также, что могли чеканить гроши с именем Вацлава II. Эмиссия их была восстановлена при Яне (Иоанне) I Люксембургском (1310–1346), и до денежной реформы 1325–

1327 гг. чеканили монеты прежним весом [Бекцінееў, 1989, № 2, с. 65]. На использование пражских грошей раннего типа указывают клады. На территории Беларуси их находки почти неизвестны, но в 1889 г. в Смоленске был найден клад, содержащий три обрубка серебряных горбатых слитков и 411 грошей Вацлава II [Сиверс, 1922, вып. 2, с. 25–26, № 80]. М. П. Сотникова считает такие слитки новгородскими рублями [Сотникова, 1981, т. XII, с. 220]. Поэтому можно предположить, что уже в начале XIV в. рубли и гроши имели определенное соотношение.

Зная реальный вес пражского гроша и номинал регионального рубля, можно определить массу последнего на 1325 г. Он равнялся 189,0 г ($3,78 \text{ г} \times 50$), что подтверждает предыдущие расчеты по витебско-друцкому рублю. Таким образом, региональный рубль теоретически весил 189,0 г и содержал 50 грошей (по 3,78 г) или 105 ногат (по 1,8 г). Но в это время пражский грош входил только в систему рубля, а не изрой, который разменивался по-прежнему на ногату. Очевидно, после 1320 г. система начала постепенно распространяться и на Полотчину.

«Витебская» денежная система в 1300–1327 гг., или немного позднее, имела следующий вид: изрой = 105 ногат = 108,0 г; рубль = 105 ногат = 50 пр. грошей = 189,0 г ($3,78 \text{ г} \times 50$ грошей) [Бектинеев, 2007а, с. 82].

Особенность системы данного этапа заключается в том, что из-за структурного несоответствия изрой и пражский грош метрологически не могли входить в одну структуру. Поэтому рубль и изрой, или литовская гривна, соотносились, по-прежнему, при помощи ногаты. В 1320 г. витебским князем стал литовский князь Ольгерд, в поэтому данная система через некоторое время стала распространяться на Кревское княжество, являвшееся его уделом, и Полотчину.

III-й период (полоцко-витебский; 1325/1327–1386/1392 гг.) начался с поступлением в ВКЛ после денежной реформы 1325–1327 гг. в Чехии грошей весом 3,60–3,61 г, которые стали соответствовать двум витебско-друцким ногатам по 1,8 г. По-видимому, именно это соотношение и явилось причиной постепенного исчезновения из обращения архаичной денежной единицы – «ногаты» – и ее замены монетами мелкого номинала. Примерно в 30-х годах XIV в. благодаря полоцко-рижским (ливонским) торговым связям появились самые мелкие денежные единицы, которые идеально соотносились с пражским грошем весом 3,6 г. Это были заушня (= $1/2$ скандинавско-ливонского эре = $1/6$ гроша = 0,6 г) и долгея (= любекскому = $1/10$ гроша = 0,36–0,42 г) [Бектинеев, 1999, с. 157; Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 39–42]. Именно в это время система, расцвет которой приходится на 1338–1341 гг., окончательно распространилась и на Полотчину.

Анализ пошлин за товары и услуги позволяет конкретизировать эти единицы. Например, в 5-й статье «Договорной грамоты» говорится об уплате немцем в Полоцке за взвешивание берковца соли «долгеи» и «заушни» с берковца воска, меди или олова (ст. 4), а полочанином в Риге – «любецко-го» (ст. 7) и «польовря» (ст. 6) соответственно. Это указывает на тождественность терминов «польовр» и «заушня», «любецкий» и «долгея» [Бектинеев, 1999, с. 157–158].

Имеются различные мнения об этих денежных единицах. Д. Прозоровский в своих работах (1871 и 1880 г.) верно определил тождество заушни и половря (или половины артуга) и долгеи с любецким (денарием). Но отнеся полоцко-рижский договор к 1380-м годам, он не смог правильно определить соотношение заушни и долгеи (заушня = $3\frac{1}{3}$ долгеям или любецким). Ошибка его в том, что для определения достоинства заушни и долгеи он взял метрологические сведения 1411 г., несмотря на то что сама система существовала в первой половине XIV в. [Бектинеев, 1999, с. 157]. М. Шодуар и А. Марков отнесли долгею к XIII – началу XIV в. и приравнивали ее к куне, а А. В. Орешников эту единицу вообще относил к X – началу XI в. и считал ее равной половине куфического дирхема или древнерусской «резане» [Орешников, 1936, вып. 6, с. 88–89]. Данные исследователи изучали долгею домонгольского периода (до 1240 г.) применительно к Новгороду и Смоленску, не учитывая Полотчину.

В Полоцко-Витебском регионе долгею использовали в 30–80-х годах XIV в. В качестве денежной единицы на Полотчине она, скорее всего, появилась при князе Глебе (Наримонте) Гедиминовиче, который в 1333–1337 гг. служил с дружиной в новгородских пригородах: Ладоге, Ореховом и Корельском городках, а в 1337–1345 и 1347–1348 гг. в Полоцке [Полоцкие грамоты ..., 1980, вып. 3, с. 130–131]. В Новгороде использовали долгею-любский-лбец или любекский пфенниг, известные по новгородско-ганзейским договорам 1305–1308 гг.

А. Молвыгин, исследовавший денежное обращение Ливонии во второй половине XIII–XVI вв., отметил, что наиболее популярной монетой в XIV в. был любекский пфеннинг весом 0,36–0,42 г, послуживший прототипом местного «любского», чеканенного с конца века [Молвыгин, 1963, т. 12, № 4, с. 381–383]. В Новгороде эта монета использовалась под названием «долгея», которое переняли полочане, торговавшие с северным соседом и Ливонией, откуда поступали любекские пфеннинги и артуги (или артиги). В Новгороде, по подсчетам В. Л. Янина, в XIV в. ногата (1,87 г) содержала 4 долгеи (куны) весом 0,467 г [Янин, 1970, т. 1, с. 172–173]. Однако он приводит пробу платежных знаков только для рубежа XIV и XV в. и 1413 г., что не позволяет уточнить реальный вес монет первой половины XIV в. И. Э. Клейненберг, изучавший денежные единицы Новгорода и ВКЛ конца XIV – начала XV в., отметил, что новгородский «лбец» – это любекский и ливонский «любекские» и литовский пенязь весом около 0,36–0,42 г и что последняя единица равнялась $\frac{1}{10}$ пражского гроша [Клейненберг, 1982, вып. XIII, с. 149, 151, 152].

В Ливонии с конца XIV в. чеканили новые монеты прежним весом (1,1–1,2 г). Денежные единицы этого типа и веса («оврь» или «эре») могли обращаться в Полоцко-Витебском регионе в 1338–1341 гг. Тогда «заушня», равная «польовря», весила около 0,6 г и равнялась $\frac{1}{6}$ пражского гроша весом 3,60 г. Очевидно, тогда же отказались от использования долгеи-лобца новгородского веса (0,467 г) и приняли любекско-ливонский вес в 0,36–0,42 г, равный $\frac{1}{10}$ части гроша [Бектинеев, 1999, с. 158].

Следовательно, долгея-любекский полоцко-рижского договора 1338–1341 гг. – это монетка весом 0,36–0,42 г, а заушня – 1/2 ливонского артуга (в Полоцке «польовря»).

Таким образом, Полоцко-Витебская денежная система в 1338/1341–1354/1356 гг. имела следующую структуру [Бектинеев, 2007а, с. 83]: рубль = 52,5 пр. грошей = (105 ногат) = 315 заушень = 525 долгей = 189,0 г; гривен = 30 грошей = (60 ногат) = 160 заушень = 300 долгей = 108,0 г; грош = 2 ногаты (полугроша) = 6 заушень = 10 долгей = 3,6 г.

Во время реформы 1354–1356 гг. в Чехии грош был понижен в массе до 3,1 г и рубль стал содержать 60 грошей. Гривна (изрой), сохранившая свой номинал, стала весить всего 93 г вместо 108 г., что предопределило исчезновение к 1377 г. изроя как платежного знака, и вместо него осталась счетная единица «копа» (= 60 ед.) [Бектинеев, 1999, с. 154]. После 1354–1356 гг. система стала давать сбой из-за метрологического несоответствия пражского гроша и региональных мелких номиналов («наименований»), что со временем привело к ее упразднению.

Письменные и вещественные источники позволяют более точно определить ареал распространения Полоцко-Витебской денежно-весовой системы в период ее наивысшего расцвета (примерно 1325/1327–1354/1356 гг.). В него помимо Витебского входило еще и Кревское княжество, которое также являлось уделом князя Ольгерда Гедиминовича после 1320 г. и граничило на востоке с Витебским княжеством. На севере Полоцкое княжество дополняло ареал, а на юге, вероятно с первой половины XIV в., – Минское княжество [Бектинеев, 1999, с. 154].

Письменные источники первого этапа (1325–1356 гг.) третьего периода гроша представлены тремя отрывками, включенными в разные акты сборники: 1) «Устав князя Ярослава Владимировича (Западнорусская редакция: «Свиток Ярослава»», вставка первой четверти XIV в. [Памятники русского права, 1952, с. 275–276]; 2) «Акт кн. Ольгерда Гедиминовича 1337 г.» [Dąbowski, 1860, s. 177, № 352]; 3) «Договорная грамота князя полоцкого Глеба и епископа полоцкого Григория с ливонским магистром и г. Ригой относительно порядка торговли весовыми товарами (не ранее 1 ноября 1338 г. – не позднее 1341 г.)» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 39–42, № 4].

Наступлению кризиса в денежной системе и ее упразднению в 1387–1392 гг. способствовали экономические и политические причины.

К экономическим причинам относится резкое понижение качества чеканенной в Центральной Европе серебряной монеты, в первую очередь пражского гроша. По денежной реформе 1354–1356 гг. Карла I (IV) (1346–1378) пражский грош понизился в весе до 3,1 г, а к 1374 г. стал весить всего 2,90–2,85 г [Piniński, 1970, N 4, s. 226–227]. При Вацлаве IV (1378–1419) вес монет упал до 2,8–2,6 г, а в начале XV в. – вообще до 2,4–2,3 г 500-й пробы [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 379].

В 70-х годах XIV в. ввоз низкопробных и фальшивых монет из Центральной Европы в Прибалтику принял такой масштаб, что магистрат Риги в 1374 и 1376 г. и съезд ливонских сословий и городов, состоявшийся 30 июня

1374 г. в Тарту официально запретили ввоз некачественной монеты [Молвыгин, 1963, с. 383]. В 1382 г. ряд северогерманских городов, входивших в Ганзейский союз, своим решением понизил содержание серебра в весовой марке с 15 лотов до $12\frac{3}{4}$ (с 937,5 пробы до 747). На ганзейском съезде 1 мая 1388 г. в Любеке было решено запретить вывоз и продажу драгоценных металлов в Русские земли и в ВКЛ [Хорошкевич, 1961, вып. XX, с. 109]. Все это также сдерживало дальнейшее развитие Полоцко-витебской денежной системы. В политическом отношении ее исчезновению поспособствовали два судьбоносных для ВКЛ события.

В 1377 г. великим князем литовским стал сын Ольгерда от второго брака Ягайло, увенчанный в 1386 г. королевской короной Польши под тронным именем «Владислав» [ПСРЛ, 1980, т. 35, с. 69]. Почти сразу за великокняжеский стол ВКЛ началась борьба, в которую вынужден был вступить и полоцкий князь Андрей – самый старший из сыновей Ольгерда Гедиминовича. В летописях не приводится конкретная причина, по которой он был лишен права на великокняжескую корону. Есть только намек, что великий князь Ольгерд более всего благоволил к своим сыновьям от второго брака с тверской княжной Улианой. Около 1380 г. Ягайло отобрал у Андрея Полоцкое княжество и передал своему брату по матери Скиргайло [ПСРЛ, 1980, т. 35, с. 98]. Вполне вероятно, это произошло не только из-за того, что Ягайло стремился обеспечить поддержку со стороны младших братьев, но и из-за поддержки князем Андреем Полоцким великого князя московского Дмитрия в борьбе с Золотой Ордой, завершившейся 8 сентября 1380 г. Куликовской битвой и разгромом золотоордынских войск. В 1381 г. Скиргайло был изгнан из Полоцка. После коронации в Польше Ягайло в 1387 г. официально ввел в ВКЛ крещение по католическому образцу, чтобы еще крепче привязать княжество к Польше. Очевидно, это тоже было одной из причин того, что православный полоцкий кн. Андрей поддержал антипольскую и антикатолическую коалицию. Поражение коалиции, скорее всего, способствовало кризису и исчезновению региональной денежной системы вскоре после 1387 г., когда Полоцк был захвачен войсками кн. Скиргайло Ольгердовича, союзника Ягайло.

В 1392 г. великим князем литовским стал Витовт (1392–1430), который начал проводить централизаторскую политику, лишая удельных княжений своих родственников, отказавшихся ему присягнуть. По-видимому, так случилось и с Андреем Полоцким.

В связи с началом образования единого внутреннего рынка в централизованном государстве (ВКЛ) Полоцко-витебская денежно-весовая система из-за своей локальности и довольно сложной структуры потеряла смысл и исчезла.

Главное значение этой системы состоит в том, что она наравне с киевской подготовила условия к оформлению в 1392–1409 гг. общегосударственной денежной системы ВКЛ. Денежными единицами новой системы стали рубль, копа грошей, грош и пенязь-долгея.

Сравнивая Полоцко-витебскую и Киевскую денежные системы, можно выяснить, почему они в 1374 г. – 1380-х годах территориально не совпадали. Они имели в качестве связующих элементов наиболее популярные денежные единицы и знаки (пражские гроши и серебряные рубли-слитки, в том числе и полоцко-витебские весом 189,0 г), которые занимали свои ниши на обширных просторах ВКЛ. Полоцко-Витебская денежная система функционировала в северной и, вероятно, центральной частях современной Беларуси, а Киевская – на территории Северной Украины и в южных районах Беларуси. Это была экономическая причина, основанная на геополитических интересах. Полоцко-Витебский регион был экономически ориентирован на северо-западное направление (Ганзейский союз немецких городов, Тевтонский и Ливонский ордена, Скандинавия и, отчасти, Новгород), Киевско-Подольский регион – на южное и юго-западные направления (Византия, Крым, Венгрия). В меньшей степени это, очевидно, объясняется политическим сепаратизмом.

Упразднение вышеуказанных денежных систем не означало, что в ВКЛ уже существовала какая-то единая денежная структура. Именно после 1392–1395 гг. началось усиленное формирование общегосударственной денежной системы. Наличие в обращении привозных зарубежных монет, в частности восточных, предполагает хотя бы кратковременное существование каких-либо пробных или экспериментальных денежных систем. Одной из них, возможно, являлась «Литовско-татарская денежно-весовая система», функционировавшая примерно с 1398–1399 гг. до 1425 г. [Бектинеев, 2004, с. 107–109] и, по-видимому, смоленская (1401 или 1404 г.) [Борейша, 2008], которые, скорее всего, не внесли вклад в создание новой государственной денежной системы.

8.3. Основные тенденции торговли Полоцка во второй половине XII – XVI в. (В. А. Воронин)

В течение XIII–XVI вв. торговля Полоцка прошла значительную эволюцию. Изменялись условия торговли, ее важнейшие направления, участники, ассортимент товаров. Сам характер внешней торговли также существенно изменился. Полоцк все более прочно становился центром посреднической торговли, тогда как транзит постепенно утрачивал свое былое значение. Однако были и константы. К их числу относится, в частности, то важнейшее значение, которое все это время сохранял для полоцкой торговли двинский путь.

Заметные изменения в двинской торговле Полоцка начали происходить уже во второй половине XII в. Они коснулись прежде всего участников этой торговли. Скандинавские купцы постепенно уступили место немцам из Нижней Саксонии, которые стали осваивать побережье Восточной Прибалтики, и их активность с течением времени только возрастала. Вслед за купцами пришли христианские проповедники и рыцари-крестоносцы. Воз-

никли немецкие города, католические епископства, орден немецких рыцарей-меченосцев. Германия стала ближе к Полоцку. Конечно же, полоцко-немецкие отношения были отнюдь не безоблачными. Военно-политическая ситуация в регионе в то время была очень непростой. Наряду с полочанами в спорадические военно-политические конфликты с немцами вступали также литовцы, псковичи и новгородцы. С течением времени образовывались и распадались разносторонние коалиции самых причудливых конфигураций. Однако в области торговли полоцко-немецкие отношения приносили бесспорную пользу обеим сторонам.

Решительные шаги, предпринятые немцами на рубеже XII–XIII вв. для закрепления в устье р. Двина, очень скоро отразились на их отношениях с Полоцком. На долгое время главным торговым партнером Полоцка стала Рига, основанная в 1201 г., которая быстро превратилась в крупный торгово-ремесленный центр. Очень заметное влияние на полоцкую торговлю оказывали также отношения с Ливонским орденом и рижскими епископами. Полоцк был одним из первых городов на Руси (его опередил, пожалуй, только Новгород), которые заключили с немцами собственные договоры. Уже в 1210 г. полоцкий князь подписал с Ригой мирное соглашение, в котором, вероятно, были и те пункты, которые регулировали вопросы торговых отношений [Сагановіч, 1998, сш. 1 (8), с. 17–18]. Здесь стоит отметить, что все договоры Полоцка с ливонскими немцами в XIII–XIV вв. носили комбинированный характер и включали статьи как военно-политического, так и торгового содержания. Считается, что уже полоцко-рижский договор 1212 г. закрепил за немецкими купцами право свободной торговли («путь чист») по р. Двина. Одновременно полоцким купцам, по всей видимости, была гарантирована возможность выходить по р. Двина в Балтийское море.

Этапным событием в истории русско-немецких торговых отношений стало издание в 1229 г. так называемой «Смоленской торговой правды», хотя значение этого международно-правового акта не ограничивалось вопросами торговли. Как известно, смоленский князь Мстислав Давыдович утвердил этот важнейший договор с тем, чтобы он действовал на территории не только его собственного княжества, но и на землях полоцкого и витебского князей. С другой стороны, в качестве партнера Смоленска в договоре выступает не только Рига, но и Готский берег. Этот факт свидетельствует о том, что на тот момент давние торговые связи русских земель со скандинавскими купцами с острова Готланд еще не прервались. Более того, они остались достаточно важными, причем для обеих сторон. Смоленский договор открывал широкие возможности для торговли в обширном регионе Европы. Река Двина «от върхоу и до низоу» была объявлена свободной для проезда купцов: «всемоу латинескомуу языкоу и роуси». Более того, купцы участвовавших в договоре стран и городов могли продолжать свой путь: немецкие и готландские – на восток от Смоленска, а русские – «изъ Гочкого берега дъ Травны». Травной здесь названа местность в районе Любека, на р. Трава. Возможно, имелся в виду Травемюнде, ныне пригород Любека, а в то время – самостоятельный город. В соответствии с соглашением иностранные

«гости» не должны были платить никаких таможенных пошлин на протяжении всего пути – от Готланда до Смоленска. Этот масштабный и детализированный договор действовал очень долго евремя и был подтвержден еще несколькими смоленскими князьями [Смоленские грамоты ... , 1963, с. 20–52]. Однако политическая ситуация в регионе менялась, и Полоцк с Витебском достаточно скоро возобновили практику заключения собственных соглашений с Ригой и Готландом. Так, полочане и витебляне заключили такие договоры (при посредничестве литовского князя Герденя) в 1263 г. и около 1265 г. [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 35–37]. В этих договорах некоторые положения и принципы торговли смоленской правды были изменены, однако общий дух договора 1229 г.: стремление обеспечить купцам «путь чист» и справедливое разрешение возникавших конфликтов, – остался прежним. Как и «Смоленская торговая правда», упомянутые полоцко-витебские договоры с немцами и скандинавами носили равноправный характер.

В этот период Полоцк и Рига поддерживали самые тесные торговые отношения. Об этом, в частности, свидетельствуют записи рижской долговой книги конца XIII – первой половины XIV в. Так, рижане Плукер и Хильдебранд в 1293 г. ездили в Полоцк, а полоцкий купец Яков Бобр в 1302 и 1303 г. задолжал рижским горожанам крупную сумму денег и воск [Das Rigische Sculdbuch ... , 1872, р. 58, 59, 62]. Это, пожалуй, первое известное нам имя полоцкого купца.

Оговоренные в договорах XIII в. принципы торговли нашли свое подтверждение и развитие в позднейший период, когда Полоцк и Витебск все более прочно укоренялись в политико-территориальную структуру нового, растущего государства – Великого Княжества Литовского. Договор великого князя Гедимины с ливонским магистром от 1 ноября 1338 г. учитывал также интересы Полоцка и Витебска. Он подтверждал принцип свободного проезда купцов по территории обеих стран. Наряду с прежними принципами к числу важнейших положений, касавшихся торговли, был добавлен еще ряд пунктов. Эти пункты были призваны обеспечить безопасность купцов и сохранность принадлежавших им товаров в случае военного конфликта [Послания Гедимины, 1966, с. 186–195]. По всей видимости, в то время эта проблема приобрела особую актуальность. Иностранные купцы становились фактическими заложниками и объектами грабежа и издевательств, особенно если в военную пору оказывались на территории враждебного государства. Особенно трудно приходилось купцам, когда они становились на пути следования войска. И часто не имело значения, чье это было войско, свое или чужое: результат для торговца мог быть одинаково плачевным.

В литературе уже неоднократно отмечалось, какое большое внимание уделял вопросам торговли великий князь литовский Витовт (1392–1430). Действительно, он самым тщательным образом следил за состоянием торговли в своей стране, поддерживал своих купцов и не стеснялся самолично вмешиваться в торговые конфликты. Это в полной мере относится и к Полоцку. Ко времени вокняжения Витовта условия полоцко-рижской торговли сильно изменились. Немецкие купцы завели в Полоцке собственную

контору и подолгу жили в этом городе [Гильдебрандт, 1879, т. 2, с. 46]. Судя по всему, таким же образом поступали и купцы-полочане в Риге. В то же время уже в конце XIV в. появились определенные трудности с выходом полоцких купцов в Балтийское море и с проездом рижан по р. Двина дальше Полоцка. Так, в своей внутренней переписке рижские купцы высказывали сомнения в целесообразности пропуска полочан на Балтику, признавая это для себя очень невыгодным [Гильдебрандт, 1879, т. 2, с. 51]. В 1399–1400 гг., когда возник конфликт Витовта с рижскими купцами, великий князь запретил полочанам пропускать немцев далее Полоцка [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 82, 84]. Когда в 1405 г. шла подготовка нового торгового договора Полоцка с Ригой, полочане внесли в свой проект пункт, который предписывал: «А мимо город Польтескъ немецкому купцю не ходити, торговати немцем оу Полотъске» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 97]. И хотя это предложение полочан не вошло в окончательный текст договора, тем не менее оно является очень показательным.

Новый торговый договор, который Витовт заключил от имени полочан 2 июля 1406 г. в Копыси, основывался в целом на прежних подходах и принципах полоцко-рижской торговли [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 100–106]. Изменения были сравнительно небольшими. Так, в частности, немцам была запрещена розничная торговля в Полоцке, а полочанам в Риге. Оставался лишь опт. Еще раз подтверждалось право свободных поездок иностранных купцов по всей территории сопредельной страны. Новым был пункт, который обязывал полоцких и рижских купцов защищать и поддерживать друг друга: каждому в своем городе, «как себя самих». Копысский договор сыграл очень важную роль в новых условиях, когда процесс интеграции Полоцка в ВКЛ стал уже необратимым. Договор стал основой для дальнейших торговых отношений между Ригой и Полоцком уже как составной частью ВКЛ и неоднократно подтверждался его господарями, в частности Сигизмундом Кейстутовичем и Казимиром [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 71, 74].

В первые десятилетия XV в. норма, согласно которой полочане могли выходить в море, а рижане ездить на восток от Полоцка, судя по всему, имела все меньшее практическое значение. Частые военные конфликты Витовта с Орденом не могли не отразиться на полоцко-рижской торговле. Рижане ставили барьер для поездок полочан далее на запад, а полочане – немцев на восток. В результате это давно возникшее противоречие было разрешено явочным порядком, минуя нормы договоров. По наблюдению Г. Гильдебрандта, «уже в сороковых годах русским был прегражден путь к морю, а немцам – в Витебск и Смоленск» [Гильдебрандт, 1879, т. 2, с. 52]. Тем не менее в то время эта проблема не была окончательно решена. Переписка между полочанами и рижанами по этому вопросу продолжалась еще несколько десятилетий. Стороны, и в первую очередь полочане, стремились восстановить прежний порядок торговли. Однако полоцким купцам было все труднее и труднее выходить в море вследствие препятствий, которые им чинили орденские и рижские городские власти. Полоцкая администрация отвечала рижанам тем же, не позволяя немецким купцам ездить выше Полоцка.

Торговые конфликты между полочанами и рижанами случались нередко. Наконец, после очередного такого затяжного конфликта, который начался в 1466 г., стороны пошли на заключение нового соглашения. Торговый договор от 22 июля 1478 г. подтверждал и повторял статьи Копысского договора 1406 года [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 69–75].

Достаточно большое внимание уделил вопросам торговли, в первую очередь торговли с немцами, магдебургский привилей Полоцку 1498 г. (рис. 98). Благодаря этому документу были несколько ослаблены ограничения для немецкой торговли в Полоцке. Так, рижским купцам была позволено продавать свои товары в розницу во время ярмарок (в общей сложности шесть недель в году). Правда, одновременно был введен и ряд запретов. Важнейшим из них был запрет рижским купцам на поездки в Витебск и Смоленск «под страчением всего». Это был первый случай, когда данный запрет был введен официальным правительственным актом. По всей видимости, ответной мерой со стороны Риги стал запрет полочанам выходить в Балтийское море. Вообще же исследователи отмечают прогрессирующую стагнацию немецкой торговли в Полоцке в конце XV – начале XVI в. Результатом этого стало закрытие местной немецкой торговой конторы [Гильдебрандт, 1879, т. 2, с. 74–75].

Именно на рубеже XV–XVI вв. правительство ВКЛ предприняло ряд мер, которые поставили Полоцк в исключительное положение в торговле с Ригой по сравнению с другими городами Беларуси и всего государства. Кроме уже упомянутого запрета рижским купцам ездить к востоку от Полоцка Сигизмунд I Старый в 1509 г. своей подтвердительной грамотой на магдебургское право Полоцку запретил им также торговать в этом городе с другими купцами. Отныне рижские и прочие иностранные «гости» должны были иметь дело «только с полочанами» [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 58]. Правда, де-факто такой запрет действовал и ранее. О нем, в частности, говорится в послании полоцких городских властей в Ригу, датированном 1477–1480 гг. [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 65].

Г. Гильдебрандт по неизвестной причине проигнорировал магдебургские привилеи 1498 и 1509 г. и связал упомянутые выше запреты рижским купцам с уставной грамотой Полоцкой земле 1511 г. [Гильдебрандт, 1879, т. 2, с. 75]. Однако в полоцкой земской уставной грамоте вопросы торговли затронуты лишь в минимальной степени, а об ограничениях, которые налагались на немецких купцов в Полоцке, в ней вообще ничего не сказано [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 85–91].

К торговым привилегиям Полоцка следует добавить также освобождение местных купцов от выплаты таможенных пошлин по всей территории ВКЛ, что было закреплено в уставных грамотах Полоцкой земле [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 90]. Эту вольность пожаловал полочанам еще великий князь Свидригайло, чем поставил их на один уровень с купцами всего двух городов государства – Вильно и Трокай [Полоцкие грамоты, 1978, вып. 2, с. 183]. Такое положение Полоцк занимал вплоть до первых лет Ливонской войны. Следует подчеркнуть, что это было действительно исключительное

положение. Благодаря перечисленным привилегиям Полоцк стал фактически главным торговым городом всей северной части государства. Сюда приезжали со своими товарами купцы из всех крупнейших городов Подвинья и соседних с ним регионов. Даже купцы из столицы ВКЛ – Вильно – предпочитали ездить в Ригу через Полоцк [Меховский, 1936, с. 105, 182]. За счет этой крайне выгодной роли торгового посредника Полоцк богател и рос. Правда, в первой половине XVI в. процесс успешного экономического развития города в очень значительной степени сдерживали войны с Москвой. Ситуация еще более усложнилась в годы Ливонской войны.

Торговые контакты Полоцка с Ригой оставили большой комплекс богатых и разнообразных письменных материалов (рис. 95, 100). Благодаря этому мы в целом неплохо знаем это направление полоцкой внешней торговли. Гораздо меньше нам известно о связях Полоцка с городами северо-восточной и северо-западной Руси. Тем не менее, судя по всему, эти связи были весьма активными и важными, но небезоблачными. Так, в полоцком документе 1405 г. упоминается, что москвичи на полоцких купцах «тамьгу емлют». Здесь же отмечен и факт торговли полочан в Новгороде [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 96].

В географическом плане важнейшей для Полоцка была торговля по линии восток–запад. Сначала она имела очень широкие рамки, и полоцкие купцы могли посещать весьма отдаленные города – от Любека до Москвы. Однако с течением времени эти границы сузились. По всей видимости, меньшее значение имели связи в меридиональном направлении. Однако и здесь известно о торговле Полоцка с Новгородом, Псковом и Великими Луками на севере и с Вильно и Брестом на юго-западе. В обоих этих случаях, по крайней мере с XV в., Полоцк выступал уже не столько как транзитный город, а именно как торговый посредник – место, где встречались и заключали между собой сделки купцы из разных стран и городов Восточной Европы. Однако на полоцкий рынок поступали товары и из более отдаленных и экзотических стран. Так, в 1561 г. воевода Станислав Довойно получил право на беспошлинный провоз через всю территорию ВКЛ четырех возов товаров из Полоцка в Турцию и обратно [РГАДА, ф. 389, оп. 1, ЛМ-37, л. 517об.]. Интерес полоцких купцов к далекой южной торговле подтверждается и другими фактами. За некоторое время до 1561 г. полочанин Никита отдал своего сына Ждана на службу к купцу Дмитрию Гречанину (Греку) [РГДА, ф. 389, оп. 1, ЛМ-253, л. 240]. Очевидно, что он рассчитывал на обучение сына и установление деловых связей.

В XIII – первой половине XV в. ассортимент полоцкой торговли был, судя по всему, достаточно стабильным и во многом повторял сложившуюся ранее структуру импорта и экспорта. Из Риги и через нее с запада в Полоцк везли соль и соленую рыбу, ткани, металлы и изделия из них. Более узким в социальном плане был спрос на такие привозные товары западного происхождения, как вино, пиво и специи. Часть этих товаров оседала в Полоцке и регионе, а часть поступала дальше на восток. Из русских земель в Полоцк везли в основном меха и воск, которые полочане перевозили отсюда далее на запад.

Серьезные изменения в структуре внешней торговли Полоцка произошли только в течение XV в. По мнению А. Л. Хорошкевич, эти изменения были следующими. Во-первых, из полоцкого экспорта практически исчезли меха. Во-вторых, с середины столетия Полоцкая земля начала вывозить в Ригу лес и продукты его переработки. Наконец, в последней трети XV в. в том же западном направлении из Полоцка начался экспорт хлеба [Хорошкевич, 1974, с. 62–63]. К этому можно добавить, что одновременно с хлебом Полоцк стал поставлять на западный рынок и другие продукты растениеводства, в частности лен и пеньку.

Действительно, даже за первую половину XVI в. не удастся найти сведений о вывозе пушнины из Полоцка в Ригу. Возможно, частично это было связано с изменением направления полоцкой торговли мехами. Она все более и более ориентировалась на рынок столицы государства – Вильно, а также на польский рынок. Главной причиной этого был, по всей видимости, наплыв в Ригу более дешевых мехов из Русского государства. После присоединения Новгорода (1478 г.) и Пскова (1510 г.) Москва получила возможность продвигать свой пушной товар на западные рынки без посредников. И самым удобным путем здесь был путь через Псков и Новгород в Ригу.

В первой половине XVI в. наиболее популярная схема торговли полоцких, а также витебских горожан выглядела следующим образом: в Ригу везли воск, а назад возвращались с солью и сельдью. Полоцкая ревизия 1552 г. сообщает о таких поездках, как об обычном, будничном деле [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 28]. Это подтверждается и данными таможенных сборов. Полоцкая соляная и восковая комора (таможенная контора) была одной из самых крупных и самых доходных в государстве. По своим сборам она уступала лишь коморе в Ковно. Подсчитано, что на протяжении 1510 и 1511 г. доля поступлений от полоцкой восковой и соляной комор составляла 22,5% от поступлений всех таких комор в ВКЛ.

Что же касается торговли новыми экспортными товарами, то здесь с течением времени четко обозначилась своеобразная специализация. Шляхта торговала в основном хлебом, а горожане – лесом и продуктами его переработки. Такая специализация была связана с тем, что шляхта все сильнее концентрировала в своих руках землю, тогда как горожане, не выдержав конкуренции, были вынуждены продавать свои села. Их сферой деятельности стали заготовка и торговля лесными товарами. Это был довольно рискованный путь, поскольку своих лесов у горожан было немного, а чужой лесной фонд, в том числе государственный, невозможно было долгое время бесконтрольно и безнаказанно эксплуатировать. В 1547 г. вальный сейм ВКЛ принял решение поставить вывоз лесных товаров под контроль государства и с этой целью основать четыре лесные коморы: в Ковно, в Бресте, в Салате (Жемайтия) и «у Дрисе подъ Полоцькомъ». Уже тогда в стране прекрасно понимали значение лесов, и в сеймовом постановлении лесные богатства края ярко охарактеризованы как «вечный скарб земский» [Книга посольская Метрики ВКЛ ..., 1843, т. 1, с. 36–37].

В качестве пожалований от монарха право вывозить в Ригу определенные товары получали иногда и чиновники местной администрации. Так, в 1550

и 1551 г. полоцкий воевода Станислав Довойно выжег в государственных лесах и отправил в Ригу 390 лаштов древесного угля. Масштаб вывоза лесных товаров и уничтожения лесов на Полотчине становится более ясным, если учесть, что один рижский лашт равнялся 2,065 т. Таким образом, только за два года Довойно выжег и отправил в Ригу 805 т древесного угля.

Металлы ввозились из Риги в Полоцк, судя по всему, в очень большом объеме. Они поступали в том числе и на местный рынок. Масштаб импорта железа и других металлов, несомненно, мог бы быть большим, если бы эти товары можно было свободно поставлять на восток, на территорию Московской Руси. Однако здесь существовали определенные препятствия, вызванные военно-политическими причинами. С конца XV в. ВКЛ вело частые войны с Москвой. В связи с этим власти в Вильно всячески стремились не допустить провоза на территорию противника сырья и материалов, которые могли быть использованы в военных целях. И первое место здесь занимали, разумеется, металлы. Сначала их ввоз с территории ВКЛ на земли восточного соседа запрещался лишь на время войны, но позже этот запрет распространился и на мирное время.

В XV–XVI вв. ткани привозили в Полоцк уже не только из Риги, но и из других городов. Так, в 1533 г. зафиксирован факт заключения сделки на торговлю тканями в Городце под Полоцком между брестским купцом-евреем и московским «гостем» [БА, 1928, т. 2, с. 146]. Поскольку ткани должен был привезти брестский купец, то можно предполагать их польское происхождение. Вообще, до 1563 г. брестские евреи вели в Полоцке широкую торговлю [Русско-еврейский архив ... , т. II, с. 119–120], и, вероятно, осели в этом городе на жительство. В середине XVI в. они уже имели здесь свою общину.

Сохранилось датированное 1558 г. сообщение о том, что полоцкие горожане ездят с солью и другими товарами в Витебск и Смоленск [РГАДА, ф. 389, оп. 1, ЛМ-249, л. 129об.]. Несмотря на то что в 1514 г. великий князь московский Василий III завоевал Смоленск и этот город оказался за границей, полоцкие купцы никогда не прерывали своих оживленных деловых связей с этим городом. Их характер раскрывает одно судебное дело, которое разбиралось в Вильно в 1559 г. Оказывается, весной указанного года полоцкий купец Сидор Есипович и виленский купец и бурмистр Павел Петрович были в Смоленске и покупали там коноплю, древесный уголь и воск [РГАДА, ф. 389, оп. 1, ЛМ-253, л. 26об.–27, 28–28об.]. Товары четко указывают на то, что купцы из ВКЛ интересовались на Смоленщине теми же продуктами, которые сами поставляли из своей страны на запад. Таким образом они способствовали втягиванию смоленского региона в международную торговлю, и конкретно – в торговлю с западными странами. Стоит подчеркнуть, что это уже не была архаичная торговля пушниной и воском, известная еще со времен Смоленской торговой правды. Спрос на новые группы товаров при посредничестве купцов из ВКЛ дошел до Смоленщины, и государственная граница не стала ему преградой.

В ходе международной торговли полочане занимались транспортировкой товаров. Самым удобным для крупной торговли был, конечно же, двинский

речной путь. Правда, вдоль р. Двина шла и сухопутная дорога. Основным речным транспортом в Полоцке служили струги и обитые досками челны – обойки. По всей видимости, струги имели довольно большие размеры и значительную грузоподъемность. Купцы обычно не держали собственных стругов, а нанимали их у кормников – владельцев и одновременно шкиперов этих судов. Кроме кормника команда струга включала также одного или нескольких матросов – «работников стружных», или «молодцов», как их называют источники. Река Двина отличается мелководьем, а также многочисленными отмелями и порогами. Небольшие челны могли ходить по ней в течение всего навигационного периода, а вот струги с их низкой осадкой курсировали только в определенное время года. В источниках упоминаются «первый путь в Ригу» и «второй путь» [Судебная книга ... , 2008, с. 212]. Это были периоды весеннего и осеннего половодья, когда можно было, не опасаясь налететь на мель или разбиться в порогах, идти в Ригу и обратно по «высокой воде». Именно так в середине XIX в. ходили по р. Двина латышские лайбы. Их грузоподъемность составляла 40–80 пудов [Без-Корнилович, 1855, с. 336–338]. Вряд ли грузоподъемность полоцких стругов, которые перевозили значительные объемы грузов, была меньше. Вообще же речное судоходство латышей в XIX в. сохранило много архаичных черт и очень напоминало полоцкую и витебскую торговлю по р. Двина тремя столетиями ранее. Так, латыши в лайбах еще в XIX в. ходили артелями для взаимопомощи [Без-Корнилович, 1855, с. 336]. Источники сохранили множество указаний на то, что полоцкие и витебские кормники в XVI в. поступали точно так же.

К сожалению, очень мало известно о внутренней торговле на территории Полоцкой земли. До XVI в. такие сведения практически совсем отсутствуют. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что развитие внутренней торговли на Полотчине в течение долгого времени было связано с фигурой полоцкого горожанина. Скупка у местных крестьян сельскохозяйственных товаров и товаров, полученных в результате их занятий промыслами, была напрямую связана с внешней торговлей полоцких купцов. Однако часть этих товаров, конечно же, поступала и на внутренний рынок города Полоцка, который постоянно нуждался в большом количестве продуктов. Обычно горожане сами ездили по селам, но крестьяне также посещали Полоцк с целью покупки товаров [БА, 1928, т. 2, с. 281–282]. Более того, торговая активность местных крестьян могла выходить и за рамки Полоцка и Полоцкой земли. Так, в 1561 г. полоцкий таможенник Феликс пожаловался Сигизмунду II Августу на витебского войта и полоцких бурмистров, обвинив их в том, что те якобы выдают квитанции на торговлю в Риге не только горожанам, но и, незаконно, сельским жителям [РГАДА, ф. 389, оп. 1, ЛМ-254, л. 238об.–239]. К сожалению, неизвестно, смог ли Феликс доказать этот факт в суде, однако само обвинение представляется очень любопытным. Крестьяне действительно могли периодически ездить в Ригу и торговать в ней своими товарами. Во всяком случае, никто: ни истец, ни ответчики, ни суд, – не посчитали это обвинение невероятным.

Крупнейшим центром внутренней торговли в регионе был, несомненно, Полоцк. Долгое время город абсолютно доминировал в этой сфере, и государственная власть поддерживала такое положение дел. Она не допускала сколько-нибудь заметной конкуренции Полоцку в региональной торговле: он был «господарским местом», и доходы от его торговли пополняли государственную казну. В 1552 г. полоцкий шляхтич Дмитрий Корсак обратился к Сигизмунду II Августу с просьбой разрешить ему основать в имении Плиса местечко с ярмаркой и корчмами, а также заверив, что это местечко не будет мешать государственной торговле, поскольку «от Полоцкого места... у десети милях тое именье его лежить». Монарх дал ему на то разрешение [РГАДА, ф. 389, оп. 1, ЛМ-35, л. 116–116об.]. Таким образом, в середине XVI в. считалось, что внутренний рынок, который обслуживал Полоцк, не превышал в радиусе 10 миль (78 километров).

В XVI в. на землях ВКЛ шел интенсивный процесс возникновения местечек. Функция центров локальной торговли являлась для них главной. Этот процесс охватил и Полоцкую землю. Правда, он проходил здесь довольно медленно и сильно отставал от таких экономически развитых и богатых регионов страны, как Виленское воеводство или Волынь, где количество местечек во второй половине столетия исчислялось уже сотнями. К началу Ливонской войны на территории Полоцкой земли по источникам удается проследить существование всего 11 местечек: Друя, Вята, Низголово, Освея, Залесье, Заборье, Голубичи, Плиса, Чашники, Березвечье и Селище. Даже с учетом неполноты этих данных, количество местечек на Полотчине в указанный период было совсем небольшим. Все они были частновладельческими. Кроме того, нетрудно заметить, что все местечки региона располагались на большом расстоянии от его главного торгового центра – Полоцка. Древний город продолжал главенствовать во внешней и внутренней торговле Полоцкой земли, неизменно получая поддержку и защиту со стороны государственной власти.

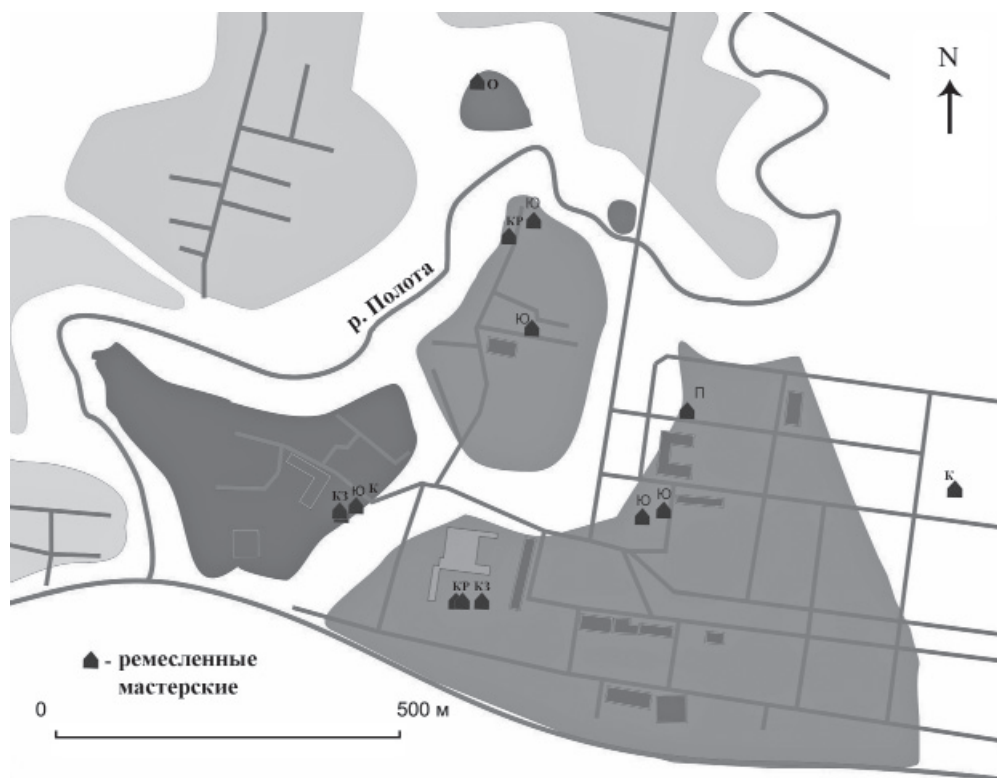

Рис. 63. Размещение выявленных археологически ремесленных мастерских X–XVIII вв.: К – кожевенных; КР – косторезных; КЗ – кузнечных; О – оружейной; Ю – ювелирных; П – печи по обжигу глины. По Д. В. Дуку

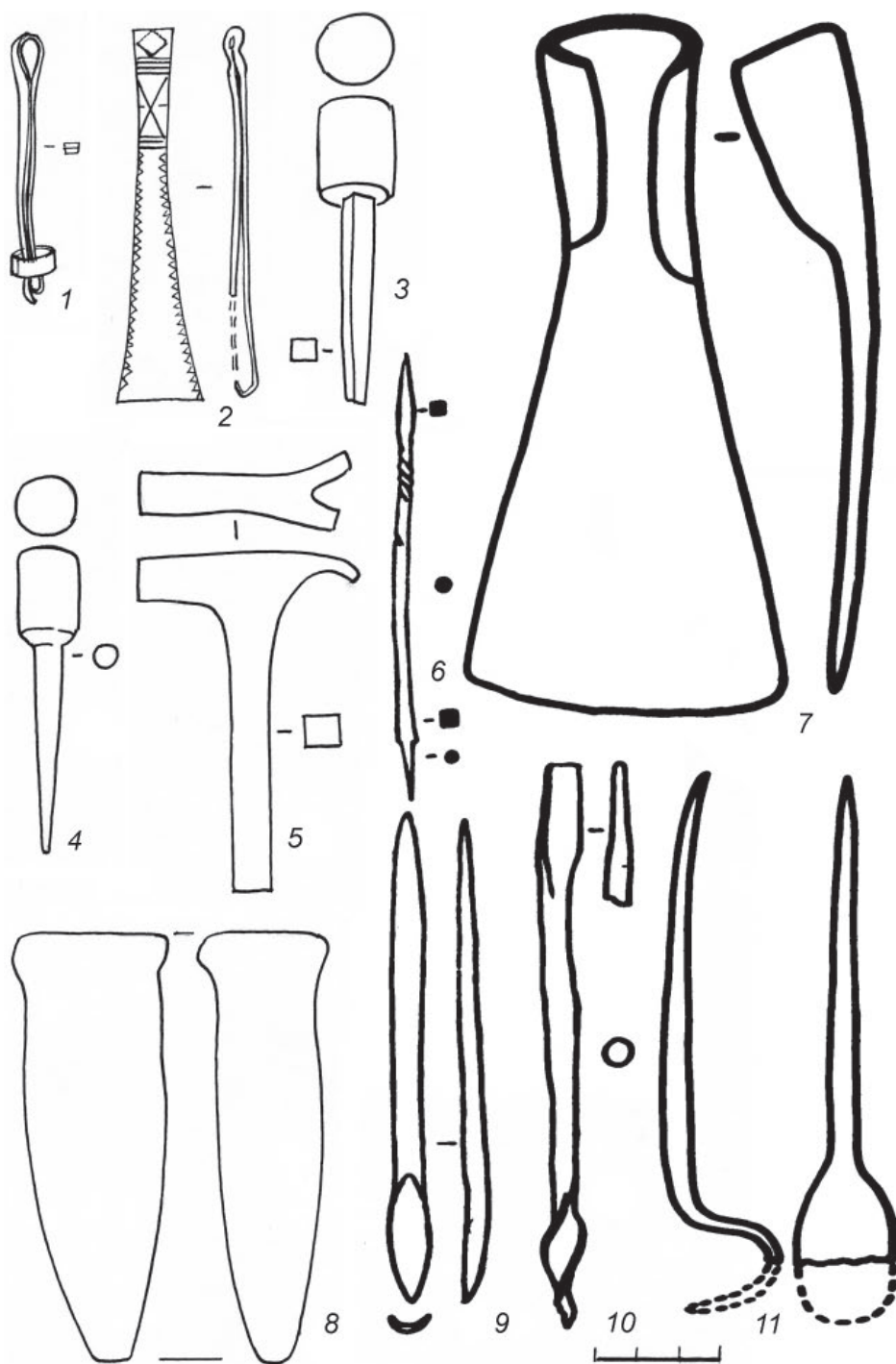

Рис. 64. Металлические инструменты X–XVII вв.: 1, 2 – пинцеты; 3, 4 – наковальни; 5 – молоток; 6, 10 – сверла; 7 – тесло; 8 – зубило; 9, 11 – резцы

Рис. 65. Ножи X-XVIII вв.: 1-11 – хозяйственные; 12-14 – складные. Исследования Д. В. Дука

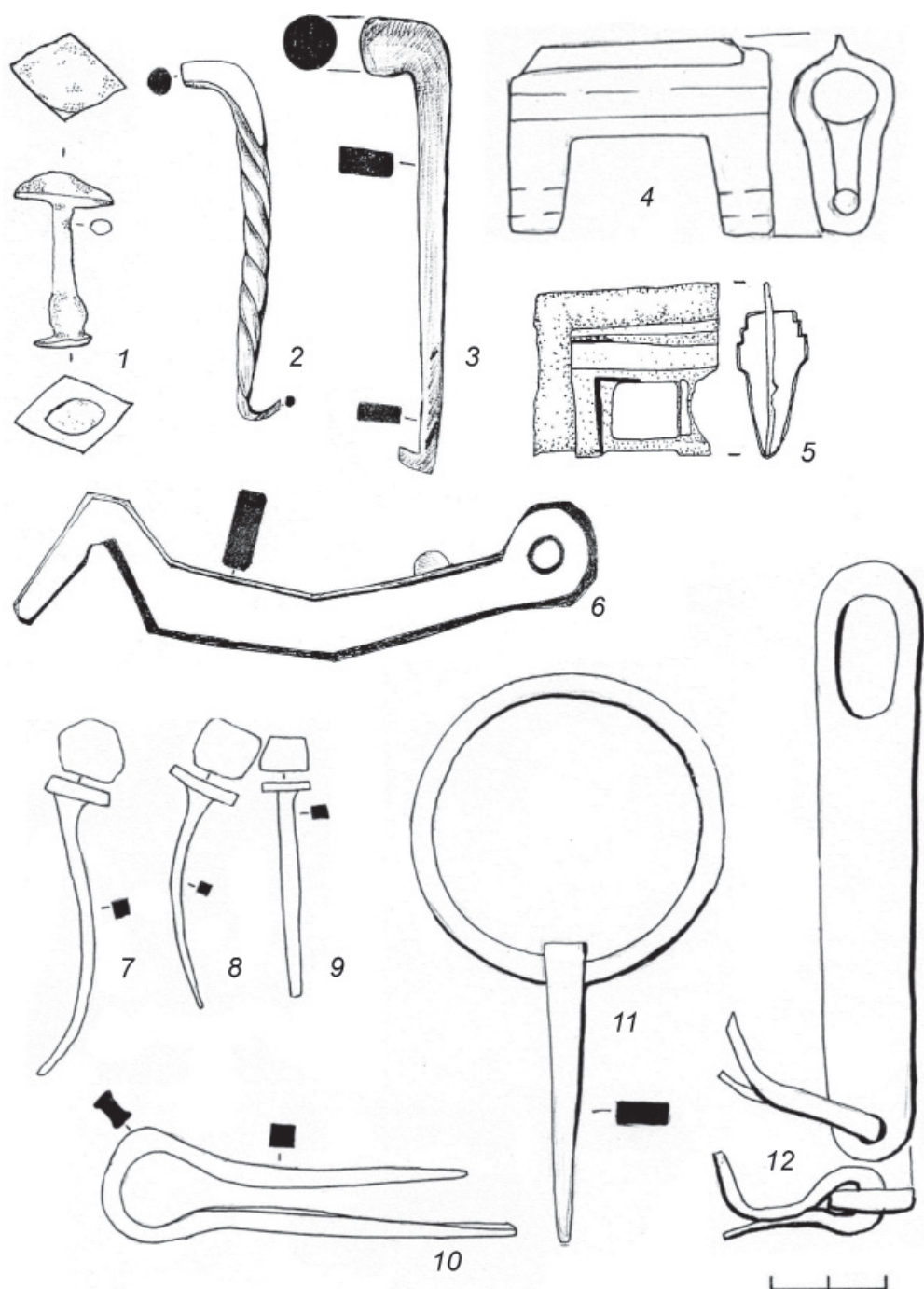

Рис. 66. Изделия из железа X–XVIII вв.: 1 – заклепка; 2, 3, 6 – крючки-защелки; 4, 5 – замки; 7–9 – гвозди; 10 – пробой; 11 – дверное кольцо; 12 – клямка. Исследования Д. В. Дука

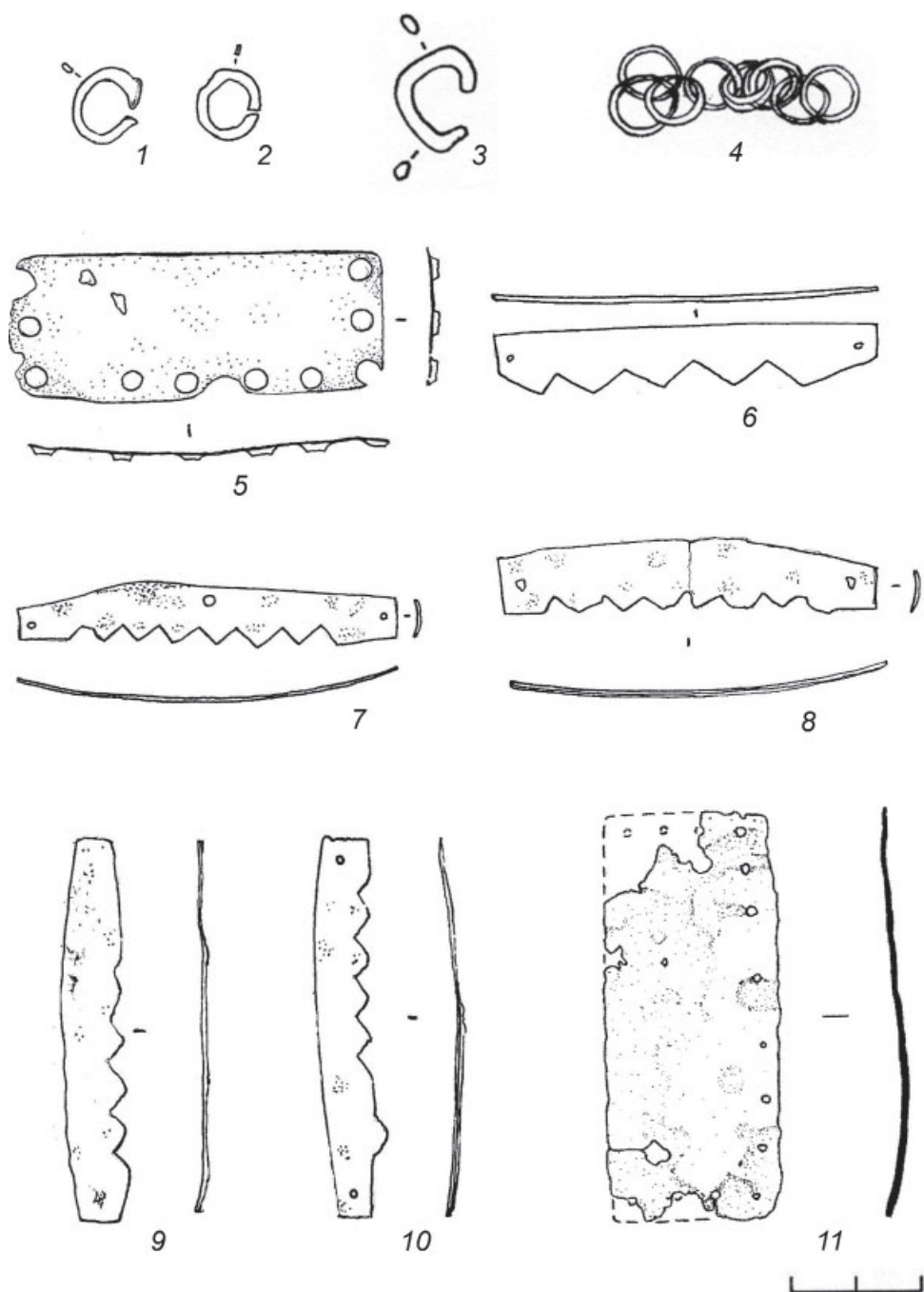

Рис. 67. Детали доспехов XI–XIV вв.: 1–3 – кольца кольчуги; 4 – кольчужное полотно (фрагмент); 5–11 – пластины наборного панциря. Исследования Д. В. Дука

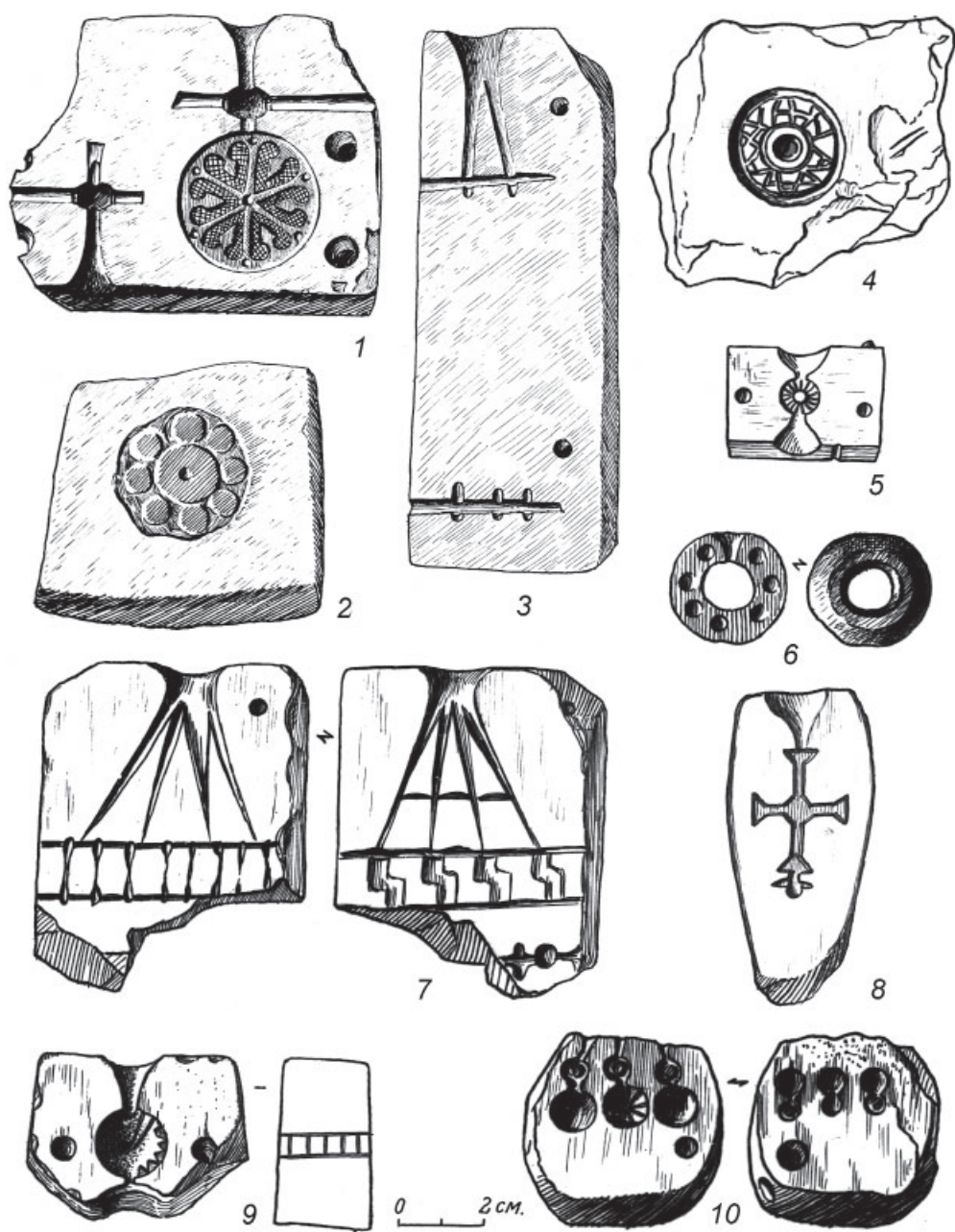

Рис. 68. Каменные литейные формы XII–XIII вв. (1–10). Исследования Г. В. Штыхова

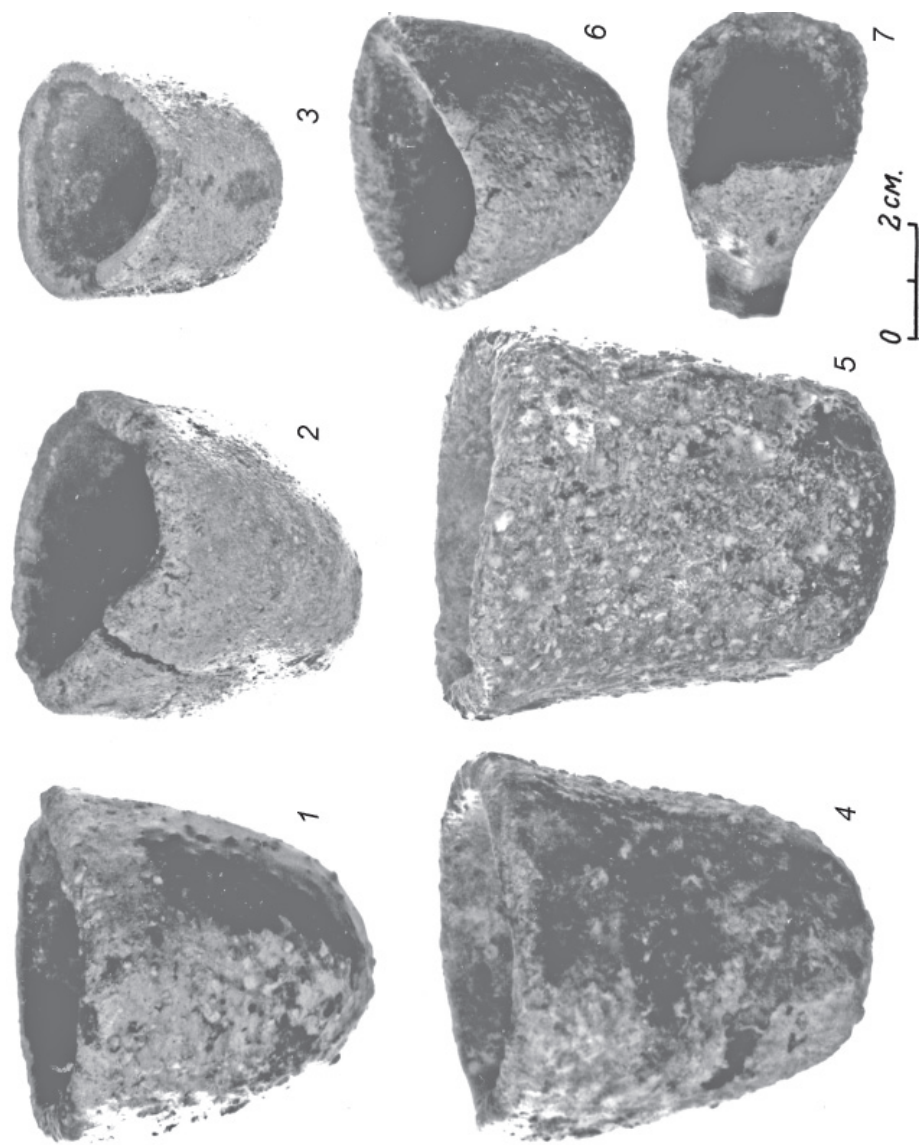

Рис. 69. Изделия XI–XIII вв.: 1–6 – тигли; 7 – льячка для плавки металлов. Исследования Г. В. Штыхова

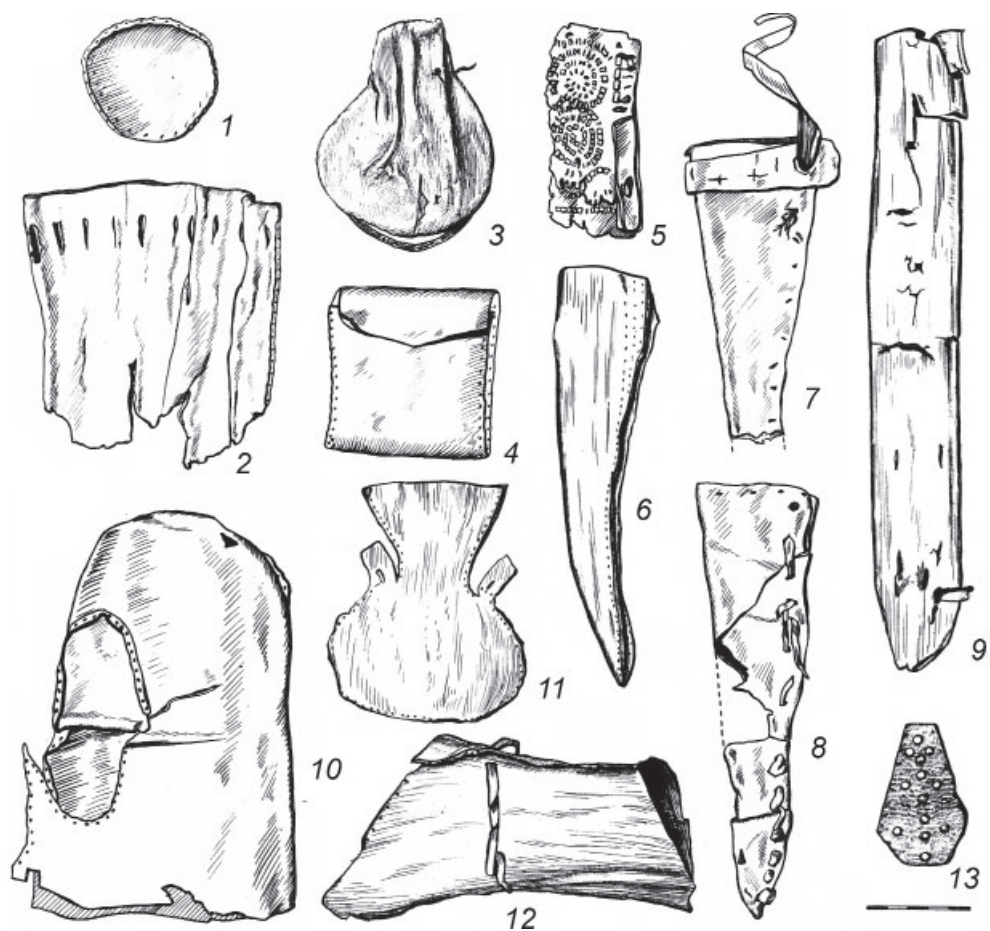

Рис. 70. Изделия из кожи X–XIII вв.: 1 – деталь мяча; 2, 3, 11 – кошельки; 4, 5 – футляры; 6–9 – ножны; 10 – рукавица; 12 – деталь обуви (?); 13 – фрагмент кожи, инкрустированный металлом. Исследования Г. В. Штыхова

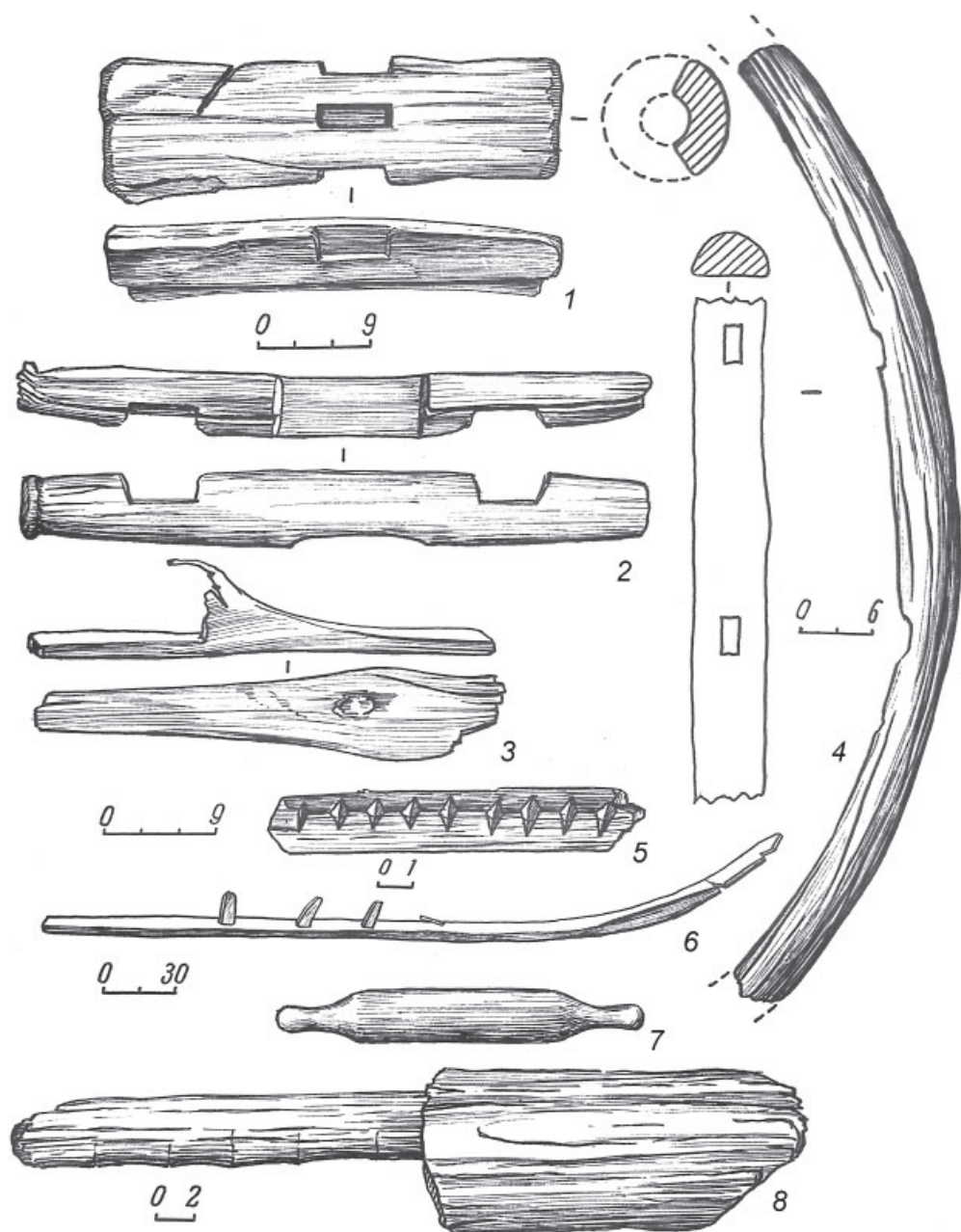

Рис. 71. Деревянные изделия XII–XIII вв.: 1 – ступица колеса; 2–4 – неопределимые предметы; 5, 7 – праники; 6 – санный полоз с копылами; 8 – чекмарь. Раскопки Г. В. Штыхова. 1960–1962 гг.

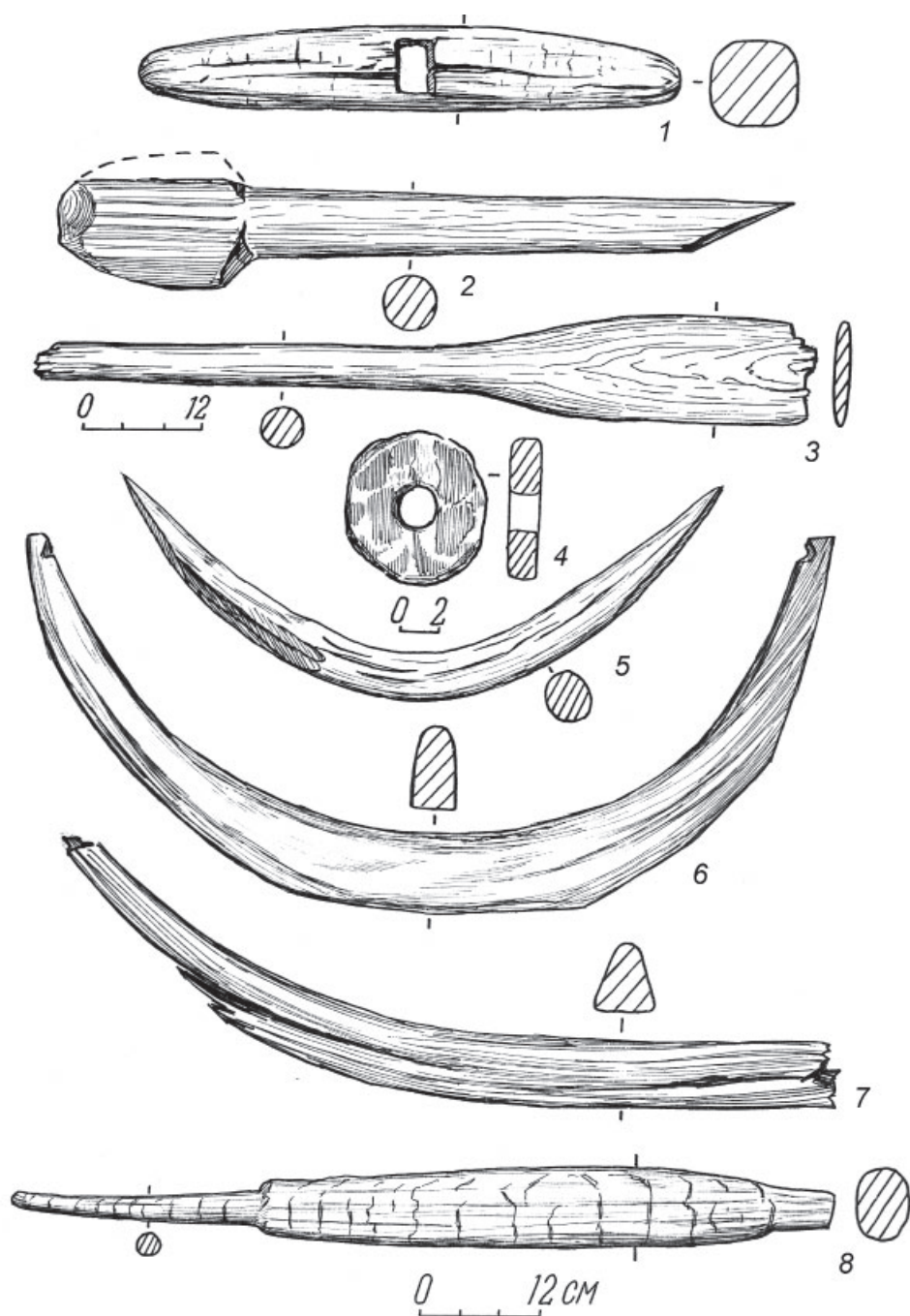

Рис. 72. Деревянные изделия XII–XIII вв.: 1 – двуручный пест; 2 – чекмарь; 3 – весло (фрагмент); 4 – поплавок из коры; 5–7 – лодочные шангоуты; 8 – неопределимый предмет. Раскопки Г. В. Штыхова. 1960–1962 гг.

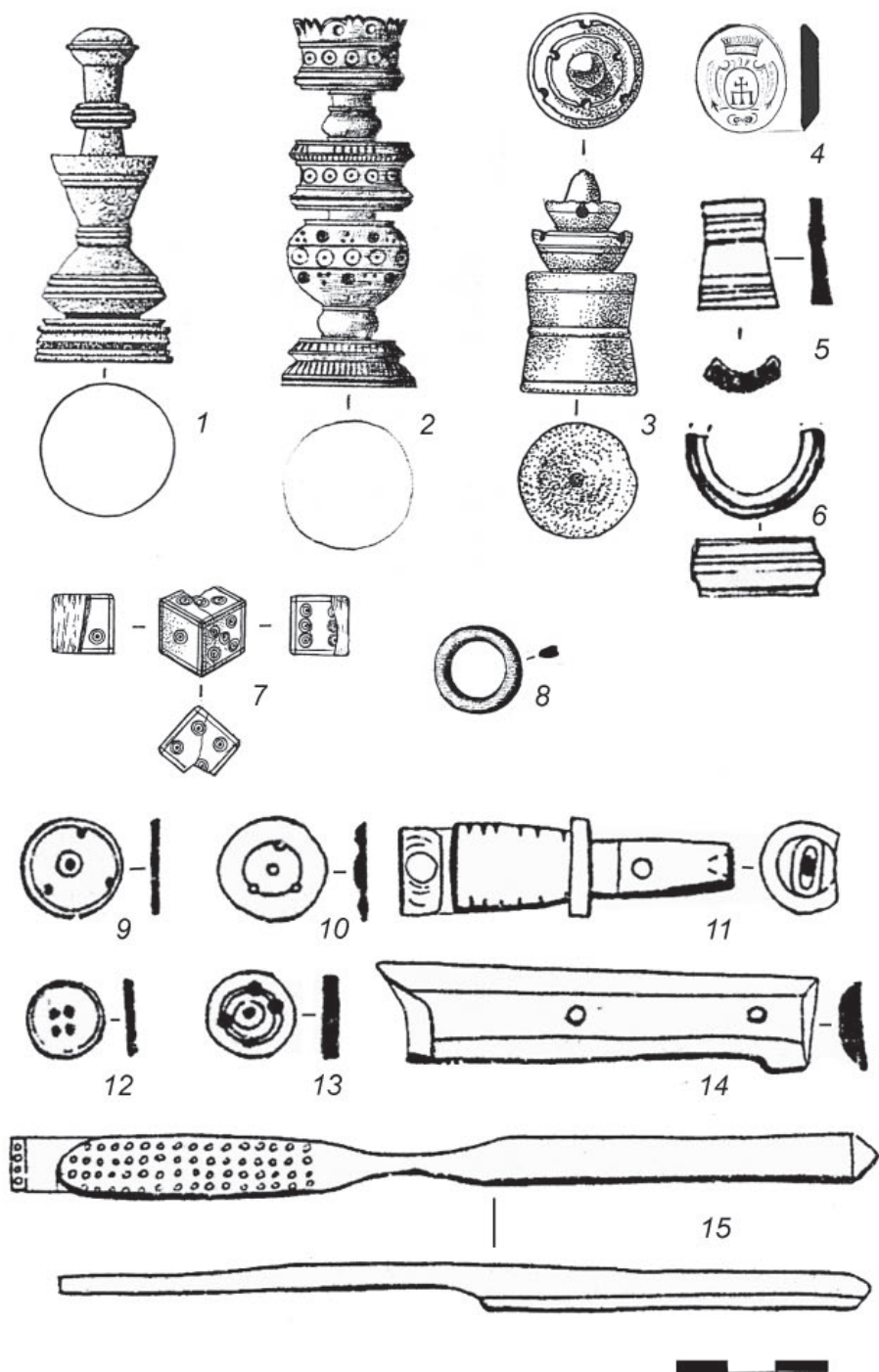

Рис. 73. Изделия из кости: 1–3 – шахматные фигуры из рога; 4 – костяная вставка для перстня; 5, 6 – муфты; 7 – игральный кубик; 8 – колечко; 9, 10, 12, 13 – пуговицы; 11, 14 – накладки; 15 – зубная щетка. Исследования С. В. Тарасова (1, 2), Д. В. Дука (3–15)

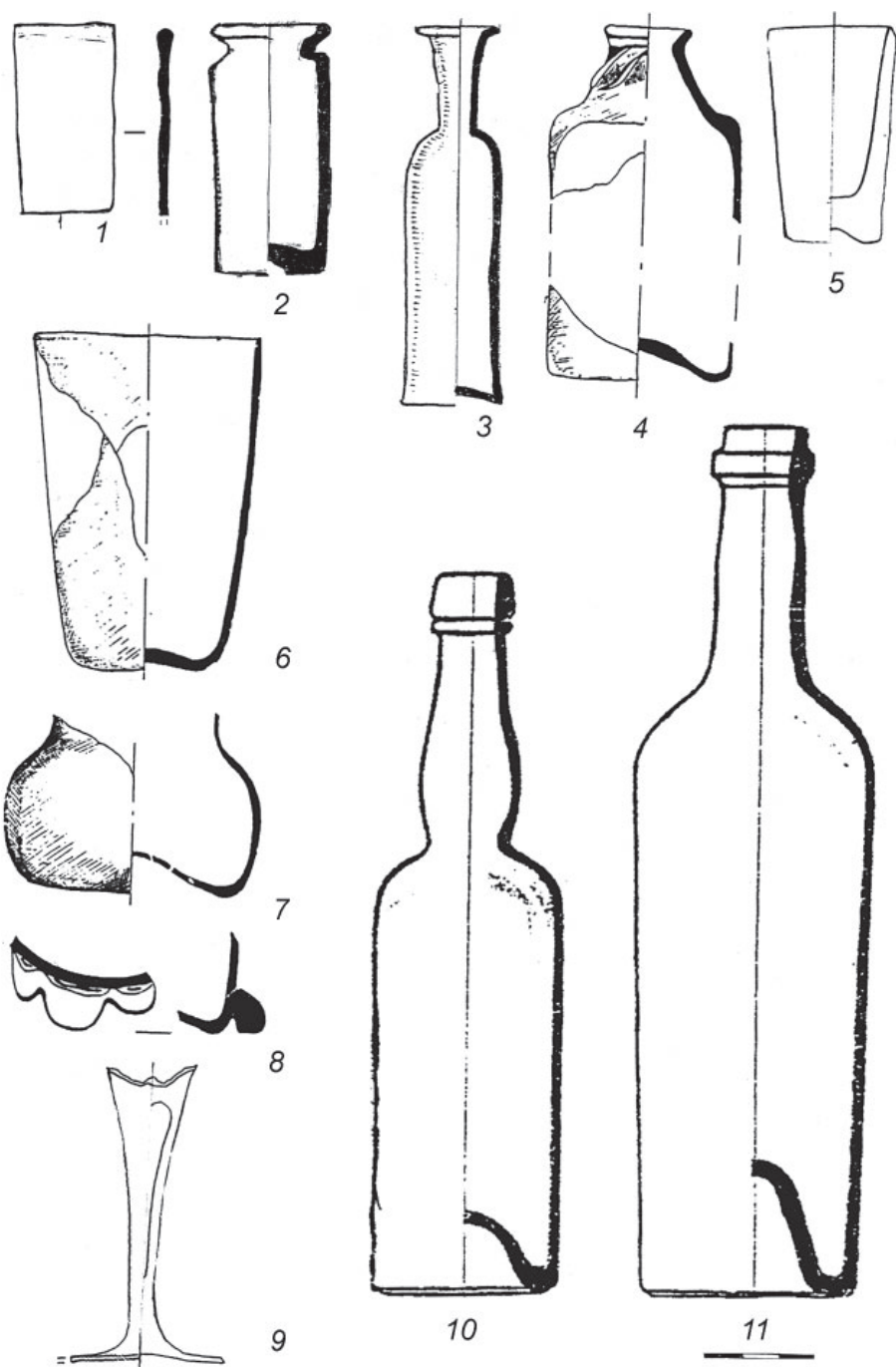

Рис. 74. Изделия из стекла XVII–XIX вв.: 1 – оконное стекло; 2, 3 – аптечные бутылочки; 4, 7, 10, 11 – кварцы, бутли и бутылки; 5, 6 – скляницы; 8 – стакан (фрагмент); 9 – ножка бокала. Исследования Д. В. Дука

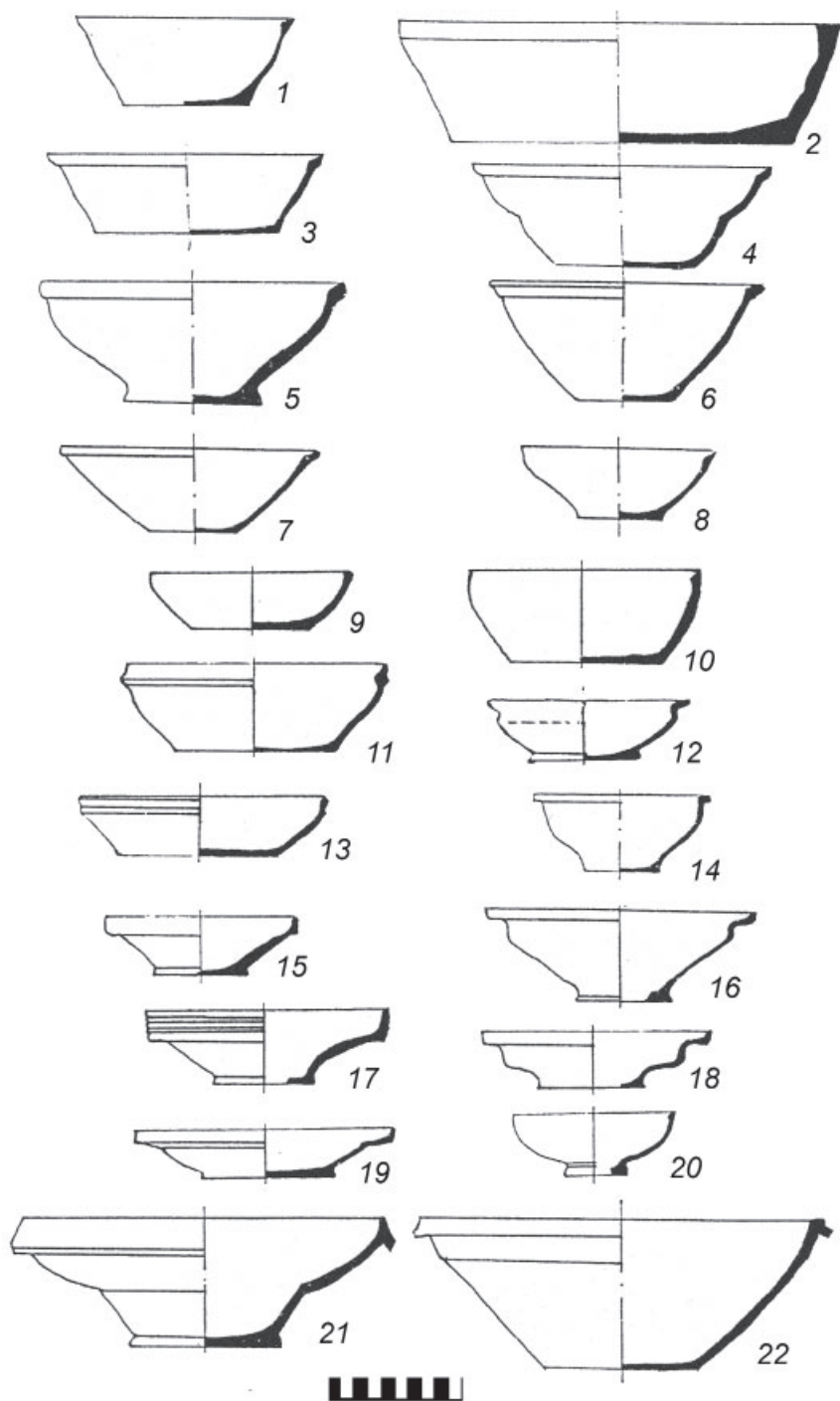

Рис. 75. Столовая глиняная посуда XVI–XVII вв.: 1–11, 14, 16, 20–22 – миски; 12, 13, 15, 17, 18 – полумиски; 19 – тарелка. Исследования Н. И. Зданович

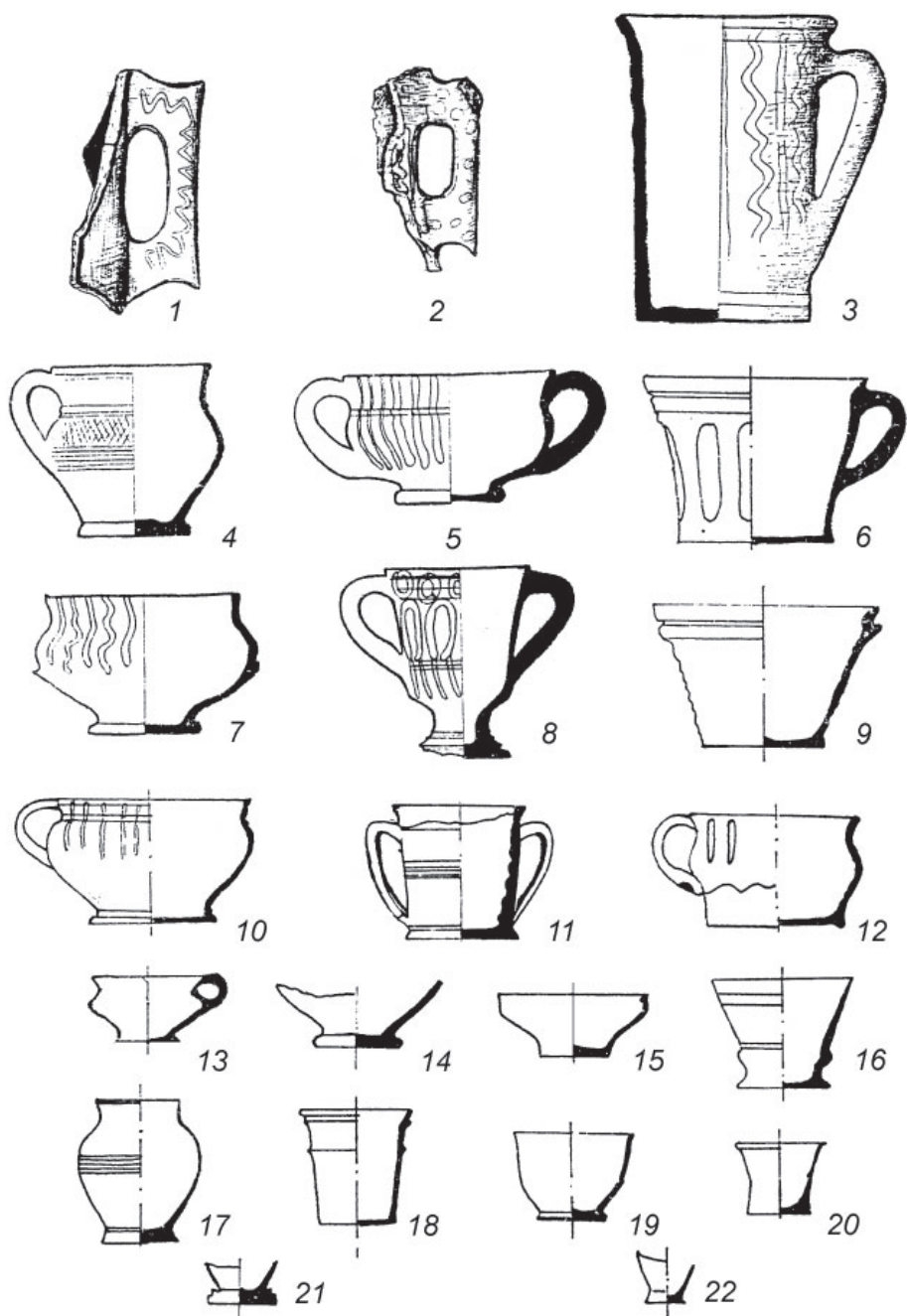

Рис. 76. Глиняная посуда для питья XVI–XVIII вв.: 1–13 – кубки; 14, 15 – пиалы; 16–22 – бокальчики, кружки; 1–7 – исследования С. В. Тарасова; 8–22 – исследования Н. И. Зданович

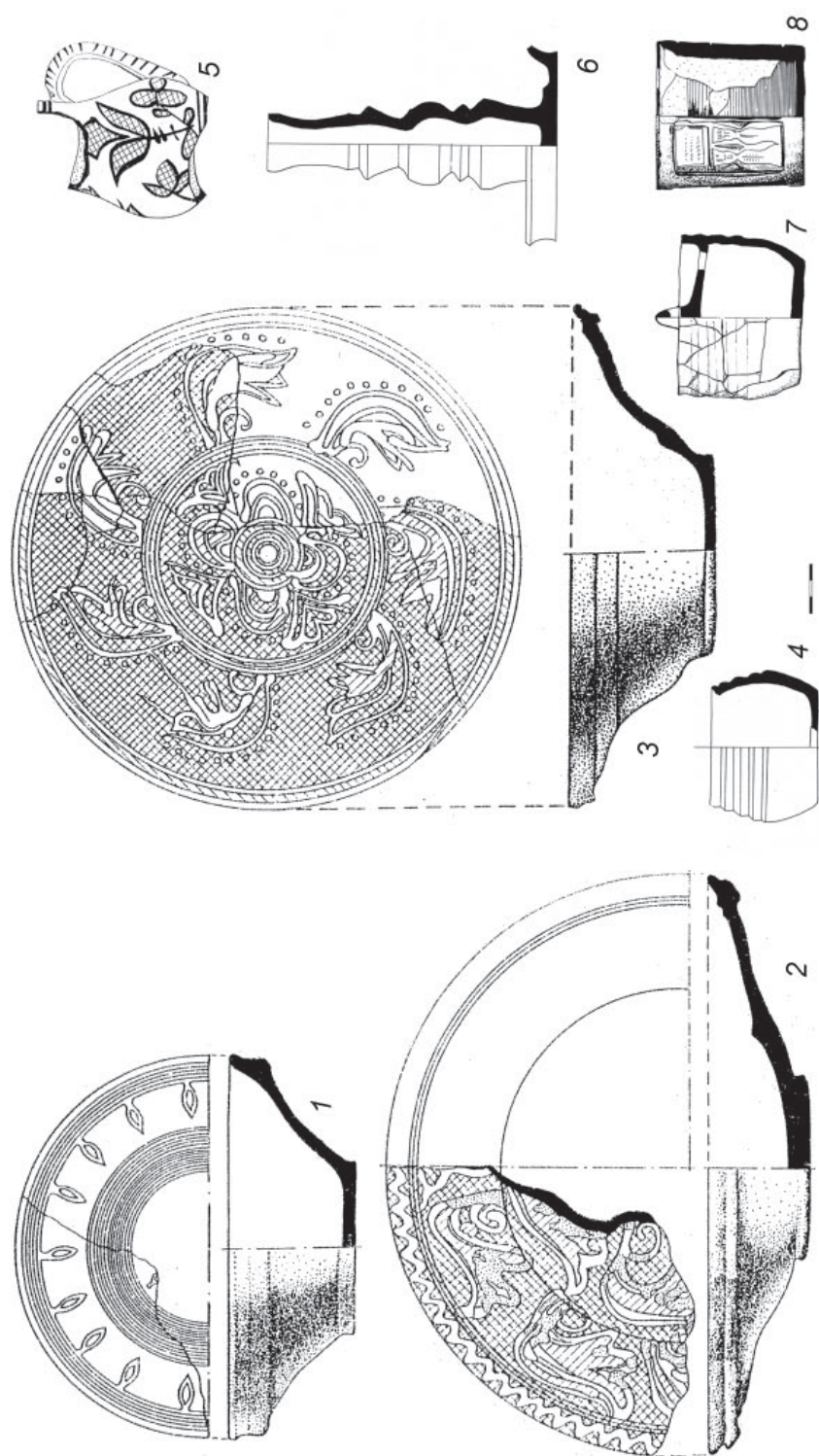

Рис. 77. Глиняная декоративная посуда XVII–XVIII вв.: 1–3 – тарелки; 4, 6 – подставки; 5 – майоликовый кувшинчик; 7, 8 – чернильницы. Исследования Н. И. Зданович (1–3), Д. В. Дука (4–6, 8), А. А. Соловьева (7)

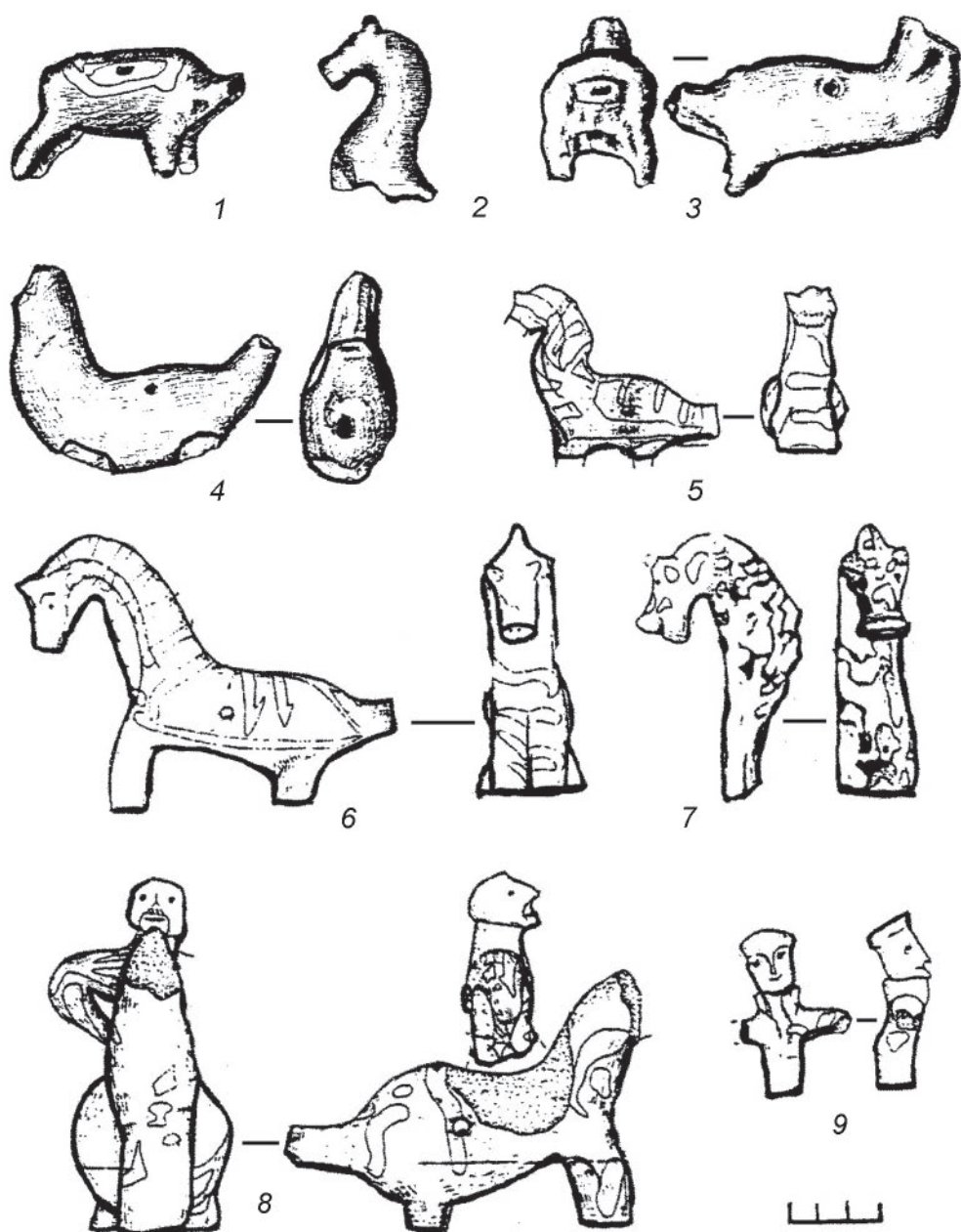

Рис. 78. Глиняные свистульки XVI–XVIII вв.: 1–4 – раскопки С. В. Тарасова; 5–9 – раскопки Н. И. Зданович

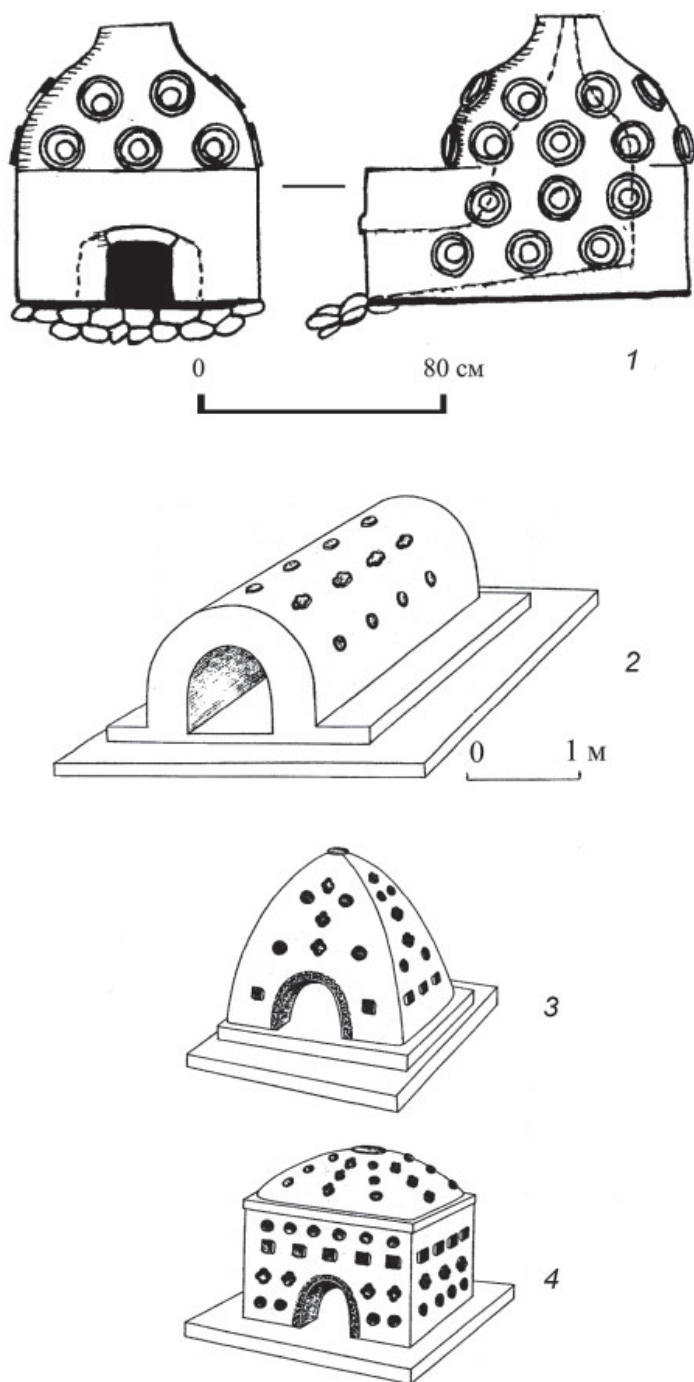

Рис. 79. Графическая реконструкция печей XIV–XV вв.: 1 – Заполотье (исследования Д. В. Дука, графическая реконструкция А. А. Соловьева); 2–4 – терем на Верхнем замке (исследования П. А. Раппопорта, графическая реконструкция Ю. А. Заяца)

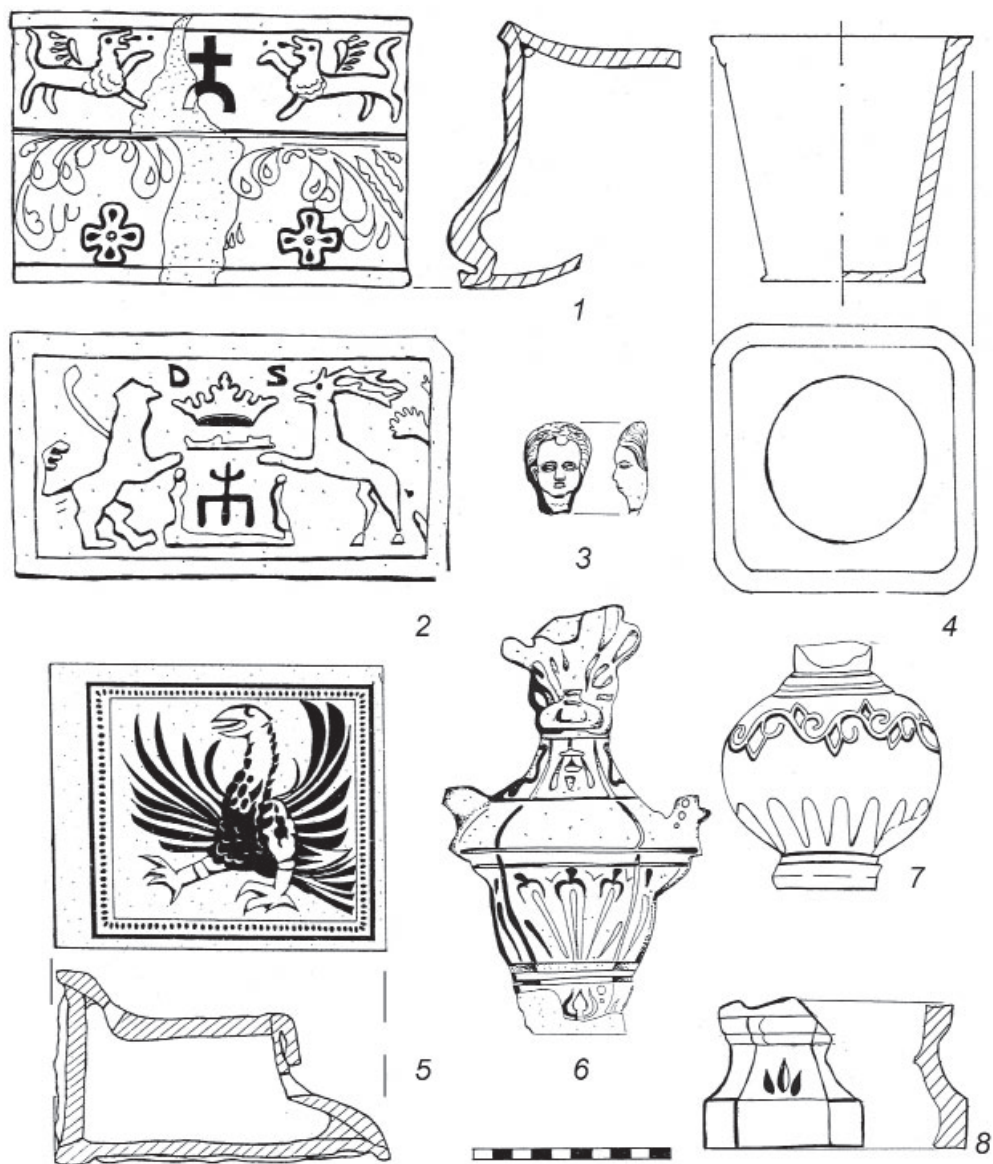

Рис. 80. Печные изразцы и наверхия XVI–XVIII вв.: 1, 2 – поясовые с геральдическими мотивами; 4 – горшковый; 5 – зооморфный пластинчатый; 3, 6–8 – наверхия. Исследования Д. В. Дука

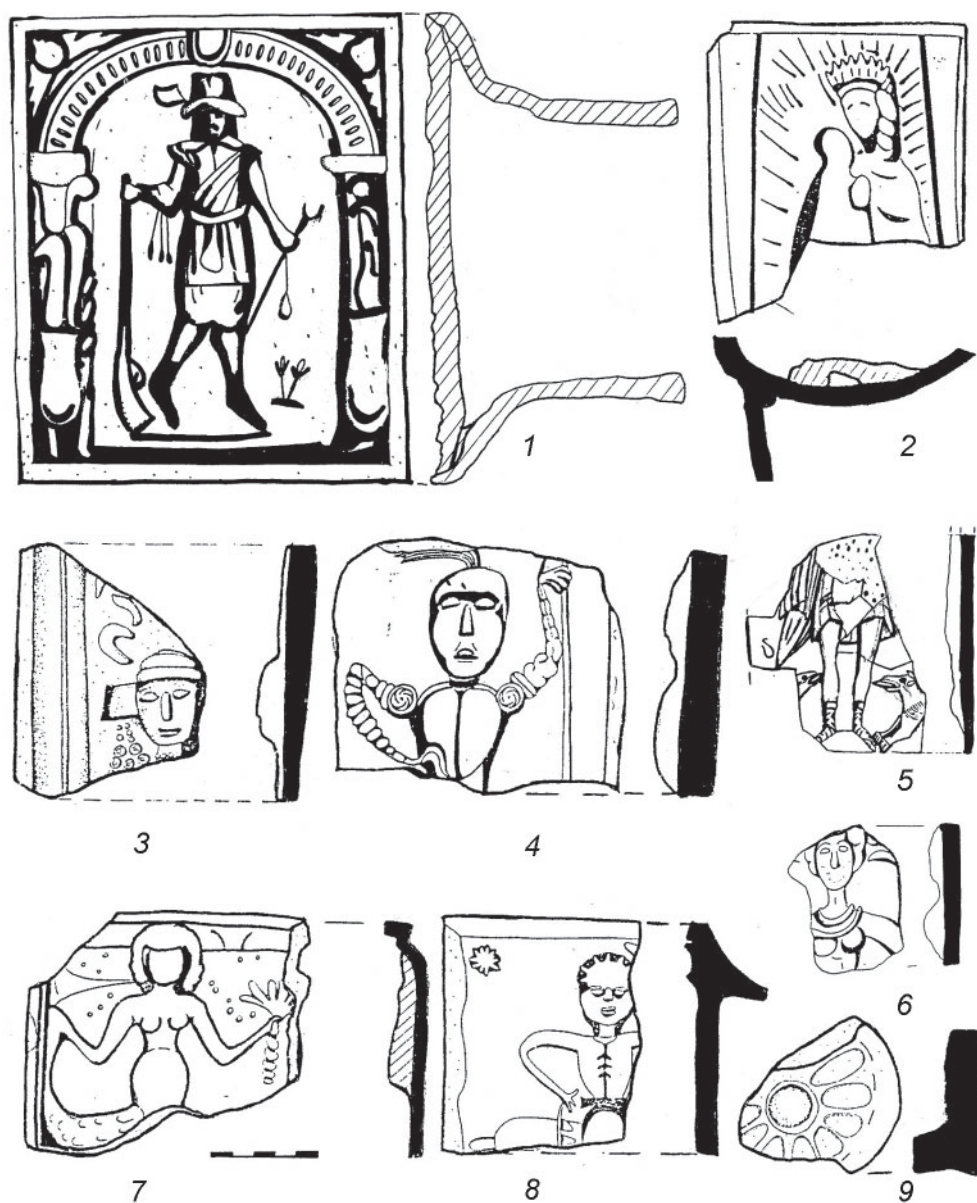

Рис. 81. Глиняные изразцы XV–XVI вв.: 1 – с изображением мушкетера; 2 – с изображением Божьей Матери; 3–8 – сюжетные; 9 – мисковый. Исследования С. В. Тарасова (1, 2, 6), П. А. Раппопорта (3, 4, 7, 9), Д. В. Дука (5)

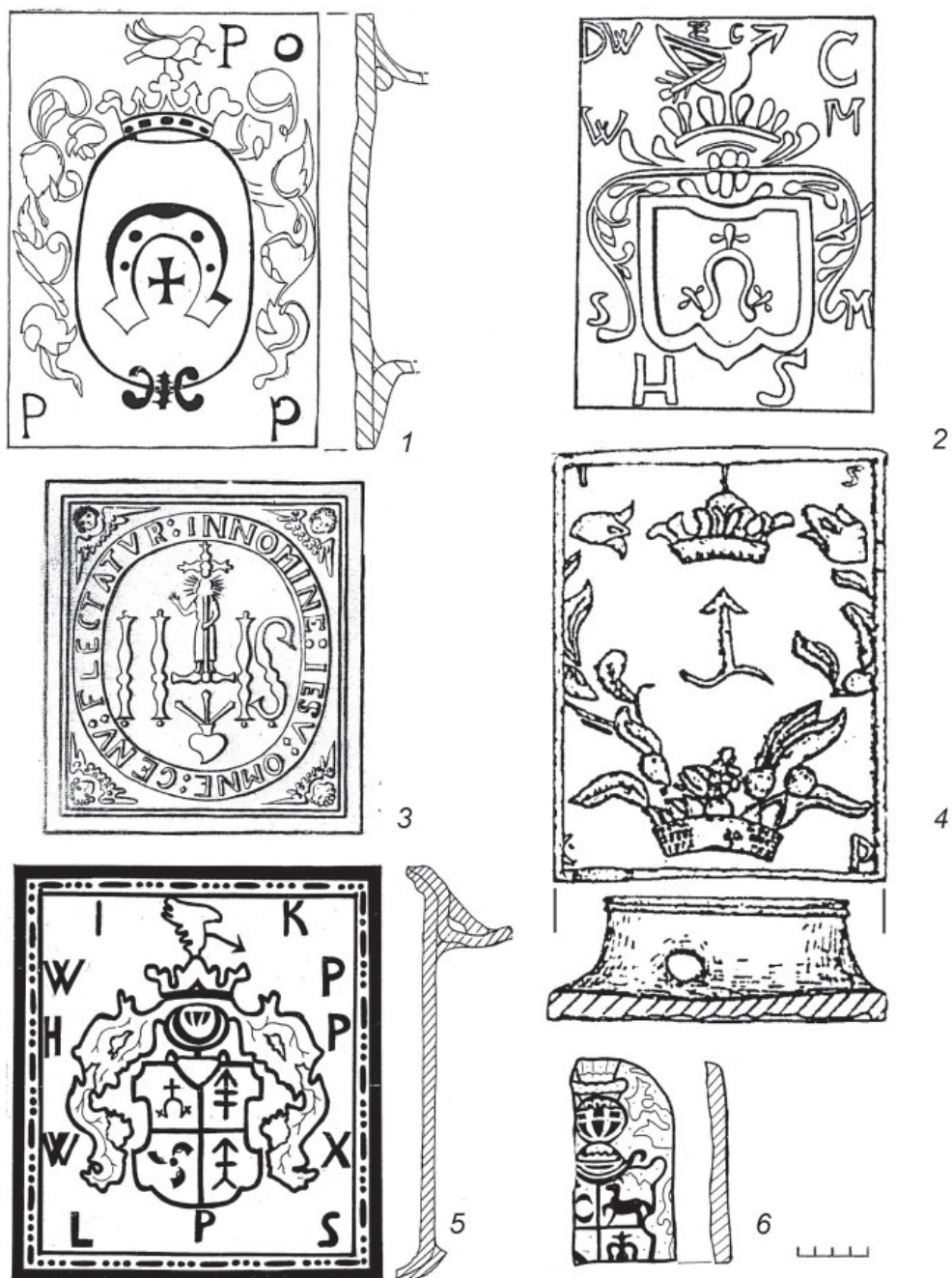

Рис. 82. Печные изразцы XVII–XVIII вв.: 1, 2, 4–6 – гербовые; 3 – с изображением монограммы ордена иезуитов. Исследования Д. В. Дука (1, 6), С. В. Тарасова (2, 3, 5), Н. И. Зданович (4)

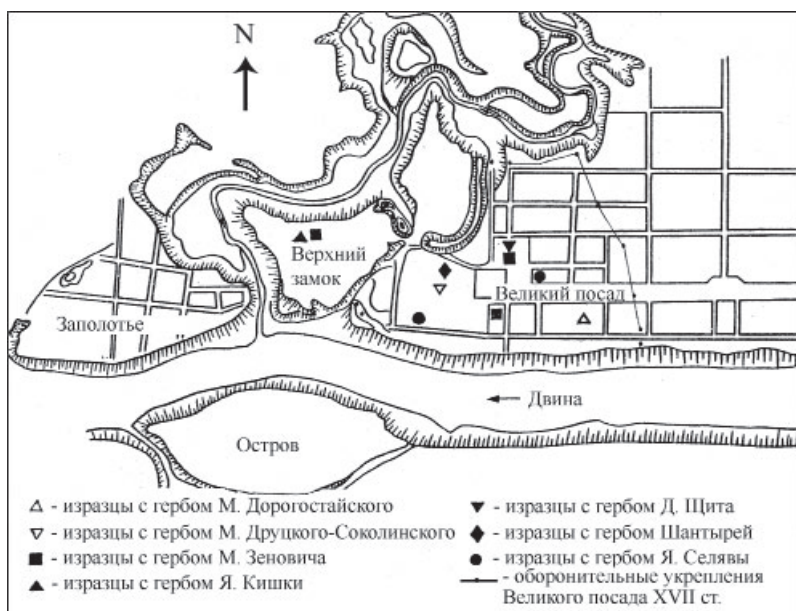

Рис. 83. Местонахождение изразцов с изображением гербов полоцкой шляхты XVII в.
По Д. В. Дуку

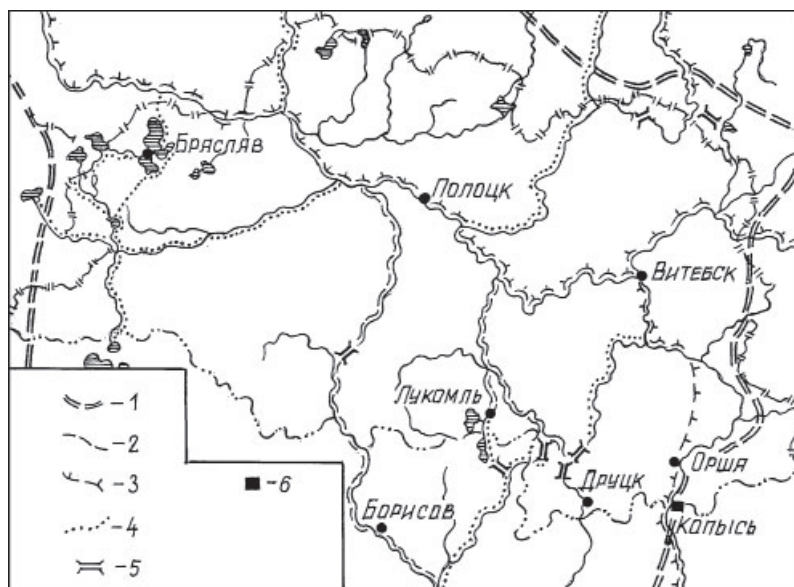

Рис. 84. Торговые пути на территории Полоцкой земли в X–XIII вв.: 1 – границы земли; 2 – путь из Полоцка в Поднепровье; 3 – путь «из варягов в греки» из р. Ловать в р. Днепр через Витебск и его Двинское ответвление; 4 – местные водные пути; 5 – волоки; 6 – таможня в Копыси. По Ш. И. Бектиневу

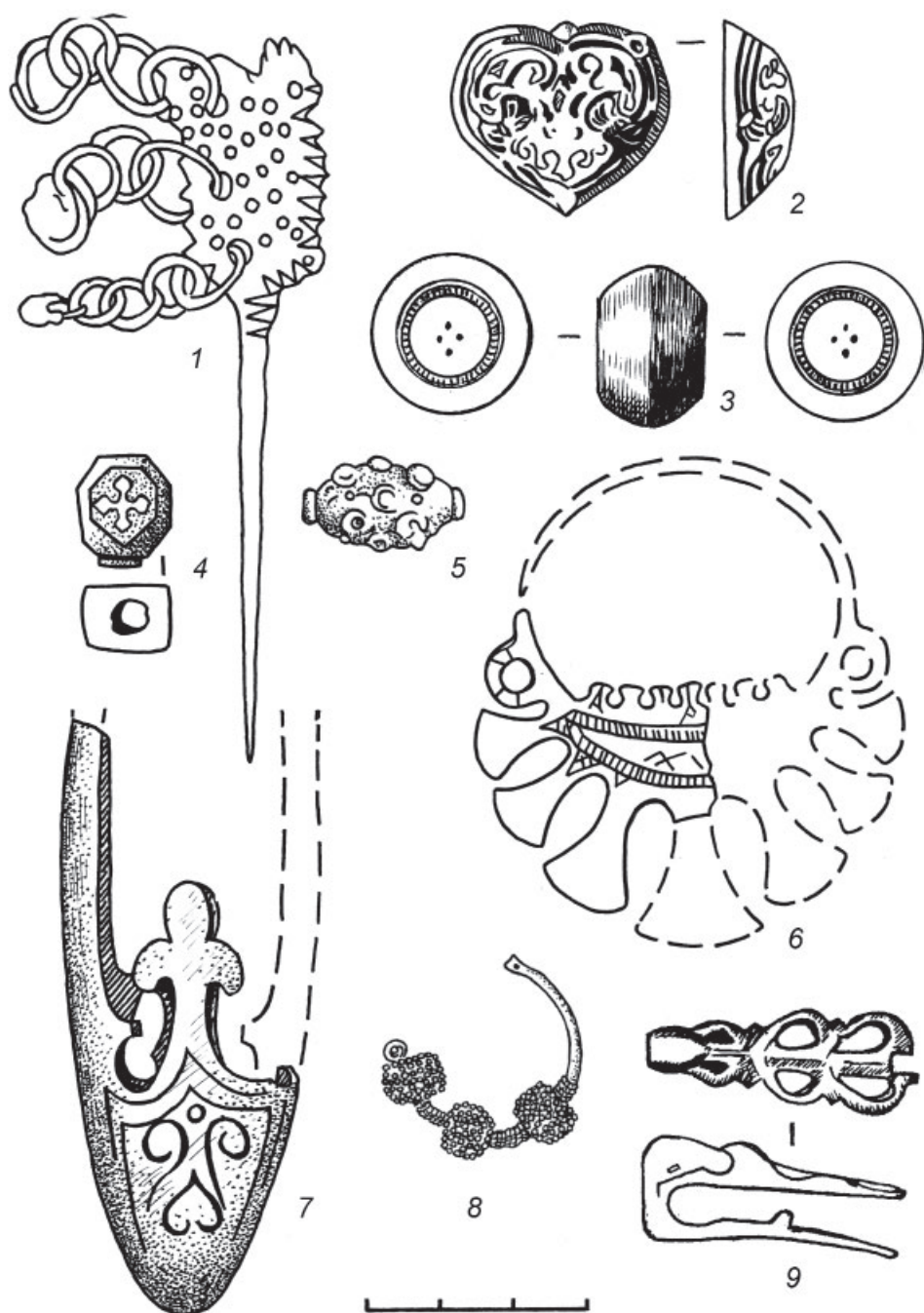

Рис. 85. Изделия импортного происхождения X–XIII вв., сделанные из: 1 – железа; 2 – серебра; 3 – свинца; 4 – бронзы; 5, 6, 9 – цветного металла; 7 – металла; 8 – золота

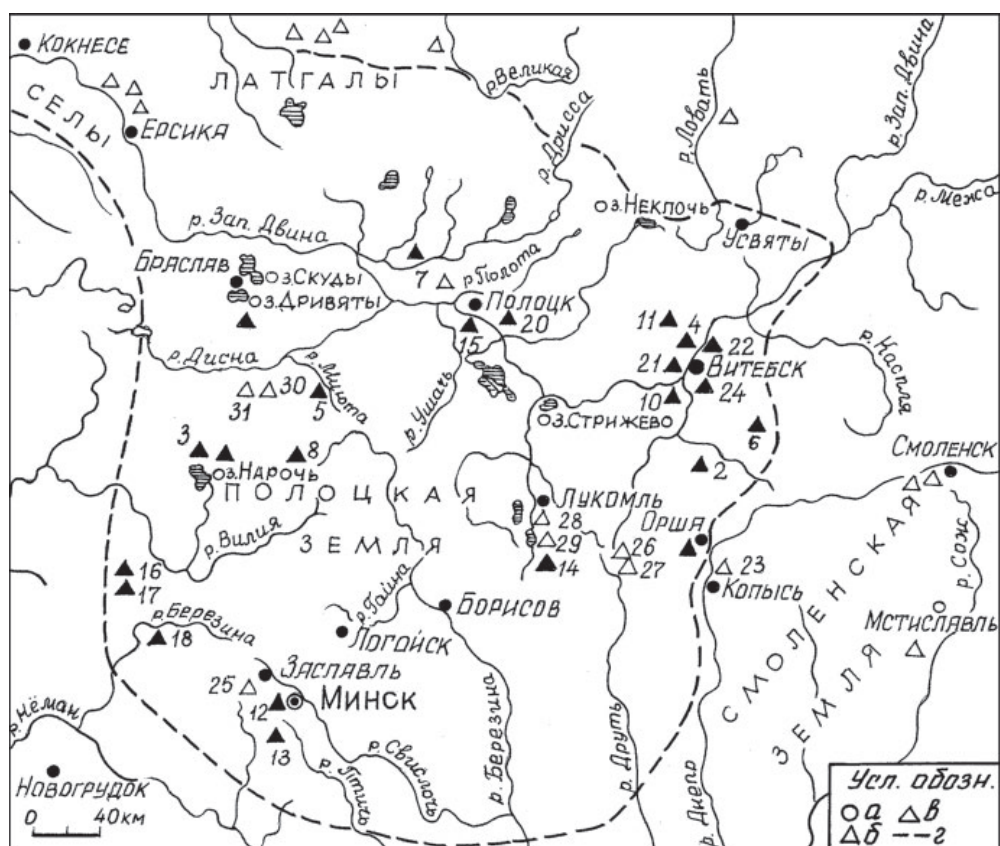

Рис. 86. Местонахождение кладов в Полоцкой земле: а – древние города; б – клады дирхемов; в – клады с западноевропейскими монетами; г – граница Полоцкой земли; дирхемы: 1 – Орша; 2 – Богусhevск; 3 – Антонизберг; 4 – Витебск I; 5 – Плиса; 6 – Добрино; 7 – Ахремцы; 8 – Поречье; 9 – Симаны; 10 – Лучеса; 11 – Богомолец; 12 – Гуттен-Чапский (Станьково ?); 13 – Ленковщина; 14 – Красновинка; 15 – Козьянки; 16 – Раковцы I; 17 – Раковцы II; 18 – Погорельщина; 19 – Красное; 20 – Струк; 21 – Витебск II; 22 – Витебск III; 23 – Застенок; 24 – Суходрово; западноевропейские монеты: 25 – Новый Двор; 26 – Прусиничи; 27 – Поречье; 28 – Стражевичи I; 29 – Стражевичи (II); 30 – Горовляны I; 31 – Горовляны II; 32 – Полоцк. Исследования Г. В. Штыхова

V

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПОЛОЦКЕ

9. АРХИТЕКТУРА

9.1. Полоцкий Софийский собор и Полоцкая школа зодчества XII в. (*Т. В. Габрусь*)

Становление государственности на землях восточных славян сопровождалось отходом от пантеистического родоплеменного мировоззрения, принятием христианства и внедрением высокоинтеллектуальной византийской культуры. Монументальное каменное строительство в Древней Руси – явление уникальное в контексте мировой цивилизации, так как изначально представлено грандиозными сооружениями с высокими техническими и художественными качествами, воплотившими многовековой опыт архитектуры византийского ареала. Никоновская летопись под 991 г. сообщает: «Таго ж лета приидоша из Грек в Киев ко Владимиру камночосы и зиздателе палат каменных». Три величественных собора в честь Софии – Премудрости Божией, были возведены в центрах крупнейших восточнославянских княжеств: Киеве (1017–1037), Новгороде (1045–1052) и Полоцке (1044–1066). Эти соборы были сооружены по образцу византийского крестово-купольного храма. Их внутреннее сакральное пространство сформировано в виде равноконечного греческого креста, увенчанного в центре величественным куполом на световом барабане. В единении форм креста и купола заложена глубокая христианская символика Распятия и Вознесения Христа. Древнерусские зодчие, постигнув духовную сущность сакральной архитектуры, изучили и творчески развили средства решения технических и эстетических задач. В дальнейшем каждый из названных храмов стал основой национальных школ зодчества трех великих славянских народов: русских, украинцев и белорусов.

Софийский собор в Полоцке – первый каменный храм на территории Беларуси, ставший символом политического и экономического расцвета Полоцкой земли при князе Всеславе Чародее. В соборе осуществлялись наиболее значительные государственные церемонии: присяга на верность князю, объявление войны и мира, прием иноземных послов, хранились казна и архив, велось летописание. Точное время строительства и освящения собора неизвестны. Исследователи датируют его возведение 1044–1066 гг., что охватывает промежуток от начала княжения Всеслава до его похода на Новгород, откуда он привез колокола для Софийского храма. Ряд историков придерживается более узких временных границ возведения храма: 1050–1055 гг. В течение своей многове-

ковой истории собор неоднократно перестраивался, разрушался и вновь возрождался. После существенных разрушений в период Северной войны (1710 г.), храм был радикально перестроен в стиле барокко. Все это весьма усложнило его архитектурно-археологические исследования, породило многочисленные противоречивые гипотезы и привело к значительным расхождениям между исследователями в определении типологии, размеров и общей композиции первоначального сооружения.

Полоцкая София XI в. имела квадратный план кафоликона ($26,4 \times 26,4$ м) и соответственно симметричные фасады, кроме восточного, к которому примыкали три более низкие алтарные апсиды. На юго-западном углу находилась довольно массивная квадратная в плане башня с винтовой лестницей, которая вела на хоры, предназначенные для князя и его свиты. Четыре центральных столба образовывали подкупольный квадрат размером $5,5 \times 5,7$ м. Цилиндрические своды (закомары) храма поддерживали 16 опорных столбов, а не 12, как в киевской и новгородской Софиях. Пролет между столбами подкупольного квадрата вдвое больше боковых пролетов. Угловые компартименты перекрывались, вероятно, небольшими световыми куполами по византийской схеме. Фасады членились на пять прясел, завершенных полуциркульными позакомарами, при этом центральное прясло было шире и выше боковых. Наиболее сложными и до настоящего времени нерешенными остаются вопросы о предлагаемых композициях венчающих масс Софийского собора, а также трактовке символики сакрального числа «7» верхов храма, упомянутого в «Списке городов русских» конца XIV в. (А. Павлинов, Н. Щекотихин, И. Хозеров, П. Максимов, Г. Штыхов, Г. Лаврецкий и др.).

Купола собора, возможно полусферической формы византийского генезиса, накрывались свинцовыми листами. Барабаны куполов и апсиды декорировались тонкими колонками с арочным подзором. В интерьере крестовое ядро композиции с трех сторон окружали хоры. Стены, столбы и своды покрывались фресками с изображениями святых и евангельскими сюжетами. Сохранились аутентичные ленточные фундаменты, нижние части стен и три восточные алтарные апсиды на высоту до 9 м, фрагменты растительного орнамента и композиции «Евхаристия» в нижней части центральной апсиды. В фундаменте собора XI в. выявлен камень-валун с процарапанными именами, предположительно, мастеров строительной артели из Новгорода. Стены сложены в смешанной технике из кирпича-плинфы с княжескими клеймами и природного камня. Нечетные ряды плинфы (шириной 3,4–4,0 см) выпускались на поверхность стены, четные ряды затирались известковым раствором (шириной в 10–12 см) с добавлением цемента, образуя кладку «со скрытым рядом» византийского образца. Декор фасадов включал античный меандровый орнамент и кресты. Размеры и сложность композиции полоцкого Софийского собора превосходили новгородский, вместе с которым они составляли единую группу репрезентативных сооружений так называемого государственно-митрополичьего периода.

С начала XII в. в развитии сакрального зодчества восточнославянских регионов начинается новый этап, который в искусствознании определяется

как княжеско-епископский. По сравнению с эпохой «империи Рюриковичей» X–XI вв., новый исторический период характеризуется локальностью политических целей и снижением экономических возможностей, что было обусловлено обострением феодальных междоусобиц. Это с очевидностью отразилось на масштабах и архитектонической сложности каменных храмов. Однако при весьма камерных размерах местных православных церквей древнерусские зодчие в создании их художественного образа достигли не менее высокой духовности и архитектурной гармонии, чем византийские мастера. В княжеско-епископский период повсеместно получил распространение новый русско-византийский тип одноглавого крестово-купольного храма с тремя восточными алтарными апсидами. В различных архитектонических вариантах варьирует только количество опорных столбов: от четырех основных, формирующих подкупольный квадрат и крестовое ядро композиции, до шести и восьми. Дополнительные опоры размещались на восток или на запад от подкупольного квадрата, в результате чего возникали типологические модификации основного типа крестово-купольного храма: с вимой или нартексом, или же с тем и другим вместе [Габрусь, 2005, т. 1, с. 154].

Монументальное христианское зодчество в целом явилось результатом политико-экономического развития средневековых городов. Католические романские и готические соборы, благодаря использованию структуры базилики, имеющей тектонические возможности пространственного развития, обрели значительные размеры, что позволяло собирать почти все население небольшого западноевропейского города. В силу устойчивой приверженности к центрической крестово-купольной композиции, сложности возведения и уравнивания нагрузок куполов, восточноевропейские храмы древнерусского периода характеризуются небольшими размерами. Поэтому города, которые являлись центрами удельных княжеств, обычно имели несколько храмов, часто были окружены поясом монастырских комплексов, которые наряду с духовно-просветительской деятельностью выполняли также оборонительные функции. Многочисленные сакральные сооружения формировали планировочную структуру и живописную силуэтную панораму древнерусских городов, доминируя над низкой деревянной застройкой.

В Полоцке после возведения величественного Софийского собора строительство каменных церквей прекратилось более чем на полстолетия и возобновилось лишь при епископе Мине (1105–1116 гг.). Известно, о существовании в XI–XIII вв. на территории современного города 12 каменных храмов [Штыхаў, 2009, с. 355], архитектурно-археологические фрагменты которых раскрыты и зафиксированы многочисленными исследователями в разное время. Эта значимая по количеству и историко-культурной ценности группа архитектурных памятников определяется как *полоцкая школа зодчества* древнерусского периода. Историография ее изучения имеет свою историю, которой уже полтора столетия. Полоцкие святыни, начиная с 1860-х годов, исследовали многочисленные группы археологов, историки, архитек-

торы-реставраторы, художники и искусствоведы: Д. Струков, А. Сементовский, К. Шероцкий, А. Павлинов, П. Покрышкин, С. Мелешко, Н. Щекотихин, И. Хозеров, Н. Брунов, А. Левданский, Я. Ощепков, М. Каргер, Н. Воронин, Л. Алексеев, Г. Штыхов, П. Раппопорт, Г. Штендер, В. Булкин, О. Трусов, С. Тарасов, Д. Дук, В. Слюнченко, О. Терещатова, В. Ракитский, В. Сарабьянов – и это еще далеко не все, кто способствовал формированию научной концепции полоцкой школы зодчества. Очевидно, что в исторической науке православные храмы Полоцка древнерусского периода рассматривались неоднократно, при этом преимущественно в соответствии с этапами их археологических исследований или же по алфавитному принципу энциклопедических изданий, но совершенно бессистемно с точки зрения эволюции архитектуры. На основе анализа строительной техники археологами достаточно точно определены возможные даты строительства каждого из сакральных памятников. Однако только рассмотрение полоцких храмов в хронологической последовательности их возведения и осмысление их архитектурники в целом ведет к выявлению последовательного развития тех или иных архитектурных форм и этапов формирования полоцкой школы зодчества.

В предместье Бельчицы, на противоположном от княжеского детинца (имеется в виду Верхний замок) низком левом берегу р. Западная Двина при впадении в нее р. Бельчанка, князем Борисом, сыном Всеслава Чародея, в первой четверти XII в. был основан монастырь в честь первых восточнославянских православных святых – князей Бориса и Глеба. Канонизация этих святых произошла в 1127 г., однако, религиозное празднование их памяти отмечается по Ипатьевской летописи еще ранее – под 1092 г. Этот монастырь, как полагают историки, являлся летней резиденцией князя и одновременно оборонительным форпостом при подходе к Полоцку с юга. Комплекс Бельчицкого Борисоглебского монастыря формировался в течение целого столетия с начала XII до начала XIII в. Археологами выявлены фрагменты четырех каменных церквей и определены даты их постройки (А. Павлинов, И. Хозеров, Н. Воронин, П. Раппопорт, Г. Штыхов и др.). Принятые в науке названия храмов Бельчицкого монастыря достаточно условные: они складывались постепенно и мигрировали от одного к другому. Согласно летописным источникам, достоверно известно только, что главный храм был освящен в честь св. Бориса и Глеба, а также, что в Бельчицах существовала церковь св. Параскевы Пятницы [Воронин, 1956, № 6, с. 14–17].

Вероятно, еще при жизни Бориса Всеславича, который умер в 1128 г., было начато строительство большой каменной церкви. А. Павлинов, который исследовал этот памятник первым, называл этот храм Борисоглебским [Павлинов, 1894, с. 1–8], но еще в XVI в. он был разрушен, а соборный титул перешел к другой церкви. Поэтому в позднейших исследованиях археологов он определяется как *Большой собор* Бельчицкого монастыря и по технике кладки датируется 20-ми годами XII в. В 1928 г. археологические раскопки были проведены И. Хозеровым [Хозеров, 1994, с. 73–78], в 1965 г. – М. Каргером, в 1977 г. – П. Раппопортом [Раппопорт, 1982, вып. Е1–47, с. 98], которые дали достаточную информацию о строительной технике и архи-

текстуре памятника. По ряду характеристик он наиболее близок Софийскому собору, хотя эти сакральные сооружения разделял значительный промежуток времени. Это был шестистолпный крестово-купольный храм (16,2 × 16,2 м) с тремя полукруглыми апсидами: большой центральной и двумя меньшими по сторонам (рис. 50: *a*). Дополнительная пара столбов располагалась на восток от подкупольного квадрата, образуя предалтарную виму. В верхнем сечении, на уровне опорного кольца барабана купола, храм имел план в виде равноконечного греческого креста. Крестовую структуру храма с трех сторон (запада, юга и севера) развивали три довольно больших, но невысоких притвора, которые вместе с апсидами, придавали объемно-пространственной композиции пирамидальность. Притворы пристроены к стенам без перевязки, но полностью идентичный характер кладки свидетельствует об одновременности их возведения. Количество глав неизвестно, однако в раскопках найдены лекальный кирпич и фрагменты аркатурного фриза, декорировавшего барабан купола.

В строительных приемах этот храм также имел много общего с Софийским собором. В его основание заложена деревянная конструкция из трех рядов дубовых брусьев, соединенных железными штырями, которые под полукруглыми апсидами имели многогранную форму. Очевидно, что эта конструкция служила для компенсации осадочных деформаций фундаментов и была привнесена из строительства балканских стран и Закавказья. Выше ее ленточные фундаменты были выполнены из бутового камня на известковом растворе с примесью цемянки. Для отвода ливневых стоков вокруг здания сделана отмостка из плинфы на толстом слое раствора с цемянкой, положенном прямо на землю. Характерно, что добавление в связующий раствор битого кирпича или черепицы упоминается уже в трактате древнеримского архитектора Витрувия в I в. до н. э., следовательно этому строительному приему уже на то время было более 1000 лет.

Кладка стен Большого собора Бельчицкого монастыря выполнена из хорошо обожженной плинфы с рельефными клеймами и знаками, со скрытым рядом, что придавало открытым фасадам характерный декоративный рисунок из более узких красных и более широких бело-розовых полос. В нижней части стен, по информации А. Павлинова, были горизонтальные ряды из местного природного камня, как и в полоцкой Софии. Одинаковой в них была и форма крестообразных опорных столбов с небольшим выносом боковых лопаток. Соответствующие им раскреповки на одну четверть толщины фасадных стен И. Хозеров определяет как однообломные пилястры, связывая их, таким образом, с античной классикой.

Толстый слой раствора с добавлением больших кусков битого кирпича образовывал пол храма. Переход от пола к стенам оформлен широкими белыми полосами в технике фрески (12–15 см), окантованными узкими красно-коричневыми полосками. Выше полосы плинтуса шла панель с фресковой росписью, имитирующей мрамор: волнистые голубые, зеленые и охристые полосы по белому фону. Многочисленные фрагменты живописи в раскоп-

ках свидетельствуют, что стены и своды были целиком покрыты фресковой росписью с изображениями святых и евангельских сюжетов. В апсидах выявлены фрагменты пола из майоликовых плиток желтого, зеленоватого и красного цветов.

Вобрав в себя древнейшие архитектурно-строительные традиции, крестово-купольная композиция Большого собора Бельчицкого монастыря в дальнейшем сама стала первообразом для целого ряда древнерусских церквей, таких, как: Михаила Архангела и Троицкой на Кловке в Смоленске, Пятницкой в Новгороде, Успенской в Чернигове, Спасской в Новгороде-Северском, Успенской в Старой Рязани, Рождества Богородицы в Суздале, Георгиевской в Юрьеве-Подольском и др. [Максимов, 1976, с. 47–61]. Их общей чертой стало наличие трех притворов по странам света, которые акцентировали крестовую структуру и православную семантику композиции.

В первой трети XII в. около Большого собора из плинфы был возведен небольшой бесстолпный храм (5,1 × 5,75 м) с криптой (подземным склепом), вероятно, усыпальница князя Бориса Всеславича, так называемая *Пятницкая церковь* [Воронин, 1956, № 6, с. 9–14]. Из-за нетипичности своей архитектоники первыми исследователями она была датирована XVII в., а в 1921 г. – разрушена, сохранились лишь части южной, северной и восточной стен. Ее руины обследовал И. Хозеров в 1926 и 1928 г. Исследователь выявил фрагменты XII в. и более поздние пристройки, относящиеся к 1770–1790 гг. [Хозеров, 1994, с. 77]. Внутри храм был довольно высокий (7 м) и перекрывался коробовым сводом. К восточной стене примыкала почти квадратная в плане алтарная апсида, соединявшаяся с молитвенным залом проемом высотой 6 м. Вместе с пристроенным поздней притвором общая длина здания достигала 8 м (рис. 88: а, б). Стены были выложены из высококачественной плинфы с клеймами в технике со скрытым рядом на растворе с добавлением цемянки. Декоративные качества кладки были подчеркнуты подкраской полос плинфы красно-коричневым цветом. В интерьере сохранились остатки фресковых росписей, закрытых позднейшими напластованиями: на северной стене – композиции «Распятие» и «Сретение», на южной – «Оплакивание», на восточных простенках, по сторонам проема в алтарную апсиду – изображения князей Бориса и Глеба. Архитектоника Пятницкой церкви не имеет аналогов среди памятников древнерусского периода. Скорее всего, она является экстраполяцией простейшего «клетского» типа деревянного храма того времени. Кроме того, она является первым известным в белорусской архитектуре храмом-усыпальницей с подземной криптой, генетически связанным с традициями архитектуры стран византийского ареала.

Помимо Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря, в первой половине XII в. в Полоцке существовало еще два культовых сооружения, в которых осуществлялись почетные захоронения, имеющие условные названия: *храм-усыпальница полоцких князей на Нижнем замке* и *храм-усыпальница полоцких епископов в предместье Селец*. По своим архитектурным характеристикам они относятся к одному типу русско-византийского четырехстолп-

ного крестово-купольного храма. Церковь на Нижнем замке открыта и исследована только в 1976 г. П. Раппопортом (рис. 27, а: 4). Сохранились только фундаменты и фрагменты нижних частей стен, кроме алтарной части храма. Размеры кафолика – 14,1 × 14,5 м. В соответствии с членением стен лопатками определен пролет подкупольного квадрата – 3,7 м. С северной стороны церкви проходила галерея шириной 2 м, которая расширялась на западном углу. В утолщенной части западной стены, вероятно, находилась лестница на хоры. Сооружение имело необычную конструкцию фундаментов, выложенных из бута без раствора с подсыпкой суглинка (глубина заложения 1 м). Кладка стен – традиционная для полоцких храмов: из плинфы, на которой встречаются рельефные знаки, на известковом растворе с добавлением цемьянки, в технике со скрытым рядом. Внутри церковь была расписана фресками. Считать ее усыпальницей позволяют найденные в раскопках фрагменты резного саркофага из красного шифера и многочисленные куски глиняной обмазки, которой покрывали кирпичные надгробия [Раппопорт, 1982, вып. Е1–97, с. 95].

Факт, что церковь в Сельце, открытая в 1947 г. Я. Ощепковым на территории Спасо-Преображенского монастыря, имела функцию усыпальницы, подтверждается письменными источниками. В «Житии» Евфросиньи Полоцкой отмечено, что епископ Илия передал ей место Спаса на Сельце «идеже братия наша лежа, прежде нас бывши епископи». При раскопках, проведенных в 1960-е годы М. Каргером, выявлены значительные фрагменты нижних частей стен и фундаментов (рис. 49: а, б), на основе которых выполнена реконструкция данного крестово-купольного храма [Каргер, 1977, № 1, с. 241–244]. *Церковь-усыпальница полоцких епископов* имела прямоугольный план 14,85 × 17,2 м и сторону подкупольного квадрата 5,15 м, равную ширине центральной апсиды. Две боковые апсиды, по мнению П. Раппопорта, были скрыты внутри угловых компартиментов [Раппопорт, 1982, вып. Е1–97, с. 95–96]. Крестообразные опорные столбы имели небольшое сечение и выносы лопаток, что позволяло раскрыть внутреннее пространство. Толщина средней части западной стены достигала 1,50 м при общей толщине стен 1,05 м. Основной объем с севера, запада и юга окружала довольно широкая обходная галерея, возведенная одновременно с церковью. Угловые части галереи по бокам западного фасада расширены и образуют квадратные в плане помещения. Еще два симметричных придела замыкали торцы галереи с восточной стороны полукруглыми апсидами, что придавало сооружению необычное решение алтарной части с чередованием трех внешних и двух скрытых внутри апсид (рис. 49: в). Похожее включение галерей с боковыми приделами и апсидами в композицию четырехстолпного крестово-купольного храма можно отметить в двух памятниках зодчества Смоленска: Петропавловской церкви, построенной около 1127 г., и церкви Иоанна Богослова, которая датирована 1173 г. [Габрусь, 2005, т. 1, с. 161].

По своим архитектурно-строительным характеристикам храм-усыпальница полоцких епископов почти идентична храму-усыпальнице полоцких князей на Нижнем замке. Они близки по размерам и имеют общую технику

кладки стен и конструкцию фундаментов. Это позволяет считать, что они составляют однотипную и одновременную архитектурную группу, определенный этап в развитии полоцкой школы зодчества. Аналогичную с рассмотренными выше памятниками технологию возведения фундаментов из бута без раствора и кладки стен имела также церковь «на рву» (рис. 27, а: 5), датированная П. Раппопортом серединой XII в. [Раппопорт, 1982, вып. Е1–97, с. 95]. Она располагалась на внешней стороне вала, окружавшего Верхний замок, и была полностью разрушена уже к началу XX в. В 1960-е годы М. Каргером найдены куски плинфы с рельефными знаками и княжескими клеймами, а в 1976 г. открыты фундаменты довольно большой алтарной апсиды длиной 7,50 м и пролетом 4,45 м. Данные раскопок не позволяют реконструировать архитектуру церкви «на рву», а только предположить ее общность с предшествующими сооружениями.

Морфологически особую группу в контексте полоцкой школы зодчества составляют три каменные церкви, датируемые исследователями второй четвертью XII в. Своеобразие архитектуры и строительной техники этих объектов дает основание считать, что начало этой местной модификации древнерусского храма было положено в Витебске [Павлинов, 1894, с. 1–8]. Ее первым образцом стала *витебская Благовещенская церковь*, возведенная около 1140 г. (фото 11). История этого памятника чрезвычайно драматична: он неоднократно разрушался и перестраивался, был частично разрушен во время Великой Отечественной войны, а в декабре 1961 г. был взорван по инициативе городских властей. В 1944 г. его исследовал П. Барановский, в 1964 г. – Г. Штыхов, в 1968 г. – М. Каргер, позднее – П. Раппопорт, О. Трусов. В 1992–1998 гг. храм был отреставрирован (архитектор Г. Лаврецкий). Традиционно, но не совсем точно, Благовещенская церковь определяется археологами как шестистолпный трехнефный храм. Действительно же она имеет распространенную в тот период композицию четырехстолпного крестово-купольного храма, дополненную нартексом (рис. 87: а). Она представляет собой прямоугольное в плане сооружение (18,2 × 11,1 м) с одной полукруглой алтарной апсидой (общая длина по оси восток–запад – 21 м). Два западных столба включены в толщу стены, отделяющей нартекс, остальные четыре образуют подкупольный квадрат. Боковые пролеты между столбами вдвое меньше среднего пролета. Закомары по сторонам подкупольного квадрата выше закомар угловых компартиментов. В результате в верхнем сечении план церкви образовывал крест, но впервые в местном зодчестве не равноконечный греческий, а попарно равноконечный. Символическое значение средокрестия было подчеркнуто световым барабаном на невысоком квадратном постаменте и увенчано шлемоподобным куполом.

Необычные пропорции витебской Благовещенской церкви, преобладание длины над шириной, продольная направленность внутреннего пространства формируют так называемую базиликальность, что позволяло говорить о ее романском генезисе. Однако наличие сводов-закомар и ритм членения пространства свидетельствуют о генетической связи этого памятника с раннехристианскими храмами Закавказья, имевшими аналогичные пропорции

планов и конструкции перекрытий. Кроме того, здесь впервые был использован прием так называемых скрытых боковых апсид, т. е. полукруглых конховых ниш в толще восточной стены, не выявленных извне. Подобный прием широко использовался в раннесредневековых православных церквях Армении и Грузии, а в дальнейшем стал одной из характерных особенностей полоцкой школы зодчества.

Еще одной отличительной чертой витебской Благовещенской церкви является наличие нартекса, над которым располагались певческие хоры. Согласно обмерам П. Барановского, боковые части хоров занимали небольшие часовенки с нишами-алтарями с восточной стороны [Раппопорт, 1982, вып. Е1–47, с. 100]. На хоры вела крутая лестница, целиком встроенная в толщу массивной западной стены. Входные порталы на западном и южном фасадах имели арочные завершения с двухступенчатым обрамлением, выполненные из плинфы. В то же время арочные амбразуры оконных проемов были укреплены бутовой кладкой. Необычной была и строительная техника витебской Благовещенской церкви. Здание имело высокий цоколь – пол храма на то время находился почти на 1 м выше уровня земли. Фундаменты выложены из бутового камня насухо и частично на известковом растворе с добавлением цемянки. По периметру здание опоясывали дубовые связи. Кладка стен выполнена из тесаных блоков (квадров) местного желтоватого известняка (доломита), ряды которого чередовались с рядами высококачественной плинфы с рельефными клеймами и знаками. Слои розоватого раствора были достаточно широкими: 4,0–4,5 см. Благодаря сочетанию материалов разного цвета, фасады имели живописную колористическую гамму. Внутри стены и столбы были оштукатурены и покрыты фресковой живописью, закрытой в 1623 г. по приказу униатского митрополита Иосафата Кунцевича. До настоящего времени сохранились пояса геометрического орнамента по низу стен и вокруг оконных проемов, а также изображение ангела. Входной портал имел декор в технике граффити. Часть портала с изображением древнерусского воина хранится в Витебском областном историко-краеведческом музее.

Целый ряд архитектурно-строительных приемов, впервые отмеченных в витебской Благовещенской церкви, в скором времени были перенесены в Полоцк, резиденцию епископа, и нашли воплощение в архитектурном решении третьего храма Бельчицкого монастыря, за которым закрепилось название Борисоглебского. В 1908 г. *Борисоглебскую церковь* обследовал А. Павлинов, который значительно ошибся в датировке памятника из-за его существенных перестроек. Церковь в то время находилась в аварийном состоянии, в 1913 г. была отремонтирована, а в 1924 г. городские власти дали разрешение разбирать ее на кирпичи для хозяйственных целей. В 1928 г., когда памятник исследовал И. Хозеров, своды и восточная стена отсутствовали [Хозеров, 1994, с. 76]. Позднее церковь была полностью разрушена. Основной объем сооружения представлял квадрат со стороной 8,3 м (рис. 87: б). В центре четыре крестообразных столба формировали подкупольный квадрат, пролет которого был вдвое больше, чем боковые. На уровне опорного

кольца барабана купола закомары большого пролета образовывали равноконечный греческий крест, ориентированный по странам света. Угловые компартименты были совсем маленькими, что, однако, лишь усиливало в интерьере впечатление от светлого центрального пространства. В толще восточной стены помещались небольшие боковые апсиды в виде полукруглых конховых ниш. Снаружи выступала одна большая апсида, по ширине равная пролету подкупольного квадрата, декорированная тонкими полуколонками. В Борисоглебской церкви, как и в витебской Благовещенской, два столба из шести целиком входили в толщу западной стены, отделяющей кафоликон от нартекса, который, вероятно, был более низкий и имел отдельное позакомарное покрытие. Нижний ярус нартекса перекрывался коробовым сводом, которое, вероятно, повторяло коробовый свод более ранней Пятницкой церкви. Над нартексом находились певческие хоры, на которые вела деревянная лестница.

Дерево также использовано в строительных конструкциях храма. По периметру стен, выложенных из плинфы со скрытым рядом, И. Хозеровым обнаружен канал квадратного сечения, в котором некогда проходил пояс деревянных связей из дубового бруса, позднее сгнивших. Этот прием издревле практиковался в каменном строительстве стран византийского ареала, но очевидно не подходил для местного более влажного климата. Для утепления церкви использованы деревянные оконные заслонки с треугольным отверстием посередине. В местах примыканий к откосам проемов они первоначально были обмазаны глиной, а позднее замурованы вместе с окнами нижнего яруса. Еще одна примета восточного влияния прослеживается в подковообразной форме арок оконных проемов нартекса, также позднее замурованных. При раскопках на откосах окон выявлены орнаментальные фресковые росписи, разнообразные по цвету и рисунку. Снаружи полосы плинфы дополнительно были окрашены красно-коричневой краской для усиления декоративного эффекта. Очевидные следы влияния раннехристианского зодчества Закавказья свидетельствуют о том, что полоцкие мастера имели духовные и эмпирические связи с православными монастырями этого региона.

Взаимная обусловленность объемно-пространственного решения и конструкций сооружения были четко выявлены во внешнем облике храма. Стены были раскрепованы широкими однообломными лопатками, соответствующими сечению и выносу опорных столбов. Прясла в два яруса прорезали окна, при этом окна нижнего яруса были расположены в широких двухобломных арочных нишах, которые выполняли разгрузочную функцию. Фасады со всех сторон завершала живописная линия позакомар, из которых по высоте и ширине выделялась центральная, акцентируя центричность основного объема, увенчанного куполом на световом барабане. Под барабаном, вероятно, размещался дополнительный постамент, как и в соборной церкви Спасо-Преображенского монастыря. Однако по сравнению с ней, Борисоглебская церковь имела меньшие размеры, более простые обрамления окон, традиционную крестообразную форму столбов и однооб-

ломные лопатки, как и в предшествующих памятниках сакрального зодчества Полоцка. Согласно «Житию» Евфросиньи Полоцкой, агиографическому источнику второй половины XII в., соборная церковь Спасо-Преображенского монастыря в Сельце под Полоцком возведена зодчим Иоанном, по всей вероятности, монахом Бельчицкого Борисоглебского монастыря, который руководил местной строительной артелью под патронатом епископа Илии (1123–1143 гг.). На основании архитектурного сходства Борисоглебской и Спасской церквей можно предполагать, что они принадлежат одному автору, причем первая, очевидно, более ранняя. По мнению П. Раппопорта, эта церковь есть «первая редакция того архитектурного типа, который в завершенной форме представлен Спасским собором» [Раппопорт, 1982, вып. Е1–97, с. 98].

Соборная церковь Спасо-Преображенского монастыря (фото 12, рис. 87: в) хронологически завершает рассмотренную группу храмов и творчески возводит полоцкую школу зодчества древнерусского периода к вершинам мировой культуры.

Факт строительства этого храма трактуется агиографическим источником как чудо. Однажды преподобная Евфросинья увидела во сне ангела, который взял ее за руку и повел туда, где была деревянная церковка Святого Спаса, метохия Святой Софии в Сельце (в то время за 2 км от Полоцка), и сказал: «Евфросиния! Тут надлежит быть тебе!». Аналогичный сон увидел и полоцкий епископ Илия, который благословил Евфросинью на основание там женского Спасо-Преображенского монастыря. «И посему блаженная Евфросиния заложи церковь каменну Святого Спаса». Однако точная дата ее строительства не известна и разные исследователи варьируют ее в пределах с 1143 по 1161 г. Как свидетельствует «Житие», «приставник над делатели церковными» зодчий-монах Иоанн (в других летописных редакциях – Иван), также вдохновленный ангелом, вместе с дружиною, всего за 30 недель возвел новую Спасо-Преображенскую церковь – один из самых выдающихся памятников восточнославянского зодчества. Строительство также сопровождалось чудесами: при завершении выяснилось, что не хватает плинфы, но после истовой молитвы мастеров-строителей, она была найдена в печи на следующее утро. По окончании строительства «бысть торжество велие и праздноваша многия дни».

Спасская церковь – единственный памятник храмостроительства Полоцка XII в., сохранившийся до нашего времени в аутентичных конструкциях до уровня сводов. Однако композиция венчающих масс сооружения и его художественный образ в целом существенно изменены позднейшими перестройками. В начале XVII в. Спасская церковь была передана полоцкой миссии иезуитов, которые владели ею до 1820 г. (за исключением 1656–1667 гг.), затем до 1832 г. храм принадлежал ордену пиаров. При иезуитах церковь была приспособлена под костел, построена крипта, изменен нартекс, над древними закомарами надстроены верхние части стен и объединены двухскатной крышей, изменена форма лопаток, превращенных в полуколонны, заштукатурена фресковая роспись. Здание также было сильно повреждено

в период войны 1812 г. В 1832 г. церковь возвращена православным, а в 1841 г. при ней открыт женский монастырь. В 1833 г. городским архитектором А. Порто выполнен проект реконструкции храма, согласно которому предполагалось заложить лестницу на хоры, что, однако, не было осуществлено. Ремонты здания проводились также в 1843–1846 и 1910–1913 гг.

Начало архитектурному изучению Спасской церкви положил академик А. Павлинов в конце XIX в. Характерную особенность памятника – наличие в основании барабана купола квадратного постамента отметил в своих зарисовках 1868 г. художник Д. Струков, работавший здесь по поручению Императорской Археологической комиссии. В 1914 г. Спасскую церковь исследовал П. Покрышкин. В 1920-е годы архитектурные особенности Спасской церкви в контексте восточнославянского монументального зодчества XII–XIII вв. привлекли особое внимание советских историков архитектуры и археологов. Н. Брунов и И. Хозеров независимо один от другого сделали почти одинаковую реконструкцию ее первоначального вида, которая долгое время считалась окончательной и публиковалась во многих научных работах. В конце 1970-х годов П. Раппопорт и Г. Штендером были проведены дополнительные исследования верхних частей здания, что позволило уточнить аутентичные формы Спасской церкви и предложить более основательный вариант графической реконструкции храма (рис. 89: *а, б*) [Раппопорт, 1980а, с. 463].

Как и другие памятники полоцкой школы зодчества, Спасская церковь по архитектурной типологии является крестово-купольным храмом с композиционным ядром кафоликона в виде равноконечного греческого креста и более низкими объемами нартекса с запада и полукруглой алтарной апсиды с востока. Параметры сооружения: длина – 14,4 м (с апсидой – 18,2 м), ширина – 9,8 м, размеры подкупольного квадрата – 2,85 × 2,67 м. Основной объем храма имеет вытянутую прямоугольную плановую схему, которая развивает архитектурные особенности рассмотренных выше витебской Благовещенской и Бельчицкой Борисоглебской церквей. По сравнению с ними внутри Спасская церковь имеет шесть открытых опорных столбов, форма и компоновка которых в других памятниках того времени не встречается.

Шаг и пролет между столбами и стенами одинаковый и меньше их толщины. При таком характере организации интерьера образуются очень маленькие угловые компартименты, создается ощущение преобладания массы материала над сакральным пространством. Два столба-пилона с восточной стороны подкупольного квадрата имеют массивное прямоугольное сечение. Восточные компартименты, где расположены жертвенник (профезис) и диаконник, завершаются маленькими полуциркульными конховыми нишами-апсидами, скрытыми в толще стены. Они отделены от большой центральной алтарной апсиды массивными стенами с небольшими арочными проемами. Этот прием делает пространство алтарной апсиды сильно вытянутой по продольной оси. Иконостас расположен между восточными опорными пилонами, что соответствует раннехристианской традиции проведения

литургии в подкупольном пространстве, существовавшей до XV в. Четыре западных столба внизу имеют восьмигранное сечение, вероятно, чтобы оптически уменьшить впечатление зажатости пространства. Вверху эти столбы имеют одинаковое квадратное сечение. Переход от восьмигранной формы столбов в нартексе происходит на уровне хоров, а в подкупольных столбах значительно выше, что позволяет эффектно раскрыть пространство средокрестия, которое внезапно стремительно взлетает вверх к световому барабану купола на парусах.

Особое семантическое наполнение имеет архитектурное решение входного объема-нартекса. Шаг его стен равен стороне подкупольного квадрата. Над ним сделаны достаточно большие певческие хоры, открытые в сторону кафолика широким арочным проемом. Западная фасадная стена необычайно массивная (1,8 м) и в ее толще с северной стороны встроена лестница на хоры, как и в витебской Благовещенской церкви. В западных угловых компартиментах на уровне хоров расположены маленькие часовни, крестообразной формы, перекрытые полными парусными сводами, популярными в архитектуре Византийской империи с начала VI в. В восточных стенах этих часовен, где некогда спасались преподобная Евфросинья и ее сестра, сделаны небольшие алтарные ниши и окошки, обращенные внутрь храма.

Необычная массивность опорных конструкций Спасской церкви объясняется замыслом зодчего создать глубоко символический торжественный и светлый художественный образ храма как символа духовного горения. Эта идея выражена в своеобразной ярусно-пирамидальной объемно-пространственной композиции и неповторимой организации венчающих масс храма. Строго центрический объем кафолика на всех четырех фасадах завершен живописной линией закомар с двухступенчатыми архивольтами. Крестовое ядро выделено более высокими и широкими закомарами, поле которых прорезано небольшими крестообразными окнами, что подчеркивало семантику композиции. Закомары над западными угловыми компартиментами ложные, поскольку внутри помещения перекрыты парусными сводами, они созданы только для целостности художественного образа. К тому же для выявления основной художественно-символической идеи конструктивной полуциркульной форме закомар скульптурно приданы килевидные абрисы, напоминающие языки пламени.

Главной отличительной особенностью архитектоники Спасской церкви является наличие под барабаном купола массивного почти кубического постамента, который опирался на подпружные арки средокрестия (рис. 89: в). Снаружи постамент был оформлен ложными закомарами (кокошниками) трехлопастного абриса, дополненными еще более заостренными килевидными обрамлениями, что усиливала нарастающую кверху динамику форм. Между килевидными завершениями трехлопастных кокошников на обмазке купола сохранился след диагонального килевидного кокошника. Барабан купола как будто вырастал из восьми заостренных лепестков декоративных кокошников, рисунок и идея которых по времени опережают мотивы западноевропейской пламенеющей готики. Цилиндр барабана членился

тонкими полуколонками на восемь простенков, прорезанных высокими арочными окнами, и завершался аркатурным поясом. Всю композицию венчал шлемовидный купол с крестом.

Декоративный килевидный абрис выполнялся строителями по свежей обмазке каким-то инструментом с двумя параллельными зубцами на расстоянии 2,5 см. Затем по этому контуру на шельге закомары делали подвышение из кирпича, поставленного на ребро, и с помощью большого количества раствора формировали килевидное обрамление. Эти скульптурные, не связанные конструктивно с кладкой килевидные обрамления были разрушены позднее при перестройках. Остатки их найдены в нескольких местах в надстроенном чердачном помещении совсем недавно, в 1976 г. Если трехлопастная форма закомар уже имела прецедент использования в более ранних памятниках древнерусского периода, то в использовании закомар килевидной формы полоцкому зодчему Иоанну отдается безусловный приоритет, тем более что в его произведении эта форма используется широко, многопланово, целенаправленно и гармонично. Форма килевидной арки идет от культуры древней Персии, а в восточнославянском регионе ранее полоцкой Спасо-Преображенской церкви наличествовала только в декоративно-прикладном искусстве в виде так называемых городчатых венцов.

Кроме формообразующей и семантической роли система килевидных закомар и кокошников имела также утилитарную функцию. Она использовалась для отвода ливневых стоков и снега. Карниз кокошников имел вынос до 25 см, а стыки между закомарами и кокошниками заполняли наклонные водосточные желоба. Эта система принципиально отличалась от водометов-выдр, характерных для других школ древнерусского зодчества, что свидетельствует о творческой самостоятельности местных мастеров-строителей. Нижний ярус пирамидальной композиции Спасской церкви образовывали невысокие объемы нартекса и алтарной апсиды с пластичными крышами. Над южным и северным фасадами нартекса сделаны ложные закомары, а над ними возведены плавно ниспадающие стенки, гармонично соединяющие разновысотные объемы, а также предназначенные для организации водостока.

Фасадные стены церкви соответственно конструктивному делению интерьера опорными столбами раскрепованы широкими двухобломными лопатками. При этом верхний облом выполнен из лекального кирпича и имеет скругленную форму, что придает формам пластичность и визуальную легкость. На углах здания, таким образом, сочетались четыре облома, что делало угол менее жестким, пространственно неопределенным. Связки вертикальных элементов оптически усиливали направленность композиции ввысь. В пропорциях и расположении оконных проемов преимущество также отдано вертикалям. Оконные проемы с арочными завершениями расположены в два яруса, причем окна нижнего яруса в 1,5 раза больше верхних. Первоначально окна были оформлены бровками: полуциркульными над окнами нижнего яруса и килевидными над верхними, что также усиливало вертикальную динамику архитектурно-художественного образа храма. Бровки

декорировали также два дверных портала, расположенные в центре западного фасада и южного фасада основного объема. Портал с северной стороны не обнаружен.

Строительная техника Спасо-Преображенской церкви в целом общая с остальными памятниками полоцкой школы зодчества. Фундаменты выложены из бута средних размеров насухо. По толщине они больше стен и имеют скругленные расширения в опорных узлах. Кладка выполнена из качественной плинфы с рельефными знаками на известковом растворе с добавлением мелкой цемьянки в технике со скрытым рядом. Бровки над проемами выложены из четырех рядов плинфы, причем нижний ряд оформлен зубцами, а три верхних выполнены в виде полок со скрытым средним рядом, затертым раствором и расписанным фресковым орнаментом. Археологами выявлены также лекальные плинфы большого размера с одним закругленным углом и поливные керамические плитки первоначального пола храма.

Большую историко-художественную ценность представляет фресковая роспись интерьера Спасской церкви, которая целиком покрывала стены, столбы и своды храма. Древние фрески, забеленные в XVII в. иезуитами, были частично открыты при ремонте 1833 г., а затем закрашены масляными красками в 1835, 1840, 1890 и 1914 г., что нанесло им большой вред. В советское время художниками-реставраторами последовательно проводилась кропотливая расчистка фресок от позднейших напластований в 1929, 1937–1940, 1950, 1972 г. Неблагоприятный температурно-влажностный режим привел к разрушению позднейших масляных покрасок и самораскрытию многочисленных фрагментов древних фресок. На протяжении последних 20 лет ведется их расчистка, укрепление и реставрация. Фресковый живописный цикл включает многофигурные композиции на евангельские сюжеты и многочисленные изображения святых, расположенные по вертикали в несколько регистров, согласно иерархии земной и небесной (фото 10; 14: 1, 2; 15). Фресковая живопись характеризуется высокими художественными достоинствами, изысканностью теплой цветовой гаммы, портретным психологизмом. Статичные фронтальные изображения сочетаются с экспрессивными ракурсами. Среди женских образов имеется гипотетическое изображение Евфросиньи Полоцкой, отличающееся портретной реалистичностью и высокой духовностью. Реставраторами выявлено, что для большинства фонов росписей использован местный материал – настой жженных еловых шишек, а в келье преподобной Евфросиньи – жженная кость, что характерно для византийских мастеров. Это свидетельствует о разном генезисе живописной техники.

По своей архитектурной типологии Спасо-Преображенская церковь не отличается принципиально от других русско-византийских крестово-купольных храмов княжеско-епископского периода, однако ряд новаторских приемов в его архитектурно-художественном образе сделали этот памятник качественно новым этапом в русле восточнославянского зодчества. Полоцкий зодчий Иоанн в своих творческих методах опередил современных ему мастеров, подчинив конструктивно-строительные приемы художествен-

но-символическому замыслу. Его находки были востребованы различными региональными школами древнерусского зодчества XII–XVII вв.

Следующий шаг в развитии архитектурно-художественных особенностей местной школы зодчества был сделан в так называемой *княжеской церкви*, возведенной на территории Верхнего замка древнего Полоцка, в 50 м от Софийского собора. Ее строительство датировано археологами третьей четвертью XII в. В 1966–1967 гг. под руководством М. Каргера были выявлены фрагменты одного опорного столба, а также северной и южной стен на высоту до 1 м (рис. 48: а), что позволило определить общие параметры сооружения (24 × 16 м) и реконструировать плановую схему (рис. 48: б) [Каргер, 1972, с. 202–209]. Графическая реконструкция этого памятника выполнена Г. Штыховым.

По архитектурной типологии церковь в детинце является крестово-купольным храмом (с вимой), который морфологически близок рассмотренному ранее Большому собору Бельчицкого монастыря, но включает ряд позднейших наработок местных зодчих, например скрытые боковые апсиды, двухобломные скругленные лопатки (или уплощенные полуколонны, как определяет П. Раппопорт), выполненные по образцу Спасской церкви. Основу объемно-пространственной композиции княжеского храма составлял центрический квадратный в плане кафоликон. Ядро композиции в верхнем сечении имело вид равноконечного греческого креста и перекрывалось взаимно перпендикулярными цилиндрическими сводами с куполом на световом барабане над средокрестием. Подкупольный квадрат образован четырьмя крестообразными западными столбами. Еще два столба располагались на восток от подкупольного квадрата, образуя виму перед большой полукруглой алтарной апсидой. Более низкие боковые апсиды отделялись от центральной стенами с арочными проемами. Снаружи полукружия апсид не были выявлены, что придавало плановой схеме прямоугольную форму и создавало необычный ритм членений южного и северного фасадов.

Нартекс в церкви на Верхнем замке отсутствовал. Функционально его замещали три более низкие прямоугольные в плане притвора, расположенные по осям подкупольного квадрата с запада, юга и севера. Вместе с боковыми апсидами притворы составляли нижний ярус пирамидально-ярусной композиции сооружения, подчеркивали семантико-символическую роль крестового ядра. Тут почти полностью повторена идея Большого Бельчицкого собора, однако притворы не квадратные, а по ширине равны боковым пролетам кафоликона и с востока завершены небольшими конховыми апсидами, что придает им функцию дополнительных храмовых приделов. В итоге структура восточной сакральной части церкви основана на чередовании трех нечетных выступающих полукруглых апсид и двух четных скрытых апсид. Оригинальная, живописная и при этом строго иерархическая и каноническая композиция церкви на Верхнем замке Полоцка, безусловно, впечатляла современников, поскольку ее формы почти точно повторены в церкви Михаила Архангела в Смоленске (Свирской), которая датирова-

на 1180–1190 гг. (рис. 48: в), что свидетельствует о непосредственных связях зодчих этих регионов [Максимов, 1976, с. 44–48].

Динамичная композиция венчающих масс княжеского храма на Верхнем замке в Полоцке творчески развивала новаторские приемы, заложенные в более ранней Спасской церкви. Для них характерна общая строительная техника. Фундаменты княжеской церкви выложены из валунов насухо; кладка стен со скрытым рядом выполнена из плинфы с разнообразными рельефными клеймами на торцах; середина стен заполнена бутом. В раскопках найдена лекальная плинфа разного профиля, поливные керамические плитки и фрагменты фресковой живописи. Опорные конструкции княжеской церкви менее массивные, чем у ее предшественницы, а внутреннее пространство более открытое и светлое. Переход от подпружных арок сводов к опорному кольцу купола осуществлялся с помощью квадратного постаментов и небольших парусов. Угловые компартименты перекрывались закомарами в виде четверти круга, которые вместе с полукруглыми закомарами крестового ядра создавали трехлопастный абрис завершения всех четырех фасадов. Мотив трехлопастной арки повторен в форме кокошников на постаменте барабана шлемовидного купола и оконных проемах (трифориях). Пластику фасадов оживляли двухлопастные лопатки, при этом скругленные ребра верхнего облома создавали тонкие скользящие светотеневые нюансы. Насыщенный ритм обломов подчеркивал их вертикальную динамику, наподобие гуртов утонченных колонн западноевропейской готики, зарождавшейся в то же время. В декоре храма широко использовались аркатурные пояса, поребрики, бровки, килевидные обрамления полуциркульных арочных форм.

Развитие полоцкой школы зодчества завершает четвертый по счету храм Бельчицкого Борисоглебского монастыря, так называемый *триконх*, или *храм с боковыми апсидами*. Уже в XVIII в. он был целиком разрушен и закрыт землей. В это время его случайно открыли и зафиксировали в виде схематического рисунка (рис. 50: в). Под алтарной апсидой отмечено наличие крипты. В конце XIX в. фрагменты сооружения исследовал А. Павлинов, констатирующий, что стены сложены из высококачественной плинфы на растворе с добавлением битого кирпича, а в середине заполнены бутом. Им также обнаружена лекальная плинфа со скругленным торцом. Все это сближает строительную технику данного памятника с княжеской церковью на Верхнем замке и позволяет датировать его второй половиной XII – началом XIII в. (Н. Воронин, П. Раппопорт, О. Трусов). По своей архитектонике этот храм представлял все тот же крестово-купольный типологический вариант, характерный для полоцкого зодчества. Четыре опорных столба образовывали подкупольный квадрат довольно большого пролета. Боковые пролеты были вдвое меньшими, что наряду с сильно вытянутым прямоугольным планом сближает его с группой полоцких храмов, созданных под влиянием христианской архитектуры Закавказья [Габрусь, 2005, т. 1, с. 183–184]. Главной особенностью этого памятника является наличие двух боковых

притворов со входами с южной и северной сторон по оси подкупольного квадрата, которые по размерам соответствовали алтарной и, вероятно, были перекрыты конхами. По высоте апсиды были ниже основного объема, что создавало характерную для местной школы зодчества пирамидально-ярусную композицию.

Развитие самобытной полоцкой школы зодчества древнерусского периода охватывает два столетия – от середины XI до середины XIII в. Оно началось с возведения величественного Софийского собора по образцу средневизантийского крестово-купольного храма и было обусловлено распространением на белорусских землях христианства, политическим и экономическим подъемом Полоцкого княжества. Разнообразные по архитектурно-художественному образу сакральные памятники полоцкой школы зодчества объединяет и одновременно выделяет среди других региональных школ единая строительная техника, общий метрический модуль, своеобразные композиционные приемы. Помимо русско-византийских композиционных схем в ряде местных памятников наблюдается влияние архитектуры Закавказья. Со своей стороны творческие приемы полоцких мастеров оказали непосредственное влияние на создание лучших образцов древнего зодчества Витебска, Смоленска, Новогрудка, Гродно.

9.2. Храмовое и монастырское строительство в XIII–XVI вв.

(В. А. Воронин)

Сведения о церковном строительстве, которое шло в Полоцке в XIII–XVI вв., представлены в письменных источниках, к сожалению, крайне неравномерно. За XIII в. они практически отсутствуют, за XIV–XV вв. – очень редки, и только начиная с XVI в. можно представить картину более или менее подробно. Однако даже в случае с XVI в. нельзя говорить о полноте этой картины. Ряд важнейших вопросов остается невыясненным. Так, сегодня практически невозможно определить время основания подавляющего большинства храмов. Это, в свою очередь, позволяет только в самых общих чертах говорить о динамике церковного строительства. Тем не менее вхождение Полоцкой земли в состав ВКЛ, судя по всему, не привело к каким-то резким изменениям в храмовом и монастырском строительстве. Церковное строительство в Полоцке, несомненно, продолжалось и в середине–второй половине XIII в. Новые князья крайне нуждались в поддержке местного населения и местной церкви, а это должно было привести к основанию ими новых храмов и монастырей и передаче их в собственность церкви. Данные шаги должны были подчеркнуть христианскую набожность нового князя (часто неопита) и еще прочнее утвердить высокий престиж княжеской власти. Немаловажную роль здесь играла также демонстрация богатства князя и его щедрости по отношению к местной церкви и к Полоцку в целом.

Вообще же в храмовом строительстве в Полоцке принимали участие самые разные силы. Среди них нужно выделить уже упомянутую светскую

власть, саму церковь, отдельные социальные группы населения, богатые и знатные семьи. Возможно, свою лепту внесли также профессиональные объединения, улицы и частные лица, как об этом известно из истории других крупных городов. Богатый торговый город, безусловно, мог себе позволить широкое церковное строительство. Правда, исходя из материалов и прямых указаний источников XVI в., в Полоцке преобладало деревянное строительство [Сагановіч, 2005, с. 169]. Пожалуй, именно это обстоятельство можно выделить как отличительную особенность Полоцка по сравнению с другими крупными городами северного региона Руси. Например, в Пскове и в Великом Новгороде многие храмы в этот период были отстроены из камня. Правда, это не исключает того, что, по крайней мере, некоторые деревянные церкви в Полоцке строили на каменном фундаменте. Для примера: деревянная церковь в Верхнем замке Витебска, как об этом писал в своей хронике М. Стрыйковский, стояла на каменном фундаменте [Strykowski, 1846, т. 2, с. 58]. По своим размерам храмы были, как правило, совсем небольшими.

К числу «княжеских» монастырей Полоцка относился, по всей видимости, монастырь св. Михаила на Городце, который располагался в междуречье р. Двина и р. Полота, на окраине Великого посада [БА, 1928, т. 2, с. 194]. В конце XV – XVI в. настоятели этого монастыря имели сан архимандрита – и, судя по всему, этот сан был древнего происхождения. Топоним Городец указывает на то, что монастырь стоял в каком-то укрепленном месте или поблизости от него. Активизация церковного строительства в Полоцке наблюдалась во второй половине XIV в., когда князья здесь менялись достаточно часто и крайне нуждались в утверждении своей власти. Известно о целом ряде вкладов полоцких князей в местные церкви и монастыри, которые датируются именно указанным периодом. Так, Андрей Ольгердович передал земли по р. Званица, где позже возникло село Замшаны, Троицкому приделу Софийского собора. Князь Семен передал тому же приделу село на р. Ушача. Вкладом князя Михаила в монастырь св. Петра в замке были земли и люди «на Мосоры» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 173, 174]. Вполне возможно, что перечисленные князья и были основателями этого придела и монастыря. Или, по крайней мере, одного из них. Передавал церкви недвижимую собственность и Скиргайло, когда пытался утвердиться в Полоцке. Именно от него софийские «крылошане» (клирос) получили села Весницк, Дольцы и Путилковичи [АЗР, 1846, т. 1, с. 198]. В дальнейшем эти села значатся среди владений полоцких архиепископов, однако еще во второй половине XVI в. их крестьяне давали медовую дань на софийский клирос [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 165; Описание ... , 1907, с. 1].

Многое делала для основания новых храмов и монашеских обителей сама церковь. Полоцкие владыки и священнический чин, очевидно, также были устроителями ряда церквей и монастырей. Так, вполне возможно, что основателем монастыря св. Николы на р. Лучна в окрестностях Полоцка был местный архиепископ середины XV в. Симеон Новгородец. Во всяком

случае, он много сделал для этого монастыря, в том числе передал ему земли, купленные на деньги, которые он «с собою ... принесл» – принес, очевидно, со своей родины. Интересно, что недалеко от Великого Новгорода находятся д. Большое и д. Малое Лучно, с которыми вполне могло быть связано происхождение Симеона Новгородца.

Некоторые из храмов и монастырей Полоцка были основаны отдельными социальными группами. Так, Полоцкая ревизия 1552 г. сообщает о том, что Пятницкая церковь на Великом посаде – это «наданье от давньныхъ часовъ мещан полоцкихъ» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 178]. Заметную роль в церковном строительстве на Полотчине играл род Корсаков – самый известный из местных боярских, а позднее шляхецких родов. Кроме основания церквей в своих имениях, Корсаки делали богатые вклады и в монастыри: в частности, в Юрьевский монастырь «в поли за местом». Этот род сыграл и какую-то особую роль в истории Бельчицкого Борисоглебского монастыря, известного еще с XII в. Во всяком случае, в Полоцкой ревизии 1552 г. отмечено, что этот монастырь – «надане земянъ полоцкихъ пановъ Корсаковъ всихъ» [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 176]. По всей видимости, Корсаки восстановили этот древний монастырь после разрушения в результате какого-то бедствия – пожара или военных действий. Всего в Полоцке и его окрестностях в середине XVI в. действовало около 10 православных монастырей. Судя по всему, полоцкие монастыри были небольшими. Во всяком случае в самом крупном и богатом из них – Спасо-Преображенском – в 1570 г. жили 16 монахинь [РГАДА, ф. 389, ЛМ-573, л. 379об.].

Среди полоцких православных монастырей Спасо-Преображенский женский монастырь издавна имел особое значение. Наряду с кафедральным Софийским собором он был одним из символов Полоцкой земли, наиболее почитаемой и наиболее богатой полоцкой обителью. Первый же пункт областного привилея Полоцкой земле великих князей литовских в редакции 1511 г. гласит: «В церкви Божии и в ыменьа церковньные намъ не вѣступати ся, в дом Божии Светого Софея и въ домъ Божии Светого Спаса, и в ыные дома церковньные намъ не вѣступати ся». Тот факт, что среди «церковных домов» здесь поименно названы только два, в том числе Спасский, ярко подчеркивает высокий статус этого древнего монастыря. В своем завещании 1559 г. полоцкий бурмистр Давыд Панков также назвал всего два полоцких клироса: софийский и спасский, которым он передал одинаковые суммы денег [Варонін, 2003, с. 39]. С женским монастырем Святого Спаса был тесно связан Богородицкий мужской монастырь, основательницей которого стала также Евфросинья Полоцкая. Обои монастырями с самого раннего этапа их существования руководили спасские игумены. К XVI в. эти две обители превратились фактически в один монастырь, который в большинстве случаев называли Спасским.

Одной из самых известных полоцких святынь был монастырь Иоанна Предтечи на Острове. Высокое положение этого монастыря подтверждает тот факт, что местные игумены и архимандриты неоднократно становились полоцкими архиепископами. До наших дней сохранилось несколько книг из монастырской библиотеки.

По источникам, в основном XVI в., удается проследить существование в Полоцке 26 православных церквей. Общее же их количество, судя по всему, было несколько больше и на середину указанного века составляло примерно 30. Некоторые церкви владели землями. Как и в случае с монастырями, часто не известно точное время основания церквей, которые функционировали в XIII–XVI вв. Обращает на себя внимание большая концентрация церквей на территории Верхнего замка, которых там насчитывалось как минимум восемь. С учетом того, что в середине XVI в. там находилось еще 2 монастыря, 130 жилых домов, дворы воеводы и архиепископа и ряд других зданий, можно себе представить плотность застройки этого небольшого по площади участка.

В некоторых случаях удастся проследить механизм возникновения монастырей. Так, в источниках XVI в. неоднократно упоминается Пятницкая церковь. Вместе с тем в своем завещании 1559 г. полоцкий бурмистр Давыд Панков отметил: «А пятъницькому игумену, где тело мое похováють, копу грошей...» [Варонін, 2003, с. 39]. По всей видимости, в середине XVI в. Пятницкая церковь начала превращаться в монастырь. Сначала при храме поселились монахи, а затем появился и настоятель монастыря – игумен. Процессу перерастания церкви в монастырь способствовало то обстоятельство, что храм владел землями и, таким образом, имел стабильный источник дохода. Полоцкие монастыри и церкви сильно пострадали во время Ливонской войны 1558–1583 гг., после которой некоторые из них так и не были восстановлены. Тяжелейшим ударом для полоцких православных монастырей стала передача их земельной собственности иезуитам, которую в 1582 г. провел король Стефан Баторий. В результате всех этих событий уже на заключительном этапе и особенно после Ливонской войны жизнь православных монастырей в Полоцке замерла. В лучшем случае храмы некоторых из них стали обычными приходскими церквями. Именно такую ситуацию зафиксировал, в частности, церковный инвентарь 1618 г., который называет также значительно меньше церквей, чем их было в Полоцке шестьдесятю годами ранее, накануне Ливонской войны.

Наряду с православными монастырями и церквями, которые составляли в Полоцке подавляющее большинство, в XV в. в городе появились и католические святыни. Их основание связано с деятельностью великих князей литовских. Так, еще в 1406 г. великий князь Витовт разрешил рижским купцам построить свой католический храм в Полоцке [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 98–99]. Однако этот шаг был сделан Витовтом как знак особого расположения именно к рижским купцам, которые вели широкую торговлю в Полоцке, и предназначался специально для них. К тому же неизвестно, был ли этот немецкий костел вообще построен. Во всяком случае, более поздние документы ни разу о нем не упоминают. По всей видимости, разрешение немцам построить костел в Полоцке было дано Витовтом как ответный шаг на строительство полоцкими купцами своей православной церкви св. Николая в Риге. Правда, не исключено и обратное: рижская Никольская церковь была построена лишь после того, как немцы получили

разрешение основать свой костел в Полоцке. Очевидно, существовала также связь между этим решением Витовта и торговым договором, который он от имени Полоцка заключил с рижанами в том же 1406 г.

В 1498 г. великий князь литовский Александр поселил в Полоцке католических монахов ордена бернардинцев и отвел им в Заполотье место под монастырь. Этот свой шаг он закрепил в 1504 г., когда издал соответствующий привилей [KDKDW, 1948, t. 1, s. 537–538]. Остатки деревянного фундамента этого монастыря были открыты Д. В. Дуком во время археологических раскопок 2010 и 2011 г. Поселение бернардинцев в Полоцке было связано с попытками Александра провести церковную унию. Существует также связь между основанием бернардинского монастыря и пожалованием Полоцку магдебургского права. Совпадает не только год этих событий. По всей видимости, составители магдебургского привилея Полоцку неслучайно датировали его днем св. Франциска: бернардинцы были ответвлением знаменитого францисканского ордена. Заметим, что основание в Гродно бернардинского монастыря и пожалование этому городу магдебургского права также были близкими по времени событиями: в 1494 г. был основан монастырь, а в 1496 г. город получил полное магдебургское право. Воспитанником полоцких бернардинцев был Франциск Скорина. По всей видимости, он получил это свое имя также в честь основателя ордена – св. Франциска Ассизского. Бернардинский монастырь просуществовал в Полоцке до 1563 г., когда город был захвачен войсками Ивана Грозного. Все шестеро местных монахов (Адам, Бонавентура, Венцеслав, Доминик, Мартин и гвардиан Павел) были убиты татарами, служившими в русском войске [Strýkowski, 1846, t. 2, s. 413–414].

Ниже приведен перечень полоцких православных церквей и монастырей с краткими сведениями по их истории. Перечень охватывает период с XI в. по 1582 г., для контроля привлечены данные церковного инвентаря 1618 г.

Православные церкви и монастыри города Полоцка (до 1582 г.)¹

1. Церкви

Афанасьевская на Великом посаде. Упомянута в 1533 (?) и в 1552 г.

Благовещенская «в месте» на Великом посаде. Упомянута в 1534 г. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянута в 1582 г. (*templum in civitate Annunciationis*).

Богородицкая «старая» в замке. Упомянута в 1107 (?) и в 1158 г. В инвентаре 1618 г. «старая деревянная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы» локализована в Верхнем замке.

Богословская на Великом посаде. Упомянута в 1552 г.

¹ Список составлен на основании материалов статьи: Варонін, В. А. Праваслаўныя цэрквы і манастыры Полацка (да 1582 г.) / В. А. Варонін // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: научный сборник. – Минск, 2009. – Вып. 2. – С. 152–174. Здесь же приведен научно-справочный аппарат.

Богоявленская на Великом посаде. Упомянута в начале XVI в. и в 1552 г. *Св. Василия в замке*. Упомянута в 1500 г.: «дворъ въ замъку ... подле Светое Софеи, противъ Светого Василья».

Св. Василия «в месте» на одном из посадов. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянута в 1582 г. (*templum s. Basilii in civitate*).

Вознесенская на Великом посаде («в посаде на улице»). Упомянута в 1533 г. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянута в 1582 г. (*templum Dominicae Ascensionis in civitate*). В 1559 г. при церкви действовал шпиталь (богадельня). Деревянная. Возможно, идентична *Вознесенскому монастырю* (см.).

Св. Дмитрия «в замку». Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянута в 1582 г. (*templum s. Demetrii in arce*).

Св. Духа (Сошества Св. Духа) на Заполоцком посаде. Упомянута в 1504 и 1552 г. Деревянная.

Екиманская на Экиманском посаде. Упомянута в 1552 г.

Ильинская (св. Пророка Ильи) на Великом посаде («на улице в посаде»). Упомянута в 1552 г. Деревянная.

Св. Козьмы и Дамиана (Демьяна) на Заполоцком посаде. Упомянута в 1517 г. Деревянная.

Св. Михаила на Великом посаде. Упомянута в 1505, 1533 и 1552 г.

Св. Николая «дворная в замке». Существовала уже во второй половине XIV в. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянута в 1582 г. (*templum s. Nicolai in arce*).

Св. Николая («з места») на одном из посадов. Упомянута в 1552 г.

Св. Николая «в замке на Полупяте». Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянута в 1582 г. (*templum s. Nicolai in Polupieczce*).

Покровская на Заполоцком посаде. Упомянута в 1505 и 1552 г.

Пречистенская (Богородицкая) на Великом посаде. Упомянута в начале XVI в. и в 1552 г.

Пятницкая на Великом посаде. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянута в 1582 г. (*templum Piatnice in civitate*). Возможно, идентична *Пятницкому монастырю* (см.).

Рождества Христова на Великом посаде («на месте под замком»). Упомянута в 1507 и 1559 г. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Деревянная.

Софийский кафедральный собор («Церковь Светого Софея в замку, соборная»). Построен в середине XI в. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Собор имел два придела: 1) *Св. Троицы (церковь Св. Троицы дворная)*. Упомянут в трех вкладных записях XIV в., в 1534 и 1552 г.; 2) *Всех Святых*. Упомянут в 1552 г.

Сретения Христова в замке. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1582 г. (*templum Purificationis seu Wstrethenia dictum*).

Св. Троицы и Св. Спаса «в рынку» на Великом посаде (?). Упомянута в 1552 г. Деревянная.

Св. Юрия (Георгия) на Великом посаде. Упомянута в 1505, 1517 и в 1552 г.

2. Монастыри

Св. Бориса и Глеба на Бельчице. Самые ранние каменные монастырские здания, которых сегодня известно четыре, датированы первой половиной (возможно, первой четвертью) XII в. Является адресатом вкладной грамоты полоцкого князя Ярослава Изяславича 1396 г., однако данная грамота признана подделкой. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. В 1618 г. здесь находились «две церкви старых, каменных, и одна новая, деревянная».

Вознесения Христова. Возможно, идентичен *Вознесенской церкви* (см.).

Воскресения Христова Мошоноцкий в замке. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1568, 1569 и 1582 г. (*monasterium Resurrectionis Domini nostri in arce, Mossonecki dictum*). В 1559 г. при монастыре действовал шпиталь (богадельня).

Св. Иоанна Предтечи на Острове в Полоцке, на берегу р. Двина. Является адресатом вкладной записи великого князя Онуфрия, которую теоретически можно датировать XIV–XV вв., однако подлинность этой записи оспаривается. Упомянут в записи 40–50-х годов XV в. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1582 г. (*monasterium sancti Ioannis Praecursoris, in insula, sub arce Polocensi in fluvio Dzwina*). Пришел в упадок до 1618 г., когда «за Двиной в Слободском посаде» упомянута деревянная церковь в честь св. Иоанна Крестителя, которая, очевидно, осталась от монастыря.

Св. Козьмы и Дамиана (Демьяна) «в месте». Упомянут в 1534 г. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1582 г. (*monasterium s. Cosmae et Damiani*).

Св. Николая на Лучно. Упомянут в документе 40–50-х годов XV в. В 1496 г. великий князь литовский Александр признал монастырь великокняжеским «подаваньем». Сильно пострадал во время войн ВКЛ с Московским государством. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1582 г. (*monasterium s. Nicolai Lucenskii*).

Св. Михаила на Городце (Городке). Упомянут в 1496 и 1497 г. («старица святого Михаила въ Полоцку на имя Фетинья»). Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1582 г. (*monasterium s. Miahaelis Horodziecki*).

Пятницкий. Возможно, идентичен *Пятницкой церкви* (см.).

Св. Петра (Св. апостолов Петра и Павла) в замке. Основан не позднее XIV в. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1582 г. (*monasterium s. Petri in arce, in arce ... superiori ... monasterium ss. Petri et Pauli*).

Св. Спаса женский в Сельце (Шерешкове). Основан Евфросиньей Полоцкой в период с 20-х по 50-е годы XII в. Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1582 г. (*monasterium monialium Hihumienie dictum swiętego Spassa*), причем на то время каменный монастырский храм во имя Спаса-Преображения был уже разрушен. В 1570 г. в монастыре проживало 16 монахинь.

Прсв. Богородицы (Пречистенский) мужской. Основан Евфросиньей Полоцкой в период с 20-х по 50-е годы XII в., однако позднее чем *монастырь св. Спаса*, и не позднее 1158 г. Упомянут в 1517 и 1534 г. Храм в честь Пресвятой Богородицы каменный.

Св. Юрия (Геоργия) «в поле за местом». Земельные владения описаны в ревизиях 1552 и 1580 г. Упомянут в 1563 г. Пришел в упадок до 1618 г., когда на Невельском предместье упомянута одноименная деревянная церковь, которая, очевидно, осталась от монастыря.

9.3. Архитектурные ансамбли Полоцка эпохи барокко *(Т. В. Габрусь)*

Барокко – ведущий стиль в христианском искусстве с конца XVI по конец XVIII в. большинства стран Европы и Латинской Америки, преимущественно тех, где государственной формой вероисповедания являлся католицизм. В историко-социальном плане он был востребован идеологией контрреформации, которая с помощью нового экспрессивного дуалистического искусства стремилась опровергнуть социально-религиозные идеи реформации и связанной с ними эстетики эпохи Возрождения. Для борьбы с протестантскими ересями и с целью укрепления позиций католицизма в 1534 г. святым Игнатием Лайолой (канонизирован в 1622 г.) был основан новый чрезвычайно мобильный монашеский орден иезуитов, утвержденный буллой папы Павла III в 1540 г. Для своих целей орден иезуитов пользовался мощным арсеналом культурно-просветительских средств, одним из которых стало сакральное искусство. Оно отказалось от ренессансного культа человека-титана и стало отражать двойственную природу человека, борьбу в нем земного и духовного начал. Сложившийся на основе этих социально-философских принципов архитектурно-художественный стиль получил в искусствоведении название «барокко», что означало – сложный, чрезмерный, неправильный. Для архитектурного творчества этого стиля характерны новые принципы формообразования, такие, как: динамичность объемно-пространственных композиций, произвольность плановых схем, живописность линий, пластичность и зеркальная симметрия главных фасадов, неклассическая трактовка декоративных элементов, корректировка оптического восприятия объектов и др. Распространению новых эстетических принципов способствовали многочисленные открытия того времени в области естественных наук: математики, механики, оптики, статики сооружений и т. д.

Однако связывать возникновение стиля барокко только с католической реакцией на реформационное движение не следует. В его эстетической концепции нашла отражение сложная и противоречивая картина социальной жизни Европы того времени в целом. Это был период активного формирования наций и национальных государств, культурной адаптации новых территорий, освоенных в результате великих географических открытий. Искусство барокко усвоило и переработало различные художественные тра-

диции, приобрело в разных странах и в различных социально-исторических условиях самобытный национальный характер. Поэтому к определению этого, можно сказать, всемирного стиля обычно присовокупляют его региональную принадлежность. Не стала исключением в общеевропейском контексте и художественная культура Беларуси.

Становление и расцвет белорусского барокко в архитектуре и изобразительном искусстве исторически совпадают с хронологическими рамками вхождения белорусских земель и ВКЛ в целом в состав Речи Посполитой. Своеобразие национальной разновидности стиля обусловлено в первую очередь сложившимся здесь в рамках единого государства сосуществованием четырех христианских конфессий: православия, католицизма, протестантизма и греко-католической (униатской) церкви, чего не было в других странах Европы, а также доминированием в сакральном искусстве предшествующей православной традиции в религиозной жизни населения белорусских земель [Габрусь, 2001, с. 5–11]. Ярким примером этому является храмовое и монастырское строительство Полоцка эпохи барокко. Роль этого города, хранившего давние традиции местной школы зодчества древнерусского периода, в формировании самобытных черт архитектуры белорусского барокко является очень значительной, а ряде случаев – приоритетной.

Первый католический костел, возможно, был возведен в Полоцке еще в XIII в. немецкими купцами и использовался ими также для сохранения товаров. По аналогии с храмами, обладающими такими хозяйственными функциями, он, вероятно, был каменный и должен был иметь черты западноевропейской готики. В 1498 г. королем польским и великим князем литовским Александром Ягелончиком в Полоцке был основан один из наиболее ранних на территории Беларуси монастырь ордена бернардинцев. Позднее здесь появились резиденции иезуитов и орденов францисканцев и доминиканцев. Первые сооружения всех монастырей были деревянными и неоднократно уничтожались пожарами. Каменные костелы католические ордены смогли возвести только во второй половине XVIII в., однако в связи с разладами Речи Посполитой (Полоцк вошел в состав Российской империи по первому разделу 1772 г.) им было уготовано недолгое существование.

Полоцкий регион географически расположен достаточно близко от Вильно-исторического и культурного центра Великого Княжества Литовского – и, естественно, в сфере социальной и религиозной жизни находился под ее непосредственным влиянием. В 1579 г. в Полоцке основана резиденция иезуитов, вторая по времени после Вильно на территории ВКЛ и первая на территории современной Беларуси. Роль Полоцка в истории этого ордена уникальная – он стал не только первым, но и последним его пристанищем на белорусских землях. Летом 1580 г. по инициативе известного католического теолога, полемиста и проповедника Петра Скарги под патронатом короля Стефана Батория в Полоцке был основан иезуитский коллегийум – пятиклассное учебное учреждение филологического и теологического профиля, где преподавались латинский и греческий языки, риторика, поэтика, античная литература и Священное Писание. Учащиеся воспитывались в духе преданности католицизму и целям ордена.

Королевским указом 1582 г. полоцким иезуитам были переданы все православные церкви и монастыри города, за исключением Софийского собора [РГИА, ф. 823, оп. 1, д. 43]. Первоначально здания коллегиума предполагалось возвести на острове в течении р. Западная Двина, на месте монастыря Иоанна Предтечи. Однако позднее первые деревянные постройки костела и коллегиума начали сооружать на высоком правом берегу реки, неподалеку от Софийского собора, между Верхним замком и рыночной площадью города, о чем свидетельствует соответствующая королевская грамота. Иезуитский костел был освящен в честь Благовещения Девы Марии и св. Стефана, небесного патрона короля-основателя.

В XVII в. *деревянный комплекс коллегиума иезуитов* в Полоцке неоднократно горел. В конце столетия началось возведение каменного костела, как полагают, по проекту итальянского зодчего [Квитницкая, 1972, № 19, с. 21], Строительство в основном было окончено к 1738 г. Костел освящен 15 августа 1745 г. [РГАДА, ф. 2188, оп. 4, д. 3295, л. 1], но оформление интерьера еще продолжалось. В строительстве костела участвовали и одновременно преподавали в коллегиуме известные в строительной деятельности ордена архитекторы-иезуиты: Владислав Дягилевич (1695–1698), Григорий Ангел (1609–1699), Казимир Метелковский (1705–1710) и (1733–1735), каменщик Бенедикт Мезер (1735–1738), а позднее Мартин Почобут (1748–1753), Иосиф Олендзский (1759–1760), Василь Шляхта (1760–1762), Андрей Желобовский (1766–1769) [Poplatek, 1972, s. 248–249]. Очевидно, что при наличии таких высококвалифицированных кадров, строительство осуществлялось местными силами. Известно, что купол костела возводил архитектор-иезуит Габриэль Ленкевич, получивший профессиональное образование в Риме. В создании главного алтаря принимал участие художник Симон Чахович, столярные работы в интерьере выполняли резчики Антон Лазурович и Томаш Быкович. Итальянский мастер Доменик Адам Касперини построил здесь великолепный орган, который в 1838 г. при перестройке костела под православный Николаевский собор был вывезен в Вильно в бывший иезуитский костел св. Яна.

В 1750 г. на месте уничтоженного в очередной раз пожаром деревянного здания коллегиума начали строить новый грандиозный каменный комплекс, который вместе с костелом образовал величественный архитектурный ансамбль (рис. 90: а, б). Его общая площадь составляла 7180 м². Строительство происходило в несколько этапов. Расположение громадного трехэтажного Е-образного корпуса на высоком надпойменном плато потребовало укрепления берега каменной подпорной стеной. В основание здания были заложены каменные подземные дренажные водостоки, подвалы также были оборудованы водоотводами, в стенах встроены вентиляционные ходы, а под каменными и кафельными полами проходили отопительные каналы – высший уровень технического обеспечения и комфорта того времени. Боковые крылья коллегиума имели коридорную планировку. Светлые односторонние коридоры на трех этажах соединяли 105 монашеских келий, перекрытых своеобразными сводами со спаренными угловыми распалубками, ко-

которые получили название «иезуитских». Коридор правого крыла соединялся с алтарной частью костела, ориентированной на запад.

На террасе перед главным фасадом коллегиума был разбит регулярный сад. По оси парадного вестибюля находился большой выступающий объем, на первом этаже которого располагалась трапезная, где, как свидетельствуют инвентари, на стенах висели картины. Верхний этаж над трапезной занимала библиотека, которая на период своего расформирования включала 40 тысяч томов и являлась богатейшим собранием в Беларуси. Основу книжного фонда составляли издания XVI–XVIII вв. на польском, латинском, французском и немецком языках, а также литература, изданная в Беларуси, в том числе и в собственной типографии коллегиума. Среди книг находились учебники по географии и истории Рима, произведения Я. Кохановского, П. Скарги, М. Карицкого, Н. Мусницкого, А. Нарушевича и др. В библиотеке хранились также рукописи, королевские грамоты и другие документы, диссертации, словари, энциклопедии и справочники по различным научным дисциплинам.

После того, как в 1773 г. буллой папы римского Климента XIV орден иезуитов был ликвидирован, императрица Екатерина II, вопреки папской булле, решила сохранить орден в своем государстве – и местом его дислокации стал Полоцк, всего лишь год тому назад вошедший в состав Российской империи. Это способствовало очередной активизации строительства коллегиума, который превратился в мощную градостроительную и богатейшую культурно-просветительскую структуру.

До 1778 г. с южной стороны от костела параллельно его продольной оси пристроен трехэтажный корпус, на первом этаже которого находилась типография, на втором – училище, на третьем – театр с богатыми декорациями. После посещения Полоцка самой императрицей в 1780 г. прямоугольный периметр основного корпуса замкнули одно- и двухэтажные каменные служебные здания с воротами для проезда во двор. Помимо амбаров, конюшен, каретной, пекарни, здесь размещались столярная и слесарная мастерские, суконная фабрика, аптека с лабораторией и сушильной лекарственных трав.

В феврале 1784 г. в Полоцк приехал профессор архитектуры Габриэль Грубер, словенец по происхождению, который с 1785 г. исполнял обязанности руководителя ордена. Это был человек исключительных способностей, который владел большим количеством европейских языков и широким спектром гуманитарных и естественнонаучных дисциплин: философией, теологией, математикой, физикой, астрономией. Он был доктором медицины и выдающимся художником, хотя обычно Грубера характеризуют как математика и архитектора. По его проекту был построен новый корпус, который соединил главный и театральный корпуса: в нем разместились пинокотека, украшенная собственными фресками Г. Грубера, музей, химическая лаборатория, обсерватория и научные кабинеты (физический, естественной истории, минералогический, этнографический и др.). С полоцким иезуитским коллегиумом связано начало профессионального архитектурного об-

разования в Беларуси: здесь функционировали два факультета (гражданской и военной архитектуры), где в 1802 г. обучались 40 человек.

Будучи с 1800 г. первым ректором иезуитского коллегиума в Петербурге, Г. Грубер имел большое влияние на российского императора Павла I, при посредничестве которого в 1801 г. получил от папы Пия VII официальное признание ордена иезуитов в пределах Российской империи, а в 1802 г. был избран его генералом (повсеместно орден восстановлен тем же папой в 1814 г.). На базе бывшего коллегиума в 1812 г. была создана Полоцкая иезуитская академия, просуществовавшая до 1820 г. Благодаря этому учебно-воспитательному учреждению, город расцветал и особенно торжественно выглядел 1 августа, когда начинались каникулы. Как отмечал один из основоположников белорусской литературы, воспитанник полоцкой иезуитской академии Ян Барщевский: «В этот день Полоцк мог стать столицей всей Белой Руси» [Баршчэўскі, 1990, с. 110].

Деятельность иезуитов была прекращена указом Александра I о высылке их из Российской империи от 13 марта 1820 г. Академия была закрыта, а здания и имущество переданы ордену пиаров, которые владели ими до 1830 г., когда и его деятельность была прекращена Николаем I, а библиотечное собрание коллегиума разукомплектовано и разослано в Петербург, Симбирск, Киевскую православную духовную академию и т. д. В здании коллегиума расположился Полоцкий кадетский корпус, а костел св. Стефана в феврале 1833 г. был вновь освящен в качестве православного храма св. Николая Мирликийского, который позднее стал кафедральным собором Полоцко-Витебской епархии. В это время комплекс подвергся реконструкции по проекту полоцкого епархиального архитектора А. Порто, однако существенных изменений во внешнем облике не претерпел.

Костел св. Стефана возведен в стиле зрелого барокко с элементами сарматизма, патриотической идеологии шляхетского сословия Речи Посполитой. Стилистика позднего белорусского барокко, называемого виленским, затронула его художественный образ только на последнем этапе строительства, при возведении верхних ярусов башен. В архитектурном плане полоцкий костел иезуитов представлял собою грандиозную трехнефную крестово-купольную базилику с двухбашенным фасадом. Его отличала строгость прямоугольной плановой схемы (24 × 47 м). План в верхнем сечении, у основания купола, имел форму вытянутого латинского креста. Подобная архитектоника наиболее типична для католического храма эпохи барокко, но каждое отдельное сооружение этого типа имеет неповторимый индивидуальный архитектурно-художественный образ. Сооружение отличалось вертикализмом пропорционального строя, характерным для отечественной архитектуры [Габрусь, 2001, с. 172–176].

Главный фасад костела замыкал с запада перспективу планировочной оси города – бывшей Витебской улицы. Телескопическая структура 60-метровых башен придавала храму необычайную стройность и устремленность ввысь. Первое горизонтальное членение фасада проходило на уровне карниза центрального нефа, что придавало пропорциям пилястр большого ордера

визуальную утонченность. Костел формировал главную силуэтную са-
кральную доминанту города. Именно его мощная градостроительная роль
стала причиной того, что в 1936 г., на пике идеологического атеистического
варварства, изящные верхние ярусы башен костела были разобраны: на од-
ной из них находились колокола, а на другой – уникальные городские часы
работы виленского мастера Густава Мудни. Второй волной вандализма во
времена «хрущевской оттепели» был уничтожен уже весь комплекс. Госу-
дарственная комиссия БССР приняла решение о «нецелесообразности и не-
возможности» восстановления полуразрушенного ансамбля, который был
снят с республиканского учета памятников истории и культуры. В январе
1964 г. с большими усилиями и экономическими затратами здания бывше-
го иезуитского комплекса были взорваны [Взрыв 1964 года в Полоцке, 1992,
№ 1, с. 73]. Сохранились только южная часть главного корпуса и западное
крыло коллегиума. В настоящее время комплекс частично восстановлен.

Если в проникновении западноевропейской эстетической концепции
барокко в культуру Беларуси на рубеже XVI–XVII вв. главная роль при-
надлежала ордену иезуитов, а в период становления стиля и приобретения
им национальных черт с элементами сарматизма – нищенствующим орде-
нам, в первую очередь доминиканцам и кармелитам, то основой самобыт-
ности позднего белорусского барокко, называемого виленским, стало униат-
ское храмостроительство [Габрусь, 2006, т. 2, с. 341].

Греко-католическая церковь была создана в результате заключения
Брестской унии 1596 г. в государственных рамках Речи Посполитой и лик-
видирована в результате ее разделов, вскоре после восстания 1830–1831 гг.,
в феврале 1832 г. В XVII–XVIII вв. была сделана попытка преодолеть разоб-
щенность населения белорусских земель по конфессиональному признаку,
что, безусловно, способствовало процессу формирования белорусской на-
ции и развитию ее культуры. Униатская церковь представляет собой особое
явление социальной истории Великого Княжества Литовского в контексте
всей Европы, и синхронность периода ее существования с эпохой барокко
в национальном искусстве не могла остаться случайной и безрезультатной.
Культурно-созидательная миссия униатской церкви нашла наиболее яр-
кое выражение в монументальном сакральном зодчестве Великого Княже-
ства Литовского середины XVIII в. Важнейшую роль в формировании уни-
кальной архитектурно-художественной стилистики виленского барокко
сыграла идеологическая программа, проводимая известным деятелем уни-
атской церкви митрополитом Флорианом Гребницким (1664–1762), кото-
рый с 1719 г. и до конца жизни был архиепископом полоцким. По его ини-
циативе в стиле виленского барокко были возведены великолепные каменные
униатские церкви в Полоцке, Березвечье под Глубоким, Витебске, Орше,
Толочине. При этом архитектура греко-католических храмов, возводимых
под патронажем Ф. Гребницкого, выполняла примиренческую межконфес-
сиональную роль. Архитектоника униатских церквей полоцко-витебского
региона имманентно сформировалась на основе традиций местного зодче-
ства предшествующего периода с учетом восточных и западных архитектур-

ных влияний, литургических канонов и символики как католической, так и православной конфессий. Более того, поскольку идеологическая программа унии имела целью преодоление ненужного и необоснованного, с ее точки зрения, противостояния в христианском мире, поэтому она опиралась на раннехристианские образцы, возникшие до раскола церкви на католицизм и православие [Габрусь, 1996, № 2, с. 26].

Противостояние между основными христианскими конфессиями в разных сферах общественной жизни ВКЛ в зодчестве Беларуси на протяжении столетий находило выражение в противостоянии клерикальной семантики различных по своему генезису типов храмов: средневизантийского крестово-купольного, с планом в верхнем сечении в виде равноконечного греческого креста, и крестово-купольной базилики, с планом в верхнем сечении в виде вытянутого латинского креста. Формой плана под куполом, на уровне, не доступном простым верующим, церковной иерархией декларировалась определенная теологическая программа. Единственный униатский монашеский орден базилиан, начавший свою деятельность в ВКЛ в 1617 г., в отличие от католических орденов следовал статуту св. Василия Великого, который является основой православного монашеского чина, в связи с чем они имеют общую форму обрядности. Идея компромисса между противоборствующими клерикальными канонами, заложенная в самой сути униатской церкви, весьма своеобразно решалась в архитектонике униатских храмов виленского барокко. В их тектонике наблюдается тенденция совместить укороченную базилику с попарно равноконечным крестом в верхнем сечении. К тому же, исходя из той же идеи компромисса, униатские церкви этого времени в большинстве своем получили неканоничную ориентацию алтарной части на север.

Православный *Софийский собор* в Полоцке, древнейшая христианская святыня Беларуси, перешел к униатам в конце XVI в. В 1607 г. он горел, но был восстановлен до 1618 г. Известно, что в это время, по приказу униатского архиепископа И. Кунцевича, с угловых частей крестово-купольного храма сняли возведенные в конце XV в. оборонительные башни «как ненужные и никакой красоты не придающие» [Ткачоў, 1978, с. 129]. Каким стал собор после следующего пожара (1643 г.) определить невозможно, поскольку ни описаний, ни изображений святыни того времени не сохранилось. На известном плане Полоцка 1707 г. (фото 8) Софийский собор по-прежнему показан храмом-крепостью с четырьмя круглыми башнями на углах и куполом в центре высокой двухскатной крыши.

В период Северной войны, с 1705 по 1710 г., город занимали войска Петра I, который собственноручно учинил расправу над униатскими священниками и приказал устроить в соборе пороховой склад. 1 мая 1710 г. древнейший памятник был почти полностью уничтожен взрывом. Около 20 лет руины храма находились в запустении. На его месте в 1738–1750 гг. на собственные средства Ф. Гребницкого выстроен новый величественный Софийский собор в виде трехнефной одноапсидной базилики с двухбашенным фасадом (оформление интерьера продолжалось до 1765 г.). Как униатский,

храм был переориентирован алтарем на север, при этом длина первоначальной святыни определила ширину новой. Симметрично трем древним восточным апсидам, сохранившимся на высоту до 9 м, была возведена аналогичная западная группа апсид. Вместе они получили барочные завершения в виде сомкнутых куполов со световыми фонарями и трактованы в композиции сооружения как крылья транспта. Однако на уровне венчающего карниза сформированный в плане попарно равноконечный крест исчезает, не акцентируя той или иной конфессиональной символики (фото 16; рис. 91: а, б).

Известны строительные контракты Ф. Гребницкого: от 1733 г. с каменщиком из Варшавы Блажеем Косинским на два сезона и второй – от 1748 г. с каменщиком Антонием Доброговским на работы по ремонту полоцкой кафедральной церкви и архиерейского двора [Łopaciński, 1938–1939, t. 3, s. 56–59]. Как утверждал известный польский искусствовед М. Мореловский, «под опекой митрополита Флориана Гребницкого и виленских базилианов» в восстановлении полоцкого Софийского собора принимал участие архитектор, монах-базилианин Александр Осикович [Morelowski, 1922, t. II, s. 116]. Однако насчет авторства этого архитектурного шедевра большинство исследователей придерживается мнения, что архитектором униатского Софийского собора был известнейший виленский архитектор того времени Иоганн Христофор Глаубитц (в польскоязычных источниках – Ян Крыштоф) [Morelowski, 1935, t. 2; Lorentz, 1937; 1993]. Основанием для этого являются и стилистические черты сооружения и его чрезвычайно высокий художественный уровень, и тот факт, что в 1744 г. Глаубитц, по заказу Ф. Гребницкого, выполнил проект дворца митрополита в Струни под Полоцком.

В архитектуре собора особое внимание уделено новой объемно-пространственной структуре главного южного фасада с двумя мощными пятиярусными башнями по бокам (рис. 91: б). Три верхних сквозных яруса башен интенсивно сокращаются кверху по своим параметрам, что создает сильную оптическую перспективу и иллюзию почти космической стремительности. Этот оптический эффект усиливается расположением храма на крутом береговом откосе р. Западная Двина, в результате чего его главный фасад воспринимается только с близкого расстояния в остром ракурсе. Тем же целям служит и ярусное построение аттикового фронтона, оба яруса которого оформлены своеобразными пилястрами-волютами с волнистым абрисом. На гребнях волут установлены декоративные вазы-пинакли. Все это придает аттиковому фронтому чрезвычайно живописный кружевной силуэт, напоминающий диадему. В полоцкой Софии одинаковые фронтоны «диадемы» впервые возведены на обоих торцах двухскатной крыши центрального нефа, что придает еще большую выразительность и экспрессию силуэту сооружения.

В пропорциональном строе главного фасада преимущество отдано вертикалям, несмотря на то что первое горизонтальное членение проходит еще достаточно низко, на уровне карниза боковых нефов. В целом архитектурным членениям, как вертикальным, так и горизонтальным, свойственна не-

определенность: они многократно дублируются, разрываются, создавая тонкую игру света и тени. Вязки пилястр, при сохранении плоскостной ордерной основы, приобретают объемный характер, активно взаимодействуют с пространством. Простенки между ними вогнуты, в результате чего линии карнизов становятся волнистыми. Пластику фасада с пульсирующим ритмом ордерных элементов усиливают фигурные ниши и монохромный рокайльный лепной декор. Верхние ярусы башен, как и фронтона, оформлены пространственно развернутыми пилястрами-волютами, поставленными по диагоналям четвериков. Большие сквозные проемы, фигурные вазы-пинакли позволяют пространству свободно обтекать архитектурную форму. Венчающие массы сооружения вырисовываются на фоне неба кружевным контуром. Все эти архитектурно-художественные средства в совокупности представляют стилистику виленского барокко, впервые заложенную в этом сооружении изначально, от исходного абриса плана, имеющего в своей основе равноконечный греческий крест. Это концептуально отличает его от католических храмов того же времени и стилевого направления, имеющих обычно в плане латинский крест.

Характерные черты виленского барокко нашли последовательное воплощение в организации и убранстве интерьера полоцкой Софии. Сложная профилировка опор и подпружных арок, боковые капеллы, раскрытые широкими фестонными арками, создают зрительно не разграниченное текучее пространство. Наиболее самобытным элементом интерьера является мурованная алтарная перегородка, архитектурное решение которой выражает компромиссную сущность униатской церкви. По своему назначению она, как и иконостас православного храма, отделяет кафоликон от алтарного помещения, а по композиции и формам повторяет пристенные алтари костелов того времени. Перегородка имеет пространственно-развернутую трехъярусную структуру и барочную центрально-симметричную группировку ордерных элементов со сложнопрофилированными антаблементами, что вызывает ощущение взволнованности, неопределенности и непрочности бытия. Перегородка декорирована лепными позолоченными гирляндами, картушами, капителями и увенчана барельефной композицией «Троица Нововетная» на своде алтарной апсиды.

Создание самобытной архитектурно-пластической системы виленского барокко считается высшим достижением художественной культуры ВКЛ. Бесспорным является тот факт, что именно в архитектуре полоцкого Софийского собора, при его перестройке в начале второй трети XVIII в., впервые полностью сформировались уникальные эстетические характеристики виленского барокко, такие, как: вертикализм и утонченность пропорций, ажурность и пластичность убранства фасадов и интерьеров, живописность силуэта с многоярусными башнями телескопической структуры и фигурными аттиковыми фронтонами, в создании которых зодчие этого направления в дальнейшем проявили ярко выраженную креативность, особенно в полоцко-витебском регионе. Это позволяет отождествлять историко-культурный феномен виленского барокко с архитектурным наследием Беларуси.

На месте неоднократно горевших деревянных храмов при *монастыре ордена бернардинцев* первый каменный костел в честь св. Анны возведен в 1696 г. на пожертвования воеводы полоцкого Александра Слушки [Архітэ́тура Беларусі, 1993, с. 397–398]. Он находился в центре Большого посада, как представлено на военной карте Полоцка 1707 г. (рис. 3). Монастырь представлял одноэтажный каменный корпус с внутренним двором-клуатром, замкнутым с южной стороны однонефным храмом с высокой двухскатной крышей и четырехъярусной башней постоянного сечения на главном фасаде. Строгая архитектура сооружения имела еще готико-ренессансный характер. В середине XVIII в. монастырь бернардинцев был перенесен в Задвинье, являясь важным стратегическим пунктом обороны города. В 1758–1769 гг., неподалеку от православного Бельчицкого Борисоглебского монастыря, возведен новый каменный костел: трехнефная базилика с трансептом и двухбашенным фасадом [РГВИА, ф. ВУА, д. 22367]. Он имел план в виде латинского креста и «корону» в виде четырех фигурных фронтонов на торцах взаимно перпендикулярным двухскатных крыш, без купола. Над карнизом на главном фасаде возвышались три яруса симметричных башен. Архитектурные формы храма, представленного на пиктографической карте бернардинских монастырей ВКЛ, при всей условности изображения, позволяют отнести его к стилистике виленского барокко. В комплекс, обнесенный каменной оградой, входили также каменные, крытые черепицей здания двухэтажного Г-образного монастырского корпуса, плебании и бани, многочисленные деревянные постройки: амбары, пекарня, пивоварня, ледник, конюшня, сарай [Слюнькова, 2002, с. 261]. В настоящее время фрагментарно сохранились руины костела и монастырского корпуса.

В 1812 г. под Полоцком при подходе наполеоновской армии к р. Западная Двина 5–6 августа и при ее отступлении 5–8 октября произошли сражения русских и французских войск. На акварели того времени, иллюстрирующей первую битву [Белорусский государственный архив ... , № 29958], изображение бернардинского монастыря открывает живописную панораму города с многочисленными двухбашенными храмами на противоположном правом берегу р. Двина. Среди них виден также уже несуществующий костел св. Антония ордена францисканцев.

Монастырь францисканцев существовал в Полоцке с 1628 г. по фундации Христины и Теофила Храповицких [Архітэ́тура Беларусі, 1993, с. 398]. Его деревянные строения располагались на надпойменной террасе правого берега р. Двина, неподалеку от православного Богоявленского монастыря. В 1763–1775 гг. в стиле позднего барокко возведена каменная трехнефная базилика *костела св. Антония* с пышным декоративным убранством интерьера. Внутри находилось пять барочных алтарей, выполненных в технике стукко (искусственного мрамора), на хорах – 10-голосный орган (уничтожены пожаром в 1861 г.). Как свидетельствуют многочисленные планы города XVIII–XIX вв., главным фасадом с двумя высокими трехъярусными башнями костел был обращен на север, к Нижнепокровской улице, а алтарной апсидой – на юг. Таким образом, в градостроительной структуре По-

лоцка этот храм своей продольной осью создавал общую композиционную меридиональную ось с костелом доминиканцев, находившимся на противоположной северной стороне главной площади города [Чантурия, 2005, с. 271–287]. Сохранившийся до настоящего времени прямоугольный в плане двухэтажный каменный монастырский корпус, накрытый черепичной крышей, возведен до 1778 г. Он примыкал к храму с восточной стороны и своим строгим обликом оттенял выразительную пластику главного фасада, что было характерно для сакральной архитектуры белорусского барокко. В комплекс монастыря входило также несколько деревянных строений: два хозяйственных флигеля, амбар, сарай, пекарня и конюшня. Монастырь францисканцев упразднен в 1833 г. и передан православному ведомству.

Монастырь доминиканцев с деревянным костелом Девы Марии основан в Полоцке в 1672 г. каноником виленским Ф. М. Горским с благословения виленского епископа Александра Сапеги [Архітэктура Беларусі, 1993, с. 398]. Однако возведение каменного костела началось только в 1774 г., основное строительство приходится на 1801–1804 гг., т. е. на период господства в художественной культуре Российской империи идей классицизма. Поэтому архитектура полоцкого костела доминиканцев сочетала в себе черты позднего барокко и классицизма (фото 17). Это была традиционная барочная трехнефная базилика. Первоначально главный фасад завершался массивным фигурным фронтоном с арочными нишами, который в 1804 г. заменили невысоким классицистическим треугольным фронтоном.

Здание возводилось с учетом регулярной перепланировки главной площади города в стиле классицизма, которую осуществлял губернский архитектор Иван Зигфриден. В соответствии с градостроительной ситуацией костел был обращен главным фасадом к площади, а алтарной частью – на север, высота здания при этом была ограничена и равнялась половине высоты композиционной доминанты ансамбля – костела иезуитов. С востока к нему примыкал двухэтажный Г-образный каменный корпус монастыря. Как и все доминиканские монастыри на белорусских землях он был упразднен в 1832 г. за активное участие монахов этого ордена в восстаниях 1830–1831 гг. Здания комплекса пострадали от пожаров в 1837 и 1843 г. После восстания 1863–1864 гг. бывший костел доминиканцев оставался единственным приходским католическим храмом Полоцка, а в советское время был закрыт и окончательно разрушен во время Второй мировой войны. Памятник с весьма точной передачей общих пропорций и архитектурных деталей изображен на рисунке Наполеона Орды 1875–1876 гг. с надписью «Полоцк. Костел доминиканов. Тут лежит тело св. Боболи, урожд. 1591, умер 1657» [Katalog ... , 1975, t. I, № 564]. Известный католический миссионер и проповедник Андрей Боболя был схвачен и замучен отрядом казаков в местечке Янов Полесский (современный райцентр Иваново) на Пинщине. Тело его привезено и похоронено в крипте пинского костела иезуитов, где в 1702 г. найдено нетленным. Его мощи в 1808 г. были перевезены в Полоцк в костел доминиканцев. В 1922–1924 гг. они экспонировались в Москве, в Музее медицины, затем были перевезены в Рим в главный собор ордена

иезуитов Иль Джезу. Святой канонизирован католической церковью 17 апреля 1938 г.

Среди всех городов Беларуси только в панораме Полоцка со стороны р. Западная Двина можно было отчетливо увидеть несколько храмов разных христианских конфессий, ориентированных алтарями в разные стороны света: православный *Богоявленский собор* – традиционно на восток, иезуитский костел св. Стефана – на запад, униатский Софийский собор и доминиканский костел – на север, францисканский костел св. Антония – на юг. Еще на берегу р. Двина, у подножия Верхнего замка, стояла каменная синагога, построенная по образцу католической базилики со входом с продольной южной стороны.

Богоявленская церковь с XVI в. являлась центром православного братства, сыгравшего немалую роль в противостоянии экспансии католицизма. Долгое время она была деревянной. Ее окружали деревянные строения мужского монастыря и братской школы, где в 1656–1659 гг. преподавал выдающийся православный деятель и поэт эпохи барокко Симеон Полоцкий, творчество которого оказало значительное влияние на дальнейшее развитие культуры Московской Руси. Деревянные постройки монастырского комплекса неоднократно горели. В 1761 г. на средства жителей города началось строительство каменной церкви, которое через год было прервано очередным пожаром и окончено только в 1779 г., после включения Полоцка в состав Российской империи [Архітэктура Беларусі, 1993, с. 396–397].

Разновременные этапы строительства нашли отражение в архитектурном образе Богоявленского собора, соединившего черты позднего барокко и классицизма (рис. 92: а, б). Ядро объемно-пространственной композиции сформировано по схеме русско-византийского крестово-купольного храма в виде равноконечного греческого креста в венчающих массах сооружения, ориентированного по странам света. Этот идейно-программный момент первоначально был подчеркнут четырьмя высокими фронтонами на торцах взаимно перпендикулярных крыш, которые в 1839 г. были сняты и переделаны, поскольку, по мнению церковных иерархов, придавали церкви «католический вид». Над средокрестием расположен мощный световой восьмигранный барабан, увенчанный куполом выпукло-вогнутой формы с фонарем-сигнатуркой. Черты национального барокко выявлены в архитектуре этого памятника в наличии двух симметричных башен на главном фасаде, пластичных формах куполов, декоративной функции ордера, слоистых пилястрах, многочисленных раскреповках и т. д.

В 1780 г. по приказу Екатерины II российским правительством были выделены значительные средства на реконструкцию Богоявленского монастыря. По проекту выдающегося мастера русского классицизма итальянца Джакомо Кваренги в 1780–1788 гг. на месте братского корпуса был возведен каменный Г-образный монастырский корпус с выразительной классицистической трактовкой ордера. В нем размещались кельи монахов, школа, духовное училище. В угловой части здания находились две теплые церкви,

освященные в честь св. Евфросиньи и св. Екатерины. В 1970-х и 1990-х годах осуществлена его реставрация.

Архитектурное наследие Полоцка эпохи барокко выявляет его важную роль в формировании и развитии самобытной национальной разновидности этого всемирного стиля в художественной культуре Беларуси. Монументальное сакральное зодчество разных христианских конфессий в своеобразной форме отразило сложную социально-политическую и религиозно-идеологическую ситуацию того времени на белорусских землях. Многовековая история города нашла адекватное воплощение в его величественных архитектурных ансамблях.

10. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО, ПИСЬМЕННОСТЬ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

10.1. Прикладное искусство, мелкая пластика, сфрагистика в XI–XVIII вв.

(Г. В. Штыхов, М. В. Климов, Д. В. Дук)

Прикладное искусство Полоцка развивалось как отдельное направление культуры города, объединяя работу ряда ремесленников, которые специализировались на ювелирном искусстве, резьбе по кости, дереву и камню. Даже из среды гончаров выделялись мастера, которые производили не только кухонную и столовую посуду, но и различные игрушки, в основном в виде домашних животных и зверей (рис. 78). Декоративное оформление в XVI–XVIII вв. имели и печные изразцы (рис. 80–82). Часть произведений прикладного искусства создавалась не только местными мастерами, но и поступала в Полоцк из других регионов в результате торговых связей, которые осуществлялись между Полоцком и другими городами и землями Руси. Часть высокохудожественных предметов попадала в Полоцк и в качестве военных трофеев. Импортом до XII в. из южной части древней Руси являлись тонкостенная стеклянная посуда, стеклянные браслеты и бусы (фото 5: 1, 2). В Полоцке встречено много янтаря и изделий из него (фото 5: 3). Янтарь появился в результате торговых связей Полоцка с южной Прибалтикой.

Полоцкая земля не располагала ископаемыми цветными и благородными металлами. Высокохудожественные изделия изготовлялись из привозных цветных металлов, из лома бывших в употреблении предметов в результате переплавки. Серебро обычно получали в результате переплавки монет. В начале XII в. почти прекратился ввоз денежного серебра на территорию Беларуси и наступил «безмонетный период», продолжавшийся более двух веков. Это, конечно, не означает, что импорт серебра в Полоцк вообще прекратился. Он осуществлялся в значительной мере в виде серебряных слитков. В более раннее время слитки получали из восточных и западноевропейских монет VIII–XI вв. Иногда слитки встречались и в составе кладов

(см. разд. IV, гл. 8, п. 8.1, с. 377). Таким образом, можно утверждать, что для производства произведений прикладного искусства использовалось как местное сырье (кость, дерево, железо), так и привозное (янтарь, самшит, стеатит, цветные металлы). Безусловно, что в Полоцке изготавливали и очень дорогие вещи, но, как показывают находки, значительная часть этих предметов поступала из других регионов. К таким находкам, без сомнения, возможно, отнести шесть золотых предметов, происходящих из полоцкого вещевогоклада, найденного в 1984 г. на городском стадионе (прил. 3, фото 16). Некоторые из исследователей предполагают их местное изготовление. К привозным дорогим изделиям относилось и золотое дреговичское височное кольцо (прил. 3, фото 14), золотые перстни (прил. 3, фото 12, 13).

Значительное количество произведений прикладного искусства связано с распространением в городе христианства. Редчайшим произведением прикладного искусства XII в. является шестиконечный крест (фото 18: 1), изготовленный для Спасского монастыря полоцким мастером Лазарем Богшей в 1161 г. по заказу преподобной Евфросиньи Полоцкой. Длина изделия составляла 51,8 см. К лицевой и оборотной сторонам было прикреплено по 11 золотых пластин с многочисленными эмалями, 8 дорогими камнями и жемчужной обнизью. С боковых сторон креста – позолоченные серебряные пластины с выбитой пространной надписью. Реликвия была снабжена мощами. Главная ценность изделия – перегородчатые эмали и надписи. Пластины лицевой стороны образуют иконописную композицию – большой, или расширенный, деисус. Три верхние фигуры (Иисус, Иоанн, Мария) составляют обычное средоточие – «моление». В подборе и распределении других изображений святых есть отступления от традиции. В центре нижнего средокрестия располагалась фигурная пластина с изображением четырех евангелистов (Иоанна, Матвея, Луки, Марка), а по правую и левую стороны были помещены образы архангелов Михаила и Гавриила. По нижнему стволу креста размещены эмалевые изображения еще трех святых (Евфросиньи, Софии, Георгия). Три последних изображения имеют отношение к семейству заказчицы. Георгий был патроном отца Евфросиньи, а София – по-видимому, патронессой ее матери. На оборотной стороне реликвии изображения отцов церкви – Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, а также Петра и Павла, Дмитрия, Стефана и Пантелеймона. Здесь же, внизу, – мелкая надпись с именем мастера Лазаря Богши. С изображениями святых чередуются многочисленные эмали орнаментов с элементами, характерными, по мнению Л. В. Алексеева, как для романского искусства, так и для искусства Византии и Киевской Руси. В декоре креста видное место принадлежит орнаментальным розеткам. Подобный мотив свойственен ювелирным изделиям, производимым в Полоцке. Крупнейший знаток древнерусских и византийских эмалей Н. П. Кондаков писал о кресте Евфросиньи Полоцкой: «Крест представляет нам орнаментацию и исполнение многих медальонов и бляшек русской работы, хотя повторяет почти во всем византийские образцы в украшениях, в рисунке фи-

гур и даже составлен частью из греческого материала, как-то привезенных из Византии частиц мощей и эмалевых пластинок. Некоторые из них русской работы, например, фигуры Георгия, Софии, некоторые разрушены» [Толстой, 1899, т. 6, с. 168]. Эмали, изготовленные Лазарем Богшей, не уступают лучшим образцам византийского прикладного искусства, которые пользовались мировой славой. Надпись на кресте, подобно другим деловым надписям того времени, заключает в себе две основные части: деловую, в которой излагается суть дела, и традиционное заклинание в конце, являющееся молитвой. Надпись, которая идет по спирали в два ряда на боковых сторонах креста, гласит: «Въ лето 6669 покладаетъ Офросинья чьстьный крестъ въманастири своемъ въ цркви святого Спаса. Чьстьнсе древо бесценно естъ, а кованье его злато и серебро и каменье и жьнчюгъ въ 100 гривнъ а ... 40 гривнъ. Да не изнесеться из монастыря никогда же яко ни продати ни отдати аще се кто преслоушаетъ изнесеть и от монастыря да не боуди емоу помощникъ чьстьный крестъ ни весь векъ, ни в боуд...щии и да боудеть проклять святою животворящею троицею и святыми отци 300 и семию съборъ святыхъ отецъ и боуди емоу часть съ Июдою иже преда Христа кто же дрзнуть сътворити с... властелинъ или князь или пискоупъ или игоуменья или инъ который любо человек а боуди емоу клятва си. Офросинья же раба Христова сътяжавъши крестъ сии, приметь вечную жизнь съ все...ми (святыми)» [цит. по: Алексеев, 1966, с. 223, 225]. Конец надписи не сохранился.

Первая, деловая, часть написана на русском языке. Местные черты отражены в форме «пискоупъ» (епископ). В какой-то мере местными по происхождению можно считать написание «злато», «древо». Вторая часть надписи (заклинание) начинается словами «Да не изнесеться...» Здесь автор возвращается к церковно-славянскому языку, использует устойчивые обороты церковной литературы. Весь текст в целом свидетельствует о существовании в древнем Полоцке твердой общепринятой традиции составления деловых записей. Крест Евфросиньи Полоцкой (фото 18: 1), вероятно, был похищен в 1941 г. из Могилева, и его местонахождение не известно. Но реликвия воспроизведена брестским мастером Н. П. Кузмичем (фото 18: 2, 3). Так как некоторые изображения на кресте-оригинале имели характер повреждений, то они восстанавливались на основе близких аналогий. Например, существовала прямая аналогия изображения Христа с медальоном из киевского клада 1824 г. Для реконструкции пластины с изображением св. Евфросиньи привлекалось изображение мученицы Анны из Рязанского клада 1822 г. [Алексеев, 1996а, с. 61–62, 73]. Сама техника изготовления креста была близка именно вышеуказанным центрам, что отмечалось в некоторых исследованиях [Макарова, 1997а, с. 58]. Общая художественная оценка этого произведения искусства указывала на то, что Полоцк и Киев входили в единый круг художественных древностей, отличавшийся от новгородского круга [Алексеев, 1996а, с. 107].

Выявленное в Полоцке количество мелкой церковной пластики свидетельствует о достижении местными ювелирами навыков в изготовлении

предметов данной категории. Кроме нательных крестиков (рис. 93: 5–8) встречаются кресты-энколпионы (рис. 93: 9, 10; фото 19: 1, 3), иконки-привески (рис. 93: 4), иконки-складни (прил. 3, фото 20), иконки триптихи (рис. 45: 3).

Полоцкая коллекция крестов-энколпионов состоит из отличающихся стилистически и хронологически экземпляров. Это связано с тем, что на протяжении столетий владельцами крестов-энколпионов были представители различных социальных групп: великие князья, дружинники, ремесленники и иные состоятельные люди [Корзухина, 2003, с. 39]. С территории Заполоцкого посада происходит полностью сохранившийся крест-энколпион с изображением Иисуса Христа и Девы Марии (рис. 93: 9). Крест-энколпион подобного типа впервые был найден на территории города [Клімаў, 2011, № 21, с. 93, мал. 9: 6]. Этот экземпляр отличается четкостью деталей, что указывает на его отливку в качественной каменной форме.

В раскопе 2007 г. на полоцком городище была обнаружена створка медного креста-энколпиона (фото 19: 1). Крест был обнаружен в верхнем недатированном слое вследствие перекопа. Подобные кресты относятся к типу так называемых борисоглебских энколпионов (вариант 1 согласно Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой), время бытования таких крестов охватывает XI – начало XIII в. [Корзухина, 2003, с. 87]. Канонически на лицевой створке помещалось изображение князя Бориса, на оборотной – Глеба, хотя известны и вариации, связанные с личностными предпочтениями мастеров [Корзухина, 2003, с. 88]. Крест имеет размеры $5,2 \times 7,1 \times 0,4$ см (с петлями), $5,2 \times 6$ см (без петель). Изображение барельефное, сохранность изделия хорошая.

Первичная отливка энколпионов подобного типа производилась в Киеве. В различных восточнославянских землях известны модифицированные отливки по привезенным из Киева образцам. К числу таких отливок принадлежит створка креста, найденная на полоцком городище. Аналогичный крест найден во время раскопок в Великом Новгороде в постройке 1135 г. (размер $5,0 \times 5,8$ см) [Корзухина, 2003, с. 39].

Есть все основания предполагать, что найденный крест был изготовлен в Полоцке во время княжения одного из сыновей Всеслава Чародея (1044–1101) – Бориса Всеславича (1127–1128). В первой трети XII в. в Полоцке активно распространяется культ Бориса и Глеба, в местности Бельчица на левом берегу р. Двина строится Борисоглебский княжеский монастырь с величественным соборным храмом.

Изображение на створке полоцкого креста хорошо читается, имеются незначительные следы потертости ликов святых, вызванные длительным ношением изделия. В центре композиции помещено изображение князя в полный рост. В левой руке князь держит символ веры – модель храма. Храм изображен трехапсидным, он имеет приземистые пропорции. Вероятно, за основу изображения принят Софийский собор. Из трех известных на Руси Софийских храмов полоцкий и новгородский имели по три апсиды, значит, киевский храм с пятью апсидами за основу изображения на кресте не мог быть принят. Таким образом, прототип изображения храма – крестово-купольный собор с тремя апсидами и пятью главами. И хотя фор-

мально этому описанию наиболее соответствует полоцкая София², все же модель храма в руке князя – это образ традиционного православного пятиглавого храма, который символизировал Воскресение Христа и четырехъевангелие.

В образе князя ювелир старательно передал все мелкие детали одежды (на правом плече князя – фибула, на голове – княжеский венец, видны складки ниспадающего плаща). Мастер старался точно передать одеяние святых: сверху изображение Божьей Матери, отчетливо виден мафорий, в боковых медальонах расположены чуть меньшие по размеру изображения святых.

Яркими произведениями древнерусской пластики являются найденные во время раскопок литые бронзовые фигурки предстоящей Богородицы и апостола Иоанна, оплакивающих Христа (сюжет распятия на кресте). Фигурки отлиты в форме, изображение их рельефное толщиной 0,4–0,6 см (фото 19: 5). Высота фигурки Божьей Матери – 8 см. У фигурки апостола высотой 8 см отсутствует голова. Обе фигурки были предназначены для расположения на кресте и, вероятно, являлись произведением полоцких ювелиров. В пользу последнего обстоятельства говорят многочисленные обломки тиглей, найденные в стратиграфическом слое XII–XIII вв., а также технологические особенности фигурки Иоанна – в нижней части сохранились следы отливки в форме. Более того, данные фигурки имеют ряд отличий от иных, найденных на территории Восточной Европы и представленных в составе так называемого киотного креста из Херсонеса [Дук, 2007д, № 11, с. 30], что может свидетельствовать об их отливке в изготовленных по византийскому матричному канону ювелирных формах.

В раскопе на Великом посаде в 2009 г. были найдены две лицевые створки бронзовых крестов-энколпионов с изображением распятий. Один из них уникален. Ширина креста – 4 см. Высота от ушка до обломанной нижней части – 4,7 см, до нижней части перекрестья – 4,3, толщина створки – 0,3 см. Изображение Распятого Христа передано высоким рельефом. Сохранились изображения мелких деталей (черты лица, характерная передача нимба, стилизованный орнамент над Всемирным деревом). Надглавие выполнено в виде широкого ушка (фото 19: 4). Этот энколпион не имеет аналогов.

Типологически близкое изображение известно на энколпионе XII в. размерами 5,0 × 3,9 × 2,3 см, который хранится в Национальном музее истории Украины (Киев) и происхождение которого остается невыясненным [Корзухина, 2003, с. 96]. Иконографический тип изображения на этом кресте сильно стерт и практически не читается. Такая форма крестов-энколпионов с расширенными концами характерна для византийских изделий, однако производство хранимого в Киеве креста на территории Руси не вызывает сомнений [Корзухина, 2003, с. 96].

Изображение Христа на найденном во время раскопок на пл. Свободы кресте-энколпионе стилистически близко изображению на нательных крестах «североевропейского типа», которые датированы X–XI вв. Два из их

² Первоначальный храм XI в. в Полоцке имел пять куполов.

числа найдены в Полоцке, в том числе один – среди вещей ювелирной мастерской X–XI вв. на Нижнем замке [Тарасаў, 1998а, мал. 48], второй – случайная находка А. Г. Буховецкого в устье р. Полота (фото 19: 2). Крест, найденный в р. Полота, имеет размер $5,2 \times 3,9$ см. Размеры креста с Нижнего замка – $5,0 \times 3,8$ см.

Фигура Христа занимает всю поверхность креста, выразительно переданы черты лица, детали одежды. Кисти рук Христа непропорционально велики. Кресты, найденные на пл. Свободы и в р. Полота, почти совпадают по ширине: 4,0 и 3,9 см соответственно. Это свидетельствует в пользу их производства в одной из двух ювелирных мастерских X–XII вв., открытых на Нижнем замке и на Великом посаде Полоцка. При этом подчеркнем, что один из нательных крестов был найден во время раскопок остатков ювелирной мастерской X–XI вв.

Своеобразное положение в религиозной символике полочан занимали так называемые змеевики, которые выступали в качестве индивидуальных оберегов военной знати. Одна из створок подобного змеевика с изображением воина происходит из Полоцка (прил. 3, фото 22).

В Полоцке найдены два предмета мелкой пластики, выполненные из камня. Первый из них обнаружен летом 1967 г. на Верхнем замке и представляет собой уникальное произведение – рельефную иконку с изображением св. Константина и св. Елены (прил. 3, фото 18). Предмет изготовлен из камня-стеатита [Руско, 1983, г. XLV, nr 3–4, s. 259]. Стратиграфическая датировка иконки определяется довольно точно. Она найдена при расчистке сгнившего бревна в горизонте XI, которому соответствует пласт 13 (глубина от дневной поверхности – 2,4–2,6 м). Дата пласта – 20-е годы XIII в. Размеры иконки – 62×44 мм. Ее общая толщина – 6 мм, из которых 3 мм приходится на рельеф. Один угол иконки отбит в древности. На ее лицевой поверхности в некоторых местах сохранились остатки позолоты. Изображения имеются только на одной стороне. Другая сторона гладкая и тщательно выровнена при изготовлении изделия. На углубленном фоне, обрамленном узкими полями, изображены: слева – император св. Константин, справа – его мать св. Елена. Оба они облачены в парадные одежды византийских императоров и держат перед собой восьмиконечный крест.

Тема рассматриваемой иконографической композиции связана с христианским праздником «воздвижение креста». Художественный стиль, в котором выполнена иконка, напоминает изображения на византийских памятниках XI–XII вв. Изображение св. Елены отличает небольшая иконографическая деталь. На нижней части ее одежды прикреплен к поясу псевдофоракий («торакион») – кусок ткани в форме, напоминающей щит, с изображением восьмиконечного креста. Псевдофоракий часто встречается на одежде византийских императриц. Изучив такую деталь примерно на 25 памятниках, французский исследователь Жерфаньон пришел к заключению, что она встречается чаще всего на изображениях от 1040 до 1100 г. Бывает псевдофоракий и на изображениях XII в. [Византийский временник, 1958, т. 14, с. 239].

В левом верхнем углу иконки читается неровно расположенная кириллическая надпись «А Костятин» (А – сокращение от агииос – святой). Палеографических данных для датировки слишком мало. Возможно, иконка изготовлена в конце XII в. Надпись не может служить окончательным подтверждением изготовления иконки местным мастером. Ее мог сделать кто-нибудь иной. В данном случае большое значение имеет форма креста, дважды повторенная на иконке. Он восьмиконечный и, главное, имеет косое подножие (нижнюю перекадину). В церковной археологии обычно считают русским шестиконечный крест с косым подножием. В патриаршем кресте восемь концов и то же косое подножие. Если обратиться к древнерусским памятникам XII–XIII вв., то легко убедиться, что изображение креста с косым подножием нередко встречается на них. Таковы антиминс Нифонта (1148 г.) [Рыбаков, 1964, вып. Е1–44, табл. XII], изображение «Прославление креста» – произведение новгородского мастера конца XII в., помещенное на оборотной стороне иконы «Спас нерукотворный» [Лазарев, 1969, с. 10–11], рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234 гг.) [Вагнер, 1964, с. 45, рис. 19, табл. XI]. Для византийских изображений косое подножие не столь характерно, хотя и встречается на них, особенно в более поздний период.

По-видимому, иконка, обнаруженная в Полоцке, – произведение восточноевропейского мастера. Об этом же говорит и повышенная любовь к «узорчюю» в изображении одежд, очень своеобразная манера передачи складок, наконец, сами лица русского типа [Византийский современник, 1973, т. 34, с. 193]. Т. В. Николаева усматривает в изображениях иконки некоторые черты романского стиля и заключает, что эта особенность была, по-видимому, отличительной чертой полоцкого искусства пластики, соприкасавшегося с западноевропейской культурой [ПГКБ, 1972, № 1, с. 60]. Данная оценка произведения была уточнена В. Г. Пуцко, которым было сделано следующее заключение: «Однако в полоцкой находке резко выделяются особенности резьбы, которые не позволяют в ней видеть ни работу греческого мастера, ни близкую копию византийского оригинала. Моделью скорее всего явилась романская переработка, что особенно заметно как в общей трактовке изображений, в манере передачи складок одежд, в характере нимбов, так и в моделировке лиц, в преобладании в резьбе декоративного начала» [Пуцко, 2009, с. 139].

Трудно переоценить значение полоцкой находки для истории искусства мелкой пластики периода феодальной раздробленности. Иконка из Полоцка показывает, как на местной почве шла творческая переработка византийских образцов.

Кроме вышеуказанной иконки в 1995 г. во время раскопок С. В. Тарасова и М. В. Климова на Верхнем замке был найден фрагмент изделия, напоминающего по своим стилистическим чертам вышеописанное (прил. 3, фото 17). Это фрагмент иконки с изображением воина. Говорить о местном производстве данного произведения искусства сложно, так как оно сохранилось лишь частично. Но на изображении явно виден воин в пластинчатом доспе-

хе, с копьем и мечом. Детали доспеха и вооружения воина скорее близки к западноевропейской военной традиции, чем к восточноевропейской. Вместе с тем детали меча, изображенного на иконке, близки к типу VI (по классификации А. Н. Кирпичникова), который активно бытовал в XII–XIV вв. на восточноевропейской территории и встречался в Беларуси [Плавинский, 2009, с. 25–26].

Кроме упомянутых иконок в Полоцке найдены в небольшом количестве произведения прикладного искусства, выполненные из камня. Однако, на то, что в городе были мастера-камнерезы указывает несколько фактов. Во-первых, это наличие недалеко от города, в русле р. Западная Двина ниже Полоцка четырех больших так называемых Борисовых камней ледникового происхождения с высеченными на них шестиконечными крестами и однообразной надписью: «Г(оспод)и помози рабу своему Борису». Значение надписи на камнях трактуется по-разному. Есть предположение, что камни с надписями воздвигнуты в честь Бориса-хлебника, либо указывают на победу Бориса над врагами. Высказывается также мысль, что камни выступали в качестве свидетельства заключительного этапа христианизации Полоцкой земли [Пуцко, 2009, с. 142]. Для того чтобы нанести надписи на большие камни, необходимо было обладать определенными навыками, и в Полоцке, без сомнения, были такие мастера. На территории Заполотья обнаружены следы камнетесной мастерской XII в. с сырьем из шиферного сланца со следами его обработки [Салафеев, 2011, ч. 1, с. 116].

Не всегда различимы местное производство с импортным. Например, в Полоцке при раскопках было найдено большое количество шиферных пряслиц. Однако доказать, что все они являются только привозными или сделаны в Полоцке невозможно. На некоторых Полоцких пряслицах фиксируются граффити (фото 4: 5). Заслуживает внимания находка в слое 30-х годов XIII в. обломка каменного изделия, возможно, большого запрестольного креста. Ширина изделия – 40 мм, толщина – 30 мм. Предмет изготовлен из мягкой породы камня коричневого цвета – мергеля. На нем с обеих сторон просматриваются изображения святых. На одной стороне сохранилась нижняя часть фигуры святого с босыми ногами и, по-видимому, державшего в руках свиток. Поражает тщательность отделки деталей одежды, мягкие округлые контуры и складки драпировок. К произведениям подобного рода из Полоцка необходимо отнести и обломок каменной иконы, найденный в 1977 г., предположительно арочной формы, размеры: 13 × 20 см. На иконе изображен Иисус Христос и сделана надпись «АГН БОРНСЪ» (святой Борис) [Башков, 2001, с. 67, рис. 42: 1]. Эта находка, как и вышеописанные фрагменты мелкой церковной пластики, подтверждает довольно сильное влияние в церковной сфере культа Бориса и Глеба. И это не удивительно, если учесть, что в Полоцке располагался Борисоглебский монастырь.

Художественные качества присущи части вещей бытового назначения, среди которых следует отметить фибулы с ажурными завершениями (рис. 93: 2; фото 4: 8), булавки (рис. 45: 7), пряжки, накладки (рис. 45: 6), ухвертки

(рис. 93: 1), ключи от ларцов (фото 6: 4), привеску в виде топорика (фото 6: 1), замочек-подвеску (фото 6: 2). На полоцком городище была найдена бронзовая фибула (фото 4: 8), вероятно, византийского происхождения (устное определение Ингмара Янсона), типологически ей близка фибула, обнаруженная в Витебске [Левко, 2010, фото 4]. Такие фибулы, вероятно, принадлежали дружинникам полоцкого князя.

Писала из Полоцка отличаются художественным оформлением верхних частей предметов (рис. 45: 13, 14). Различные накладки были выполнены на высоком уровне. К художественным изделиям мелкой пластики можно отнести бронзовую барельефную плетенку (деталь хороса) размером $10,0 \times 3,5$ см (фото 4: 3), плетенку со стилизованным изображением животного (прил. 3, фото 15), навершие в виде птички (прил. 3, фото 21).

Бронзовая литая накладка с городища свидетельствует о высоком социальном статусе ее владельцев (фото 2). Изделие имеет форму равносidedного треугольника, выгнутого по вертикальной оси (размер сторон равен 10 см). Этот предмет являлся составной частью одной композиции из нескольких, возможно, аналогичных по сюжету накладок. Изображение барельефное, высота отливки – 0,3 см. Можно предположить, что несколько подобных накладок опоясывали деревянную чашу. Деформация верхней части изделия не позволяет определить диаметр чаши.

Крепилась накладка с помощью металлических штифтов к нижнему краю венчика деревянной чаши и к стенке, ближе к днищу, – на это указывают отверстия в верхней части изделия, а также отверстие со штифтом в нижнем углу. Изображение грифона служило своего рода оберегом содержимого трапезного кубка, предназначенного, вероятно, для столования князя или его ближайшего окружения. Растительный орнамент символизирует Древо Жизни – архетип древнейшего сакрального сюжета.

Часть изделий косторезного ремесла также относится к произведениям прикладного искусства. Открытые в Полоцке косторезные мастерские изготавливали продукцию широкого ассортимента (хозяйственные изделия, бытовые предметы, предметы военного назначения, культовые вещи, предметы для игры, музыкальные инструменты). Особой репрезентативностью и разнообразием выделяются фигурки шахмат и шашек (рис. 73: 1–3; фото 4: 4). Пуговицы и гребни (рис. 33: 2–7) искусно выполнены полоцкими косторезами. На костяной накладке, выявленной в Полоцке в слоях, датированных 40-ми годами XIII в., просматривается изображение дракона, который имел голову, стилизованную под собачью. На другой накладке также видна часть стилизованного изображения животного (фото 5: 4).

В полоцкой коллекции насчитывается значительное количество изделий из кости, в которых наблюдается преемственность традиций изготовления форм и орнаментации с XII по XVII в. [Мядзведзева, 2011, ч. 1, с. 83–94].

Замечательными памятниками сфрагистики в период X–XIII вв. в Полоцке являются вислые печати. Печать (булла) – знак удостоверения документа, придания ему юридической силы. Вислые печати обычно отпечатывались на свинцовых пластинках, привешивались к документам на шнурке.

Широко известна печать полоцкого князя Изяслава Владимировича, датированная последней четвертью X в. На лицевой ее стороне изображен знак Рюриковичей в «парадном варианте», вокруг знака надпись «Изос (лав)ос», русскими буквами, передающая греческое звучание имени «Изяслав» (рис. 25: 1). Остатки круговой надписи сохранились на оборотной стороне печати. Полоцкая печать представляет несомненный интерес как старейший образец славянского письма. В Полоцке также была найдена вислая печать второй половины XI в., принадлежавшая Всеволоду Ярославичу (прил. 3, фото 10).

Особый интерес представляют полоцкие печати, принадлежавшие женщинам княжеского звания. Они редко встречаются на территории Восточной Европы. Известна печать, по всей вероятности принадлежавшая матери Евфросиньи Полоцкой (середина XII в.). На печати изображены святые и сделана надпись (в колонку): «Агія София», «Апос Георгіос» (рис. 25: 5). Загадочная свинцовая печать найдена в Полоцке в 1962 г. На одной стороне изображена богоматерь Агисоритисса, на другой – архангел Михаил.

В Новгороде на Рюриковом городище обнаружена вислая печать Евфросиньи Полоцкой. Печать оттиснута на небольшом кружке диаметром до 20 мм. На лицевой стороне печати выполнена многофигурная композиция евангельского сюжета Преображения: в центре – Христос, по сторонам – пророки Илья и Моисей, у ног – апостолы Иаков, Иоанн, Петр. Такой сюжет встречается на византийских печатях, на русских его нет. На оборотной стороне печати – поясное изображение святой с надписью «Иефросіня». Вокруг изображения есть еще длинная кириллическая надпись: «Г/оспод/и, помози рабе своей Ефросини нарецаемой» (рис. 25: 2). Изображение на печати святой в схиме с капюшоном на голове, возможно, восходит к иконописному образу, принадлежащему владельце печати и свидетельствует об усвоении древнерусской сфрагистикой византийской иконографии.

Кроме представителей княжеской семьи владельцами печатей были и епископы. На двух экземплярах полоцких печатей последней четверти XII в. видна четкая греческая надпись в пять строк «печать Дионисия, епископа Полоцкого» (рис. 25: 4). В. Л. Янин полагает, что полоцкому епископу Мине принадлежала одна из печатей с надписью «Дьнеслово» (рис. 25: 6) [Янин, 1970, т. 1, с. 178, 186, 287, 290]. В 1967 г. на Верхнем замке была найдена свинцовая пломба диаметром 13 мм: на одной стороне – изображение святого, на другой – «процветший» крест (рис. 25: 3). Мотив процветшего креста является одним из распространенных в прикладном искусстве XI–XIII вв. В связи с этим следует упомянуть находку на территории Заполоцкого посада в 2008 г. перстня, сделанного из свинцово-оловянистого сплава с частично поврежденным изображением процветшего креста (рис. 93: 3). Несомненный интерес представляет обнаруженная в 2005 г. печать с надписью (фото 3: 1), которая, вероятно, содержит имя полоцкого епископа XI в. [Дук, 2007б, № 1, с. 2–15].

Памятники художественного ремесла и мелкой пластики подтверждают наличие постоянных культурных связей Полоцка с Византией. В По-

лоцке были хорошо известны византийские произведения искусства. Так, Евфросинья Полоцкая, основав мужской монастырь Богородицы, подарила ему выдающееся произведение станковой византийской живописи – икону Богоматери (Одигитрии) «Эфесской», которая хранится в Государственном русском музее в Санкт-Петербурге.

В период XIV–XVIII вв. прикладное искусство развивалось в русле готической, ренессансной, маньеристической и барочной традиций. Вещи христианского культа по-прежнему составляли значительную категорию изделий. В условиях существования Речи Посполитой и появления в 1569 г. на территории ВКЛ иезуитов влияние католического вероисповедания усилилось. Поэтому не удивительно, что среди мелкой церковной пластики в этот период отмечается увеличение количества предметов, связанных с католическим вероисповеданием. Это прежде всего относится к таким предметам, как нательные крестики (фото 20: 1) и иконки-подвески (фото 20: 2). Некоторые из подобных изделий были выявлены во время раскопок во дворе бывшего иезуитского коллегиума и возле бывшего Базилианского монастыря (Верхний замок). Также были найдены и латинские нагрудные кресты, поверхность которых богато декорирована. Типологически похожие кресты были найдены в Витебске (церковь Благовещения) и Сандомире (Collegium Gostomianum), они датированы XVII в. [Археалогія Беларусі, 2001, т. 4, с. 245; Rostkowska, 1996, t. 32, s. 409].

Традиционно данная группа предметов трактуется как *девацонарии*, которые могли попасть в Полоцк с пилигримами, но не исключается и их местное производство [Rostkowska, 1996, s. 414].

Среди православной церковной пластики наиболее популярными в конце XIV – XVI в. были нательные крестики, значительное количество которых собрано на территории Полоцка (частная коллекция С. Л. Михейки) [Археалагічныя знаходкі ... , 2010]. Один из подобных экспонатов был найден на берегу р. Западная Двина, и кроме традиционного сюжета на аверсе он имел изображение распятия на реверсе. Иконка-складня XVII в., найденная во время раскопок Г. М. Сагановича возле бывшей братской школы, отлита из бронзы и представляет собой предмет мелкой пластики очень тонкого исполнения [Сагановіч, спр. № 975, мал. 19–20]. На двух ее сторонах помещены рельефные изображения: на одной – Божьей Матери, держащей на руках маленького Иисуса, внизу, в правом и левом углу – изображения святых (прил. 3, фото 20). Изображение Божьей Матери с ребенком заключено в прямоугольную рамку, все поле в которой покрыто голубой эмалью, на остальной площади за рамкой эмаль имела зеленый или серый цвет.

Кроме рассмотренных позднесредневековых культовых предметов к бронзовым художественным изделиям относится и застёжка книги. Она имеет стилизованное изображение Всемирного дерева и мифологических персонажей – его сторожей: льва и единорога (рис. 94: 31). Анализ стилистических особенностей рисунка позволяет рассмотреть его в широком культурологическом контексте и типологически датировать концом XVI – началом XVII в. Противостояние льва и единорога – это распространенный мотив западно- и центральноевропейской геральдики, который на терри-

тории Московской Руси появляется в конце XV – середине XVI в. и с этого времени становится очень популярным в декоративном искусстве [Силаев, 2002, с. 120–121, 126].

Маньеристическая культура населения ВКЛ характеризуется усвоением ряда выразительных восточных элементов. Естественно, что эти тенденции коснулись и Полоцка. Распространение в конце XVI – начале XVII в. моды на все восточное (турецкое, иранское и др.) предопределило появление и таких художественных изделий, как гравированная бронзовая пластина с погрудным изображением человека (рис. 94: 30). Пластина имеет одностороннее изображение, выполнена в виде чеканки, вероятно, являлась частью накладки на книгу. В Полоцке также была обнаружена форма для отливки печатей с изображением «Погони» (прил. 3, фото 11).

Кроме высокохудожественных изделий, горожане пользовались в быту большим количеством более дешевых предметов: пуговицами, поясными накладками, пряжками, кольцами для ношения кошельков, ножей. Из меди и бронзы и различных сплавов цветных металлов делали простые украшения для орудий труда (кольца, вставки, наперстки). В ювелирной мастерской XVII в., обнаруженной на пл. Свободы (раскопки Д. Дука) такие изделия были найдены в большом количестве (рис. 94: 1–29).

Таким образом, предметы декоративно-прикладного искусства отражают все уровни социальной принадлежности их обладателей. Значительное количество высокохудожественных изделий, связанных с христианским культом и книгами и небольшое количество раритетов «светского характера» объясняется тем, что в неблагоприятные времена часть предметов последней категории переплавлялась и выводилась из сферы бытования.

В декоративно-прикладном искусстве средневекового Полоцка наибольшим разнообразием стилистически богатых орнаментов, выделяются коробчатые печные изразцы и керамическая посуда XVI–XVIII вв. В Полоцке найдено огромное количество этих изделий, часть из них является высокохудожественной [Дук, 2007г, с. 57–87, 131–135]. Орнаментика этих изразцов выполнена в ренессансной технике, изображения отражают сюжеты из повседневной жизни (изображения скomoroxов, рыцарей), мифологические представления (русалка, св. Даниил во рву со львами). Есть среди них и единичные изделия, отражающие христианскую тематику: часть изразца с изображением Девы Марии с младенцем (прил. 3, фото 19), чернильница с изображением князей Бориса и Глеба (рис. 50: 2), которые не имеют аналогов и выполнены по индивидуальному заказу [Дук, 2005, № 20].

Таким образом, декоративно-прикладное искусство Полоцка развивалось в русле византийской христианской традиции (XI–XIII вв.). В XIV–XVIII вв. под воздействием западно- и центральноевропейского искусства на местной восточнославянской основе формируются и проявляются яркие черты самобытного полоцкого искусства в рамках традиций готики, ренессанса, маньеризма и барокко (сюжетные мотивы изразцов, изделия христианского культа из цветных металлов, роспись керамической посуды).

10.2. Письменная культура конца X – первой трети XVI в. (А. И. Груша)

Письменные источники, добытые археологическим путем, в результате архивных розысков, обследования внутренних стен храма, являются главными по письменной культуре Полоцка. Вклад отдельных исследователей в их выявление, накопление и введение в научный оборот стоит упомянуть отдельно. А. Л. Хорошкевич опубликовала корпус актов и корреспонденций XIII – начала XVI в., возникших в результате правовой и деловой деятельности полочан. Значительная часть этих документов не была известна науке. Я. Н. Щапов обнаружил следы библиотеки Софийского собора, сделал попытку ее реконструкции. И. Л. Калечиц систематизировала и ввела в научный оборот многочисленные надписи-граффити XII–XIX вв., выявленные на стенах Спасо-Преображенской церкви XII в. Полоцка. Состояние источников таково, что они распределены неравномерно по периодам. Их количество увеличивается по мере приближения к сегодняшнему дню. И как это не парадоксально звучит, но малочисленность данных источников и отсутствие некоторых их видов применительно к ранним периодам – тоже источник, свидетельствующий о путях и особенностях формирования письменной культуры.

Кириллическое письмо, получившее распространение на территории восточных славян и ставшее в раннем Средневековье господствующим на этой территории, было создано для нужд церкви. Письмо хранило память о страстях Христовых. Религия Священного писания делала письмо participant к культу, некоторые книги сами являлись объектом культа. Деятельность духовенства осуществлялась на основе письменных церковных кодексов. Интерьер культовых зданий украшали фрески и иконы, сопровождавшиеся надписями. Последние имелись на предметах, которые использовались при совершении священных обрядов (на крестах, чашах и т. д.). Церковь обладала технологией и техникой письма. Она была носителем идеи письма и письменности.

Религия, основанная на Священном писании, содержала в себе потенциал преодоления сакральной сферы, расширения диапазона использования письма за пределами церкви. С одной стороны, использование письма прочно связывалось с функционированием церкви. С другой стороны, выход письма за пределы церкви не запрещался ею, не рассматривался как нечто нежелательное. Более того, церковь занимала активную позицию в приобщении к письму светских институтов власти, частных светских лиц. Этот выход можно рассматривать как освоение рациональных свойств письма. Данное освоение имеет следующие аспекты. Церковь пользовалась технологией письма не только для воспроизведения церковных текстов и текстов, нормирующих деятельность и поведение духовенства, но также и текстов, которые фиксировали определенные отношения между церковью, с одной стороны, и светской властью и частными лицами, с другой. Имплицитно, а где и открыто церковь предлагала образцы коммуникативных практик.

Письмом начинали пользоваться светские лица. Использование письма этими лицами преследовало не только религиозные, но и деловые цели. Конечным результатом рационального освоения письма стало изменение способов коммуникации, включение письма в правовую сферу.

В формировании письменной культуры в Полоцке можно выделить два этапа. Первый этап датирован концом X – первой половиной XIV в., второй этап – второй половиной XIV в. – первой третью XVI в.

Книги, послания, записи. На *первом этапе* главным центром письменности была церковь, по объему доминировала литургическая письменность. Какими бы ничтожными не являлись сведения о существовании письменности в Полоцке в первые десятилетия после принятия христианства, функционирование церковных приходов не могло существовать без церковного набора книг, необходимого для ведения церковных служб (Евангелие, Апостол, Паремийник, Псалтырь, Требник, Служебник и др.). Эти книги находились не только в активном употреблении, но и в частном воспроизводстве. В результате длительного пользования книги изнашивались и подлежали замене. Часть книг приобретали, часть принимали в дар, часть переписывали по заказу или собственными силами. Как в последнем, так и в других случаях создателем новых текстов являлись в основном представители духовенства.

Трудно что-либо сказать об индивидуальном (вне церковной службы) использовании церковных и четких книг светскими лицами. Однако нельзя отрицать существование редких частных «библиотек» (пусть и состоявших из нескольких книг). В Житии Евфросиньи Полоцкой сообщается, что она занималась перепиской книг, а вырученные с продажи этих книг средства раздавала в качестве милостыни [Мельнікаў, 2005, с. 212] (очевидно, это были немалые средства, раз об этом посчитал нужным упомянуть автор Жития). Этот факт замечателен не только тем, что проливает свет на участие в переписке книг женщины-монашки, но и косвенно свидетельствует о предназначении этих книг – для чтения среди мирян.

Использование книжной письменности в светской части общества имело четко выраженный социальный характер. Одна из первоочередных задач власти – обосновать необходимость лояльного отношения к ней со стороны наиболее влиятельных прослоек общества – решалась, в том числе путем усвоения христианских истин. В данном случае необходимо учитывать, что представители именно этих прослоек общества имели больше возможностей приобрести дорогостоящие книги.

Однако то, чего суверен должен был добиться от тех, над кем он осуществлял власть, он должен был усвоить сам. Никоновская летопись, в которую вошли сведения не дошедших до нас источников, содержит некролог Изяславу Владимировичу (умер в 1001 г.) – основателю новой династии полоцких князей. В нем есть такие слова: «прилежаше прочитанию божественных писаний» [ПСРЛ, 2000, т. 9, с. 68], которые дают повод для размышлений относительно того, каким образом Изяслав постигал святое пи-

сание: читал ли он сам, или он слушал чтение. На этот вопрос ответить пока невозможно.

Нет сведений о существовании в Полоцке в XI – первой половине XIV в. церковных и монастырских библиотек. Однако нет и данных, которые бы позволяли говорить об их отсутствии в это время. Под библиотекой понимается такое собрание книг, которое по составу является в основном не идентичным составу церковного набора книг, и было предназначено для самостоятельного чтения. Стали хрестоматийными сведения Р. Гейденштейна о библиотеке Софийского собора в Полоцке, разграбленной в 1579 г. В ней кроме летописей было много произведений отцов церкви на церковнославянском языке, причем большая часть указанных произведений была переведена с греческого Константином Философом и Мефодием. Возможно, что по крайней мере некоторые из указанных книг хранились в Софийском соборе в XI–XIV вв.

Более явственно выступает иной вид применения письма. Возможно, очень рано, вероятно, с конца X в. письмо использовалось для корреспонденции: между представителями суверенной власти, между ними, боярами и администрацией, между более демократическими слоями населения. Нет оснований считать, что многочисленные княжеские печати (боярские печати выявлены в значительно меньшей степени) Древней Руси являлись лишь заверительными знаками правовых документов. Очевидно, они привешивались и к письменным посланиям. К числу таких печатей может принадлежать, в частности, печать упомянутого Изяслава Владимировича (найдена в Новгороде) (рис. 25: 1), относящаяся к числу древнейших после печати Святослава Игоревича (умер в 972 г.). Использование князьями и членами их семей письменных посланий продолжалось и позже, в частности в XII в., о чем говорят находки печатей матери Евфросиньи Полоцкой Софии (один экземпляр обнаружен в Кукенойсе, второй – в Новгороде) (рис. 25: 5), самой Евфросиньи (обнаружена в Новгороде (рис. 25: 2); в последнее время данная атрибуция печати оспаривается [Майоров, 2011, № 2]). Обмен письменными посланиями в XII–XIII вв. был обычен не только для представителей княжеской династии, но также и для иерархов. Известна печать полоцкого епископа Мины (1105–1116 гг., выявлена на территории Львовской обл. Украины) (рис. 25: 6), два экземпляра печати полоцкого епископа Дионисия (умер в 1183 г., место обнаружения одного экземпляра неизвестно, второго – Новгород) (рис. 25: 4) [Янин, 1970, т. 1, с. 41, 57–58, 82, 102, 118, 166–167, 178, 186, 209–210, 231–232, 234; Штыхов, 1975, с. 114–115]. В Полоцке выявлены еще две печати, но они пока не атрибутированы [Янин, 1970, т. 1, с. 118, 210; Дук, 20076, № 1, с. 15].

Употребление дорогостоящего пергамента при подготовке посланий (именно к нему, а не к какому-либо иному материалу прикреплялись обнаруженные металлические печати) подчеркивало высокий социальный статус их отправителей и получателей. Кто занимался подготовкой данных посланий? Очевидно, привлеченные с этой целью духовные лица. Впрочем, не исключено, что уже в XII в. при княжеских дворах могли действовать светские

писцы, в обязанности которых входила в том числе подготовка княжеских писаний (первые сведения о княжеских писцах относятся к XIII в.). Сложно сказать, насколько активно письменная корреспонденция использовалась в династической переписке. По-видимому, она не заменяла полностью некогда господствующую практику устных посланий.

Дороговизна пергамента очевидно исключала активное применение посланий из этого материала для письма в среде городских слоев населения. В Полоцке не выявлено следов использования такого средства письменного общения, как берестяные грамоты, хоть и можно допустить, что эти грамоты были в Полоцке в ходу. О каком средстве письменной взаимосвязи и можно говорить утвердительно, так это о восковых табличках («досках»), и это несмотря на то что на территории города пока не обнаружено ни одной подобной таблички (в том числе ни одного ее фрагмента). На применение их в Полоцке указывают находки таких инструментов для письма, как писала (фото 22). В Полоцке выявлено несколько писал [Штыхов, 1978, с. 137; Дук, 2007г, с. 15]. Они имеют следующую конструкцию: один конец писала заострен, второй конец имеет форму лопаточки. Последнее однозначно указывает на то, для какого носителя текста они предназначались: покрытого воском (лопаточка была нужна для разглаживания воска и стирания написанного; ее применение с этой целью для текстов на твердых носителях является бесполезным).

Духовенство и горожане оставили еще один памятник письменности – *граффити*, в данном случае надписи на стенах храмов. Наиболее часто встречаемые надписи, вскрытые на стенах Спасо-Преображенской церкви (их датировка часто затруднена), объединяются в определенные группы.

Надписи, сообщавшие о смерти человека: «Месяца марта въ 5 престаи-ся рабъ Божи попь Дмитръ на память святаго отца Конана огородника» (фото 21), «Месяца августа у 23 на памя[ть] отца Каленика престаи-ся раба Божия Соломонида» [Калечыц, 2011, с. 111, 112] и др. *Поминальные надписи*, которые содержали одно, несколько или ряд имен в именительном или винительном падежах: «Аврами», «Югрии», «Григорьви, Микити, Семена», «Архиеп(и)с(ко)па Ефимья» (фото 23: 2) [Калечыц, 2011, с. 123, 124, 125] и др. *Молитвенные надписи:* «Господи, [по]мози рабу своему Сопронови», «Господи помози рабу своему Стефанови грешному», «В пон(едельник) Г(оспод)ь Б(ог) оуслышитъ мя. Вторник м(и)л(о)сть» (фото 23: 1) [Калечыц, 2011, с. 134] и др.

Все эти надписи являлись средством общения с Богом: обращенные к нему, они должны были обеспечить поминание за здоровье и за упокой. К Богу можно было обращаться, как в устной, так и в письменной формах. Письменное обращение имело перед устным то преимущество, что оно не прерывалось во времени, в то время как второе могло часто требовать длительных пауз [Медынцева, 2000, с. 75]. Учитывая, что молитвенные надписи наносились на другие объекты и предметы, например, на камни – речь идет о Борисовом и Рогволодовом камнях [Рыбаков, 1964, вып. Е 1–44, с. 26, 27, 33; Калечыц, 2011, с. 30–34], можно допустить, что выбор объекта и предмета записи часто не имел большого значения. Но, очевидно, в понимании че-

ловека того времени надпись, обращенная к Богу, сделанная на стене Божьего храма, сокращала дистанцию между адресантом и Богом.

С Полоцком и полочанами связаны и другие, сравнительно немногочисленные, записи. Они преследовали цель сохранить имена участников тех или иных мероприятий и событий (запись на строительном валуне Софийского собора) [Булкин, 1984, с. 91; Калечиц, 2011, с. 35–38], указать принадлежность предмета (запись на кресте Евфросиньи Полоцкой) [Алексеев, 1957, № 3; Рыбаков, 1964, вып. Е1–144, с. 32–33; Алексеев, 1966, с. 223; Алексеев, 1996а, с. 43–44; Калечиц, 2011, с. 69], надпись на обломке амфоры [Калечиц, 2011, с. 84] и др., сопровождали изображения [Калечиц, 2011, с. 39–40, 44, 68–69].

По этим и другим данным (запись XII в. на стене Софийского собора в Киеве Воинега Журыговича) [Высоцкий, 1966, вып. 1, с. 59] трудно судить об уровне грамотности полочан. Не стоит обольщаться разнообразием объектов и предметов, на которых делались записи. Это разнообразие может свидетельствовать не о широком распространении письменности среди полочан, а о существовании среди них ограниченной группы грамотных людей, отвечающих на просьбы не владеющих письмом, выполнить ту или иную запись.

Подводя общие итоги, с уверенностью можно сказать следующее. Главным центром подготовки и использования письменной продукции являлась церковь. Импорт идеи и технологии письма в светскую сферу был относительно ограниченным, как по назначению, так и по объему создаваемой продукции. Письмо служило, главным образом, средством коммуникации человека с человеком и человека с Богом.

Рождение правового документа. Главная особенность *второго этапа* развития письменной культуры в Полоцке – появление правовой письменности. Если переход к использованию письменных посланий отражал процесс приобщения к более удобному и эффективному способу коммуникации, то появление правовых документов было результатом упадка и снижения значения ряда социально-правовых институтов. Документ возник в условиях расширения светской (правовой) сферы. Его предшественник – религиозный ритуал. И ритуал, и документ выполняли одну и ту же функцию. Они представляли собой способ санкционирования и удостоверения акта высшей властью (которую представлял сначала Бог, потом – земные власти), механизм памяти. Решающее значение ритуал имел в обществе, в котором социальные и религиозные институты были тесно и даже неразрывно связаны между собой. Придание решающего значения документу свойственно обществу, в котором существовала более-менее четкая дифференциация этих институтов [Груша, 2010б, с. 31].

Обычная практика фиксации и удостоверения договорных отношений между индивидами, индивидами и сообществами в Древней Руси – совершение религиозного ритуала. Князья, заключая договор, совершали обряд целования креста. Так, во время бурных событий в Полоцкой земле в конце 50-х – начале 60-х годов XII в. целованием креста скрепляли договора бывшие в разное время полоцкими князьями Рогволод Борисович и Ростислав

Глебович. Посредством того же обряда утверждали отношения князя и местные сообщества. В 1151 г. полочане, сослав в заточение в Менск Роговолода Борисовича и приняв к себе менского князя Ростислава Глебовича, делегировали своих представителей к новгород-северскому князю Святославу Ольговичу и целовали крест, «яко имети отцомь собе и ходити в послушаньи его» [ПСРЛ, 2001, т. 2, стб. 445]. Во время волнений в Полоцке в 1158 г. полоцкий князь Ростислав Глебович «води» полочан к кресту. Полочане целовали крест Ростиславу, «яко ты нам князь еси, и дай ны Богъ с тобой пожити, извета никакогоже до тебе доложити и до хрестного целования» [ПСРЛ, 2001, т. 2, стб. 494]. Подобных примеров множество.

Крестоцелование могло нарушаться. Едва ли не самый известный случай клятвoprеступления, связанный с историей Полоцка и вообще Древней Руси XI в., – это нарушение клятвы Ярославичами, которую они принесли полоцкому князю Всеславу Брячиславичу (1067 г.). Вопреки обещанию, скрепленному целованием креста, приглашенный на переговоры Всеслав был схвачен и заключен в киевский поруб (в земляную тюрьму). Однако, несмотря на имевшие место случаи нарушения крестоцелования, почитание креста как средства заверения договорных отношений, сохранялось. Согласно поучению летописца, «сила крестная» была велика. Крест не только ограждал человека от бесовских сил, но и защищал его, помогал князьям в ведении войн. За нарушение крестоцелования князем Бог карал всю землю, нарушителя клятвы на том свете ожидала вечная мука. В этом плане характерным является пример, опять же связанный со Всеславом Полоцким. Спустя год и три месяца после его захвата Ярославичи потерпели поражение от половцев. Вспыхнувшее восстание киевлян вынудило старшего из Ярославичей – киевского князя Изяслава – бежать в Польшу. Поразительным является оборот событий для жертвы клятвoprеступления. Всеслав, освобожденный восставшими киевлянами, был провозглашен киевским князем (правил в Киеве восемь месяцев). В поражении Ярославичей, освобождении Всеслава и избрании его киевским князем летописец видел результат действия силы креста. «Се же Богъ яви крестъную силу, – сообщает летописец, – понеже Изяслав целовавъ крестъ и я, и тем же наведе Богъ поганья, сего же яве избави крестъ честьный». Летописец вложил в уста Всеслава следующие слова: «О, кресте честный, понеже к тебе веровахъ, избави мя от рова сего» [ПСРЛ, 2001, т. 2, стб. 161].

По мере секуляризации сознания происходила десакрализация ритуала. У мирян перспектива нарушения клятвы перестала вызывать страх от предстоящего наказания со стороны высших сил, в результате клятва утратила свойства принуждения к выполнению договоров. Появилась необходимость в таком средстве предупреждения и предотвращения взаимных претензий, которые были бы убедительными не только для сторон, заключивших договор или имевших претензии друг к другу, но также и для властей, призванных обеспечивать внутренний правопорядок. Это средство должно было обладать определенным авторитетом и признаваться сторонами и властью. Распространенная в Восточной Европе традиция употребления пергамента с текстом и печатью на нем в качестве корреспонденции

подсказывала внешнюю форму правового документа. С рациональной точки зрения документ имел преимущество по сравнению с ритуалом. Документ был видимым и осязаемым, компактным и мобильным. Главное его достоинство: он был текстовым источником информации и содержал объективные и достоверные данные.

С середины XII в. в источниках sporadически встречаются сведения о «крестных» грамотах – письменных договорах между князьями [Франклин, 2010, с. 301 и др.]. Эти грамоты не только удостоверяли сами договоры, но и гарантировали выполнение присяги. Когда Полоцк вошел в состав ВКЛ, практика письменного закрепления договоров, регулирующих династические отношения, была принята литовскими князьями. В 1385 г. полоцкий князь Андрей Ольгердович в ленной грамоте магистру Ливонского ордена Робину фон Эльтцу на Полоцкую землю помимо прочего указывал: «...Полоцкое княжество, которое наш отец Ольгерд, некогда литовский князь, при своей жизни дал и закрепил за нами, а после смерти нашего отца дали и закрепили за нами наши братья, как явствует из открытых грамот тех же наших братьев...» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 45–47, 48–49]. По мнению М. Космана, хотя младшие братья Андрея после смерти Ольгерда отдали Полоцк Андрею и закрепили его за ним, и не имели намерения нарушать волю отца, по крайней мере сначала, однако для большей уверенности Андрей, живший среди русинов, которые использовали практику удостоверения договоров при помощи письменных документов, затребовал от братьев выдачи ему гарантийного документа. Как считал указанный исследователь, Андрей, добываясь письменного подтверждения своего положения как владельца Полоцка, создал прецедент в кругу представителей династии [Kosman, 1971, t. 16, s. 145].

С XIII в. появляются сведения о письменных договорах князей с местными сообществами. Неизвестно о существовании «крестных» грамот подобно тем, на которых целовал крест тверской князь Ярослав Ярославич и другие тверские князья новгородцам (XIII–XIV вв.). Однако то, что такие грамоты могли изготавливаться в Полоцке в XII–XIII в., нельзя исключать. Если эти грамоты существовали, то их можно было бы рассматривать в качестве предшественников уставных привилеев Полоцкой земли, издаваемых литовскими господами со времени правления Витовта. Даже в поздних уставных привилеях этой земли сохранялась формула, обязывающая вновь назначенных полоцких воевод (наместников) – в известной степени преемников полоцких князей – целовать крест полочанам на том, что без их участия воеводам «не казнити ни в чом», т. е. не осуществлять суд и не приводить судебные приговоры в исполнение без участия местного боярства и мещанства. Однако невозможно сказать, сохранялся ли в действительности в XV–XVI вв. обряд целования креста наместниками при вступлении их в должность.

Если говорить о десакрализации ритуала, то имеется в виду преимущественно утрата непосредственной связи ритуала с религиозными силами, а не исчезновение обрядовых процедур. Последние сохранялись как прочная традиция. Первоначально их осуществление являлось условием легализации правового акта. Однако сила внешней обрядовой стороны не соответ-

ствовала внутреннему потенциалу религии. Ведь получается, что для того чтобы утвердить договор, целования креста было недостаточно, надо было еще документально подтвердить факт совершения клятвы. Этап существования десакрализованного ритуала крестоцелования охватил и первые века существования ВКЛ. В 1338 г. торговый договор Гедимины с Ливонским орденом был закреплён не только грамотой, но и ритуалом, совершенным Гедимином и двумя его сыновьями – правителями Полоцка и Витебска (Глебом Наримонтом и Ольгердом), причём последние вместе с епископом, а также с представителями от Полоцка и Витебска, целовали крест [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 106–107; *Chartularium Lithuaniae* ... , 2003, р. 260–261; Rowell, 1992, vol. 18, N 4, р. 151–152].

Развитие правовой письменности в Полоцке связано и с вхождением этого города в состав ВКЛ, и с включением его в систему международных отношений. Трудно сомневаться в том, что многие ранние документы, регулирующие отношения Полоцка и полоцких князей с внешним миром, в которых одним из контрагентов были литовские князья или их вассалы, вторым – «западная» сторона, выходили по инициативе последнего. К таким относятся, например, договорные грамоты литовских и полоцких князей с магистром Ливонского ордена и г. Рига: князя Герденя – за 1263 г. [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 35–36], князя Изяслава – около 1265 г. [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 36–37], князя Глеба Наримонта и полоцкого епископа Григория – около 1338–1341 г. [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 39–41].

Подражая западной практике, великий князь полоцкий Андрей Ольгердович стал довольно рано раздавать своим подданным земли и крестьян в пожалование, сохраняя при этом форму пожалования – документ. В 1370-х годах он дал Федору Корсаку и его сыну Дмитрию с. Семенцово [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 43–44; Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 140–152; Кузьмин, 2007, № 4, с. 61–62]. Это пожалование следует рассматривать как одно из самых ранних пожалований князя-суверена (полусуверена) в ВКЛ, а данный лист – одним из самых ранних жалованных листов в этом государстве. Это говорит о том, что формирование правовой письменности в Полоцкой земле происходило более активными темпами, чем в некоторых иных регионах.

Значение заимствования, даже если объект заимствования превращался в традицию, нельзя преувеличивать. Существовали и внутренние импульсы, способные повлиять на принятие письма в качестве средства удостоверения правового акта. С этой целью более внимательно следует рассмотреть один феномен, известный в пределах Восточной Европы только на территории ВКЛ. Этот феномен существовал в других регионах ВКЛ, но именно в Полоцке он проявил себя наиболее отчетливо и последовательно.

Историко-сравнительный материал, косвенные и прямые известия источников свидетельствуют о том, что до середины XV в. земельные сделки между светскими лицами часто вовсе не сопровождались составлением письменных актов. Однако этого нельзя сказать в отношении актов отчуждения земельных владений в пользу церкви. Адресатом древнейших докумен-

тов, отражающих факт передачи земли, является именно церковь. «Церковные грамоты» ВКЛ составляют преимущественное большинство документов, выходивших от великого князя литовского и его подданных в последней трети XIV – начале XV в.

Важно подчеркнуть, что старейшие «церковные грамоты» ВКЛ, которые датированы XIV в., известны не в виде текстов на отдельных листах пергамина или бумаги с соответствующими удостоверительными знаками и записями, а в виде текстов, записанных на страницах церковных Евангелий. Три из восьми наиболее ранних в ВКЛ записи ведут в Полоцк. Речь идет о следующих записях: 1) Андрея Данильевича; 2) Ивана Никоновича Дементеева сына; 3) полоцкого князя Андрея Ольгердовича – в Полоцком евангелии конца XII – начала XIII в. Все они относятся к XIV в. (табл. 10.1).

Таблица 10.1. Вкладные записи на страницах церковных Евангелий

Вкладчик	Объект вклада	Рукописная книга, в которой сделана запись	Дата записи
Андрей Данильевич	Церковь св. Троицы в Полоцке (тут и далее придел св. Софии)	Евангелие апракос полный («Полоцкое евангелие»). Конец XII – начало XIII в.	[XIV в.] [Российская национальная библиотека, ПС, № 12; Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 86; Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 187–188; Сводный каталог ... , 2002, с. 220–221; Кузьмин, 2007, № 4, с. 64–66]
Иван Никонович Дементеев сын	Церковь св. Троицы в Полоцке (тут и далее придел св. Софии)	Евангелие апракос полный («Полоцкое евангелие»). Конец XII – начало XIII в.	[XIV в.] [Российская национальная библиотека, ПС, № 12; Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 85; Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 186–187; Сводный каталог ... , 2002, с. 220–221; Кузьмин, 2007, № 4, с. 64–66]
Великий князь полоцкий Андрей Ольгердович	Церковь св. Троицы в Полоцке (тут и далее придел св. Софии)	Евангелие апракос полный («Полоцкое евангелие»). Конец XII – начало XIII в.	[1350–1378, 1381–1387 гг.] [Российская национальная библиотека, ПС, № 12; Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 45; Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 152–153; Сводный каталог ... , 2002, с. 220–221]

Суть указанных записей заключалась в том, что то или иное лицо записывало в пользу церкви недвижимое имущество или часть дохода с него. Что значило – сделать запись в Евангелие? Необычный с точки зрения позднейшей практики способ фиксации договорных отношений свидетельствует о том, что смысл записи, которая вносилась в Евангелие, отличался от смысла издания документов на отдельных листах пергамин или бумаги. Этот смысл необычен, и его нельзя объяснить с точки зрения традиционной дипломатики. В чем он заключался: на что рассчитывали те, кто делал подобную запись, и те, кто ее получал; к чему должно было привести внесение записи в священную книгу?

Вкладные записи имели сакральный характер и такой характер они приобрели едва ли не в силу указания в них имени Бога (Троицы) и Богородицы. Если «напрасное» упоминание Бога являлось греховным, то вынужденное к нему обращение ставило целью призвать Бога в свидетели и к помощи. Вклад адресовался не «духовному учреждению» как таковому, а его патрону. В понимании людей, наделенных в значительной степени конкретным мышлением, сделка заключалась человеком с тем или иным святым, Святой Троицей, Богородицей [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 45, 85, 86]. Акт совершался одновременно на земле и на небесах. Это в том числе объясняет применение к его нарушителям религиозной санкции. Последняя предполагала не взыскание с этих нарушителей денежного штрафа, что характерно для сделок позднего времени между светскими лицами, а духовную кару – Божий суд и проклятье [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 45, 85, 86].

Впрочем, сакральному характеру вкладные записи были обязаны в первую очередь тем книгам, в которые они были внесены: книгам Евангелия, причем на престольным Евангелиям, пребывающим на святом престоле храма. Сакральный характер данных записей объясняет отсутствие каких-либо удостоверительных знаков и статей, в частности печати, статьи о свидетелях. Страницы священной книги заменяли эти знаки. Данные страницы придавали записи ту «крепость» и «твердость», которая позже обеспечивалась посредством прикрепления печати; эти страницы являлись своеобразной печатью, удостоверяющей правовую, точнее религиозно-правовую, силу записи, и ее подлинность. Страницы священной книги заменяли и статью о свидетелях.

Для решения вопроса, что именно означало внесение вкладной записи в Евангелие, следует обратить внимание, с какой целью делались вклады, о которых говорят эти записи. Вклад не был безвозмездным. Так, Андрей Данильевич сделал вклад «отцю своему и матери и своему племени на память и собе на память» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 86]; Иван Никонович Дементеев сын – «отцю своему на память и собе и дитяти» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 85]. Из источников XV–XVI вв. хорошо известно о вкладах в пользу костела, церкви движимого и недвижимого имущества: «по души своеи», «для своего душного збавенья», «для своего душного збавенья и вечное памяти», «на памят души своей и родителем моим» и т. д. Право на церковь (Божью) или на костел либо к церкви (Божей) записать оговаривалось в великокняжеских и частноправовых листах. Вклады «по душе» часто оценивались достаточно высоко. Они предполагали молитву за здоровье вкладчика – «богомоліе» и поминание его после смерти – «память души», «душное спасение». Данный вклад, «богомоліе» и молитва «по души» рассматривались в рамках функционирования института дара: материальный дар, сделанный для церкви, оплачивался со стороны церкви духовным даром. Молитва спасала душу, облегчала ее страдания. Священник в устной форме сообщал Богу о спасаемой душе умершего.

В данном случае особенно важно следующее. Несмотря на то что между священником и Богом при поминании «души» устанавливался «устный

способ коммуникации», молитва «по души» делалась на основании записи имени вкладчика в синодик-помянник [Алексеев, 2006]. Не являлось ли на-престольное Евангелие с записями о вкладах своеобразным аналогом синодика-помянника? Не служило ли оно средством поминания, производимого в иной форме: не в устной, как в случае молитвы, а в письменной? (Очевидно, тогда, когда делались рассматриваемые записи в Евангелие, практика ведения синодиков-помянников в ВКЛ еще не была распространена.) Символ и реальность первоначально слабо различались: престол не только знаменовал в том числе престол Святой Троицы, Бога-творца, Иисуса Христа, но и был самым престолом Святой Троицы, Бога-творца, самим Христом. Евангелие являлось не только символом Христа, но также и самим Христом, восседающим на престоле. В записи имя вкладчика было также и самим вкладчиком, его душой; обозначение вида и наименование вклада – самим вкладом. Запись в напрестольном Евангелии делала информацию о вкладе явной; эта информация как бы вписывалась в сердце Христа. Она означала принятие дара Богом, следовательно, помощь вкладчику при жизни со стороны Бога и спасение души после смерти. Видимо, таков был смысл производимых действий с использованием записи, престола и Евангелия. Очевидно, именно поэтому для того, чтобы спасти душу вкладчика, имя которого было зафиксировано во вкладной записи, его имя можно было не произносить во время службы: для спасения души достаточно было записи в напрестольном Евангелии. Вкладные записи, сделанные в Евангелии, обладали тем достоинством, что в отличие от устного слова они говорили тогда, когда молчал голос священника.

Для человека XIV в. включенной в Евангелие записи было вполне достаточно для того, чтобы верить в ее содержание. Более того, эта запись за-служивала даже большего доверия, чем грамота с печатью.

Вкладные записи, сделанные в Евангелии, можно рассматривать как «протоакты», «неформальные акты», но в том смысле, что эти записи санкционировали и утверждали не просто правовой, а религиозно-правовой акт, имевший место тогда, когда религиозная составляющая акта сделки еще не потеряла своего значения. Исполнение не только светских, но и религиозных процедур делало акт, отраженный в записи, состоявшимся с точки зрения действующих норм. Хотя запись не являлась исключительно «осведомительным актом», записью «про память»; но одна из важнейших задач, с которой она делалась, – это все-таки «память». Это была память в более широком смысле: она в первую очередь была рассчитана на Бога, и только потом – на людей; в случае нарушения сделки запись больше предназначалась для использования ее на Божьем суде, а не на человеческом.

Такое подробное рассмотрение происхождения записей в книгах Евангелия необходимо, чтобы наметить возможную генетическую связь между этими записями и правовыми документами, утверждающими договора на передачу имущества между светскими лицами. Следует отметить, что вкладные записи XV–XVI вв. известны не только в полоцком Евангелии конца XII – начала XIII в., но и еще в одном полоцком Евангелии – XIV в.,

принадлежащем монастырю св. Иоанна Предтечи на Острове [Гранстрем, 1953, с. 41–45; Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 171; Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 17–20; Сводный каталог ... , 2002, с. 302–306].

Церковная письменность предлагала новые способы коммуникации, но она же подсказывала, как можно было применять письмо, для того чтобы сохранить память о правовом акте в «этой жизни», использовать память в качестве довода в судебных тяжбах с живыми людьми, а не с их душами. Не воспользовались ли Андрей Ольгердович, известный как автор одной из записей в полоцкое Евангелие, и Федор Корсак указанной выше подсказкой? И это тем более вероятно, что изданная Андреем Ольгердовичем для Корсака грамота имеет преимущественно «русский» формуляр.

Со временем правления великого князя Витовта связан новый этап – более активной интеграции Полоцкой земли и Полоцка в систему правовых отношений ВКЛ. С этого времени берет свое начало широкое использование правовых документов. Последние стали проникать в те сферы и области, где появилась необходимость в использовании иных, более эффективных – теперь уже рациональных, практических – средств оформления правовых актов. Подчеркивая особый статус, могущество, престиж и амбиции власти, они выполняли одновременно репрезентативную функцию.

Витовт заимствовал у Тевтонского ордена и Польши не только образец эффективного стимулирования службы подданных – при помощи земельных пожалований, но и форму пожалования – документ. Жалованная грамота – одна из наиболее ранних разновидностей правового документа. Ее получателями являлись полоцкие бояре и мещане. Именно на Полоцкой земле Витовт делал одни из первых земельных пожалований, которые были удостоверены документами. От Витовта получил лист Терех Радкович – на с. Петрово [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 178–179], боярин Михалко – на держание волости Мородно Полоцкого повета [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 64]. Среди получателей жалованных листов были полоцкие мещане, например, Федор Суцев – на приобретенные сельцо в с. Скоморошовичи Полоцкого повета [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 190]. Витовт делал и другие пожалования. Например, он разрешил Селивестру проживать в Полоцке «во-в покой» и запретил кому-либо его оттуда выводить [LM, 1997, kn. 224, p. 379].

Со времен Витовта изданием правовых документов стали заниматься поставленные им в Полоцке наместники. Один из наиболее ранних таких документов – судебный лист Немиры (1412–1422 гг.) [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 63].

Подготовка частноправовых документов на территории Полоцкой земли осуществлялась также со времен этого правителя. Трифон (Трухон) Болото купил у полоцкой землянки Машки Отрошковой село и получил от нее купчий лист [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 63, 194]. Полоцкий мещанин Федор Суцев оставил письменное завещание (духовницу) [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 190].

Во время правления Витовта правовой документ, несмотря на его высокий авторитет, имел альтернативный статус. В связи с довольно ранним по-

явлением на Полоцкой земле частноправовых документов возникают вопросы. Не пользовались ли полочане еще до Витовта правовыми документами? Не полочане ли – получатели владений – были инициаторами издания этих документов? И это тем более вероятно, что инициатива издания уставного привилея Полоцкой земле явно принадлежала не его юридическому автору – Витовту, а полочанам (возможно ими был составлен и проект привилея). В сравнительно короткий период княжения Свидригайлы и Сигизмунда Кейстутовича вряд ли произошли существенные изменения в статусе правовых документов, в том числе тех, при помощи которых оформлялись пожалования на земли и крестьян.

Обряд целования креста как средство закрепления договоров, о котором говорилось выше, нельзя рассматривать в отрыве от других сакральных процедур: судебного довода, такого, как свидетельства Божьей правды, и судебной присяги. Упадок первого во второй половине XV в., снижение значения второй создавали условия для дальнейшего утверждения правового документа. Еще одним условием утверждения этого типа документа было то, что устное свидетельство теряет объективность, к нему возникает недоверие, в результате чего падает значение института свидетелей [Груша, 2010а, № 1].

Возникновение и развитие правовой письменности связано с постепенным упадком еще одного института – института старины. Старина являлась универсальной ценностью, а ее действие было всеобъемлющим. В старине заключались основания принадлежности к тому или иному сословию. Выполнение платежей и повинностей того или иного вида было обусловлено стариной. Старина определяла отношения к владению. Право на владение земельным имуществом становилось более обоснованным, если подчеркивалось, что она принадлежала отцу, деду, прадеду, предкам, являлась «звечной», ее имели в держании и спокойствии. Состав платежей и повинностей – тоже старина. Так, к великому князю поступила жалоба полоцких бояр Богдана и Глеба Оставьевичей и Михайлы и Ивашки Зеновьевичей и их братья, о том, что после того, как сгорел Полоцк, полоцкий наместник пан Ян Юрьевич ввел им «новину», и приказал им делать восемь городен, между тем они «издавна» «робливали» только две городни. Господарь, «достаточне ся доведавши, тую новину имъ отставили и въделали есмо по старому: мають они тыи свои две городни робити по старому, *подлугъ давного обычая*» [LM, 2007, кн. 6, р. 225].

На старине основывались служебные обязанности, порядок их выполнения и доходы с них, деятельность учреждений (мыт, корчом и др.). Например, вот как полоцкий лентвойт Станислав Лодя обосновал свое право получать третий грош с горелого вина, резничего и вин: «А тотъ теперешнии лентъвоить полоцкии поведиль перед нами, што жъ деи *продкове его*, которыи бывали лентвоиты *за первыхъ воевод, предковъ тв(оеи) м(и)л(о) сти, за п(а)на Станислава Глебовича и за инъшихъ воевод*, тот третии грошъ на себе Бирали». Великий князь сообщал полоцкому воеводе, что он направил дворянина князя Семена Одинцевича, чтобы он узнал: «если тот

третии грошъ з вина горелого, а з резничого, а з винъ места Полоцкого за первыхъ воевод н(а)ших на лентвоита хоживаль, мы казали ему с тыхъ доходовъ третии грошъ тому лентвоиту. И твоя бы м(и)л(ос)т ему того третего гроша не забороняль брати подле давного обычая» [LM, 2008, кн. 14, р. 84–85].

Право основывалось в значительной степени на давнем обычае. Как один из главных мотивов старина объединяла подданных господаря всех сословий, хотя значимость этого принципа для представителей разных сословий была неодинаковой. Старина являлась моделью мышления и культурным кодом, способом самопознания, мышления и деятельности, одной из главных категорий религии и представлений, одним из способов господства и управления государством. Память старины была преимущественно устной и измерялась большими отрезками времени. В повседневной размеренной жизни было важно точно воссоздавать существующие виды и формы отношений и деятельности. Это обуславливало нормальное функционирование общества. В критических ситуациях, например во время конфликта, это функционирование зависело от эффективности памяти. Чем старше был человек, тем более старые времена он помнил, а следовательно, тем большим объемом информации он обладал и тем более значимой была эта информация. Отсюда и то большое значение, которое придавалось старым людям – старцам. Последние являлись носителями коллективной памяти народа, сохраняли правовую и тесно связанную с ней мифическую традицию. Память наделяла старцев особыми правами и обязанностями, давала им силу, преобладание, иерархически выделяла старцев и определяла их высокое социальное положение.

Старина являлась односторонней информацией, как по цели, так и по характеру. Она помнила то, что сохранялось неизменным, и должна была подтвердить существующее теперь. Это являлось свойством старины как вида памяти. Собственно старина – это «псевдопамять», суррогат памяти. Такая память делала прошлое настоящим. Тогда, когда порядок являлся нерушимым, память старцев была эффективной и оправдывала себя. Однако в таком случае не менее эффективной являлась память более молодых представителей общества. В источниках часто не сообщался возраст тех, кто приводил свидетельства. Это может указывать, что данные свидетельства не исходили от людей пожилого возраста.

Если говорить об эволюции общества, возможностях и механизмах его обновления, то существенным и решающим фактом является не глубина памяти, не ее способность сохранять или склонность забывать информацию о том, что данный факт являлся «новинкой» (ведь всякая «новина», принятая обществом, превращалась в старину), а то, как относилось общество к новациям, и как оно эти новации принимало в момент их введения. Общество либо признавало, либо не принимало нововведения. Как можно объяснить признание «новин»?

Со старым добрым правом могли конкурировать только очень привлекательные новые права, которые с точки зрения общественной оценки были такими же «добрыми», как и старина. И такие права существовали. В ис-

точниках они так и назывались: «добрые», «добровольные». Эти права имели также и следующие определения: «христианские», «вольные», «как в Короне польской». Речь идет о правах польской шляхты, пожалованных в 1387 г. литовским боярам, которые приняли католическую веру. Вот как привилей 1387 г. мотивирует решение расширить указанные права на литовцев – чтобы не было различий в правах, поскольку литовцы и поляки стали подданными одной короны. Что это за права? Свободное распоряжение отчинными владениями, свободная выдача замуж дочерей, внушек, родственниц, вдов, свобода от выполнения некоторых повинностей, для вдов – право оставаться на владениях мужа до выхода замуж. Христианские права в разное время отождествлялись с правами на земельное имущество. Пожалованные в 1387 г. права были подтверждены в 1413 г., расширены и распространены на мещан и православных в 1447 г. «Добрым» было и магдебургское право, жалуемое городам.

С принятием христианских прав понятие «добро» стало отождествляться не только со стариной, но и с новыми, чужими правами. Так или иначе, для христианина религиозные ценности являлись одними из высших ценностей. «Христианство» имело разные коннотации, среди них те, которые были характерны для старины: «добро» и «справедливость». Преимущества доброго христианского права подрывали абсолютный авторитет старины, разрушали представление о ней как высшей правовой ценности. Это качество стали разделять теперь уже не только старый обычай, но и новые права. Последние содержали в себе мощный потенциал обновления в направлении либерализации и гуманизации. Порядок, установленный новыми правами, не отменял старый порядок: оба сосуществовали. Старые добрые права кристаллизировали новые добрые права, придавали последним качества нерушимости, превращали их в старину. Старые и новые права часто не пересекались, а перераспределялись в зависимости от тех или иных приоритетов.

Память, которая основывалась на преемственности порядка, доставшегося от предыдущих поколений, зависела от количества этих поколений. Такая память не всегда могла быть глубокой. В 1533 г. полоцкий воевода и паны бояре Полоцкой земли рассматривали тяжбу между господарскими людьми Горасимкой Ходотовичем и Савой Денисовичем. По утверждению Горасимки Сава держал его отчинную землю и не хотел ее «поступитися». Сава возражал: «то земля не твоя отчызная, але з вековъ моя отчызна»; предки Савы «припустили» к этой земле отца и дядьку Горасимки и сделали это для того, что они помогали в выполнении службы. В дальнейшем отец Горасимки умер, а дядька оставил землю в военный час. Каков был довод Горасимки: *«Я того не ведаю, естли предки твои отца моего припустили к[ъ] той земли, одно я ведаю, што на той земли отецъ мой ажъ до живота своего жыль, а я ее за отчызну ищю»* [БА, 1928, т. 2, с. 212].

Память старины имела естественное ограничение. В связи с одной тяжбой великий князь обращался к полоцким бурмистрам, радцам и мещанам, чтобы те осуществили правосудие. Они отвечали: *«...Вжо ся то давно чинило, тому есмо не сведоми»* [БА, 1928, т. 2, с. 122].

Устная память не могла быть достоверной: разные носители памяти обладали разной информацией. Основываясь на показаниях о старине, великий князь мог несколько раз менять свое решение. В конце XV – начале XVI в. господарь рассматривал дело между архиепископом полоцким и витебским Лукой, с одной стороны, и полоцкими боярами и мещанами, с другой стороны, о церковных людях: долчанах, путильковцах, весничанах. По утверждению Луки, эти люди были «зъдавна» в державны его предшественников – полоцких владык, а по утверждению бояр и мещан, указанных людей придал на собор св. Софии – крилошаном (церковная организация при кафедре епископа), князь Скиргайло (владел Полоцком в 1387–1392 гг.), но в дальнейшем они были отняты «продками» Луки [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 160–161]. Первое решение великого князя было принято в пользу крилошан, переданных под опеку полоцких бояр [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 160–161, 177, 194–195]. Однако оно не являлось окончательным. Во время второго рассмотрения дела были учтены показания о «старине» полоцкого наместника Юрия Пацовича. В результате этого рассмотрения указанные люди были возвращены архиепископу. Дело имело продолжение. По жалобе бояр и мещан эти люди были вновь отняты у владыки. Но и на этом рассмотрение дела не закончилось. Владыка бил челом великому князю в третий раз. Господарь приказал «доведаться старыны» полоцкого наместника Станислава Глебовича. Последний «доведавши се» ее «достаточне» установил, что все эти люди принадлежали архиепископу. На основании этих сведений господарь вынес вердикт – на этот раз в пользу владыки [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 195–196].

Западная культура несла в себе и новые практики, в том числе, те, что были связаны с использованием правового документа и писанных законов. Элементом данной культуры являлась и правовая письменность.

В период правления Казимира была создана стационарная канцелярия. Именно этот характер данной канцелярии может указывать на то, что значение правового документа стало возрастать. Ко времени вокняжения Сигизмунда Старого издание документов приобрело желательный и даже в определенной степени обязательный характер.

С 40-х годов XV в. увеличилось количество видов, разновидностей и подразновидностей документов, получаемых полоцкими властями и подданными. К началу XVI в. в среде местных элит документ стал едва ли не главным доводом в тяжбах, связанных с имуществом. В некоторых судебных разбирательствах он приобрел решающее значение. Расширялся социальный состав получателей правовых документов. Их число пополнялось за счет различных категорий крестьян. Впрочем, утверждение правового документа не вытеснило полностью старых средств обоснования имущественных прав: при помощи устного свидетельства и присяги, к которым прибегали социальные низы, отдельные представители бояр-шляхты и мещан.

Рост значения правового документа, расширение социального состава его получателей привел к появлению в Полоцке и Полоцкой земле собственной инстанции (не связанной с великокняжеской властью), предна-

значенной для документального обеспечения правовой деятельности помещан. Это превратило Полоцк и Полоцкую землю в один из центров локальной правовой письменности. Еще до получения Полоцком магдебургского права в городе действовал городской (местский) дьяк (писарь). Наиболее ранние сведения о полоцком городском дьяке относятся к 1482 г. Его можно сравнить с виленским местским писарем и с витебским местским дьяком, которые фиксировали сделки правового характера. В этом ряду виленский местский писарь занимал особое положение, поскольку в отличие от полоцкого и витебского дьяков он являлся должностным лицом городского магистрата. Однако между полоцким и виленским писарями была одна существенная связь. Они не только составляли тексты документов, но и собственноручно переписывали их, выполняя функции нотариусов. Сохранились три частноправовых документа полоцких крестьян и мещан за 1482, 1493, 1498 г., подготовленные городскими (местскими) дьяками: два первые – Борисом Челядничем, третий – Трофимом Болотовичем [Груша, 2011а, с. 271; Груша, 2011б, с. 51]. Особенностью данной инстанции было то, что она допускала возможность использования в издаваемой ей документах в качестве удостоверительного знака вместо оттиска печати (изготовление печати могли себе позволить не все) изображение бортных знаков – клейм [Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3, с. 71, 83; Груша, 2011а, с. 276–278].

Правовые документы по своему происхождению предназначены для длительного использования. Большинство договоров о передаче владений между великим князем и его подданными заключались «на вечность». Вечно должны были храниться и документы, служившие доказательством прав на эти владения. Так создавались условия для формирования личных архивов.

В начале XVI в. и в более позднее время полоцкие бояре и мещане хранили документы, изданные Витовтом, его наместниками. Валко Федкович и Гришко Исакович Мишковича клали перед великим князем привилей Витовта, данный их прадеду Тереху Радковичу [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 178–179]. Полоцкий боярин Микула Гришкович и его братья Бириболдичи имели лист Витовта их прадеду Михалку [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 64]; бояре Полоцкого повета Оскерчичи и Теличиничи – лист, полученный их предками от Витовта [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 62–63]; полоцкие мещане Иван и Гридко Артемовичи Буцковича – письменное подтверждение Витовта на приобретенное их «пращуром» Федором Сущем сельцо [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 190]; полоцкие мещане, «брат(ь)я одног(о) роду» – Антушко Селивестрович, Федко Коношевич, Микита и Андрей Ортемовичи, Максим Евлашкович, Агапон Илинич, Марко Яковлевич – лист этого князя, данный их прадеду Селивестру, которым правитель разрешил Селивестру проживать в Полоцке «во-в покои» [LM, 1997, кн. 224, р. 379]. Листы, изданные Витовтом, пережили многие поколения владельцев. Например, Федор Сущев приходился прапрадедом упомянутых Буцковичей; Михалко, как уже говорилось, являлся прадедом Микулы Гришковича и его братьев Бириболдичей; Селивестр – прадедом Антушки Селивестровича, Федки Коношевича и др.

В архивах полоцких бояр и мещан, живших в XVI в., хранились листы, изданные наместниками Витовта [Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 63], частноправовые документы, вышедшие при этом монархе [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 63, 194; Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2, с. 190].

Количество документов пополнялось в результате новых пожалований, новых сделок. Приобретая новое имущество, владелец становился и получателем документов на это имущество. Однако количество документов и уменьшалось с передачей имущества новым владельцам. Такая текучесть документов – одно из свойств личных средневековых «архивов».

То, что документы Витовта имели альтернативный статус, но при этом они тщательно сохранялись получателями и его преемниками из числа жителей Полоцка и Полоцкой земли, говорит о том, какое большое значение полочане придавали этим документам.

Сохранение документов требовало надлежащих условий их хранения. Дворы мещан и бояр не всегда могли обеспечить такие условия. Поэтому документы помещались на хранение в более обустроенные для этой цели – укрепленные – места: Замок [LM, 2002, кн. 9, р. 383], Софийский собор [БА, 1928, т. 2, с. 153–154, 210].

Издание документа как источника правовой информации имело односторонний характер. Издатель документа как будто «расставался» с этой информацией, в то время как получатель документа фактически становился единственным ее владельцем. Снятые с исходящих документов копии, сделанные в книгу записи «про память», превращали во владельца правовой информации и обладателя этих копий и записей. Так формировались своеобразные архивы властей. В ВКЛ подобные копии снимались, а записи делались в книги, удобные (сравнительно со столбцами) с точки зрения записи и поиска в них правовой информации. Известны книги полоцких воевод и их наместников. Полностью сохранилась книга за 1530–1538 гг. Яна Юрьевича Глебовича, поочередно занимающего должность витебского и полоцкого воеводы [БА, 1928, т. 2, кн. зап. 16]. Наиболее ранние сведения о книгах воеводских наместников относятся к 1513 г. [Акты ... , 1880, т. 11, с. 8–9]. Очевидно, с момента пожалования Полоцку магдебургского права велись и магистратские книги.

Отдельные полоцкие бояре и мещане не являлись единственными правовыми субъектами и получателями правовых документов. В качестве указанных субъектов выступала вся Полоцкая земля (получавшая со времен Витовта уставные привилегии, заключавшая торговые договоры с Ригой), совместно полоцкие бояре и мещане, отдельно полоцкое мещанство (вели переписку с рижским магистратом, выдавали верительные листы своим послам), причем мещанство выступало таковым еще до пожалования Полоцку магдебургского права в 1498 г. Вероятно, со времени пожалования Полоцку магдебургского права произошли изменения в инстанции, обеспечивающей правовую деятельность полочан. Городской дьяк «совместился» с писарем полоцкого магистрата. Известно два документа за 1510 г., подписанные Федором Захарьевичем (Захариничем), еще одна полоцкая грамота – за 1511 г.,

подписанная неким Омельяном Санковичем, возможно, еще одним городским дьяком, сменившем на этом посту Федора Захарьевича [Груша, 2011а, с. 271–272; 2011б, с. 51] (подробнее о составе городских писарей и дьяков см. разд. III, гл. 5).

Выше говорилось о правовых документах. Один из главных видов хозяйственной деятельности полочан – торговля, ориентированная в том числе и на рижский рынок, активная торговая деятельность рижан в Полоцке, взаимные деловые интересы Полоцка и Риги делали постоянными контакты между двумя этими крупными торговыми центрами. Эти контакты поддерживались и осуществлялись главным образом посредством письменных посланий. Начиная с конца XIV в., обмен посланиями между Полоцком и Ригой был регулярным. Со стороны Полоцка отправителями посланий являлись полоцкий владыка, полоцкий наместник (воевода), наместник воеводы, совместно полоцкий наместник (воевода), бояре и мещане, совместно наместник воеводы, бояре и мещане, совместно бояре и мещане, одни мещане и др. Послания, направленные в Полоцк, не сохранились. До нас дошла корреспонденция полочан, адресованная, как правило, членам магистрата Риги (рис. 95–97, 100). О чем писали полочане? Это – декларации о мире и добрососедских отношениях, возобновлении торговли; сообщения о применении вынужденных мер по отношению к рижанам, находящимся в Полоцке; просьбы о разрешении конфликтов между полочанами и рижанами, приобретении тех или иных товаров; требования о соблюдении старых договоров, возмещении полочанам убытков, предоставлении полочанам нормальных условий для торговли в Риге и др. [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1; Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 2; Полоцкие грамоты ... , 1980, вып. 3].

Кто составлял корреспонденцию? Послания от полоцких воевод (наместников) и владык готовили их личные дьяки (писари). Такие дьяки имелись у многих панов, у каждого державцы, старосты, воеводы, их наместников, у каждого иерарха. Они были предназначены, в частности, для документального обеспечения правовой деятельности их панов: подготовки судебных листов воевод и епископов, разрешенных листов воевод и т. д. Один из судебных листов полоцкого наместника пана Андрея Саковича и полоцких бояр писал «дьяк, панский писарь на имя Тешко» [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 170; Полоцкие грамоты ... , 1982, вып. 4, с. 31]. Так следует из формулы этого листа.

Сложней определить, чей труд использовался при подготовке посланий, исходивших от полочан (бояр и мещан, выступавших как отдельные или как единые субъекты). Можно допустить, что «официально» писцов посланий не существовало, хотя к работе по подготовке этих документов привлекались опытные писцы.

В связи с распространением письменности нельзя не упомянуть об изменениях в технологии письма в части, относящейся к материалу для письма. Потребность много писать привела в деловой переписке к замене в последней трети XIV в. дорогостоящего пергамента дешевой бумагой. Один

из старейших документов на бумаге в ВКЛ – грамота полоцкой княгини Андреевой (вдовы Андрея Ольгердовича), ее детей Семена и Ивана к рижанам, которую исследователи датируют второй половиной 80-х годов XIV в. [Полоцкие грамоты ... , 1977, вып. 1, с. 54–55; Кузьмин, 2007, № 4, с. 64]. Таким образом, полочане были одними из первых, кто стал пользователем в дальнейшем самым распространенным материалом для письма.

До этого главное внимание было направлено на новый в сравнении с концом X – первой половиной XIV в., феномен правового документа, а также корреспонденции. Говоря о письменности второй половины XIV – первой трети XVI в., о Софийском соборе как хранилище рукописей, необходимо остановиться и на еще одном феномене – библиотеке Софийского собора. Я. Н. Щапов определил 12 книг – все внелитургического содержания – которые принадлежали или, как можно предположить, могли принадлежать этой библиотеке в XVI в. Частичная реконструкция библиотеки Софийского собора дала возможность исследователю сделать следующие выводы: «...Это было большое собрание, включавшее наряду с литургическими книгами также философские сочинения, библейские и новозаветные тексты и компиляции, в том числе и апокрифические, исторические труды, и среди них русские летописи, литературные памятники и многое другое. По своему составу библиотеку можно сравнить с таким известным собранием славянских книг на территории Великого Княжества Литовского, как виленская великокняжеская библиотека и книгохранилища Супрасльского и Слуцкого монастырей» [Щапов, 1976, с. 276].

Некоторые из этих книг являлись даром для Софии полочанина (?) иеромонаха Алексия, сделанным им «на память» его и его родителей. В одной из вложенных Алексием книг, сохранилась своеобразная инструкция, предназначенная для священников-клирошан, по пользованию этими книгами и заклятие для ее нарушителей: «Ваша же милость, священники клирошане, книги сея по домом своим не носите и хотящим брати ис церкви възбраняите и не давате, воском от свечи не скапте, не измораите, не зволчите. А хто насильством и по власти, или таино будет брати ис церкви, да будет на нем запрыщение и клятва святых отец седми собор» [Щапов, 1976, с. 281]. Алексей принял меры для того, чтобы предотвратить хищение подаренных книг, оставив в отдельных книгах записи о принадлежности их Софийскому собору [Щапов, 1974, № 6; 1976; Варонін, 2007, № 3]. Однако не следует полагать, что доступ к книгам библиотеки имели только священники-клирошане. Она была открыта и для мирян. Так явствует из еще одной записи Алексия на одной из пожертвованных им в библиотеку книг: «Поклон и благословение князю, и бояром, и мужем полочаном от Арсения. Сами не обидите дому святого Софеа а въ обиду не давате, а приказываю Богови и вамъ» [Щапов, 1976, с. 280]. Обращение к полочанам – князьям, боярам, мещанам – указывает на то, представители каких сословий могли открыть книгу и внять просьбе донатора.

Продолжая «лучшие традиции», полочане и в XIV–XVI вв. отправляли свои послания в вечность, пользуясь для их записи стенами храмов. Неко-

торые из записей XV в. на стенах Спасо-Преображенской церкви сохранили сведения о смерти представителей одного из старейших и знатнейших полоцких родов – Корсаков [Калечыц, 2011, с. 119].

Таким образом, такой центр письменности, как церковь, перестал быть главным. Письменность активно развивалась в светской среде. Полоцк стал одним из центров деловой переписки с зарубежными торговыми партнерами. Письменность была включена и в правовую сферу. Появление правового документа, рост его авторитета, общественной значимости, приобретение им желательного и обязательного статуса привело к серьезным изменениям в организации власти и управления. В центре возникла канцелярия, со временем приобретшая стационарный характер. Центр придал импульс регионам. Подготовкой правовых документов занялись местные – полоцкие – власти. Письменность поддерживала функционирование институтов власти и управления, превратилась в неотделимую часть власти и управления, ее подготовка, упорядочивающая бюрократические методы работы, стала составной частью административной деятельности. Распространение и рост значения правовой письменности вызвали к деятельности «профильных специалистов» – писарей и дьяков. Объем их работы увеличивался по мере умножения видов, разновидностей и подразновидностей документов. Правовой документ стал составляющей правового акта, его получение и хранение – стандартом поведения подданного. Интенсивное использование правового документа среди полочан создало благоприятные условия для рецепции на Полоцкой земле изданного в 1529 г. Статута ВКЛ.

Появление и распространение письменности отражает формирование рациональных отношений. Письменность являлась одновременно результатом и фактором их развития. Наиболее четко это проявилось в той части системы коммуникации, которая отвечала за отношения внутри общества. Увеличилось количество непосредственных каналов коммуникации между людьми, таких каналов, которые обходили посредничество религиозных сил. Однако следует признать, что эти каналы налаживали по образцу «обходных». В свою очередь, увеличение указанных прямых каналов содействовало утверждению правовых отношений. Письменность создавала мобильные каналы обмена информацией между людьми одного общества, разными обществами, давала знания. Все это вело к приобщению полочан к социальным, правовым и культурным ценностям, которые разделялись далеко за пределами Восточной и Центральной Европы.

10.3. Деятели культуры и просвещения XII–XVII вв.

(А. А. Скепьян)

С Полоцком связано несколько имен деятелей белорусской и мировой культуры, которыми по праву гордится наша история. Это Евфросинья Полоцкая, Франциск Скорина, Симеон Полоцкий. Хотя последние только родились и провели детские годы в этом древнем городе, они всю жизнь помнили о своих корнях и прославили родной город далеко за его пределами.

Поддержка государственной властью христианства и его принятие широкими слоями населения, способствовала появлению в Полоцке с конца X в. не только отдельных церквей, но и монашеских общин. Учреждение епископской кафедры, предположительно в 992 г. [Сапунов, 1888, с. 2], еще более укрепило позиции Полоцка как духовного и культурного центра северо-восточных земель Беларуси. Христианизация этого региона дала толчок к развитию новых сфер культуры и появлению ряда выдающихся деятелей культуры в области просвещения, христианского служения, литературы и архитектуры.

Сведений о раннем периоде полоцкой истории не очень много, они фрагментарны и не всегда содержат информацию об интересующих нас людях. Так, упоминания о некоторых аспектах религиозной жизни Полоцка содержатся только в памятниках агиографической литературы, что затрудняет установление точных дат и подлинность событий. К последним относится и «Житие Евфросиньи Полоцкой», дошедшее до нас в шести редакциях со списков XVI–XVIII вв. К тому же под пером переписчиков и редакторов оно претерпело значительные изменения, в тексте появились вставки, искажающие первоначальный текст.

Наличие епископской кафедры, нескольких монастырей, как в самом Полоцке (возможно св. Иоанна на Острове), так и в его окрестностях (мужского Борисоглебского в Бельчицах и неустановленного женского) содействовали распространению христианской книжной культуры, становлению летописания, появлению книжных собраний. Кроме того, церковь и центральная власть являлись крупнейшими заказчиками каменного строительства. Именно церкви и монастырские корпуса являются наиболее ранними памятниками каменного зодчества на землях Полоцкой земли [Варонін, 2009а, вып. 2, с. 168].

В XI в. княжеская семья стала инициатором возведения большинства храмов Полоцкой земли, в том числе Софийского собора, и привлекала к работе мастеров с окрестных земель. По результатам своего исследования Л. В. Алексеев предположил, что храм был возведен в 1062–1066 гг. [Алексеев, 2006, кн. 2, с. 75–76, 84]. Поэтому чаще всего заказчиком строительства храма св. Софии в середине XI в. называют полоцкого князя Всеслава Брячиславовича (1044–1101). Кроме собора («Церковь Светого Софея в замку, соборная») в Верхнем замке существовала Богородицкая церковь, упоминаемая уже в 1107 г. [ПСРЛ, 1863, т. 15, стб. 121].

С деятельностью княжеской семьи связывают и заложение Борисоглебского монастыря в Бельчицах, где, возможно, находилась одна из резиденций полоцких князей. Л. В. Алексеев считает, что монастырь был основан одним из сыновей Всеслава Чародея Борисом (?–1128) (именно этим объясняется выбор покровителей монастыря святых Бориса и Глеба) в конце XI – начале XII в. и первоначально был деревянным. Самые ранние каменные монастырские строения (сегодня их открыто четыре) датированы первой половиной XII в. [Воронин, 1956, вып. 6, с. 14, 17].

Однако археологические и документальные данные не всегда дают полную информацию о существующих приходах и общинах, часто из-за их ма-

лочисленности и незначительности. Наиболее надежными о существовании и функционировании женских монастырей в Полоцке и его окрестностях являются сведения из «Жития Евфросиньи Полоцкой», в котором упоминается о женском монастыре, где игуменьей была вдова князя Романа Всеславича. Все свидетельствует о том, что обитель была небольшой. Возможно, в ней традиционно находили приют овдовевшие представительницы княжеской семьи. Название, местоположение и дальнейшая судьба этого монастыря не известна.

Евфросинья Полоцкая (ок. 1105–1167). К сожалению, «Житие» весьма скупо освещает факты биографии Евфросиньи (Предславы). Предположительно Предслава родилась в семье князя Святослава (Георгия) Всеславича и Софьи, дочери Владимира Мономаха около 1105 г. Дату рождения можно попытаться вычислить исходя из упоминания в Житии: «...и идев в монастырь. В та же лета бяше княини Романова игуменьей» [Повесть жития ... , 1994, с. 2]. Князь Роман Всеславович, согласно данным Ипатьевской летописи, умер в 1116 г. [ПСРЛ, 1908, т. 2, стб. 264], а вскоре его вдова могла принять постриг. Житие утверждает, что Предслава пришла к ней в двенадцатилетнем возрасте, а значит, вряд ли она родилась ранее 1104 г. Фактически текст жития описывает детство княжны в несколько строчек, отмечая ее образованность: «и толма бысть любящи учение». Эта фраза показывает, что образование в княжеской семье получали не только мальчики, но и девочки. Есть сведения, о том, что в Киеве в эти годы существовала школа княгини Анны, где получали начальные знания девочки из знатных семей. Возможно, такая традиция существовала и в Полоцке.

События по достижению Предславой совершеннолетия развивались очень быстро. Образованная, скромная и набожная княжна могла надеяться на выгодный брак, и предложения не заставили себя ждать. Практически сразу за сватовством последовало бегство княжны в монастырь к тетке и принятие пострига в нарушение всех церковных правил. Обычно перед принятием обета надо было пройти трехлетнее послушничество, но здесь, несмотря на страх игуменьи перед реакцией семьи («Отец твой, увидев, со всяким гневом возложит вред на главу мою» [Повесть жития ... , 1994, с. 27]), Предслава стала монашкой в течение нескольких месяцев. Согласно исследованию Л. В. Левшун, Предслава могла принять постриг 25 сентября (по старому стилю) 1116 г., поскольку только в данный период на кафедре в Полоцке отсутствовал епископ и постриг совершил священник [Левшун, 2009, вып. 2, с. 254].

Прожив некоторое время в монастыре, и, возможно, там получив доступ к книгам и их переписке, Евфросинья просит полоцкого епископа Илью «дабы ей велел ту прибыти в церкви святей Софеи в гольбци камене» [Повесть жития ... , 1994, с. 29.], т. е. перевести ее в св. Софию. В качестве послушания она стала заниматься перепиской книг. Еще до смерти Ильи (ок. 1126 г.) Евфросинья переселяется вместе с одной монашкой (черноризицей) в Сельцо к церковке Святого Спаса, которая принадлежала епископии. По подсчетам некоторых исследователей, это событие могло произойти 6 авгу-

ста 1625 г. в день Преображения Господня [Левшун, 2009, с. 253; Мельникаў, 2005, с. 214, 230], когда инокия могла достигнуть возраста 21 года (окончания отрочества). Епископ объяснил необходимость ее ухода тем, что негоже монашке пребывать при церкви соборной, где собираются все прихожане. Передача места св. Спаса произошла в присутствии полоцкого князя Бориса и отца Евфросиньи Георгия и с их благословения.

Деревянная небольшая церковь не была рассчитана на обслуживание большой общины, и ее там, по всей видимости, и не было. Хотя в более поздних редакциях, начиная с Димитрия Ростовского, утверждается, что с приходом Евфросиньи в Сельцо количество «насельниц» начало быстро расти, но, по всей видимости, это произошло уже позднее – в конце 30-х годов XII в. («виде же преподобная день от дне умножающихся сестры и разпространяющую обитель, умысли создати церковь камену ва имя Спасителя» [Мельникаў, 2005, с. 285–286]), и для них понадобился новый каменный храм.

Первоначальные списки «Жития» свидетельствует совсем о другом развитии событий. Преподобная некоторое время жила с черноризицей, затем позвала к себе сестру свою Грядиславу (Городиславу) для обучения грамоте. Без согласия родителей Евфросинья: «введши ю в церковь, и повеле иерееви, огласивши, облещи в черньческия ризы, и нарече имя ей Евдокия» и «Евдокия же пребываше в монастыри, повинующися сестре своей» [Повесть жития ... , 1994, с. 32]. Вновь повторилась история с постригом самой Евфросиньи. Тайком от родителей, в спешке, без отбывания послушничества, в отсутствии епископа уже вторая дочь Святослава-Георгия принимает постриг. Это вызвало вполне справедливый гнев отца, но ничего поделать он не мог. Кроме того, уже очень скоро, в августе 1128 г., полоцкие князья выступили против войска киевского князя Мстислава Владимировича, и им стало не до монашек сестер.

Исходя из этих слов, мы можем предположить, что в монастыре в тот момент было всего две монашки: Евфросинья и Евдокия. Трудно сказать, внесли ли они свое приданое в монастырь, и могли ли из него финансировать крупные акции, такие, как строительство. Ведь обе сестры тайно приняли постриг и могли не получить от родителей приданого. После смерти полоцкого князя Бориса Всеславовича (в 1129 г.) в монастырь приходит его дочь Звенислава, внося в обитель все свое приданое «и принесе всю свою утварь златую и ризы многоценны». Под именем Евпраксии ее постриг иерей. Этот факт является подтверждением предположения о том, что вновь подтверждает предположение, что все события, связанные со становлением обители св. Спаса, происходили в период с 1128 по 1130 г., когда в Полоцке после смерти епископа Ильи не было владыки. Следом за этими событиями последовало изгнание полоцких князей в Византию, которое лишило обитель поддержки могущественных родственников.

На основе анализа сведений из различных списков житий А. Мельников предположил, что Спасский монастырь был основан Евфросиньей в 1126 г. (когда она поселилась там вдвоем с монашкой). Возведение каменного храма началось в 1133 г. [Мельникаў, 2005, с. 61, 72.]. Исследования В. Ф. Сара-

бянова показывают, что изначально храм был заложен как небольшая монастырская церковь, общей площадью около 60 м². Там были предусмотрены кельи для монашек (фото 15), и два аркосолия, примыкавшие к боковым алтарям и предназначавшиеся для погребения духовных лиц. Это свидетельствует об изначальноном проекте храма как монастырской церкви. Однако келья для Евпраксии была достроена позднее, что говорит о заложении храма до 1129 г. [Сарабьянов, 2007, с. 14, 16]. Тогда его строительство пришлось как раз на период изгнания полоцких князей из родного города: между 1129 и 1139 г. В связи с этим возникает вопрос: кто и когда решил строить каменный храм? Житие указывает, что Евфросинья лишь согласилась с предложением Ивана «приставника над делателя церковными» о возведении новой церкви, сама же она не была инициатором перестройки. Непонятно, откуда были взяты средства на ее возведение, даже если и предположить, что оно началось за несколько лет до высылки полоцких князей в Византию, то их не было до 1139 г. По возвращении они привезли из Константинополя целый ряд святынь для уже действующих монастырей, но в тот момент не могли оказать сестрам монахиням значительную поддержку. Возможно, помощь была получена от бояр, которые группировались вокруг оставшихся в городе женщин и детей княжеской семьи или киевских наместников, и именно поэтому их имена не указаны в житии.

Храм, ставший одним из лучших произведений полоцкой архитектурной школы, был освящен как Спасо-Преображенский, о чем свидетельствуют как некоторые цитаты из проповедей Евфросиньи, так и искусствоведческий анализ архитектуры и фресковой росписи самой церкви. Внутреннее убранство храма было закончено уже в 50-е годы XII в. Храм стал тем центром, вокруг которого и начала строиться и разрастаться община под игуменством Евфросиньи. Ведь изначально причиной ее ухода в монастырь во всех источниках называлось стремление лично служить и познавать волю господина. Однако после веления гласа свыше строить каменный храм как повеление воспринимаются и слова сестер «се собрах вы, яко кокош птенца под креле свои». Именно с этого момента деятельность Евфросиньи выходит за рамки небольшого монастыря. Она становится ответственной не только за свою судьбу, поступки сестер как игуменья, но и светских лиц «Сице же ей всегда учаше и безпрестани, яко мати чадолюбивая г детям своим любовь показуючи» [Повесть жития ... , 1994, с. 31].

Занятие полоцкого стола родным братом Евфросиньи Василько Святославичем в 1132 г. только усилило ее влияние на полоцкое общество. Следующим ее шагом становится «создати вторую церковь камену Святей Богородици». А. А. Мельников относит возникновение монастыря Пресвятой Богородицы приблизительно к 1151 г., а самого храма – к 1151–1154 гг., с освящением до 1157 г. [Мельникаў, 2005, с. 63]. Как упоминалось ранее, в Полоцке уже существовал храм Пресвятой Богородицы на верхнем замке и монастырский храм стал вторым в округе. Несмотря на то что монастырь после постройки и освящения Евфросинья «предаст ю мнихом», т. е. второй монастырь будет мужским, она остается в нем игуменьей. Это хорошо вид-

но из заголовка ее жития, написанного уже после смерти Евросины «Повесть жития ... Еуфросины, игуменъ монастыря Святаго Спаса и Пречистыя Его матере» [Повесть жития ... , 1994, с. 25].

Житие подтверждает единоначалие игуменъ Спасского монастыря над обеими обителями, в начале как основательницы, а затем по традиции: «Сама же блаженнаа Еуфросиния, положивши великое устроение обема монастырема, братии и сестрам...». Перед паломничеством в Святую землю Евфросинья «даст дръжати и рядити сестре своей Евдокеи оба монастыря». Кроме того, подворье игуменъ находилось недалеко от церкви Пресвятой Богородицы. В документе 1497 г. находим упоминание про двор «подле церкви Пречистое Богоматери въ Полоцку, близко двора игуменина» [Варонін, 2009, вып. 2, с. 159].

Авторитет и самой игуменъ, и ее обителей возрос в несколько раз, после получения от константинопольского патриарха Луки Хризверга и императора Мануила I Комнина в обмен на богатые дары из Полоцка списка иконы Эфесской Богоматери «Одигитрии», по преданию написанной самим евангелистом Лукою. По прибытии икона была богато украшена и помещена в Спасо-Преображенскую обитель, где находилась до середины XIII в. Еще одна святыня, напрямую связанная с Евфросиньей, – драгоценный на престольный крест из кипарисового дерева. Он был изготовлен по ее заказу полоцким ювелиром Лазарем Богшей в 1161 г. [Алексеев, 1957, № 3]. Богато украшенный золотом, жемчугом, драгоценными камнями и эмалевыми вставками крест (фото 18: 1) служил ковчегом для хранения «святостей», которые могли быть привезены в Полоцк возвратившимися из Византии князьями, или слугой Евфросиньи Михаилом вместе с иконой.

К концу жизни Евфросинья стала той силой, с которой были вынуждены считаться представители всех слоев населения, в том числе князья. Она выступает не только посредницей и заступницей, молящейся о милости к Полоцку, но и сама решительно вмешивается в политические дела, примиря враждующих князей. К сожалению, ее усилия по сохранению единства в семье и государстве не принесли успехов, княжество все больше склонялось к междоусобным конфликтам. Ее решение поехать в паломничество на Святую землю, посетить Иерусалим и место крещения Христа на Иордане вызвало печаль среди полочан. Постриг в монастырь племянниц Кирианны и Ольги полоцким епископом Дионисием непосредственно перед отъездом Евфросиньи позволяет нам установить еще одну дату из ее жизни. Так как кафедру Дионисий занял в 1166 г., то и начало путешествия преподобной можно датировать этим годом.

Евросиньи удалось поклониться только святыням св. Софии в Константинополе и Гробу господню в Иерусалиме. Совершить путешествие на Иордан не позволила болезнь. Умерла преподобная во время своего паломничества, не завершив его в Иерусалиме 24 мая, проболев 24 дня в монастыре святой Богородицы. Год смерти до сих пор точно не установлен. Традиционным считается 1173 г. Косвенные упоминания в житии о встрече Евфросиньи с императором Мануилом Комнином (1123–1180) «и тако при-

шедши в страны, и сrete ю царь, идый на Угры, с великою честию посла ю в Царьград» [Повесть жития ... , 1994, с. 39] позволяют утверждать, что произошли эти события в 1167 г., а значит и умерла преподобная на несколько лет раньше, чем считали ранее. Годы странствий (с 1166 по 1167 г.) достаточно чтобы достигнуть Святой земли³. После смерти тело Евфросиньи было похоронено ее спутниками Евпраксией и Давидом и слугами в монастыре св. Феодосия. Позднее мощи (возможно, в 1186 г.) ее были перенесены в Киево-Печерский монастырь, где они находились до 1910 г. В этом же году она была признана преподобной, а ее мощи перенесли в полоцкий Спасо-Преображенский монастырь, игуменьей которого она была до самой смерти.

Франциск Скорина (ок. 1490 – ок. 1551). Одним из наиболее известных уроженцев белорусских земель стал Франциск Скорина из Полоцка. Он наиболее известен как восточнославянский первопечатник, переводчик, автор оригинальных предисловий к книгам «Библии», издания которых были украшены гравюрами его работы.

К сожалению, трудно сказать, какие конкретно факты из биографии Франциска Скорины можно связать с Полоцком. Фактически он жил в Полоцке только в период раннего детства. Источников, где бы упоминалось имя Скорины, обнаружено не так уж и много, причем они не позволяют полностью восстановить его биографию. Франциск, возможно, был младшим сыном в семье полоцкого купца Луки Скорины. Отец Франциска жил с семьей на территории полоцкого замка, и после его смерти (в 1512 г. он уже фигурирует как умерший) дворце перешло по наследству его сыновьям [БА, 1928, т. 2, с. 263–264.]. К сожалению, скудные сведения «Полоцкой ревизии 1552 г.», где указано только общее число мещанских плацов (ок. 40) в полоцком замке, не позволяет локализовать место рождения Франциска Скорины. Семья, возможно, изначально занималась обработкой и торговлей кожей, о чем говорит и его фамилия, и судебные дела об имуществе Ивана Скорины [Франциск Скарына і яго час, 1988а, с. 572–576]. О характере отца свидетельствует тот факт, что Лука Скорина сам участвовал в нападении на московских купцов. Его имя фигурирует в черном списке посольских претензий к полочанам 1492 г. В нем «купцы полотцкие Лукиан Скорина да Прокофьев» обвинялись в том, что «пограбили» приезжих гостей [Галенчанка, 1993, с. 85; РГАДА, ф. 79, кн. 1, л. 81об.–83]. Сомнительно, что купец с высоким доходом лично участвовал бы в грабеже, хотя его старший сын Иван в 1518 г. уже переехал в столицу государства и вел торговлю за границами Полоцкой земли с украинскими купцами. Королевский декрет говорит о полочанине Иване Скорине как о виленском мещанине [AGAD, МК, ks. 33, s. 165]. Своим дочерям Иван оставил в наследство часть села Тройдевичи с тремя дымами, где была и часть Франциска [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 42]. Возможно, именно Иван познакомил своего брата с богатыми виленскими купцами Богданом Онковым, Юрием Одверником, Богданом Бабичем и другими, которые и стали его меценатами.

³ В качестве подтверждений данных расчетов можно провести сравнение событий по датам паломничества Н. К. Радзивилла в 1582–1584 гг.

Дату рождения Франциска Скорины пытались вычислить исходя из имматрикуляционной записи Краковского университета от 1504 г. В зимний семестр 1504 г. при ректоре Яне Амицине среди 120 школяров был вписан и «Франциск, сын Луки с Плоцка (Полоцка)» с вступительным взносом в 2 гроша [Album studiosorum Universitatis Cracoviensis, 1892, т. 2, р. 91–93]. Поступить туда могли молодые люди не младше 14 лет. Хотя бывали случаи записи в классы малолетних студентов, но тогда в матрикулах отдельно отмечалось, что они не приносили присяги по малолетству. В случае со Скориной подобные пометки отсутствуют. Поэтому как условную дату принимают 1490 г., и расхождения с ней могут составлять один-два года.

До сих пор не выяснен вопрос: где Франциск Скорина получил начальное образование и знания латинского языка, которые позволили ему продолжить обучение в Краковском университете. Возможностей для этого было множество. По подсчетам В. Воронина в конце XV – XVI в. в Полоцке насчитывалось 25 православных церквей и 11 монастырей [Варонін, 2009, вып. 2, с. 170–174]. Кроме того, в городе существовало несколько католических монастырей. Ряд монастырей имел богатые библиотеки, при которых работали скриптории и школы. Латинский и немецкий языки были необходимы полоцким купцам, которые вели торговлю с Ригой, и, возможно, на низшем уровне им можно было обучиться и частным образом. Кроме того, такие знания давала школа при бернардинском монастыре.

В Полоцке бернардинский монастырь был основан в 1498 г. польским поэтом, общественным и церковным деятелем Владиславом из Гельнова. Благодаря активной миссионерской деятельности гвардиана Леона из Ланцута многие полочане склонились к принятию католичества [Monumenta Poloniae Historica, 1888, t. V, р. 282], вероятно, приняв повторное крещение, о чем писал великий князь московский Иван III Александру Ягелончику [СИРИО, 1882, т. 35, с. 299], Скорина стал именоваться Франциском в честь небесного покровителя ордена.

Далее Франциск Скорина мог продолжить свое образование в виленской бернардинской школе, имевшей тесные связи с монастырем в Полоцке. Кроме того, в Вильне мог уже жить его старший брат. В завещании мстиславского шляхтича Яна Халхистовича 1498 г., просившего похоронить его в виленском костеле бернардинов, упоминается среди слуг некий Скорина [KDKDW, 1948, t. 1, р. 531–532]. Возможно, здесь речь идет об Иване Скорине, который переехал в Вильно и мог взять к себе младшего брата.

Обучение в кафедральной или бернардинской виленской школе могло дать необходимую подготовку для обучения в университете. Начиная с фундации Ягайлы, в Краковском университете были созданы условия для привлечения студентов с земель ВКЛ. В первую очередь для них основывались бursы. Большинство студентов «литвинов» проживало в старейшей бурсе «Пауперуме», основанной в 1409 г. доктором теологии Яном Иснером для жителей ВКЛ [Галенчанка, 1993, с. 89]. Поступил Франциск на начальный факультет – свободных искусств (артиум), – где изучался комплекс семи наук («а то суть седм наук вызволенных»): грамматика, логика, риторика, музыка, арифметика, геометрия и астрономия.

Скорина закончил Краковский университет уже через минимально отведенный срок. 14 декабря 1506 г. в великой зале «Коллегиума Маюс» он получил степень бакалавра свободных наук вместе с другими выпускниками. Блестящая профессура, в числе представителей которой в это время были немцы и итальянцы, богатая библиотека сформировали не только его мировоззрение, но и языковую базу, прежде всего великолепные знания древних языков. Кроме того в Кракове с 1503 г. действовала типография, где издавали труды университетских профессоров. До 1525 г. в ней вышло более чем 250 изданий. Это могло способствовать интересу молодого выпускника к книгопечатанию. Свою дальнейшую судьбу он решил связать с интеллектуальной деятельностью. Полученное образование и личные способности позволили Скорине некоторое время находиться на службе у короля Дании⁴ [Флоровский, 1940–1946, sv. 12, s. 172]. Хотя до сих пор нет точных сведений о том, какая территория имелась в виду, большинство исследователей думают, что Скорина был секретарем у датского короля. В этот же период он сдал экзамены на получение степени доктора философии. Вполне возможно, что Скорина продолжил свое обучение в Краковском университете, где мог закончить медицинский факультет. Для получения степени доктора медицинских наук и допуска к экзамену было необходимо пройти пятилетний курс обучения. Однако медицинская кафедра в Кракове на тот момент не имела права присуждать докторскую степень, и для ее получения необходимо было ехать в другой университет. Сейчас трудно сказать, как Скорина оказался в Италии и почему именно в Падуи.

Объяснений этому может быть несколько. В Падуанском университете с конца XV в. в рамках философского факультета действовало 13 медицинских кафедр [Ягораў, 1926, с. 23–28]. Кроме того, в этом университете в период с конца XV в. до начала XVI в. уже обучалось несколько десятков «литвинов» (так называли себя подданные ВКЛ) и более сотни поляков. Число студентов из Речи Посполитой в XVI в. так возросло, что они были объединены в отдельную студенческую корпорацию – «польскую нацию». Студенты из Беларуси вписывались, как правило, именно в ее регистрационные книги, иногда – как литвины или русины. Уроженцы польских земель даже становились ректорами университета, как некий Андрей в 1507 г. Они могли опекать выпускников Краковского университета, и тогда становится понятным, почему дорога привела Скорину именно в Падую. Возможно, перед этим он побывал и в Болонье, где в это время в коллегии медиков и философов учился «Томаш из Литвы».

5 ноября 1512 г. Скорина был представлен коллегии падуанских докторов медицины и философии, которые собрались в церкви св. Урбана. Вицеприор Тадей Мусати отметил в своем вступительном слове, что в коллегию обратился весьма ученый молодой человек, приехавший издалека, с просьбой сдать экзамены бесплатно. Падуанский университет с 1509 до 1516 г. был закрыт в связи с военными действиями в северной Италии, но колле-

⁴ Точное местонахождение Скорины в этот период пока не установлено, так как Данией в данный период называлась современная Дания и часть современной Румынии.

гия докторов ознакомились с «русином», который прибыл в Венецианскую республику из таких далеких краев. Из уважения к высокому уровню его знаний Скорине было разрешено (а это был редкий случай) сдать экзамены без оплаты. Экзамен проходил в несколько этапов. Протоколы заседания отмечали: «он проявил себя настолько славно и достойно во время этого строгого экзамена, когда давал ответы на заданные ему вопросы и когда опровергал предложенные ему доказательства, что получил единодушное признание всех присутствующих ученых мужей без исключения» [Францыск Скарына, 1988, с. 60]. Во всех предисловиях к своим изданиям и в документах Скорина всегда писал: «избранный муж, в лекарских науках доктор».

В знак признания заслуг Франциска позднее его изображение в докторской мантии было помещено в зал славы Падуанского университета в «Астории дель Бо», где хранятся портреты наиболее известных его выпускников. С территории Восточной Европы в данном университете находятся изображения всего двух людей: Франциска Скорины и Николая Коперника (который, возможно, учился там в 1501–1503 гг.).

После получения докторской степени Скорина, по всей видимости, остался в Западной Европе, а если и возвращался в ВКЛ, то на незначительный период – один-два года, когда заручился поддержкой Богдана Онкова. Именно на деньги последнего и были напечатаны в Праге первые издания Скорины. Не позднее 1516 г. Франциск уже обосновался в Праге, где и начал свою переводческую и книгоиздательскую деятельность [Rozprawy československe Akademie, 1957, т. 67, сеš. 11, s. 58]. За два года (1517–1519 гг.) ему удалось подготовить текст и иллюстрации, а также издать 23 книги Библии, Псалтырь.

По всей видимости, особого дохода это занятие ему не принесло, либо партнеры решили, что дешевле продолжить книгоиздательскую деятельность в Вильне. Около 1520 г. Скорина вновь возвратился в этот город. Несомненно, не последнюю роль в этом сыграла и возможность участвовать в торговых операциях брата и получить финансовую поддержку от других православных членов виленского магистрата. В Вильне ему удалось издать «Малую подорожную книжицу» (ок. 1522) и «Апостола» (1525). В середине 20-х годов XVI в. Франциск Скорина отошел от книгоиздания, в первую очередь из-за решения 1526 г. виленской капитулы об усилении борьбы с реформационными течениями и в связи со смертью ряда своих покровителей [Галенчанка, 1993, с. 165.]. Скорина стал компаньоном брата и поступил на должность секретаря виленского епископа Яна из великих князей литовских, начал заниматься медицинской практикой [Голенченко, 1989, с. 33–37.].

Неудачное путешествие в Кёнигсберг в 1529 г., который Франциск покинул через несколько месяцев, многочисленные судебные процессы из-за имущества брата и жены, а главное смерть покровителей из числа виленских бурмистров, возможно, способствовали переезду Скорины в Прагу, где он и провел остаток жизни. Там он получил должность садовника в королевских садах на Градчанах. В Праге Франциск и умер не позднее января 1552 г., а, скорее всего, в середине 1551 г. [Францыск Скарына, 1988, с. 186].

К сожалению, найденные документы свидетельствуют о том, что после смерти отца Франциск Скорина не бывал в Полоцке, только если проездом во время своей неудачной поездки в Москву. Все вопросы, связанные с имуществом, оставшимся в Полоцке, он решал с помощью посредников, а саму земельную собственность передал в управление своим племянницам и их семьям. Непонятно, почему он, зачастую находясь в затруднительном денежном положении, не продал их. Его бурная жизнь, часто сменяющийся род занятий (а он был и медиком, и секретарем, и книгоиздателем, и купцом, и садовником), города, где он жил, несомненно повлияли на его мировоззрение. Однако Франциск настойчиво подчеркивал свою связь с родным городом: «Выложены доктором Франциском Скорининым сыном из славного града Полоцка...», «...повелением и пилностью ученого мужа в лекарских науках доктора Франциска Скорины с Полоцка» и тем прославил свою родину в различных уголках Европы.

Значение Скорины как деятеля культуры, писателя, переводчика заключается в том, что он подготовил бурный рост книгоиздательской деятельности на белорусских землях, начавшийся в середине XVI в. Франциск Скорина поднял художественное оформление своих изданий на такой высокий уровень, что они служили образцом для подражания не только своим соотечественникам, но и другим народам.

Симеон Полоцкий (12 декабря 1629 г. — 25 августа 1680 г.). Симеон Полоцкий (в миру — Самуил Гаврилович Ситнянович-Петровский) известен как просветитель и философ, литератор и переводчик, создатель первого русского театра. Он вошел в историю, прежде всего, как один из ранних представителей русскоязычной силлабической поэзии и воспитатель детей царя Алексея Михайловича. Начал он свою педагогическую и творческую деятельность в Полоцке, наибольшей известности же его творчество получило в московский период жизни.

Данное имя уроженца Полоцка значительно больше известно исследователям литературы и просвещения России, чем Беларуси. Связано это с тем, что в Полоцке он был одним из образованных монахов, выпускников Киево-Могилянской коллегии, а в Москве стал одним из наиболее влиятельных лиц при царском дворе. Симеон Полоцкий оставил огромное литературное и философское наследие. Его рукописные стихотворные сборники «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион» (1659–1680) содержат по 1200 страниц.

Родился Самуил 12 декабря 1629 г. в семье богатых полоцких мещан Габриэля (Гаврилы) Ситнятовича-Петровского и Татьяны Яковлевны, во втором замужестве Шеремет [Гардзеев, 1999, с. 40]. Кроме него в семье было еще несколько братьев: Сильвестр, Симеон, Иван (Ян), Лукаш. Семья была тесно связана с полоцким патрициатом, и, по всей видимости, все дети получили образование. Кроме него еще один брат Сильвестр до 1659 г. принял постриг в том же монастыре, где и сам Самуил [Робинсон, 1988, № 4, с. 138]. Список вещей в завещании матери позволяет говорить о высоком имущественном и социальном статусе семьи [Гордеев, 1999, № 2, с. 44]. Его отчим Емельян Шеремет был полоцким радцем, брат Лукаш долгие годы занимал

должность подписка и писаря полоцкого. В период 1654–1666 г. семья Самуила тесно контактировала с русскими властями, а сам отчим летом 1654 г. выехал в Москву [Гардзееў, 1999, с. 43].

Самуил получил начальное образование в Полоцке, возможно в той же братской школе, где он позднее стал преподавать. Начало полоцкой братской школе было положено в 1633 г., когда brasлавский земский судья Севастьян Мирский подарил Богоявленской церкви полплаца с правом постройки на «школы для науки детям христианским» [Харлампович, 1898, с. 372]. Трудно сказать какого вероисповедания изначально был Самуил, но за свою жизнь он несколько раз сменил вероисповедание с униатского на православное. В 1640 годах – 1651 г.⁵ он учился в Киево-Могилянской коллегии, где был учеником П. Могилы, Лазаря Барановича (с 1657 г. – епископа Черниговского), с которым оставался близок на протяжении всей жизни [Матушек, 2010, с. 165]. Там же во время учебы он начал писать стихи, что было предусмотрено программой обучения риторики, которые вошли в сборник «*Carmina varia*». После окончания учебы в Киеве Самуил получил возможность работать преподавателем, но предпочел продолжить свое образование в Виленской иезуитской академии. В первой половине 1650-х годов Самуил вступил в орден святого Василия Великого. Сам он себя именовал как «[...] *Simeonis Piotrowskij Sitnianowicz hieromonachi Polocensis Ordinis Sancti Basilii Magni*» [Гардзееў, 1999, с. 44].

Около 1656 г. Самуил вернулся в Полоцк. Возможно, на него повлиял и тот факт, что игуменом Богоявленского монастыря в 1655 г. стал его учитель из Киево-Могилянской академии Игнатий Иевлевич. Он собрал вокруг себя кружок бывших преподавателей и студентов из академии. Трудно сказать, в какой момент Самуил поменял веру. 8 июня 1656 г. Самуил принял постриг в этом монастыре под именем Симеон и до 1664 г. являлся дидаскалом православной братской школы при монастыре [Еремин, 1987, с. 305]. При посещении Полоцка в 1656 г. московским царем Алексеем Михайловичем Симеону удалось лично приветствовать царя «Полоцкими метрами» панегирическими стихами своего сочинения, которые исполнялись поочередно учениками братской школы. Симеону заказали еще один приветственный цикл «Витебские метры» [Сімяон Полацкі, 2003, с. 727].

Несомненно, это подношение запомнилось русскому царю. В 1660 г. Симеона пригласили в Москву на суд над патриархом Никоном, где он удостоился чести читать свои стихи на личной аудиенции у царя. Вместе с ним приехала и группа учеников, которые исполняли «стихи краесогласные» перед царем [Еремин, 1953, с. 225]. Получив награду, Симеон вернулся в Полоцк. Однако после подписания Андрусовского перемирия 1661 г. власти начали гонения на сторонников русской партии. Их позиция расценивалась как предательская, особенно в условиях продолжающейся войны.

Весной 1664 г. Симеон поехал в Москву, чтобы забрать вещи умершего там архимандрита полоцкого Богоявленского монастыря Игнатия (Иевлевича), и в родной Полоцк больше не вернулся. Царь Алексей Михайлович предложил Симеону, как человеку, хорошо владеющему латинским, поль-

⁵ Разночтение в датах встречается в связи с тем, что срок обучения составлял 8–12 лет.

ским, греческим и церковнославянским языками, обучать молодых подьячих Приказа тайных дел, назначив местом обучения Спасский монастырь за Иконным рядом [Еремин, 1953, с. 225]. Симеон активно включился в общественно-политическую жизнь русского государства, писал стихи к знаменательным датам и принимал участие в работе московского собора по низложению патриарха Никона. В 1666 г. он поступил переводчиком к патриарху Паисию Лигариду, который оказал покровительство амбициозному литератору и богослову. Свои мысли о происходящем Симеон изложил в богословском трактате «Жезл правления» (1667), напечатанном от имени царя и Собора [Еремин, 1953, с. 227]. Содержание трактата было направлено против патриарха Никона и сторонников раскола.

Без сомнения, в Москве Симеон прошел обязательный обряд крещения в православие, который совершался над всеми иностранцами, приехавшими в Москву, несмотря на их первоначальное вероисповедание.

Без этого обряда Симеон не был бы допущен к обучению царских детей. С 1667 г. он являлся учителем царевича Алексея, а после смерти последнего – царевича Федора и царевны Софьи. Несомненно, что не без влияния Симеона его воспитанники предприняли попытку реформирования русского общества. Фактически до самой смерти Симеон исполнял при царе Федоре Алексеевиче функции личного секретаря [Татарский, 1886, с. 96].

Фактически Симеон Полоцкий обобщил накопленный за несколько веков культурный опыт ВКЛ в сфере образования, книгопечатания, богословия и литературы и приспособил его лучшие достижения к нуждам московского общества. Немалую роль тут сыграло и преподавание в братской школе, опыт полемической борьбы, широко ведущейся между православными, униатами и католиками в Полоцке, где сопротивление православному населению Контрреформации было одним из самых упорных. В своем труде «Венец веры кафолической» Симеон Полоцкий обобщил все знания, которые получил в школе и благодаря умению читать, – начиная с апокрифов и заканчивая астрологией. Именно так могло восприниматься московским обществом мировоззрение неправославного полочанина, который долгое время соприкасался с различными христианскими конфессиями.

В 1678 г. Симеон Полоцкий организовал в Кремле Верхнюю типографию, где за четыре года вышло шесть книг: «Тестамент Василия, царя греческого» (1680), «История о Варлааме и Иоасафе» (1681), «Букварь языка словенска» (1679), «Псалтырь рифмотворная» (1680), «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683), – причем он стал автором четырех последних [Еремин, 1953, с. 230].

Симеон Полоцкий вошел в русскую литературу как талантливый поэт, драматург и проповедник. Он стал автором сборников проповедей, стихотворных пьес «Комедия притчи о блудном сыне» и трагедии «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроках, в пещи не сожженных», восхваляющей царя Алексея Михайловича и обличающей правителя-тирана (библейского царя Навуходоносора). Однако вся новизна (новый размер, понятие поэтического стиля, художественной формы, превращение поэзии в искусство),

привнесенная им в русскую литературу, была основана на панегирической и дидактической поэзии школьного «барокко» [Еремин, 1987, с. 303]. То есть то, что для русской культуры было началом, для белорусской являлось одним из элементов традиционной системы культуры барокко.

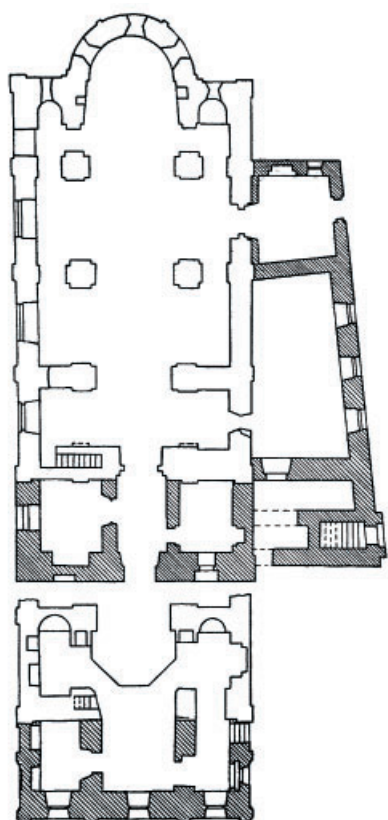
Занимаясь всю жизнь преподавательской деятельностью и литературным трудом, Симеон Полоцкий был сторонником просвещения, получения образования не только в рамках, необходимых для богослужения, но и основанного на широкой программе преподавания светских предметов. Большинство исследователей считают именно Симеона Полоцкого автором первого проекта Устава («Привилеи») Славяно-греко-латинской академии. Он был представлен на утверждение царя Федора Алексеевича в 1682 г. учеником Симеона Полоцкого Сильвестром Медведевым. К сожалению, сам текст дошел до нас с правками Сильвестра Медведева и патриарха Иоакима, во многом исказившего замысел Симеона [Еремин, 1953, с. 229].

По предложению Симеона Полоцкого Академия брала за основу организацию Киево-Могилянской коллегии, но с расширенной программой преподавания «гражданских и духовных» наук и изучения четырех языков: славянского, греческого, латинского и польского.

На протяжении всей жизни Симеон не терял связи с родными, оставшимися в Полоцке. Некоторые из них (вдова брата Сильвестра Ирина и племянник Михаил) переехали к нему в Москву. В 1669 г. в монастыре вместе с Симеоном поселился его младший брат Ян Шеремет [Татарский, 1886, с. 137, 208].

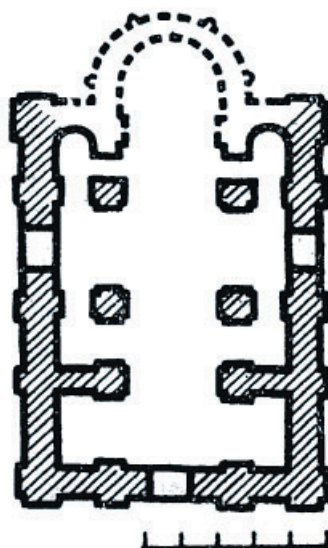
Умер Симеон Полоцкий 25 августа 1680 г., и был похоронен в нижнем храме в Заиконноспасском монастыре, с которым была связана вся его преподавательская деятельность [Симеон Полоцкий, 2008, с. 154–155]. Эпитафию Симеону написал его ученик и приемник Сильвестр Медведев. В завещании⁶ Симеон Полоцкий передавал в Полоцк часть своей библиотеки «книги руския и польския отдати в монастырь Полоцкий Богоявленный. Заставыаще кия обратятся у мене отдавати втуне». Имущество на нужды монастыря, описанное в завещании, по всей видимости когда-то принадлежало Иевлевичу, но не было передано в монастырь из Москвы. Чтобы получить данное имущество, игумен был вынужден ехать в Москву, как в свое время сам Симеон «послати весть в монастырь да приедет кто от них верный или же переслать в монастырь червонных злотых двести, требник киевский, ковер, подризник, епитрахиль, поручи – сие бо бяху того монастыря» [Симеон Полоцкий, 2008, с. 151]. К сожалению, до наших дней никаких книг из библиотеки Симеона Полоцкого не сохранилось. Богоявленский монастырь несколько раз горел (в 1683 г., в первой половине XVIII в.), а вместе с ним были уничтожены все ценности, указанные в завещании. В память о Симеоне Полоцком остались его труды: стихи, предсказания, теологические трактаты и пьесы.

⁶ Полный текст завещания приведен в работе [Татарский, 1886, с. 323–326].

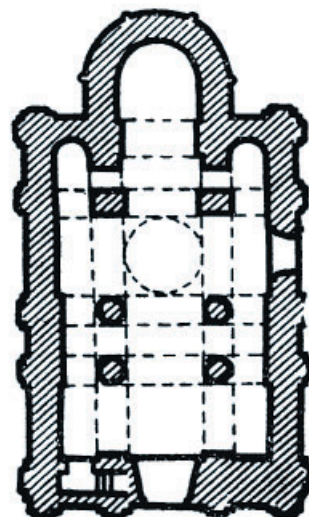

а

Рис. 87. Планы храмов второй четверти XII в.: *а* – Благовещенской церкви (Витебск); *б* – Борисоглебской церкви Бельчицкого монастыря (Полоцк); *в* – Спасо-Преображенской церкви середины XII в. (Полоцк)

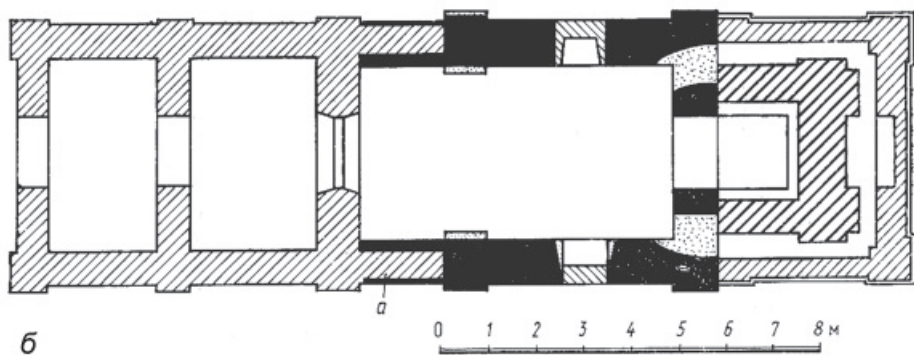
б

в

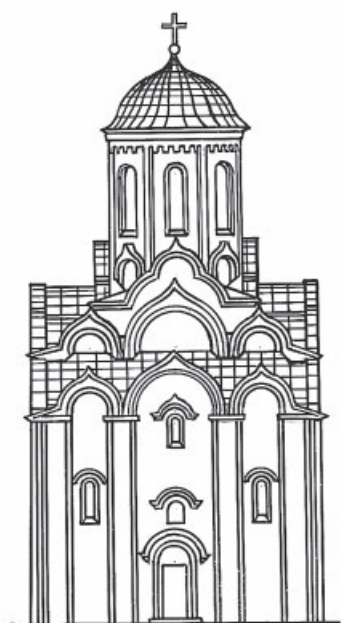

a

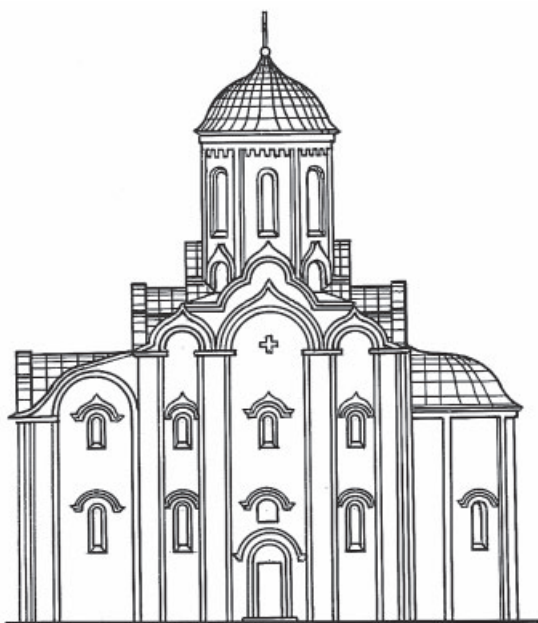

б

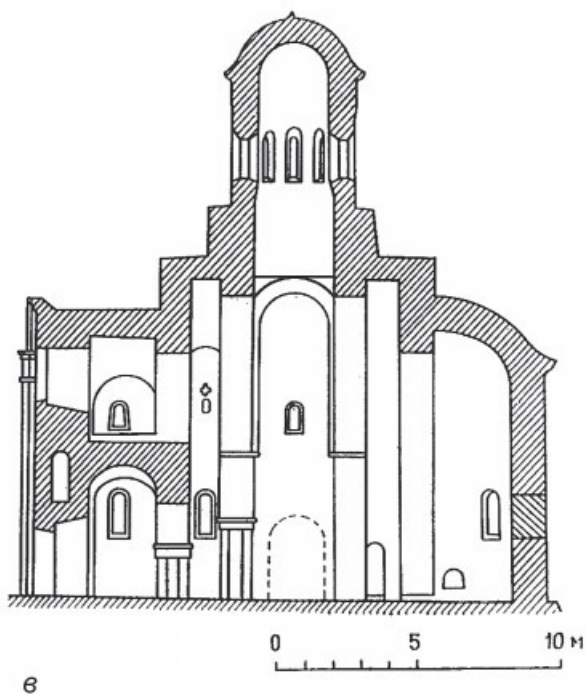
Рис. 88. Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря первой трети XII в.: *a* – общий вид;
б – план

а

б

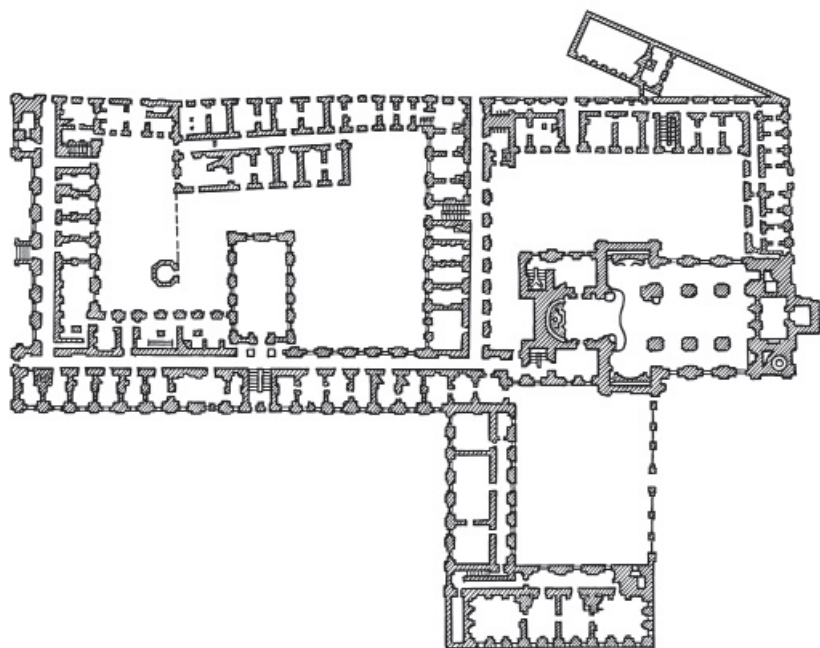

в

Рис. 89. Спасо-Преображенская церковь середины XII в.: *а, б* – западный и южный фасады соответственно (реконструкция П. Раппопорта и Г. Штендера); *в* – продольный разрез (исследования П. Максимова)

а

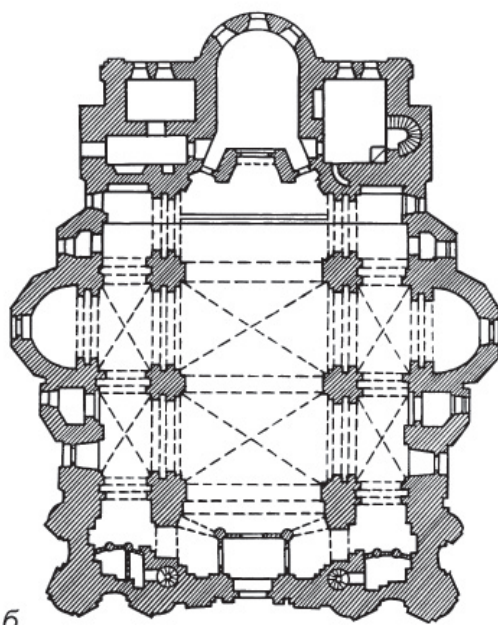
б

Рис. 90. Комплекс костела св. Стефана и коллегиума иезуитов XVIII в.: а – рисунок Н. Орды; б – план

а

Рис. 91. Софийский собор XVIII в.:
а – общий вид; *б* – план

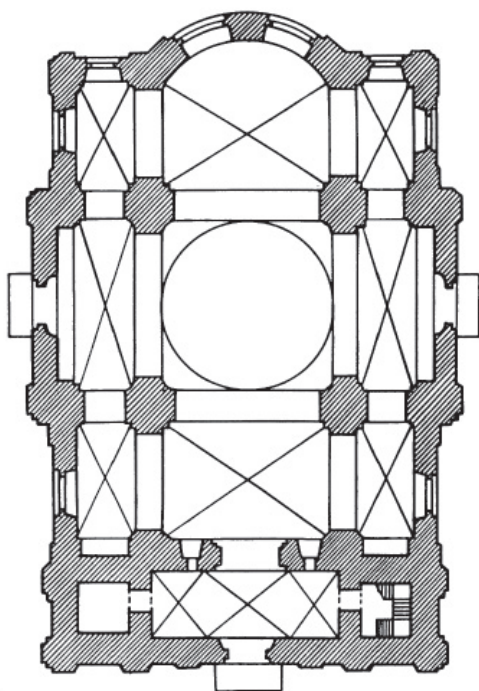

б

а

Рис. 92. Богоявленский собор второй половины XVIII в.: *а* – общий вид; *б* – план

б

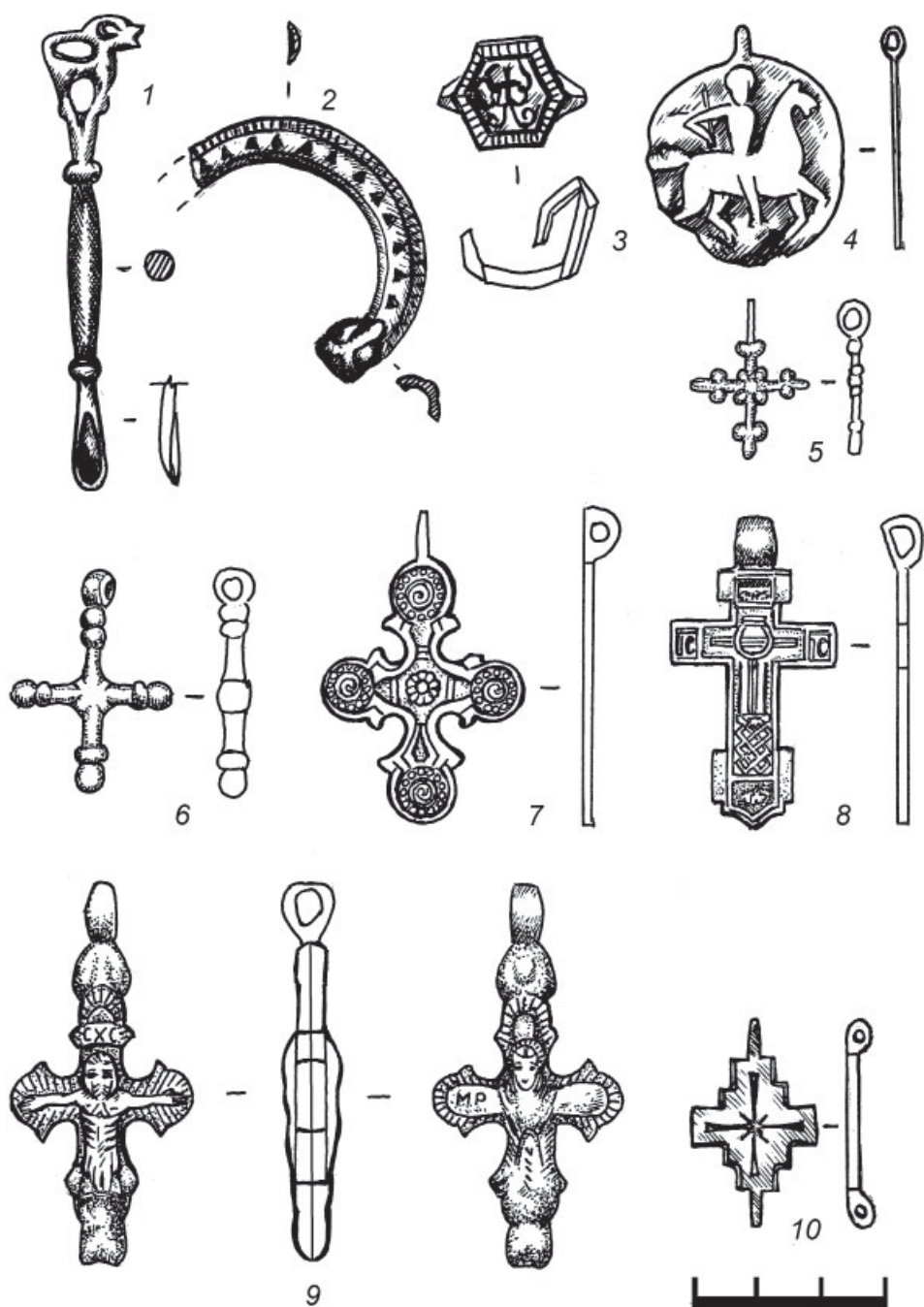

Рис. 93. Изделия из цветных металлов XII–XIII вв.: 1 – копоушка; 2 – фибула (фрагмент); 3 – перстень (фрагмент); 4 – иконка-подвеска; 5–8 – нательные кресты; 9, 10 – кресты-энколпионы. Заполотье. Исследования М. В. Климова. 2009 г.

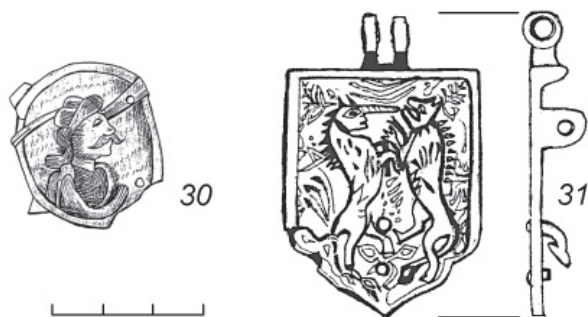
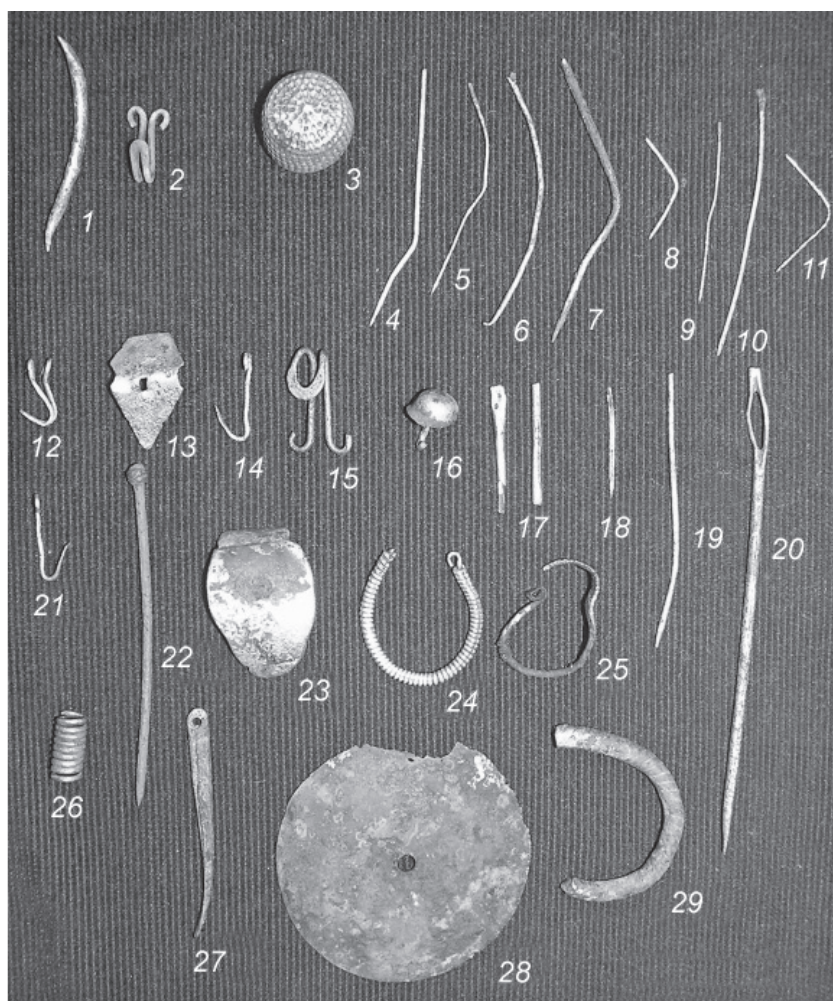
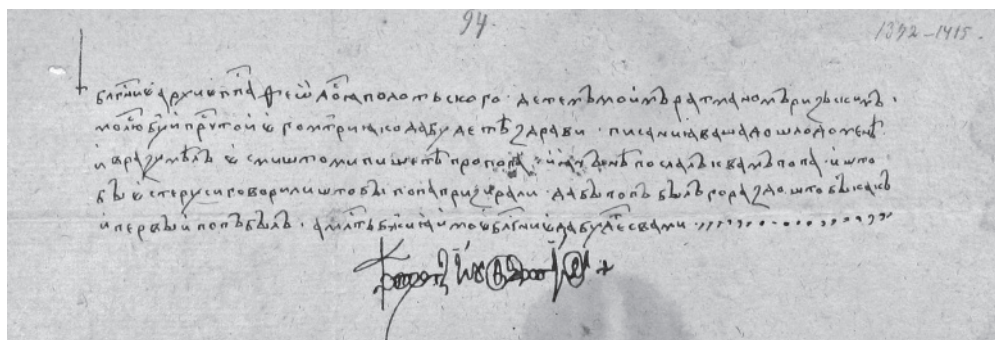

Рис. 94. Изделия из цветных металлов конца XVI – XVII в.: 1, 2, 12, 14, 15, 21 – крючки и застёжки; 3, 13, 16, 23, 28, 30 – накладки; 4–11, 22 – булавки; 17–20 – иглы; 24, 25 – серьги; 26 – пронизка; 27 – копоушка; 29 – браслет; 31 – книжная застёжка; 1–30 – исследования Д. В. Дука; 31 – фонды НПИКМЗ

Грамота полоцкого архиепископа Феодосия ратманам г. Риги об отправке в Ригу православного священника. Государственный исторический архив Латвии. [1392–1415 гг.]. Фото В. А. Воронина, А. И. Груши. Ф. 673. Оп. 4. Ящик 18. № 48

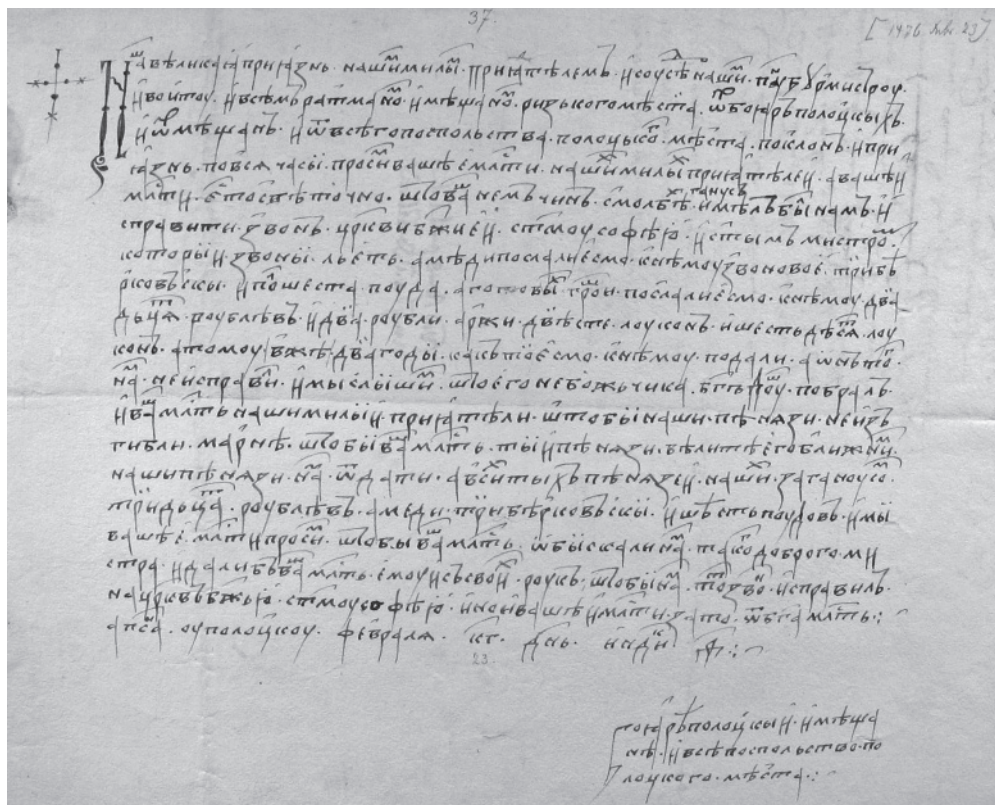

Рис. 96. Грамота полоцких бояр и мещан бурмистру, войту, ратманам и мещанам г. Риги. 23 февраля 1476 г. Фото В. А. Воронина, А. И. Груши. Государственный исторический архив Латвии. Ф. 673. Оп. 4. Ящик 19. № 26

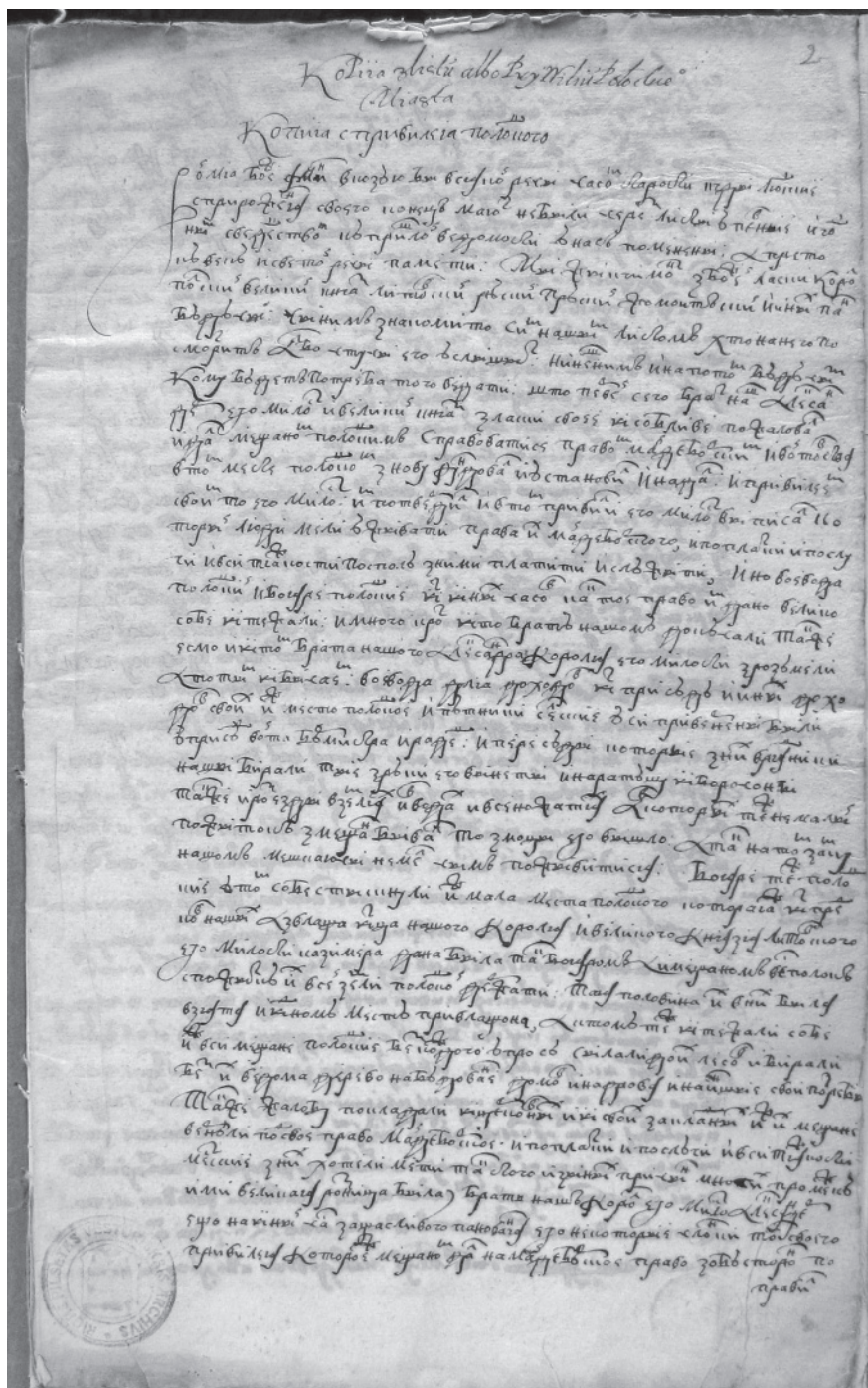

Рис. 98. Копия привилея Полоцку 1511 г. на магдебургское право и другие вольности, посланная полоцкими мешанами в Ригу (вторая половина XVI в.). Фонды Государственного исторического архива Латвии (Рига). Фото А. Б. Довнара

Polen Tyń: Niedziela Św. R. 1840. 1841. 1842. 1843. 1844. 1845. 1846. 1847. 1848. 1849. 1850. 1851. 1852. 1853. 1854. 1855. 1856. 1857. 1858. 1859. 1860. 1861. 1862. 1863. 1864. 1865. 1866. 1867. 1868. 1869. 1870. 1871. 1872. 1873. 1874. 1875. 1876. 1877. 1878. 1879. 1880. 1881. 1882. 1883. 1884. 1885. 1886. 1887. 1888. 1889. 1890. 1891. 1892. 1893. 1894. 1895. 1896. 1897. 1898. 1899. 1900. 1901. 1902. 1903. 1904. 1905. 1906. 1907. 1908. 1909. 1910. 1911. 1912. 1913. 1914. 1915. 1916. 1917. 1918. 1919. 1920. 1921. 1922. 1923. 1924. 1925. 1926. 1927. 1928. 1929. 1930. 1931. 1932. 1933. 1934. 1935. 1936. 1937. 1938. 1939. 1940. 1941. 1942. 1943. 1944. 1945. 1946. 1947. 1948. 1949. 1950. 1951. 1952. 1953. 1954. 1955. 1956. 1957. 1958. 1959. 1960. 1961. 1962. 1963. 1964. 1965. 1966. 1967. 1968. 1969. 1970. 1971. 1972. 1973. 1974. 1975. 1976. 1977. 1978. 1979. 1980. 1981. 1982. 1983. 1984. 1985. 1986. 1987. 1988. 1989. 1990. 1991. 1992. 1993. 1994. 1995. 1996. 1997. 1998. 1999. 2000. 2001. 2002. 2003. 2004. 2005. 2006. 2007. 2008. 2009. 2010. 2011. 2012. 2013. 2014. 2015. 2016. 2017. 2018. 2019. 2020. 2021. 2022. 2023. 2024. 2025. 2026. 2027. 2028. 2029. 2030. 2031. 2032. 2033. 2034. 2035. 2036. 2037. 2038. 2039. 2040. 2041. 2042. 2043. 2044. 2045. 2046. 2047. 2048. 2049. 2050. 2051. 2052. 2053. 2054. 2055. 2056. 2057. 2058. 2059. 2060. 2061. 2062. 2063. 2064. 2065. 2066. 2067. 2068. 2069. 2070. 2071. 2072. 2073. 2074. 2075. 2076. 2077. 2078. 2079. 2080. 2081. 2082. 2083. 2084. 2085. 2086. 2087. 2088. 2089. 2090. 2091. 2092. 2093. 2094. 2095. 2096. 2097. 2098. 2099. 2100. 2101. 2102. 2103. 2104. 2105. 2106. 2107. 2108. 2109. 2110. 2111. 2112. 2113. 2114. 2115. 2116. 2117. 2118. 2119. 2120. 2121. 2122. 2123. 2124. 2125. 2126. 2127. 2128. 2129. 2130. 2131. 2132. 2133. 2134. 2135. 2136. 2137. 2138. 2139. 2140. 2141. 2142. 2143. 2144. 2145. 2146. 2147. 2148. 2149. 2150. 2151. 2152. 2153. 2154. 2155. 2156. 2157. 2158. 2159. 2160. 2161. 2162. 2163. 2164. 2165. 2166. 2167. 2168. 2169. 2170. 2171. 2172. 2173. 2174. 2175. 2176. 2177. 2178. 2179. 2180. 2181. 2182. 2183. 2184. 2185. 2186. 2187. 2188. 2189. 2190. 2191. 2192. 2193. 2194. 2195. 2196. 2197. 2198. 2199. 2200. 2201. 2202. 2203. 2204. 2205. 2206. 2207. 2208. 2209. 2210. 2211. 2212. 2213. 2214. 2215. 2216. 2217. 2218. 2219. 2220. 2221. 2222. 2223. 2224. 2225. 2226. 2227. 2228. 2229. 2230. 2231. 2232. 2233. 2234. 2235. 2236. 2237. 2238. 2239. 2240. 2241. 2242. 2243. 2244. 2245. 2246. 2247. 2248. 2249. 2250. 2251. 2252. 2253. 2254. 2255. 2256. 2257. 2258. 2259. 2260. 2261. 2262. 2263. 2264. 2265. 2266. 2267. 2268. 2269. 2270. 2271. 2272. 2273. 2274. 2275. 2276. 2277. 2278. 2279. 2280. 2281. 2282. 2283. 2284. 2285. 2286. 2287. 2288. 2289. 2290. 2291. 2292. 2293. 2294. 2295. 2296. 2297. 2298. 2299. 2300. 2301. 2302. 2303. 2304. 2305. 2306. 2307. 2308. 2309. 2310. 2311. 2312. 2313. 2314. 2315. 2316. 2317. 2318. 2319. 2320. 2321. 2322. 2323. 2324. 2325. 2326. 2327. 2328. 2329. 2330. 2331. 2332. 2333. 2334. 2335. 2336. 2337. 2338. 2339. 2340. 2341. 2342. 2343. 2344. 2345. 2346. 2347. 2348. 2349. 2350. 2351. 2352. 2353. 2354. 2355. 2356. 2357. 2358. 2359. 2360. 2361. 2362. 2363. 2364. 2365. 2366. 2367. 2368. 2369. 2370. 2371. 2372. 2373. 2374. 2375. 2376. 2377. 2378. 2379. 2380. 2381. 2382. 2383. 2384. 2385. 2386. 2387. 2388. 2389. 2390. 2391. 2392. 2393. 2394. 2395. 2396. 2397. 2398. 2399. 2400. 2401. 2402. 2403. 2404. 2405. 2406. 2407. 2408. 2409. 2410. 2411. 2412. 2413. 2414. 2415. 2416. 2417. 2418. 2419. 2420. 2421. 2422. 2423. 2424. 2425. 2426. 2427. 2428. 2429. 2430. 2431. 2432. 2433. 2434. 2435. 2436. 2437. 2438. 2439. 2440. 2441. 2442. 2443. 2444. 2445. 2446. 2447. 2448. 2449. 2450. 2451. 2452. 2453. 2454. 2455. 2456. 2457. 2458. 2459. 2460. 2461. 2462. 2463. 2464. 2465. 2466. 2467. 2468. 2469. 2470. 2471. 2472. 2473. 2474. 2475. 2476. 2477. 2478. 2479. 2480. 2481. 2482. 2483. 2484. 2485. 2486. 2487. 2488. 2489. 2490. 2491. 2492. 2493. 2494. 2495. 2496. 2497. 2498. 2499. 2500. 2501. 2502. 2503. 2504. 2505. 2506. 2507. 2508. 2509. 2510. 2511. 2512. 2513. 2514. 2515. 2516. 2517. 2518. 2519.

Рис. 99. Выписка из «книг ратушных дел» Полоцка от 12 ноября 1766 г. Фонды Государственного исторического архива Литвы (Вильнюс). Фото А. Б. Довнара

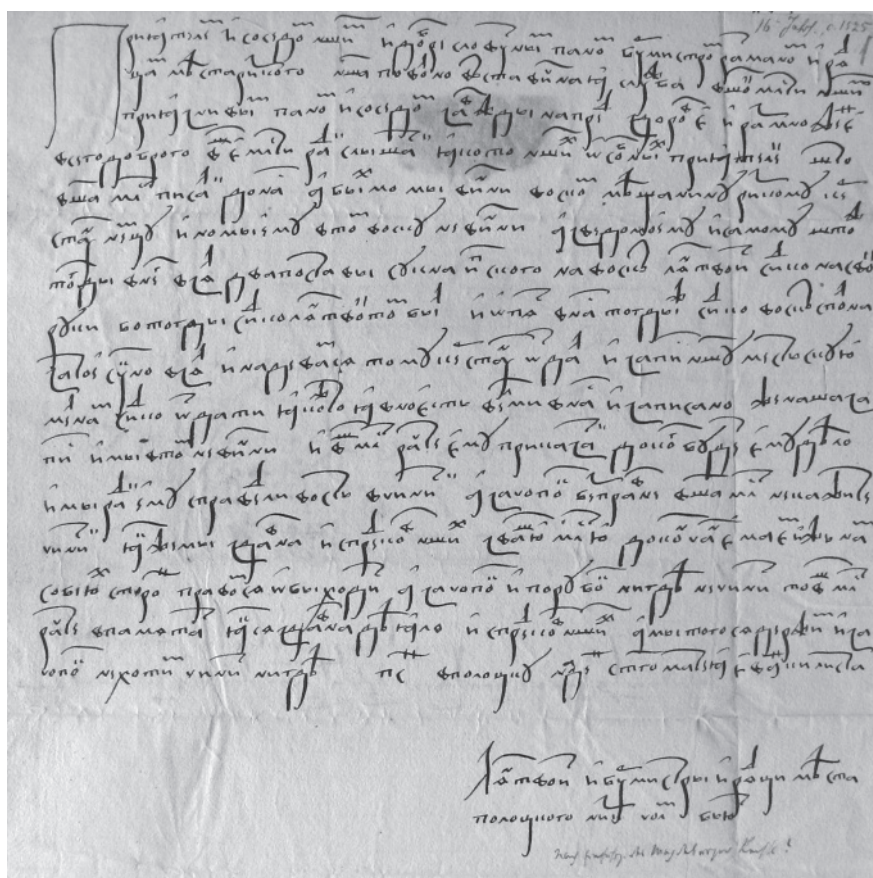

Рис. 100. Письмо полоцкого магистрата к рижскому магистрату «яко ко своим приятелям и соседям» о отсутствии долга воском у города Полоцка перед рижским мещанином Керстаном Немцем 1525 г. Фонды Государственного исторического архива Латвии (Рига). Фото А. Б. Довнара

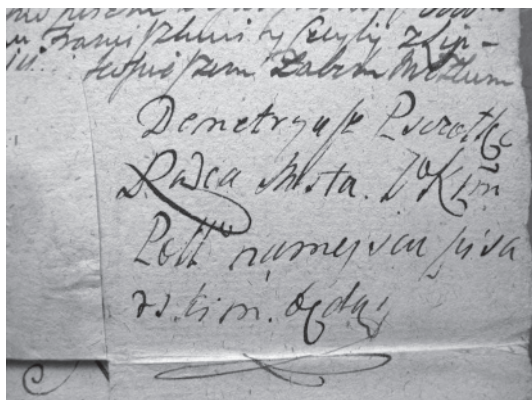

Рис. 101. Подпись Деметриуша Пчолки полоцкого радцы, который 10 июня 1750 г. исполнял обязанности городского писаря. Фонды Государственного исторического архива Литвы (Вильнюс). Фото А. Б. Довнара

Рис. 102. Разрешение короля польского и великого князя литовского Жигимонта Вазы
 полоцкому воеводе и войту Михалу Друцкому Соколинскому уступить «полоцкое вой-
 товство права магдебургского» доживотным правом пернавскому старосте Янушу
 Кишку (Люблин, 1 октября 1621 г.; фонды Государственного исторического архива
 Литвы (Вильнюс)). Фото А. Б. Довнара

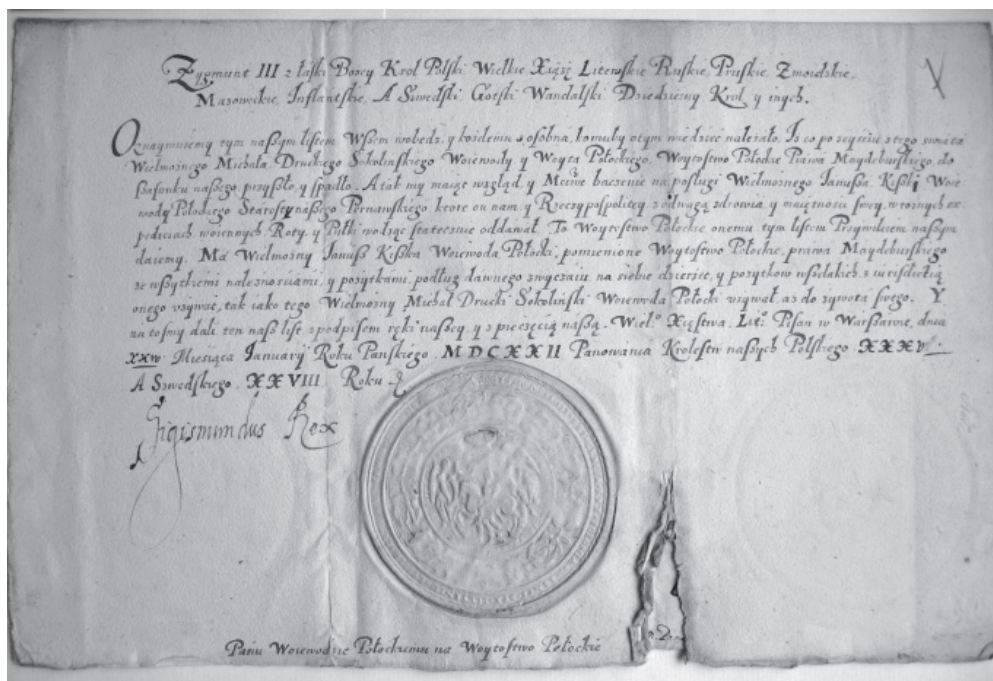

Рис. 103. Привилей короля польского и великого князя литовского Жигимонта Вазы на «полоцкое войводство права магдебургского» по смерти полоцкого воеводы и войта Михала Друцкого Соколинского доживотным правом полоцкому воеводе пернавскому старосте Янушу Кишку. Варшава. 24 января 1622 г. Фонды Государственного исторического архива Литвы (Вильнюс). Фото А. Б. Довнара

Фото 1. Посольство Владимира Святославича к Рогволоду. 970-е годы.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Фото 2. Накладка на чашу.
Цветной металл. XII в.
Городище. Полоцк.
Раскопки Д. В. Дука.
2007 г.

Фото 3. Свинцовые печати и пломбы из Полоцка (лицо и оборот): 1 – Великий посад. 2005 г.; 2–5 – Заполотье. 2010 г. Раскопки Д. В. Дука

1

2

3

4

6

7

5

8

9

10

Фото 4. Изделия из цветного металла (1–3, 6–9, 10), кости (4), камня (5): 1, 7 – детали кадила; 2 – подвеска; 3 – деталь хороса; 4 – шахматная фигура; 5 – пряслице с надписью; 6 – лампадка (фрагмент); 8 – фибула; 9 – молоточек; 10 – навершие. Городище. Полоцк. Раскопки Д. В. Дука. 2007 г.

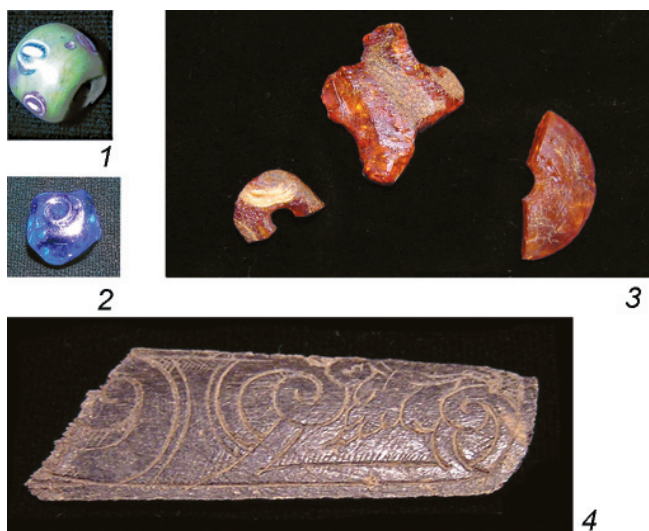

Фото 5. Изделия из стекла (1, 2), янтаря (3), кости (4): 1, 2 – бусы; 3 – крестик и фрагменты бус; 4 – накладка. Посад. Полоцк. Раскопки Д. В. Дука. 2005 г.

Фото 6. Изделия из цветных металлов: 1, 2 – подвески XI–XII вв.; 3 – рубчатый перстень XI–XII вв.; 4 – ключики от ларцов XII–XIV вв. Раскопки Д. В. Дука. Заполотский посад. Полоцк. 2004 г.

Фото 7. Гравюра 1579 г. (нюрнбергский летучий листок)

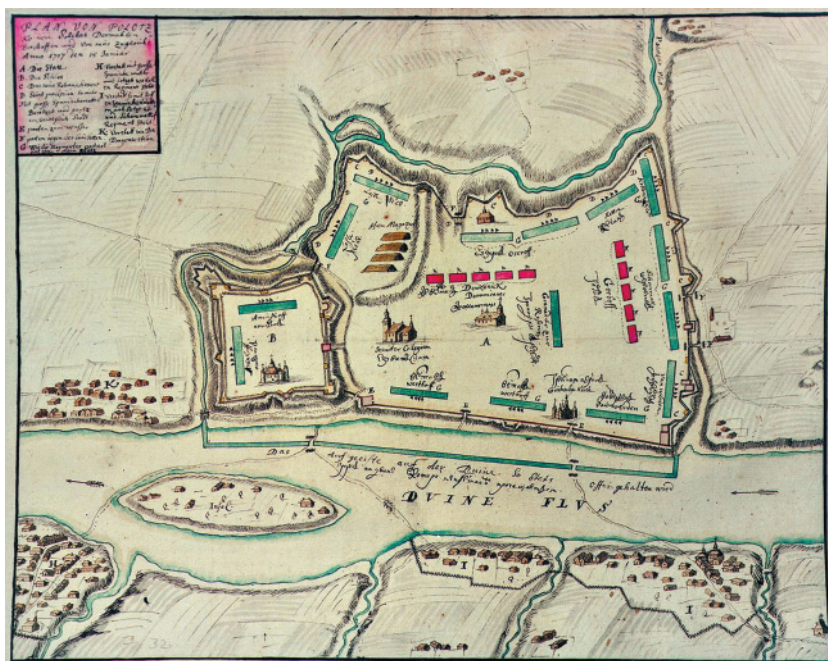

Фото 8. План Полоцка 1707 г.

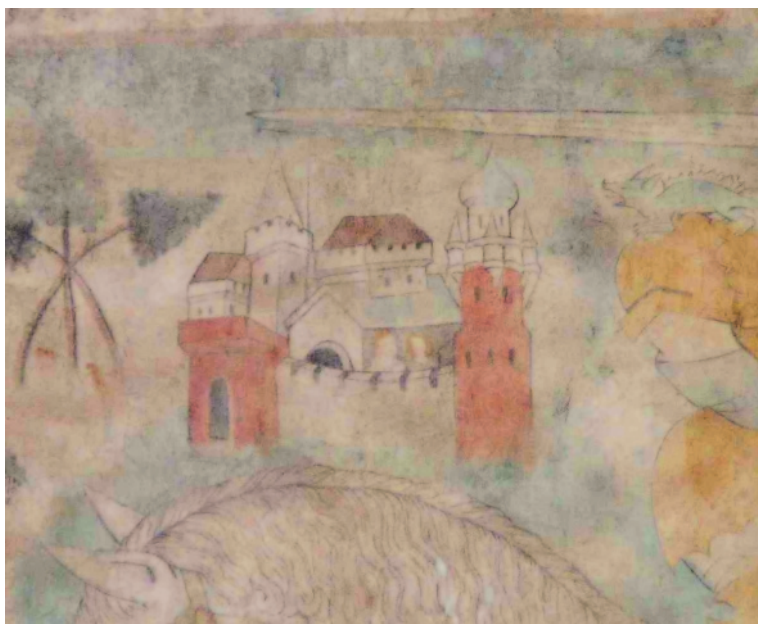

Фото 9. Изображение Заполотского посада и Бернардинского монастыря в Полоцке (предположительно). Фреска (фрагменты). Виленский костел св. Франциска и св. Бернардина

Фото 10. Св. Евфросинья Александрийская говорит со своим отцом. Фреска.
Спасо-Преображенский храм. Полоцк

Фото 11. Благовещенская церковь. Вторая четверть XII в. Витебск

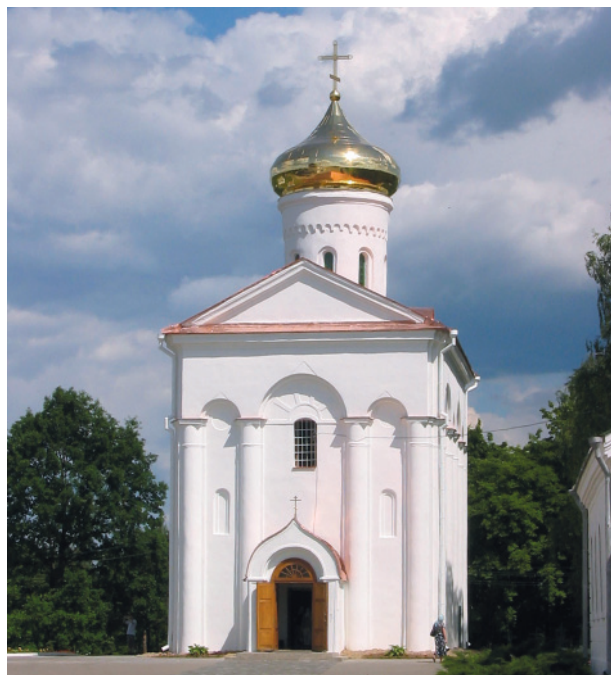

Фото 12. Спасо-Преображенская церковь. Середина XII в. Главный фасад. Полоцк

Фото 13. Фрагменты интерьера
с фресковыми росписями.
Спасо-Преображенская церковь.
Середина XII в. Полоцк

Фото 14. Фресковая роспись с изображением святых. Спасо-Преображенская церковь. Середина XII в. Полоцк

Фото 15. Келья преподобной Евфросиньи. Спасо-Преображенская церковь.
Середина XII в. Полоцк

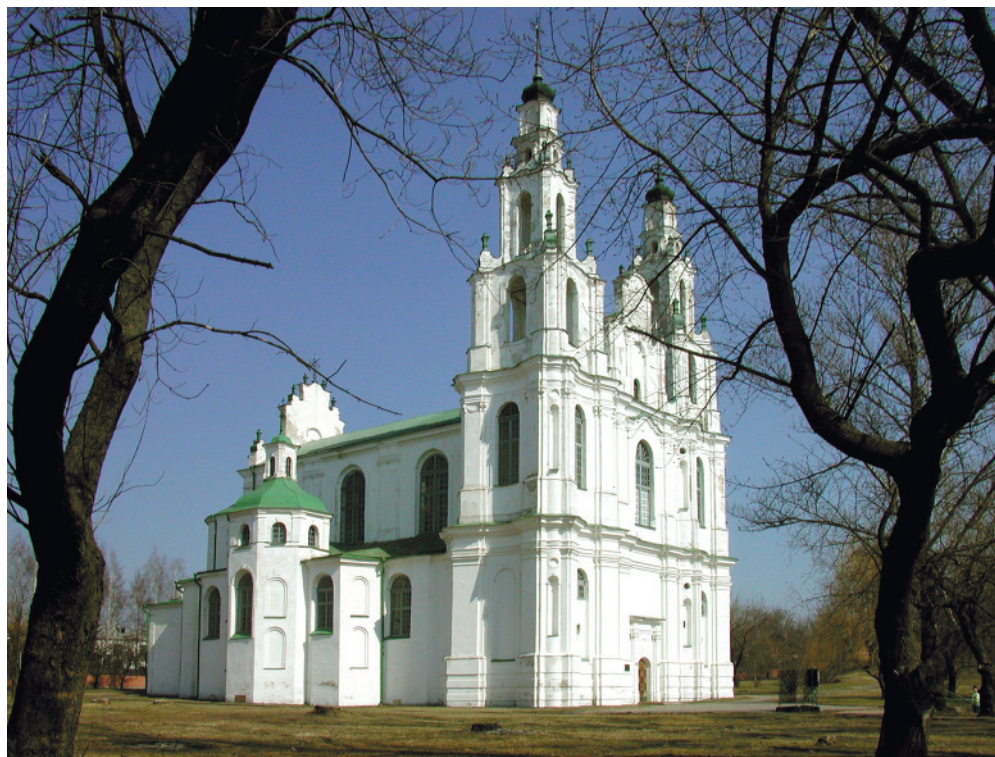

Фото 16. Софийский собор.
XVIII в. Полоцк

Фото 17. Костел Девы Марии ордена доминиканцев. Конец XVIII в. Рисунок Н. Орды

Фото 18. Крест Евфросиньи Полоцкой: 1 – оригинал (снимок 1896 г.); 2, 3 – новодел (лицо и оборот)

1

2

3

4

5

Фото 19. Предметы культа из цветного металла: 1 – створка креста-энколпиона XII в. Городище. 2007 г.; 2 – крест X–XI вв.; 3 – крест-энколпион XII в. Экимань; 4 – крест XIII в. Великий посад. 2009 г.; 5 – фигурки Богородицы и апостола Иоанна. Бронза. XII в. Городище. Полоцк. Исследования Д. В. Дука (1, 3–5), экспонат частной коллекции (2)

Фото 20. Культовые предметы из погребений XVII в. Цветной металл: 1 – нательный крест (лицо и оборот); 2 – иконка-подвеска (лицо и оборот). Городище. Полоцк. 2007 г.

мѣсѣмъ въ 5 прѣстави
 раба Б(о)жи помя
 Дмитръ на память с(вя)таго л(т)ца
 Конана огор(о)дника

Фото 21. Граффити XII–XIII вв.: «М(есе)ца м(а)рта въ 5 прѣстави раба Б(о)жи помя Дмитръ на память с(вя)таго л(т)ца Конана огор(о)дника». Фото и прорисовка И. Л. Калечиц

Фото 22. Костяное писало. I–XII в.
Полоцк.
Раскопки
Д. В. Дука

1

В ПО Г БОУ СЛЫШИТЬ МЯ
ВТОРНИ МЛТЬ

2

АХИЕППА
ЕФИМЬЯ

Фото 23. Граффити: 1 – XV–XVI вв.: «В пон(еделник) Г(оспод)ь Б(ог)оуслышитъ мя. Вторник м(и)л(о)сть»; 2 – XVI в.: «Архиеп(и)с(ко)па Ефимья».
Фото и прорисовка И. Л. Калечиц

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(О. Н. Левко)

Подводя итог, следует отметить, что археологическое изучение Полоцка насчитывает несколько основных этапов. На *первом этапе*, в результате исследований в 1928 г., А. Н. Левданский впервые определил в качестве основных элементов урбанистической структуры древнего Полоцка детинец (Верхний замок с Софийским собором), посад, предместья и наметил историю их развития.

На *втором этапе* в послевоенные годы (1957 г. – первая половина 1980-х годов) исследование культурного слоя Полоцка проводили А. Г. Митрофанов, В. Р. Тарасенко, Л. Д. Поболь, Г. В. Штыхов, Вас. А. Булкин. Итогом исследований этого периода было накопление археологических данных о развитии отдельных составляющих топографической структуры Полоцка, городских ремесел, застройки и торговых связей посадского населения в древнерусский период. Г. В. Штыховым определено, что вал древнейшего городища насыпан на рубеже VIII–IX вв., а наиболее ранние городские напластования выявлены им и исследованы у Красного моста вблизи городища с восточной стороны. Поддержана версия А. Н. Левданского о переносе детинца с городища на Замковую (Черную) гору в связи с возведением на ней Софийского собора, отмечена заметная роль полоцкого вече в XII в. Значительный вклад в изучение архитектурного наследия Древней Руси сделан исследователями архитектуры Полоцка XII–XIII вв. (Н. К. Каргером, П. А. Раппопортом, Вал. А. Булкиным), выявившими на его территории археологически разновременные остатки ряда храмов и проследившими особенности культового строительства в эпоху средневековья. Все эти материалы были систематизированы и интерпретированы Г. В. Штыховым.

Приоритетным направлением *третьего этапа* археологического изучения Полоцка (середина 1980-х – середина 1990-х годов) являлось исследование развития топографической структуры Полоцка в IX–XVIII вв. Были установлены элементы и время возведения некоторых оборонительных укреплений города, выявлен культурный слой поселения догородской эпохи, предшествовавшего формированию посада на территории Нижнего замка. Определены произошедшие топографические перемены во взаимосвязи городища с ос-

тальной территорией левобережья р. Полота при строительстве Нижнего замка (С. В. Тарасов), изучены отдельные виды ремесел XIV–XVIII вв. (Н. И. Зданович, Г. Н. Саганович).

На *четвертом этапе* (с середины 1990-х годов) основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении формирования и развития территории всех полоцких посадов и их связи с ближней округой Полоцка (С. В. Тарасов, М. В. Климов, Д. В. Дук, С. Д. Дернович), а также на элементах застройки XIV–XVIII вв. (П. А. Русов, А. А. Соловьев). Исследователями были проведены раскопки на полоцком городище, давшие принципиально новые материалы по его значению в истории города. Новые результаты были получены (Д. В. Дук, М. В. Климов) и в связи с исследованием правого берега р. Полота (Заполотьем). С 2008 г. в Полоцке начала действовать комплексная археологическая экспедиция Института истории НАН Беларуси, Полоцкого государственного университета и Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (руководитель – О. Н. Левко). Работа экспедиции положила начало *пятому этапу* – скоординированной деятельности ведущих республиканских научных, образовательных и культурных организаций в историко-археологическом изучении Полоцка и Полоцкой земли.

Установление направлений расселения кривичей (полоцкое и витебское Подвинье, смоленское и оршанское Поднепровье) в VI–VIII вв. позволило выделить ядро формирования территориально-племенной структуры – *княжения кривичей-полочан VIII–IX вв.* Ареал распространения (от Киевской Руси до Скандинавии) ведущих форм лепной и раннекруговой керамики VIII–X вв. и зоны оседания монетных кладов IX–X вв. в Полоцком и Витебском Подвинье не только указывают основные направления южных и северных контактов региона кривичей на пути «из варяг в греки» в рассматриваемый период, но и характеризуют степень влияния этих контактов на преобразование племенного княжения в раннегосударственную структуру – *Полоцкое княжество (волость) X в.* Сложившиеся одновременно с княжением полочан территориально-племенные зоны кривичей в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье, а также племенные образования с центрами в Лукомле и Друцке (рубеж VIII–IX в. – X в.), как показывают археологический материал и письменные источники, входят в состав Полоцкого княжества, а позднее – земли, в конце X – начале XI в.

Территории государственного образования, известного под названием «*Полоцкая земля*», соответствуют два этапа ее развития, один из которых связан с формированием (в конце X – начале XII в.), а второй – с распадом (в конце XII в.) этой социально-политической структуры Восточной Европы. Третий этап (XIII в.) – переходный, когда военно-политическая нестабильность способствует вхождению полоцких владений в состав формирующегося Великого Княжества Литовского.

Культурный слой *летописного Полоцка племенной поры* сохранился в материковых ямах на полоцком городище и на селищах, окружавших его с юго-востока, наиболее хорошо – на поселении, предшествовавшем Околь-

ному городу, впоследствии – Нижнему замку. Как на городище, так и на селище (на Нижнем замке) найдены керамика банцеровско-тушемлинской культуры третьей четверти I тысячелетия н. э., связанная с формированием полоцких и смоленских кривичей, и керамика культуры полоцко-смоленских длинных курганов. Обе культуры хорошо представлены на поселениях и могильниках в округе Полоцка. Первоначальный Полоцк (племенной центр) занимал площадь свыше 8 га (городище + селища).

Детинец города, судя по представительной коллекции археологических материалов, среди которых много высокохудожественных изделий, остатки продукции оружейной и ювелирной мастерских, предметы культа и следы храма (детали церковной утвари, смальта, многочисленные фрагменты плинфы), располагался на городище в течение XI – начала XIV в. Процесс перерастания Полоцка в раннегосударственный центр княжества сопровождался развитием на поселениях, окружавших детинец, различных ремесел. На месте селища, размещавшегося на юг от городища (территория будущего Нижнего замка) сформировался *Окольный город*, который впоследствии расширился до границ Великого посада. Неукрепленным посадом Полоцка с рубежа X–XI вв. стало поселение за р. Полота (Заполотье), достигшее в XII в. площади 40 га. Строительство и деятельность в Заполотье Бернардинского монастыря конца XV – первой половины XVI в. практически уничтожили ранние напластования XI в. на его территории.

Территория Верхнего замка Полоцка в древнерусское время осваивалась в два этапа. До постройки Софийского собора Замковая (Черная) гора являлась сакральным языческим центром. После возведения храма (примерно с середины XI в.) она стала зоной размещения христианского сакрального центра и одновременно административно-церемониальным центром города. Восточная часть Замковой горы, примыкающая к Окольному городу, развивалась в качестве посадской территории.

Исследователи по-разному оценивают размеры городской территории в XI в. Согласно Г. В. Штыхову, площадь Полоцка в XI в. составляла не менее 80 га, а численность населения – около 8 тыс. человек. С. В. Тарасов рассчитал площадь города с учетом новых данных по Великому посаду и Заполотью и определил ее равной приблизительно 120 га, а численность населения Полоцка – равной около 15 тыс. человек. Д. В. Дук полагает, что в XI в. общая площадь города была не менее 180 га, в XII–XIII вв. произошло постепенное ее сокращение за счет уменьшения поселений за р. Полота и части Заполотского посада в целом на 70 га. Среднее количество населения, проживавшего в городе в этот период, по мнению исследователя, составляло около 10 тыс. человек.

Торговые связи в IX–XIII вв. развивались в условиях господства натурального хозяйства и ограниченной потребности в привозных товарах. Город был постоянно связан с волостью. Изделия, изготовленные в городе, находили сбыт среди населения волости. Городские ремесленники изготавливали изделия на заказ и на продажу. Из округи доставлялись сельскохозяй-

зяйственные продукты и сырье для ремесла. На Восточноевропейском пространстве, несмотря на частые войны и феодальные междоусобицы, осуществлялись постоянные торговые связи между городами и землями Руси. О связях Полоцка свидетельствуют многочисленные разноэтничные украшения, оружие и хозяйственные предметы, найденные на его территории. Город находился на древнейшем водном торговом пути из Прибалтики на Балканы. Он был связан почти непрерывным водным путем с Киевом. Не меньшее значение имел водный путь на восток от Полоцка к Витебску и далее к Смоленску. С верховьев р. Западная Двина легко было попасть на волжский путь, соединявший Балтийское и Каспийское моря. Вдоль правого берега р. Западная Двина (Даугава) шел сухопутный путь, использовавшийся как летом, так и зимой. Он круглый год связывал Полоцк с важными центрами Подвинья.

Клады, зарытые на территории Полоцкой и Новгородской земель во второй половине XI в., составляют половину кладов всех земель Руси того времени. Однако не все клады являлись ценностями, случайно зарытыми воинами или купцами, провозившими чеканное серебро через ее территорию. Они, по-видимому, отражают особенности местного денежного обращения. В 27 кладах (четыре из них – в Добрине, Поречье, Погорельщине, Суходрове – монетно-вещевые) из Полоцкой земли монеты представлены только дирхемами. Эти клады имеют обычный состав, характерный для монетного обращения Восточной Европы IX–X вв. Значительное количество находок денариев в Новгородской и Полоцкой землях объясняется тем, что данные земли находились на путях передвижения серебра от мест его добычи в Западной Европе к местам потребления в Древней Руси. Клады с денариями составляли вторую группу находок из Полоцкой земли. На территории Полоцкой земли их зарегистрировано десять (1047 денариев). В девяти кладах были восточные монеты и лишь в одном, обнаруженном в Сенненском районе на Витебщине в 1957 г., возможно, не было дирхемов, но об этом трудно судить, поскольку из клада сохранилось только пять западноевропейских денариев.

Выдвижению Полоцка в качестве центра земли-государства способствовала его ведущая политическая, а как следствие, и социально-экономическая роль в Белорусском Подвинье. На всех этапах становления ранней государственности в восточноевропейском регионе Полоцк не терял своего политического веса. Для Владимира Святославича (980 г.) Полоцк был важной вехой на пути к завоеванию Киева. В XI в. полоцкие князья боролись с Киевом за расширение государственных территорий, а с Новгородом соперничали за приоритет во внешнеэкономической торговле на пути «из варяг в греки».

Особенность формирования Полоцка как раннегосударственного центра состоит в отсутствии видимых признаков влияния варягов на этот процесс. Комплекс предметов IX–XI вв. с полоцкого городища и синхронных ему поселений исторической округи Полоцка характерен для населения

восточноевропейского региона в целом, что способствовало быстрому сложению древнерусской культуры на большом пространстве. Значимость местных боярских родов, вышедших из племенной эпохи IX–X вв., проявилась в их умении возродить династию Рогволодовичей посредством заключения договора (ряда) с Изяславом Владимировичем на княжение в Полоцке. Археологически не выявлено боярских усадеб на территории города XI–XIV вв. Видимо, они размещались за его пределами. Исследованные усадьбы на посадах города принадлежали полоцким ремесленникам. Лишь концом XVI – XVII в. датированы следы усадеб бояр-шляхты, археологически зафиксированные на территории Верхнего замка, Великого и Заполотского посадов. Эту особенность Д. В. Дук связывает с социальной организацией посадского населения (отсутствие кончанской структуры и доминирование свободного торгово-ремесленного населения) на раннем этапе развития Полоцка. Введение магдебургского права в 1498 г. способствовало изменению ситуации, когда боярские усадьбы уже размещались вперемежку с ремесленными усадьбами в центральной части города, формируя наряду с церковными земельными владениями особые юридики.

Процесс феодализации ближней округи Полоцка зафиксирован по материалам курганного могильника Банонь (в 5 км от Верхнего замка Полоцка), где выявлен набор вещей дружинника, а также по следам феодальной усадьбы и сельского поселения XI–XIII вв. (Лучно 1), расположенных в 15 км от исторического центра Полоцка. В ближней округе Полоцка зафиксированы и следы «расселения пленников», т. е. иноэтничного феодально зависимого населения Нижнего Подвинья. Прослежена производственная специализация ряда поселений, расположенных в пределах ближней округи Полоцка (следы плавки или варки кричного железа) на небольших реках. Они фиксируются по микротопониму «Рудня».

В начале XII в. в ближайшей полоцкой округе были возведены Бельчицкий Борисоглебский и Спасо-Евфросиньевский монастыри. В середине XII в. преподобной Евфросиньей был основан мужской Богородицкий монастырь. Его точное местонахождение неизвестно. Возможно, он находился неподалеку от Спасо-Евфросиньевского монастыря на территории Ксавьерьевского кладбища XVIII–XXI вв.

На территории Верхнего замка, древнего сакрального и административно-церемониального центра, в XIV – начале XVI в. располагались княжеская резиденция (после 1326 г.), затем двор княжеского наместника (с 1392 г.), и воеводы (с 1504 г.). Кроме упомянутых выше дворов имеются сведения о наличии на Верхнем замке административных зданий, в одном из которых проходили заседания гродского суда. На протяжении XIV–XVIII вв. на территории Верхнего замка проживали владыка, бояре (шляхта) и мещане, размещался ряд монастырей и Софийский собор. После пожалования Полоцку магдебургского права (1498 г.) и постройки городской ратуши (после 1509 г.) административный центр самого города был перенесен на городскую площадь, а Замок остался средоточием администрации воеводства и церковного управления.

Письменные источники фиксируют процедуру введения в должность полоцкого воеводы. Вначале выдвинутую кандидатуру избирали на элекционном сеймике. Это избрание подтверждалось королевским привилеем. Основным документом права свободного избрания полоцкого воеводы был земский привилей Полоцкой земли 1511 г., данный Сигизмундом I Старым. В период вхождения Полоцкого воеводства в состав Речи Посполитой шляхта смогла добиться признания ее права на свободное избрание полоцкого воеводы сеймом Речи Посполитой только в 1647 г. Процедура избрания воеводы включала предоставление королем привилея на созыв элекционного сеймика. После избрания кандидата элекционным сеймиком, король выдавал ему привилей на Полоцкое воеводство.

В период с 1717 по 1763 г. в Полоцком Верхнем замке прошло 23 посольских и 46 громничных сеймиков. На заседаниях *посольских сеймиков* выбирали послов на сейм Речи Посполитой. Послами избирались только представители местной элиты. В Полоцком воеводстве не было ни одного знатного рода, который в период с 1717 по 1763 г. мог провести избрание своих представителей более 3 раз. Среди известных шляхтичей ВКЛ, которые часто избирались послами на сейм, к полоцким относятся только Антоний Зенович (1718 г.), Валерьян Жаба (1728 г.), Юзеф Сосновский (1750 г.) и Николай Тадеуш Лопатинский (1762 г.).

Из 46 полоцких *громничных сеймиков* избранием депутатов окончилось 19, но в 1747 и 1760 г. на реасумпции Трибунала ВКЛ избрание депутатов признавалось незаконным. С 1723 по 1725 г., с 1737 по 1739 г., с 1751 по 1754 г. и с 1756 по 1762 г. все полоцкие громничные сеймики были сорваны. Анализ списка послов и депутатов показал, что депутатами и послами на полоцких сеймиках с 1717 по 1763 г. избирались почти исключительно представители местной элиты.

На протяжении XVII–XVIII вв. выделяется несколько этапов в политическом и социально-экономическом развитии Полоцка. За это время из крупнейшего города ВКЛ, центра наместничества (1392–1504 гг.) и воеводства (1504–1772 гг.), он в результате административно-территориальных реформ конца XVIII в., превратился в уездный город в составе Российской империи. В 1772 г. Полоцк стал административным центром провинции в составе Псковской губернии, с 1776 г. – губернским городом, с 1778 по 1796 г. Полоцк являлся центром наместничества, после чего превратился в уездный город сначала Белорусской, а после 1802 г. Витебской губернии.

Ремесленное производство в XVI–XVIII вв. стало очень разнообразным по ассортименту и видам продукции. Под 1500 г. в Полоцких грамотах упомянуты пекари, мясники, пивовары, каменщики и «иные ремесленники», а в 1502 г. в этих же документах названы золотари, римари, седляры, ковали, сыромятники, шевцы, гончары, пивовары, плотники и иные ремесленники. В XVI в. произошло объединение ремесленников в крупные корпорации (братства), что заложило основу для формирования будущих цехов.

По подсчетам историков В. А. Воронина, З. Ю. Копысского, С. В. Тарасова, в первой половине XVI в. в Полоцке проживало от 11 до 50 тыс. человек,

более 10 тыс. человек составляли население города в первой половине XVII в.; 700 человек оставались в нем жить во время военного лихолетия 1654 г.; в 30–40-е годы XVIII в. в городе насчитывалось примерно 3–4 тыс. человек; по данным 1792 г. – 2195 человек (из них купцов: христиан – 168, евреев – 135; мещан: христиан – 1130; евреев – 1065). В 1805 г. в Полоцке уже жил 2991 человек. Данные по населению города, вероятно, не учитывали лиц женского пола, поэтому в соответствии с ревизиями 1786 и 1796 г. А. М. Лютый приводит численность населения в 5326 и 5622 человека соответственно.

Источником пополнения городского населения являлась в первую очередь сельская округа. Первые косвенные сведения о происхождении городского населения из ближайшей полоцкой округи зафиксированы в письменных источниках второй половины XV – XVI в., в которых фамилии полочан тождественны названиям населенных пунктов уезда и воеводства (Заскорки, Кублицкие, Полупяты, Росицы, Селявы и пр.). Местное происхождение погребенных в XVII–XVIII вв. на полоцких кладбищах людей подтверждают и данные антропологической экспертизы.

В XIV–XVIII вв. продолжалось и развитие поселений в округе Полоцка. В этот период отмечены перемены в структуре посадской территории самого города. Во второй половине XV в. на левом берегу р. Западная Двина возникли Слободской и Кривцов посады. Таким образом, к середине XVI в. вместе с Островским и Экиманским посадами городская территория левобережья значительно возросла, что увеличивало потребность в землях, необходимых для сельскохозяйственных угодий горожан. В конце XV в. грамотой на магдебургское право юридически окончательно были оформлены границы территории ближней округи Полоцка. Кроме обеспечения выпасов для домашнего скота и заготовки леса в хозяйственных целях, мещане нуждались и в землях для земледелия. Рядом с городом располагались в основном огороды и сенокосы. Полученные мещанами в частное владение земли находились на значительном удалении от города, обычно в пределах дальней округи Полоцка. Картографирование феодальных дворов вокруг Полоцка, известных по данным Полоцкой ревизии 1552 г., свидетельствует о территории, свободной от боярских владений, и, возможно, использовавшейся мещанами. В южном направлении эта территория была отдалена от Полоцка на 15 км, в восточном направлении – на 6; в северо-восточном направлении – на 10; в северо-западном направлении – на 18; в западном направлении – на 6 км. Таким образом, в результате принятия ряда юридических актов территория ближней округи Полоцка приблизилась по значению к «заветной миле», или городской марке в городах Западной Европы, которая охватывала местность, окружающую город, а он этой милей распоряжался.

По сравнению с другими регионами ВКЛ количество местечек на территории Полоцкого Подвинья было незначительным. В Полоцкой ревизии 1552 г. упоминается только шесть местечек, среди них: Березвечье, Плиса, Голубичи, Заборье, Друя, Усая. Слабая урбанизация Подвинья связана с постоянной военной угрозой. Даже при содействии государства образова-

ние местечек возле замков не было интенсивным. Война между Россией и Речью Посполитой 1654–1667 гг. привела к значительному разорению местечек Полоцкого Подвинья. Так, в Чашниках из 90 дымов уцелело только 23, в Коптевичах из 96 дымов – 12, в Экимани из 136 дымов – 14. Еще одной причиной слабой развитости местечек в округе Полоцка является то, что и в XVI в. Полоцк оставался ключевым звеном в связях между городом и селом. Он активно вел торговлю с Ригой по р. Западная Двина, выступая в качестве торгового центра региона в этом процессе и подавляя тем самым локальные центры (местечки).

В конце XVI – начале XVII в. количество местечек на территории Полоцкого Подвинья возросло до 44. При этом их подавляющее большинство (37 из 44) располагалось в левобережной части Полоцкого Подвинья, что было вызвано как активными военными действиями со стороны Русского государства на правобережье р. Западная Двина, так и западным вектором экономических связей данной территории. В период XIV–XVIII вв. в округе Полоцка произошли перемены в системе расселения. Появились новые единицы поселенческой структуры (местечко, фольварк, корчма). Основа поселенческой структуры сохраняла консервативный характер и базировалась на неукрепленных феодальных усадьбах (дворах, дворцах) и селах (сельцах). Местечки и новые города (Дисна, Сапежын-Друя) содействовали укреплению связей сельских поселений с рынком, который формировался под воздействием фольварочной системы и внешней торговли по р. Западная Двина.

В XIII–XIV вв. в отдельных регионах ВКЛ функционировали различные варианты древнерусской денежно-весовой системы – новгородская, смоленская (20–80-е годы XIII в.). Наиболее значительными *региональными денежными системами* ВКЛ являлись полоцко-витебская (середина XIII в. – 1386–1392 гг.), киевская (1364–1394 гг.) и литовско-татарская (1398–1425 гг.). Региональные системы Подвинья, как правило, являлись своего рода синтезом древнерусских денежных систем со скандинавскими, немецкими (ганзейскими, в первую очередь любекской) и ливонской структурами, что со временем обусловило их некоторую архаичность. Не имея своей чеканной монеты, эти системы использовали привозные денежные знаки: новгородскую гривну, а с начала XIV в. – рубль в виде слитков, пражский грош, любекский пфенниг (денарий, любский, лбец), скандинавские эре и готы и т. д.

Полоцко-Витебская денежно-весовая система функционировала в Полоцко-Витебском Подвинье со второй половины XIII в. до 1386–1392 гг. Через Полоцко-Витебское Подвинье наряду с Новгородом и Псковом на Русь, покоренную татаро-монголами и обложенную данью, поступали серебро, золото и различные товары. Торгово-экономические контакты с новгородскими, смоленскими, киевскими, немецкими, ливонскими и скандинавскими купцами познакомили витебчан и полочан с денежными системами и знаками, которые необходимо было приспособлять к своим нуждам.

Основное значение этой системы состояло в том, что она наравне с киевской подготовила условия к оформлению в 1392–1409 гг. общегосударственной денежной системы ВКЛ. Денежными единицами новой системы стали рубль, копа грошей, грош и пенязь-долгея.

В течение XIII–XVI вв. внешняя торговля Полоцка значительно эволюционировала. Менялись условия торговли, ее важнейшие направления, участники, менялся ассортимент товаров. Сам характер внешней торговли также существенно изменился. Полоцк становился центром посреднической торговли, тогда как транзит постепенно утрачивал свое бывшее значение. Однако двинский путь всегда играл важнейшую роль в полоцкой торговле. Долгое время Полоцк абсолютно доминировал в этой сфере, и государственная власть поддерживала такое положение дел, так как город был «господарским местом», и доходы от его торговли пополняли государственную казну. Интенсивный процесс возникновения местечек в XVI в. на землях ВКЛ определял им функцию центров локальной торговли. В этом процессе была задействована и территория Полоцкой волости. Однако, как отмечалось, количество местечек на Полотчине в указанный период было совсем небольшим. Все они были частновладельческими. Кроме того, все местечки региона располагались на большом расстоянии от его главного торгового центра – Полоцка. Древний город продолжал главенствовать во внешней и внутренней торговле Полоцкой земли, в чем неизменно получал поддержку и защиту со стороны государственной власти.

Для истории духовной жизни населения Полоцка и его округа, рассмотрения процесса смены язычества христианством важны результаты исследований погребальных памятников. Курганный некрополь жителей Полоцка как племенной, так и городской поры не сохранился, однако курганные могильники сельского населения его ближайшей округи хорошо известны и изучены археологически: Рудня, Банонь (Эжимань), Глинице, Бельчицы, Плусы (левобережье р. Западная Двина), а также Борки, Захарничы, Дмитровщина (правобережье р. Западная Двина). Эти объекты отражают развитие погребального обряда в период перехода от племенной эпохи к раннегосударственной. На могильниках, наиболее близких к Полоцку во второй половине X в., были отмечены находки вещей древнерусского облика (браслетообразных височных колец с завязанными концами, калачевидных кресал, грушевидных бубенчиков с крестообразными прорезями), распространена гончарная посуда, появились сожжения, совершенные на месте захоронения. Эти перемены связаны с распространением в округе Полоцка древнерусской культуры.

В конце X – начале XI в. в округе Полоцка, как и на всей территории Полоцкой земли, стали распространяться погребения, совершенные по обряду ингумации. Вскоре кремация полностью исчезла. Хронологически смена форм обряда совпала с процессом формирования государственной территории Полоцкого княжества и с распространением христианства по всей Полоцкой земле. В округе Полоцка не зафиксированы курганы, где погребения можно было бы датировать XII в., хотя в других регионах Подвинья

они имеются. Вероятнее всего, в XII в. жители округа города, как и сами полочане уже хоронили умерших не в курганах, а на христианских кладбищах. Появился новый тип погребального комплекса, связанный с культовыми постройками и прилегающей к ним территорией – церковным двором. Вероятно, что первые христианские кладбища, кроме храмовых, появились в Полоцке на периферии Великого посада около рва (современная ул. Толстого). В XIV–XV вв. могильники существовали возле церквей (Иоанно-Предтеченское кладбище на Острове и около церкви на стрелке Нижнего замка). К наиболее исследованным археологически относятся городские кладбища XVI–XVIII вв. на полоцком городище, на территории иезуитского коллегиума и экиманские. Кладбища, как правило, действовали на протяжении нескольких веков, о чем свидетельствуют перекрывающие друг друга могилы.

Археологическое изучение погребальных памятников Полоцкой округи XIV–XVIII вв. и погребального инвентаря показало, что к одной группе артефактов относятся детали одежды, а также ювелирные изделия и предметы культа, свидетельствующие о конфессиональной принадлежности умершего. Вторая группа артефактов представлена монетами, личными вещами, посудой. Эти предметы свидетельствуют о рудиментах язычества в обряде погребения. Посуда могла выступать как в роли погребального, так и в роли поминального инвентаря. В целом в погребальных памятниках XIII–XVIII вв. инвентарь был не значительным, что характерно для объектов данной категории и на других территориях. В сельской округе Полоцка в конструкции захоронений часто прибегали к использованию камней и каменных крестов. Некоторые из погребений не имели внешних обозначений, поэтому их фиксация затруднена.

Духовная жизнь и просветительская деятельность в Полоцке связаны с многочисленными памятниками архитектуры эпохи средневековья и именами Евфросиньи Полоцкой, Франциска Скорины, Симеона Полоцкого, а также с той ролью, которую играл для города иезуитский коллегиум.

Монументальное христианское зодчество в целом явилось результатом политико-экономического развития средневековых городов. Восточноевропейские храмы древнерусского периода можно охарактеризовать небольшими размерами. Поэтому города, которые являлись центрами удельных княжеств, обычно имели несколько храмов, часто были окружены поясом монастырских комплексов, которые наряду с духовно-просветительской деятельностью выполняли также оборонительные функции. В Полоцке после возведения величественного Софийского собора более чем на полстолетия прекратилось строительство каменных церквей, которое было возобновлено лишь при епископе Мине (1105–1116 гг.). Известно, о существовании в XI–XIII вв. на территории современного города 12 каменных храмов, архитектурно-археологические руины которых раскрыты и зафиксированы исследователями в разное время. Эта значимая по количеству и историко-культурной ценности группа архитектурных памятников определяется как *полоцкая школа зодчества* древнерусского периода. Развитие самобыт-

ной полоцкой школы зодчества древнерусского периода охватывает два столетия – от середины XI до середины XIII в. Этот процесс начался с возведения Софийского собора по образцу средневизантийского крестово-купольного храма и был обусловлен распространением на белорусских землях христианства, политическим и экономическим подъемом Полоцкого княжества. Разнообразные по архитектурно-художественному образу сакральные памятники полоцкой школы зодчества объединяет и одновременно выделяет среди других региональных школ единая строительная техника, общий метрический модуль, своеобразные композиционные приемы. Помимо русско-византийских композиционных схем, в ряде местных памятников можно наблюдать влияние архитектуры Закавказья. Со своей стороны творческие приемы полоцких мастеров оказали непосредственное влияние на создание лучших образцов древнего зодчества Витебска, Смоленска, Новогрудка, Гродно.

Архитектурное наследие Полоцка эпохи барокко выявило важную роль последнего в формировании и развитии самобытной национальной разновидности данного всемирного стиля в художественной культуре Беларуси. Монументальное сакральное зодчество разных христианских конфессий в своеобразной форме отразило сложную социально-политическую и религиозно-идеологическую ситуацию того времени на белорусских землях. Многовековая история города нашла адекватное воплощение в его величественных архитектурных ансамблях.

Декоративно-прикладное искусство Полоцка XI–XIII вв. также развивалось в русле византийской христианской традиции. В XIV–XVIII вв. под воздействием западно- и центрально-европейского искусства на местной восточнославянской основе были сформированы и проявились яркие черты самобытного полоцкого искусства в рамках традиций готики, ренессанса, маньеризма и барокко (сюжетные мотивы изразцов, изделия христианского культа из цветных металлов, роспись керамической посуды).

Появление и распространение письменности отразили формирование рациональных отношений. Письменность являлась одновременно результатом и фактором их развития. Наиболее четко это проявилось в той части системы коммуникации, которая отвечала за отношения внутри общества. Коммуникативная связь между людьми развивалась как под воздействием религиозной сферы, так и через правовые отношения. Письменность способствовала обмену информацией между людьми одного общества, разными обществами, дала знания. Все это привело к приобщению полочан к социальным, правовым и культурным ценностям, которые разделяли иные культуры далеко за пределами Восточной и Центральной Европы.

Поддержка государственной властью христианства и его принятие широкими слоями населения способствовали появлению в Полоцке с конца X в. не только отдельных церквей, но и монашеских общин. Учреждение епископской кафедры, предположительно в 992 г., еще более укрепило позиции Полоцка как духовного и культурного центра северо-восточных земель Беларуси. Христианизация этого региона дала толчок к развитию новых

сфер культуры и появлению ряда выдающихся ее деятелей в области просвещения, христианского служения, литературы. Огромным авторитетом пользовалась при жизни преподобная Евфросинья Полоцкая. Ее роль в возведении и прославлении полоцких обителей, деле просвещения и христианского служения имеет непреходящее значение. С Евфросиньей напрямую связан драгоценный напрестольный крест из кипарисового дерева, изготовленный по ее заказу полоцким ювелиром Лазарем Богшей в 1161 г. Богато украшенный золотом, жемчугом, драгоценными камнями и эмалевыми вставками крест служил ковчегом для хранения «святостей».

Роль и значимость уроженца Полоцка Франциска Скорины как деятеля культуры, писателя, переводчика заключается в том, что он подготовил бурный рост книгоиздательской деятельности на белорусских землях, начавшийся в середине XVI в. Франциск Скорина поднял художественное оформление своих изданий на такой высокий уровень, что они служили образцом для подражания не только соотечественникам, но и другим народам.

Симеон Полоцкий, занимаясь преподаванием и литературным трудом всю свою жизнь, был сторонником просвещения, получения образования не только в рамках, необходимых для богослужения, а основанного на широкой программе преподавания светских предметов. Именно этот аспект получил достойное отражение и в просветительской деятельности Полоцкого иезуитского коллегиума.

Выдающиеся деятели образования и культуры, родившиеся на Полоцкой земле, посвятившие жизни благим занятиям и наукам, еще более подчеркнули ее величие и неисчерпаемые возможности в стремлении к совершенству.

Таким образом, Полоцк IX–XVIII вв. на разных этапах своего существования выступает в качестве важного политического, экономического и культурного центра Белорусского Подвинья. При этом он имеет особенности в этом развитии, что позволяет по-новому оценить значение данного города, его роль и место в истории Восточной Европы средневекового периода.

**ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ г. ПОЛОЦКА
(АРХИВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ ГНУ «ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ»
(составитель – О. В. Медведева)**

Булкин Вас. А. Отчет об археологических исследованиях Софийского собора и прилегающей к нему территории в 1978 г. – Д. № 594.

Гришко А. И., Гарбар М. В. Пояснительная записка о результатах геофизических исследований ПО «Белорусгеология» археологических объектов в г. Полоцке (вал первоначального городища и остров) в 1988 г. – Д. № 1084а.

Дук Д. У., Тарасаў С. В. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях у Полацку ў 2000 г. – Спр. № 1880.

Дук Д. У. Справаздача аб палявых даследаваннях у горадзе Полацку ў 2001 г. – Спр. № 1921.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках у горадзе Полацку ў 2002 г. – Спр. № 2046 (частка 1).

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках у горадзе Полацку ў 2002 г. – Спр. № 2047 (частка 2).

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічным назіранні за пракладкай траншэі цеплатрасы на тэрыторыі былога Барысаглебскага манастыра г. Полацка ў 2003 годзе. – Спр. № 2078.

Дук Д. У. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях у горадзе Полацку ў 2003 годзе. – Спр. № 2079а (частка 1).

Дук Д. У. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях у горадзе Полацку ў 2003 годзе. – Спр. № 2079б (частка 2, дадатак).

Дук Д. У. Справаздача аб раскопках у горадзе Полацку, Верхнядзвінскім і Расонскім раёнах Віцебскай вобласці ў 2004 годзе. – Спр. № 2167.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках і наглядзе ў горадзе Полацку ў 2005 годзе. – Спр. № 2284.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках у горадзе Полацку і Полацкім раёне ў 2006 годзе. – Спр. № 2368.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічным наглядзе за пракладаннем траншэі цеплатрасы па завулку вул. Юбілейнай у г. Полацку ў 2007 г. – Спр. № 2511.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічным наглядзе за рамонтам цеплатрасы па вул. Камуністычнай, 15 у г. Полацку ў 2007 г. – Спр. № 2512.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічным наглядзе за пракладаннем траншэі цеплатрасы па вул. Гогаля ў г. Полацку (2007 г.). – Спр. № 2513.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках на Полацкім гарадзішчы ў 2007 г. – Спр. № 2537.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках на Полацкім гарадзішчы ў 2007 г. – Спр. № 2537а.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на аб'екце «Узвядзенне офіснага будынка па вул. Ніжнепакроўскай (Леніна), 26» у 2008 г. – Спр. № 2543.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках на Ніжнім замку Полацка ў 2008 г. – Спр. № 2600.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках на могільніку каля вёскі Гарадзішча Заазерскага сельсавета Полацкага раёна за 2008 г. – Спр. № 2601.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на аб'екце «Узвядзенне помніка героям вайны 1812 г. у г. Полацку» у 2009 г. – Спр. № 2647.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на левабярэжных пасадах Полацка ў 2009 г. – Спр. № 2654.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічным наглядзе на помніку «Полацкі езуіцкі калегіум. Спартыўныя збудаванні для карпусоў Б і В» у 2010 г. – Спр. № 2735.

Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Запалоцкага пасаду г. Полацка ў 2010 г. – Спр. № 2736.

Здановіч Н. І. Справаздача аб архітэктурна-археалагічных даследаваннях у 1989 годзе. Помнік архітэктуры XIX ст. – дзіцячая мастацкая школа па вул. К. Маркса, 1 у г. Полацку. – Спр. № 1148а.

Здановіч Н. І. Справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак у ліпені 1989 года. «Эканамічны дом» былога Багаяўленскага манастыра ў горадзе Полацку. – Спр. № 1148б.

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя раскопкі для рэканструкцыі жылога дома па вул. Фрунзе ў г. Полацку. – Спр. № 1148в.

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя доследы па вул. К. Маркса, 1 у г. Полацку ў ліпені–жніўні 1990 г. Помнік архітэктуры XIX ст. – дзіцячая мастацкая школа. – Спр. № 1213а (кніга 1).

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя доследы па вул. К. Маркса, 1 у г. Полацку ў ліпені–жніўні 1990 г. Помнік архітэктуры XIX ст. – дзіцячая мастацкая школа. – Спр. № 1213б (кніга 2).

Здановіч Н. І. Справаздача аб правядзенні архітэктурна-археалагічных даследаванняў у маі і кастрычніку 1990 г. «Эканамічны дом» былога Багаяўленскага манастыра ў горадзе Полацку. – Спр. № 1213в.

Здановіч Н. І. Справаздача пра архітэктурна-археалагічныя раскопкі ў маі–чэрвені 1990 года. Помнік архітэктуры XIX ст. – дом 25А па вул. Леніна у г. Полацку. – Спр. № 1213г.

Здановіч Н. І. Справаздача пра архітэктурна-археалагічныя раскопкі летам 1991 г. Помнік архітэктуры XIX ст. – былы жылы дом па вул. Леніна, 35 у г. Полацку. – Спр. № 1373.

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя даследаванні летам 1991 г. Помнік архітэктуры XVIII ст. – былы дом па вул. Фрунзе, 7 у г. Полацку. – Спр. № 1374.

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Спаса-Ефрасіньеўскага манастыра летам 1991 года. – Спр. № 1375.

Здановіч Н. І. Справаздача пра архітэктурна-археалагічныя даследаванні ў жніўні 1991 года. Помнік архітэктуры XVIII ст. – дом па вул. Фрунзе, 1 у г. Полацку. – Спр. № 1376.

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя раскопкі летам 1991 года. «Эканамічны дом» былога Багаяўленскага манастыра ў г. Полацку. – Спр. № 1377.

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя даследаванні рэштак агароджы ў жніўні 1992 года. Помнік архітэктуры XIX ст. – кірха ў г. Полацку. – Спр. № 1447.

Здановіч Н. І. Справаздача пра архітэктурна-археалагічныя даследы б. Бернардынскага касцёла ў Задзвінні г. Полацка ў 1992 годзе. – Спр. № 1448.

Здановіч Н. І. Справаздача пра архітэктурна-археалагічныя даследы ў маі 1992 года. Помнік архітэктуры XVIII ст. – Іезуіцкі калегіум у г. Полацку. – Спр. № 1449.

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя даследаванні па вул. Леніна, 35 у г. Полацку ўлетку 1992 г. – Спр. № 1450.

Здановіч Н. І. Справаздача пра археалагічныя даследаванні па вул. Леніна, 35 у г. Полацку ўлетку 1992 г. – Спр. № 1451.

Здановіч Н. І. Справаздача аб археалагічных даследаваннях 1993 года помніка архітэктуры XVIII ст. – езуіцкага калегіума ў г. Полацку. – Спр. № 1782.

Каргер М. К. Отчет о раскопках Полоцкой археологической экспедиции Института истории Академии наук БССР в 1957 г. – Д. № 25.

Каргер М. К. Отчет о раскопках, проведенных архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского Государственного Университета в г. Полоцке в 1961 г. – Д. № 119.

Каргер М. К. Отчет об археологических раскопках, проведенных архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского Государственного Университета в г. Полоцке в 1962 году. – Д. № 166.

Каргер М. К. Отчет об археологических раскопках, проведенных архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского Государственного Университета в г. Полоцке в 1962 году. – Д. № 166а (альбом).

Каргер М. К. Отчет об археологических раскопках, проведенных архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ленинградского Государственного Университета в г. Полоцке в 1964 году. – Д. № 251.

Каргер М. К. Отчет о раскопках руин древнего храма на «Верхнем замке» Полоцка в 1967 году. – Д. № 308.

Клімаў М. В., Тарасаў С. В. Справаздача за 1995 г. аб археалагічных даследаваннях у Полацку і Полацкім раёне. – Спр. № 1599.

Клімаў М. В. Справаздача за 1996 год аб археалагічных даследаваннях у Полацку і Полацкім раёне. – Спр. № 1622.

Клімаў М. В. Справаздача пра археалагічныя даследаванні ў г. Полацку ў 2008 г. – Спр. № 2596.

Клімаў М. В. Справаздача пра археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 2009 г. – Спр. № 2703.

Клімаў М. В. Справаздача аб археалагічным наглядзе і археалагічных раскопках на аб'екце «Будынак філіяла № 216 АСБ «Беларусбанк»» у г. Полацку за 2009–2010 гг. – Спр. № 2768.

Клімаў М. В. Справаздача аб археалагічным наглядзе і археалагічных раскопках на аб'екце «Будынак філіяла № 216 АСБ «Беларусбанк»» у г. Полацку за 2009–2010 гг. – Спр. № 2768а (дадатак).

Магалінскі І. У. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце «Рэканструкцыя будынку склада па вул. Ніжне-Пакроўская, 35а у Полацку пад адміністрацыўна-бытавы будынак» у 2010 годзе. – Спр. № 2754.

Магалінскі І. У. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце «Траншэя пад газаправод па 5-му завулку Ф. Міронавай у г. Полацку» у 2010 годзе. – Спр. № 2755.

Магалінскі І. У. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Запалоцкага пасада г. Полацка ў 2010 г. – Спр. № 2756.

Митрофанов А. Г. Дневник археологической экспедиции Института истории АН БССР за 1958 г. – Д. № 87.

Митрофанов А. Г. Дневник раскопок Полоцкой археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1959 г. – Д. № 88.

Митрофанов А. Г. Дневник Полоцкой археологической экспедиции Института истории Академии наук БССР за 1959 год. – Д. № 89.

Митрофанов А. Г. Дневник Полоцкой археологической экспедиции Института истории Академии наук БССР. Раскоп 2-й. 1959 г. – Д. № 90.

Митрофанов А. Г. Коллекционные описи археологических раскопок на Верхнем замке в 1959 году в Полоцке. – Д. № 90а.

Митрофанов А. Г. Вопросы топографии, застройка и хронология Верхнего замка г. Полоцка. – Д. № 111.

Митрофанов А. Г., Штыхов Г. В., Тарасенко В. Р. Древний Полоцк (по археологическим данным). 1961 г. – Д. № 124.

Митрофанов А. Г. Отчет о раскопках Полоцкой археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1959 году. – Д. № 203.

Митрофанов А. Г. Археологические раскопки в Полоцке в 1958 и 1959 г. – Д. № 376 (фотоальбом).

Митрофанов А. Г. Дневник раскопок г. Полоцка в 1959 г. – Д. № 1337.

Митрофанов А. Г. Коллекционная опись находок археологической экспедиции Института истории АН БССР раскопок г. Полоцка в июле–сентябре 1959 г. Т. 3, 4. – Д. № 1286.

Митрофанов А. Г. Дневник Полоцкой археологической экспедиции Института истории АН БССР за 1961 г. Раскоп на валу. – Д. № 100.

Поболь Л. Д. Отчет об обследовании археологических памятников в городе Полоцке в 1959 г. – Д. № 112.

Раппопорт П. А. Отчет о раскопках в Полоцке в 1975 г. – Д. № 511.

Раппопорт П. А. Отчет об археологических раскопках 1976 г. – Д. № 527.

Раппопорт П. А. Отчет о работе архитектурно-археологической экспедиции в 1977 г. – Д. № 574.

Русаў П. А. Справаздача пра археалагічныя доследы на помніку архітэктуры XVIII ст. – доме генерал-губернатора ў г. Полацку ў 1995 г. – Спр. № 1692.

Русаў П. А. Справаздача за 1996 г. «Ансамбль гістарычнай забудовы канца XVIII – пачатку XIX ст. па вул. Замкавай у г. Полацку». – Спр. № 1758.

Русаў П. А. Справаздача аб археалагічным наглядзе за землянымі работамі па вул. Сакка і Ванцэці ў г. Полацку ў чэрвені–жніўні 1996 г. – Спр. № 1841.

Русаў П. А. Справаздача аб археалагічным наглядзе за землянымі работамі каля паўночнага корпуса іезуіцкага калегіума ў г. Полацку ў верасні 1997 г. – Спр. № 1842.

Сагановіч Г. М. Справаздача аб правядзенні археалагічных даследаванняў у Полацку ў жніўні 1986 г. Помнік архітэктуры XVIII ст. – будынак келляў былога Багаяўленскага манастыра («Брацкая школа»). – Спр. № 975.

Соловьев А. А. Отчет об археологическом надзоре за ремонтом теплотрассы на ул. Войкова, 1–5 в г. Полоцке в 2007 г. – Д. № 2510.

Соловьев А. А. Отчет об археологическом надзоре за прокладкой канализации на ул. Замковый проезд, 17–19 в г. Полоцке в 2008 г. – Д. № 2604.

Соловьев А. А. Отчет об археологическом надзоре за прокладкой дренажа и водопровода на ул. Нижне-Покровской, 7–9 в г. Полоцке в 2009 г. – Д. № 2704.

Соловьев А. А. Отчет об археологическом надзоре за ремонтом теплотрассы на ул. Замковая, д. 1 в г. Полоцке в 2009 г. – Д. № 2705.

Соловьев А. А. Отчет об археологическом надзоре за строительно-земляными работами по прокладке канализации теплотрассы и устройству крыльца в подвал во внутреннем дворе бывшего иезуитского коллегиума (Кадетского корпуса) на ул. Стрелецкая, 4 в г. Полоцке в 2010 г. – Д. № 2770.

Тарасенко В. Р. Предварительный отчет о работе Полоцкой археологической экспедиции в 1957–1960 гг. – Д. № 63.

Тарасенко В. Р. Культура древнего Полоцка (коллективная монография по истории города Полоцка). – Д. № 64.

Тарасенко В. Р. Сельскохозяйственное производство древнего Полоцка. – Д. № 113.

Тарасенко В. Р., Штыхов Г. В. Отчет о раскопках Полоцкой археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1961 г. – Д. № 114.

Тарасенко В. Р., Штыхов Г. В. Полоцк. Коллекционные описи находок из раскопок Верхнего замка в 1960, 1961, 1962 г. – Д. № 114а.

Тарасенко В. Р. Сельскохозяйственное производство и подсобные промыслы древнего Полоцка. – Д. № 118.

Тарасенко В. Р. Альбом иллюстраций к монографии «Древний Полоцк» (по археологическим данным). – Д. № 118а.

Тарасенко В. Р. Краткий предварительный отчет о раскопках Полоцкого отряда археологической экспедиции, произведенных в 1962 году на Полоцком Верхнем замке. – Д. № 123.

Тарасенко В. Р. Ремесло Полоцка. – Д. № 124.

Тарасенко В. Р., Штыхов Г. В. Отчет о раскопках Полоцкого отряда Белорусской археологической экспедиции 1962 года. – Д. № 130.

Тарасов С. В. Отчет о раскопках в г. Полоцке в 1986 г. – Д. № 953.

Тарасов С. В. Отчет о раскопках в г. Полоцке в 1987 г. – Д. № 1014.

Тарасов С. В. Отчет о раскопках в г. Полоцке в 1988 г. – Д. № 1084.

Тарасаў С. В. Справаздача аб раскопках у Полоцку ў 1989 г. – Спр. № 1165.

Тарасаў С. В. Справаздача аб археалагічных досьледах у Полацку і Полацкай акрузе ў 1990 г. – Спр. № 1205.

Тарасаў С. В. Справаздача аб археалагічных досьледах у Полацку і Полацкай акрузе ў 1991 г. – Спр. № 1371.

Тарасаў С. В. Справаздача аб археалагічных досьледах у Полацку і Полацкай акрузе ў 1992 г. – Спр. № 1422.

Тарасаў С. В. Справаздача аб археалагічных досьледах у Полацку і Полацкай акрузе ў 1993 г. – Спр. № 1496.

Тарасаў С. В. Справаздача аб археалагічных досьледах у Полацку на тэрыторыі Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра ў 1998 г. – Спр. № 1763.

Трусаў А. А. Археалагічная справаздача аб раскопках Вялікага сабора Бельчыцкага манастыра XII ст. у Полацку ў ліпені 1990 г. – Спр. № 1251а (кніга 1).

Трусаў А. А. Археалагічная справаздача аб раскопках Вялікага сабора Бельчыцкага манастыра XII ст. у Полацку ў ліпені 1990 г. – Спр. № 1251б (кніга 2, дадатак).

Шламков В. Е. Дневник археологических разведок на посаде древнего Полоцка (июнь–июль 1959 года). – Д. № 92.

Штыхов Г. В. Отчет о раскопках на Полоцком городище и на мысах вдоль р. Полоты в 1962 г. – Д. № 129.

Штыхов Г. В. Отчет о раскопках в Полоцке и Витебске в 1963 г. – Д. № 216.

Штыхов Г. В. Отчет о раскопках в Витебске и археологических разведках в Полоцке, Шклове, Орше в 1964 году. – Д. № 243.

Штыхов Г. В. Отчет о раскопках памятников Северной Белоруссии в 1968 г. – Д. № 315.

Штыхов Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Северной Белоруссии в 1967 г. – Д. № 349.

Штыхов Г. В. Отчет о работах в 1979 году в окрестностях Минска и в других местах Полоцкой земли. – Д. № 635.

Штыхов Г. В. Отчет о раскопках в 1980 г. в северной части Белоруссии. – Д. № 691.

СВЕДЕНИЯ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ОТЧЕТОВ
ПО г. ПОЛОЦКУ ЗА 1928–2010 гг.
(составитель – О. В. Медведева)

Ф. И. О.	Год(ы) проведе- ния рас- копок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Примечание
Лявдан- ский А. Н.	1928	Отсут- ствует	Городище	20,5 м ²	3 траншеи, 1 шурф
Ощепков Е.	1947	Отсут- ствует	Спасо-Евфросиньев- ский монастырь	Несколько ям	Отчет храни- тся в Академии архитектуры и строительства СССР
Загоруль- ский Э. М.	1956	Отсут- ствует	Верхний замок, территория онкологической больницы	Шурф – 1,5 × 15 м, глубина – 2 м	Шурфовка
Каргер М. К.	1957	25	Верхний замок, Спасо- Евфросиньевский монастырь	112 м ²	Архитектурно- археологические исследования
	1961	119	Спасо-Евфросиньев- ский монастырь, школа № 8	–	То же
	1962	166, 166а	Спасо-Евфросиньев- ский монастырь, школа № 8	–	—»—
	1964	251	Спасо-Евфросиньев- ский монастырь	–	—»—
	1967	308	Храм на Верхнем замке	–	—»—
Митрофа- нов А. Г.	1958	87	Верхний замок, территория около Софийского собора	400 м ²	Дневник
	1959	88, 89, 90, 90а	Верхний замок, около корпуса онкологической больницы	–	Дневники, коллективные описи
	1959	92	Посад	–	Дневник шурфовки

Ф. И. О.	Год(ы) проведения рас- копок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Примечание
Митрофанов А. Г.	1959	203	Верхний замок, Городище, Заполотье	320 м ²	Раскопки
	1958– 1959	376	Верхний замок (фотоальбом)	–	Фотоальбом
	1959	1286	Верхний замок	–	Коллекционная опись
	1961	100	Верхний замок, вал	–	Дневник
	1961	111	Вопросы топографии, застройка, хронология Верхнего замка	–	Рукопись в машинописи
Митрофанов А. Г., Штыхов Г. В., Тарасенко В. Р.	1961	124	Древний Полоцк (по археологическим данным)	–	Рукопись в машинописи
Тарасенко В. Р.	1957– 1960	63	Верхний замок	–	Итоги раскопок 1957–1960 гг., обследования
	–	64	Культура древнего Полоцка	–	Рукопись в машинописи
	–	113	Сельскохозяйственное производство древнего Полоцка	–	То же
Тарасенко В. Р., Штыхов Г. В.	1961	114	Верхний замок, восточная часть	320 м ²	Раскопки
Тарасенко В. Р., Штыхов Г. В.	1960– 1962	114а	Верхний замок	–	Коллективная опись за 1960– 1962 гг.
Тарасенко В. Р.	–	118, 118а	Сельскохозяйственное производство и подсобные промыслы древнего Полоцка	–	Рукопись в машинописи, альбом иллюстраций
	1962	123	Верхний замок, восточная часть	–	Окончание раскопок – 1961 г.
	1962	124, 242	Ремесло Полоцка	–	Рукопись в машинописи
Тарасенко В. Р., Штыхов Г. В.	1962	130	Верхний замок, восточная часть	–	Раскопки
Поболь Л. Д.	1959	112	Городище, Заполотье, Нижний и Верхний замки, Остров, Батарея, Бельчицы	Городище: 4 шур- фа, траншея; Нижний замок: 5 шурфов; Верхний замок: 3 × 2 м; Остров: 5 шурфов	Шурфовки, зачистка, наблюдения

Ф. И. О.	Год(ы) проведе- ния рас- копок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Примечание
Штыхов Г. В.	1962	129	Городище, мысы вдоль р. Полота	–	Шурфовки
	1963	216	Великий посад, Заполотье	–	Наблюдения, обследования
	1964	243	Нижний замок	1 × 2, глубина – 1,5 м	Шурфовка
	1967	349	Верхний замок	162 м ²	Спасательные раскопки
	1979	635	Селище (предградье на мысу р. Полота)	140 м ²	Раскопки
	1980	691	Селище, Заполотье, Верхний замок (около Софийского собора), Городище (предградье)	Заполотье: 10 × 8 м; Верхний замок: 120 м ²	То же
Раппопорт П. А.	1975	511	Софийский собор	–	Архитектурно- археологические исследования
	1976	527	Софийский собор, школа № 8, пер. Больничный (д. 15), Спасо- Евфросиньевский монастырь, ул. Горького (д. 7, 22, 23), Бельчицы	Софийский собор: 6,8 × 5,4, 6 × 3; школа: 2,0 × 22,4 × 7,0, 6,3 × 2,0; пер. Больничный: 32 м; Спасо-Евфро- синьевский мона- стырь: 10,8 × 3,3, 7,5 × 2,4; ул. Горь- кого: 12 шурфов	То же
	1977	574	Софийский собор, школа № 8, пер. Больничный, 15, Бель- чицкий монастырь, ул. Горького (д. 22, 23)	Пер. Больничный, 15: 6 × 6 м	–»–
Булкин Вас. А.	1978	594	Софийский собор и прилегающая территория, Городище	–	–»–
Саганович Г. Н.	1986	975	Великий посад (кельи Богоявленского монастыря – бывшей «Братской школы»)	10 шурфов	Шурфовки
Тарасов С. В.	1986	953	Заполотье, Нижний замок, Великий посад, мысы вдоль р. По- лота, оз. Воловье, Верхний замок, устье р. Бельчанка	340 м ² 9 шурфов	Раскопки, шурфовки

Продолжение табл.

Ф. И. О.	Год(ы) проведе- ния рас- копок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Примечание
Тарасов С. В.	1987	1014	Великий посад, ул. Сакка и Ванцетти-4, пл. Ф. Скорины, ул. Фрунзе, Замоквая, Остров, Экимань, Бельчицкий монастырь	1100 м ²	Раскопки, шурфовки, обследования
	1988	1084	Великий посад (пл. Ленина), Заполотье, Остров, Верхний замок, Бельчицкий монастырь	600 м ²	Раскопки, наблюдения
	1989	1165	Нижний замок, Остров, оз. Попово	400 м ²	Раскопки, шурфовки
	1990	1205	Нижний замок, школа № 8 (левый берег Черного ручья), Остров, аэродром	Черный ручей: 8 × 10 м; аэродром: 1,5 × 1,5 м	Раскопки, шурфовки, наблюдения
	1991	1371	Великий посад (типография), Водонапорная башня, Покровская церковь, ул. Стрелецкая	7 шурфов	Шурфовки
	1992	1422	Великий посад (Водонапорная башня), Верхний замок, Покров. церковь, Задвинье, Спасо- Евфросиньевский монастырь	200 м ²	Раскопки, шурфовки
	1993	1496	Верхний замок, ул. Стрелецкая, 2-й пер. Фрунзе	360 м ²	То же
	1998	1763	Спасо-Евфросинь- евский монастырь	636 м ²	Раскопки, траншея
Гришко А.И., Гарбар М.В.	1988	1084а	Вал городища, остров	–	Геофизические исследования (прил. № 1084)
Зданович Н. И.	1989	1148а	Детская художественная школа (ул. К. Маркса, 1)	14 шурфов	Архитектурно- археологические исследования (шурфовки)
	1989	1148б	Богоявленский монастырь («экономический дом»)	6 шурфов	То же

Ф. И. О.	Год(ы) проведения раскопок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Примечание
Зданович Н. И.	1989	1148в	ул. Фрунзе, 1–3	520 м ²	Архитектурно-археологические исследования
	1990	1213а, 1213б	Детская художественная школа (ул. К. Маркса, 1)	550 м ²	То же
	1990	1213в	Богоявленский монастырь («экономический дом»)	420 м ²	—»—
	1990	1213г	ул. Ленина, 25А	50 м ²	—»—
	1991	1373	ул. Ленина, 35 (жилой дом XIX в.)	7 шурфов	Архитектурно-археологические исследования (шурфовки)
	1991	1374	ул. Фрунзе, 7 (жилой дом XVIII в.)	5 шурфов, 1 траншея	То же
	1991	1375	Спасо-Евфросиньевский монастырь	2 шурфы, 3 траншеи	—»—
	1991	1376	ул. Фрунзе, 1 (дом XVIII в.)	5 шурфов	—»—
	1991	1377	Богоявленский монастырь («экономический дом»)	3 сектара	Архитектурно-археологические исследования
	1992	1447	Кирха XIX в.	3 шурфа	Архитектурно-археологические исследования (шурфовки)
	1992	1448	Бернардинский костел в Задвинье (XVIII в.)	7 шурфов	То же
	1992	1449	Иезуитский коллегиум (XVIII в.)	7 шурфов	—»—
	1992	1450, 1451	ул. Ленина, 35 (жилой дом XIX в.)	84 м ²	Раскопки: 2 раскопа
	1993	1782	Иезуитский коллегиум (XVIII в.)	195 м ²	Раскопки

Продолжение табл.

Ф. И. О.	Год(ы) проведе- ния рас- копок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Примечание
Трусов О. А.	1990	1251а, 1251б	Бельчицкий монастырь (Большой собор, XII в.)	3 шурфа	Архитектурно- археологические исследования (шурфовки)
Русов П. А.	1995	1692	Дом генерал- губернатора (XVIII в.)	3 шурфа, 1 раскоп	То же
	1996	1758	Великий Посад: ул. Замковая (XVIII– XIX вв.) (ул. Сакка и Ванцетти)	2 траншеи	Наблюдения
	1996	1841	Ул. Сакка и Ванцетти	2 траншеи: 25 × 4 × 3 м, 67 × 3 × 3 м	Наблюдения (прокладка канализации)
	1997	1842	Иезуитский коллегиум (около северного корпуса)	–	Наблюдения (ремонт теплотрассы)
Климов М. В., Тарасов С. В.	1995	1599	Верхний замок	112 м ²	Раскопки
Климов М. В.	1996	1622	Остров, левый берег р. Западная Двина на ст. «Юных Техников»	24 м ²	Раскопки: траншея
	2008	2596	Заполотье (пер. Ф. Мироновой)	72 м ²	Раскопки
	2009	2703	Городище (2-й пер. Фрунзе, 16)	8 м ²	Шурфовка
	2009– 2010	2768, 2768а	Здание филиала № 216 АСБ «Беларусбанк» (ул. Ф. Скорины, Войкова, Сакка и Ван- цетти, пл. Свободы)	244 м ²	Раскопки, наблюдения (котлован, траншеи, теплотрасса)
Дук Д. В., Тарасов С. В.	2000	1880	Иезуитский коллегиум, пл. Скорины, мост через р. Двина	22 м ²	Шурфовки, наблюдения
Дук Д. В.	2001	1921	Великий Посад: военный госпиталь (бывший Кадетский корпус, Иезуитский коллегиум), Верхний замок (район городской больницы)	40 м ²	Раскопки, наблюдения
	2002	2046, 2047	Великий Посад: военный госпиталь (бывший Кадетский корпус, Иезуитский коллегиум)	128 м ²	Раскопки

Ф. И. О.	Год(ы) проведе- ния рас- копок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Примечание
Дук Д. В.	2003	2078	Бельчицкий Борисо- Глебский монастырь	–	Наблюдения
	2003	2079а, 2079б	Великий посад: бывший Иезуитский коллегиум и Кадетский корпус; Заполотский Посад	80 м ²	Раскопки, разведка, наблюдения
	2004	2167	Заполотье	154 м ² ; 8 шурфов	Раскопки, шурфовки
	2005	2284	Великий посад: ул. Коммунистичес- кая, 4 (корпус Белгос- страха), Спасо-Евфро- синьевский монастырь; ул. Ленина, 29	168 м ²	Раскопки, наблюдения
	2006	2368	Заполотье; ул. Замковая, 12 (инфекционная больница)	168 м ²	То же
	2007	2511	ул. Юбилейная (переулок)	–	Наблюдения (прокладка траншеи теплотрассы)
	2007	2512	ул. Коммунисти- ческая, 15	–	Наблюдения (ремонт теп- лотрассы)
	2007	2513	Ул. Гоголя	–	Наблюдения (прокладка траншеи теп- лотрассы)
	2007	2537, 2537а	Городище (2-й пер. Фрунзе, 20)	44 м ²	Раскопки
	2008	2543	Великий посад (ул. Нижне-Покров- ская (Ленина), д. 26)	22 × 23 м (к/пл. 7,5 м)	Наблюдения (котлован здания)
	2008	2600	Нижний замок	10 × 4 м	Раскопки
	2009	2647	Пл. Свободы	100 м ²	Раскопки, наблюдения
	2009	2654	Левобережные посадки (Экимань, Кривцов, Слобода)	Экимань: 7 шур- фов – 42 м ² ; Крив- цов, Слобода: 5 шурфов – 24 м ²	Шурфовки
	2010	2735	Иезуитский коллегиум (Замковый проезд)	–	Наблюдения (2 траншеи)

Окончание табл.

Ф. И. О.	Год(ы) проведе- ния рас- копок	Номер отчета	Название и местонахождение объекта исследования	Площадь объекта	Примечание
Дук Д. В.	2010	2736	Заполотский посад (ул. Краснова, 9)	60 м ²	Раскопки
Соловьев А. А.	2007	2510	ул. Войкова, 1–5	–	Наблюдения (ремонт теплотрассы)
	2008	2604	ул. Замковый проезд, 17–19	–	Наблюдения (прокладка канализации)
	2009	2704	Ул. Нижне-Покровская, 7–9	–	Наблюдения (прокладка дренажа и водопровода)
	2009	2705	ул. Замковая, д. 1	–	Наблюдения (ремонт теплотрассы)
	2010	2770	Иезуитский коллегиум (ул. Стрелецкая, 4)	–	Наблюдения (прокладка теплотрассы)
Магалин- ский И. В.	2010	2754	Ул. Нижне-Покровская, 35а	Траншея 24 × 1,1 × 1,6 м	Наблюдения (прокладка коммуникаций)
	2010	2755	5-й пер. Ф. Мироновой	Траншея 180 × 1,1 × 1,6 м	Наблюдения (прокладка газопровода)
	2010	2756	Заполотский посад	8 м ²	Шурфовка

**МАТЕРИАЛЫ ЭКСПОЗИЦИИ И ФОНДОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНО-
МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ**
(составитель – *О. Н. Левко*)

Фото 1. Крест-энколпион. Бронза. XII–XIII вв. Полоцк. 2008 г. Раскопки М. В. Климова. АНМЭ ИИ

Фото 2. Перстень-печатка с изображением «процветшего» креста. Свинцово-оловянистый сплав. XII–XIII вв. Полоцк. 2008. Раскопки М. В. Климова. АНМЭ ИИ

Фото 3. Накладка. Цветной металл. Полоцк. Раскопки Г. В. Штыхова. АНМЭ ИИ

Фото 4. Уховертка. Бронза. XII–XIII вв. Полоцк. 2008 г. Раскопки М. В. Климова. АНМЭ ИИ

Фото 5. Штампованный оттиск с изображением клейма злотника: *а* – лицо; *б* – оборот. Бронза. XVII в. Великий посад. Полоцк. 2005 г. Раскопки Д. В. Дука. Фонды НПИКМЗ

Фото 6. Дукат: *а* – аверс, *б* – реверс. Золото 900*; чеканка. Провинция Зеландия. Нидерланды. 1631 г. Диаметр – 2,2 см. Случайная находка 1986 г. Фонды НПИКМЗ

Фото 7. Медальон с изображением святого Георгия. Бронза. XII–XIII вв. Полоцк. 2008 г. Раскопки М. В. Климова. АНМЭ ИИ

Фото 8. Грош (глоговский), Польша. 1505–1506 гг. Серебро 380*; чеканка. Диаметр 25,5 мм. Поступил из частной коллекции. Фонды НПИКМЗ

Фото 9. Ефимок с признаком (Борнштедский талер). Чеканка 1611 г. – Германия; надчеканка 1655 г. – Московский монетный двор. Серебро. Диаметр 40 мм. Верхний замок. Полоцк. 1979 г. Раскопки Вас. А. Булкина. Фонды НПИКПЗ

Фото 10. Вислая печать Всеволода Ярославича: *а* – лицо, *б* – оборот. Свинец; литье. XI в. Диаметр – 3,0 см. Верхний замок. Полоцк. 1978 г. Раскопки Вас. А. Булкина. Фонды НПИКМЗ

Фото 11. Форма для печати с изображением «Погони». Конец XVI – XVII в. Камень; резьба. 5,0 × 5,1 × 2,0 см. Великий посад. Полоцк. 1987 г. Раскопки С. В. Тарасова. Фонды НПИКМЗ

Фото 12. Перстень со вставкой. Золото 900*, стекло. XII в. Диаметр – 1,7 см. Бывший Богоявленский монастырь. Полоцк. 1986 г. Раскопки Г. Н. Сагановича. Фонды НПИКМЗ

Фото 13. Перстень витой. Золото 900*; скань. Остров Готланд. XI в. Диаметр – 2,5 см. Верхний замок. Полоцк. 1978 г. Раскопки Вас. А. Булкина. Фонды НПИКМЗ

Фото 14. Височное кольцо. Золото 900*; зернь, скань. XI в. Случайная находка во время земляных работ на ул. Нижнее-Покровской. Полоцк. 1983 г. Фонды НПИКМЗ

Фото 15. Накладка в виде дракона. Бронза; литье. XII в. $5,0 \times 2,0$ см. Великий по-сад. Полоцк. 1987 г. Раскопки С. В. Тарасова. Фонды НПИКМЗ

Фото 16. Ювелирные изделия из шести предметов. Золото 958*; литье. Клад XI в. Нижний замок (стадион «Спартак»). Полоцк. 1984 г. Фонды НПИКМЗ

Фото 17. Иконка с изображением Георгия Победоносца (фрагмент). Стеатит; резьба. XIII в. $4,8 \times 3,4 \times 0,5$ см. Верхний замок. Полоцк. 1995 г. Раскопки С. В. Тарасова. Фонды НПИКМЗ

Фото 18. Иконка с изображением святых Константина и Елены. Стеатит; резьба. XII в. $6,2 \times 4,4 \times 0,6$ см. Верхний замок. Полоцк. 1967 г. Раскопки Г. В. Штыхова. Фонды НПИКМЗ

Фото 19. Изразец с рельефным изображением Мадонны с младенцем (фрагмент). Глина, коричневая глазурь. XVI в. $12,5 \times 15,0$ см. Верхний замок. Полоцк. 1993 г. Раскопки С. В. Тарасова. Фонды НПИКМЗ

Фото 20. Створка иконки-складня с изображением Божьей Матери с младенцем и с предстоящими. Бронза, эмаль; литье. XVIII в. $3,2 \times 3,8 \times 0,3$ см. Территория бывшего Богоявленского монастыря. Полоцк. 1986 г. Раскопки Г. Н. Сагановича. Фонды НПИКМЗ

Фото 21. Навершие ручки кувшина в виде птички (фрагмент). Бронза; литье. XII в. $3,5 \times 5,5 \times 1,5$ см. Верхний замок, место княжеского терема. Полоцк. 1977 г. Раскопки П. А. Раппопорта. Фонды НПИКМЗ

Фото 22. Амулет-змеевик с изображением Федора-воина. Бронза; литье. XIV в. Диаметр – 5,5 см. Верхний замок. Полоцк. 1995 г. Раскопки С. В. Тарасова. Фонды НПИКМЗ

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

а

б

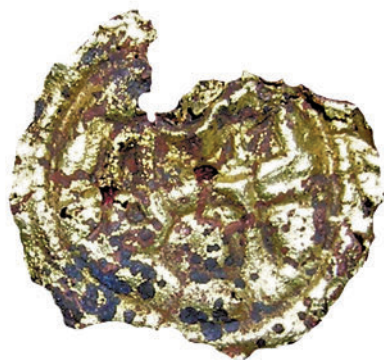

Фото 5

а

б

Фото 6

Фото 7

Φoto 8

Φoto 9

Φoto 10

Φoto 11

Фото 12

Фото 13

Фото 14

Фото 15

Фото 16

Φoto 17

Фото 18

Фото 19

Фото 21

Фото 20

Фото 22

АКТЫ КНИГИ ПОЛОЦКОГО МАГИСТРАТА ЗА 1656–1657 гг.

(составитель – М. Ю. Гордеев,
подготовка к печати – А. Б. Довнар)*

№ 1

1656 г. сентября 5. – Постановление магистрата и общего собрания мещан Полоцка об ежегодном переизбрании сотников, пятидесятников и десятников.

¹[13. 7165. М(есе)ца]¹ сеньтебра пятог(о) дня.

Постановене згодное од всего [по]сполства² полоцкого, абы сотники шторок новые обераны были, и петидесятники, и десятники.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья Россыи самодержца и обладателя.

Пры собранью се нас, всех трох сесыи бурмистров, раицов и лавников места царског(о) величества Полоцкого, в ратушы полоцкои заседающих, зыгромадившысе до ратуша, все посполство места Полоцкого згодне и одностаине выпостановили и зезволили на то, абы на кожъдый рок в месте Полоцком новые сотники, петидесятники и десятники для пилности всяких робот праведного осударя, ц(а)ря и месту сему обераны были, как п(а)н(о)ве кминовые обераные; абы тежъ шторок зъ сотников, которые рок свои одслужать, личбу зъ всяких робот, прыходов и росходов меских, которые се трафят и выбирают, и выдавать личъбы слухали.

Што ухваливши и постановившы згодне, просили, абы то до книг меских полоцких записано было.

Што есть записано.

ИИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.

№ 2

1656 г. сентября 5. – Запись о избрании магистратом и общим собранием мещан Полоцка и о вступлении в должность 12 панов гминных с описанием их повинностей.

¹14². 7165. М(есе)ца сеньтебра пятого дня.

* Отбор документов и их подготовка к публикации были осуществлены М. Ю. Гордеевым. Редакционные заголовки составлены А. Б. Довнаром. Данные документы отражают различные стороны жизни Полоцка: деятельность магистрата и его урядников, повседневную жизнь, экономическую деятельность, семейные отношения, завещания и т. д. полоцких мещан и земян полоцкого воеводства – за период с сентября 1656 г. по август 1657 г., т. е. в сложное время войны России с Речью Посполитой, в период захвата и владения Полоцком царем и великим князем московским Алексеем Михайловичем.

№ 1

^{1–1} Смыта часть строки, восстановлено по смыслу.

² Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

№ 2

^{1–1} Написано почерком I, далее – почерком II.

² Номер акта смыт, дается по порядку нумерации актов в книге.

Б(о)жую м(и)л(о)стю¹ г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бела Росси самодержца и обладателя.

Пры бытности нас, всех трох сесии бурмистров, раицов и лавников места ³ез(о)³ царского величества Полоцкого, в ратушу Полоцком заседающими, для намовы и радения около справ и потребь меских, где за указом нашим маистратовым и за потребованем всего посполства, собравшыся и згромадившыся на посполство того дня вышеписаного, мещане царского величества полоцкие водлугь домавяня и жоданя своез(о) выбрали спсродку себе и установили згодне, однастаине на послугу всез(о) места ад комунитатем, то ест до кгмину заседания в ратушы, для помочы нам, маистрату полоцкому, и заведываня справ, потребь и всяких прыходов, и росходов меских людеи почстивых, мещан полоцких, братю нашу, а мяновите: пана Андрея Бялоусовича, пана Яна Румицевича, пана Савостея Стебута, пана Ивана Людкового, пана Тymoфея Давыдовича Парфеновича, пана Стефана Гаврыловича, пана Тymoфея Лаврыновича, пана Стефана Друговину, п(а)на Левона Есковича, пана Алексея Стебута, пана Федора Бухала, пана Афанаса Хомича. Которые то панове кгминовые, дванадцат особъ, по выконаню на тот врад свои прысеги и по них другие, за выбиранем од посполства наступующые, тую послугу мескую // [Л. 5об.] ⁴ набыт. А по указе нашем и зазобо полною намовою нашою маистратовою прыходами всякими мескими, тако ж и росходами, заведыват, оные до скрынки меские примоват, роздовать, истых прыходов квитоват, и во всем верне а зычливе добра меского постерегат, в згоде и милости, и под послушеством нашим маистратовым быт, не вдаючыся ни в чом во владзу и суды наши бурмистровские и радецкие, зостават мают. И повинни будут докладующысе во всем нас, маистрату рочного и по нас наступующого, а по отправеню таковое их послуги меское они, панове кгминовые, и по их наступующые не мают быт от нас, маистрату, и от всего посполства выбираны и подаваны на жадные мелкие послуги меские – одно толко на поважные послуги, то ест до рады и въ головы таможенные, да в послы до праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря.

До которого такового згодного а еднастаиноз(о) постановеня мы, бурмистры, раицы и лавники места царского величества Полоцкого трох сесии, сами и вместо всего посполства печат нашу мескую ратушнею полоцкую прыложыт велели и руками своими, и с посполства, которые писат умели, подписали.

Писан в ратушу у Полоцку, року, м(есе)ца и дня вышписаноз(о).

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–5об.

№ 3

1656 г. сентября 5. – Присяга панов гминных, избранных магистратом и общим собранием мещан Полоцка 5 сентября 1656 г.

15. 7165. М(есе)ца сеньтебра пятого дня.

Прысега, которую п(а)н(о)ве кгминовые особъ дванадцат выконали, и потом наступующые выконават мають.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бела Росси самодержца и об[ла]дателя¹.

³⁻³ Написано над строкой.

⁴ Далее смыта строка и приблизительно 2 слова из 8 букв следующей строки.

№ 3

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), того року на справах // [Л. 6] судебных в ратушу Полоцком заседающими.

Дня сегодняшнего водлуг ухвалы и постановления всег(о) посполства полоцкого п(а)н(о)ве кгминовые, згодне обраные особь дванадцать, прысегу на врад свои ад комунитатем до засядання и намовы всякои порады и помочы ²в ратушы² водлуг особливого листу, собе од нас, маистрату, и всег(о) посполства даного, выконали в тые слова:

«Я, Андреи Бялоусович, я, Ян Румянцевич, я, Савостеи Стебуть, я, Иван Людкович, я, Тимофеи Давыдович, я, Стефан Гаврылович, я, Тимофеи Лаврынович, я, Стефан Друговина, я, Левон Ескович, я, Алексеи Стебуть, я, Федор Бухало, и я, Афанас Хомич, мешчане места Полоцкого, прысегаем Г(оспо)ду Б(о)гу Всемогущему, во Троицы Светои Единому, и наяснеишому праведному г(осу)д(а)рю, ц(а)рю и великому кн(я)зю Алексею Михайловичу, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержцу и обладателю, так же и всему маистрату полоцкому на том, иж мы, будучы выбранные с посполства места сег(о) до кгмину ад комунитатем засядая в ратушы, маем верне, зычливе заховатися и радет, паном маистратовым послушными быть, и в суды и во владзу их не вступоватсе; таемниц посполитых, а набарзеи которые месту пожиточные будутъ, никому не объявлять, а хто бы се противил маистратови и светои справедливости, тому не поблажать и о вшем яког(о) не таит, але [в]раду³ ознаимовать; о прыходах и расходах меских заведыват, правдиве без ущербу примоват и роздават, штобы ку наболшому розмноженью и пожитку мескому нале[жа]ло⁴, а собе ничего нияким вымыслом добра меског(о) не привлащат, а того не хочем и не маем опущать ⁵ни⁵ для якои намнеишой речи и прычыны. Так намъ Г(оспо)ди Б(о)же поможы».

Которы⁶ таковое, през вышъпомененых дванадцати особь, // [Л. 6об.] ⁷[выконане тое]⁷ прысеги, мы, маистрат Полоцкии, выслухавшы и меисце кождому з них до засядання в ратушы назначывшы, тую прысегу их слово в слово, абы по них напотом наступующые особы кгминовые тако ж выконывали, казали есмо до книг наших меских полоцких вписат.

Которая ест вписана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об. – 6об.

№ 4

1656 г. сентября 12. – Завещание полоцкой мещанки Авдотьи Гавриловны Семёновой Таборовой.

21. 7165. М(есе)ца сеньтебра дванадцатого [дня]¹.

Т е с т а м е н т ²[С е м е н о в о е Т а]² б о р о в о е.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое Роси[и] самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справах судебных в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, славетные панъ Янъ Тишкович и пан Тимофеи Кузьмич, лавники места Полоцког(о), и пры них слуга врадовый мескии прысяглыи Гарасим Сахонов, прызнание свое учынили в тые слова, ижъ, деи:

²⁻² Написано над строкой.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁵⁻⁵ Написано над строкой.

⁶ Так в рукописи, нужно читать которое.

⁷⁻⁷ Смыта часть строки, восстановлено по смыслу.

№ 4

¹ Смыто слово из 3 букв, восстановлено по смыслу.

²⁻² Смыта часть строки, восстановлено по смыслу.

«С приданя ваших м(и)л(о)стеи раду а за потребваньем мешанки полоцкое пани Авдотьи Гаврыловны Семеновое Таборовое в року теперешнемъ сто шестдесят пятом, м(есе)ца сеньтебра третего дня были есмо в дому ее, п(а)ни Семеновои Таборовои, тут, в месте Полоцком, на улицы Великои стоячом, гдесмо ее самую знашли на теле барзо хорую, однак пры змысле добром и целои памети будучую. Которая з доброе воли своее респорожаючи дом вес и потомство свое, учынила перед нами такии тестаментъ.

То ест, напервеи, поведила, иж за ласкою Божою сама не ест никому ничего винна, и ей теж никто не винен. А маеност и худобу свою рухомую, меновите скрынню великую, в которой ест немало розного охендства так полотенного, яко и суконног(о), а прытом постел свою, и все од мала до велика, што одноколвек ее власности в том дому ест, то все по смерти своеи даровала и на вечност записала дочце своеи Марфе Семеновне Таборовне Захариной, завдячаючи ей вшелякую пилност, которую так в хоробе, яко и през вес час [а. 9об.]³ матце своеи показовала и оную догледала. Ку тому тои же дочце своеи даровала бочку пшеницы и полбочки жыта, што ест на пруде Спаском, од кул ей одыскат и собе взят позволила.

До тог(о) дом свои власныи, в котором лежыт, на улицы Великои стоячыи, на чверти пляца збудованыи, межы домами з одного боку п(а)на Ивана Лубенки, а з другого его м(и)л(о)сти п(а)на Кухарског(о), которыи тот дом розделивши на пол, то ест полчверти з будынком од улицы Великои – сыну своему Ивану, а другую полчверти голуу в тыле того будынку аж до улицы Вознесенское сыну своему мнешшому Езофу еще в року тисеча шестсот сорок девятом, февраля первого дня, и з небощыком мужем своим а отцов ихъ Семеном Таборомъ доброволне на вечност на враде прызнали были, про то ижъ тот мнешший сын ее Езофъ Табор вжо давно, въ Кгродне служачы цырулицкую, умер, тая ему полчверти належачая вышепомененая знову ей, матце, до диспозыцыи и шафунку волного спала и вернуласе. Теды и тую полчверти голуу тепер тои же дочце своеи Марфе на вечност одписала и даровала, а другую полчверти з будынком, што сыну большому Ивану Табору прызнано, и тепер тое пры нем заставила, и ни в чом не нарушаючи мужнег(о) прызнания, ему одписала, ач од него жадного добродейства, што повинен был чынит, не мела, только тои же дочце своеи Марфе, в ызбе его, Ивана Табора, на ег(о) полчверти стоячои, аж до жывота ее самое, Марфы, быт позволила и то ей тым своим тестаментом обваровала. А што тотъ же сын ее Иван Табор менует долгу коп трыбчат, од брата своег(о) мнешшого, помененого Езофа Табора собе якобы винного, теды того волно ему на тои полчверти голои, што тепер дочце своеи Марфе одписала доходит и з нею, Марфою, што если чым слушным тог(о) долгу доведет правне мовит, // [Л. 10] бо есѣли бы ему было винно, мог бы он давне собе того ⁴ по смерти братнеи доходит, але онъ по сес час молчал и не доходилъ. А помененая Марфа Таборовна Захариная, дочка ее, мает пры собе до взросту лет ховат и кармит трох сирот, то ест внучот ее, першого Стефана Даниловича Табора, братанца своего, которог(о) отец ач еще ест жив, але ег(о) не ест пилным и не догледает, до тог(о) двухъ сестренцов своих, то ест детеи сестры своее Моси Таборовны Юрковое Прудниково, которая вжо зъ сег(о) света смертю зошла; сына Матфея и дочку Тасеню в летех недорослых будучых, которым даючи яко наилепшее цвиченье, нимбы сами о собе могли старане мет и людем служыт, потуль их пры собе мает ховат, яко и по сес час ховала, а надто огород за перканом на улицы Батечковои на полпляца, лежачыи подле огорода з одного боку п(а)ни Василевое Блажчыное, а з другого подле огорода Омеляна Бухалы, которыи тот огород того ж року, м(есе)ца и дня вышепомененог(о) на поделе тому жъ помененому сыну Езофу одписала была, а тепер знову на нее по смерти его спал, теды тот огород одписала и на вечност даровала помененому сыну своему большому Ивану Семеновичу Табору, которыи мает ее, матку свою, по смерти способом хрестиянским пры церкви Светого Богоявления поховат и погresti. А сына своег(о) третего, самого большого, Данилу Табора од всег(о) оддалила и никому в том перешкодую жадною быти не мает. А кончечы тот

³ Далее смыто 3–4 слова приблизительно из 25 букв.

⁴ Далее смыто слово приблизительно из 11 букв.

свои testament, просила всех детей своих, абы зъ собою згодне и в милости братерской и сестрынской мешкали и заховалисе».

Которое таковое справованье того testamentу пани Семеновое Таборовое и признание оног през помененых панов лавников и слугу вradoвого есть до книг меских полоцких записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10.

№ 5

1656 г. сентября 12. – Признание акта дарения полоцким бурмистром Павлом Омеляновичем Тросницким дома в Полоцке на Спаской улице своей сестре Кулине Омеляновне Тросницкой Андреевой Борисовичовой.

‘[22. 7165. М(есе)ца сентебра]¹ дванадцатог(о) дня.

Признане даровиною дому од славетног(о) пана Павла Тросницкого, бурмистра полоцког(о) сестре своеи Кулине Андреевой Борысовичовой.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевидно, славетный пан Павел Омелянович Тросницкий, бурмистръ места Полоцког(о) признане свое устное а добровольное учынил в тые слова, иж, деи, штом:

«Я, Павел Тросницкий, мел и по сес час маю в посесыи своеи дом тут, в месте Полоцком на улицы Спаской стоячыи, на чверти пляца збудованыи, межы домами з одного боку п(а)на Петра Харковича, а з другога – подле дому Стаска Коваля. Который тот дом за долгъ досталсе мне од небощыка Лопатня, на который мелом он право зуполное, мне самому служачое. Алеми оное в месте Вилинском под теперешнии час военный, коли мене в том месте Виленском, розбито, пропало и згинуло.

Тот теды дом, яко свои власныи и никому ни в чом не винныи даю, дарую и на вечност признаваю сестре моеи рожнои п(а)ни Кулине Амеляновне Тросницкой Андреевой Борысовичовой так, иж вжо оддаты нынешнее она, сестра моя, сама, дети и потомки ее и кождыи од нее и по неи держачыи волен и моцен будет тым домом яко своим власным, яко похотя шафоват, оддат, продат, дароват, заставит, заменит, и водлуг наилепшог(о) пожытку и воли свое оборочат.

А я, деи, сам, малжонка, дети и потомки мое и ништо иншыи з близких, и родных, и повинных моих, а поготовю з обчых в тои даровизни моеи, помененои сестре моеи жадное наимнеишее трудности и перешкоды чынит и задават не маю, на мают и не будут мочы вечными часы».

Яко ж зараз, постановившысе, славетные пан Якубъ Кособуцкий и пан Стефан Люткович, лавники места Полоцког(о), и пры них слуга вradoвыи меский Иван Шлюбовский, признали, иж тот дом, ограниченем вышеи выражоныи, подали помененои п(а)ни Кулине Андреевой Борысовичовой в моц, в держане и в ее спокойное вечыстое ужыване, чог(о) ей ништо зъ стороны не боронил и нищым не одзывал, и не прыповедал.

Которое таковое признане даровизны тог(о) дому през славетног(о) пана Павла Тросницког(о), бурмистра полоцког(о), теж и признане интромисыи ест до книг меских полоцкихъ записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 10об.

№ 5

¹⁻¹ Смыта часть строки, восстановлено по смыслу.

№ 6

1656 г. сентября 12. – Запись о исполнении присяги на староство слесарского и ковалевского цеха полоцкими мещанами Семёном Васильевичом Гавловским и Панкратом Иевлевичем и о вступлении их в должность на 1656 г.

30. 7165. М(есе)ца сеньтебра дванадцатог(о) дня.

Выконанье присяги на староство цеху слесарског(о) и ковалског(о) през Семена Кгавловског(о) и Панкрата Иевлевича.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе перед нами и прышодшы до нас в ратушу, вси ремесники цеху слесарског(о) и ковалског(о) просили, абы подлуг звычайу и давнего порадку старостове до того цеху их, от них згодне обранные, присегу на врад свои выконали. Яко ж мещане полоцкие Семен Василевич Кгавловский и Панкрат Иевлевич, слесары, од них на тот врад обранные, звычайную присегу водлуг науки правное перед нами, врадом, за позволеньем нашим выконали и старостами цеху своег(о) на тот рок 7165 zostали.

Што про память до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 14об.

№ 7

1656 г. сентября 15. – Сообщение полоцкой мещанки Хони Куриловны Рабцовны Андреевой Ивановичовой о пропаже документов на её дом в Полоцке на Ильинской улице в 1654 г. во время прихода в Полоцк царских войск.

32. 7165. М(есе)ца сентебра петнацатого дня.

О поведане Хони Курыловны Раб[цовны]¹ Андреевое Ивановичовое, и жь ей под час рати право вечыстое на двор пропало.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, и раицами, и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанька места Полоцкого Хоня Курыловна Рабцова-на Андьреевая Ивановичовая оповедала и ку ведомости нашої вradoвой доносила то, и жь, деи, што: «Мне, Андреевой Ивановичовой, досталсе дом, мне по оицу моем належачи, тутъ, в месте Полоцкомъ на улицы Иллинской стоячи, на чверти пляца збудованыи межы домами з одного боку Ивана Шапонки, а з другого – Федора Сталмаха; которыи мне был поданыи и прызнаныи од опекуновъ моихъ, по смерти оица моего небощыка Курылы Рабца позосталых, меновите од Савы и Васка Трубачов, брати рождоныхъ. На которыи то дом и право, мне самои одной служачое, од тых опекунов себе даное и на враде прызнаное мела теды, кгда в року прошлом, тисеча шестсот пятдесят четвертом наступовала рат праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря на место Полоцкое. В том час, кгдам тое воины уходила, тое право, мне на тот дом служачое, пры иишои всеи маетности моеи рухомой в том же дому позостало, и в небытность мою згынуло, так, и жь и по сес час нигдесе не знаидует».

Зачым, варуючы себе в прышлыи час, абы якое турбацыи одного безпотребное в том держанью и ужыванью вечыстом того дому своег(о) власног(о) не мела и не поносила,

№ 7

¹ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

и оног(о) през таковое згубене права, собе служаког(о), дармо не утратила, тое оповедане занесла, и² абы до книг наших меских полоцких было записано, просила.

И мы, врад, тое ее оповедане, яко в речы слушнои учыненное, прынявши, казали есмо до книгъ записат.

Што *ест* записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

№ 8

1656 г. сентября 16. – Жалоба головчинских мещан Антона и Тихона Котковичев на бывшую жену их брата Марка Федору Кривушанку о беспричинном вызове в суд и заключении в тюрьму.

36. [7]165. М(есе)ца сентебра шеснадцатого дня.

Протестаця мещан головчыцкихъ Антона и Тихона Котковичов, брaци, на Федору Кривушанку Марковую Котковичовую, брaтовую свою¹ бывшую.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое Малое и Белое Росси самодержца и обладателя.

Передо мною, Филипом Кособуцким, бурмистромъ места Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающим².

Поведали и з великим жалем своим жаловали мещане места царског(о) величества Головчыцког(о) панове Антонии и Тыхон Ивановичы Котковичы, брaтя рожонные, на мещанку полоцкую Федору Василевну Кривушанку Марковую Котковичовую, бывшую братовую свою, о том и таковым способом.

Ижъ в року прошлом тисеча шестсот петдесят шостом м(есе)ца августа вѣторого дня небощык Марко Коткович, брaт их, жалующых, яко купецъ зъ воли и презрения Божого въ дорозе в селе Черонкохъ зъ сего света смертю зышол. Яко *ж* они, жалующые, тое тело небощыка брата своего, пры которого смерти грошей готовыхъ зостало и налезено, меновите зналезли чырвоныхъ золотыхъ петдесят и тры, талеров битыхъ трызлотныхъ трыдцатъ и левков пят, до тог(о) пулталяра толко въ грошахъ, а в товаре зостало по нем, небощыку Марку Котковичу, у дорозе лосин великихъ одинадцатъ, а малыхъ лосин тры, до того лубка меду пресного, выдра и бабры два невеликихъ малыхъ, болеи того жадное наимнеишее речы небощыковское не зостало; яко *ж* они, жалующые, тое тело небощыка брата своег(о) до Могилева прыпровадившы, въ церкви Светого Василя, важечы на то кошть, поставили, которое тело до того часу не погребено. Яко *ж* они, жалобливые, по отправаженю того тела ехали до места Полоцког(о) до нее, Федоры Кривушанки Марковое Котковичовое, братовое свое, зъ великимъ // [Л. 20об.] жалем даючы знат о смерти мужа ее а брата своег(о). Которая то Федора Кривушанка Марковая Котковичовая место жалованя смерти мужа своего забрала вѣси грошы готовые, золото, серебро, перлы на колко тисечей золотыхъ, корыстующы въ том и ничего не дбаючы на боязнь Божию, въ стыд людский и срокгост права посполитог(о), а нарадившысе, с прыятеля своими ку шкоде их, жалующыхъ п(а)на Антона и п(а)на Тихона Котковичов, деверов своихъ, людеи, собе ни в чом не винныхъ, маючы по собе час, неслушне, безправне у Полоцку на враде позывала, оныхъ вензила и до шкод незносныхъ приводила, турбуючы през недел шест оныхъ жалобливыхъ со всим домовством, которыхъ на тот час было особъ одинадцатъ людеи, стравоватсе мусели сами, пры том маючы пры собе коней трое на бруку, през тые шест недел не маючы жадное потребы за турбованем и задержанем ее,

² Написано над строкой.

№ 8

¹ о поверх ранее написанного.

² В рукописи заседающим~~и~~, исправлено по смыслу.

Федоры Василевны Крывушанки, шкодуют вси, легко рахуючы, на золотых пятсот полских. Пры том же они³, жалобливая, за тою забавою упустили гандлов своих купичких на розных меисцах. А кгда они, жалующые, за данем знат и за прыбытем своим до Полоцка о смерти Марка, брата своег(о), которая Федора Крывушанка, попечотовавши въ дому мешканю своем въ месте Полоцком вси речы, охендозство од мала до велика, оных жалующых до тог(о) не прыпускали и ничог(о) брат не дали перед слугами врадовыми мескими и с прыданя урадовог(о) панов раицов, до чего се они, жалующые, не тыкали, то все заставившы в час прышлыи до дохожена оных.

О которое невинное безправное турбоване и везене, яко и о вси тые шькоды, што се вышеи поменило, хочечы они, жалующые особы, з нею, Федорою Крывушанкою, самою прыныцпалкою, у суду належног(о), где о то фором право дорогу // [Л. 21] укажет, правом чынит, невинност свою оказат и тог(о) всег(о) водлуг науки правное зь шкодами⁴ на неи доходит и реквизиоват, на сес час просили, абы тое оповедане и жалоба их до кних меских ратушных полоцкихъ было прынято и записано.

Што ест записано.⁵ Выпис и видымус выдано⁵.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21.

№ 9

1656 г. сентября 18. – Избрание полоцким гминным паном Тимофея Лавриновича.

41. 7165. М(есе)ца сентября осмнадцатого дня.

Обране згодное от посполства до кгмину пана Тимофея Лавриновича.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), того року вышеиписаного в ратушу Полоцком заседающими.

Выбран ест од всего посполства мешчан¹ин¹ полоцких² до кгмину пан Тимофей Лавринович, который за то з доброе воли свое дал и даровал готовыми грошми певныи датокъ до скрынки меское. Зачым мы, маистрат полоцкии, за згодным обранемъ од посполства его, пана Тимофея Лаврыновича, яко человека потстивого, доброго, за выконанем през него юраменту, не толко до заседания в ратушы до кгмину прыимуюм, але и впрעד до всяких свобод и волностей права маидебургского ратушного полоцко-го прыпускаем, и до всяких достоенств меских водлугъ особливого листу, всим паном кгминовым даного, прыходить ему позволяем. А для важности казавшы сес лист на прышлыи и потомныи час до книг меских полоцких вписать, ему, пану Тимофею Лаврыновичу, под печатью нашою мескою ратушнею полоцкою и с подписом руки писара нашего полоцкоз(о) дали.

Писан в ратушы, року и дня вышписаног(о). Выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

№ 10

1656 г. сентября 18. – Жалоба полоцкой мешчанки Татьяны Яковлевны Омельяновой Шереметовой на полоцкого мешанина Алексея Мартиновича о захвате третьей части пляца в Полоцке на Великой улице.

³ и обведено.

⁴ В рукописи шкодами, исправлено по смыслу.

^{5–5} Написано почерком П.

№ 9

^{1–1} Вписано над строкой.

² Так в рукописи, нужно читать полоцкии.

42. [7]165. М(есе)ца сеньтебра осмнадцатог(о) дня.

Протестацыя п(а)ни Омеляновои Шыраметовои, раицовой полоцкои, на Алексея Корзевича о шмат земли забраное.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, славетная п(а)ни Татьяна Яковлевна Омеляновая Шереметовая, раицовая полоцкая, оповедала и жаловала на мещанина теж полоцког(о) а тепер козацкую служаког(о) на Алексея Мартиновича.

Ижъ он, неналежне и безправне однял и забрал до себе третью част чверти пляца кгрунту голог(о) домовог(о), по малжонку ее п(а)ну Омеляну Шырамету еи а детем ег(о), и з нею спложным яко зъ вторым малжонком, належачого, на улицы Великои будущого. О што хотечы з ним часу своег(о) правомъ чынить а набарзеи заховуючы о то салву и целое право детем, по п(а)ну Шеремету позostalым, и сыну своему, с паном Шереметом спложному, Яну Шеремету, тое оповедане свое до владу донесла и абы до книг наших меских полоцких записано было, просила.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 24об.

№ 11

1656 г. сентября 18. – Жалоба полоцкой мещанки Татьяны Яковлевны Омеляновы Шереметовой на землянина Полоцкого воеводства Александра Птицкого о невозвращении взятых в долг 30 талеров.

43. [7]165. М(есе)ца сеньтебра осмнадцатог(о) дня.

Пр[отестацыя]¹ тое ж п(а)ни Шереметовое до всякои маетности п(а)на Александра Пчыцког(о) и малжонки его за обликгом на талеровъ 30 даным.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, славетная п(а)ни Татьяна Яковлевна Омеляновая Шереметовая, раицовая полоцкая, оповедала и прыповеданье чынила до всякои маетности земенина воеводства Полоцкого п(а)на Александра Пчыцкого и малжонки ег(о). А то за обликгом од самое п(а)ни Пчыцкое малжонкови ее, п(а)ни Шереметовое, которы тепер на Москве заставае, на талеров битых трыдцать, на окупъ с полону взятых, даным. Чого ижъ на термине, в тым обликгу описаном, не уистила. Прото хотечы [о] на², п(а)ни Шереметовая, так о самую истизну, яко о совитост, заруки и о вси шкоды, наклады з ним, п(а)ном Пчыцким, и малжонкою его правом чынит, тое оповедане свое [з]аносечы³, просила, абы было до книг меских полоцких записано.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

№ 11

¹ Смыто, восстановлено по смыслу.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

1656 г. сентября 18. – Жалоба полоцкой мещанки Татьяны Яковлевны Омеляновой Шереметовой на полоцкого мещанина Семена Шытика о долгах.

44. [7]165. М(есе)ца сеньтебра осмнадцатог(о) дня.

Протестаця тое ж п(а)ни Шереметовое на Семена Шытика.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белаы России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, славетная п(а)ни Татьяна Яковлевна Омеляновая Шыраметова, раицовая полоцкая, оповедала и жаловала на мещанина теж полоцкого Семена Шытика сама од себе и именем детеи, по п(а)ну Амеляну Шырамету позоста-
лых, о том.

Ижъ он, подостававшы¹ гдес розных² выплачоных² обликов од малжонка ее так з ним, Шытиком, сполне, яко теж и од одного ег(о) даваных розным людемъ, а меновите набывшы облику, яко он выплачоног(о) у ег(о) м(и)л(о)сти п(а)на Александра Рыпинског(о), оными се хлюбит и п(а)ни Шереметовую и сынов ее турбоват и позыват, а оных скасоват не хочет. Да он же, Семен Шытикъ, не ведат, деи, для чог(о) не хочет еи, п(ани) Шереметовои, оддат петидесят копъ, што малжонок ее за ег(о) ег(о) м(и)л(о)сти п(а)ну Валеры[я]ну³ Ососку заплатил, што были сполне на обликгъ копъ с повинными, о чом шыреи часу права преложытсе. О што все хочеты она, п(ани) Шереметовая, з ним, Семеном Шытиком, правом чынить, а заховуючы о то салву до нег(о) детеи малжонка своег(о), сее оповедане дала на сес час до книг мескихъ полоцкихъ записат.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 25об.

№ 13

1656 г. сентября 20. – Сообщение землянина Полоцкого воеводства Базыля Лабутя о наезде ночью в июне 1656 г. на село Задоры имения Оболя царских войск и пропаже сундука с документами.

48. 7165. М(есе)ца сентября двадцатог(о) дня.

Протестаця п(а)на [Базылия Лабут]¹ тя онаистя на дом и о забране многих справ през рат.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое Роси(и) самодержца и обладателя.

Передо мною, Филипом Кособуцким, бурмистром места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающим.

Оповедал и жаловал земенин его царског(о) величества везду Полоцког(о) пан Базылии Лабуть о том, иж в року теперешнем тисеча шестсот пятьдесят шостом, в м(еся)цу июню, подчас бытности самого асудара праведног(о) на тот час в месте Полоцком, кгда воиско и рать асударская шла през Полоцкъ на шведа под Дынемборокъ и под Рыгу, он, помененыи пан Базылии Лабут, выправил сынов своих на службу асударскую. Сам, яко человек в летех подошлых, жыл маестности в Оболи, в деревне, в селе

№ 12

¹ До написано над строкой.

²⁻² Написано над строкой.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 13

¹⁻¹ Смыта часть строки, восстановлено по смыслу.

Задорах у воеводстве Полоцком лежаком, в маестности оичыстои его м(и)л(о)сти пана Крыштофа Жабы, чешъника полоцког(о), а на сес час тую маестностку въ заслуге от асудара праведного жаловано сыну его, пану Стефану Лабутю.

Там же, того року, м(есе)ца и дня вышписаного, з тог(о) воиска и рати царское, наехавшы на тое мешкане и деревню его, жалуючог(о) п(а)на Базыля Лабутя, асударские руские, с тое рати люди, въ нocy, нет ведома з чыег(о) полку, шкатулу окованую, которая была у клети з розными справами и обликгами, розумеючи, иж у тои шкатуле грошы были, зо всим, не отбияючи, зъ собою тые розные люди взяли.

У которой то шкатуле справы важные были, то *ест*, напервеи: право вечыстое на маестност Обол, и протестацыи розные о погороне других справ на тую ж маестност Обол и от братанков его, жалуючого, // [Л. 29об.^р... Станиславовичов Лабутев самыи ³орыина³ интромисыя продажи вечыское того Оболя; прытом другое право вечыское од пана Якуба Лабутя и от сестры его, пани Бутрымовичовое, ему, пану Базылю Лабутю, на тую ж Обол служачое; до того справы розные, выписы с протестацыи и реляцыи зъ паном Казимером Гребницким и с паны Герцыками; розные теж справы о пуцу оболскую; прытом листы, обликги, то *ест* от пана Алексъсандра Рыпинского ему, пану Базылю Лабутю на коп трыдцат даныи, другии лист обликгъ от пана Владыслава Рагозы пану Яну Порадни, зятю его, служачыи, на коп пултораства; до того право прызнаное у суду земског(о) полоцкого од пана Яна Порадни, належачыи п(а)ни Марыне Лабутевне Яновои Пораднинои, малжонце его, за внесене служачыи, на коп пултораства; и иишых розных немало справ, квитов поборовых, о которых в так великом жалю вспомнет не может.

Зъ гола въси справы от мала до велика тые ратные царские люди за наеханем кгъвалтовным тую шкатулу зо всими тыми справы зъ собою взяли и звезли, и нет ведома, где подели ку великою крывде, жалю и шкоде ег(о), п(а)на Базыля Лабутя.

О которой шкоде своеи заносечы протестацыю в час прышлыи, абы ему, пану Лабутю, зашкочит не могло, на сес час просил, абы тое плачливое оповедане и жалоба его до книг меских ратушных полоцких было прынято и записано.

Што *ест* записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 – 29об.

№ 14

1656 г. сентября 26. – Сообщение полоцкой мещанки Аксиини Парфёновны Васильевая Смоляговая о ограблении ночью с 17 на 18 сентября 1656 г. её крамы.

53¹. 7165. М(есе)ца сеньтебра двадцат шостого дня.

Протестацыя Василевоое Смолеговоое о выкрадзене крамы.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Оповедала и жаловала мещанка места царского величества места² Полоцкого п(а)ни Аксиия Парфеновна Василея Смоляговая въ великомъ жалю, шкоде и выкраденю крамы своее, в темном раде будучое, о том, ижъ в року теперешнем тисеча шестсот петдесят шостом, м(есе)ца сеньтебра, зъ дня семнадцатого на ден осмнадцатыи того ж м(есе)ца сентебра, зъ середи на четвер, в нocy, нет ведома хъто [в]³ тое нocy краму ее, жалуючое пани Смоляговоое, в темном раде подле крамы пана Шънитки, подкапавшысе.

² Далее смыто приблизительно 18–19 букв.

³⁻³ Смыто приблизительно 2–3 буквы в слове. Возможен вариант прочтения орыинал.

№ 14

¹ Более поздняя запись почерком II.

² Так в рукописи.

³ Добавлено по смыслу.

Въ той краме было, напервеи, взято грошми готовыми, то ест копейками коп шест-десять, особливе талеров печатных двадцат; до того копейками было золотых дванад-цат; шапку подштытую, стояла копъ трохъ, чырвоную, соболцова; мухаяру штытучки две: одна барщовое масти, другая зеленая; панчошок новых суконовых выростковых пар десет, други десяток панчошок бялокъловских, а великих панчох муских су-конных пар пят; фартухъ саевый новый, чорный; пры том поесов сетковых вишневых десятокъ; ладовница аксамиту чорного; кгузиков белых крутофаловых тузиков шест; пасков ременных шабелных петнадцат; поесов тежъ ременных полтора десятка; бал-фы чырвоное литра целая; табаки роли // [Л. 32об.] [ковъ]⁴¹⁴ роха⁴²⁵ початых; пры том и иных немало розных речей дробязков, о которых в так великом жалю и вспомнет не может; полотна ткацкого локтеи тры.

Того року, м(есе)ца, дня и ночи вышъписаное за подкопанем под краму зълыхъ лю-деи и выкрадене тых речей, яко и грошей готовых, до взята собе певное ведомости до кожного такового, хъто бы учынити мел, яко и до тых, которые бы мели от злодеев речи куповат – до кожного таковог(о) в час прышлыи, просила, абы тое плачливое жалосное оповедане до книг меских ратушныхъ полоцких было прынято и записано.

Што ест записано. ⁶Выпис выдан⁴³⁶.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–32об.

№ 15

1658 г. сентября 26. – Просьба полоцкого екиманского мещанина Юрия Локотя о постройке дома на городской земле на месте, где жила панна Гребницкая.

7165. М(есе)ца сеньтебра двадцат шостого дня.

¹Тая справа з объмылки тут вписана, а ест в року [7]167, сентебра 26¹.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великое и Малое Роси(и) самодерзца и обладателя.

Перед нами, Сергеем Каменкою а Федором Сатковским, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого того року, на спра-вах судебных в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин полоцкии екиманский Юрко Докуть бил нам чолом и просил о позволене домку до мешканья себе, где панна Гребницкая мешкала, на земли меской побудованого, менечы, што его дом на Екиманю розобранъ.

Мы теды, врад, заховуючысе во всемъ водлугъ указу и грамоты праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря месту Полоцкому наданое, и погледаючи на то, што дом власный его, Юрка Докутя, на Екиманью пры иных дворах розобран, тот теды домокъ, где панна Гребницкая мешкала, на земли меской збудованыи, нине без окон и без дверей буду-чы, абы до остатка розарень // [Л. 33] и спустошонъ не был, менованому Юрю Докутю до мешканья в нем до часу поступили есмо, и через слугу вradoвого прысяглого Ивана Шлюбовского до держанья и обереганья того двора подали есмо. И то про память до книг мескихъ полоцкихъ записать велели есмо.

Што естъ записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 32об.–33.

⁴ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

⁵ Возможно, ошибка писаря, вероятен вариант прочтения трох.

^{6–6} Зачеркнуто.

№ 15

^{1–1} Написано другими чернилами почерком П. После отмеченной сноски в тексте написан знак, который невозможно идентифицировать. (Вероятно, это условный знак, указывающий на необходимость снятия текста.) Весь текст документа перечеркнут.

1656 г. сентября 26. – Сообщение посла запорожского войска Романа Ракушки о збежавшем его слуге Павловском и пропаже вещей.

54. 7165. М(есе)ца сеньтебра двадцат шостого дня.

Протестацяя Романа Ракушки, посла воиска запороского царского величества, о збеженье челядника своего и о зашкожене немалое.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белые Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевидно, пан Роман Ракушка, посол воиска запороского его царского величества, оповедаячы то, ижъ в дорозе челядник его, прозываемый Павловский, зашкodikившы немало, проч гдес от него утекл, подал на писме шкоду свою всю с печатю и с модписом¹ руки свое, в тые слова:

«Конь Бахмат бурыи, зъ седаинного боку пятьно [ест]² круглое. Пры том же кони кулбака шапраком блакитным фалендышовым, пры ktorой кулбаце пара пистоле-товъ под серебром; готовых грошей золотых двесте; пара сукон фалендышовых; кун-тушь еден кгранатовое масти, другии зеленыи з серебряными потребами; пар пят со-болеи; две шапки соболий, третей я³ горловая; чарка серебряная, в ktorой гривна; два локти шылтуху.

То побрав у нас, молодец на имя Павловский, ktorого нам залетил Михаила черкас Вороико, и шлюбывал за него, а тот Павловский молодец толко ус высыпаетсе // [Л. 33об.]⁴...».

На той карте печат его, пана Романа Ракушки ест прытиснена, а подпис руки тыми словами: «Роман Ракушка, посол от воиска запороского его царского величества, рукою власною».

А тая шкода стала в месте Друи, в дому Моисея Богдановича, мещанина друиског(о), дня сентебра двадцат второго, тисеча шестсот пятдесят шостого году.

Которое оповеданье его, пана Романа Ракушки, и с тою картою, на писме през него поданую, ест до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–33об.

№ 17

1656 г. сентября 29. – Жалоба полоцкого мещанина Стефана Друговина о избииении его жены Катерины Ивановны Быковны его братом Яном Друговином и освидетельствование побоев городским врядовым слугой Филоном Рабцом.

62. 7165. М(есе)ца сеньтебра двадцат девятог(о) дня.

Протестацяя пана Стефана Друговины на п(а)на Яна Друговину, брата своег(о) о бои; тут же и реляция слуги врядовог(о).

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белыя Роси самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

№ 16

¹ Так в рукописи, нужно читать подписом.

² Смыто слово из 3 букв, восстановлено по смыслу.

³ Я написано над строкой почерком П.

⁴ Далее смыто, пробел приблизительно на 7–8 букв.

Оповедал и жаловал пан Стефан Друговина в крывде своей и в крывде и збитю мал-
жонки своей пани Катерины Ивановны Быковны на пана Яна Друговину о том, *иж*
будучы он, пан Ян Друговина, злое воли наполненыи, а ничего не дбаючи на боязна
Божую каране правное, и в стыд людскии, смел и важылсе дня вчораишого, на Покро-
ва Светого, будучы пьяным, наити самовтор з челядником своим на двор жалобливо-
го пана Стефана Друговины, брата своего старшого, которому, чынечы бещесте словы
брыдкими доброи славе и по жытю доткливыми, первеи малжонку жалобливого пана
Друговины вне бытности его безвинне збил, змордовал, пястми и за волосы торгал, не-
литостивесе пасвил, а потом его, пана Стефана, брата своего(о), также пястми безвинне
збил, змордовал, и зранил.

Яко ж слуга вradoвыи Филон Рабец признал до книг, *иж* видел у п(ана) Стефана
Друговины под оком правым рану синевою, битую, спухлую, и болеи себе ран битых
менил заданых. А у малжонки его, пана Друговины, видел кгузы битые спухлые в голо-
ве, и волосы показовали выдраные з головы.

Которое оповедане и с тою реляцыею слуги вradoвог(о) учыненное *ест* до книг ме-
ских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

№ 18

1656 г. сентября 29. – Решение полоцкого магистрата по жалобе полоцкого мещанина Яна Лапатя на полоцкого мещанина Андрея Яновича о неуступлении ему дома в Полоцке.

65. [7]165. М(есе)ца сеньтебра двадцать девятог(о) дня.

[С права Яна]¹ Лаптя з Андреем Яновичом о неуступене з дому, ему належачо[го]².

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцког(о) Ян Лапять прекладал жалобу на мещанина того ж места Полоцког(о) Андрея Яновича о то.

Иж, деи, он, Андреи Янович, нет ведома для чог(о) не хочет уступит з дому ег(о) тут, в месте Полоцком, будучог(о), в котором през немалый час неналежне мешькает. А он, Ян Лапат, прыехавшы тепер з Литвы по збеженю от рати осударское не мает где жыть.

До которое жалобы будучы он, Андреи Янович, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвог(о) меског(о) Филона Рабца заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, деи, тот дом жадным способом ему, Яну Лаптю, не належит и не ест его, одно прыателя ег(о) ³ Кгрынцевича. А мне ест позволеныи тот дом до спокоиног мешканья од маистрату полоцког(о). В котором я живучы, всякие повинности до ратуша полоцког(о) полно и досит всякои потребе и роботе мескои чыню. А он, Ян Лапять, тепер свежо з збегов прыехавшы до Полоцка, мене безвинне о тот дом турбует и з оног(о) вызут хочет. А я прошу и домоваяюся, абысте в(аша) м(илость) врад пры том доме до прыбыта Кгрынцевичовог(о) мене заховат и в нем спокоине жыть позволит рачыли. А я и впрעד всякия повинности меския полнить повинен буду.

№ 18

¹ Смыто, восстановлено по формуляру.

² Смыто, восстановлено по смыслу.

³ Далее пробел приблизительно на 10 букв.

И мы, врад, ведаючи то добре, иж то дом власныи *ест* помененого ⁴ ... Кгрунцевича, а не *ег(о)*, Яна Лаптя, и любо он, Лапять, *ест* близким прыятелем тому Кгрунцевичу, однак же поневаж се през долгии час, не едучы до Полоцка, в Литве бавил, тому Андрею Яновичу тот дом до волного в нем мешканя *от* нас, маистрату, давно позволеныи *ест*, за чым и тепер ему, Андрею Яновичу, в том дому аж до прыбытя в Полоцк тог(о) Кгринцевича, ⁵або детеи *ег(о)*⁵, и до указу праведног(о) // [Л. 40об.] [г(осу)д(а)ря ц(а)ря]⁶ спокоине жыть позволяем. А *ег(о)*, Яна Лаптя, од того дому одсужаем, кгда ж он, Андреи Янович, с того дому всякия повинности меския полнить⁷ и даlei полнить повинен *будет*.

Што про память *ест* до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–40об.

№ 19

1656 г. октября 3. – Постановление общего собрания мещан Полоцка о обязанностях панов гминных и избрание сотников, пятидесятников.

76. [7]165. М(есе)ца октября третьего дня.

Згодное утверженье посполства, абы, яко *первеи* постановили, ¹то *ест* п(а)н(о)век гминовые абы в ратушу заседали и обо всем доб ремеском ведали; тут же обранье сотъников и петидесятников.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белаы России самодержца и обладателя.

Пры бытности нас, бурмистров, раицов и лавников места царского величества Полоцкоз(о), сег(о) року в ратушу Полоцком заседающих.

Собравшыся и згромадившыся все посполство мещане места Полоцкоз(о), згодне и однастайне вси повелили и на писме то нам, маистратови, подали.

Иж, деи, якос мы *первеи* на дню пятом м(есе)ца сеньтебра ухвалили и постановили, абы кгмин особъ дванадцат в ратушу Полоцком для заведываня всякоз(о) добра мескоз(о), прыходов и расходов заседали, и² которых особъ обрали, на тых же всих зезволившы, подтвердили тую свою ухвалу.

А надто, [чы]нечы³ порадок в месте Полоцком, обрали сотников и петидесятников для всякоз(о) дела, абы готовыми зъ сотнями были и послушенство владовое полнили. То *ест* обрали сотником в сотню Зарецкую Федора Гатовку, а петидесятником Семена Сысу; в сотню Екиманскую сотником Якима Троичанина, а петидесятником⁴ ...; в сотню Заполоцкую сотником Федора Шапоньку, а петидесятником⁵ ...; // [Л. 47об.] [на меищу]⁶ Давыда Сивицкоз(о), сотника, обрали сотником Данилу Лалтевича, а петидесятником⁷ ...; на меищу Гарбуза обрали сотником Гарасима Баханскоз(о), и Малавка поданыи на тот же врад; на меищу Сабуры Шевца обран сотник Гаврыло Гурко,

⁴ Далее пробел приблизительно на 5 букв.

⁵⁻⁵ Написано над строкой.

⁶ Смыто, восстановлено по формуляру.

⁷ В рукописи полно, исправлено по смыслу.

№ 19

¹⁻¹ Написано над строкой.

² Можно читать как и.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ Далее пробел приблизительно на 23 буквы.

⁵ Далее пробел приблизительно на 15 букв.

⁶ Смыто, восстановлено по смыслу.

⁷ Далее пробел приблизительно на 17 букв.

петидесятиником Семен Понько; на меищу Павла⁸... Якубъ Юревич сотником, Павел Доила петидесятиником; на меищу Тивуна Грышко Короткии сотником, петидесятиником⁹...

Тых теды всих особъ вышепомененых згодне на сотництво и петидесятиництво обравшы и на все то, што тут описало вышеи, одностаине зезволившы, дали сюю ухвалу и постановенье свое до книг меских полоцких запишат.

Што ест записано.

Писан в ратушу Полоцком, року, м(есе)ца и дня ¹⁰на д¹⁰ ате вышепомененого.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 47 – 47об.

№ 20

1656 г. октября 3. – Жалоба полоцкой мещанки Татьяны Яковлевны Омеляяновой Шереметовой на родственников, которые не вернули имущество её мужа, данную им на сохранение в 1654 г. во время военной опасности.

78. [7]165. М(есе)ца октября третеого дня.

Протестаця п[ани О]меляяное Шереметовое на п(а)на Петра Керножыцкого и малжонку его, и на п(а)на Андрея Шырамета и сестру панну Катерыну о неодданье разных речеи, под час военных небеспечностеи в Литву вывожоных.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичомъ, бурмистрами, и передъ нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, славетная п(а)ни Татьяна Яковлевна Омеляянова Шыраметова, раицовой полоцкая, оповедала и жаловала на пана Петра Керножыцкого и малжонку его а пасербицу свою Полонею Амеляяновну Шереметовъну, также [н]а² пасерба своего Аньдрия и на другую пасербицу панъну Катерыну Омеляянови[чо] въ³ Шереметовъ о томъ.

Ижъ кгда в року прошломъ тисеча шестьсотъ пятьдесятъ // [Л. 48об.] [чет]вертомъ⁴ в Петровъ постъ наступовала рать праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря на город Полоцокъ, в ту пору она, п(а)ни Амеляянова Шереметова з малжонкомъ своимъ, которые нет ведома если живъ або мертвъ на Москве заставаеъ, дала имъ всемъ, чотыромъ особом, для вывезенья и схороненья розную маетность свою и мальжонька своего. Нижъли они, взявшы то все а през два годы в Литве бавившысе, тые речеи инъшые, яко то: плате, охендоство, на собе поносили и пошарпали, а инъшые на пожыток свои спродали. И всего вцеле до Полоцка не привезли и еи, жалобливои, не отдали. Которые то речеи часу права пры шыршои ее протестацыи на писме показаны будутъ. А тепер просила она, п(а)ни Шереметова, абы тое ее словное оповеданье было до книг мескихъ полоцких записа[но]⁵.

Которое ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 48–48об.

⁸- Далее пробел приблизительно на 10 букв.

⁹- Далее пробел приблизительно на 13 букв.

¹⁰-¹⁰ Поверх ранее написанного.

№ 20

¹ Смыто, восстановлено по смыслу.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 21

1656 г. октября 6. – Судебное решение по делу полоцкой мещанки, казачки Маруши Михаловской Станислававой Голубицкой с полоцким мещанином Апанасом Игольником о оскорблении и избииении.

79. ¹165¹. М(есе)ца октября шостого дня.

Декрет в справе Станислав[овое]² Голубицкое з Апанасом Игольником о бои.

³Б(о)жеу³ м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое Малое и Белое Россыи самодержца и обладателя.

Перед⁴ нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими⁵.

Постановившысе очевисто, мещанка места Полоцког(о) Маруша Михаловска Станиславовая Голубицкая, козачка, прекладала жалобу на мещанина теж полоцкого Апанаса Игольника о то.

Ижъ ее, Голубицкую, дня вчораишого без жадное собе даное прычыны вперод почал словами ущыпливыми на улицы перед людми лаят, соромотит и безчестит, а потом ее окрутне пястми бил, мордовал, аж заледво человекъ рускии, козакъ апочецкии, одратовал.

До которое жалобы будучы онъ, Апанас Игольничекъ, очевисто через слугу вradoво-го меског(о) по трыкот на тры дни судовые заказованыи, яко непослушныи, жадного разу до права не становилсе и жадной ведомости о том нестаню своим нам, вradoви, и стороне поводовои не учинил.

За чым мы, врад, бачечы таковую пильност стороны поводовое а непослушенство заказованое, того Апанаса Игольничка за таковое безчестье и бои, помененои Станиславовой Голубицкой од него сталии, до везенья в турму, гдеколвекъ постигнувъшы, взят и осадит наказуем. В котором везенью мает седег потуль, ажъ [е]и⁷, Голубицкой, за лаибу, бои и раны заплатит и вси шкоды, наклады нагородит.

Што про памет ест до книгъ меских полоцких записано. ⁸Выпис выдано⁸.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

№ 22

1656 г. октября 6.. – Судебное решение о освобождении полоцкого мещанина Яська Козинца от жалобы полоцкой мещанки Татьяны Ивановны Бучинной по поводу разбора её светлицы и сеней на Якимани.

80. [7]165. [М(еся)]ца¹ октября шостог(о) дня.

Уволнене Яска Казинца од жалобы Ивановое Бучыное, на нег(о) до вradу донесеное, о светлицу собраную и сени.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья Россыи самодержца и обладателя.

№ 21

¹⁻¹ Написано почерком II.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³⁻³ Написано почерком II.

⁴ Первое с поверх смытого другими чернилами.

⁵ В рукописи заседаючи, исправлено по смыслу.

⁷ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁸⁻⁸ Написано почерком II.

№ 22

¹ Смыто, восстановлено по смыслу.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючими.

Постановившысе очевисто, мешанка места Полоцког(о) Татьяна Иванова Бучыная жаловала на мешанина того ж места Полоцког(о) Яська Козинца, што.

Иж, деи, он, Козинец, безправне и неналежне собравшы светлицу ее и сени, на Екиманьи побудованые, к себе за Двину перевез и побудовал и на свои пожиток обернул.

До которое жалобы будучы он, Яско Козинец, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвог(о) меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, деи, я жадное светлицы и сенеи ее, Бучыное, а Екиманьи не брал и не звозил, але кгда она, Бучыная, под час наступения рати праведног(о) г(осу)д(а)ря ц(а)ря с Полоцка збегла, в тот час без нее солдаты тую светлицу и сени зъ Екимани, собравшы, на сюю сторону к самому месту Полоцкому перепроводили и мне за золотыхъ осмъ продали. И прошу ваших м(и)л(о)стеи враду увольнения.

И мы, врад, бачечы, иж се то деело в часы военные и не толко ее, Бучыное, але и многих людей дома розбирано а звлаща людей тех, которые в Литву збежали, аже и она, Бучыная, збегала и тот дом покинула, за чым ег(о), Яска Козинца, од тое жалобы ее, Ивановое Бучыное, и од всее речы, в неи описаное, вечно волног(о) чыним, и тая светлица и сени пры нем зоставати мают.

Што про память ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 49об.

№ 23

1656 г. октября 8. – Жалоба полоцкой мешанки, аптекарки Раины Сеницкой Станиславовой Ридлицкой на полоцкого бурмистра Кузьму Наумовича о повреждении канализации, которая шла от склепа Андрея Боровского, её зятя.

85. 7165. М(есе)ца октября осмого дня.

Протестация п(а)ни Станиславовой Рыдлицкой, аптекарки, на п(а)на Кузьму Наумовича, бурмистра полоцкого.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца и обладателя.

Передо мною, Филипом Кособуцким, бурмистром, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючими.

Жаловала и оповедала з жалем немалым аптекарка места царского величества Полоцког(о) пани Раина Сеницка Станиславовая Рыдлицкая, вне бытности малжонка своег(о), которог(о) взято с Полоцка на послуги наяснеишог(о) цара ег(о) м(ило)сти аптекарские до места столечног(о) царског(о) величества столицы, на мешанина и бурмистра полоцког(о), пана Кузьму Наумовича.

Што иж в року прошлом, тисеча шест(сот) пятьдесят пятом, в есени, кгда она, пани Рыдлицкая, варыво поставила в дому зятя своег(о), пана Андрея Боровского, в склепе, то ест капусты солоное, кружаную и сечоную, ботвине, огурки, морков, репу и постернак; в том же склепе напиток розного: меду бочок две, в бочке одной кгарцов осмъдесят, в другой бочке было кгарцов пятьдесят осмъ, продавано кгарнец меду по дванадцат полских, пива бочку в кгарцов шестдесят, на потребу свою робленое зъ солodu пшонног(о), водки поземковое барылка и других водок розных аптекарских, горелки простое кварть пятсоть, кварту купуючы по дванадцат польских, аквавитое горелки кварть двесте, анышковое, кварту купуючы по золотому.

Тогды он, пан Кузма Наумович, бурмистр, ку шкоде ее незноснои, великои приводечы явьне ее, пани Рыдлицкую, казавшы капачом своим студню копат. В которой студ-

не нашли рыну, которая выпроважена зъ склепу пана Боровского в[ул]ицою¹, от ратуша идучою, на дол реки Двины. Которую тую рыну на шкоду ее, пани Рыдлицкое, пересечы казал тым копачом. За которым пересеченемъ тое рыны в скълеп воды немало нашло, и тое варыво розное од мала до велика пооборочывали и ратовати не могли.

Которые шкоды в прошлом року паном бурмистром показавала, и лавников на тые шкоды выводила. Которую то шкоду видечы явную, узнали // [Л. 53об.] панове лавницы платит еи, пани Рыдлицкои, наказали, и рыну абы напоровал велели.

А пан Наумович, бурмистръ, яко тое шкоды до сих час не заплатил и рыны не направил. В чом она и тепер, в року теперешнем, тисеча шестсот пятьдесят шостомъ, недавных часов през некоторых прыятел своих по-прыятелску навпоминала, абы тую рыну направил, которую зопсовати казал. А он, заместо напоровы, отповедзь и похвалку на здоровье ее учынил, обещаючи ее казат цекляром карбачом бит и до турмы осадит.

А она, не будучы беспечна зъдоровя своег(о), яко белая голова без мужа своег(о), удалосе была до всег(о) маистрату в день судовыйи, то ест м(есе)ца сентебра деветнадцатого дня. Которую он, пан бурмистръ, обачывшы на ратушу, за плечо цекляром узят казал, волаючи на них, абы узавшы и до ланцуга усадили. Ажъ, обачывшы раица места Полоцкого пан Иван Маркович невинность тое п(а)ни Рыдлицкое, от тых цекляров отратовал и до ланцуга вести не дал.

О што все хотече она, пани Станиславовича Рыдлицкая, зъ ним, паном Кузмою Наумовичомъ, бурмистром, такъ о тые шкоды, такъ рочные, яко о зепсоване рыны, о похвалку и шарпане ее у суду належног(о) правом чынит, просила, абы тое ее оповеданье и жалоба до книг мескихъ ратушныхъ полоцкихъ записано было.

Што естъ записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 53 – 53об.

№ 24

1656 г. октября 10. – Завещание полоцкай мещанки и бурмистровой Арины Савичовны Мерецкой Лукьяновой Лукашевичовой.

87. 7165. М(есе)ца октября десятого дня.

Тестаментъ славетное пани Арыны Савичовны Мерецкое Лукашовое Лукашевичовое, бурмистровое полоцкое.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичом, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевидно, славетные пан Ян Тишкович и пан Михал Наплешыч, лавники места Полоцкого, а пры них слуга владовыйи мескийи присяглыи Станислав Володкович, прызнане свое в тые слова учынили, иж, деи:

«С прыдания ваших м(и)л(о)стеи в раду а за потребованьем славетное п(а)ни Арыны Савичовны Мерецкое Лукашовое Лукашевичовое, бурмистровое полоцкое, в року теперешнем сто шестдесят пятом, м(есе)ца октября третьего дня, были есмо в дому ее, п(а)ни Лукашовое Лукашевичовое, бурмистровое полоцкое, на Великои улицы, тут, в месте Полоцком, стоячом, где знашли есмо ее, п(а)ни бурмистровую, на теле хорую, а на розуме и памяти, и смыслах добре здоровую, которая з доброе воли своее распоружаючи дом свои и все тое, што колвекъ набыла з мужомъ своим, паном Лукьяном Лукашевичом, бурмистром полоцким, працою и старанем своим живучы, на томъ свете учынила перед нами такийи тестамент. То ест, напервеи, поведила:

№ 23

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

«Кгды на мене Г(оспо)дь Б(о)гъ смерть в тои хоробе допустить будет рачыл, душу мою Г(оспо)ду Б(о)гу Всемогущому, во Троицы Светои Единому отдаю, а тело мое грешное, яко зъ земли взятое, поховано быти мает способом и звычайем хрыстьянским руским в земли пры мужу моем Лукяне в церкви Богоявления //[Л. 54об.] Светого у Полоцку през сына моег(о) Даниеля Лаптевича и през зятя моего Максима Ивановича, и жену его, а дочку мою, Марыну Лукяновну. На которыи то погребъ мой, на провод, на сорокоусты, на убогие и на всякие нишые выдатки копъ сто грошей готовых оставляю у Максима, зятя моег(о) и у жоны его, а дочки моее, и прошу их велце, абы, везвавши панов прыятелей моих на погребъ, в зобо полнои згоде и милости мене поховали.

А што се дотычет двора моег(о), на Великои улицы стоячого, в котором посямест живу и перед тым спокоине за правом моим жыла, ино тот увес двор зо всимъ будынком, зъ спратом и посудом домовым всяким, пры том меду сычоного за коп десет, горелки за коп десет, пресного меду берковцы тры – то все даю, дарую и записую зятю моему Максиму Ивановичу и жоне его а дочке моеи Марыне Лукяновне вечными часы. Да ему жъ, менованому зятю моему Максиму, и жоне его в дозор и в опеку отдаю и поручаю внука моего Грыгоря Стефановича и внучки две: Настюшу и Палюшу Ивановень, – и прошу их пилно, штобы около тых сирот пилное старане мели, ихъ цвичыли, одевали, на службу, до ремесла и замуж выдавали; штобы тым же унучкомъ моим тром отдали котел мой пивный, другии горелчаныи котел, полмисков пять цыновых, скрыню с платем матки их, внучат моих, Марушы – што то все в руках у дочки моее Мари и у Максима, зятя моег(о), оставляет. И они за доистем лет внучот моих имъ отдад абы грошии заплатит мают, штобы за душу мою Г(оспо)да Б(о)га просили.

Двор зас, которыи стоит обок пана Сымона Дорофеевича, бурмистровича, а з другой стороны обок п(а)на Яна Самуиловича, лавника, внучотом моим двум – Настюшы и П[а]люшы¹ – яко отца их власныи, вечне записую, и хотя бы отец ихъ Ян Москалко до Полоцка вернулся, до того двора належати не мает, бо я тых внучотъ //[Л. 55] моих одевала и кармила, и выжывила.

А сыну моему Даниелю Лаптевичу, которому вжо од мене розными часы датком, яко од матки, досит стало, однак еще тепер тым тестаментом з милости моее матерынского дарую ему на вечност четверть огорода за парканом на Малои улицы, против волотовок, которыи я купила у Осташка Оловященка. Прытом ему ж, Даниелю, дарую жыта бочок две, трыног великии и ложку серебряную – то зят мой Максим и дочка моя отдад мают. А што самъ взял недавно у мене он, сын мой Даниель, полмисков тры и медницу – и то ему дарую.

Вяляючы и то, иж долгов жадных не маю: мне ништо не винен, и я теж никому ничего не винна».

По котором таковом учыненом тестаменте, мы, лавники, верху имени выражоные, другии раз были есмо в дому ее, пани Лукяновое Лукашевичовое, бурмистровое полоцкое, за потребованемъ ее а за прыданьем вравовым, дня девятого сего ж месяца октябра.

Которая, ни в чом не одменяючы тое остаточное воли своее, якосе выразило, и о вшем тот тестамент у во всем утвердившы, поведила нам, иж што: «Прыпомнела чотырох бочок соли до тестаменту моего вложить. Теды с тых одну бочку соли одказую дочке моеи старшой Аксиныи, а тры бочки соли належати мают зятю Максиму, жоне его и внучотом моим на выховане вышменованым. И все од мала до веля им одказую, што бы се тут до сего тестаменту моег(о) не вписало.

А Даниель, сын мой, ни о што труднити ихъ и крывдить не мает под благословенством моим матерынским, кгды ж ему вжо од мене розными часы досит стало, а еще ему, штобъ мене не забывал, дарую на сто золотых декрет ратушныи полоцкии на Гаврылу Сеньника, которыи мне в части малои почалсе истит, а в болшой части ему, сыну моему Даниелю, уиститисе и оддати мает водлуг правды не беручы //[Л. 55об.] на о² нене свое».

№ 24

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

² Далее смыта выносная буква, не восстановлена.

А затым, кончечы тотъ тестамент, просила она, п(а)ни бурмистровая, зятя и дочки свое, абы въ згоде зъ собою жывучы, на сирот, внучот ее, были ласкавы, а в обиду ихъ никому не давали. С которых если бы один, недоросшы лет, умер, теды част по одном на друго(о) спадывати мает».

Которое таковое справованье тестаменту сего през славетную п(а)ни Арыну Савичовну Мерецку Лукяновоу Лукашевичовую, бурмистровую полоцкую, и прызнане оног(о) через вышпомененых панов лавниковъ и слугу врадового есть до кънигъ меских полоцких записано. Выпис выдано.

³Сыну выпис выдан³.

⁴Потым внукам двом видымус выдан в року 1676: Настасьи и Полонеи⁴.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 – 55об.

№ 25

1656 г. ноября 7. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Кондрата Петровича Кгиньки с полоцким мещанином Даниелем Михновичем о долге в 13 коп 48 грошей литовских.

103. [7]165. М(есе)ца ноября сего дня.

Декрет в справе Кондрата Кгиньки зъ п(а)ном Даниелем Михновичом о долгъ копъ 13/48.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Кондрат Петрович Кгинько прекладал жалобу на мещанина того ж места Полоцкого славетного п(а)на Даниеля Михновича о неодданье себе трынадыцати коп и грошей сорока осми литовских, водлуг реестру ему винных. Который реестр покладал перед нами, писаныи тыми словы.

Реестр для памяти мне, Кондрату Кгиньце, што пан Даниель Михнович брал у мене розног(о) товару розными часы¹.

Напервеи взял у мене паперы за золотых полдевета. Знову взял волка за золотых деветь. Знову коня у мене змовил и челядника до Лукмля зъездыть, тры талеры. Други раз до Лукомля змовил также коня и челядника за золотых восемь.

Теды, деи, тог(о) всего нет ведома для чого он, панъ Михновичъ, ему, Кондрату Кгиньце, за частокротным упоминанем оддат и уистит не хочеть.

До которое жалобы будучы // [Л. 69] он, панъ Даниель Михнович, очевисто на день сегодняшнии через слугу врадового меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, деи, он, Кондрат Кгинько, мне на обликгъ был винен копъ двесте, которог(о) у мене тепер свежо освободил, и то все, о што на мене жалуеть, одраховал себе, толко в правде светои за волка ему золотых деветь полских виненъ, што отдать готов.

Противо чому Кондрат Кгинько поведил.

Иж, деи, онъ, панъ Михнович, жадного долгу, мне од себе винного, не позволил одраховат в тот час, кгдам у него свои обликгъ окуповал, бо, если бым одраховываль, то бым и волка того отраховать мог.

Мы, врадъ, бачечы, иж пан Даниель Михнович до копъ десети² и грошей дванадцати литовскихъ водлугъ жалобы Кондрата Кгиньки не знает, але се толко до золотых

³⁻³ Написано другими чернилами почерком II.

⁴⁻⁴ Написано другими чернилами почерком III латиницей.

№ 25

¹ сы написано почерком II поверх смытого.

² с поверх ранее написанного.

девети, за волка винных, признал, за чым любо бы се не мог в той справе пань Михнович без присяги водлуг права обыти, однак же погледаючи на то, же прежде сего, за державы короля польского он, пан Михнович, был человеком значным, заслуным и раццою присяглым меским, ино только наказу ему *//[Л. 69об.]* наказуемъ ему, пану Даниелю Михновичу, абы дня третего помененому Коньдрату Кгиньце руку далъ на том, яко онъ ему, Коньдрату Кгиньце, боле золотых девети польских за волка не *ест* виненъ. А по таковой присезе од всея жалобы его и од самое речы вольного чынимъ. А золотых деветъ, за волка винных, до чого се зналъ, а пры томъ и вси шкоды, наклады правные, наказуемъ ему, пану Михновичу, абы помененому Коньдрату Кгиньце того жъ дня третего пры рукоданъ всказаномъ оддалъ и заплатилъ. А за неомданьем ино на *отправу* и фантоване до всякое его маетьности лежачое и рухомое, гдеколькокъ будучое, *одсылаемъ*.

Которая справа, якосе передъ нами, вразомъ, деела, про память есть до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 68об. – 69об.

№ 26

1656 г. ноября 7. – Рассмотрение дела полоцкого мещанина Даниела Михновича с полоцкого мещанином Леоном Есковичом о долге в 300 коп грошей литовских

104. [7]165. М(есе)ца ноября сегого дня.

¹Справа п(а)на Даниеля Михновича зъ паном Левонем Есковичом за обликгом о коп трыста¹.

Б(о)жу м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое Малое Россый самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, тоз(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком будучими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого славетный пан Даниел Михнович жаловал на мещанина того ж места Полоцкого п(а)на Левона Есковича, на сес час межы особами кгминовыми в ратушу Полоцком заседающоз(о), о то.

Иж, деи, он, п(ан) Левон Ескович, нет ведома для чого не хочет мне оддат и заплатит коп трохсот грошей литовских, на лист доброволный запис винных, которои той суме п(е)н(е)зеи менул рок оддана в року прошлом тисеча шестсот пятьдесят четвертом на Светую Троицу. Леч он, пан Левон Ескович, так на термине, яко теж и по термине, попавшы въ совитост, тое суммы п(е)н(е)зеи мне и по сес час не оддал. А до того, беручы, деи, у мене он, п(ан) Левон Ескович, тую суму п(е)н(е)зеи, од кождоз(о) коп ста на кождую неделю по полкопы грошей интересу мне дат обецал и, словом прырекшы, рукоданьем потвердил, однак же я того всег(о) уступую, толко мне нехаи он, п(ан) Ескович, самую истизну коп трыста грошей лит(овских) оддаст. А обликгъ тот, которым се мне он в той суме описал, ижъ пры многих моих речах в Рызе позосталсе и трудно оногo тепер в сес час военныи одтул одыскат, теда я з оног(о) перед в(ашых) м(ило)стями вразом за учыненем себе досит зрекусе и оногo скасую².

До которое жалобы будучы он, п(ан) Левон Ескович, очевисто на ден сегодняшнии через слугу вразо[во]з(о)³ меского Гарасима Сахонova листовным на писме позвом за-позваныи, постановившысе, усправедливляючысе, поведил.

Правда то *ест*, ижем я ему, п(ану) Михновичу, на обликгъ *//[Л. 70об.]* коп трыста грошей литовских винен зостал, што ему зараз оддат готов. Толок мне нехаи тот обликгъ мои на тую суму даныи, оддасть и вернеть. А если поведаетъ, же се в Рызе позо-

№ 26

¹⁻¹ Написано почерком П.

² Другое с поверх ранее написанного.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

стал, теды вжо давно *ест* през купца моего рызкого п(ана) Дырыхъцы Мермана высвобожоныи и выплачоныи, кгда ж он, п(ан) Михнович, будучы в Рызе, у того купца моего немалую мою власную суму п(е)н(е)зеи арештовал и на онои тых копъ трохсот за тым обликом доходил. За чым не пры речах его, п(ана) Михновича, але у того купца моего тот обликгъ, яко выплачоныи, в Рызе позосталсе и ему вернен быт мусел, што се значне одтул показывает, иж он, п(ан) Михнович, иншые розные облики и справы пры себе мает, а моуго толко одного не менуетъ. А кгдым дня оногдашного ему, п(ану) Михновичу, грошы был одличыл, он тот обликгъ у себе быт меновал, а потом, кгдым се оного себе упомнел, поведил, иж пры себе не маю, але, *деи*, ютро оного *оддам*. За чым я ему тых грошей на тот час не далом, которые и тепер зараз ему *оддат* готов, толко ми нехаи обликгъ мои положыт и вернетъ, албо теж если он, п(ан) Михнович, з малжонкою и со всею маетностью своею тут, в Полоцок, в дом свои на мешкане приедет, я готов буду зараз в тот час ему тую коп трыста *оддат* и себе *од* него зречене и касацую на тот обликгъ *взят* и в тот час снадней бым се мог своег(о) у него, п(ана) Михновича, упоминает, если бы мне ведомост якая *од* купца моего(о) з Рыги дошла, же вжо он тот обликгъ у нег(о), п(ана) Михновича, яко не тут мешкающего, сыскават. За чым прошу в(ашых) м(ило)стеи владу, абысте рачыли тую справу до *взята* певное ведомости з Рыги *од* купца[а]⁴ моего(о) *одложыт*.

Противо чому п(ан) Михнович поведил.

Неслушне и безпотребне пан Левон Ескович так шыроких мов заживает и многие розные прычины, не хочетсе мне в том долгу уистит, поведает. А в самой правде светои, а чем я⁵... купца моего в Рызе позывал, однак же не моглом ничог(о) на нем сыскат и в том немало шкоды // [Л. 71] понеслом, што се может значне показат, кгда нам волныи прыступ до р⁶...дет, а тепер готов ему зречене с тог(о) обликгу учынит и оног(о) скасоват, толко ми нехаи тую суму коп трыста грошей лит(овских) *оддаст*. А если бы тому верыть не хотел, дам по себе в паруче двухъ зацных и поважных особъ, мешчан полоцких, иж он в том жадное шкоды поносит не будет.

А так мы, врад, в тои справе пана Даниеля Михновича з паном Леоном Есковичом о трыста коп грошей лит(овских), на обликгъ *од* п(ана) Есковича п(ану) Михновичу винных, не чынечы на сес час в самой речи жадного розсудку, але се заховаючы водлуг наданое тому м(е)сту Полоцкому грамоты *од* праведног(о) осудара ц(а)ря, которою пожаловал всех мешчан полоцких, абы *од* даты тое грамоты до *трох* год никому жадных долгов винных не платили, прото любо се сторона позванная тог(о) не домавяла, мы, врад, постерегаючи, абысмо на так великую ласку и пожаловане праведного г(осу)д(а) ря ц(а)ря не наступовали, тую справу аж до экспироваия тое грамоты, которой вжо два годы вышли а третии наступил, одкладаем, а в том часе нимбы до экспироваия⁷ тое грамоты прышло, мают обедве стороны, так актер, яко и позваныи, старатисе о ведомост и на писме указат *од* купца рызкого(о) п(ана) Дырыхъцы Мермана⁸, если он тот обликгъ якимколвек способом у п(ана) Даниеля Михновича освободил⁹ або не, и на тот час розсудок skutочныи в тои справе быти мает.

За тым п(ан) Михнович о интерес¹⁰ *од* коп трохсот и о вси шкоды на п(ана) Есковича, а п(ан) Ескович также о шкоды свое на нег(о), п(ана) Михновича, протестовалисе.

Которая справа по памет *ест* до книг меских полоцких записано. ¹¹Выпис выдано¹¹.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 70 – 71.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁵ Далее в листе сделано отверстие, повреждена 1 буква.

⁶ Далее лист оборван, могло поместиться близительно 6 букв.

⁷ К поверх ранее написанного.

⁸ Написано над строкой, написана и зачеркнута какая-то буква.

⁹ Первое о другими чернилами поверх смытого.

¹⁰ Другое с поверх ранее написанного а.

^{11–11} Более поздняя запись.

1656 г. ноября 7. – Направление дела мещанина Василия Фёдораовича о двоежонстве в духовный суд.

105. [7]165. [М](есе)ца¹ ноября семоз(о) дня.

Отосланье на суд духовныи Василя Федоровича, могилевца, которыи, покинувши жону свою в Могилеве, з другою в Полоцку оженилсе.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), тоз(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючыми.

Ставши очевидно, мещанка места Могилевского Прося Федоровна Василева Федоровичова проклала жалобу на мужа своез(о), а теж в Могилеве мешкаючоз(о), на Василя Федоровича.

Которыи, деи, захавшы з Украины до Могилева, ее, жалобливую, од недель десе-ти тепер свежо у родичов почтивых за себе в стан светыи малженский взял, а потом, взявши у нее товару розного за коп сто и болеи, самъ до места Полоцкого поехал и тут, прыхавъшы, зъ другою жоною, дочкою Стефана Завлицкого, мимо заповед Божую и правное каране оженилсе и тут пребывает. А на сес час вжо, деи, за жалобою моею до везенья всагон.

Которыи то муж ее, кгда зъ везенья с турмы меское полоцкое за указом нашим был выпущон, ставшы перед нами в ратушы, до тое жоны своее першое, в Могилеве взятое за себе, зналсе, и ²што² од нее, деи, товару за золотых сто взявши, до Полоцкя прыехал, и то все проторывшы, дочку Стефана Завлицкоз(о) за себе в стан малженский взял и в том согрешыл.

За чым мы, врад, видечы бытє его в том винного, иже караня великоз(о) заслужыл, не тыкаючысе тое sprawy, отослали есмо их обеюх на суд духовныи, которому такковыe sprawy на розсудок належат. А тое его прызнане про память велели есмо до книг наших мескихъ полоцкихъ записат.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 71об.

1656 г. ноября 10. – Жалоба полоцкого мещанина, лавника Ивана Алексеевича на запоцкого сотника Алексея о нанесении вреда его огороду с садом.

109. [7]165. М(есе)ца ноября десятого дня.

¹Протестация п(а)на Ивана Олексеевича, лавника полоцкоз(о), на Алексея, сотника запоцкого¹.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючыми.

Оповедал и в великои крывде, шкоде и жалю своем жаловал славетныи пан Иван Олексеевич, лавник места царского величества Полоцкого, на мещанина места Запо-

№ 27

¹ Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

²⁻² Написано над строкой.

№ 28

¹⁻¹ Написано почерком II.

лоцкого на Алексея сотника, яко самог(о) принципала, и на помочников ²его², которых он сам лепей знает, на учынок злыи прыспособленных, о том и таковым способом.

Иж он, жалующыи пан Иван Алексеевич, маючы огород свои³ власныи вечыстыи, на Заполотю на улицы Селявинской стоячыи, четверть пляца, от давного часу тым огородом диспоновал и в посесыи своеи мает. Яко ж в року теперешнем тисеча шест-сот пятьдесят шостом м(есе)ца октября двадцат пятог(о) и розных днеи он, Алексеи, сотник заполоцкии, пропомневшы боязни Божое, в стыду людского и срокгости права посполитог(о), на таковых свовольных кгвалтовников //[/Л. 75] описаного, не маючы жадное потребы, з уфалства и своволенства своего тот огород его, п(а)на Ивана Алексеевича, власныи, до нег(о) жадное потребы не маючы, огороженыи около заметом, и ворота уставлены были, в котором огороде было засеено розные ярыны огородные, то ест барщъ, чоснокъ, шалвея, лелие, гвоздики, фиалки, палвеи, а особливе сад яблонныи, было ябълонеи садовых трыдцат, ⁴на⁴ которых то ябълонех завше рок од року овощи он, жалующыи, мел и пожытковал; а онъ, Алексеи сотник, невядоме, з уфалства и своволенства⁵ своего в том огороде розобравшы праслы, дыры почынивши, тые праслы на пожыток свои от усег(о) огорода обернул и звозил. А в остатку на тот огород, вжо через него розобраныи, на сад, яко и на тые засевки ярынные, свини, кони, коровы, козы напустил. Через которое кгвалтовное розобране невядоме огорода и напущене коней, быдла, коз, свиней, тые яблони садовые овоцовые в нивеч обернули и тот сад увес усушыли, яко ж борщъ и розные золка с кореня повыкопано и в нивеч обернено, и згола доценту⁶ розорыл и тот будынок около огорода, прасел трыцат пят розобрал и в нивеч обернул. Через которое розебрание огорода он, жалующыи, шкодует, легько рахуючы, на шестдесят талеров битых ку великои крывде, жалю, шкоде, кгвалту и безправу ⁷его⁷, жалобливог(о). О которое кгвалтовное розобране за наистем кгвалтовым огорода, о розебрание оног(о) и о почынене тых шкод хочечы он, жалующыи, з ним, Алексеем, сотником заполоцким, о которое розобране кгвал[то]вное⁸ огорода, о почынене через него тых всих шкод хочечы он, жалующыи пан Иван Алексеевич, з ним, Алексеем сотником, яко самым принципалом, и с помочниками его, до кого право дорогу укажет, //[/Л. 75об.] правом чынит и тых всих шкод своих, яко и кгвалту, водлуг науки правное доходит и реквизиоват, на сес час просил, абы тое его жалосное оповедане до книг меских ратушных полоцких было прынято и записано.

Што ест записано. ⁹Выпис выданъ⁹.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 74об.–75об.

№ 29

1656 г. ноября 12. – Разрешение полоцкому мещанину Яну Есифовичу Бухале жить в доме своего швагра полоцкого мещанина Даниела Кособуцкого Колоши.

114. [7]165. М(есе)ца ноября дванадцатого дня.

¹Позволенье Яну Бухале жыти в дому п(ана) Даниеля Кособуцког(о) Колошы, швакгра его.

²⁻² Написано почерком II.

³ В *поверх* ранее написанного.

⁴⁻⁴ Более поздняя вставка на полях.

⁵ Первое с обведено.

⁶ щ *поверх* ранее написанного.

⁷⁻⁷ Написано почерком II.

⁸ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁹⁻⁹ Написано почерком II.

№ 29

¹ Далее почерк II.

²Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками [ме]ста³ царског(о) величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючыми. // [Л. 78]

⁴Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцког(о) Янъ Есифович Бухало прокладал жалобу на мещанина того жъ места Полоцкого Микулу Скрыпеля и прыятеля его Ивана Грыгоревича о то.

Ижъ, деи, они обадва живутъ безпотребне и неналежне в дому швакгра его, на сес час в Литве будучо(о), п(а)на Даниеля Кособуцког(о) Колошы, его, Яна Бухалы, до мешкня в тот дом пустить не хочуть, яко близького ве крови будучо(о).

До которое жалобы будучы он, Микула Скрыпель, и тот Иванъ Грыгоревич очевисто на день сегоднешний через слугу вradoвог(о) меског(о) Гарасима Сахонова заказанные, постановившысе, повелили.

Же, деи, мы мешкаем в том дому п(а)на Кособуцкого зъ позъволения ваших м(и)л(о)стеи враду и всякую повинность зъ оног(о) полнимъ.

Мы теды, врад, бачечы, ижъ онъ, Янъ Бухало, ест швакгром помененому пану Даниелю Кособуцкому, которыи и по сес час в збеженью од рати праведного г(осу)д(а)ря заставае, а в дому его помененные запозываные особы мешкають, прото и тому Яну Бухале в том же дому посполу и с тыми особами, Микулою Скрыпелем и Иваном Грыгоревичом, спокоине жыть позволяем а[ж]⁵ до прыбытя в Полоцок самог(о) п(а)на Кособуцкого або детеи его. А живучы он, Бухало, в том дому, заровно и с тыми особами всякую повинность до места полнить повинень будеть.

Што по память ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 77об.–78.

№ 30

1656 г. ноября 12. – Разрешение полоцким мещанкам Софии и Анне Петровнам жить в доме их швагра.

115. [7]165. М(есе)ца ноября дванадцатог(о) дня.

Позволенье вradoвое Зофии и Ганне Петровнам, удовамъ, в дому швакгра их ¹жыть¹.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючыми.

Постановившысе очевисто, мещанки места Полоцкого Зофия и Ганна Петровны, вдовы, прокладали жалобу на мещанина того жъ места Полоцкого Петра Андреевича, шевъца, о то.

Ижъ, деи, онъ, Петръ швецъ, безпотребне и неналежне мешкает в дому швакгра их, тутъ, в месте Полоцком ²стоячом. В котором доме тотъ швакгеръ ихъ, яко уломный, одходечы зъ Полоцка, на пожывене имъ, швакгрынем своим, мешкати позволил и сына своег(о) малого ³пры них оставил.

² Далее почерк I.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ Далее почерк II.

⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 30

¹ Написано почерком II.

² Далее пробел приблизительно на 21 букву.

³ Далее пробел приблизительно на 9 букв.

До которое жалобы будучи тотъ Петръ Анѣдреевичъ, швецъ, очевисто на день сегоднешнии через слугу вradoвог(о) меского Филона Рабца заказаныи, постановившысе, поведил.

Ижъ, деи, я мешкаю в том доме за ведомостю того жъ швакгра их наиме⁴⁻⁵ и за ведомостю ваших милостеи вradу.

Мы теды, вrad, бачечы близкостъ до мешканя в том доме имъ, Зофии и Гане Петровнамъ, удовам, яко швакгрыням поменен[о]з(о)⁶⁻⁷ позволяем имъ обеюмъ в том дому швакгра их и зъ сыном его ажъ до прыезду его самог(о), сполне тежъ и с помененымъ Петромъ Анѣдреевичом, шевцом, спокоине мешка[ти]⁸, то есть им, Петровнам, у светлицы под окномъ, што противъ печи ку подворю, и на куте под другим окном, а Петру шевцу // [Л. 79] под окном запечним. А до вареня стравы волная им маеть быт печь у в ызбе, где ковал мешкаеть, в том же дому. А мають вси спокоине там мешкать под виною десети копъ гр(о)шеи лит(овских) на ратушъ.

Што про память есть до книг меских полоцъких записано.

НГАБ, ф. 1823, воп. 1, спр. 1, арк. 78об.–79.

№ 31

1656 г. ноября 14. – Сообщение полоцкого мещанина Фёдора Кондратовича о готовности принести присягу, что в его доме «русский человек» не оставлял двух пистолетов и карабина.

119. 7165. М(есе)ца ноября чотырнадъцатог(о) дня.

Пильность Федора Конѣдратовича против руског(о) человек а, же готов былъ против чолобитья его водлуг наказу вradoвог(о) прысег у выконать, леч он не пилновал, а его суду увольнилъ.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлыя России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раищами и лавниками места царског(о) величества Полоцъког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцког(о) Федор Конѣдратович оповедал, ижъ, деи, што: «Наказана мне ест от ваших м(и)л(о)стеи вradу прысега на томъ, што у мене рускии чоловек служивыи наиме¹ пистолети двухъ и карабина не заставовал водлуг чолобитья его. Которои прысезе ижъ дня сегоднешнег(о) терминъ прыпадаетъ, я оную готов выконат. Аже тотъ чоловек рускии до прыслуханя оное на термине не становитсе и мене до выконаня не провадит, прошу ваших м(и)л(о)стеи вradу од всее его жалобы увольнения и абымъ безпотребное прысеги не выконывал».

И мы, вrad, бачечы, ижъ помененыи рускии чоловек до прыслуханя прысеги не становитсе и его, Федора Кондратовича, до выконаня оное не провадитъ, за чым заховуючысе водлуг науки правное, его, Федора Кондратовича, од тое прысеги и од всее жалобы помененог(о) руског(о) человека волного чыним так, ижъ вжо боли он, Федоръ Конѣдратовичъ, о то турбованыи быти не мает.

Што про память есть до книг меских полоцких записано.

ННАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 81.

⁴ Далее пробел приблизительно на 8 букв.

⁵ Далее пробел приблизительно на 10 букв.

⁶ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁷ Далее пробел приблизительно на 20 букв.

⁸ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 31

¹ Далее пробел приблизительно на 23 буквы.

№ 32

1656 г. ноября 14. – Дело «русского человека», рейтара Алимпия Подасекова с полоцким мещанином Андреем Прокоповичем о карабине.

120. 7165. М(есе)ца ноябра чотырнадцатог(о) дня.

Справа Алимпия Подасекова сына, чоловека руского, раитара, с Анъдреем Прокоповичом о карабин, которого у него опозналъ.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающыи.

Постановившысе очевисто, Алимпии Подасеков сын, чоловек руский служывый раитарского строю, прекладал жалобу на мещанина места Полоцкого Андрея Прокоповича о то, иж, деи, опознал у него карабин свои власныи, которыи у нег(о), Алимпия, пропал ¹пры многых речахъ¹ в таборах, коли стояли воиском под Полоцком, идучы с праведным г(осу)д(а)ром, ц(а)ромъ под Рыгу. // [Л. 81об.] Зачым, деи, нехаи выведется от², Андреи Прокопович, от коз(о) тот карабин мает.

До которое жалобы будучы тотъ Андреи Прокопович очевисто через слуг владовых на день сегодняшнии перед нами, врадом, поставленыи, усprawедливляющысе, поведил, же, деи: «Я тот карабин купил у чоловека рускоз(о), теж служывого, перед суседом Бураковоз(о) зятя, котороз(о) ку сознанию ставит готов. А ииных речи жадных не куповалом».

Мы теды, врад, наказали есмо ему, Андрею Прокоповичу, тоз(о) суседа Бураковоз(о) зятя на ден третии до сознания поставить, а по собе до скончения тое sprawy паруку дать, яко ж зараз ручылся по нем мещанин полоцкии Иванъ Шлюбовский, на сес час слуга меский полоцкии. А потом обеде стороны до тое sprawy не прыступовали, и тот светок ставлен не был.

Што про память естъ до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 81–81об.

№ 33

1656 г. ноября 17. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Яна Кагаденка с полоцким мещанином, лавником Мироном Якимовичем о 13 овчин.

130. [7]165. М(есе)ца ноябра семънадцатог(о) дня.

Декрет в справе Яна Кагаденка с¹ п(аном) Мироном Якимовичом²¹ о 13 овчинъ.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия Малыя и Белыя России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающыи.

Кгды ку розсудкови нашему владовому прыточыласе справа мещанина места Полоцкого Яна Кагаденка зъ славетным п(аном) Мироном Якимовичом, лавником по-

№ 32

¹⁻¹ Написано над строкой почерком П.

² Так в рукописи, нужно читать он.

№ 33

¹⁻¹ Поверх смытого.

² вичо~~м~~ написано над строкой.

лоцким, за позвомъ листовным, ему, п(ану) Мирону, на день сегоднешнии поданым, о трынацат овчын, ему, п(а)ну Мирону, през тог(о) Яна Кагаденька в струг до узвезенья к Полоцку до жоны³ ег(о) с-под Рыги даных, ценою кожда овчына по семи осмаков.

Ку чому иж се п(ан) Мирон Якимович не знал. Же, деи, ему тых овчын не давал, але толко железо и таляр грошей през нег(о) до жоны отослал.

Прото мы, врад, наказали есмо тому Яну Кагаденку дня третег(о) руку дат, яко он за ведомостю п(ана) Мирона тые овчыни, и перед ним в струг вложил, и яко ему кожда овчына по семи осмаков коштовала. А по таковом рукодаю мает ему п(ан) Мирон за оные заплатит.

А потом далеи обедве стороны до рукодаю не становилисе.

И то ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

№ 34

1656 г. ноября 19. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Лазара Боньки с полоцким мещанином, своим зятем Фёдором Батурыой о долге в 12 коп грошей литовских.

132. [7]165. М(есе)ца ноябра деветнадцатого дня.

Декрет в справе Лазара Боньки зъ Федором Батурыой о копъ 12 гр(о)ш(еи).

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцког(о) Лазар Бонька сполне зъ Кондратом Кгиньком, зятем своим, жаловал на мещанина того ж места Полоцкого¹ и теж зятя своег(о)¹ Федора Батуру о неодданье собе дванадцати коп гр(о)ш(еи) лит(овских) позычных а вжо помененому зятю ег(о)² Кгиньку², которы ег(о) до смерти ховат записалсе, належачых. Которы теж зят и дом ег(о), Боньки, власныи у Матюша Ивановича зъ двадцати и двух коп собе окупил.

О што будучы он, Федор Батура, очевисто на день сегоднешнии через слугу вradoвог(о) меског(о) Филона Рабъца заказаныи, постановившысе, ач поведал.

Же, деи, то ему тесть, которог(о) час немалыи кармил, на хлебъ дал, а не в позычку.

Мы однакъ, врад, не слухаючи ег(о), поневаж теж он, Батура, в дому тестя своег(о) жыл, наказуем ему, абы за недел две от дня сегоднешнег(о) тую копъ дванадцат Лазару Боньку отдалъ и вси шкоды, наклады правные нагородил.

Нижли о[н]ъ³, Федор Батура, и по выистю тых двух недел тому наказови нашему вradoвому досит не учынил. За чым вжо за увес тот всказ на одправу и фантоване до всякое⁴ ег(о) м[а]етности⁵ лежачое и рухомое и до особы ег(о) самог(о) поступком правным одсылаем.

Которая справа про память естъ до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

³ В рукописи жыны, исправлено по смыслу.

№ 34

¹⁻¹ Написано над строкой.

²⁻² Написано над строкой.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ к и е поверх смытого.

⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

1657 г. января 13. – Жалоба земян Полоцкого воеводства Самуеля Ждановича и его жены Марины Дзягилевичовны, по первому мужу Базылевой Садовской, и её детей Гелиаши и Кристины Садовских о пропаже документов и на земян Яна и Григория Пораднєв о забрани своих подданных без возвращения долга.

146. 7165. М(есе)ца генвара трынацатого дня.

Протестацыя п(а)ни Самуелевое Ждановичовое, бывшее п(а)н и Базылево Садовское, о погиненє справ розных и против панов Пораднєв.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексѣя Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое Россѣи самодержца и обладателя.

Передо мною, Кузьмою Наумовичом, бурмистром места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающим.

Оповедали и жаловали земяне воеводства Полоцкого панъ Самуел Жданович, толко взглядомъ старшенства малженского, а малжонка его пани Марына Дзягилевичовна, бывшая Базылева Садовская, подпискова земская полоцкая, а теперешняя пани Самуелевая Ждановичовая. и потомство ее, по небощыку п(а)ну Базылю Садовском позосталое: сынъ Гелиаш и дочка Крыстына Садовская, яко акторове о том, *иж што в року прошлом тысеча шестсот сорокъ девятом по зоистю з сего света смертю небощыка пана Базыля Садовского, першог(о) малжонъка ее, тепер Ждановичовои, а отца тых позосталых сирот, которые веспол з маткою своею въ опеку и дозор паном опекуном, то ест его м(и)л(о)сти пану Яну Буиновскому, суди кгородскому полоцкому, пану Стефану Садовскому а пры ихъ м(и)л(о)стях пану Яну Дзягилевичу, писару мескому полоцкому, отцу ее, п(а)ни Ждановичовои, а деду тых позосталых сирот, яко прырожоному опекуну тестаментом поручоны были. Яко ж он, панъ Ян Дзягилевич, писар мескии полоцкии, обнявши тую опеку маетности: дворы, пляцы и огороды, в месте Полоцком будучые, по небощыку пану Садовском позосталые, еи, пани Ждановичовои и потомству ее належачые, – также вси sprawy на маетность лежаچые, а меновите на маетност Головчычы, Зарече, в которой небощыкъ пан Базыли Садовскии трох человек подданных оселых на име Федора, Лукяна и Купрына Зарецких правом заставным от панов Яна и Грыгоря Пораднєв, брати рожонои, и малжонки пана Яна Порадни панеи Марыны Лабутевны Яновои Пораднинои в певнои суме п(е)н(я)зеи в трохсотъ сороку копах грошей литовских держачым был. Нижли по смерти п(а)на Базыля Садовского они, панове Пораднєве, // [Л. 156об.] не помнечы на право и записы, и на заруки, в нем описаные, ему, пану Садовскому, и малжонъце его даные, и не отдавши тое суммы пенезеи, тых подданныхъ Зарецких, имена вышеи выражонных, моцно кгвалтом з держанья и ужыванья ее, пани Ждановичовои, отняли. Также право особливе на человека оселого на име Петра в той же маетности Головчычах, у воеводстве Полоцком лежачої, от панов Пораднєв пану Александру Островскому служачого, а от п(а)на Островског(о) небощыку п(а)ну Базылю Садовскому правом вливковым заставнымъ того ж подданого Петра пушчо'но'го. На которую заставу того подданого Петра небощыкъ пан Садовскии, не могучы мет суммы пенезеи готовое, дал ему, пану Островскому, обликгъ один або два, чого жалобѣливая малжонка его паметати не может. Теды тог(о) подданого еще за живота его, пана Садовского, тые ж панове Пораднєве з посесыи оног отняли и з спокоиного держанья выбыли и собе обликгу од п(а)на Островского, которые был даныи од пана Садовского, набыли. О которое то выбите з спокоиного держанья тых подданных он, п(а)нъ Янъ Дзягилевич, писар мескии полоцкии, яко опекун прырожонои, з ними, паны Пораднѣи, правом чынил и розных судов декрета и всказы*

немалые на них, панов Пораднєв, одержал, а на остаток безчестье и баницю вечную на них же, Пораднєв всих трох особь, вынесл был. Также иншыя многие sprawy, обликги, записы так на них, панов Пораднєв, яко иншых розных особь, которых она, п(а)ни Ждановичовая, яко белая голова, не ведаєт и самых орынолов якъ мног(о) было, памєтати не может.

Тые вси sprawy, обликги, листы, записы, квити и церокграфы на маєтности лежащєе заставные и на домы, пляцы и огороды, в месте Полоцком стоящєе, по небощыку пану Базылю Садовском позосталые, малжонце его, п(а)на Ждановича, и потомству небощыка пана Садовского належачєе – вси дотул в схованю его, пана Дзягилевича, писара меского полоцкого, отца ее, были аж до року тысяча шєстсот пятдєсят пятаго. Нижли за наступєнем воиска и рати праведнаго г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое Роси(и) самодержца и обладателя, кгда место столєчное Вел(икого) Княз(ства) Лит(овского) Вилно взяли, где оног(о) пана Яна // [Л. 157] Дзягилевича, писара меского полоцкого, отца ее, пани Ждановичовои, со всеми тыми sprawy и рєчами рухомыми в полон узято и до Князства Великого Московского до вєзєня запроважєно. И нєт ведєма аж по сєс час, где бы се он сам и с тыми всеми sprawy оборочати мел. А она, п(а)ни Ждановичовая, толко сама з дєтми, уносєчы здоровя свое, пешком, не взявшы ничог(о) з собою, з Вилна ушъла.

Хотєчы тєды она, п(а)ни Ждановичовая, и с потомками своими, по небощыку пану Базылю Садовском позосталыми, до держаня тых маєтностей и посєсыи своих с пожалованя его царского величества прыходит и с тыми особами Пораднєями, которые их власности неналежєне держат себе пожытки, з них прыходящєе чынят, и оным уступоват не хочут, правом чынит заховуючы заховуючы² себе волное и целое право в часъ прышлыи до дохожєня тыхъ подданных мовєня, на сєс час просили, абы тое их жалосное оповєданє до книг ратушных места Полоцкого было прынято и записано.

Што єст записано. ³Выпис выдано³.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 156–157.

№ 36

1656 г. ноября 24. – Признание полоцких мещан Понтелея Яковлевича и Якуба Юрковича обмена своими домами в Полоцке.

147. 7165. М(єсє)ца ноября двадцат четвєртого дня.

П р ы з н а н е ф р ы м а р к у м е ж ы П а н т е л е е м Я к о в л е в и ч о м и Я к у б о м Ю р к о в и ч о м .

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающыми.

Постановившыє очевисто, мещанє места Полоцкого Пантелеи Яковлевич и Якубъ Юркович прызнанє свое устное а добровольное учынили в тые слова, иж, деи, штос: «Мы мєли обадва домы свое власные, никому ни в чом не заведєне, одно волные и свободные тут, в месте Полоцком, на улицы названои Невелскои стоящєе, то єст я, Пантелеи Яковлевич, мелом дом свои, на полчвєрти пляца збудованыи, подле дому з одного боку Исака Мєнька, а другим боком стоит на рогу тое улицы Невелское противο самои брамы Невелскои; а я, Якубъ Юркович, штом мел дом свои на тои же улицы Невелскои стоящии, так же на полчвєрти пляца збудованыи, подле дому з одного боку Левона Кнышковича, а з другог(о) Мартина Кравца. Тыми тєды, деи, домами поменялисє мы

² Так в рукописи.

³⁻³ Написано почерком II.

обадва, ¹и¹ учынили вечныи з собою фрымаркъ так, иж, деи, вжо по дате тог(о) признания нашего волны и моцны будем тыми домами вышеипоменеными, то ест я, Пантелеи Яковлевич, домом его, Якуба Юрковича, а я, Якубъ Юркович, домом его, Пантелея Яковлевича, яко своими власными, пофрымарчоными, яко похотя шафоват, оддат, продат, дароват, заставит, заменит, и водлуг наилелешое воли и пожытку своего оборочат так сами, яко жоны, дети и потомки нашы.

А мы, деи, теж обадва, один другому в том держанью и ужыванью тых домов пофрымарчонных жадное наимнеишее трудности и перешкоды сами через себе, через жон, дети и потомков нашых и ни через ког(о) иншого з кровных або зобчых людех чынити и задавати не маем, не мают и не будут мочы вечными часы».

По которомъ // [Л. 93об.] таковом признанию того ж року и м(есе)ца ноябра двадцат осмого дня, постановившысе очевисто, славетные пан Стефан Людкович и пан Базылеи Свентицкии, лавники места Полоцкого, и пры них слуга владовый мескии Иван Шлюбовскии признали, иж, деи, тые обадва дома, ограниченем вышеипомененые, то ест дом Пантелея Яковлевича Якубу Юрковичу, а дом Якуба Юрковича Пантелею Яковлевичу водлуг признания их фрымаркового подали им в моц, в держане и в спокоиное их вечыстое ужыване, которого подання, кгда в голос помененыи слуга владовый обволывал, ништо, деи, з стороны не боронил и з жадным се правом и ни з якою належностью до тых домов не одзывал и не прыповедал.

Которое таковое признание того фрымарку домового през вышеипомененных особъ, теж и признание славетных панов лавников и слуги владового интормисыи подання им тых домов ест до книг меских полоцких записано. ²Выпис выдан².

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 93–93об.

№ 37

1656 г. декабря 1. – Завещание полоцкой мещанки Анастасии Прокоповны Васильевой Пауковой.

152. 7165. М(есе)ца декабря первого дня.

Тестаментъ пани Настаси Прокоповны Василевое Пауковое.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузною Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, славетные панъ Янъ Тишкович и панъ Михал Наплешыч, лавники места Полоцкоз(о), и пры них слуга владовый мескии прысяглыи Станислав Володкович, признание свое учынили в тые слова, иж, деи:

«С прыданья ваших м(и)л(о)стеи враду а за потребованьемъ мещаньки Полоцкое, славетное пани Настаси Прокоповны Василевое Павуковое в року теперешнемъ сто шестьдесят пятом, м(есе)ца ноябра двадцат осмого дня были есмо в дому малжонка ее, пани Настаси Прокоповны, то ест у славетного пана Василя Павука, тут, в месте Полоцком, на венцу над рекою Двиною стоячом, где знашли есмо ее, менованую пани Настасю Прокоповну Василевую Павуковую, на теле хорую, однакъ на змыслах, памяти и розуме добре здоровую. Которая, розпорожаючи по доброй воли своеи, што колвекъ от Господа Бога мела на том свете до шафунку, себе повероного, такии учынила тестаментъ.

№ 36

¹⁻¹ Написано над строкой.

²⁻² Написано другими чернилами почерком II.

Наперод поведила: «Кгды на мене Господ Бог в тои хоробе с[ме]ртъ¹ допустити будет рачыл, душу мою Г(оспо)ду Б(о)гу Всемогущому, во Троицы Светои Единому отдаю, а тело мое грешное, яко зъ земли взятое, земли тежъ *отдано* быти маеть. И прошу малжонка моего милог(о), славетног(о) пана Василя Павука и сына его, а пасербя моего, славетного пана Грыгоря Павуковича, раицы полоцьког(о), абы з ласки своеи хрестиянскимъ стособом² поховали у прытворе у церкви Богоявления // [Л. 98об.] Светог(о), а на провод и на убогихъ отказую и zostавую готовыхъ золотыхъ³ чырвоныхъ³ тры.

А поес серебрянии, на ремень нашыты през цатку, злотисты, старыи, которыи есть в Рызе, прошу велце пана Грыгоря, если может, одыскат в Рызе, абы на церковь у Полоцьку Богоявления Светого *отдал*. Сукенку саевую чорную на тело мое грешное вложыт мают, и обрус на труну мою. А другии обрус и постел мою малжонку моему милому zostавую, да ему жъ, малжонку моему, если может одыскат в Рызе, *отказую* чамару мою, лисами подшытую, чорную, фалендышовую; полчамарок аксамитныи да пят ложок серебряных, и пят полмисков цыновых.

А што было у мене готовыхъ грошей прыносныхъ двесте левков, то тые гроши в теперешние часы военные в побегахъ одны стравили, а другие шведове забрали з ыншым охендозствомъ моим. Пану Грыгорю, раицы полоцькому, а пасербу моему, zostавую: кубокъ мои серебрянии и поесокъ серебрянии на выдатки часу погребу моего, да ему жъ *отказую* паляндру фурстатовую, што онъ мне самъ справил, и прошу его, пана раицы, штобъ левка, которого винна Миките, челяднику нашему, абы з ласки своеи *отдал*.

А особливе *отказую* Авьдюшы Ивановне Федоровои, сестранце моеи, чамару мою чорную фалендышовую, колнер собоцковыи и хусты мое белыи вси. Пани Грышановичовой *отказую* саянъ мои вишневыи под аксамитом чорнымъ и чамарку чорную старую, лисами подшытую. Сестренцу моему Роману Ивановичу *отказую* саян вишневыи под ак[са]митом⁴ гладким. Выхованце моеи Алеси Романовне Федоровои Алексеевичовой *отказую* саянъ полчамлетовыи вишневыи.

И прошу ихъ всихъ, верхуменованыхъ особъ, абы за душу мою Г(оспо)да Б(о)га молили.

Долгов жадныхъ ниhto мне не виненъ, и я никому не винна».

Которое таковое справованье тестаменту сего презъ // [Л. 99] славетъную пани Настасю Прокоповну Василевую Пауковую и признание оногo черезъ вышпомененныхъ панов лавниковъ и слугу вradoвoгo есть до книгъ ратушныхъ полоцкихъ записано. ⁵Выписъ выдан⁵.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–99.

№ 38

1656 г. декабря 10. – Признание полоцкого мещанина Астапа Мартюшонка продажи крамы, расположенного на рынке, полоцкому мещанину Стефану Пашутченку.

167¹⁴⁰. 7165. М(есе)ца декабря десятого дня.

Прызнанье краму самого будынку, на кгрунте меском збудованог(о) в рынку, от Астапа Мартюшонка на вечност Стефану Пашутченъку.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцьког(о), того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцькомъ заседающими.

№ 37

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

² Так в рукописи, нужно читать способом.

^{3–3} Вписано над строкой почерком II.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

^{5–5} Написано почерком III.

№ 38

¹ Более поздняя вставка, сделанная другими чернилами.

Постановившысе очевисто, мешанин места Полоцкоз(о) Астапъ Мартюшонок признание свое усное а добровольное учинил в тые слова, ижъ, деи, што: «В року теперешнем 165, в м(есе)цу сеньтебру двадцать девятоз(о) дня купиломъ был у мешанина места Полоцкого, у пана Яна Ганского, кр(а)мок невеликии, през него, Ганского, на кгрун-те мескомъ тут, в месте Полоцком, в рынку збудованыи, ²в тыле² краму пана Ивана Зимницкого, бурмистра полоцкоз(о), у рыбном концу, лицомъ против самого ратуша стоячыи, а боком подле краму ³Якуба³ Азявенка лежычыи, од которого, деи, краму, то ест од земљи меское, под немъ будучое, певныи цыншъ на ратуш до скрынки меское полоцкое такъ онъ, панъ Янъ Ганскии, яко тежъ и я по нем, платили. Теды тот мои крам, самыи толко будынокъ, таковым же правомъ и под таковым же цыншомъ, яком сам мелъ од помененоз(о) пана Ганскоз(о), продал и пустил есми на вечные и николи не-одзовными часы за копъ десет грошей литовских мешанинови того жъ места Полоцкого, а на сес час шафарови мескому сегорочнему, пану Стефану Пашухъченъку, так, ижъ, деи, вжо оддати⁴ нинешнее волен и моцен будетъ // [Л. 106об.] онъ, панъ Стефанъ Пашутъченокъ, самъ, жона, дети и потомки его, и кождъи, од него и по нем держачыи тымъ крамом будынкомъ самымъ, яко своею власностю, яко похотя шафоват, оддат, продат, дароват, заставит, заменит, в наемкомъ пустит и водълуг наилепшого по-жытъку своего оборочат.

А я, деи, сам, жона, дети и потомъки мое, и ниhto иншыи з близьких, кровных и половиных моих, а поготовю зобчых в тои продажи моеи ему, Стефану Пашутченку, жадное наумнеишое трудности и перешкоды чынит и задават не маю, не мають, и не будут мочы вечными часы такъ в спокойном ужыванью, яко тежъ и у волном вечы-стом шафунку его».

Которое таковое признание того краму есть до книг меских полоцких записано.
⁵Выпис выдан⁵.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 106 – 106об.

№ 39

1656 г. декабря 10. – Жалоба полоцкого мешанина Сымона Котковского на полоцкого мешанина Казимира Рынкевича о невозвращении денег от совместной торговли.

168. 7165. М(есе)ца декабря десятоз(о) дня.

Протестаця Сымона Котъковскоз(о) на Казимера Рынкевича.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белаыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкого, тоз(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мешанин места Полоцкоз(о) Сымон Котковскии чынил словное оповеданье на мешанина теж полоцкого, на п(ана) Казимера Рынкевича, о то, иж, деи, тарговавши он з ним, Котковским, под Рыгою ув обозе и заробившы немало – всего ¹на копъ 70¹, – пры себе один задержал, а *отдат* части ему не хочет. О што хочечы з ним часу своез(о) правом чынит и обещаючы шыршое оповеданье на писме подат, тепер просил, абы тое оповедане его было до книг меских полоцких записано.

Што есть записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 106об.

²⁻² Написано над строкой.

³⁻³ Написано над строкой почерком II.

⁴ Возможна ошибка писаря, вероятно вариант прочтения од даты.

⁵⁻⁵ Написано почерком II.

№ 39

¹⁻¹ Написано над строкой другими чернилами почерком II.

1656 г. декабря 12. – Завещание полоцкого мещанина Базыля Гарбуза.

171. 7165. М(есе)ца декабра дванадцатог(о) дня.

Т е с т а м е н т Б а з ы л ь я Г а р б у з а.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья Роси(и) самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючи.

Постановившысе очевисто, славетные пан Янь Тишковичъ и пан Михал Наплешыч, лавники места Полоцкого, а пры них слуга владовый меский прысяглыи Филон Рабец, признание свое в тые слова учынили, и ж, деи:

«С приданья ваших м(и)л(о)стеи в раду а за потребованьем мещанина и кравца места Полоцкого пана Базылего Гарбуза были есмо в дому его, тут, у Полоцку, на Посаде, на улицы Иллинской стоячом, в року теперешнем вышеписаном, дня десятого м(есе)ца декабра, где zostали есмо его, п(а)на Базылего Гарбуза, хорого на теле, а на памяти, розуме и змыслах здорового. Которыи з доброе воли свое, пры бытности священника отца Тymoфея Фурса учынил перед нами таковыи тестаментъ:

«Наперод, якъ, деи, на мене, Базыля Гарбуза, Господ Богъ смерть допустити будеть рачыл, душу мою Г(оспо)ду Б(о)гу Всемогущому, во Троицы Светои Единому отдаю и поручаю. А тело мое грешное малжонка моя милая Матруна Михайловна з братомъ моимъ роднымъ Мартиномъ Гарбузомъ способом хрестиянским водлугъ преможения, // [Л. 108об.] зажившы отца духовного, поховати мают. А на похорон грешноз(о) тела моего и на всякие выдатки проводные заставаю котел пивный, которыи жона моя продат мает. А помененои жоне моеи милои, Матруне Михайловне, за ее верное а зычливое со мною помешкане, за працу и услуговане ее, мне в хоробе отдаваное и по увес час, отказываю и дарую на вечност до волноз(о) ее шафунку полдвора отчыстого, моего власного, где сам тепер и з нею, малжонкою моею, живу, со всим будынком. А другую половицу полдвора брату моему милому, вышеменованому Мартину Гарбузу, роджонному дарую и отказую з клеткою и з огородом тако ж до волного его вечыстого шафунку и ужывая. Еще ему ж, брату моему Мартину, пару суконъ лазуровых – у верхнее сукни кгузики едwabные, а у доломана кгузики серебряные, – отказую.

До того ему ж, брату моему милому, легкую на вечност огород мой власный за парканом, по половицы зъ жоною моею розделит мает. А жоне моеи, вышеченои Матруне Михайловне, даю и отказываю сукман фалендышовый под китаикую селезневою, саян мухаяру поморского маковой, кштальт унегорытыи, два трыноги ламаные, корову, парсюка. И все плате и спрат домовый от мала до велика жоне своеи легкую.

А што се тычет долгов, винен я до скрынки братерское кравецкое талеров семнадцат печатных. Тые грошы жона моя зъ позосталое убогое маетности заплатити и отдать маеть. До тое ж скрынки братерское винен zostал Тymoфеи Комко талеров десет печатных, которые грошы он, Комко, мает вернуть // [Л. 109] и отдать до скрынки братерское. А sprawy и прывия так королевские, яко и грамоты асударские, в скрынке братерской цеховой у ме¹ не заставают, а ключ от скрынки у Тymoфея Комка, што все до цеху кравецкого брати належати и отдано быти мает.

А надто я никому и мене ниhto не винень».

Которое таковое справованье тестаменту через пана Базылего Гарбуза и признание оногo през славетных панов лавников верхуменованных ест до книгъ меских полоцких записано, а по записанью выписы два выданы. ²Еще выпис выдано².

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 108–109.

1656 г. декабря 15. – Жалоба полоцкого мещанина Петра Никифоровича на полоцкого мещанина Стефана Чачуру о невозвращении денег от совместной торговли

180. 7165. М(есе)ца декабра петнадцатого дня.

¹Протестацяя Петра Никифоровичана Степана Чачуру¹.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Оповедал и объятжливе жаловал мещанин места Полоцкого панъ Петр Никифорович въ крывде и шкоде своєї на мещанина того жъ места Полоцкого, на Стефана Чачуру, што и таковым способомъ, ижъ в року теперешнем сто шестдесят пятом, м(есе)ца ноябра осмнадцатого дня онъ, жалобливыи Никифорович, и брат его панъ Томаш Никифорович, а пры них и Максим Яковлевич Воронич, змовилисе вси самочвартъ з нимъ, Стефаном Чачурою, в товариство, хотечы штуку хлеба себе заробит, умыслили в торговлю до Борысова и иных меисць поити пехотою. На которую торговлю зложили грошеи, то есть онъ, Стефанъ Чачура, и Томаш Никифорович по сту и сороку копъ грошеи лит(овских), а онъ, Петр Никифорович, и помененыи Максимъ Воронич по сту золотых полских. И вси тые грошы, улюбившы себе его, Чачуру, ему до шафунку дали. Яко жъ по той змове на завтрее, дня девятнадцатог(о) ноябра, в дорогу пустилися, и кгда мил дванадцат од Полоцка, то есть до Лепля, прыехали, тамъ же, у Леплю, трафилосе купит товару: жыта бочок одинадцат, меду пресного пуды чотыры. И с тым товаром онъ, Чачура, не хотечы болеи куплят и далеи поити, хоробою на ноги вымавляючысе, до Полоцка поехал и его, жалобливого Петра Никифоровича, зъ собою взял, обещаючи ему суму п(е)н(я)зеи его, то есть золотых сто, с пожитком *отдат*, товар продавши, або тежъ товаром одделити ценою, яко в Леплю куповали. А водлуг // [Л. 114об.] складанки тых всих грошеи межы ними чотырма мелъ пожитокъ ити, то есть ему, Петру Никифоровичу, зъ Максимом Вороничом од усих грошеи пожитку, спровадшы товару, третья част, а ему, Чачуры, зъ Тумашом Никифоровичом – части две пожитку за их болшую суму, положоную там же. Онъ, Чачура, прыехавшы в Полоцокъ, ани грошеи готовых, ани тежъ товаром тых золотых ста ему, Никифоровичу, дать не хотел и не далъ, и сам до Лукомля одехалъ неотповедне и з его грошми, и того ему не ознаимил, же одерждаючи з Лепля, решту грошеи своих, од возов вернувшисьсе, у Тумаша Никифоровича и Максима Воронича што бралъ, и их толко пры их власных грошах их оставил. Однак же им за свое досит се стало, а ему, Петру Никифоровичу, *нет* ведома чому тых грошеи его – золотых ста, – и пожитку – половицы третее части, – од товаров, которые вжо попродад, *дат* не *хочет* и не *оддает*, приводитчы его до шкод и утрат немалых, и през немалыи час тыми его грошми пожиткует.

О которую то суму п(е)н(я)зеи – золотых сто, – и о пожиток, од товаров взятыи, то *ест* о половицу третее части, хотечы онъ, Петр Никифорович, з ним, Чачурою, правом чынит и тог(о) доходит, заносечы сюю жалобу, просил, абы была до книг меских полоцких записана.

Што есть записано. ²Выпис выдан².

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 114–114об.

№ 41

¹⁻¹ е написано над строкой.

²⁻² Написано почерком II.

1656 г. декабря 15. – Судебное решение по делу Александра Даниловича Левонтьева с полоцким мещанином и гминным Стефаном Друговиною о невозвращении денег, данных ему на сохранение.

182. [7]165. М(есе)ца декабра петънадцатого дня.

Декретъ в справе п(а)на стольника Александра Даниловича Левонтьева с п(а)ном Стефаном Друговиною о 41 рубль.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Кгды ку розсудкови нашему врадовому прыточыласе справа стольника п(а)на Александра Даниловича Левонтьева зъ мещанином и кгминовымъ места Полоцкого с паном Стефаномъ Друговиною за позъвом листовным, ему, п(а)ну Друговине, на день сегодняшнии очевисто в руки через слугу врадового меского Филона Рабца поданымъ, о задержанье грабежнымъ способомъ у себе сорока рублей и одного денег рускиих, которые ему дал до схованья человекъ его, п(а)на стольниковъ наиме Федько Синявин. В которой справе панъ Друговина ач многих розныхъ оборонъ заживал и тымъ вымовлялсе, же, деи, тые грошы его м(и)л(о)сть пан Лисовский, // [Л. 116об.] пулковникъ, взял, бо, деи, с хлопцом его м(и)л(о)сти тот Федько Синявинъ оные ховат давал.

Мы, однакъ, врад, не слушаючи его голых словъ, але поневаж се до того знал, што ему тые грошы до схованья суть даны, наказали есмо ему, п(а)ну Друговине, абы онъ тые гррошы сорокъ и одинъ рубль серебряными рускими деньгами п(а)ну стольнику отдалъ.

Яко жъ на дню девятомъ м(есе)ца генъвара сполна тые вси деньги отдалъ другому человеку п(а)на стольниковому Василию Потапову. Которыи о то, бравшы тые деньги, руку свою к судебному делу прыложил в тые слова.

По сему судъному делу стольника Александров человекъ Даниловича Левонтьева Василии Потаповъ у Степана Друговины сорок рублей и одинъ взял все спольна и впред мне в тех деньгах дела нетъ. И в томъ руку прыложилъ.

Што тежъ все про память есть до книгъ мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 116–116об.

1656 г. декабря 17. – Возвращение долга в 4 копы грошей литовским полоцким мещанином Стаськом Палехом полоцкой мещанке Маруши Максимовне Пудловской, как апекунке детей Стефана Бурдинского.

¹186. 165¹. М(е)с(я)ца декабра семънадцатог(о) дня.

Одданье чотырохъ² копъ гр(о)шей през Стаська Паляху Марушы Пудловской на страву детям небощыка Стефана Бурдынского.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Стасько Паляха дал перед нами, врадом, чотыры копы гр(о)шей лит(овских) мещанце полоцкой Марушы Мак-

№ 43

¹⁻¹ Написано другими чернилами.

² чоты написано поверх смытого.

симовъне Пудъловской. А то на страву детям небощыка Стефана Бурдынского сыну Яну и дотце Катерыне, которые пры неи суть. А дал тую копь чотыры с певное сумы п(е)н(е)зеи, небощыку оцу³ ихъ *от* себе на обликгъ винное. Которыми то чотырѣма копами маеть тыхъ детеи стравовать она, Маруша Пудъловская, почавъшы од дня сегоднешнего ажъ до Запустъ Масленихъ, в року теперешнем сто шестьдесятъ пятомъ прыпадающ[ых]⁴, водълугъ узънания нашего врадого.

Што по памет есть до книгъ мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 118об.

№ 44

1656 г. декабря 17. – Судебное решение по делу «русского человека» Никифора Микитича Соморокова с полоцким мещанином Агапоном Верховским о украденном коне.

189. [7]165. М(есе)ца декабра семънадцатого дня.

Декрет в справе Никипора Микитина, русског ч(о)л(ове)ка, зъ Агапоном Верховским о коня.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, Никипор Микитин сынъ Сомороков, рускои человек, прекладал жалобу на мещанина полоцкого Агапона Верховского о то.

Иж, деи, сее прошлое нocy пропал в дому его конь его рыжии белогривый, на которм до него жыто прывез. Да он, деи, у вечоръ шлюбовал, што конь цел будетъ, бо дом крепок.

До которое жалобы будучы он, Агапон Верховский, очевисто на день сегоднешний через слугу врадого меского Филона Рабца заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, деи, я ему, Никипору Микитину за двор свои не шлюбовал и не убеспечал. А правда, што увесь огорожон был, толко вжо тот, хто коня крал, лыки порезал и одгородил изгороду. А товаришы его, которые з нимъ были, люди суть непевные и ене з вечора везат хотели а потом з дому сошли. Могли то они на шкоду мою зделать.

Противо того Никипор Микитин сынъ меновал светков, пры которых онъ, Верховский, за дом свои шлюбовал, и што, деи, конь цел будетъ.

Которых ему мы, врад, наказали есмо // [Л. 120об.] ставить по Крещенью Хрыстовом, в року теперешнемъ прыпадающом, в понеделок першыи. А еесли бы их не поставил албо сама которая сторона на том дню не стала, теды ве всеи¹ речы упадать и виннымъ быти мает.

Што по памет есть до книгъ мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 120–120об.

№ 45

1656 г. декабря 17. – Дело «русского человека», стрельца Амеляна Варганова с полоцкой мещанкой Марушой Ивановой о краже денег.

190. [7]165. М(есе)ца декабра семънадцатог(о) дня.

Справа Амеляна Варкганова, стрелца, зъ Марушою Ивановною о подмовенье хлопца.

³ Так в рукописи.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 44

¹ Можно читать в своеи.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Кгды ку розсудкови нашому врадовому прыточыласе была справа Амеляна Варкганова, ч(о)л(ове)ка рускоз(о), стрельца, зъ мещанкою полоцкою зъ Марушою Ивановною¹... о подмовенье хлопца его, который ему знесл денегъ drobныхъ серебряныхъ рубли тры да яфимков г(осу)д(а)р(е)выхъ печатныхъ тры.

Аже се то показало, же тот хлопец од раитара еи поручон был и прыказан, пры котром и тепер иж ест у п(а)на дяка, наказали есмо тому стрельцу, абы собе на том раитару доходил и на него чолом бил. А ее, Марушу Ивановну, яко не винную, в том волную чынимъ.

Которая справа про память ест до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Он. 1. Д. 1. Л. 120об.

№ 46

1656 г. декабря 19. – Жалоба полоцкого мещанина Сахона Мухи на могилёвского мещанина, купца Романа Андреевича Горелого о скрытом дне, в купленной у него бочке растительного масла.

191. [7]165. М(есе)ца декабра деветнадцатого дня.

¹Протестація и Сахона Мухи на Романа Андреевича, могилевца, о о л е и¹.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского вельчества² Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Opowiadał i żałował Sachon Muszycz, mieszczanin połocki, na mieszczanina i kupca mohilewskiego na Romana Andreiewicza Harełogo Szczaki syn i na towarzysza ieho.

W roku tysiąc szeszcset piędziesiąt szóstym miesiąca nowembra osmego dnia iż sprzedał mnie, Sachonu Muszycz, oleiu boczkę za kwart czterysta czterdzieście siedm w beczce pod szlubyem swoim, że tak maieć być miera w beczce czterysta czterdzieście siedm bez żadnego fałszu i bez podonek ³żadnych³, tylko czysty olej. Który olei ten ia sprzedałem tu, w Połocku, Siemionu Ambrosowiczu. W której tey ⁴beczce⁴ znaleźli podonki i miary tak nie wyniosła, a na miarę kupilem na połocku kwartu. Którego dnia ia kupił, toho dnia odiachał do Mohilewa z towarzyszami swoimi. A zamerzył tylko tego oleiu kwart trzysta osmdziesiąt czysta oleiu, a kwart dwadzieścia podonek. Za który ten towar ia szkodę ponoszę kop szesnaście i prosiłem pana burmistrza pana Kuźmu Naumowicza o przydanie słuhi wradowoho Stanisława Wołodkowicza⁵, aby ohlędał tey beczki i naznahował podonków tych oględał aż do przyjazdu tego gościa mohilewskiego.

Którę przepowiadanie swoje ia, Sachon Muszycz, dał do xiąg mieskich połockich zapisac.

Co iest zapisano.

НИАБ. Ф. 1823. Он. 1. Д. 1. Л. 121.

№ 45

¹Далее пробел приблизительно на 12 букв.

№ 46

¹⁻¹Написано почерком II.

²ы поверх смытого.

³⁻³Написано на левом поле.

⁴⁻⁴Поверх смытого.

⁵Łodk поверх смытого.

№ 47

1656 г. декабря 19. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Астапа Мартюшонка с полоцким мещанином Стефаном Пашутком о долге в размере трёх коп грошей литовских

199. [7]165. М(есе)ца декабра деветнадцатого дня.

Всказ копь трох на Стефану Пашутчонку Астапу Мартюшонку.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Кгды за заказом слуги владового Станислава Володковича и за призываньем через него ж прыточыласе справа мещан полоцких, то ест п(ана) Астапа Мартюшонка зъ п(аном) Стефаном Пашутченкомъ о копь тры гр(о)шей лит(овских) винных. В которой справе ижъ се то по розных обеих сторон мовах показало, же Пашутка копь тры винным ест.

Мы, врад, тые копь тры на нем, Стефану Пашутченку, помененому Астапу Мартюшонку со всеми шкодами, накладами правными всказуем и присужаем, и рок на отдане часу недел две узычаем.

Нижъли онъ, Пашутка, и в тыхъ двух неделях тому наказови нашему владовому досит не учинил. За чым вжо тот декрет нашъ до skutьку на нем в отправе пр[ы]вожыны¹ быти маеть.

Што все про память есть до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 125об.

№ 48

1656 г. декабря 23. – Сообщение землянина Полоцкого воеводства Григория Сивохи о долге в 100 коп грошей литовских полоцких мещан Стефана Даниловича и его сына Яна Стефановича Рабушков и введение того землянина по этому долгу в держание их дама в Полоцке на Заполотью на улице Великой.

200. [7]165. М(есе)ца декабра двадцат третьего дня.

Прыповеданье пана Грыгоря Сивохи до дому Рабущынског(о); тут же и реляция слуги владового.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья Роси самодержца и обладателя.

Передо мною, Кузьмою Наумовичом, бурмистро¹мъ места царского¹ величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающим².

Постановившысе очевисто, земенин воеводства Полоцкого пан Грыгореи Сивоха оповедал и покладал лист обликгъ, правне справленыи, собе на копь сто гр(о)шей лит(овских) од мещан места Полоцког(о) Стефана Даниловича и од сына его Якуша Стефановича Рабушков даныи, поведаяучи.

Ижъ, деи, они ж, Рабушкове, еще перед ратю праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря ему, п(а)ну Сивосе, в тых сту копах гр(о)шей лит(овских) дом свои, тут, в месте Полоцком на Заполотю на улицы Великой на рогу заулка стоячыи, на чверти пляца збудованыи

№ 47

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 48

¹⁻¹ Поверх смытого.

² В рукописи заседающими, исправлено по смыслу.

подле дому Ивана Мартюшонки³, а пры том ⁴и ог⁴ород, там же, на Заполотю, над⁵ Глушыцою так же на чверти пляца лежачыи, на вечност доброволне на враде ратушнем полоцком признали и сами се з оного зрели вжо по оминенью термину, на отданье тое сумы п(е)н(е)зеи зложогого, значне в том листе облику описаного. Теды, деи, того признанья на тот час за розными забавами своими с книг меских полоцких выписом не взял. А в том часе рать праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря до места Полоцкого зашла и тое признане и интромисыя п(а)нов лавников и слуги врадового поданя того дому и огорода ему, п(а)ну Сивосе, которая теж на враде признана была, с книгами мескими гдес пропало. И тот, деи, должник Стефан Рабушка смертю зь сего света зышол, а сын его Я[к]уш⁶ по збеженью од рати с Полоцка нет ведома где се и по сес час оборочает.

За чым тепер он, п(ан) Сивоха, чынечы прыповеданье до тог(о) дому и огорода, собе од них, Рабушков, вечне признаного, просил о прыдане // [Л. 126об.] и послане слуги врадового до жоны небощыка Стефана Рабушки а до матки Якуша, сына его, то ест до Гасии Хомичовны Стефановой Рабушчыной, которая в том же дому на сес час барзо хорою лежыт, абы од нее самое о том долгу и признаню мужа и сына ее мог певную ведомост взять.

И я, врад, тое его, п(а)на Сивохи, прыповедане, яко в слушнои речи учыненное, прынявши, до помененое Стефановое Рабушчыное слугу врадового меског(о) Станислава Володковича для ведомости сослал есми.

Которыи, там бывшы, реляцыю свою учынил и признал в тые слова.

Иж, деи, помененая Стефановая Рабушчыная, будучы барзо хорая, на смертелнои постели в том дому вышепомененом лежакая, сознала передо мною, слугою, за пытаьем моим.

Иж тот дом на улицы Великои за Полотою стоячыи и огород, там же над Глушыцою лежачыи, муж ее небощык Стефан Рабушка и сын ее Якуш⁷ Стефанович Рабушка у сту копах гр(о)шеи лит(овских) на обликг⁷ винных п(а)ну Грыгорию Сивосе на вечност на враде меском в ратушу Полоцком признали и тепер ему, п(а)ну Сивосе, належыт. Што теж и дочка ее, Рабушчыное, Алена Стефановна, удова, тыми ж словы поведаючы, потвердила и сознала. Только, деи, просим его, п(а)на Сивохи, абы се з нами тепер ласкаве обышол а нас до слушного часу с того дому не выганял.

Которое таковое прыповедане его, п(а)на Сивохи, и реляцыя слуги врадового ест до книг меских полоцких записано. ⁷Выпис выдано⁷.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 126–126об.

№ 49

1656 г. декабря 27. – Жалоба полоцкого мещанина Кондрата Карпача на полоцкого мещанина Якова Гуцу о безвинном обвинении в краже.

203. [7]165. М(е)с(я)ца декабра двадцат сего дня.

Протестаця Кондрата Карпача на Якова Гуцу о бещестеи о помовенье злодеиством.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя ти Белья России самодержца и обладателя.

Передо¹ мною, Кузьмою Наумовичом, бурмистром места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

³ а переправлено на и.

^{4–4} Прорисовано.

⁵ В рукописи на, исправлено по формуляру.

⁶ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

^{7–7} Более поздняя запись.

№ 49

¹ До написано над строкой.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцъкого Кондрать Карпачъ чынил словное оповеданье и жаловал на мещанина того жъ места Полоцкоз(о) Якова Гущу о то.

Ижъ, деи, онъ, Гуща, безвинне и без данья собе жадное прычины вчора в слободе помовил его, Карпача, злодеиствомъ, якобы онъ казыне г(осу)д(а)р(е)вои шкодникомъ мел быть, такъже якобы у Моисея кожемяки скуры покрасть мел. Аже таким никгды онъ, Карпачъ, не былъ и то се на него показать не может. А хочечы с тымъ Яковомъ Гущою о таковое безчесте правом чынить и караня правного на немъ домаваются, заносечы тое словное оповеданье свое а обещаючи напотом шыреи на писме подат, тепер просил, абы было до книг мескихъ полоцкихъ записано.

Што есть записано.

НГАБ. Ф. 1823. Оп. 2. Д. 1. Л. 128об.

№ 50

1657 г. января 2. – Жалоба земянина Полоцкого воеводства Петра Петрашкевича о краже коня с его двора в Полоцке.

209. 7165. М(есе)ца генъвара второго дня.

Протестацяя пана Петъра Петърашкевича о укъраденье коня зъ господы.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия, Малыя и Белья Росъсии самодержъца и обладателя.

Перед нами, буръмистрами, раицами и лавъниками места царьского величества Полоцъкого, того року на съправахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, земенинъ воеводства Полоцъкого панъ Петъръ Петърашкевичъ оповедалъ и жаловалъ, ижъ, деи, нетъ ведома хъто зъ госъподы его тутъ, в месте Полоцкомъ, за Полотою, зъ дому Ивана Сарънацъкого, зъ дня вчораишого на сегодняшнии, то ест с перъвого на вѣторыи м(есе)ца генъвара, в нocy проломавъшы тынъ, вывелъ и укъралъ коня его власного, шеръстю тисавого, на челе лысина белая и зъ коцомъ, которыи на томъ кони былъ, кошътовалъ золотыхъ // [Л. 132об.] золотых¹ пять, узъдечку ценою золотыи, рынъкгорътъ ценою такъже золотыи; прытом снялъ зъ другого коня польколимокъ, стоялъ золотыхъ тры, гуньку, купленую за золотыи. А конь самъ купленыи за копъ дванадцать.

И зъ тымъ всим забъравъшы, самъ гдес крыюмо ушолъ, зачымъ панъ Петърашкевичъ, поносечы такъ великую шкоду презъ таковое зълодеиство, а хочечы зъ кожъдымъ таковымъ, хъто бы прынъцыпалом або помочъникомъ того учынку зълого былъ, и у кого бы се што оказало опозънавъшы, правомъ чынить и того всего на немъ доходить, впередъ тую шкоду свою през цеклера публеце в рынъку объволать далъ, а теперъ просилъ, абы тая жалоба и оповедане его было до книгъ мескихъ полоцкихъ записано.

Што есть записано. Выписъ выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 132–132об.

№ 51

1657 г. января 5. – Жалоба полоцких мещан Фёдора Малявки, Василия Ивановича и Лукаша Дементъевича на полоцкого мещанина Якима Римаря о невозвращении денег от совместной торговли.

№ 50

¹ Так в рукописи.

213. [7]165. М(е)с(е)ца генвара пятог(о) дня.

¹Протестацыя Федора Малявки, Василя Ивановича и Лукаша Дементеевича на четвертого товариша своег(о) Якима Рымара¹.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Передо мною, Филипом Кособуцким, ²бурмистром мес²та царског(о) ³величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающим³.

Оповедали и в великой крынде своеи жаловали мещане царского величества полоцкие панове Федор Малявка, Василей Иванович и Лукаш Дземеентеенок, вси тры згодне товаришы, на мещанина того ж места царског(о) величества Полоцког(о) на Екима Рымара, четвертог(о) товариша своег(о), яко самог(о) принцыпала, о том.

Иж в року тисеча шестсот петдесят шостом м(е)с(е)ца сентебра двадцат шостог(о) дня, они, особы вышпомененные, принявши ⁴четвертог(о) товариша, складанку учынили и межы собою кождыи водлуг преможене сумы п(е)н(е)зи товар купили, то ест Малявчыных грошей копь осм⁴десят, Васка Ивановича копь двадцат, Лукаша Дземеентеенка копь десет а его, Якима, копь сорок. За сполные их порахованные грошы товарьские зложонные, а товар за оные скупованыи, то ест зъ хлебом печонным, горелкою, табакою, обуюм розным и огурков солонных бочка, с тым товаром до обозу царског(о) величества въ року вышписаном с Полоцка рекою Двиною чолном под Рыгу спровадили. А, отеждяючи зъ домов своих з места Полоцког(о) с тым товаром, вси чотыры особы грошей готовых болеи зъложеное сумы на тот товар осмаков трох пры себе въ дорозе не мели. Яко ж за ласкою Божою тот товар их [по]д Рыгу до обозу спустившы, ув обозе збыли и спродали без жадног(о) ущербьку и прыбыток совитиы во всем прыняли. Которые то особы, вышпомененные товаришы, обравшы спосродку себе одног(о) Якима Рымара, четвертог(о) товариша своег(о), и ему за тот товар грошы до рук его до схованя и до поделу товарьског(о), яко доброму человеку, веры⁵ годному, поверыли. Где въ обозе⁶ под Рыгою прыехавшы, року, м(е)с(е)ца и дня вышписаног(о) за чотыры // [Л. 135об.] дни зараз спродали товару половицу, взяли копь сто деведьдесят и шест копь грошей литовских, тые вси грошей до рук его, Якима Рымара, отдали, а другую половицу товару еще не спровадшы, они, особы вышпомененные, четвертог(о) товариша своег(о) Василя Ивановича с тог(о) обозу зараз з ыншыми купцами зъ быдлом до места Полоцког(о) отправили. А сами тры пры остатку товаров ув обозе зостали. Которому дали грошей готовых копь шестдесят без двух копь, также на зворотку и на торговане вынявшы с тых грошей, где и тую половицу товару они, тры товаришы позосталые, за ласкою Божою спродали, взяли за остаток товару копь осм⁵десят и с тыми всеми грошми назад до обозу чолном до Полоцка едучы, фъракту узали за перевоз у Тымофея Телябея, мещанина и купца витебског(о), за пят рол табаки копь пят грошей; у другог(о) витблянина у Степана Быка за пят рол табаки фъракту также копь пят, а особно он, Бык, иж у чолне сам не робил, за то дал копь две; у Доманског(о), купца витебског(о), фъракту дал за розныи товар копь сем; мещанин смоленский Иван Пушкар фъракту дал за речы свое копь чотыры; Алексеи, мещанин шькловский, фъракту за речы свое дал копь две; пры том особьливе руский чоловек за спроважене его зъ Друи чолном до Полоцка дал копь десят и грошей сорок литовских; Якубъ Рымар фъракту дал копь две, до тог(о) особьливе наметы два розбитые, один великий, другии мнешшыи за сполные товарьские грошы куплены и железа розног(о) теж товарьског(о)

№ 51

¹⁻¹ Написано почерком II.

²⁻² Написано почерком III другими чернилами.

³⁻³ Написано почерком III другими чернилами.

⁴⁻⁴ Написано почерком II другими чернилами.

⁵ ы поверх смытого.

⁶ Первое о другими чернилами.

сполноз(о) за золотых десет куплено, тое все, яко за тот товар спроданыи грошы, яко и за фъракту, одному ему, Якиму Рымару, до рук давши, поверыли, до тог(о) и чолон умесныи братерскии обоиныи он, Яким Рымар, от товариства прынявши, ошачовавши у восьми копах, кождому товаришу по копъ две платит поднял, то все пры нем зостало. Которыи то Яким Рымар, маючи въ повереню у себе братерские грошы, также ув обоже мимо ведомост товаришов своих позычыл Федору Ломышу, козаку, таляров печатных пят битых. Яко ж он, Василеи Иванович, и тую копъ шестдесят без двух копъ // [Л. 136] тут, у Полоцку, за повороченем⁷, прибавивши еще пожытку до тое суммы копъ десят, также до рук его, Якима Рымара, до слушноз(о) порахунку, яко товаришу и шафару, отдал.

Где въ сем же року тисеча шестсот петдесят шостом м(е)с(е)ца⁸ октября двадцатого дня, собравшысе⁹, вси тры товаришы прышли въ дом до нег(о), Якима Рымара, четвертоз(о) товариша своего, для порахунку и чынения з нег(о) с тог(о) товару и грошеи пожытку, яко и фъракту браноз(о) личбы. Которыи Яким Рымар, не чынечы жадного зъ ними, товаришами своими, рахунку, так з ыстызны, яко и с пожытков, яко ж у нег(о), Рымара Якима, наперод Федор Малявка узял на част свою копъ осмьдесят, Василеи Иванович узял на част свою копъ двадцат, Лукаш Дземеентеенок узял копъ десят, а онъ, Яким Рымар, до себе с тых же грошеи на част свою узял копъ сорок, а з остатка, так с продажи товаров, яко с пожытков и з фърактов, од розных людеи собе браных, яко двух наметов, железа и за чолон кождому товаришу на част прыходзячую, остатка грошеи нет вedomа для чоз(о) отдати¹⁰ не хочет и не отдает. И личбы он, Якимъ Рымар, тым товаришом своим не чынит, откладаючи час от часу, и тыми грошми товарискими сам один до сег(о) часу пожыткует и оных до шкод далшых приводит, яко и тые пят таляров товариских, которые позычыл Федору Ломышу, от товаришов своих утаил.

О што все, якосе вышеи поменило, так о нечынене личбы, о неомдане с товаров проданых пожытков, яко о фъракт, которыи до себе от розных людеи браных, о тые два наметы, ¹¹о¹¹ железа и о неплачене чолна, яко о утаене пяти таляров товариских, о пожытки и о вси шкоды, наклады хочечы о[ни]¹², особы вышпоменены¹³, зъ ним, Якимом Рымаром, водлуг науки правное у суду належноз(о) правом чынит и тог(о) въсего на нем доходит и реквизирует, на счас просили, абы тое оповедане и жалоба их до книг меских ра[т]ушных¹⁴ полоцких бьло прынято и записано.

Што естъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 135–136.

№ 52

1657 г. января 7. – Судебное решение по делу подданого пана Даниелевича с села Митнич Нестора Павловича с полоцким мещанином Леоном Митюничом о коне.

216. [7]165. М(есе)ца генвара сегого дня.

Декрет в справе Нестера Павловича, подданоз(о) ег(о) м(и)л(о)сти п(ана) Даниелевича, з паном Леоном Митюличом о коня.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Иمالыя и Белыя России самодержца и объладателя.

⁷ по поверх смытого.

⁸ м поверх ранее написанного.

⁹ авш поверх смытого.

¹⁰ и написано над строкой другими чернилами.

^{11–11} о переправлено на и.

¹² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

¹³ мен поверх смытого.

¹⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, Нестеръ Павлович, подданыи его м(и)л(о)сти п(а)на Даниелевича зъ села Митнич, прекладал жалобу на мещанина места Полоцког(о) пана Левона Митюлича о то.

Иж, деи, у него, п(а)на Митюлича, знаидуетсе конь мои власныи, шерстю¹, которыи у мене тепер недавно украден. А он собе менуетъ быть купленого у якогос мужыка², которыи теж вжо ест поиманыи и до турмы осажоныи за его признанем, иж он того коня у мене украл и п(а)ну Митю[л]ичу³ за копь тры продал. За чым прошу вашых м(и)л(о)стеи враду, абысте рачыли наказат тому п(а)ну Митюличу, абы того коня мне вернул а собе на том злодею, у кого купил, гделел и доходи[л]⁴.

О што будучы он, пан Левон Митюлич, очевисто на день // [Л. 138] сегоднешнии через слугу вradoвого мескоз(о) Филона Рабца заказаныи, постановившысе, усправедливяючысе, поведил.

Правда то ест, жем я того коня у помененоз(о) мужыка⁵ ⁶ за коп тры грошеи купил. Алем теж вжо оноз(о) од себе продал и оного не маю. А, поневаиш актер Нестер Павловичъ истца самого, хто у него того коня украл, знает и оного вжо до везенья о то осадил, за чым прошу вашых м(илос)теи враду, абым я водлугъ науки правное пры том кони и пры тои купли моеи зоставал. А помененыи Нестер нехаи собе на шкоднику своем, которого вжо в руках мает, доходит и з ним собе о то ведает, кгда ж вжо трудно мне тоз(о) коня ворочат, первша, иж водлугъ права, поневаиш истца мает актер, не повинен, а другая, жем вжо и сам оноз(о) продал.

И мы, врад, зъгажаючысе во всем з наукою права матдебурскоз(о) а бачечы⁷, поневаиш актер, помененыи Нестер Павлович, истца и шкодника своез(о), которыи ему того коня украл, в руках мает и оного до везенья осадил, прото ему, Нестеру, тое своее шкоды на нем доходит и позысковат узнаваем, и того злодея ему, Нестеру, яко шкодника его, выдаем и з везенья нашоз(о) выпустит розказуем. С которым волно ему яко похотя поступоват и тое шкоды на нем доходит. А помененоз(о) п(а)на Левона Митюлича пры купли тоз(о) коня и вжо пры продажы оногo цале заховуем и ез(о) од тоз(о) всез(о) и од жалобы помененоз(о) Нестера Павловича волного чыним.

Што все про павет ест до книг меских полоцких записано. ⁸Выпис выдано⁸.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 137об.–138.

№ 53

1657 г. января 7. – Жалоба полоцкого мещанина Яна Себостьяновича Друговича на полоцкого мещанина, брата своего Стефана Себостьяновича Друговича о зобрании имущества.

217. [7]165. М(есе)ца генвара семоз(о) дня.

Протестацыя п(ана) Яна Друговины на п(ана) Стефана Друговину, брата своез(о), о зобранье розное маетности ез(о).

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья Роси самодержца и обладателя.

№ 52

¹ Далее пробел приблизительно на 10 букв.

² Далее пробел приблизительно на 11 букв.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁵ Далее пробел приблизительно на 10 букв.

⁶ Далее пробел приблизительно на 4 буквы.

⁷ а поверх смытого.

⁸⁻⁸ Более поздняя запись.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючи.

Оповедал и жаловал мешанин места царского величества Полоцкого славетный пан Янъ Друговина на мешанина того ж места Полоцкого на п(а)на Стефана Себестыяновича Друговину, брата своего роженного, о том.

Иж еще в року прошлом тисеча шестсот пятьдесят четвертом перед ратю асудара праведного и перед взятя Полоцка за недел две поменены он, пан Стефан Друговина, упросившыся з жоною своею в дом на мешкане до него, пана Яна Друговины, которого упустивши, дал и поверыл до рук его, п(а)на Стефана Друговины, яко брату своему, так дом, яко и вси речы свое, на тот час будучые, и ключы од шпихлеров ему подал, меновите наперод табаки власное его, п(а)на Яна Друговины, роль пят, у каждой роли фунтов было по петдесят, на тот час фунт табаки сам куповал по зол[о]тому¹; краики фалендышовое и люндышовое локтеи тысячю и трыста, кожды локот стоял по грошеи два лит(овских); люндышу в остатках локтеи тры, кожды локот люндышу на тот час куповал по копе грошеи лит(овских); перын двое впул с пухом, стояли коп шеснадцати; // [Л. 139] сукня верхняя фалендышу кгранатового с потребами сребрьными листвою китаичаную, коштовала копъ шеснадцат; веленц чырвоныи, мало поношоныи, коштовал копу грошей; сковород тры, каждая сковорода стоялая по грошеи двадцати чотырох литовских; полмисок цыновыи, коштовал копы грошей; мисочка глиняная заморская, куплена за грошеи двадцат чотыры литовских; меду пресного пудъ, на тот час куплено за копъ две и грошеи трыдцат; масла солоного полпуда, куплено за копу ²и г²р(о)шеи сорок осмъ литовских; муки пшеничное пересеваное полбочки, стало копъ две; жыта бочок две, куплено за коп шест; ситко, з обудвух концов скурою обышито, до пересееяня кореня, стояла грошеи трыдцат шест литовских; сечки две, стояли грошеи двадцати литовских; полситки два, грошеи двадцат чотыры литовских; полкгарцовька цыновая, стояла копы и грошеи трыдцат шест литовских; до крамы за табаку и за иншые дъробязки было за копъ сорок две и грошеи осмнадцат литовских; тые вси речы, яко се вышеи поменило, он, пан Стефан Друговина, до себе побравшы, оные спродал и на пожиток свои обернул. А яко ж в року теперешнем тисеча шестсот петдесят шостом за прыбытем его самого, п(а)на Яна Друговины, до места Полоцкоз(о), тых речей своих, которые до поверения и до рук брату своему дал, у него, п(а)а Стефана Друговины, он, жалуючыи, упоминалсе прыятельским способом, абы оные поворочал. Которыи, ничог(о) не дбаючи на упоминане, корыстуючы в тых речах, себе по[ве]роных³, не дбаючи ничего на боязнь Божю, в стыд людский, зъ лакомства и хтивости своее тые вси речы грабежным способом пры себе неслушне задержал и держыт, и отдати не хочеть // [Л. 139об.] ку великои крывде, жалю и шкоде его, п(а)на Яна Друговины, брата своего.

О которое кгъвалтовное затримане тых всих речей, себе повероных и до рукъ отданых, яко се вышеи поменило, так теж и о вину грабежную хочечы он, пан Ян Друговина, зъ ним, паном Стефаном Друговиною, братом своим, водлугъ науки правное у суду належного правом чынит и тых всих речей своих, через него заграбленных, оному повероных, зъ виню грабежную и з шкодами доходит и реквизиоват, просил, абы тое жалосное оповедане и жалоба его до книг меских ратушных полоцких было прынято и записано.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 138об.–139об.

№ 53

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

²⁻² Поверх ранее написанного.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

1657 г. января 7. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Фёдора Пестуна с полоцким мещанином, ткачом Гаврилом Бутаком о 40 локтей полотна.

222. ¹7165¹. М(есе)ца ²генъвара² сегомо дня.

Декретъ в справе Федора Пестуна зъ Гаврылюю Бутакомъ о сорок локтии полотна.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого князя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Федор Пестун жаловал на мещанина того ж места Полоцкого Гаврылю Бутака, ткача, о неодданье себе сорока локтии полотна, на которое дал ему нитеи сорок талек у Дубъмуижи, где посполу по збеженю од рати праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря с Полоцка мешкали. А обещал, деи, ему од кожного локтя за роботу заплатить по тре смаки польскихъ.

О што будучы он, Гавърылю Бутак, очевисто на день сегодняшнии черезъ слугу владового меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, поведил, ижъ, деи: «Не сорок, але трыдцать талек нитеи он, Федор Пестун, мне на зробене полотна дал, яко ж я и уробил ему, а он у мене не выкуповал, и по сес час тое полотно пры мне в местечку Илукште, где на сес час перемешкиваю, зоставаеъ. Которое полотно готовъ ему за оказыею слушною в Полоцокъ прислать, нехаи мне тепер за роботу оногo од кожного локтя по тры осмаки³ заплатить, альбо теж брату моему Федору Бутаку, который в Полоцку мешкаеъ, оддасть», на што иж актор⁴ волил.

Мы, врад, наказали есмо ⁵ему, Гавр⁵ыле Бутаку, тое полотно трыдцать локтии на Запусты Масленые, в року теперешнемъ блиско наступуючы, в⁶ Полоцокъ помененому Федору Пестуну прислать. // [Л. 143об.] А он, Пестун, маеъ брату его, Федору Бутак, тры голотых⁷ полскихъ за работу его полотна отъдать.

Што по память есть до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 143–143об.

1657 г. января 9. – Заявление полоцкого мещанина Романа Толстого о готовности присягнуть о своей безвинности по жалобе «русского человека», солдата Якушки Радионовича.

236. 7165. М(есе)ца генъвара девятого дня.

Пильность Романа Товстого, ижъ готов быв присезнуть водлугъ наказу против жалобы салдата Якушки Радивонова.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справахъ судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

№ 54

¹⁻¹ Цифры обведены другими чернилами.

²⁻² Написано другими чернилами почерком П поверх полусмытого генъвара.

³ о вписано другими чернилами почерком П.

⁴ Далее в листе сделано отверстие, утеряны 3 буквы.

⁵⁻⁵ Написано другими чернилами почерком П поверх смытой части строки.

⁶ в вписан другими чернилами почерком П.

⁷ Так в рукописи, нужно читать золотых.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Роман Товстыи чынил пилность противу руского человека на име Якушки Радивонова с(ы)на, салдата, ижъ готовъ былъ водлугъ наказу нашего вradoвог(о) противу жалобы его строны грошей и шабли прысегу выконать, леч оног(о) до слуханя то е прысеги не было и не становилсе, зачымъ тую пилность готовности свое е дал до книгъ мескихъ полоцкихъ записат.

Што есть записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 150.

№ 56

1657 г. января 12. – Дело полоцкихъ мещан Андрея Ивановича и Ивана Логвиновича с полоцкой мещанкой Марушой Савлуковой о неуступлении имъ дома Дмитрия Савлука по его долгу.

239. [7]165. М(есе)ца генвара дванадцатого дня.

Справа Андрея Ивановича и Ивана Логвиновича зъ Марушою Савлуковою¹ о боронене дому Савлукового².

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Кгды ку росудкови нашему вradoвому прыточыласе справа мещан полоцкихъ Андрея Ивановича и Ивана Логвиновича зъ мещанкою тежъ полоцкою Марушу Савлукову³ за заказомъ, еи очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвого меского Станислава Володковича данымъ, о [бо]роненье⁴ дому, по небощыку Дмитру Савьлуку позосталого. Которого им, жалобливымъ, подавали панове лавники в долгу, од небощыка Савьлука имъ винномъ, водлугъ добровольного се прызынаня его на враде в ратушу Полоцкомъ // [Л. 152] учыненого под датую року прошлого сто шестьдесят четвертого м(есе)ца апреля двадцать пятог(о) дня.

В которой справе, кгды запозваная, ставшы, рознымъ способомъ тог(о) дому боронила и прыповедане свое давнее, еще в року тисеча шестьсотъ тридцать четвертомъ сеньтебра петнадцатого дня до того дому чыненное, покладала.

Мы, врад, не чыначы межы ними в той справе жадного россудку, але заховуючысе водлугъ пожалованое грамоты од праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря стороны неплаченья през три годы старыхъ долговъ, месту Полоцкому наданое, одложили есмо оную до выста третего году той грамоте, то есть до першого дня м(есе)ца сеньтебра, в року, дасть Богъ, прышълomъ сто шестьдесятъ шостомъ прыпадаючог(о). А до тог(о) часу не маеть она, Савьлуквая, никому того дому продавать, ажъ се в той справе конеть станеть.

Што про память есть до книгъ мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 151об.–152.

№ 57

1657 г. января 12. – Судебное решение по делу полоцкихъ мещан Яски и Федоры Герасимовичов Гатовок с полоцкой мещанкой, ихъ мачехой Марушой Герасимовой Гатовичной о имуществе.

240. [7]165. М(есе)ца генвара дванадцатого дня.

Декреть в справе Яска и Федоры Герасимовичовъ Гатовок, сиротъ, зъ Марушою Гатовъчною, мачыхою ихъ, о спадки оицовские.

№ 56

¹ в *поверх* ранее написанного б.

² в *поверх* ранее написанного б.

³ в *поверх* ранее написанного б.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Бѣлая Россіи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавъниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, Яско Гатовъка и Федора Гатовчанка, дети небощыка Гарасима Гатовъки, в сиротстве позосталые, прекладали¹ жалобу на ма/чоху // [Л. 152об.] свою Марушу² Гарасимовую Гатовчыную о то.

Ижъ, деи, она, забравшы розные речы и маетьность рухомую, по отъцу ихъ позосталую, а потомъ и ихъ од себе проч отогнала а затрымала пры себе спадки, имъ по отъцу належытые, то есть подушки чотыры, перыну, сермягу, портки, рукавицы и иншыя дробязки розные. Да я, деи, Яско Гатовка, жывучы пры неи, мачысе своеи, всегда по дрова в лес ежджал а, продаючы, грошы еи отдавал. Она, однакъ, и на то ничего не паметаючы, од себе прочъ мене и з сестрою отогнала.

До которое жалобы будучы она, Гарасимовая Гатовчыная, очвесито на день сегоднешнии черезъ слугу владового меского гарасима Сахонова заказаная, постановивъшысе, поведила.

Ижъ, деи, я Яска Гатовки, пасерба своего, от себе не одганяла, але онъ самъ свовольне от мене, вжо тому две недели, отышол. А сестре его же Федоры третиин день, як до него ж за его намовою пошла от мене. А зосталосе по отцу ихъ пры мне подушки две и сермяга, да иншыя дробязки, то ест лукошки, кадки. О чом и суседи добре ведають. А болеи тог(о) ничог(о) пры мне нет. А подушки другие две еще сам небощык отец ихъ за жывота продал. А зосталсе пры мне потомок его, со мною спложоныи, тот бы, доросшы³ лет, упоминалсе части своее, если бы се што маетьности, по отцу ег(о) позостало.

И мы, врад, в тои справе вырозумевшы з мовеня сторон а ведаючы о том, што небощык Гарасим Гатовка през час немалыи въ убостве жыл, и не могла се маетьност великая по ним зостават, упатруючы, абы сироты помененные укrywжоны не были, наказали есмо мачосе их, абы их до слушног(о) часу ним бы се в розум и в лета в[рос]ли⁴, пры себе заховала⁵ и⁶ оных догледала, и водлуг можности одежу им давала. А Яско Гатовка по старому мает по дрова в лес ездить и продават, и сполне стравоватсе. А сестра ег(о) мает, под окны ходя, милостиною жывитсе и, што зберет хлеба, сполне тог(о) з братом и з мачыхою уживат.¹⁶³

Што про памет ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 152–152об.

№ 58

1657 г. января 12. – Признание монахами полоцкого Богоявленского монастыря продажи полоцкому мещанину, радцу Астафию Васильевичу их дома в Полоцке за речкой Полотой и введение во владение тем домом.

244. 7165. М(есе)ца генвара дванадцатого дня.

Признание дому от велебных оицов богоявленскихъ монастыра полоцкого на вечность пану Астафу Васильевичу, раицы полоцкому.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлая Россіи самодержца и обладателя.

№ 57

¹ р по ранее написанному о, е вписано позднее.

² Далее пробел приблизительно на 18 букв.

³ с поверх ранее написанного з.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁵ да написано над строкой другими чернилами.

⁶ Обведено другими чернилами.

Перед нами, бурмистрами, раицами, и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившыся очевисто, велебнии в Богу отець Германи Земковичъ, законникъ монастыря полоцкого, пры церкви Святого Богоявления будучого, самъ одъ себе и именемъ велебног(о) в Богу оица Игнатия Евлевича, игумена того монастыря Богоявленског(о), также и именемъ всее брати законников, в томъ монастыре будучих, признане устное и добровольное учинилъ в тые слова, ижъ, *деи*, дом свои власнии, до помененог(о) монастыря ихъ Богоявленского належачи, тутъ, в месте Полоцком, за Полотою в заульку од улицы Заречное, ку церкви Светог(о) Д(у)ха идучои, стоячи, на чверти пляца збудованыи, подле дому з одного боку Гаврылы Бельског(о), а з друго-го подле кгрунъту голого ткача Михайловског(о); тотъ теды, *деи*, домъ правом вечнымъ и николи неодзовнымъ продали од себе славетному пану Остафию Васильевичу, раицы места Полоцкого. Так, ижъ, *деи*, вжо по дате тог(о) призьнанья волень и моценъ будетъ он, панъ раица, самъ, пани малжонка, дети и потомки его, и кождый от него и по нем держачи тым домомъ, яко своимъ власным, яко похотя шафоват, отдать, продать, даровать, заставить, заменить // [Л. 153об.] и водлугъ воли и наилепшог(о) уподобаня своег(о) оборочать.

«А я, *деи*, Германи Земковичъ, законникъ монастыря Бог(о)явленъского полоцког(о), также велебнии в Богу отецъ игумень и вся братья законники того монастыря Богоявленского сами черезъ себе и не через кого инъшого в тои продажи нашої помененому пану раицы и кождому от него деръжачому жадное наимеишее трудъности и перешкоды чынить и задавать на маемъ, не мають и не будутъ мочи вечными часы».

По которомъ таковомъ призьнанью того жъ року и м(есе)ца генъвара дванадцатог(о) дня, постановившыся очевисто, славетные панъ Стефанъ Людковичъ и панъ Иванъ Микитичъ, лавники места Полоцкого, и пры нихъ слуга вradoвыи мескии Филонъ Рабець, признали, ижъ тотъ дом, ограниченемъ вышеипомененыи, подали славетному пану Остафию Васильевичу, раицы места Полоцкого в моц, в держане и въ спокойное его вечыстое уживане, чог(о) ему, пану раицы, никто зъ стороны не боронилъ, и з жаднымъ се правом и ни з ниякою належностью до того дому не одъзывал и не прыповедалъ; зачым онъ, панъ раица, вечнымъ посесоромъ того дому зосталъ.

Которое таковое признание того дому и подане оног(о) есть до книгъ мескихъ полоцкихъ записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 153 – 153об.

№ 59

1657 г. января 14. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Сымона Котковского с полоцким мещанином Казимиром Рынковичем о разделе дохода от совместной торговли.

252. 7165. М(есе)ца генъвара чотырнадцатог(о) дня.

Декрет в справе Сымона Котковского с Казимеромъ Рынковичомъ о половицу пожытковъ в торговли сполнои.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Все(я) Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Кгды ку розсудкови нашому вradoвому прыточыласе справа мещанина места Полоцкого Сымона Котковского зъ мещанином того жъ места Полоцког(о) Казимером Рынковичом за заказомъ, ему на день сегоднешнии очевисто через слугу вradoвог(о) меского Гарасима Сахонова даным, о неоддане ему, Симону Котковскому, половины

пожытку, которого могло быть на коп семьдесят и болеи, што в сполнои товарыскои торговли въ вобозе под Рыгою заработили, водлуг протестацыи на нег(о), Рынковича, в сем же року, м(есе)ца декабра десятого дня о то учыненное.

В которой справе ижъ се позваныи ни до чого не знал, але поведал, што, деи, справедливе ему, Сымону Котковскому, половицу всякого пожытку отдавал и ничего ему не есть винен.

Мы, врад, ачь есмо панов лавников имъ на порахунокъ придавали, але же за упором позванное стороны жадного рахунку вынайти не могли, зачым по розных широких обеюх сторон мовах и контрroversыахъ вырозумевшы, а заховуючысе водлуг науки права маидебурског(о), наказали есмо помененому Казимеру Рынковичу дня третег(о) самовтор зъ жоною его прысегу выконать на том, яко справедливе таргуючы в товаристве с помененымъ // [Л. 161об.] Сымоном Котковским, половицу всякого пожытку оному отдавал и ничего на себе ему належытого пожытку не задержал и не есть ему ни в чомъ винен. А по таковой прысезе од тое всее жалобы Котковского волным zostавати маеть.

Которая справа про память есть до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 161–161об.

№ 60

1657 г. января 14. – Сообщение Александра Филковича по просьбе полоцкого мещанина Матюша Стукана, што последний не арестовывал и не причинял вреда полоцким мещаном Ивану и Тимофею Кузьминичам.

253. 7165. М(есе)ца генвара чотырнадцатого дня.

Сознание п(а)на Александра Филковича за потребованем Матюша Стукана против жалобы Ивана и Тимофея Кузьминичов¹ учыненное¹.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичом, бурмистрами места царского величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Ставшы очевисто, п(ан) Александер Филкович, на сес час в местечку Илукште мешкаючи, за потребованем мещанина полоцкого, а на сес час в том же местечку Илукште мешкаюч(о), наиме Матюша Стукана, сознание свое учынил под сумненем в тые слова, иж, деи, што:

«Жалують на нег(о), Стукана, полоцкие мещане Иван и Тимофеи Кузмичы водлуг процессу своего в року прошлом, 7164, м(есе)ца августа 22 дня учыненог(о), якобы мел их тот Матюш Стукан – едучых з Рыги, – в Куконавзе безправне задержать и турбовать. Тог(о), ²деи², николи не было, бо тот Матюш Стукан со мною и с Кондратом Кгинькою, и з Васком Крупским, мещанми теж полоцкими, у в одном чолне порожнем зъ Рыги в гору ехали. А они, Кузмичы, еще на тот час зъ лядовным стругом в Рызе zostали. И яко они менуют, якобы их Стукан в Куконавзе арештоват мел – не арештовал; на вет едучы мимо Куконавза, с чолна не выседал и ни в чом не ест винен. А в Рызе толко один Тимофеи Кузмич был, а брата ег(о) Ивана не видел».

Которое тое ег(о), п(ана) Филковича, сознание ест про памет до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 161об.

№ 60

¹⁻¹ Написано почерком II.

²⁻² Написано над строкой почерком II.

1657 г. января 16. – Дело полоцких мещан, царских казаков Василия Кожы и Васьки Гинки на полоцких мещан Аношку (?) и Филипа Зуя о невозвращении шестерых коров и двух коней.

256. 7165. М(есе)ца генвара шеснаццатог(о) дня.

Справа п(ана) Василя Кожы и Васка Кгинки з Анашко¹...и с Филипом Зуем о шестеро коров и о двое конеи, грабежом узятых.¹⁶⁵

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья Россый самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючими.

Постановившысе очевисто, п(ан) Василии Кожа да Василии Кгинько, мещане места Полоцкоз(о), а на сес час козаки царскоз(о) величества полоцкие, жаловали на мещан того ж места Полоцкого Анашка²... и Филипа Зуя о затрымане пры себе шести коров и двоих конеи грабежным способом, кгда они, жалобливые, с под Куконавза до Полоцка послали през них коров трыдцать чотыры да конеи четвора, а они, деи, только оддали в Полоцку коров // [Л. 163] двадцать осмъ а конеи двое.

До которое жалобы будучы они, обадва обжалованные, очевисто на день сегоднешнии через слугу вradoвоз(о) мескоз(о) Гарасима Сахонова заказанные, постановившысе, поведили, иж, деи: «Нам он, п(ан) Василии Кожа и Василии Кгинько, только двадцат осмъ коров да конеи чет³воро³ под Куконавзом к Полоцку гнать дали, да с того ж быдла в дорозе пропали коровы две и кляча, то ест покрадено, а коня одноз(о) взял москал, котороз(о) они для прогону того ж быдла до нас приставили, на што ⁴все⁴ маем людеи⁵... Шапчыньскоз(о) и сына его, и Яна Зелидницкого, которые о томъ ведають», што они тое быдло москалю зъдали противным зас способом, акторове поведаючы, што власне имъ коров трыдцать чотыры и конеи четвора дали, меновали теж светков Филковоз(о) сына Федора, который писал, Ивана Апанковича, поповича и челядника Шапчыньскоз(о). Которых то светков мы, врад, обеюм сторонам на ден третии ку сознанию ставит наказали.

И то про памет ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 162об. – 163.

1657 г. января 16. – Сообщение полоцкого мещанина, бурмистра Павла Тросницкого о желании возместить долг в размере 200 злотых польских полоцкого мещанина Юрия Сопроновича; пользоваться его домам в Полоцке на ильинской улице.

260. 7165. М(есе)ца генвара шеснаццатого дня.

Прыповеданье п(а)на Павла Тросницкого, бурмистра полоцкого, до дому п(а)на Юрия Сопроновича о золотых 200 за обликгом.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья Россый самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючими.

№ 61

¹ Далее пробел приблизительно на 9 букв.

² Далее пробел приблизительно на 13 букв.

³⁻³ Написано над строкой другими чернилами почерком II.

⁴⁻⁴ Написано над строкой другими чернилами почерком II.

⁵ Далее пробел приблизительно на 10 букв.

Постановившысе очевисто, славетный пан Павел Тросницкий, бурмистр места Полоцкого, оповедал и прыповедане свое чынилъ до дому, по пану Юрию Сопроновичу тут, в месте Полоцкомъ на улицы Ильинской позосталого, хочечы на том доме его доходить и позысковать двухсотъ золотыхъ полских¹ на лист обликгъ, собе од менованого п(а)на Сопроновича винныхъ, которыи нет ведома где в сие часы военныи обернулъсе и задел; а просил, абы тое его, п(а)на бурмистра, прыповеданье было до книг меских полоцкихъ прынято и записано.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 165.

№ 63

1657 г. января 16. – Оставление в связи со своим отъездом полоцким бурмистром того года Кузьмой Наумовичом на своём месте для осуществления судебной деятельности полоцкого бурмистра Сергея Каменку.

261. 7165. М(есе)ца генвара шеснадцатого дня.

Одехал того дня в справах меских полоцких до праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя славетный панъ Кузьма Наумовичъ, бурмистр полоцкии сего-рочныйи, с товарышы своими, а в место свое для отправоваия судовъ в ратушы оставил славетного п(а)на Сергея Каменку, бурмистра тежъ полоцкого, которыи од тог(о) часу седелъ на судах ажъ до дня двадцать четвертого м(есе)ца марца в сем же року, и през тот весь час во всяких справах з рочного якобы бурмистра писаныи естъ.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 165об.

№ 64

1657 г. января 21. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Костюка Соломиника с полоцким мещанином Андреем Кобячком о долге в размере 4 коп 16 грошей литовских за купленного коня.

272. 7165. М(есе)ца генвара двадцать первого дня.

Декрет въ справе Костюка Соломиника з Андреемъ Кобячком о копъ 4/16 за коня винныхъ.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами, и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Костюк Соломиникъ жаловал на мещанина того жъ места Полоцкого Аньдрея Кобячонка о неоддане собе чотырохъ копъ и гр(о)шеи шеснадцати лит(овских), што ему заплатил за коня, которого у нег(о) торгомъ купил, а потом мещанин тежъ полоцкии Иванъ Дементеевич, опознавши оног(о), з деншыком, од его м(и)л(о)сти пана воеводы прыданым, «у мене взял, о чом и самъ он, Кобячонко, ведаеть, а мне тыхъ копъ чотырохъ вернуть не хочеть».

До чого иж тотъ Аньдреи Кобячонко, будучы через слугу вradoвого Гарасима Сахoнова заказаныи, прызналсе.

Мы, врадъ, поневажъ того коня опознаню и взятыю, наказали есмо ему, Аньдрею Кобячонку, абы зараз помененому Костюку Соломинику копъ чотыры и гр(о)шеи шеснад-

№ 62

¹ На полях напротив указания денежной суммы написано 200.

цат лит(овских), за коня взятых, оддалъ и вернулъ. А ему, Кобячонку, до Ивана Дементеевича волное право заховуем.

Што про память есть до книгъ месъкихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 171.

№ 65

1657 г. января 21. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Артёма Романовича с полоцким мещанином Михаилом Рубаном о неоддании купленной соли.

274. 7165. М(есе)ца генвара двадцать первого дня.

Декрет в справе Артема Романовича зъ Михаилом Рубаномъ о берковискъ соли.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцъкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцъкомъ заседающыми.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцъкого Артемъ Романович жаловал на мещанина того жъ места Полоцъкого Михаила Рубана о невыданье собе берковца соли, на которую взял у него водлугъ торгу копъ семнадцать грошей лит(овских).

До которое жалобы будучы онъ, Михал Рубанъ, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвог(о) меского Ивана Шлюбовского заказаныи, постановившысе, поведил.

Ижъ, деи, он, Артемъ Романович, не одинъ берковискъ, але чотыры берковцы соли у мене по копъ семнадцать и грошей дванадцать лит(овских) старговал и зараз мне вси грошы дать мель. А тепер ¹одног(о)¹ только берковца упоминается водлугъ даного мне задатку семнадцати^{2 3}копъ³.

Мы, врад, в той справе вырозумевшы зъ мовенья обоюхъ сторонъ а упатруючи, абы до далыхъ заводовъ правныхъ и до прысегъ беспотребныхъ не прыходили, наказали есмо помененому Артему Романовичу, абы онъ Михаилу Рубану за два берковцы соли по копъ семнадцать и грошей дванадцать лит(овских) зараз заплатил. А Михаилу Рубан абы ему два ⁴берковцы⁴ соли выдал.

На чом и они перестали.

Которая справа про паметъ есть до книгъ мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 191об.

№ 66

1657 г. января 23. – Завещание земянина Полоцкого воеводства Михала Фёдоровича Скирмунта.

¹284. Тестаментъ зошлого с того света небощыка пана Михала Федоровича Скирмунта, актыкованыи презъ п(а)на Гелияша Козарына¹.

7165. М(есе)ца генвара двадцат третьего дня.

№ 65

¹⁻¹ Написано почерком II.

² с поверх ранее написанного п.

³⁻³ Написано почерком II поверх смытого.

⁴⁻⁴ Написано почерком II поверх смытого.

№ 66

¹⁻¹ Написано почерком I, далее – почерком II.

Божю м(ило)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого князя Алексѣя Михайловича, Всея Великие, Малые и Белые Роси(и) самодержъца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавъниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, земенинъ воеводства Полоцкого панъ Гелияшъ Козарынъ оповедалъ и ку акътыкованю покъладалъ *тестамент* зошлого зъ сего света небощыка пана Михала Федоровича Скирмонта под печатью и с подписомъ руки его, такъ же под печатми и с подписами рукъ людеи зацныхъ печаторовъ, до того тестаменту *от* него устѣне и очевисто упрошоныхъ. И покъладаючи *тот* тестаментъ, просилъ, абы до кнѣи мескихъ ратушныхъ полоцкихъ акътыкованъ, ижъ писанъ, былъ. Которыи въписуючы въ книги слово до слова такъ се в собе маетъ:

«Во Имя Отца и Сына, и Светого Духа, стансе воля Божя.

Я, Михалъ Федоровичъ Скирмонтъ, земенинъ воеводства Полоцког(о), будучы я отъ Пана Бога хоробою навежоныи, подобеньствомъ самымъ и письмомъ Божымъ доходечы, ижъ зъдоровыи чоловекъ бѣлизышыи хоробы, а хорыи съмерти, тогды я, Михалъ Федоровичъ Скирмонтъ, еще пры доброй памети своеи и розуме будучы, хочу метъ и росъпоражаю убогую маетностьку свою матерызную и отъчызную, названую Головъчычы, Анђреевъщизну, у воеводстве Полоцкомъ лежачомъ, на част[ь]² [не]бощыка³ деда моего пана Анђрея Порадни досъталую и сталую *первеи* сего небощыцы родительце // [Л. 176об.] *моеи*, недавно зошлого зъ сего света годные памети пани Марыны Анђреевъны Порадниньки Федоровои Скирмонтътовое; мѣне, яко дедичу прыроженому спала межы паномъ Анђреемъ Осытаповичомъ и паномъ Яномъ и Грыгоремъ Яновичами Пораднями, *струями* своими: имъ дѣве части, а на мене, Михала Скирмонта – третья *част* въ тои маетности Головъчычахъ – еще неделные – спала с поддаными оселыми, с пушою, зъ деревомъ буртънымъ – зъ пыцолами и безъ пыцоль на *моеи* части, – и зъ дворною пашънею.

Окромя зареча а маючы я, Михалъ Федоровичъ Скирмонтъ, въ волномъ шафунъку и дыспозыции своеи, будучы я еще мѣлодзенцомъ и нежонатымъ зъ доброе воли моее скоро мене Панъ Богъ Вьсемогущи до хвалы своее Светое възятъ рачыт, никому ни в чомъ не пенъную, а ни заведеную, вышъпомененую у Головъчычахъ, с поддаными оселыми и зъ дворною пашънею даю, дарую и вечными, николи неотзовными часы записую милымъ сестрамъ моимъ роженнымъ: старшой пани Кулине Федоровне Скирмонтътовне Казимеровои Ремидовскои половицу такъ у дворной пашъни, яко въ подданныхъ оселыхъ на вечные и николи неотъзовные часы записую и леккую, а другои сестре *моеи* роженои, въ паненскомъ стане будучои панѣне Марыне Федоровне Скирмонтъвнѣ, которая-то панна теперъ такъ у вопеще, яко и на *всем* у милого шѣвакгра моего пана Казимера Ремидовского зостае, – другую половицу тое *ж* маетности *моеи*.

Которого пана Ремидовского, яко шѣвакгра моего, прошу, абы надъ нею, сиротою, старане мелъ, аже охенъдозства на тую панну Марыну Скирмонтъвну ничего не справовалъ и не накладалъ есми. Тогды по съмерти *моеи* с тое *ж* маетности, або шѣто самъ прыложыт, пры выделку вытронтитъ мае. А тую маетность мою // [Л. 177] Головъчычы *отдаляю* отъ бѣлизыкихъ кровныхъ моихъ такъ по мечу, яко и по кудели, одно ему, пану Казимеру Ремидовскому, шѣвакгру моему, и жоне его, а сестре *моеи* милои, половицу, и дѣругои сестре – другую половицу, мають тую маетностьку мою по смерти *моеи* за симъ тестаментомъ зехатъ и въ посесыю свою вечыстую обнят, и тую сироту, сестру мою панну Марыну Скирмонтъвну, въ станъ светыи малъженскии выдатъ и *част* *еи* в тои же маетности податъ.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу (возможно, и).

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

Шъто се тѣнетъ долговъ, шъто зосѣталъ виненъ дзядку моему родному пану Есифу Ивановичу Скирмонъту копъ сорокъ грошей литовскихъ; пану Гавърыле Шыкуцкому, мещанину полоцкому, – копъ двадцат чотыры – тогды мае панъ Казимер Ремидовскый онымъ с тое жъ маетности моее отдае. А болеи никому я не зосѣтал винен, такъ и мне нихто виннымъ не зосѣтал.

Ижъ поминатисе боле пан стрыи мои, пан Есифъ Скирмонът, и нихто у него, шъвакгра моего не будет и мочи не мае, яко ижъ тую частку, ижъ зарече Ожарковъщизну и ни в которую по мне въступоватисе не мае и вѣчне не будет а ни будут. Охендозства жадного, яко и спрату домового и грошей готовыхъ не зостало по мне, и не маю, окромя малыхъ речей, которые на особбливомъ реестре списаль есми.

А тело мое грешное мае панъ Казимер Ремидовскый своимъ кошътомъ поховат въ маетности Головъчычах водлуг преможеня и обьренъду хъ[ры]стіанского⁴, не проволокаючи долго, а собе за то вытронтит и выбрат. Опекуномъ чыню и назъначаю помененого пана Казимера Ремидовского, шъвакгра моего милого, которого прошу и наупоминаю, абы сестры моее, паньны Марыны Скирмонътовны не кривѣдиль.

Кончечы остатнее воли моее тестамент, ///*[Л. 177об.]* до которого подьписаль есьми руку свою въласную, прытомъ уприсомъ о подьписъ рук пановъ прыятель моихъ, на тотъ час пры сем писаномъ тесътаменъте будучыхъ, меновите пана Гелияша Козарына, пана Стефана Порадъню и пана Сергея Каменъку, земянь воеводства Полоцкого, которые ихъ м(ило)сть на прозьбу мою учынить рачыли, пры подьписе руки моее печати свое прыложили и руки свое подьписали.

Писанъ у Головъчычахъ, року тисеча шестсотъ петдесятъ сего, м(есе)ца генъва-
ра двадцатого дня».

У того тесътаменту печатеи прытисъенныхъ шесть, а подьпис рукъ подьписано тыми словы: «Michał Skirmont ręką swą ustnie y oczewisto proszony do tego ostatniey woli testamentu od pana Michała Skirmonta przy dobzey pamięci y rozumie pzedą cego Heliasz Fiedorowicz Kozaryn mnpp⁵. Ustnie proszony od pana Michała Skirmonta Stephan Paradnia ręką swą. Ustnie прошонны печатур до того остатнее воли тестаменту от пана Михала Федоровича Скирмонта пры печати руку подьписаль Сергеѣ Федоровичъ Каменъка рукою въласною. Proszony⁶... do tego testamentu od pana Michała Skirmonta Hrehorzy Hawrylkowicz, jenerał wojewodstwa Połockiego, ręką swą».

Которыи тотъ тесътаменътъ за покладанем и акътыкованемъ черезъ помененого п(а)на Гелияша Козарына естъ до кънигъ мескихъ ратушъныхъ въписанъ. ⁷Выписъ выдан⁷. ⁸Выдан и видымус⁸.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 176–177об.

№ 67

1657 г. января 23. – Судебное решение по делу полоцкой мещанки Ульяны Артёмовны Андреевой Рыморовой с полоцким мещанином Амеляном Шалою и избииении её мужа, от чего тот скончался. Запись соглашения сторон о удовлетворении претензий.

291¹. 7165. М(есе)ца генвара двадцать третего дня.

Декрет в справе Андреевое Рымаровое з Омеляномъ Шалою о збитъе мужа ее, от чого по трох неделяхъ умер; тут же и угода.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁵ Так в рукописи.

⁶ Далее невыразительно написано слово из 9 букв.

^{7–8} Написано почерком III.

^{8–8} Написано почерком IV другими чернилами.

№ 67

¹ Более поздняя вставка, сделана другими чернилами.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцккого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Кгды ку розсудкови нашому врадовому прыточыласе справа мешанки места Полоцккого Омеляном Шалою за заказом, ему очевисто на день сегодняшнии через слугу врадового меского Ивана Шлюбовского ⁴даным⁴ водлугъ протестацыи на нег(о), Шалу, под днемъ сегоднешним учыненное, с которое акторка жаловала на него о то, ижъ он, Омелян Шала, подчас бытности праведнаго г(осу)д(а)ря, ц(а)ря у Полоцку, якъ з под Рыги ишол, наполнившысе злое воли, яко мужъ жалобливое Агапѣ⁵, то есть Андреи Рымар, на плоте з сеном, купившы за дванадцать копѣ, рекою Двиною до Полоцка самовтор зъ сыном своимъ Семеном прыпровадил, и на Кобаку пры берегу вышеи места стануть и прывезать хотел, теды менованыи Шала окрутне а нелитостиве тог(о) Андрея Рымара коломъ по руце левой и по боку левом бил, мордовал и раны барзо шкодливые на руце и на боку позадовал, кости и жебра поламал; также и сына его Семена збил, змордовал и мало у воду не потопил, и з плоту согнал, и тотъ плот з сеномъ отняль, розсекъ. Сена было за копѣ дванадцать, дров геверов два и драницу копѣ две, ценою копѣ полторы, чолонъ – золотыхъ чотыры.

От которого окрутнаго а нелитостиваг(о) збитья и зьмордованья недель тры обложне он, Андреи Рымар, лежал и от тог(о) збитья умер. А лежечы хорыи, перед свещеньникомъ и пред нею, жоною своею, скаржыл, ижъ з рукъ и битья Омеляна Шалы зъ сего света зхожу.

В которой справе кгды по многих и широких обеюхъ сторонъ мовах, светки, през них ставленые, от нас, враду, слуханы были, и кгдысмо двухъ панов лавников: п(а)на Яна Тишковича и п(а)на Луку Швановича, – до свещеника на роспытъ посылали, с которых всих, ижъ се ничего слушнаго и доводнаго не показало, мы, врадъ, заховуючысе водлугъ науки правное, наказали есмо помененому Амеляну Шале дня третего по дате сего декрету нашего прысегу самовтор з жоною выконать на том, яко онъ небощыка Андрея Рымара на березе реки Двины не бил // [Л. 182] и ни одного разу его не ударил, и яко не зъ его рукъ и бою з сего света смертю зъшол, але онъ самъ, небощыкъ, яко люди поведають, плывучы на плоте, об мость, на прышестъвие праведнаго г(осу)д(а)ря, ц(а)ря на реце Двине зготованыи, розбилсе. А по выконаню таковое прысеги Амеляна Шалу отъ тое жалобы Андреевое Рымаровое и сына ее вольного чынимъ.

А кгды день третии, тои прысезе зложоныи, прыпал, обедве стороны, ставшы, прызнали, ижъ се в тои справе зъ собою вечне погодили, то есть Амелян Шала взглядом розныхъ шкодъ дал помененои Андреевои Рымаровои и сыну ее коп пять грошей литовскихъ, а она, на том переставшы, прызнала, ижъ его, Амеляна Шалы, сама через себе, через детеи и потомков своих, и ни через кого иньшаго о тую смерть мужа своего турбоват, позывать, его за забоицу почитать и ни перед ким уругатисе не маеть и не будут мочы под виною десети копѣ грошей лит(овских), которую вину толко раз платить повинна будеть, колка разъ на нее, Андреевую Рымаровую, уруганья або помовиска якого през помененого Андрея⁶ Шалу доведено будеть.

Которая справа, якосе перед нами деяла, про память есть до книгъ меских полоцкихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 181об.–182.

²⁻² Написано над строкой.

³⁻³ Написано над строкой.

⁴⁻⁴ Написано над строкой.

⁵ Ошибка писаря, нужно читать Ульяны.

⁶ Ошибка писаря, нужно читать Амеляна.

1657 г. января 26. – Сообщение крестьянина боярского сына Арефы Алексеевича Кузьмы Васильевича, что он забрал у полоцкого мещанина Семёна Ивановича водочный котёл, мушкетный ствол и ковальский молот, которые его господин оставил тому полоцкому мещанину.

297. 7165. Генвара двадцать шостого дня.

Признание Кузмы Васильевича, крестьянина Арефы Алексеевича, боярына, и ж взял у Семёна Ивановича котел горелчаныи, руру мушкетовую и молот ковальскии, што у нег(о) пан его положылъ.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающыи.

Постановившысе очевисто, рускии человек а слуга и крестьянинъ боярскоз(о) сына Арефы Алексеевича наиме Кузма Василевич добровольне признал, иж, деи, што пан его, менованыи Арефа Алексеевич, положил и оставилъ у мещанина полоцкоз(о) Семёна Ивановича котел горелачныи, руру мушкетную солдацкую да молот ковальскии.

«Теды, деи, то все я, Кузма Васильев, у нег(о), Семёна Ивановича, по указу пана моег(о), яко слуга, отобрал и в том его, Семёна Ивановича, убеспечая, ижъ его ништо о то турбовать не маеть, а если бы хто турбовал, я от кождог(о) таковог(о) его, Семёна, заступовать и всякую его шкоду втрое ему платить повинен буду».

Которое таковое его признание за потребованем помененог(о) Семёна Ивановича есть до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 185об.

1657 г. января 26. – Дело подданого земянина Полоцкого воеводства Яна Юревского Романа Герасименко с полоцким мещанином Матвеем Веремеенко о долге в 90 коп грошей литовских за проданую пеньку.

300. 7165. М(есе)ца генвара двадцать шостого дня.

Справа Романа Гарасименька, подданого его м(и)л(о)сти пана Юревского з Матвеем Веремеенком о копь 90 долгу.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающыи.

Постановившысе очевисто, земенин воеводства Полоцкого его м(и)л(о)сть панъ Янъ Юревскии самъ и с подданым своимъ наиме Романомъ Гарасименьком жаловал на мещанина места Полоцкого Матвея Веремеенка о неодданъе тому менованому подданому своему девтидесят копъ грошей литовских, за пеньку ему винных.

О што будучы он, Матвей Веремеенок, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвог(о) меского Филона Рабца заказаныи, постановившысе самъ и с прыятелемъ своим паном Лукашом Петровским, и не вступуючы в контрoверcыю, закладалсѣ грамотою, от праведнаго г(осу)д(а)ря, ц(а)ря месту Полоцкому строны неплачена през тры годы жадных долгов наданое, и просил, абысмо его от тое жалобы до выистя третего году тои грамоте увольнили.

¹И мы, врад, не могуцы ни в чом на так великую лаську, од праведнаго г(осу)д(а)ря, ц(а)ря месту Полоцкому и всим посацким людем наданую, наступоват, але

заховуючысе водлуг грамоты месту Полоцкому строны неплачэня долговъ наданое, не чынечы в той справе на сес час жадного розсудку, одложили есмо оную до выистя третего году той грамоты, то ест до 166 году сеньтебра, до первого чысла, и товары его, Матвея Веремеенка зъ арешту, которыи положон былъ, увалняем. А его м(илость) п(ан) Юревскийи переставшы на том узнанию нашом до всякое его, Матфея Веремеенка, маетности и до особы его о тотъ долгъ прыповедатсе и о шкоды протестоват.

Што все про память до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 187.

№ 70

1657 г. января 28. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Семёна Шытика с полоцким мещанином, гминным Андреем Белоусовичом о перебраньи у него 6 коп 30 грошей литовских.

1304. 7165¹. М(есе)ца генвара двадцать осмого дня.

Декрет в справе Семена Шытика с панем Андреемъ Белоусовичом о перебране копъ 6/30.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раищами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Кгды ку розсудкови нашему врадовому прыточыласе справа мещанина места Полоцкого Семена Шытика з мещанином того жъ места Полоцкого, а на сес час в гмине в ратушу Полоцкомъ заседающимъ, зъ славетным паном Андреем Белоусовичом за позвомъ листовнымъ, ему очевисто на день сегодняшнии через слугу врадового меского Станислава Володковича данным, о перебране у него, Семена Шытика, шести копъ и грошей тридцати лит(овских). В которой справе кгдысмо, врадъ, за незнаньемъсе позваного панов лавников на порахунок имъ прыдавали, лечъ ижъ ихъ самъ актор не хотел, але стоечы пры упоре своемъ, всказу собе тых перебранных грошей неналежне домовлялсе.

Мы, врадъ, бачечы пана Андрея Белоусовича ни в чомъ быть ²ему² виннаго, от тое жалобы Шытиковы оног увольнили есмо, и то про память до книг записать казали.

Што естъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 189об.

№ 71

1657 г. января 28. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Михаила Павловича с полоцкой мещанкой Гришковой Кузьмичовую о неоддании документов на купленный дом.

310. [7]165. М(есе)ца генъвара двадцать осмого дня.

Декретъ в справе Михайлы¹ Павловича зъ Грышковой Кузьмичовою о невернене права на домъ, ему проданыи.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

№ 70

¹⁻¹ Более поздняя вставка, написано другими чернилами почерком II.

²⁻² Написано над строкой почерком II.

№ 71

¹ Ы поверх ранее написанного.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавъниками места царского величества Полоцкого, тоз(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими².

Постановившысе очевисто, мешанин места Полоцкого Михаило Павлович жаловал на мешанку того ж места Полоцкого Грышковую Кузьмичовую о невернене собе права, еи на дом, ему вжо проданыи, служакоз(о).

О што будучы она, Грышковая Кузьмичовая, очевисто на ден сегодняшнии через слугу владового мескоз(о) Станислава Володковича заказаная, постановившысе, поведила.

Правда то есть, жемъ я ему, Михаилу Павловичу, домъ свои продала и на враде признала, але права, которое мне на тотъ домъ служыло, прыгодне гдес пропало. За чымъ я добровольне се з оного, яко вжо мне не належачого³, вечне зрекаю и где бы се оное оказать могло, касую и умараю так, ижъ жадное ваги и моцы мети не маеть и не будетъ мочи вечными часы. Ему однак, Михаилу Павловичу, если похочет, [в]ольно⁴ намя мое тое право выписом с книгъ взять.

На што все и мы, врад, позволившы, и тое зречене ее декретомъ нашимъ подтвердившы, велели есмо оное до книгъ нашихъ мескихъ полоцкихъ записать.

Што есть записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 192об.

№ 72

1657 г. февраля 4. – Завещание полоцкой мешанки Мани Степановны Фостовны Гаврилиной Васюковичовой.

313. 7165. М(есе)ца февраля четвертого дня.

Т е с т а м е н т ъ н е б о щ ы ц ы Г а в р ы л и н о и В а с ю к о в и ч о в о и М а н и С ц е п а н о в н ы Ф о с т о в н ы.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, царя и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михаилловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, славетные панъ Стефанъ Людковичъ и панъ Тимофеи Кузмич, лавники места Полоцкого, и пры нихъ слуга владовый меский прысяглыи Филон Рабець, признане свое учынили в тые слова, ижъ, деи:

«С прыданы и посланы ваших м(и)л(о)стеи владового, а за потребваньем мешанки полоцкое Мани Степановны 'Фостовны' Гаврилиной Васюковичовой в року теперешнем сто шестдесят пятом, м(есе)ца генвара двадцат девятого дня были есмо в дому помененое Гаврылиное Васюковичовое, тутъ, в месте Полоцком, у Плигавьках противко острогу стоячим. Которая, будучы на теле вельце хорая, однак на смислахъ и памяти добре здоровая, з доброе воли своее учынила перед нами такии тестамент.

Наперед поведила стороны долгов, иж она сама никому ничего не ест винна, и еи тежъ ничто не винен. «А домок мои, толко самы кгрунтъ голый, полчверти пляца, яко се вышеи поменило, противи острога лежачое, а межы кгрунтами з одного боку пана Филипа Пашутчонка, а з другого – Сидора Сухомыры. На которой тои, деи, полчверти сын меншый Василии Гаврыловичъ Васюковичъ изобку и з сенми своим кошътом побудовал, и тепер в том сполне мешкает. Теды, деи, тую полчверти пляца по смерти моеи одписую и на вечность дарую внуце своеи, а дочце помененое Василя Гаврыловича, еще

² с поверх ранее написанного.

³ ле написано над строкой.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 72

¹⁻¹ Написано над строкой.

в летех малых будучои, наиме Аксиныи Василевне. А иж тая внука моя тепер сполне со мною хорая барзо есть, теде если бы не повставшы с тое хоробы, с тог(о) света смертию зошла, про то, деи, вжо тот дом, то ест полчверти кгрунту и з будынкомъ на немъ будучым, достатсе и належати мает отцу тое внуки моее, // [Л. 194об.] а сыну тежъ моему, помененому Василю. До чого братья его болшая, а сыны мое, то есть Андреи и Апанас Гаврыловичи жадное потребы не мають и перешкоды ни в чом так внуце, яко и помененому сыну молодшому, а брату своему Василю, чынит не могутъ.

А тело мое грешное, если бым не оздоровевшы с тое хоробы умерла, мает водлугъ промощеня своег(о) способом христианским погresti и поховат тот же сын мои Василии Гаврыловичъ».

А маестности иншое жадное, опрочъ помененого кгрунту полчверти пляца, не менила быт у себе, кгда ж, деи, през час немалыи в убоztве и у трапению живучы, все то на выживене свое обернут мусяла.

А затым просила всих своих вышеипомененых сынов, абы за душу ее по смерти Г(оспо)да Б(о)га Всемогущего просили, паметаючи, ижъ их всих до зуполных лет, сплodyшы, ховала и пеленговала».

Которое таковое справованье того тестаменту помененое Гаврылиное Васюковичовое Мани Степановны Фостовныи и прызнане оногo през помененых панов лавниковъ и слугу вradoвог(о) ест до книгъ меских полоцъких записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 194–194об.

№ 73

1657 г. февраля 4. – Признание Яна Дюконицкого продажи чецверти пляца в Полоцке за Полотой на Великой улице полоцкому мещанину, заполицкому сотнику Алексею Семёновичу. Введение во владение той четвертью пляца.

315. 7165. М(есе)ца февраля четвертого дня.

Прызнанье огорода от пана Яна Дюканицького на вечность Алексею Семеновичу, сотнику заполицкому.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ, бурмистромъ, а Сергеемъ Каменькою, теж бурмистром на меицу рочьнего бурмистра, славетнаго пана Кузьмы Наумовича будучымъ, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, шляхетныи панъ Янъ Дюканицькийи устне а добровольне прызналь, ижъ мещанинови места Полоцкого Алексею Семеновичу, на сес час сотнику заполицкому, продалъ на вечные и николи неодзовные часы чверть пляца кгрунту голого огородового, своего власного тутъ, в месте Полоцкомъ за Полотою, на улицы Великой, лежачого межы кгрунтами з одного боку пана Андрея Белоусовича, а з другого – подле кгрунту его жъ, пана Дюканицького.

«И вжо, деи, по дате того моего прызнаня волен и моцень будетъ онъ, Алексеи Семеновичъ, сотникъ, самъ, жона, дети и потомки его, и кожъдыи от него и по немъ держащи тым кгрунтномъ голымъ огородовымъ, чвертью пляца, яко своею власностю, яко похотя шафовать, отдать, продать, даровать, заставить, заменить, оногo похатъ, або якии похотя на немъ будынокъ выставоватъ и водлугъ наилепшого пожитку своего оборочать.

А я, деи, самъ, малжонъка, дети и потомъки мое, и нихъто нишыйи з близкихъ и кровныхъ, и повинныхъ моихъ, а поготовю зобчыхъ в тои продажи моеи ему, Алексею Семеновичу, сотнику, жадное наимнейшое трудности и перешкоды чынить и задавать не маю, не мають и не будутъ мочи вечными часы».

По которомъ таковомъ прызнанью того жъ року и м(есе)ца февраля четвертого дня, на дате вышеипомененого, постановившысе очевисто, славетные панъ Янъ Тишкович

и пан Базылеи Свенътицькии, лавники места Полоцъкого, // [Л. 195об.] и пры них слуга вradoвыи мескии Станислав Володковичъ, признали, ижъ тую четверть пляца кгрунту голого огородового, ограничемъ вышеивыраженого, подали помененому Алексею Семеновичу, сотнику заполоцкому, в моцъ, в держанье и в спокойное его вечыстое уживане, чого ему нихъто зъ стороны не боронил и нищымъ се, кгда помененыи слуга вradoвыи обвольвал, не одзываль и не прыповедалъ.

Которое таковое прызнане того огорода през помененого пана Яна Дюканицкогo, тежъ и прызнане славетныхъ панов лавников и слуги вradoвог(o) инътромисыи есть до книг меских полоцких записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 195–195об.

№ 74

1657 г. февраля 4. – Судебное решение по делу ветренского священника отца Захария Яновича с полоцким мещанином Фёдором Масколёнком о зерне, оставленном на хранение.

317. 7165. М(есе)ца февраля четвертого дня.

Декрет в справе велебного отца Захаря Яновича, священъника ветренского зъ Федором Москаленкомъ о пол¹...4 бочки збожа.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(o) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(o) величества Полоцкогo, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, велебнии в Богу отецъ Захаря Яновичъ, священъник ветренъскии, жаловаль на мещанина места Полоцкогo Федора Москаленка о неоддане и невернене собе чотырох бочок збожа розного, которое ему, уходечы од рати осударское с Полоцка, до схованя дал.

О што будучы он, Федор Москаленок, очевисто на день сегоднешнии через слугу вradoвог(o) меског(o) Ивана Шлюбовскогo заказаныи, постановившысе, поведил: «Правда то ест, же мне велебнии отецъ Захаря Янович, священикъ ветренъскии, уходечы од рати, збоже розное до схованья дал, але не чотыры бочки – одно осми²», и не одному мне оное давал. Тедесмо часть того збожа продали, а остаток в яме запало, о чом и люде ведаютъ», которых людеи мы, врад, наказали ему, Федору Москаленку, дня третего ку сознаню через себе поставит.

Што про память ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 196.

№ 75

1657 г. февраля 4. – Признание передачи «в дозор» полоцким мещанином Матиашам Щербицким на время поездки в Вильню двух домов в Полоцке своему приятелю Мартину Суфрановичу.

318. 7165. М(есе)ца февраля четвертого дня.

Порученье двух домов в дозор през п(а)на Матыяша Щербицког(o) п(а)ну Мартину Суфроновичу.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

№ 74

¹ Далее смыто приблизительно 3 буквы.

² Далее пробел приблизительно на 19 букв.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Ставшы очевисто, пань Матыяшь Щербицкии, зять славетного п(а)на Крыштофа Сторымовича, бурмистра полоцкого, полетил од себе в дозор и заведыванье два дома тут, в месте Полоцкомъ будучые: один домъ помененого п(а)на тестя своего, в рынку стоячыи, а другии дом шотовьскии, собе и малжонце своей належачыи. А то поручыл тые дома, водлуг грамоты од его м(и)л(о)сти п(а)на воеводы собе даное, п(а)ну Мартину Суфроновичу, прыятелеви своему, ажъ до прыбытия своего в Полоцокъ зъ Вильна, где на сес час промешкиваеть.

Которое таковое злеценье тых домовъ вышепомененых п(а)ну Мартину Суфроновичу ест до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 196об.

№ 76

1657 г. февраля 4. – Возвращение полоцким мещанином Романом Дмитривичем «русскому человеку, псковитину» Карпу Борисовичу долга 2 рублей «грошей серебряных мелких».

320. 7165. М(есе)ца февраля четвертого дня.

От данье двух рублей гр(о)шей през Романа Дмитривича Карпе Борысову с(ы)ну, псковитину.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Роман Дмитривич отдал и уистил перед нами два рубли гр(о)шей серебряных мелких ч(о)л(о)в(е)ку рускому Карпе Борысову с(ы)ну, псковитину, што тот Карпа од него прынявши, с того долгу зрелсе, иж се ему во всемъ от него дост стало.

Што про память ест до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 198.

№ 77

1657 г. февраля 6. – Дело полоцкого мещанина Игната Пахилочонка с полоцким мещанином Петром Жуком о разгроблении его имущества, когда Игнат убежал с Полоцка.

325. 7165. М(есе)ца февраля шостого дня.

Справа Игната Пахиличонка с Петромъ Жукомъ о розгроменье его зъ маетностью рухомою, кгда был в збегах.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Игнатъ Пахильчонок прокладал жалобу на мещанина того ж места Полоцкого Петра Жука о то, иж, деи, онъ, Петр Жукъ, с помочниками своими наехавшы на его, Пахилчонка, на тот час в збегах мешкающего, еще в року тисеча шестсотъ пятьдесятъ четвертомъ, оног(о) со всею маетностью рухомою розъгр(о)мил и забрал оное на копъ пятьдесят гр(о)шей лит(овских) шышовским способомъ.

До которое жалобы будучы он, Петр Жук, очевисто на день сегоднешнии через слугу вradoвого меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, поведил, иж, деи: «Я з двема товаришы своими был посланыи от его м(и)л(о)сти воеводы полоцко-го за проводника пры осударовых ратных людех и в том меиску, где онъ, Пахилчонок, в збегах перемешковал, быломъ, але его не виделим, и што меним, якобымъ мел его розъгромит, того николи не чынилом. Але тые ратные люды, у которых я проводни-комъ быломъ, всюды, кгда одно ишли, дома людские палили и пустошыли, и людеи збеглых розбивали, на што готов ставит товаришов моих двух: Якуша // [Л. 201об.] Рез-ника и Алексея Семеновича», которых мы, вradъ, дня третего оному ставит наказали.

И то про памет ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 201–201об.

№ 78

1657 г. февраля 7. – Жалоба полоцкого мещанина Стаськи Миколаевича на могилёв-ского мещанина Афанасия Ивановича Бурака о долге в 300 коп грошей литовских.

333. [7]165. М(есе)ца февраля сегого дня.

Протестаця Стефана Миколаевича на Афанаса Ивановича Бурачка окопъ 300, на обликгъ винныхъ.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающыи.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Стасько Миколаевич опове-дал и жаловал на мещанина места Могилевьского Афанаса Ивановича Бурака о то.

Ижъ, деи, онъ, Афанас Иванович, оставшы виннымъ ему, Стаську Миколаевичу, на лист обликгъ, правне справленыи, копъ трыста гр(о)шеи лит(овских), а отдавшы ему толко на тую суму през челядника копъ двадцать, остатка копъ двухсотъ осмидесят нет ведомо для чо(о) за частокротным упоминаньем оддать, деи, не хочет. А терминъ, тои суме п(е)н(е)зи въ обликгу описаныи, минул еще в року 1654 в день Рождества Пре-светое Богородицы. За чым хотечы з ним, Афанасом Бурачкомъ, о тую неотданую суму п(е)н(е)зи часу своего у суду належного правом чынить и на нем того со всеми шкодами, накладами доходить, сее оповеданье свое занесл и просил, абы было до книг мескихъ полоцкихъ записано.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 205об.

№ 79

1657 г. февраля 9. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Кондрата Скрипки с полоцким мещанином Кондратом Гинком о прапаже талера и 13 коп грошей литовских.

339. [7]165. М(есе)ца февраля девятого дня.

Декретъ в справе Кондрата Скрыпки зъ Коньдратомъ Кгинкою о копъ трынадцать пограбленныхъ и о талер.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и объладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающыи.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Кондрать Скрыпъка жало-вал на мещанина того ж места Полоцкого Кондрата Кгинку о то, иж, кгда дня оно-

гдаишого¹ он, Кондъратъ Скрыпка, будучи потребным дробное монеты на талеры печатные, зашел в домъ до славетного п(а)на Яна Тишковича², лавника места Полоцкого, хочечы тамъ у шынкарки монеты достать. Тамъ же, кгда его, Кондрата Кгинку, зостал, уседшы подле его, о потребе своеи сказал и вси талеры зъ шоросла на стол высыпал. Теды, ³деи³, он, Кгинька, первеи талера одного у мене отнял, а потомъ остаток, всыпавшы в чоросло, за пазуху мне заложыл. Где я, седечы час немалыи и потпивъшы добре, заснуломъ. А он, Кгинка, зъ челядникомъ своимъ мене взбудил и презъ того челядника до дому отпrowадил. В томъ теды часе тые грошы зъ черосломъ, которыхъ⁴ было трынадцать ⁵копъ⁵ пропали и нет ведома, если он, Кгинко, взял, если тежъ челядник его, которыхы, провадечы его в домъ, и кожухъ з него снял, и до дому не допrowадил.

До которое жалобы будучы онъ, Кондърат Кгинька, очевисто на день сегодняшнии черезъ слугу врадового меского Ивана Шлюбовского заказаныи, постановившысе, // [Л. 210] поведил.

Иж, деи, онъ, Кондъратъ Скрыпка, не для монеты якое в домъ п(а)на Яна Тишковича⁶ зашел, але з умыслу мене на мед запросил. Тамъ же седечы, толко чотыры талеры⁷ гр(о) шеи показал и одног(о) талера самъ доброволне мне за поземъ од дому моего, в котором мешкаеть, дал. А кгда он подпил, ямъ его не будил, грошеи ему за пазуху не клал, але он самъ в хустку завезал и сховал. А потом, обудившысе, самъ о челядника мене просил, штобы его до господы одпrowадил. Которого кгдамъ ему дал, провадил его потул, покул самъ его назад вернулъ, а меновите вернул его од дому Филонового. А тот челядник не мог ему жадное шкоды учынить, бо кгда ж еще хлопец дванадцати лет, а не челядник был. И чому ж он о то прецесу зараз не учынил, бо то не тепер деелосе, а я на все то маю человека доброго Федора Запеку, которыхы посполу со мною од его, Скрыпки, на мед был запрошоныи, а тот хлопец, сын полоцкого мещанина Еська⁸ Карпеки, давно от мене отстал. А если бы ему якую шкоду учынил, нехаи себе с отцом его ведаеть. А я ему жаднымъ шкодникомъ не естемъ⁹, што се покажеть зъ сознания Федора Запеки.

Которыи¹⁰ то Запека¹¹, кгда был на день третии черезъ того ж слугу врадового перед нас, врад, запозваныи, ставшы, под сумненемъ сознал.

Иж, деи, Кондрат Скрыпка самъ доброволне Кондрата Кгинку и мене на мед в дом пана Яна Тишковича¹² запросил и там, севшы, чотыры талеры печатных зъ чересла вынемшы¹³, одного Кондрату¹⁴ Кгинце за позем домовыи дал, а талеры тры, увезавшы у хустку, до себе взял. А потомъ, отрезвившысе, просил Кгинки о хлопца, абы его до господы отпrowадил. Которог(о) он ему прыдал, а потомъ мы оттул посполу пошли. А шкода жадная ему, Кондрату¹⁵ Скрыпце¹⁵, одъ Кгиньки не учыниласе.

А такъ // [Л. 210об.] мы, врадъ, в тои справе бачечы зъ сознания Федора Запеки, иж Кондърат Кгинко Кондрату Скрыпце ни в чомъ не естъ винен и не так много, яко жалуетъ Скрыпка и грошыи зъ чересла вымал, с тых прычын его, Кондрата Кгинку, од тое всее

№ 79

¹ Другое о исправлено с е.

² о поверх смытого другими чернилами.

³⁻³ Написано над строкой другими чернилами.

⁴ Первое о вписано позднее другими чернилами.

⁵⁻⁵ Написано над строкой другими чернилами.

⁶ о поверх смытого другими чернилами.

⁷ р переправлено на л другими чернилами.

⁸ съ написано над строкой другими чернилами, к поверх ранее написанного.

⁹ Другое е поверх ранее написанного.

¹⁰ и другими чернилами, рядом — полустертая с.

¹¹ а написано почерком II другими чернилами.

¹² е переправлено на о.

¹³ и переправлено на м.

¹⁴ а переправлено на а.

¹⁵⁻¹⁵ Написано почерком II поверх смытого.

жалобы волного чынимъ, а отцу того хлопца Еську¹⁶ Карпеце, которыи обещным пры той справе была сына у себе быть не сказывал, наказуемъ дня третего прысегу выконат на томъ, яко ему тот сын его грошей жадныхъ и кожуха до схованя не давал и яко объ немъ, где се оборочает, не ведаеть. А за тымъ од тое жалобы Кондрата Скрыпъки волнымъ быти маеть.

Которая справа, якосе перед нами, вradoмъ, деела, про память естъ до книг меских полоцкихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 209об.–210об.

№ 80

1657 г. февраля 9. – Признание перед полоцкими лавниками Базылем Свентитским и Михалом Наплешичем «русского человека» полковника (?), что полоцкий мещанин Роман Дмитривич должен ему только 2 копы грошей литовских, а не 20.

340. 7165. М(есе)ца февраля девятого дня.

Прызнанье панов лавников, иж се перед ними знал пулковник москал, што ему Роман Дмитривич винен толко копъ 2, а не 20 талереи.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлая Россіи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), того року на справах судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающыи.

Постановившысе очевисто, славетные пан Базылии Свентицкии и пан Михал Наплешыч, лавники места Полоцког(о), признали, иж, деи, перед ними за пытаньем их полковник ¹... , рускии чоловек, ²на сес час хорыи², прызналсе, што ему мещанин полоцкии Роман Дмитривич винен толко копъ две, а не двадцат талеров, яко на его жаловал.

Што тежъ про память ест до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 210об.

№ 81

1657 г. февраля 13. – Арест по делу полоцкой мещанки Федоры Васьковой о долге 20 коп грошей литовских, сидящего в тюрьме полоцкого мещанина Романа Дмитривича.

351. [7]165. М(есе)ца февраля трынадцатого дня.

Арештованье сидячог(о) в турме Романа Дмитривича од Федоры Васьковой о копъ 20 долгу.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия и Малыя и Бѣлая Россіи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), того року на справах судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающыи.

Ставшы очевисто, слуга мескии врядовыи ¹... ²... прызнал.

¹⁶ с другими чернилами, ь исправлен с с другими чернилами.

№ 80

¹ Далее пробел приблизительно на 19 букв.

²⁻² Вписано над строкой.

№ 81

¹ Далее пробел приблизительно на 6 букв.

² Далее пробел приблизительно на 6 букв.

Иж за потребованьем мешанки п[о]лоцкое³ Федоры Васьковое арештовал в турме меской седячо(о) мешанина полоцко(о) Романа Дмитривича, абы не был выпущан одтуль аж до отданя еи, Васьковой, през его, Дмитривича, двадцати к[о]н⁴ гр(о)ш(еи) лит(овских) винных.

Которыи арешт прынять, деи, ест.

И то для памяти есть до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 214об.

№ 82

1657 г. февраля 15. – Сообщение полоцких лавников Стефана Людковича и Базылия Свентицкого и городского врядового слуги Станислава Володковича и осмотре тела убитого полоцкого мешанина Якуба Ходыки.

353. [7]165. М(есе)ца февраля петнадъцатого дня.

¹Реляция панов лавников и слуги врядового огляданья тела за битог(о) сына п(а)ни Федоровой Ходычыно и п(ана) Якуба Ходыки, которое забите стало през Кузьму Василевича¹.

Б(о)жю м(ил)о(с)тю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и велико(о) кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия Малыя и Белья Россый самодержца и обладателя.

Передо мною, Филипом Кособуцкимъ, бурмистром места царского величества Полоцко(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающимъ, а передо мною, Сергеем Каменкою, тежъ бурмистром, на меисцу рочно(о) бурмистра славетно(о) пана Кузмы Наумовича будучымъ.

Постановившысе очевисто, славетные панъ Стефанъ Людковичъ и панъ Базылии Свентицкыйи, лавники места Полоцко(о), и пры них слуга врядовыйи мескийи прысяглыи Станислав Володковичъ, прызнане свое реляцияное учынили в тые слова.

Ижъ, деи, с прыданья и посланья вашои м(ил)о(с)ти в раду а за потребованем славетное пани Просини² Скабичовъны, бурмистровны полоцкое, Федоровое Ходычины, раицвое беззское, и сына ее пана Василя Ходыки ходили есмо до дому пани Лукашовое Цыгановое, бурмистровое полоцкое, на улицы Великои стоячо(о), где на сес час панъ Левонъ Митюличъ, мешанин полоцкыйи, меш[ка]еть³. В томъ теды, деи, доме за оказываньем ее, пани Ходычины, огледали есмо тела сына ее, пани Ходычины, небощыка пана Якуба Ходыки, тепер свежо змерлого за смертельным зраненьемъ през мешанина полоцкого Кузьму Василевича, шевца, яко сама она, пани Ходычыная, меновала. Где на том теле змерломъ, то есть на руце левои видели подь самую // [Л. 216об.] запястю через сущавъ од долины понижеи трохе рану шкодливую тятую вдлуж, и завернуласе на бокъ карвашомъ, и жылы пересечоны. Которую рану менила пани Ходычыная, ижъ задал небощыкови помененыи Кузма Василевичъ, швецъ, его жъ шаблею, порвавши зъ стены, на него безбороньно(о) тял, наехавшы з умыслу на домъ ее, пани Ходычины, в маетности заставнои Горспли за радою и намовою сполною тестя и тещы его. Од которог(о) зраненья вес с криви стекышы, третего дня з сего света смертю шзольт, яко обо всемъ шыреи в протестацыи, о то учыненои, ест описано.

Которое таковое прызнание помененых панов лавников и слуги врядовог(о) тое реляция огледанья тела змерлог(о) ест до книг меских полоцкихъ записано. ⁴Выпис выдано⁴.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 216–216об.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 82

^{1–1} Написано почерком II.

² Так в рукописи. Просини, исправлено по смыслу.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

^{4–4} Написано почерком II.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

1657 г. февраля 20. – Дело бывшего городского врядового слуги, царского казака Фёдора Рилковича с полоцким мещанином Александром Вишнею о долге в 22 копы грошей литовских за купленный дом.

373. [7]165. М(есе)ца февраля двадцатого дня.

Справа Федора Рылковича, казака, зъ Александром Вишнею о копъ 22 гр(о)ш(е)и).

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого князя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким, бурмистром, а Сергеем Каменкою, теж бурмистром, на меисцу рочного бурмистра славетного п(а)на Кузьмы Наумовича будучым; и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, Федор Рылькович, бывшыи ¹первеи сего¹ слуга мескии ратушнии полоцкии, а на сес час козак царского величества, жаловал на мещанина места П[оло]цкого² Александра Вишню о неодданье себе двадцати и двух копъ грошей лит(овских), што ему еще перед ратю осударскою на заплату дому, у него купленого, дал. А тот, деи, домъ отнял правом у мене ³славетныи³ панъ ⁴Стефан Ро⁴щевск⁵ии, раица⁵ полоцкии, за его ж долгъ. За чым тые грошы у него неналежне заставаютъ, и дому того еще мне на тот час не признавал, // [Л. 288] але, взявшы у мене тые грошы, и сам с Полоцка зъехалъ.

До которое жалобы будучы тот Александер Вишня очевисто на день сегодняшнии через слугу врядового меског(о) Ивана Шлюбовского заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, де, я ему, Федору Рыльковичу, ничего не естем винен, але еще он мне решты за дом зостал винен копъ пять, бо кгдажъ он купил у мене еще перед ратью осударскою дом мои власныи, тут, в месте Полоцком, ⁶... стоячыи, и дал мне готовых грошей зараз водлуг постановеня и торгу нашего копъ двадцать две, а копъ полтрети перенялсе он же заплатить за мене п(а)ну Стефану Рощевскому, раицы полоцкому. Которые скоро бы п(а)ну раицы отдал, я повинен был ему дом тот признать. А болеи я п(а)ну Рощевскому ничего не естем винен. И не за мои долг тот дом п(ану) Рощевскому досталсе, але за чыисъ иншыи, бо вжо он, Рылкович, немалый час тым домом, у мене купленным, владел, сам в нем мешкал, резнику од себе споземлял и Кгурскому в копах двадцати заводил. На што все маю людей: Янка Невисного и Ходка Плешка.

Которых оному мы, вряд, на день третии запозват ку сознанию наказали.

Яко ж кгда были обадва на день третии через слугу врядового Станислава Володковича заказаны, Янко Невисныи, будучым хорым, не стал. А Ходко Плешко, под сумненем ставшы, сознал.

Иж, деи, я чул, што Федор Рылькович у Вишни дом купил, але за якие грошы и где хто з них жыл, не ведаю.

А по сознанию его Александер Вишня поведил.

И[ж]⁷, деи, маю я и болеи на то люди, толко се еще по збеженю военном к Полоцку не зъехали. Так же и п(ана) Рощевского, которому он за мене копъ полтрети платит

№ 83

¹⁻¹ Написано над строкой.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³⁻³ Поверх смытого.

⁴⁻⁴ Поверх смытого.

⁵⁻⁵ Поверх смытого.

⁶ Далее пробел приблизительно на 20 букв.

⁷ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

перенялся, нетус. А што он, Рылкович, мовить, якобым я мел с Полоцка, взявши грошы его, зъезджать умыслне, тог(о) николи не было, але я по проданью ему дому ездил добровольне на перемешкиваньё до Дрысы. ⁸Прошу ва⁸шых // [Л. 228об.] м(и)л(о)стеи вряду од тое невинное турбацыи его увольняеня.

Противо чому Федор Рылкович поведил.

Иж, деи, ⁹я за ег(о), Вишню, жадных грошей п(ану) Рощевскому платит не переималсе, але⁹ и я немало на то ¹⁰все¹⁰ в збегах людеи маю, што тот дом его п(ан) Рощевский за ег(о) власне долг по продажы вжо у мене однял и вжо кому иншому продал и признал. О што был у мене процес в ратушы учыненыи, але на сес час книг тых в Полоцку нету.

А такъ мы, вряду, в тои справе выслушавшы добре з обоих сторон шырокое мовы, так же и светка, Ходка Плешка, а упатруючи то, иж през колко год перед ратью праведног(о) г(осу)д(а)ря ц(а)ря актор тое справы Федор Рылкович слугою меским ратушним полоцким был¹¹ и снаднеи мог себе признанья на тот дом доходить и упоминаitse, и для чого бы не мог п(а)ну Рощевскому, раицы, того дому боронить, также и процесу, которого менует, што учынил, с книг выписом взять, кгда жъ нигде с Полоцка, яко слуга меский, не одгажалсе и не одещдал, с тых теды и з многих иншых прычын, од нас, вряду, вынаиденых, помененого Александра Вишню од тое жалобы его, Федора Рылковича, и од всея речы, в неи описаное, вольного чынимъ такъ, ижъ вжо один до дног(о) ни о што потребы жадное не мають мети. Однакъ Федору Рылковичу, до кого себе о то разумеетъ, ¹²то ест¹² до особъ инъшых за певнейшую речю и доводом слухнымъ, вольное право заховуем.

Которая справа, [як]осе¹³ передъ нами, вradoмъ, точыла, про память ест до книгъ меских полоцкихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 227об.–228об.

№ 84

1657 г. февраля 21. – Сообщение старост полоцкого слесарского и котлярского цеха, что дисенский мещанин Алексей Герасимович успешно прошёл обучение котлярскому ремеслу и тепер свободен от обязательств перед цехом.

378. 7165. М(есе)ца февраля двадцать первого дня.

Сознане старост цеху слесарског(о) и котлярского полоцкого и иншых ремесников цеху их, иж Алексей Герасимович, котляр, ест выслужоним в том ремесле котлярском и с цеху их вызволеныи.

Бурмистры, раицы и лавники места царского величества Полоцкого, сего року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающие.

Чыним ведомо и ознаиуемъ тым нашим вradoвым листом всим в обец и кождому зособна, кому бы о том ведати належало, иж за потребованемъ и жоданем мещанина дисеньского Алексея Герасимовича, котлера, ставшы перед нами очевисто в ратушу Полоцкомъ на меисцу звыклом судовым, мещанин полоцкий Иван Касперович Шышка, котляр, устне под прысегаю водлугъ науки права маидебурского в голос сознал в тые слова, иж помененыи Алексеи Герасимович, мещанин дисеньский, зашодшы до места Полоцкого еще з молодых лет своих, служыл ему, Ивану Шышце, през год десет нерозделне, учечысе ремесла котлярског(о). То ест прыстал, деи, до него на тую службу

^{8–8} Поверх смытого.

^{9–9} Написано на правом поле с употреблением специального знака вставки.

^{10–10} Написано над строкой.

¹¹ лъ поверх ранее написанного.

^{12–12} Написано над строкой.

¹³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

в тисеча *шестсот* сорок втором году и служыл за хлопца, не отставаючы и нигде не од-
ходечы, през год сем, а потом за его, Ивана Шышки, залеценем зъ цеху котлярского
вызволеныи, zostавшы, робил у него ж, Ивана Шышки, на варстате вжо за товариша
годы тры, и у него ж будучы, за ег(о) промоцыею оженилсе, а оженившысе и мало што
змешкавшы у Полоцку, и з жоною своею до места Дисеньског(о) на мешкане отехал.

А до того, постановившысе теж очевисто перед нами, вразом, мещане теж полоцкие,
старостове сегорочные цеху полоцкого слесарского, ковалского, котлярского и меч-
ницкого, то *ест* два их: Максим Зенькович, зекгармистр, и Апанас Лукашевич, ковал,
а пры них и иные ремесники цеху их а мещане теж полоцкие Панкрат Иевлевич, сле-
сар, и Сымонъ Васильевич Кгавловский, // [Л. 232об.] мечникъ, сами от себе и име-
нем всего цеху своег(о) тое сознание помененого Ивана Шышки яко слушное и прав-
дивое потвердившы, тако ж под сумненем и под присегою добровольне сознали, же тот
Алексеи Гарасимович по верном и цнотливом у помененог(о) Ивана Шышки выслуже-
нию и того ремесла котлярского научению за згодою всее брати цеховое полоцкое, яко
ремесник добрый и выслужоныи есть с цеху котлярског(о) вызволеныи.

Которого такового, под присегою през вышпомененых особъ учыненого, сознания
мы, маистрат, выслухавшы, абы того Алексея Гарасимовича везде за почтывого чоло-
века и за доброг(о), вызволеног(о) с цеху ремесника мели, для потомного веку за по-
требованемъ его, казавшы до книг наших меских полоцких записат, даем тое наше
тестимониумъ с печатью упрывилеваюю мескою ратушнею и с подписом руки писара
нашег(о) меского полоцкого.

Писан у Полоцку, дня двадцат первого февраля, тисеча *шестсот* пятьдесятъ
семог(о) году. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 232–232об.

№ 85

1657 г. февраля 21. – Жалоба полоцкого мещанина Ивашки Даниловича Овчинки на
полоцкого мещана Якуша Рослого о забрани перины, подушек и наволочек, которые у Якуша
были куплены.

379. [7]165. М(есе)ца ¹февраля¹ двадцать первого дня.

Протестаця Ивашки Овчынъкина Якуша Рослог(о) о погра-
бенъе перын и подушок.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михаилови-
ча, Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества
Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцког(о) Ивашко Данилович Ов-
чынка оповедал и жаловал на мещанина теж полоцког(о) на Якуша Рослог(о) о то.

Иж он, Рослыи, нет ведома [за]² што и яким способом пограбил у него и здержал
у себе перыну одну, подушку з наволочкою одну и особно наволочку порожнюю, што
опроч наволочок у его ж, Рослог(о), за золотых пят покупил. А потом, кгда все пере-
правил, перя болеи насыпал и наволочки посправовал, он то все до себе безпотребне
заграбил и у себе затрываетъ.

О што то все хотечы з нимъ, Рослым, он, Ивашко Овчынка, правом чынит и тог(о)
на нем доходить, дал сюю жалобу до книг меских полоцких записать.

Которая есть записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 232об.

№ 85

¹⁻¹ Поверх смятого.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

1657 г. февраля 23. – Судебное решение по делу подданного полоцкого мещанина, бурмистра Фёдора Сотковского с села Гущино Фёдора Авласовича с полоцкой мещанкой Настюшою Запечыною о невозвращении отдолженного коня.

382. [7]165. М(есе)ца февраля двадцать третез(о) дня.

Декрет в справе славетного п(а)на Федора Сатъковского, бурмистра полоцкого, з Настюшою Запечыною в крывде подданного Федора Авласовича о коня ценою копъ 15.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким, бурмистром, а Сергеем Каменкою, тежъ бурмистром на меищу рочноз(о) бурмистра славетного п(а)на Кузьмы Наумовича будущимъ, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Кгды ку розсудкови нашому вравовому прыточыласе справа славетноз(о) п(а)на Федора Сатъковского(о), бурмистра полоцкоз(о), в крывде подданоз(о) ег(о) зъ села Гущины на име Федора Авласовича зъ мещанкою полоцкою Настюшою ¹ Запечаною о невернене тому менованому подданому его, п(а)на бурмистра, коня, у него позычноз(о), ценою од петнадцати копъ грошей.

В которой справе ижъ се то з мовы обоих сторон показало, же тот конь у Запечаное зъ возом и з многими животами ее през рат в сие военные часы отнять и она им не пожитковала. С тых прычин, уважаючи, абы на обе стороны присег так на цене, яко и на пропажы тог(о) коня не было, але заховуючысе водлуг науки правное и цены, рослому коню в Статуте описаное, наказали есмо помененой Настюшы Запечыной, абы тому подданому п(ана) бурмистровому Федору Авласовичу за того коня копъ две гр(о) шеи лит(овских) дня третез(о) заплатила. Чого иж и на дню третем не оддала.

Прото мы, врад, за тую коп две на одправу и фантоване до всякое ее маестности лежачое и рухомое и джо особы ее самое, которая се гдеколькок оказати и вынайти может, отослали.

Которая справа про память ест до книг меских полоцких записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 234об.

1657 г. февраля 23. – Описание имущества полоцкой мещанки Михайловой Якубовичовой Контаровой, передача данного имущества её внуку Яну Базылевичу Боровому и передача Яна в опеку полоцкому мещанину Гавриле Боровому.

386. 7165. М(есе)ца февраля двадцать третез(о) дня.

Список маестности, по небощыку Михаилу Кантору и жоне его позосталое. Тут же и поданье оное внуку их Яну Боровому и поданье его в опеку Гаврыле Боровому до взросту летъ его.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ, бурмистром, а Сергеем Каменкою, тежъ бурмистром на меищу рочноз(о) бурмистра, славетноз(о) п(а)на Кузьмы Наумовича, будущим, и перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

№ 86

¹ Далее пробел приблизительно на 10 букв.

Постановившысе очевисто, славетные пан Михал Наплешыч и пан Иван Микитич, лавники места Полоцкоз(о), и пры них слуга владовыйи мескийи присяглыи Иван Шлюбовскийи, прызнане свое учынили в тые слова, иж, ¹деи¹: «За даньем ведома вашои м(и)л(о)сти владу през мешанина полоцкого, на Екиманьи мешкающего в дому Клинцовое, наиме ²през² Ивана Деревягу и ³през³ Марушу Гаврыловую Коваленковую о смерти небощыцы Михаиловое Якубовичовое Канторовое, и мужа ее Михайлы Кантора, которому дня вчораишо(о) тыдень минул, яко вскоре по смерти жоны своее самъ ⁴безтестаментне⁴ умерль, а маетность его рухомая пры их дозоре позосталасе, и належати маеть внуку их, котороз(о) теж отец и matka, а дочка Канторова, померли, то ест Яну Базылевицу Боровому, в letech еще недорослых будучому. А так, деи, за посланьем вашею ж м(и)л(о)сти владу, дня оногдашного, двадцатоз(о) сего ж м(есе)ца февраля, были есмо мы, лавники, у того Ивана Деревяги и у Марушы Гаврыловое Коваленковое, которая пры смерти небощыка Кантора и жоны ег(о) была, где за указов[ане]м⁵ през их списали есмо всю маетность лежащую и рухомую, по вышменованных особах позосталую, штосмо очыма нашими видели.

Наперед: сукманъ старыи, люндышовыйи, чорныи, без лиштов; чамара люндышовая, чорная, баранами подшытая чорными; другая чамара люндышовая, старая, неподшытая; летник фалендышовыйи вишневыи, поношоныи; штат табинковыи; дылея люндышовая, темно-зеленая, с петлицами, поношоная; полшубок старыи; опонча // [Л. 237] старая, московская; акгнусок серебряныи; крыжык серебряныи; лиштвы с под сукмана полчамлетовые; фартух зеленыйи, гарусовыйи, старыи; чепков простых тры; полотна локот шест; колнер кармазыновыи зъ золотом; биндалик с коруночками золотыми, другии бинъдалик зъ коруночками чорными; шчотка плотенная великая; ручникъ, балхвою перетыканыи; престирадло, балхвою перетыканое, старое; биндалики старые два; кошуль белоголовских одинадцать; фартух белыйи одинъ; куница одна; фляшка цыновая в полкварти; два котелки медяные, малые, старые; черпок медяныи; безъмены два; шабля; секира; пилка малая; путы конские; железо кравецкое ручное; свердлы два; стружок объцуги; склют теселскийи; подушки чотыры; перына одна; жыта осмии две, а третья осмина ровная; ечменю осминка; пшеницы осмины тры; скрынки порожные две; кожа одна.

А до тоз(о) зосталсе теж дом их, там же, на Екимани, на боярщине, на улицы Великои стоячыи, зъ избою и з истобкою, на полпляца збудованыи подле дому з одного боку Игната Пахилчонка, а з другого подле дому Дуневского, шевца. А другую половицу того дому, то ест полпляца земли зъ клетю и з истобкою, там збудованою, поведали, деи, многие суседи и тот Иванъ Деревяга и Гаврыловая Коваленковая, што, умераячы, небощык Михаило Кантор тое полдвора отказал за долг в дванадцати копах Агапону Лукьяновичу, мешанину теж полоцкому, и ему належати маеть».

Которую тую всю вышеописаную рухомую маетность и полдому, по небощыку Михайлу Кантору и жоне ег(о) позасталое, вышеи ограничением выраженое, и внука их Яна Базылевицу Боровоз(о), которому тая маетность належит, мы, маистрат, поручыли и дали со всеи в опеку племеннику ж его, а мешанину места Полоцкоз(о) Гаврыле Боровому, и через тых панов лавников всю тую маетность оному до опеки подали.

Мает теды он, Гаврыло Боровыйи, всю тую рухомую маетность аж до взросту лет того сироты позосталоз(о) пры себе вцеле заховати, и того сироту у себе держать и кармить, и доброе цвичене давать. А на прокормъ его позволяем ему, Гаврыле Боровому,

№ 87

¹⁻¹ Написано над строкой.

²⁻² Написано над строкой.

³⁻³ Написано над строкой.

⁴⁻⁴ Написано над строкой.

⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

дом, ему належачи, продат, а тыми грошми до доистя лет его пожытковат и всякие на ег(о) выдатки писать, а напотом со всег(о) тог(о) выличытсе маеть.

Которое таковое списанье маетности, по небошыку Михаилу Кантору и жоне ег(о) позосталое, и поданье оное през славетных панов и слугу вradoвог(о) в опеку помененому Гаврыле Боровому ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 236об.–237.

№ 88

1657 г. февраля 24. – Жалоба полоцкого мещанина Ивана Шаши на полоцкого мещанина Хомку Андреевича Кравчонка о невыполнении обещания жениться на его сестре Катерине и о забрани у неё кольца.

389. 7165. М(есе)ца февраля двадцать четвертого дня.

Протестаця пана Ивана Шаши, козака, и матки его на Хомку Кравчонка.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя. // [Л. 238об.]

Перед нами, Филипом Кособуцким, бурмистром, а Сергеем Каменкою, теж бурмистром на меисцу рочног(о) бурмистра, славетног(о) пана Кузьмы Наумовича будучым, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Оповедал и жаловал панъ Иван Шаша, козак полоцкии, сам от себе и именем матки своее а в крывде и обельженью сестры своеи панны Катерины на Хомку Андреевича Кравчонка о том, иж он през целыи Мясоедъ, удаючысе до менованое сестры его, частокротъ, стараючысе о прязнь, бывал; и оным не погаржаючы жалобливые, што убогии дом мел, едзеньем и питьем чествовали. А потом, взявши он, Хомка, перстенок сребрании у панны, прыобещал на змовины у неделю перед Запустами Великими прыйти, а не прышол, але потом ыншою оженился.

Зачым жалобливыи Шаша, хотечы убытку и шкод своих, которых на сем таляров битых понес, и перстенка ценою за таляр купленог(о), на нем доходить, даль тую жалобу свою до книг меских полоцких записать¹.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 238–238об.

№ 89

1657 г. февраля 24. – Жалоба земянина Полоцкого воеводства Габриеля Прусского на земянина Полоцкого воеводства, своего тестя Станислава Подборского о нанесении ран.

390. 7165. М(есе)ца февраля двадцат четвертого дня.

Протестаця п(ана) Кгабрыеля Пруског(о) на п(ана) Станислава Подборского о зранене.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким, бурмистром, а Сергеем Каменкою, теж бурмистром на меисцу рочног(о) бурмистра, славетного п(ана) Кузьмы Наумовича будучым, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

№ 88

¹ Так в рукописи, нужно читать записать.

Постановившысе очевисто, земенин воеводства ¹... пан Кгабрыель Прускии чынил словную протестацію на земенина воеводства Полоцкоз(о), его м(и)л(о)сти п(а)на Станислава Подборского о двакротное тясте на нег(о) шаблю, запросившы его до себе. Што напотом шыреи на писме обещал дат, а тепер просил, абы тое словное его оповеданье было до книг меских полоцких прынято и записано.

Которое ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 238об.

№ 90

1657 г. февраля 27. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Фёдора Бухалы с полоцким мещанином Омеляном Бухалом о неоддании 100 талеров дохода от совместной торговли пенькой.

394. [7]165. М(есе)ца февраля двадцать сегого дня.

Декрет в справе Федора Бухалы¹ зь Омеляном¹ Бухалою о талеров 100 пожытку зь сполных гандлев.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким, бурмистром, а Сергеем Каменкою, теж бурмистром на меисцу рочного бурмистра славетноз(о) п(а)на Кузмы Наумовича будучым, и перед нами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), тоз(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючыми.

Кгды ку розсудкови нашому врадовому прыточыласе справа мещанина места Полоцкого² п(ана) Федора Бухалы з мещанином теж полоцким², а на сес час в Курляндии в местечку Илукште мешкаючым, п(а)ном Омеляном Бухалою, братом его роженным, за заказом, ему очевисто на день сегодняшнии через слугу врадового мескоз(о) Филона Рабьца даным, менечы о неотданье ему, п(ану) Федору Бухале, сту талеров пожытку на част его, зь сполных гандлев, меновите за пенку проданую, належачых.

В которой справе иж по многих обеих сторон мовках показалосе то с писанья, през актора нам указаноз(о) а до нег(о) од Омеляна Бухалы зь Илукшты писаноз(о), где иж водлуг мовы стороны позваное Омелян Бухало пишет до Федора Бухалы, просечы, абы на нег(о) пенку скуповал, и грошы ему на то талеров двесте двадцат посылает, а жадного пожытку с товару того³ не³ обещует, але толко нагородить ему за працу прыобецал. А он теж, Федор Бухал, жадных⁴ своих⁴ грошей в товар тот не уложы[л]⁵.

С тых прычин мы, врьд, п(ана) Омеляна Бухалу от тое⁶ жалобы брата его⁷ п(ана)⁷ Федора вольного учинили, але толко п(ану) Федору Бухале до нег(о), Омеляна Бухалы, если не погодятся о нагороду за працу поступленую а о што собе иншое разумеет, вольное право заховали.

Которая справа про память ест до книг меских полоцких записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 240об.

№ 89

¹ Далее пробел приблизительно на 6 букв.

№ 90

¹⁻¹ Поверх смытого.

²⁻² Написано на правом поле с употреблением специального знака вставки.

³⁻³ Поверх ранее написанного.

⁴⁻⁴ Написано над строкой.

⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁶ т поверх ранее написанного д.

⁷⁻⁷ Написано над строкой.

1657 г. марта 2. – Приказание полоцкого магистрата полоцким мещанкам Настасии Гурской и Сидоровой Теслиной заплатить полтора рубля солдату Самуилу Прокоповичу, в связи с кражей у него жупана дочкой Яновой Турешковой, с правом рассмотрения дела о возвращении им убытка той дочкой Яновой Турешковой.

401. [7]165. М(есе)ца марта второго дня.

Наказ в радовыи, абы Настазыя Кгурская и Сидоровая¹ Теслиная заплатили полтора рубля Самуиле Прокопову с(ы)ну, салдату, а им волное право до жонки, дочки Яновой Турешковой, а то о укр-аденье през тую жонку жупана у того солдата.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким, бурмистром, а Сергеем Каменкою, теж бурмистром на меищу рочного бурмистра славетног(о) п(ана) Кузьмы Наумовича будучым, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, Самуила Прокопов сынъ, салдат Ипцева полку, бил чол-ом на полоцкую мещанку на жену Сидора Михайлова с(ы)на Тесли Паланею о том.

Што, деи, господиня его Настазыя Кгурская опознала у жоны того Тесли шапочку свою, которая у ее пропала з дому. А в ту ж, де, пору, и у его, Самуилы, с того ж дому Кгурское пропал жупан ег[о]² фалендышовыи ценою чотыры рубли. Ино, де, нехаи тая Теслиная за шапочным поличнымъ и мои жупан мне заплатить.

На которую жалобу самъ Сидор Тесьля будучы заказаныи ку той справе, поведил.

Иж, деи, тую шапочку, што Настазыя Кгурская у жоны мое³ познавает, жона моя купила у якоє жонки у Яновое Турешковое дочки, полочанки неоселое, а тепер ее // [Л. 245об.] в Полоцку не видать. А болей того ничего не купила, на што и людеи став-лю, то ест напервеи Аниска Котковича.

Которыи за заказом и за приwołаньем през слугу врядовог(о) ставшы под прысе-гою, на светки в праве описаную, сознал.

Же, деи, жона Теслиная перед нимъ тую шапочку, которую у ее Кгурская познавает, купила у якоє жонки, а болей того ничог(о) не купила.

А Гаврыло Грыгоревъ с(ы)нъ, капрал енералова полку, и Евсеми Елистратов сынъ⁴, того ж полку ч(о)л(о)в(е)къ, руские люди, сознали.

Што, деи, теж перед ними жона Теслиная купила тую шапочку у якоє жонки и у них на тую куплю пять копеек позычыла, а болшь того ничего не купляла.

Мы теды, вряд, бачечы, ижъ тое жонки, у которое Теслиная шапочку купила, в Полоцку нету або и ведома нету, где се оборочает, наказали есмо жоне Теслиной Паланеи и Настазыи Кгурской, абы тую жонку, поневашь ее знають, сыскали и перед нас, вряд, поставили.

Аже оноє през долгии час сыскать не могли, и тая справа аж до одинадцатого м(есе)ца марта проволокласе. Прото мы, вряд, видечы, ижъ ее трудно ест сыскать а тому теж салдату, яко служывому ч(о)л(о)в(е)ку, ку праву часто бывать нелзя, с тых прычин упатруючи тог(о), поневашь тот Самуило Прокопов сынъ, салдат, зъгубы або крадежу жупана своег(о) нигде до книг не являл, и нет ведома, чого он стаял, наказали есмо, абы жона Сидора Тесли Паланея полрубля а Настазыя Кгурская рубль денег тому Самуиле

¹ С поверх ранее написанного.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³ М поверх ранее написанного.

⁴ Сы поверх смытого.

салдату третьего дня отдали и заплатили. А имъ обеюмъ до тое жоньки, Яновои Туреш-ковой дочки, поневашь ее знаютъ, вольное право, где ее колвекъ постигнуть могутъ.

Которая справа про памет *ест* до книг меских ратушних полоцкихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 245–245об.

№ 92

1657 г. марта 6. – Представление полоцким мещанином Гришком Левенком перед городскими властями пойманного им на дороге коня.

412. 7165. М(есе)ца марца шостог(о) дня.

Явил Грышко Левенок коня, которог(о) перенял идучого на дорозе, которыи на враде зостал, ним бы се хто прыискал до нег(о).

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед зуполным маистратом полоцким, в ратушу сего року заседающим.

Ставшы, мещанин полоцкии, на Екиманьи мешкаючи, ¹Грышко Левенок¹ поведил, иж, деи, перенял идучого, нет ведома чьего коня: шерсти ²⁻, взросту середнего, которог мы, маистрат, на врад взять казали, нимъбы се хто до оног прыискал.

А то для памяти *ест* до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 253об.

№ 93

1657 г. марта 11. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Леона Анисковича с полоцким мещанином Тешком Куксёнком о неоддании платы за работу.

428. 7165. М(есе)ца марца одинадцатог(о) дня.

Декрет в справе Левона Анисковича зъ Тешком Куксеньком о копъ 4 заслужоного решты.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким, бурмистром, а Сергеем Каменкою, тежъ бурмистром на мей(сцу) сег(о)рочног(о) бурмиистра славетного пана Кузьмы Наумовича будучым, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Кгды ку розсудкови нашому врядовому прыточыласе справа мещанина полоцкого Левона Анисковича зъ мещанином тежъ полоцким с Тешком Куксеньком за заказом, ему на день сегодняшнии очевисто через слугу врадowego меского Ивана Шлюбовского даным, о неотданье ему, Левону Анисковичу, чотырох копъ гр(о)ш(ей) лит(овских) решты за заслужоное ему за чотыры годы, прыходячых водлуг змовы, а другая вжо чотыры копы дошла.

В которой справе иж позваныи до змовы жадное не зналсе, деи: «Такъ мне служыл: на моеи одежы, а до тог(о) ему чотыры копы гр(о)ш(ей) дал, а болеи ничог(о), деи, не ви-нен». И много межы себе говорки мели.

Мы, врад, упатруючи, абы в тои справе прысега жадная не урастала, же се тая служ-ба надвое, то *ест* перед ратью и по рати осударской отправовала, наказали есмо, абы

№ 92

¹⁻¹ Написано над строкой.

²⁻ Далее пробел приблизительно на 7 букв.

Стешко Куксенюк тому Левону Анисковичу еще золотых чотыры полских дня третего дал, а затым обоє молчать мають.

Што про память *ест* до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 263.

№ 94

1657 г. марта 13. – Дело будовничего Полоцкого воеводства Александра Рыпинского с полоцким мещанином Иваном Валевачком о краже зерна и водки.

431. 7165. М(есе)ца марта трыдцатого дня в пятницу.

Справа его м(и)л(о)сти пана Алексьандра Рыпиньского, будовничого полоцкого, з Иваном Валевачком о збоже, з господы его м(и)л(о)сти покраденое в ноцы.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексьея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипомъ Кособуцкимъ, бурмистромъ, а Сергеемъ Каменькою, теж бурмистромъ ¹на меищу рочнего бурмистра¹, славетного пана Кузмы Наумовича будучымъ, и перед нами, раицами и лавъниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Кгды ку розсудкови нашому врадовому прыточыласе справа земенина и будовничого воеводства Полоцкого, его м(и)л(о)сти пана Алексьандра Рыпинского з мещаниномъ полоцким Иваном Валевачкомъ за заказом ему, Валевачку, на день сегоднешнии очевисто через слугу врадового меского Гарасима Сахонова, в турме седячому, даным, менечы о розное збоже и горелку, злодеискимъ способом з господы его м(и)л(о)сти в ноцы зъ свирна покраденое, которое се поличное в дому его, Валевачка, знашло и оказало. За котрымъ поличным *ест* зараз онъ, Валевачонокъ, до везеня секвестру меского ратушънего *взят*, в котором и тепер заставаючы и будучы перед нас, *врад*, по колко раз до права ставлень, до крадежы того збожа и горельки не зналсе, поведаячы, *иж*, *деи*, тое збоже в домъ его прынесли стоялцы его, служывые руские люди, а онъ в том не *ест* его м(и)л(о)сти виннымъ.

Теды тое справы его м(и)л(о)сть п(а)нъ Рыпинский, на сес час для близко наступуючых святъ хвалебных Великодных не хотечы поперат, просил на недел чотыры odkладу, поведаячы, *иж*, *деи*, вжо з розсудку его м(и)л(о)сти пана воеводы полоцкого од стоялцов солдатов тог(о) Ивана Валевачка *част* того збожа покраденого дошла, а остатка хотечы на немъ, Валевачку, яко на господару тых стоялцов доходит, просил, абы до чотырох недель въ везеню он, Валевачонок, зостал, альбо по себе людеи добрых оселых мещанъ ²парукою дал², заносечы протестацію словную на того Валевач[ика]³ опохвалку, на дворника своего учыненую.

⁴В которой справе⁴ мы, *врад*, чынечы досыт на жоданье его м(и)л(о)сти пана Рыпинского, тую справу на чотыры недели, а меновите до двух недел по святе Воскресения Х(рис)т(о)ва трыдневного близько прыхотячого одложили, а поменены Валевачонокъ в шкоде его м(и)л(о)сти пана Рыпинского до того термину, з odkладу прыподаючого до розправы, паруку по себе людеи оселых, мещан полоцкихъ // [Л. 265] дал. А меновите ручылисе по немъ Моисеи Лукянович, тестъ его, Исакъ Левонович и Алексьеи Кривчонокъ, обещаючысе, *иж* его, Ивана Валевачка, за недели две по святе Великодном перед нами, судом ратушънемъ полоцком, до права поставят, а за непоставе-

№ 94

¹⁻¹ Написано на полях.

²⁻² Написано над строкой.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴⁻⁴ Написано почерком II поверх смытой части строки.

нѣм ино под всю жалобу его м(и)л(о)сти пана Рыпиньского подлегати мают и повинни будуть.

Которая справа, яко се перед нами на враде точыла, и тот одклад оное ест про памет до книг меских полоцких записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 264об.–265.

№ 95

1657 г. марта 13. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Стефана Фёдоровича с полоцким мещанином Яковом Шолухой о сдаче в аренду мясной лавки по большей цене, чем взял сам.

437. [7]165. М(е)сца марца трынацатаго дня.

Декрет в справе С [те] фана¹ Федоровича зъ Яковом Шолухой о подкуп лавки резницкое меское заплачением позему болшо г(о), ни же ему позволено.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким, бурмистром, а Сергеем Каменкою, теж бурмистром, на меисцу рочного бурмистра славетног(о) п(ана) Кузмы Наумовича будучым, и перед нами, // [Л. 267] раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин полоцкии Стефан Федорович жаловал на мещанина тежъ Полоцког(о) Якова Шолуху о то.

Иж, деи, он, Шалуха, подкупилсе и передал болей наиму за лавку резницкую мескую, которую я был уперод споземил, а он и сам в неи не сидеть, только для своег(о) пожитку кому иному от себе для пожитку своего пушает.

Што иж се власне такъ зъ очевистои их обеюх мовы показало, а ку тому и славетныи пан Андреи Белоусович, яко кгминовыи полоцкии, постерегаючи меского пожитку о то, абы Шалуха крамом тым не владел, домавлялсе, але абы болшыи шол пожиток до скрынки меское.

И мы, врад, оного од тое лавьки резницкое одсудили, але для болшого пожитку меского, абы кому иному п(а)н(о)ве кгминовые споземили, позволили. А што Шолуха менил, же паном кгминовым аренду вжо на тот год заплатил, того вольное ему назад у панов кгминовых упоминатсе а они оддать повинны будуть.

Што про памет ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 266об.–267.

№ 96

1657 г. марта 15. – Дело козацкого порутчика Яна Луцкого с могилёвским мещанином, купцом Мартином Бавтюровичем о продаже коня.

439. 7165. М(е)сца марца петнацатаго дня.

Справа е г(о) м(ило)сти п(а)на Яна Луцкого, поручника козацког(о), зъ Мартином Бавтюровым, могилевцом, о коня, его м(ило)сти проданого.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

№ 95

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючи.

Кгды за арештом и заказом очевистым, мещанину и купцу могилевскому Мартину Бавтюрову уделаным через слугу вradoвого меского Филона Рабъца в жалобе ег(о) м(илос)ти пана Яна Луцкого, поручника хоругви козацкое ег(о) м(илос)ти пана Косовског(о), ку розсудкови нашому вradoвому прыточыласе справа, теды за прыво-ланем через менованого слугу обудву сторон ку праву становилисе. Актор его м(илос)ть пан Янъ Луцкии, поручник, жаловал на Мартина могилевца, иж он, Мартин, продав-шы коня ему, п(а)ну поручнику, шерстю коштоноватого за золотых сто и двадцат зо-лотых оному¹ тог(о) коня отдал и грошей прыимоват не хочет. А покладаючи грошы перед нами на враде домаваласе прысуженя собе того коня, а на довод того, што власне за сто двадцат золотых продал, ставил до сознанья трох шляхтичов жолнеров компании своей.

На которую то жалобу и мову заказаныи Мартин Бавтюров, могилевец, поведил.

И[ж]² правда, што его м(илос)ть пан Луцкии по колко раз прыходечы, торговал у мене коня коштоноватого, але торгу не дошел межы нами, и водлугъ звичаю руками не прыбияли. И вжо того коня у мене купил рускии человек капитан. И просил от тое жалобы от арешту увольненя.

Мы, врад, в тои справе вырозумевшы з обудвух сторон зъ шыроких мов а прыхили-ючысе до наблизшое справедливости светои, наказуем //Л. 268об./ Мартину Бовтю-рову, могилевцу, прысегу дня третег(о) выконат перед собою на том, яко он того коня коштановатого его м(илос)ти пану Луцкому за сто двадцат золотых не продал, слова ему в продажи не прырекал и его, п(а)на Луцкого, яко отшол был, назад не звал и его не вернул. А по таковой прысезе волного его, Мартина могилевца, от жалобы п(а)на Луц-кого чыним.

А кгды день третии водлуг наказу нашего прысезе прыпал, мы, врад, абысе сторо-ны³ собою помирыт могли, до середи дня третего отложили.

На котором то дню ставшы, его м(илос)ть пан Луцкии прызнал.

Иж водлугъ узнанья прыятельского копъ осмъ гр(о)шей ему тот могилевец отдал и шкody правные вернул.

За чым его с прысеги наказаное вызваляем.

Которая справа про памет ест до книгъ меских полоцких записано. ⁴Выпис вы-дано⁴.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 268–268об.

№ 97

1657 г. марта 18. – Инвентарь имущества умершего полоцкого мещанина Филипа Моисеевича Зелёного и назначение опекунов его детям.

446. 7165. М(еся)ца марта осмнадцатог(о) дня.

Инвентар списаня маетности, по небошыку Филипу Моисее-вичу Зеленом позосталое; тут же шацунок оное и поддел на чоты-ры части учыненыи.

Б(о)жю м(ил)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

№ 96

¹ му поверх смытого.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³ ны написано над строкой.

^{4–4} Более поздняя запись.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), тоз(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, славетные пан Мирон Якимович и пан Стефан Людкович, лавники места Полоцкоз(о), и пры них слуга вравовый меский прысяглыи Иван Шлюбовский, прызнание свое учынили в тые слова, иж, деи: «С прыдана и послана ваших м(и)л(о)стеи в раду, в року теперешнем сто шестдесят пятом, м(еся)ца генвара двадцат шостого дня были есмо в дому зошлоз(о) зь сег(о) света небощыка Филипа Моисеевича Зеленого, мешанина полоцкого, тут, в месте Полоцком, на улицы Спаской стоячом. Где заховуючысе водлуг науки правное и порадков звыклых, абы позосталая по нем малжонка ег(о) и потомки их по смерти ег(о), яко по безтестамент¹ не с¹ тоз(о) света зошлом, шкоды и крывды ниякои в позосталои по нем маетности не поносили и межы собою абы жадных заводов не мели.

Забігаючи тому всему мы, лавницы, всю маетность, так лежачую, яко и рухомую, по помененом Филипу Зеленом позосталую, которая по смерти его през нас же, лавников, попечатована была, тепер одпечатовавши оную, порадком списали и пощацовали есмо, пры бытности позосталое малжонки небощыковское // [Л. 272об.] Пашуты Яновны Филиповое Зеленое и пры бытности и собраню се детеи, по нем позосталых, то ест: дочки большое, зь першою малжонкою небощыковскою спложное, а тепер свежо в стань светый малженский за Матфея Гарбуза выданое, еще в дому небощыковском прымачо се позосталое на име Марушы; и пры бытности другои дочки небощыковскои, еще в летех шести будучои, зь второю малжонкою небощыковскою, зь Хадосею Авсюковною спложное, на име Настюшы; а теперешня третяя небощыковская малжонка, позосталая сама и з сыном малым в полтору летех будучым, теж з небощыком Филипом Зеленым спложным, на име зь Амеляном² Филиповичом, пры том всем обещаю была.

Где напервеи в том дому отпечатовали есмо клеть, в которой на вышках знашли есмо и видели, напрод: меду пресного в лубках чотырнадцати пудов шеснадцат, што шацовали есмо кождыи пуд по коп тры гр(о)шей лит(овских), чынит копь сорок осмь; чамара пулкгрубрыновая, ношоная, белками подшытая, колнер кунии, которую менили небощых помененои дочце своеи замужней дал, шацовали копь шест; другая чамара фалендышовая, чорная, белками теж подшытая, колнер кунии, которую менила сама Филиповая, же за свое власные грошы купила, шацовали копь двадц[ать]³; шапка белоголовская, табинковая, чорная, кунитою обложоная, менила она ж, иж то ест ее власная, прыносяная в дом небощыковский; и с тою чамарою манька старая по⁴ аксамиту черноз(о), шацовали гр(о)ш(еи) трыдцат шест лит(овских); полчамарок выношоных, худых, пулкгрубрыновых – гр(о)ш(еи) двадцат чотыры лит(овских); // [Л. 273] дылея старая, чорная, небощыковская, с мушками чорными подшытая – коп тры и гр(о)ш(еи) дванадцать. Хмелю у коробе, рахуючы и с тым, што у броваре было и вжо повароно, тепер шацовали золотых шест; гебли теселские два – гр(о)ш(еи) двадцать; овчын и ирха одна – гр(о)шей двадцать чотыры; пражы телек двадцать осмь – золотых тры; зас пражы о⁵сновы – за золотых два; солонины, сала безмены полтора – тое и з лоем шацовали копу гр(о)шей; парус чолновыи – золотых два; мушкет кресовыи великий – золотых чотыры; кирпич мостовая – гр(о)шей десет; макгерок оршанок тры – гр(о)шей дванадцат; скрыня середняя, которая дочце замужней водлуг их повести належит, и отдали есмо ей. В той скрыне знашли кгузичков серебряных, дутых полдевета, шацовали гр(о)ш(еи) трытцат шест; тувалня диркованая – гр(о)ш(еи) осмнадцат, а другая, шолком шытая –

№ 97

¹⁻¹ Вписано другими чернилами почерком II.

² А вписано другими чернилами почерком II.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ Далее стерто приблизительно 2 буквы; возможно есть выносная л.

⁵ о написано другими чернилами почерком II.

тая до церкви Светог(о) Спаса належит. До того скрыня великая, окованая менили же сына Алексея Тесли, который вжо умер, а тое у небощыка Зеленог(о) позоставил, и не веда⁶т, кому *отдать* и кому належит; да в той скрыни *ест* его ж речи полдылеи че⁶ блекитные потребы и едwabные. И жупан того ж сукна, кожух новыи музкий, кафтан полотняныи, полотна изгребног(о) трубки две, воилок полотняныи, лаханы мосендзовая, еще трубка по[лот]на⁷. А ку тому знашли теж тако ж положонные речи през москаля, якогос: жупан зеленыи, московскийи, люндышовыи и рогатына. Тые теды вси речи и с тою скрынею до отозваня се ку тому належитых особь, особно отобравшы, до ратуша завезть казали есмо.

В той же клети на доле в бочке горелки // [Л. 273об.] простое кварть двесте девет, кварта по гр(о)шей шест лит(овских), чынит за всю коп двадцат тры; овса у коробе осмины две – золотых чотыры; солоду осмины две – коп чотыры. В засеках пшеницы солодовои бочки две, бочка по коп девет, чынит коп осмнадцать; жыта бочок дванадцат, шацовали бочку, яко на сес час в торгу купляют, по коп осмь, чынить копь девет десят шест; соли полсолянки – коп чотыры.

А в сенях, в коморце малои, знашли дылею фалендышу темно-лазуровог(о), петлицы едwabные лиштвы бай червоное – шацовали коп десет. Пистолет кресовыйи и престиля менила малжонка небощыковская, што zostавлено од казака Галалобенка за напои меду у копах двух без грошей десети. Запона до ложка белая, сарветовая, в дирках роблена – золотых два; капелюш чорныи – грошей двадцат чотыры лит(овских); долото великое, клевцы два, пороховница круглая московскои роботы – не шацовали. Трыног – коп полторы, ендова медная – тако ж золотых два, што фацыновая таляр один. До тог(о) саян мухайру синего сама менила, же ее прыносныи, шацовали коп шест; другии саян мухайру зеленог(о), а третии червоныи, фалендышовыи, которые вжо у дочки замужние – тые обадва, и с полчмарком мухайровым, старым шацовали коп двадцат чотыры. Фартух китаики цекглястои – копь чотыры; поес небощыковскийи серебряны[и]⁸, злотистыи у самое Филиповое шацовали коп сорок; другии, также злотистыи, у дочки замужнее, шацовали коп дванадцат. Котлы два однакие – тые, и с трубами до них належачыи, шацовали коп сорокь пят.

Менила сама Зеленая, иж // [Л. 274] за чепец золотыи, который дочке замужнееи небощык оддал, еще и тепер винно копь сем. До тог(о) менили сестре небощыковскои Малани Моисеевне, што сам небощыкь обецал, прыходит копь десет и полбочки жыта.

Бровар за парканом со всим начынем, над рекою будучыи, шацовали коп пять.

По смерти мужа своег(о) сама Зеленая робили браги тры – кожда по коп десет лит(овских), чынит копь трыдцат. Еи же выдано на пиво по смерти мужнееи солоду осмин чотыры – коп осьм.

А быдла знашли есмо: конь карыи, шацовали коп пят; корова – коп сем; свинеи болших осмеро, менших двое и парсят малых шесть – вси тые шацовали за копь шеснадцат.

Огород за парканом, на улицы Батечковои, на полчверти пляца лежащыи подле огорода Алексея Даилиды, а з другое с⁹ стороны подле огорода Апанаса Клыпы; до тог(о) дом тот самыи небощыковскийи, на Спаскои улицы стоящыи на полчверти пляца и на прыкупленом к тому шмату, то *ест* на четвертой части чверти пляца, збудованыи межы домами з одного боку Ходька Стасевича, а з другого – Федора Кишки, – тот теды двор, з броваром в нем будучым и з всяким начынем, до нег(о) належачым, и зь вышьпомененым огородом, за парканом будучым, – все ошацовали смо копь сто двадцат г[r](о)шей¹⁰ лит(овских).

⁶ Слова написаны невыразительно; е полусмыто, возможно, ы.

⁷ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁸ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁹ Перед выносной с вписано в строку с другими чернилами почерком II.

¹⁰ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

Всего сумою тая вышеиписаная маетность пощацованая чынит и выносит водлуг тог(о) шацунку коп пятьсот семдесят тры и гр(о)шей осьм литовских.

А делечы оную на чотыры части, узнали и постановили есмо, абы належало сыну небощыковскому, з теперешнею третею малжонкою спложоному, // [Л. 274об.] Амеляну Филиповичу копъ сто *шестдесят*; и дочце, зъ второю малжонкою спложоною, Настюшы – так же копъ сто *шестдесят*, и особно *еи* же карали перловые, которые шацовали есмо копъ *шеснадцать*. А самои Филиповои Зеленои и дочце небощыковскои замужней по копъ сту гр(о)шей лит(овских) *приходит мает*.

Взглядом тог(о), ижъ штос мы речы вси, которые сама Филиповая внесены быт поведала, особно *еи* одраховали. Так же штос мы и помененое дочки небощыковское замужнее речы вси, которые менила, што отец *еи* еще за живота дал, без шацунку онои отдали. На чом всем и они згодне перестали. Тако *ж* на часть сына небощыковского(о), с теперешнею малжонкою спложоног(о), Амеляна одложили и назначыли есмо, абы ему належал дом и огород вышеиописанные, што шацовано, яко вышеипоменено, копъ сто *двадцат*. А од збожа и иншое маетности сама Зеленая, матка *ег(о)*, *мает* ему за доистем лет *одложит* готовыми копъ *трыдцать* гр(о)шей лит(овских). До того тому *ж* сыну на вспоминок *мает* матка доховат до взросту лет *ег(о)* дылею небощыковскую фалендышовую, которая шацована копъ *десеть*. А дочце замужней Матфеевои Гарбузовои на част *ее* за копъ сто одраховали и отобрали есмо *еи* *дат*¹¹ и *отдали*¹¹ напрод котел, которыи шацован копъ *двадцать* полтрети, с трубами; жыта бочки тры, што чыни[т]¹² копъ *двадцать* чотыры; пшеницы полбочки – чынит копъ *полпеты*; кгузицки серебряные – гр(о)шей *трыдцать* *шест*; мушкет кресовыи – золотых чотыры; горелки простое *квартъ* *пятдесят*, кварта по гр(о)ш(еи) *шест* лит(овских), чынит всего копъ *пять*; // [Л. 275] свиня большая – коп тры, другая малая – копа гр(о)шей; меду пресного пудов *осмъ* за копъ *двадцат* чотыры. А остаток – копъ *чотырнадцат* готовыми гр(о)шми сама Пилиповая Зеленая через мене, Мирона Якимовича Якимовича¹³, лавника, то¹⁴ Гарбузовои *отдала*.

А иншая вся рухомая маетность вышеипомененая самои Пилиповои Зеленои за часть *ее* и за част дочки небощыковское, малое Настюшы, вечно належати *мает*. А она, вжо за доистем лет *тое* дочки небощыковское, *мает* онои *отдат* готовыми грошми *част*, *еи* належачую, *то ест* сто *шестдесят* копъ гр(о)шей литовских, а прытом и карали вышеипомененные. А покул тая дочка небощыковская Настюша лет *доидет*, *мает* потуль пры неи, Пилиповои Зеленои, *мачосе* *своеи*, на всяком прыстоиномъ опатренью *зостават*, а она *теж* *частю*, *еи* належытою, *владет* и *пожытковат* *вольна* *будеть*. Да она *ж*, Пилиповая Зеленая, с *тое* маетности *мает* *заплатит* и *отдат* сестре небощыковскои Маланьи копъ *десеть* да полбочки жыта, што небощык, муж *ее*, онои *обещал*. Прытом *мает* *теж* *заплатит* к[о]пъ¹⁵ *семъ* за *чепец*, которыи дочце небощыковскои замужней *досталсе*, за которог(о) *еще* сам небощык, муж *ее*, *семи* коп *недоплатил*.

На што и сама она, Пилиповая, позволила и згодне на том всем *вси* стороны *перестали*».

По котором таковом прызнанью през вышепомененых панов лавников // [Л. 275об.] того *инвентованья* и *поделу* маетности, по небощыку Пилипу Моисеевичу Зеленом *позосталое*, мы, *врад*, *заховуючысе* *водлуг* *звычайу* и¹⁶ *науки* *правное*, *наказали* есмо самои Пилиповои Зеленои, абы она так о *своем* сыну Амеляну, з небощыком Пилипом Зеленым спложоном, *яко* *теж* и о пасербицы *своеи*, а дочце того *ж* небощыка, мужа *своего*, зъ второю жоною спложоною, Настюшы *всякое* старанье и печоловане *пилное* *мела*, и *ховуючы* *их* *до* *взросту* лет *пры* себе, абы доброе *цвиченье* и *науку* *им* *давала*.

^{11–11} Написано над строкой другими чернилами почерком II.

¹² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

¹³ Так в рукописи, последнее слово подчеркнуть.

¹⁴ Далее написано над строкой другими чернилами почерком II.

¹⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

¹⁶ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

А на дозор того всег(о) прыдали есмо ей и тым детям ее за кураторов и оборонцов славетного п(а)на Кузьму Федоровича, бурмистра места Полоцкого, да пры немъ п(а)на Стефана Ивановича, мещанина теж полоцкого а прятеля их, абы они всякое кривды их постерегали, и шкоды никому в маестности, им належытои, чынить не допускали, и во всем абы за них, яко за сирот, заступовали. На што теж и они позволили.

Которое таковое признание помененых пп(анов)¹⁷ лавников того инвентованя и поделу маестности вышепомененое, по Филипу Моисеевичу Зеленом позосталое, теж и прыданье нашо врадовое панов кураторов до позосталых сирот, ест до книг меских полоцких записано.¹⁸ Выпис Зеленои выдано. И другии Матфею Гарбузу¹⁸.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 272–275об.

№ 98

1657 г. марта 18. – Жалоба полоцкого мещанина, радцы Григория Пауковича на своего крамника Лукаша Андреевича о непредоставлении отчетности.

447. [7]165. М(есе)ца марца осмнадцатого дня.

¹Протестаця п(а)на Грыгоря Павуковича, раицы полоцкого, на Лукаша Андреевича, крамника своего.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое Малое и Белое Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипомъ Кособуцкимъ, бурмистромъ, а Сергеемъ Каменкою, тежъ бурмистром, на меисцу рочного бурмистра славетного пана Кузьмы Наумовича будучымъ, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Оповедал и жаловаль славетныи панъ Грыгореи Пауковичъ, раица места царьского величества Полоцкого, на Лукаша Андреевича, крамника своего, о томъ.

Ижъ онъ, Лукашъ Андреевичъ, приставшы до его, пана Грыгорья Павуковича, за крамъника и служечы презъ час немалыи, а меновите почавшы отъ року тисеча шестьсот пятдесять второго м(есе)ца ноября перьвого дня ажъ до року тисеча шестьсотъ пятдесять четвертого м(есе)ца мая трынадцатого² дня заведиваль крамою, маючы на рукахъ своихъ повероного собе товару розьного крамъного за копь одинадцатъ тысячей деветьсотъ деветьдесять копь и грошей трыдцать шесть п(е)н(е)зеи девет литовских. И за тотъ увес час службы своее онъ, Лукашъ Андреевичъ, от вышъменованое сумы п(е)н(е)зеи яко перед тымъ того в прошлых летех чы³ валь водлугъ звычайу и повинности своеи крамницъкое, с того краму жалобливому пану Павуковичу, пану своему, пожытку слушного не учынилъ и ничего не далъ. Але о вшемъ еще на болшую кривду и шкоду п(а)ну своему онъ, Лукашъ крамъникъ, чыначы, немало товару з краму розьнымъ людемъ, яко реестръ, его власною рукою писаныи, высветчает, безъ воли и ведомости // [Л. 275аоб.] паньское порозьдаваль и розьборкговал. Которыи то реестр свои борькговыи онъ же, Лукашъ крамъникъ, до рукъ его, пана Павуковича, у Вильни отдавши, вжо жадное належности до тыхъ борькгов мети не мель, але оные одысуючы, вси борькги вцелю ему, пану Павуковичу, п(а)ну своему, отдават повинень быть. А нине тотъ то менованыи Лукашъ крамник, пропомневшы боязьни Божое и повинности своее занедбавшы, а одысуючы у некоторых людех борькги, оные на свои пожытокъ оборочывает, пану не отдае, а з ынъшыми людьми маючы змову, для пожытку своего борькгов

¹⁷ Так в рукописи.

^{18–18} Написано почерком III.

№ 98

¹ Далее написано почерком II.

² на написано над строкой.

³ Далее в листе отверстие, утеряно 2 буквы.

не одыскует и имъ фолкгуеть, чыначы то умыслне на великую крывду и шкоду немалую ему, пану Повуковичу, пану своему, яко жъ поносечы жалобливый панъ Повуковичъ през таковыи злыи поступокъ того Лукаша, крамника своего, а хочечы з ним яко о пожиток през полтора лета *от* вышъменованое сумы п(е)н(е)зеи не учыненыи, также о задержанье и утаене выбранныхъ боркговых⁴ грошей, а затым и о решту тых же боркговъ водлугъ науки правное поступоват и того всего доводить на нем и позыскиват, заносечы на сес час тую протестацію, даль оную до книг мескихъ полоцъкихъ записат.

Што ест записано. ⁵Выпис и видымус выдано⁵.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 275а–275аоб.

№ 99

1657 г. марта 20. – Отложение судебных заседаний с 20 марта до 14 апреля в связи наступлением пасхи.

454. 7165. М(есе)ца марта двадцатог(о) дня.

Лимитація всіх меских ратушних справ для наступуючих святъх валебных Великоденных.

Бурмистры, раицы и лавники места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающие.

Ознаймуемъ симъ листом нашим и доносимъ то всим в обец до ведомости, иж якос мы первей сег(о) лимитовали, так и тепер лимитуем вси sprawy, судови нашому ратушному полоцкому судит прыналежащие, почавшы од дня сегодняшнег(о), двадцатого м(есе)ца марта, сего року сто шестьдесят пятог(о), ажъ, дасть Богъ, до дня чотырнадцатого м(есе)ца апреля, в семь же року прыпадающего.

А то для близконаступуючих святъ фалебных урочыстых, то есть Воскресения Хр(исто)ва трыдневного, зачым, кождому зособна доносечы то до ведомости, просимъ и упоминаемъ, абысте се скромне и спокоине межы собою през тотъ час заховали. А если бы што пилного кому было и но то в дом до ведомости нас, бурмистров, доносили, а напотомъ за отворенемъ лимитації о то до права прыступовать волно будеть.

Писанъ в ратушу Полоцкомъ, сто шестьдесятъ пятого году, м(есе)ца марта двадцатого дня.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 281.

№ 100

1657 г. апреля 8. – Признание полоцкого мещанина Васьки Ничипоровича о продаже полоцкому мещанину Михалку Федоровичу своего огорода за Невельской башней над речкой Полотой и введение его во владения тем огородом.

469. [7]165. М(есе)ца апреля осмого дня, у среду.

Прызнане огорода од Васька Никипоровича на вечност Михалку Федоровичу; тут же и бороненье оног през Макъсима Василича.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

⁴ *вых* поверх смытого.

^{5–5} *Написано почерком II.*

Постановившысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Васько Никипорович уст-не а добровольне признал.

Иж мещанинови того ж места Полоцкого Михалъку Федоровичу продал на вечные и николи неотзовные часы огород свои власныи, тут, в месте Полоцком за парканом за Невелскою брамою над Полотою рекою на полчверти пляца лежащии подле огорода з одного боку Степана¹ Клыпы а з другою(о) подле огорода Давыда Стасевича. За чым, деи, вжо от даты² нынешнее воленъ и моцен будет он, Михаилу Федоровичъ, сам, жона, дети и потомки ег(о) и кождыи, от него и по немъ держачии тым огородом, яко своим власным, яко похотя шафоват, отдат, продаст, дароват, заставит, заменить и водлугъ наилепшого пожитку своего оборочат.

А я, деи, вжо самъ, жона, дети и потомки мое и ниhto иншыи з близких, кровных и повинных моих, а поготовю з обчых в тои продажи моеи ему, Михалку Федоровичу, и от нег(о) держачому жадное наимеишое трудности и перешкоды чынит и задават не маю, не мают и не будут мочы³ вечными часы.

По котором таковом признанию того ж року и м(есе)ца десятого дня, постановившысе очевисто, славетные п(а)нъ Стефанъ Людкович и панъ Михал Наплешыч, лавники места Полоцкого, и пры них слуга владовый меский Иванъ Шлюбовский, признане свое устное учинили в тые слова.

Иж, деи, кдыс мы з приданя ваших м(и)л(о)стеи раду а за потребованем помеченого Михалка Федоровича подавали ему водлугъ порадку и звычайю⁴ правного тот огород ему од Васька Никипоровича признал, теды, деи, оног боронил и подават не допустил мещанинъ полоцкий Максимъ Василевичъ, поведаячы, иж тот огород ему власне и жоне его належит.

О што он, Максимъ Василевичъ, будучы //Л. 288об.] на день семнадцатый того ж м(есе)ца апреля очевисто через слугу владового меского Ивана Шлюбовского⁵ заказаныи, постановившысе перед нами, владом, поведил.

Иж, деи, тот огород ест власныи тстя моег(о) Василя Клыпы, которыи, отеждаючы на Москву, мне и жоне моеи а дочце своей приказал, и нам по нем належит. И был то огород его, Васка Никипоровича, але он тстю моему продал.

Противо чому Никипорович поведилъ.

Иж, деи, я того огорода моего тстю его Василю Клыпе не продал, але толко у его в заставе у чотырох копах был, а ям тые чотыры копы, робечы ему брагу, одслужыл, и ни в чом тот мой огород не ест никому винень.

За чым мы, влад, вырозумевшы з мовеня обоюх сторонъ а заховуючысе во всем водлугъ науки правное, наказали есмо тому Васку Никипоровичу дня третьего присегу выконат на том, яко он того огорода Василю Клыпе не продал, але толко у чотырох⁶ копах⁷ у заставе у него был и яко ему тую копъ чотыры, робечы брагу, одслужыл. А по таковой присезе тот огород водлугъ признанья его⁸, Никипоровича, пры помененом⁹ Михалку Федоровичу вечно заставати мает.

А затым тая присега з розных прычин и одкладов аж до дня первого м(есе)ца мая преволоклася¹⁰. На котором то дню, кды се вси тры стороны становили и помененыи Васко Никипоровичъ присегу водлугъ наказу нашог(о) владового выконат готов был,

№ 100

¹ е *поверх* ранее написанного.

² т *поверх* т, ы добавлено позднее, рядом с т *полустертый* ь.

³ м *поверх* *смытого*.

⁴ и *полустерта*.

⁵ ю *прорисована*.

⁶ е *поверх* *смытого*.

⁷ к *поверх* *смытого*.

⁸ е *поверх* *смытого*.

⁹ Другое е *поверх* *смытого*.

¹⁰ е *поверх* *смытого*.

тот Махъсим Василевич тую прысегу ему доброволне одпустил, оноу даровал и с того се огороу вечъне зрелъ.

За чымъ вжо Михаило Федорович водлугъ прызнанья Никипоровича вечным и волным спокоиным посесором того огорода зосталъ.

Што все для памяти *ест* до книгъ меских полоцких записано. ¹¹Выпис выдано¹¹.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 288–288об.

№ 101

1657 г. апреля 8. – Жалоба полоцкого мещанина Дениса Микитича на полоцких мещан Базыля Рудничка и Матюша Кубленка о угрозах в адрес его сына Петра Денисовича.

473. [7]165. М(есе)ца апреля осмого дня.

Протестаця Дениса Микитича на Базыля Рудничка и Матюша Кубленка о похвалку, на сына его учыненую.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Передо мною, Филипомъ Кособуцкимъ, бурмистромъ места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ будучымъ.

Постановивъшысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Денис Микитичъ оповедал и жаловалъ на мещанъ того жъ места Полоцкого 'Базыля¹ Рудничка и Матюша Кубленка в крывде и небеспечности здоровья сына своего Петра Денисовича.

Ижъ они обадва, нет вedomа откуль и якии завзявъшы себе против того сына его ранкор и злость а хотечы его конечно, где иле натрафившы, бить, мордовать, такую перед людьми розными похвалку учынили, одъ которое похвалки не будучы беспечонъ здоровья сына своего, або тежъ и себе самого, а забегаячы тому в час прышлыи, сюю протестацую свою занесль и просиль, абы была до книгъ нашихъ мескихъ ратушныхъ полоцкихъ записана.

Котор[а]я² справа *ест* записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 291.

№ 102

1657 г. апреля 13. – Сообщение генерала Полоцкого воеводства Станислава Кмиты о вручении земянам Полоцкого воеводства Криштофу Стабровскому и его жене письма от земян Полоцкого воеводства Альбрехта Есмана и его жены с требованием явиться в имение Замилоча Полоцкого воеводства.

489. [7]165. М(есе)ца апырля трынадцатого дня.

¹Реляцяя енералская поданя листу упоминалног(о) ег(о) м(ило)сти п(а)ну Крыштофу Стабровскому и малжонце ег(о) м(илости) од его м(и)л(о)сти п(а)на Олбрыхта Есмана и малжонки ег(о) м(и)л(о)сти¹.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья Роси самодержца и обладателя.

^{11–11} Более поздняя запись.

№ 101

^{1–1} Поверх смытого.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 102

^{1–1} Написано почерком II.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и раицами и лавниками места царьского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючими.

Ставши очевисто, енерал воеводства Полоцкого Станислав Кмита пры написе своем на лесте отворыстом упоминальномъ написаном тотъ напис свои с подписом руки своею ку вписанью до книгъ меских ратушныхъ полоцкихъ признал, писаныи теми словы. Року тисеча шестсот пяддесят сегомо, м(есе)ца апреля шостого дня.

Пры стороне шляхте пану Томашу Доманевскомъ а п(а)ну Яну Верьбицькомъ подал и положыл есми на имену и дворе Губине, в воеводстве Полоцкомъ лежачомъ, его м(и)л(о)сти пану Крыштофу Стабровскому и пани малжонце его м(и)л(о)сти лист отворыстыи от его м(ило)сти пана Олбрыхта Есмана и пани малжонки его м(и)л(о)сти до листу запису, их м(и)л(о)стям даног(о). Которые их м(и)л(о)сть од поданя того листу отворыстого, от его м(и)л(о)сти п(а)на Есмана через мене себе поданого, мают на день девятии апреля любь сами зъехат, любь тежъ приятеля своего зослат до двора и маютности их м(и)л(о)стеи Замилоча, въ воеводстве Полоцком лежачом, мают, и тому листу запису своему досит чынит, постерегаючы на себе зарукъ, в нем описаных.

Которое тое подане того листу упоминального противныи слово в слово противныи до книг маидебурскихъ полоцкихъ призналь есми.

Писанъ року, м(есе)ца и дня вышъписаног(о).

А под тым написом подпис руки енерала теми словы.

Станислав² Кмита, енерал воеводства Полоцкого, рукою своею.

Которое сознание енерала, пры том написе учыненное, ест до книг мескихъ полоцкихъ записано.³ Выписъ выдано³.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 318.

№ 103

1657 г. апреля 13. – Сообщение генерала Полоцкого воеводства Станислава Кмиты о осмотре и описании нанесённого вреда землянином Полоцкого воеводства Криштофом Стабровским в имение Замилоча Полоцкого воеводства землянина Полоцкого воеводства Альбрехта Есмана.

493. ¹Рок¹ тисеча шестсот пяддесят сегомо, м(есе)ца апреля трыдцатого ²дня².

³Реляцыя енералская в той же справе ег(о) м(и)л(о)сти п(а)на Есмана с паном Стабровским³.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья Роси самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседаючими.

Ставши очевисто, енерал воеводства Полоцкого Станислав Кмита тотъ квить свои реляцыиныи ку вписанью до книгъ мескихъ полоцкихъ признал, писаныи теми словы.

Я, Станислав Кмита, енерал воеводства Полоцкого, сознаваю то сею моею реляцыею.

Ижъ року тисеча шестсот пяддесят сегомо м(есе)ца апреля девятого дня пры стороне шляхте пану Яне Верьбицькомъ а п(а)ну Томашу Доманевскомъ был есми ужытымъ до именния и двора Замилоча, [в]⁴ воеводстве Полоцкомъ лежачомъ, от его м(и)

² С написано другими чернилами поверх с.

³⁻³ Написано почерком П.

⁴ Пропущено писарем, восстановлено по формуляру.

№ 103

¹⁻¹ Написано почерком П.

²⁻² Написано почерком П.

³⁻³ Написано почерком П.

л(о)сти пана Олбрыхта Есм[а]на⁵ и пани малжонки его м(и)л(о)сти для пилности приезде до того двора ихъ м(и)л(о)сти ⁶Замилоча ег(о) м(и)л(о)сти п(ана) Крыштофа Стабровског(о) и п(ани) малжонки ег(о) м(и)л(о)сти⁶, або зослания *от* себе прыятеля водлугъ поданого // [Л. 324об.] черезъ мене, енерала, отворыстого *от* ихъ м(и)л(о)сти собе на верификацию спустошення тое маетности Замилоча, черезъ самыхъ ихъ м(и)л(о)сти стало, и недобраня с тыхъ подданныхъ держачыхъ трохъ летъ аренды водлугъ листу арендовного запису, *от* ихъ м(и)л(о)сти собе даного, ижъ если бы которого року чого не добрали, маю^т черезъ листъ свои отворыстыи ихъ м(и)л(о)сти дасть знать, а ихъ м(и)л(о)сть п(а)нъ Стабровскийи або п(а)ни малжонка его м(и)л(о)сти на верификацию⁷ зехатъ або сослатъ до тое маетности Замилоча мели. На которомъ томъ термине ихъ м(и)л(о)сть недобраня тое аренды черезъ тые тры лета держачые и на чомъ шкодують указать мели, то есть самого недобраного готового гроша трохсотъ осмидесят⁸ и двухъ золотыхъ польскихъ, жыта бочокъ двадцать и шесть меры полоцкое, овса бочокъ девять, меду безменовъ двадцать и тры, гусей двадцатеро и одно, курей тридцатеро.

Тамъ же, почавшы *от* самого поранку ажъ до вечора его м(и)л(о)сть панъ Есман на приездъ ихъ м(и)л(о)сти пана Стабровског(о)⁹ и пани малжонку его м(и)л(о)сти або прыятеля *от* ихъ м(и)л(о)сти¹⁰ сосланого пилность со мною, енераломъ, чынили. Которые ихъ м(и)л(о)сть ани сами быть не хотели, ани прыятеля до ихъ м(и)л(о)сти не зослали. Где его м(и)л(о)сть панъ Есманъ и пани малжонка его м(и)л(о)сти¹¹ тую готовость свою передо мною, енераломъ, и тою стороною, осведчывшы на его м(и)л(о)сти пана Стабровского и пани малжонку его м(и)л(о)сти протестовали, ижъ не хотели доситъ тому всему листу арендовному запису чынить.

А потомъ на завтра, то есть дня десятого того жъ априля року вышписаного за употребленіемъ его м(и)л(о)сти пана Есмана ездилъ есми зъ его м(и)л(о)стю ¹²посполах¹² до того двора Замилоча належачые, списуючы в которомъ селе, яко ещѣ подданныхъ много есть. Которыхъ на особливомъ реестре именами и проз[ви]щами¹³ списавшы, пры той¹⁴ же моеи реляцией до книгъ прызналъ есми.

Где у тыхъ же подданныхъ передо мною его м(и)л(о)сть панъ Есманъ пыталъ, для чого бы суседы ваши // [Л. 325об.] а подданные мое с тыхъ же селъ прочъ пошли, и хто бы мое добро, то есть такъ збоже молочное розное, въ свирнахъ будучое, то *ест* жыта бочокъ сто полоцкое меры, а на тотъ часъ плачона была бочка по копъ тры грошеи литовскихъ; овса бочокъ сто, а бочка плачона на тотъ часъ по копъ две грошеи литовскихъ; пшеницы бочокъ петдесятъ, а бочка плачона на тотъ часъ по копъ чотыры грошеи литовскихъ; ечменю бочокъ петдесятъ, а бочка плачона на *тотъ* часъ по копъ две и грошеи двадцать чотыры литовскихъ; гречыхи бочокъ шестьдесятъ, а бочка плачона на *тотъ* часъ по копъ две и грошеи двадцать чотыры литовскихъ; горохъ бочокъ пять, а бочка на *тотъ* часъ плачона по копъ чотыры грошеи литовскихъ; конопелъ бочокъ тры, а бочка на тотъ часъ плачона по копъ две грошеи литовскихъ; лняног(о) насеня бочокъ тры, а бочка на тотъ часъ плачона по копъ тры грошеи литовскихъ; жыта немолочного копъ трыста, с которого могло бытъ бочокъ полтора, которое тою жъ ценою плачона; в полю дворньому засееного жыта было бочокъ семдесятъ полоцкое меры, которого ужато копъ шестьсотъ, с которого могли вымолотитъ бочокъ трыста полоцкихъ, а на тотъ часъ плачона бочку жыта по копъ тры грошеи литовскихъ; овса сеено бочокъ семьдесятъ тое жъ меры, которого ужа-

⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁶⁻⁶ Написано на левом поле почерком П.

⁷ Первое е написано над строкой.

⁸ осмид написано почерком П.

⁹ С поверхъ ранее написанного с.

¹⁰ Знак титла другими чернилами.

¹¹ Знак титла другими чернилами, и поверхъ ранее написанного ь.

¹²⁻¹² Написано почерком П.

¹³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

¹⁴ В рукописи томъ, исправлено по смыслу.

то копъ пѣтсот, с которого могли вымолотить бочокъ полтретяста тое ж меры, а бочка на тот часъ плачона по коп две и грошеи двадцать чотыры литовских; ечменю посеено бочокъ десет, которого ужато копъ сто двадцать, которого могли вымолотить бочокъ двадцать пять; пшеницы сеено бочок осмъ, которые ужато копъ сто двадцать, с которое могли вымолотить бочокъ осмнадцать, а на тот часъ плачона бочку по коп чотыры грошеи лит(овских); гре[чих]и¹⁵ посеено бочок шеснадцать, с которое ужатое могли вымолотит бочок трыдцать, а бочка на тотъ час плачона по копъ две и грошеи двадцать чотыры литовских; конопел бочку посеено, с которые могли вымолотить // [Л. 325об.] бочок чотыры, а бочка на тот часъ плачона по копъ¹⁶ две грошеи литовских; а пеньки могло быть пудовъ осмъ. Такъ теж кони, быдло розного рогатого и нерогатого, которого было самых коров и быков сто двадцат чотыры, с которых¹⁷ толко вернулосе од тых же подданных ег(о), п(ана) Стабровског(о), их м(и)л(о)стям¹⁷ коров двадцат две, овец старых деветдесят, свиннеи старыхъ деветдесят, конеи семеро розное шеръсти, стояли копъ семидесять грошеи литовских, гусеи шестдесят, куреи копъ две, каплуновъ петдесят, индыковъ сорокъ. Што на тотъ час таковую корову и быка плачона по копъ чотыры грошеи литовских, овцу по копе грошеи литовскихъ, свинню по тому жъ, гус по грошеи дванадцат литовских, курыца по грошеи чотыры литовских, индыкъ по грошеи шеснадцать литовских, каплунъ по грошеи осмъ литовских. Неводовъ два новых коп осмдесять грошеи литовских; рыдванъ, крытымъ скурою, а в середине шаметомъ окованыи, коштовал копъ шестдесят грошеи литовских.

Што все то вышпомененое в року тисеча шестъсот пѣтдесят четвертом м(есе)ца июня двадцать сегого дня в томъ дворе Замилочу и надворной пашни того двора пры уряднику своим Федору Буткевичу оставил.

Хто то побрал и пожалъ, тамъ же тые подданные замилоцкие повелили.

Ижъ то все, яко кони, быдло, збоже молочоное и немолчоное, и в полю будучое, неводы и рыдванъ з розказанья его м(и)л(о)сти пана Крыштофа Стабровского и пани малжонки его м(и)л(о)сти урядникъ ихъ м(и)л(о)сти двора Губина в том же воеводстве Полоцкомъ лежачого Гелияш Михалевиц с цивуном¹⁸ Парфеном Гирою, Давыдом Хоиняком, Романом и Лукашомъ Поцееми, такъ тежъ с уским Воитовичом Моисеемъ, зобравшы волост Губиньскую и нашу Замилоцкую, то все¹⁹ с того двора Замилоча до двора Губина спровалдили и звезли. А тое збоже, што в полю было, часть до того ж двора Губина, зжавшы, звезли, а остаток такъ губинскои сускои, яко и нашои замилоцкои²⁰ волости пожат нам собе казали. А [ур]адника²¹ того Буткевича забить²² хотели, которыи заледво утекъ.

До того тот же его м(и)л(о)сть панъ Есман у тыхъ же подданныхъ пытал, хъто бы // [Л. 326] знову другого року, то естъ тисеча шестъсот пѣтдесят пятог(о) засевокъ ярыньныи, которыи за посланьемъ самое п(а)ни Есмановое того жъ Буткевича в томъ Замилочу засеванъ, то естъ овса бочокъ двадцать пять, пшеницы бочокъ пять, ечменю бочокъ шесть, пожалъ.

Где и о томъ засевку сказали.

Ижъ тотъ же Хоиняк его м(и)л(о)сти пана Стабровского з розказаня панов своихъ зжавшы, до того жъ двора ихъ м(и)л(о)сти Губина звозилъ. Которого яко много ужали, сказали овса копъ двесте, с которого могли вымолотит бочокъ сто; пшеницы копъ сто, с которое могли вымолотить бочокъ двадцать пять; ечменю ужато копъ сто, с которого вымолотить могли бочокъ трыдцать.

¹⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

¹⁶ к поверх ранее написанного.

^{17–17} Написано на правом поле почерком II.

¹⁸ м написано почерком II.

¹⁹ се написано почерком II.

²⁰ и другими чернилами.

²¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

²² и поверх ранее написанного.

О будованье дворное у тых же подданных онъ же, панъ Есманъ, кгда почавъ пы-
тать, где се подело, где так же повелили.

Ижъ часть до Сушы *тот* Воитович з розказаня панов своихъ звездъ, а остатокъ му-
жыки спалили. А што се розошли подданные волости вашои м(и)л(о)сти Замилоцкое,
тог(о), ды, для незгносное браня стацыи и драпезтва отъ ихъ же м(и)л(о)сти пановъ
Крыштофа и Петра Стабровскихъ, которую в року тисеча шестьсотъ пятьдесятъ пятомъ
м(есе)ца иуния петнадцатого дня у нас усехъ Замилоцкое волости по копъ осмъ грошей
литовскихъ брали, а хто грошей не мевъ, тогды кони и коровы ценою в копъ грошей коня
и корову брали. И такъ, будучы отъ ихъ м(и)л(о)сти знищоныи, прочъ пошли.

До того тежъ пытал тых же подданных онъ, панъ Есман, передо мною, енерфломъ,
якимъ вы способомъ в подводы до запоня збожомъ, которыхъ вас было *пятьдесятъ*, коли
вас пани моя поткала ехали и откуль тое збоже брали и где тые подданные сказали.

Ижъ нас его м(и)л(о)сть панъ Крыштофъ Стабровский самъ кгвалтомъ выгнавъ, насы-
павшы на возы наши розного збожа у Губине вашои м(и)лости замилоцког(о), которое
до Губина звезено было на тотъ час и сам ег(о) м(и)л(о)сть панъ // [Л. 326об.] Стабров-
ский пры нас былъ, коли ее м(и)л(о)сть пани наша подкала под Пышном, маестности
его м(и)л(о)сти пана Стефана Залеского в том же воеводстве Полоцкомъ, и хотела насъ
вернуть, але его м(и)л(о)сть панъ Стабровский вернуть нас не далъ и *по*даного в(ашои)
м(ило)сти наике Олеска Смоляннов в лапцу звязаного попровадил.

А такъ его м(и)л(о)сть панъ Есманъ тую всю повесть подданныхъ замилоцких и иныхъ
людей, от которыхъ также о томъ всемъ таковую *ж* певную ведомость узавъ, мною, енераломъ,
то все осведчывшы и оказавшы на его м(и)л(о)сти пана Стабровского и пани мал-
жонки его м(и)л(о)сти о такъ великия не по однокротные перешкоды и о так много до-
бра его м(и)л(о)сти грабежнымъ способомъ забраня протестовал, а до двора того За-
милоча зо мною, енераломъ, з села Ворошковъ поехал, а прыехавшы до вышъпомененого
двора, оказалъ будованье усе дворное, которого яко чого много *ест*, а пры томъ засевокъ
жытныи тог(о) двора Замилоча *тот* же его м(и)л(о)сть панъ Есман мною, енераломъ,
обвел. Которого бочокъ тридцать полоцкое меры *ест* засееного, а на *тот* час куповали
бочку жыта по копъ десети грошей литовскихъ. Што я, енерал, то все огледавшы, на
реестр особливый списал. Такъ тежъ и пустки розоистя с тыхъ сель подданныхъ, кото-
рыхъ якъ много пошло, на томъ же реестре списанные суть, до книгъ пры *той* моеи реляцыи
оного призналъ. А другии, слово в слово списавшы, его м(и)л(о)сти пану Стабровско-
му и п(а)ни малжонце его м(и)л(о)сти пры выезде з тое маестности Замилоча его м(и)
л(о)сти пана Есмана и пани малжонки его м(и)л(о)сти, которые менуючы собе таковыя
великия перешкоды и спустошене тое маестности и побраня такъ много ихъ м(и)л(о)
сти добра грабежнымъ [спо]собомъ²³ черезъ ихъ м(и)л(о)сти сталого, не хотечы оноя яко
спустошоную держать на ихъ м(и)л(о)сти о то все протестовавшысе с того двора зо *всимъ*
// [Л. 327] тымъ яко се в реестре списало, заставившы дня двадцать першого апреля року
тисеча шестьсотъ пятьдесятъ сегого ихъ м(и)л(о)сть выехавшы а до его м(и)л(о)сти пана
Стабрповского и пани малжонки его м(и)л(о)сти Губина о межу дворное пашни с тымъ
Замилоччомъ стоячого, прыехавшы в которомъ толко самую ее м(и)л(о)сти заставшы,
тотъ свои выездъ оповедавшы и реестръ яко естъ двор самъ в собе, которыи кошто-
валъ копъ двадцать грошей литовскихъ а пры томъ якъ много жыта засееного дворного
и подданныхъ тое маестности заставують черезъ мене, енерала, ихъ м(и)л(о)стямъ по-
давшы, о то все такъ о забрае тое свое вышъпомененое маестности и перешкоды, яко
и о урадника своего Буткевича, которого боярове его м(и)л(о)сти пана Стабровского
Давыд и Петрокъ Хоиняки снятъ зъ росказанья²⁴ пановъ своихъ в року тисеча *шестьсотъ*
пятьдесятъ пятомъ м(есе)ца сеньтебра тридцатого дня, перенявшы на дорозе зъ Зами-
лочча под селомъ²⁵ Завечеллемъ²⁵ неподалеко того двора Губина до пани своего, *еи* м(и)

²³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

²⁴ с другими чернилами.

²⁵⁻²⁵ Написано почерком П.

л(о)сти пани Есмановой²⁶, едучого, обрали, то есть грошей готовых сто двадцать золотых, суконь пару фалендышовых, которые коштовали сто осмьдесят золотых, конь стояль золотых шестидесятъ, бандолетъ злотых петнадцать, шабля золотых десеть, веленцов два, золотых трынадцать, седло с потребами золотых осмь, лядовница золотых полтора, ботовъ двое, золотых пят. А самого нетъ ведома где подели, протестовавшысе, проч от их м(и)л(о)сти одехали.

А так я, енерал, штомъ вид[е]л²⁷ [и]²⁸ слышал, дал есми сюю мою реляцыю ку записаню до книг маидебурских полоцких.

Писан року, м(есе)ца и дня вышписаног(о).

У того квиту подпис руки енерала тыми словы.

Станислав Кмита, енерал воеводства Полоцкого, рукою своею.

Которое сознане енерала и тот квит его реляцыиныи ест до книг меских полоцких записано. Выпис и видымус выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 324–327.

№ 104

1657 г. апреля 15. – Жалоба полоцкого мещанина Андрея Павловича на полоцкого мещанина Стефана Веселовского о имуществе данном ему на хранение и освобождение городскими властями последнего от предъявленных претензий.

510. [7]165. М(есе)ца апреля петнадцатого зня.

Справа п(ана) Андрея Павловича¹ зъ п(аном) Стефаном Весоловским о розные речи, ему под час военныи до схованья даные; од чого его уволено.

Б(о)жю ²м(и)л(о)стю² г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин полоцкии п(ан) Андреи Павлович жаловал на мещанина тежъ полоцкого п(ана) Стефана Весоловского о неодданье ему пети подушок, двух перынок, коца и трынога ценою золотых чотыры, што ему у самые трывоги³ военные, будучы в замку ⁴полоцком⁴ до рук ку схованю дал.

О што будучы он, п(ан) Стефан Весоловский, очевисто на день сегодняшнии через слугу врадового меског(о) Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, деи, он, п(ан) Андреи Павлович, тых речей до рук мне в замку не давал а неставлял, але все през швакгра своег(о) выслал с Полоцка. А в ту пору не до чужого было, але и своег(о) трудно было упилноват. А затым увольнения просил.

И мы, вряд, бачечы, иж се то деело в самые трывоги ⁵рез рать наступила, военное дело могло все чужое и свое пропадать, помененого п(ана) Стефана Весоловског(о) од тое жалобы п(ана) Андрея Павловича уволили есмо вечно.

Што по память ест до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 338об.

²⁶ воц другими чернилами.

^{27, 28} В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 104

¹ в переправлено на П.

^{2–2} Другими чернилами.

³ ы поверх смытого.

^{4–4} Написано над строкой.

⁵ В листе сделано отверстие, утеряно 3 буквы.

1657 г. апреля 17. – Завещание полоцкого мещанина Фёдора Яковлевича Запеки.

511. 7165. М(есе)ца апреля семнадцатого дня, у пятницу.

Тестамент небощыка Федора Яковлевича Запеки.

Б(о)жу м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипомъ Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, славетные панъ Стефанъ Лютьковичъ и панъ Михаль Напleshычъ, лавники места Полоцкого, и пры них слуга владовый мескии присягъ-лыи Гарасимъ Саоновъ, прызынанье свое учынили в тые слова, ижъ, деи:

«С прыданя и посланья ваших м(и)л(о)стеи враду а за потребованьем небощыка Федора Яковлевича Запеки, мещанина полоцкого, в року теперешнемъ сто шестьдесят пятомъ, м(есе)ца апрѣля шостого дня были есмо в дому его, Федора Запеки, тутъ, в месте Полоцком, на улицы Пробоиной стоячомъ, гдесмо на тотъ час знашли его, Запеку, на теле барзо хорого, однакъ пры целои памети и зуполноимъ розуме будучого. Которыи ни зъ чые иншое намовы, одно зъ доброе воли своее распорожаючи остатнюю волю свою, учынил перед нами такии тестамент.

То естъ, напервеи, што кому сам виненъ zostал, поведил: Петру Прокуде виненъ, деи, копъ двадцать пять грошей литовских, а болшъ Господу Б(о)гу душею. Зась себе винных должъников меновал, напродъ: Василеи Бабичъ винен, деи, копъ пять; Апанас Туровникъ, што бралъ у жоны его копъ пятнадцать; Федоръ Гатовка виненъ копъ полчотырнадцать, о што естъ декретъ, отрыманыи под датою року прошлого тисеча шестсот пятьдесят второго, м(есе)ца августа девятого дня.

А Кондрат Кгинко, мещанинъ полоцкии, которыи з ним в сполных гандляхъ то-варышом бывалъ, што, деи, особно узял у него, Запеки, готовыми грошми копъ двесте двадцат тры, и за оные товар розныи куповал и продавал, теды с порахунку // [Л. 339об.] од тое сумы вышло них обоюх пожытку кожъдому по копъ шестдесятъ пят; и тое, деи, все по сес час такъ пожытокъ, я'ко¹ и истизъна, пры нем, Кгинку, заставаеъ. Только на то дал ему, Запеце, он, Кгинко, конеи двое без цены, и возы два з колами и кожицу одну; в Рызе далъ готовыми копъ трыдцать; да он же, Кгинько, у Невлю ореху запла-тилъ за его, Запеку, копъ чотырнадцать. Самои, деи, жоне его далъ червоныхъ золотыхъ два, до того дал табаки за копъ пять. Да што, деи, поведаетъ Кгинько, што купившы за тые грошы меду пресного и продал на борькгъ жыдомъ полоцкимъ за копъ трыста, того, деи, я не ведаю, и не давал з нимъ того меду, але онъ себе обо всемъ ведаеъ и ведать маеъ, а мое мне оддать повинен. Ку тому поведил, ижъ, деи, што тот же Кгинько мену-еъ, якобы мел мне дат на тую мою суму п(е)н(е)зеи готовыми копъ шестдесят, да кони вышеипомененные, якобы ценою у семидесятъ копахъ, да пры двухъ возах якобы дал две кожицы да в цене копах шеснадцати – того николи не было. Готовых копъ шестидесят не давал, конемъ и возом двумъ с кожицою цены не было, и кожицы другои не давал. Да он же, деи, Кгинко, особно винен мне две осмины жыта.

А домъ свои власныи, на помененои улицы Пробоиной стоячыи, на чверти пляца на рогу улицы Боровое збудованыи, а бокомъ другим подле дому Миколая Рожънов-ского стоячыи, – отказал тотъ домъ и на вечность со всимъ спратом, в немъ будучым, легковал малжонце своеи Авдоти Ивановне и двумъ дочкам своим недорослым Федоре и Настазыи Федоровнамъ Запечанком. Да им же всимъ тром одписал крам свои ятко-выи в раде резницком, межы крамами тежъ ятковыми з одного боку Костюка Масола, а з другого Кондрата Кгиньки стоячыи.

А што, деи, ест товару розного, то есть скур сырыхъ воловыхъ и коровихъ сто; горелки кварть колко сот простое, и мяса немало – в чом ест суммы всее коп сто семдесят тры и грошеи дванадцат. Теды тое все на чотыры части, то ест малжонъце и помененым дочкам двумъ и сыну своему подростлому Абраму Федоровичу // [Л. 340] Запеце на вечность лекговал. Да тому жъ сыну своему Абраму одписал и даровал другии крам свои ятковыи, там же, в резницкомъ раде стоячыи, межы крамами з одного боку Михайлы Митка, а з другого Федора Запеки, брата своего а дядка его, Абрама, которыи вжо умеръ.

Ку тому поведил, што, деи, в тыхъ же товарахъ вышеипомененых ест суммы брата моего Степана Запеки копъ шестдесятъ тры и грошеи дванадцать литовскихъ. Теды, деи, онъ на то взял у мене соли бочку одну, ценою копъ деветь, и жыта осмин пят. И што все з нимъ порахунок быти мает. Што прыказал малжонце и потомкомъ свом, абы слупныи з нимъ порахунокъ учынивши, ему што будет належало: такъ самои истизъны, яко и половицу пожытку, – оддали. А другую половицу пожытку собе на подел ровныи взят мають. Да они ж мают заплатити долгъ, од него, Запеки, помененому Петру Прокуде винныи, – копъ двадцат пять, одыскавши вси долги вышеиписанные, ему, Запеце, винные, и од Кгиньки, што се истизны и пожытку, якосе вышеи описало прыходит, опроч того, што ему, Запеце, од него дошло, якосе вышеи поменило. А остатком маются на ровные части поделит.

Надто еще огород свои за парканом, на улицы Боровои на полпьяца лежачыи подлѣ огорода зъ одного боку Михайлы Митка, а з другого Грыгоря Маханя, одписал и на вечность даровал помененои малжонце своеи и двумъ дочкам, и сыну своему Абраму на ровные части. Да тому жъ сыну Абраму на вспоминок по смерти своеи лекговал жупан свои фалендышовыи и шапку собою. А жыто, которого ест в дому осмин двадцат семь – тое на спожывене жоне и детем своим всим зоставил.

А затым, кончечы тотъ свои тестамент, просил малжонки и детеи своих, абы по смерти его тело его грешное способом хрестиянским пры церкви Светого Богоявления прыстоине поховали и похоронили. На которыи похорон, менил, зостанетсе готовых грошем копъ двадцать. А болшъ ничего – такъ готовое суммы, яко тежъ и маетности ииншое, – не поведал, але толко просил и напминал // [Л. 340об.] сына своего Абрама и цорокъ своих вышеипомененых, абы яко потомкове за душу его з маткою своею Г(оспо)да Б(о)га просили, а родичку свою в пошанованью и в милости детиньскои мели, и згодне межы себе жыли».

Которое таковое добровольное справованье того тестаменту през помененого Федора Яковлевича Запеку и прызнание оного през славетных панов лавниковъ и слугу правового естъ до книгъ мескихъ полоцкихъ записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 339–340об.

№ 106

1657 г. апреля 17. – Сообщение полоцкого бурмистра Павла Тросницкого о долге полоцкого еврея Абрама Ицковича ему в размере 1000 коп грошей литовских, а так же о долге того же еврея полоцкому бурмистру Филипу Кособуцкому, и предложение не передовать дом того еврея ни одному из кредитором, а держать тот дом в пользу города до окончания войны.

512. [7]165. М(есе)ца апреля семнадцатого дня.

О поведанье славетног(о) п(ана) Павла Тросницкого, бурмистра полоцкого, абы п(ан) Филип Кособуцкии, бурмистр тежъ полоцкии, и ни хто не владелъ домом и кгрунтами Абрама жыда.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, славетный пан Павел Тросницкий, бурмистр места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), поведал и до нас, вряду, доносил то.

Иж што ему, п(ану) бурмистру, зостал винен жьд полоцкии Абрам Ицыкович болшь тысячи коп гр(о)ш(ей) лит(овских), да также немало зостал винен славетному пану Филипу Кособуцкому, бурмистру тежъ полоцкому, а по зьбеженю ег(о) у воину в Полоцку зосталсе дом и пляц его. Теды абы тымъ домом и пляцом ниhto не владел з них ажъ до успокоения войны, але абы зоставали и на пожытки обернены были до ратуша полоцкого на меские потреби.

Што мы, вряду, слышечы, про память велели есмо до книг наших мескихъ полоцких записать.

Што *ест* записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 340об.

№ 107

1657 г. апреля 17. – Разрешение городскими властями строиться на Екимане на месте, где жил пан Жоховский, полоцкому мещанину Исаку Вартюшке (данное решение было отменено 30 мая 1657 г.)

514. 7165. М(есе)ца апреля семнадцатого дня.

¹7167. М(есе)ца мая трыдцатоз(о) дня. Тая справа позволение владовое за ведомостю всег(о) маистрату полоцкоз(о) в ратушы скасовано. Константын Етрыщо, писар места Полоцкого¹.

Позволение владовое будоватсе Исаку Вартюшце на Екимань и на кгрунте, где п(ан) Жоховский жывал.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Исаак Вертюшка бил нам чолом о пляц земли порожнее на выставене будынку до мешканя собе, меновите о тот кгрунт, на котором п(ан) Миколаи Жоховский, воить екиманьский, на Екиманьи прежде сег(о), перед ратю, в самом рынку жыл, подле дому з одного боку ²Якима Малютича², а з другого подле кгрунту Маргуно³во⁴г(о)⁴.

Мы теды, врад, видечы в том ег(о), Исака Вертюшки, чолобитье слушное, а постерегаючи, абы даремно пустые меисца и пляцы не порожновали, але абы оные людьми осафоны зоставали, позволили есмо ему, Исаку Вертюшце, на томъ помененомъ кгрунте на Екиманьи, в самом рынку, под юрздыкою ратушнею полоцкою будучомъ, якийи похотя выставивъшы будынокъ, спокоине мешкат и с тым яко своею власностью владеть, полнечы послушенство и повинность всякую до ратуша, яко и иные мещане полоцкие чынять.

Которое таковое нашо владово позволение *ест* до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 342об.

№ 107

¹⁻¹ Написано на полях другими чернилами почерком II.

²⁻² Написано над строкой.

^{3-3, 4-4} Более поздние надстрочные вставки, сделаны другими чернилами.

1657 г. апреля 17. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина, кравца Андрея Павловича с полоцким мещанином Данилою Шапочником о солонине, данной ему на хранение.

151¹. 7165. М(есе)ца апреля семнадцатого дня.

Декрет в справе² Андрея Павловича, кравца, зъ Данилою Шапочником о два полти солонины².

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого панъ Андреи Павловичъ, кравец, жаловал на мещанина того ж места Полоцкого Данилу Шапочника, што ижъ онъ, Шапочник, нет ведома для чего не оддает ему, Павловичу, двух полтеи солонины, которые ему еще перед ратю, в самые трывоги убегаючи, до шкуты его вложилъ и ему приказал, и он мел в целости оддат, шлюбуючы, ижъ зъ тое шкоды ег(о) не мела пропаст. А цена тым полтемъ обоюм – дванадцат золотых полских. И кгда се въ тые трывоги розбегшысе, знову к Полоцку повернули, теды, деи, он, Шапочникъ, поведил, же тая солонина ест в дому моем цела, а так в тот час ему не оддал, а въ тымъ часе война наступила и тая солонина по сес час пры нем, Шапочнику, заставаеъ.

До которое жалобы будучы он, Данило Шапочникъ, очевисто на ден сегоднешнии через слугу врадового меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановивъшысе, поведил, ижъ: «Перед ратю в трывоги не один онъ, Павлович, але много людеи розных, мещанъ полоцких, до шкуты моее збеглосе было, и мне самому немало шкоды учынили, а солонины жадное его, Павловича, в тои шкуте не видел, он мне не приказовал, и я ему не мовил, што тая солонина не мела згинут, и не ведаю о неи, и не корыстилом».

Зачым мы, врад, в тои справе вырозумевшы змовенья обоех сторонъ, а бачечы, иж се позваныи Данило Шапочник ни до чего водлуг жалобы акъторовы не знает, наказуемъ ему, Даниле Шапочнику, абы помененому Андрею Павловичу дня третего руку дал на том, яко ему он, Павлович, тых двух полтеи солонины, о которые на нег(о) жалует, в шкуту до схованя не довал, ему не приказовал, и яко он того не мовил, же тая с[оло]нина³ з тое шкуты не мела пропаст, и яко оною сам не корыстил и о неи не ведаеъ. А по таковом рукоданью его, Шапочника, од тое всее жалобы Анъдрея Павловича волного чыним.

Которому то рукоданю кгда день // [Л. 243об.] третии з одкладу прыпал, Данило Шапочник, будучы пры трыкрат через слуг врадовых привольваныи, до того рукоданя не становилсе и ведомости жадное о томъ нестанью своем намъ, врадови, и стороне поводовои не учынилъ.

Прото мы, врад, заховуючысе во всемъ водлуг науки правное, за тую солонину золотых дванадцат полских со въсьми шкодами, накладами правными, без рукоданя на нем, Даниле Шапочнику, яко правонепослушном, помененому Андрею Павловичу всказуемъ, прсыужаемъ, и на одправу и фантоване до всякое его маетности лежачое и рухомое, и до особы его самого, которая се где колвекъ оказати может, одсылаемъ, а однакъ еще для чего бы се он, Данило Шапочникъ, до рукоданья не становил, на внесенье ему помощное речы часу две недели узычаем, нижли он, Данило Шапочникъ, и в тых двух

№ 108

¹ Более поздняя вставка, сделана другими чернилами.

²⁻² Написано почерком II.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

неделях жадное собе помощное речы не внесл, и о том своемъ нестанью до рукоданья ведомости жадное намъ, вradoви, не уделалъ, зачымъ вжо тотъ декретъ намъ в одправе доскутъку на немъ, Даниле Шапочнику, прывожоныи быти маеть.

Которая справа, яко се перед нами, вradoмъ, точыла, про памет ест до книг мескихъ полоцкихъ записано. ⁴Выпис выдано⁴.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 343–343об.

№ 109

1657 г. апреля 17. – Сообщение полоцкого мещанина Тимофея Лавриновича о краже с бочек соли и растительного масла.

524. 7165. М(есе)ца апреля семнадцатог(о) дня.

Оповеда не п(ана) Тимофея Лаврыновича, же хтос зъ бочки соль и oleи, и иные речы в ноцы покра л.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкоз(о) п(ан) Тимофеи Лаврынович чынил словное оповедане и ку ведо[мо]ст¹ нас, вradу, доносил.

Иж з дня вчораишог(о) на дисеишыи в ноцы нет ведома хто зъ злых людей, влезшы в дом ег(о), выбрал и выкрал зъ бочки соли немало, так зъ бочки oleю, и иных мног(о) речей покра л и ушол. О што хочеы з кождым таковым, хто бы то учынил, и с тым, у коз(о) бы се то показать могло, правом чынить, шыршую на писме жалобу подат мел а тепер просил, абы тое словное ег(о) оповеданье было до книг мескихъ полоцкихъ записано.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 348об.

№ 110

1657 г. апреля 17. – Судебное решение по делу священника полоцкой церкви Святого Спаса отца Василия Кавецкого с полоцким мещанином Яковом Шолухой о огороде.

527. [7]165. М(есе)ца апреля семнадцатого дня.

Декрет в справе велебноз(о) отца Василя Кавецкого, священника, зъ Яковом Шолухой о огород, до церкви Спаскои належачыи.

Б(о)жю м(и)ло)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, [и перед нами,]¹ раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, велебныи отец Василии Кавецкии, священник церкви Светого Спаса, в месте Полоцком стоячее, жаловал на мещанина того ж места Полоцкоз(о) Якова Шолуху о то.

⁴⁻⁴ Написано почерком II.

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 110

¹ Пропущено писарем, добавлено по формуляру.

Иж он, Шолуха, неналежне и безправне займаеъ и забирает огород, который до вышѣменованое церкви належит, которог(о) вжо перед ратю священник тое ж церкви през тры годы пахал.

О што будучы он, Яков Шолуха, очевисто на день сегоднешний через слугу вradoвoз(о) меског(о) Станислава Володковича заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, деи, мне позволил пахать тог(о) огорода в Богу велебныи отец Гедеон Дронич, наместник монастыра Богоявленског(о) полоцкого.

А пан Даниель Лаптевич, мещанин полоцкии, будучы добре тог(о) огорода ведом, поведил.

Иж, деи, прежныи священник спаскии, который перед ратю осударскою пры той церкви был, тот огород, на полпьяца лежащии, на себе самог(о) вечно купил, а не ест данина жадная.

Што мы, врьд, слышечы а жадног(о) з обоуех сторон права на тот огород не видечы, так же и актор до нег(о) належачии не знаидуетсе, с тых прычын обнявшы в свою вradoвую владзу тот огород, позволяем оног(о) сего лет[a]² пахат велебному отцу Василю Кавецкому, священнику спаскому.

Што про память ест до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 350об.

№ 111

1657 г. апреля 24. – Жалоба земянина Полоцкого воеводства Геронима Корсака на полоцкую мещанку Раину Вертюшанку Павловую Лаханичовую и на её племянника Исака Вертюшку о краже имущества с клети в Полоцку на улице Великой.

537. [7]165. М(есе)ца апреля двадцат четвертог(о) дня.

¹Протестацыя п(а)на Геронима Корсака на Павловую Лаханичовую и племянника ее о почынене шкод въ збожу, с клети забраном¹.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающыми.

Оповедал и жаловал земенин воеводства Полоцког(о) ег(о) м(и)л(о)сть пан Ереним Захеушович Корсакъ на мешаньку полоцкую на Раину Вертюшанку Павловую Лаханичовую и на племянника ее Исака Вертюшку, яко самых прынцыпалов и шкодников, и помочников их, до злодеиског(о) учинку, нижеи менованог(о), от них прыспособленных, им самым имени ведомых, о том.

Иж, маючы жалобливии пан Корсак за заслуги свое з ласки праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря двор збегълог(о) шляхтича Яна Кгрымаилы, на Великои улицы у Полоцку стоячыи, собе даныи и грамотою² ц(а)ря его м(и)л(о)сти утвержоныи, в котором то дому на горе в свирне пры розных речах своих мел жыто зсыпаное у двух засеках. А по выистю и выпроваженю се с тог(о) двора Якуба Лазаровича, яко господара, зостала там³ она, менованая Раина Вертюшанка Павлова Лаханичова зъ племянником своим Исаком Вертюшкою, з жоною и детми ег(о), которог(о) то Исака Вертюшку без воли и указу ег(о) м(и)л(о)сти п(а)на Корсака она, Лаханичова, в тыльное мешкане упустила. Которои то Лаханичовой и тому племяннику ее Исаку Вертюшке пан Корсак дому сво-

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 111

¹⁻¹ Написано почерком II.

² г поверх ранее написанного г другим почерком.

³ а поверх ранее написанного.

его не повераючи, але оставил и приказал увес дом, а особливе свирен на горе зе збожем и речами, для пилнования // [Л. 359об.] дворнику своему Федору Курыловичу, а сам с Полоцка до маестности своею отехал. По которог(о) отезде тая помененая Павлова Лаханичова и з Исаком Вертюшкою, также с помочниками своими з⁴ стаини у прыгребцу влезшы, стену ку свирну до заулочку тесног(о), до которог(о) з боков увести нелзе было, вырезавшы, и диру великую учинившы, оную палубами, абы не видно было, заставившы и зарумовавшы, а маючи вжо час, поволи а ничог(о) не⁵ дбаючи на боязнь Божию⁶, в стыд людский и каране правное, тою дирую з стаини в заулочок входецы, в гору з боку свирна штучне, фортелне у двадцати местах помост и стену свидром покрутили и, натрафившы на жыто, дирами прокручоными якосе им подобало и коли им потреба было, с того свирна, подославшы лубь, молчком таемне и злодеиско брали и пожитковали. А по некотором часе постережшы дворник его, п(ана) Корсака, такую шкоду, пана своего пилновал злочынецов, яко ж в понеделок на свитаню, то ест дня двадцатог(о) м(есе)ца апреля сег(о) году сто шестдесят пятаг(о) на злодеистве з лицом, то ест з жытом, в том заулочку поймал дочку тог(о) Исака Вертюшки з слугами владовыми. Где зараз вскоре Исаак Вертюшка явилсе, яко ж того Исака Вертюшку, яко отца, прыныцпала и гершта, слуги владовые з лицом, то ест з жытом, што у дочки его, Вертюшки⁷, было, и што жыта знашли в том заулочку в лубце и у лукошку безо дна, у которог(о) лукошка з ысподу кошуля⁸ музская подослана была, также и з свердлом великим, который там же пры жыте знашли, на влад на ратушь запровадили и отдали.

Яко ж слуги владовые Станислав Володкович и Филон Рабец признали до книг, што видели за прыданем // [Л. 360] владовым в дому его м(и)л(о)сти пана Корсака, на Великои улицы стоячом, у стаини с тылу свирна стену высечоную; и особливе видели за тою стеною и дирую заулочок невеликий⁹, а под верхом того заулочка видели помост у свирна, стену з боку у колконадцати местах свердлом прокручно, и знат, што жыта с того свирна тыми дирами текло и бьрано¹⁰, и видели лубь подосланы и жыто посыпано, где¹¹ лубьку¹² медовую жыта насыпаного и лукошко без дна, кошулею музскою подосланое, з жытом знашли, и свердел, и то все на влад до ратуша занесли. А Исака Вертюшку до везеня¹³ влад осадил.

О которой школе доведавшысе, его м(и)л(о)сть пан Корсак, а прыбывшы до Полоцка, остаток жыта в засеках перемерыл, где недомерыл и шкодует¹⁴ в покраденю тог(о) всего жыта бочок шести без осминки¹⁵, а ценою бочка жыта¹⁶ по коп осми. Которого то жыта хотечы ег(о) м(и)л(о)сть на той Лаханичовой¹⁷ и на том Исаку Вертюшке, яко прыныцпалах и помочниках их, водлуг науки¹⁸ правное доходит и позыскиват, дал тую жалобу до книг меских полоцких записат.

Котора и з реляцыею слугъ меских ест записано. ¹⁹Выпис выдано¹⁹.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 359–360.

⁴ Поверх ранее написанного.

⁵ е поверх ранее написанного.

⁶ у поверх ранее написанного о.

⁷ ю поверх ранее написаного.

⁸ ко поверх смытого другими чернилами.

⁹ в и другими чернилами почерком П.

¹⁰ ь другими чернилами.

¹¹ г другими чернилами

¹² ь другими чернилами.

¹³ з другими чернилами.

¹⁴ у другими чернилами поверх смытого.

¹⁵ к другими чернилами поверх ранее написанного.

¹⁶ ж другими чернилами поверх смытого.

¹⁷ и другими чернилами.

¹⁸ к другими чернилами поверх ранее написанного.

^{19–19} Более поздняя запись.

1657 г. апреля 27. – Сообщение полоцкого мещанина Абрама Наплешича о желании возместить долг в размере 9 коп 24 грошей литовских полоцкого мещанина Ничипора Жоглы, пользуясь его огородом в Полоцке на Ильинской улице.

547. [7]165. М(есе)ца апреля двадцать сегого дня.

Прыповедане п(а)на Абрама Наплешыча до огорода Ничипора Жоглы о копъ 9 / 24 лит(овских), которыи огород ему пахать позволено.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого пан Абрам Наплешыч оповедал и прыповеданье свое чынил до огорода, тут, в самом месте Полоцком на улицы Ильинской будучого, по Никифору Жогле, мещанину теж полоцком, которыи од рати праведноз(о) г(осу)д(а)ря ц(а)ря с Полоцка в Литву збежал, позосталог(о), в тыле дому его, Жоглы, а подле дому его, п(а)на Наплешыча, лежакого. Поведаючи, иж, деи, тот Никифор Жогла еще перед ратю праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря ему, п(а)ну Абраму Наплешычу, копъ девет и грошей двадцат чотыры лит(овских) винен зостал а и по сес час ему того не уистил и сам се в месте Полоцком еще не знаиудеть. За чым хотечы того долгу, собе од нез(о) винного, на помененом огороде его доходить, тое прыповедане свое занесл и просил, абысмо ему до отданя тых грошей того огорода ужыват и 'оного¹ пахат позволили.

На што и мы, врад, яко в речы слушнои, позволившы, абы он, пан Абрам Наплешыч, спокоине того огорода до отданья собе помененого долгу ужывал и оного пахал, велели есмо то про память до книг наших ратушних полоцких записат.

Што ест записано. Выпис выдано.

НГАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 369.

1657 г. апреля 27. – Судебное решение по делу полоцких мещан Авдотьи Шатровны Максимовой Ивановачовой Чаронковой и Лукаша Пютровского Ситняновича с полоцким мещанином, лавником Иваном Зимницким о неуступке земли в Полоцке на Ильинской улице её внуку Артёму Даниелевичу Ситняниновичу.

550. 7165. М(есе)ца апреля двадцать сегого дня.

Декрет в справе п(а)ни Максимовое Ивановичовое Чаронковое зъ п(аном) Иваномъ Зимницкимъ, лавником полоцким, о неуступенье зъ кгрунту, внуку ее Артему Ситняниновичу надлежакого и чыстого.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцькимъ а Кузьмою Наумовичомъ, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанка места Полоцкого п(а)ни Авдотья Шатровна Максимовая Чаронковая сама и с прытелем своим, паном Лукашом Пютровским-

Ситняновичомъ, прокладала жалобу на славетного п(а)на Ивана Зимницкого, лавника полоцкого, с позву листовного, ему очевисто на день сегодняшний через слугу вradoвого меского Ивана Шлюбовъского поданого, о то, ижъ он, панъ Зимницкий, бесправне и неналежне завладел меисцом голым домовымъ, на улицы Ильиньской лежачым, // [Л. 371об.] а спадком по отцу внуку ее Артему Даниелевичу Ситнянинновичу належачымъ и спалым. Которую землю он, панъ Зимницкий, тепер пахать на огород собе хочетъ.

На которую жалобу панъ Иванъ Зимницкий, ставшы, поведил, ижъ, деи: «Мне з ратуша маистрату ваших м(и)л(о)стеи тое меисце ку ужыванью и паханю *ест* позволено, а я оного не забираю до себе, толко тежъ нехаи мне п(ани) Максимова кошть мои вернуть, штомъ я перед тою землею мост на улицы мостилъ и накладаль».

Мы теды, врад, ведаючи добре о том, што то – кгрунт небощыка Даниеля Ситнянинновича, сыну его Артему належачым, а на сес час ним сын ку Полоцку зъ збегов военных прибыдетъ, ближшою *ест* владеть и заведывать тымъ кгрунтомъ п(ани) Максимова Чаронковая яко бабка, *еи* тежъ оног(о) до влады и ужыванья прысужаем, только наказуем, абы п(а)ну Ивану Зимницкому взглядом мостовых выдатков копъ грошей *отдала*, яко *ж* и *отдала*, а тымъ кгрунтомъ владеть вольно.

Што про память *ест* до книг мескихъ полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 371–371об.

№ 114

1657 г. апреля 28. – Жалоба полоцкого мещанина Гаврила Плюска на полоцкого мещанина, своего отца Яна Плюска о обещанных ему 100 злотых польских или доме.

552. [7]165. М(есе)ца апреля двадцать осмого дня.

Протестацыя Гаврылы Плюска на отца его о золотых 100, ему обещанных, або о домъ.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя И Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовыхъ в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Гаврыло Плюско оповедал и жаловал на мещанина тежъ полоцкого Яна Плюска, отца своего.

Што иж, деи, онъ, Янъ Плюско, женечы его, сына своег(о) Гаврылу, яко отец з милости своее родительское обещаушы ему дать або готовыми грошми золотых сто полских, або тежъ з дому своег(о), у котором тепер мещаетъ, уступить, а и по сес, деи, час тому не учынил досить. О што хотечы з ним часу своег(о) правне мовить, заносечы сюю жалобу свою, просил, абы была до книг меских полоцких записана.

Што *ест* записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 373об.

№ 115

1657 г. апреля 29. – Сообщение полоцких мещан Мартина Щасного и его жены Марии Демидовны о краже вещей из их клетки в Полоцке на Батечковой улице.

553. [7]165. М(есе)ца апреля двадцать девятого дня, у среду.

¹Протестацыя Мартина Щасного и жены его о выкраденъе клетки¹.

№ 115

¹⁻¹ Написано почерком П.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавъниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Мартинъ Щасный и жона ег(о) Маря Демидовна Мартинова Щасная оповедали и жаловали и ку ведомости нашои вradoвой доносили то.

Ижъ нетъ ведома хто, умыслившы их до згубы и знищенья привести, яко ж и прывел, таковым способом. Ижъ кгда в року теперешънемъ сто шестдесят пятом м(есе)ца марца з дня первого на день вторыи, то ест з недели на понеделокъ, они, жалобливые, беспечне уклалисе спат, там же нет ведома хто, тое ночи прышодшы до того дому их и влезшы на клетъ з улицы Батечковой, верхъ у тои клетки продрал а, продравшы, вси жывоты их и маетност убогую, што одноколвек было в тои клетки, з оное выбрал и выкрал. А напрод взято и украдено саяны тры, один червоныи, фалендышовыи, у которого уложили, справуючы, копь дванадцат, а два саяны зеленые, люндышовые, стояли обадва копь десети; полчамарокъ полчамлетовыи, лязуровыи, с пасаманами лязуровыи, новокупленыи за два левки и за пят копеекъ; другии полчамарок полчамлетовыи, поношонныи, блекитныи, купъленыи за полкопы грошей; две трубы полотна беленого, кужелного, тонкого; полотна ровного кужелного тры трубы; сорочокъ пятнадцат женских неношонных; хуст розных белых музских и женьских кубел целыи выбран; полотна тонког(о) взято, купленого за золотых ²сорок шест²; фляш цыновых две, одна у кварту а другая у две; шапка одна лисся новая, верхъ синии, а другая куньяя, тако жъ верхъ синии; ложки две стальные рызкие; кубъки два цыновые; серебра злитокъ шмать великии. А пры том справы дворовые и обликъ на Ивана Хаврату на копь дванадцать, и инъшых дробязкговъ розных, чого и вспомънить не могут, забрано и покрадено. Также и легкумий розныхъ: хлеба, крупъ мног(о) побрано. Да взято теж кабалу солдацкую.

А то все // [Л. 373об.] крадено и сталасе тая шкода одное ночи, коли теж выкрадено клетъ у пана Левона Есковича, мещанина теж полоцкого. А снат все през одныхъ злодеев и шкодников. Яко ж и зараз на завтрее учынившы опыт о тои шкоде а не могучы ведают, где бы то задето, в рынку с прыданя вradoвого цекляр обволявал и о том крадежу всимъ, абы ведали, ознаимил. За чымъ жалобливые поносечы великую шкоду и знищенье таковое а где бы се што с тыхъ речей покраденых указать и зналест могло, с таковым кождым хотечы правне о тую всю покраденую маетност свою мовит и того доходит а на таковых злочынцов караня правного домовятсе, сюю жалобу свою для часу прышлог(о) з великим жалемъ дали до книгъ меских полоцкихъ записать.

Што ест записано. ³Выпис выдано³.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 374–374об.

№ 116

1657 г. апреля 29. – Судебное решение по делу солдатского ротного заимщика Климентия Ивановича Полумердвинова с полоцкими мещанами Якушом Резником и Афанасом Болотою о долге в 7 талеров.

554. [7]165. М(есе)ца апреля двадцать девятог(о) дня.

Декрет в справе Климентия Иванова с(ы) на Полумердвинова, заимщика ротног(о), зъ Якушом Резником о 7 талереи печатных.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

²⁻² Написано поверх смытого.

³⁻³ Более поздняя запись.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, Климентеи Иванов сынъ Полумердвинов, заимщых ротный салдацког(о) строю, жаловал на мещанина полоцког(о) Якуша Резника о неотданье ему семи талереи печатных, сполне с товаришом Афанасом Болотою у нег(о) позычных.

До которых семи талереи иж Якушъ Резник будучы заказаныи, зналсе.

Же, деи, Болота позычал.

Мы, врад, наказали есмо ему, Якушу резнику, абы тую сем талеров печатных, а пры том и вси шкоды, наклады правные, помененому Климентию Иванову с(ы)ну Мердвину за недел две от дня сегоднешнег(о) отдал. А до двух недел, яко человек неоселыи, абы по собе паруку дал. А собе маеть гледеть и доходит на товаришу своем Афанасу Болоте.

Яко ж мещане полоцкие Якубъ Лазарович и Кузьма Иванович, кравец, по вышменованом Якушу резнику в тои справе ручылисе.

А потом на дню двадцатом м(есе)ца мая с паруки тое здали. За чым тот резникъ до уищения се // [Л. 375] в том долгу до везенья турмы меское [оса]жо[и]¹.

Которая справа про память есть до книг мескихъ полоцких записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 374об.–375.

№ 117

1657 г. апреля 30. – Сообщение полоцкого мещанина Матияша Кравца о желании возместить долг в размере 14 коп грошей литовских полоцкого мещанина Яна Борща, пользуясь его домом в Полоцке на Боровой улице

558. [7]165. М(есе)ца апреля тридцатого дня.

Пры поведанье Матияша Кравца до дому Яна Борща о копъ 14 долгу.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанинъ полоцкии Матияшъ Кравец чынил прыповеданье до дому мещанина теж полоцког(о) Яна Борща, тут, в месте Полоцком на улицы Боровои стоячог(о), хотечы на том ег(о) доме позыскивать долгу, собе от нег(о), Борща, винного, то ест чотырнадцати копъ [гр]ошей лит(овских). О што вжо и декрет на нег(о) в року 1644 февраля двадцат второг(о) дня одержал. А всег(о) долгу было копъ осмнадцать, леч копъ чотыры вжо уистил, а коп чотырнадцат винно zostало. И просил, абы тое его прыповеданье было до книг мескихъ полоцкихъ записано.

Што есть записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 377.

№ 118

1657 г. апреля 30. – Разрешение городскими властями полоцкому мещанину Герасиму Баханьскому владеть домами и землями полоцкого радцы Фёдора Розмысловского до возвращения последнего в Полоцк.

№ 116

¹ Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

559. 7165. М(е)с(я)ца апреля трыдцатого дня.

Позволенье владовое Гарасиму Баханьскому заведывать домами и кгрунтами пана Федора Розмысловича, раицы полоцкого.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмоу Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавъниками места царского величества Полоцкоз(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Гарасимъ Баханьский покладал писаные до себе од п(а)на Федор Розмысловича, раицы полоцкого, писаное. В котором просить его, Баханьского, абы домов, кгрунтов голыхъ и огородов его тут, в месте Полоцком, по збеженю ег(о) военном позосталых, догледал и дозерал. Водлуг которого теж домавялсе, абысмо ему тыми домами и огородами, голыми кгрунтами до прыбытя в Полоцок самого п(ана) Розмысловича владеть позволили.

И мы, врад, тое его домавяне, яко в слушнои речи учыненное, прынявшы, за писаньем п(ана) Федора Розмысловича, раицы полоцкого, позволяем ему, Гарасиму Баханьскому, до выистя третего ¹году¹ першою осударовою грамоты, месту Полоцкому наданои, тыми домами, огородами и кгрунтами голыми п(а)на Розм[ы]словичовыми² заведывать и догледать оных, альбо теж до прыбытя его, п(ана) Розмысловича, в Полоцок, если перед Святымъ Семеном прыедеть.

Што про память ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 377об.

№ 119

1657 г. апреля 30. – Показания полоцких мещан Фёдора Плешки и его невестки Аксины о пропавших вещах полоцких мещан, которые были найдены у их постояльцев.

560. 7165. М(есе)ца апреля трыдцатого дня.

Сказка Ходора Плешка и невестки его Аксины строны салдатов, стоялцов их, у которых многие речы краденые показались.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким ¹а Кузьмоу Н¹аумовичом, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещане места Полоцкого Мартин Щасный и жона ег(о), Грыгорей Бухал да Грышковая Слизиговая, и иные мещане полоцкие, которым теперешних часов немало розное маетности зъ домов их ночным злодеиским способом през людей злых покрадено, жодали нас, владу, абысмо казали перед себе поставить полоцкого ж мещанина Ходора Грыдьковича Плешка и невестку ег(о) Аксиныю Никипорову жону ку сказке строны салдатов, стаяльцов их, у которых многие речы краденые, а за их господарским схованьем показались в дому славетного пана Ивана Михновича, бурмистра места Полоцкого, где они на сесь час премешкивают.

Которы то Ходор Плешко и з невесткою своею будучы за наказом нашим вра[до]вым² перед нас поставлены и достаточно обо всем пытаныи сказал.

№ 118

¹⁻¹ Написано над строкой.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 119

¹⁻¹ Написано почерком II.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

Иж, деи, я на тот час, кгда у стаялцов моих речы краденые показались, в дому не был, але ездил до Бешенкович. А перед тым одезьдом слышалом, што у Грыгоря Бухылы крам выкрадено. А тепер, яком оногдашного дня прыехал, невестка моя Аксинья Никипоровая сказала мне, што, деи, стоялцы наши салдаты грошей³ // [Л. 378об.] много мают и пьют, откуль⁴ их набрали. Потом, деи, я сам видел много грошей личучы⁵ их⁵ и пыталсе, откул бы взяли. Они сказали, тебе што до тог(о), зараз, деи, тебе убьемъ, но-жом спортим. А коли Грышковую Слижыковую покрадено, теда тая ж невестка, деи⁶, моя за пытанем се Слижыковое сказала, што, деи, еще якиеь речы у салдатов суть, и у вечор того дня солдат штось в комору унесл. И на завтрее, коли прышли слуги з ратуша, немало речеи розных знашли в дворе, и у коморе футро гарностаиное, и взято на ратуш. А я, деи, сам ничог(о) не ведаю о их крадежы. А было солдатов девет, которые поутекали а дали мне сховать табаки два крутели, и сказали, што, деи, мы выиграли. А што мед пресныи за рекою покраден, того не ведаю, если был, и не ведаю, яко поведат, если Хоме шкляру продан.

А невестка ег(о) Аксинья сказала.

Што де видела у день самог(о) шкляра, што на вышки усходил зъ солдатами, и не ведала, по што. И о меде не ведела, але у вечор опознала челядника ег(о), што мед тот брал, с колесми прыехавшы, и видела чотыры лубьки або кадки, чог(о) добре видит не могла у вечор. А солдат де нес у комору у вечор штось, а не постерегла добре, што то несл, и отцу то сказала. И он сказал, гледи, штось што не краденое. А потом дали покoi, а на завтрее, коли прышла Слижыковая своеи згубы искать, знашли немало речеи у светлицы, где тые стаялцы жили, и у коморе футро гарнастаевое под домом жорновым знашли. ⁷А у⁷ тых де стаялцов⁸ сник швецъ робил сафьянные и чорные боты, а не ведаю, одкуль брали и чые. А табаку всегда пивали и дали де свекрову ее // [Л. 379] Ходьку Плешку два крутели табаки сховать, поведаячы, што де мы выиграли. Да тым де стояльцом прыслуhalасе, иж мовили межы себе, што де тры саяны продали мы дешово Алексею, што на Малои улицы жыветь, у которог(о) вино пропало.

А больш де того ничего не ведаем, ⁹и ни в чом мы не винны⁹.

Которая таковая сказка, през помененого Ходора Плешка и през невестку его учы-ненная, ест до книг меских полоцких записана.

НГАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 378–379.

№ 120

1657 г. апреля 30. – Сообщение полоцкой мещанки Катерины Мартиновны Фёдоровой Семчонковой, о своём решении отдать в держание на пять недель за 10 коп грошей литовских земянину Полоцкого воеводство, радомскому городничему Станиславу Малицкому свой дом в Полоцку с целью выкупа у его своего мужа Фёдора Семчонка, которого последний орестовал из-за нанесения ему тем Фёдором различного вреда.

561. [7]165. М(есе)ца апреля трыдцатого дня.

Признанье Федоровое Семчоньковое, ижъ маеть завести на недель пять дом свои его м(и)л(о)сти п(а)ну Станиславу Малицкому за мужа своего ошкoды почыненые.

Б(о)жу м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца и обладателя.

³ е поверх смытого.

⁴ ль написано над строкой.

^{5–5} Написано над строкой.

⁶ ей поверх смытого.

^{7–7} Написано над строкой.

⁸ Далее смыто, из-за отверстия в листе утеряно 3 буквы.

^{9–9} Написано над строкой.

Передо мною, Кузьмою Наумовичомъ, бурмистромъ места царскоз(о) величества Полоцъкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ будучымъ.

Постановивъшысе очевисто, мещанка места Полоцкого Катерына Мартиновна Федорова Семейчон[чон]ъковая¹ устне а добровольне признала.

Ижъ, деи, што земенин воеводства Полоцкого его м(и)л(о)сть пан Станислав Малицкии, городничьи радомскии, затрымал в маестности своеи мужа моего Федора Семейчонька о шкоды, тамъ же, в маестности, през нег(о) почыненые. Теды, деи, я, нагорожаючи тые вси шкоды, //[/Л. 379об.] маю и повинъна буду его м(и)л(о)сти п(ану) Малицкому завести и заставить домъ мои, тутъ, в месте Полоцком, стоячыи, в десети копах грошей литовскихъ, чым его м(и)л(о)сти погодила. А маю заставить в тот час, скоро его м(и)л(о)сть мужа моего вцеле здорового вернетъ. Которая застава маеть трвать толко до недел пети, у которыхъ пети неделяхъ есьли бымъ того дому своего не окупила, то вжо вечностю его м(и)л(о)сти пану Малицкому ставитъсе и належати маеть.

Которое таковое признане на учыненью заставы, през помененую Федоровую Семейчоньковую Катерину Марьтиновъну² учыненное², естъ до книг мескихъ полоцъкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 379–379об.

№ 121

1657 г. мая 1. – Судебное решение по делу прапорщика Андрея Ивановича Кренева с полоцким мещанином, лавником Иваном Зимницким о нанесении вреда его имуществу.

563. 7165. М(есе)ца мая первого дня.

Декрет в справе Андрея Иванова сына Кренева, прапорщыка, с паном Иваном Зимницким, лавникомъ полоцким о розные шкоды, в дому ег(о) ему почыненые.

Б(о)жею м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу заседающими.

Кгды ку розсудкови нашему врадовому прыточиласе справа Андрея Иванова сына Кренева, прапорщыка Александра пуклу Кгибсона, зъ славетным паном Иваном Зимницким, лавником полоцким, водлуг чолобитных ег(о), прапорщыка, перед нами, врадом, покладаных, о то, што, деи, стоял он, прапорщык, у него, пана Зимницкого, на дворе, и прыежджали к нему, п(ану) Зимницкому, на тот двор его торговные люди, да у него, деи, прапорщыка, от имбара печат оторвали и потравили воз сена, цена возу талер битыи и чотыры алтыны. Да к нему ж, деи, Ивану Зимницкому, прыежджали мужыки деревенские и у него, прапорщыка, украли двои рукависы: одним цена гривна, а другим пят алтын. Да его ж, Ивана Зимницкого, молоицы сверху покрали полторы четверти сухареи да рыбы на две гривны, да зъ сумок выняли горелого серебра, где было на чотыры талеры битых г(осу)д(а)ревых. Да с тех же сумок взяли рукавицы палчастые козлинные, с мохрами, цена им полполтыны.

А в ту, деи, пору он, прапорщык, послан был для асударава дела в Себезкои уездъ, и всего, деи, моего иску на пят рублеи и на четыры алтына без дву денег.

А в другои челобитной своеи он, прапорщык, бьет челом на него ж, Зимницкого, о пистол: што, деи, внуки его на лавки играли и его пистол на землю сранили и ложу тое

№ 120

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

²⁻² Написано над строкой.

пистолѣ переломѣли. Да ево *ж*, де, внука унесла зеркало его, и посямест тово зеркала не *отдаѣт*. А цена тому *зеркалу* гривна.

По котором чолобитю Андреи Иванов сынъ, прапорщѣк мовѣл, што, *деи*, видѣли солдаты, як внуки его, Зимницкого, пистол з лавки зранили и ложу переломѣли. И слалсе на них до сознаня, а особливѣ слалсе и *одзывалсе* на *молоица* // [Л. 381] его, п(ана) Зимницкого, которыи, де, ему, прапорщѣку, сказовал, што, *деи*, *прѣезжѣе* люди од имбара его печат оторвали и сѣно травѣли.

А затым просѣл и домовялсе собѣ всего тог(о) иску водлуг жалобѣ своѣи заплаченя и нагорожѣня.

На которую жалобу и чѣлобѣтѣ ег(о) пан Иван Зимницкии, ставшы перед нами, вradoм, поведѣл: «Правда, *же он*, Андреи Иванович, прапорщѣк, стоял на дворе моем господоу, и ям ему особные будынки на мешканѣ и складанѣ животов его поступовал и указал. Гдѣ през увѣс час спокоинѣ жыл и жадное собѣ шкоды, живучы у мене, не мѣнил и мнѣ не являл. А *ж* в *ж*о тепер, не борздо збѣвшы мене самого и хотѣчы, подобко, *тот бои одтерат*, тым своѣим потваром мене безвиннѣ до права потягаѣт и до *шкод* *прыводѣт*. А в имбарѣ его, яко менуѣт в чѣлобитю, сѣно не ведаю, есѣли было, и жадным замком *тот имбар* не был замкнен, ани дѣровом заложон и печатю не печатован, але толко нѣткою завязан был. А, подобко, свѣини, ходѣчы, тую нѣтку оторвали. Даи мнѣ он, прапорщѣк, того имбара и животов своѣих никаких, *отѣзѣджаючы*, не *прывказовал*, и жадное ему шкоды люди *прѣезжѣе* торговые, и чѣляд домовая, а ни *теж* я сам так *прыв* нем, яко и без него не учѣнили. И ни в чѣм не *ест* ем винен.

Также жадная внука моя зеркала ег(о) не брала и пистолѣ ег(о) с лавки не сранили и ложки не розламили. Але сама, яко м слышал, с колка зъ стѣны звалилася. А понева *ж* собѣ на том солдатѣв, *якихст* менуѣт, ино нехаи их до сознаня ставѣт, а я готов за тую пистол заплатѣт або еѣ направѣт. А на иншои шкодѣ всеи, яко собѣ в чѣлобитных мѣнуѣт, нехаи *прывсегу* *выконаѣт*, а я *теж* за все то заплатѣт ему готов, кгда *ж* я ни о чом том не ведаю и *мои* *вес двор* не *ест* шкодником, также и *прѣезжѣе* люди торговые ничого ему в сѣнѣ не *зашкодили*, але *своѣг(о)* с *потребу* сѣна мѣли».

А так мы, вrado, в тои справѣ *вырозумѣвшы* змовѣнья обоѣх сторон а бачѣчы славѣтног(о) пана Ивана Зимницког(о), лавника полоцког(о), *и *ж* ест* человек в мѣстѣ Полоцком добрыи, заслужоныи и николи в таковом дѣлѣ не *подлеизрании*, и понева *ш* он, пан Зимницкии, поменѣному прапорщѣку на *прывсегу* на шкодѣ ег(о) всеи пустиѣл и позволиѣл, и мы, вrado, заховуючысе водлуг науки правные, наказуѣм тому Андрею Ивановичу Кренѣву, прапорщѣку, абы на *всем* том иску своѣм водлуг чѣлобитных своѣих // [Л. 381об.] *прывсегу* дня трѣтег(о) *выконаѣл*, яко ему так *мног(о)* шкоды в дому ег(о), п(ана) Зимницког(о), люди *прѣезжѣе* и *молоицы* его ¹так много шкоды в дому ег(о), п(а) на Зимницког(о) ¹домовые учѣнили и яко внука ег(о) зеркало его знесла, а по таковой *прывсѣзе* зараз он, п(ан) Зимницкии, ему, прапорщѣку, водлугъ жалобѣ ег(о) *пят* *рублеи* и чѣтыры алтыны без двух дѣнег и особно за зеркало гривну заплатѣт и *отдаѣт* маѣт. А строны пистолѣ наказуѣм ему *ж*, прапорщѣку, тых солдатѣв, которыѣ видѣли, как внуки его, п(ана) Зимницког(о), ложу зламали, абы того *ж* дня трѣтего перед нами поставѣл, так же и *молодца* ег(о), п(ана) Зимницког(о), абы к сознанью строны сѣна *прывѣл*.

Што все про *памят ест* до книг мѣских полоцких записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 380об. – 381об.

№ 122

1657 г. мая 1. – Судѣбное рѣшенѣ по дѣлу *земянина* Полоцкого воеводства Стефана Сѣлицкого с полоцкой *мѣщанкой* Зосѣй Гришковой Дойлидовою и еѣ сыном Михаилом о зернѣ, которѣе было взято из ям.

№ 121

¹⁻¹ *Зачеркнуто*.

566. М(есе)ца мая первого дня.

Справа его м(и)л(о)сти п(ана) Стефана Селицкого¹ зъ¹ Грышковую Даилидовую и сыном ее о збоже, з ям выбраное.

Б(о)жою м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и л[а]вниками² места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающыми.

Постановившысе очевисто, земенин воеводства Полоцкоз(о) его м(и)л(о)сть пан Стефан Селицкии прекладал жалобу на мешанку полоцккую Зося Грышковую Даилидовую и на сына ее Михаилу о то.

Ижъ, деи, они сполне з мешанми полоцкими Федором Шедым и Матюшом Сорокою, поеднавшы его м(и)л(о)сти, же за выбраное // [Л. 383] зъ ям у ег(о) м(и)л(о)сти збоже мели во всем достъ учинить водлуг угоду, в сем же року м(есе)ца марца четъвертого дня тутъ же, на враде, признаное а и по сес час тому досыть не учинили и сами крыются.

О што кгда тая Грышковая Даилидовая была перед нас, врад, и з сыномъ своимъ поставлена, розное непотребное мовы заживала.

Лечь мы, врад, ведаючи добре о вышъписаной угоде их и о пилности его м(и)л(о)сти п(ана) Селицкого³ противо их на термине, въ угоде описаном, чыненои, же се совито⁴ по термине⁴ винъными стали, наказали есмо ее, Грышковую Даилидовую, в ланцух и сына ее Михаилу до турмы всадить. Где сидеть мають потуль, ажъ сполне зъ вышъпоменеными людьми паручниками своими, его м(и)л(о)сти пану Селицкому за збоже, зъ ям выбраное, досить во въсемъ учынять.

Яко жъ зараз до вышъгреченого везенья водлуг наказу нашог(о) врадового тые обе две особы посажоны.

Што про память ест до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 382об.–383.

№ 123

1657 г. мая 1. – Сообщение полоцкой мешанки Ходоры Ивановой Полюжиной о кражи её вещей из клетки.

567. [7]165. М(есе)ца мая первого дня.

Протестаця Ивановое Палюжыное о покраденъе розное маетности с клетки в нocy през злых людей.

Б(о)жою м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающыми.

Постановившысе очевисто, мешанка полоцкая Ходора Иванова Палюжыная // [Л. 383об.] оповедала и словную свою жалобу до нас, владу, доносила.

Ижъ, деи, нет ведома хто зъ незбожныхъ людей тепер свежо в нocy выкрал онои клетъ домовую, и немало¹ маетности рухомое покрадено. С которое некоторые речы

№ 122

^{1–1} Написано почерком II поверх смытого.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³ С поверх написанного.

^{4–4} Написано над строкой.

№ 123

¹ а поверх ранее написанного.

опознала в ратушу межы речми крадеными, зъ дому Ходора Плешьга принесеными. А так за тымъ лицом хотечы с кождым таковымъ, хто бы тог(о) учинку злого приводцою або прынцыпалом был, правомъ часу своего чынить и шыршую жалобу з реестром речей покраденыхъ предложить, просила, абы тое словное оповедане ее было до книгъ мескихъ полоцкихъ записано.

Што *ест* записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 383–383об.

№ 124

1657 г. мая 6. – Судебное решение по делу земянина Полоцкого воеводства Самуела Богдановича Корсака с полоцкимъ мещаниномъ Стефаномъ Кисаревичемъ о безвинномъ отнятии у его болотницкого подданного коня и о заключении того подданного в тюрьму.

575. [7]165. М(е)с(е)ца мая шостого дня.

¹Декрет в справе п(а)на Самуеля Богдановича Корсака зъ Стефаномъ Кисаревичемъ о одняте коня у подданог(о) ег(о) и о везенье тог(о) подданого¹.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипомъ Кособуцкимъ а Кузьмою² Наумовичемъ, бурмистрами, перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, земянин воеводства Полоцкого ег(о) м(и)л(о)сть пан Самуель Богданович Корсакъ прокладал жалобу на мещанина места Полоцкого Стефана Кисаревича³ о то.

Ижъ, деи, он, Кисаревич, безправне и сваволне тут, в Полоцку, на Екимани, нет ведома за што однял у подданого моего(о) болотницкого коня моего власного полового, с которымъ тог(о) подданог(о) моего по потребахъ своихъ до Полоцка послалом. А, однявши того коня, еще и самого того подданог(о) моего безвинне до везенья замкового(о) осадил, где вжо од тыдня и болшь сидит и голодомъ помирает.

До которое жалобы будучы он, Стефан Кисаревич, очевисто на денъ сегодняшнии черезъ слугу владового меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, усprawедливляючысе, поведил.

Иж, деи, я не безправне, але урадовне за чолобитною моею с приставомъ с приказу замкового посланыи, того коня у подданого его м(и)л(о)сти п(а)на Корсакового взялом, кгда жемъ я того коня, яко своег(о) власного, у него опозналъ, // [Л. 387об.] которыи мне выведенъ *ест* з господы моее тут, в Полоцку, на Екимани, злодеискимъ способомъ еще в року прошломъ сто шестдесят четвертомъ у Петровъ постъ, и по сес часъ оногъ не могломъ сыскат, ажемъ оногъ теперъ у того подданог(о) его м(и)л(о)сти п(а)на Корсаковог(о) опознал. Прото прошу вашихъ м(и)л(о)стеи в раду, абысте мне тог(о) коня присудитъ рачыли, бомъ я того коня еще живучы в Мяделе в збеглахъ, передъ людьми меною у Сопрона Ерыжонка, рыбака, на выезде одтуль⁴ достал. Пры чомъ былъ Мартинъ Твирский, добыш, и братъ мои, Миколаи Кисаревич⁵, мещане полоцкие, и ямъ с тымъ конемъ в Полоцокъ прыехалъ с тыми жъ людьми. А в Полоцку многимъ людямъ тотъ конь *ест* знаемыи, же мои власныи, а меновите бралъ у мене того коня на осударово дело Павелъ Вертюшко, да и Демянъ Кожемяка *ест* тог(о) добре ведом, которыхъ к сознанию ставитъ готов.

№ 124

¹⁻¹ Написано почеркомъ II.

² Такъ в рукописи.

³ ча написано надъ строкой.

⁴ ь написано надъ строкой рядомъ съ д.

⁵ с поверхъ смытого; в рукописи Кисаревичъ, восстановлено по формуляру.

Противо чому ег(о) м(и)л(о)сть п(а)нь Корсак поведил.

Иж, деи, безпотребне Кисаревич у тог(о) коня усклепывається, кгда ж я оног(о) еще в року прошлом сто шестдесят четвертом увосень под бытност в Полоцку праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря купил за золотых одинадцат у его м(и)л(о)сти п(а)на Самуеля Федоровича Корсака, которого, яко заводцу, абы перед суд ваших м(и)л(о)стеи стал, упросилом.

Яко ж, ставшы, ег(о) м(и)л(о)сть пан Самуел Федорович Корсак поведил.

Иж, деи, я ег(о) м(и)л(о)сти п(а)на Самуеля Богдановича Корсака в тои справе о тог(о) коня заступую и сам се за нег(о) усправедливить готов, кгда жем я того коня его милости так рок увосен продал, а сам мелом од его м(и)л(о)сти пана Юстынияна Щыта, и през два годы оног(о) у себе ховалом. А ест у тог(о) коня знак, то ест шмат уха правог(о) отрезано, якосе и мне достал, так [и]⁶ тепер с тым знаком ест, и готов то сумненем подтвердит.

На што Стефан Кисаревич поведил.

Иж, деи, жадног(о) на уху знаку у того коня, кгда се //[Л. 388] мне достал, не было, и ништо не видел. А иж тепер есть, волно было казать его м(и)л(о)сти п(а)ну Корсаку урезат, толко се я на тых вышеименованных людехи спущаю, нехаи сознают, если то ⁷не⁷ ест мои власныи конь. Также готов и его м(и)л(о)сти п(а)на Щыта послухат, што о том кони, яко заводца, скажеть, бо тот подданыи его м(и)л(о)сти п(а)на Корсака, будучы на роспросе в приказе, сказал, што, деи, того коня⁸ п(а)нь мои мает од п(а)на Селявы, а тепер вжо иначе се показуеьт, а я пры людях моих, которых ставит готов, на присегу беруся, иж то ест власныи конь мои, в Мяделе набытыи.

Мы, врад, в тои справе не чынечы кородко, наказали есмо ег(о) м(и)л(о)сти п(а)ну Самуелю Федоровичу Корсаку, абы его м(и)л(о)сти п(а)на Юстынияна Щыта, яко заводцу, а Кисаревичу, абы помененых чотырох человек, яко светков, в середу по Зеленых Светках, близко прыходячых, то ест дня двадцатого мая, перед нами, судом, поставили.

На котором то дню двадцатом м(е)с(е)ца мая, ставшы его м(и)л(о)сть пан Корсак и поведаячы, же не мог ег(о) м(и)л(о)сти п(а)на Щыта для забав пилных поставит, еще у нас, владу, просил дыляцыи на поставнье ег(о) м(и)л(о)сти на недел две.

И мы, врад, заховуючысе водлуг науки правное⁹, ещес мы ег(о) м(и)л(о)сти тое дыляцыи роком завитым, абы ег(о) м(и)л(о)сти пана Щыта поставил, на недел две, то ест [д]о¹⁰ дня третег(о) м(е)с(е)ца июня узычыли есмо.

А кгда по двух неделях тот день третии м(е)с(е)ца июня прыпал, его м(и)л(о)сти¹¹ пан Корсак так сам перед нами, владом, з одкладу не становилсе, яко теж и ег(о) м(и)л(о)сти пана Щыта, яко заводцы, не становил. А помененыи Стефан Кисаревич светъков¹²своих¹², вышеимененых чотырох человек, на тот день запозвал. Которые, //[Л. 388об.] то ест Мартин Твирскии, добош, и брат его Миколаи Кисаревич сознали.

Иж тог(о) коня он, Стефан Кисаревич, у Мяделе перед ними на своего коня у Сопрона Ерыжонка, рыбака, выменял и посполу з ними к Полоцку на том кони ехал, и у Полоцку з господои пропал.

А Павел Вертюшко сознал.

Иж он вжо у Полоцку того коня у его, Кисаревича, на осударово дело брал.

Што теж и Демян Кожемяка подтвердил и сказал, же то ест власныи конь ег(о), Стефана Кисаревича, и на оном к Полоцку з Мядела прыехал.

⁶ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁷⁻⁷ Написано над строкой.

⁸ а поверх смытого.

⁹ о поверх ранее написанного а.

¹⁰ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

¹¹ и поверх ранее написанного ь.

¹²⁻¹² Написано над строкой.

А так мы, врад, в той справе бачечы, иж его м(и)л(о)сть пан Самуел Федорович Корсак, взявшысе на ег(о) м(и)л(о)сти пана Юстынияна Щыта, яко на заводцу, оног(о) так на першом, яко теж и на другом под роком завитым узычным термине не ставил, и сам теж перед нами, вradoм, не становил; за чым, прыхиляючысе во всем до науки правное, а набарзеи заховуючысе водлугъ сознания вышепомененых чотырох особъ, людеи добрых, того коня половог(о), якосе вышеи описал, помененому Стефану Кисаревичу, яко его власного, прысужаем так, иж вжо ег(о), Кисаревича, так его м(и)л(о)сть пан Корсак, яко теж и нхто иншыи о того коня турбоват и позыват не мае и не будет мочы, але он, Кисаревич, тым конем, яко своим власным, яко похотя шафоват волен и моцен будет вечными часы.

Которая справа есть до книг меских полоцких записано.¹³Выпис выдано¹³.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 387–388об.

№ 125

1657 г. мая 6. – Жалоба полоцкой мещанки Настасии Борисовны Пауковны на полоцкого мещанина своего мужа Есипа Худовца о забрании имущества.

578. [7]165. М(есе)ца мая шостого дня.

¹Протестацыя п(а)ни Есифовои Худовцовои на малжонька своего¹.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия Малыя и Белое Роси самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Оповедала и обтяжливе жаловала пани Настазыя Борысовна Пауковна, бывшая Микитиная Товстая а теперешняя Есипова Худовцова въ великой крынде, школе и в незносном жалю своем на неуважного и неласкавого мужа своего а мещанина полоцкого пана Есифа Худовца о том.

Ижъ кгда в животе першого малжонка жалующое пани Настазыи Павуковны, то ест Микиты Товстого, не стало, вжо тому трынадцатыи год настал по Великодни, по которого смерти могло быт в полроча он, Есиф Худовец, будучы вдовцом, ее, пани Настазыю Павуковну, вдову, за себе в стан светыи малженьскии взялъ и в готовыи дом власныи ее, жалующое пани Настазыи Павуковны, на Кобаку на улицы Пробиинои стоячыи, прыстал и увошол, маючы пры себе еще в летех малых четверо детеи своих, то ест сынов двухъ и цорек две. И зараз скоро вшол в дом, теды всякую маетность ее, пани Настазыи Пауковны, власную и с першым мужем небощыком Микитою Т[o]в[ст]ым набытою, и што она после мужа своего, небощыка, набыла, на себе он, яко малжоннок, обнял, то ест цыну, медзь, золото, серебро, грошы² готовые, збоже розное, кони, быдло и спрат домовыи а згола всю от мала до велика маетность в моць свою взялъ и, живучы в готовом дворе во всемъ женином добре и в достатъку четверо детеи своих от оженения аж до сег(о) часу ховал // [Л. 390об.] и дочку одну замужъ выдал. А сам своее маетности он, Худовец, мало што мел и там живучы, на Кобаку, она, пани Настазыя Пауковна, за его, Худовца, доукою и частым налеганемъ часть свою, которую мела з детми своими двема сынами в дворе, ему, Худовцу, признала, а другую часть двора он же, Худовец, у сына жалобливое, то ест у Василя Товстого, набыл. А менованая пани Настазыя Паввуковна толко вжо на одной части небощыка Анѣтона, сына своего, себе

^{13–13} Написано почерком III.

№ 125

^{1–1} Написано почерком II.

² г написано почерком II другими чернилами поверх смытого.

отказанои, в том дворе на Кобаку до наступеня³ воины и до приходу ратных людей до Полоцка з нимъ, Худовцомъ, яко мужем своим жыла.

А як рать царского величества на Полоцкъ наступила, она, пани Настазыя Павуковна, з сыном своим Василемъ Товстым будучы от него, Есифа Худовца, выслана зъ двора от неволи великое а от страху военного, с Полоцка у Литву увошла, а он, Худовец, пры всеи маетности ее, пани Настазыи Павуковны, нигде не убегаючи с Полоцка, у дворе зостал и всякии напои, пиво, горелку, мед, питыи и в лубках будучи, цыну, медзь, збожа, грошы готовые, охендство всякое пры себе задержал и завладел, и на пожиток свои обернулъ. А потом нерыхло по взятю Полоцка, якъ жалобливая о нем, Худовцу, у петнадцати милях от Вилни у Воложыне допыталася, теды он, Худовец, не толко што бы ее, малжонку⁴, до себе в таковыи военныи час прынят мел, але наимеишое речы, навет и хълеба, не давши, проч от себе отогнал и всею от мала до велика маетностью малжонки своею, которая н[а] о[с]объливым⁵ реестре показана будет, завладел. О што все, яко се вышеи поменило, хотечы она, укрывжоная пани Настазыя Павуковна, сама правом чынит з ним, Есифом Худовцом, и заховуючы волное и целое право цорце своеи Марыне, по него ж, Худовца, на сес час дала тую жалобу свою до книг меских полоцких записать. // [Л. 391]

Што есть записано. ⁶Выпис выдано⁶.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 390–391.

№ 126

1657 г. мая 6. – Дело полоцкого мещанина Карпы Ивановича с полоцким мещанином Максимом Храпой о неоддании 9 коп 12 грошей литовских за ремонт его дома.

582. [7]165. М(есе)ца мая шостог(о) дня.

Справа Карпы Ивановича зъ Максимом Храпою о копь 9 / 12, што на направу дому ег(о) выдал внебытность его.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России са[м]одержца¹ и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу // [Л. 392об.] Полоцком заседаючи ми.

Постановившысе очевисто, мещанин полоцкии Карпа Иванович жаловал на мещанина теж полоцкого Максима Храпу о неотданье ему девети копь и грошей дванадцати лит(овских), што по збеженю его от рати, мешкаючи в дому его, на направу² тог(о) дому, на тот час розоронного, выложил.

О што будучы тотъ Максим Храпа очевисто на день сегоднешнии через слугу вradoвого меского Станислава Володковича заказаныи, постановившысе, поведил.

Ижъ, деи, яко я сам тот домъ, уходечы с Полоцка, вцеле перед ратью покинул, такъ и тепер весь старое работы ест целыи, и печ моя жъ, а не так, яко онъ, Карпа Ивановичъ, в реестре своем пишеть.

Чому всему актер некуючы, менил Павла Обараночника им слугу на сес час меского Ивана Шлюбовского, же, деи, они ведають, што тот дом под час пожара, кгда там подле горело, разорон былъ, а я после того направоваль.

³ я поверх ранее написанного.

⁴ На ж клякса.

⁵ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

^{6–6} Написано почерком II.

№ 126

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

² н поверх ранее написанного.

Яко жь кгда з одкладу за наказом нашымъ вradoвым на третемъ дню тые оба свет-
ки – Павел Обараночникъ и Иван Шлюбовский, – сознали.

Же онъ, Карпа Иванович, тот домъ по пожаре направоваль, а первей увесь розоро-
ныи был.

Мы, врьд, сослали есмо спосродку себе двух пановъ лавниковъ, абы того дому везъ-
де огледели, и што *ест* прыбудынку нового, абы то ошачовали. А по томъ шацунку и по
учыненью перед нами през панов лавников реляции узнане нашо вradoво в тои справе
статсье маеть.

Которая справа про память *ест* до книг мескихъ полоцкихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 392–392об.

№ 127

1657 г. мая 10. – Жалоба полоцкой мещанки, радцовой Татьяны Яковлевны Омеля-
новой Шерометовой на полоцкого мещанина Ануфрия Хомича о пользовании им огоро-
дом.

590. 7165. М(е)сца мая десятого дня.

Протестацыя п(а)ни Омеляное Шыраметовое, раицвое по-
лоцкое на п(ана) Онуфреея Хомича о запаханье ого¹ро¹да Бухалов-
ского.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича,
Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и пе-
редъ нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на
справахъ судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, славетная п(а)ни Татьяна Яковлевна Омеляновая
Шыраметовая, раицвая полоцкая, сама и з сыномъ своим, паном Лукашом Ситняно-
вичом-Петровъским, подпискомъ полоцкимъ, оповедала и до ведомости наше вrado-
вое доносила, иж, деи, што: «В(аша) м(ило)сть врад отложили есте справу мою с пани
Василевою Кривушыною до прышлого сто шестдесять шостого году сеньтебра до пер-
вого чысла, и пляцы два, по небощыку Грыгорю Бухале позосталые, до того часу пры
своеи вradoвои влады зоставили. Теды, деи, тепер, нет ведома за чымъ позволеньем
пан Онуфрей Хомич, мещанин полоцкии а зять тое п(а)ни Кривушыное, один кгрунт –
огород за парканом, – запахаль и пожытки себе чынить». А она, жалобливая, маючы
обликгъ, малжонку своему на осмдесят копъ гр(о)шей лит(овских) од Грыгоря Бухалы
даныи, и декрет вжо отдержаныи, тых кгрунтовъ во влады своеи не маеть. Зачым ва-
руючи, абы напотом то ее пахане огорода еи, п(ани) Шереметовой, ку дохоженю оног
не заш[ко]дило², тое свое оповеданье занесла и просила, абы до книг меских полоцких
записано.

Што *ест* записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 396об.

№ 128

1657 г. мая 11. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Василия Ивановича
с полоцким мещанином Федором Юрковичем Подасиновиком о вещах данных для вывоза
в Кейданах.

№ 127

¹⁻¹ Написано над строкой.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

593. [7]165. М(есе)ца мая одинадцатого дня.

Конец sprawy Василя Ивановича зъ Федором Подасиновиком о речы, ему на воз в трывоги до вывезенья данные, где позваног(о) од всего уволено за указанье матестацыи.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающыи.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Василии Иванович прокладал нам ¹устною мовою¹ то.

Ижъ, деи, [ш]томъ² я в року теперешнем сто шестдесят пятом м(есе)ца февраля двадцать третего дня запозывал перед суд ваших м(и)л(о)сти ратушнии полоцкии мещанина полоцког(о) Федора Юрковича Подасиновика о розные речы, ему подчас трывог военных в Кеиданах местечку до вывезенья данные. До которых иж он, Подасиновик, не зналсе, але поведал // [Л. 398об.] поведал, што жона моя Федору Лапатневичу, у Вилни на сес час мешкаючому, тые речы дала, и якобым вжо я того Лапатневича у Вилни о то позывал. Теды, деи, в(аша) м(ило)сть врад наказали есте ему, Подасиновик, абы з Вильна за недель шесть показал атестацію владовую, еслимъ я у Вилни о тые речы Лапатневича позывал, так же и особливую атестацію од самого того Федора Лапатневича, если он от мене был турбован о тые речы. А так, деи, он, Федор Подасиновик, прибывши зъ Вилна до Полоцка, наказови ваших м(и)л(о)стеи владу досить не чынить и помененых квитации не показуеъ.

О што будучы он, Федор Подасиновик, очевисто на день сегодняшнии через слугу владового меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, положыл перед нами, вядом, две атестацыи. Одну с подписом руки помененог(о) Федора Лапатневича и печаторов, од него упрошоных, то ест славетног(о) п(ана) Ивана Зимницког(о), бурмистра, п(ана) Тимофея Хараковича и п(ана) Якуба Барановског(о), мещан полоцких, на сес час у Вилни мешкаючых, в которои значне во всем невинность его, Федора Подасиновика, ест описана, и то се³з нее³ показало, што вжо Василии Иванович Федора Лапатневича у Вилну позывал и некоторые речы⁴од него побрал⁴, а иншое де зъ его маенностью отнято през шведа. А другая атестація с подписом руки того ж Лапатневича и помененых п(ана) Тимофея Хараковича и п(ана) Якуба Барановског(о) тож опеваеъ, же Федор Подасиновик ни в чом водлуг жалобы Василя Ивановича не ест винен.

За [ч]ым⁵ мы, вяд, бачечы таковыя порадне, през Федора Подасиновика справленые, атестацые, одну през мещан полоцких⁶ з розказанья ег(о) м(и)л(о)сти п(ана) суди замковог(о) виленског(о) учыненую, а другую од Федора Лапатневича прыватне отрыманую, а бачечы теж в [ты]х⁷ атестацыях невинность Федора Подасиновика, значне описаную, вечне его, Федора Подасиновика, од тое всее sprawy и жалобы Василя Ивановича, од речеи вышпомененых увалняем.

Што про память ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 398–398об.

1657 г. мая 13. – Дело полоцкого мещанина Ивана Мосола с полоцкой мещанкой (?) Антиповою о невыплате ему платы за проживание в его доме за 15 лет.

597. [7]165. М(есе)ца мая трынацатог(о) дня.

Справа Ивана Мосола зъ¹... Антиповою о позем, зъ дому ег(о) през год 15; а потом згодились.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, райцами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившыся очевисто, мещанин полоцкий Иван Мосол жаловал на мещаньку тежъ полоцкую²... Антиповою о незапаченне ему позему зъ дому его, в котором вжо петнацать год жыветь.

О што будучы она, Антиповая, очевисто на день сегодньешний через слугу вrado-воз(о) меского Ивана Шлюбовьского заказаная, постановившыся, поведила.

Иж, дей, небозык мужъ мой споземил у нег(о) лазню, клетку и сенцы по две копы на год, а если бы што прыбудовал он, Мосол, теды вжо по полтрети копы платить мел. Аже не онъ, але я зъ мужем тамъ немало прыбудовали. Прошу, абы то мне отраховано было, а што надто вынесеть, абы мне Мосол вернул, а ему вжо готовыми грошми дошло копъ чотырнадцатъ гр(о)ш(ей) лит(овских).

За чым мы, врьд, таковые слова слышечы, сослалы есмо были до тог(о) домку на ошачоване прыбудынку двух пановъ лавников.

А потом зараз обеде стороны ставшы, признали, иж се в той справе зъ собою зъг-дили, то ест Иван Мосол позволил Антиповой в том дому жыть еще до Светог(о) Семена, то ест до 166 году сеньтебра до першого дня. А она тежъ, Антиповая, с прыбудынку своег(о) зрекласе, же потребы жадное до него не маеть.

Которая справа и угода их есть про память до книг мескихъ полоцкихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 402об.

1657 г. мая 15. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Григория Бухалы с полоцким мещанином Хомою Григоревичом о краденых вещах.

601. [7]165. М(еся)ца мая петнацатого дня.

Декрет в справе Грыгоря Бухалы, кушнера, зъ Хомою Грыгоревичом, шклером, ижъ се у него речы краденые показали, а у него крамъ выкреденыи, од чого вradъ от прысегнутисе наказал, поне-вашъ доброго доводу не было.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, райцами и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившыся очевисто, мещанин места Полоцког(о) Грыгорыи Бухал прокладал жалобу на мещанина того жъ места Полоцкого Хому Грыгоревича, шкеляра, с протек-

№ 129

¹ Далее пробел приблизительно на 7 букв.

² Далее пробел приблизительно на 9 букв.

стацыи, на него в сем же року сто шестьдесят шостом и сего жь м(есе)ца мая десятог(о) дня учыненое о то, ижъ што в сем же року в месяцу марцу зъ шостог(о) дня на семьи, то *ест* с пятницы на субботу в ночи вылулено крамъ его, под ратушою будучи, и немало розног(о) товару покрадено такъ его власног(о), яко тежъ и его м(и)л(о)сти п(а)на Данилы Семеновича, стольника царског(о) величества, которыи товар на особливом реестре есть списаныи. Котороз(о) то крадежу початок и лицо показалося в дому пана Ивана Михъновича, где на сес час мешкаеть Ходор Плешко. А с тог(о) дому онъ, Хома Грыгоре-вич, шкляръ, некоторые речы злодеиские скуповаль мимо закликъ, в рынку през слугу меског(о) чыненыи. Теды, *деи*, подобно и его товары покраденые тамъ же были и могъ оные онъ, Хома Грыгоревичъ, скуповать.

До которое жалобы будучы онъ, Хома Грыгоревич, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвого меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, самъ и с прытеlem своимъ паном Лукашом Пютровским, усправедливяючысе, поведил, ижъ, *деи*, еслим я што [к]упил¹ меду пресного в дому п(а)на Михновичовом у салдатов, ²на сес час збеглых², теды то непотаемне куплял, але *перед* стоялцами моими, *перед* которыми тежъ и грошы отдавал. А о речах и товарах его, Грыгоря Бухалы, не ведаю и жадное се лице у мине не показуеть.

А затымъ през тож прытеля своез(о) домавался *от* тое неслушное жалобы увольнения, заносечы на него, Грыгоря Бухалу, протестацыю о ославу себе в речах небылых и о перетреснь³ дому, скрынок, клети и всякого начынья его, где жадное речы // [Л. 404об.] с покраденых товаров своих не знашол, а особливе о невинное везене и бещесте, ему учыненое, на што цытовал розное право с порадку и з Саксону маидебургского, заховуючы о то все до него, Грыгоря Бухалы, волное право.

А так мы, врад, в тои справе выслушавшы з обоюх сторон шырокого мовенья а не видечы нияког(о) подобеньства до Хома Грыгоревича, абы ⁴он⁴ мел покраденые товары Грыгоря Бухалы скуповать, а зась, погледаючы тежъ на великую шкоду, Грыгорю Бухале през крадежъ сталую, наказуем помененому Хоме Грыгоревичу и жоне его дня третьего прысегу выконать на томъ, яко они опроч щекгульного меду пресного жадное инъшое речы в дому п(а)на Ивана Михновича у стояльцов тамошних и ни у кого инного не куповали, не корыстили, у себе не переховывали, и яко о шкоднику его, Бухалы, не ведають. А по выконанию таковое прысеги его, Хому Грыгоревича, и жону его *от* тое жалобы Грыгоря Бухалы и *от* всея речы, в нем описаное, вольныхъ чыним. А Грыгорю Бухале крадежу и шкоды своея на ком себе розумеет, доходить волно будетъ.

Которая справа, якосе *перед* нами, вradoм, деела, про память *ест* до книг меских полоцких записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 404–404об.

№ 131

1657 г. мая 15. – Сообщение полоцкой мещанки Маруши Якимовны Степановой Титовичовой, что она со своим мужем Степаном Титовичем не убежала из Полоцка, а ездили в гости к родственникам.

602. [7]165. М(есе)ца мая петнадцатого дня.

Сказка жоны Степана Титовича, которая была зъ мужем своим с Полоцка збегла а назад привезена; тут же и список речеи, прынеи будучых.

№ 130

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

^{2–2} Написано над строкой почерком II.

³ Первое е и н поверх ранее написанного.

^{4–4} Написано над строкой.

Б(о)жо м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Поставлена будучы мещанка полоцкая жона Степана Титовича Маруша Якимов-н[а]¹ саматретя зъ двема детми своими малыми и девчына пры неи служебная, которая з мужем своим и з животами всими с Полоцка збежала, а посланцы, полоцкие мещане, ее в Ылукште в Курляндии знаходшы, пр[ы]везли² в Полоцок, а мужа нет.

А сказала она в роспросе, што не збежали с Полоцка, але у гости поехали ку отцу мужнему и къ тром братенком ег(о), а набарзеи // [Л. 405] ехала на веселе, же се один брат его тепер женит маєт. А мужъ мой перед прыездом посланцов тых поехал з Ылукшты продават солонины и будеть тутъ конем. А мене без мужа взято. А животных своих менила, што ест в скрыни белое плате и сукни, а готовизны, деи, нет ничего.

Яко ж славетные пан Стефан Людкович и пан Иван Микитич, лавники места Полоцкоз(о), и пры них слуга владовый мескии Станислав Володкович, признали.

Ижъ за заказом нашим владовым перегледели в тои скрыни ее всих речей. Где напервеи видели: полчамарок турецкого мухаиру; саян фалендышу вишневог(о); кшталт аксамитныи; доломан фалендышовыи лазуровыи; фартухъ селезеневои китаики; шапъка аксамитна, червона, женская, окгонками собольлими обложена, корунки серебряные; престирадло зъ лиштвами сетковыми; поес гарусу зеленог(о); надракги синие, люндышовые; шапъка табинку черног(о), соболцом опушена; кшталт чорныи адамашковыи. Пры том розные хусты белые, чого не личыли. А то все в скрыни было и зас вложено за ее замком а печатью запечатовано ратушнею. Зась саян червоныи люнъдышовыи, тот взяла к себе, коцы два, опонча руская белая, кожухъ женъскии старыи, наметки две, фартухъ и кошули две взяла³, и то все до себе.

А до прыбытия мужа ее ручылисе по неи тые жъ посланцы, которые ее з Ылукшты привезли, то есть Яковъ Шолуха и Андреи Стебуть.

Што про память есть до книг мескиих полоцкиихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 404об.–405.

№ 132

1657 г. мая 20. – Заявление полоцких мещан Моисея Смыркгони и его жены, что они имеют землю, которая принадлежит Моисеевой Смыркгониной, которую полоцкий мещанин, её брат Фёдор Зимницкий не имеет права продавать.

604. [7]165. М(е)с(е)ца мая двадцатого дня.

Прыповеданье Моисея Смыркгони и жоны его до кгрунту оичыстого, самои Смыркгониной належачого, абы оног(о) п(ан) Федор Зимницкии, братее, никому не продавал.

Б(о)жо м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Моисеи Смыркгоня и жона его оповедали и прыповеданье свое чынили до кгрунту оичыстого, самои Моисеевой

№ 131

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³ а поверх ранее написанного.

Смыргониной по отцу ее належачого, абы оног панъ Федор Зимницкии, брат ее, никому не продавал, бо кгда ж вжо части две продал. За чым варуючы, абы и остатка, то *ест* еи, Смыргониной, належачого кгрунту, не продал, боронечы того тепер и в час прышлыи, тое оповедане свое занесли, абы было до книг меских полоцких записано, просили.

Што *ест* записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 406.

№ 133

1657 г. мая 22. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Яна Скробовича с полоцким мещанином Амеляном Прудником и его невесткой о долге в 7 злотых по завещанию ключника Борысоглебского монастыря

610. [7]165. М(есе)ца мая двадцать второго дня.

Справа Яна Скробовича зъ Амеляном Прудником и невесткою ег(о) о розные речы и о 7 золо(тых) гр(о)ш(еи) по духовницы ключника борысоглебского; од чого суд позванных увольнилъ.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючыми.

Кгда ку розсудкови нашому врадовому прыточыласе справа мещанина // [Л. 409об.] места Полоцкого Яна Скробовича зъ мещанином теж поло[ц]ки[м]¹ Амеляном Прудником и з невесткою его ²... за заказом, им очевисто на день сегоднешнии через слугу врадовог(о) меског(о) Ивана Шлюбовского даным, о сем золотыхъ грошей, за сукню небощыку ключнику монастыря Борысоглебског(о) винных, особно о бочку жыта и о штабу железа, у того ж небощыка ключника взятых. А он, Скробович, духовницу тог(о) ключника маеть и покладаючы оную, домавялсе собе тог(о) всег(о) прысуженя.

В которой справе, ставшы, позванная невестка Прудникова до того всего не зналасе, але мовила, што, деи, за то все небощык муж мои досить учынил ключнику, а он, Скробович, до того не неалежить, и што менуеть, якобы того ключника он поховал, того не было, але хто иншыи сховал, бо и в чужой лазни умер.

И мы, вряд, видечы, иж в той духовницы тот ключник ничог(о) никому не отписует, але толко на церков дробязкги даруеть, а о тых речах взменки нету, с тых прычын позванных особъ од того всег(о) увольнили так, иж на тую духовницу отповедать никому не мають.

Што про память *ест* до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 409–409об.

№ 134

1657 г. мая 25. – Сообщение полоцкого мещанина Филипа Азаревича о ограблении его крамы в ночь с 24 на 25 мая.

620. М(есе)ца мая двадцать пятого дня.

Протестацяя Филипа Озаровича о выкраденье крамы.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

№ 133

¹ Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

² Далее пробел приблизительно на 21 букву.

Перед нами, Филипом Кособуцьким а Кузьмою Наумовичомъ, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевидно, мешанин места Полоцкого Филипъ Азарович оповедал и жаловал.

Ижъ нocy прошлое, дня вчeраишого на сeгодняшнии, то естѣ зъ суботы на неделю, нетѣ ведома хто зъ злыхъ а на Бога запометалыхъ люди, добывшысе до краму его способомъ злодеиским, немало розного товару покралъ. Которого крадежу реестр, свое рукою писаныи, подал в тые слова.

Co pokradziono u mnie, Filipa Azarowicza.

Pasamanów roznych iedwabnych; iedwabu roznego; stroczek iedwabnych; fałędyszu; płotna szwabskiego; bawelnice; srebra grzyvien dwie łamane(go); pieniędzy roznych talarów dwieście; sai medzielanu kilą sztuk; kożów kilą buntow; sztametu; sznurkow iedwabnych; petlicę roznę; srebro; złoto; harus; panczoch połtuzina; związki fetoci; karale perłową y czerwone; kuntusz zielony, sibirkanmi podszyty; furstatu¹ czarnego; guzików ze złotem; guzików roznyim iedwabiem; szabel; hanskotu y iedwabiu roznego; zwierciadło muchairu rozного y ynszych, których nie rachuiąc drobiazków y których sam ieszczе nie wiem pokradziono niemało.

Которыхъ тыхъ товаровъ покраденыхъ и грошей готовыхъ гдебыкольвекъ могъ знакъ якии обачыть або о нихъ и о злочыицу самомъ ведомость певную взять, хотечы он, помененыи Филипъ Азарович, с кожъдымъ таковымъ часу своего у суду належного правомъ чынить и того всего крадежу своего доходи[m]², сюю жалобу свою занеслъ и, абы до книзъ мескихъ полоцкихъ записана была, просиль.

Которая естѣ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 415об.

№ 135

1657 г. июня 4. – Жалоба полоцкихъ мешан, лавника Ивана Самуиловича и Констанция Кошицкого на полоцкого мешанина Стефана Титовича о нанесении имъ различного вреда около Друи.

[6]42¹. [7]165. М(есе)ца июня четвертого дня.

²Протестацыя п(а)на Ивана Самуиловича и пана Костантога Кошыцкого на Стефана Титовича².

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексѣя Михаиловича, Вселя Великое Малое и Белое Россыи самодержца и обладателя.

Передо мною, Кузьмою Наумовичомъ, бурмистромъ места Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающимъ.

Оповедали и обтяжливе жаловали славетныи панъ Иванъ Самуиловичъ, лавникъ места Полоцкого, и панъ Костанты Кошыцкии с товарищы своими³ на мешанина тежъ полоцкого Стефана Титовича о томъ.

Ижъ кгда в року теперешнемъ сто шестьдесятъ пятомъ в м(есе)цу маю уежъджалъ и утекалъ он, Титовичъ, не ведатъ для якоево прычыны и якимъ способомъ с Полоцка зъ жоною и з дeтми своими и зо всякою маетностю рухомою, позоставившы и покинувши пустыи домъ свои, в месте Полоцкомъ на венцу над рекою Двиною стоячыи, теды он, Титовичъ, переимуючы жону свою, вследъ за нимъ⁴ с Полоцка жъ утекающую, по-

№ 134

¹ fu поверхъ смытого.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ м подправлена.

№ 135

¹ Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

²⁻² Написано почеркомъ II другими чернилами.

³ во обведена.

⁴ м подправлена.

ткал жалобливых пана Ивана Самуиловича, лавника, и пана Костантоз(о) Кошыцького⁵ за Друею⁶ на урочыщу⁷ у Кобылы в томъ же м(есе)цу маю в субботу. А будучы злого поразумения о них, жалобливых, якобы они мели тую жону его, убегающую с⁸ Полоцка, переимоват, там же, ничего не паметаючи на бояз Б(о)жую и срокгост правную, он, Стефан Титович, з многими помочниками своими, а меновите Абрамовичом Збукгвецким и з Илею Жыдовичом, и з иньшими многими помочниками, себе знаемыми, учынив[шы]⁹ великии крык и галас, хотел их, жалобливых особъ, бит, мордават и на смерть п забиват. Где жалобливые на живыи Бог отпросилисе, учествовавши его, Титовича, и помочников его горелкою, заледво волными пуццоны были. А напотом он, Титович, не уставаючы¹⁰ в¹¹ своем зачатом злом умысле а учынивъшы¹² змову с помочниками своими а хотечы з бандолету п(а)на Ивана Самуиловича и Давыда Сивицкого забит, до них обудвух маючи курок¹³ наложонны, стрелит хотел. Аж за особливую ласкою Божою, товариство постерегышы, // [Л. 432об.] отратовали. А, зрозумевшы¹⁴ они, иж он, Титович, ест здраицою и неодповедне с Полоцка утекает, зараз его, осмелившысе, з одвагою великою здоровья своего, оного задержали и до везения до его м(и)л(о)сти п(а)на воеводы дынемборского(о) отослать хотели. Лечъ ижъ он, Титовичъ, упокорывшысе, у их, жалобливых, упросил они, жалобливые особы, знашовшы пры нем, Титовичу, готовых грошей копъ осемнадцат без полталера, зараз нанявши чолон у пана Скорня, его грошы през мещанъ теж полоцких Давыда Сивицкого и через Якуша¹⁵ Орехвича до Полоцка до маистрату его, Титовича, яко збега и здраицу тамошнего, послали и с тых копъ осмнадцати тым особомъ за працу и ему на страву копъ десет грошей лит(овских) дали. А помененыи помочъник¹⁶ его Абрамович Букгвецъкий¹⁷ по одесланью его, Титовича, до Полоцка, хотел их, жалобливых, о то до Брасловя кгвалтом¹⁸ провадит и там до везения их осадит, почынивши на них розные безпотребные процеса. За которым таковым злым а незбожнымъ поступком его, Титовича, яко панъ Иван Самуиловичъ, лавникъ, так панъ Костантыи Кошыцкии с товаришами своими обовячючысе от помочников его, Титовича, якоз(о) налилства и прыпадку, товар свои розныи ув Олыксте, не продавшы¹⁹, заставит мусели, и сами до Полоцка вернулисе. И кгда, прыехавшы в Полоцок, ему, Титовичу, о таковои свое²⁰ шкоде и о турбацыи сказали, он, Титовичъ, знову с Полоцка не веда²¹ где и якимъ способомъ зникънул. За чым жалобливые, если бы што на товаре своем, ув Олыксте зложонным, шкодоват могли, теды то все за его²¹, Титовича, прычыною на нем хотечы своих шкод, убытков, омешканья, што на особливом реестре, даст Бог, за зверненьем з Ылукшты до владу подано будет, доходит, на сес час дали тую жалобу свою до книгъ меских полоцких записать²².

Што ест записано. ²³Выпис выдано²³.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 432–432об.

⁵ К обведена.

⁶ е подправлена.

⁷ ч поверх ранее написанного.

⁸ с написано слитно с П.

⁹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

¹⁰ в поверх ранее написанного.

¹¹ Поверх ранее написанного.

¹² в поверх ранее написанного.

¹³ к поверх полустертого д.

¹⁴ з другими чернилами.

¹⁵ з другими чернилами.

¹⁶ к поверх ранее написанного другими чернилами.

¹⁷ ь поверх смытого.

¹⁸ в поверх ранее написанного.

¹⁹ то поверх ранее написанного.

²⁰ ы поверх ранее написанного.

²¹ в поверх ранее написанного.

²² е подправлена.

²³ с поверх ранее написанного.

^{23–23} Написано почерком П.

1657 г. июня 6. – Жалоба дисненского мещанина, писаря Симона Тучковича на полоцкого мещанина Аврама Фёдоровича Наплешича о бесчестье.

652. 7165. М(есе)ца июня шостого дня.

¹Протестацыя п(а)на Сымона Тучковича, писара дисенског(о) на п(а)на Аврама Наплешыча о безчесте.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Передо мною, Кузмою Наумовичомъ, бурмистромъ места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающим.

Оповедал и з великим жалем протестовал панъ Сымон Тучкович, писар места Дисенского, на пана Аврама Федоровича Наплешыча, мещанина полоцкого, о том, што *же, деи*, в прошлом, во сто *шестдесят* втором году, генвара двадцатого дня, перед наступением в сес край ратных людей великого г(осу)д(а)ря его ц(а)рьского величества, он, пан Сымон Тучкович, будучы на тот час писаром друиским, зостал винен за сукно ему, пану Авраму Наплешычу, на церокграфъ свои копъ двадцат грошей, описавшисе тот долгъ ему, пану Авраму Наплешычу, в том же помененом году, в ден Преображения Христова, м(есе)ца аугуста шостого дня заплатить.

А в том часе еще перед тым роком воина зашла, через которую то воину на тот час он, панъ писар, все свое убожество стратил и щекгулно з малжонкою своею зостал. А кгда вжо во сто *шестдесят* четвертом году, м(есе)ца мая второго дня здарилосе быт ему, пану писару дисеньскому, гостинным способом на Друи и видетсе з ним, паном Аврамом Наплешычом, тогды он, пан Аврам Наплешыч, ведаючи о его, пана писаровым, упадку, тые слова прырекль, *же, деи*: «Пане писару буду того долгу дотул терпливым, аж тебе Б(о)гъ запоможеть». В чом он, пан Сымон Тучкович, писар, будучы от него, пана Аврама Наплешыча, словом упевненыи и убеспечоныи, кгда в нынешнем, во сто *шестдесят* пятом году, м(есе)ца июня четъвертого дня // [Л. 438об.] за ужытем всего маистрату и мещан дисенских по пелно кгвалтовных потребах великого г(осу)д(а)ря его ц(а)рьского величества до места Полоцкого заехал, теда там, в месте Полоцком, поткавшисе в рынку самом, он, пан Аврам Наплешыч, з ним, паном писаром, звычайне привиталсе, а строны долгу жадное зменки не чынил, и через нияких людей не упоминалсе, и не поступуючы звычайем давным, якосе межы маистратом полоцким и маистратом дисенским захо²вывало, *же кождыи* мещанин полоцкии на мещанину дисенским, а мещанин дисенскии на мещанину полоцкомъ у належного суду справедливости собе доводили, а он, пан Аврам Наплешыч, пропомневшы того всего, а набарзеи наступуючы на ласку великого г(осу)д(а)ря его ц(а)рьского величества, мещаном дисенским наданую, в неплаченю долгов давных на два годы, и не жодаючи николи у маистрату места Дисенског(о) з него, пана писара, собе справедливости, заразы шодшого неналежного в Полоцку на него, пана писара, заочную чолобитную подал и без очевистое контроверсыи веказ собе за удалем отрымаль и з денщыками по месту Полоцком его, пана писара, яко якого лотра поволокал, аж мусел ему, пану Авраму Наплешычу, яко могучы досыт учынити тот долгъ вес сполна заплатить и церокграфъ свои освободыти.

О што все: так о нарушене ласки великого г(осу)д(а)ря его ц(а)рьского величества в неплаченю старых долгов на два годы, поволокане, крывду и незносную зневагу, – хочечы пан Сымон Тучкович, писар дисенскии, з ним, паном Аврамом Наплешычом, правом чынит, просил, абы тая его жалосная протестацыя была до книг меских полоцкихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 438–438об.

1657 г. июня 8. – Судебное решение по делу переяславского мещанина Сильвестра Высоцкого с полоцким мещанином Михалком Титовичем о 21 копе грошей литовских от совместной торговли.

656. [7]165. М(е)са июня осмого дня, у понеделок.

¹Декрет в справе Сильвестра Высоцког(о), украинца, зъ Михалком Титовичомъ о копъ 21 гр(о)шей лит(овских)¹.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое Малое и Белое Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, пан Сылвестер Высоцкии, украинец з места Перасловя, прекладал жалобу на мещанина места Полоцкого Михалка Титовича о то.

Иж тот Титович, будучы од него, Высоцког(о), прынятыи товаришом до сполных гандлев с третего пожытковоз(о) гроша, ездили сполне с Полоцка угору до Бешенкович для скупения товаров, на которые он, Высоцкии, положыл и ему, Титовичу, до рук его дал сумы готовое копъ сто чотырнадцат и гр(о)шей чотырнадцат² литовских, абы он, Титович, яко ведомый всего в краю тутошнем, о товары старалсе и працы своее, не даючи своих жадных грошей, прыложыл а себе за то третии пожытковый грош взял. А так, кгда, накупившы розно збожа за всю тую суму п(е)н(е)зеи, прыехали назад до места Полоцкого, он, Сылвестеръ Высоцкии, веруючы во всем ему, Титовичу, а набарзеи погледаючи на лагодные и зычливые слова его, и не розумеючи по нем ниякое себе мет шкоды, поверыл и позволил ему, Титовичу, в мешканью своем тое збоже и во всякои пилности меты. Што он, Титович, охотне прынявши, зараз молчком без ведомости ег(о), Высоцкого, тое збоже продават почал, а постерегшы, он, Высоцкии, иж вжо немало попродал, теды и остатка ему спродать³ и грошы до себе брать позволиль, // [Л. 441об.] абы вжо всее сумы своее и пожытку у него, Титовича, упоминаitse мог. И постановил цену жыту осмину по талеру печатном, а пшена осмину по [зо]лотых⁴ чотыры полских. Яко ж он, Титович, през немалый час тое збоже, себе повероное, продавал и грошы все до себе брал. А потом он, Высоцкии, водлугъ повести многих людей, обачывшы, што он, Титович, беручы за тое збоже грошы, о[ны]ми⁵ долги свое многие плятит и необычайне шафоват м пропиват почал, кгда се у него своее сумы упоминал⁶ и до рахунку его привел, теды толко с того порахунку збожом непроданым и готовыми грошми дошло ему, Высоцкому, од него, Титовича, рахуючы сумою збоже, всего копъ деветьдесят грошей литовских пры нем, Титовичу, зосталисе, што мел зараз иститсе. Леч и по сес час нет ведома для чого ему, Высоцкому, отдат и пожытку од того збожа указат не хочет, уводечы его час од часу розными обетницами.

До которое жалобы будучы он, Титович, очевисто на ден сегодняшнии через слугу вradoвого меского Ивана Шлюбовского заказаныи, не стал.

За чым мы, врад, здавши его, Титовича, в контумацыю повторе, а если бы повторе не стал, теды и протре, на дни судовые заказат наказали есмо.

Яко ж на дню десятом июня слуга мескии вradoвыи Станислав Володкович прызнал.

Иж неочевисто, але през колко его, Титовича, в мешканю его кретою на столе написаное, не спогнавшы ег(о) нигде, заказал, и жоне его, в том же дому наемном мешкающей,

№ 137

¹⁻¹ Написано почерком II.

² рнадцат¹ поверх смытого.

³ Ъ добавлено позднее.

⁴ Смыто, восстановлено по смыслу.

⁵ Смыто, восстановлено по смыслу.

⁶ у вписано позднее написано над строкой.

о том ознаимил. А *иж* и на том дню до права не стал. Теды и потрете его, Титовича, на ден двадцатый того *ж* м(е)с(е)ца июня тако *ж*⁷ през колко заказал а, пърызнавшы⁸ до книг запозвы по *трыкрыт* за кождым позвом, до права его в голос прыволювал.

Нижли он, Титович, яко права непослушныи, жадного разу не становилсе и ведомости жадное сам през себе ани през прыятеля своего нам, вradoви, и стороне поводовои о том нестаню своемъ не уделал.

А помененыи Сылвестръ Высоцкии, пилнуючы // [Л. 442] на кождом дню и платечы за нестайное контумацыи, поведил.

Ижъ, деи, он, Титович, еще першыи очевистыи заказ отрымавшы, самъ с Полоцка зникнуль и убежъ. И ям, деи, зъ слугами мескими, од вашых м(и)л(о)стеи вradу прыда-ныи, и з солдатами за ним, Титовичом, немалым коштом уганялсе. Леч *иж* ани конем не могли жадным способом, ани пехотою догонит. За чым прошу вашых м(и)л(о)стеи вradу, [аб]ысте⁹ рачыли мне на томъ Титовичу тую суму п(е)н(е)зеи винную зъ накла-дами моими всказат и тог(о) всего позволили на нем, гдеколвекъ¹⁰ постигнувшы, дохо-дить. И моцно за декретом, яко виноватцу, взял, кгда *ж* он тут в Полоцку и нигде жад-ное оселости не маеть а мене, убогог(о) человека¹¹, до незносныхъ шкод и утрат прывел.

А так мы, вrad, в тои справе вырозумевшы добре, *иж* помененыи Сылвестер Высоц-кии, украинец, того Михалка Титовича до третего гроша пожыткового зъ власности своеи товаришом прыняль, видечы бт¹² человека, до гандлев способного и ведомого, и жадное шкоды собе з него не разумеючы; а бачечы мы, *иж* он, Титович, так много сумы п(е)н(е)зеи у его, Высоцкого, забравшы, до права за трояким заказом ку усправедливе-ню се жадного разу не¹³ становил и будучы и¹⁴ прыволюваныи, о нестаню своем ве-домости жадное намъ, вradoви, не уделал; а на остаток и сам, с Полоцка уходечы, долгов збег и зникнул, прото, заховуючысе во всемъ водлугъ науки правное, всю тую суму п(е)н(е)зеи винную, копъ двадцат одну истизну, а пры том и вси шкоды, наклады правные¹⁵ на нем, Михалку Титовичу, яко права непослушном, менованому пану Сылвестру Вы-соцкому, украинцу, всказуем и прысужаем, и на одправу и фантоване до всякое его ма-етности, так лежачое, яко и рухомое, о которой где услышит, так же и до особы его самог(о), которую¹⁶, яко збеглую, гдеколвек бы постигнуты мог, одсылаем, и гдеколвек постигнувшы, до всяког(о) вradу права и везеня провадит и осадит моцю сего декрету нашего позволяем, поступуючы во всемъ водлугъ науки правные, о таковых людях, от долгов збегающих, описаное.

Што все про памет есть до книг меских полоцких записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Он. 1. Д. 1. Л. 441–442.

№ 138

1657 г. июня 8. – Дело полоцкого мещанина Василия Скрипеля с полоцким мещанином Моисеем Митюлем о долге в 32 копы грошей литовских за 10 бочек жита.

658. 7165. М(е)с(е)ца июня осмог(о) дня.

Одклад до выистя грамоты государовы вь справе Василя Скры-пеля с паномъ Моисеемъ Митюлею о копъ 32.

⁷ ак *поверх* смытого, обведено.

⁸ п *обведено*, ь *полустерт*.

⁹ Бумага повреждена, восстановлено по смыслу.

¹⁰ д *обведена*.

¹¹ к *поверх* ранее написанного.

¹² Так в рукописи, далее зачеркнута одна буква.

¹³ е *поверх* ранее написанного.

¹⁴ Полустерта.

¹⁵ В рукописи павные, исправлено по смыслу.

¹⁶ о *переправлено* на у.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмоу Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), тог(о) року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцког(о) Василии Скрыпел жаловал на мещанина теж полоцког(о), на п(ана) Моисея Митюлю, о то, иж он, пан Митюля, за год перед наступенем рати до Полоцка зостал мне винен за десеть бочок жыта коп трыдцать две, а ценою бочка жыта на тот час была по осми золотых. И толко я у него взял за тое жыто сыров копу, ценою за коп десеть гр(о)шей, а зостал мне винен копь двадцат две, и тых грошей за частокротным упоминанем час од часу, уведечы обетницею, отъ-дать и уистить се не хочеть.

До которое жалобы будучы заказаныи панъ Моисеи Митюля черезъ слугу вrado-вого Ивана Шлюбовьского, ставшы очевисто ку праву, наперод поведиль, ижъ: «Я ни-чего не винень», а потомъ мовил, ижъ он, Скрыпел, взял сыров копу рахуньку потреба, а в остатку домавлясе и просил одкладу и захованья водлуг грамоты г(осу)д(а)р(е)вы месту Полоцкому наданое.

А Василии Скрыпел, поносечы шкоду в неотданыю собе за жыто двадцати и двух копъ грошей, домавлясе всказу правног(о).

Мы теды, врад, в тои справе на сес час жадног(о) розсудьку не чынечы, поневаж панъ Моисеи Митюля грамотою праведного г(осу)д(а)ря месту Полоцкому стороны не-плачени долговъ наданое закладалсе, водлуг тое грамоты царского величества до выис-тя трох летъ от наданья его, пана Митюлю, зоставившы, а потомъ Василю Скрыпелю о долгъ свои и о шкоды волное и целое право до его, пана Митюли, заховуемъ, а Василю Скрыпел на томъ узнанью нашом переставшы, учынил прыповедане за тые двадцать и две копы гр(о)шей и за шкоды до всякое ег(о), пана Митюли, маетности.

И то все про память есть до книг меских полоцких записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 443.

№ 139

1657 г. июня 8. – Разрешение городских властей полоцкому мещанину Илье Максимовичу строится на городской земле, где раньше жил полоцкий мещанин Амброс Пчолка.

659. [7]165. М(есе)ца июня осмого дня.

Позволенье Илли Максимовичу будоватися на кгрунте меском, где жывал Амброс Пчолка.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмоу Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Ильля Максимович бил нам чолом и жодал по нас, владу, абысмо ему позволили будоватися на кгрунте мескомъ в слободе старои Белчыцкой лежачом под присудом ратушним будучом, на котором прежде сег(о) жыл мещанин тежъ полоцкии Амброс Пчолка.

Мы теды, маистрат, бачечы слушное ег(о), Ильли Максимовича, домавяне а упатруючи, абы даремно кгрунты меские не пустовали, але оные домами и людми были осажены, позволили есмо ему, Ильли Максимовичу, на помененом кгрунте меском в слободе старои Белчыцкой будучом, на котором Амброс Пчолка жывал, будоватсе и там спокоине жыть, полнечы всякую повинность и послушенство до ратуша полоцког(о),

яко и инные мещане полоцкие полънять и цыншы зъ кгрунтовъ меских платять, сколько у кого кгрунту будетъ.

Которое тое позволене нашо маистратовое велели есмо про память до книг меских полоцких записать.

Што *ест* записано.

НГАБ. Ф. 1823. Вон. 2. Спр. 1. Арк. 443об.

№ 140

1657 г. июня 10. — Судебное решение по делу полоцкого мещанина Лукаша Кубла с полоцким мещанином Иваном Табором о неоддании имущества сирот, которые находятся в опеке жены Лукаша.

662. [7]165. М(есе)ца июня десятог(о) дня.

Декрет в справе Лукаша Кубла и жоны ег(о) зъ п(аном) Иваном Табором о невыданье розных речеи зъ дому своег(о).

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царскоз(о) величества Полоцкоз(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившыес очевисто, мещанин места Полоцкоз(о) Лукаш Кубел жаловал на мещанина того ж места Полоцкоз(о) п(ана) Ивана Табора, швакгра своег(о), о то.

Иж, деи, он, п(ан) Табор, не хочеть ему и жоне его выдать скрыни, которая з речома в дому ег(о) стоять а належить сиротам, которые з розсудку вradoвог(о) пры жоне ег(о) заставають¹. Так же о затрымание оболон трох избных, заслоны железное, жорон перцовых и стола зъ скрынею, што все ув ызбе было, где она в дому ег(о) мешкала, а на сес час уступила.

О што будучы он, п(ан) Иван Табор, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвог(о) мескоз(о) Филона Рабца заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, деи, я скрыни з речома, сиротам надлежащее не гамую и не затрымываю, але жорны перцовые ям купил. Так же стол Тесля недбалский мне робил, и я платил. А заслона железная печная и тры оболонки, то суть отцовские а мне належать.

На што Кубел поведил.

Ижъ, деи, тые речеи все² жона моя справовала и куповала после рати и после разорения.

Мы, теды, вряд, вырозумевшы а чынечы на обе стороны покои, наказали есмо п(ану) Ивану Табору, абы он жоне Кубловои а сестре своеи Марфе Таборовне скрыню, сиротам надлежащую, да тры оболонки и дрова, которых домавляльсе, зараз выдат, а ему, п(ану) Табору, стол, заслонку железную и жорны перцовые прысужаем. А абысе зъ собою не лаяли, вины на сторону винную десет коп гр(о)ш(еи) закладаем на ратуш и везеньем караны быти мают.

Што про памет *ест* до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Он. 1. Д. 1. Л. 445.

№ 141

1657 г. июня 10. — Судебное решение по делу полоцкого мещанина Степана Булавки с полоцкой мещанкой своей тёщей Гришковой Клишиной о запрещении его жене, её дочери навещать его в тюрьме.

№ 140

¹ Другое а поверх ранее написанного у.

² с поверх ранее написанного.

663. [7]165. М(есе)ца июня десятог(о) дня.

Декрет в справе Степана Булавки зъ тещою его Gryшковой Клишыною, же дочки свое а жоны ег(о) до нег(о) не пушаеть.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Будучы¹ поставленыи с турмы мещанин полоцкии Степан Булавка, жаловал на мещанку того ж места Полоцког(о) Gryшковую Клишыную, тещу свою, о то.

Иж, деи, она, даючи потворство жене его а дочке своеи, оное до ег(о) в наведыны к турме не пушает и старанья о нем и о прокарме его мети забороняет. А особливе она, теща его, ему лаптеи его продажных выдать и пети талеров гр(о)ш(еи, ему виньных, от-дат не хочеть.

О што будучы она, Gryшковая Клишыная, очевисто на ден сегоднешнии через слугу вradoвог(о) мескоз(о) Ивана Шлюбовског(о) заказаная, постановившысе, поведила.

Иж, деи, жона его а дочка моя о нем, мужу своем, яко можеть, старается и ег(о) кормить, але еи нельзя до его прыйти до турмы, же ее часто там бьетъ. А што менить пять талеров, тое² я ему устила. А лапти и кожух нехаи себе озьметь. Только прошу уваги вашои м(и)л(о)сти владу, же жона ег(о) у мене пьетъ и ест³ через недел д[ва]дцат⁴ чотыры.

Мы теды, врьд, упатруючи, абы жона жоною мужу была, наказали есмо Gryшковой Клишыной, абы тая дочка ее до помененог(о) Степана Булавки, як⁵ до мужа своег(о), к турме бывала, и яко могучы, оног(о) кармила. Так же и помененные лапти и кожух взят ему волно и позволяем. А о талеров пять, коли выидеть з везеня, волное право до тещы его заховуем.

Што по память ест до ниг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 445об.

№ 142

1657 г. июня 20. – Дело переяславского мещанина Сильвестра Высоцкого с полоцким мещанином Михалком Титовичем о взаимных претензиях в совместной торговле.

666. [7]165. М(есе)ца июня двадцатог(о) дня.

¹Рахунок¹, през панов лавников учыненыи, межы Селвестром Высоцким, украинцом, а Михалком² Титовичом од которог(о) поракунку Титович збегъ.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья Россыи самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

№ 141

¹ В рукописи бучы, исправлено по смыслу.

² е написано над строкой.

³ ь написано над строкой.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁵ к поверх смытого.

№ 142

¹⁻¹ Поверх смытого.

² хад написано над строкой другими чернилами.

Постановившысе очевисто, славетные п(а)нъ Иван Микитич и п(а)нъ Михал Наплешыч, лавники места Полоцкоз(о), признание свое учынили в тые слова.

Иж, деи, с приданья ваших м(и)л(о)стеи в раду а за потребованьем п(а)на Сылвестра Высоцкоз(о), украинца, з места Перасловя, так же и за потребованьем мещанина полоцкоз(о) Михаила Титовича чынили есмо межы ними в ратушы порахунок водлуг декрету през п(а)на Сылвестра Высоцкоз(о) на нег(о), Михаилу Титовича, в нестаню ег(о) в року теперешнем сто шестдесят пятом сего ж м(есе)ца июня осмог(о) дня одержано(о) зъ всказом копъ двадцати и одное самое истизны зъ сполных гандлев винное, а пры том и з всказом³ всих шкод, накладов правных. Которому то декретови яко в нестаню одержаному, иж Михаилу Титович пречыл, поведаячы, же, деи, Сылвестер Высоцкии неслухную // [Л. 447об.] заочную на ег(о) жалобу до раду вносил и тот декрет неслухне одержал и не ест ему так много, яко всказано, винно.

Прото мы, лавники, пытали есмо их обоих, яковым они способом гандел зъ собою сполныи мели и яко много сумы п(е)н(е)зеи было.

На што п(ан) Сылвестер Высоцкии поведил.

Иж, деи, он прынял к собе Михаила Титовича без грошей, одно к суме п(е)н(е)зеи своеи власнои, поступившы ему за ег(о) працы, яко чловеку, до торговли способному, третии грошъ пожытковый. И дал, деи, ему, Титовичу, готовых грошей на скупене товару коп сто петнацать, опроч накладу коп десети, в талерах печатных. И купил он жыта у Бешенковичах осмин шестдесят тамошнее меры, осмина по золотых чотыры полских, чынит за тое всег(о)⁴ жыто копъ деветдесят шест. Там же, в Бешенковичах, зостали винны решты за жыто коп чотыры и гр(о)ш(еи) сорок осем лит(овских), то он, Высоцкии, на себе прынял. Пшена купили за коп десет и гр(о)ш(еи) дванатцат лит(овских). На харчъ и на хлебъ выдали коп чотыры ровно. Што все чынит водлуг повести ег(о), п(ана) Высоцкоз(о), копъ сто петнацат. Да водлуг его ж мовы дошло ему на тую суму жытом, пшеном и гр(о)шми готовыми коп деветдесят тры и гр(о)шеи дванатцат лит(овских), особно медяными грошми коь две. А недоставает еще ему, п(ану) Высоцкому, самое истизны коп деветнацат и гр(о)шеи сорок пят лит(овских).

До тог(о) он же, п(ан) Сылвестер Высоцкии, поведил.

Иж, деи, с полоцкои меры было прымерку у жыте осмин двадцат, а в пшене осмины две на дмеру бешенковскую.

А Михаилу Титович мовил.

Иж, деи, у Бешенковичах, купили жыта осмин пятьдесят девет, осмина по копе однои и гр(о)шыи дватцат осем лит(овских), чынит коп осемдесят шест и гр(о)шеи лит(овских) трыдцат два, а пшена, деи, купили осмин шест, осмина по копе однои и гр(о)шеи сорок два лит(овских), чынит за пшено коп десет и гр(о)шеи 12. Яко и в повести⁵ п(ана) Сылвестра Высоцкоз(о).

А водлуг повести Михаила Титовича всег(о) сумою чынит⁶ коп 96 и гр(о)ш(еи) 44 лит(овских)⁶. За чым недоставает еще п(ану) Высоцкому от нег(о), Титовича, самое истизны⁷ неотданое коп деветнацат и гр(о)ш(еи) 45 лит(овских), да пожытку жыта осмин 20 и пшена осмин 2, што се з меры полоцкое на дмеру бешенковскую прымерыло.

Мы теды, лавники, видечы⁸, иж так мног(о) Михаилу Титович ему, п(ану) Сылвестру Высоцкому винен заставае, наказали есмо ему до skutочной росправы о до достучынення не зходит з ратуша. Леч он, ничог(о) на то не дбаючы [а]⁹ не слухаючы нас, погардившы зверхностю вradoвою с крыком галасом з ратуша зшол и збег.

³ *м поверх ранее написанного в.*

⁴ *г(о) полустерта.*

⁵ *и поверх ранее написанного другими чернилами.*

⁶⁻⁶ *Подчеркнута.*

⁷ *ны написано над строкой другими чернилами.*

⁸ *е другими чернилами.*

⁹ *В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.*

А п(ан) Сылвестер Высоцкии о все то, якосе вышеи поменило, так же и о шкоды, наклады, которых меновал себе быть¹⁰ на трынадцать¹¹ талереи битых, протестовал.

¹² Которое таковое признание помененых п(а)новъ лавников тое реляции ест до книг меских полоцких записано. ¹³Выпис выдано¹³.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 447–447об.

№ 143

1657 г. июня 20. – Завещание полоцкого мещанина Лаврина Бельковского.

670. 7165. М(есе)ца июня дванадцатог(о) дня.

Т е с т а м е н т Л а в р ы н а Б я л ь к о в с к о г о (о) .

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья Росси[и] самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючи.

Постановившысе очевисто, славетныи пан Ян Тишкович, лавник места Полоцког(о), а пры нем слуга владовыи мескии присяглыи Станислав Володкович, признание свое в тые слова учынили, иж, деи:

«С прыдания вашых м(и)л(о)стеи раду а за потребованем мещанина полоцког(о) Лаврына Бялковског(о), печура, былом, деи, я, Ян Тишкович, с паном писаром и з помеченым слугою владовым в дому того Лаврына Бялковского, печура, тут, в месте Полоцком. на Пробоиной улицы, з рынку ку реце Полоте идучы стоячом, в року теперешнем вышписаном, июня десятого дня, яко у маломожного человека, где за приистем нашим знашли есмо его, Лаврына Бялковского, печура, велми хорого, однак на теле и на розуме, памяти здоровог(о). Которыи, хуючысе быт смертельным, абы розницы и заводу по смерти его не было, таковыи тестамент учынил:

«Наперод, якъ на мене Господ Б(о)гъ смерть допустит будет рачыл в тои хоробе, душу мою Г(оспо)ду Б(о)гу Всемогущому, во Троицы Светои Единому отдаю, а тело мое грешное жона моя милая Катерына Яновна посполу зъ зятем моим Ивкою Сорокою // [Л. 450об.] и з жоною его, а дочкою моею, которая вжо од [ме]не¹ водлуг убогого преможения ест выпосажона, так же и з сыном моим Яном Бялковским поховати мают пры церкви Рожества Светог(о). А на похорон zostавую дылею мою лязуровую, которую продавшы, водлуг змоги провод учынити мают. А яко жону мою, так и всих деток моих Г(оспо)ду Б(о)гу Всемогущому в оборону и опеку поручаю.

Которои то жоне моеи Катерыне четверть ²пляца² огороду, за парканом на Выгонной улицы в заулку лежачого, за ее працу и верное со мною помешкане вечными часы даю, дарую. Дочке моеи Марыне з нею ж, яко вжо другою жоною моею спложоною, десет коп грошей на дворе моем власном, где сам по тые часы жыл и живу, отказываю. А сыну моему Яну Бялковскому, с першою небощыцою жоною спложоному, записую на том же дворе моем власном копъ десет грошей и лавку ганчарскую, в рынку стоячую, таким обычаем, яком сам держал, записую; а товару, што ест в неи трохе, тот на пожывене посполу з мацохою, продавшы, обернуть мает. А если он, сын мои, долги мое нижеименные розным людем поплатит, то ему вечностю дом мои належати мает. Однак, штобы

¹⁰ Б написано над строкой.

¹¹ Б написано над строкой.

¹² Далее написано почерком II.

¹³–¹³ Написано почерком III.

№ 143

¹ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

²–² Написано над строкой.

в продажи дому большое цены грошовое выносило над долги, и штом отказал, остатком грошей з мацохою своею, а жоною моею, поделитсе мает.

А винен я, наперед, до цеху брати коп десет гр(о)шей, а в пети копах заоставилом в цеху кгузики мое серебряные и ложку серебряную, ³[и тог(о)]³ невыкупил. Михалку Вовчку за олов коп чотыры винен. Пану Швановичу так же за олов винен копу без чотырох гр(о)шей. // [Л. 451] Пани Сапроновичовои винен залатыи. Пану Керкожыцкому винен залатыи один. А надто болеи никому я не винен.

Двор старшого сына моего Петра Бялковског(о) мает быт в заведыванью у дочки моее и у зятя моего Ивки Сороки, и они мают там, в дому, жыт и опатроват до взросту лет меншого сына моего Яна. И если бы з яких прычын сын мой Петр до Полоцка не вернулсе, теды тот двор Яну, сыну, вечностю належати мает. Которого то сына моего Яна Бялковского в опеку и оборону полежаю пану Ахрему Сомовичу, а в дозор зятю моему Ивку и жоне его. А прошу, штоб его в обиду не подовали и до всего доброг(о) ему способ показовали. И што являю, если бы з воли Божое обуд[вух]⁴ сынов моих в жывоте настало, теды вжо то все, чым они владели, зятю и дочце моеи и потомком их належати мает».

Которыи тот тестамент и прызнане оног(о) через славетного п(ана) Тишковича, лавника, и через слугу вradoвог(о) ест до книг меских полоцких вписан. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 450–451.

№ 144

1657 г. июня 15. – Судебное решение по делу бобыницкого священника отца Стефана Якубовича с полоцким мещанином Фёдором Скепиною о долге в 9 коп грошей литовских.

677. 7165. М(есе)ца июня петнадцатого дня, в понеделок.

Декрет в справе отца Стефана Якубовича, священника бобыницкого, з Федором Скепиною о копъ девет гр(о)ш(ей) лит(овских).

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всея Великия, Малыя и Белья Росии самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, велебнии отец Стефан Якубович, священникъ бобыницкии, жаловал на мещанина места Полоцкого Федора Скепину о неодадане собе девети копъ гр(о)шей лит(овских), то ест копъ семи еще перед ратю за горелку виино остальных, а копъ двух, што ему дал, яко паручнику, задатку на заслугу челядника своего Ивана, а прыятеля его, по котором он, Скепино, ручыл. Которыи то прыятел его, не служывшы ничего, от него, оица Стефана Якубовича, зашкодывшы, деи, немало, утекл, о што з ним особливе водлуг протестации учыненное правне чынит хочечы, тепер тых копъ девети гр(о)шей лит(овских) собе на нем, Скепине, всказаня и шкод, накладов правных, нагорожения домовалсе.

О што будучы он, Федор Скепино, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвого меског(о) Филона Рабца заказаныи, постановившысе, усправедливяючысе, поведил: «Правда то ест, жем я у него, отца Стефана Якубовича, священника бобыницког(о), перед ратю горелки, за коп сем сторговавши, взял, алем теж тую горелку подчас трывог военных ему ж назад до схованя дал, // [Л. 455об.] и он, отец священник, тую горелку в землю укопал был, леч наехавшы, рать праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря оную выкопала и взяла. А было тое всее горелки у него, оица священника, през мене взятое за коп шес-

^{3–3} В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

надцат гр(о)ш(еи) лит(овских), тедым зараз на тую горелку дал ему коп десет, а коп шест винен зосталом, а тою горелкою не корыстилом, а што жалует на мене отец священник, якобым се мел ручыт по челяднику ег(о) а прыятелю своем, и якобы мне дал на заслугу его копъ две – того николи не было, ям се по жадном челяднику его не ручыл и коп двух од него не бралом, и ни в чом ему не естем винен».

Противо чому велебныи отец Стефан Якубович, священник бобыницкии, поведил, иж, деи: «Не я, але сам он, Федор Скепино, горелку свою одмерившы, вжо в мене у землю подчас трывогъ военных ховал, а перед хованем сам оную шынкова, и я на своем шкодовать не повинен, але иж ем прыпомнел, иж ми от него на тую горелку копъ десет дошло, зачым решты коп шести, в до чого се сам знает, на нем, Федору Скепине, з шкодами, накладами правными всказаня прошу и домовяюсе».

¹И мы, врад, заховуючысе во всем водлуг науки правное, поневашь позваныи Федор Скепина зналсе, же горелку у велебног(о) отца Стефана Якубовича, священника бобыницкого, перед ратью брал и за оную копъ шест гр(о)шеи лит(овских), яко сам отец священник позволил, винен зостал, прото тую копъ шест, а прытом и вси шкоды, наклады правные на нем, Федору Скепине, велебному отцу Стефану Якубовичу, священнику бобыницкому, всказуем, прысужаем, и абы ему в день Светог(о) Семена, ²близко² приходячог(о), оддал, то ест на початку 166 году, в день первыи м(есе)ца сеньтебра // [Л. 456] рок и термин назначаем, заховуючысе водлуг грамоты, от праведног(о) г(осу) д(а)ря, ц(а)ря месту Полоцкому о неплаченью през тры годы жадных долгов наданое. А на двух копах, яко ему, Скепине, отец священник на заслугу прыятеля ег(о), а челядника своег(о) не давал, и якосе он потом челяднику не ручыл и в том не винен, третег(о) дня руку ему, Федору Скепине, дат на том всем наказуем.

А потом велебныи отец священник доброволне на дню третем тог(о) наказаного рукоданья одступил и не потребовал, але толко оданья себе коп шести и шкод правных на дню Светог(о) Семена пилновал, нижли онъ, Федор Скепина, и на том термине тых копъ шести и шкод, накладов правных всказанных велебному отцу священнику бобыницкому не оддал и не заплатил.

Зачым мы, врад, на одправу и фантоване до всякое его маетности лежащее и рухомое, и до особы его самог(о), которая се где колвек оказати может, за увес тот всказ моцю сего декрету нашег(о) одсылаемъ.

Што все про память ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 455–456.

№ 145

1657 г. июня 15. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Бориса Дорофеевича с полоцким мещанином Алексеем Фёдоровичем о ковальских инструментах.

678. [7]165. М(есе)ца июня петнадцатог(о) дня.

Декрет в справе Борыса Дорофеевича и жоны ег(о) зъ Алексеем Федоровичом о варстат ковалскии.

Б[(о)жю]¹ м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающыми.

№ 144

¹ Далее написано почерком II.

²⁻² Написано над строкой.

№ 145

¹ В листе сделано отверстие, восстановлено по формуляру.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкоз(о) Борыс Дорофеевич и жона его жаловали // [Л. 456об.] на мещанина того ж места Полоцкого Алексея Федоровича о то.

Ижъ, деи, онъ, Алексеи, выбрал зъ земли весь варстат ковалскии, которыи они, уходечы од рати праведноз(о) г(осу)д(а)ря ц(а)ря, в лесе закопали были, опроч толко меха не было, а то весь варстат схован был. А у него, Алексея Федоровича, показалосе лице, то ест кавадло ковалское, власне с того схову вынятое.

О што будучы он, Алексеи Федорович, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвоz(о) мескоz(о) Ивана Шлюбовскоz(о) заказаныи, постановившысе, поведил.

Ижъ, деи, я тое кавадло купил за золотых чотыры полских у сельскоz(о) мужыка перед Ивановом котелником и перед Гарбатым. А болеи того ничего не куповалом.

Мы теды, врад, наказали есмо одного Ивана котляра, яко чоловека, веры годного, ку сознанию на день третии поставить.

Яко жъ кгда на день петнадцатыи м(есе)ца июня ж был заказаныи, ставшы, сознал.

Иж, деи, тое кавадло мужык селскии у Гарбатоз(о) заставил, а Алексеи, прышодшы до нег(о), за золотых чотыры старговал.

По которомъ сознанию его позваныи Алексеи Федорович поведил.

Ижъ, деи, жона ег(о), Борыса Дорофеевича, мужыка тог(о)² добре знает, кгда ж, деи, до мене з ним два разы прыходила строны тог(о) кавадла.

До чого иж тая жона Борысова зналасе.

Мы, врьд, позваноз(о) Алексея Федоровича од тое жалобы их волноз(о) учынили, а им, актором, до самого истца, хто тое ковадло продал, поневаж ег(о) знают и ведають, волное право заховали. Альбо теж, если для ближшои згоды похочуть, волно ему, Борысу Дорофеевичу, и жоне ег(о) золотых чотыры тому Алексею Федоровичу отдать, а собе ковадло взять.

Што все про память естъ до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 456–456об.

№ 146

1657 г. июня 18. – Жалоба полоцкого мещанина Андрея Прокоповича Елького на полоцкого мещанина Гаврылу Шыкуцкого и его сына Александра о избиении.

681. 7165. М(есе)ца июня осмнадцатого дня.

¹Протестаця Андрея Елкоз(о) на Гаврылу Шыкуцкоз(о) и сына его озбитего¹.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)даря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексьея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Передо мною, Кузьмою Наумовичомъ, бурмистромъ места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ с товарышы заседающим.

Оповедал и обьятажливе жаловаль мещанинъ места Полоцкого, учтивый Андрей Прокопович Елький въ збитю и окрутномъ зранению своем на мещанина тежъ полоцкоз(о) Гаврылу Шыкуцкого и на сына его Александра Гаврыловича Шыкуцкого, и помочниковъ, самому Гаврыле Шыкуцкому добре знаемых и именами ведомых. О томъ, ижъ в року теперешнемъ виштыписаномъ, м(есе)ца июня шеснадцатоз(о) дня, власне на заходе слонъца жалобливый Андрей Елкии с Пасаду Великого, седевшы в краме своеи, до дому своего на Заполотье ишоль. И, перешодшы кладки, кгда до дому его, Гаврылы Шыкуцкоз(о) приходиль, там же сынъ его, Александер Шыкуцкыйи, перенявши на улицы, именьемъ отца своего усильне просил на поседзене на медъ, и за руку звавшы, силне в дом утягнулъ. Где мало што посевевшы, а бачечы, што он, Шыкуцкыйи,

² т поверх смытого.

№ 146

¹⁻¹ Написано почерком П.

з гостми своими пьянии, поклонившыся всимъ пристоине, до дому своег(о) ити хотель. Нижъ онъ, Гаврыло Шыкуцькийи, наполнившысе злое воли, яко рознымъ // [Л. 458об.] крывды и бои зъ zufальства своего звикъл чынить, ничего не дбаючи на каране правное и зверхность владовую, не ведать, з якого ранькору, без жадное прычыны, а з гола, безвингне, наступившы на жалобливого Аньдрея Елкого, чоловіка спокоиноного, презъ сына своего и помочниковъ, котори то сынъ Александеръ Шыкуцькийи, досит чынечы и росказанья отца своего, с помочниками наперед ворота запорою запершы, а потомъ громадье его, Елкого, оскочышы, а на земљу обаливши, окрутне а нелитостиве кулачемъ, устинцами били, мордовали, и без боязни Божое немилосерне паствечысе, по земли волочыли, торгали, за волосы рвали и раны синие битые и кравые задавши, онъ, Гаврыло Шыкуцькийи з двора своег(о) на улицу его, Елкого, ледво што живого выволочы, якъ якого злочыньцу або скотину, казалъ, мовечы на сына и на помочниковъ: «Не дбаите вы ничего, я вас заступлю, а того лоира Елкого хоть бысте забили, маю чым навязат и запластитъ». Яко ж похвалильсе, же, деи, не ге таких я биваль, обещаючи же не в дому своемъ, але где кольвекъ его, Елкого, заскочышы, самъ або презъ сына моего, а боли тежъ через прытель своих осмерть пры²-равлю.

От которого того нелитостивог(о) битя и мордованья онъ, Аньдреи Елкии велми през колько днеи хорыи былъ, и теперь болныи заставае. А хочечы, яко и тотъ бои, безчесте, такъ опо[х]валку³, на здорове свое учыненую, з нимъ, Гаврыломъ Шыкуцькимъ, правом чынит и остатокъ здорovia своего покоемъ права // [Л. 459] од похвальки вароват, далъ тую жалобу свою до книг меских полоцьких записат.

Пры котормъ оповеданью, ставшы очевисто, слуга мескийи владовый прысяглыи Филонъ Рабець реляцию свою огледанья ранъ на Аньдрею Елком презъ Гаврылу Шыкуцького и сына его, и помочниковъ заданыхъ, призналъ в тые слова, ижъ видевъ у него, Елкого, уста верхние и исподние кривавые, збитые, спухлые, и кров з усть и з носа ишла. Кошуля спереду вся кровю стекла и жупанъ. До тог(о) видел на твары з левое стороны рана крыва⁴вая шарпаная, и менилъ боли себе ранъ, заданых кулатчами и устиньцами по боки и удыннях. До того указывалъ волосы з головы выдранные, менил, ижъ зубы понарушывали, мало од битя не повыподают.

Которая то реляция менованог(о) слуги владового пры оповеданью учыненное, естъ до книг меских полоцьких записано. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 458–459.

№ 147

1657 г. июня 30. – Сообщение городского врядового слуги Станислава Володковича о невозвращении 29 июня долга в 300 коп грошей литовских полоцким бурмистром Фёдором Сатковским земянину Полоцкого воеводства Яну Захаревскому и виленскому аптекарю Матияшу Щербицкому.

685. [7]¹165¹. М(есе)ца июня трыдцатог(о) дня, у во вторник.

²Пилност слуги владовог(о), которую чынил од п(а)на Яна Захаревског(о) и п(ана) Матыяша Щербицког(о) противо п(а)на Федора Сатковског(о), бурмистра, за обликгом о копъ 300².

³Б(о)жю³ м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья Роси самодержца и обладателя.

² Далее в листе сделано отверстие, утеряно 2 буквы.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

^{4–4} Написано над строкой.

№ 147

^{1–1} Поверх смытого.

^{2–2} Написано почерком II.

^{3–3} Написано почерком II поверх смытого.

Передо мною, Кузьмою Наумовичом, бурмистром места царского величества Полоцкого, тоз(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающим.

Постановившысе очевисто, слуга мескии вradoвыи присяглыи Станислав Володковичъ признане свое реляциинное учынил в тые слова.

Ижъ, деи, с приданья ваше м(и)л(о)стии враду а за потребованемъ земенина воеводства⁴ Полоцкого п(а)на Яна Захаревскоз(о) и п(а)на Матыяша Щербицкого, аптекара места Виленского, дня вчораишого двадцать девятоз(о) июня в понеделокъ в день Светых Апостол Петра и Павла, свята руского, чынил пилност с пораньку аж до вечора в ызбе судовои ратушьней полоцккои, очекиваючы оддани имъ сумы пенези, то ест копь трохсотъ гр(о)шей литовских, од славетного п(а)на Федора Сатковского, бурмистра места Полоцкого, на листъ добровольныи запись винных. Которые тым листом записомъ на дню вчораишомъ оддать в ратушу Полоцкомъ описальсе. Теды, деи, такъ самъ он, панъ бурмистръ, того дня и термину в ратушы в судовои ызбе не был и тое сумы п(е)н(е)зи винное помененым пану Яну Захаревскому и пану Матыяшу Щербицкому не отдавал, яко теж и никого з оною для одданыя од себе не присылал. А п(а)нъ Захаревский самъ од себе и именемъ пана Матыяша Щербицкого на его, пана бурмистра, о совитость, в которую през неодданье тое сумы попал, такъ же и о вси шкоды, наклады протестовал.

Которое таковое признание помененого слуги вradoвого тое реляции про память ест до книг мескиих полоцких записано. ⁵Выпис выдано⁵.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 461.

№ 148

1657 г. июля 3. – Судебное решение по делу соколийского священника отца Дементия Тетерского с полоцким мещанином Казимиром Ринкевичем о невозвращении ящика с вещами и 1000 коп грошей литовских, данных ему на хранение.

¹695. 7165. М(есе)ца июля третего дня¹.

Декретъ в справе отца Дементия Тетерского, священника соколииского, зъ Казимеромъ Рынкевичом о розные речы, ему перед ратьюк у схованю данные на тисечу коп.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Передъ нами, Филипомъ Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичомъ, бурмистрами, и передъ нами, раицами и лавъниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Постановившысе очевисто, велебныи в Богу отецъ Деменьтеи Тетерский, священникъ соколииский, прокладал жалобу на мещанина полоцкого Казимера Рыньковича о то, ижъ онъ, отецъ Тетерский, еще передъ ратью праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря дал ему, Казимеру Рыньковичу, до схованя немало розныхъ речей и справъ поважныхъ зъ скрынею, в которой было тыхъ речей всихъ и справъ, легко рахуючы, на тысячу копъ грошей литовскихъ, яко у него, отъца Тетерского, на реестре есть значне описано.

Теды деи онъ, Казимеръ Рыньковичъ, уходечы одъ рати с Полоцкы, тые речы все зъ собою в Литву вывезъ, а потомъ, вернувшысе къ Полоцкы, со всимъ тымъ вцеле мешкаеть. А умыслившы его, отъца Тетерского, до шкоды и убоства привести, тыми всеми речьми его зъ жоною своею корыстуетъ, а ему, отъцу Тетерскому, за частокротънымъ упоминанемъ, нетъ ведома для чого отъдати не хочеть.

⁴ тв обведено.

⁵⁻⁵ Написано почерком II.

№ 148

¹⁻¹ Написано почерком I, далее – почерком II.

До которое жалобы будучы онъ, Казимерь Рынькович, очевисто на день сегодняшнии черезъ слугу вradoвого меского Гарасима Сахонова заказаныи, постановивъшысе, усправедливяючысе, поведиль:

«Правда то есть, же мне отецъ Дементеи Тетерскии // [Л. 466об.] передъ ратью праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря скрыню свою з речома даль ку схованю, але мель взятъ отъ мене в тотъ же час передъ ратью. А в томъ часе, кгда рать осударьская до Полоцъка наступовала, я, уходечи оное, выехалъ в Литъву, и тые речы его, отъца Тетерьского, пры своей худобе вывезлъ. А кгда и в Литъву рать осударьская прыходила, я, устрашивъшысе, тые речы его, отъца Тетерьского, и зъ своею худобою мужыку на селе до схованья далъ. А кгда вжо рать у Литъву увошла, тотъ мужыкъ и инъшые суседи сказали, што тые речы вси и зъ ихъ животами рать осударова побрала и разорыла.

А ямъ тыми речми не корыстовалъ, любо ключъ отъ скрыни его, отъца Тетерского, пры мне былъ, и готовъ на томъ людеи поставить, што сукъню мою на руськихъ ратныхъ людехъ видели, которая межы тыми жъ речъми у мужыка в схованью была».

Мы теды, врад, в тои справе вырозумевъшы, наказали есмо помененому Казимеру Рыньковичу, абы онъ дня третьего зъ жоною своею прысегу выконалъ на томъ, яко он самъ и жона его речми, презъ отъца Деменьтея Тетерского до схованья собе даными, не корыстили, але вси пры худобе ихъ в Литъ[ве]² подъ час рати пропали, и они об них не ведают. А по прысезе од того всего вольными быти мают.

Которую прысегу отецъ Тетерскии первей сам на недель две, а потом по двух неделях малжонка его до шести недель отложила, и далеи обе с[то]роны³ до нас, вradу, не были.

Што по память есть до книг меских полоцкихъ записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 466–466об.

№ 149

1657 г. июля 6. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Фёдора Борисовича с полоцким мещанином Павлом Вертюшком о члене.

698. [7]165. М(есе)ца июля шостого дня.

Декрет в справе Федора Борысовича с Павломъ Вертюшкою о чолон, у него опознаныи.

Б(о)жю м(н)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседаючыми.

Постановившысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Федор Борысович жаловал на мещанина того жъ места Полоцкого Павла Вертюшку о то.

Ижъ, деи, опознал у него, Вертюшки, чолон свои власныи, купълении за коп осмъ грошей лит(овских), которыи пропал под час розорваньи мосту осударового на реце Двине в Полоцку.

До которое жалобы будучы он, Павел Вертюшка, очевисто на день сегодняшнии черезъ слугу вradoвого меског(о) Ивана Шлюбовского заказаныи, постановившысе, поведиль.

Ижъ, деи, я сполне зъ Якимом Троичанином тот чолон у ¹... Заледного за коп дванадцать грошей лит(овских) купил.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

№ 149

¹ Далее пробел приблизительно на 7 букв.

Котороꝝ(о) то Заледноꝝ(о) мы, врад, наказали есмо ему, Вертюще, дня третьего поставить.

Яко жь кгда был тот Заледным на день третии через того жь слугу заказаныи, ставшы, поведил.

Ижъ, деи, я тот чолон до часу у Вяртюшки поставил, а мне даровали оноꝝ(о) страпчые осударовы за працу мою, штом я казну осударову и их самих с-под Рыги везлъ. А откуль они взяли, я того не ведаю.

А Федор Борысович поведил.

Ижъ, деи, я купил того чолна у торопчанина, а знаеть тоꝝ(о) човна сын ²мои² Данила Федорович.

Мы, врад, в тои справе бачечы, иж Борысович, опознавши у Павла Вертюшки чолон свои, яко менишь, а доводу жадноꝝ(о) слушноꝝ(о) не показуеть, одно сына своеꝝ(о) менил, ³што³ тоꝝ(о) чолна знаеть, а сын за отцом светчыть не повинен, с тых прычын // [Л. 468об.] наказуемъ ему, Федору Борысовичу, дня третей(о) присегу выконать на том, што то есть власныи его чолон. А по присезе ему, Федору Борысовичу, ⁴тот чолон⁴ присужаемъ.

Што про память есть до книгъ меских полоцкихъ записана.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 468–468об.

№ 150

1657 г. июля 8. – Завещание полоцкой мещанки, радцовой Татьяны Яковлевны Амелянское Шереметовое.

704. 7165. М(есе)ца июля о[с]мого¹ дня, у середу.

Т е с т а м е н т² [Амелянскои Шы] ра мет о во и², ра ц о во и по ло ц ко и.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(оспо)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоꝝ(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючыми.

Постановившысе очевисто, славетные панъ Стефан Людкович и пан Михал Наплешыч, лавники места Полоцкого, и пры них слуга вradoвыи мескии Гарасим Сахонов, прызнане свое учинили в тые слова, иж, деи, с прыдания и посланя ваших м(и)л(о)стеи вradу, а за потребованем славетное п(а)ни Татьяны Яковлевны Амелянское Шыраметовое, раицкое полоцкое, были есмо и с паном писаром нашым меским полоцким в дому ее, п(а)ни Шереметовое, тутъ, в месте Полоцком, на улицы Великои збудованом, которую ач есмо знашли в том дому на теле смертелне хорую, однак пры целои памяти и зуполном розуме будучую.

Где она, п(а)ни Шереметовая, будучы так велце хорою а хотечы распорадить остаточною волю свою, абы позосталые потомков ее – с першым малжонком ее спложоны, и по пану Амеляну Шырамету, втором малжонку ее, зосталые, – межы себе по смерти ее жадных ростыркoв и заводoв не мели, перед нами лавниками, и перед паном писаром з доброе воли свое, а не з жадное чье, намовы, учинила такии testament.

Напрод забегаючы, абы на ее якоꝝ(о) порозумения и нареkania не было през позосталых потомков по пану Амеляну Шырамету, а през пасербов ее, покладала перед нами

²⁻² Написано над строкой.

³⁻³ Написано над строкой.

⁴⁻⁴ Написано над строкой.

№ 150

¹ Лист обрeзан, восстановлено по смыслу.

²⁻² Лист обрeзан, восстановлено по смыслу.

список и инв[е]нтар³ все маетности по п(а)ну Амеляну Шырамету, малжонку своем, позост[а]лое⁴, выписом с книг меских полоцких под датою року сто шестдесят четвертого, м(есе)ца июля второг(о) дня выданыи; которая маетност позостала пры неи, п(а)ни // [Л. 471об.] [Шереметовой]⁵, по о[д]езде⁶ на Мо[с]кву⁷ ма[л]жо[н]ка⁸ ее, в за[м]ку⁹ полоцкомъ в чотыры недели по взятю през рат праведного осударя, ц(а)ря места Полоцкоз(о), которыи инвентар през нее, п(а)ни Шереметовую, ест учыненыи. Теды тот инвентар, датою вышеи выражоныи, яко слушныи и правдивыи во всем, яко се в нем описало, потвердила; и тая, деи, вся маетность, по п(а)ну Шеремету позосталая а в том инвентару описаная, пры неи, п(а)ни Шереметовой, и тепер ест. Толко, деи, водлуг того инвентару копь трыдцати и одное у Петровое Арехвиное и товаришок ее за волну не сыскала, бо з розсудку вradoвого копь шеснацат всказано, на што ест декрет у сына ее, с першым малжонком, паном Кгабриелем Ситняновичом-Пютровским, спложонного – у п(а)на Лукаша Ситняновича-Пютровскоз(о), подписка на сес час полоцкого, пры котором тежъ вси справы, реестра и обликги так першого, яко и второго малжонка ее водлуг того ж инвентара зоставають. А копеняк фалендышовыи, которыи еще перед ратю малжонку ее был зоставлен у копах дванадцати од п(а)на Артема Микулича, тотъ, яко се в инвентару описало, не пропал, але, деи, оного самъ пан Шеремет, малжонок ее, даровал боярыну Семену Лукяновичу Стрешневу, выкупуючы с полону п(а)ни Александровую Пчыцкую, од которое ест обликгъ на талеров трыдцать даныи. Да тому ж, в тои же справе годечы, дал ложки серебряные две. Скрыня зась с ц[ы]н[о]ю¹⁰ и зъ медью, которая была в церкви Светои Софии в замку Вышь[н]ем¹¹ полоцком, тая со всим пропала. А большъ того, што се колвек маетности¹² на обликгах должовъ по одежде малжонка ее позостало, яко се в ын[т]ару¹³ выразило, и особно горшок медныи, которыи не¹⁴ вписаныи позостал, – то все належить до поделу детем малжонка ее, пана Шеремета: так // [Л. 472] с першою малжонкою его, яко тежъ и з¹⁵ кою Яко[в]л[ев]ною¹⁶ спложонным, которых детеи, опроч замужных и выпосажонных цорок, зоставает трое, то ест сын Андреи и цорка панна Катерына Шереметы – с першою малжонкою его спложонные, а третии сын – мнечишыи, Ян Шеремет, вжо з нею, второю малжонкою спложонныи. Межы котрым потомством еи, п(а)ни Шереметовой, яко малжонце отца их, ровная част во всякои маетности належить.

Менила тежъ перед нами, лавниками, она, п(а)ни Шереметовая, иж што в том же инвентару ест описано, што сам малжонок ее, панъ Амелян Шеремет, перед наступением рати дал до вывезенья и целог(о) захованя всю наилепшую и наиважнейшую рухомую маетность свою зятю своему, п(а)ну Петру Керкожыцкому, и малжонце его, а цорце своей выпосажонной – п(а)ни Полонии Шереметовне; так же и сыну своему Андрею и другои цорце панне Катерыне Шереметом. Тая маетност за приездом их в Полоцок в року прошлом, сто шестдесят четвертоз(о), еи, пани Шереметовой, до рук ее дошла. Толко водлуг того инвентара не отдали еи пары сукень фалендышовых зеленых, дылеи фалендышовое, лисами подшытое, которая была першог(о) зятя пана Шереметовоз(о),

³ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

⁴ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

⁵ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

⁶ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

⁷ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

⁸ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

⁹ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

¹⁰ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

¹¹ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

¹² Лист обрезан, утеряно приблизительно 2 буквы.

¹³ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

¹⁴ Написано над строкой почерком II.

¹⁵ Далее смыто приблизительно 12 букв.

¹⁶ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

небошыка Лукяна Ганчара; а на тую, деи, сукню малжонок ее, пан Шеремет, дал доч-це своеи, теперешней пани Керкожыцкои, копь трыдцат албо теж чотырнадцать, чо(о) добре паметат не может, а тепер тая сукня пры п(а)ну Керкожыцком zostала. До того не дошло еи, пани Шереметовой, од них же: напрод, колпак аксамиту чорного соболли, футро лисее доброе хребтовое, ложок серебряных двух, саян китаичаныи один не до-шол, фартуха китаики селезьневои – того не было и тепер неть. Не дошел теж еи, п(а)ни Шереметовой, полчамарок турецьког(о) мухоиру. А хусток розных, золотом и едва-бем шытых десет – тые вси у цорки малжонка ее, у паньны Катерины заставают. Не дошол теж // [Л. 472об.] обрус сказки один, [престир]адло¹⁷ с фурбатами, ручников ткацких водлуг инвентара половицы не дошло; ручница рысованая, коловая не дошла; грошы готовые, которых не ведает колко им дал малжонок ее, не дошли.

Тая вся маетност тако ж до поделу детям позostalым, вышеи помененым, и еи са-мои, п(а)ни Шереметовой, на ровные части належить, и то все, чо(о) не дошло, шацунком сыну Андрею и цорце панине Катерины Шереметом в части их отраховано быти маеть. А свою част всю, што колвек на нее, п(а)ни Шереметовую, так в лежачої, яко и в рухо-мои маетности мужней водлуг тог(о) инвентара належало, то все тым тестаментом сво-им одписала и на вечност даровала сыну своему, с паном Омеляном Шыраметом сло-жоному, Яну Омеляновичу Шерамету; и с тым всим дала и поручыла его в опеку вперод Г(оспо)ду Богу, а потом сыну своему, с першым малжонком сложоному, пану Лукашу Ситняновичу-Петровскому, подписку полоцкому, прыказавшы ему, абы яко почал и до конца ему доброе цвиченье давал, и на добром его оку мел, не подаючи никому в обиду, яко брата своего.

Ку тому теж менила, иж што она, п(а)ни Шереметовая, тым же особом, вышеи пи-саным, перед ратью давала до вывезенья особную маетност свою власную, в дом пана Шеремета внесеную, яко теж и в дому его с прац своих особно набытую, якосе в том же инвентаре описало – тая вся еи од них оддана, толко не дошло еи, пани Шереметовой: саян фалендышовыи вишневыи, кштатт аксамитныи чорныи, чамара фалендышовая чорная новая летняя¹⁸, фартух чорныи саевыи и наметка рубковая, а иншое все дошло. Тую вс[ю]¹⁹ маетност свою вносную рухомую так тут – в тестаменте, яко и в ынвен-тару описаную, одписала [и]²⁰ на вечност лекговала на тры ровные части тром сыном своим, то ест двум с першым малжонком сложенным – Яну и Лукашу Ситняновичом-// [Л. 473] Петровским, а третему, зь вторым малжонком, паном Шеремето[м]²¹, сложе-ному, – помененому Яну Шерамету.

Да тым же тром сыном своим одписала и на ровные части всю рухомую маетность, которую по одеханию п(а)на Шеремета, малжонка своег(о), своею працою през тры годы заробила и набыла, то ест: наперод, готовых грошей копь осемнадцат, горелки простое кварть сто, меду сычногого бочки две, чамару фалендышовую, полотна у штучках двух локтеи трыдцать, тувалки едваные две, рубьки чотыры и иншых хуст дробных немало, што ест в скрыне; постел со всим, то ест падушки тры великие, перыны две: верхняя и исподняя, престирадло с форбатами, фартух штамету блекитного; корову копь пят даную; кгузиков медяных злотистых десет; полоску серебряную до венка, медницы мосендзовые тры в дом на кгруте пана Шереметовом, на улицы Великои стоячыи, кото-рого тепер свежо своим коштом збудовала [и]²² уложила копь шестдесят.

У сына большого Яна Ситняновича готовых грошей копь сорок, на гандел даных, с тых копь сороку належат копь десет меншому сыну Яну Шерамету, што ему пожа-лованья г(осу)д(а)р(е)вог(о) дано. А остаток на ровныи подел всим тр[о]м²³ сыном. У его

¹⁷ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

¹⁸ Слова написаны невыразительно, возможно прочтение как летксая или летшая.

¹⁹ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

²⁰ Далее буква смыта, восстановлено по смыслу.

²¹ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

²² Смыта 1 буква, восстановлено по смыслу.

²³ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

м(и)л(о)сти пана Александра Рыпинского долгу, винного за страву сына его м(и)л(о)сти, копь пять.

До того менила, же брат ее, п(а)ни Шереметовое, пан Федор Яковлевич набрал у ее розными часы копь болшь петидесят, то *ест*: напервеи взял готовыми у малжонка ее на окупь себе с полону копь шеснадцать; потом у нее самое по одежде малжонка взял копь тридцать; зас взял ²⁴копь шесть и гр(о)шеи два²⁴; знову гр(о)шеи восемьдесят лит(овских); зас взял копь две, гр(о)шеи тридцат и п(е)н(я)зеи чатыры; еще взял гр(о)шеи дванадцат лит(овских); потом гр(о)шеи сорок лит(овских). А в том всем дал ей, пани Шереметовой, в заставу поес серебранныи, бляшъковыи, шмалцованыи, злоти-стыи. С которым братом помененые тры сыны ее мают прыятелски // [Л. 473об.] обы-итисе и свое к собе взят, а его [ему]²⁵ [в]ернуть²⁶. А што теж тот же брат ее заставил ей, пани Шереметовой, у чырвоном золотом полмиски цыновые тры, то ему верне[то]²⁷ бы[т]и²⁸ мает без грошей. Так же не мають у него упоминатисе девети копь, што он ба-чулку горелки ее за непилнстю своею згубил. А особливе мают ему с того долгу, од него винног(о), отпраховат роботу его, што уробил в дому ее: печ светличную и избную, и кухню в сенях, толко комины не вывел за дах. И на всякую его працу, што ей, яко се-стре своеи, допомагал, респектоват мають.

А с паном Петром Остаповичом водлуг особливог(о) реестрыку, што он у нее, пани Шереметовое, брал, и што на то од нег(о) дошло ей, мають тые ж сынове ее порахо-ватсе слушне.

А што малжонка ее, пани Шереметовое, продал кгрунт домовыи, детям ее, с пер-шым малжонком спложоным, належачыи, и взял за оныи копь двадцат; теды десет коп ей од малжонка дошло, а десет еще пры маетности ег(о) заставаеи и тым же детям ее належыт. [И]²⁹ што все, также и оресы вышеипомененые, што се зъ вывозу не вернуло, раху[н]ок³⁰ межи ними быти мает.

Надто одписала и даровала п(а)ни Сахоновои Мушынои, сестренице своеи, шапку лепшую, аксамитную, собою, женскую. А матце ее, пани Петровои Остаповичовой, шапку подлешую, ходную, тежъ соболцовую, аксамитную. Дочкам двум брата свое-го, Лукаша Яковлевича, одписала и даровала саяны ходные два, полчамарок полкгру-брыновыи, подушку одну од постели своеи и кошул своих пару. Пани Федоровои Бо-рысовичовой тако ж кошул пару. [А]³¹ што се болшь зостанет кошул, тые вси одписала пасербицы своеи панине Катерыне Шереметовне; да ей же одписала подушки две особ-ные, опроч постелных, которые суть у нее. А перынка поединковая сподняя и кожух ту-рецкии – то сыну своему Лукашу одписала. А хустку, золотом шытую – большому сыну Яну, и кожух московскии ему ж, и подушки две малых. А коц – пасербу своему Андрею Шеремету. Теж одписала п(а)ни Базылевои Стефановичовой, стрыечнои сестре сынов своих першог(о) малжонка, катанку саевую черную.

На остаток поведила она, // [Л. 474] п(а)ни Шереметовая, иж отыскали до³² му, пану Шеремету винного, у пана Крыштофа Рыпинского золотых два. Да взяла за коня ег(о), малжонка своего, которог(о) од него зъ Смоленска прислано, копь двадцат две, а за другого копь сем; за жупан атласовыи взяла копь трынадцат; а за ручницу, которая се пры неи зостала, взяла копь чатыры. И с тым се зъ сыном малым Яном Шереметом жы-вила ним себе з замку меисце до жытя в месте упатрыла.

^{24–24} Написано над строкой почерком II.

²⁵ Смыто слово из 3 букв, восстановлено по смыслу.

²⁶ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

²⁷ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

²⁸ Первая буква написано невыразительно, восстановлено по смыслу.

²⁹ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

³⁰ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

³¹ Лист обрезан, восстановлено по смыслу.

³² Далее смыто приблизительно 10 букв.

А о долгах, деи, малжонка своег(о) не ведаю, але обо всем в реестре его ест описано. Только ведаю, деи, што брал у пана Сивохи копь сто на обликгъ, але се истил на тот долгъ, а обликгъ еще в чомсь заставае у пана Сивохи. Зась што деи был малжонк мои винен сполне зъ зятем своим Семеном Шытиком на обликги розные пану Валерыяну Ососку – то все оддано и уицино, а обликги тые пры п(а)ну Ососку тольк в гостинцу не одданом zostали, которые тепер у тестя ег(о), пана Костантого Реута, Семен Шытик за восем золотых або и менеи выкупил; и вжо они не суть важные, але скасованы быт мають водлуг процесов, о то учыненых.

«Зас што, деи, Алексеи Корзевич отнял у мене шмат кгрунту мужьнег(о), теды на том кгрунте малжонк мои год двадцат жыл а нхто не турбовал. И в чом ест декрет у сына моег(о) Лукаша, иж там волное дохожене тог(о) кгрунту за прыбытем детеи пана Шереметовых заховано; што им и тепер доходит волное, если ведають, же то неналежне Алексеи Корзевич по жоне своеи взял, и если в том давност правная не зышла была.

А я, деи, сама никоу ничог(о) не винна, тольк Г(оспо)ду Б(о)гу душею».

А затым, кончечы тот [свои]³³ тестаментъ, просила сынов своих всих: так свецких, выше имены выражоных, яко теж особливе старших сынов своих, в законе в монастыру Богоявленском полоцком будучых – велебных отца Сылвестра и отца Симеона Ситняновичов-Петровских, – абы с тое ж позосталое худобы тело ее грешное почстиве способом хрестиянским пры церкви Светог(о) Богоявления погребли и поховали, яко на сынов, матку свою милуючых, прыналежыт. И назначыла обрус лепшыи тькацъ-кьи, абы труна оным по зъвычайу покърыта была // [Л. 474об.]. А затым поминала ³⁴... тых же сынов своих, абы, живучы прыстоине в любъви и милости братерскои, за душу ее по смерти Г(оспо)да Б(о)га моьльствоваи и просили.

Которое таковое справоване того тестаменту славетное пани Омеляное Шереметовое, раицвое полоцкое, и прызнане оног(о) през помененых панов лавников и слугу вradoвого ест до книг меских полоцких записано. ³⁵Выпис выдано³⁵.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 471–474об.

№ 151

1657 г. июля 8. – Судебное решение по делу землянина Полоцкого воеводства Ярослава Есмана с полоцким мещанином Васьком Алёнком о трёх бочках ржи.

709. [7]165. М(есе)ца июля осмого дня.

Декрет в справе п(ана) Ерослава Есмана зъ Василемъ Аленкою о тры бочки жыта, тут же и угода.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михаиловича, Всеи Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмоу Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, земенин воеводства Полоцкого его м(и)л(о)сть пан Ерослав Есьман жаловал на мещанина полоцкого Васька Аленку о то.

Иж, деи, он, пан Есьман, на рок теперидучи тисеча шестсот пятьдесят семьи по-новому заарендовал ему, Ваську Аленце, у трох бочках жыта двух подданных своих в¹ селе² Биколеничах будучых, а он тольк ему, п(ану) Есьману, одну осмину овса и одну осмину ечменю³ дал³, а болшь ничего не маеьт.

³³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³⁴ Далее смыто приблизительно 7–8 букв.

^{35–35} Написано почерком II.

№ 151

¹ в переправлено на ъ.

² Другое с поверх смытого.

^{3–3} Написано над строкой.

А особливе жаловал. *Иж, деи*, в том же селе Биколеничах, у воеводстве Полоцком лежачом, сынъ его, Аленки, Иван клад в земли вынял.

О што будучы онъ, // [Л. 477об.] Васько Аленка, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвого меского Станислава Володковича заказаныи, постановившысе, поведил.

Ижъ, деи, мне пан Есьман толко у полбочки жыта тых мужыков двух арендовал, што я *отдать* повинен был ⁴и *отдал*⁴. А далом ⁵*теж*⁵ вжо ему и бочку жыта и осмину ечменю, также и осмину овса за засевок, през ег(о), п(ана) Есмана, засееныи а мне заарендованыи. А болеи ничог(о) ему давать не повинен. Также сынъ мои кладу жадног(о) в селе ег(о) м(и)л(о)сти Биколеничах и нигде не вынял и не знашоль.

Мы теды, врад, вырозумевшы, наказали есмо ему, Ваську Аленце, дня третего прысегу выконать, яко он толко за полбочки жыта двух мужыков подданых у п(а)на Ерослава Есьмана в Биколеничах селе арендовал, и яко ему болеи того збожа дать не повинень. Такъ же и на том, яко сынъ его кладу жадного в том селе Биколеничах не вынял. А по прысезе од тое всее жалобы п(а)на Есьмановъ волнымъ быти маеть. А жыто и ярыны, в Биколеничах засееные, през себе спокоине зъжать маеть.

А кгда день трети, прысезе зложоныи, прыпал, обедве стороны, ставшы, признали.

Иж се зъ собою в тои справе вечне погодили, тое *ест* маеть п(ан) Есьман в день Преображенья Г(оспо)дня, близко в том року приходячог(о), дат Васку Аленце през руки п(ана) Костантог(о) Петрыщу, писара нашог(о) полоцког(о), две бочки жыта, две осмины овса и две осмины ечменю. А жыто, там, на тои пустошы засееное, вжо п(ан) Есман зжать мает себе, а ярыны мает зъжат он же, Аленка. А затым межы ними и оклад и о все вечныи покои быти мает.

Што по памет *ест* до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 477–477об.

№ 152

1657 г. июля 10. – Завещание землянина Полоцкого воеводства Яна Геронимовича Черкаса.

714. Лета сем тысячеи сто шестдесят пятого, м(есе)ца июля десятого дня по старому рускому чыслу.

Тестамент небощыка пана Александра Черкаса, през брата его пана Яна Черкаса актыкованыи.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великое, Малое и Белое России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузмою Наумовичомъ, бурмистрами, и перед нами, райцами и лавниками места царског(о) величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающыи.

Постановившысе очевисто, земенин воеводства Полоцкого панъ Янъ Геронимович Черкас тестамент зошлого с того света небощыка пана Александра Геронимовича ¹Черкаса¹, брата своего, ку актыкованю и вписано до книг меских полоцких покладал, писаныи в тые слова:

«Во Имя Жывоначалное и Неразделимое Троицы, Отца и Сына и Духа Святаго, Амин.

Я, Алексансер Геренимович Черкас, земенин воеводства Полоцкого, будучыи от пана Бога Всемогущого навежоныи обложною хоробою, а ведаучы, ижъ кождыи чоловек сподеваетса здоровыи хоробы, ²а хорыи – смерти², и, будучы пры доброи и зуполнои

^{4–4} Написано над строкой.

^{5–5} Написано над строкой.

№ 152

^{1–1} Написано над строкой.

^{2–2} Написано над строкой.

памети, хочечы сумънене вцелѣ заховати, же бы на потом ростырку жадного межы по-
зосталыми не было, вперод душу мою полецаю Господу Богу Всемогущому, в Троицы
Светои Едыному и Насвеншои Панне Матце Божои, а потом маетность мою лежащую,
ачь [ру]хомое³ жадное мое пры мне на сес час не было, тогды маетность мою лежащую –
четвертую част названого Прыпеша, у воеводстве Полоцком лежащую, – записую
и легкую тым тестаментом брати двум моим рожоным: пану Яну и пану Юрю Герони-
мовичом Черкасом, которые мают тело мое грышъное поцстиве водлуг звычайу шля-
хецкого поховат.

Однак таким // [Л. 481об.] способом, ижъ подчас небеспоченст[в]а⁴ в году прошъ-
лом, тысеца шестсот пятьдесят четвертом, кгдым самъ одъехал на службу, а его м(и)
л(о)сть панъ Крыштофъ Пчыцькийи, тест мои, без ведомости моеи, взявши зъ збегув
малжонку мою и з цоркою моею Цецылиею, од пана Варпаховского, з Ёфлянтъ, до Вил-
на везъ, о которых и до тых час ведомости не маю, где се оборочають.

Про то, если бы оныхъ Панъ Богъ принес, цорку мою Цецылею подаю в опеку тои
же брати моеи рожонои: пану Яну и пану Юрю Геронимовичом Черкасом, абы ее поч-
стиве ховали ажъ до дорошчѣня лет ее. А если бы доросла лет, тогды мают их м(и)
л(о)сть панове братя в станъ малженскийи ее выдат. И въ тот час с тое маетности моее,
которую записую, готовыми грошми золотых шестсот, выдаючи замужъ, панове бра-
тя моя мают оддат, а маетность пры себе заставит и часы вечными ее ужыват, яко
дѣдичове, абы моя маетность з дому нашог(о) черкаского нигде не одделяла и не одхо-
дила. А если бы цорки моеи не было, тогды тых грошей шестисот золотых панове братя
моя не мают никому отдават.

А малжонце моеи Гелене Пчыцькои Александровои Черкасовои записую и тым те-
стаментом моимъ легкую рухомост мою, которую подчас небеспеченства од Москвы,
кгдыс мы уходили, спровадил в том же году тысеца шестсот пятьдесят четвертом до
пана тестя моего, пана Крыштофа Пчыцького, до маетности его м(и)л(о)сти Соколи-
ща, у воеводстве Полоцком лежащую. Которую рухомост, уходечы, панъ Крыштофъ
Пчыцькийи, недочекавши мене, зъ собою в Литву спровадил, то естъ: скрын тры, в ко-
торых готовых грошей золотых трыста, серебра, золота, цыны, меди, справы, обликги,
квиты и инного розного моего и малжонки моее сполне набытого охендства – одно
з другим на золотых семсот, о которых рухомах речах сама малжонка моя // [Л. 482]
ведает. Так же быдло розное: кони двое, коров чотыры, овец семеро, свинней десятеро –
какого может быт за золотых сто.

И то все възъглядом запису моег(о), штом дал, малжонце моеи записую. А надто жа-
ден братью мою турбоват не мают, кгды ж они обо мне печоловане и старане в хоробе
моеи тяжкой мели.

И на то сес testamentъ мои справленыи заставилом с подписом руки моее и с под-
писами рук людѣи добрых, от мене устне упрошоных, нижеи на подписе менованых,
которые на прозбу мою учинили, и руки свое подписали.

Писан на Прыпешу, року тысеца шестсот пятьдесят шостого, м(есе)ца июня двад-
цат третьего дня».

У того тестаменту печатеи прытисненых пят, а подпис рукъ подписана тыми сло-
вы: «Alessander Czerkas ręką swą; Афанасии Иванович, священник листенский; Данило
Омелянович Осока, дяк листенский; Krzysztoph Stankzewicz Matcheusz Łukszta ręką swą».

Которыи тот testamentъ, през помененого пана Яна Черкаса перед нами, врадом,
покладаныи и до акту поданыи, ест до книг меских полоцких вписанъ. Выпис выдан.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 481–482.

³ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

1657 г. июля 13. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина, злотника Фёдора Прокоповича с полоцким мещанином, злотником Юрком о не выплате денег за работу.

721. [7]165. М(есе)ца июля трынаццатого дня.

Декрет в справе Федора Прокоповича зъ Юрком злотником о золотых 11 заслужонных ио невыданье речеи его.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россый самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмоу Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседаючи.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Федор Прокопович, злотник, жаловал на мещанина того ж места Полоцкого Юрка злотника о то.

Иж, деи, он, Федор Прокопович, служыл ему и робил у него, Юрка злотника, роботу злотницкую за челядника, маючи од него обещаную заплату на кождую неделю по ползолотого на его страве. И так инъшое ему отдал за заслугу, а остатка золотых одиннадцати за двадцат две недели нет ведома для чого не хочеть отдать. Такъ же и речеи его власных не выдаетъ.

О што будучы он, Юрко злотник, очевисто на день сегодняшнии через слугу вradoвог(о) меског(о) Гарасима Сахонова заказаныи, постановившысе, поведил.

Иж, деи, мне змовилсе он, Федор Прокопович¹, служыт за челядника на два годы, а обещалом ему платит на неделю по ползолотог(о). И так онъ, году не одслужывшы, од нег(о) проч отышол, и дробязки ег(о) позосталисе.

На што Федор Прокопови[ч]² поведил.

Иж, деи, я обещал годы два послужыть понеделщыною³, а не разом на годы два толко покуль мне плата доидеть.

Мы теды, вряд, вырозумевшы, иж не годовыми, але понеделными слуга был Федор Прокопович, наказали есмо, абы ему Юрко злотник водлуг змовы за кождую неделю по ползолотого заплатил, толко мает выраховать золотых два, што он, Федор, чотыры недели гулял. А он, Федор, под тою ж заплатою року⁴ до Пречыстое першое⁴ дослужыть мает. А потом волен хоч служыть, хоч не.

Што по память ест до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 486об.

1657 г. июля 15. – Жалоба полоцкого мещанина Пракопа Павловича на полоцкого мещанина, зборщика податей Иван Масола о избиении жены и о забранном имуществе.

725. [7]165. М(есе)ца июля петнаццатого дня.

¹Протестацяя Прокопа Павловича на Ивана Масола о збите жоны ег(о), ²же² на правил ³цекляра меског(о)¹.

№ 153

¹ В рукописи Прокоповить, исправлено по смыслу.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

³ не написано над строкой.

⁴⁻⁴ Написано над строкой.

№ 154

¹⁻¹ Написано почерком II.

³ и поверх ранее написанного.

²⁻² Поверх ранее написанного.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Передо мною, Кузьмою Наумовичом, бурмистром места царского вел[и]чества⁴ Полоцккого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мешанин места Полоцккого Прокопъ Павловичъ оповедал и жаловал на мешанина того жъ места Полоцккого на Ивана Масола о том.

Ижъ дня вчораишого он, Иванъ // [Л. 489] Масол, не маючи до него, жалобливого, жадное потребы, одно безвинне, нашедшы на мешкане его в небытности самого, казал Гаврыле цекляру, которыи з ним был, жону его, жалобливого, бить, мордоват, упоминаючи, якобы побору, которыи вжо он, жалобливыи, ему, Масолу, яко поборцы, давно оддал. За которым ег(о) росказанем тот цекляр жону его, жалобливого, окрутне бил, мордовал, ажъ се заледво од него схоронила⁵. А напотом што хотели, в том мешканю его квалтомъ грабили и брали. О што жалобливыи Прокопъ Павлович, хочечи з ним, Иваном Масолом, правне мовит и того бою на нем доходит, заносечы сюю жалобу, просил, абы была до книг меских полоцкких записана.

Пры котором оповеданю, ставшы очевисто, слуга владовый меский Филон Рабець признал.

Ижъ зъ прыданя моего владового а за потребованем Прокопа Павловича огледал бою и ран, на жоне ег(о) почыненых⁶. У котором видел, деи, на обудвух руках зверху нижеи палцов и щыколотковъ сине, спухло, збито и кровю натекло. Да болеи, деи, собе болю и битя⁷ од цекляра⁸ Гаврылы за росказанем Ивана Масола сталог(о) менила.

Которое тое сознание реляциное по[ме]неного⁹ слуги, пры том оповеданю чыненное, ест до книг меских полоцкких записано.¹⁰ Выпис выдано¹⁰.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 488об.–489.

№ 155

1657 г. июля 17. – Сообщение городского владового слуги Станислова Володковича о признании полоцкой мешчанкой Марфой Таборовной Лукашовой Кубловой долга в 2 копы грошей литовских городскому владовому слуге Филону Рабцу.

728. [7]165. М(есе)ца июля семнадцатог(о) дня.

Признане реляции слуги владового Станислава Володковича, и ж се перед ним знала Марфа Таборовна Кубловая, же вина 2 копы гр(о)ш(еи) Филону Рабцу.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцккого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, слуга меский владовый присяглыи Станислав Володкович признае свое реляциное учынил в тые слова.

Иж, деи, с прыданья ваших м(и)л(о)стеи владу а за потребованьем слуги тежъ меского присяглого Филона Рабца ходилом¹ до мешчанки полоцкое Марфы Таборовны Лукашовой Кубловой, у которое пыталом, есьли бы она винъна была тому Филону Рабцу копъ две грошей лит(овских), яко ж, деи, доброволне до тых двух копъ зналасе,

⁴ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

⁵ Первое о написано над строкой.

⁶ чы поверх смытого.

⁷ я поверх смытого.

⁸ е поверх ранее написанного.

⁹ Пропущено писарем, восстановлено по смыслу.

^{10–10} Написано почерком II.

же *ест* ему, Филону Рабцу, винъна а, не маючы чым иннымъ уиститсе, хотела давать и уищатсе ему, Филону Рабцу, перниками. Яко ж и почала была давать, лечь мешанка полоцкая Тащута Юрковна, крамарка, тые перники од нее, Кубловое, до себе на спроданье взела. А спродавшы, она вжо маєт Филону Рабцу помененые копъ две гр(о)шеи *отдати* и сполна уистить. На што, деи, и Филонъ Рабець позволиль.

Которое таковое признание помененого слуги владового тое реляции есть до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 490об.

№ 156

1657 г. сентября 5. – Исполнения присяги на занятие слесарским ремеслом полоцким мещанином Григорием Леставицким.

732. 7165. М(е)с(я)ца июля семнадцатого дня.

Выконанье присяги през Грыгоря Леставицкого на слесарское ремесло.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанинъ места Полоцкого Грыгореи Леставицкии, ¹слесар¹, пры бытности старост и всее братии цеху слесарского, за их сполною зыгдою будучы до цеху слесарского принятыи, водлуг звычаю и науки правное присягу в ратушы на тое ремесло слесарское выкональ и братом ровным всим слесаром цеховым зостал.

А присегнул, ижъ маєт в ремесле своим верне и справедливе заховатисе и тое ремесло без ошуканины робить и продавать або за плату брать маєт побожне ровною ценою такъ богатому, яко и убогому, а старших тежъ цеховых в пошанованью меть и ихъ послушонъ быть маєт и повиненъ будеть.

Которое таковое выконанье тое присяги през вышъпомененого Грыгоря Леставицкого, слесара, *ест* до книг меских полоцких записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 491.

№ 157

1657 г. июля 29. – Сообщение полоцкого мещанина Яна Себостьяновича Друговина о желании возместить долг в размере 24 копы 46 грошей литовских полоцкого мещанина Криштофа Левицкого, который уехал из Полоцка «в часы военные» во внутренние районы Великого княжества Литовского, где и умер; пользуясь его домам в Полоцке на Рождественской улице.

752. [7]165. М(есе)ца июля двадцать девятого дня.

Прыповедане п(ана) Ян¹а Себестьяновича Друговины¹ до дому, по п(а)ну Кры[ш]тофу² Левицком позосталог(о), о копъ 24/46 долгу виного.

№ 155

¹ *лом* написано над строкой.

№ 156

¹⁻¹ *Написано над строкой.*

№ 157

¹⁻¹ *Написано почерком II.*

² *В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.*

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бelyя России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом³ Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, // [Л. 504об.] бурми-страми, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мешанин места Полоцкого славетный пан Ян Себесты-янович Друговина оповедал и до ведомости нас, вряду, доносил то.

Ижъ, деи, што перед ратью праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря зостал ему, п(ану) Дру-говине, винень до краму за розныи товар копъ двадцать чотыры и грошеи сорок шесть лит(овских) пан Крыштофъ Левицкии, лавникович и прокуратор полоцкии. Теды, деи, того ⁴ему не отдавши и не уистившысе, с Полоцка зъ жоною и со всею маетностью в часы военные зъехал, а, мешкаючи в Литве, сам зъ сего света смертю зышол, толко жона его осталасе, а и тое по сес час в Полоцку нету. За чым хочечы он, панъ Друговина, тое сумы п(е)н(е)зеи, собе винное, на доме его, пана Левицкого, тут, в месте Полоцком, на улицы Рождественской стоячом, доходить, до оногo се прыповедал и просиль, абы тое его прыповеданье было до книг записано.

И мы, вряд, бачечы быть речь слушную, тое прыповеданье его, п(а)на Яна Друговины, прывяшы, велели есмо до книг наших меских полоцких записать.

Которое ест записано. ⁵Выпис выдано⁵.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 504–504об.

№ 158

1657 г. июля 29. – Сообщение полоцкого мешанина, бурмистра Филипа Кособуц-кого о желании возместить долг в размере 40 червонных золотых полоцкого мешчани-на Криштофа Левицкого, который уехал из Полоцка «в часы военные» во внутренние районы Великого княжества Литовского, где и умер; пользуясь его домам в Полоцке на Рождественской улице.

753. [7]165. М(есе)ца июля двадцать девятого дня.

Прыповеданье п(ана) Филипа Кособуцкоз(о), бурмистра, до дому того ж о червонных золо(тых) 40.

Б(о)жую м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Бelyя России самодержца и обладателя.

Перед¹о мною¹, Кузьмою Наумовичом, бурмистро[м]², и перед нами, раицами и лав-никами места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, славетный пан Филип // [Л. 505] Кособуцкии, бурмистр места Полоцкоз(о) сегорочный, оповедал и прыповедалсе до дому п(а)на Крыштофа Ле-вицкого, лавниковича и прокуратора полоцкого, которыи дом стоить на улицы Роже-ственской на самом рогу. А то за долгъ, ему, п(а)ну бурмистру, од пана Левицкого вин-ныи, то ест о сорокъ чырвонных золотых готовыми, у его, пана бурмистра, позычных. Которыи то пан Левицкии, не уистившысе ему, п(а)ну бурмистру, в том долгу, первеи в часы военные с Полоцка з малжонкою и со всею маетностью своею зъехал, а потом, живучы у Литве, и самъ зъ сего света смертю зышол, толко малжонка его позосталасе,

³ Ф поверх ранее написанного.

^{4–4} Написано над строкой.

^{5–5} Более поздняя запись.

№ 158

^{1–1} Поверх смытого.

² В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

а и тое в Полоцку по сес час нету. За чым хочечы он, пань бурмистр, тыхъ сорока чырвоныхъ золотыхъ на помененомъ доме, по пану Левицкомъ, в месте Полоцкомъ позосталомъ доходить, просил, абы тое прыповеданье его было до книгъ мескихъ полоцкихъ записано. Которое теж ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 504об.–505.

№ 159

1657 г. июля 29. – Жалоба полоцкого мещанина Михаила Ситенка на полоцкого мещанина, зборщика податей Ивана Мосола о забрании коробки з вещами.

754. [7]165. М(есе)ца июля двадцать девятого дня.

Протестаця Михаила Сытенка на Ивана Мосола, поборцу, о пограбенье коробьки з речома и о почынене в ней шкод.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ в ратушу // [Л. 505об.] Полоцкомъ заседающимъ.

Постановившысе очевисто, мещанин места Полоцкого Михаил Сытенко оповедал и жаловал на мещанина того ж места Полоцкого Ивана Мосола о то.

Иж, деи, он, Мосол, будучы на сес час поборцою а вжо взявши от него, Сытенка, належачи побор, безвинне, нет ведома за што пограбил в дому его коробьку его з розными речома. Которую коробку вжо за жалобою его наказано ему, Сытенку, вернуть вцеле, лечь, деи, любо оную вернул, однакъ же шкоды в той коробце немало почынено, снать, в тот час, кгда у него, Мосола, през тыдень в дому его стояла. А меновите взято в той коробце през замок копеек гбанныхъ зъ шнура тридцать, толко крыжъ zostалсе; полотна коленского локти чотыры; наметок коленскихъ пять; нитеи талек семь; китику, на шапку купленную, – тое, деи все выбрано. И, задержавшы, деи, он, Мосол, все то пры себе грабежомъ, ему, Михаилу Сытенку, отдат и вернуть нет ведома для чого не хочеть. За чым хочечы он, Сытенко, з нимъ, Иваном Мосолом, о томъ грабежъ коробки и о почынене в ней шкод, то ест о выбранье речей вышепомененыхъ, правомъ чынить, и того всего зъ виною грабежною на нем доходить, тое оповеданье свое занесл и просил, абы было до книгъ мескихъ полоцкихъ записано.

Што ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 505–505об.

№ 160

1657 г. августа 3. – Жалоба земянина Богоявленского полоцкого монастыря Василия Лаврыновича Гира о краже шкатулки с документами, которая была закопана в лесу около Межджич.

755. 7165. М(есе)ца августа третьего дня.

Протестаця Василя Лаврыновича Гиры, земянина монастырскоз(о) полоцкого, о покрадение справ и шкатулы.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великоз(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцкимъ а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкоз(о), того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Оповедал и обтяжливе жаловал земянин их м(и)л(о)сти отцовъ законниковъ монастыря Богоявленскоз(о) полоцкого зъ Межджич на име Василии Лаврынович Гира въ ве-

ликои шкоде своеи, през злых а запометалых на Б(о)га людей себе сталои таким способом, иж кгда жалобливыи Василии Гира, приехавшы до тыхъ Межджыч на мешканье по збеженью од рати праведного г(осу)д(а)ря, ц(а)ря, а умысливъшы себе, абы въ мешканью своем, яко в часы военные, през рать шкоды какое не понесл, упатрывъшы себе мещисце за полверсты од тыхъ Межджыч, в лесе заховал и закопал въ яме пры иншых многих речах шкатулу свою зъ розными поважными справями, себе належачыми, абы то все до слушног(о) часу вцеле zostавать могло.

Нижли сез(о) року сто шестдесят пятого, въ м(еся)цу июлю, нет ведома которого дня и если в день або в ночь, не ведают хто и якие люди незбожжные, а праве на Б(о)га и на срокгост правную запаметалые, тую шкатулу со всими речми, там же будучыми, злодеискимъ способом взяли и украли.

В которой то шкатуле было справ немало поважных, ему, Василию Гиры, належачых, а меновите: квит, намя его даньи, на две тыщы и семьдесят таляров битых, што у него в Рызе на потребу // [Л. 505об.] короля швецкого взято; другии квит, ему ж на семсотъ и двадцать пять таляров даньи, од мещанина и куица рыжкого Мерхеля Яста, на которую суму дошло ему од тог(о) рыжанина соли лаштов десеть; до тог(о) обликгъ выплачоныи од п(а)на Гелияша Порызны, на име его жъ даньи, на золотых двесте полских.

Тые квиты и обликги вси, а прытом и иншы розные обликги и справы, ему ж на розныхъ особъ служащые, в той шкатуле будучые, побрано и покрадено. Да взято там же сукна каразеи локти пять и иншых речы белоголовских, которых за жалем своим вспомнети не можетъ, немало покрадено.

А такъ жалобливыи Василеи Гира варуючы, абы през таковыи крадеж справ вышменованых шкоды себе какое не поносил, и если бы се у ког(о) те справы або речы покраденые оказат могли, с кождым таковым хочечы правом чынить и того всего доходит, тое оповеданье и жалобу свою занесл и просил, абы была до книг меских полоцких записана.

Которая ест записана. Выпис выдано.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 506–506об.

№ 161

1657 г. августа 10. – Судебное решение по делу полоцкого мещанина Мартина Гарбуза с полоцкой мещанкой, братовой Матрёной Михайловной Базылевой Гарбузовой о имуществе и о расходах на погребение его брата и матери.

767. [7]165. М(е)с(е)ца августа десятого дня.

Декрет в справе Мартина Гарб[уза]¹ зъ братовою его Базылевою Гарбузовою о маетность розную, [по]² мужу ее позосталую, и о кошт немалыи, на погребъ ег(о) и на погребъ матки их през его одног(о), Мартина Гарбуза, выложоныи.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великог(о) кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, Филипом Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царског(о) величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Кгды ку розсудкови нашому врадовому прыточыласе справа мещанина Полоцког(о) Мартина Гарбуза з мещанкою³ теж полоцкою Матруною Михайловною Базылевою

№ 161

¹ Край листа оборван, восстановлено по формуляру.

² Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

³ ю написано над строкой.

Гарбузовою, братовою ег(о), за заказом очевистым ей, Базылевою Гарбузовою, словне на день сегодняшнии через слугу вradoвог(о) меског(о) Ивана Шлюбовског(о) даным, о реч, нижеи значне выражоную.

В которой справе за приволяньем через слуг вradoвых обеде стороны сами очеви-сто становилисе.

Затым актер Мартин Гарбуз на братовую свою подносил на писме жалобу свою в тые слова.

Славетным их м(и)л(о)стям паном бурмистром, раицом и лавником места ег(о) царског(о) величества Полоцког(о).

Мартин Гарбуз, мещанин полоцкии, биет чолом и жалуется ваших м(и)л(о)стям добродеем своим на Матруну Михайловну Базылеву Гарбузовую, братову свою, о то.

Иж як в животе матки моее не стало, вжо тому тры годы будет о Дмитровицы в теперешнюю осень. Теды я матку свою в небытности брата своег(о) старшог(о) Базыля Гарбуза, который недавно умер, поховал своим власным коштом и накладом. А matka небощыца, жывучы пры нем, Базылю, старшом сыне своем а брате моем, все охен-дство, речы, хусты белыя, также и грошы готовые, што ей Господь Богъ дал запасу, то все от мала до велика у схованю небощыка брата моег(о) у клети за заказом его было. И он, брат мой, // [Л. 513об.] [по сме]рти⁴ матчынои тым всим сам один завладел и двор отцовский на⁵ обнял и якъ я упоминалсе, штом выдал на погребъ матки нашею абы мне водлуг реестру заплатил и то што небощыца отказала абы мне вернул, теды мне от часу до часу обетницею уводечы, зволокал и я ег(о) до права заказывал и ест у мене декрет ваших м(и)л(о)стеи ратушнии и он, Базылеи, брат мой, не хочечы со мною розправы правное прынят на угоду взявшы месца часу назначыл прытеля зажить не хотел. А потом по колко раз хоробою тяжкою от Господа навежоныи, zostавил а я во всем, яко брату, покул се объможет, терпел и фолгвовал. А одного часу за доукою моею годил мене небощих перед паном Иваном Самуиловичом, лавником, давал мне за мое выдат-ки бочку соли, бочку пшеницы. А я, бачечы незуполного здоровья брата своег(о) и на том ег(о) датку не переставаючы до уздоровеня ег(о) одложилъ есми. И котел пивныи, што по небощыцы матце на нас двух прыналежал, ему до часу вернул, абы в хоробе своеи мел с тог(о) котла якииколвек себе пожиток. Нижли по таковых зволокал и откла-дах як он брат мой, умер, жона ег(о) а братова моя вышменованая тые вси речы, плате и охендство и котел позосталыи по матце на себе забрала и завладела и не хочет мне за частокротным упоминанем штом на погребъ матки своеи выдал, заплатит ведаючы о том добре, штом я завчасу пред тестаментом без ведомости моеи учыненым у небощы-ка мужа ее а брата своег(о) упоминалсе и до права заказывал и реестръ тых выдатков моих на враде покладал.

За чым тепер велце а покорне прошу ваших м(и)л(о)стеи, поневаж вжо брата моег(о) в животе не стало и я готовых гр(о)шеи, што небощыца matka моя детем моим а внучатом своим отказала, о которые то грошы я брата своег(о) до права позывал, оных нине у братовое моее позыскать не могу, абы вжо толко она, братова моя, тот выдаток, штом выдал на погребъ небощыцы матки // [Л. 514] своеи водлуг реестру и водлуг де-крету в той справе зашлого, меновите⁶ девятнадцать и грошеи пятьдесят один грош за-платила с тое маетнос[ти]⁷ што по небощыцы матце нашеи zostаласе, и она забрала и у себе мае[t]⁸ и котел матчынский, што на нас двух належал есми продала абы мне поло-вину грошми водлуг розсудку и наказу ваших м(и)л(о)стеи вернула. А што позосталосе матки моеи маетности пры ней, Базылевою братовою моею, на то реестръ перед ваших м(и)л(о)стями покладаю.

⁴ Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

⁵ Край листа оборван, могло поместиться 4–5 букв.

⁶ Край листа оборван, могло поместиться 4–5 букв.

⁷ Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

⁸ Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

До того особно жалуюсе теж ваших ⁹м(и)л(о)стям⁹ на нее ж, Базылевую братовую свою, иж она, забравшы по мужу своем речи небощыцы матки моеи, взяла пры тых речах обликгъ мои, даньи от мене пану Спирыду Курбату на шестдесят коп грошеи вжо через мужа ее а брата моего во всем выплачоныи и ничог(о) не винныи, кгда ж я небощыку брату своему дом свои уступил и небощых взял шестдесят копъ за тот двор а сам толко Курбату дал сорок коп и пять коп, а петнадцать коп пан Курбат уступил и даровал, о чом ведают суседи добрые люди, абы теда заказу ваших м(и)л(о)стеи тот обликгъ, яко не винныи выплачоныи, вернула.

В том ласки ваших м(и)л(о)стеи прошу и жодаю.

¹⁰ По прочытанью тое жалобы Мартин Гарбузъ подносил ку чытанью другую жалобу свою, так же на писме тыми словы.

Славетным их м(и)л(о)стям паном бурмистром, раицомъ и лавником места его царского величества Полоцкого, добродеем своимъ.

Жалуется и биеть чоломъ мещанин полоцкии Мартин Гарбуз на братовую свою Матруну Михаловну Базылевую Гарбузовую о то.

Ижъ она ничог(о) не дбаючи на боязнь Божую в стыд людскии и не справуючысе водлуг тестаменту мужа своего а брата родного мене, Мартина Гарбуза, небощыка Базылего Гарбуза. С которыхи то тестамент ест учынен з намовы ее, братовое моее, ку шкоде моеи и в неведомости моеи и не водлуг науки правное, о што волное мовенье себе заховую. А будучы она хтивостю и ланомостю¹¹ уведена до посягненья всеи маестности небощыковское, которую зараз перед смертю и по смерти на себе забравшы а змерлому мужу // [Л. 514об.] [свое]му¹² проводу и остатнее послуги учынит не хотела и не учынила, и суконь тры, што небощык мне, яко брату своему, отказал, не дала и грабежом [з]адержала¹³ и жадное ни в чомъ милости малженское хрестиянское змерлому телу не оказала, потому што мало што болеи году з небощыкомъ жыла и то похлебством, неправдою поступовала. Але я самъ, Мартин Гарбузъ, всякие потребы, выдатки, послуги и коштъ змерлому брату моему отправил и оному провод хрестиянским способом, яко брату своему учынил. Которых то выдатков реестръ перед ваших м(и)л(о)стями покладаю, што, где и кому истотне а правдиве выдал.

А ваша м(и)л(о)сть уважить рачыте и мне з нее, братовое моее, по семъ моемъ чолобитью, абы водлугъ того реестру мне заплатила и пару суконь отказанных вернула, свои праведныи судъ и управу по справедливости светои з ласки своеи даите.

А я Г(оспо)да Б(о)га молит винен заставаю.

Противо которым обеюм жалобом Базылевая Гарбузовая поведила.

Ижъ, деи, я во всемъ водлугъ тестаменту небощыка мужа моего Базылего(о) Гарбуза справоваласе и што кому належало, досыть чынила, то ест ему, Мартину Гарбузу, половицу двора и половицу огорода уступила, также жупан небощыковский ему оногдашнего дня оддала. А сукню верхнюю самъ онъ, Мартинъ Гарбузъ, еще с тела небощыка брата своего а мужа моего снял. А што се тычетъ выдатку на погребъ мужа моего, тос мы з ним сполне водлугъ тестаменту выдавали. А котел, которог(о) небощык мужъ мои в тестаменте на похорон свои описуетъ, того еще самъ небощык за живота своег(о) продал, бо по учыненню того тестаменту час немалыи жив и здоров был и чому жъ он, Мартин Гарбуз, у небощыка жадныхъ спадков матки своеи жадное речи не упоминалсе, также жадного кошты на погребъ матчыи выложеног(о) не вспоминал и ничог(о) тог(о) в тестаменте нету.

На што Мартин Гарбуз поведил, ижъ, деи, я небощыку брату своему о выдатках погребу матчыного часто вспоминал а он мене обетницею своею уводиль, а сукню

⁹⁻⁹ Поверх смытого.

¹⁰⁻ Далее написано почерком П.

¹¹ но другими чернилами.

¹² Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

¹³ Край листа оборван, восстановлено по смыслу.

верхнюю правда, жем я по небощыку взялъ, алем оную для выдатков на его ж погребѣ людям оставил. А она, братовая моя, ///*[Л. 515об.]* дала мне на тою сукню два талеры грошеи осмины жы[та]¹⁴ а матчыных спадков толко мне досталосе сукманъ, стоял коп двух, да кат[ан]ка¹⁵, а болшые вси речы по небощыцы позосталые, и грошы готовые, кото[рых]¹⁶ было талереи двадцать, то все пры небощыку Базылю, брату моем, позосталосе. И она, братовая, тым всим завлела, а небощыца matka наша умерла в чужом доме и я о том услышавшы, отыскал тело ее, в дом небощыка Базыля и оттуль в небытности его своим кошътом поховал. А ключъ до кубла матчыного был у першое жоны небощыка Базыля Гарбуза, брата моего, а полотенно и иншыя речы выдавала на похорон Васильева Кожыная, мешанка полоцкая, до которое о зсланье панов лавников для спытанья прошу и домаваюся.

Яко жъ и мы, врад, спосродку себе двух панов лавников, славетныхъ пана Базыля Свеньицкого и пана ¹⁷... , и пры них слугу вradoвого мескоз(о) Гарасима⁴⁵³¹⁸ Сахонова, зараз прыдали и сослали есмо. Которые то панове лавники и слуга вradoвыи, пытавшы у Василевое Кожыное, признали.

Ижъ она поведила, што, деи, Мартину Гарбузу досталосе по матце его полчомарок и саян, а было еще колко трубъ полотна, о которыхъ она, гдесе обернули, не ведаеть.

А потомъ з обоюхъ сторон в той справе розныхъ и шырокихъ мов заживали.

¹⁹А такъ мы, врадъ¹⁹, в той справе Мартина Гарбуза з братовою его Базылевою Гарбузовою вырозумевшы ²⁰добре²⁰ мовенья обоюхъ сторон наперод тестамент небощыка Базылего Гарбуза, яко слущныи и вradoвне справленыи, под датою сего ж року м(есе) ца декабра дванадцатого дня выписом с книгъ выданыи во всемъ ствержаем и вцеле заховуем. Водлугъ которог(о) Мартину Гарбузу половицою двора и половицою огорода, якосе в том тестаменте описало, владеть и яко похотя шафовать позволяем. А строны выдатку и кошту на погребѣ матки его през него Мартина Гарбуза выложеного, также и строны болшихъ речей по матце ихъ позосталыхъ, поневажъ тог(о) ///*[Л. 515об.]* онъ, Мартинъ Гарбузъ, у самого небощыка Базылего Гарбуза, брата своего, не доходилъ и поневажъ ²¹под се²¹ ему в тестаменте братнемъ лекгация записана естъ, с тыхъ прычинъ помененую братовую его Матруну Михаиловну от того всего увалняемъ. А што се показано выдатку през его, Мартина Гарбуза, на погребѣ брата ег(о) Базылего²² Гарбуза выложеного(о), теды в нагороду того и в нагороду кошту на погребѣ матки ихъ выложеного наказуем, абы ему, Мартину Гарбузу, братовая его Базыльева Гарбузовая копъ одинадцать грошей петнадцать и пенезеи семь литовскихъ од дня сегоднешнего за недел две оддала и заплатила только себе с тыхъ же грошей отрахovati маеть два талеры печатные, што ему, Мартину Гарбузу, на сукню верхнюю небощыковскую дала была. А сукню тую Мартин Гарбузъ кому оставилъ выкупить мает себе, а на остатокъ наказуем той же Базылевою²³ Гарбузовою, абы она в тыхъ же двухъ неделяхъ Мартину Гарбузу помененыи обликъ, от него пану Спирыду Курбату на копъ шестьдесятъ даныи, оддала и вернула, поневажъ вжо онъ, Мартинъ Гарбузъ, за тотъ обликъ небощыку брату своему дворомъ уистил.

Нижъли помененая Базылева Гарбузовая Матруна Михаиловна и по выистю тыхъ двухъ недель тому наказови нашему вradoвому досыт не учынила, то ест помененыхъ

¹⁴ *Край листа оборван, восстановлено по смыслу.*

¹⁵ *Край листа оборван, восстановлено по смыслу.*

¹⁶ *Край листа оборван, восстановлено по смыслу.*

¹⁸ *ма написано над строкой.*

¹⁷– *Далее пробел приблизительно на 15 букв.*

¹⁹–¹⁹ *Написано почерком П другими чернилами.*

²⁰–²⁰ *Написано над строкой другими чернилами.*

²¹–²¹ *Написано над строкой другими чернилами.*

²² *зы написано над строкой.*

²³ *зы написано над строкой.*

копъ одинадцати грошей петнадцати и пенезей семи литовских всказанных Мартину Гарбузу не оддала собе двухъ талеровъ не отвернула, такъ же и обликгу не вернула. За чым отраховавшы два талеры печатные за остаток грошей всказанных на отправу и фантоване до всякое ее маестности лежачое и рухомое и до особы ее самое, которая се гдеколевек оказати и вынайти можетъ, одсылаемъ. А помененыи обликгъ, яко вжо выплачоныи, сим декретом нашим касуем, умараем и в нивеч оборочаем так, ижъ вжо у жадного суду и права // [Л. 516] ... [м]оцы метъ [не] ма[еть] справа якосе ... ами, врадомъ ... еть есть до к[нигъ] мескихъ поло[цкихъ] запис[ана].

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 513–516.

№ 162

1657 г. августа 10. – Судебное решение по делу полоцкой мещанинки Арины Гавриловны Матвеевой Рогатчинной на полоцкого мещанина Якуба Якимовича Азявенку о избиении.

770. [7]165. М(есе)ца августа десятог(о) дня, в понедельник.

Декрет в справе Арыны Рогатчыное, шевцовое, зъ Якубом Якимовичом Азявенком о зъбитъе ее.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья Россыи самодержца и олбладателя.

Перед нами, Филипомъ Кособуцким а Кузьмою Наумовичом, бурмистрами, и перед нами, раицами и лавниками места царского величества Полоцкого, тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающими.

Постановившысе очевисто, мещанъка места Полоцкого Арына Гаврыловна¹ Матфеевая Рогатчинная, шевцова, прекладала жалобу на мещанина того ж места Полоцкого п(а)на Якуба Якимовича Азявенка с протестацыи, на нег(о) дня оногдашн(о)г(о) сегого сего ж м(есе)ца августа и з реляцыею слуги вradoвог(о) до нас, вradу, донесеное, о том.

Иж кгда жалобливая Рогатчинная в том же м(есе)цу августе дня шостог(о) власне в день Преображенья з дня вжо на вечер ишла ку домови своему уликою Спаскою, тамъ же он, Якубъ Азявенко, не маючи до нее, Рогатчыное, жадное потребы, догонившы ее на той улици, на кони едучы, оную первей конемъ потронтил и на землю обалил, а потомъ в другии раз того ж часу безвинне ее, окрутне а нелитостиве², не помънечы на боязнь Божию, в стыд людский и срокгост права посполитого кулачемъ збилъ, змордовал, зубъ выбил, раны шкодливые³ позадавал и зокржавил, и словы неподобными и неучствивыми, называючи ведъмою и нецънотою, лжыл и безчестил. Ибы ее од того бою, прыпадшы, брат его ж, Азявенька, Васько Азявенко, не одратовал, певне бы ее на смерть забил и замордовал. А однак еще, не досит маючи на том збитью, он, Якубъ Азявенко, еще на остатокъ здоровья ее обещаючи такъ бить, ажъбы ее на дошках понесено, похъвальку учынил.

На довод которое жалобы свое показовала реляцию слуги вradoвог(о) Станислава Володковича, до книг наших вradoвых пры оповеданью донесеную, где тот слуга вradoвыи признавает.

Иж огледал ранъ з битья и зокрравеня на ней, Матфеевой Рогатчыной, през Якуба Азявенька учыненого. А напрод видел, деи, у нее, Рогатчыное, зубъ верхний одинъ на передѣ выбит, мало што прочъ не выпадет; на носѣ видел рану кржавую розъбитую; губа и твар вся и под очыма збито, спухъло, синево, кровю натежъло. До того // [Л. 518об.] видел теж на руке правой на самом локътю рану теж збитую, кржавую; по хребте знаки

№ 162

¹ о обведено.

² Другое с поверх ранее написанного.

³ к поверх смытого.

сине, спухлые и кошуля на *неи* вся у криви. А кутому, *деи*, еще она, Рогатчыная, менила собе на нозе на колене рану збитую, спухлую и кровю натекулюю. А то все понесла, *деи*, през окрутное збитье *од* Якуба Азявенка.

До которое жалобы будучы *он*, Якубъ Азявенокъ, очевидно на день сегодняшнии через того *ж* слугу вradoвого меского Станислава Володковича заказаныи, постановившисе, учинил до нас, вradу, обьмову в тые слова.

И *ж*, *деи*, я дня сегодняшнег(о) для пилного г(осу)д(а)р(е)ва дела и забав, яко целовалник на сес час в казньне праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря денежнои, в тои справе стат и усправедливитсе не могу, але дасть Богъ на день третии становитсе и справу о собе *дат* готовъ буду.

И мы, вrad, бачечы слушную его, Якуба Азявенъка, обьмову а звлаща в пилном деле праведного г(осу)д(а)ря ц(а)ря водлугъ жоданья его тую справу не до дня третего, але до дня семнадцатого того *ж* м(есе)ца августа, абы ку росъправе⁴ и одповеди стал, одложили. А *еи*, Матфеевои Рогатчынои, абы теж знову его, Азявенка, на тот день за-позвала, наказали есьмо.

Яко *ж* будучы онъ, Якубъ Азявенокъ, через того *ж* слугу вradoвого Станислава Володковича на тот день семнадцатыи, а потом повторе на день деветнадцатыи, а потрете на день двадцать первыи того *ж* м(есе)ца августа, по *вси* тые тры разы очевидно будучы заказованыи, яко непослушныи, жадног(о) разу ку праву не становилсе и ведомости жадное намъ, вradови, ⁵и⁵ стороне своei противнои о том нестанью своемъ не уделал. А помененая Матфеевая Рогатчыная тое справы пилнуючы и контумацыи за нестанное платечы, за таковое збите собе, од него, Азявенка, сталое, навязки на нем водлугъ права собе всказанья и шкод, накладов правных нагороженя, а на похвалце учыненои, абы паруку по собе дал, ее перепросил и вина абы заложона была, просила и домавлялсе.

И мы, вrad, в тои справе, заховуючысе⁶ во всемъ водлугъ науки права маидебурского а бачечы⁷ таковую пилност стороны поводовое а недбалост и непослушенство заказованое, за так великое збитье и змордоване, ⁷и⁷ за выбитье зуба помененои Рогатчынои през его, Якуба Азявенка⁸, навязки *еи*, Матфеевои Рогатчынои, яко белои голове, водлугъ права копъ двадцать грошей литовских, а пры томъ и *вси* шкгоды, наклады правные на нем, Якубу Якимовичу⁹ Азявенку⁹ // [Л. 519]¹⁰ яко пра¹⁰[ва непослушн]ом¹¹ всказуем¹², прысужаемъ и на одправу и фантоване до всякое ег(о) маестности лежачое и рухомое, и до особы его самого, которая се гдеkolwiek оказати и вынайти может, одсылаем. А строны учыненное през его¹³, Азявенка, на ее, Рогатчыную, похвалки, штобы она беспечною была остатка здоровья своего, паруку ему, Азявенку, двух чоловек добрых, оселых по собе *дат* и ее, Рогатчыную¹⁴, с тыми *ж* людьми, которые се по нем руют, учтиве в ратушы перепросит за бещесте наказуемъ.

А еднакъ еще для чого бы се *он*, Якубъ Азявенокъ, до права не становил, на внесене помощное речы леггале часу недел две узычаем. В которых то двух неделях пры вношенью леггале мает *он*, Азявенокъ, паруку по собе в похвалце *дат*. А за неучыненемъ того ино до везенья секвестру нашог(о) меског(о) всажоныи¹⁵ быти мает. Одкуль не мает бит выпущон, аж во всемъ досит *еи*, Рогатчынои, водлуг декрету и всказу нашог(о)

⁴ с *поверх* смытого.

⁵⁻⁵ Написано над строкой.

⁶ захо *поверх* смытого.

⁷ че *поверх* смытого.

⁷⁻⁷ Написано над строкой.

⁸ а строчная исправлена на А прописную.

⁹⁻⁹ Написано почерком II *поверх* смытого.

¹⁰⁻¹⁰ Написано почерком II *поверх* смытого.

¹¹ Смыто, восстановлено по смыслу.

¹² в написано почерком II *поверх* смытого.

¹³ г *поверх* смытого.

¹⁴ у *поверх* ранее написанного о.

¹⁵ *вса* *поверх* смытого.

учынит и ее перепросит. А ним тое все выполнить, абы боли до ее, Рогатчыное, потребы не мел и ее не бил, вины на ратуш копъ тридцат гр(о)шеи лит(овских) заклада-емъ.

Нижли он, Якубъ Якимовичъ, и в тых двух неделях жадное собе помощное речы не внесл и ни в чом наказови нашему врадовому досит учынить не хотел, а Рогатчына, чынечы пилност, домавлялесе скуточное отправки. За чым вжо тот декрет наш до остатнего стопня и skutку правноз(о) на нем, Азавенку, яко непослушным права, прывожоным быти мает.

Которая справа, якосе перед нами, врадомъ, точыла, ест про памет до книг меских полоцких записано.¹⁶ Выпис выдано¹⁶.

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 518–519.

№ 163

1657 г. августа 15. – Жалоба монахов полоцкого Богоявленского монастыря на полоцкого резника Фёдора Якимовича Азявенка о избииении в Полоцке монастырского подданного с села Сосницы Дорошку.

777. 7165. М(есе)ца августа петнадцатого дня.

¹Протестаця их м(и)л(о)стеи ои цов законников монастыря Богоявленског(о) полоцког(о) на Федора Азявенка о збите подданог(о) монастырског(о)¹.

Б(о)жю м(и)л(о)сти г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Передо мною, Кузмою Наумовичом, бурмистром места царского величества Полоцкого, того року на справах судовых в ратушу Полоцком заседающимъ².

Оповедал и з великим жалем жаловал велебныи отецъ Гедыон Дроничъ, наместник монастыря³ полоцкого, пры церкви Святого Богоявления⁴ будучог(о), самъ от себе и в небитвости на сес час велебного в Богу отца Игнатия Евълевича, игумена⁵ того монастыря, именьем его и именьем тежъ всее брати законниковъ, в том монастыру Богоявленском будучых, въ великои крывде и збитю подданого своего монастырского нижеи помененого, яко их м(и)л(о)стямъ тот подданыи дал справу, а особливе въ великом и немалым безвинным безчестю и обелдзе тому монастыру и всим в нем мешкающим законником⁶ сталои, на резника полоцкого Федора Якимовича Азявенка, прозываемого не якогос Крупъпъского⁷ человека, еще в молодости летъ будучого, але велце гардого з ухвалою и всякою злостю и нестатечны⁸м се⁸ захованьем наполненого таковым способом.

Ижъ, кгдаи року теперешего тысеца шестсет петдесят пятог(о) м(есе)ца августа чотырнадцатого дня у пятницу подданыи их м(и)л(о)стеи монастырскии зъ села Сосницы на име⁹ Дорошко, прибывши с⁹ потребы в Полоцк¹⁰, шол того дня в рынок до

^{16–16} Написано почерком II.

№ 163

^{1–1} Написано почерком II.

² въ поверх ранее написанного и.

³ Другое а поверх ранее написанного у.

⁴ В рукописи Богоявнния, исправлено по смыслу.

⁵ и переправлено на е.

⁶ в переправлено на м.

⁷ Первые пъ написано почерком II, вторые пъ полустертые.

^{8–8} Написано почерком I.

⁹ Написано почерком I.

¹⁰ В рукописи Полоцъ, исправлено по смыслу.

крамов ятковых для купенья собе стравы. А так, кгда прышол ку краме его, Азявинка, и, улюбившы¹¹ собе шрот мяса, цены ему пыталсе хотел. Теды он, Азянок, не поведаючи тому мясу цены, вперод запитал его, кому, деи, ты служиш. На што кеды тот мянованыи Дорошко одповедил, же никому не служу, але, деи, их м(и)л(о)сти отцов законъников¹² монастыра¹³ Богоявленского полоцького подданыи естем, там же он, Федор Азявенко, пропомневшы¹⁴ боязни // [Л. 523об.] [Б]ожои¹⁵ в стыду людског(о) и срокгости права посполитого, на таковых зухвалцов и свавольников срокго описаного, не переставаячы, яко звыкл многие розным людем прыкрости выражат и до безпотребнои зневаги о ославы прыводит¹⁶, первеи того подданого монастырского Дорошку, будучы опилым, порвавши шротъ мяса, в твар по обеюх щоках, по голове, в плечы и в перси, поволи себе его маючи, бил, мордовал, а потом самих их м(и)л(о)сти¹⁷ отцов законников слова уцы[п]ливыми¹⁸ Богу и людем обрыдливыми а доброй славе и побожному законному их по жытию велде шкодливими, чого и писат не годытсе, лжыл, соромотил и окрутне безчестил, а мало еще на том маючи, кгда тот подданыи монастырский, ушодшы од того битья его, Азявенка, прышол до монастыра вес збитыи, ¹⁹скаржечысе¹⁹ ему, велебному отцу наместнику о тое збите и поведаючи.

Иж, деи, по имени и прозвищы того резника, которыи мене бил и ваших м(и)л(о)стеи панов моих безчестил, не ведаю²⁰ одно оног(о) в резницы²¹ сидячого за мясом знаю. Теды зараз велебныи²² отецъ наместник послал з ним челядника своег(о) монастырского на име Грышка Кравца, абы он ему указал, хто бы то его з резников бил и их м(и)л(о)стеи отцов законников безчестил. Которому то челяднику монастырскому Грышку, кгда тот подданыи его, Азявенка, опознавши, же его бил, указовал и прычины того бою пыталсе. Там же он, Азявенко, ненасычоныи будучы, злостью и гордостю повторе тыми ж слова неучтивыми, яко и первеи их м(и)л(о)стеи отцов законников лжыл, соромотил и потом, чынечы набольшую взгарду и зневагу монастырскую²³ порвавшиyse, теж з мясом кутому помененому челядникови монастырскому оног(о) бит, мордоват хотел, которыи заледво од него и с тим подданым монастырским ушол.

А так велебныи отецъ Гедыон Дронич, наместник монастыра Богоявленского полоцького и вся братья законники, в том монастыры будучы, маючи од нег(о), Федора Азявенка, резника, такоую²⁴ великую обелкгу и зневагу, а хотечы з ним так о тую²⁵ зневагу свою, яко теж о збите помененог(о) подданого ²⁶своег(о) правом чынит и справедливости у суду належног(о) доходит, так же вин и караня правног(о), на таковых зухвалцов и опилцов значне описаног(о), домавятсе, дали сюю жалобу до книг меских полоцких записат. Що ест записано.

НИАБ. Ф. 1823. Он. 1. Д. 1. Л. 523–523об.

¹¹ лю написано почерком П поверх смытого.

¹² ни написано над строкой почерком П.

¹³ с поверх ранее написанного.

¹⁴ Другое п и н поверх ранее написанного.

¹⁵ Смыта первая буква, восстановлено по смыслу.

¹⁶ Обведено.

¹⁷ Другое и поверх ранее написанного е, ц полустерто.

¹⁸ В листе сделано отверстие, восстановлено по смыслу.

^{19–19} Написано над строкой почерком П.

²⁰ у переправлено на а.

²¹ е поверх ранее написанного.

²² н поверх ранее написанного ъ.

²³ н переправлено на ы, о – на у.

²⁴ ю переправлено на у.

²⁵ ту почерком П поверх смытого.

²⁶– Далее почерк П.

1657 г. августа 17. – Сообщение землянки Полоцкого воеводства Фёдоры Матюшевичовны Яновой Дегилевичовой, писаровой города Полоцка о пропаже документов на имущество, долги во время взятия царским войском Вильни.

778. [7]165. М(есе)ца авьгуста семьнадцатог(о) дня.

Протестацья пани Яновое Дягилевичовое, писаровое полоцкое, о погромен, еи от рати сталое в месте Виленском.

Б(о)жю м(и)л(о)стю г(осу)д(а)ря, ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея Михайловича, Всея Великия, Малыя и Белья России самодержца и обладателя.

Перед нами, бурмистрами, раицами и лавниками места царского величества Полоцког(о), тог(о) року на справах судовых в ратушу Полоцкомъ заседающими.

Оповедала и з великим жалем своим плачливе до ураду жалобу свою доносила землянка воеводства Полоцког(о) пани Федора Матюшевичовна Яновая Дягилевичовая, писаровая места Полоцког(о), сама от себе и именем сынов своих трох, то ест: Стефана, Андрея, Якуба, и именем четъвертог(о) сына своего, о котором гдѣ бы се оборочал, ведомости не мает, наиме Петра Дягилевичовъ, въ великои и незноснои шкоде собе и тым помененым сыном ее в сие часы военные, и презъ взятыє малжонка ее, жалобливое, през ратных людей царског(о) величества в полонъ, сталои таковым способом.

Ижъ кгда в року недавно прошломъ, тысяча шестьсот пятьдесят пятом, м(есе)ца августа осмог(о) дня, в день недельный поранъкомъ въходила рать царског(о) величества до тог(о) места Виленског(о), доставуючы оног(о). В котором том месте Виленском, еще предъ взятємъ мешкаючи презъ цалыи рок по выеханю с Полоцка от рати, малжонко̃ ее, жалобливое пани писаровое, панъ Янъ Дягилевич, писаръ мескии полоцкии, самъ и з нею, жалобливого малжонкою своею и з некоторым потомствомъ своимъ, видечы таковыи великии страх, повскладавши на колько возъ въсякую рухомую маетность свою: золото, серебро, цын, медь, грошы готовые, охендство и справы, обликги, привилея и розные декрета, переводы правные на розныхъ особъ, – с тымъ всимъ мусел с тог(о) места Виленског(о) за другими людьми уходит. А так, кгда выехавшы зъ самого места, приближылсе до моста мурованог(о) на реце Вели будучог(о), там же за великою тижбоюю люди уходячых, коней и воез своих не могли през тотъ мостъ сами передо-быться, а ни воезъ перевести.

Въ ту пору, наступившы конно, огнисто, рать царског(о) величества великими полками вперед помененог(о) малжонка ее, жалобливое, пана Яна Дягилевича, писара меског(о) полоцког(о), живо в полонъ взяли, а потомъ всю маетность рухомую, на возахъ будучую, которое было, легко рахуючы, на колконадцать тысячечѣ в золоте, серебре, цыне, меди, въ грошахъ готовыхъ и в рознымъ охендстве – то все з воез побрали, а справы, обликги и привилея иныше подрали, пошарпали, а иныше целкомъ в болото на землю покидали и з фастыкулов розсыпали. Только заледво она сама, пани Дягилевичовая, зъ некоторыми детьми малыми, з душами пешо, // [Л. 524об.]¹... обьяжонные [од]² [т]ое³ рати царског(о) вели[чес]тва⁴ увошла.

А ушедшы, по розныхъ меисцах, селахъ и мястечках литовскихъ и курляньскихъ бывшы, заледво до Полоцка къ поместем своим под высокую руку царског(о) величества в року тысяча шестьсотъ пятьдесят семом отыскалася и прибыла. Где, будучы велце утрапена и не могучы през погинене справ жаднои власности своей и малжонка своег(о) у розныхъ людей и кредыторов своих позыскат, а забегаючи в час пришлыи

№ 164

¹ Далее смыто слово, состоящее приблизительно из 5 букв.

² Смыто слово из 2 букв, восстановлено по смыслу.

³ Смыта первая буква в слове, восстановлено по смыслу.

⁴ Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.

в таковом погиненіи справ *еи*, пани Дягилевичової, и потомству *ее* в чом не зашкодило, але абы могла въсякихъ долговъ, собе и малжонкови своему винныхъ, на кредиторахъ позыскивати и власности своею доходить, то е оповедане свое жалосное учинила, описуючы в немъ, которые на сес часъ вспомнѣть могла достаточне вси справы, собе и потомству своему по малжонку *ее*, а по оицу сыновъ *ее*, належачыя, которые надъ помененымъ мостомъ мурованымъ за местомъ Виленскимъ зъ воезъ попропадали.

То естъ, меновите пропало и згинуло право заставное признаное малжонкови *ее*, жалобливое, одъ превелебнѣног(о) в Богу небощыка его м(и)л(о)сти оица Антонія Селявы, метрополита и епископа Полоцког(о), служачое на маетность, названую Белую, у воеводстве Полоцкомъ лежачую, а малжонку *ее*, жалобливое, въ тысячы золотыхъ польскихъ заставленую. До тог(о) тамъ же пропало право вечыстое малжонкови *ее*, теперъ жалобливое, на два луги сеножатеи в Захариничахъ, у миляхъ троухъ отъ Полоцка будучыя, пообополъ реки Полоты одинъ напротиво другог(о) лежачыя, у воеводстве Полоцкомъ. Особливе право вечыстое на домъ в месте Полоцкомъ, на улицы Рождественскои будучыи, тому жъ малжонкови *ее* одъ пана Леона Следзевског(о) и одъ инъшыхъ особъ на прыкуплю служачое. Пропало право засъ на целыи пляцъ кгрунъту голог(о) тутъ же, в месте Полоцкомъ, на веньцу надъ рекою Двиною лежачыи, и право на огородъ другии, в Вышнемъ замку полоцкомъ будучыи; такъ же право отъ его м(и)л(о)сти пана Петра Беканъског(о), подкоморог(о) полоцког(о), даное на куплю фальварку названого Красныхъ Беседъ, што его м(и)л(о)сть панъ подкоморыи далъ тому жъ пану Яну Дягилевичу, малжонкови *ее*, жалобливое, особливыи квитъ, ижъ мелъ Яна Менька, мешканца тамошнег(о), не крывдечы ни в чомъ яко вольног(о) чловека увольнить, а потомъ тог(о) Менька скрывдилъ, за которое укывженье онъ, панъ писаръ мескии полоцкыи, своими власными грошми копъ семьдесятъ грошей литовскихъ ему, Меньку, заплатилъ, а его м(и)л(о)сти пана подкоморог(о) полоцког(о) за тымъ квитомъ позывалъ. Другое тежъ право, кгда онъ, панъ писаръ, въ справахъ мескихъ полоцкихъ былъ посланыи на сеиму до Варшава. Тогды своихъ власныхъ грошей на потребу мескую, то естъ золотыхъ чотырыста, выдалъ и выложилъ, и што потребы месту справилъ, за звроченемъ и личбы во всемъ учыненемъ тыхъ чотырохъсотъ золотыхъ своихъ власныхъ выданныхъ, у маистрату полоцког(о) упоминалъ, которые, ///*[Л. 525]* на реестре прынявшы, мели ему, пану писару, отдать и верънуть, а потомъ в року [прош]ломъ⁵ тысяча шестьсотъ пятьдесятъ четъвертомъ за частымъ упоминанемъ муселъ онъ, панъ писаръ, маистратъ полоцкыи, то [есть]⁶ пана Ивана Михновича, [пана]⁷ Крышътофа Сторымовича, бурмистровъ, а пры нихъ пана Даниеля Михновича и пана Мартина Цыгановича, раицовъ – чотырохъ особъ – манъдатомъ на сеимъ Варъшавскыи позывать. Которую суму п(е)н(я)зе(и) чотырыста золотыхъ декрет[ом]⁸ [по]сесорьскимъ⁹ въсказана отъдаѣт.

Тые теды права и привилыя вси в тотъ же часъ попропадали. Прытомъ згинули обликы тры, малжонкови *ее*, теперъ жалобли[вое]¹⁰, отъ мешанъ полоцкыхъ даные, на готовые сумы пенежныя, то естъ: одинъ бълікгъ одъ пановъ Грыгоря и Яна Себастыяновичовъ Друговиновъ, даныи за одну особу малжонкови жалобливои пану Яну Дягилевичу, писару мескому полоцкому, на копъ тысячу гр(о)шей лит(овскихъ); другии обликгъ одъ пановъ Яна и Базылего Яковлевичовъ Наплешычовъ даныи, тежъ за одну особу на такую жъ суму п(е)н(я)зеи – тысячу копъ; а третии обликгъ – тако жъ за одну особу одъ пана Матъфея Гаврыловича и сына его Грыгорья, тежъ на копъ тысячу грошей лит(овскихъ) даныи.

⁵ *Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.*

⁶ *Смыто слово приблизительно из 4 букв, восстановлено по смыслу.*

⁷ *Смыто слово из 4 букв, восстановлено по смыслу.*

⁸ *Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.*

⁹ *Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.*

¹⁰ *Смыта часть слова, восстановлено по смыслу.*

А инѣшых справъ розныхъ и обликговъ, в такъ великомъ жалю будучы, она, жалобливая пани Дягилевичовая, въспомнеть не можетъ, а¹¹ так не могучы ведат, если тые справы в тот погром в земли и въ болоте попропадали, альбо тежъ если се кому до рукъ людских достали и суть побраны, прото до кожѣдог(о) таковог(о), у кого бы се якии документъ, привилеи, обликгъ альбо право, малѣжонкови ее, жалобливое, або еи самои служачое и належачое, указало, заховуючы собе она, пани Дягилевичовая, у кожѣдог(о) права сельву и вольное мовене до дохоженъя в час прышѣлыи с кожѣдым таковым, у ког(о) бы се оказать могло, на сес час просила, абы тое жалосное оповеданье до книг меских полоцѣких было прынято и записано.

Што ест записано. Выпис выдано. ¹²Повторе выдан¹².

НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1. Л. 524–525.

¹¹ Написано другими чернилами.

^{12–12} Написано другими чернилами почерком II.

ЛИТЕРАТУРА

Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г. : зб. дакл. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; склаў і падрыхт. да друку М. Ю. Гардзееў. – Мінск, 2006.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АЗР): в 5 т. – СПб., 1846–1853. – Т. 1: 1340–1506. – 1846; Т. 2: 1506–1544. – 1848.

Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею: в 39 т. – Вильна, 1865–1915. – Т. 11: Акты Главного Литовского трибунала. – 1880; Т. 33: Акты, относящиеся к истории западно-русской церкви. – 1908.

Акты Литовско-Русского государства / сост. М. Довнар-Запольский. – М., 1897. – Т. 2, вып. 1: (1390–1529 гг.).

Александрович, С. Особенности развития городов Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. / С. Александрович // ГАЗ. – 1998. – № 13. – С. 157–161.

Алексеев, А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI в. / А. И. Алексеев. – СПб., 2002.

Алексеев, В. П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. – М., 1964.

Алексеев, Л. В. Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. (Из истории прикладного искусства Полоцкой земли) / Л. В. Алексеев // СА. – 1957. – № 3. С. 218–244.

Алексеев, Л. В. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1966.

Алексеев, Л. В. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии / Л. В. Алексеев. – М., 1974.

Алексеев, Л. В. Полоцкая земля / Л. В. Алексеев // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С. 214–230.

Алексеев, Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 23–29.

Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси: XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев; под ред. Б. А. Рыбакова. – Мінск, 1996.

Алексеев, Л. В. Крест – хранитель Всея Вселенная / Л. В. Алексеев, Т. И. Макарова, Н. П. Кузьмич // Вестн. Белорусского экзархата. – 1996а.

Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л. В. Алексеев; Ин-т археологии РАН. – М., 2006. – Кн. 1–2.

Алешковский, М. Х. Курганы русских дружинников XI–XIII вв. / М. Х. Алешковский // СА. – 1960. – № 1. – С. 70–90.

Антонович, В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия / В. Б. Антонович. – Киев, 1878. – Вып. 1.

Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С. Л. Міхейкі: каталог. – НПГКМЗ, 2010.

Археалогія Беларусі: у 4 т. – Мінск, 1998–2001. – Т. 3: Сярэдняковы перыяд (IX–XIII стст.) / Я. Г. Звяруга [і інш.] ; навук. рэд. П. Ф. Лысенка. – 2000; Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.] ; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – 2001.

Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыкл. – Мінск, 1993.

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси (АСД): в 14 т. – Вильна, 1867–1904. – Т. 1. – 1867; – Т. 10. – 1874.

Археология Белоруссии: библиогр. указатель (1932–1975). – Минск, 1988.

Архив Института истории Российской академии наук в Петербурге (Архив ИИ РАН). Русская секция архива. – Коллекция 13 (Коллекция музея Русского археологического общества). – Оп. 1. – № 312 (III–2).

Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т., 6 кн. / навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск, 2005–2009. – Т. 1: IX–XIV стст. – 2005; Т. 2: XV – сярэдзіна XVIII ст. – 2006.

Архітэктура Беларусі: энцыкл. даведнік. – Мінск, 1993.

Асеев, Ю. С. Архитектура южной и западной Руси в XII–XIII вв. / Ю. С. Асеев // *Всеобщая история архитектуры*: в 12 т. – Л.; М., 1966. – Т. 3.

Афанасьев, К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими / К. Н. Афанасьев. – М., 1961.

Бабятыньскі, К. Полоцк і Полоцкая зямля ў час Рэчы Паспалітай з Масквой у 1654–1655 гг. / К. Бабятыньскі // *Commentarii Polocenses Historici* (СРН) (= Полацкія гістарычныя запіскі). – 2006. – Т. 3. – С. 21–28.

Баршчэўскі, Ян. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Я. Баршчэўскі. – Мінск, 1990.

Барэйша, Ю. Аб атрыбуцыі, сімваліцы і датаванні манет ВКЛ з ільвом і крыжам / Ю. Барэйша // *Банкаўскі веснік* (= Банковский вестник). – Минск: Изд. центр Нац. банка Респ. Беларусь, 2007. – № 16 (381). – С. 59–61.

Барэйша, Ю. Мсціслаўскі манетны двор Амелькавічаў–Бельскіх «Пісараўшчына» вясны 1482 г.: хроніка змовы 1482 г. па нумізматычных матэрыялах / Ю. Барэйша. – Мінск, 2010.

Батюшков, П. Н. Белоруссия и Литва / П. Н. Батюшков. – СПб., 1890.

Башков, А. А. Христианские древности Беларуси конца X – XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального пользования) / А. А. Башков. – Минск, 2011.

Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии / М. О. Без-Корнилович. – СПб., 1855.

Бектинеев, Ш. И. Торговые пути X–XV вв. на территории Белорусского Подвинья / Ш. И. Бектинеев // *ИАППЗ / Материалы I Междунар. научн. конф. (к 1125-летию г. Полоцка)*. – Полацк: НППКМЗ, 1987. – С. 6–7.

Бектинеев, Ш. И. Весы и гири-разновесы X–XIV вв. из Белоруссии / Ш. И. Бектинеев // *СА*. – 1987а. – № 1. – С. 231–238.

Бектинеев Ш. И. Пражский грош в денежном обращении Великого княжества Литовского (XIV в.) // *Древности Литвы и Белоруссии*. – Вильнюс, 1988. – С. 130–134.

Бектинеев, Ш. И. Торговые связи городов и денежное обращение на территории Белорусского Подвинья в X–XV вв. / Ш. И. Бектинеев: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Киев, 1989.

Бектинеев, Ш. И. Метрология Масковичского городища (IX–XIV вв.) / Ш. И. Бектинеев // *Браслаўскія чытанні*. – Браслаў, 1991. – С. 5–6.

Бектинеев, Ш. И. Полоцкие гири-разновесы / Ш. И. Бектинеев // *ГАППЗ / Матэрыялы II Міжнар. навук. канф.* – Полацк: НППКМЗ, 1992. – Полацк, 1992. – С. 5–6.

Бектинеєв, Ш. И. Денежное обращение Великого княжества Литовского в XIII–XIV вв. / Ш. И. Бектинеєв. – Минск, 1994.

Бектинеєв, Ш. И. Взаимосвязь денежных систем Новгорода и территории современной Беларуси в XI – первой половине XV в. / Ш. И. Бектинеєв // Тэз. дакл. і паведам. беларускай дэлегацыі на VI Міжнарод. кангр. славян. археалогіі, Ноўгарад, 23–31 жн. 1996 г. – Мінск, 1996. – С. 3–5.

Бектинеєв, Ш. И. Взаимосвязь денежных систем Новгорода и территории Белоруссии в XI – первой половине XV в. / Ш. И. Бектинеєв // Труды VI Междунар. конгр. славян. археологии (МКСА). – М., 1998. – Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян. – С. 181–186.

Бектинеєв, Ш. И. Источники полоцко-витебской денежно-весовой системы XIII–XIV вв. / Ш. И. Бектинеєв // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі вывучэння і выкладання: матэрыялы да Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 120-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты, Мінск, 23–24 крас. 1998 г. – Мінск, 1998а. – С. 56–57.

Бектинеєв, Ш. И. Полоцко-Витебская денежно-весовая система XIII–XIV вв. / Ш. И. Бектинеєв // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 1999. – Т. 18. – Р. 153–163.

Бектинеєв, Ш. Периодизация полоцко-витебской денежно-весовой системы (2-я половина XIII–XIV в.) / Ш. Бектинеєв // Numismatika. – Vilnius, 2000. – Т. 1. – S. 37–46.

Бектинеєв, Ш. И. «Литовско-татарская » денежная система 1397–1425 гг. / Ш. И. Бектинеєв // XII Всеросс. нумизмат. конф., ТДС, Москва, 19–24 апр. 2004 г. – М., 2004. – С. 107–109.

Бектинеєв, Ш. И. Смоленские грамоты и денежное обращение на территории Беларуси в XII–XIV вв. / Ш. И. Бектинеєв // Памяць стагоддзяў на карце Айчыны: зб. навук. прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Федаравіча Спірыдонава. – Мінск, 2007. – С. 340–377.

Бектинеєв, Ш. И. Региональные денежные системы ВКЛ в середине XIII – первой трети XV в. / Ш. И. Бектинеєв // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гальшаны–Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г. – Мінск, 2007а. – С. 74–97.

Бектинеєв, Ш. И. Интеграционные процессы в формировании денежных систем X – начала XV вв. государств Восточной Европы // Інтэграцыйныя працэсы ў гісторыі краін усходняй Еўропы: матэрыялы навук. канф., Мінск, 19–20 лістап. 2008 г. / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2008. – С. 147–161.

Бектинеєв, Ш. И. Периодизация денежного обращения на территории Беларуси в IX–XVIII вв. / Ш. И. Бектинеєв // Археалогія эпохі сярэднявечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2008а. – Вып. 15. – [299 с. ; іл.]. – С. 54–81.

Бекцінеєў, Ш. І. Старажытныя вагі і гіры / Ш. І. Бекцінеєў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 1984. – № 3. – С. 43–44.

Бекцінеєў, Ш. І. Грашова-вагавая сістэма XIV ст. у Полацка-Віцебскім Падзвінні / Ш. І. Бекцінеєў // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – Мінск, 1989. – № 2. – С. 62–67.

Бекцінеєў, Ш. І. Грашовыя сістэмы Вялікага княства Літоўскага ў XIII–XV стст. // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён: зб. арт. – Мінск, 1992. – С. 63–73.

Беларускае народнае жыллё. – Мінск, 1973.

Беларускі архіў (БА): у 3 т. – Менск, 1927–1930. – Т. 2: XV–XVI стст. Літоўская мэтрыка. Кн. зап. № 16. 1530–1538 г. / [падрыхт. З. Даўгяла]. – 1928.

Беларускія летапісы і хронікі: пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. мовы / уклад. У. Арлоў. – Мінск, 1997.

Белецкая, О. В. Подолье и татары во второй половине XIV – первой половине XV в.: Эволюция даннических отношений / О. В. Белецкая // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін [і інш.] – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С. 96–108.

Белецкий, В. Д. Городское ядро средневекового Пскова / В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий. – СПб., 1996. – Ч. 1: Белецкий С. В. Начало Пскова.

Белецкий, С. В. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии / С. В. Белецкий, Ю. А. Лесман // СА. – 1979. – № 1. – С. 303–313.

Белоруссия в эпоху феодализма (БЭФ): сб. документов и материалов: в 3 т. – Минск, 1959–1961. – Т. 1: С древнейших времен до середины XVII в.; Т. 2: С середины XVII в. до конца XVIII в. – 1960.

Белорусская археология. – Минск, 1987.

Белорусский государственный архив кинофотодокументов. – № 29958.

Белы, А. Полацк у нямецкіх «Лятучых лістках» XVI ст. Інфлянцкая вайна на старонках першых еўрапейскіх газет / А. Белы // Спадчына. – 1997. – № 6. – С. 213–219.

Белы, А. Plan von Polotzko anno 1707 / А. Белы // Спадчына. – 1998. – № 4. – С. 12–16.

Беляев, И. Д. История Полоцка или северо-западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии / И. Д. Беляев. – М., 1872.

Берга, Т. М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. / Т. М. Берга. – Рига, 1988.

Бестужев-Рюмин, К. О составе русских летописей до конца XIV в. / К. Бестужев-Рюмин. – СПб, 1868.

Блинова, Т. Б. Иезуитские Библиотеки в Беларуси / Т. Б. Блинова // ГАЗ. – 1996. – № 8. – С. 3–32.

Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М., 1978.

Богомольников, В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В. В. Богомольников / под науч. ред. О. А. Макушниковой ; ГГУ им Ф. Скорины, Науч.-исслед. ин-т восточнославянских народов при ГГУ им Ф. Скорины. – Гомель, 2004.

Бойцов, И. А. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнезниковского переулка (Москва) / И. А. Бойцов // РА. – 1999. – № 1. – С. 152–163.

Борейша, Ю. Смоленские монеты Витовта и Романа Михайловича / Ю. Борейша, Э. Иванаускас. – Каунас ; Минск, 2008.

Борейша, Ю. Мстиславские монеты (монеты заговора Михаила Олельковича 1481 г.) / Ю. Борейша, Э. Иванаускас // Банкаўскі веснік (= Банковский вестник). – Минск, 2009. – № 10 (447). – С. 66–70.

Борисенков, Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – М., 1988.

Бохан, Ю. М. Агульная характарыстыка мястэчак. Тыпы планіроўкі / Ю. М. Бохан, В. У. Шаблюк // Археалогія Беларусі. – Мінск, 2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.]; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – С. 54–62.

Бохан, Ю. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. / Ю. М. Бохан. – Мінск, 2002.

Брунов, Н. И. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года / Н. И. Брунов. – М., 1926.

Брунов, Н. И. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X–XII вв. / Н. И. Брунов // Русская архитектура : доклады, прочитанные в связи с декадником, по

русской архитектуре в Москве в апреле 1939 г. / под ред. В. А. Шкварникова. – М., 1940. – С. 106–126.

Брунов, Н. И. К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян / Н. И. Брунов // Архитектурное наследство. – М., 1952. – № 2. – С. 3–42.

Бруноў, Н. Беларуская архітэктура XI–XII ст. / Н. Бруноў // 36. арт. па этнаграфіі, антрапалогіі, псіхалогіі і гісторыі мастацтва Інбелкульту. – Менск, 1928. – С. 267–307.

Бубенько, Т. С. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска / Т. С. Бубенько, О. Н. Левко // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / МАБ. – 2003. – № 8. – С. 71–95.

Бубенько, Т. С. Средневековый Витебск. Посад–Нижний замок (X – первая половина XIV в.) / Т. С. Бубенько. – Витебск, 2004.

Булкин, В. А. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке / В. А. Булкин, П. А. Раппопорт, Г. М. Штендер // АО. – 1976. – С. 400.

Булкин, В. А. Раскопки архитектуры в Полоцке / В. А. Булкин, П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова // АО. – 1977. – С. 410.

Булкин, В. А. Раскопки в Полоцке / В. А. Булкин, Вас. А. Булкин, В. Н. Смирнов, И. Е. Ратнер // АО. – 1978. – С. 430–431.

Булкин, В. А. Работы в Верхнем замке в Полоцке / В. А. Булкин // АО. – 1979. – С. 358–359.

Булкин, В. А. Исследование Софийского собора в Полоцке / В. А. Булкин // АО 1980 г. – М., 1981. – С. 331–332.

Булкин, В. А. Надписи на камне из храма Софии в Полоцке / В. А. Булкин, Т. В. Рождественская // Памятники культуры. Новые открытия за 1982 г. Письменность. Искусство. Археология. – Л., 1984. – С. 7–12.

Булкин, В. А. Полоцкий Софийский собор в XI веке / В. А. Булкин // ГАЗ. – 2000. – № 15. – С. 132–138.

Бучинский, И. Е. О климате прошлого русской равнины / И. Е. Бучинский. – Л., 1957.

Бэрк, П. Народная культура Эўропы ранняга Новага часу / П. Бэрк. – Мінск, 1999.

Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси / Г. К. Вагнер. – М., 1964.

Вагнер, Г. К. Византийский храм как образ мира / Г. К. Вагнер // Византийский временник. – М., 1986. – № 47. – С. 16–41.

Вагнер, Г. К. Канон и стиль в древнерусском искусстве / Г. К. Вагнер. – М., 1987.

Вайцяховіч, А. В. Пахавальны абрад некропалей полацкіх культавых будынкаў XII–XIII стагоддзяў / А. В. Вайцяховіч // Вестник ПГУ. Сер. А, Гуманит. науки. – 2008. – № 7. – С. 20–27.

Вайцяховіч, А. Змены ў абрадзе крэмацыі на тэрыторыі Полацкай зямлі ў X ст. / А. Вайцяховіч // ГАЗ. – 2011. – № 26. – С. 178–184.

Вайцяховіч, А. В. Развіццё форм і відаў пахавальнага абраду на тэрыторыі Полацкай зямлі ў X–XII стст.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А. В. Вайцяховіч. – Минск, 2011а.

Вараксин, Н. Год рождения – восемьсот шестьдесят второй / Н. Вараксин, А. Митянин // Неман. – 1961. – № 4.

Варонін, В. Палітычны лад Полоцкага ваяводства ў першай палове XVI ст. / В. Варонін // БГА. – 1998. – Т. 5. – Сш. 1 (8). – С. 27–66.

Варонін, В. Мяшчанскае землеўладанне ў Полацкім ваяводстве ў 1-й палове XVI ст. / В. Варонін // ГАППЗ / Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППГКМЗ, 1997. – Полацк, 1998а. – С. 58–63.

Варонін, В. А. Сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё Полацкага ваяводства ў першай палове XVI стагоддзя: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. А. Варонін. – Мінск, 2000.

Варонін, В. Новая літаратура: агляды і рэцэнзіі: «Тарасаў, Сяргей В. Полацк IX–XVII ст. : Гісторыя і тапаграфія. – Мінск: Беларус. навука, 1998. – 183. іл.» / В. Варонін // БГА. – 2000а. – Т. 7. – Сш. 1 (12). – С. 246–254.

Варонін, В. Тэстамент полацкага бурмістра Давыда Панкова 1559 г. / В. Варонін // ГАППЗ / Матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк: НПГКМЗ, 2002. – Полацк, 2003. – С. 32–40.

Варонін, В. Полацк / В. Варонін // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск, 2006. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. З. Э. Герасімовіч. – С. 443–445.

Варонін, В. А. «Книга Светого Софея» (да гісторыі полацкіх кніжных збораў XV–XVI стст. / А. А. Варонін // БГЧ. – 2007. – № 3. – С. 46–51.

Варонін, В. А. Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору / В. А. Варонін // ГАППЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф. 2007 г. – Полацк: НПГКМЗ, 2009. – Полацк, 2009. – С. 30–40.

Варонін, В. А. Праваслаўныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 года) / В. А. Варонін // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. – Минск, 2009а. – Вып. 2. – С. 152–174.

Взрыв 1964 года в Полоцке языком документов // Полоцкий летописец. Ист.-лит. журн. – 1992. – № 1. – С. 68–89.

Византийский временник. – 1958. Т. 14; 1973. Т. 34.

Викентьев, В. П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования / В. П. Викентьев. – Полоцк, 1910.

Витебская старина / сост. А. Сапунов. – Витебск, 1883–1888. – Т. I. 1883; Т. IV. 1885; Т. V, ч. 1. 1888.

Віцязь, С. Звесткі пра камяні і могілнікі Полаччыны / С. Віцязь // ГАППЗ / Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Полацк: НПГКМЗ, 1997. – Полацк, 1998. – С. 64–70.

Вознесенская, Г. А. Технология производства ножей в древнерусском Изяславле / Г. А. Вознесенская // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. – Київ, 1989. – С. 42–43.

Возний, І. Формування торгово-ремісничих посадів давньоруських міст кінця X – першої половини XIII ст. на території межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра / І. Возний, А. Федорук // Наукові записки з української історії: зб. наук. статей. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – Вип. 20. – С. 139–147.

Волковицкий, А. И. Материальная культура древней Ладоги / А. И. Волковицкий, Б. С. Короткевич, С. Л. Кузьмин // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. – СПб., 2003. – С. 133–142.

Воронин, Н. Восстание смердов в XI веке / Н. Воронин // Ист. журн. – 1940. – № 2.

Воронин, Н. Н. Бельчицкие руины (К истории полоцкого зодчества XII века) / Н. Н. Воронин // Архитектурное наследство. – 1956. – № 6. – С. 9–17.

Воронин, Н. Н. К истории полоцкого зодчества XII века / Н. Н. Воронин // КСИА. – 1962. – № 87. – С. 102–104.

Вскрытие мощей Евфросиньи Полоцкой (протокол) // О святых мощах: сб. материалов. – М., 1961.

Вуглік, І. Р. Матэрыяльная культура Полаччыны ў крыніцах канца XVIII – пачатку XIX стагоддзя (новыя матэрыялы і даследчыцкія ракурсы) / І. Р. Вуглік // Вестн. ПГУ. Сер. А, Гуманит. науки. – 2010. – № 7. – С. 195–198.

Высоцкий, С. А. Древнерусские надписи Софии киевской XI–XIV вв. / С. А. Высоцкий. – Киев, 1966. – Вып. 1.

Габрусь, Т. Уніяцкая архітэктура віленскага барока: вяртанне да вытокаў / Т. Габрусь // Віцебскі сшытак. – 1996. – № 2. – С. 25–31.

Габрусь, Т. Цуд з дрэва... / Т. В. Габрусь // Страчаная спадчына / Т. В. Габрусь [і інш.] ; уклад. Т. В. Габрусь. – Мінск, 1998.

Габрусь, Т. В. Зруйнаваныя святыні / Т. В. Габрусь // Страчаная спадчына // уклад. Т. В. Габрусь. – Мінск, 1998а. – С. 55–168.

Габрусь, Т. В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск, 2001.

Габрусь, Т. В. Мураваная сакральная архітэктура беларускіх земляў XI–XIII стст.: Старажытнарускі перыяд / Т. В. Габрусь // Архітэктура Беларусі: нарысы. – Мінск, 2005. – Т. 1: IX–XIV стст. – С. 106–211.

Габрусь, Т. В. Мураваная сакральная архітэктура XVI–XVIII стст. / Т. В. Габрусь // Архітэктура Беларусі: нарысы. – Мінск, 2006. – Т. 2: XV – сярэдзіна XVIII ст. – С. 136–391.

Галенчанка, Г. Я. Францыск Скарына – беларускі і ўсходнеўрапейскі першадрукар / Г. Я. Галенчанка. – Мінск, 1993.

Галубовіч, В. Полоцкія ваяводы ў XVII стагоддзі / В. Галубовіч // БГЧ. – 2007. – № 11. – С. 37–42.

Ганецкая, І. В. Вытворчасць маёлікі на тэрыторыі Беларусі ў XI–XIII стст. / І. В. Ганецкая // ГАЗ. – 1993. – Вып. 1. – С. 43–64.

Ганецкая, І. У. Імпарт у Полацку X–XIII стст. па археалагічных матэрыялах / І. У. Ганецкая // ГАППЗ / Матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППГКМЗ, 2002. – Полацк, 2003. – С. 50–58.

Гардзееў, М. Сымон Полацкі: сям’я і роднасныя сувязі / М. Гардзееў // Штогоднік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі / пад рэд. М. Касцюка. – Мінск, 1999. – С. 40–47.

Гардзееў, М. Дакументы па гісторыі рамяства ў актавай кнізе полацкага магістрата за 1656–1657 гг. / М. Гардзееў // БГА. – Т. 10, сш. 1–2 (18–19). – 2003. – С. 175–187.

Гардзееў, М. Акты па аперацыях з нерухомай уласнасцю ў полацкіх магістрацкіх кнігах другой паловы XVII ст. / М. Гардзееў // СРН. – 2004. – Т. 1. – С. 50–58.

Гардзееў, Ю. Магдэбургская Гародня / Ю. Гардзееў. – Гародня ; Wrocław, 2008.

Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578–1582) / Р. Гейденштейн. – СПб., 1889.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Генрих Латвийский. – М. ; Л., 1938.

Географический словарь Российского государства. – М., 1805. – Ч. 4. – Отд. 1.

Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М., 1988.

Гильдебрандт, Г. Немецкая контора в Полоцке / Г. Гильдебрандт // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига, 1879. – Т. 2. – С. 44–75.

Гістарычны атлас Беларусі. – Варшава ; Мінск, 2008. – Т. 1: Беларусь ад старажытных часоў да канца XVIII ст.

Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. – Мінск, 1936. – Т. I: IX–XVIII стст.

Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2000– . – Т. 1: Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст.; Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – 2007.

Гісторыя Беларускай ССР. – Мінск, 1972. – Т. 1.

Глинник, В. В. Архитектурный проект. Общая пояснительная записка. Раздел 1 Объект 06-98 ОПЗ / В. В. Глинник, В. Д. Старостин. – Минск, 2001.

Глинник, В. Благоустройство территории комплекса Иезуитского коллегиума в г. Полоцке. Комплексные научные изыскания / В. Глинник. – Минск, 2004.

Гліннік, В. Ваконная шуфляда XVIII стагодзя / В. Гліннік // Архитектура и строительство Беларуси. – 1993. – № 2. – С. 1–32.

Гліннік, В. Полацкія саборныя цэрквы (X–XX стст.) / В. В. Гліннік // Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі: зб. навук. прац. – Наваполацк, 2001. – С. 198–205.

Гліннік, В. В. Да гісторыі будаўнічай актыўнасці полацкіх езуітаў у фальварку Спас / В. В. Гліннік // ГАППЗ / Матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк: НПКМЗ, 2002. – Полацк, 2003. – С. 64–73.

Гліннік, В. В. Невядомая познегатычная выява полацкай трагедыі 1563 г. / В. В. Гліннік // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навук.-даслед. работы ў 2004 г.). – Полацк, 2004. – С. 143–159.

Говорский, К. А. Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги / К. А. Говорский // Записки императорского Археологического общества / императорское Археологическое общество. – СПб., 1853. – Т. 5. – Приложения. – С. 88–97.

Говорский, К. Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря / К. Говорский // Вестн. западной России. – Вильна, 1865. – Т. 2.

Голенченко, Г. Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в. / Г. Я. Голенченко. – Минск, 1989.

Голубева, Л. А. Назначение железных игл с кольцами / Л. А. Голубева // СА. – 1971. – № 4. – С. 114–125.

Голубинский, Е. История русской церкви / Е. Голубинский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1901. – Т. 1.

Голубовский, П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия / П. В. Голубовский. – Киев, 1895.

Гордеев, М. Ю. Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя / М. Ю. Гордеев // Славяноведение. – 1999. – № 2. – С. 37–47.

Горский, А. А. Русь: от славянского расселения до Московского царства / А. А. Горский. – М., 2004.

Горюнова, В. М. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси / В. М. Горюнова, В. А. Лапшин // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова / под ред. А. Н. Кирпичникова, В. Н. Седых. – СПб., 2004. – С. 55–72.

Готье, Ю. В. Железный век в Восточной Европе / Ю. В. Готье. – М., 1930. – С. 233.

Гранстрем, Е. М. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавляхийские, сербские / Е. М. Гранстрем. – Л., 1953.

Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – Л., 1953.

Грицкевич, А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (социальное экономическое исследование истории городов) / А. П. Грицкевич. – Минск, 1975.

Грицкевич, В. П. Медицинское дело в феодальном Полоцке / В. П. Грицкевич // Здравоохранение Белоруссии. – 1964. – № 2. – С. 77–80.

Громыко, А. О подольских денариях Константина Кориатовича / А. Громыко // Банкаўскі веснік (= Банковский вестник). – Минск, 2010. – № 7 (480). – С. 68–71.

Груша, А. Недоверие – не из-за него ли появился письменный акт? / А. Груша // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2010а. – № 1. – С. 131–156.

Груша, А. І. Мяноўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошній трэці XIV – першай трэці XV ст. / А. І. Груша. – Мінск, 2010б.

Груша, А. І. Дакументы як сродак пісьмовай камунікацыі паміж палачанамі і рыжанами ў канцы XIV – пачатку XVI стст. / А. І. Груша // *Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў* (Беларускае Падзвінне): зб. навук. прац міжнар. навук. канф., прысвеч. 160-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова. – Полацк, 21–23 крас. 2011 г.: у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача. – Наваполацк, 2011. – Ч. 2. – С. 50–53.

Груша, А. Насколько полным должно быть описание печати при издании актовых источников эпохи Средневековья? / А. Груша // *Сфрагистичний щорічник*. – Київ, 2011а. – С. 259–297.

Губер, Ж. Иезуиты. Их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии / Ж. Губер. – СПб., 1898.

Гуляев, В. И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии / В. И. Гуляев // *КСИА РАН*. – 2010. – Вып. 224. – С. 5–19.

Гуревич, А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А. Я. Гуревич. – М., 1970.

Гурин, М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. / М. Ф. Гурин. – Минск, 1987.

Гурын, М. Ф. Жалезныя вырабы XIV–XVII ст. з Віцебска / М. Ф. Гурын // *Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук*. – Мінск, 1981. – № 5. – С. 97–104.

Гурын, М. Ф. Імпартныя кавальскія вырабы (X–XVII стст.) на Беларусі / М. Ф. Гурын // *Вес. АН Беларусі. – Сер. гуманіт. навук*. – Мінск, 1994. – № 3.

Гурын, М. Ф. Апрацоўка чорных металаў / М. Ф. Гурын // *Археалогія Беларусі*. – Мінск, 2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.]; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – С. 256–260.

Дагаворная грамата полацкага князя Глеба і полацкага епіскапа Рыгора з Лівонскім магістрам і Рыгай пра парадак гандлю (не раней 01.11.1338 г. — не пазней 1341 г.) // *Памяць: гіст.-дакумент. хроніка Полацка* / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 144.

Дайга, И. В. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) / И. В. Дайга // *СА*. – 1960. – № 3. – С. 78–92.

Далэнга-Хадакоўскі, З. Выбранае / З. Далэнга-Хадакоўскі; уклад., прадм., камент. Л. Мараш. – Мінск, 2007.

Данилевич, В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. – Киев, 1896.

Данилевич, В. Е. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. – Юрьев, 1898.

Данилевич, В. Е. К вопросу о Параскеве-Прокседе, княжне полоцкой / В. Е. Данилевич. – Харьков, 1905.

Даркевич, В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве / В. П. Даркевич // *СА*. – 1961. – № 4. – С. 90–101.

Даркевич, В. П. К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным) / В. П. Даркевич // *КСИА*. – 1974. – Вып. 138. – С. 93–103.

Даўгяла, З. Polociae mosnia. Гістарычна-тапаграфічны нарыс полацкіх умацаванняў / З. Даўгяла // Зап. аддз. гуманіт. навук. Працы кляса гісторыі. – Мінск, 1928. – Т. 2, кн. 3. – С. 209–239.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М., 1976.

Дворниченко, А. Ю. Земская и государственная традиции в истории дореволюционной России / А. Ю. Дворниченко // История. Мир прошлого в современном освещении: сб. науч. статей, посвящ. 75-летию проф. Э. Д. Фролова. – СПб., 2008. – С. 459–474.

Дерябин, В. Е. Биометрическая обработка антропологических данных с применением компьютерных программ / В. Е. Дерябин ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Науч.-исслед. ин-т и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина. – М., 2004. – Деп. в ВИНТИ. – № 34-B2004.

Джаксон, Т. Н. Austr i Gordum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т. Н. Джаксон. – М., 2001.

Дзярновіч, А. І. Гарадская сядзіба Полацка XVII ст. (паводле інвентара з Радзівілаўскага архіва) / А. І. Дзярновіч // ГАППЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф. – Полацк: НПГКМЗ, 2007. – Полацк, 2009. – С. 65–75.

Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) / пер. О. Н. Милевского. – Псков, 1882.

Довнар-Запольский, М. В. Очерк истории кривичских и дреговичских земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891.

Доўнар, А. Пацвяджальны прывілей Полацку 1633 г. (нарыс з гісторыі Полацка 30-х гг. XVII ст.) / А. Доўнар // СРН. – Полацк, 2004. – Т. 1. – С. 43–49.

Древнесеверные саги и песни скальдов в переводе русских писателей (I–VI саги). – СПб, 1903.

Дроченина, Н. Н. Берестяная грамота из Витебска / Н. Н. Дроченина, Б. А. Рыбаков // СА. – 1960. – № 1. – С. 282–283.

Дружиловский, П. Л. Исторические судьбы Витебской губернии с конца XII века до начала XVI века / П. Л. Дружиловский // Памятная книжка Витебской губернии за 1867 год. – СПб., 1867.

Дук, Д. У. Полацкая кафля XIV – сярэдзіны XVI ст. / Д. У. Дук // ГАЗ. – 2001. – № 16. – С. 167–173.

Дук, Д. Цеплыня ад цеплыні: дэкор полацкай кафлі XVII ст. / Д. Дук // Мастацтва. – 2001а. – № 5. – С. 42–46.

Дук, Д. У. Аб адным «паралельным» сюжэце полацкай і магілёўскай кафлі з выявамі рыцараў / Д. У. Дук // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: зб. навук. прац. / уклад. І. А. Пушкін. – Магілёў, 2001б. – С. 47–51.

Дук, Д. Полацкая кафля і вера палачанаў / Д. Дук // Спадчына. – 2001в. – № 1–2. – С. 163–169.

Дук, Д. У. Культурныя сувязі палачан (па выніках вывучэння пячонкаў кафлі XIV–XVII стст.) / Д. У. Дук // Матэрыялы міжнар. навук. гіст.-краязн. канф., прысвеч. 75-годдзю Полацкага краянаўчага музея, Полацк, 18–19 мая 2001 г. / уклад. В. Д. Краско. – Полацк, 2001г. – С. 33–37.

Дук, Д. У. Археалагічны комплекс «Пабудова першай паловы XVI ст.» (па выніках раскопак 2001–2002 гг. на Вялікім пасадзе г. Полацка) / Д. У. Дук // ГАППЗ / Матэрыялы IV міжнар. навук. канф. – Полацк: НПГКМЗ, 2002. – Полацк, 2003. – С. 88–106.

Дук, Д. Феномен станаўлення дзяржаўнасці на землях полацкіх крывічоў (IX–XI стст.) / Д. Дук // Спадчына. – 2003а. – № 6. – С. 40–46.

Дук, Д. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI–XVIII вв. (по итогам археологического надзора на территории Великого посада в 2000–2002 гг.) / Д. В. Дук, А. А. Соловьев // ГАЗ. – 2004. – № 19. – С. 241–250.

Дук, Д. Да пытання тапаграфічнага развіцця Вялікага посада Полацка ў XI ст. / Д. Дук, С. Тарасаў // ГАЗ. – 2005. – № 20. – С. 163–168.

Дук, Д. У. Гісторыя Полацка: па матэрыялах археалагічных даследаванняў / Д. У. Дук. – Наваполацк, 2005а.

Дук, Д. Унікальная знаходка з Полацка – керамічная чарнільніца з выявай князёў Барыса і Глеба / Д. Дук // ГАЗ. – 2005б. – № 20. – С. 186–189.

Дук, Д. Аб полацкім некропалі X–XIII стст. / Д. Дук, М. Плавінскі // ГАЗ. – 2006. – № 22. – С. 173–186.

Дук, Д. Археалагічная разведка на Запалоцкім пасадзе Полацка ў 2003 г. / Д. Дук // МАБ. – 2006а. – № 11. – С. 104–113.

Дук, Д. Палата, Запалоцце, Полацк – пачатак сярэдневяковага горада / Д. Дук // БГЧ. – 2007. – № 3. – С. 33–36.

Дук, Д. Полацкая касцярэзная майстэрня XV – першай паловы XVI стст. / Д. Дук // АаА / уклад. М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Мінск, 2007а. – Vol. II (Вып. 2) – С. 86–101.

Дук, Д. У. Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага посада Полацка ў 2005 г. / Д. У. Дук // Вестн. ПГУ. Гуманит. науки. – 2007б. – № 1. – С. 2–15.

Дук, Д. У. Новыя знаходкі рэнесанснай кафлі ў Полацку (да пытання аб сацыятапаграфічнай структуры Запалоцкага посада ў першай палове XVI ст.) / Д. У. Дук, А. А. Салаўёў // Памятнікі эпохі жэлезы і сярэдневяковай Беларусі (к 60-летію О. Н. Левка) / МАБ. – 2007в. – № 14. – С. 215–221.

Дук, Д. У. Полацк XVI – XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д. У. Дук. – Наваполацк, 2007г.

Дук, Д. У. Станаўленне Полацка ў IX–XIII стст. // БГЧ. – 2007д. – № 11. – С. 25–31.

Дук, Д. У. Археалагічныя раскопкі на грунтовым могільніку Туржэц 2 Полацкага раёна / Д. У. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – Вып. 15. – С. 261–285.

Дук, Д. У. Ляпная кераміка і рэчавы комплекс вакольнага горада старажытнага Полацка (па выніках раскопак 2008 г.) / Д. У. Дук // Беларускае Падзвінне: зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 лістап. 2008. – Наваполацк, 2009. – С. 9–30.

Дук, Д. У. Рэчавы комплекс з раскопак на Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка ў 2004 і 2006 гадах / Д. У. Дук // АаА. – Vol. V (Вып. 5). – Мінск, 2009а. – С. 19–45.

Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк, 2010.

Дук, Д. У. Культурны пласт Полацка IX–XVIII стст. і бытавая кераміка / Д. У. Дук // Беларускае Падзвінне: зб. навук.-практ. канф.: у 2 ч., Полацк, 21–23 крас. 2011 г. – Наваполацк, 2011. – Ч. 1. – С. 47–54.

Дучыц, Л. У. Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIV ст. / Л. У. Дучыц. – Мінск, 1991.

Дучыц, Л. Познесярэдневяковыя курганы Беларусі / Л. Дучыц // ГАЗ. – 1998. – № 12. – С. 77–79.

Дэйніс, І. П. Полоцкая старина (исторические места, памятники старины г. Полоцка и ряд событий из его истории. Некоторые справочные материалы по г. Полоцку) / И. П. Дэйніс. – Полоцк, 1978. – Ч. II // НППГКМЗ. Кн. паступленняў-2. – Зап. 1422/8.

Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс; уклад., прад. і камент. М. Баўтовіча; пер. з руск. мовы М. Ермалаева. – Мінск, 2007.

Егоров, Ю. Градостроительство Белоруссии / Ю. Егоров. – М., 1954.

Емельянчик, О. А. Население Полоцка XVII–XVIII вв. по данным антропологии (по материалам раскопок на полоцком городище) / О. А. Емельянчик, И. В. Кошкин // *Вестн. ПГУ. Сер. А.* – 2009. – № 1. – С. 9–15.

Емельянчик, О. А. Смертность городского населения Беларуси XVII–XVIII вв. (по материалам погребений в Полоцке и Горах Великих) / О. А. Емельянчик // *Актуальные вопросы антропологии* / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 2010. – Вып. 5. – С. 251–266.

Емельянчик, В. А. Антрапалогія двух грунтовых могільнікаў курганнага перыяду (да пытання аб этнічнай сітуацыі на тэрыторыі Полацкай зямлі ў X–XIII стст.) / В. А. Емельянчик // *ГАППЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф.* – Полацк: НППКМЗ, 2007. – Полацк, 2009. – С. 279–286.

Емельянчик, В. А. Вынікі антрапалагічных даследаванняў на тэрыторыі Беларускага Падзвіння ў 1998–2008 гады / В. А. Емельянчик // *Беларускае Падзвінне: зб. навук. прац. рэсп. навук.-практ. семінара*, Полацк, 20–21 лістап. 2008. – Наваполацк, 2009а. – С. 30–37.

Ениосова, Н. В. Литейные формы Гнёздова / Н. В. Ениосова // *Историческая археология. Традиции и перспективы* (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). – М., 1998. – С. 67–81.

Ениосова, Н. В. Тигли Гнёздовского поселения / Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян // *Археолог. сб. Памяти Марии Васильевны Фехнер: тр. ГИМ.* – М., 1999. – Вып. 111. – С. 54–63.

Ениосова, Н. В. Латуни средневекового Новгорода / Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева // *Новгород и новгородская земля. История и археология.* – 2000. – Вып. 14. – С. 99–111.

Ениосова, Н. В. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования) / Н. В. Ениосова, Т. Г. Сарачева / Н. В. Ениосова // *КСИА.* – 2006а. – Вып. 220. – С. 86–101.

Ениосова, Н. В. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного города» домонгольского Владимира / Н. В. Ениосова, Ю. Э. Жаров // *РА.* – 2006б. – № 2. – С. 64–80.

Ениосова, Н. В. Плавильные сосуды новгородских ювелиров / Н. В. Ениосова, Т. Ререн // *Новгородские археолог. чтения–3.* – Великий Новгород, 2011. – С. 243–254.

Енуков, В. В. Погребальный обряд славян Смоленского Поднепровья и Витебского Подвинья / В. В. Енуков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.

Енуков, В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей / В. В. Енуков. – М., 1990.

Еремеев, И. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой / И. Еремеев, Г. Штыхов // *АаА.* – Vol. I. (Вып. 1). – Минск, 2007. – С. 110–134.

Еремеев, И. Лепная керамика средневекового Витебска / И. Еремеев, Т. Бубенько, Г. Штыхов // *АаА.* – Vol. II (Вып. 2). – Минск, 2007а. – С. 5–24.

Еремеев, И. И. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / И. И. Еремеев, О. Ф. Дзюба. – СПб., 2010.

Еремин, И. П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург / И. П. Еремин // *Симеон Полоцкий: избр. соч. / подгот. текста, статья и коммент. И. П. Еремина.* – М., 1953.

Еремин, И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого / И. П. Еремин // *Лекции и статьи по истории древней русской литературы.* – М., 1987.

Ермаловіч, М. «Яко луна сонечная...» / М. Ермаловіч // *Полымя.* – 1973. – № 8.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном экономическом и бытовом значении / под ред. П. П. Семенова. – СПб.; М., 1882. – Т. 3, ч. 1: Литовское Полесье; ч. 2: Белорусское Полесье.

Житие преподобной Евфросиньи, княжны полоцкой / изд. А. Сапуновым. – Витебск, 1888.

Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск, 1982.

Загорульский, Э. М. Древняя история Белоруссии: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада / Э. М. Загорульский. – М., 1983.

Загарульскі, Э. М. Заходняя Русь: IX–XIII стст.: вучэб. дапам. / Э. М. Загарульскі. – Мінск, 1998.

Зайцева, И. Е. Производственные ювелирные комплексы Серенского детинца и их место в системе застройки (XII–XV вв.) / И. Е. Зайцева // Тр. VI МКСА. – М., 1998. – Т. 2: Славянский средневековый город. – С. 100–113.

Зайцева, И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра / И. Е. Зайцева // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров; Ин-т археологии РАН. – М., 2007. – С. 57–142.

Заяц, Ю. А. Заславль X–XVIII веков / Ю. А. Заяц. – Минск, 1987.

Заяц, Ю. А. Менская земля / Ю. А. Заяц // БГЧ. – 1993. – № 4. – С. 8–15.

Заяц, Ю. А. Полоцкие события «Саги об Эймунде» / Ю. А. Заяц // Полоцкий летописец. – Полоцк, 1993а. – № 1 (2). – С. 5–11.

Заяц, Ю. А. У истоков Белорусской государственности / Ю. А. Заяц // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. – Мінск, 1994. – Ч. 1: Гісторыя Беларусі. – С. 24–28.

Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск, 1995.

Заяц, Ю. А. О постройке с изразцовыми печами возле княжеского терема в Полоцке / Ю. А. Заяц // ГАЗ. – 1997. – № 12. – С. 92–102.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Віцебская вобласць. – Мінск, 1985.

Зверуго, Я. Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.) / Я. Г. Зверуго. – Минск, 1975.

Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго. – Минск, 1989.

Зверуго, Я. Г. Селище Микольцы (исследования 1983 г.) / Я. Г. Зверуго, А. М. Медведев // МАБ. – 2003. – Вып. 7. – С. 85–110.

Звяруга, Я. Г. Рэчавы інвентар / Я. Г. Звяруга // Археалогія Беларусі. – Мінск, 2000. – Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Я. Г. Звяруга [і інш.]; навук. рэд. П. Ф. Лысенка. – С. 370–423.

Звяруга, Я. Г. Даследаванні на Каложскім плато ў Гродне / Я. Г. Звяруга // ГАЗ. – 2006. – Вып. 21. – С. 137–147.

Здановіч, Н. І. Справаздача пра археалагічныя раскопкі для рэканструкцыі жылога дома па вул. Фрунзе ў г. Полацку ў 1989 г. / Н. І. Здановіч // Фонды Нац. Полацкага гіст.-культур. музея-запаведніка. – Спр. № 14.

Здановіч, Н. І. Белоруская палітаяная кераміка XI–XVIII стст. / Н. І. Здановіч, А. А. Трусаў. – Мінск, 1993.

Здановіч, Н. І. Матэрыяльная культура Міра і Мірскага замка / Н. І. Здановіч, А. К. Краўцэвіч, А. А. Трусаў. – Мінск, 1994.

Здановіч, Н. І. Полацкая кафля канца XVI – XVII ст. / Н. І. Здановіч // ГАЗ. – 1997. – № 12. – С. 103–125.

Здановіч, Н. І. Комплекс рэчаў з пабудовы XVI ст. з Полацка / Н. І. Здановіч // ГАППЗ / Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППГКМЗ, 1997. – Полацк, 1998. – С. 125–140.

Здановіч, Н. І. Да пытання рэканструкцыі старажытнай забудовы Полацка / Н. І. Здановіч // ГАППЗ // Матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк: НПКМЗ, 2002. – Полацк, 2003. – С. 131–137.

Зоценко, В. М. Экспорт зброі Кіева в Південно-східну Прибалтику / В. М. Зоценко // Археологія. – Київ, 1983. – № 44. – С. 47–62.

Иванаускас, Э. Проволочные литовские монеты 14–15 вв.: новые данные / Э. Иванаускас // Tarptautinė numizmatikos konferencija, skirta Lietuvos nacionalinio muziejaus 150-mečiui: pranešimų tezės, Vilnius, 2006 m. balandžio 26–28 d. / International Numismatic Conference, Marking the 150-th anniversary of the National Museum of Lithuania: lecture summaries, Vilnius, April 26–28, 2006 / Междунар. нумизмат. конф., посвящ. 150-летию Нац. музея Литвы: тез. докл., Вильнюс, 26–28 апр. 2006 г. – Вильнюс, 2006. – С. 121–124.

Иванова, Л. С. Из истории реформационной церкви в Полоцке (вторая половина XVI – первая половина XVII в.) / Л. С. Иванова // ГАППЗ // Матэрыялы II Міжнар. навук. канф. – Полацк: НПКМЗ, 1992. – Полацк, 1992. – С. 25–27.

Игнатенко, А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII вв. / А. П. Игнатенко. – Минск, 1963.

Иезуиты в Полоцке: 1580–1820 гг.: в 2 ч. / сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. И. Судник // Наследие Полоцкой земли. – Полоцк, 2005. – Ч. 1, вып. 2.

Иконников, В. С. Опыт русской историографии / В. С. Иконников. – Киев, 1908. – Т. 2, кн. 1.

Иловайский, Д. История России / Д. Иловайский. – М., 1880. – Т. 1, ч. 2.

Ильин, А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков / А. А. Ильин. – Пг., 1921.

Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Сазонова (ИЮМ). – Витебск, 1871–1903. – Вып. 2. 1871; Вып. 4. 1873; Вып. 5. 1874; Вып. 6. 1875; Вып. 22. 1891; Вып. 23. 1892; Вып. 25. 1894; Вып. 26. 1895; Вып. 28. 1900; Вып. 29. 1901.

Исторические записки. – 1952. – № 40. – С. 224.

История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1966. – Т. 1.

Казакова, Н. А. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X – начале XIII века / Н. А. Казакова // Проблемы истории феодальной России. – Л., 1971.

Казакевичюс, В. К. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы / В. К. Казакевичюс; автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Вильнюс, 1984.

Калечыц, І. Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. / І. Л. Калечыц. – Мінск, 2011.

Калядзінскі, Л. У. Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска / Л. У. Калядзінскі // Заслаўскія чытанні 1995 г. – Заслаўе, 1997. – С. 57–60.

Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1842. – Т. 1–4, кн. 1.

Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. – Тула, 1990. – Т. VII–IX, кн. 3.

Каргер, М. К. Древний Киев / М. К. Каргер. – М.; Л., 1958. – Т. 1.

Каргер, М. К. Памятники древнего зодчества Белоруссии / М. К. Каргер // Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исследований 1962 г. – М., 1963. – С. 24–27.

Каргер, М. К. К истории полоцкого зодчества XII в. (Руины вновь открытого храма на Верхнем замке) / М. К. Каргер // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 202–209.

Каргер, М. К. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке / М. К. Каргер // СА. – 1977. – № 1. – С. 241–244.

- Касьярович М.* Беларуская архітэктура / М. Касьярович. – Віцебск, 1925.
- Кацер, М. С.* Белорусская архитектура: ист. очерк / М. С. Кацер. – Минск, 1956.
- Каштанов, С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI в. / С. М. Каштанов. – М., 1996.
- Квитницкая, Е. Д.* Коллегиумы Белоруссии XVII в. / Е. Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – М., 1969. – № 18. – С. 3–14.
- Квитницкая, Е. Д.* Белорусские коллегиумы XVIII в. / Е. Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – М., 1972. – № 19. – С. 12–27.
- Квітніцкая, Е. Д.* У Полацку бачыў святога Стэфана... / Е. Д. Квітніцкая // Страчаная спадчына / Т. В. Габрусь [і інш.]; уклад. Т. В. Габрусь. – Мінск, 1998.
- Квяткоўская, А. В.* Даследаванне каменных магіл каля в. Ваўча Докшыцкага і в. Перавоз Глыбоцкага раёнаў / А. В. Квяткоўская // ГАППЗ / Матэрыялы II Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППГКМЗ, 1992. – Полацк, 1992. – С. 30–32.
- Квятковская, А. В.* Ягвяжские могильники Беларуси (конец XI – XVII вв.) / А. В. Квятковская. – Вильнюс, 1998.
- Кирпичников, А. Н.* Древнерусское оружие / А. Н. Кирпичников. – Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ / под общ. ред. Б. А. Рыбакова. – М.; Л., 1966. – Вып. Е1–36.
- Кізюкевіч, Н. А.* Знаходкі сярэднявечных ювелірных інструментаў на помніках Беларускага Панямоння / Н. А. Кізюкевіч // МАБ. – Мінск, 2010. – Вып. 19: Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны. – С. 92–99.
- Клейнберг, И. Э.* О денежных единицах в «Памяти, как торговали доселе новгородцы» / И. Э. Клейнберг // ВИД. – 1982. – Вып. XIII. – С. 148–155.
- Клімаў, М.* Акруга Полацка ў X–XIII стагоддзях: сутнасць і вытокі фармавання / М. Клімаў // Полацк: карані нашага радавода: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Наваполацк, 5–6 верас. 1995 г. / Полац. дзярж. ун-т. – Полацк, 1996. – С. 36–40.
- Клімаў, М.* Уплыў сельскай акругі на станаўленне і развіццё старажытнага горада на тэрыторыі Беларусі (на прыкладзе акругі г. Полацка) / М. Клімаў // Беларусь у сістэме трансэўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н. э.: тэз. дакл. і паведам. Міжнар. канф., Мінск, 12–15 сак. 1996 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1996а. – С. 42–43.
- Клімаў, М. В.* Новыя дадзеныя аб курганным могільніку каля в. Дзмітраўшчына / М. В. Клімаў, С. В. Тарасаў // ГАЗ. – 1997. – № 12. – С. 148–160.
- Клімаў, М. В.* Ваколіца Полацка: гісторыя ў кантэксце археалагічных крыніц / М. В. Клімаў // ГАППЗ / Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППГКМЗ, 1997. – Полацк, 1998. – С. 147–159.
- Клімаў, М. В.* Полацкае княства ў IX–XI стст. / М. В. Клімаў // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2000. – Т. 1. – С. 148–166.
- Клімаў, М. В.* Лучна 1: Стратыграфія і храналогія феадальнай сядзібы / М. В. Клімаў // ГАППЗ / Матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППГКМЗ, 2002. – Полацк, 2003. – С. 150–159.
- Клімаў, М. В.* Матэрыялы да рэканструкцыі печаў з посуданадобнай кафляй / М. В. Клімаў // МАБ. – 2003а. – № 7. – С. 148–154.
- Клімаў, М. В.* Актуальныя пытанні вывучэння вясковых паселішчаў Полацкага Падзвіння / М. В. Клімаў // Наука и инновации. – 2004. – № 3. – С. 60–63.
- Клімаў, М. В. Е. Р.* Раманаў і праблема грунтовых могільнікаў Падзвіння / М. В. Клімаў // «Открыть миру душу белоруса...» / Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч.

150-годдзю з дня нараджэння Е. Р. Раманава, Гомель, 25–26 кастр. 2005 г. – Гомель, 2005. – С. 51–54.

Клімаў, М. В. Асаблівасці рассялення ў акрузе Полацка: X–сярэзіна XVI ст. / М. В. Клімаў // ГА3. – 2006. – № 21. – С. 130–136.

Клімаў, М. В. Да пытання аб крытэрыях вызначэння палону ў святле археалагічных крыніц / М. В. Клімаў // ГА3. – 2006а. – № 22. – С. 169–172.

Клімаў, М. В. Аб адной групе паселішчаў на тэрыторыі Полацкага Падзвіння ў XI–XIII стст. / М. В. Клімаў // Актуальныя праблемы і з гісторыі і сучаснасці ў агульнай і спецыяльнай гісторыі, а таксама ў гісторыі культуры і мастацтва Беларусі, бліжняга і далёкага замежжя: матэрыялы Міжнароднага навукова-практычнага канферэнцыі, Витебск, 19–20 апр. 2007 г. – Витебск, 2007. – Ч. I. – С. 33–35.

Клімаў, М. Археалагічныя працы 1996 года на Востраве ў Полацку / М. Клімаў // АаА. – Мінск, 2009. – Vol. V (Вып. 5). – С. 46–53.

Клімаў, М. В. Новае адкрыццё ў храналогіі старажытнага Полацка / М. В. Клімаў // БГЧ. – 2010. – № 5. – С. 5–7.

Клімаў, М. В. Новыя звесткі аб гісторыі Запалоцкага пасада г. Полацк (па выніках раскопак 2008 г.) / М. В. Клімаў // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навукова-практычнага канферэнцыі, прысвечанага 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага, 22–23 кастр. 2009 г. – Віцебск, 2010а. – С. 39–48.

Клімаў, М. В. Новыя даныя аб Запалоцкім пасадзе ў Полацку (па выніках раскопак 2008 г.) // МАБ. – 2011. – Вып. 21. – С. 74–98.

Климов, М. В. Проблема феодальных усадеб незамкового типа на территории Беларуси: XI–XVI вв. (по материалам памятника Лучно 1) / М. В. Климов // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы LI науч. семинара. – Псков, 2006. – С. 293–303.

Книга полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). – СПб., 2004.

Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственное Сигизмунда-Августа с 1545 по 1572 гг. – М., 1843. – Т. I.

Коваленко, В. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. / В. Коваленко, А. Моця, Ю. Сытый // Дружинні старожитнасці Цэнтральна-Сходнага Еўропы VIII–XI ст. – Чернігів, 2003. – С. 51–83.

Козубовський, Г. А. Сіверські монети XIV ст. / Г. А. Козубовський – Київ, 1992.

Колединский, Л. В. Раскопки в Витебске / Л. В. Колединский // АО 1979 г. – М., 1980. – С. 364–365.

Колединский, Л. Аксиомы, теоремы и софизмы в интерпретации становления Верхнего замка Витебска / Л. Колединский // *Castrum, urbis et bellum*: зб. навуковых прац. – Баранавічы, 2002. – С. 219–231.

Колосова, И. О. Улицы Полонища: XV–XVIII вв. / И. О. Колосова // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 50-го научного семинара: сб. статей / под ред. В. В. Седова. – Псков, 2004. – С. 39–60.

Колчин, Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) / Б. А. Колчин // МИА. – 1953. – № 32: Труды новгородской археологической экспедиции. – С. 5–258.

Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // МИА. – 1959. – № 65: Труды новгородской археологической экспедиции. – С. 7–120.

Колчин, Б. А. Археологии Новгорода 50 лет / Б. А. Колчин, В. Л. Янин // Новгородский сб. (50 лет раскопок Новгорода). – М., 1982. – С. 3–137.

Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник (50 лет раскопок Новгорода). – М., 1982а. – С. 156–177.

Комеч, А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. / А. И. Комеч. – М., 1987.

Кондратьева, О. А. Древнерусские гребни IX–XI вв.: местное производство и общеевропейские традиции / О. А. Кондратьева // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: в 2 т. – СПб.; Псков, 1997. – Т. 1. – С. 300–308.

Копысский, З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З. Ю. Копысский. – Минск, 1966.

Копысский, З. Ю. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З. Ю. Копысский. – Минск, 1975.

Корзухина, Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина. – М.; Л., 1954.

Корзухина, Г. Ф. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. – СПб., 2003.

Котлярчук, А. С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность / А. С. Котлярчук. – СПб., 2001.

Кошман, В. Выраз перагародчатай эмаллю з раскопак Полацка ў кантэксце сінхронных знаходак з тэрыторыі Беларусі / В. Кошман // Археалаг. зб. / Нац. музей гісторыі і культуры Беларусі; уклад. М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Мінск, 2006. – Вып. 1. – С. 66–69.

Коялович, М. О. Лекции по истории западной России / М. О. Коялович. – М., 1864.

Красовицкий, П. М. Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение / П. М. Красовицкий // Полоцко-Витебская старина. – Витебск, 1911. – Ч. 1. – С. 119–141.

Красьянскі, В. «Чарцёж» места Віцебску 1664 году як дакументальны помнік да гісторыі беларускага драўлянага будаўніцтва / В. Красьянскі. – Мінск, 1928.

Кропоткин, В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе / В. В. Кропоткин // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С. 111–117.

Кудрявцев, М. Русский православный храм: Символический язык архитектурных форм / М. Кудрявцева, Т. Кудрявцева // Символика русского храмоздательства. К свету. – М., 1994. – Вып. 17. – С. 65–87.

Куза, А. В. Древнерусские поселения / А. В. Куза // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. – М., 1985. – С. 39–135.

Кузьмин, А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. / А. В. Кузьмин // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2007. – № 4. – С. 50–68.

Кукуня, О. Объект: Памятник архитектуры XVIII в. (корп. «А» изуитского коллегиума в г. Полоцке). Эскизный проект, комплексные научные изыскания. Историко-архивные и библиографические исследования / О. Кукуня, В. Соболев. – Минск, 1994. – Т. 2, кн. 5.

Кукуня, О. Объект: историко-культурная ценность изуитский коллегиум в г. Полоцке (корп. «Б» и «В»). Историко-архивные и библиографические исследования / О. Кукуня, В. Соболев. – Минск, 2001.

Кусцинский, М. Ф. Из заметок о курганах Лепельского уезда / М. Ф. Кусцинский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – № 7. – С. 232–235.

Лабутина, И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. / И. К. Лабутина. – М., 1985.

Лазарев В. Н. Новгородская иконопись / В. Н. Лазарев. – М., 1969.

Лаппо, И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586) / И. Лаппо. – СПб., 1901. – Т. 1.

- Латвийский, Г.* Хроника Ливонии / Г. Латвийский. – М.; Л., 1938.
- Лебедев, Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе / Г. С. Лебедев. – Л., 1985.
- Левко, О. Н.* Витебск XIV–XVIII вв.: (Стратиграфия, хронология, соц.-ист. топография и технология пр-ва) / О. Н. Левко. – Минск, 1984.
- Левко, О. Н.* Дроздовский курганный могильник / О. Н. Левко // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: ист.-археол. семинар: тез. докл. – Чернигов, 1988. – С. 78–80.
- Левко, О. Н.* Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. / О. Н. Левко. – Минск, 1989.
- Левко, О. Н.* Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко. – Минск, 1992.
- Левко, О. Н.* Начальный этап формирования Полоцкого государства / О. Н. Левко // Полацк: карані нашага радавода. Полацкая зямля як сацыякультурная прастора ўзнікнення і развіцця беларускага этнасу нацыянальнай дзяржаўнасці. – Полацк, 1996. – С. 36–41.
- Левко, О. Н.* Население Днепродвинского междуречья в VI–XI вв. (Этнический состав, социальная и территориальная структура) / О. Н. Левко // Этногенез и этнокультурные контакты славян: труды VI МКСА. – М., 1997. – Т. 3. – С. 156–165.
- Левко, О. Н.* Друцк и Друцкая волость (историко-археологическая реконструкция) / О. Н. Левко // Древнему Друцку 1000 лет: материалы к науч.-практ. конф. – Витебск, 2001. – С. 5–13.
- Левко, О. Н.* Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I – начале II тысячелетия / О. Н. Левко // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. – 2001а. – № 1(8). – С. 16–29.
- Левко, О. Н.* Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси (формирование и развитие) / О. Н. Левко. – Минск, 2004.
- Левко, О. Н.* Перемена местоположения Менска в связи с формированием раннегосударственной территориально-административной структуры в Полоцкой земле / О. Н. Левко // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. – Мінск, 2008. – С. 41–47.
- Левко, О. Н.* Витебск / О. Н. Левко. – Минск, 2010.
- Левко, О. Н.* Витебск на пути «из варяг в греки» / О. Н. Левко // Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка) // МАБ. – 2011а. – Вып. 21. – С. 154–159.
- Левко, О.* Курганные древности X–XI вв. В окрестностях Друцка и друцких волоков / О. Левко // АаА. – Vol. VII. – 2011f. – С. 159–178.
- Левшун, Л. В.* «Житие преподобной Евфросинии Полоцкой» как исторический источник: факты, образы, интерпретации / Л. В. Левшун // Studia historica Europae orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. – Минск, 2009. – Вып. 2. – С. 252–268.
- Литаврин, Г. Г.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX–XV вв. / Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин // История СССР. – 1970. – № 4.
- Лобач, У. А.* Да пытання аб сакральнай тапаграфіі старажытнага Полацка / У. А. Лобач // ГАППЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППГКМЗ, 2007. – Полацк, 2009. – С. 112–119.
- Ловмянский, Г. О.* Происхождении русского боярства / Г. О. Ловмянский // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978.
- Лысенко, П. Ф.* Берестье / П. Ф. Лысенко. – Минск, 1985.
- Лысенко, П. Ф.* Открытие Берестья / П. Ф. Лысенко. – Минск, 1989.
- Лысенко, П. Ф.* Туровская земля IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. – Минск, 1999.

Львівська національна наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України. – Ф. 103. – Спр. 1. – Арк. 6780.

Любавский, М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-русского государства / М. К. Любавский. – М., 1892.

Любавский, М. К. Литовско-русский сейм / М. К. Любавский. – М., 1900.

Любавский, М. К. Историческая география России в связи с колонизацией: Курс, читанный в московском университете в 1908–1909 гг. / М. К. Любавский. – М., 1909.

Любавский, М. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. Любавский. – 2-е изд. – М., 1915.

Любомиров, П. Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII–IX вв. / П. Г. Любомиров // Ученые записки Саратов. гос. ун-та. – Саратов, 1923. – Вып. 3. – С. 1–37.

Лютый, А. М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А. М. Лютый ; под. ред. В. В. Чепко. – Минск, 1987.

Ляўданскі, А. М. Археалёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе / А. М. Ляўданскі // Зап. аддз. гуманіт. навук БАН. – Мінск, 1930. – Т. 2, кн. 11: Працы археалёг. камісіі. – С. 157–198.

Ляўданскі, А. Кароткае паведамленьне аб досьледах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930–1931 гг. / А. Ляўданскі // Працы сэкцыі археалёгіі. – Мінск, 1932. – Т. 3. – С. 230–235.

Ляўко, В. М. Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) / В. М. Ляўко // ГАЗ. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 172–180.

Ляўко, В. М. Раннесярэднявечнае грамадства на тэрыторыі Беларусі (структура, служылыя арганізацыі, павіннасці) / В. М. Ляўко // Штогоднік Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 1999. – С. 17–25.

Ляўко, В. М. Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы / В. М. Ляўко // ГАЗ. – Мінск, 2000. – № 15. – С. 116–122.

Лященко, А. И. «Eumundar Saga» и русские летописи / А. И. Лященко // Известия АН СССР. – 1926. – Т. 20, вып. 12. – Сер. 6. – С. 1061–1086.

Магалінскі, І. У. Абудковыя падкоўкі XIV–XVIII стагоддзяў (па матэрыялах археалагічных даследаванняў у г. Полацку ў 2000–2008 гадоў) / І. У. Магалінскі // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку). – Наваполацк, 2009. – С. 50–55.

Магалінскі, І. У. Вытворчыя ювелірныя комплексы старажытнага Полацка (X–XVII стст.) / І. У. Магалінскі // МАБ. – 2011. – № 21. – С. 115–121.

Магалінскі, І. У. Ліцейныя формы і тыглі для плаўкі каляровых металаў з тэрыторыі Полацка (X–XVII стст.) / І. У. Магалінскі // МАБ. – № 21. – 2011а. – С. 184–193.

Майоров, А. В. Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода / А. В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 2. – С. 5–25.

Макараў, М. Д. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. / М. Д. Макараў. – Мінск, 2008.

Макарова, Т. И. Поливная керамика / Т. И. Макарова, Р. Л. Розенфельдт // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 28–30.

Макарова, Т. И. Украшения с перегородчатой эмалью / Т. И. Макарова // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997а. – С. 55–60.

Русское зодчество. – М., 1953. – Вып. 2.

Максимов, П. Н. Творческие методы древнерусских зодчих / П. Н. Максимов. – М., 1976.

Макушников, О. А. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия / О. А. Макушников // Старожитності Південної Русі: матеріали III іст.-археолог. семінару «Чернігів і його

округа IX–XIII ст.», Чернігів, 15–18 травня 1990 р. / редкол.: П. П. Толочко [та інш.]. – Чернігів, 1993. – С. 121–130.

Макушников, О. Между Гнездовом и Киевом: моховский археологический комплекс X–XI вв. на юго-востоке Беларуси / О. Макушников // ГАЗ. – 2006. – № 22. – С. 130–138.

Марзалюк, І. Да пытання аб адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці і сацыяльным статусе Магілёва у XII–XIII стст. / І. Марзалюк // ГАППЗ / Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППГКМЗ, 1997. – Полацк, 1998. – С. 178–185.

Марзалюк, І. А. Магілёў у XII–XVIII ст. Людзі і рэчы / І. А. Марзалюк. – Магілёў ; Мінск, 1998а.

Марзалюк, І. А. Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI–XVIII стст. (Этнаканфесійны склад насельніцтва, этнічныя і канфесійныя стэрэатыпы беларускіх гараджан) / І. А. Марзалюк. – Магілёў, 2007.

Марзалюк, І. А. Гарадзішча Змяёўка (Пелагееўскае гарадзішча) у Магілёве: археалаг. даследаванне / І. А. Марзалюк, Я. Р. Рыер. – Магілёў, 2010.

Марков, А. Топография кладов восточных монет (Сасанидских и куфических) / А. Марков. – СПб., 1910.

Матушек, О. Ю. Лазар Баранович – Симеон Полоцкий: особливості комунікації / О. Ю. Матушек // Сімяон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць: матэрыялы III Міжнар. канф., Полацк, 19–20 лістап. 2009 г. – Полацк, 2010. – С. 163–172.

Матэрыялы да гістарычнай бібліяграфіі Полаччыны // Наш край. – 1926. – № 1.

Мацук, А. Барацьба магнацкіх групавак у ВКЛ (1717–1763 гг.) / А. Мацук. – Мінск, 2010.

Медведев, А. Ф. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого / А. Ф. Медведев // Труды Новгородской археолог. экспедиции // МИА. – М., 1956. – Вып. 55. – С. 208–227.

Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // САИ. – 1966. – Вып. Е1–36.

Медынцева, А. А. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века / А. А. Медынцева. – М., 2000.

Мельнікаў, А. А. З неапублікаванай спадчыны: Манаграфіі, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў / А. А. Мельнікаў. – Мінск, 2005.

Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кніга запісаў № 44. – Мінск, 2001.

Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский ; введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. – М. ; Л., 1936.

Милютин, В. Н. Находка византийской монеты в Полоцке в 1988 г. / В. Н. Милютин // Полоцкий летописец. – Полоцк, 1993. – № 1(2). – С. 11–12.

Мілюцін, У. М. Полацкі рэчавы скарб / У. М. Мілюцін // АІНБ / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 511.

Минасян, Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья / Р. С. Минасян // АСГЭ. – 1980. – № 21.

Мовчан, І. І. Давньокиївська околиця / І. І. Мовчан. – Київ, 1993.

Молвыгин А. Номиналы мелких монет в Ливонии с середины XIII до второй половины XVI в. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова // Изв. АН Эстонской ССР. Сер. обществ. наук. – Таллин, 1963. — Т. 12, № 4. – С. 379–387; 2 табл.

Молчанова, Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. / Л. А. Молчанова. – Минск, 1981.

Монгайт, А. Л. Рязанская земля / А. Л. Монгайт. – М., 1961.

Монгайт, А. Л. Фрески Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке / А. Л. Монгайт // Культура древней Руси. – М., 1966. – С. 134–140.

Моргунов, Ю. Валы и крепостные стены X–XIII вв. в глазах их современников / Ю. Моргунов // Наукові записки з української історії: зб. наук. статей. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – Вип. 20. – С. 53–60.

Моця, А. П. Население Среднего Поднепровья в IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников) / А. П. Моця. – Киев, 1987.

Мугуревич, Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. / Э. С. Мугуревич. – Рига, 1965.

Муравская, Е. И. Организация торговли Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII–XIV вв. / Е. И. Муравская // Уч. зап. Латвийского Гос. Ун-та. – Рига, 1961. – Т. 40, вып. 3.

Муравская, Е. И. Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII–XIV вв. / Е. И. Муравская // Изв. АН Латвийской ССР. – Рига, 1961a. – № 2 (163).

Мядзведзева, В. У. Сярэдневяковыя шахматы Беларусі (гісторыка-археалагічнае даследаванне) / В. У. Мядзведзева. – Мінск, 2005.

Мядзведзева, В. У. Касцярэзнае рамяство Полацка X–XVIII стст. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждыцыплінарных даследаванняў. – Наваполацк, 2011. – Ч. 1. – С. 83–94.

Мялешка, С. Праца навукова-даследчай экспедыцыі Цэнтральных дзяржаўных рэстаўрацыйных майстэрняў у г. Полацку / С. Мялешка // Наш край. – 1929. – № 8–9.

Назаренко, А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) / А. В. Назаренко // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1985. – С. 149–157.

Насевич, В. Л. Род Корсакаў – адзін са старажытных баярскіх родаў Полаччыны / В. Л. Насевич // ГАППЗ / Матэрыялы II Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППКМЗ, 1992. – Полацк, 1992. – С. 45–46.

Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства / А. Н. Насонов. – М., 1951.

Наумов, Д. В. Химическое и структурное исследование некоторых предметов из Полоцка XII–XIII стст. / Д. В. Наумов // Белорусские древности: докл. к конф. по археологии Белоруссии, Минск, янв.-февр. 1968 г. – Минск, 1968. – С. 298–306.

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-18. Литовская метрика. – Оп. 1. Д. 21, 39, 41, 56, 58, 83, 129, 155, 159, 160, 161, 165, 171, 172, 242, 249, 251, 253, 286, 542, 551; – Ф. 1709: Витебский городский суд. – Оп. 1. Д. 18, 23; – Ф. 1731: Оршанский городский суд. – Оп. 1. Д. 21, 30; Ф. 1734: Полоцкий городский суд. – Оп. 1. Д. 14–21, 23–29, 31, 32, 34, 36, 39, 46, 47, 49; – Ф. 1778: Полоцкий земский суд. – Оп. 1. Д. 33; – Ф. 1823: Полоцкий магистрат. – Оп. 1. Д. 1, 2, 10, 17, 34, 36, 37; Оп. 2. Д. 3; – Ф. 1878: Полоцкий каптуровый суд. – Оп. 1. Д. 2; – Ф. 2424: Полоцкий городской магистрат. – Оп. 1. Д. 1.

Неклюдов, В. Изрои / В. Неклюдов // Ист. журн.: Орган Ин-та истории АН СССР. – М., 1940. – № 11. – С. 110–111; ил.

Неклюдов, В. М. О русских денежных слитках / В. М. Неклюдов // Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. – Л., 1945. – Т. I. – С. 121–142; 1 (+ 2) рис.; табл.; табл. I–II. – Прилож. I–III.

Некрасов, А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. / А. И. Некрасов. – М., 1936.

Нефедов, В. С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов / В. С. Нефедов // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара 1996–1999. – Псков, 2000. – С. 191–199.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. – М. ; Л., 1950.

Носов, Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище / Е. Н. Носов. – М., 1990.

Носов, Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров северной Руси / Е. Н. Носов // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. – М., 1999. – С. 157–170.

Носов, Е. Н. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья (новые материалы и исследования) / Е. Н. Носов, В. М. Горюнова, А. В. Плохов // Труды Ин-та истории материальной культуры РАН. – СПб., 2005. – Т. XVIII.

Носов, Е. Город новый – город старый (Рюриково городище–Новгород–София) / Е. Носов // Родина. – 2007. – № 6. – С. 26–27.

Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік (НПГКМЗ): КДФ-5 4606, 4607, 4613, 4616, 4617, 4618; КП-19 24350, 24351.

Оболенский, К. М. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века, между 1214 и 1219 годов / К. М. Оболенский. – М., 1851.

Оглоблин, Н. Н. Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-й половине XVI века (первая половина) / Н. Н. Оглоблин // Сб. археолог. ин-та. – СПб., 1880. – Кн. III. – Отд. II. – С. 3–53.

Описание документов Архива западно-русских униатских митрополитов. – СПб., 1897. – Т. I. – С. 75–80.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., [б. г.]. – Кн. 21.

Описание полоцких, владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 г. – М., 1907.

Орешников, А. В. Денежные знаки домонгольской Руси / А. В. Орешников // Труды ГИМ. – М., 1936. – Вып. 6.

Отдел рукописей библиотеки Академии наук Литвы (ОРБАН Литвы). Ф. 101. – Ед. хр. 31.

Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. – Минск, 1970–1972. – Ч. 2. – 1972.

Павлинов, А. М. История русской архитектуры / А. М. Павлинов. – М., 1894.

Павлинов, А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка / А. М. Павлинов // Труды IX Археолог. съезда в Вильне в 1893 г. – М., 1895. – Т. I. – С. 19–26.

Падалінскі, У. Соймавая прадстаўніцтва Полоцкага ваяводства ў канцы XVI ст. Спроба аналізу / У. Падалінскі // Полацк музейны 2010. – Полацк, 2011. – С. 155–164.

Памятники русского права: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А. А. Зимин. – М., 1952. – Вып. 1; 1953. – Вып. 2.

Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск, 2002.

Паничева, Л. Г. Белорусские изразцы XIV–XVII вв. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Л. Г. Паничева ; Ин-т археологии АН СССР. – Л., 1980.

Паньков, С. В. Залізобне виробництво / С. В. Паньков // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель) / пад рэд. О. П. Моця. – Київ, 2003. – С. 95–101.

Пасадская, Ж. Гістарычныя могільнікі Полацка. Да праблемы іх вывучэння і аховы / Ж. Пасадская // ГАППЗ / Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Полацк: НПГКМЗ, 1997. – Полацк, 1998. – С. 207–213.

Патриархья, или Никоновская летопись // ПСРЛ. – 1965. – Т. 9.

Пацуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.) / В. Т. Пацуто. – М., 1956.

Перхавко, В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана / В. Б. Перхавко // СА. – 1979. – № 4. – С. 40–72.

Петрашенко, В. А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка) / В. А. Петрашенко. – Киев, 2004.

Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. // Материалы по истории народов СССР / Академия Наук СССР, Ист.-археограф. ин-т; под наблюд. С. Г. Томсинского, Б. Д. Грекова. – Л., 1932. – Вып. 2. – С. 1–208.

Пічэта, У. Полацкая зямля ў пачатку XVI стагоддзя / У. Пічэта // 400-лецце беларускага друку. – Мінск, 1926.

Плавінскі, М. А. Раскопкі курганнага могільніка Мілты / М. А. Плавінскі, А. М. Плавінскі // ГАЗ. – 2005. – № 20. – С. 122–123.

Плавінскі, М. Ляпная кераміка полацкага селішча / М. Плавінскі, Г. Штыхаў // ГАЗ. – 2006. – № 21. – С. 62–73.

Плавінскі, М. Полацк да Рагвалода (пытанні тапаграфіі і храналогіі культурнага слоя) / М. Плавінскі // АаА. – Мінск, 2007. – Vol. II (Вып. 2). – С. 25–44.

Плавінскі, М. Аб адной катэгорыі пахавальнага посуду ў курганах канца I – пачатку II тысячагоддзя н. э. на захадзе Полацкай зямлі / М. Плавінскі, А. Плавінскі // АаА. – Мінск, 2007а. – Vol. I (Вып. 1). – С. 135–145.

Плавінскі М. А. Нарысы гісторыі клінковай зброі XI–XIII стагоддзяў на Беларусі / М. А. Плавінскі. – Мінск, 2009.

Плохов, А. В. Керамика «ладожского типа» в Скандинавии / А. В. Плохов // У истоков Новгородской земли: Любытинский археолог. сб. – Любытино, 2002. – Вып. 1. – С. 144–159.

Поболь, Л. Д. Древнерусский меч из Полоцка / Л. Д. Поболь // Вес. АН БССР, Сер. грамад. навук. – 1960. – № 1. – С. 150–151.

Повесть временных лет. – М.; Л., 1950. – Ч. 1–2.

Повесть жития и преставления святых и блаженных и преподобных Еуфросинии, игуменьи монастыря Святого Спаса и Пречистыя Его Матере, ижи в Полотыске граде // Кніга жыццй і хаджэнняў / уклад., прадм. і камент. А. Мельнікава. – Мінск, 1994. – С. 25–41.

Погорелец, О. Г. Начало чеканки монеты в южных землях Великого княжества Литовского (вторая половина 14 в.) / О. Г. Погорелец, Р. В. Саввов // Tarptautinė numizmatikos konferencija, skirta Lietuvos nacionalinio muziejaus 150-mečiui: pranešimų tezės, Vilnius, 2006 m. balandžio 26–28 d. / International Numismatic Conference, Marking the 150-th anniversary of the National Museum of Lithuania: lecture summaries, Vilnius, April 26–28, 2006 / Междунар. нумизмат. конф., посвящ. 150-летию Национального музея Литвы: тез. докл., Вильнюс, 26–28 апр. 2006 г. – Вильнюс, 2006. – С. 164–167. – На рус. яз.: с. 166–167.

Погорелец, О. Г. Чеканка монеты в Подольском княжестве во второй половине XIV в. / О. Г. Погорелец, В. В. Зайцев // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін [і інш.]. – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С. 114–120.

Покровская, Л. В. Новгородские одежные булавки (X–XIII вв.) / Л. В. Покровская // Историческая археология: традиции и перспективы. – М., 1998. – С. 175–181.

Покровский, Н. В. Церковная археология / Н. В. Покровский. – Петроград, 1916.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М.; Л., 1962; М., 1997; – Т. 2. Ипатьевская летопись. – СПб., 1908; – М., 1962; – М., 1998; – М.,

2001; – Т. 4: Новгородские и Псковские летописи. – СПб., 1848; – Вып. 1. – Пг., 1915; – Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. – СПб., 1856; – Т. 5: Псковские летописи. – Вып. 2. – М., 2000; – Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. М., 1965; М., 2000; – Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. – СПб., 1906; – Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. – СПб., 1863. – Т. 17: Западнорусские летописи. – СПб., 1907; – Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М., 1965; – Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980.

Полоцк: ист. очерк. – Минск, 1962.

Полоцк: ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории; редкол.: П. Т. Петриков (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1987.

Полоцкая ревизия 1552 г. / к изд. подгот. И. И. Лаппо. – М., 1905.

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.: в 6 вып. / сост. А. Л. Хорошкевич. – М., 1977–1989. – Вып. 1. 1977; Вып. 2. 1978; Вып. 3. 1980; Вып. 4. 1982.

Помнікі гісторыі і культуры Беларусі (ПГКБ). – 1972. – № 1. – С. 60.

Послания Гедимины / подгот. к изд. В. Т. Пашуто, И. В. Шталь. – Вильнюс, 1966.

Потин, В. М. Топография находок западноевропейских монет на территории Древней Руси / В. М. Потин // Труды Государственного Эрмитажа. – 1967. – Вып. 9.

Потин, В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: ист.-нумизмат. очерк / В. М. Потин. – Л., 1968.

Псковская 3-я летопись // Псковские летописи / Академия Наук СССР. Институт истории; под ред. А. Н. Насонова. – М., 1955. – Вып. 2. – С. 70–290.

Псковские летописи: Тихвинский список. – М.; Л., 1941. – Вып. 1.

Пуцко, В. Г. Мнимый крест Параскевы Полоцкой / В. Г. Пуцко // Беларускія старажытнасці. – Мінск, 1972. – С. 210–219.

Пуцко В. Г. Печать преподобной Ефросинии Полоцкой // ГАЗ. – № 12. – 1997. – С. 105–110.

Пуцко В. Г. Are Saera Полоцкой земли X–XIII вв. // ГАППЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППКМЗ, 2007. – Полацк, 2009. – С. 133–143.

Пьянков, А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси / А. П. Пьянков. – Минск, 1980.

Рабинович, М. Г. Московская керамика / М. Г. Рабинович // МИА. – 1949. – Т. 2, № 12. – С. 57–105.

Рабцэвіч, В. Н. Манеты Арабскага Халіфата на тэрыторыі Беларусі / В. Н. Рабцэвіч, А. А. Стуканаў // ПГКБ. – 1973. – № 4. – С. 33–39.

Равдина, Т. В. Археологические замечания к нумизматическим работам / Т. В. Равдина // СА. – 1975. – № 1. – С. 316–329.

Равдина, Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: каталог / Т. В. Равдина. – М., 1988.

Рапапорт, П. А. Мураванае дойлідства заходнерускіх земляў XI–XII стст. / П. А. Рапапорт // Гісторыя беларускага мастацтва. – Мінск, 1987. – Т. 1. – С. 57–72.

Рапапорт, П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / П. А. Рапапорт / МИА. – М.; Л., 1956. – Вып. 52.

Рапапорт, П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. / П. А. Рапапорт / МИА. – М.; Л., 1961. – Вып. 105.

Рапапорт, П. А. Военное зодчество Западнорусских земель X–XIV вв. / П. А. Рапапорт / МИА. – Л., 1967. – Вып. 140.

Раппопорт, П. А., Полоцкое зодчество XII века / П. А. Раппопорт // СА. – 1980. – № 3. – С. 143–163.

Раппопорт, П. А. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке / П. А. Раппопорт, Г. М. Штендер // Памятники культуры: Новые открытия / Ежегодник 1979. – Л., 1980а. – С. 459–468.

Раппопорт, П. А. Дворец в Полоцке / П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова // КСИА. – М., 1981. – № 164. – С. 91–99.

Раппопорт, П. А. Русская архитектура X–XIII вв. / П. А. Раппопорт // Археология СССР: САИ. – Л., 1982. – Вып. Е1–47.

Раппопорт, П. А. Архитектура / П. А. Раппопорт // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. – М., 1985. – С. 154–166.

Раппопорт, П. А. Церковь Благовещения в Витебске / П. А. Раппопорт // Памятники культуры: Новые открытия. – М., 1987.

Риер, Я. Г. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X–XIII вв. / Я. Г. Риер // СА. – М., 1982а. – № 3. – С. 107–118.

Риер, Я. Г. Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X–XIV вв. / Я. Г. Риер // Древности Белоруссии и Литвы: сб. статей. – Минск, 1982б. – С. 137–143.

Риер, Я. Г. Природная среда и система сельского расселения в Восточной Белоруссии в X–XIII вв. / Я. Г. Риер // Методы естественных наук в археологии. – М., 1987. – С. 50–55.

Риер, Я. Г. Аграрный мир Восточной и центральной Европы в средние века (по археологическим данным) / Я. Г. Риер. – Могилев, 2000.

Робинсон, М. А. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого / М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 134–141.

Рогач, Л. Карчма / Л. Рогач // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск, 2006. – Т. 2. – С. 63–64.

Розенфельдт, Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / Р. Л. Розенфельдт // САИ. – 1968. – Вып. Е1–39.

Розенфельдт, Р. Л. Белорусские изразцы / Р. Л. Розенфельдт // МИА. – 1969. – № 169. – С. 178–184.

Розенфельдт, Р. Л. Керамика / Р. Л. Розенфельдт // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 22–27.

Романов, Е. Р. Материалы по истории топографии Витебской губернии: Уезд Велижский / Е. Р. Романов. – Могилев, 1898.

Романов, Е. Р. К археологии Северо-Западного края России / Е. Р. Романов. – Вильна, 1911.

Российская национальная библиотека. Погодинское собрание (ПС). – № 12 («Полоцкое Евангелие»).

Российская национальная библиотека в Петербурге (РНБ). – Ф. 957. – Ф. Pol. IV, 258. б. н.; Q Pol. IV 101. – Л. 63.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 79: *Сношения России с Польшей.* – Кн. 1; – Ф. 177: *Кабинет министров.* – Оп. 1. – 1734 г. Д. 18; – Ф. 389: *Литовская метрика.* – Оп. 1. Д. 35, 37, 249, 251, 253, 254, 573, 581; – Ф. 2188, оп. 4, д. 3295.

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 54. – Ч. 1; – Ф. ВУА. – Д. 22367.

Российский Государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 823. – Оп. 1. – Д. 43.

Россия. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. – СПб, 1905. – Т. 9.

Русаў, П. А. Справаздача аб археалагічным наглядзе за землянымі работамі па вул. Сака і Ванцэці ў г. Полацку ў чэрвені–жніўні 1996 г. / П. А. Русаў // *Архіў НТДП «Белінформрэстаўрацыя»*. – Спр. № 103.

Русаў, П. А. Даследаванні вадаадвода езуіцкага калегіўма Полацка (па матэрыялах археалагічных раскопак 1997 г.) / П. А. Русаў // *ГАППЗ / Матэрыялы III Міжнар. навук. канф.* – Полацк: НППГКМЗ, 1997. – Полацк, 1998. – С. 259–261.

Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографическою комиссией: в 39 т. – 1872–1927. (РИБ). – Т. 20. – Литовская Метрика. Отделы 1. – Ч. 2: Книги судных дел. – Т. 1 / под ред. И. И. Лаппо. – Пг, 1903; – Т. 27: Литовская Метрика. Отделы 1. – Ч. 1: Книги записей. – Т. 1 / под ред. И. И. Лаппо. – Пг, 1910.

Русско-белорусские связи: сб. документов (1570–1667). – Минск, 1963.

Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России / собр. и изд. С. А. Бершадский. – СПб., 1882. – Т. II: Документы и регесты к истории литовских евреев (1550–1569).

Русско-ливонские акты / собр. К. Е. Напьерским. – СПб., 1868.

Рыбаков, Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси / Б. А. Рыбаков // *СА*. – М.; Л., 1940. – Вып. 6. – С. 227–257, XXIII.

Рыбаков, Б. А. Ремесло / Б. А. Рыбаков // *История культуры Древней Руси. Домонгольский период*. – М.; Л., 1948. – Т. 1: Материальная культура. – С. 78–181.

Рыбаков, Б. А. Ремесло древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1948а.

Рыбаков, Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих / Б. А. Рыбаков // *СА*. – 1957. – № 1. – С. 83–112.

Рыбаков, Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи / Б. А. Рыбаков. – М., 1963.

Рыбаков, Б. А. Татарская кириллическая надпись из Полоцка / Б. А. Рыбаков // *СА*. – 1963а. – № 4. – С. 248–249.

Рыбаков, Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. / Б. А. Рыбаков // *Археология СССР. Свод археологических источников*. – М., 1964. – Вып. Е1–44.

Рыбаков, Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – М., 1972.

Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.

Рыбина, Е. А. Новгород и Ганза / Е. А. Рыбина. – М., 2009.

Рындина, Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. / Н. В. Рындина // *Труды новгородской археолог. экспедиции/ МИА*. – М., 1959. – № 65. – С. 200–247.

Рябцева, С. С. Древнерусский ювелирный убор / С. С. Рябцева. – СПб., 2005.

Рябцевич, В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской обл. / В. Н. Рябцевич // *Нумизматика и эпиграфика*. – 1965. – Т. 5. – С. 121–127.

Рябцевич, В. Н. Топография монетных кладов на территории Белоруссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Рябцевич. – Л., 1965а.

Рябцевич, В. Н. О чем рассказывают монеты / В. Н. Рябцевич. – Минск, 1968.

Рябцевич, В. Н. Нумизматика / В. Н. Рябцевич // *Историческое краеведение Белоруссии*. – Минск, 1980. – С. 169–200.

Рябцевич, В. Н. Дирхамы арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) / В. Н. Рябцевич // *Славяне и их соседи: Археология, нумизматика, этнология*. – Минск, 1998. – С. 66–80.

Рябцевич, В. Н. Козьянковское сокровище / В. Н. Рябцевич // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы IV Міжнар. навук. канф.* – Полацк, 2003. – С. 207–212.

Рябцевич, В. Н. О монетах Новгород-Северского и Стародубовского уделов Великого княжества Литовского (последняя четверть XIV в.) / В. Н. Рябцевич // СНВЕ / подред. В. В. Зайцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 2007. – Вып. 2. – С. 138–164; 6 рис. ; 5 табл.

Сагановіч, Г. М. Невядомая вайна / Г. М. Сагановіч. – Мінск, 1995.

Сагановіч, Г. М. Полацк і нямецкая калонія на Дзвіне (паводле хронікі Генрыхы) / Г. М. Сагановіч // БГА. – 1998. – Сш. 1 (8). – С. 3–25.

Сагановіч, Г. М. Прылады працы і побытавыя рэчы. Асартымент, тыпалогія, храналогія / Г. М. Сагановіч // Археалогія Беларусі. – Мінск, 2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.]; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – С. 260–277.

Сагановіч, Г. Паўночная Беларусь у апісанні Паўля Одэборна / Г. М. Сагановіч // БГА. – 2005. – Том. 12. – Сш. 1–2 (22–23). – С. 162–189.

Салаўёў, А. А. Кафляныя печы XVIII – пачатку XIX стст. Полацкага езуіцкага калегіума (па назіраннях на першым паверсе карпусоў «А» і «Г») / А. А. Салаўёў // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навук.-даслед. работы ў 2005 г.). – Полацк, 2007. – С. 55–80.

Салаўёў, А. А. Вынікі натурных даследаванняў на другім і трэцім паверхах корпуса «А» Полацкага езуіцкага калегіума падчас яго мадэрнізацыі / А. А. Салаўёў // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навук.-даслед. работы ў 2006 г.). – Полацк, 2007а. – С. 33–62.

Салаўёў, А. А. Археалагічнае вывучэнне паддашша корпусаў «А» і «Г» / А. А. Салаўёў // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навук.-даслед. работы ў 2007 г.). – Полацк, 2008. – С. 79–100.

Салаўёў, А. А. Каменныя будынкі Полацкага езуіцкага калегіума апошняй чвэрці XVII – першай паловы XVIII стст. (па выніках натурных даследаванняў корпуса «В») / А. А. Салаўёў // Беларускае Падзвінне: зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 лістап. 2008 г. – Наваполацк, 2009. – С. 70–79.

Салаўёў, А. А. Натурныя даследаванні падвалаў карпусоў Полацкага езуіцкага калегіума / А. А. Салаўёў // Вестн. ПГУ. Строительство. Прикладные науки. – 2009а. – Сер. F, № 6. – С. 21–24.

Салаўёў, А. А. Даследаванні другога паверха корпуса «В» (падчас рамонту 2003–2008 гг.) / А. А. Салаўёў // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навук.-даслед. работы ў 2008 г.). – Полацк, 2009б. – С. 60–81.

Салаўёў, А. А. Вынікі натурных даследаванняў на першым паверсе корпусаў «А» і «Г» Полацкага езуіцкага калегіума падчас рамонтна-рэстаўрацыйных работ / А. А. Салаўёў // ГАППЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППКМЗ, 2007. – Полацк, 2009в. – С. 316–336.

Салаўёў, А. А. Натурныя даследаванні падвала і першага паверха корпуса «В» былога езуіцкага калегіума ў Полацку / А. А. Салаўёў // Вестн. ПГУ. Сер. А, Гуманит. науки. – 2010. – № 1. – С. 42–51.

Салаўёў, А. А. Да вынікаў археалагічных даследаванняў на вуліцы і завулках Ф. Міронавай у 2005–2006 гг. // Беларускае Падзвінне: зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. канф. – Наваполацк, 2011. – Ч. 1. – С. 114–124.

Сапунов, А. Полоцкий Софийский собор / А. Сапунов. – Витебск, 1888.

Сапунов, А. Полоцкий Спасо-Евфросиньевский девичий монастырь / А. Сапунов. – Витебск, 1888а.

Сапунов, А. Двинские, или Борисовы камни / А. Сапунов. – Витебск, 1890.

Сапунов, А. П. Река Западная Двина: историко-географический обзор / А. П. Сапунов. – Витебск, 1893.

Сапунов, А. П. Материалы по истории и географии Лисненского и Вилейского уездов Виленской губернии / А. П. Сапунов, Н. В. Друцкий-Любецкий. – Витебск, 1896.

Сапунов, А. Достоверность отрывка из полоцких летописей, помещенного в «Истории России» Татищева под 1217 г. / А. Сапунов // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1898. – Кн. 3 (186). – Разд. 5.

Сапунов, А. П. Архив Полоцкой духовной консистории / А. П. Сапунов. – М., 1898а.

Сарабьянов, В. Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В. Д. Сарабьянов. – М., 2007.

Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси / А. Н. Сахаров. – М., 1980.

Сборник императорского исторического общества (СИРИО). – СПб., 1867–1916. – 1882. Т. 35; 1900. Т. 108.

Сванидзе, А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. / А. А. Сванидзе. – М., 1980.

Свердлов, М. Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX–XI вв. / М. Б. Свердлов // Изв. Всесоюз. географ. общества. – 1969. – Т. 101, вып. 6. – С. 540–545.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. – М., 1984.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. – М., 2002.

Святы Андрэй Баболя. – Мінск, 1994.

Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М., 1982.

Седов, В. В. Начало городов на Руси / В. В. Седов // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С. 53–54.

Седов, В. В. Формирование восточнославянской народности / В. В. Седов // КСИА. – М., 1987. – Вып. 198: Средневековая археология Восточной Европы. – С. 10–15.

Седов, В. В. Изборск в раннем Средневековье / В. В. Седов ; отв. ред. Н. А. Макаров ; Ин-т археологии РАН. – М., 2007.

Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). / М. В. Седова. – М., 1981.

Селин, А. А. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины / А. А. Селин. – СПб., 2003.

Селицкий, А. А. Живопись Полоцкой земли XI–XII вв. / А. А. Селицкий – Минск, 1992.

Семенова, З. Ф. Традиции раннехристианского зодчества Византии и Закавказья в русской архитектуре / З. Ф. Семенова // Архитектурное наследство. – М., 1996. – № 41. – С. 13–22.

Сементовский, А. М. Витебск и уездные города Витебской губернии / А. М. Сементовский. – СПб., 1864.

Сементовский, А. М. Полотский Борисоглебский монастырь / А. М. Сементовский // Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год. – СПб., 1866.

Сементовский, А. М. Памятники старины Витебской губернии / А. М. Сементовский. – СПб., 1867.

Сементовский, А. М. Полоцкая Софийская церковь / А. М. Сементовский // Памятная книжка Витебской губернии (ПКВГ) на 1878 год. – Витебск, 1878.

Сементовский, А. М. Старинные материалы для географии, истории и археологии России / А. М. Сементовский. – Витебск, 1886.

Сементовский, А. М. Белорусские древности / А. М. Сементовский. – СПб., 1890. – Вып. 1.

Семянчук, Г. М. Новая категория археологических памятников на территории Полацкой земли (грунтовые могильники XI–XIII стст.) / Г. М. Семянчук // ГАЗ: Памяти Микхася Ткачова. – Минск, 1993. – № 2. – С. 124–139.

Семянчук, Г. М. Раннесредневековые грунтовые могильники Дрысвяты–Пашавичы / Г. М. Семянчук // ГАЗ. – 2002. – № 17. – С. 191–195.

Сергачев, С. А. Белорусское народное зодчество / С. А. Сергачев. – Минск, 1992.

Сергеева, З. М. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси / З. М. Сергеева // КСИА. – 1977. – Вып. 150. – С. 34–37.

Сиверс А. А. Топография кладов с пражскими грошами // Труды нумизмат. комиссии. – Пг., 1922. – Вып. 2.

Силаев, А. Г. Истоки русской геральдики / А. Г. Силаев. – М., 2002.

Симеон Полоцкий: сб. документов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Г. В. Гайдук. – Минск, 2008.

Сингх, В. К. Наковальни из раскопок в Новгороде / В. К. Сингх // Труды II Всерос. археолог. съезда в Суздале. – М., 2008. – С. 385–389.

Сингх, В. К. Инструменты новгородских ювелиров / В. К. Сингх // Родина. – 2009а. – № 9. – С. 72–79.

Сингх, В. К. Железный инструментарий средневекового Новгорода: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. К. Сингх; Московский гос. ун-т. – М., 2009б.

Сингх, В. К. Производственные комплексы на усадьбах Славенского раскопа / В. К. Сингх // Новгородские археологические чтения–3. – Великий Новгород, 2011. – С. 233–242.

Сімяон Полацкі // Анталогія старабеларускай літаратуры. – Минск, 2003.

Скрипченко, Т. С. Обмен и местное производство на территории Беларуси в XI–XIV вв. (по материалам стеклянных браслетов) / Т. С. Скрипченко: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1982.

Скурат, К. У. Даўнія беларускія меры / К. У. Скурат. – Минск, 1974.

Слюнченко, В. Г. Полоцкий Софийский собор / В. Г. Слюнченко. – Минск, 1987.

Слюнченко, В. Г. Архитектурные памятники Полоцка: ист.-архитект. очерк / В. Г. Слюнченко. – Минск, 1988.

Слюнькова, И. Н. Монастыри восточной и западной традиций: Наследие архитектуры Беларуси / И. Н. Слюнькова. – М., 2002.

Смирнов, Г. Д. Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхеля / Г. Д. Смирнов // Изв. Молдавского ф-ла Академии наук СССР. – 1956. – № 4. – С. 75–89.

Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подгот. к печати Т. А. Сумниковой, В. В. Лопатина; под. ред. Р. И. Аванесова. – М., 1963.

Соколов, В. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира / В. Соколов // Уч. зап. Саратовского ун-та. – 1923. – Т. 1, вып. 3.

Соколова, Т. М. Орнамент – почерк эпохи / Т. М. Соколова. – Л., 1972.

Соловьев, А. А. Археологическое исследование дома № 15 по ул. Толстого в г. Полоцке при проведении ремонтных работ / А. А. Соловьев // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навук.-даслед. работы ў 2004 г.). – Полацк, 2004. – С. 64–78.

Соловьев, А. А. Итоги археологического надзора за ремонтом теплотрассы на ул. Войкова в г. Полоцке / А. А. Соловьев // МАБ. – 2009. – № 17.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М., 1959–1960. – Кн. 1–2.

Сотникова, М. Рязанский клад литовских серебряных слитков в собрании Эрмитажа / М. Сотникова // СГЭ. – 1957. – Вып. XII. – С. 15–28 ; табл.

Сотникова, М. П. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV–XV вв. (Дело Федора Жеребца, 1447 г.) / М. П. Сотникова // СА. – 1957а. – № 3. – С. 54–59.

Сотникова, М. П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. / М. П. Сотникова // Труды Государственного Эрмитажа. – Л., 1961. – Т. 4, вып. 2. – С. 44–91.

Сотникова, М. П. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. / М. П. Сотникова // Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД). – Л., 1981. – Т. XII. – С. 219–234.

Список населенных мест Витебской губернии. – Витебск, 1906.

Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. – СПб., 2003.

Статистические сведения о церквях и церковных притчах Полоцкой епархии // ПКВГ на 1889 г. – СПб., 1889.

Стоклицкая-Терешкович, В. В. Основные проблемы истории средневекового города: X–XV вв. / В. В. Стоклицкая-Терешкович. – М., 1960.

Страчаная спадчына / Т. В. Габрусь [і інш.] ; уклад. Т. В. Габрусь. – Мінск, 1998.

Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко. 1533–1540 (Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9) / [публ. подгот. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич ; отв. ред. А. Л. Хорошкевич, Г. Я. Голенченко] ; Российская акад. наук, Ин-т славяноведения; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; БГУ ; РГАДА. – М., 2008.

Сяліцкі, А. А. Фрэскі царквы Благавешчання ў Віцебску / А. А. Сяліцкі // Помнікі старажытнабеларускай культуры. – Мінск, 1984.

Сяргеенка, Н. А. Люстрацыя паезуіцкіх маёнткаў 1774 года – каштоўная малавядомая крыніца па гісторыі Полаччыны другой паловы XVIII ст. / Н. А. Сяргеенка // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навук.-даслед. работы ў 2002 г.). – Полацк, 2003. – С. 50–59.

Таранович, В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР / В. П. Таранович // СА. – 1946. – Вып. 8. – С. 249–260.

Тарасаў, С. В. Вялікі пасад у Полацку / С. В. Тарасаў // ПГКБ. – 1988. – № 4. – С. 18–21.

Тарасаў, С. В. Раскопкі А. Р. Мітрафанава ў Полацку ў 1958–1960 гг. у святле новых дадзеных / С. В. Тарасаў // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый ў эпоху жалеза: тэз. дакл. канф., прысв. 80-годдзю з дня нараджэння А. Р. Мітрафанава, Мінск, 10–12 снеж. 1992 г. – Мінск, 1992. – С. 16–18.

Тарасаў, С. В. Новае ў археалогіі Полацка / С. В. Тарасаў // Полоцкий летописец: ист.-лит. журн. – 1992а. – № 1. – С. 10–18.

Тарасаў, С. В. Дэмаграфічная структура Полацка XI–XVII стст. па гісторыка-археалагічным крыніцам / С. В. Тарасаў // ГАППЗ / Матэрыялы II Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППКМЗ, 1992. – Полацк, 1992б. – С. 59–61.

Тарасаў, С. В. Полацкі Верхні замак / С. В. Тарасаў // АіНБ / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 508.

Тарасаў, С. В. Полацкі Вялікі пасад / С. В. Тарасаў // АіНБ. – Мінск, 1993а. – С. 508.

Тарасаў, С. В. Полацкі Запалоцкі пасад / С. В. Тарасаў // АіНБ. – Мінск, 1993б. – С. 509.

Тарасаў, С. В. Полацкія паселішчы-спадарожнікі / С. В. Тарасаў // АіНБ. – Мінск, 1993в. – С. 512.

Тарасаў, С. В. Курганны могільнік каля в. Дзмітраўшчына Полацкага раёна / С. В. Тарасаў, Л. У. Дучыц, Г. М. Семянчук // ГАЗ. – 1995. – № 6. – С. 230–241.

Тарасаў, С. В. Да пытання аб тапаграфіі Полацка IX–XI стст. / С. В. Тарасаў // ГАППЗ / Матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППКМЗ, 1997. – Полацк, 1998. – С. 298–303.

Тарасаў, С. В. Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. – Мінск, 1998б.

Тарасаў, С. В. Археалагічнае вывучэнне Полацка / С. В. Тарасаў // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск, 2002. – С. 27–48.

Тарасаў, С. В. Сядзіба полацкіх ювеліраў XII–XIII стст. / С. В. Тарасаў // ГАППЗ / Матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. – Полацк: НППКМЗ, 2002. – Полацк, 2003. – С. 267–272.

Тарасаў, С. В. «Белыя плямы» полацкай археалогіі і гісторыі / С. В. Тарасаў // Беларускае Падзвінне: зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 лістап. 2008 г. – Наваполацк, 2009. – С. 79–91.

Тарасаў, С. В. Полацкая ювелірна вытворчасць / С. В. Тарасаў // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. – Мінск, 2011. – Т. 2: Л–Я / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 205–206.

Тарасенка, В. Р. Сельскагаспадарчая вытворчасць старажытнага Полацка / В. Р. Тарасенка // Вес. АН БССР. Сер. сельскагаспадарчых навук. – 1963. – № 2. – С. 128–137.

Тарасов, С. В. К вопросу о развитии топографической структуры Полоцка IX–XVII вв. / С. В. Тарасов // ИАПЗ (к 1125-летию г. Полоцка) / Материалы I Междунар. научн. конф. – Полоцк: НПИКМЗ, 1987. – Полоцк, 1987а. – С. 59–61.

Тарасов, С. В. Раскопки на Великом посаде в г. Полоцке / С. В. Тарасов, Г. Н. Романенкова // ИАПЗ (к 1125-летию г. Полоцка) / Материалы I Междунар. научн. конф. – Полоцк: НПИКМЗ, 1987. – Полоцк, 1987б. – С. 62–63.

Тарасов, С. В. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI–XVIII вв.) / С. В. Тарасов // Памятники науки и техники, 1987–1988. – М., 1989. – С. 164–175.

Татарский, И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века / И. Татарский. – М., 1886.

Татищев, В. Н. История Российская с древнейших времен: в 7 т. / В. Н. Татищев. – М. ; Л., 1962–1968. – Т. 2. – 1963; Т. 3. – 1964.

Тимошук, Б. А. Восточные славяне: от общины к городам / Б. А. Тимошук / отв. ред. С. А. Плетнева. – М., 1995.

Тихомиров, М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. / М. Н. Тихомиров. – М., 1955.

Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – М., 1956.

Ткачев, М. А. Замки Белоруссии / М. А. Ткачев. – Минск, 1987.

Ткачоў, М. А. Новае пра Сафійскі сабор / М. А. Ткачоў // ПГКБ. – 1972. – № 2. – С. 18–23.

Ткачоў, М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст. / М. А. Ткачоў. – Мінск, 1978.

Толочко, П. П. О социальной структуре древнерусского ремесла / П. П. Толочко // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С. 147–153.

Толочко, П. П. Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко / АН УССР, Ин-т археологии ; отв. ред. С. А. Высоцкий. – Киев, 1989.

Толстой, И. Русские древности в памятниках искусства / И. Толстой, Н. Кондаков. – СПб., 1899. – Т. 6.

Трусаў, А. А. Стары замак у Гродне XI–XVIII стст.: гіст.-археалаг. нарыс / А. А. Трусаў, В. Е. Собаль, Н. І. Здановіч. – Мінск, 1993.

Трусаў, А. А. Манументальнае дойлідства Беларусі XI–XVIII стст.: Гісторыя будаўнічай тэхнікі / А. А. Трусаў. – Мінск, 2001.

Турчинович, О. Обзор истории Белоруссии с древнейших времен / О. Турчинович. – СПб., 1857.

Тыртов, А. П. Некоторые пояснения к описанию жития преподобной Евфросиньи, княжны полоцкой / А. П. Тыртов. – Витебск, 1893.

Улащик, Н. Н. Одежда белорусов XVI–XVIII вв. / Н. Н. Улащик // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этнограф. атласу. – М., 1986. – С. 133–145.

Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б. А. Успенский. – М., 1982.

Фадеев, Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов / Л. А. Фадеев // Русский город: ист.-методол. сб. – М., 1976. – С. 17–31.

Фасмер, Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе / Р. Р. Фасмер // Изв. АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1933. – № 6–7. – С. 473–484.

Федоров, Г. Е. Топография кладов с литовскими слитками и монетами / Г. Е. Федоров // КСИИМК. – 1949. – Т. 39.

Фехнер, М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М. В. Фехнер // Труды ГИМ. – М., 1959. – Вып. 33: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – С. 149–224.

Філіповіч, М. А. Полоцька земля у наративних та актових джерелах (друга половина XIII – перша половина XVI ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук / М. А. Філіповіч. – Київ, 2011.

Флоровский, А. В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Франциск Скорина и продолжатели его дела) / А. В. Флоровский // Sbornik filologicky. – Praha, 1940–1946. – Vidawa III. – Sv. 12. – S. 172.

Фомин, А. В. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX–X вв. / А. В. Фомин // ВИД. – Л., 1983. – Т. 14. – С. 81.

Франклин, С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). – СПб., 2010.

Француск Скарына: зб. дакументаў і матэрыялаў / склад. В. І. Дарашэвіч. – Мінск, 1988.

Француск Скарына і яго час: энцыклап. даведнік. – Мінск, 1988а.

Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов. – Л., 1980.

Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии / И. Я. Фроянов. – Л., 1990.

Фроянов, И. Я. Города-государства Древней Руси / И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко. – Л., 1988.

Фроянов, И. Я. Рабство и данничество у восточных славян / И. Я. Фроянов. – СПб., 1996.

Фроянов, И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя / И. Я. Фроянов. – СПб., 1999.

Харитонович, З. А. Керамика городищ Северной Беларуси / З. А. Харитонович // Беларускае Падзвінне: зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20 – 21 лістап. 2008 г. – Наваполацк, 2009. – С. 97–105.

Харлампович, К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви / К. С. Харлампович. – Казань, 1898.

Харытановіч, З. А. Археалагічныя даследаванні на гарадзішчы і селішчы Стары Лепель у 2008 г. / З. А. Харытановіч // МАБ. – 2011. – Вып. 20. – С. 300–307.

Хозераў, М. Да пытання аб Спасаўскай царкве ў Полацку / М. Хозераў // ГАЗ. – 1927.

Хозераў, М. Полацкае будаўніцтва старадаўняга перыяду / М. Хозераў // Зап. аддз. гуманітар. навук Інбелкульту. Працы камісіі гісторыі мастацтваў. – Мінск, 1928. – Т. 1, кн. 6.

Хозеров, Н. М. К исследованию конструкции Спасского храма в Полоцке / Н. М. Хозеров. – Смоленск, 1928.

Хозеров, И. М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII в. / И. М. Хозеров: репринт. изд. – Минск, 1994.

Хорошкевич, А. Л. Из истории ганзейской торговли (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV–XV вв.) / А. Л. Хорошкевич // Средние века. – М., 1961. – Вып. XX. – С. 98–120.

Хорошкевич, А. Л. Печати полоцких грамот XIV–XV вв. / А. Л. Хорошкевич // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1972. – Сб. 4.

Хорошкевич А. Л. Внешняя торговля Полоцка и ее влияние на политическое и социально-экономическое развитие Полоцкой земли / А. Л. Хорошкевич. – М., 1974.

Хорошкевич, А. Л. Хозяйственное освоение Полоцкой земли в XIV–XV вв. / А. Л. Хорошкевич // История географии и историческая география. – М., 1975. – С. 19–21.

Хохлов, А. Н. Новгородско-литовско-тверские отношения в третьей четверти XIII в. / А. Н. Хохлов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 1995. – С. 244–253.

Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А. А. Коновалов [и др.] ; Исторический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2008.

Церашчатава, В. В. Старажытнабеларускі манументальны жывапіс XI–XVIII стст. / В. В. Церашчатава. – Мінск, 1986.

Цішкін, І. Невядомы помнік беларускага рэнесанса / І. Цішкін // Castrum, urbis et bellum: зб. навук. прац. – Баранавічы, 2002. – С. 391–394.

Чамярыцкі, В. А. Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII–XIII стст.) / В. А. Чамярыцкі // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1965. – № 3.

Чантурия, В. А. История архитектуры Белоруссии: Дооктябрьский период / В. А. Чантурия. – Минск, 1969.

Чантурия, Ю. В. Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в.: Средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм / Ю. В. Чантурия. – Минск, 2005.

Чантурия, Ю. В. Градостроительство Беларуси IX–XIV вв. / Ю. В. Чантурия // Архітэктура Беларусі: нарысы. – Мінск, 2005а. – Т. 1: IX–XIV стст. – С. 64–105.

Шаблюк, В. У. Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння ў XIV–XVIII стст. / В. У. Шаблюк. – Мінск, 1996.

Шадыра, В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.) / В. І. Шадыра. – Мінск, 2006.

Шайкоў, В. Аб некаторых сацыяльна-дэмаграфічных аспектах гісторыі Полацка XVI – першай чвэрці XIX ст. у святле айчыннай гістарыяграфіі / В. Шайкоў // Полацк:

карані нашага радаводу / Полац. дзярж. ун-т ; рэд. А. Мальдзіс [і інш.]. – Полацк, 1996. – С. 144–150.

Шалькевіч, В. Ф. Грубэр Габрыель / В. Ф. Шалькевіч // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск, 2002.

Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. – СПб., 1908.

Шекун, А. В. Селища IX–XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра / А. В. Шекун, Е. М. Веремейчик // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: сб. науч. тр. – Киев, 1988. – С. 93–109.

Шероцкий, К. Софийский собор в Полоцке / К. Шероцкий // Зап. отд. русской и славянской археологии имп. Российского археол. общ-ва. – Пг., 1815. – Т. 10. – Ч. 2. – С. 79–80.

Шмидт, Е. А. О смоленских длинных курганах / Е. А. Шмидт // Славяне и Русь. – М., 1968. – С. 224–229.

Шмидт, Е. А. Археологические культуры второй половины I тысячелетия н. э. в Смоленском Поднепровье и Подвинье / Е. А. Шмидт // ГАЗ. – 2005. – № 20. – С. 69–72.

Штыхаў, Г. В. Пытанні гістарычнай тапаграфіі Полацка / Г. В. Штыхаў // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1963. – № 2. – С. 63–77.

Штыхаў, Г. Ажываюць сівыя стагоддзі / Г. Штыхаў. – Мінск, 1974.

Штыхаў, Г. 3 часоў Рагнеды / Г. Штыхаў // Беларусь. – 1985. – № 2. – С. 18–19.

Штыхаў, Г. В. Гарадзішча Гарадзец на рацэ Мнюта / Г. В. Штыхаў // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці. – Мінск, 1985а. – С. 169–174.

Штыхаў, Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў ; пад. рэд. М. А. Ткачова. – Мінск, 1992.

Штыхаў, Г. В. Старажытныя дзяржавы на тэрыторыі Беларусі / Г. В. Штыхаў. – Мінск, 1999. – (Гісторыя Бацькаўшчыны – дадатак да часопіса «Права і эканоміка»).

Штыхаў, Г. В. Палітычная гісторыя Полацкай зямлі / Г. В. Штыхаў, В. М. Ляўко // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2000. – Т. 1. – С. 175–183.

Штыхаў, Г. В. Дасягненні і перспектывы археалагічнага вывучэння Полацка / Г. В. Штыхаў // ГАПІЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Полацк, 24–25 кастр. 2007 г. – Полацк: НПП КМЗ, 2007. – Полацк, 2009. – С. 352–361.

Штыхаў, Г. В. Крывічы / Г. В. Штыхаў // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. – Мінск, 2009а. – Т. 1: А–К / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 471–472.

Штыхов, Г. В. Древнеполоцкое каменное зодчество / Г. В. Штыхов // Белорусские древности. Доклады к конференции по археологии Белоруссии. – Минск, 1967. – С. 260–275.

Штыхов, Г. В. Происхождение и материальная культура древнерусских городов Белоруссии – Полоцка и Витебска (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов // I Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej, Warszawa, 14–18.09.1965. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1968. – Т. IV. – S. 407–421.

Штыхов, Г. В. Археология Полоцкой земли за 50 лет / Г. В. Штыхов // Древности Белоруссии. – Минск, 1969. – С. 118–129.

Штыхов, Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма / Г. В. Штыхов. – Минск, 1971. – Вып. 2.

Штыхов, Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск, 1975.

Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск, 1978.

Штыхов, Г. В. Киев и города Полоцкой земли / Г. В. Штыхов // Киев и Западные земли Руси в IX–XIII вв. – Минск, 1982. – С. 45–80.

Штыхов, Г. В. Киев и древние города Белоруссии Г. В. Штыхов // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С. 56–57.

Штыхов, Г. В. Прошлое города по археологическим раскопкам и летописям / Г. В. Штыхов // Полоцк: ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: П. Т. Петриков (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1987. – С. 8–18.

Штыхов, Г. В. Принципы анализа материалов о возникновении и развитии городов Древней Руси / Г. В. Штыхов // Študijné zvesti archeologického ústavu slovenskej akadémie vied. – Nitra, 1988. – Т. 25. – С. 169–176.

Штыхов, Г. В. Средневековые города Беларуси и их предшественники (к проблеме восточнославянского протогорода) / Г. В. Штыхов // Вестн. ПГУ. Сер. А, Гуманит. науки. – 2008. – № 1. – С. 2–6.

Шчакаціхін, М. Фрэскі Полацкага Барысаглебскага манастыра / М. Шчакаціхін // Наш край. – 1925. – № 1.

Шчакаціхін, М. Да архітэктурнай гісторыі Полацкай Сафіі / М. Шчакаціхін // ГАЗ. – 1927. – № 1.

Шчакаціхін, М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. Шчакаціхін. – Менск, 1928. – Т. 1.

Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1972.

Щапов, Я. Н. О судьбе библиотеки Полоцкого Софийского собора / Я. Н. Щапов // Вопросы истории. – 1974. – № 6. – С. 200–204.

Щапов, Я. Н. Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской / Я. Н. Щапов // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976. – С. 262–288.

Щапова, Ю. Л. Стекланные бусы Древнего Новгорода / Ю. Л. Щапова // Тр. Новгородской археолог. экспедиции // МИА. – М., 1956. – Вып. 55. – С. 164–179.

Щеглова, В. В. Роль охоты в снабжении мясом населения на территории Беларуси в X–XIV вв. / В. В. Щеглова // Сярэднявекавыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і даследаванні: зб. арт. / пад рэд. В. М. Ляўко. – Мінск, 1993. – С. 74–83.

Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1993–2003. – Т. 2: Беліцк–Гімн / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – 1994. – 537 с. : іл. ; Т. 6, кн. 1: Пузыны–Усяя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2001. – 591 с. : іл.

Юшков, С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси / С. В. Юшков. – М. ; Л., 1939.

Ягораў, Д. Падуанскі універсітэт у XV–XVI стагоддзях / Д. Ягораў // Чатырохсотлеце беларускага друку. 1525–1925. – Мінск, 1926. – С. 28–38.

Якимович, Ю. А. Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII в.: справ. пособие / Ю. А. Якимович. – Минск, 1991.

Янин, В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период / В. Л. Янин. – М., 1956. – С. 79, 87.

Янин, В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. / В. Л. Янин. – М., 1970. – Т. 1.

Янин В. Л. «Память, как торговали доселе новгородцы» (к вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.) / В. Л. Янин // ВИД. – 1985. – Т. XVI. – С. 98–114.

Янин, В. Л. Новгород в XIII в.: внешний фактор и состояние культуры / В. Л. Янин // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века: тез. докл. – СПб., 1994.

Янин, В. Л. Основные итоги археологического изучения Новгорода / В. Л. Янин // Труды VI МКСА. – М., 1997. – Т. 2: Славянский средневековый город. – С. 6–12.

Яніцкая, М. М. Вытокі шкларобства Беларусі / рэд. Г. В. Штыхаў / М. М. Яніцкая. – Мінск, 1980.

Янушкевіч, А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. / А. М. Янушкевіч. – Мінск, 2007.

Ярашэвіч, А. Полацкі кляштар бернадзінцаў / А. Ярашэвіч // Гісторыя Беларусі: энцыкл.: у 6 т. – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 536.

Ярошевич, А. А. Иконы белорусской школы в коллекции Полоцкого историко-культурного заповедника / А. А. Ярошевич // Художественная галерея в Полоцке. – Минск, 2009. – С. 19–25.

Ярошевич, А. А. Иконы из экиманской церкви в коллекции Полоцкого историко-культурного заповедника / А. А. Ярошевич // ГАППЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Полацк, 24–25 кастр. 2007 г. – Полацк: НППКМЗ, 2007. – Полацк, 2009а. – С. 233–237.

Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego (AZS WKL). – Warszawa, 2009. – T. 2: Opracował H. Lulewicz.

Album studiosorum Universitatis Cracoviensis. – Cracoviae, 1892. – T. 2 (ab anno 1490 ad annum 1551). Editionum curavit Adam Chmiel.

Alexandrowicz, S. Miasteczka Białorusi i Litwy jako ośrodki handlu w XVI i I połowie XVII wieku / S. Alexandrowicz // Rocznik białostocki. – Białystok, 1961. – S. 63–130.

Alexandrowicz, S. Geneza i rozwój sieci miasteczek Białorusi i Litwy do połowy XVII w. / S. Alexandrowicz // Acta Baltico – Slavica. – 1970. – N 7. – S. 47–108.

Alexandrowicz, S. Źródła kartograficzne do wyprawy połockiej Stefana Batorego roku 1579 / S. Alexandrowicz // Od armii koputowej do narodowej (XV–XX w.) / red. Z. Karpus, W. Rezmer. – Toruń, 1998. – S. 17–43.

Aleksandrowicz, St. Nowe źródło ikinograficzne do oblężenia Połocka w 1579 r. / St. Aleksandrowicz // Kwartalnik historii kultury materialnej. – Warszawa, 1971. – T. 19, N 1.

Anteins, A. Melnais metals Latvija / A. Anteins. – Rīga, 1976.

Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD). Главный архив актов древних в Варшаве. – Archiwum Radziwiłłów (AR). – Dz. II. Supplement. – Sygn. 653; Dz. II. Sygn. 1288, 1289, 1290; Dz. IV. Ks. 46; Nr 464, 638, 217, 218; Dz. V. Nr. 10, 2147. Cz. 3; Nr 2150, 2152, 7277, 7279, 7293, 11914, 13085, 15669, 16717, 16680, 16680, 16680, 17702. Cz. 4; Nr 17702. Cz. 4; Nr 17702. Cz. 2; Dz. VI. Nr 80a; Sygn. 871, 872, 879; Dz. XXIII. Teka 18. Plik 1; – Archiwum Potockich z Radzyna (APR). – Nr 322. Пагинация отсутствует. – 1570 г. сентября 19. «Списане селищъ именей куриловъскихъ»; – Archiwum Publiczne Potockich (APP). – Nr. 133, 163a. T. 26; – Archiwum Roski (AR). – Nr LII/7; – Metryka Koronna (MK). – Ks. 33; – Zbiór materiałów różnej prowincji (ZMRP). – Sygn. 303. Nr. 154.

Archiwum Państwowe, oddział na Wawelu (AP). – Archiwum Młynowski Chodkiewiczów. – Sygn. 1282; – Archiwum Sanguski. – Teki rzymskie LVIII; – Sygn. 518.

Baranowski, A. Urbanistyka Połocka w okresie baroku / A. Baranowski // Kwartalnik architektury i urbanistyki. – 1994. – T. 39, z. 1. – S. 25–34.

Bektineev, Sh. Polotsk-Vitebsk money-weight system of the second half of XIII–XIV centuries / Sh. Bektineev // XIII International congress of prehistoric and protohistoric sciences Forli-Italia – 8/14 september 1996. 2 abst. : The workshops and the of XIII International congress... – Forli, 1996. – P. 344–345.

Biblioteka Jagiellońska. – Sygn. 24/61, 6640.

Biblioteka książąt Czartoryskich (BCz). – Sygn. 594, 695, 3843, 3851, 5790.

Biblioteka Narodowa (BN). – BOZ. – Sygn. 939, 941, 3285. – Cz. 1.

Biblioteka Ossolińskich. – Sygn. 185.

- Biblioteka PAN PAU w Krakowie.* – Sygn. 328, 5999.
- Biblioteka Polskiej akademii nauk i Polskiej akademii Umiejętności (Biblioteka PAN PAU).* – Sygn. 328, 361.
- Biblioteka uniwersytetu Warszawskiego.* – Akc. 418, b. p.
- Bohdziewicz, P.* O istocie i genezie baroku wileckiego z drugiej i trzeciej czwierci XVIII wieku / P. Bohdziewicz // *Prace i materiały sprawozdawcze Sekcji Historii Sztuki TPN w Wilnie.* 1938–1939. – T. III. – S. 240–263.
- Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemino illustrans. Gedemino laiškai /* Tekstus, vertimus bei komentarus par. S. C. Rowell. – Vilnius, 2003.
- Czepe, M.* Kamaryla pana z Dukli. Kształtowanie się obozu politycznego Jerzego Augusta Mniszcha 1750–1763 / M. Czepe. – Warszawa, 1998.
- Dąbrowska, M.* Kafele i piece kafłowe w Polsce do końca XVIII w. / M. Dąbrowska // *Studia i Materiały z Historii Kultury Materialnej.* – 1987. – T. LVIII.
- Daniłowicz, J.* Skarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, krylewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyrażenia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im Krajów: t. 1–2 / J. Daniłowicz ; zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz ; z pozgonnych rękopisów znajdujących się w bibliotece muzeum Wilecki wydał Jan Sidorowicz. – Wilno, 1860. – T. 1.
- Das Rigische Schuldbuch (1286–1352) /* Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften ; herausgegeben H. Hildebrand. – St. Petersburg, 1872.
- Diariusze sejmowe z wieku XVIII.* – Warszawa, 1911. – T. 2; 1937. – T. 3.
- Dyaryusze sejmowe roku 1597.* – Kraków, 1907.
- Hlinka, B.* Peníze poklady padelky (Mince a jejich nálezy československém území) / B. Hlinka, P. Radoměský. – Praha, 1975.
- Hołubowicz, W.* Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi / W. Hołubowicz. – Toruń, 1950.
- Kadulska, I.* Akademia Połocka u progu działalności / I. Kadulska // ГАППЗ / Матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Полацк, 24–25 кастр. 2007 г. – Полацк: НППКМЗ, 2007. – Полацк, 2009. – С. 245–251.
- Katalog rysunków architektonicznych ze zbiorów Muzeum Narodowego w Krakowie.* – Warszawa, 1975. – T. I: Rysunki Napoleona Ordy.
- Kiersnowski R.* Wielka reforma monetarna XIII–XIV w. / R. Kiernowski. – Warszawa, 1969. – Cz. 1.
- Klápště, J.* Studie o středověké studně z Mostu / J. Klápště // *Památky archeologické.* – 1983. – R. LXXIV. – S. 443–492.
- Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej (KDKDW) /* wydali ks. Jan Fijałek, Władysław Semkowicz. – Kraków, 1948. – T. 1.
- Kognowicki, K.* Przydatek do dziejów i procedencji domu Sapieżyńskiego / K. Kognowicki. – 1754.
- Konopczyński, W.* Polska w dobie wojny siedmioletniej / W. Konopczyński. – Kraków ; Warszawa, 1911. – T. 2.
- Konopczyński, W.* Sejm grodzieński 1752 roku / W. Konopczyński. – Lwów, 1912.
- Kosińska, U.* Sejm 1719–1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego / U. Kosińska. – Warszawa, 2003.
- Kosman, M.* Dokumenty wielkiego księcia Witolda / M. Kosman // *Studia Źródłoznawcze.* – 1971. – T. 16. – S. 139–169.

Kowalczyk, J. Latynizacja i okcydentalizacja architektury grecko-katolickiej w XVIII w. / J. Kowalczyk // *Biuletyn Historii Sztuki*. – 1980. – R. XLII, nr. 304. – S. 347–364.

Kowalczyk, J. Późnobarokowa architektura Wilna i jej europejskie zwizki / J. Kowalczyk // *Biuletyn Historii Sztuki*. – 1993. – R. LV, nr. 2–3. – S. 169–195.

Kozubowski, G. Monety księstwa Kijowskiego w XIV w. / G. Kozubowski // *Wiadomości numizmatyczne*. – Warszawa, 1994. – N 3–4 (149–150). – S. 121–140 ; 7 ryc.

Kruppé, J. Garnczarstwo warszawskie w wiekach XIV i XV / J. Kruppé. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1967.

Kruppé, J. Garnczarstwo późnośredniowieczne w Polsce / J. Kruppé // *SMHKM*. – 1981. – T. LIII. – Cz. 1. Tekst.

Kurier Polski. – 1738. Nr. LX, [5 III]; 1756. Nr. CLXV.

Latvijas Valsts Vēstures Arhivs (LVVA) – Латвийский государственный исторический архив. – Ф. 673. – Оп. 4. – Ящ. 19. – Nr. 97, 110; Ф. 8. – Оп. 4. – Nr. 24.

Lietuvos Metrika (LM) (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVIa. pabaigos kopija) / par. E. Gudavičius, J. Karpavicienė, G. Kirkienė ir kt. – Vilnius, 1997. – Kn. 224.

Lietuvos Metrika (LM) (1522–1529). Užrašymų knyga 12 / par. D. Antanavičius, A. Baliulis ; *Lietuvos istor. inst.* – Vilnius, 2001. – Kn. 12.

Lietuvos Metrika (LM) (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / par. K. Pietkiewicz. – Vilnius, 2002. – Kn. 9.

Lietuvos Metrika (LM) (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / par. A. Baliulis. – Vilnius, 2007. – Kn. 6.

Lietuvos Metrika (LM) (1524–1529). Užrašymų knyga 14 / par. L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba) ; *Lietuvos istor. inst.* – Vilnius, 2008. – Kn. 14.

Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka (LMAB). – F. 139. *Корреспонденция Канег.* – B. 443, 1263, 2206, 2203, 2554, 2559, 3091, 4061, 4684, 4002, 4063, 4063, 4193.

Lietuvos Valsts Valstībės Arhivs (Lietuvos VVA). – Ф. 599. – Оп. 1. – Д. 313. – Л. 18.

Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas (LVIA). – *Древние акты 81*; – *Древние акты 95*; – *Древние акты 127*; – F. 1135. *Товарищество приятелей науки в Вильне*. – Оп. 2. Nr 101; Оп. 14. B. 3, 14, 23, 32; F. 598. B. 125; F. 599. Ap. 1. B. 3, 43.

Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (LECUB): Abt. 1: Bd. 1–12, Abt. 2: Bd. 1–3 / Herausgegeben von Fr. G von Bunge. – Reval, Riga, Riga-Moskau: Druck von Heinr. Laakmann in Dorpat, 1853–1914. – Abt. 1, Bd. 3: Jahre 1368–1393. – 1857.

Lorentz, St. Jan Krzysztof Głubitz, architekt wileński XVIII wieku. Materiały do biografii i twórczości / St. Lorentz. – Warszawa, 1937.

Lorentz, St. O architekturze wileńskiej / St. Lorentz // *Biuletyn Historii Sztuki*. – Warszawa, 1993. – R. LV, nr. 2–3. – S. 153–169.

Łowmiański, H. Geneza ziemi Połockiej / H. Łowmiański // *Z Potockich sławistycznych*. – Warszawa, 1968. – Seria 3.

Łopaciński, E. Materyały do dziejów rzemiosła artystycznego w W. Ks. Litewskim. XV–XIX w. / E. Łopaciński. – Warszawa, 1946.

Łopaciński, E. Nieznane dane archiwalne i wiadomości źródłowe do historii sztuki Wilna i b. W. K. Litewskiego do początków XIX w. / E. Łopaciński // *Prace i materiały sprawozdawcze Sekcji Historii sztuki Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie*. – 1938–1939. – T. 3. – S. 49–107.

Łoza, St. Architektki i budowniczy w Polsce / St. Łoza. – Warszawa, 1954.

Lustrator Połocki z Dobr Ex – Iezuickich, ad Archivum J. O. Xcia, Jmci. Radziwiłła, Mar. Gener. Konf. : WXL. C. D., rykanic, 1774 r. // НІПГКМЗ, книга паступленняў-17, № 20222.

Mazur, A. Wczesnośredniowieczne noże dziwerowane z Wrocławia / A. Mazur, E. Nosek // Kwartalnik historii nauki i techniki. – 1972. – R. 17, N 2.

Metryka Litewska. Księga wpisów nr 131. – Warszawa, 2001.

Mienicki, R. Trzy dokumenty z wieku XV dotyczące ziemi połockiej / R. Mienicki // Odbitka z «Ateneum Wileńskiego». – Wilno, 1931. – T. VII, z. 3–4.

Modzelewski, K. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego X–XIII wiek / K. Modzelewski. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1975.

Monumenta Poloniae Historica. – Lwów, 1888. – T. V.

Morelowski, M. O Katedrze unickiej w Połocku / M. Morelowski // Prace Komisji Historii Sztuki. – 1922. – T. II. – S. LXXXIX–XC.

Morelowski, M. Problemy wileńskiej architektury barokowej XVII–XVIII w. / M. Morelowski // Prace i materiały sprawozdawcze sekcji historii sztuki t-wa przyj. nauk. – Wilno, 1935. – T. 2. – S. 246–269.

Mühle, E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Ruß : Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte bis gegen Ende des 12 Jahrhunderts / E. Mühle. – Stuttgart, 1991.

Nielsen, H.-O. Röntgenologische und metrische Untersuchungen am zwei Kugel-Gewichtssätzen aus Haithabu / H.-O. Nielsen // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. – Neumünster. – 1983. – Bd. 18.

Numismatische Zeitschrift. – 1929. – N 62.

Palkij, H. Praca komisji aukcji wojska w latach 1736–1738 / H. Palkij // Kwartalnik Historyczny. – 1999. – Z. L. – S. 19–44.

Palkij, H. Sejmy 1736 i 1738 roku. U początków nowej sytuacji politycznej w Rzeczypospolitej / H. Palkij. – Kraków, 2000.

Paszenda, J. Połock (Polocia), kolegium 1580–1820 / J. Paszenda // Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995. – Kraków, 1996. – S. 524–528.

Paszenda, J. Wpływ pożarów Wilna na architekturę późnego baroku / J. Paszenda // Sztuka ziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. / red. Jerzy Lileyko / LUBLIN / Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Istnieje od roku 1934. Źródła i monografie. – 2000. – S. 487–494.

Piniński J. Jesze o reformie monetarnej Karola IV / J. Piniński // WN. – 1970. – N 4. – S. 225–231.

Piontek, J. Biologia populacji pradziejowych. Zarys metodyczny / J. Piontek. – Poznań, 1996.

Pleiner, R. Rediscovering the techniques of early European blacksmiths / R. Pleiner // Archaeology. – New York, 1963. – Vol. 16, N 4.

Pleiner, R. Die Technologie des Schmiedes in der Grossmährischen Kultur / R. Pleiner // SA. – 1967. – T. XV.

Pleiner, R. Die Technik der Schmiede im mittelalterlichen Prag / R. Pleiner // Archaeologica Pragensia. – Praha, 1991. – N 11.

Podwińska, Z. Zmiany form osadnictwa wieskiego na ziemiach polskich we wcześniejszym średniowieczu. Zreb. Wieś. Opole / Z. Podwińska. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1971.

Poplatek, J. Słownik jezuitów artystów / J. Poplatek, J. Paszenda. – Kraków, 1972.

Pucko W. Połocki relief steatitowy i problem zahodnich wpływów w sztuce ruskiej XII wieku / W. Pucko // Biuletyn Historii Sztuki. – 1983. – R. XLV, nr. 3–4. – S. 259–264.

Pucko, W. Княжий двор в Киеве / W. Pucko // Zamek i dwór w Średniowieczu od XI do XV wieku: Materiały XIX Seminarium Mediewistycznego. – Poznań, 2001. – S. 83–91.

Rachuba, A. Sapięha Jerzy Stanisław / A. Rachuba // PSB. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1993. – T. XXXV/1, z. 144. – S. 18–22.

Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa, 2002.

Radziwiłł, B. Autobiografia / oprac. T. Wasilewski / B. Radziwiłł. – Warszawa, 1979.

Radziwiłł, A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. 1647–1656 / A. S. Radziwiłł. – Warszawa, 1980. – T. 3.

Rębkowski, M. Średniowieczna ceramika miasta lokacyjnego w Kołobrzegu / M. Rębkowski. – Kołobrzeg, 1995.

Rohdewald, S. Ot veče k gorodskomu sovetu: o razvitii organov polotskich gorozhan do načala XIV veka / S. Rohdewald // Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі: зб. навук. прац. – Наваполацк, 2001. – С. 15–25.

Rohdewald, S. «Vom Polocker Venedig». Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost-und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. Bis 1914) / S. Rohdewald. – Stuttgart, 2005.

Rostkowska, B. Dewocjonalia: medaliki i krzyżyki. Tkaniny ozdobne / B. Rostkowska // Sandomierz: badania 1969–1973. T. 2 / Polskie badania archeologiczne. – 1996. – T. 32. – S. 405–422.

Rowell, S. C. A pagan's word: Lithuanian diplomatic procedure 1200–1385 / S. C. Rowell // Journal of Medieval History. – 1992. – Vol. 18, N 4. – P. 145–160.

Rozprawy československe Akademie. Ved. – 1957. – R. 67. – Seš. 11. – S. 58.

Ruszkowska, M. Osadnictwo wczesnośredniowieczne równiny Praskiej i okolic Radzymina (w świetle badań wykopaliskowych i archeologicznego zdjęcia Polski) / M. Ruszkowska // Hereditatem cognoscere. Studia i szkice dedykowane profesor Marii Miśkiewicz / pod red. Z. Kobylińskiej. – Warszawa, 2004. – S. 181–193.

Sawicki, M. Stronnictwo dworskie w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1648–1655 / M. Sawicki. – Opole, 2010. – S. 130.

Skibiński, M. Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję austriacką / M. Skibiński. – Kraków, 1913. – T. 1.

Słupecki, L. P. Osady służebne pod Sandomierzem i Zawichostem / L. P. Słupecki // Kwartalnik historii kultury materialnej. – 1992. – R. XL, N 2. – S. 153–165.

Strykowski, Maciej. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi: w 2 t. / Maciej Strykowski. – 3-e wyd. – Warszawa, 1846. – T. 1–2.

Topolska, M. Społeczeństwo i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII wieku / M. Topolska. – Poznań ; Zielona Góra, 2002.

Ubelaker, D. H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation / D. H. Ubelaker. – Washington, 1989.

Urtans, V. Senakie depoziti Latvija / V. Urtans. – Riga, 1977.

Volumina Legum. – Petersburg, 1860. – T. 6.

Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795 / J. Wolff. – Kraków, 1885.

Wyrobisz, A. Szkło w Polsce od XIV do XVII w. / A. Wyrobisz. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1968.

Wyrobisz, A. Wytwórczość szklarska od połowy XIII do połowy XVII w. / A. Wyrobisz // Polskie szkło do połowy XIX w. / A. Wyrobisz. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1987. – S. 48–62.

Фота 1. Прывітальны зварот да ўдзельнікаў канферэнцыі акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі А. А. Кавалені

Фота 2. Адкрыццё Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1150-годдзю г. Полацка, старшынёй Полацкага гарадскога выканаўчага камітэта А. Р. Пазняком

Фота 3. Прывітанне ўдзельнікаў канферэнцыі дырэктарам Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі В. В. Даніловічам

Фота 4. Удзельнікі Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1150-годдзю г. Полацка, у зале пасяджэнняў

Фота 5. Выступленне на пленарным пасяджэнні загадчыцы Цэнтрам гісторыі даіндустрыяльнага грамадства Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі В. М. Ляўко

Фота 6. Прывітанне ўдзельнікаў канферэнцыі рэктарам Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта Д. М. Лазоўскім

Фото 7. Падвеска-крыжык: *а* – верхні бок; *б* – адваротны бок. Бронза. XI–XII стст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2006 г.

Фото 8. Бранзалет (*фрагмент*). Бронза. XI–XII стст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2006 г.

Фото 9. Пярсцёнак (*фрагмент*). Серабро. XI–XII стст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2006 г.

Фота 10. Гузік

Фота 11. Нарыхтоўка

Фота 12. Злітак

Бронза. XI–XII стст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2006 г. (фота 10–12)

Фота 13. Пацерка. Сердалік. XI–XII стст.
Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2006 г.

Фота 14. Пацерка. Шкло. XI–XII стст.
Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2006 г.

Фота 15. Донца гаршка. Гліна. XI–XII стст.
Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2006 г.

Фота 16. Накладка паясная. XI ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 17. Паясныя накладкі (а, б) і спражка (в). Бронза. XI – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 18. Падвеска са знакам Рурыкавічаў: а – верхні бок; б – адваротны бок. Бронза, зверху было сярэбранае пакрыццё. XI ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука, А. Л. Коца. 2012 г.

Фота 19. Абраз (*верхні бок*). Бронза. XI ст. – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 20. Завушніца. Бронза, серабро. XI ст. – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 21. Падвеска (*верхні бок*). Бронза. XI ст. – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 22. Падвеска крыж нацельны (*верхні бок*). Бронза. XI ст. – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 23. Бранзалет. Бронза. XI ст. – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 24. Ключык. Бронза. XI ст. – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 25. Гірка-разнавага. XI ст. – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

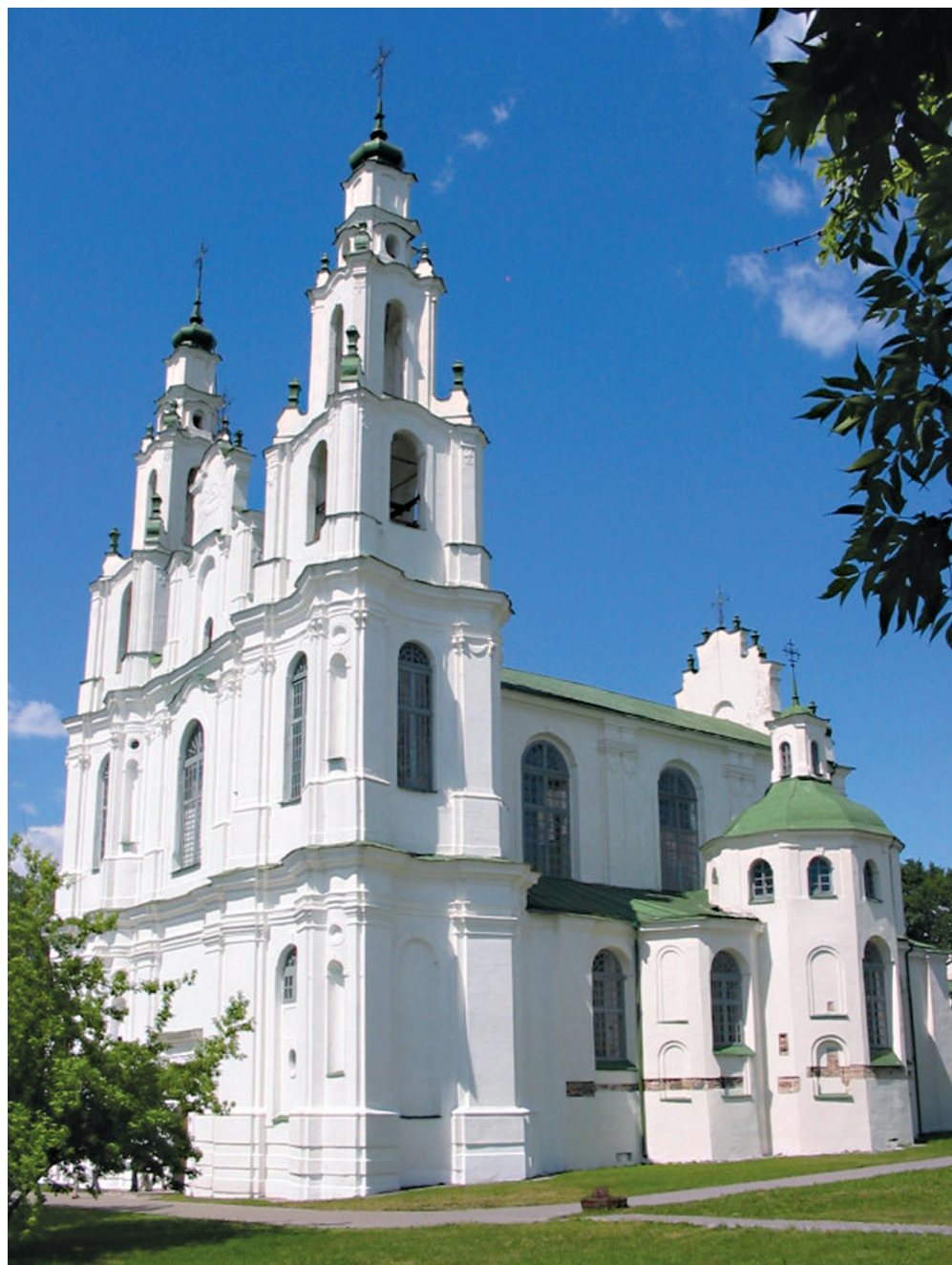
Фота 26. Пломба (верхні бок). Свінец. XI ст. – першая палова XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 27. Актавая пячатка (епіскапская ?) (верхні бок). Свінец. XI ст. – пачатак XII ст. Запалоцкі пасад. Раскопкі Д. У. Дука. 2012 г.

Фота 28. Актавая пячатка (верхні бок). Свінец. XI ст. Запалоцкі пасад. 2012 г. Прыватная калекцыя

Фота 29. Сафійскі сабор XVIII в. з фрагментамі апсід XI в. Сучасны выгляд. Полацк

Фота 30. Распіс алтара з выявай нагі апостала (фрагмент). Сафійскі сабор. Полацк

Фота 31. Распіс алтара з трохкутнікам (фрагмент). Сафійскі сабор. Полацк

Фота 32. Фрэска на слупе Сафійскага сабора (фрагмент). Полацк

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Левко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром истории доиндустриального общества Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: этно- и культурогенез славян, формирование и развитие раннегосударственных структур, территориально-административных образований IX–XVIII вв., внедрение археологии в сферу образования, культуры и туризма. Открыла и возглавила новое научное направление в Беларуси – археологическое исследование памятников XIV–XVIII вв. В числе приоритетных научно-исследовательских проектов – создание научно-музейной археологической экспозиции Института истории НАН Беларуси. Автор 10 монографий, 2 учебных пособий для вузов, 208 научных, около 200 энциклопедических и популярных статей по истории и археологии, научный редактор и автор 8 коллективных (в том числе 5 фундаментальных) трудов, ряда научных сборников.

Штыхов Георгий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела археологии средневекового периода Института истории НАН Беларуси. Лауреат Государственной премии Беларуси (1990). Сфера научных интересов: археология и история Беларуси VI–XIII вв., история Полоцкой земли, истоки белорусской народности. Автор более 970 публикаций, в том числе 10 монографий (в том числе коллективных), 4 научно-популярных книг, 5 учебных пособий для школы, свыше 300 научных и около 400 энциклопедических статей.

Габрусь Тамара Викторовна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела архитектуры Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы НАН Беларуси, член творческих Союзов архитекторов, художников и писателей Беларуси, член-корреспондент общественной организации «Белорусская Академия архитектуры». Сфера научных интересов: история сакральной архитектуры Беларуси (древнерусский период, готика, ренессанс, барокко). Автор 3 монографий и более 200 публикаций по истории белорусского зодчества в отечественных и зарубежных научных сборниках, коллективных монографиях, энциклопедиях и периодике. Имеет публикации в Италии, Германии, Польше, России, Украине, Литве.

Дук Денис Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории УО «Полоцкий государственный университет». Сфера научных интересов: археология и история Полоцка и Полоцкой земли IX–XVIII вв. Автор 2 монографий, 2 учебно-методических комплексов, более 100 научных статей.

Тарасов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент. Доцент кафедры политологии и гуманитарных дисциплин ЧУО «Институт парламентаризма и предпринимательства». Сфера научных интересов: исследование археологии и истории Полоцка IX–XVIII вв. Автор 2 монографий, более 80 научных статей.

Груша Александр Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: письменная культура Великого Кня-

жества Литовского эпохи Средневековья, специальные исторические науки, публикация исторических источников. Автор 2 монографий, 5 книжных археографических изданий, более 60 научных статей.

Бектинеев Шамиль Иршатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела специальных исторических наук и информационно-аналитической работы. Сфера научных интересов: денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI вв. Автор 1 монографии, 2 брошюр, более 95 статей.

Воронин Василий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент. Доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета УО «Белорусский государственный университет». Сфера научных интересов: история Белорусского Подвинья в составе Великого Княжества Литовского XIII–XVI вв. Автор 1 монографии, 2 книжных археографических изданий, более 70 научных статей.

Скельян Анастасия Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история культуры Великого Княжества Литовского, история повседневности, социальные структуры общества Великого Княжества Литовского в XV–XVII вв. Автор 1 монографии (в соавторстве с Ю. Н. Боханом), более 50 научных статей.

Мацук Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история Великого Княжества Литовского XVIII в., история парламентаризма Великого Княжества Литовского XVIII в., политическая история Полоцкого воеводства XVIII в. Автор 1 монографии, более 45 научных статей.

Климов Марат Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения и использования археологического наследия Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: сельские и городские поселения Полоцкого Подвинья, округа Полоцка, материальная культура средневекового населения Беларуси, социально-экономические отношения в IX–XIII вв. Автор более 60 научных статей.

Войтехович Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологических научных фондов Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история и археология погребальных памятников Полоцкой земли VIII–XII вв. Автор более 30 научных статей.

Емельянчик Ольга Антоновна – старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории УО «Полоцкий государственный университет». Сфера научных интересов: исследования в области биоархеологии. Изучает показатели смертности, скелетные индикаторы стресса, динамику антропологического состава населения Беларуси на протяжении XI–XX вв. Автор более 30 научных публикаций по антропологии древнего населения Беларуси.

Соловьев Александр Александрович – научный сотрудник научно-реставрационного отдела Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Сфера научных интересов: архитектура и археология Полоцка XIV–XVIII вв. Автор 18 публикаций.

Магалинский Игорь Владимирович – старший научный сотрудник научно-реставрационного отдела Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Сфера научных интересов: ювелирное ремесло X–XVII вв., археология Полоцка. Автор 10 публикаций.

Черевко Виктор Владимирович – магистр исторических наук, преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории УО «Полоцкий государственный университет». Сфера научных интересов: погребальные памятники Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв. Автор 7 научных публикаций.

Полоцк : Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О. Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 743 с. : ил. – (Древнейшие города Беларуси).

ISBN 978-985-08-1410-4.

В данной монографии на основе более чем 80-летнего (1928–2011 гг.) историко-археологического исследования Полоцка раскрываются древнейшие страницы истории города, приводятся факты, выдвигаются гипотезы, обосновываются события, имевшие место в действительности. Рассматриваются механизм зарождения Полоцка, его становление и развитие, дается толкование ряду исторических событий и оценка хозяйственно-экономического, социально-политического и культурного значения города на разных этапах эпохи средневековья и раннего нового времени.

Рассчитана на историков, археологов, работников музеев, преподавателей и студентов вузов, а также самый широкий круг читателей, интересующихся древней историей городов нашей Родины.

УДК 94(476.5-21Полоцк)
ББК 63.3(4Бел)

Научное издание
ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДА БЕЛАРУСИ

Левко Ольга Николаевна,
Штыхов Георгий Васильевич,
Габрусь Тамара Викторовна и др.

ПОЛОЦК

Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв.
Летопись древних слоев
Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв.
Ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье
(по данным археологии, нумизматики и письменных источников)
Культура и просвещение в средневековом Полоцке

Редактор *Н. Т. Гавриленко*
Художественные редакторы *В. А. Жаховец, Т. Д. Царёва*
Технический редактор *О. А. Толстая*
Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 07.05.2012. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 60,45 + 1,95 вкл. Уч.-изд. л. 56,4. Тираж 1000 экз. Заказ 1038.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
ЛИ 02330/0494405 от 27.03.2009. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.

Филиал № 1 ОАО «Красная звезда». ЛП № 02330/0494160 от 03.04.2009. Ул. Советская, 80,
225409, г. Барановичи.